

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ

Вячеслав Иванов

Исследования и материалы

IV

Редакторы-составители
Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин

Москва
ИМЛИ РАН
Водолей
2024

Утверждено к печати Ученым Советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Редакторы-составители:

Е.А. Тахо-Годи, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
А.Б. Шишкин, профессор славистики, Университет Салерно,
директор Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме

Рецензенты:

А.В. Лавров, академик РАН, доктор филологических наук,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
В.В. Полонский, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

B99 Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / Российская акад. наук, ИМЛИ РАН; Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. — М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. — 852 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3>
<https://elibrary.ru/CFQBQS>

ISBN 978–5–9208–0782–3

ISBN 978–5–91763–635–1

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет четвертый выпуск серии «Вячеслав Иванов: Исследования и материалы». Российские и зарубежные ученые исследуют поэтику Вяч. Иванова, ее своеобразие, эстетические и историософские традиции (Блаженный Августин, Ф.М. Достоевский), восприятие произведений Иванова В.Я. Брюсовым и Ивановым — драматургии Д.С. Мережковского, взаимосвязи поэта с его современниками (З.Д. Бухарова, Ю.И. Айхенвальд, Ж. Шюзевиля, Д. Папини, слушатели Бакинского университета), выясняют влияние — прямое или типологическое — ивановских идей на исследователей XX в. (М.М. Бахтин, Рене Жирар, Л.А. Гоготышвили). Впервые вводятся в научный оборот драма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Великий Колокол», письма к Иванову Ю.Н. Верховского и О.А. Шор, конспекты заседаний Пушкинского семинария, работавшего в 1920 г. под руководством Иванова, на основе архивных материалов прослеживается роль Иванова при публикации в Италии переводов статей Вл. Соловьева в 1930-е гг., реконструируются подходы Иванова-педагога.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, поэтика, эстетические и историософские традиции, биография, переписка, архивные материалы.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978–5–9208–0782–3

ISBN 978–5–91763–635–1

- © Е.А. Тахо-Годи, сост., ред., 2024
- © А.Б. Шишкин, сост., ред., 2024
- © Коллектив авторов, 2024
- © ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2024
- © Издательство «Водолей», оформление, 2024

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VYACHESLAV IVANOV RESEARCH CENTER IN ROME

Vyacheslav Ivanov

Research and Materials

IV

Edited by

Elena A. Takho-Godi, Andrei B. Shishkin

Moscow
IWL RAS
Vodoley
2024

Approved for publication by the Academical Council
of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Editors

Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Andrei B. Shishkin, Professor of Slavistics, Salerno University;
Head of Vyacheslav Ivanov Research Center in Rome

Reviewers

Aleksander V. Lavrov, Member of the Russian Academy of Sciences,
DSc in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences

Vadim V. Polonsky, Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences,
DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences

Takho-Godi, Elena A., Shishkin, Andrei B., editors

Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, issue 4. Editors and compilers
E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024. 852 p.
(In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3>

ISBN 978–5–9208–0782–3

ISBN 978–5–91763–635–1

Abstract: This is the fourth volume of the series Vyacheslav Ivanov. Research and Materials. Russian and foreign scholars explore Vyacheslav Ivanov's poetics, his originality, the aesthetic and historiosophical traditions that inform it (St. Augustine, Fyodor Dostoevsky), the reception of Ivanov's works by Valery Bryusov, Ivanov's reception of the dramas of Dmitry Merezhkovsky, the poet's relationship to his contemporaries (Zoya Bukharova, Yuly Aikhenwald, Jean Chuzeville, Giovanni Papini, students of Baku University), the influence — direct or typological — of Ivanov's ideas on twentieth-century scholars (M.M. Bakhtin, Rene Girard, Ludmila Gogotishvili). Previously unpublished works are introduced: Lidia Zinovieva-Anibal's drama "The Great Bell", letters to Ivanov by Yury Verkhovsky and Olga Shor, a synopsis of the 1920 Pushkin Seminar that Ivanov led. On the basis of archival materials, Ivanov's role in the publication of Italian translations of Vladimir Solovyov's articles in the 1930s is traced, and Ivanov's pedagogical methods are reconstructed.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, poetics, aesthetic and historiosophical traditions, biography, correspondence, archival materials.

ISBN 978–5–9208–0782–3

ISBN 978–5–91763–635–1

© Takho-Godi E., Shishkin A.,
eds, 2024

© Research Team, 2024

© IWL RAS, 2024

© Vodoley, 2024

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей (Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин).....	9

ИССЛЕДОВАНИЯ

І. РОЕТИСА

<i>Цимборска-Лебода М.</i> (Польша, Люблин) Заветы средневековой философии и эстетики в творчестве Вячеслава Иванова: «над палимпсестом Августиновых словес».....	19
<i>Сегал-Рудник Н.М.</i> (Израиль, Иерусалим) «Петровское на Оке» Вячеслава Иванова: пространство и время	51
<i>Андрущенко Е.А.</i> (Россия, Москва) «...Итог, всенародно и общедоступно подведенный...»: о статье Вячеслава Иванова «Мимо жизни» (1916)	73
<i>Анохина Ю.Ю.</i> (Россия, Москва) Историософские аспекты интерпретации Вячеславом Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе»	102
<i>Каяниди Л.Г.</i> (Россия, Смоленск) «Силоам слепот»: заблуждения и прозрения Валерия Брюсова относительно трагедии Вячеслава Иванова «Прометей»	120
<i>Фетисенко О.А.</i> (Россия, Санкт-Петербург) “Geschenks-Widmung” Вячеслава Иванова: подтекст и контекст.....	139

<i>Маиштакова Л.В.</i> (Россия, Екатеринбург)	
Светильник муз среди бури: контекст последнего послания Вячеслава Иванова Ю.Н. Верховскому	151

II. BIOGRAFICA

<i>Соболев А.А.</i> (Россия, Москва)	
Вячеслав Иванов и Зоя Бухарова	169
<i>Тахо-Годи Е.А.</i> (Россия, Москва)	
Юлий Айхенвальд и Вячеслав Иванов: к постановке темы. Статья первая	190
<i>Приложение I.</i> Письма Ю.И. Айхенвальда к Вячеславу Иванову	212
<i>Приложение II.</i> Ю.И. Айхенвальд, Л.Д. Зиновьева- Аннибал. Трагический зверинец. Рассказы	216
<i>Рудич В.</i> (США, Нью Хейвен)	
Сократ в Баку: Прологомена к педагогике Вячеслава Иванова	228
<i>Гардзонио С., Сульпассо Б.</i> (Италия, Пиза, Рим)	
Переписка Вячеслава Иванова с Дж. Папини	339
<i>Приложение I.</i> Письма Вячеслава Иванова к Дж. Папини	355
<i>Приложение II.</i> Письма Дж. Папини к Вячеславу Иванову	361
<i>Приложение III.</i> Письмо Дж. Папини к Димитрию Вячеславовичу Иванову	363
<i>Гамалова Н.</i> (Франция, Лион)	
Знакомство Вячеслава Иванова и Жана Шюзевиля в Риме.....	367
<i>Приложение.</i> Шюзевиля Жан. Первый Дионисиец русской поэзии	386

III. MAEUTICA

<i>Рудич В. (США, Нью Хейвен)</i>	
Сакральность жертвы: Вячеслав Иванов и Рене Жирар	393
<i>Федотова С.В. (Россия, Москва)</i>	
«Загадки лингвистического Сфинкса»:	
Вячеслав Иванов и Михаил Бахтин в интерпретации	
Л.А. Гоготишвили	410
<i>Приложение. Гоготишвили Л.А. Символизм</i>	450
<i>Созина Е.К. (Россия, Екатеринбург)</i>	
О символах Вячеслава Иванова: метод Л.А. Гоготишвили.....	472
<i>Демиденко Ю.Б. (Россия, Санкт-Петербург)</i>	
«Древний ужас» Л. Бакста: к реконструкции замысла	501
<i>Приложение. Письмо А.Н. Бенуа к Вячеславу Иванову</i>	523

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Драма «Великий Колокол» /</i>	
<i>Предисловие А.Б. Шишкина, подготовка текста</i>	
<i>Н.И. Яковлевой и А.Б. Шишкина</i>	531
Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову /	
<i>Предисловие, подготовка текста и примечания</i>	
<i>А.Л. Соболева</i>	572
<i>Приложение. Список взаимных стихотворных</i>	
<i>посвящений, оставшихся за пределами публикации</i> ...	691
Вячеслав Иванов, Николай Бердяев и другие на заседаниях	
Пушкинского семинария в 1919 г.: конспекты И.А. Кашкина /	
<i>Предисловие и примечания Е.В. Глухой, подготовка</i>	
<i>текста Е.В. Глухой и О.Л. Фетисенко</i>	703
Из писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову / <i>Предисловие,</i>	
<i>подготовка текста и примечания О.Л. Фетисенко</i>	742

Содержание

Ланда К. (Италия, Болонья)

Вячеслав Иванов в переписке с итальянскими
католическими литераторами 1930–1940-х гг.: к вопросу
об истории издания переводов Владимира Соловьева
в Италии..... 783

Contens 820

Указатель имен..... 824

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-9-13>

<https://elibrary.ru/RFPYBW>

Редакционная статья /

Editorial

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. *Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемое вниманию издание — четвертый том серии «Вячеслав Иванов: Исследования и материалы».

Становление серии шло постепенно. Первые подступы к ней были сделаны ровно 30 лет назад, когда сотрудником Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН Николаем Всеволодовичем Котрелевым (1941–2021), известным исследователем творчества Вячеслава Иванова, был подготовлен в 1994 г. специальный выпуск «Вячеслав Иванов. Материалы и публикации» в журнале «Новое литературное обозрение». Составитель ставил своей целью прежде всего познакомить читателей с личностью поэта и его «словом в богатстве и глубине его истории» [6].

Спустя два года, в 1996 г., в ИМЛИ РАН по инициативе заведующего отделом русской литературы конца XIX — начала XX в. Всеволода Александровича Келдыша (1929–2024) при деятельном участии Инны Витальевны Корецкой (1921–2003) был подготовлен коллективный труд «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования». В этой книге освещались разные грани творческой личности Вяч. Иванова, стихотворца и эстетика, мыслителя, публициста, напечатаны письма поэта из архивохранилищ России, его письма к детям из Римского архива Иванова (РАИ) и воспоминания Д.В. Иванова об отце [5].

В 1999 г. усилиями Людмилы Арчиловны Гоготишвили (1954–2018), сотрудницы Института философии РАН, специалиста по философии языка русского символизма (Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, а также М.М. Бахтина), и Александра Торгомовича Казаряна (1944–2019), в то время главного редактора религиозно-философского журнала «Начала» и декана философско-богословского факультета Российского Православного университета св. апостола Иоанна Богослова, вышел сборник «Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования». Издание ставило своей задачей продолжение начатой работы по публикации, текстологическому, фактографическому и содержательному комментированию архивных материалов, связанных с творчеством, биографией и рецепцией Вяч. Иванова [1].

Однако только в связи с началом работы в ИРЛИ («Пушкинский Дом») РАН по изданию малого академического собрания сочинений Вяч. Иванова было принято решение об учреждении специальной серии «Вячеслав Иванов: Исследования и материалы».

В первом выпуске серии, вышедшем в свет в 2010 г., внимание было сосредоточено на таких важных для Вяч. Иванова темах, как античное предание и христианство, ветхозаветная и новозаветная традиции, евангельская экзегеза, средневековая теология и антропология, европейский и христианский гуманизм, поэтика русского и европейского символизма, стихотворные жанры, переводческое искусство. Публикация переписки с В.В. Бородаевским, М. Горьким, Э. Ло Гатто и В.А. Мануйловым дополнила сведения об окружении, творческих контактах и замыслах поэта. В основу книги легли материалы IX Международной Ивановской конференции «Поэт — мыслитель — ученый. К 140-летию со дня рождения Вячеслава Иванова», состоявшейся в Москве в 2006 г. [2].

Материалы международной конференции «Вячеслав Иванов и дионисийство: *Disputatio metaphysica et culturalis*», прошедшей в Санкт-Петербурге в 2015 г., были включены во второй выпуск серии. Это предопределило два основные тематические направления сборника: во-первых, исследование концепции дионисийства в творчестве Вяч. Иванова, ее генетические, интертекстуальные и

рецептивные аспекты; во-вторых, изучение историко-религиозной проблематики, в том числе участия Вяч. Иванова в деятельности петербургского Религиозно-философского общества [3].

Третий выпуск был посвящен философской и театрально-музыкальной проблематике в творчестве Вяч. Иванова, исследованию его поэтики и стихосложения. Были освещены различные стороны биографии Иванова: студенческие годы в Берлине, переселение в Москву в 1913 г., сотрудничество с Наркомпромом, взаимоотношения с К. Чуковским. Впервые в научный оборот введены ивановские записи о Э. Гуссерле, целый ряд переводов [4].

Настоящий, четвертый выпуск, подготовленный в отделе русской литературы конца XIX — начала XX в. ИМЛИ РАН, включает в себя два раздела — «Исследования» и «Публикации». В разделе «Исследования» вычленены три основные тематические направления.

Первый («Poetica») — это поэтика Иванова, ее своеобразие и традиции. Здесь рассматриваются влияние Блаженного Августина на эстетику и художественную практику Иванова; трактовка им «Легенды о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского; проблема хронотопа и вопрос о пространственной позиции лирического субъекта в цикле «Петровское на Оке»; итоговая для характеристики религиозно-публицистической деятельности Д. Мережковского статья Иванова «Мимо жизни»; брюсовское восприятие ивановской трагедии «Прометей»; посвященное О.А. Шор стихотворения “*Geschenks-Widmung*” и последнее послание Ю.Н. Верховскому 1944 г.

Второе тематическое направление («Biografica») — это взаимосвязи Иванова с его современниками: с петербургской писательницей Зоей Бухаровой (1876/1877–1941), с критиком Юлием Айхенвальдом (1872–1928), с писателем, поэтом и литературным критиком Джованни Папини (1881–1956), с переводчиком, критиком и поэтом Жаном Шюзевилом (1885–1974), а также на основе переписки со студентами из Бакинского университета (с Н.А. Гуляевой, В.А. Мануйловым, Е.А. Миллиор, К.М. Колобовой и М.С. Альтманом) реконструируются приемы Иванова-педагога.

Третий тематический блок («Maeutica») составляют статьи, выясняющие влияние — прямое или типологическое — ивановских идей на исследователей XX в.: тут и воздействие ивановского круга на замысел картины Л. Бакста «Древний ужас», и параллелизм размышлений Иванова о религии Диониса с воззрениями на происхождение и смысл сакральной жертвы в исследованиях по культурной антропологии Рене Жирара (1923–2015), и новый взгляд на восприятие ивановской мысли М.М. Бахтиным в лингвофилософии Л.А. Гоготишвили. Статьи из этого блока в очередной раз подтверждают мысль о том, что многое из того, что считается открытиями формалистов и структуралистов, уже было артикулировано и значительно более глубоко осмыслено «отцами основателями» символизма, в том числе Вяч. Ивановым.

Статьи из тематического блока «Biografica» хорошо «рифмуются» с разделом «Публикации», где впервые представлены драма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Великий Колокол», письма к Иванову Ю.Н. Верховского и О.А. Шор, конспекты Ивана Кашкина, сделанные в 1920 г. в ходе заседаний Пушкинского семинария, работавшего под руководством Иванова, и прослежена история публикации в Италии в 1930-е гг. переводов «Смысла любви» и «Жизненной драмы Платона» Вл. Соловьева под редакцией Иванова.

Список литературы

Исследования

1. Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М.: Русское слово, 1999. 487 с.
2. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 840 с.
3. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. 509 с.
4. Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 480 с.

5. Вячеслав Иванов. Материалы и исследования / ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М.: Наследие, 1996. 358 с.
6. Вячеслав Иванов. Материалы и публикации / сост. Н.В. Котрелев // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. 312 с. (Историко-литературная серия. Вып. 1)

References

1. Gogotishvili, L.A., and A.T. Kazarian, editors. *Viacheslav Ivanov. Arkhivnye materialy i issledovaniia* [*Vyacheslav Ivanov. Archival Materials and Research*]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1999. 487 p. (In Russ.)
2. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010. 840 p. (In Russ.)
3. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 2, ex. ed. N.Iu. Griakalova, A.B. Shishkin. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)
4. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*]. Issue 3, comp. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)
5. Keldysh, V.A., and I.V. Koretskaia, editors. *Viacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniia* [*Vyacheslav Ivanov. Materials and Research*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 358 p. (In Russ.)
6. “Viacheslav Ivanov. Materialy i publikatsii” [“Vyacheslav Ivanov. Materials and Publications”], comp. N.V. Kotrelev. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 10, 1994. 312 p. (Istoriko-literaturnaia seriia. Vyp. 1) (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЯ

I. POETICA

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-19-50>

<https://elibrary.ru/AWFOYZ>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. М. Цимборска-Лебода

ЗАВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ И ЭСТЕТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: «НАД ПАЛИМПСЕСТОМ АВГУСТИНОВЫХ СЛОВЕС»¹

Аннотация: Материалом исследования являются поэтические, критико-философские и эпистолярные тексты Вяч. Иванова. В качестве продуктивного инструментария используется понятие палимпсеста, присутствующее в дискурсивной практике поэта (перефразированная цитата из его стихотворения применяется в заглавии статьи). Методологическая установка автора соответствует задаче статьи — интерпретации многоступенчатой и многослойной смысловой структуры дискурса Иванова и обнаружению в ней Августинова слоя, явного и запятого. В работе он раскрывается в соотношении с заветами/принципами средневековой эстетики и философии (анагогический смысл, онтологический и аксиологический иерархизм, *поднятие* души потребителя). В центре рассуждений поставлен вопрос об августинизме и его понимании как «доктрины жизни», о его осмыслении у Иванова и представителей европейской интеллектуальной элиты, о его значении для сохранения христианского тезауруса. Предметом подробного истолкования становятся концептуальные модели Августина: концепт воли (человеческой — доброй и злой, и сверхличной), в его взаимосвязи с понятием счастья, а также концепт Истины и лжи. Автор выявляет способы их актуализации и «гиперболического» преобразования в текстах Иванова символистского и постсимволистского периодов, прослеживая значение категории *самоискания* истинного я, трансцензуса, «служения Духу», отзвуки «теологии *conversio*», присутствие триадических фигур в эпистолярных наставлениях и др.

Ключевые слова: эстетика Средневековья, анагогический смысл, палимпсест, Бл. Августин, Жак Маритен, Вяч. Иванов, августинизм/доктрина жизни, Истина/ложь, воля, душа/Дух, *transcensus*.

¹ Переработанный вариант статьи, напечатанной в журнале “Europa Orientalis” (2022, № 41).

Информация об авторе: Мария Цимборска-Лебода — доктор филологических наук, ординарный профессор, Институт языкознания и литературоведения, Университет Марии Кюри-Склодовской, пл. Марии Кюри-Склодовской, д. 4А, 20-031 г. Люблин, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

E-mail: maria.cymborska-leboda@mail.umcs.pl

Для цитирования: *Цимборска-Лебода М.* Заветы средневековой философии и эстетики в творчестве Вячеслава Иванова: «над палимпсестом Августиновых словес» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 19–50.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-19-50>

© 2024. *Maria Cymborska-Leboda*

THE MESSAGE OF MEDIEVAL PHILOSOPHY AND AESTHETICS IN THE WRITINGS OF VYACHESLAV IVANOV: “ABOVE THE PALIMPSEST OF SAINT AUGUSTINE’S WORDS”²

Abstract: The article focuses on Vyacheslav Ivanov’s poetical, critical-philosophical and epistolary writings. They are viewed in the context of palimpsest — the concept that is present in the poet’s discourse (paraphrased citation from his poem appears in the title of the article). Methodological orientation of my study corresponds to its primary objective, which is interpretation of the multilevel and multilayered semantic structure of Ivanov’s text and shedding light on its Augustine layer, which is present both overtly and covertly. I approach this task referring to the principles of medieval aesthetics and philosophy (anagogical sense, ontological and axiological hierarchism, *elevation* of the reader’s/onlooker’s soul). My aim is to look into Augustinianism understood as “doctrine of life”, into its perception by Ivanov and representatives of European intellectual élite, and its role in preserving Christian thesaurus. I examine Ivanov’s conceptual models: his concept of will (man’s will — good and evil, and Higher will), its interrelation with the notion of happiness, and the concept of Truth and lie. I show the ways in which they are present and get “hyperbolically transformed” in Ivanov’s texts of the symbolist and post-symbolist periods. I have a closer look at the meaning of the category of *transcensus* and seeking one’s true self. “serving the Spirit”, echoes of conversion theology, the presence of triad figures in epistolary admonitions and others.

² A revised version of the article published in the review “Europa Orientalis” (2022, no. 41).

Keywords: medieval aesthetics, anagogical sense, palimpsest, St. Augustine, J. Maritain, Vyach. Ivanov, Augustinianism/doctrine of life, soul/Spirit, *transcensus*, concept of will, Truth/lie.

Information about the author: Maria Cymborska-Leboda, Full Professor (Ordinarius), Maria Curie-Skłodowska University (MCSU), Institute of Linguistics and Philology, Pl. Marii Curie-Skłodowskiej 4A, 20-031, Lublin, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

E-mail: maria.cymborska-leboda@mail.umcs.pl

For citation: Cymborska-Leboda, M. "The Message of Medieval Philosophy and Aesthetics in the Writings of Vyacheslav Ivanov: 'Above the Palimpsest of Saint Augustine's Words'" *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 19–50. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-19-50>

Свидетельств глубокого интереса к культуре Средневековья в творчестве Вяч. Иванова немало. Некоторые из них ради подтверждения будут привлечены далее. Для начала приведем лишь одно высказывание поэта — фрагмент наброска неоконченной статьи 1916 г. о Блоке. Прозревая инициативную силу Средневековья, он констатирует, что средневековая «святая миссия» в христианстве и христианской культуре не осуществилась. «Мистическая роза и крест земли — таков был священный замысел христианства»; согласно поэту, в дальнейшем развитии культуры исконное символическое единство, союз Вечного Неба, Христа и Земли были утеряны³. Утрачен был тот *splendor ordinis*, о котором говорил Бл. Августин, а затем, цитируя его, Жак Маритен [41, р. 38]. Прежде чем на этом сосредоточиться, сделаем замечание методологического характера, ставя вслед за Юрием Лотманом вопрос: «Почему и в каких условиях в определенных культурных ситуациях *чужой текст* [чужая мысль, message] делается необходимым?» [9, с. 224].

Одним из важных ответов, думается, послужит опыт сопоставления двух точек зрения, двух концептуализаций Средневековья, т. е. Иванова и Жака Маритена. Как мы знаем, оба мыс-

³ РО РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 51.

лителя познакомились в Риме. На книгу “Art et Scolastique” Иванов ссылается в одной из поздних статей [52, т. III, с. 665]⁴. Сам же Маритен, именно в этом сочинении считает Средневековье наиболее духовной эпохой в истории культуры, предложившей модели и принципы, которые «мы считаем верными» [41, р. 165–166]. Подтверждение и актуальность этого взгляда находим в работах Центра исследований Средневековья Католического Института в Париже и изданном в 2013 г. научном труде “Après la métaphysique: Augustin?”, содержащем материалы симпозиума [28]. Уместно упомянуть также книгу Эриха Пшивары “Augustin. Passions et destins de l'Occident” [43] и еще одну важную работу Жака Маритена, посвященную Августину как мыслителю, который «был властителем дум всего средневековья» [11, с. 3]. Речь идет о вводной статье к книге “Les sources de l'amour divin. La divine présence d'après saint Augustin” о. Фульберта Кайре (R.P. Fulbert Cayré), в которой Маритен формулирует несколько важных и для современного исследователя положений. Прежде всего он подчеркивает: читать Августина следует не à la lettre, но в духе заветов культуры эпохи, мирозерцание которой он синтезировал [42, р. II–III].

Презентируя книгу Кайре, вслед за автором Маритен выделяет четыре типа августинизма: 1) Отцов Церкви, 2) теологов эпохи, 3) философов модернизма и 4) «сущностный августинизм» (essentiel), возносящийся над тремя указанными, имеющими частичный характер, «общий для всех настоящих учеников Бл. Августина» [42, р. III–IV].

Как томист Маритен не противопоставляет Августина Аквинату, полагая что отличие между ними в основном касается их философского метода.

И самое важное, думается, фундаментальное положение Маритена и Кайре: «<...> мудрость [la sagesse] Августина проявляет себя прежде всего как жизненное учение (une doctrine de vie), сосредоточенное на божественном присутствии, ориентированное на совершенную любовь и интимную связь с Богом» [42, р. IV–V].

⁴ Подробнее см.: [21]; см. также: [54].

Приведенное утверждение представляется особенно продуктивным для постановки вопроса об августинизме Иванова. Ради пояснения учтем взгляд Э. Пшивары, выраженный в упомянутой книге; говоря о жизни и трансформации идей Августина в истории культуры, он выделяет несколько вариантов августинизма, среди них — «романтический августинизм». Согласно мнению исследователя, он сказывается — не без посредничества Баадера — у представителей «новой русской философии»: у Соловьева, Сергея Булгакова, Шестова, Бердяева [43, р. 92]. Иванов в этом ряду не появляется. Это позволяет нам повторить вопрос: с каким типом августинизма мы имеем дело у Иванова, если под этим понятием иметь в виду не просто набор идей, восходящих к Августину (которые уже рассматривались исследователями)⁵, а стиль их восприятия и их преобразование.

Иными словами, дело не только в присутствии Августинова кода у Иванова, пресловутых формул и категорий — *transcendete ipsum*, понятий внешнего и внутреннего человека, «двух градов» и пр., а в их функции в семантическом поле собственных Ивановских мировоззренческих и поэтических конструкций. Понятие *палимпсест*, предложенное в заглавии, в творчестве Иванова, согласно Сергею Овсянникову [10]⁶, появляется три раза, в том числе в статье о Ницше («палимпсест заветных преданий» [52, т. I, с. 717]; оно означает не только привилегированную форму интертекстуальных связей⁷, но прежде всего модель строения текста, семантически многослойного, многоярусного, в котором важны отложения/наложения, явные и неявные следы чужих текстов, хотя в смысловом плане ивановский палимпсестный текст представляет нечто единое. Сама же реализация палимпсестного принципа апеллирует к его опознанию и пониманию читателем,

⁵ См.: [6; 22].

⁶ Понятие «палимпсест» применяет С. Титаренко в многоаспектной интерпретации сборника Вяч. Иванова «Cor Ardens» [14, с. 305]. См. также: [18]. Как *текст-палимпсест* трактует книгу Иванова о Достоевском К. Исупов в своей работе 2012 г. [27, с. 281].

⁷ О связи палимпсеста и «чуда метафоры» см.: [7; с. 79]. См. также Н. Пьегеро, которая рассматривает палимпсест как «работу по накоплению текстовых отложений» [12].

т. е. к категории столь существенной в культуре Средневековья (см. далее цитату из Данте), именно у Августина, на что он обращает внимание в «Исповеди» в “*De Civitate Dei*”, в “*Solliloquia*”.

Палимпсестный принцип обнаруживается в художественном критико-философском и эпистолярном дискурсах Иванова: в каждом из них можно прозреть Августинов слой, с учетом того, что один раз он бывает верхним, легко прочитываемым, иной раз — он скрыт глубже; постулируя свое прочтение, он важен для осознания того, с кем Вяч. Иванов может и хочет говорить “*de rebus divinis*” [52, т. II, с. 802], с кем поэт входит в диалог.

Забегая вперед, отметим в связи с уже поставленным вопросом: августинизм Иванова — теологически-христологический и этико-антропологический. *Гиперболически* преобразенный⁸, августиновский подтекст проявляет себя своей практической стороной как жизненное учение, соприкасаясь не с ложной и негативной этикой, а положительной, ибо для Иванова этика есть «учение о истинном *Да*» [52, т. III, с. 129].

Лексемы «истинное» и «*Да*» очевидным образом отсылают к Блаженному Августину, вызывая ассоциации с первоисточником — «Об истинной религии», к “*De Magistro*”, «Об Учителе», к «Исповеди», где категория истины, как и у Иванова, приобретает кардинальное значение (о чем далее). Сосредоточим пока внимание на проблеме августинизма как «доктрине жизни» и ее отзвуках, в качестве явного или скрытого палимпсестного слоя, или смысла в иерархии смыслов, в текстах Иванова. Так, в известной и знаменательной дефиниции реалистического символизма (статья «Две стихии в современном символизме») формула «чрез Августиново “*transcende se ipsum*” к лозунгу: *a realibus ad realiora*» [52, т. II, с. 553] определяет задачу и действенную цель символизма, состоящую в том, чтобы привести того, к кому дискурс обращается, к высшей реальности, к *realiora* и таким образом «по своему осуществить анагогический завет средневековой эстетики» [52, т. II, с. 665].

⁸ Об эмфазе и «гиперболе» как инструменте преобразования понятий см.: [40, p. 142].

Сущность этого завета расшифровывается самим Ивановым, о чем мы скажем далее, но также поэтом близкого интеллектуального круга, Полем Клоделем, таким же ревнителем эстетики Средневековья, автором пленительной параболы *Animus et Anima*, ставшей предметом интерпретации Иванова, Маритена, Бремона и др. Называя четыре смысла, выделяемых в древних сакральных текстах, а также в Книге мира, сотворенного Богом, в своем «Дневнике», Клодель поясняет, что через «анагогический смысл наша душа [душа читателя], ощущает себя вознесенной к любви к Богу и устремленной к Нему» [34, р. 938].

Анагогический смысл, высшая ступень в семантической иерархии текста, определяет его действенную энергию и ориентацию на потребителя, выражает намерение вызвать «движение и преобразование в его душе», по словам Иванова [52, т. III, с. 659]. В статье «Эхо», ссылаясь на формулу Августина Датского (XIII в.), поэт цитирует ее последнюю часть: “Docet quid speres anagogia” — «Анагогический смысл учит тому, на что ты можешь надеяться» [53, с. 228]. Очевидно, следует учесть роль Данте, «вещего певца эпохи ознаменовательной» [52, т. II, с. 549], в деле восприятия средневековой эстетики и формирования собственной, авторской, у Иванова уже в эпоху символизма (статья «Две стихии...»). Не случайно поэт подчеркивал: «“Божественную Комедию” Данте желал видеть истолкованную в *четырёх смыслах*, разоблачающих *единую реальную тайну*» [52, т. II, с. 543].

Стоит в этой связи привлечь фрагмент “Inferno”, который Иванов цитирует в указанной статье [52, т. II, с. 549] и которым в качестве эпиграфа снабжает поэму «Сфинкс» [52, т. I, с. 643]:

O voi, ch'avete gl'intelletti sani,
Mirate la dottrina, che s'asconde
Sotto 'l velame degli versi strani.
(О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленье да поймет,
Сокрытое под странными стихами)⁹ [48, с. 44],

⁹ Итальянский текст приводится в орфографии Иванова. Приведенные стихи Данте Иванов переводит следующим образом: «Дивитесь учению, со-

дабы таким образом акцентировать важность «учительного» смысла, скрытого в поэтическом дискурсе и апеллирующего к его обнаружению понимающим читателем.

Переходя к Августину, обратим внимание на подобную установку в его «Исповеди» — трактате не только автобиографическом, но и теологическом, в который вписана коммуникативная стратегия. Исповедь, как пишет Августин, адресована не себе, а, кроме Бога, к «сынам человеческим», также к тем в будущем; они все, по Августину, его «сограждане» и «спутники», преследующие задачу: идти от слова к делу, следуя той концептуальной модели, которая заложена Истиной, т. е., по его словам, «Сыном Твоим», Христом. Августин пишет: «Если бы Сын Твой наставлял только словом, этого было бы мало, но он указал путь Своими делами. И я иду по нему, действуя словом и делом <...>» [45, кн. X, IV, 6]. Тем самым Августин акцентирует сознательную ориентацию на действенность, на практическое внедрение ценностей и следование им по образцу Христа как «Пути, Истины и Жизни». Этот аксиологический контекст бросает свет на подспудный смысловой слой упомянутой формулы символизма, с его призывом к совершенствованию и возрастанию души, через реализацию анагогического принципа. Августин с его заветами здесь не посредник, а наставник в своем деле *imitatio Christi*. Напомним, что выражая сущность утверждаемой им положительной этики, поэт отмечал ее принципы «не идти мимо», мимо *наставника*, мимо Лица [52, т. III, с. 107]. Учтем при этом: стихотворения поэта «Самоискание» из «Кормчих звезд» и «Transcende te ipsum» из «Прозрачности» есть свидетельство того, что присутствие блаженного Августина у Иванова оказывается более ранним в поэзии, чем в критико-философском дискурсе. Не только более ранним, но и запятанным, хотя на первый взгляд это не столь очевидно. К примеру, известный фрагмент стихотворения «Transcende te ipsum»: «Себя прейди, в себя сойди» [52, т. I, с. 783] — в смыс-

кровенному под покрывалом стихов странных» [52, т. II, с. 549]. Существенно подчеркнуть, вслед за Андреем Шишкиным: «<...> у Вяч. Иванова “большой диалог” с Данте осуществлялся в подсознании, в жизни, в поэтической экзегезе, поэтике и в эстетическом дискурсе» [26, с. 511].

ловом плане многослоен: его понимание постулирует дешифровку *ступеней смысла*, образуемых Августиновым слоем, библейским слоем — старозаветным (семантика фигур Лии и Рахиль) и новозаветным (фигуры Марфы и Марии) — дантовским подтекстом и заданной 27-м фрагментом «Чистилища» интерпретацией названных персонажей [16, с. 466], а также отзвуками других интерпретаций¹⁰. Существенным оказывается в этой связи вопрос о том, как эта смысловая многоярусность соотносится: 1) с семантикой заглавного слова — цитируемой Августиновой формулой; 2) с собственно авторской интенцией (*intentio auctoris*), т. е. ивановским представлением о душе. Оно же выражается двумя опорными словами: *душа и распутье*: «К распутью душа твоя пришла...» [52, т. I, с. 782]. Причем распутье (лексема в поэтическом словаре Иванова очень важная) означает для человека два возможных пути: «Распутья есть, где путь и путь возможны... [52, т. I, с. 672]. Оба приемлемы («...Обоим свет...»), но в аксиологическом плане неоднозначны и, думается, неравноправны (деловитость Лии и благая мечтательность и софийность Рахили): каждый по-своему скоррелирован с заветом «Перейди самого себя», сулит разные цели и разные свершения. В пределах поэтического истолкования символики Лии — расширение объема я в брачном соединении с беспредельным. Относительно второго пути — символизации фигуры Рахили — вопрос осложняется удвоением Августиновой формулы «Себя прейди, в себя сойди», связанной, с одной стороны, с трансцендированием «ограниченного я в нас» [52, т. I, с. 823], с другой — с проблемой самоискания, трактуемого поэтом как закон для Природы и завет для человека [52, т. I, с. 642]. Самоискание же («Ищет себя, умирая, зерно...») совершается на пути сошествия, нисхождения в себя, ради освобождения «я, погребенного в нас» (наложение формулы «Лазаре, гряди вон!» [52, т. I, с. 823].

Остается, однако, не проясненным: куда, в какое «свое» пространство означает «в себя сойди», если задаться Августиновым вопросом: «Где же находится то свое, чего [ум] не вмещает?» [45, кн. X, VIII, 15]. «Свое» находится вне тесного ума. «В себя сой-

¹⁰ См. об этом: [8].

ти», нисхождение в самого себя, означает ли в память свою, по Августину, или в сердце, столь релевантное у Иванова и в средневековой культуре, которую Макс Шелер именoval «культурой сердца» [25]? Сам же Августин, ссылаясь не один раз на апостола Павла и «Послание к Римлянам», утверждает: «потому, что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5:5)¹¹. Не этот ли смысловой подтекст прочитывается в «Римском дневнике» (28 января) Иванова, в котором релевалентность приобретает символ «священного золота» [52, т. II, с. 594]:

Любовью сердце в нас живимо,
Хоть и не ведает само,
Какое злато в нем хранимо
И чье на золоте клеймо [52, т. III, с. 589].

Из сказанного следует: божественное обитает в человеке, в его «собственной сердечной глубине» [52, т. III, с. 258], как отмечает Иванов. К ней и к самому себе человек должен трансцендировать и устремляться. Ибо «глубина может закрываться в человеке», и эта глубина требует трансцендирования к ней. «Трансцендентное приходит к человеку не извне, а изнутри, из глубины» [4, с. 62]¹², “Deus interior meo”, как говорил Августин. Думается, этот духовный опыт трансцендентного в имманентном и трансцендирования себя, *transcensus’a*¹³ — выхода человека за свои преде-

¹¹ В знаменитом же фрагменте XIII-й кн. (IX. 10) [45, кн. XIII, IX, 10] указывает на возносящую силу Любви, благого Духа Божия, который «поднимает нас».

¹² Философ Н.А. Бердяев ссылается на Августина.

¹³ Понятие *transcensus’a* (трансцендирования), восходящее к Августину и органически вписанное в мышление поэта, появляется у Иванова в разных контекстах, особенно в 1930-е гг., для обозначения положительного и творческого акта (сдвига) в жизни человеческой личности («transcensus субъекта»), в ее активной деятельности, нацеленной на устремление и восхождение к высшей Ценности. В таком значении применяется это понятие в письме Иванова (1936 г.) к Шестову: «<...> Ваше единое и апофатическое исповедание было *transcensus unius cuiusque formae in maiorem Dei gloriam*» («Transcensus всякой формы к *вещей славе Божьей*»). Ср. эпистолярный ответ и реплику Шестова о том, что человеческая («наша») просьба может быть услышана-и — если не здесь, то в *transcensus’e* — исполнена [49, с. 432–433].

лы в сокровенную глубь — выражен поэтической строкой Иванова, утверждающей ценность «Пути самоискания» (ср. «Кличь себя сам, и немолчно зови...»), соотносимой с символикой Рахили, Августиновым заветом и библейским текстом.

Однако встреча человека с божественным, в «святейшем в себе» у Иванова, концепт созвучный с Августиновой мыслью, в некоторых фундаментальных высказываниях поэта сочетается с идеей забвения и предательства. Отсюда: «личность забыла и предала божеское в себе» [52, т. III, с. 257], «забвенью и изменам мы рабствуем» [52, т. I, с. 782], «Мы сеяли забвенье святынь...» [52, т. III, с. 357]; констатация — «люциферианского разрыва человека с Богом» или известная реплика в связи с Ницше: «Преступление уже совершилось» — «Бог был убит человеком» [52, т. III, с. 477].

Но вместе с тем имеющее Августинов подтекст убеждение и *credo* поэта и христианского мыслителя — “*Deus interior meo*” — убитым быть не может; его в человеке «уничтожить бунтующие силы», силы безбожия и гордыни, не сумеют. «“Но Отец наш на Небе” — на том Небе, которое превосходит нас даже и тогда, когда нам открывается и в нас проявляется — не может быть убит людьми» [52, т. III, с. 483]. Ибо, следуя учению Августина, людям, потерявшим сердце и совесть, дана возможность отыскать их [30, р. 221, 248; 57, р. 146, 154, 170] ради добра, но при учете, добавим, той нравственной ответственности, о которой позже скажет Зосима у Достоевского, а вслед за ними Иванов: «Мы призваны победить, искупить зло» [52, т. III, с. 477]. По словам поэта, «невидимые знаки высшего закона, напечатанного на нашем сердце» [52, т. III, с. 483], обязывают к этому. Проблему зла, появившегося, по Августину, уже до известного грехопадения в раю (без этого — злой воли, опережавшей злой поступок, — оно было бы невозможным), — зла, связанного с грехом гордыни и «любви к себе»¹⁴, резонирующую у Иванова (ср.: «На Зла пре-

¹⁴ См.: [58]. Согласно свидетельству (1935) И.Н. Голенищева-Кутузова, «О граде Божьем» «была любимой книгой» Вяч. Иванова в годы пребывания в Италии [5, с. 223].

стол мы сядем торжествуя» [52, т. I, с. 657]), оставим пока в стороне. Наш предварительный вывод таков: используя концептуальные модели Августина или учитывая их, Иванов выстраивает свой палимпсестный дискурс о судьбах христианства в XX в., об отношении человека и Бога. Именно это имел в виду Дю Бос, констатируя в письме Иванову в 1930 г. в связи с работой над сочинением, которое будет организовано вокруг Бл. Августина как центра: «Я убежден, что Вы и я предназначены исполнить нашу миссию — *advocati Dei*, сохраняя вполне верность тезаурусу» [60, с. 510]. И очевидно — сакральному, христианскому тезаурусу¹⁵.

Концептуальных моделей Августина, над которыми вырастает многогранный и диалогический дискурс Иванова, ибо «популяризатором чужих идей» поэт никогда не был, в основном три¹⁶: 1) концепт счастья и стремления к счастью; 2) концепт воли; 3) концепт правды/истины и лжи. О реализации концепта счастья в творчестве Иванова мне уже приходилось писать [19], с указанием на роль Августина в освещении этого вопроса в европейской культуре. Здесь важно добавить следующее. Модель мышления о счастье у Августина соединяется с его толкованием проблемы воли (о чем далее), т. е. различением доброй и

¹⁵ Значение христианства как несомненного факта «системы» и мистического опыта духовной жизни Иванова прекрасно понимала О. Шор, когда подчеркивала в письме (1933 г.) Е. Шору в связи с «Реконструкцией», что, желая соединиться с Вяч. Ивановым, он не может принять его христианства и приспособляет к своему мировоззрению «систему» Вячеслава Иванова. «Но христианство есть прежде всего особый мистический опыт: от него нельзя отрешиться, желая слиянья» [50, с. 402]. Знаменательно, что самой Шор в ее эссе о Микеланджело (первую его часть в 1924 г. она подарила Иванову), а также в тезисах 1933 г. (и более ранних записях), согласно замечанию И. Чечота, оказалась близка «центральная линия христианской теологии — Августин»; особенно его учение о памяти, имевшее свое соответствие у Иванова. Ср. «Память есть не только способность души, но и действие духа. Духа животворящего. Память есть Единение, Встреча, Событие» [24, с. 200]. *Прим. ред.*: ср. сейчас: Шор О.А. Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.А. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. 240 с.

¹⁶ Очевидно, кардинальное значение имеет в мысли Августина концепт памяти и времени. См.: [6; 23, с. 142–143, 147, 158, 162, 227; 20].

злой воли в человеке. К примеру, философ утверждает следующее: «Если у нас на первом месте добрая воля, то совершается в нас воля Божия и никакая напасть не сможет сокрушить наше счастье, и это мир»¹⁷. Добрая воля в человеке есть свершение в нем воли Божией и гарантия прочности человеческого счастья. В поэтическом осмыслении Иванова это звучит следующим образом: «И только грудь вздохнет: “Твоя да будет воля”, — Отец, то счастье нам дано» [52, т. II, с. 532]. Согласованность воли человека с волей Божьей открывает путь к тому, чтобы вновь испытать «то счастье», не призрачное, а подлинное, первичное, какое было уделом человека в Эдеме, до грехопадения.

Современные исследователи согласны в том, что Бл. Августин был первым христианским теоретиком воли¹⁸. В XIII книге «Исповеди» (V, 10) находится пресловутый фрагмент о раздоре в душе человека двух волей и их противодействии: старой, прежней и окрепшей, в оковах которой до сих пор пребывала душа, и новой: «И две мои воли, одна старая, другая новая, одна плотская, другая духовная боролись во мне...». Этот раздор у Августина¹⁹ есть болезнь души, души «полубольной» (у Иванова *недужной*)²⁰,

¹⁷ Слова «мир» и «покой» в дискурсе Августина имеют особое значение, пространственное. Они обозначают «место», куда устремляется душа человека, чтобы «почить в Боге». Но достижение этого «места»/состояния не безусловно. Ибо: «Покой Твой для нас в доброй воле» [45, кн. XIII, IX, 10]. См. об этом: [33, р. 82].

¹⁸ «<...> Augustin met la volonté au coeur et au fondement de l'agir humain» [31, р. 52]; см. также: [29].

¹⁹ «...спорят две воли в одном человеке, ...одна и та же душа нецелостна желает того или другого <...> истина побуждает к одному, привычка принуждает к другому» [45, кн. VIII, VIII, 19; кн. VIII, X, 24].

²⁰ Концепт недуга/недужной души играет важную роль в статье «Древний ужас», где он осмысливается в связи с вопросом об отношении современного человека к христианству, о непонимании в нем даже того, что давно раскрыто. «Причина недуга — наше забвение христианства» [52, т. III, с. 108]. Особый способ использования этого концепта наблюдается также в «Заветах символизма», в контексте ивановского истолкования символизма, который «не хотел и не мог быть только искусством». Ср.: «Но переболеть общим недугом для них [символистов] значило многое, ибо душа народная болела, и тончайшие яды недуга они должны были претворить в своей чуткой и безумной душе»

нецельной. Статус человека, его экзистенциальная судьба, его сила или немощь определяются именно волей: злой, извращенной, или доброй, противостоящей злу²¹.

Концептуальная пара двух противоположных волей существенна в рассуждениях Иванова (статья «Древний ужас») об отношении христианского сознания к Необходимости как аспекту Мировой Души, как к Матери «от *злой воли* человека изнемогающей, и *новой волей* искупленного, Человеком — Исккупителем Адама, долженствующей преобразиться» [52, т. III, с. 109]. В поле этих рассуждений и различений вырастают две важные идеи поэта: 1) преобразование воли и правого самоутверждения человека «в Отце, как Сына, не имеющего иной воли, кроме воли Отца». И вторая — о соединении так понятой христианской воли со свободой. Отсюда констатация в статье 1916 г. («Легион и соборность»): «Ревнивей всего должен человек в наши времена святить свободу» [52, т. III, с. 258], понятую в христианском, августиновском духе; впрочем, имя Августина появляется не случайно в двух частях статьи. Прежде всего, (1) в связи с утверждением, что «человечество близится к распутью, где дорога расщепляется на два пути, ведущие в два разные града <...>» [52, т. III, с. 257–258]; и (2) в связи с положением об онтологической «гибели» личности, которая «себя возжелала — и себя полюбила», не отдав своей уединенной воли началу высшему — Богу, которого разлюбила [52, т. III, с. 257]. Добавим к тому же, что с гиперболизацией понятия воли и Августиновым слоем мы имеем дело и раньше, в поэзии — в эпилоге V книги лирики, «Rosarium», в стихотворении «Eden». Призыв «Твоя да будет воля» — самоопределение человека в Боге, личности, «в Боге богатеющей», — сулит здесь гарантию подлинного счастья в его высшем, метафизиче-

[52, т. II, с. 599]. См. также о лжесвидетельствовании тех, кто «одержим и болеет волею»: [52, т. III, с. 356].

²¹ На этот момент учения (и не только) Августина, ссылаясь на него, обращает внимание Фома Аквинский: «...именно благодаря воле грешат или живут праведно, воля относится к *противоположному*». Рассматривая вопрос о благе и зле во внутреннем действии воли, отмечает: «...всякая злая воля сводится к некоторому виду зла» [56, с. 203, 239].

ском значении. Тем самым, по Иванову, воля может ориентировать человека на бытие в его аксиологическом измерении²², так как «воля утверждает» истину как ценность [52, т. II, с. 593–594].

Августинов подтекст аксиологического мышления и средневековый иерархизм — в терминах Иванова: «свободное и цельное признание иерархического порядка реальных ценностей...» [52, т. II, с. 601] — проявляются в раннем стихотворении поэта «Ступени воли». Несколько упрощая: пламенной воле здесь противостоит уже не просто извращенная человеческая воля, как у Августина, но хищная, можно сказать, «империальная» воля. Однако высшую ступень в ценностной иерархии образует воля Создателя — Бога-Отца, и ей в конечном счете подчиняется и должен подчиняться человек в своей сыновней ипостаси («Так, да будет! — говоришь» [52, т. I, с. 597]). Знаменательно в этой связи присутствие этой топики в статье 1934 г., где речь идет о последствиях «возгордившего ума и взбунтовавшейся воли...» [52, т. III, с. 482]. Объем настоящей работы не позволяет, однако, подробного развития нюансов истолкования категории воли (также сверхличной, мистической) во многих текстах поэта в соотношении с мыслью Августина.

Исследователи творчества Августина называют его «философом оппозиций» [43, р. 98; 29; 32; 39]. Важнейшая из них — это правда — ложь, истина — обман/кажимость. В качестве темы диалога эта оппозиция появляется в трактатах “Soliloquia”, «О свободной воле», в «Исповеди». Как таковая, истина является здесь сущностью и атрибутом Бога-Отца и Христа-Сына. Соотнесенная с Павловым Посланием к Ефесеям (3: 16–17) «in interiore homine Christum habitare», она, правда, имеет свое святилище в

²² Рассуждая в «Заветах символизма» о функции глагола «быть» в первобытной речи («смысла бытия божественного»), Иванов предположил интенцию мудрецов и теургов тех дней: «освятить им [тем смыслом] всякое будущее познание и воспитать — или только посеять в людях ощущение истины, как религиозной и нравственной нормы» [52, т. II, с. 594]. Отметим в этом контексте существенность констатаций Нины Сегал-Рудник относительно употребления «словосочетаний и слов с корнем со значением “воля”» в статьях Иванова 1910-х гг. и в книге 1932 г. о Достоевском, образовавших «фоносферу воли» (Топоров) [13, с. 167–172].

человеке: «interiore homine habitat veritas»²³. Отсюда человеческий путь к этому санктуарию есть восхождение и нисхождение. Путь не только к «пище Истины», но и внутреннему Свету, через который мы Истину понимаем. В трактате «О бессмертии души», поднимая вопрос о жизни души, Августин полагает: «бытие человеческой души доставляется ей истиной». И хотя ложь как ее противовес очевидным образом вредит душе, но она «большого сделать не может, как обмануть». Таким образом, в силу бытийного укоренения души, ложь убить ее не в состоянии [46, XXXIX, с. 429; 30, р. 130]. Ибо, говоря словами философа XX в., человек поставлен «не перед отвлеченной истиной, а перед Истиной как путем и жизнью: Я есмь путь, истина и жизнь» [3, с. 70].

Понятие Истины вечной, цельной, «внутреннего света истины» и внутреннего «учителя Истины» («De Magistro») образуют основу теологической метафизики Августина, а разумение ее укладывается в схему Триады и восхождения к «всемогущей» Троице²⁴. Каким образом она вплетается в мышление и дискурс Иванова о душе в статье “Anima” (главы “Transcensus sui” и «Богословское»), нам и другим исследователям уже приходилось писать и говорить [35, р. 142–143; 15, с. 89–120].

Здесь целесообразно отметить другой компонент Августинской рефлексии о правде — антропологический, присутствующий также у Иванова. Так, в X книге «Исповеди», во фрагменте, где ставится вопрос об отношении человека к истине, Августин различает две правды, отличая *veritas lucens* от *veritas redarguens*. Он говорит: 1) о ненависти людей к истине и к Богу, к тем, «кто проповедует Истину», ко Христу; 2) о человеческом стремлении к подмене, т. е. к принятию за истину чего-то другого, того что является предметом собственного влечения, интереса и пр., т. е. обмана; 3) о том, что при желании и навыке обманывать люди ненавидят, когда правда показывает их самих [45, кн. X, XXIII, 34]²⁵.

²³ См. об этом: [38, р. 279–280; 30, р. 120; 46, XXXIX, с. 72].

²⁴ См.: [30, р. 431–432; 47, с. 306–308] (гл. XII–XIII, там же о том, кто «внутренне ученик истины»).

²⁵ См. также: [37, с. 250].

В итоге, философ констатирует, что *слепая и вялая* человеческая душа хочет спрятаться от истины, но не хочет, чтобы от нее что-то пряталось. И она от «истины спрятаться не может» [45, кн. X, XXIII, 34].

И еще мысль из “*De Civitate Dei*” о человеческом оболящении тем *не истинным* предметом любви, который подсовывает «град земной», земное пространство и время, вызывая в душе человека вихрь «пустых и тщетных призраков/видений» [58, кн. XIV, гл. XIII].

Оставляя в стороне Августинов слой, очень существенный в поэме «Человек», отметим смысловую аналогию в восприятии и оценке экзистенциальной драмы человека, в его блуждании между правдой и видимостью (призрачностью) в стихотворении из «Зимних сонетов»:

Обманчива явлений череда:
Где морок, где существенность, о Боже?
И явь и греза — не одно ль и то же?
Ты — бытие, но нет к Тебе следа [52, т. III, с. 573].

Или более яркий пример отзвука гиперболизированной Августиновой оппозиции в стихотворении «Демоны маскарада» — оппозиции между божественной истиной и змеиным обманом Сатаны:

Страшась забытый лик вернуть
И ложь мгновенья обмануть, —
Ложь истины твоей змеиной
Иль истину змеиной лжи...
<...>
Очарований и обмана
Зыбучая фатаморгана,
И блеск, средь общей слепоты... [52, т. III, с. 542–543]²⁶.

²⁶ Ср. также в поэме «Сфинкс»: «Марá нас оболящает <...>. Но лживый сон не век отягощает / Покорный дух» [52, т. I, с. 656], — а также соотносимый с Августиновой аксиологической топикой фрагмент стихотворения «Полет»: «Прости же руку мне! Дай мне покинуть берег / Ничтожества, сует,

Обитание во лжи, измена истине и Духу, «потому что Дух есть истина» (1 Ин.: 6–7), являют собой важный и фундаментальный топос философской мысли Иванова. Знаменательно, что это «общее место» мышления поэта появляется уже в его раннем творчестве и может быть соотнесено с установленным выше присутствием «Августиновых словес» и способом их трансформации/«гиперболизации». Так, в статье «Кризис индивидуализма», написанной в то же время, что и «Символика эстетических начал», в контексте истолкования фигуры Гамлета, «отступника себя самого», ключевое значение приобретает существенная во всем наследии Иванова категория истинного я и «служения духу», а также осмысление их взаимосвязи, укладывающееся в форму наставления: «Служи духу, или твоему истинному я в себе (ср. выше завет «в себя сойди»), с той верностью, какой ты желал бы от каждого в его служении духу, в нем обитающему...» [52, т. I, с. 833]. Отказ от этого завета, измена ему (истинному, сокровенному я и Истине), духовное опустошение — вот обличаемый Ивановым аксиологический полюс и итог неправого самоутверждения человека, вернее души, замкнутой в «кольце Левиафана». Положительный полюс ценностной иерархии олицетворяет «невестная душа», утверждая добрую волю человека, следование этике «истинного Да», поведенческой этике человеческого послушания «высшей воле».

Подтверждение того, какое значение этот завет (или всматривание в «палимпсест древних заветов») и учение о воле имеет для Иванова — также его эпистолярный дискурс. Первое свидетельство — письмо Ольге Синьорелли, в котором, в связи с душевным состоянием адресата, появляется совет «трансцендировать себя», «становиться духовно выше жизни» на пути самоискания: «Найдите в себе силу для этого действия *высшей* воли, выйдя из границ тесного личного я», дабы узнать в себе свое *выс-*

страстей, самообманов!» [52, т. I, с. 609]. «Покинуть брег» не равнозначно ли здесь полету к тому величию (или высоте) души (чуждой мелочности, суеты и, конечно, лжи), о которой говорили Платон (Республика, 486а) и Августин-платоник.

шее я и «прильнуть к нему всецело и почувствовать себя всецело в нем, в этом высшем я»²⁷ [55, с. 485].

Второе эпистолярное свидетельство — это письмо поэта сыну, Димитрию, от 10.03.1927 г. В нем существенны два момента, позволяющие полагать, что августинизм Иванова проявляет себя в качестве наставления (актуализации формулы не «тщетного слова») и «доктрины жизни». Первый момент — присутствие в письме понятия правой и доброй воли (*bona voluntas*), приобретающего особое значение в контексте упоминания о людях злой воли. Второй: в дискурсе Иванова обращает на себя внимание строение отцовского совета, или наставления, по Августино-ву триадическому принципу и постулату духовных упражнений: «помолись Богу, чтобы он возрастил тебя, освятил и вразумил Духом Святым и направил тебя в жизненный путь Истины и служения Ему» [59, р. 483]. «Истина» и «Ему» — очевидным образом маркированы прописной буквой.

Вместо заключения

В «Римском Дневнике 1944 года» с датировкой 31 августа находим стихотворение, открывающееся двумя эпитафиями из «Исповеди» Августина, в том числе знаменитым фрагментом из VIII книги о духовной эпифании в саду. Стихотворение есть свидетельство приобщения поэта к концептуальной модели — *conversio (обращения)* — и включения себя в общность спутников Августина — риторическим повтором трехкратного «И я», кульминирующим в последней строфе:

И я отвечивал: «Иду»,
От сна воспрянув на ночлеге;
И, мнится, слышал я в саду
Свирельный голос: “tolle, lege” [52, т. III, с. 629].

²⁷ Курсив Иванова. Ср. присутствие ценностных *topoi* и *conditionalis* Иванова в статье «Революция и народное самоопределение»: «Если я найду в себе сосредоточенную силу прильнуть к тому, что во мне воистину Я» [52, т. III, с. 358].

Поэтический текст и в этом случае может служить примером палимпсестного строения дискурса Иванова. Ибо рядом с очевидным верхним и переосмысленным Августиновым слоем имеется еще подспудный, глубинный, отсылающий к более раннему фрагменту той же книги «Исповеди»: «*Проснись спящий, восстань из мертвых*» [45, кн. VIII, V, 12], содержащему идею выхода из-под сени смерти ради воскресения в Боге. Асцензиональная символика и смысл *религиозного обращения* человека в акте свободной воли и благодатного действия Божественного (Августинова теология конверсии) [38, р. 231–232] у Иванова выражены кратким и действенным «Иду» и привлечением оригинальной латинской формулы «*tolle, lege*» в концовке текста. Причем очевидно, что поэт актуализирует глубинное значение лексемы *tolle*, выражающей призыв к восхождению и поднятию, к *вечному sursum* («*sursum ferimur*» у Августина)²⁸, т. е. духовный завет, адресованный человеческой душе.

* * *

«У того, кто приносит многое, всякий находит, что ему взять...» [52, т. III, с. 299]. Слова Иванова, относимые к Вл. Соловьеву, которого поэт почитал, как и Достоевского²⁹, учителем и воспитателем, могут быть, без натяжки, применимы к творческому наследию Августина. Ибо очевидно, средневековый, «преметафизический» мыслитель в европейскую культуру внес многое. В 1927 г. в издательстве Pléiade в серии «*Écrits intimes*», созданной Шарлем Дю Босом, появилась ранняя книга мыслителя «*Soliloquia*» (в переводе профессора Сорбонны, специалиста по литературе поздней античности Пьера де Лабриоля (Pierre de Labriolle). Пе-

²⁸ Ср. в связи с вопросом: «Итак, кого же я люблю, любя Бога? Кто Он, пребывающий над вершинами души моей? Этой душой моей поднимаюсь к Нему» [45, кн. X, VII, 11]; «Даровано Тобой воспламеняться и стремиться вверх: пылаем, идем, поднимаемся, поднимаясь сердцем и поем песнь восхождения» [45, кн. XIII, IX, 10].

²⁹ Ср. мысль Иванова: «...мы все воспитаны на великих заветах и запросах Достоевского» [52, т. II, с. 98].

реизданная в 2010 г., она была снабжена предисловием “Augustin avec Augustin” (François Dupuigrenet Desroussilles). Автор (вслед за Шатобрианом) акцентирует принадлежность Августина к современности (“aux temps modernes”), его близость к романтикам, французским писателям XX в., указывая на его новое прочтение как «современника» (moderne), говорящего о том, что беспокоит наше время и определяет духовную болезнь человека (“de guerison pour l’âme”) [36, p. 13, 17], внутренний раздор его души и его воли. И еще кардинальное, на наш взгляд, утверждение автора вводной статьи: “Soliloquia” Бл. Августина, будучи образцом средневекового «нового жанра» — «внутреннего диалога», согласно Августину, разговора с самим собой (Augustin avec Augustin), участвуют в смысловом поле «августинизма, как признака французской литературы в ее большом времени» [36, p. 9].

Если расширить эту точку зрения на европейскую литературу и письменность того времени, 20-х — 30-х гг. XX в., то необходимо учесть еще один важный для наших рассуждений факт — актуализацию Августинова жанра у Вяч. Иванова. Его *soliloquio*³⁰, «Письмо к самому себе» (изящно откомментированное Светланой Федотовой [1]), написанное в 1932 г., аллюзивно отсылает нас к Августину и кардинальным вопросам, им поставленным (концепт души, оппозиция правды и лжи, соотношение человека и Бога). Каким образом поверх «Августиновых словес» и построений возникает *сверхсмысл* или «смысл в иерархии смыслов», диалогизированных медитаций Иванова, выходивших, как и у автора «Исповеди», за пределы монолога (Иванова с Ивановым), — это тема для отдельного обсуждения. Здесь же, в завершение, в *pendant* к сказанному выше и в связи с приведенной в начале лотмановской методологической рефлексией, поставим, казалось бы, риторический вопрос. Почему Августин, его мудрость (sagesse), его наставления как *текст* подвергаются актуализации и трансформации в XX в., становясь составным и про-

³⁰ Понятие *Soliloquio* появляется у Иванова в «Письме к Александру Пеллегрини о “Docta pietas”» как жанровое определение «беседы с собой» или медитаций адресата («Рассмотрения»), т. е. монолога, который Иванов (помня средневековый образец) хочет «обратить в диалог» [52, т. III, с. 435].

дуктивным компонентом иерархического мышления не только Иванова, но и других представителей европейской интеллектуальной элиты (Клодель и др.)? Не потому ли, говоря бахтинским языком, что некоторые «смысловые явления» находят благоприятные условия для раскрытия своего потенциала в соответствующих контекстах последующих эпох, что культурная встреча с давним смыслом сулит «высший момент понимания» [2, с. 366, 351]? Свидетельство подобной встречи, думается, — отмеченное письмом Дю Боса, а также Е. Шора к Иванову³¹, письмо Иванова к Шестову, сочинение О. Шор, о котором была речь, некоторые положения Пьера Адо (Pierre Hadot) [38, р. 280], Пшивары и др. В определенной мере тут мы находим подтверждение востребованности теологически-философской рефлексии христианского мыслителя в годы кризиса европейской культуры, угрозы дехристианизации «духовно опустошенной эпохи» [52, т. III, с. 656], в рамках которой общество построено в своей основе на «рациональных и утилитарных началах» [52, т. III, с. 656].

Постулат Вяч. Иванова, относящийся к «особой заботе об Анима»³² и к защите духовных ценностей, как ответ на ситуацию в Европе — ответ, связанный с присущим поэту убеждением в необходимости «отстаивать личность», «ее внутреннее бытие, с его святынями, заветами и обетами сердца» [52, т. III, с. 258] —

³¹ Ср. в письме от 9 января 1933 г.: «Сейчас в Германии порождается новый тип существенного читателя. Гуманистического образования он не получил, античности не знает. В нем живет большая религиозная взволнованность. Он пытается утолить ее современной теологической мыслью — “диалектической теологией” Барта, Тиллиха и др. Разочаровавшись и отчаявшись в этом теологическом нигилизме, он берется за Августина и Фому Аквинского» [50, с. 393]. Смысловой (аксиологический) потенциал христианской мысли Августина Иванов раскрывает также в текстах 1930-х гг. В письме к Пеллегрини он два раза употребляет понятие *transcensus'a* и делает непосредственную отсылку к Августину как «ценностному контексту», объясняя значение истинного гуманизма и истинной веры в человека, которая «призывает нас словами блаженного Августина “transcende te ipsum” (“превзойди самих себя”)». В другом месте письма поэт отмечает платонизм Августина [52, т. III, с. 439, 441]. Любопытно и знаменательно применение «Августиновых словес» и категорий в диалогическом подходе к Достоевскому. См.: [51, с. 119, 160, 200].

³² Подробнее: [17, с. 211–213].

думается, имел свой прецедент и исток в учении о душе мыслителя из Гиппона — в определенном смысле «вечного спутника» русского поэта. Писал же Иванов еще в 1910 г., ссылаясь на *наставление* Соловьева (одно из ключевых и частотных слов в словаре поэта)³³, о потребности «осмыслить живую связь нашу с отцами» — тайну единства и преемства [52, т. II, с. 832]³⁴.

Список литературы

Исследования

1. Soliloquio Вячеслава Иванова: неизвестное «Письмо к самому себе» / вступ. статья, подгот текста и примеч. С.В. Федотовой // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. С. 424–449.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Paris: YMCA-Press, 1939. 224 с.
4. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Paris: YMCA-press, Sor. 1952. 246 с.
5. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Достоевский и Вячеслав Иванов / пер. с сербского И.В. Голенищевой-Кутузовой // *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, А.А. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 220–232.

³³ Ср. в «Книге Притчей Соломоновых»: «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее, научи праведного, и он приумножит знание» (IX.9). К этому фрагменту Августин аллюзивно отсылает адресата своего письма (le comte Boniface), а также прямо — к опережающему фрагменту «...обличай мудрого, и он возлюбит тебя» (IX.8) [57, р. 173] (Lettre CCXX).

³⁴ Значение этой тайны, осознаваемой Ивановым, интуитивно понял А. Пеллегрини. Ср.: «...мне слышится в Вас голос одного из наших мастеров XV века, или одного из тех, что пришли с Востока и принесли нам чувство и осознание Древнего Слова». Значит: голос и слово, которое «возвращает к вечным ценностям» [44, с. 673–674].

6. Дудек А. Идеи блаженного Августина в поэтическом восприятии Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 437–444.
7. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 472 с.
8. Каяниди Л. Средневековая символика Рахили и Лии в творчестве Вячеслава Иванова: между Августином, Григорием Великим, Андреем Критским, Фомой Аквинским и Данте // Europa Orientalis. 2022. № 41. С. 255–266.
9. Лотман Ю. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 416 с.
10. Овсянников С. Миней и палимпсест: «церковное» и «персональное» время в стихах Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2016. № 35. С. 167–176.
11. Потемкин В. Введение // *Августин Блаженный*. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. С. 3–25.
12. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
13. Сегал-Рудник Н. Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019. / отв. ред. Н. Сегал-Рудник. М.: Водолей, 2021. С. 124–178.
14. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 653 с.
15. Титаренко С.Д. К разгадке эссе Вячеслава Иванова «Anima» // *Иванов В.И. Anima* / подгот. текста, предисл., примеч., коммент. и исслед. С.Д. Титаренко; послесловие К.Г. Исупова. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 89–120.
16. Топорков А. Отзвуки Данте в «Повести о Светомире-царевиче» Вяч. Иванова // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 456–472.
17. Цимборска-Лебода М. «Забота об Anima» — Вячеслав Иванов как соучастник диалога с современностью // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019 / отв. ред. Н. Сегал-Рудник. М.: Водолей, 2021. С. 198–214.
18. Цимборска-Лебода М. «Над палимпсестом эллинских словес»: Психея и Эрос в поэзии Вяч. Иванова. Миф о Душе // Античность и

- культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи / сост., отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 186–195.
19. *Цимборска-Лебода М.* «Рай незабывчивой души» и «христианская истина о человеке» — стихотворение Вяч. Иванова «Eden»: контекстуальное прочтение // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 196–215.
 20. *Цимборска-Лебода М.* «Я *semper idem* и/или времяобъемлющее единство личности»: личность и время у Вячеслава Иванова и Семена Франка // *Slavia Orientalis*. 2019. № 4. Р. 629–644.
 21. *Цимборска-Лебода М.* Вячеслав Иванов и французская культура: от Верлена до Маритена // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 85–93.
 22. *Цимборска-Лебода М.* О понятии «трансцензуса» у Вячеслава Иванова: к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин» // Вяч. Иванов: *pro et contra*, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 445–455.
 23. *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вяч. Иванова. На пути к философии любви. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 256 с.
 24. *Чечот И.* Путеводная звезда трагедии: Микеланджело глазами Ольги Шор // Русско-итальянский архив VIII = *Archivio russo-italiano VIII* / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011. С. 185–216. (*Collana di Europa Orientalis*)
 25. *Шелер М.* *Ordo amoris* // Библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000166/index.shtml> (дата обращения: 17.02.2023).
 26. *Шишкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив [I] = *Archivio russo-italiano* [I] / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 503–528.
 27. *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и новое открытие Достоевского в XX веке // *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, Л.А. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 266–281.
 28. *Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris.* 25 juin 2010 / edités par A. de Libera. Paris: VRIN, 2013. 176 p.

29. *Arendt H.* Wola / przeł. R. Piłat. Warszawa: Spółka Wydawnicza "Czytelnik", 1996. 301 s.
30. *Bertrand L.* Les plus belles pages de Saint Augustin. Paris: Fayard, 1916. 374 p.
31. *Boulnois O.* Augustin, La faiblesse et la volonté // Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris. 25 juin 2010 / edités par A. de Libera. Paris: VRIN, 2013. P. 51–78.
32. *Buczyńska-Garewicz H.* Sens woli i wolności [Przedmowa] // *Arendt H.* Wola / przeł. R. Piłat. Warszawa: Spółka Wydawnicza "Czytelnik", 1996. S. 5–23.
33. *Carraud V.* Pondus meum, amor meus, ou l'amour de soi contradictoire // Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris. 25 juin 2010 / edités par A. de Libera. Paris: VRIN, 2013. P. 79–110.
34. *Claudel P.* Journal. Vol. I (1904–1932). Paris: Gallimard, 1968. 1480 p.
35. *Cymborska-Leboda M.* Viacheslav Ivanov et Paul Claudel: Métaphysique de l'âme et du symbolisme sacré — pour une lecture analogique/anagogique // L'Avènement d'un "art nouveau": essaimage esthétique et spirituel de l'œuvre de Paul Claudel / sous la direction de P. Lécroart et D. Millet-Gérard. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2021. P. 135–150.
36. *Dupuigrenet Desroussilles F.* Préface. Augustin avec Augustin // *Augustin.* Soliloques suivi de Lettres intimes / trad. P. de Labriolle. Paris: Rivages, 2010. P. 7–24.
37. *Eco U.* Na ramionach olbrzymów / przeł. K. Żaboklicki. Warszawa: Noir sur Blanc, 2019. 442 s.
38. *Hadot P.* Filozofia jako ćwiczenie duchowe / przeł. P. Domański. Warszawa: Fundacja Aletheia, 2000. 332 s.
39. *Kijewska A.* Święty Augustyn. Warszawa: Wydawnictwo "Wiedza Powszechna", 2007. 364 s.
40. *Lévinas E.* De Dieu qui vient à l'idée. Paris: Vrin, 1998. 270 p.
41. *Maritain J.* Art et Scolastique. Paris: Louis Rouart et fils, 1927. 352 p.
42. *Maritain J.* Préface // *R.P. Cayrè Fulbert.* Les sources de l'amour divin. La divine présence d'après saint Augustin. Paris: Desclée de Brouwer, 1933. P. I–VIII.
43. *Przywara E.* Augustin. Passions et destins de l'Occident / trad. par Ph. Secretan. Paris: Cerf, 1987. 128 p.

Источники

44. А. Пеллегрини — В.И. Иванову, 3 марта 1934, Милан — Павия // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 673–674.
45. *Августин Блаженный*. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеев. М.: МНПП «Гендальф», 1992. 544 с.
46. *Августин Блаженный*. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1598 с.
47. *Августин Блаженный*. Об Учителе // *Августин Блаженный*. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 1: Об истинной религии. С. 264–312.
48. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. Inferno. Песнь IX. 61–63 / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 44.
49. Иванов — Шестов / предисл. Ж. Пирон, подгот. текста и коммент. Ж. Пирон и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53/54. С. 421–434.
50. Иванов — Шор / подгот. текста и коммент. Д. Сегал, Н. Сегал (Рудник) // Символ. 2008. № 53/54. С. 338–403.
51. *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 476 с.
52. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
53. *Иванов Вяч.* Эхо. Из письма Карлу Муту / пер. О. Шор, предисл. и коммент. К. Лаппо-Данилевского и С. Титаренко // Символ. 2008. № 53/54. С. 220–228.
54. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М.: Феникс, 1992. 428 с.
55. Переписка В.И. Иванова и О.И. Синьорелли / публ. Э. Гаретто // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 457–495. (Collana di Europa Orientalis)
56. *Фома Аквинский*. Учение о душе / пер. с лат. К. Бандуровского, М. Гейде. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
57. *Augustin*. Soliloques suivis de Lettres intimes / trad. P. de Labriolle. Paris: Rivages, 2010. 176 p.
58. *Augustyn św.* Państwo Boże / przeł. ks. W. Kubicki. Kęty, 1998. 967 s.
59. Deux lettres de Vjaceslav Ivanov par Dimitri Jvanov // Revue des études slaves. 1998. Vol. 70, № 2. P. 477–484.

60. The Correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos / ed. by J. Zarankin and M. Wachtel // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 497–540. (Collana di Europa Orientalis)

References

1. “Soliloquio Viacheslava Ivanova: neizvestnoe ‘Pis'mo k samomu sebe.’” [“Soliloquio by Vyacheslav Ivanov: unknown ‘Letter to myself’”. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 2, ex. ed. N.Iu. Gryakalova, A.B. Shishkin, introd., text prep. and ref. by S.V. Fedotova. St. Petersburg, RKHGA Publ., 2016, pp. 424–449. (In Russ.)]
2. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
3. Berdiaev, N. *O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoi filosofii* [About Slavery and Human Freedom. The Experience of Personalistic Philosophy]. Paris, YMCA-Press Publ., 1939. 224 p. (In Russ.)
4. Berdiaev, N.A. *Ekzistentsial'naia dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Existential Dialectic of the Divine and the Human]. Paris, YMCA-press, Cop. Publ., 1952. 246 p. (In Russ.)
5. Golenishchev-Kutuzov, I.N. “Dostoevskii i Viacheslav Ivanov” [“Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov”], transl. from Serbian by I.V. Golenishchev-Kutuzov. Shishkin, A.B., and O.L. Fetisenko, editors. *Ivanov Viach. Dostoevskii: Tragediia — Mif — Mistika* [Ivanov Vyach. Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism], comm. by N.M. Segal-Rudnik, S.D. Titarenko, O.L. Fetisenko with the participation of K.A. Barsht, L.L. Ermakova and K.G. Isupov. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 220–232. (In Russ.)
6. Dudek, A. “Idei blazhennogo Avgustina v poeticheskom vospriiatii Viacheslava Ivanova” [“The Ideas of Blessed Augustine in the Poetic Perception of Vyacheslav Ivanov”]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiiia: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.], comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 437–444. (In Russ.)
7. Zhenett, Zh. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. 472 p. (In Russ.)
8. Kaianidi, L. “Srednevekovaia simvolika Rakhili i Lii v tvorchestve Viacheslava Ivanova: mezhdou Avgustinom, Grigoriem Velikim, Andreem

- Kritskim, Fomoi Akvinskim i Dante" ["Medieval Symbolism of Rachel and Leah in the Works of Vyacheslav Ivanov: between Augustine, Gregory the Great, Andrew of Crete, Thomas Aquinas and Dante"]. *Europa Orientalis*, no. 41, 2022, pp. 255–266. (In Russ.)
9. Lotman, Iu. *Chemu uchatsia liudi. Stat'i i zametki* [What People Learn. Articles and Notes]. Moscow, Tsentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino Publ., 2009. 416 p. (In Russ.)
10. Ovsianikov, S. "Mineia i palimpsest. 'Tserkovnoe' i 'personal'noe' vremia v stikhakh Viach. Ivanova" ["Mineia and Palimpsest. 'Church' and 'Personal' Time in the Verses of Vyach. Ivanov"]. *Europa Orientalis*, no. 35, 2016, pp. 167–176. (In Russ.)
11. Potemkin, V. "Vvedenie" ["Introduction"]. *Avgustin Blazhennyi. Ob istinnoi religii. Teologicheskii traktat* [Augustine the Blessed. About the True Religion. Theological Treatise]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, pp. 3–25. (In Russ.)
12. P'ege-Gro, N. *Vvedenie v teoriuu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality], ex. ed. and introd. by G.K. Kosikov. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)
13. Segal-Rudnik, N. "Dostoevskii v mifologii i ontologii Viach. Ivanova" ["Dostoevsky in Mythology and Ontology of Vyach. Ivanov"]. Segal-Rudnik, N., editor. *Zagadka modernizma: Viacheslav Ivanov: Materialy XI Mezhdunarodnoi Ivanovskoi konferentsii* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism." *The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019* [The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Materials of the XI International Conference "Vyacheslav Ivanov: The Riddle of Modernism." *Hebrew University in Jerusalem, May 5–7, 2019*]. Moscow, Vodolei Publ., 2021, pp. 124–178. (In Russ.)
14. Titarenko, S.D. "Faust nashego veka": mifopoetika Viacheslava Ivanova ["Faust of our Century": Vyacheslav Ivanov's Mythopoeitics]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 653 p. (In Russ.)
15. Titarenko, S.D. "K razgadke esse Viacheslava Ivanova 'Anima.'" ["To Unravel Vyacheslav Ivanov's Essay 'Anima'"]. *Ivanov, V.I. Anima* [Ivanov V.I. Anima], text prep., introd., ref., comm. and research by S.D. Titarenko, afterword by K.G. Isupov. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 89–120. (In Russ.)
16. Toporkov, A. "Otvzuki Dante v 'Povesti o Svetomire-tsareviche' Viach. Ivanova" ["Echoes of Dante in the 'Tale of Svetomir-Tsarevich' of Viach. Ivanov"]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiya: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: Pro et Contra, Anthology: in 2 vols.], comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 456–472. (In Russ.)

17. Tsimborska-Leboda, M. "Zabota ob Anima' — Viacheslav Ivanov kak souchastnik dialoga s sovremennost'iu" ["Caring for Anima' — Vyacheslav Ivanov as an Accomplice of the Dialogue with Modernity"]. Segal-Rudnik, N., editor. *Zagadka modernizma: Viacheslav Ivanov: Materialy XI Mezhdunarodnoi Ivanovskoi konferentsii* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism." The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019 [The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Materials of the XI International Conference "Vyacheslav Ivanov: The Riddle of Modernism." Hebrew University in Jerusalem, May 5–7, 2019]. Moscow, Vodolei Publ., 2021, pp. 198–214. (In Russ.)
18. Tsimborska-Leboda, M. "Nad palimpsestom ellinskikh sloves': Psikheia i Eros v poezii Viach. Ivanova. Mif o Dushe" ["Over the Palimpsest of Hellenic Words': Psyche and Eros in the Poetry of Vyach. Ivanov. The Myth of the Soul"]. Tahoe-Godi, E.A., editor. *Antichnost' i kul'tura Serebrianogo veka: k 85-letiiu A.A. Takho-Godi* [Antiquity and Culture of the Silver Age: to the 85th Anniversary of A.A. Tahoe-Godi]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 186–195. (In Russ.)
19. Tsimborska-Leboda, M. "Rai nezabyvchivoi dushi' i 'khristianskaia istina o cheloveke' — stikhotvorenje Viach. Ivanova 'Eden': kontekstual'noe prochtenie" ["The Paradise of an Unforgettable Soul' and 'the Christian Truth about Man' — a Poem by Vyach. Ivanov 'Eden': Contextual Reading"]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Research and Materials]. Issue 3, comp. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 196–215. (In Russ.)
20. Tsimborska-Leboda, M. "Ia semper idem i/ili vremiaob'emliushchee edinstvo lichnosti': lichnost' i vremia u Viacheslava Ivanova i Semena Franka" ["I am Semper Idem and/or the Time-embracing Unity of Personality': Personality and Time by Vyacheslav Ivanov and Semyon Frank"]. *Slavia Orientalis*, no. 4, 2019, pp. 629–644. (In Russ.)
21. Tsimborska-Leboda, M. "Viacheslav Ivanov i frantsuzskaia kul'tura: ot Verlana do Maritena" ["Vyacheslav Ivanov and French Culture: from Verlaine to Maritain"]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 85–93. (In Russ.)
22. Tsimborska-Leboda, M. "O poniatii 'transsenzusa' u Viacheslava Ivanova: k probleme 'Viacheslav Ivanov i Blazhennyi Avgustin.'" ["On the Concept of 'Transcendence' by Vyacheslav Ivanov: on the Problem of 'Vyacheslav

- Ivanov and Blessed Augustine.”]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiya: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: *Pro et Contra, Anthology: in 2 vols.*], comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 445–455. (In Russ.)
23. Tsimborska-Leboda, M. *Eros v tvorchestve Viach. Ivanova. Na puti k filosofii liubvi* [*Eros in the Works of Vyach. Ivanov. On the Way to the Philosophy of Love*]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
24. Chechot, I. “Putevodnaia zvezda tragedii: Mikelandzhelo glazami Ol'gi Shor” [“Guiding Star of Tragedy: Michelangelo through the Eyes of Olga Shor”]. Diddi, Cristiano, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv VIII* [*Russian-Italian Archive VIII*] = *Archivio russo-italiano VIII*. Salerno, Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011, pp. 185–216. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)
25. Sheler, M. *Ordo amoris* [*Ordo Amoris*]. *Biblioteka po filosofii* [*Library of Philosophy*]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000166/index.shtml> (Accessed 17 February 2023). (In Russ.)
26. Shishkin, A. “Viacheslav Ivanov i Italiia” [“Vyacheslav Ivanov and Italy”]. *Russko-ital'ianskii arkhiv I* [*Russian-Italian Archive I*] = *Archivio russo-italiano I*, comp. D. Rizzi, A. Shishkin. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche Publ., 1997, pp. 503–528. (In Russ.)
27. Shishkin, A.B. “Viach. Ivanov i novoe otkrytie Dostoevskogo v XX veke” [“V. Ivanov and Dostoevsky's New Discovery in the 20th Century”]. Shishkin, A.B., and O.L. Fetisenko, editors. *Ivanov Viach. Dostoevskii: Tragediia — Mif — Mistika* [*Ivanov Vyach. Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism*], comm. by N.M. Segal-Rudnik, S.D. Titarenko, O.L. Fetisenko with the participation of K.A. Barsht, L.L. Ermakova and K.G. Isupov. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)
28. Libera, A. de, rédacteur. *Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris. 25 juin 2010*. Paris, VRIN, 2013. 176 p. (In French)
29. Arendt, H. *Wola*, przeł. R. Piłat. Warszawa, Spółka Wydawnicza “Czytelnik”, 1996. 301 s. (In Polish)
30. Bertrand, L. *Les plus belles pages de Saint Augustin*. Paris, Fayard, 1916. 374 p. (In French)
31. Boulnois, O. “Augustin, La faiblesse et la volonté.” Libera, A. de, éditeur. *Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris. 25 juin 2010*. Paris, VRIN, 2013, pp. 51–78. (In French)

32. Buczyńska-Garewicz, H. "Sens woli i wolności [Przedmowa]." Arendt, H. *Wola*, przeł. R. Piłat. Warszawa, Spółka Wydawnicza "Czytelnik", 1996, pp. 5–23. (In Polish)
33. Carraud, V. "Pondus meum, amor meus, ou l'amour de soi contradictoire." Libera, A. de, éditeur. *Après la métaphysique: Augustin? Actes du colloque inaugural de l'Institut d'études médiévales de l'Institut catholique de Paris. 25 juin 2010*. Paris, VRIN, 2013, pp. 79–110. (In French)
34. Claudel, P. *Journal. Vol. I (1904–1932)*. Paris, Gallimard, 1968. 1480 p. (In French)
35. Cymborska-Leboda, M. "Viacheslav Ivanov et Paul Claudel: Métaphysique de l'âme et du symbolisme sacré — pour une lecture analogique/anagogique." *L'Avènement d'un "art nouveau": essaimage esthétique et spirituel de l'œuvre de Paul Claudel*, sous la direction de P. Lécroart et D. Millet-Gérard. Besançon, Presses Universitaires de Franche-Comté, 2021, pp. 135–150. (In French)
36. Dupuigrenet Desroussilles, F. "Préface. Augustin avec Augustin." *Augustin. Soliloques suivi de Lettres intimes*, trad. P. de Labriolle. Paris, Rivages, 2010, pp. 7–24. (In French)
37. Eco, U. *Na ramionach olbrzymów*, przeł. K. Żaboklicki. Warszawa, Noir sur Blanc, 2019. 442 s. (In Polish)
38. Hadot, P. *Filozofia jako ćwiczenie duchowe*, przeł. P. Domański. Warszawa, Fundacja Aletheia, 2000. 332 s. (In Polish)
39. Kijewska, A. *Święty Augustyn*. Warszawa, Wydawnictwo "Wiedza Powszechna", 2007. 364 s. (In Polish)
40. Lévinas, E. *De Dieu qui vient à l'idée*. Paris, Vrin, 1998. 270 p. (In French)
41. Maritain, J. *Art et Scolastique*. Paris, Louis Rouart et fils, 1927. 352 p. (In French)
42. Maritain, J. "Préface." R.P. Cayrè, Fulbert. *Les sources de l'amour divin. La divine présence d'après saint Augustin*. Paris, Desclée de Brouwer, 1933, pp. I–VIII. (In French)
43. Przywara, E. *Augustin. Passions et destins de l'Occident*, trad. par Ph. Secretan. Paris, Cerf, 1987. 128 p. (In French)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

<https://elibrary.ru/ATNHEE>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Н.М. Сегал-Рудник

«ПЕТРОВСКОЕ НА ОКЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Аннотация: В статье рассматривается проблема хронотопа и вопрос о пространственной позиции лирического субъекта в двух посланиях Вяч. Иванова Ю.К. Балтрушайтису и его супруге, Марии Ивановне, — «Минувшее лето» и «Колонны белья за лугом...» (1915), которые получают авторское название «Петровское на Оке» при составлении сборника «Свет Вечерний» (1962). Лирический герой цикла — визионер, находящийся в особой алетейной позиции. Отсюда ему в пространстве-времени Петровского на Оке открывается ценностная структура Вселенной и динамика исторических процессов, что позволяет сопоставить «петровские» циклы Иванова с метафизической традицией русской поэзии XVIII в. («Евгению. Жизнь Званская» Г.Р. Державина) и ее романтической трансформацией (элегия В.А. Жуковского «Вечер»). Столь же существенными для формирования хронотопа цикла посланий чете Балтрушайтис являются реминисценции и аллюзии фламандской живописи XV–XVII вв. Анализ текстов приводит к заключению, что эстетическая позиция лирического субъекта в рамках хронотопа Петровского на Оке соотносится с идеей М. Бахтина о вненаходимости.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, М. Бахтин, Петровское на Оке, Ян ван Эйк, алетейная позиция, вненаходимость.

Информация об авторе: Нина Михайловна Сегал-Рудник — PhD, профессор кафедры русских и славянских исследований, гуманитарный факультет, Еврейский Университет в Иерусалиме, гора Скопус, Израиль.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0615-8568>

E-mail: ninarudnik@gmail.com; Nina.Rudnik@mail.huji.ac.il

Для цитирования: Сегал-Рудник Н.М. «Петровское на Оке» Вячеслава Иванова: пространство и время // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 51–72. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

“PETROVSKOYE-NA-OKE” BY VYACHESLAV IVANOV: SPACE AND TIME

Abstract: The article examines space-time framework of Vyacheslav Ivanov's poetic cycle “Petrovskoye-na-Oke” that includes two poems, “The Last Summer” and “To Maria Baltrušaitis' Album” (“The White Columns Behind the Meadow...”) dedicated, respectively, to the poet Jurgis Baltrušaitis and his wife Maria (1915, 1946–1949). The spatial position of the lyrical subject is of special interest. The poetic subject of the “Petrovskoye-na-Oke” topos sees a dramatic picture of the universe and discovers the dynamics of historical processes. This makes these poems by Ivanov a direct continuation of the metaphysical Russian poetry of the 18th century (e.g. Gavriil Derzhavin) as well as of the romantic Russian lyric poetry of the 19th century (Vassily Zhukovsky). Reminiscences from the Netherlandish painting tradition of the 15–17th centuries also come to mind. The topos of “Petrovskoye-na-Oke” poems, one of the lyric constants of Ivanov's poetry, invites a comparison with Mikhail Bakhtin's aesthetic theory of being outside.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Mikhail Bakhtin, Jan van Eyck, Petrovskoye-na-Oke, aletheia, being-outside.

Information about the author: Nina M. Segal-Rudnik, PhD, Professor of the Department of Russian and Slavic Studies, Faculty of Humanities, Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus, Israel.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0615-8568>

E-mail: ninarudnik@gmail.com; Nina.Rudnik@mail.huji.ac.il

For citation: Segal-Rudnik, N.M. “‘Petrovskoye-na-Oke’ by Vyacheslav Ivanov: Space and Time.” *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 51–72. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

Хронотоп Петровского на Оке — усадьбы В.В. Бера, где летом 1914 г. снимали дачу семьи Вяч. Иванова и Ю.К. Балтрушайтиса, — приобретает в поэзии Иванова черты профетического топоса уже в его первом «петровском» цикле «На Оке — перед войной»¹. Созданный накануне начала войны и напечатанный в «Русской

¹ О профетическом топосе см.: Сегал-Рудник Н.М. «Петровские» циклы Вяч. Иванова (в печати).

мысли» с датами создания стихотворений, цикл был закреплен в сознании современников как пророческое предвидение грозных событий (см.: [2; 17]). Хронотоп Петровского на Оке с уже подразумеваемой профетической коннотацией вновь возникает в двух посланиях Иванова чете Балтрушайтис: «Минувшее лето» («Забуду ль в роковые дни...») и «В альбом М.И. Балтрушайтис» («Колонны белая за лугом...»)². Создание обоих текстов совпадает с моментом развития военных действий, который многим казался символическим: стихотворения были написаны последовательно 5 и 6 января 1915 г., т. е. сразу после официального заявления штаба Кавказской армии об окончательной победе в Саракмышском сражении (9 (22) декабря 1914 — 5 (18) января 1915 гг.). Знаменитая 3-я турецкая армия, приведшая к победе младотурок в 1908 г., была позорно разгромлена относительно небольшими русскими силами. В результате оказалась посрамлена не только военная тактика Османской империи, основанная на немецких и наполеоновских образцах. Победа России и ее союзников по Антанте в оборонительной операции против наступления турецких войск в районе Саракмыша Карской области в целом означала срыв планов Османской империи по захвату российского Закавказья и начало конца идеологии и практики пантюркизма и пантуранизма. Казалось, что поражение Энвера-паши открывало для всего христианского мира новую эпоху, которая должна была начаться Дарданелльской операци-

² Стихотворения цикла были изначально объединены общим импульсом, о чем свидетельствуют даты их создания. «Минувшее лето» было опубликовано в 1915 г. в «Невском альманахе» с посвящением «Юргису и М.И. Балтрушайтис» и датой создания — 5 января 1915 г. Стихотворение «В альбом М.И. Балтрушайтис» («Колонны белая за лугом...») опубликовано в 1916 г. во втором выпуске альманаха «Гюлистан». В рукописи стихотворение «В альбом М.И. Балтрушайтис» имеет название «Сельское соседство» («Колонны белая за лугом...») и датировано 1915 г. (см.: [23, с. 9, л. 56]. В Брюссельском собрании сочинений Вяч. Иванова в примечании к этому стихотворению указано: «Стихотворение написано в Москве, в ночь на 6 января 1915 года» [22, т. III, с. 834]. Уточнение датировки текста О.А. Шор (О. Дешарт) согласовано с воспоминаниями Л.В. Ивановой, см. мемуарную часть текста этого примечания: [22, т. III, с. 835–836].

ей, захватом Стамбула и выводом Турции из войны. Петровское на Оке как топос пророчества, связанный с ним семантический сюжет и его лирический субъект становятся, таким образом, существенными формообразующими факторами поэтики Иванова, в определенном смысле константой его идеологической и эстетической позиции. Вновь к этому топосу Иванов обращается в 1946–1949 гг. при составлении сборника «Свет Вечерний», включая в него оба «петровских» цикла, отредактированных специально для этого издания и напечатанных в порядке их создания. Два послания чете Балтрушайтис получают здесь общее название — «Петровское на Оке». Предметом нашего рассмотрения в настоящей статье является один формальный признак хронотопа цикла посланий «Петровское на Оке» — позиция его лирического героя. Она отлична от положения лирического субъекта в пространстве-времени цикла «На Оке — перед войной» и может быть охарактеризована как алетейная.

Понятие ἀλήθεια, хорошо известное Вяч. Иванову как филологу-классику и философу, было дополнительно актуализировано в 1914 г. благодаря публикации книги о. П. Флоренского «Столп и утверждение Истины». Флоренский писал, оспаривая современные вариации гераклитовой идеи реальности и мощи времени, в частности, у А. Бергсона:

...у нас незаглушимо требование того, что *не* забвенно, что *не* забываемо, что “пребывает, μένει” в текущем времени. Эта незабвенность и есть ἀλήθεια. Истина, в понимании **ЭЛЛИНА**, есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, — нечто преодолевающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое. Истина есть *вечная память* какого-то Сознания; истина есть ценность, достойная вечного памятованья и способная к нему [16, с. 18–19].

Эллинское представление об истине-ἀλήθεια и ивановское понятие символистской вселенской тайны, сохраняющейся в пространстве и времени, представляются концептуально близкими. Во всяком случае, их соответствие очевидно в поэзии Ива-

нова начала Первой мировой войны, когда тезис о непреходящей истине соотносится для него с кажущимся столь близким разрешением восточного вопроса и ситуации с Константинополем – на фоне начавшегося еще накануне войны обсуждения проблемы проливов, которое в результате привело к развертыванию Дарданелльской операции. Иванов и Балтрушайтис солидаризировались с положением В.Ф. Эрна о том, что мир вступил в «славянофильский эон» истории и «русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий» [18, с. 6–7]³.

Два послания чете Балтрушайтис дополняют и уточняют уже сложившуюся структуру петровского профетического топоса Иванова и его позицию как принадлежащую «большому стилю». Семантический сюжет цикла «Петровское на Оке» разворачивается в визуальных процессах лирического субъекта (см.: [6]) как поиск метафизической концепции истины. Приведем тексты посланий⁴.

Петровское на Оке

Юргису и Марии Ивановне Балтрушайтис.

1.

- 1 Забуду ль, в роковые дни
- 2 Священного отчизне лета,
- 3 Семьи соседственной поэта
- 4 Гостеприимные огни?
- 5 Мы вместе зажигали свечи
- 6 И выносили образа,
- 7 Когда вселенская гроза
- 8 Семью громами издалече
- 9 Заговорила.... И во мне
- 10 Навек жива взаимность эта,
- 11 Как соучастие обета
- 12 Спасенных на одном челне.

³ В переписке Иванова с Балтрушайтисом этого времени имя Эрна упоминается в соответствующем контексте [7, с. 78, 85].

⁴ Цикл посланий цитируется по [22], вопрос о вариантах разночтений по отношению с первыми публикациями здесь не дискутируется.

2.

- 1 Колонны белые за лугом... На крыльце
- 2 Поэтова жена в ванэйковом чепце, —
- 3 Тень Брюгге тихого... Балкон во мгле вечерней, —
- 4 Хозяйки темный взгляд, горящий суеверней, —
- 5 Мужского голоса органные стихи...
- 6 И запах ласковый сварившейся ухи
- 7 С налимом сладостным, подарком рыбакова
- 8 Собрату рыбарей и сеятелей слова...
- 9 Вы снова снитесь мне, приветливые сны!
- 10 Я вижу, при звездах, кораллы бузины
- 11 В гирляндах зелени на вечере соседской,
- 12 Как ночь, торжественной, — как игры Музы, детской.
- 13 И в облаке дубов, палатой вековой
- 14 Покрывшем донизу наклон береговой,
- 15 В мерцании струй речных и нежности закатной,
- 16 Все тот же силуэт, художникам приятный,
- 17 Прямой, с монашеской заботой на лице,
- 18 Со взглядом внемлющим, в ванэйковом чепце

[22, т. III, с. 528–529].

Доминанта цикла «Петровское на Оке» — символический образ «Поэтова жена в ванэйковом чепце». На его будущее появление словно указывает рифменный повтор «эта» первого стихотворения в стихах 2–3, 10–11: «лета — поэта — эта — обета». Основной символ цикла стоит в рифменной позиции во втором стихе второго стихотворения, соответственно, в четырнадцатом стихе цикла, состоящего из тридцати строк. Ян ван Эйк изображает в таком «чепце» свою супругу Маргарет на портрете 1439 г. Видимо, этот портрет имеет в виду Иванов, указывая на Брюгге как место его первоначального и настоящего хранения⁵: «Тень Брюгге тихого». Такое же изображение головного убора есть и на «Портрете четы Арнольфини» (1434 г., Лондон, Национальная галерея). Увенчанная головным убором с картин знаменитого фламандца, фигура лирической героини послания

⁵ До начала XVIII в. картина находилась в церкви Гильдии св. Луки, затем была перенесена в Groeningemuseum (Brugge).

кажется словно вытканной в центре поэтической ткани ивановского цикла. Той же рифмой-повтором замыкается цикл посланий чете Балтрушайтис: «Поэтова жена в ванэйковом чепце» с тревогой, мистическим предчувствием (ср. ее «темный взгляд, горящий суеверней») и «монашеской заботой» вглядывается в наступающие сумерки. Ассоциация с образом страдающей Бельгии вкупе с именем лирической героини послания Иванова напоминает о вариантах *imitatio Mariae*.

Образ «поэтова жена в ванэйковом чепце» возникает в тексте Иванова в процессе поэтической сакрализации, который начинается уже в первом стихотворении и постепенно захватывает все поэтическое пространство цикла. Формально этот процесс выражается, в частности, в лейтмотивном повторе «за». Он пронизывает все первое стихотворение, создавая символику обета, клятвы, завета: «**З**абуду ль, **з**ажигали, **о**браза, **г**роза, / **З**аговорила, **в**заимность». Три префикса глаголов со значением начинающегося действия создают ощущение интенсивности воспоминания лирического «я». Повтор «за-» с семантикой клятвы связан с интроспекцией лирического субъекта, «путешествующего» в пространстве воспоминания. Обращенный в прошлое, его интроспективный взгляд прикован к тому месту, откуда видны усадьба и все Петровское на Оке. Из топографии Петровского понятно, что позиция лирического субъекта должна находиться за рекой, чтобы охватить взглядом все это пространство.

Во втором стихотворении цикла «Петровское на Оке», «Колонны белые за лугом...», повтор «за-», хотя и менее частотный, связан с той же семантикой обета-клятвы и тем же представлением о заречной позиции лирического субъекта. Эта заречная, алетейная, позиция позволяет вновь интроспективно всмотреться в очертания усадьбы, совершая то же странствие в хронотопе памяти, что и в первом стихотворении. Повтор «за-» во втором послании продуктивно используется в создании хронотопа воспоминания о доме друзей: дружеская трапеза («**з**апах»), время суток («**з**акатной») и женское начало, окутывающее все происходящее («**з**аботой»). Во втором тексте происходит снижение частотности активного залога: здесь только два глагола («снитесь»

и «вижу»), два действительных причастия («горящий» и «внемлющий») и два страдательных («сварившейся» и «покрывшем»). Темпоритм разворачивания воспоминания в цикле замедляется от четырехстопного ямба первого послания к шестистопному ямбу второго⁶. Так уже в первом стихе второго послания происходит семантический сдвиг, создающий впечатление гораздо более длительного и пристального всматривания в прошедшее. Соответственно, увеличивается момент пребывания лирического субъекта в заречной, алетейной позиции, что дает ему возможность к концу цикла обнаружить ту тайну петровского пространства, которая заключена в образе «Поэтова жена в ванейковом чепце». Символический женский образ цикла возникает перед внутренним взором лирического субъекта-визионера на фоне все более детальной проработки картины русской усадьбы.

Алетейная позиция лирического героя тесно связана с представлением о русской усадьбе как религиозном, провидческом и творческом топосе. Здесь открывается тайна исторического и вневременного, отсюда провидится мировая трагедия, напряженное ожидание которой разлито в самом поэтическом усадебном быте⁷. В первом стихотворении цикла Иванова «вселенская гроза» уже разразилась (7 стих), с ней корреспондируют «гостеприимные огни» усадьбы (4 стих), напоминающие о фетовских «Вечерних огнях», и всеобщее огненное действо во второй строфе, участники которого — поэтическое «мы» послания-клятвы⁸.

⁶ В посланиях чете Балтрушайтис 4Ямжжм в первой и третьей строфах и 4Яжммж во второй строфе первого текста сменяется во втором стихотворении 6Яммжж и анапестическими ходами в 5 и 6 стопах, смещающими смысловую ситуацию в начало строки.

⁷ Подобно тому, как это происходит в «Вечерних огнях» Фета. Вл. Соловьев, анализируя «Вечерние огни», писал, в частности: «Не одна только трагедия служит к очищению (καθάρισις) души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика на всех, кто к ней восприимчив» [13, с. 404]. В общей атмосфере стихотворения Иванова и всего цикла «Петровское на Оке» возможная ассоциация с «Вечерними огнями» и этими словами Соловьева корреспондирует с представлениями о поэзии как синтезе души поэта с целостным строем бытия.

⁸ Ср. подобные «огненные» мотивы в публицистике этого времени.

Позиция лирического субъекта позволяет охватить взглядом все Петровское на Оке, включая оба берега реки, холм, парк на его склонах, луг перед усадьбой и, наконец, дом с символической женской фигурой. Она является параллелью к его образу и в хронотопе цикла посланий занимает противоположную по отношению к нему позицию: «он смотрит на нее, стоящую на фоне дома с колоннами, — она вглядывается во все окружающее пространство, включающее другой берег реки». Образ «Поэтова жена в ванэйковом чепце» приобретает семантику оберегания, заботы по отношению и к лирическому субъекту, и ко всему пространству топоса.

Метафизическая концепция цикла посланий чете Балтрушайтис разворачивается в ряде визуальных картин и настойчиво требует обращения к топосу усадьбы в русской классицистской традиции. На нее указывает ритмика посланий Иванова, о которой как способе увеличения длительности всматривания уже говорилось выше. Особенно интересен в этом отношении шестистопный ямб второго послания. В своем описании атмосферы сельской жизни в Петровском на Оке он явно восходит к той же II эклоге Горация и немецкой традиции *Landlebendichtung* (E.K. von Kleist, F. von Hagedorn), что и послание Державина «Евгению. Жизнь Званская» [19, с. 316]. Державинские религиозные и философские поиски единства и гармонии со Вселенной становятся вехами метафизики посланий Иванова чете Балтрушайтис. Обращение к Державину в ивановском топосе Петровского на Оке создает момент покоя и тишины, необходимый для провидения грядущих событий⁹. В обоих посланиях Балтрушайтисам позиция лирического субъекта остается неизменной — заречной, алетейной; перемещается только его интроспективный взор. Положение героя в пространстве строго ограничено. В этом отношении очевидно влияние «Евгению. Жизнь Званская» с его обращением к традиции паскалевской философии, столь определяющей для русского классицизма и возникновения русской ме-

⁹ О тишине в традиции русской поэзии XVIII в. см.: [12, с. 115–117, 160–164, 196; 10, с. 192–203; 5, с. 6–8; 4, с. 139–145].

тафизической поэзии. Наблюдение из определенной точки предполагает поиск структуры мира как Божественного творения и идею возможной тождественности Абсолюта и человеческого существования. Преломленная романтизмом, эта классицистская традиция в определенной мере обусловила поэтические открытия Фета, Тютчева и особенно Вл. Соловьева, столь важные для Иванова, в центре послания которого оказывается символический женский образ, вызывающий соответствующие ассоциации.

В отличие от хронотопа Державина, основанного на представлении о сутках как символе человеческой жизни, в посланиях Балтрушайтисам время определено романтическими сумерками, наступлением вечера и светлой летней ночи. Общая атмосфера, создающаяся в стихотворении «Колонны белые за лугом...», напоминает о написанной тем же размером элегии Жуковского «Вечер» — отправного полемического пункта для послания Державина «Евгению. Жизнь Званская». Видению целого мироздания в послании Державина на протяжении разворачивающихся суток соответствует в послании Иванова пристальное вглядывание в наступающий вечер и вслушивание в тишину, как у Жуковского. Очевидно, сам метод религиозного познания-откровения, усвоенный Жуковским и русским романтизмом у Сведенборга и Бёме, стал актуальным для интроспекции лирического субъекта Иванова. Подобная идея всматривания-видения характерна и для Я. ван Рёйсбрук, книга которого «Одеяние духовного брака» вышла в русском переводе в 1910 г. и приобрела широкую известность в литературных кругах. Узрение мистической окраски предметов в цикле Иванова столь же напоминает о религиозных и эстетических принципах элегии «Вечер» или фрагмента «Невыразимое».

Вопрос о жанровой принадлежности второго стихотворения цикла «Петровское на Оке» предполагает обращение к проблеме взаимодействия классицистской и романтической традиции (ср.: [14, с. 83, 87–88]): послание включает в себя элементы элегии, а его форма с эффектом незавершенности напоминает о фрагменте. В первых восьми стихах — четырех предложениях первой части текста — обращают на себя внимание четы-

ре многоточия, создающие характерную медитативную интонацию, передающую ощущение медленно развивающегося процесса погружения вглубь памяти. Ему соответствует и обрамляющая рифма «крыльце — чепце — лице — чепце». Вторая часть фрагмента (стихи 9–18) начинается с восклицания с характерным мотивом прошлого как сладостного сна: «Вы снова снитесь мне, приветливые сны!»

Иванов совмещает традиции Жуковского и Державина, на свой лад разрешая давний спор поэтов в современном контексте. Явление в воздухе женского силуэта напоминает о символике красоты и поэзии у Жуковского, например, «Гений чистой красоты» в «Лалла Рук». К словарю Жуковского отсылает и строка «В мерцанье струй речных и нежности закатной», ср. в элегии «Вечер»: «Последняя в реке блестящая струя / С потухшим небом угасает», «Как сладко в тишине у берега струй плесканье!» Вместе с тем в тексте Иванова существуют столь же явные державинские пространственные характеристики, ср. образ реки как зеркала, в котором отражается высший мир:

- 13 И в облаке дубов, палатой вековой
- 14 Покрывшем донизу наклон береговой,
- 15 В мерцаньи струй речных и нежности закатной,
- 16 Все тот же силуэт, художникам приятный,
- 17 Прямой, с монашеской заботой на лице,
- 18 Со взглядом внемлющим, в ванёйковом чепце.

Подобное происходит в послании Державина «Евгению. Жизнь Званская», где в описании речных отражений через камеру-обскуру возникает проекция структуры мира. Движение звезд и солнц связано с представлением о Божественной Премудрости и служит ее прославлению [19, с. 274]:

- Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью [21, с. 330].

В видениях лирического субъекта Иванова, находящегося на другой стороне символического водного потока, символ «Поэтова жена в ванэйковом чепце» ассоциируется в контексте державинского послания с подобным явлением высшей реальности. Проекция державинской картины оказывается транспонированной в иной философский и поэтический контекст.

Мотивы сакрализации пространства во втором послании Иванова Балтрушайтисам словно намеренно скрыты элегической интонацией, напоминающей о Жуковском, однако онтологический статус хронотопа стихотворения свидетельствует об ориентации Иванова на образцы Ломоносова и Державина, корреспондирующие с представлением о Всевышнем как великом зодчем — создателе и устройтеле мира. Этому способствуют дополнительные аллюзии фламандской живописи, в частности, символика голландского натюрморта XVII в. в ивановском описании ужина:

6 И запах ласковый сварившейся ухи

7 С налимом сладостным, подарком рыболова

8 Собрату рыбаей и сеятелей слова...

Ивановский натюрморт напоминает о поэтических «картинах» Державина в послании «Евгению. Жизнь Званская» с их *couleur locale*, ср. окского налима и запах ухи у Иванова и державинскую щуку («с голубым пером / Там щука пёстрая») и запах («пар») чая и кофе у Державина. В обоих случаях подразумевается традиционная христианская символика рыбы, актуализированная ассоциациями с «рыбным» фламандским натюрмортом. Сакрализация бытовых деталей у Иванова поддерживается евангельской лексикой («собрату рыбаей и сеятелю слова...») вкупе с фигурой умолчания в конце предложения. В результате вечерняя трапеза на большом балконе, поддерживаемом мощной полуротондой римской дорической колоннады («Колонны белые за лугом...»), превращается в священное действо, вечерю. Орган стихов звучит над упоминаемыми в тексте дубовым парком, береговым наклоном и всем открывающимся сверху бескрайним

окским пейзажем. Процесс сакрализации охватывает все видимое пространство, напоминая о традиции изображения русской усадьбы как храма, ср. «храмовидный дом» в послании «Евгению. Жизнь Званская». Одновременно возникает еще одна аллюзия европейской традиции изображения сакральных фигур и объектов в доме/храме на фоне широко открывающегося пейзажа, как, например, в картине того же Я. ван Эйка «Мадонна канцлера Ролена».

Другая существенная деталь, свидетельствующая о развертывании в тексте всеохватывающего процесса перевода профанного в религиозное в топосе Петровского на Оке, — это гирлянды, обвивающие дом, которые также видны с алетейной позиции героя:

10 Я вижу, при звездах, кораллы бузины

11 В гирляндах зелени на вечере соседской,

12 Как ночь, торжественной, — как игры Музы, детской.

Зеленые гирлянды с ягодами бузины напоминают о цветочных декорах средневековых соборов, особенно распространенных в готике, ср., например, гирлянду, опоясывающую стены Амьенского собора, или Анжер с его цветочными гирляндами нервюр. Образ Петровского на Оке приобретает черты подобного сакрального здания. В тексте Иванова в соотношении с символическими тревогой и заботой хозяйки красная бузина с ее славянской символикой¹⁰ в зелени гирлянд и колорите наступающего вечернего освещения вызывает ассоциации с пролитой кровью и смертью. Торжественная интонация в описании ужина (вкупе с темой обета в цикле) указывает на параллель с живописными

¹⁰ Красная бузина — распространенное растение, используемое в том числе и для декоративных целей, в немецких и западно-славянских верованиях, имеет защитную функцию по отношению к дому: в кусты красной бузины не бьет гром, а в дом не проникает нечистая сила, потому что в бузине живут оберегающие жилище духи. Бузина связана с представлениями о замужестве, любви и производительной силе, например, в литовских верованиях [1, с. 487, 489; 15, с. 241, 243–244]. В западнославянском дендрарии у бузины есть и значение, связанное с символикой смерти (например, в Польше из нее делают погребальные венки) [1, с. 491].

изображениями тайной вечери, у Иванова — символистской вечери поэтов и поэзии как тайного апостольского служения в годину гнева, если пользоваться его же выражением.

Символика этой религиозной сцены на фоне цветочной гирлянды вновь напоминает о фламандской традиции XVII в., где становятся особенно популярными изображения религиозных сцен в окружении гирлянд, например, у Я. Брейгеля-старшего, Д. Зегерса, Я.Д. де Хема, Ф. Снейдерса, П.П. Рубенса и др. Гирлянды, задуманные как *trompe l'oeils*, формируют иллюзионистскую рамку внутри рамы картины, выделяя на первый план эти религиозные изображения. Образ женщины с ребенком на фоне гирлянды — традиционный сюжет этого жанра, известными примерами которого являются «Мадонна с младенцем, окруженные цветами» Я. Брейгеля-старшего и Х. ван Балена (1607–1608 гг., Милан, Амброзиана), «Мадонна с младенцем, окруженные цветами и фруктами» Я. Брейгеля-старшего и П.П. Рубенса (1620 г., Мадрид, Прадо) или их же «Мадонна с младенцем в цветочной гирлянде» (1621 г., Париж, Лувр) [20]. В центре этих композиций находится изображение Мадонны с младенцем, которое резко выступает, «является» из зеленой гирлянды с цветами и фруктами.

Подобная картина возникает перед взором лирического субъекта ивановского стихотворения, находящегося на другой стороне символического водного потока — течения памяти. Внутреннее течение его сна наяву приносит прозрение: «Вы снова снитесь мне, приветливые сны! / Я вижу <...>». Отсюда этому зрению, обращенному вовнутрь, в глубину памяти, открывается высшая истина — видение женщины в «ванэйковом чепце». Оно, подобно иконописному изображению, освящает всю открывающуюся панораму усадьбы и завершает цикл.

В созданном Ивановым элегическом континууме цикла «Петровское на Оке» определяется онтологическая позиция лирического субъекта, которая возникает в результате расширения его интроспективного обзора. Момент личной памяти, все более распространяющийся в пространстве и времени, преобразуется в платоновскую память-*anamnesis* благодаря использованию в тексте живописных, архитектурных и пейзажных ци-

тат и аллюзий, имеющих явно выраженные сакральные оттенки и свойства. Искусство, поэзия, брачный союз и идущая в отдалении грозная священная война возникают как этическое и эстетическое единство на фоне тишины, сельского покоя, налаженного быта русской усадьбы.

Таким образом «Поэтова жена в ванэйковом чепце» является взору лирического субъекта Иванова не только как символ солидарности России и Бельгии, Востока и Запада, экуменического религиозного единства. Явление этого символа в пейзаже на фоне наступающего вечера вызывает напрашивающуюся ассоциацию с поэтической эпифанией. Петровское на Оке в цикле Иванова становится одним из тех русских богородичных локусов, которые имели столь большое значение в его творчестве, ср., например, с легендой о Дивеевом монастыре в сопоставлении с затворением Деметры в Элевсине в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911).

В цикле посланий Иванова синтаксические конструкции, лейтмотивы, размеры, рифменные сочетания и весь остальной поэтический инструментарий функционально подчинены единой цели: открытию истины, ее скрытого сакрального содержания, определяющего смысл истории. Топос «Петровского на Оке» предполагает этот момент движения по направлению к истине из алетейной позиции лирического субъекта. В этом отношении ее вполне возможно сопоставить с представлением М.М. Бахтина о венаходимости. Об этом, в частности, свидетельствует в ивановском цикле состояние тишины и покоя, которое необходимо для узрения того, что непреложно сохраняется в гераклитовом потоке времени. «Петровское на Оке» в посланиях Иванова чете Балтрушайтис можно в целом определить как пространство тишины, где любой звук и движение воспринимаются поэтом столь обостренно. Бахтин, почитатель, последователь и вдумчивый оппонент Иванова, соотносил такой «обоснованный покой» с представлением о «спокойной, незыблемой и богатой позиции венаходимости», характерной для большого стиля и противопоставленной кризису авторства в романтизме и последующих направлениях. «Покой как выражение доверия

в событии бытия, ответственный, спокойный покой», покой как обоснованная ценностная установка бытия является, с его точки зрения, условием эстетического творчества [3, с. 189]. Бахтин акцентирует связь позиции вненаходимости и покоя как религиозного, философского и культурного понятия, характерного для большого стиля¹¹. К нему принадлежит поэзия Иванова в целом, и цикл «Петровское на Оке» — одно из подтверждений этому¹².

Установка на ценностный покой — отличительная черта лирического субъекта цикла «Петровское на Оке». Она обеспечивается идеологической и эстетической позицией Иванова, его уверенностью в неминуемом приближении «царьградского периода» русской истории как урока России, заданного Достоевским. Именно поэтому в стихотворных текстах 1914–1915 гг. на первый план выдвигается проблема познания Вселенной как за-

¹¹ Бахтин утверждает: «Уверенное единство стиля (большой и сильный стиль) возможно только там, где есть единство познавательно-этической напряженности жизни, бесспорность управляющей ею заданности — это первое условие, второе — бесспорность и уверенность позиции вненаходимости (в конечном счете, как увидим, религиозное доверие к тому, что жизнь не одинока, что она напряжена и движется из себя не в ценностной пустоте), прочное и неоспоримое место искусства в целом культуры. Случайная позиция вненаходимости не может быть уверена в себе; стиль не может быть случайным. Эти два условия тесно связаны между собой и взаимообуславливают друг друга. Большой стиль обнимает все области искусства, или его нет, ибо он есть стиль прежде всего самого видения мира и уже затем обработки материала» [3, с. 185–186].

¹² Принадлежность поэзии Иванова и его собственной эстетической позиции к большому стилю обусловлена не только его обширными знаниями и образованностью, но прежде всего его глубокой религиозностью, его теологическими, мистическими и эзотерическими интересами. Другим определяющим фактором была ориентированность его научных занятий и культурной деятельности на античность, тем бережным отношением филолога-классика, которое не могло быть поколеблено в своих основах никакими неоромантическими и другими модернистскими трансформациями. Продолжающаяся на протяжении всей жизни Иванова полемика с Ницше и отстаиваемая в ней идея Третьего славянского Возрождения все более укрепляла и детализировала связь античности и христианства. Эта фундированная эстетическая позиция Иванова обеспечивает его особое положение в полемике между неославянофилами и их противниками по поводу мирового значения разразившихся событий и роли России в них.

мысла Всевышнего, поэтическое изучение действующих в ней сил и их связей с историческими функциями стран и народов, призванных сейчас на последний суд [2, с. 172]. Вопрос о строении мира, пылающего в огне войны, соотносится со структурой лирического «я». В этом плане очевидна та преемственность, которая связывает поэзию Иванова с западноевропейской и русской традицией. Напомним еще раз о значимости идеи Паскаля о возможном тождестве структуры мира и человеческой личности.

Лирика Иванова 1914–1915 гг. имеет подобный характер эпистемологического орудия. Однако соотношение позиции вненаходимости в поэзии Иванова с классическими образцами немедленно выявляет существенную разницу. Его лирический субъект практически всегда отождествляется с учителем, наставником, пророком — старшим, мудрым, убежденным в своих религиозных и этических ориентирах. Он всегда на равных с универсумом, несмотря на разницу масштабов; более того, поэтическое запечатление грандиозности Вселенной акцентирует правоту лирического «я». Ощущение собственной малости, характерное для оды Ломоносова или Державина, практически отсутствует в поэзии Иванова. Даже в послевоенном и послереволюционном тексте «Да, сей пожар мы поджигали...» (1919) явственно ощущима майоратная позиция правоты — при первоначальном импульсе признания. Ее формированию и способствует алетейная позиция лирического героя цикла посланий. Благодаря ей хронологический топ «Петровского на Оке» представляется в виде стройной целостной структуры, которая напоминает о важности для Иванова платоновского анамнезиса [9; 11] и его идее постоянно пополняемого тезауруса.

Список литературы

Исследования

1. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: бузина (род *Sambucus* L.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 11. С. 487–495.

2. *Баран Хенрик*. Первая мировая война в стихах Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 1996. С. 171–185.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической действительности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; подгот. текста Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. *Бухаркин П.Е.* Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
5. *Бухаркин П.Е.* Топос тишины в одической поэзии М.В. Ломоносова // XVIII век: сб. статей и материалов / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 3–12.
6. *Котрелев Н.В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 7–18.
7. *Котрелев Н.В.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа; Манифест московского “Lo Studio Italiano”, составленный Юргисом Балтрушайтисом // Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas / redaktorė Donata Mitaitė. Vilnius: Liet. literatūros ir tautosakos inst., 1999. Р. 73–98.
8. *Крон А.-А.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение // Норвичские симпозиумы по русской литературе. Норфилд: Русская школа Норвичского ун-та, 1995. Т. 4: Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения / под ред. Е. Эткінда и С. Ельницкой. С. 268–282.
9. *Обатнин Г.* Еще раз о «помнить» и «вспомнить» у Вяч. Иванова // Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива / сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. М.: Три квадрата, 2017. С. 454–465.
10. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 464 с.
11. *Ронен И., Ронен О.* «Память» и «воспоминание» у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 133–142.
12. *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова / отв. ред. П.Н. Берков. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.
13. *Соловьев В.С.* О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.

14. *Спроге А.* Юргис Балтрушайтис — адресат лирических посланий К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова // *Спроге А.* Русская поэзия и проза XX в.: эпоха символизма и эмиграции. Монография. Рига: Академическое изд-во Латвийского ун-та, 2009. С. 83–88.
15. *Топоров В.Н.* Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени: балт. Puš(k)ait — др.-инд. Pūṣān, др.-греч. Πῦν // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2. Кн. 1. С. 235–263.
16. *Флоренский П.А.*, свящ. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст. С.С. Хоружего. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I): Столп и утверждение Истины. 490 с.
17. *Хеллман Б.* Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // *Slavica Helsingiensia 6: Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века* / под ред. А. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki: University of Helsinki, 1989. С. 211–239.
18. *Эрн В.Ф.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 48 с.
19. *Klein Joachim.* Review: Зримая лирика: Державин Tat'jana Smoljarova // *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82, № 2. P. 311–317.
20. *Merriam S.* Seventeenth-Century Flemish Garland Paintings. Still Life, Vision and the Devotional Image. Burlington, VT: Ashgate, 2011. 214 p.

Источники

21. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.
22. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
23. *Опись I.* Поэтические произведения Вяч. Иванова / сост. С.К. Кульюс, М.Б. Плюханова; под ред. А.Б. Шишкина. Rome: Vjatcheslav Ivanov Research Center, 2015. 180 с. URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/ivanov_archiv_rim_opis_1_v.1.2_08.2009.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

References

1. Agapkina, T.A. “Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavian: buzina (rod Sambucus L.)” [“The Symbolism of Trees in the Slavic Traditional Culture: Elder (Genus Sambucus L.)”]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, vol. 11, 2016, pp. 487–495. (In Russ.)

2. Baran, Khenrik. "Pervaia mirovaia voina v stikhakh Viach. Ivanova" ["WWI in Vyacheslav Ivanov's Poetry"]. *Viacheslav Ivanov: materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Research]. Moscow, IWL RAS Publ., 1996, pp. 171–185. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deistvitel'nosti" ["Author and Hero in Aesthetic Activity"]. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], comp. S.G. Bocharov, text prep. G.S. Bernstein and L.V. Deriugina, ref. by S.S. Averintsev. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
4. Bukharkin, P.E. *Mikhail Vasil'evich Lomonosov v istorii russkogo slova* [Mikhail Lomonosov in the History of the Russian Word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 172 p. (In Russ.)
5. Bukharkin, P.E. "Topos tishiny v odicheskoi poezii M.V. Lomonosova" ["The Topos of Silence in Mikhail Lomonosov Odic Poetry"]. Kochetkova, N.D., editor. *XVIII vek: sbornik statei i materialov* [18th century: Collection of Articles and Materials], coll. 20. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 3–12. (In Russ.)
6. Kotrelev, N.V. "'Videt' i 'vedat' u Viacheslava Ivanova: Iz materialov k kommentariiu na korpus liriki" ["'Seeing' and 'Knowing' in Vyacheslav Ivanov's Poetry: Materials and Commentaries"]. *Viacheslav Ivanov: tvorchestvo i sud'ba. K 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov: Creativity and Fate. On the 135th Anniversary of his Birth]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)
7. Kotrelev, N.V. "Iz perepiski Iurgisa Baltrushaitisa s Viach. Ivanovym i Odoardo Kampa; Manifest moskovskogo 'Lo Studio Italiano', sostavlenyi Iurgisom Baltrushaitisom" ["From the Correspondence of Jurgis Baltrushaitis with Vyacheslav Ivanov and Odoardo Campa; Manifesto of the Moscow 'Lo Studio Italiano', compiled by Jurgis Baltrushaitis"]. *Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas, redaktorė Donata Mitaitė*. Vilnius, Liet. literatūros ir tautosakos inst., 1999, pp. 73–98. (In Russ.)
8. Kron, A.-L. "'Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia' kak metafizicheskoe stikhotvorenie" ["'To Eugene. Life in Zvanka' as a Metaphysical Poem"]. Etkind, I., and S. El'nitskaia, editors. *Norvichskie simpoziumy po russkoi literature* [The Norwich Symposiums on Russian Literature], vol. 4: Gavrila Derzhavin: Simpozium, posviashchennyi 250-letiiu so dnia rozhdeniia [Gavrila Derzhavin: A Symposium Dedicated to the 250th Anniversary of his Birth]. Northfield, Russkaia shkola Norvichskogo universiteta Publ., 1995, pp. 268–282. (In Russ.)
9. Obatin, G. "Eshche raz o 'pomnit' i 'vspomnit' u Viach. Ivanova" ["Once Again about 'Remember' and 'Call to Remembrance' in Vyacheslav Ivanov's

- Work”]. *Okno iz Evropy. K 80-letiiu Zhorzha Niva* [A Window from Europe. On the 80th Anniversary of Georges Niva], comp. G. Nefed'ev, A. Parnis, V. Skuratovskii. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2017, pp. 454–465. (In Russ.)
10. Panchenko, A.M. *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great' Reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 464 p. (In Russ.)
 11. Ronen, I., Ronen, O. “Pamiat” i ‘vospominanie’ u Viacheslava Ivanova i Vladislava Khodasevicha” [“Memory’ and ‘Remembrance’: Vjacheslav Ivanov and Vladislav Hodasevich”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K. Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 133–142. (In Russ.)
 12. Serman, I.Z. *Poeticheskii stil' Lomonosova* [The Poetic Style of Mikhail Lomonosov], ex. ed. P.N. Berkov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 260 p. (In Russ.)
 13. Solov'ev, V.S. “O liricheskoi poezii. Po povodu poslednikh stikhotvorenii Feta i Polonskogo” [“About Lyrical Poetry. Regarding the Latest Poems by Fet and Polonsky”]. Solov'ev, V.S. *Filosofiia iskusstva i literaturnaia kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 701 p. (In Russ.)
 14. Sproge, L. “Iurgis Baltrushaitis — adresat liricheskikh poslaniu K. Bal'monta, V. Briusova, Viach. Ivanova” [“Jurgis Baltrushaitis as an Addressee of Lyrical Messages by K. Bal'mont, V. Brjusov and Vjach. Ivanov”]. Sproge, L. *Russkaia poeziia i proza XX v.: epokha simvolizma i emigratsii. Monografiia* [Russian Poetry and Prose of the 20th Century: the Era of Symbolism and Emigration. Monograph]. Riga, Akademicheskoe izdatel'stvo Latviiskogo universiteta Publ., 2009, pp. 83–88. (In Russ.)
 15. Toporov, V.N. “Ob indoeuropeiskikh sootvetstviakh odnomu baltiiskomu mifologicheskomu imeni: balt. Puš(k)ait — dr.-ind. Pūšan, dr.-grech. Πάων” [“About Indo-European Correspondences to one Baltic Mythological Name: Balt. Puš(k)ait — Old.-Hind. Pūšan, Old.-Greek. Πάων”]. Toporov, V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike*. [Studies in Etymology and Semantics], vol. 2, book 1. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 235–263. (In Russ.)
 16. Florenskii, P.A., priest. *Sochineniia: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.], introd. by S.S. Khoruzhii, vol. 1 (I): Stolp i utverzhdenie Istiny [The Pillar and Ground of the Truth]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 490 p. (In Russ.)
 17. Khellman, B. “Kogda vremia slavianofil'stvovalo. Russkie filosofy i pervaiia mirovaia voina” [“When Time was Slavophilic. Russian Philosophers and WWI”]. Biukling, L., and P. Pesonen, editors. *Slavica Helsingien-*

- sia 6: Sludia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Problemy istorii russkoi literatury nachala XX veka* [*Slavica Helsingiensia 6: Sludia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Problems of the History of Russian Literature at the beginning of the 20th Century*]. Helsinki, University of Helsinki, 1989, pp. 211–239. (In Russ.)
18. Ern, V.F. *Vremia slavianofil'stvet. Voina, Germaniia, Evropa i Rossiia* [*Time is Slavophilizing. War, Germany, Europe and Russia*]. Moscow, Tipografiia tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1915. 48 p. (In Russ.)
 19. Klein, Joachim. "Review: Zrimaia lirika: Derzhavin Tat'jana Smoljarova" ["Review: Visible Lyrics: Derzhavin Tatyana Smolyarova"]. *Revue des études slaves*, vol. 82, no. 2, 2011, pp. 311–317. (In Russ.)
 20. Merriam, Susan. *Seventeenth-Century Flemish Garland Paintings. Still Life, Vision and the Devotional Image*. Burlington, VT, Ashgate, 2011. 214 p. (In English)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-73-101>

<https://elibrary.ru/ADNGGD>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Е.А. Андрущенко

«...ИТОГ, ВСЕНАРОДНО И ОБЩЕДОСТУПНО ПОДВЕДЕННЫЙ...»: О СТАТЬЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «МИМО ЖИЗНИ» (1916)

Аннотация: Статья Вяч. Иванова «Мимо жизни» (1916), опубликованная по поводу премьеры пьесы «Будет радость» в Московском Художественном театре, рассматривается как итоговая для характеристики религиозно-публицистической деятельности Д. Мережковского. Вл. Немирович-Данченко прочел пьесу как произведение о конфликте «отцов» и «детей». Он выдвинул на первый план образ бывшего народника, в союз с которым вступает Катя из верующей молодежи. У Мережковского образ Кати воплощал собой действенность молодых сил, одухотворенных внецерковными формами религиозности и готовых к политической деятельности. Неудовлетворенность автора интерпретацией пьесы проявилось в обсуждении постановки с труппой театра и в статье «Какая будет радость», оставшейся неопубликованной. Иванов, как и Немирович-Данченко, выделил в пьесе образ Кати и обещание «чуда», а также попытку утвердить теорию религиозной общественности за счет преодоления Достоевского. На обвинения, адресованные Мережковским Достоевскому, Иванов ответил в статье «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917). Слова «лик» и «личины» у него относятся не к Достоевскому, как в статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906), а к тем духовным состояниям России, которые, по его мнению, олицетворяют собой персонажи «Братьев Карамазовых». В этом смысле истолкование Достоевского, построенное на искажении его мыслей и пропитанное идеями (у Иванова — ядами) «западной гражданственности и образованности», осмыслено как пример люциферической России, а не той, пророком которой считал Достоевского Иванов.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Мережковский, Вл. Немирович-Данченко, Ф.М. Достоевский, «Будет радость», Московский Художественный театр, религиозная общественность.

Е.А. Андрущенко

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Для цитирования: Андрущенко Е.А. «...Итог, всенародно и общедоступно подведенный...»: о статье Вячеслава Иванова «Мимо жизни» (1916) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 73–101.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-73-101>

© 2024. *Elena A. Andrushchenko*

“...THE BOTTOM LINE, DRAWN PUBLICLY AND ACCESSIBLY...”: ON VYACHESLAV IVANOV’S ARTICLE “BESIDE LIFE” (1916)

Abstract: Vyacheslav Ivanov’s article “Beside life” (1916), published on the occasion of the first performance of the play “Joy will come” in the Moscow Art Theatre, is examined as a summary characteristic of D. Merezhkovsky’s religious and journalistic activity. V. Nemirovich-Danchenko treated the play as a work about the conflict between “fathers” and “children”. He emphasized the character of the former Narodnik, who is joined by Katya from the religious youth. For Merezhkovsky, Katya’s character personified the readiness of young forces inspired by non-church forms of religion and prepared for political action. The author’s dissatisfaction with the interpretation of the play emerged in his discussion of the performance with the cast and in the article “What joy will come”, which remained unpublished. Ivanov singled out in the play, similarly to Nemirovich-Danchenko, the character of Katya and the promise of a “miracle”, as well as an attempt to establish the theory of religious communality by overcoming Dostoevsky. The accusations made by Merezhkovsky against Dostoevsky were rebutted by Ivanov in his article “The visage and visards of Russia. On the study of Dostoevsky’s ideology” (1917). By “visage” and “visards” he does not refer to Dostoevsky, as in the article “The prophet of the Russian revolution (To the anniversary of Dostoevsky)” (1906). Instead, these relate to the spiritual states of Russia personified, in his opinion, by characters of “The Brothers Karamazov”. In this sense, an interpretation of Dostoevsky built upon distortion of his thoughts and imbued with ideas (poisons, in Ivanov’s terms) of “Western civicness and scholarship” is regarded as an example of Luciferic Russia, rather than the one Ivanov saw Dostoevsky as a prophet of.

Keywords: V. Ivanov, Merezhkovsky, V. Nemirovich-Danchenko, F.M. Dostoevsky, “Joy will come”, Moscow Art Theatre, religious communality.

Information about the author: Elena A. Andrushchenko, DSc in Philology, Professor, Chief Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

For citation: *Andrushchenko, E.A. "...The Bottom Line, Drawn publicly and Accessibly...": on Vyacheslav Ivanov's Article 'Beside Life' (1916)." Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 73–101. (In Russ.)*

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-73-101>

13 февраля 1916 г. в газете «Утро России», где театральный отдел вел В. Брюсов, была опубликована статья Вяч. Иванова «Мимо жизни» [25, с. 5]. Поводом для ее выхода в свет стала постановка в Московском Художественном театре пьесы Д. Мережковского «Будет радость», премьера которой состоялась 3 февраля. Сопровождаемая шумной кампанией в газетах, приглашением на генеральные репетиции критиков, видных деятелей литературы, искусства и друзей труппы, как это было принято в МХТ, она обратила на себя всеобщее внимание. Большую рецензию в «Утре России» напечатал В. Брюсов [17], развернутый разбор в «Русском слове» сделал С. Яблоновский [38], а в «Речи» — Н. Эфрос [37], десятки откликов менее известных и авторитетных рецензентов наполнили ежедневные газеты и специализированные журналы. Единодушное мнение критики состояло в том, что постановка стала еще одним добротным спектаклем Художественного театра, несмотря на то, что его литературная основа грешит вторичностью по отношению к творчеству Достоевского и Чехова: из первого автор взял сюжет и действующих лиц, а из второго — место действия и характерный для его драматургии антураж [10, с. 157–162]. Оптимистическое название пьесы обмануло ожидания зрителей, увидевших семейно-бытовую трагедию в лирических тонах.

Статья Иванова вышла в свет через десять дней после премьеры, когда обсуждение постановки в столичных газетах было, в сущности, завершено. Небольшая по объему, чрезвычайно ла-

коничная статья при внешней простоте и ясности оставляет впечатление плотно насыщенного текста, наполненного отсылками и аллюзиями. Она находится на пересечении нескольких полемических потоков, один из которых ведет к истории создания пьесы «Будет радость» и ее постановки, другой — к инсценизации романов Достоевского в МХТ, третий — к исследованиям самого Иванова о Достоевском, четвертый — к сложным отношениям Иванова с Мережковским, которые еще только предстоит осмыслить.

* * *

Пьесу «Будет радость» Мережковский послал Вл. Немировичу-Данченко весной 1914 г. История ее постановки и обсуждения в Художественном театре пока не описана. Материалы, отложившиеся в архиве Немировича-Данченко, проливают свет на глубокие противоречия между программой МХТ и представлениями Мережковского о задачах театра, ставшие причиной конфликта с труппой и создания статьи «Какая будет радость», оставшейся неопубликованной.

Как свидетельствуют письма Мережковского, подготовку к постановке Немирович-Данченко начал с обсуждения образа Кати. 21 июня 1914 г. Мережковский отвечал ему: «Вы очень глубоко проникли в суть моей пьесы, и я за нее теперь совершенно спокоен. Да, все зависит от Кати, и Катя опасна, но не безнадежна. Катя вся устремлена к будущему, а вот будущее неясно, загадочно, неопределенно — вот откуда и неопределенность Кати. Она могла бы определиться только в своем главном жизненном действии — *в революции*, ибо в этом ее реализм, но мне пришлось из-за цензурных соображений эту реальную Катину сторону затушевать. <...> Намек дан, что Катя и Краснокутский идут (если хотите, возвращаются) в революцию, хотя и не в старую, а в какую-то новую, — под знаком религии. Такие душевные переживания я встречал среди русских революционеров. И вообще, для Кати у меня было два живых образа (один из них — покой-

ная невеста Егора Созонова, убийцы Плёве; ее переписка на революционные и религиозные темы скоро будет опубликована). Вот если эту сторону актриса сумеет подчеркнуть, то Катя реализуется и определится вся»¹. Намек на убийцу Плеве, фамилию которого Мережковский намеренно написал через «ё», впервые возникает в статье «Балаган и трагедия» (1910), где цитируются воспоминания Созонова о И. Каляеве, опубликованные за границей и известные только читателям нелегальной печати [35]. Имя невесты Созонова, Марии Прокофьевой, с которой Мережковские были знакомы, упоминается в их письмах и в мемуарах З. Гиппиус [34, с. 140–161].

Немирович-Данченко, готовясь представить новую пьесу труппе Художественного театра, собственную концепцию постановки сформулировал иначе. «Будет радость: когда личные интересы сольются с общественными и будут проникнуты истинной верой в Бога... <...> Присутствие Кати озаряет светом заблудившуюся душу Федора, пробуждает в ней совесть и мучительную раздвоенность. Происходит катастрофа, обнаруживается его связь с мачехой, он кончает самоубийством, но перед концом просит Катю перекрестить его и, погибая сам, верит в то, что “будет радость”. Катастрофа в личной жизни потрясает и Ивана Сергеевича и возвращает его к прежним товарищам, но он уже обновленный, он уже отказавшийся от личной жизни. И все они такие, как он, уже не одни, а с ними та верующая молодежь, к которой принадлежит Катя»². Пьеса Мережковского, таким образом, вписывалась в ряд постановок об «отцах» и «детях», а подтекст «революционного христовства» [19, с. 192], который автору пришлось «затушевать», не стал акцентировать и режиссер-постановщик. Это соответствовало программе Художественного театра, который не должен «ни учительствовать, ни проповедовать — только радовать» [32, т. 2, с. 179]. Репетиции и

¹ Мережковский Д.С. Письмо к Немировичу-Данченко Вл.Ив. 21 июня 1914 г. // Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В.И. Немирович-Данченко, Н.-Д-4928/2.

² «Будет радость» Д.С. Мережковского в изложении Вл.И. Немировича-Данченко // Музей МХАТ. Ф. 4. Арх. В.И. Немировича-Данченко. № 33. [Заметки о пьесе Д.С. Мережковского «Будет радость»] [1915 г.]. Л. 2.

премьера пьесы прошли без участия автора. Его просили переработать последнее явление, где диалог Кати с Иваном Сергеевичем о «чуде» выглядел недостаточно убедительно, но он сделал это только накануне премьеры [14; 15].

Пресса откликнулась на постановку волной публикаций — мы насчитали их более тридцати, — в которых актуализировались поднятые еще до войны и потерявшие, казалось бы, прежнюю остроту темы. Газеты упоминали сформулированный Немировичем-Данченко девиз постановки «Будет радость: когда личные интересы сольются с общественными и будут проникнуты истинной верой в Бога» [16], говорили о необходимости «соединения правды общественной с личной» [36] и «грядущем объединении двух течений русской мысли» [15], о «деятельной общественности, человеческой, много видящей» [28] и пр., и пр. Критики также опознали в сюжете, в действующих лицах пьесы очевидные и намеренные отсылки к «Братьям Карамазовым» и «Бесам».

«Будет радость» повинна в том, что она слишком литературна, — писал С. Яблоновский. — Ее идеи — идеи самого Мережковского и людей, ему близких; ее образы в значительной степени навеяны Достоевским, власть которого над Мережковским совершенно исключительна. Параллели между Федором и Иваном Карамазовым, между Гришей и Алешей напрашиваются сами собою. Но в то время, как образы Достоевского вышли непосредственно из жизни, образы Мережковского — из книг: и Достоевского, и его собственных. Они светят отраженным светом» [38]. Брюсов полагал, что «две центральные фигуры драмы, Федя и Гриша, оба — немного из Достоевского, от братьев Карамазовых, и недаром оба сознаются, что в них — “тихий бес”. Это, со всеми видоизменениями, — Иван и Алеша Карамазовы» [17]. Эфрос считал наиболее выпуклым в пьесе образ Федора, «в котором — и Иван Карамазов, и Кириллов. Одержимый тихим бесом отрицания, аморализма и иронии» [37], а анонимный автор «Новостей сезона» издевался, поместив к своей рецензии эпиграф из «Бесов» Пушкина [16]. «Когда я смотрел пьесу, — иронизировал критик “Московских ведомостей” Бэн, — мне все время рисовалась такая картина: я вижу перед собою грандиозную ста-

тую Достоевского, а рядом с нею становится крошечный г. Мережковский, одевшийся точно так же, как одета и статуя. Он все старается столкнуть монумент с его пьедестала, а сам занять его место» [18]. Язвительные оценки, ирония по поводу повышенной литературности и несоответствия названия пьесы ее содержанию были в столичной и провинциальной прессе преобладающими.

Мережковские побывали только на двадцать третьем представлении пьесы 4 мая 1916 г. и, по словам помощника режиссера А. Стаховича, «он» и «она» в антрактах щедро раздавали участвующим похвалы и благодарности, а «оно» [Философов — *примеч. Стаховича*] скептически молчало и улыбалось зловеще. Слышал тоже и из весьма верного источника, — писал Стахович Немировичу-Данченко, — что «троица» провела часть ночи в пережевывании впечатлений от спектакля и тут совершилось нечто странное. Полное довольство и восхищение окутались легкою дымкою сомнения, главным образом, по отношению того, что нужно ли писать религиозно-философские пьесы и что весь замысел религии (чудо, Бог) остается на сцене и в публику не попадает»³. Обсуждение постановки с трупной театра закончилось скандалом, который начал Философов, посоветовавший артистам играть не «высокую философию религии», а то, что им «разогревал» Чехов⁴.

Сцена, описанная Стаховичем, напоминает балаган: «Мережковскому это было неприятно, он старался смягчить впечатление и только примыкал к Философову, когда тот употреблял трудные философские выражения, долженствовавшие выразить искаженность религиозного замысла и полное непонимание публикою трактовки пьесы актерами, т. е. чудное, великолепное, небывалое зрелище, но никакой святости, религии, философии и т. д.»⁵ Возмущение Мережковского прорвалось наружу, когда Станиславский заговорил об использовании своей системы в постановке «Села Степанчикова». «Тут Мережковский вышел

³ Стахович А.А. Письмо к Немировичу-Данченко В.И. 6. V. 1916 // Музей МХАТ. Ф. 4. Арх. В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-5782/2. Л. VIII.

⁴ Там же. Л. IX.

⁵ Там же. Лл. IX–XI.

из себя и вскрикнул приблизительно следующее: “я писал труд о Достоевском и не помню, чтобы у Достоевского было умиление перед крепостным правом и кнутом, а если оно есть, то гнусность и мерзость выбирать такие пьесы для постановки, что у Достоевского рядом с перлами есть очень слабые вещи и, вероятно, (он забыл) «Степанчиково» таково, т. е. слабо”. Качалов пытался мягко защищать М. Х. Т. <...> Стахович пытался острить по-французски <...> Гиппиус надоедала с “Зеленым Кольцом” <...> Добужинский страдал и конфузился»⁶. Мережковский, боявшийся обидеть К. Станиславского, всячески стремился загладить конфликт⁷. В письмах ближайших дней он подчеркивал, что его «впечатление от спектакля огромное, незабвенное» (И.Д. Сытину 19 мая 1916 г.⁸) и «глубоко и сложно» (Немировичу-Данченко 17 мая 1916 г.⁹). Немировичу-Данченко он также сообщил, что собирается написать статью о спектакле для газеты «Русское слово»¹⁰.

Встретившись с Немировичем-Данченко в Кисловодске, Мережковский в присутствии Гиппиус и Философова прочел свою статью «Какая будет радость». В ней высоко оценивалась собственно театральная сторона спектакля и роль в ней Станиславского, смотревшего на автора «своими детски-простыми — не умными, а мудрыми глазами “добротного гения”»¹¹. Но сама постановка была подвергнута критике. Смысл своего неудовлетворения Мережковский выразил в вопросе, «имеет ли искусство для постановки “Будет радость” и для Художественного театра вообще смысл только эстетический, т. е., в последнем счете, только созерцательный, или также действенный, жизненный и отражает ли только искусство или также преображает, меняет жизнь?»¹². Используя в постановке характерный стиль чеховских пьес,

⁶ Стахович А.А. Письмо к Немировичу-Данченко В.И. Л. XI.

⁷ Там же.

⁸ Мережковский Д.С. Письмо Сытину И.Д. 19 мая 1916 г. // НИОР РГБ. Ф. 259. К. 29. Ед. хр. 16. Л. 1 об.

⁹ Мережковский Д.С. Письма к Немировичу-Данченко Вл.Ив. Н.-Д.-4930/4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мережковский Д.С. Какая будет радость. [1916, после мая 5 — до июня 18]. Авт. // Музей МХАТ. Ф. Ч 14/27. Арх. В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-34. Л. 1.

¹² Мережковский Д.С. Какая будет радость. Л. 3.

Художественный театр, полагал Мережковский, в очередной раз утвердил чеховский «позитивизм» и его безрелигиозность. «Одно из двух: или искусство — религия, или искусство для религии. <...> Каким же из этих двух искусств хочет быть Художественный Театр?»¹³

В статье Мережковский откликнулся и на насмешливое сравнение его персонажей с героями произведений Достоевского. «Думал ли я об Алеше и Иване Карамазовых, когда писал Гришу и Федора? — писал он. — Разумеется, думал. Но не литературно, не эстетически, как это сказалось в постановке, а жизненно, действительно. Нельзя выйти в современную русскую жизнь, минуя Достоевского: он для нас уже не литература, а жизнь, куски нашей собственной жизни. Мы все в той или иной мере — действующие лица из Достоевского. Нельзя подражать себе, но можно изображать себя. Я не подражаю Достоевскому, а изображаю то, что Достоевский сделал с жизнью, или то, что с Достоевским сделала жизнь. Федор и Гриша, если и соответственны Ивану и Алеше, то искажающим соответствием. У Достоевского Алеша и Иван — правда и ложь; у меня Гриша и Федор — две правды или две лжи. Алеша — со старцем Зосимою, Иван — с Великим Инквизитором. Федор — ни с тем, ни с другим, а Гриша — с обоими, потому что оба в жизни вместе. Это чудовищное искажение или исправление Достоевского, но не я, а жизнь так исказила его или так исправила. Жизнь не подражает, а возражает Достоевскому, и я это делаю или пытаюсь сделать вместе с жизнью»¹⁴. Статья завершалась словами о том, что некоторые артисты все же поняли идею автора, так что и театр, в конце концов, сможет понять, «какая будет радость».

О своей реакции на эту статью Немирович-Данченко написал жене: «Статья меня не только не удовлетворила, но чем-то, чего я еще не понимаю, даже обидела. Разумеется, он страшно расхваливает все, так расхваливает, что, пожалуй, можно бы и менее. [Ты бы просто и не разговаривала, потому что в первых

¹³ Мережковский Д.С. Какая будет радость. Ал. 9–10.

¹⁴ Там же. Ал. 13–14.

строках “Станиславский с мудрыми глазами гения”, а моего имени в помине нет, — но дело для меня, конечно, не в этом]. <...> Compliments вообще масса. А потом начинается “но”. Все “но” очень идейного качества, самого высокого идейного — задающего особенные задачи театру. <...> Все подробности расскажу тебе потом, да и статью привезу, т. к. он сказал, что от меня зависит, печатать ее или нет. Разумеется, нет —»¹⁵. Энергичный прочерк после слова «нет» — графический знак нескрываемого раздражения Немировича-Данченко, который так и не вернул автору рукопись статьи. Однако на полях и оборотах листов остались его маргиналии, позволяющие судить о том, что он думал о претензиях Мережковского в отношении приемов чеховских постановок, отсутствия религиозного смысла спектакля и аллюзий на романы Достоевского. «Театр великолепно понимал, — писал Немирович-Данченко, — что Федор, а уж тем менее Гриша не подражания, а жизненные зачатия от Достоевского. — И Качалов, и Берсенева на протяжении 4–5 месяцев работы вряд ли хоть раз вспомнили об Иване и Алеше Карамазовых. <...> Утверждаю, что автор не имеет никаких данных возлагать на Театр или исполнителей ответственность за недомыслие тех критиков, которые это находили»¹⁶. Пометы на рукописи статьи «Какая будет радость» несомненно свидетельствуют о сопротивлении Немировича-Данченко самой мысли о театре как храме, в котором должно происходить нечто подобное богослужению. Он полагал, что здесь «вопрос ставится не о Художественном Театре, а о создании какого-то нового явления с некоторыми потенциями театра»¹⁷, а ему это было абсолютно чуждо.

Немирович-Данченко сообщал жене, что статья Мережковского «вообще большого значения, но, во 1-х, глубоко несправедливая по отношению к театру (в самых высших моих стремлениях), во 2-х, без знания нашего театра и с какой-то не ему,

¹⁵ *Немирович-Данченко Вл.Ив.* Письмо к Немирович-Данченко Ек. Ник. [1916, июля 20], понедельник. Кисловодск — Ялта // Музей МХАТ. Ф. 4. Арх. В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-2419.

¹⁶ *Мережковский Д.С.* Какая будет радость. Лл. 13 об. — 14 об.

¹⁷ Там же. Л. 11 об.

Мережковскому, принадлежащей подоплекой, неприятным прикусом»¹⁸. Судя по всему, он подозревал, что «подоплека» принадлежит Философову. Обсуждение постановки с труппой театра, пересказанное ему Стаховичем, задело его. Об этом свидетельствует и его письмо Л. Андрееву от 12 июня 1916 г.: «...актеры наши живут в вещах Чехова не бытовыми буднями — они давно переросли этот масштаб, — а истинно трагическим. И публика это прекрасно чувствует! Рассказывали мне, что в мое отсутствие, когда Мережковский восхищался спектаклем “Будет радость”, Философов говорил о том, что наши актеры не умеют играть философских драм и не идут “дальше чеховского бытия”. Жаль, что меня не было при этом и оппонировать ему не смели ни Станиславский, ни Стахович. Один Качалов что-то деликатно возражал» [32, т. 2, с. 174].

Но сама постановка вопроса была Немировичу-Данченко все-таки близка. В этом же письме он вспомнил статью Н. Бердяева «О политической эстетике», напечатанную в «Утре России» 8 июня 1916 г. «Там много прекрасных мыслей, близких моей душе <...> о любви русского человека к переживанию трагизма, <...> о его подозрительном отношении к выраженному эстетизму, к красивому жесту, к риторике, ко всему, что не просто. И ждет нового человека, творца русской эстетики, такого человека, который сумеет найти форму, красивую, эстетичную для национального пафоса. Но ведь в этом вся суть нашего искусства! Без нахальства скажу — Художественного театра. Все лучшее, что было достигнуто Художественным театром, служит этому исканию, этим чаяниям» [32, т. 2, с. 175].

Вероятно, Немирович-Данченко все же планировал ответить Мережковскому, во всяком случае, такое впечатление производят не только его пометы на оборотах страниц рукописи, но и «Беглые замечания» о пьесе, написанные через несколько дней. Здесь он прямо объясняет некоторые из принятых им решений. Одно из них касалось образа Кати, который с самого на-

¹⁸ Немирович-Данченко Вл.Ив. Письмо к Немирович-Данченко Ек. Ник. [1916, июля 20].

чала был ему неясен. «...Образ Кати, вообще, возбуждал много недоумений, — писал Немирович-Данченко. — Режиссуре было неясно, нужна ли тут, выражаясь просто, драматическая инжению или актриса большей проникновенности. Автор как будто рисует молодую девушку с золотистыми волосами, наивную и непосредственную, но в то же время возлагает на нее ответы на самые важные идейные вопросы пьесы, определяет ее возраст 25-ю годами и ставит ее в такие положения, что на ее духовные силы опираются почти все мужчины пьесы»¹⁹. Сомнения режиссера разрешились тем, что он «предпочел выделение духовных сторон Кати в ущерб ее внешнего авторского замысла...»²⁰, а роль досталась Марии Германовой.

Из «Беглых замечаний» никакого ответа Мережковскому не выросло. Немирович-Данченко начал работу над его новой пьесой, «Романтики», обсуждал ее концепцию со Станиславским и при его полной поддержке отказался ее ставить, чтобы снова не «перекрашивать собак в еноты» [32, т. 2, с. 178]. Он писал Станиславскому, что у Мережковского «есть и настоящий талант в целом ряде сцен, это — от искусства, актеры могут заразиться ими. <...> Но по своему положению перед Синодом, перед попами, перед оппонентами из Религиозно-философского общества, наконец, перед революционным движением, ему не подобает оставаться только художником — это, мол, низменно, ему надо быть пророком, учителем, и вместо того, чтобы пользоваться театром, как служением прекрасному, он желает эксплуатировать прекрасное для своих общественных задач. И для этого мы должны отказываться от нашего “святого”» [32, т. 2, с. 177–178]. Делать этого Московский Художественный театр больше не стал.

¹⁹ Немирович-Данченко Вл.Ив. [«Будет радость» Д.С. Мережковского]. История постановки. Беглые замечания. Маш. [1916, после июня, 18]. М. // Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 3. № 1337. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 2.

Начало литературных взаимоотношений Иванова и Мережковского исследователи относят к «Ново-Путейскому» периоду [34, с. 66], когда постепенно выяснялось мнение Иванова о «наших темах», т. е. темах, важных для Мережковских: религия, «конфликт индивидуализма и универсализма, тема религиозной общности, а также связанная с ними и столь важная для писателя критика “исторического христианства”» [34, с. 68]. На их отношения повлияло пренебрежительное отождествление в «Грядущем Хаме» (1906) «поклонников нового Диониса» с горьковским Пляши-Ногой из рассказа «Дружки» (1898) [22, с. 161–162], обсуждение «евангельского смысла слова “Земля”» на заседании Христианской секции Религиозно-философского общества в Петербурге (1909) [22, с. 142–154], отклик Мережковского [30, с. 2] на книгу «По звездам» (1909) [27, с. 57; 11, с. 388–389]. Сближаясь порой по вопросам эстетическим [12], Иванов и Мережковский все дальше расходились из-за погружения последнего в общественно-политическую злобу дня, к которой он надеялся привлечь также Иванова.

Статью «Мимо жизни» В.А. Келдыш связывает с политическим прочтением Достоевского, содержащимся «в статьях и пьесе “Будет радость”»: «Неприемлемой для Иванова была сама исходная позиция Мережковского — низведение религиозно-мистического на уровень общественно-политический» [9, с. 219]. Думается, пьеса была только предлогом, чтобы высказаться о «религиозно-публицистическом подвижничестве» Мережковского, проявления которого Иванов видел и в статьях, и в пьесе, и в самом типе его поведения как проповедника, не собравшего паствы, и учителя, не имеющего учеников, но упорствующего в своей проповеди и учительстве. В статье Иванова речь шла, главным образом, о религиозной общности.

Мережковский понимал ее как соединение бессознательной религиозности интеллигенции с ее революционностью. Этой теме посвящены недавно прочитанная как доклад и опублико-

ванная как брошюра лекция «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (1915) и сборник статей «Было и будет. Дневник 1910–1914» (1915), который и стал основой для иллюстрации логических ошибок и сомнительных выводов автора. Иванов процитировал три фрагмента из статей этого сборника, не называя их. Они отсылают к трем темам Мережковского: религиозная общественность («Религиозное народничество», 1915), революция как «прерыв», подобный апокалипсису («Гёте», 1913), и преодоление «достоевщины» («Горький и Достоевский», 1913). Из первой статьи Иванов выписал комментарий Мережковского к ответу А. Желябова судье о вероисповедании, где утверждается единство религии и революции, и проницательно соединил с ним образ Кати. Тем самым он безошибочно опознал в ней тот же тип верующей террористки, о котором Мережковский писал Немировичу-Данченко как о прообразе своего персонажа. «Впрочем, и Имени Христа Катя (в новой пьесе Мережковского “Будет радость”), девушка, несомненно пользовавшаяся духовным руководством автора, — иронизировал Иванов, — обещает больше не производить, чтобы и в этом не уподобляться какому-то церковническому черному воронью, долженствующему, без сомнения, символически подтвердить другой тезис автора — о неразрывной связи православия с реакцией. Что же до обещания Кати, то хочется в ответ ей с облегчением воскликнуть: “Наконец-то!”» [26, с. 80].

По Иванову, фальшивость образа Кати максимально проявляет «внутреннее банкротство» ее создателя: «У слияния Кати на ручейка с рекой общественности воздвигнут автором столб с надписью, изъясняющей принцип объединения между богоискательством и старым народничеством: “чудо у нас с вами одно”, — говорит Катя...» [26, с. 83]. Любое объединение на почве общности социальных взглядов, настаивал Иванов, вполне может привести к благополучию, но это ни в коем случае не будет «чудом Божиим»: «брататься и единиться на чуде без Имени нельзя» [26, с. 83]. Примечательно, что, раскритиковав риторику Мережковского о чуде, поэт-символист вновь пересекся с мнением

Немировича-Данченко, просившего автора переработать неубедительный финал пьесы²¹.

Впрочем, сама постановка Иванову, по-видимому, не понравилась. Его единственное замечание о театральной стороне дела касалось «глубоко унылой и нудной, хотя умело и — если простить изобилие рассуждений и книжных цитат — искусно скомпонованной драмы, музыкально действующей на душу поэтическими чарами Добужинского и подошедшей, как по мерке, к стилю Художественного театра» [26, с. 82]. Оформление спектакля, где местом действия была дворянская усадьба, действительно напоминало постановки тургеневских или чеховских пьес. Дополняли впечатление от декораций М.В. Добужинского спецэффекты И.М. Полунина (дождь) и Н.А. Андреева (радуга). «Да, пьеса могла быть лучше написана, — говорил Мережковский, — но не могла быть лучше сыграна»²². Вероятно, под спектаклем, подходящим к стилю Художественного театра, Иванов имел в виду именно эту сценическую красоту, продуманность внешних эффектов при «унылом» содержании. Как писал Ю.К. Герасимов, «в отличие от Мережковского, терявшего веру в религиозно-общественные возможности театра, Иванов создавал религиозно-театральную утопию о культурно-социальном преображении России» [4, с. 563]. Но вместо мистерии, объединяющей зрителей и исполнителей, на сцене шла традиционная реалистическая пьеса, которую Немирович-Данченко поставил как семейно-бытовую драму. Мережковский требовал мистерии по форме и в своей статье призывал театр отказаться от позитивистской чеховской эстетики, а Иванов думал о мистерии [7, с. 58], преобразующей саму природу театрального представления и вовлекающей всех «в круговую поруку живой вселенской соборности» [24, с. 460]. Такая попытка у Художественного театра уже была, когда он инсценировал роман Достоевского «Бесы»,

²¹ Московский Художественный театр. «Будет радость» Д.С. Мережковского. [Экземпляр пьесы помощника режиссера] [1915, август, 12] — [1916, февраль, 1] // Музей МХАТ. Ф. 1. Оп. 93. № 1316. Лл. 112–116.

²² Мережковский Д.С. Какая будет радость. Л. 3. «“Золотой дождь” нельзя видеть без слез умиления», — писал Мережковский.

и Иванов приветствовал ее как «изумительное по своему обретению обличение этой идеи» [3, с. 64].

Театральная критика горячо обсуждала спектакль «Николай Ставрогин», поставленный в МХТ 23 октября 1913 г. [5, с. 27–43]. Встретившая отпор М. Горького и тех, кто считал пагубным актуализацию идей Достоевского [6, с. 272–287], инсценировка «Бесов» была с воодушевлением принята той частью интеллигенции, которая видела его наследие важной составляющей русской духовной культуры [3, с. 62–120]. В постановке пьесы Мережковского были задействованы те же силы, что и в инсценировке, так что у критики был большой соблазн сравнить спектакли, в которых осмыслился художественный опыт автора «Бесов». После спектакля Иванов принял участие в обсуждении доклада С.Н. Булгакова, посвященного ему [13, с. 144–156], и по следам своего выступления опубликовал статью «Основной миф в романе “Бесы”». Он высоко оценил усилия Художественного театра, инсценировку как «начаток действительно некоей русской мистерии» [3, с. 64] и отметил важность преодоления политического отношения к Достоевскому: «...рост наших чувств и рост нашего сознания религиозного и идейного будет именно измеряться степенью нашего проникновения в заветы, оставленные этим колоссальным гением, этим пророком слова, которого мы до сих пор все еще не понимаем...» [3, с. 64]. Подлинное «проникновение» Иванов связывал с будущностью интеллигенции, которая, поняв Достоевского, сможет понять и саму себя.

В творческом сознании Иванова «Достоевский был как предшественником, так и неизменным духовным “спутником” — ключевой фигурой — во всей долгой жизни Иванова: в 1888 г., 22 лет от роду, он задумал писать эссе “Мистическое в произведениях Достоевского”; летом 1949 г., менее чем за две недели до смерти, восьмидесятитрехлетний старец получил от итальянской “Католической энциклопедии” заказ на статью об авторе “Бесов” и редактировал перевод на английский язык своей итоговой книги о Достоевском 1932 г.» [13, с. 269]. Большие работы о Достоевском и отдельные высказывания о нем свидетельствуют о том, что Иванов «постоянно и неизменно обращался к писателю как

к высшей духовной инстанции в поисках ответа на самые важные для себя вопросы» [8, с. 247]. На пьесу Мережковского Иванов смотрел в контексте инсценизации романов писателя и в статье «Мимо жизни» назвал ее «запоздалым памфлетом против провозвестника наших величайших и отдаленнейших надежд — Достоевского» [26, с. 83]. Через год памфлетом он назвал и знаменитую статью Мережковского «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906) [24, с. 467, 474]. Она писалась в иной социокультурной ситуации, однако именно в ней началось развенчание Достоевского.

В статье «Мимо жизни» Иванов процитировал фрагмент из статьи Мережковского «Горький и Достоевский» об инсценировке «Бесов», где впервые прозвучало хлесткое слово «достоевщина»: «В Достоевском воплотилась вечная, метафизическая сила русской реакции, сила сопротивления старого порядка новому. Не сломив этой силы, не преодолев Достоевского и *достоевщины*, нельзя идти к будущему. Но, чтобы победить врага, надо встретиться с ним на той почве, на которой он стоит, а почва Достоевского религиозная» [29, с. 3] — и в своем комментарии совпал с образностью газетного фельетона Бэна: «Религиозная почва Мережковского, во всяком случае, расступается под ним и поглощает его, как трясина; и трудно ему при этих условиях вступать в единоборство с великаном, стоящим на камне. Но возможно другое объединение почве: можно плясать вокруг стоящего гримасничающей по земле тенью» [26, с. 83–84]. Совпадение образа пляшущего у подножия великана / статуи у Иванова и Бэна знаменательно: у обоих попытка дать новую жизнь персонажам Достоевского вызвала один и тот же образ жалкого эпигона.

Преодоление Достоевского или, по словам Мережковского, исправление его в пьесе «Будет радость» потерпело художественную неудачу. Во всяком случае, Иванов видел в ней «итог, всенародно и общедоступно подведенный Мережковским своим религиозно-общественным исканиям» [26, с. 82]. Ни наделение Федора чертами Ивана Карамазова, Ставрогина, Кириллова и Свидригайлова, ни превращение старца и Алеши в своих анти-

подов, иллюстрирующих косный мир православия, не достигли цели, поставленной автором. «Впрочем, дух Алеши в миру творит свое дело втайне, — писал Иванов, — когда он раскроется, — не ложная “будет радость”. А про пугала пьесы скажем: страшен сон, да милостив Бог» [26, с. 83–84]. Итоговая для характеристики религиозно-общественных идей Мережковского, пьеса, однако, не давала возможности ответить на его борьбу с Достоевским в сфере интеллектуальных и религиозных исканий интеллигенции. Последние слова статьи Иванова «Мимо жизни» можно рассматривать как зерно его будущей работы — статьи «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского», публиковавшейся в «Русской мысли» в начале 1917 г. [23] и прямо полемичной по отношению к статье Мережковского «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)».

Ее полемическая направленность проявляется уже в заглавии, а его первая часть включает такие характерные для лексики обоих, но ключевые для статьи Мережковского слова, как «лик» и «личина». Во вступлении к своей статье он писал: «...иногда сам Достоевский не знал, какое из этих двух лиц подлинное, где лицо и где личина. Мы уже знаем. Но чтобы увидеть лицо, надо снять личину. Я это и хочу сделать» [31, т. XIV, с. 190]. Завершив развенчание ложных, по его мнению, представлений Достоевского о православии, которое вступило в кощунственный союз с самодержавием, Мережковский заключил: «Вот главное заблуждение Достоевского, источник неодолимого страха, который заставлял его скрывать новое лицо свое под ветхую личиною, вливать новое вино свое в мехи ветхие. Он думал или хотел думать, что его религия — православие. Но истинная религия его <...> не историческое христианство, ни даже христианство вообще, а то, что за христианством, за Новым Заветом — Апокалипсис, Грядущий, Третий Завет, откровение Третьей Ипостаси Божеской — религия Св. Духа. <...> Таково лицо и такова личина его; лицо противоположно личине. Личина — православие, самодержавие, народность; лицо — преодоление народности — во всечеловечности, преодоление самодержавия — в теократии, преодоление православия — в религии Св. Духа» [31, т. XIV, с. 233, 235].

Размышляя в этой статье о духовном завещании Достоевского, Мережковский опирался, как свидетельствует краткая редакция его статьи, на материалы «Дневника писателя»²³, Иванов — на роман «Братья Карамазовы». Ключевой цитатой для Мережковского были слова Достоевского из Записной тетради за 1880–1881 гг., приведенные с искажением: «Будущая самостоятельная русская идея у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить ее» [21, с. 76]. Отвечая на вопрос о том, что Достоевский подразумевал под этой идеей, Мережковский назвал религиозную революцию. «Если бы эта идея заключалась в православии, самодержавии, народности, то ей бы и рождаться нечего, — писал он. — Но переживаемые нами муки революции действительно похожи на страшные муки каких-то родов, кажется, не только русских, но и всемирных; не одна Россия, но и вся Европа, вся земля, “Великая Мать сыра земля” в наши дни, точно так же, как во дни Рождества Христова, “чревата ужасно”, ужасно беременна» [31, т. XIV, с. 236]. Мережковский стремился осветить ошибочные, по его мнению, взгляды Достоевского на православие и самодержавие, высказанные в «Дневнике писателя», и отыскать пророчество о религии Третьего Завета в его художественных произведениях.

Иванов в книге «Лик и личины России» выбирает из статьи Мережковского три положения, на которых основано его развенчание Достоевского: слова о «будущей самостоятельной русской идее», поглощение православия самодержавием и превращение государства в церковь. Их рассмотрение преломляется через анализ трех духовных состояний России, представленных, по мнению Иванова, в персонажах Достоевского: Дмитрий как начало Ариманово, Иван как носитель люциферического начала и Алеша как прообраз «святой Руси».

Под «будущей самостоятельной идеей» Иванов понимал путь, намеченный в «Братьях Карамазовых» для Алеши: он «должен положить почин созиданию в миру “соборности”, или, если угод-

²³ Мережковский Д. С. Пророк русской революции. Маш. // РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 29.565. Л. 7.

но, “религиозной общественности”, в прямом и строгом смысле этого слова. <...> Это последнее подслушал у Достоевского тот ученик его, которому и принадлежит честь нахождения формулы “религиозная общественность”, — Мережковский» [24, с. 460]. Но Мережковский пошел, в сущности, путем люциферическим и соблазнился возможностью подменить понятие «“религиозная общественность” (т. е. общественность, основанная на религиозной идее) иным понятием, — понятием общности мирской, социологической, без Бога устрояемой, однако столь справедливой и совершенной в своих формах, что она не только не спорит с божественною правдой, но даже кажется ее осуществлением на земле...» [24, с. 461]. Подмена Христова начала началом социальным отражает путь всей люциферической, прежде всего, западной культуры, когда церковь превращается в государство, «причем “государство” понимается в самом широком смысле не только известных нам, но еще и небывалых типов внешне-оформленного человеческого общежития, как исторического тела» [24, с. 461]. У Достоевского, наоборот, намечен путь преобразования государства в церковь в том смысле, в каком возможно общественность сделать подлинно религиозной, чтобы Россия могла «сподобиться» стать «телом свободной теократии» [24, с. 462].

Алеша, отправляющийся в мир, является носителем идеи такой общности. В нем «выступает именно и только — общественник. <...> Алеша начинает свою деятельность в миру с установления между окружающими его людьми такого соединения, какое можно назвать только — соборностью» [24, с. 458]. Соглашаясь с тем, что образ Алеши остался у Достоевского «неопределенным, невыяснившимся», Иванов обнаруживал в нем источник нового религиозного действия, а это прямо противоречило тем выводам о его будущности, которые сделал Мережковский не только в своей пьесе, но и в статье 1906 г. «Новизна и самобытность типа» и «последний завет и пророчество Достоевского» для Иванова состояли в том, что Алеша предзнаменует рождение новой России и этим выражает «будущую самостоятельную русскую идею» [24, с. 457].

Еще одно положение статьи Мережковского «Пророк русской революции», обратившее на себя внимание Иванова, основано на утверждении, что Достоевский принимает подчинение православия самодержавию как сущность русской государственности, влияние которой должно быть распространено на славянские народы с их сакральными центрами святости. «Уж не поверить ли нам автору памфлета “Пророк русской революции”, — восклицает Иванов, — что православие и самодержавие для Достоевского — двуединство, душа и тело одного организма, <...> Так вот зачем так понадобился ему Царьград! На самом деле, Достоевский, конечно, говорит то, что он говорит: русское государство должно “сподобиться” стать церковью, ей же одной дано “владычествовать” на земле» [24, с. 467]. Обвиняя Достоевского в сервильности, Мережковский в своей статье сформулировал силлогизм: «Русский народ весь в православии, больше у него нет ничего, да и не надо, потому что православие все» и — «Русский народ весь в самодержавии, больше у него нет ничего, да и не надо, потому что самодержавие все». По-видимому, Иванов проверил достоверность этих слов и установил, что второго утверждения у Достоевского нет: «Мне кажется, дело ясно, — пишет он. — Вторая посылка выдумана автором памфлета. Самодержавие для Достоевского отнюдь не “все”. О самодержавии собственно он вовсе даже не говорит» [24, с. 474].

Наконец, Ивановым было оспорено утверждение Мережковского об ошибке Достоевского, говорившего о превращении в церковь государства, а не общественности. Иванов писал, что идея религиозной общественности в тех формах, которые для нее сформулировал Мережковский, в конечном счете представляет собой тоже «вид государства, хотя бы и не совпадающего с пределами российской державы» [24, с. 468], т. е. является некоей формой объединения без Имени, без Христа. В духовном завещании Достоевского Иванов видел прозрение будущей «христианской соборности» [24, с. 480], а идее чаемой Мережковским церкви Третьего Завета противопоставил идею агиократии, «господства святых», предшествующего свободной теократии.

Подведем итоги. Пьеса «Будет радость» задумывалась как произведение о современном религиозно-общественном движении. Ее персонажи воплощали собой различные силы русского общества. В их трагическом столкновении рождалась новая сила, ведущая, по мысли автора, к религиозному преображению России. Она противостоит косному церковному православию и утилитарной бездуховности интеллигенции. Написанная как «реалистическая мистерия» [4, с. 586], пьеса обрела провиденциально-символическое звучание благодаря реминисцентному характеру текста, подключавшему реплики действующих лиц к глубинным смыслам произведений древней и новой литературы. Мысль о «чуде» и «будущей радости», противоречившая содержанию пьесы, восходила к мистическому истолкованию исканий персонажей, обнажала подтекст, подразумеваемый автором в столкновении не действующих лиц, а идей. «Будет радость» стала важным свидетельством творческого и идеологического развития Мережковского. Тесно связанная с публицистикой предреволюционной поры, она выразила надежды автора на действенность молодых сил, одухотворенных внецерковными формами религиозности и готовых к политическому действию. Трудно согласиться с тем, что «предпринятое Мережковским “преодоление” Достоевского прошло довольно незаметно» [4, с. 586]. На самом деле, эта сторона пьесы обратила на себя внимание не только газетных рецензентов, вообще не жаловавших Мережковского, но и таких серьезных критиков, как Эфрос, и таких глубоких мыслителей, как Иванов.

Немирович-Данченко, получив от Мережковского пьесу, сомневался, ставить ли ее в Художественном театре. Его привлекало имя автора, общественное звучание пьесы, но смущала ее драматургическая слабость и холодность. Принимая решение ставить «Будет радость», Немирович-Данченко надеялся на развитие вкуса артистов, которым выпала возможность работать с настоящим литературным материалом. Наибольшую сложность представляла невыписанность характеров действующих

лиц, что требовало от артистов больших усилий, и «овладение внутренним содержанием текста»²⁴, т. е. тем самым подтекстом, который подразумевал Мережковский. Благодаря длительным репетициям, продолжавшимся попеременно с игрой артистов в благотворительных спектаклях для фронтовиков, было достигнуто то «слияние пьесы с исполнителями и с внешней постановкой», которого обычно добиваются в театре, когда «уже трудно разобрать, что идет от автора, что от артистов, что от артистических индивидуальностей, что от режиссера...»²⁵. Концепция Немировича-Данченко предполагала выдвижение на первый план фигуры бывшего народника, потому вопросы о «чуде» и «радости» должны были получить однозначные и понятные ответы.

Как и Немирович-Данченко, Иванов выделил в «Будет радость» два ключевых и самых уязвимых момента: образ главной героини и мысль о «чуде». Бесплодность и безжизненность предложенного характера ставили под сомнение и возможность «чуда». Как иронически заметил Иванов, «радости от пьесы я не испытал и вокруг себя не видел; недоумение же об источнике и причине этой радости слышал отовсюду» [26, с. 82]. Отмеченные им логические ошибки Мережковского в создании теории религиозной общественности здесь проходили проверку не схоластическим спором, где правота могла быть и доказана, а наиболее чувствительным к жизненной правде литературным родом.

Таким образом, обсуждение постановки пьесы «Будет радость» оказалось столкновением трех театральных концепций. Одна из них — концепция Мережковского, опиравшаяся на приоритет слова и игнорировавшая собственно театральную специфику, — так и не была реализована, а успешными стали лишь постановки после 1917 г. его исторических трагедий, прочитанных как антимонархические. Концепция Станиславского и Немировича-Данченко не только успешно реализовалась в создании подлинно художественного театра, но и оказала огромное

²⁴ Немирович-Данченко Вл.Ив. [«Будет радость» Д.С. Мережковского]. История постановки. Беглые замечания. Л. 3.

²⁵ Там же.

влияние на мировую теорию театра, театрального образования и практики. Концепция Иванова, оставаясь в области высокой художественной и философской мысли, была усвоена молодой советской массовой культурой и сказалась в ее коллективистских формах [2, с. 106–124].

В отличие от Немировича-Данченко, Иванов увидел в пьесе Мережковского попытку утвердить свою теорию за счет Достоевского и на материале его произведений, а это представлялось куда более серьезным, поскольку имело отношение к развернувшимся тогда спорам о самодержавии и православии. Но если в пьесе «Будет радость» Мережковский экспериментировал с персонажами Достоевского и потерпел поражение, то в публицистике он был довольно убедителен. Иванов предпринял обширное изучение «церковно-исторической системы» [24, с. 474] Достоевского и подробно разобрал инкриминируемые ему Мережковским прегрешения. Слова «лик» и «личины» у него относятся не к Достоевскому, а к тем духовным состояниям, в которые, по его мнению, у Достоевского погружена Россия и которые воплощены в персонажах «Братьев Карамазовых». В этом смысле истолкование Достоевского, построенное на искажении его мыслей и пропитанное идеями (у Иванова — ядами) «западной гражданственности и образованности» [24, с. 455], представляло собой характерный пример «люциферовой» [1, с. 22] России, основанной Петром, а не той, которой еще только предстоит, по словам Достоевского, «сподобиться». Пророком этой России и считал его Иванов.

Написанная по поводу премьеры пьесы «Будет радость», сегодня статья Иванова видится и как итог споров о постановках пьес Мережковского в Московском Художественном театре, и как свидетельство безжизненности идеи религиозной общности, и как ответ «бывших его друзей» [26, с. 81] на многочисленные выступления против Достоевского того «ученика его», который идет «мимо жизни».

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 7–24. (История эстетики в памятниках и документах)
2. *Бёрд Р.* Вячеслав Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // *Бёрд Р.* Символизм после символизма. М.: Нестор-история, 2022. С. 106–124.
3. Вяч. Иванов о Достоевском / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина; предисл. А.Т. Казаряна // Вяч. Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русское слово, 1999. С. 62–120.
4. *Герасимов Ю.К.* Драматургия символизма // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука, 1987. С. 552–606.
5. *Герасимов Ю.К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1. М. Горький // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 27–43.
6. *Герасимов Ю.К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2. Д.С. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16: Юбилейный сб. С. 272–287.
7. *Исупов К.* Герменевтика Вячеслава Иванова // *Исупов К.Г.* Символизм и герменевтика. Siedlce: Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH, 2012. С. 47–98. (Opuscula slavica sedlcensia)
8. *Келдыш В.А.* Вячеслав Иванов и Достоевский // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования / ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М.: Наследие, 1996. С. 247–261.
9. *Келдыш В.А.* Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
10. *Полонский В.* Чеховский след в драматургии русских символистов (О «страсти уныния», «заложниках жизни» и «будущей радости») // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 147–162.
11. *Полонский В.В.* Достоевский как сквозной герой дискуссий в Петербургском религиозно-философском обществе 1907–1917 годов // *Полонский В.В.* Между традицией и модернизмом. Русская

литература XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.

12. *Цимборска-Лебода М.* «Прискорбный промах»? Между Дионисом и «грамматикой»: Мережковский — Пушкин — Вяч. Иванов // *Toronto Slavic Quarterly*. 2016. № 57. С. 325–342.
13. *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и новое открытие Достоевского в XX веке // *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 266–281.

Источники

14. [Б. а.] [Б. н.] // *Русские ведомости* (М.). 1916. № 20. 26 января.
15. [Б. а.] [Б. н.] // *Русские ведомости*. 1916. № 26. 3 февраля.
16. [Б. а.] [Б. н.] «Будет радость» (Пьеса Д.С. Мережковского в московском художественном театре) // *Новости сезона* (М.). 1916. № 3196. 4 февраля.
17. *Брюсов В.* О радости и о драме Д.С. Мережковского (Художественный театр 3 февраля 1916 г.) // *Утро России*. 1916. № 35. 4 февраля. С. 2.
18. *Бэн.* «Будет радость» // *Московские ведомости*. 1916. № 27. 4 февраля. Театр и музыка.
19. *Гиппиус З.Н.* Письмо к Б.В. Савинкову от 11 (24) марта 1911 г. // «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 192.
20. *Глаголь С.* «Будет радость» Д. Мережковского (По телефону из Москвы) // *Биржевые ведомости*. 1916. № 15394. 3 февраля.
21. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 76.
22. *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». Письма. Автобиография (1926) / публ., вступ. статья и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 142–170.
23. *Иванов В.* Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // *Русская мысль*. 1917. Кн. I. С. 16–43. (2-я пар.)
24. *Иванов Вяч. И.* Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987. Т. IV. С. 445–482.

25. *Иванов Вяч.* Мимо жизни // Утро России. 1916. № 44. 13 февраля. С. 5.
26. *Иванов В.И.* Мимо жизни // *Иванов В.И.* Родное и вселенское. Статьи (1914–1916). М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 75–84.
27. *Иванов Вяч.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: в 2 кн. / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Кн. II: Примечания. 671 с.
28. *Игнатов И.* Художественный театр. «Будет радость» Д.С. Мережковского // Русские ведомости. 1916. № 27. 4 февраля.
29. *Мережковский Д.* Горький и Достоевский // Русское слово. 1913. № 286. 12 (25) декабря. С. 3.
30. *Мережковский Д.* Земля во рту // Речь. 1909. № 314. 15 (28) ноября. С. 2.
31. *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914.
32. *Немирович-Данченко Вл.И.* Избранные письма: в 2 т. 1910–1943. М.: Искусство, 1979.
33. Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым / публ. и коммент. М. Цимборска-Лебода, Н. Богомолов // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku / pod red. Wiktora Skrundy.* Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999. S. 81–92.
34. «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908–1909) / вступ. ст., публ. и примеч. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4. С. 140–161.
35. *Созонов Е. И.П.* Каляев (Из воспоминаний) // Былое. Сб. по истории русского освободительного движения (Paris). 1908. № 7. С. 22–23.
36. *Фрид С.* «Будет радость». Новая пьеса Д.С. Мережковского // Биржевые ведомости. 1915. № 15112. 11 октября.
37. *Эфрос Н.* «Будет радость» (Пьеса Д.С. Мережковского в московском Художественном театре) // Речь. 1916. № 34. 4 февраля.
38. *Яблоновский С.* Художественный театр. «Будет радость» Д.С. Мережковского // Русское слово. 1916. № 27. 4 февраля.

References

1. Averintsev, S.S. “Raznorechiia i sviaznost' mysli Viacheslava Ivanova” [“Divergences and Coherence of Vyacheslav Ivanov’s Thought”]. *Viacheslav Ivanov. Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaia teoriia* [Vyacheslav Ivanov. *The Face and Disguises of Russia. Aesthetics and Literary Theory*], comp., introd. and ref. by S.S. Averintsev. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, pp. 7–24. (Istoriia estetiki v pamiatnikakh i dokumentakh) (In Russ.)

2. Berd, R. "Viacheslav Ivanov i massovye prazdnestva rannei sovetskoi epokhi" ["Vyacheslav Ivanov and Mass Festivities of the Early Soviet Era"]. Berd, R. *Simvolizm posle simvolizma* [Symbolism after Symbolism]. Moscow, Nestor-istoriia Publ., 2022, pp. 106–124. (In Russ.)
3. "Viach. Ivanov o Dostoevskom" ["Vyach. Ivanov on Dostoevsky"], publ. by D.V. Ivanov, A.B. Shishkin; introd. by A.T. Kazarjan. *Viach. Ivanov. Arkhivnye materialy i issledovaniia* [Vyach. Ivanov. Archival Materials and Research]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 1999, pp. 62–120. (In Russ.)
4. Gerasimov, Iu.K. "Dramaturgiia simvolizma" ["The Dramaturgy of Symbolism"]. *Istoriia russkoi dramaturgii: Vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka* [The History of Russian Drama: the second half of the 19th — the beginning of the 20th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 552–606. (In Russ.)
5. Gerasimov, Iu.K. "Soiuzniki po 'preodoleniiu Dostoevskogo': M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 1. M. Gor'kii" ["Allies in 'Overcoming Dostoevsky': M. Gorky and D. Merezhkovsky. Article 1. M. Gorky"]. *Dostoevskii: Materialy I issledovaniia*. [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 27–43. (In Russ.)
6. Gerasimov, Iu.K. "Soiuzniki po 'preodoleniiu Dostoevskogo': M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 2. D.S. Merezhkovskii" ["Allies in 'Overcoming Dostoevsky': M. Gorky and D. Merezhkovsky. Article 2. D.S. Merezhkovsky"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and research], vol. 16: Iubileinyi sbornik [Anniversary collection]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 272–287. (In Russ.)
7. Isupov, K. "Germenevtika Viacheslava Ivanova" ["Hermeneutics of Vyacheslav Ivanov"]. Isupov, K.G. *Simvolizm i Germenevtika* [Symbolism and Hermeneutics]. Siedlce: Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH, 2012, pp. 47–98. (Opuscula slavica sedlcensia) (In Russ.)
8. Keldysh, V.A. "Viacheslav Ivanov i Dostoevskii" ["Vyacheslav Ivanov and Dostoevsky"]. Keldysh, V.A., and I.V. Korestkaia, editors. *Viacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov. Materials and Research]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 247–261. (In Russ.)
9. Keldysh, V.A. *Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoi i literaturno-kriticheskoi mysli Serebrianoogo veka russkoi literatury* [F.M. Dostoevsky's Legacy in the Philosophical, Literary and Critical Thought of the Silver Age of Russian Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 280 p. (In Russ.)
10. Polonskii, V. "Chekhovskii sled v dramaturgii russkikh simvolistov (O 'strasti unyniia', 'zalozhnikakh zhizni' i 'budushchei radosti')" ["Chekhov's Trace in the Drama of Russian Symbolists (On the 'Passion of

Despondency', 'Hostages of Life' and 'Coming Joy')"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2007, pp. 147–162. (In Russ.)

11. Polonskii, V.V. "Dostoevskii kak skvoznoi geroi diskussii v Peterburgskom religiozno-filosofskom obshchestve 1907–1917 godov" ["Dostoevsky as a Persistent Subject of Discussions in the St. Petersburg Religious-Philosophical Society in 1907–1917"]. Polonskii, V.V. *Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaia literatura XIX–XX vekov: istoriia, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature of the 19–20th Centuries: History, Poetics, Context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 472 p. (In Russ.)
12. Tsimborska-Leboda, M. "“Priskorbnyi promakh”? Mezhdru Dionisom i ‘grammatikoi’: Merezhkovskii — Pushkin — Viach. Ivanov" ["“A Regrettable Miss”? Between Dionysus and ‘Grammar’: Merezhkovsky — Pushkin — V. Ivanov"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 57, 2016, pp. 325–342. (In Russ.)
13. Shishkin, A.B. "Viach. Ivanov i novoe otkrytie Dostoevskogo v XX veke" ["V. Ivanov and Dostoevsky's New Discovery in the 20th Century"]. Shishkin, A.B., and O.L. Fetisenko, editors. *Ivanov Viach. Dostoevskii: Tragediia — Mif — Mistika* [Ivanov Vyach. Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism], comm. by N.M. Segal-Rudnik, S.D. Titarenko, O.L. Fetisenko with the participation of K.A. Barsht, L.L. Ermakova and K.G. Isupov. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-102-119>

<https://elibrary.ru/BKCMKC>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. Ю.Ю. Анохина

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ «ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П).

Аннотация: В статье рассматривается конспект лекции Вяч. Иванова о «Легенде о Великом инквизиторе» (1938). На примере специфики осмысления «Вячеславом Великолепным» историософских идей, выраженных в «поэме», исследуется вопрос о методологических особенностях интерпретации Иванова. Показано, что в конспекте лекции отразился подход к роману «Братья Карамазовы» как к диалогическому произведению. Принцип диалогизма раскрывается, с одной стороны, благодаря историко-литературному анализу формы легенды, генезису ее сюжета и воплотившихся в ней идей, с другой стороны, благодаря столкновению точек зрения героев (Ивана Карамазова и Алеши, Ивана Карамазова и старца Зосимы), а также мировоззренческих установок сочинителя поэмы (Ивана Карамазова) и автора романа «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевского).

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Ф.М. Достоевский, легенда о Великом инквизиторе, диалогизм, интерпретативные стратегии.

Информация об авторе: Юлия Юрьевна Анохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

Для цитирования: Анохина Ю.Ю. Историософские аспекты интерпретации Вячеславом Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» // Вячеслав Ива-

© 2024. Yuliya Yu. Anokhina

HISTORIOSOPHICAL ASPECTS OF VYACHESLAV IVANOV'S INTERPRETATION OF "THE LEGENDS OF THE GRAND INQUISITOR"

Acknowledgements: The research has been carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, Project no. 17-18-01432-П).

Abstract: The article discusses the notes from Vyach's Ivanov lecture about "The Legend of the Grand Inquisitor" (1938). Using the example of the specifics of Ivanov's understanding of the historiosophical ideas expressed in the "poem", the question of the methodological features of Ivanov's interpretation is explored. It is shown that the lecture notes reflected the approach to the novel "The Brothers Karamazov" as a dialogical work. The principle of dialogism is revealed, on the one hand, thanks to a historical and literary analysis of the form of the legend, the genesis of its plot and the ideas embodied in it. The principle of dialogism is revealed, on the one hand, through the historical-literary analysis of the legend's form, the genesis of its plot, and the ideas embodied in it, and on the other hand, through the clash of viewpoints of the characters (Ivan Karamazov and Alyosha, Ivan Karamazov and Elder Zosima), as well as the worldview perspectives of the author of the poem (Ivan Karamazov) and the author of the novel "The Brothers Karamazov" (Fyodor Dostoevsky).

Keywords: Vyach. Ivanov, F.M. Dostoevsky, legend of the Grand Inquisitor, dialogism, interpretative strategies.

Information about the author: Yuliya Yu. Anokhina, PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

For citation: Anokhina, Yu.Yu. "Historiosophical Aspects of Vyacheslav Ivanov's Interpretation of 'The Legends of the Grand Inquisitor'." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoлей Publ., 2024, pp. 102–119. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-102-119>

Художественный и философский потенциал «Легенды о Великом инквизиторе» по-прежнему востребован в мировой литературе, философии и культуре. Сюжет, идейная и мотивная структура оказали влияние не только на писателей [9], философов [15; 21; 22] и социологов [18] XX столетия¹, но отзываются и в современной литературе [11] и философии. Вместе с тем, эта поэма и сегодня остается одним из наиболее загадочных созданий писателя, по-прежнему до конца не расшифрованных и приковывающих внимание интерпретаторов и исследователей творчества Достоевского. Даже самый беглый обзор опубликованных в последнее десятилетие научных работ о «легенде» позволяет убедиться в широте диапазона тех вопросов, которые ставят современные ученые. Это и вопросы о природе философских идей [7; 13; 20], ее жанровая природа, а также источниковедческие аспекты [3]. При этом если обратить внимание на разделы, посвященные «истории вопроса» (как в современных работах о «легенде», так и в работах более давнего времени), то можно обнаружить, что они, как правило, представляют собой более или менее обстоятельные библиографии, включающие не только новейшие труды, но и труды о «Легенде» мыслителей конца XIX — первой половины XX вв. Правда, далеко не всегда раскрывается и учитывается герменевтический и методологический потенциал работ, созданных в начале XX в. В силу этого обстоятельства все более актуальными оказываются научные исследования, нацеленные на постижение интерпретативных стратегий трудов о «легенде» первой половины прошлого столетия. Представляется, что исследовательское внимание к В.В. Розанову [6], С.Н. Бул-

¹ Интересно, что иногда заимствование сюжета о появлении Христа на земле влечет за собой и заимствование речевой структуры «Легенды о Великом инквизиторе». В частности, так происходит в инспирированной «поэмой» Ивана Карамазова фантазии В.П. Свенцицкого «Второе распятие Христа» [2].

Соблазнительно предположить, что и сам Вяч. Иванов в юношеских литературных опытах не избежал влияния «Легенды». Недаром в «Автобиографическом письме» о периоде его увлечения атеизмом говорится как о парадоксально совмещающем «безбожие» и любовь ко Христу, а также «страсть к Достоевскому» и опыт создания поэм «Иисус» и «Легенда» (вторая — «о еврейском мальчике в испанском готическом соборе» [29, т. II, с. 14]).

гакову [5], Н.А. Бердяеву [12], Л. Шестову, С.Л. Франку [16] как авторам работ о «Великом инквизиторе» оправдано не только с исторической точки зрения, но и с методологической: изучение путей конкретных рецепций позволяет отделить мировоззренческие проекции от выводов, к которым тот или иной интерпретатор «Легенды о Великом инквизиторе» пришел в результате ее анализа. Этому служит и появление антологий, включающих статьи об этой «притче» мыслителей начала XX в. [19]. К числу многоплановых, но наименее исследованных интерпретаций «Легенды о Великом инквизиторе» относится и подход, наметившийся в работах Вяч.И. Иванова, который неоднократно обращался к образности «поэмы».

О специфике восприятия Вяч. Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» можно судить по отдельным суждениям, содержащимся в его статьях («Кризис индивидуализма», 1905; «Идея неприятия мира», 1906), в книге о творчестве Достоевского («Достоевский: трагедия — миф — мистика», 1932); наиболее развернутое высказывание о Великом инквизиторе отражено в двух конспектах его лекции, прочитанной в «Русском собрании» в стенах «Руссикума» 1938 г. [28, с. 261]². Конспекты были составлены Л.В. Ивановой и О.А. Шор, они хранятся в Римском архиве Иванова. Первый был опубликован в 1999 г. Д.В. Ивановым и А.Б. Шишкиным [27], а комментированная публикация обоих конспектов осуществлена А.Б. Шишкиным и О.Л. Фетисенко совсем недавно, в составе предпринятого в 2021 г. издания книги «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» [28, с. 182–187].

О том, как Вяч. Иванов готовился к лекциям, и в частности к лекции о Великом инквизиторе, сын поэта Д.В. Иванов вспоминал так: «В своих публичных выступлениях Вяч. Иванов очень редко читал заранее написанный текст. О лекции или докладе он много думал, готовил или диктовал обширный конспект, которым, однако, обыкновенно при выступлении не пользовался.

² По предположению А.Б. Шишкина слушателями Иванова могли быть Т.А. Сухотина-Толстая, Ю. Данзас, Ф. де Режи́с, о. Виктор Новиков, о. А. Евреинов, о. С. Тышкевич — лица, тоже выступавшие с лекциями на семинаре [14, с. 536].

Такой обширный конспект он продиктовал своей дочери Лидии, готовясь» к лекции о Великом инквизиторе Достоевского <...> [27, с. 80]. И хотя, как отметил Д.В. Иванов, Вяч. Иванов в ходе выступления скорее импровизировал и почти не обращался к конспектам, все же они ценны тем, что отражают оригинальный, но основанный на историко-литературном анализе текста взгляд Иванова на художественные и философские особенности притчи. Оценка Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» редко учитывается в современных работах, посвященных этой «повести»³.

Обстоятельная реконструкция лекции Иванова осуществлена А.Б. Шишкиным, который отметил, что в истории изучения «Легенды» подход Иванова близок тем интерпретациям, которые, в отличие от В.В. Розанова и его последователей, не считали поэму Ивана Карамазова квинтэссенцией творчества Достоевского — таково, в частности, толкование С.С. Аверинцева [1]. Им же подчеркивалось, что в конспекте лекции отразилось разделение мировоззренческих установок героя (Ивана Карамазова как автора поэмы) и писателя (Достоевского как автора романа «Братья Карамазовы»): «Тут уже не герой борется с автором, а они оба предстают мировоззренчески и эстетически равночестными» [14, с. 542]. В этом, методологическом аспекте интерпретация Иванова сопоставлена с полифоническим подходом М.М. Бахтина, который, отметив перспективность идеи Иванова о диалогической природе романов Достоевского, считал, что «Вячеслав Великолепный» в работах о произведениях писателя не раскрыл принцип диалогизма, а «монологизировал

³ Хотя в одной из недавних научных статей о легенде — «“Великий инквизитор”. Текст и контекст» — Р. Джулиани полемизирует с предложенной Вяч. Ивановым интерпретацией символики поцелуя, которым Христос в сочинении Ивана Карамазова отвечает «старцу». С точки зрения итальянской исследовательницы, в этом поцелуе «воплощаются библейские стихи “как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен...” (Ис. 53: 7) и “любите врагов ваших” (Мф. 5: 44; Лк. 6: 27)», поэтому она заключает, что «в своем ответе Христос Достоевского <...> соответствует евангельскому образу Иисуса» и в силу этого «трудно согласиться» [4, с. 112] с утверждением Иванова о непростительности этого поцелуя «в художественном смысле» [28, с. 185].

диалог»⁴. Бахтин был знаком с концепцией Иванова по его статьям о Достоевском, но он не мог слышать лекции о «Легенде» и познакомиться с ее конспектом⁵. Между тем именно в лекции, хоть и сохранившейся в виде тезисов, наиболее ярко прослеживается виденье Ивановым диалогической природы романа «Братья Карамазовы», и особенно отчетливо фокус на диалогизме прослеживается в том, как именно Иванов сталкивает историософские идеи Ивана Карамазова и представления других героев романа «Братья Карамазовы», а то и самого Достоевского.

Тезисы, содержащиеся в конспекте, выстроены в соответствии с логикой научного выступления: очерчивается история подходов к «легенде», анализируется предваряющий «легенду» диалог между Иваном и Алешей Карамазовыми, затем рассматривается проблема художественного своеобразия поэмы и философские идеи, в ней выраженные, сформулирован вывод. Структура конспекта подчинена главной идее Иванова, его стремлению продемонстрировать характер миропонимания Ивана Карамазова и, показав, что взгляды героя отличаются от мировоззрения Достоевского, подчеркнуть, что эстетические черты «легенды» и выраженные в ней историософские идеи органичны для той системы взглядов, которые исповедует «сочинитель» поэмы, герой романа, а не писатель. При композиционной выстроенности конспекта смысловые уровни интерпретации предстают взаимопроникающими, как бы наслаивающимися друг на друга. Среди этих уровней можно выделить следующие: 1) «Исторический»: включает рассуждения об истории формы «поэмы»,

⁴ Двойственный характер оценки Бахтиным методологических разработок Иванова как исследователя Достоевского отмечен Р. Бёрдом [17, с. 31].

⁵ В раннем варианте книги М.М. Бахтина о Достоевском — в «Проблемах творчества Достоевского» «Легенда» рассматривается, прежде всего, как пример «идеологического слова», облеченного в форму «диалогизированного монолога» [23, т. 2, с. 151]. В более поздней работе — «Проблемы поэтики Достоевского» — Бахтин писал о «Легенде» еще и как «менипповой сатире», вставленной в другую «мениппею» — диалог Ивана Карамазова с Алешей. При этом и разговор братьев, и саму «легенду» ученый считал принадлежащими «к числу глубочайших художественно-философских произведений всей мировой литературы» [23, т. 6, с. 175].

ее сюжета и истории идей, лежащих в ее философском основании; 2) «Эстетический»: определение художественной ценности поэмы; 3) «Философский»: анализ соотношения историософских и социально-философских идей Ивана Карамазова со взглядами других героев или взглядами писателя; 4) «Конфессиональный»: размышления о том, как в «легенде» представлена церковная полемика. Поскольку фокус на принципе формы и диалогизме связаны, прежде всего, с первыми тремя уровнями, остановимся на них.

«Историческое» измерение — одно из наиболее существенных для концепции, изложенной в конспектах лекции о «Легенде», о чем свидетельствует уже то, что историософское начало Иванов считал жанрообразующим. Недаром жанровую принадлежность «сочинения» Ивана Карамазова интерпретатор определял как «атеистическую социальную утопию» [28, с. 182]. Собственно исследовательская оптика, определяющая ход интерпретации Иванова, оказывается чрезвычайно близкой школе исторической поэтики⁶ — в его рассуждениях об особенностях формы «Легенды», об истории ее сюжета, а также истории идей, находящейся в центре притчи. Так, Иванов обратил внимание на то, что легенда является вставной повестью — «с давнего времени установленной формой» [28, с. 183]. При этом чрезвычайно широкими оказываются хронологические и географические границы примеров, иллюстрирующих идею о том, что форма вставной повести хорошо известна мировой литературе. Примером из античной словесности служит «Эрот и Психея», «очаровательная и глубокомысленная сказка» [28, с. 183] из «Золотого Осла» Апулея, из эпохи Возрождения — «Декамерон» Дж. Бок-

⁶ В этом смысле интересно, что в конспекте, определяя генезис «Легенды», Иванов в качестве ее идейных источников назвал те, что были отмечены последователем школы исторической поэтики И.И. Лапшиным в статье «Как сложилась Легенда о Великом инквизиторе» (1929): “*Carmina Burana*” «Евангелие от марки серебра» (“*Initium Sancti Evangelii secundum marcas argenti*”) [30, с. 127–128]. Об интересе Вяч. Иванова к исследовательским принципам А.Н. Веселовского в 1920-е гг. см. статью К.Ю. Лаппо-Данилевского «Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике»: [8].

каччо и «Дон Кихот» М. де Сервантеса, из литературы Нового времени — «Вильгельм Мейстер» И.В. Гете. В качестве примера из русской литературы Иванов указывал на «Повесть о капитане Копейкине» из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С другой стороны, лектор обращается и к истории сюжета, связанного с Великим инквизитором: этот сюжет, с точки зрения Иванова, восходит к «Дону Карлосу» Шиллера, к образу «старца со стражей». Идейное содержание легенды рассматривается в контексте «древней идеи» о жреческом обмане. Для того чтобы подчеркнуть ординарность философских интуиций, выраженных в поэме, Иванов привел целый ряд параллелей, в числе которых и латинский трактат XIII в. «О трех обманщиках», и труд Х.А. Лобека «Аглагофам, или О мистической теологии греческого происхождения» (1829), и книгу А.Н. Толстого «Исследование догматического богословия» (1879–1884) [28, с. 430–431]. Историко-литературной модой объясняется стремление героя романа облечь свои близкие социализму общественно-политические убеждения в аллегорические формы: «Легенду» Ивана сравнивает с «поэмкой» В.С. Печерина «Торжество смерти»⁷.

Благодаря сопоставлениям «Легенда» предстает встроенной в широкий историко-литературный и историко-философский контекст. Однако обзор интертекстуальных связей повести Ивана не носил в рамках лекции самостоятельного значения. Представление лектора об истории формы поэмы и о генезисе ее основных идей играет решающую роль в определении художественной ценности «легенды». Перечислив произведения, в которых встречаются вставные повести, Иванов подчеркнул, что повести такого рода бывают двух типов: связанные с контекстом произведения и нет. Иванов относил «Легенду» ко второму типу, видел в ней повесть, неотделимую от образа ее автора — Ивана Карамазова, и это позволило ему сделать главный вывод относи-

⁷ Заметим, что корреспондент Вяч. Иванова по знаменитой «Переписке в комнате» М.О. Гершензон в книге о В.С. Печерине пересказывает идею Е.А. Боброва о том, что пародией на поэму «Торжество смерти» было сочинение героя из другого романа Достоевского — мистерия Степана Трофимовича Верховенского из «Бесов» [25, с. 90].

тельно роли «Легенды» в романе, вывод о том, что значение этой «повести», прежде всего, — эстетическое, а не мировоззренческое, т. к. она призвана охарактеризовать миропонимание героя романа, а не выразить сокровенные идеи Достоевского: «Но художеств[енно], однако, эта легенда совершенна — как портрет Ивана. Это есть в этом смысле худож[ественно] и философск[и] совершенно. Клиническая запись. Сделанная непонятно точно и глубоко. Именно так должен был думать и мечтать Иван» [28, с. 187]. Так, именно исторический взгляд на поэму позволяет Иванову развить интуицию о диалогической природе романов Достоевского — интуицию, выраженную еще в его книге «Достоевский: трагедия — миф — мистика» и показать, что легенда представляет собой высказывание Ивана Карамазова, а не программное выступление писателя.

Собственно как таковой идея неслиянности голосов героев и голоса писателя новаторской не была. Одним из первых, кто отделил голоса героев Достоевского, в том числе и Ивана Карамазова, от голоса самого писателя, был Л. Шестов. В книге «Достоевский и Ницше» (1901) философ писал: «<...> Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Кирилловы и другие действующие лица романов Достоевского говорят сами за себя и ничего общего с их автором не имеют» [31, с. 21]. Принципиальное отличие в подходах мыслителей связано с их представлениями о характере оснований для дифференциации. По Шестову, отличить голос писателя от голосов его героев можно основываясь на лингвостилистическом («форма изложения») или интертекстуальном («заимствования») анализе. При этом философ писал об образе Великого инквизитора как создании самого Достоевского, а не его героя. В отличие от Шестова, Иванов приходит к выводу о том, что поэма отражает мироощущение Ивана Карамазова не только исходя из идеи о том, что поэма неразрывно связана с контекстом романа, но и основываясь на анализе ее художественных особенностей и историософских смыслов.

Анализ основных мировоззренческих постулатов, изложенных Иваном Карамазовым в разговоре с младшим братом (диалоги из частей «Братья знакомятся» и «Бунт»), нужен Иванову

для того, чтобы выявить их соотношение с миропониманием Великого инквизитора и с голосом самого Достоевского. При этом главные идеи легенды о Великом инквизиторе рассматриваются Ивановым как инспирированные теоретическими рассуждениями Ивана Карамазова о «неприятии мира».

К идее отрицания мира Иваном Карамазовым Иванов обращался и раньше, он рассуждал об этом за тридцать с лишним лет до лекции — в статье, которая так и была названа «Идея неприятия мира» и впервые напечатана в качестве предисловия к книге Г. Чулкова «О мистическом анархизме» в 1906 г. В статье и в конспекте лекции мировоззренческие причины, побудившие Ивана Карамазова отвергнуть мир, определяются по-разному. В ранней статье бунт героя рассматривается в теологической и «демиургической» перспективах. С одной стороны, Иванов видит в постулировании Иваном Карамазовым своего «нет» Божьему миру отражение неизбежного этапа в отношениях между человечеством и божеством, «одну из форм древнего богоборства» [29, т. III, с. 80] Иова. С другой стороны, в статье «Неприятие мира» понимание образа Ивана Карамазова определяется символистским представлением о мистической природе художника-творца: мироощущение этого героя рассматривается как мироощущение, выраженное и в программе Великого инквизитора, и в то же время в молчании Христа (которое как писатель, как творец Иван Карамазов, по мысли Иванова, имеет возможность опытно, мистически постичь). «Писательская» ипостась Ивана Карамазова здесь выдвигается на первый план, и в силу его демиургической природы, свойственной художнику как таковому, декларируемое им отрицание мира рассматривается как диалектически содержащее его утверждение.

Конспект лекции показывает, что оптика «Вячеслава Великолепного» по сравнению со статьей 1906 г. трансформировалась: символистско-мистическая перспектива интерпретации сменилась историософской. Идея неприятия мира рассматривается уже не как «пережиток (survival) старинного богоборства» [29, т. III, с. 83], а как следствие ошибочного понимания евангельского взгляда на исторический процесс. Согласно конспекту, ка-

рамазовский тезис «я міра Его не приемлю» зиждется на ошибке в понимании евангельской историософии. Отсылая к первому посланию апостола Иоанна Богослова, Иванов подчеркивает: «Евангелие показывает наше правильное отношение к міру. Мір, как он устроен, лежит во зле, в грехе. Но он такой не от Бога, а от князя міра сего. Сатана им овладел, и этот мір достоин ненависти» [28, с. 184]⁸. При этом оказывается, что такая христианская отрешенность от здешнего мира находит отражение и в тексте романа «Братья Карамазовы», в «поучениях» старца Зосимы, который замечает, что без Христа этот мир чужд человеку: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многое на земле о нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» [26, т. 14, с. 290]. И хотя в конспекте Иванова старец Зосима не упоминается, представляется, что, рассуждения герменевта о «Евангельском отношении к миру» не были оторванными от контекста романа Достоевского. Тем более, Иванов в качестве аргумента, подтверждающего неверное понимание Иваном Карамазовым христианского восприятия мира, противопоставляет мысль, чрезвычайно сходную с одним из наставлений старца Зосимы. «Вячеслав Великолепный» подчеркнул, что охваченность мира злом связана с произволением человека, а не Бога: «Но мы не манихейцы и знаем, что это значит, что вина есть грех человека, испортивший, изменивший мір» [28, с. 184]. В поучениях наставника Алеши ответственность за распространение зла возлагается на человека: «Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащит-

⁸ Ср.: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2: 15–16).

ном сердечке остался» [26, т. 14, с. 289]. Тот ход рассуждений, который Иванов противопоставляет Ивану Карамазову в его отрицании мира, оказывается созвучным идеям, выраженным в словах другого героя романа «Братья Карамазовы» — старца Зосимы. Неявный диалог старца и Ивана Карамазова прослеживается в предпринятом Ивановым противопоставлении культивируемой «бунтовщиком» идее о невозможности простить страдание ребенка и мысли о том, что «Мировая симфония осанны <...> основана именно на том, что каждый человек прощает всем людям всё. Сам ребенок будет просить о прощении. Таково соединение будет с Христом» [28, с. 184]. Эти слова о прощении соответствуют учению старца Зосимы и о том, что каждый человек «за всех и за вся виноват» [26, т. 14, с. 290].

Если голос старца Зосимы звучит в рассуждениях Иванова опосредованно, то голос другого героя романа — Алеши оказывается включенным в ход интерпретации непосредственно. Иванов «сталкивает» утопические фантазии Ивана Карамазова и христианскую трезвость Алеши: «Здание будущей гармонии не может быть построено на крови замученного ребенка. — Вот аргумент, который нельзя победить — в чем сила Дост[оевского], кроме как учением Христа. Христос имеет право простить, это ответ Алеши» [28, с. 184]. Здесь Иванов отсылал к реплике младшего брата, считавшего, что именно Христос есть тот, кто «может все простить, всех и вся и за всё» [28, с. 428]. Такое пусть неточное, но близкое к тексту Достоевского цитирование высказываний братьев позволяет Иванову заострить внимание на внутренней диалогичности, на полемике автора и героя.

Анализируя собственно философию «легенды», Иванов противопоставил голосу Великого инквизитора голос самого писателя: «Камни в хлеба — разве это не программа социализма? — говорит Дост[оевский]» [28, с. 185]. Этот тезис соотносим одновременно и с программным лозунгом Великого инквизитора «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели» [26, т. 14, с. 230], служит своего рода ответом на него, и в то же время, по-видимому, отсылает к майскому номеру «Дневника писателя» за 1876 г., ко второму параграфу второй главы («Одна несоответственная идея»), где До-

стоевский называет «главным предрассудком всей жизни» «камни, обращенные в хлебы» [26, т. 23, с. 25]. Разделяя голос Великого инквизитора и голос Достоевского, Иванов раскрывает идею о том, что сама постановка вопроса об историсофском смысле пришествия Христа в легенде неверна: «Христос не отказывается кормить народ хлебом и дважды насыщает его — после, однако, насыщения Словом Божиим. Хлеб прилагается. Ищите царства Божьего» [28, с. 185]. И эта мысль, выраженная в концепте лекции, соответствует ходу рассуждений Достоевского о том, почему Христос не дал человеку, прежде всего, «хлеба»: «Но если дать и Красоту и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего — одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни. И потому лучше возвестить один свет духовный» (ответ В.А. Алексееву, 1876) [26, т. 29, кн. 2, с. 85].

По историко-культурному контексту интерпретация «Легенды» Вяч. Ивановым как будто бы примыкает к философским трактовкам Н.А. Бердяева [24] и С.Л. Франка [32], которые тоже обратились к «бестолковой поэме» в эмигрантский период жизни. Однако если Бердяев и Франк были сосредоточены, прежде всего, на философской составляющей легенды: первый — на религиозно-философской, второй — на социально-философской, то для Вяч. Иванова философский смысл легенды оказывается вторичным: он обращается к литературному своеобразие этой «притчи», и, анализируя ключевые идеи сочинения Ивана Карамазова как филолог, вооруженный историко-литературной оптикой, развивает интуицию о диалогической природе романа «Братья Карамазовы», а также интуицию, выраженную еще в ранней статье «Достоевский и роман-трагедия» (1911) — мысль о том, что одним из важнейших художественных принципов Достоевского является принцип формы.

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* «Великий инквизитор» с точки зрения *advocatus diaboli* // *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2001. С. 327–330.
2. *Бесогонова С.А.* Речевые жанры в поэме «Великий инквизитор» Ф.М. Достоевского и в фантазии В.П. Свенцицкого «Второе распятие Христа» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2020. С. 52–57.
3. *Дергачева И.В.* Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 125–140.
4. *Джулиани Р.* Великий Инквизитор. Текст и контекст // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 103–119.
5. *Евлампиев И.И., Ли Тяньюнь.* Иван Карамазов в размышлениях С.Н. Булгакова: современная оценка героя и позиции критика // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Vol. 22, № 2. С. 197–207.
6. *Казакова Н.Ю.* «Легенда о Великом инквизиторе» в интерпретации В. Розанова // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 103–108.
7. *Кибальник С.А.* Диалектика свободы и счастья в «Легенде о Великом инквизиторе» // Cuadernos de Rusística Española. 2013. № 9. С. 45–57.
8. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2011. С. 96–110.
9. *Сухих О.С.* Художественное переосмысление «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в русской литературе XX–XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 364 с.
10. *Сюндюков Н.К.* Великий инквизитор как великий гуманист // Русская философия. 2021. № 2. С. 18–32.
11. *Турьшева О.Н.* Поцелуй Христа в профанном исполнении: скрытое цитирование Достоевского в повести А. Нотомб «Антихриста» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2014. № 1. С. 160–164.

12. Харитонов Т.И. Образ Великого инквизитора в государстве и в революции. Политическая теология Ф.М. Достоевского и Н.А. Бердяева // Социология власти. 2022. Vol. 34, № 2. С. 96–124.
13. Холоднова К.Н. Антропология Великого Инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Социум и власть. 2023. № 3 (97). С. 66–77.
14. Шишкин А.Б. «Легенда о Великом Инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) // Культурный палимпсест: сб. статей. СПб.: Наука, 2011. С. 534–543.
15. Шульц С.А. Мотив Великого инквизитора: Ф.М. Достоевский и А. Камю // Культура и текст. 2019. № 4 (39). С. 28–40.
16. Щербина Ю.И. С.Л. Франк о гуманизме Достоевского // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 149–155.
17. Bird R. Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories // Dostoevsky Studies. New Series. 2001. Vol. V. P. 126–146.
18. D'Andrea D. Il Grande inquisitore di Max Weber. La politica come etica alla prova del mondo // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 93–105.
19. Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo / a cura di Daniela Steila. Torino: Accademia University Press, 2015. 302 p.
20. Malo A. Nihilism and freedom in the Legend of the Grand Inquisitor // Church communication and culture. 2017. Vol. 2, № 3. P. 259–271.
21. Parotto G. L'araldo dell'apocalisse. Il Grande Inquisitore nell'interpretazione di Hans Urs von Balthasar // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 169–179.
22. Spini D. L'Inquisitore e il Marinaio. L'interpretazione della Leggenda in Hannah Arendt // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 137–147.

Источники

23. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русское слово, 1996– .
24. Бердяев Н.А. Мирозозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
25. Гершензон М. Жизнь В.С. Печерина. М.: Путь, 1910. 226 с.
26. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / под ред. В.Г. Базанова, Г.М. Фридлендера, В.В. Виноградова. Л.: Наука, 1972–1990.

27. *Иванов В.И.* <О «Легенде о Великом Инквизиторе» // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские слова-ри, 1999. С. 75–80.
28. *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 461 с.
29. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
30. *Лапшин И.* Как сложилась легенда о Великом Инквизиторе // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Бема. Paris: Amga Editions, 1986. С. 126–140.
31. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 258 с.
32. *Франк С.Л.* Легенда о Великом Инквизиторе // Вестник русского христианского движения. 1976. № 1. С. 102–111.

References

1. Averintsev, S.S. “Velikii inkvizitor’ s tochki zreniia advocatus diaboli” [“The Grand Inquisitor’ from the Point of View of Advocatus Diabolic”]. *Averintsev, S.S. Sofia-Logos. Slovar’ [Sophia-Logos. Dictionary]*. Kiev, DUKh I LITERA Publ., 2001, pp. 327–330. (In Russ.)
2. Besogonova, S.A. “Rechevye zhanry v poeme ‘Velikii inkvizitor’ F.M. Dostoevskogo i v fantazii V.P. Svetsitskogo ‘Vtoroe raspiatie Khrista.’” [“Speech Genres in the Poem ‘The Grand Inquisitor’ by F.M. Dostoevsky and in the Fantasy of V.P. Svetsitsky ‘The Second Crucifixion of Christ.’”]. *Formirovanie professional’noi kompetentnosti filologa v polikul’turnoi obrazovatel’noi srede. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Formation of Professional Competence of a Philologist in a Multicultural Educational Environment. Materials of the III International Scientific and Practical Conference]*. Simferopol’, Individual’nyi predprinimatel’ Kornienko A.A. Publ., 2020, pp. 52–57. (In Russ.)
3. Dergacheva, I.V. “Pretsedentnyi intertekst v poeme ‘Velikii inkvizitor’” [“Precedential Intertext in the Poem ‘The Grand Inquisitor’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 2, 2021, pp. 125–140. (In Russ.)
4. Dzhuliani, R. “Velikii Inkvizitor. Tekst i kontekst” [“Grand Inquisitor. Text and Context”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia [Dostoevsky.*

- Materials and Research*], vol. 22. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 103–119. (In Russ.)
5. Evlampiev, I.I., Li Tian'yun'. "Ivan Karamazov v razmyshleniakh S.N. Bulgakova: sovremennaia otsenka geroia i pozitsii kritika" ["Ivan Karamazov in the Thoughts of S.N. Bulgakov: Modern Assessment of the Hero and the Position of the Critic"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 22, no. 2, 2021, pp. 197–207. (In Russ.)
 6. Kazakova, N.Iu. "Legenda o Velikom inkvizitore' v interpretatsii V. Rozanova" ["The Legend of the Grand Inquisitor' in the Interpretation of V. Rozanov"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 16, 2002, pp. 103–108. (In Russ.)
 7. Kibal'nik, S.A. "Dialektika svobody i schast'ia v 'Legende o Velikom inkvizitore'" ["Dialectics of Freedom and Happiness in 'The Legend of the Grand Inquisitor'"]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 9, 2013, pp. 45–57. (In Russ.)
 8. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "Trudy A.N. Veselovskogo i bakinskie lektsii Viach. Ivanova po poetike" ["Works of A.N. Veselovsky and Baku Lectures by Vyach. Ivanov on Poetics"]. *Aleksandr Veselovskii. Aktual'nye aspekty nasledii. Issledovaniia i materialy* [Alexander Veselovsky. Current Aspects of Heritage. Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 96–110. (In Russ.)
 9. Sukhikh, O.S. *Khudozhestvennoe pereosmyslenie 'Legendy o velikom inkvizitore' F.M. Dostoevskogo v russkoi literature XX–XXI vv.: dis. ... d-ra filol. nauk* [An Artistic Re-interpretation of "The Legend of the Grand Inquisitor" by F.M. Dostoevsky in Russian Literature of the 20–21st Centuries: PhD Dissertation]. Nizhnii Novgorod, 2013. 364 p. (In Russ.)
 10. Siundiukov, N.K. "Velikii inkvizitor kak velikii gumanist" ["The Grand Inquisitor as a Grand Humanist"]. *Russkaia filosofii*, no. 2, 2021, pp. 18–32. (In Russ.)
 11. Turyшева, O.N. "Potselui Khrista v profannom ispolnenii: skrytoe tsitirovanie Dostoevskogo v povesti A. Notomb 'Antikhrista'" ["The Kiss of Christ in a Profane Performance: Hidden Quotation of Dostoevsky in A. Nothomb's Story 'Antichrist'"]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaia klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*, no. 1, 2014, pp. 160–164. (In Russ.)
 12. Kharitonov, T.I. "Obraz Velikogo inkvizitora v gosudarstve i v revoliutsii. Politicheskaia teologiya F.M. Dostoevskogo i N.A. Berdiaeva" ["The Image of the Grand Inquisitor in the State and in the Revolution. Political Theology F.M. Dostoevsky and N.A. Berdyaeva"]. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 34, no. 2, 2022, pp. 96–124. (In Russ.)

13. Kholodnova, K.N. "Antropologija Velikogo Inkvizitora v romane F.M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazovy'" ["Anthropology of the Grand Inquisitor in F.M. Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov'"]. *Sotsium i vlast'*, no. 3 (97), 2023, pp. 66–77. (In Russ.)
14. Shishkin, A.B. "Legenda o Velikom Inkvizitore' v istolkovanii Viach. Ivanova (1938)" ["'The Legend of the Grand Inquisitor' as interpreted by Vyach. Ivanov (1938)"]. *Kul'turnyi palimpsest: sb. statei* [Cultural Palimpsest: Collection Articles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 534–543. (In Russ.)
15. Shul'ts, S.A. "Motiv Velikogo inkvizitora: F.M. Dostoevskii i A. Kamiu" ["Grand Inquisitor Motive: F.M. Dostoevsky and A. Camus"]. *Kul'tura i tekst*, no. 4 (39), 2019, pp. 28–40. (In Russ.)
16. Shcherbina, Iu.I. "S.L. Frank o gumanizme Dostoevskogo" ["S.L. Frank on Dostoevsky's humanism"]. *Chelovek*, vol. 30, no. 4, 2019, pp. 149–155. (In Russ.)
17. Bird, R. "Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories." *Dostoevsky Studies. New Series*, vol. V, 2001, pp. 126–146. (In English)
18. D'Andrea, D. "Il Grande inquisitore di Max Weber. La politica come etica alla prova del mondo." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 93–105. (In Italian)
19. Steila, Daniela, editore. *Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo*. Torino, Accademia University Press, 2015. 302 p. (In Italian)
20. Malo, A. "Nihilism and freedom in the Legend of the Grand Inquisitor." *Church communication and culture*, vol. 2, no. 3, 2017, pp. 259–271. (In English)
21. Parotto, G. "L'araldo dell'apocalisse. Il Grande Inquisitore nell'interpretazione di Hans Urs von Balthasar." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 169–179. (In Italian)
22. Spini, D. "L'Inquisitore e il Marinaio. L'interpretazione della Leggenda in Hannah Arendt." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 137–147. (In Italian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

<https://elibrary.ru/KHPQOL>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. А.Г. Каяниди

«СИЛОАМ СЛЕПОТ»: ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРОЗРЕНИЯ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА ОТНОСИТЕЛЬНО ТРАГЕДИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ»

Аннотация: В.Я. Брюсов стал автором первого печатного отклика на трагедию Вяч. Иванова «Прометей» (1919). Исследователи диаметрально противоположно трактуют пафос брюсовского отклика, называя его либо суровым и отрицательным, либо сдержанно-осторожным. Брюсов критикует Иванова за несоответствие античной культуре и произвольность интерпретации прометеевского мифа. Конкретно говоря, Брюсов считает, что Иванов выдумывает новое значение для Пандоры, а Прометея модернизирует, вкладывая в него ницшеанские и свои собственные идеи. Опираясь на труды немецких классических филологов XIX–XX вв., мы показываем, что при разработке прометеевской темы Иванов ориентируется на современное ему научное представление о прометеевском мифе, ничего не искажая и достигая эффекта новизны по-александрийски утонченным отбором мифологического материала и смелой компиляцией освещенных традицией мотивов и черт. Так, античный генезис имеют такие черты Пандоры, как ее создание Прометеем, увязанное с кражей огня и завершением творения человека, дионисийский и титанический характер Пандоры, ее брачная связь с Прометеем и взаимосвязь с земледелием. Чуждым античности могли показаться Брюсову такие черты Прометея, как демиургия и взаимосвязь с Дионисом. Они отсутствуют у Эсхила и Гесиода, но тоже фундированы в античности. Брюсов первым отмечает ницшеанский характер ивановского Прометея. Иванов сохраняет основные черты ницшеанской концепции Прометея: богоборчество, идею активности греха, прометеизм и люциферизм культуры. С «Рождением трагедии» связана также схема трагедии, которую Иванов предлагает в конце своего предисловия к произведению. Тонко улавливает Брюсов также и собственно ивановский слой в «Прометее». Он заключается прежде всего во включенности в прометеевский миф концепции «Ты еси»: Прометей предстает как мужское, личное я, богоборчески противостоящее божественной самости (Анимус), а Пандора — сначала как Психея-скиталица, а затем как Психея-мстительница (Анима). Отклик Брюсова на ива-

«Силоам слепот»: заблуждения и прозрения Валерия Брюсова...

новскую трагедию мог быть обусловлен его близким знакомством с процессом создания произведения. Брюсов становится одним из конфиденентов Иванова, которому сообщается о стадиях работы над «Прометеем», замысел которого оформляется в период взаимного интереса к Ницше со стороны обоих поэтов.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Прометей, Пандора, Ницше, «Ты еси», трагедия, символизм.

Информация об авторе: Леонид Геннадьевич Каяниди — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>
E-mail: leonideas@bk.ru

Для цитирования: Каяниди Л.Г. «Силоам слепот»: заблуждения и прозрения Валерия Брюсова относительно трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 120–138.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

© 2024. *Leonid G. Kaianidi*

“SILOAM OF BLINDNESS”: BRYUSOV’S INSIGHTS AND DELUSIONS REGARDING THE TRAGEDY BY V. IVANOV “PROMETHEUS”

Abstract: Valery Bryusov became the author of the first printed response to the tragedy by V. Ivanov “Prometheus” (1919). Researchers interpret the pathos of Bryusov’s response diametrically opposite, calling it either harsh and negative, or restrained and cautious. Bryusov, indeed, criticizes Ivanov for the inconsistency of ancient culture and the arbitrariness of the interpretation of the Prometheus myth. Specifically, Bryusov believes that Ivanov invents a new meaning for Pandora, and modernizes Prometheus, putting Nietzschean and his own ideas into it. Relying on the works of German classical philologists of the 19–20th centuries, we show that, when developing the Prometheus theme, Ivanov focuses on the modern scientific idea of the Prometheus myth, without distorting anything and achieving the effect of novelty in an Alexandrian refined selection of mythological material and a bold compilation of motifs and features illuminated by tradition. Thus, the ancient genesis has such features of Pandora as her creation by Prometheus, linked with the theft of fire and the completion of human creation, the Dionysian and titanic character of Pandora, her marital relationship with Prometheus and the relationship with agriculture. To Bryusov, such features of Prometheus as demiurgy and the relationship with Dionysus

might seem alien to antiquity. They are absent from Aeschylus and Hesiod, but they were also founded in antiquity. Bryusov is the first to note the Nietzschean character of Ivanov's "Prometheus". Ivanov retains the main features of the Nietzschean concept of Prometheus: God-fighting, the idea of the activity of sin, Prometheism and Luciferism of culture. The scheme of tragedy, which Ivanov offers at the end of his preface to the work, is also connected with the "Birth of Tragedy". Bryusov also subtly captures the Ivanov's layer in Prometheus. It consists primarily in the inclusion in the Promethean myth of the concept of "You are": Prometheus appears as a male, personal self, God-defying opposing the divine self (Animus), and Pandora — first as a wandering Psyche, and then as a Psyche-avenger (Anima). Bryusov's response to the Ivanov's tragedy could have been due to his close acquaintance with the process of creating the work. Bryusov becomes one of Ivanov's confidants, who is informed about the stages of work on "Prometheus", the idea of which is formed during the period of mutual interest in Nietzsche on the part of both poets.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Valery Bryusov, Prometheus, Pandora, Nietzsche, "You are", tragedy, symbolism.

Information about the author: Leonid G. Kaianidi, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University, Prgevalsky St., 4, 214000 Smolensk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>

E-mail: leonideas@bk.ru

For citation: Kaianidi, L.G. "Siloam of Blindness': Valery Bryusov's Insights and Delusions Regarding the Tragedy by Vyacheslav Ivanov 'Prometheus.'" *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 120–138. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

И мы придвинулись на край конечных срывов...
Над бездной мрачною пылает лютый бор...
Прими нас, жертвенный костер,
Мзда и чистилище заблудшихся порывов. —
О Силоам слепот, отмстительный костер!...
Вяч. Иванов «Цусима»

Брюсов стал автором первого критического отклика на трагедию Вяч. Иванова «Прометей». Он был опубликован в 1920 г. во втором номере «Художественного слова», журнала Наркомпроса, редактором которого состоял Брюсов.

В исследовательской литературе сложилось два полярных мнения относительно основной интенции рецензии Брюсова.

Публикаторы и комментаторы переписки Брюсова с Ивановым, А.В. Лавров, Н.В. Котрелев и С.С. Гречишкин, называют отзыв Брюсова «суровым» и обращают внимание на изменение отношения Брюсова к драматургии Иванова: трагедию «Тантал», «написанную в том же поэтическом ключе», что «Прометей», Брюсов в свое время хвалил, а «Прометей» хулит. Исследователи отмечают, что «Брюсов упрекает Иванова в произвольности интерпретации мифа, в чрезмерной условности, безжизненности трагедии», которая «оказывается любопытным образцом “творчества в пустоте”» [5, с. 432]. Н.А. Богомолов солидаризуется с публикаторами переписки Брюсова и Иванова и называет рецензию на «Прометей» «вполне отрицательной» [4, с. 702].

Иной точки зрения придерживается В.Э. Молодяков. Признавая, что послереволюционные годы в целом стали «временем решительной переоценки Брюсовым значения символизма и творчества своих бывших соратников», Молодяков считает, что рецензии Брюсова на поэму Иванова «Младенчество» и на трагедию «Прометей» были «сдержанно-осторожными и в целом достаточно благожелательными». «Рецензия Брюсова содержит много глубоких и верных замечаний об античной и современной трагедии, а главный его упрек, адресованный автору, — несоответствие его построений подлинной античной культуре» [14, с. 95–96].

Итак, различаясь в оценке общей интенции брюсовской рецензии, исследователи сходятся в определении основного упрека, адресованного Брюсовым Иванову, — произвольность интерпретации мифа, несоответствие античной культуре. Переходя от оценок рецензии Брюсова к ее содержанию, необходимо признать, что этот упрек, действительно, был главным и самым принципиальным. По мнению Брюсова, трагедия «Прометей» основана «не на воззрениях античного мира»; Иванов «придает образу Прометея черты, которые не только “чужды” эллинским воззрениям, но и прямо враждебны им, выдумывает совершенно новое значение для Пандоры и т. д.» [3, с. 397]. Эта, если так можно выразиться, «анти-античность» ивановской трагедии характеризуется рецензентом демонстративно иронически, путем

доведения до абсурда: «Будь трагедия русского поэта поставлена в Афинском театре IV в. перед современниками Эсхила, они, вероятно, мало что поняли бы в ней, сочли бы ее кощунственной и автора освистали бы» [3, с. 397]. Вместе с тем в финале рецензии Брюсов высказывает мысль, почти прямо противоречащую своему основному тезису. Он говорит, что для понимания трагедии ивановский читатель должен быть «посвящен в недра классической мифологии и мифографии» [3, с. 398], т. е. все-таки признает фундированность ивановского произведения в античности.

Брюсов конкретизирует свой тезис о чужеродности ивановского Прометея античности. По мнению рецензента, это связано с тем, что «сам Прометей — философ в высокой степени — рассуждает так, словно читал Ницше и самого Вяч. Иванова» [3, с. 397]. Стало быть, по Брюсову, Иванов искажает античный образ Прометея под влиянием идей Ницше и своих собственных.

Разберем брюсовские суждения по порядку.

Пандора

Брюсов упрекает Иванова, что тот «выдумывает совершенно новое значение для Пандоры». Этот упрек словно провоцируется самим Ивановым, который в предисловии к трагедии указывает на свою эмансипацию от античного мифологического предания: оно, как пишет Иванов, не знало о Пандоре ничего, «кроме ее качества раздавательницы соблазнительных даров и кроме рассказа об участии многих божеств в ее сотворении» [7, с. XIII].

Это несколько лукавое высказывание для классического филолога и поэта, который, как мы знаем из его эпистолярия, при работе над трагедиями просил своих знакомых делать выписки из Лексикона Рошера (*Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*) и Энциклопедии Паули (*Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*)¹. На самом

¹ 15 марта 1900 г. Иванов обращается к М.М. Замятниной: «Дорогой друг Маруся! Позвольте беспокоить Вас одним книжным порученьцем. § 1. Если

деле Иванов не выдумывает ни одного мотива, связанного с Пандорой, кроме разве мотива жертвоприношения Пандоры Прометеем. Ее образ фундирован в античной мифологической традиции и представляет собой смелую компиляцию мифологических черт и мотивов. Смелость ивановского синкретизма и по-александрийски утонченный отбор мифологического материала действительно создают эффект новизны интерпретации образа Пандоры².

Какие черты образа Пандоры могли вызвать удивление Брюсова?

У Иванова создателем Пандоры выступает не Гефест, как в самой распространенной и популярной версии Гесиода (Hes. Op. 59–105, Th. 570–589), а Прометей вместе с Гефестом. Душу Пандоре дает Прометей, который выделяет из себя «все женское душевного состава», а тело «Гефэст-искусник изваял / Из влажной глины» [7, с. 65, 66].

Если мотив участия Гефеста в создании Пандоры общераспространен и недоумения не вызывает, то мотив создания Пандоры Прометеем, действительно, является довольно редким. Считается, что древнейшее указание на создание Пандоры Прометеем содержится у Эсхила: τοῦ πηλοπλάστου σπέρματος θνητῇ γυνή, «из глиняного семени смертная жена» (Aesch. fr. 359 N). Первое недвусмысленное свидетельство о творении Пандоры Прометеем встречается у Плотина (Plotin. Ennead. 4,3,14): «миф о Прометее, изваявшем женщину, которую украсили и другие боги, повествует о том, что “он смешал землю с водой” и вложил в нее

у вас в библиотеке есть Röscher's Mythologisches Lexicon, то может случиться, что получен и 39-й выпуск его (продолжение буквы N) <...> если бы словарь, паче чаяния, оказался — будьте столь сердечно — и по-товарищески добры и выпишите мне оттуда статью NIOBE <...> то, о чем прошу, очень для меня важно. § 2. Во всяком случае, перепишите мне, пожалуйста, статью Niobe из Pauli's Real-Encyklopädie des classischen Altertums. Это старая, но хорошая энциклопедия» [8, т. 1, с. 657–658].

² Трансформации античного мифологического материала характерны также для первой завершенной трагедии Иванова «Тантал». Гэбриел Нуссбаум показывает, как Иванов адаптирует традиционные мифологические образы (Тантал, Адрастея, Бротеес), встраивая их в свой дионисийский метатекст [20, р. 6–13].

человеческий голос, и придал ей божественный облик, и что-то дала Афродита и Хариты, и другие боги дали иные дары, и она получила имя от этих даров и всех дарителей; ибо всё дано этому миру, изваянному и возникшему благодаря Промышлению» [17, с. 54–55]. Прометей понимается как платоновский демиург, а Пандора — как Мировая душа. У Преллера возникает образ Пандоры как «греческой Евы» [21, S. 76], который станет общим местом в мифологической литературе [22]. Иванов опирается на древние свидетельства и их интерпретацию у немецких классических филологов: его Пандора похожа на Еву, она изводится из Прометея-андрогина и становится прообразом, опираясь на который Прометей творит женскую часть человеческого рода: «Прообраза искал во мне художник / Своим твореньям (пьет зеркальность душу!) / И, на меня взирая, вас творил, / Прекрасные — мое подобье — сестры!» [7, с. 67].

Отношения между Прометеем и Пандорой у Иванова аналогичны мифологическим отношениям Гефеста и Афины. Пандора и Афина отождествляются в мифологической традиции, так же как Прометей — с Гефестом. Единство Гефеста и Афины внутренне напряженное и конфликтное: Афина отвергает любовь Гефеста, и от его семени, упавшего на землю, рождается Эрихтоний. Отношения между Прометеем и Пандорой у Иванова тоже антиномические. С одной стороны, Пандора — душа его души и его невеста, с другой, Прометей предстает ее поработителем, который держит ее в оковах и использует, чтобы украсть огонь и сотворить людей.

Иванов контаминирует мотив создания Пандоры и мотив кражи огня с целью завершения творения. Чтобы украсть огонь с неба, ивановский Прометей приносит Пандору в жертву, приковывая ее к скале, в результате чего на Пандору слетаются олимпийские боги, подобные орлам-молниям. Иванов осмысляет Пандору как альтер эго Прометея: она сама сначала испытывает страдание, которое затем суждено Прометею.

Соединение мотивов кражи огня, творения Пандоры и творения человека не является измышлением Иванова, оно восходит к «Протагор» Платона, где говорится, что Прометей кра-

дет огонь, чтобы завершить творение человека, неудачно начатое Эпиметеем (Prt 321cde).

Прометея и Пандору у Иванова связывают брачные отношения. Это тоже находится в русле мифологической традиции: Пандора называется женой Прометея и матерью Девкалиона (Hes. Fr. 21; Schol. Apoll. Rhod. 3,1086; Strabo 9).

В статье Вайцзеккера о Пандоре из Лексикона Рошера представлен черно-белый рисунок краснофигурного кратера с изображением создания Пандоры. Это изображение имеет дионисийский характер (танцующие сатиры и нимфы, музыканты, играющие на флейтах) [23, S. 1529]. Ивановская Пандора наделена дионисийскими чертами: она обучает человечество искусству танца и пения, опьяняет людей огнем любовной страсти.

Вайцзеккер интерпретирует Пандору как такой модус Матери-Земли, когда человек должен собственным трудом добывать пищу [23, S. 1527]. Этот мотив используется Ивановым: Пандора появляется во время обряда сеятельного, т. е. она учреждает земледелие, подобно Деметре.

В финале трагедии Пандора предстает как титаническая жрица, мстительница за свое порабощение Прометеем. Этот мотив восходит к гесиодовской версии мифа, где Пандора, называемая «прекрасным злом», выступает в роли орудия мщения Прометею, укравшему огонь у богов.

Итак, в своей оценке образа Пандоры у Иванова Брюсов оказывается в значительной степени не прав. На самом деле Иванов не выдумывает ничего нового о Пандоре (кроме мотива принесения ее в жертву олимпийским богам), не отступает от античной мифологии, но для этого нужно быть, как верно замечает Брюсов, погруженным «в недра классической мифологии и мифографии».

Вместе с тем образ Пандоры у Иванова формируется под влиянием известной концепции «Ты еси», развитой Ивановым в одноименной статье, помещенной в книге «По звездам». «Анимой Прометея» называет Пандору классик ивановедения С.С. Аверинцев. «В трагедии Пандора — не просто соблазнительница из древнего мифа. Это женский двойник Прометея, женственная часть его души, обретшая существование вне его самого» [1, с. 185].

Ивановский Прометей-богоборец соотносится с мужским, рациональным, личным «я» человеческой душевно-духовной организации. Это мужское «я» совершает «демоническое самоопределение», которое проявляется в «отвращении от сверхличного начала» [10, т. III, с. 266]. В трагедии это выражается в том, что Прометей становится антагонистом верховного бога Зевса-Кронида. «Изолированное и самовластное утверждение мужского начала приводит к греховной трансформации начала женского, поскольку оно подвергается соблазну и претерпевает метафизическое предательство» [12, с. 11]. В результате возникает Психея-скиталица, которая пребывает в тоске по своему утраченному возлюбленному, т. е. такой модус женской части душевно-духовной организации, который разделен с мужским «я». Такой Психеей-скиталицей является ивановская Пандора, которую Прометей создает с помощью Фемиды из своего существа и использует, чтобы заполучить небесный огонь в свое распоряжение. В конце трагедии Пандора из Психеи-скиталицы превращается в Психею-мстительницу — жреческий аспект женского «я», который восстает против богоборческого лика мужского «я». Психея «самопроизвольно и насильственно нейтрализует мужское я и как бы жертвенно умерщвляет его, внутренне воспроизводя собою пластический тип Мэнады — жрицы и мужеубийцы» [10, т. III, с. 265]. В результате мужское «я» представит как растерзанный Дионис и погружается в самозабвение или временную смерть. Так происходит и с Прометеем, который в конце трагедии попадает во власть демонических начал Кратоса и Бии и ведется на казнь.

Прометей

Заявляя, что Иванов наделяет Прометея чертами, чуждыми эллинским воззрениям, Брюсов не конкретизирует свои претензии. Возьму на себя смелость предположить, что внимание Брюсова могли привлечь две нестандартные черты ивановского Прометея: 1) его демиургический статус и 2) связь с Дионисом.

Ивановский Прометей предстает как творец человеческого рода и животных. Бапп, автор статьи о Прометее из Лексикона Рошера, указывает, что представление о Прометее-демиурге отсутствует у Гесиода и Эсхила, но появляется у комедиографов Филемона и Менандра [19, S. 3066] и становится общим местом в поздней античности (Овидий, Ювенал, Марциал, Аполлодор, Гигин) [19, S. 3082]. Особенностью ивановского Прометея становится его синкретизм: Иванов наделяет его всеми освященными традицией чертами: Прометей — и демиург, и трикстер, и культурный герой.

Образ Прометея-демиурга в европейской литературе появляется впервые у Вольтера и популяризируется Гете в драматическом отрывке «Прометей» и пьесе «Пандора». Мотив демиургии Прометея нередок у русских поэтов XIX в. (Е. Баратынский, Э. Губер, Н. Щербина) [13, с. 272–287]. Однако в стихотворении «К олимпийцам» (1904) сам Брюсов разрабатывает образ Прометея скорее в эсхиловском и гетевском ключе, как сознательного мученика, который противостоит несправедливому мировому устройству и пробуждает «огонь мятежный» в людях, своих братьях, а не творениях.

Искажением античного мифа и ницшеанским влиянием Брюсов мог счесть связь образа Прометея с Дионисом. В «Рождении трагедии», прекрасно знакомой обоим поэтам, Прометей называется маской Диониса [15, с. 77]. Наиболее ярко прометеевский и дионисийский мифы у Иванова сближаются как раз в понимании характера прометеевской демиургии. Иванов отождествляет орфическую антропологию и мотив создания Прометеем человеческого рода: Прометей не просто творит человека из земли, а именно из земли, которая пропитана кровью титанов, причастившихся дионисийскому огню и испепеленных молнией Зевса, либо сожженных огнем изнутри. При этом Иванов отдает себе отчет в том, что он синтезирует в своей трагедии общеэллинский миф с орфической мистической антропологией: «Эллины с некоторой поры узнали в Прометее ваятеля человеков. Орфики, с своей стороны, учили, что род человеческий возник из пепла и дыма спаленных Титанов. В речи Пандоры к людям об их сотво-

рении Прометеем оба предания приведены в связь <...> О том же повествует и сам Прометей:

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнувшие гарью
Удолия, где прах Титанов тлел,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его.
Еще незримый теплился огонь
Божественным причастьем Геи темной
В пласту земном, покрывшем кости сильных
Убитых местью Зевсова орла» [7, с. XIV].

Ранее мы показали [11, с. 202–203], что в основе отождествления орфической антропологии и прометеевской демиургии у Иванова лежит рассказ Павсания о панопейских камнях, которые «остались от той глины, из которой Прометеем был вылеплен весь человеческий род» (Paus. 10,4,3) [16, с. 248].

Нужно отдать должное прозорливости Брюсова: он первый заметил ницшеанский характер ивановского Прометея. Впоследствии это станет общим местом в ивановедении.

Иванов сохраняет все основные аспекты ницшеанской интерпретации прометеевского мифа, представленной главным образом в «Рождении трагедии из духа музыки» и в «Веселой науке». Можно выделить несколько общих для Ницше и Иванова идей, которые выражаются в трагедии «Прометей»: 1) богоборчество (эта идея восходит к Эсхилу и кульминирует в трагедии «Прометей» Гете, на которую ориентируются как Ницше, так и Иванов); в контексте богоборчества важна 2) идея активности греха и оправдания зла; 3) прометеизм культуры: Прометей у Иванова не только предстает как культурный герой, который создает орудия труда и оружие, учреждает первое жертвоприношение, сакральные спортивные состязания (ритуальный бег с факелами), земледельческий и похоронный обряды, но и определяет сам вектор движения человеческой культуры; 4) прометеизм человеческой культуры заключается в ее люциферизме,

неразрывности созидательного и греховно-преступного начала.

Наиболее своеобразным и ближе всего стоящим к Ницше является люциферический характер ивановского Прометея.

Ивановское отношение к Люциферу амбивалентное. Хотя Люцифер есть одно из богоборствующих начал и ликов Сатаны [10, т. III, с. 244], «люциферическая энергия толкает человека, как Фауста, по слову Гете, “к бытию высочайшему стремиться неустанно”» [10, т. III, с. 249]. «Действие в человеке люциферических энергий, будучи необходимым последствием того умопостигаемого события, — отпадения от Бога, — которое церковь называет грехопадением, составляет естественную в этом мире подоснову всей исторической культуры, языческой по сей день, и по истине первородный грех ее» [10, т. III, с. 250].

Этот люциферизм Прометея проявляется в одной из ключевых сцен трагедии — возжигании подземного жертвенника [7, с. 26]. Этот жертвенник символизирует средоточие человеческой природы и человеческой культуры. Он антиномически совмещает в себе священное и греховное начала. Так, огонь для жертвенника добывается Прометеем от небесных молний, из трансцендентной сферы, но титанически, путем обмана олимпийских богов и жертвоприношения Пандоры. Затем этот огонь оскверняется убийством: один из сынов Прометея Архат, желая самостоятельно распоряжаться божественным огнем, убивает своего брата Архемора; от факела богоборца Архата подземный жертвенник и возжигается, становясь греховным и святым одновременно.

Ницше не использует термин «люциферический», но для его интерпретации прометеевского богоборчества свойственен этот момент единства созидательного и греховно-преступного начала, которое, по Иванову, является сущностью люциферизма. Ницше пишет, что прометеевский миф «ставит мучительно неразрешимое противоречие между человеком и богом и подкатывает, как камень, к воротам всякой культуры. Лучшее и высшее, что может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем вынуждено принять на себя и его последствия, а именно всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные не-

божители посылают, *должны* послать, на благородное, стремящееся ввысь человечество» [15, с. 76].

Одним из достоинств ивановского «Прометея» Брюсов считает «весьма ученое (и интересное) предисловие, в котором между прочим изъясняется симметрическая схема трагедии, причем неожиданно оказывается, что первое действие, хоровое, — это огонь и вода, второе, замкнутое, — недра, третье, вновь хоровое, — земля и воздух» [3, с. 398]. В этом пассаже Брюсов балансирует между похвалой и иронией: предисловие знаменательно, несмотря на свою ученость, но все же в нем есть нечто вызывающее удивление, а именно — схема трагедии, в которой представлены четыре античные материальные стихии.

Схема ивановской трагедии, над которой иронизирует Брюсов, тоже связана с «Рождением трагедии». Ницше утверждает, что Прометей является «дионисической маской» [15, с. 77]. Иванов рассматривает Прометея тоже как ипостась Диониса. Схема трагедии на это и указывает.

Нам уже приходилось писать об античных подтекстах схемы «Прометея» [11, с. 195–199]. Иванов опирается здесь на космологические учения Платона и Плутарха, устанавливающие взаимосвязь между геометрическими фигурами и материальными стихиями (огнем, водой, землей и воздухом). Растерзание Диониса титанами, опираясь на Плутарха, Иванов рассматривает как его разделение и превращение в материальные стихии. А поскольку Прометей есть ипостась Диониса, его титанические нисхождение и «истощение» ставятся во взаимосвязь с растерзанием Диониса. Ницше тоже отсылает к Плутарху: «Раздробление, представляющее дионисическое *страдание* по существу, подобно превращению в воздух, воду, землю и огонь» [15, с. 79]. Иванов синтезирует Плутарха и его ницшеанское прочтение, вводя в свой текст понятие индивидуации, заимствуемое как раз из Ницше. Сравним:

У Иванова: **«В разъединении же Божества** (мы употребили бы здесь воскрешенный Шопенгауэром схоластический термин: *principium individuationis*) **и в его разделении и переходах в воздух и воду, и землю, и светила** [выделение наше. — А.К.],

и в смене рождений животных и растительных — они усматривают страдание и пресуществление, растерзание и расчленение Бога» [9, с. 19].

У Ницше: «Мы должны рассматривать состояние индивидуации как источник и первооснову всякого страдания» [15, с. 79].

Брюсов и история создания «Прометей»

По всей видимости, прозрачность для Брюсова ницшеанского слоя в трагедии Иванова была связана с личными обстоятельствами дружбы обоих поэтов и историей создания «Прометей». В декабре 1903 г. Иванов делится с Брюсовым своим замыслом трагедии «Прометей» [5, с. 443], который зародился в 1900 г. и который Иванов лелеет на протяжении нескольких лет. Обсуждение замысла «Прометей» в переписке Брюсова и Иванова идет рука об руку с обсуждением проекта перевода собрания сочинений Ницше, которое Брюсов планирует издать в «Скорпионе»: «Я не только берусь перевести летом “Рождение трагедии” или еще что-нибудь, но и весьма рад взять на себя ведение всего издания» [5, с. 445].

К реализации замысла «Прометей» Иванов возвращается, по всей видимости, только в начале 1906 г. Из дневника Лидии Зиновьевой-Аннибал нам известно, что «Прометей» «выходит без сомнения» [2, с. 167] и что в феврале Иванов читает начало трагедии Евгении Герцык [2, с. 171] и Михаилу Кузмину [6, с. 84]. К осени 1906 г. Иванов планировал дописать трагедию и издать в брюсовском «Скорпионе» [2, с. 167]. Об этом в феврале 1906 г. Иванов опять же извещает Брюсова: «О “Прометее” понял так, что он может появиться одновременно со сборником, что мне именно желательно» [18, с. 335]. Хотя в мае 1906 г. Иванов опять «принимается с жаром за “Прометей”» [2, с. 193], работа затягивается, и 1 июня 1907 г. Иванов дает знать Брюсову: «К осени хочу приготовить “Прометей”, но кажется — не дам его “Факелам” — оставляю “Орам”» [5, с. 498]. Хотя Иванов прикладывает большие усилия, чтобы завершить свою трагедию в

течение лета 1907 г., это ему не удастся, и работа растягивается вплоть до 1914 г.

Таким образом, Брюсов становится одним из конфиденентов Иванова, которому сообщается о стадиях работы над «Прометеем», замысел которого оформляется в период взаимного интереса к Ницше со стороны Иванова и Брюсова.

Выводы

В название статьи я вынес фразу из стихотворения Иванова «Цусима» — «Силоам слепот», выражающую антиномичность прозрения и слепоты, так любимую Ивановым в мифе об Эдипе. Брюсов как рецензент Иванова оказывается ослеплен мнимым несоответствием ивановской трагедии античному канону прометеевского мифа, но в своей слепоте прозревает ницшеанский слой «Прометей», который, сложно взаимодействуя с античным материалом и с концепцией «Ты еси», составляет своеобразие ивановского решения темы Прометей.

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 145–192.
2. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. 286 с.
3. *Брюсов В.* Вячеслав Иванов: Прометей: Трагедия // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. Т. 1. С. 396–398.
4. *Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1924. М.: Сов. писатель, 1990. 714 с.
5. *Гречишкин С.С., Котрелев Н.В., Лавров А.В.* Переписка [В.Я. Брюсова] с Вячеславом Ивановым // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 428–543.

6. *Зобнин Ю.В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч.И. Иванова. Часть 1. 1866–25.10.1907. URL: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (дата обращения: 07.06.2021).
7. *Иванов Вячеслав.* Прометей. Трагедия. Петроград: Алконост, 1919. XXV+82 с.
8. *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия.* Переписка: 1894–1903: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
9. *Иванов Вячеслав.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. № 64. 224 с.
10. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
11. *Каяниди Л.Г.* Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» в свете античной натурфилософии (Парменид, Эмпедокл, Платон, Плутарх) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 191–208.
12. *Каяниди Л.Г.* Мистерияльно-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «Ты еси»). Статья вторая // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1 (65). С. 5–20.
13. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
14. *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов: окончание диалога (1914–1924) // Collegium. 1994. Вып. 4–5. С. 85–100.
15. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Академический проект, 2007. 166 с.
16. *Павсаний.* Описание Эллады: в 2 т. М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002. Т. 2. 503 с.
17. *Плотин.* Четвертая эннеада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 480 с.
18. *Соболев А.А.* Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 277–423.
19. *Bapp K.* Prometheus // *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig: Teubner, 1897–1902. Bd. 3 (1). S. 3032–3110.
20. *Nussbaum G.* “O Mother, To Be Reborn With You”: Foundational Myth in Viacheslav Ivanov’s “Tantalus” // Slavic and East European Journal. 2023. Vol. 75, № 1. P. 1–20.
21. *Preller L.* Griechische Mythologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1872. Bd. 1. 710 S.

22. Séchan L. Pandora, l'Ève grecque // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1929. № 23. P. 3–36.
23. Weizsäcker P. Pandora // Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig: Teubner, 1897–1902. Bd. 3 (1). S. 1520–1530.

References

1. Averintsev, S.S. “Poeziia Viacheslava Ivanova” [“Poetry by Vyacheslav Ivanov”]. *Voprosy literatury*, no. 8, 1975, pp. 145–192. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi – Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
3. Briusov, V. “Viacheslav Ivanov: Prometei: Tragediia” [“Vyacheslav Ivanov: Prometheus: A Tragedy”]. *Viach. Ivanov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Viacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiia* [Vyach. Ivanov: Pro et Contra. The Personality and Creativity of Vyacheslav Ivanov in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers: An Anthology], vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii Publ., 2016, pp. 396–398. (In Russ.)
4. Briusov, V. *Sredi stikhov. 1894–1924* [Among the Poems. 1894–1924]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 714 p. (In Russ.)
5. Grechishkin, S.S., Kotrelev, N.V., Lavrov, A.V. “Perepiska [V.Ia. Briusova] s Viacheslavom Ivanovym” [“Correspondence [of V.Y. Bryusov] with Vyacheslav Ivanov”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 428–543. (In Russ.)
6. Zobnin, Iu.V. *Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva Viach. I. Ivanova. Chast' 1. 1866–25.10.1907* [Materials for the Chronicle of the Life and Work of Vyach. I. Ivanov. Part 1. 1866–25.10.1907]. Available at: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (Accessed 07 June 2021). (In Russ.)
7. Ivanov, Viacheslav. *Prometei. Tragediia* [Prometheus. Tragedy]. Petrograd, Alkonost Publ., 1919. XXV+82 p. (In Russ.)
8. Ivanov, Viacheslav, Zinov'eva-Annibal, Lidiia. *Perepiska: 1894–1903: v 2 t.* [Correspondence: 1894–1903: in 2 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. (In Russ.)

9. Ivanov, Viacheslav. "Ellinskaia religiia stradaiushchego boga" ["The Hellenic Religion of the Suffering God"]. *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 64, 2014. 224 p. (In Russ.)
10. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols], ed. by D.V. Ivanov and O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. (In Russ.)
11. Kaianidi, L.G. "Tragediia Viacheslava Ivanova 'Prometei' v svete antichnoi naturfilosofii (Parmenid, Empedokl, Platon, Plutarkh)" ["Vyacheslav Ivanov's Tragedy Prometheus in the Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch)"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 73, 2021, pp. 191–208. (In Russ.)
12. Kaianidi, L.G. "Misterial'no-dionisiiskii suzhet Viacheslava Ivanova i ego misticheskaia antropologiya (printsip 'Ty esi'). Stat'ia vtoraiia" ["Vyacheslav Ivanov's Dionysian-mysterical Plot and his Mystical Anthropology (the Concept of 'You are'). Second Article"]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2024, pp. 5–20 (In Russ.)
13. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. 367 p. (In Russ.)
14. Molodiakov, V.E. "Valerii Briusov i Viacheslav Ivanov: okonchanie dialoga (1914–1924)" ["Valery Bryusov and Vyacheslav Ivanov: the End of the Dialogue (1914–1924)"]. *Collegium*, issue 4–5, 1994, pp. 85–100. (In Russ.)
15. Nitsshe, F. *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm* [The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 166 p. (In Russ.)
16. Pavsanii. *Opisanie Ellady: v 2 t.* [Description of Hellas: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST" Publ., Ladomir Publ., 2002. 503 p. (In Russ.)
17. Plotin. *Chetvertaia enneada* [The Fourth Ennead]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
18. Sobolev, A.L. "Viacheslav Ivanov i Valerii Briusov. Neizdannaiia perepiska" ["Vyacheslav Ivanov and Valery Bryusov. Unreleased Correspondence"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 2. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016, pp. 277–423. (In Russ.)
19. Bapp, K. "Prometheus." Roscher, W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Bd. 3 (1)*. Leipzig, Teubner, 1897–1902, S. 3032–3110. (In German)
20. Nussbaum, G. "'O Mother, To Be Reborn With You': Foundational Myth in Viacheslav Ivanov's 'Tantalus.'" *Slavic and East European Journal*, vol. 75, no. 1, 2023, pp. 1–20. (In English)

21. Preller, L. *Griechesche Mythologie*, Bd. 1. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1872. 710 S. (In German)
22. Séchan, L. "Pandora, l'Ève grecque." *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, no. 23, 1929, pp. 3–36. (In French)
23. Weizsäcker, P. "Pandora." Roscher, W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, Bd. 3 (1). Leipzig, Teubner, 1897–1902, S. 1520–1530. (In German)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-139-150>

<https://elibrary.ru/IBVFZS>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. О.А. Фетисенко

“GESCHENKS-WIDMUNG” ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ПОДТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Аннотация: Стихотворение Вяч. Иванова на немецком языке “Geschenks-Widmung” (1934), посвященное его «спутнице на духовной тропе», О.А. Шор, рассматривается в данной небольшой заметке в контексте других посланий, посвящений и эпиграмм, обращенных поэтом к тому же лицу. Поясняется биографический подтекст этой дарственной надписи и одновременно эпиграммы: история возникновения прозвища «Фламинго», занятия Ольги Александровны в молодые годы немецкой философией и недовольство Иванова тем, что Шор медлит с завершением своего философского труда «Мнемология».

Ключевые слова: Вяч. Иванов, О.А. Шор, эпиграмма, биография, перевод, комментарии.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: Фетисенко О.А. “Geschenks-Widmung” Вячеслава Иванова: подтекст и контекст // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 139–150.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-139-150>

“GESCHENKS-WIDMUNG” BY VYACHESLAV IVANOV: SUBTEXT AND CONTEXT

Abstract: The poem by Vyacheslav Ivanov in German, titled “Geschenks-Widmung” (1934), dedicated to his “companion on the spiritual path”, O.A. Shor, is examined by the publisher in the context of other messages, dedications, and epigrams that the poet addressed to the same person. The biographical subtext of this donation inscription and at the same time the epigram is explained: the history of the nickname “Flamingo”, Olga Alexandrovna’s engagement with German philosophy in her youth, and possibly Ivanov’s dissatisfaction with Shor’s delay in completing her philosophical work “Mnemology”.

Keywords: Vyach. Iv. Ivanov, Olga Shor, epigram, biography, translation, comments.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI), Makarova Fond., 4, 199034 Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

For citation: Fetisenko, O.L. “‘Geschenks-Widmung’ by Vyacheslav Ivanov: Subtext and Context”. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 139–150. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-139-150>

Юмор и ирония Вячеслава Иванова — эта тема осмысливается филологами уже давно, и постепенно пополняется корпус опубликованных и вновь выявляемых произведений «игрового» склада. Достаточно напомнить хорошо известную, как нельзя более созвучную поэту статью С.С. Аверинцева «Я же каюсь, гуторя...» [1], большую публикацию в «Русско-итальянском архиве» [11] и посмертно опубликованный доклад Д.В. Иванова о шуточных стихах его отца [13]. Изучались эпиграммы, создававшиеся на «башне», рукописный журнал «Бульвар и переулок» — «коллективное творчество» Иванова и его московских друзей в 1915 г. [5], а также остроумная пародийная домашняя

газета «Пуля времен», затаенная дочерью поэта и поддержанная всей семьей [7]. А.Б. Шишкин, справедливо заметил в конце своей статьи, объединившей анализ произведений петербургского и римского периодов: «...“Веселое ремесло” не предавало поэта и в самые печальные моменты» [7, с. 497].

Таким «печальным моментом», возможно, был и период неопределенности между прекращением занятий Вяч. Иванова в Колледжо Борромео и приглашением в Руссикум, последовавшим осенью 1934 г. В это время и было создано замечательное стихотворение на немецком языке (одновременно дарственная надпись и эпиграмма), о котором далее пойдет речь, — впервые опубликованное М. Вахтелем в 1995 г. [19, S. 307] по беловому автографу¹ одно из многих посвящений Вяч. Иванова Ольге Александровне Шор (1894–1978)², его верной помощнице, «строгой и проницательной сочувственнице» [9, с. 731]³, спутнице «на той же духовной тропе» [14, с. 188], ставшей «любимым членом <...> семьи» [14, с. 121]. Ее приезд из России, по свидетельству Л.В. Ивановой стал событием, перевернувшим жизнь маленькой семьи (см.: [14, с. 185]). Ольга Шор в какой-то мере заняла место М.М. Замятниной, прежнего «хранительного гения» Ивановых, берущего на себя все житейские заботы, но отличалась от нее тем, что была полноправным понимающим собеседником «Вячеслава Великолепного», который признавал промыслительность и

¹ РАИ. Оп. 1. К. 4. П. 21. Л. 4. В этом картоне хранятся автографы переводов и переложений.

² Среди них есть и хорошо известные, вошедшие в «брюссельское» собрание сочинений Вяч. Иванова стихотворения «Староселье» («Журчливый садик, а за ним...»), «Тебе, хранительный мой гений...» [12, с. 584, 691], и одиннадцать эпиграмм и шуточных стихотворений на случай, опубликованные Д.В. Ивановым и А.Б. Шишкиным ([8, с. 269–270; 11, с. 35–39]; ряд произведений из этого цикла републикован в подготовленной мною к 45-летию со дня кончины О.А. Шор ее книге «Мнемология» [18, с. 154]). О любви Вяч. Иванова к стихотворениям на случай см.: [2, с. 107]. Об Ольге Шор и ее творчестве под собственным именем и под псевдонимом «О. Дешарт» см.: [4; 6; 9; 14, с. 185–194]. См. также список литературы к публикации «Из писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову» в этом сборнике.

³ Слова из надписи Вяч. Иванова, сделанной им на подаренной О.А. Шор в 1924 г. в Москве книге «По звездам».

благо их «встречи в памяти». Поэтому, между прочим, и «мотивы» эпиграмм на Замятнину и Шор совершенно различны. Образу говоря, Мария Михайловна — это евангельская хлопотливая Марфа (такова она и в шуточных стихах), а Шор ближе к Марии, что «благую часть избра». При этом она не просто созерцательница и слушательница, но душа, что живет в творчестве. «Роли» Марфы и Марии совмещаются лишь в одном стихотворении — «Фламинго, мой ручной эол...» [11, с. 39].

Фламинго — это домашнее имя Ольги Шор в семье Ивановых. Придумала его в 1927 г. (год приезда Шор в Рим) Л.В. Иванова, о чем потом сама и рассказала в своих воспоминаниях [11]. Тогда же Вяч. Иванов перепосвятил Ольге Александровне свое стихотворение «Фламинго», созданное еще в 1915 г., и позднее Шор даже хотела сделать это имя своим псевдонимом или подписываться криптонимом «О. Ф.» (от «О. Фламинго»). От предложенной Ивановым в 1929 г. [16, с. 345] «египетской» транскрипции слова «фламинго» (dšrt) родится «французский» (и напоминающий о Декарте) псевдоним «О. Дешарт», что в домашнем обиходе вызовет еще целый ряд сопутствующих прозвищ вроде «о<тец> Картезий» или «О. Картузова». Шор, обладавшая, по словам той же Л.В. Ивановой, «редким даром смеха» [16, с. 191], легко вошла в игровой мир семьи⁴, принесла в него новые, «египетские» и «птичьи», мотивы.

Стихотворение “Geschenks-Widmung”, обращенность которого к Шор как раз и устанавливается по называнию в нем “Flamingo”, было написано 9 октября 1934 г., в последние месяцы пребывания Иванова в Павии, когда он жил уже не в самом Колледжо, а на квартире в городе, куда ему в августе помогла переехать Ольга Александровна (см.: [10, с. 625]).

Выбор языка (Иванов, напомним, легко и свободно писал сти-

⁴ Это хорошо прослеживается по переписке с Вяч. Ивановым [15], и А.Б. Шишкин совершенно прав, замечая: «Отдельная тема — юмор и ирония в письмах Иванова к своему ближайшему кругу, к сыну и дочери, а также к Ольге Шор. Корпус всех этих самых разнообразных текстов было бы интересно рассмотреть как единое живое целое» [7, с. 477]. Один из сюжетов (семантика имен собственных) стал предметом рассмотрения в статье А.Г. Грек [3].

хи на нескольких) связан с той книгой, в которую было вписано поэтическое посвящение (об этом ниже), но отчасти также с тем, что немецкий был самым близким европейским языком для адресата шуточного стихотворения: Шор занималась философией Фихте, слушала в 1912 г. во Фрейбурге лекции неокантианца Генриха Риккерта и даже, изучая своего любимого Микеланджело («Мишеньку», как она его ласково по-домашнему называла), пользовалась преимущественно доступными ей немецкими источниками. Гостя подолгу в Павии, она помогала Иванову, заменяя его при консультировании студентов Колледжо Борромео. Радость профессора от неожиданного отдыха отражена в стихотворении «Фламинго, мой ручной эол...»:

Загнал студентов в угол Кант, —
Махну рукой — мой адъютант
Им «Критики» толкует [11, с. 39].

Одну из адресованных Ольге Александровне «русских» эпиграмм, датированную 21 октября 1928 г., Иванов озаглавил по-немецки: “Warnung” («Предостережение»)⁵. Название же стихотворения 1934 г. “Geschenks-Widmung” переводится как «Посвящение подарка». Записано оно на шмуцтитуле самого «подарка» — лейпцигского издания «Фауста» (Goethes “Faust”. Leipzig im Insel-Verlag, [б. г.]), врученного тогда Ивановым своему «хранительному гению». Таково объяснение двукратному упоминанию о Фаусте в стихотворении и отмеченному М. Вахтелем «легкому пародированию» (и даже прямому цитированию — в последнем стихе) монолога Фауста, открывающего сцену «Ночь» [19, S. 307]. В то же время *подарком* для адресата, конечно, является и сама эпиграмма из четырех строф, написанная четырехстопным ямбом исключительно с мужскими рифмами, среди которых часть — на дифтонги⁶ (Faust — haust, laut — erbaut и

⁵ Текст эпиграммы был включен во «Фрагмент воспоминаний» Д.В. Иванова, помещенный в приложение к статье А.Б. Шишкина «Вяч. Иванов и сонет Серебряного века» [8, с. 269–270].

⁶ Если понимать дифтонг как монофонематическое явление.

другие) и в одном случае на долгие гласные (studiert — doziert), с несколько «раскачивающимся» и местами словно «отбивающим такт» ритмическим рисунком (вероятно, это было тоже своеобразной отсылкой к гетевскому монологу Фауста). Текст намеренно сделан несколько тяжеловесным, стилизованным именно под шутку германского профессора или же застольную песню для «коммерца» буршей.

Вот это стихотворение⁷:

Geschenks-Widmung

Wenn's Menschen "éines Buches" gibt,
So ist Flamingo, die, verliebt
Seit Urbeginn in Goethes Faust,
In seiner Spukwelt einzig haust.

Sie kennt im Büchlein jede Zeil,
Doch wird dadurch nicht klüger, weil
Sie schon aus Urgedächtnis weiss,
Was Faust gesucht mit saurem Schweiss.

("Was ist das Urgedächtnis?" fragt
Der Wicht, dem Götter es versagt:
Wär er gescheidt, er lobt' es laut,
Und Leute fühlen sich erbaut.)

Erfolglos hat sie viel studiert:
Sie wusste längst, was man doziert.
Drum ist der Spruch, den sie erkor:
"Ich bin so klug als wie zuvor".

W. I.

Pavia,

der 9. Oktober 1934.

Предлагаю свой подстрочный перевод:

⁷ Приведу его с небольшими уточнениями по автографу.

Если есть люди «одной книги», то это Фламинго, которая, полюбив от пра-начала гетевского Фауста, обитает⁸ исключительно в его призрачном мире.

Она знает в книжечке каждую строчку, но все же не становится от этого умнее, потому что она уже из пра-памяти знает [то], что Фауст искал тяжелым трудом⁹.

(«Что это за пра-память?» — спрашивает неведомый, которого Бог лишил ее. Был бы он смышленным, он громко восхвалял бы ее [эту пра-память] и люди бы возрадовались)¹⁰.

Безуспешно она [Фламинго] много училась: она издавна знала [то], что преподают. Поэтому девиз, который она избрала [таков]: «Я столь же умна, как [была] и прежде»¹¹.

В. И.

Павия,

9 октября 1934¹².

Через упоминание о «пра-памяти» (своего рода предвечной памяти, залога бессмертия) обыгрывается важная биографическая деталь: многолетние занятия Шор философско-богословской разработкой темы памяти, ее работа над книгой «Мнемология», от которой сохранилось лишь несколько глав в двух черновых редакциях, датированных 1930 и 1933 гг. (см. об этом подробнее: [6]). Цитаты из «Фауста», кстати, присутствуют в этом трактате (см. по указателю, [18]).

Ольга Александровна, в обыденной жизни неутомимо деятельная, в собственном творчестве была настоящим Фаби-ем Кунктатором¹³, за что была неоднократно дружески укоряе-

⁸ Возможен также перевод: «хозяйничает».

⁹ Буквально: «с кислым потом». Для сравнения: у Гете — “mit heißem Bemühn”.

¹⁰ Буквально: «чувствовали бы себя радостными, удовлетворенными».

¹¹ Ср. в прозаическом переводе «Фауста» П.И. Вейнберга: «Ну, вот и изучил я, увы, философию, юриспруденцию и медицину, к сожалению, и богословие, изучил с тяжелым трудом до самого корня — и остался, жалкий глупец! таким же умным, каким был прежде» [17, с. 16].

¹² В Православной церкви, к которой принадлежала Шор, 9 октября нового стиля — это день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, родоначальника христианского мистического богословия.

¹³ А.А. Кондюрина проницательно заметила в свое время, что внутренний творческий процесс у Шор «мог не иметь (здесь лучше бы, наверное, сказать:

ма или отечески высмеиваема Ивановым¹⁴. 1934 г. был как раз таким периодом замедления¹⁵. Несмотря на то, что в конце мая Шор заверяла, что «будет естественно заниматься мнемологией» [16, с. 442], никаких следов продолжения книги пока обнаружить не удалось. Вот, может быть, поэтому в октябре Иванов и подсмеивался над «витающей в облаках» Фламинго, вечно учащейся и ничему не обучающейся. Правда, как выясняется, из того же поэтического текста, ее и невозможно подвергнуть обычному человеческому научению — чему учат «доценты» (“was man doziert”) — потому, что она, в своем лике священно-ученой Птицы¹⁶, обладает современным знанием. Ей Создателем уже дано то, чего в тяжком труде на других путях искал сам Фауст.

Такое же мерцание образа мудрой и глупой (по «земной» мерке) девы-птицы встречаем и в парных акростихах «Сотруднице» и «Акростих дополнительный к “Сотруднице”», подаренных Оль-

«не требовал непременно». — О.Ф.) никакого материального выражения» [4, с. 157], что не умаляет ценности и глубины самого «процесса».

¹⁴ К примеру, 16 мая 1929 г. он напоминал, что «потерянное для М<икель>-А<нджело> и “Памяти” время — потеряно безвозвратно» [16, с. 364], а через год почти взывал: «...пишите Мишеньку» [16, с. 405]. Предметом шуток мог стать излишний пафос, присущий текстам Шор. Напомню эпиграмму на нее как автора предисловия к «Переписке из двух углов» (в конце здесь появляется пушкинская реминисценция): «Самопознанием я, друг мой, Вам обязан: / Христианин, мыслитель и поэт, / В бенгальском зареве распластан и показан / И с отращиванием гляжу на свой портрет» [11 с. 36].

¹⁵ До этого, в августе 1933 г. Ольга Александровна писала своему двоюродному брату Е.Д. Шору: «Моя же мнемология до такой степени еще не назрела. Я чувствую, как она растет внутри; иногда тихо и легко, иногда мучительно. Я не хочу и не смею ее насиловать, только кормлю рассудком и разумом как умею. Записано всё иероглифически; умри я завтра — и ничего не осталось; тетрадки лучше всего просто сжечь; никто в них разобраться не сможет. Вся вещь — безобразный эмбрион; один В<ячеслав> И<ванович> видит в нем ясно своим проникновенным глазом будущее существо и торопит ее рождение. <...> Она для меня нравственный долг или, вернее, молитва. Ее надо сказать с чистой душой <...>, сказать с любовью». Благодарю А.Б. Шишкина за возможность ознакомиться с фрагментами из неизданных писем О.А. Шор, хранящихся в архиве семьи Шор в Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме.

¹⁶ Ср. в уже цитированном стихотворении: «...тот, кого сам Тот / Учил уму...» [11, с. 39].

ге Александровне на именины, в день св. равноапостольной Ольги, 24 июля 1932 г. [11, с. 38–39]. Краегранесие первого: «Фламинго», второго же: «Глупая птица». Уверена, что именинница, у которой с чувством юмора было все в порядке (иначе она и не сжилась бы с Ивановыми), не обиделась. Изредка она и сама пробовала обращаться к «профессору Пуффу» (одно из домашних прозвищ Вяч. Иванова) в шуточных стихах. Это было частью не только домашней литературной игры, но «глубочайшей дружбы и привязанности, длившейся всю жизнь», о которой вспоминал Д.В. Иванов [15, с. 56].

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* «Я же каюсь, гуторя...»: О юморе Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII международного симпозиума, Вена, 1998. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. С. 125–141.
2. *Богомолов Н.А.* Об одном стихотворении на случай // Русская литература. 2011. № 4. С. 107–111.
3. *Грек А.Г.* Словесная игра как творчество (по материалам писем Вяч. Иванова к О. Шор) // Логический анализ языка: Концептуальные поля игры / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 261–274.
4. *Кондюрина А.А.* Предисловие [к публ. переписки Вяч. Иванова и О.А. Шор] // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–161.
5. *Проскурина В.* Рукописный журнал «Бульвар и переулок» (Вяч. Иванов и его московские собеседники в 1915 г.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 173–208.
6. *Фетисенко О.Л.* Ангельские мистерии Ольги Шор // Шор О.А. Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. С. 5–18.
7. *Шишкин А.Б.* «Веселое ремесло» на башне и «святые страницы римской эмигрантской хроники» // Пространство безграничной словесности: Сб. статей к 70-летию В.Е. Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 476–497.

8. *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и сонет Серебряного века // *Europa Orientalis*. 1999. Vol. XVIII (2). С. 221–270.
9. *Шишкин А.* Шор Ольга Александровна // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия* / ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 730–732.

Источники

10. *Иванов Вяч.* Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией / вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко, коммент. С. Кульяс и А. Шишкина // *Символ*. 2008. № 53/54. С. 460–627.
11. *Иванов Вяч.* Из неопубликованных стихов: Дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // *Русско-итальянский архив* III. Салерно, 2001. С. 25–48.
12. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1979. Т. III. 916 с.
13. *Иванов Д.В.* Шуточные стихи Вячеслава Иванова / публ. А.Б. Шишкина // *Вячеслав Иванов: Исследования и материалы*. Вып. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 450–452.
14. *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК «Культура», 1992. 432 с.
15. *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым / предисл. Ж. Нива; пер. с фр. Е. Баевской и М. Яснова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. 230 с.
16. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / предисл. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Шишкина // *Русско-итальянский архив* III. Салерно, 2001. С. 151–456.
17. Фауст. Трагедия Гете. Перевод прозой Петра Вейнберга с его примечаниями и с новейшими иллюстрациями. СПб.: Изд. редакции «Нового журнала иностранной литературы», 1902. 247 с.
18. *Шор О.А.* Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. 240 с.
19. *Ivanov Vjačeslav.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von M. Wachtel // *Deutsch-russische Literaturbeziehungen: Vorschungen und Materialien* / Hrsg. von F. Göbler. Mainz: Liber Verlag, 1995. Bd. 6. 317 S.

References

1. Averintsev, S.S. “‘Ja zhe kaius’ gutoria...’: O iumore Vyacheslava Ivanova” [“And I Repent Jokingly...: About the Humor of Vyacheslav Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov i ego vremia. Materialy VII mezhdunarodnogo simpoziuma, Vena, 1998* [Vyacheslav Ivanov and his Time. Proceeding of the VII International Symposium, Vienna, 1998]. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2002, pp. 125–141. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. “Ob odnom stikhotvorenii na sluchai” [“About One Poem on the Occasion”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 107–111. (In Russ.)
3. Grek, A.G. “Slovesnaia igra kak tvorchestvo (po materialam pisem Viach. Ivanova k O. Shor)” [“Verbal Play as Work (on Materials of Vyach. Ivanov’s Letters to O. Shor)”]. Arutyunova, N.D, editor. *Logicheskii analiz iazyka: Kontseptual’nye polia igry* [Logical Analysis of Language: Conceptual Fields of Play]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 261–274. (In Russ.)
4. Kondiurina, A.A. “Predislovie [k publ. perepiski Viach. Ivanova i O.A. Shor]” [“Foreword [to the Correspondence Vyach. Ivanov with O.A. Shor]”]. *Russko-ital’ianskii arkhiv VIII* [Russian-Italian Archive VIII] = *Archivio russo-italiano VIII*. Salerno, Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011, pp. 151–161. (In Russ.)
5. Proskurina, V. “Rukopisnyi zhurnal ‘Bul’var i pereulok’ (Viach. Ivanov i ego moskovskie sobesedniki v 1915 g.)” [“Handwritten Journal ‘Boulevard and Lane’ (Vyach. Ivanov and his Moscow Interlocutors in 1915)”]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 10, 1994, pp. 173–208. (In Russ.)
6. Fetisenko, O.L. “Angel’skie misterii Ol’gi Shor” [“Angelic Mysteries by Olga Shor”]. Shor, O.A. *Mnemologiia* [Mnemologia], comp., introd., text prep. and ref. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2023, pp. 5–18. (In Russ.)
7. Shishkin, A.B. “‘Veseloie remeslo’ na bashne i ‘sviatye stranitsy rimskoi emigrantskoi khroniki’ [“‘Merry craft’ on the Tower and ‘Holy Pages of the Roman Emigrant Chronicles.’”]. *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: sb. statei k 70-letiiu V.E. Bagno* [The Space of Limitless Literary: Collection of Articles to the 70th Anniversary of V.E. Bagno]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 476–497. (In Russ.)
8. Shishkin, A.B. “Viach. Ivanov i sonet Serebriannogo veka” [“Vyach. Ivanov and the Sonnet of the Silver Age”]. *Europa Orientalis*, vol. XVIII (2), 1999, pp. 221–270. (In Russ.)

9. Shishkin, A. “Shor Ol'ga Aleksandrovna” [“Shor Olga Aleksandrovna”]. D'Amelia, A., and D. Rizzi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: Entsiklopediia* [*Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: An Encyclopedia*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019, pp. 730–732. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-151-166>

<https://elibrary.ru/JOYJZU>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. *А.В. Маштакова*

СВЕТИЛЬНИК МУЗ СРЕДИ БУРИ: КОНТЕКСТ ПОСЛЕДНЕГО ПОСЛАНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА Ю.Н. ВЕРХОВСКОМУ

Аннотация: В статье дается последовательный комментарий стихотворения Вяч. И. Иванова «Ты жив ли, друг? Зачем во сне...» из цикла «Римский дневник 1944 года». Посвященное другу и собеседнику поэта Ю.Н. Верховскому, стихотворение рассматривается в контексте переписки и взаимных посланий двух поэтов. В этой связи показано, как отдельные образы и мотивы в стихотворении, отсылая к другим более ранним поэтическим произведениям и Иванова, и Верховского, выстраиваются в единый метасюжет: певец — Арион — в эпоху войн и революций сохраняет свой поэтический дар и как бы восстанавливает мир, память и культурную преемственность. Так, «светильник муз», упомянутый в стихотворении Иванова, отсылает к образу светильника у Верховского в произведениях времен Гражданской войны, знаменующему победу искусства и поэзии над политическими катаклизмами. Образы «годины гнева» и «железного века» протянуты от событий 1900-х гг., легших в основу одноименного цикла Иванова, через события Гражданской войны — к событиям Второй мировой войны. Однако символический мотив огненного крещения, характерный для творчества Иванова до эмиграции, пропадает в его позднем творчестве. В лирике же Верховского в 1940-е гг. он становится центрообразующим.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Ю.Н. Верховский, «Римский дневник 1944 года», Вторая мировая война, послание.

Информация об авторе: Любовь Владиславовна Маштакова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, 620990 г. Екатеринбург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

E-mail: lika170288@mail.ru

Для цитирования: Маштакова А.В. Светильник муз среди бури: контекст последнего послания Вячеслава Иванова Ю.Н. Верховскому // Вячеслав Ива-

© 2024. *Liubov V. Mashtakova*

THE LUMINARY OF THE MUSES DURING THE STORM: THE CONTEXT OF VYACHESLAV I. IVANOV THE LAST EPISTLE TO YURI N. VERKHOVSKY

Abstract: The article provides a commentary on the poem by Vyacheslav I. Ivanov “Are you alive, my friend? Why in a dream...” from the cycle of poems “Roman Diary of 1944”. The poem is dedicated to the poet’s friend and interlocutor Yuri N. Verkhovsky so it is considered in the context of the correspondence and an epistles of the two poets. Therefore, it is shown how individual images and motifs in the poem, referring to other earlier poems by both Ivanov and Verkhovsky, line up in a single metaplot: the singer as antient and Pushkin’s Arion in the waves of wars and revolutions saves his poetic voice and restores peace, memory, and cultural continuity. For instance, *the luminary of the muses* from Ivanov’s poem refers to the image of the luminary by Verkhovsky in his works of the Civil War, which marks the victory of art and poetry over political cataclysms. The images of *the Day of Wrath* and *the Iron Age* are extended from the historical events of the 1900s, which formed the basis of the Ivanov cycle if poems of the same name, through the historical events of the Civil War to the Second World War. However, the symbolic motif of a fiery baptism, which was characteristic of Ivanov’s works before his emigration, disappears in his later works. On the contrary in Verkhovsky poems in the 1940s it becomes central.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Yuri Verkhovsky, “Roman Diary of 1944”, World War II, an epistle.

Information about the author: Liubov V. Mashtakova, PhD in Philology, Research Fellow, Institute of History and Archaeology UB RAS, 16, Sofia Kovalevskaya St., 620990 Yekaterinburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

E-mail: lika170288@mail.ru

For citation: Mashtakova, L.V. “The Luminary of the Muses During the Storm: the Context of Vyacheslav I. Ivanov the Last Epistle to Yuri N. Verkhovsky.” *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodokey Publ., 2024, pp. 151–166. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-151-166>

* * *

Юрию Верховскому

Ты жив ли, друг? Зачем во сне
Приходишь, частый гость, ко мне?
Мы молча жмем друг другу руку,
Ликуя сердцем в тишине,
И на безвестье, на разлуку,

Вздохнув, пеняем. Свеж твой лик,
Но грустен. Что же? Смят, поник,
Иль не увял твой робкий гений,
Златого века ученик
Среди железных поколений?

Священных ставленник теней,
Ты снес ли для грядущих дней
Под неутешной скифской бурей
Родник преемственных огней,
Светильник муз, мой бедный Юрий?

22 мая [19, т. III, с. 612]

Последнее стихотворение Вяч. Иванова, замыкающее многолетнюю переписку, обмен посланиями и посвящениями с Ю.Н. Верховским, датировано 22 мая и входит в «Римский дневник 1944 года», когда происходит, по словам дочери поэта Л.В. Ивановой «необычайное явление», «пробуждается лирическая волна, в которой отражаются все римские происшествия этой эпохи, а они, в свою очередь, вызывают забытое прошлое» [20, с. 273]. Дневниковый характер цикла подчеркнут расположением стихотворений в хронологическом порядке с соответствующими датировками и разбивкой по частям-месяцам¹, поэтому прежде

¹ Как отмечает В.В. Кулыгина, поэтика даты выступает как «фактор постоянства ощущения времени <...> и, в известном смысле, как знак “взаимоотношений” с ним: это сугубо индивидуальный, определяющий поэтическую рефлексию автора временной пласт, и вместе с тем он имеет высшую, природно-космическую, религиозно-философскую, бытийную меру» [5, с. 69].

всего послание Верховскому принадлежит циклу и, конкретно, майской его части.

Май 1944 г. — время близящегося освобождения Рима союзниками (они войдут в город 4 июня). Не один раз в майских стихотворениях «Римского дневника» звучит тема надежды на будущий мир и преодоление хаоса войны, даже если эта надежда едва угадывается:

Надейся! Видимый нестрой —
Свидетельство, что Некто строит,
Хоть преисподняя игрой
Кромешных сил от взора кроет [19, т. III, с. 612].

Само обретенное посреди войны вдохновение для поэта — знак верности его интуиций («Верь музам! В нестрое земли / Гармония строится мира» — 16 мая [19, т. III, с. 611]; «Услышьте в символах библейских / Ту весть, что Музой внушена» — 17 мая [19, т. III, с. 612]), потому что поэзия органически связана с восстановлением утраченных связей².

22 мая Иванов вспоминает о старом друге, в переписке с которым он состоял во время революционных событий в России, чья муза также не молчала в годы Гражданской войны, и который, наконец, на следующий день должен был отмечать свой 66-й день рождения.

В первой строке послания Верховскому — обращение «друг», разумеется, характерное для жанра³, но также и встроенное в

Также у А.Б. Шишкина: календарь в цикле соотносится с «вечным временем литургического, событиями христианской истории и собственными итогами долгой жизни» поэта [10, с. 173].

² «Поэт размышляет о поэзии как способе возрождения Эдема <...>, открывая память как источник и цель творчества», — комментировал метасюжет цикла Р. Берд, в частности, переход от Рождества, главного праздника в январской части, к Сретению (само событие праздника, по мнению исследователя, для Иванова воспроизводит «целую творческую жизнь, эпоху русской культурной истории, евангельские события, да и архетипическую схему человеческого творчества»), февральской и затем весенним частям [2, с. 189].

³ Также об общей интимно-личной тональности цикла: «Литургический дискурс, преобладающий в поэтическом творчестве Вяч. Иванова, здесь (в ци-

цепь взаимных доверительных обращений двух поэтов друг к другу. «Далекий друг, но смутно близкий часто / Моей душе» — Вяч. Иванов, «Послание на Кавказ» (1912) [19, т. III, с. 55]. «Откликнись, друг! Услышать жаден я...» [25, с. 219] — пишет в 1914 г. из Тифлиса Верховский, или: «Друг мой...» [25, с. 225], — в 1920 г. из Петрограда. Интимность посланий двух поэтов подчеркивает и взаимное «милый»: «Итак, мой милый друг, начав мое послание...» [25, с. 209], «Спасибо, милый Вячеслав, тебе...» [25, с. 212] (Верховский — Иванову), «Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...» [19, т. IV, с. 11], «Мы вспоминаем тебя, милый покинутый друг!» [18, с. 35] (Иванов — Верховскому). В последнем послании Иванова из «Римского дневника» сравним: очень личное «мой бедный» и неформальный тревожный вопрос «Ты жив ли, друг?».

Вопрос Иванова закономерен. Последняя известная телеграмма была отправлена Ивановым Верховскому в 1929 г.⁴ К моменту войны связь между корреспондентами прервалась и не восстановится, слова Иванова не дойдут до адресата. Но почти так же, как в реальности, важна для Иванова встреча во сне, читаемая как знак нерушимой связи между ними, протянутой через время и пространство. Свидетельство этой связи — и само стихотворение. Не только сам факт его написания, но выстраиваемые в нем неочевидные читателю переключки с более ранними стихотворениями обоих поэтов.

«И на безвестье, на разлуку, / Вздохнув, пеняем...» — в долгой переписке двух поэтов несколько раз были выражены желание и невозможность оказаться рядом на долгое время. В

кле. — Л.М.) оттенен не только открытой непосредственностью лирического высказывания, <...> но и проникновенной доверительностью поэтического слова, его лирико-исповедальной интонацией, практически не встречавшейся ранее у поэта» [3, с. 171].

⁴ Вяч.И. Иванов в письме Д.В. Иванову 9 ноября 1929 г.: «14-го празднуют в Москве, в Акад<емии> Художественных Наук, 30-летие литературной деятельности моего милого Юрия Верховского, о чем я официально извещен, но поздно, так что теперь уже не успею послать ему оду, для прочтения на его юбилее, и придется просто отправить телеграмму — думаю, по-латыни!» [21, с. 596]. См. также: [23, с. 591]

1911–1915 гг. Верховский преподавал на Высших женских курсах в Тифлисе, куда был в первую очередь зван Иванов [23, с. 584]. «Обещай же, / Что ты исполнишь обещанье — и / Ко мне приедешь», — пишет Верховский в 1912 г. из Тифлиса, надеясь на встречу и совместную поездку [23, с. 650]. В начале 1913 г. Верховский был в Петрограде, но Иванова не застал: «Здесь же, средь тусклой зимы, наместо дружных объятий, / Встретили лаской меня новые песни твои» [25, с. 216]. В том же 1913 г.: «Тебя — все нет. Но есть молва: / Я жду — Москва тебя приветит» [25, с. 218]. В 1918–1921 гг. Верховский — профессор Пермского университета. В стихотворении этого периода «Другу» (1919) он подчеркивает длительность переписки и снова обращается к теме разлуки: «Уж не впервые говорю с тобой, / Хотя и знаю: ты теперь далече; / Бог весть, когда придем мы к новой встрече, / Разрозненные смутною судьбой» [4]. В июле 1920 г. в послании «Вячеславу Иванову» («Друг мой, некогда мы упредили крылатою рифмой...») Верховский, подразумевая 20-летие литературной работы обоих, снова отмечает невозможность встречи: «Тому годовщины двадцатой / Срок я заветный почтил; только — увы — без тебя» [24, с. 225]. В 1920–1924 гг. Иванов в Баку. Верховский, по-видимому, собирался по протекции Иванова перебраться в Бакинский университет, однако его планы не осуществились. «Скорблю о том, что ты разрушил все надежды совместного, хотя б и временно, житья на Юге», — пишет Иванов Верховскому в 1923 г. [23, с. 589] «И даже не слышать мне речи мусикийской / В ответ на клич души — на стих александрийский?» [24, с. 226] — укоряет Верховский Иванова в 1924 г. («Мне телеграфного ответа не прислав...»). Т. е. пеняли на разлуку и Иванов, и Верховский не единожды, более того, это одна из ведущих тем их стихотворной переписки.

Самым же близким посланию из «Римского дневника», на наш взгляд, является стихотворение Верховского «Вячеславу Иванову» («Друг мой, некогда мы упредили крылатою рифмой...») 1920 г. Оно не только связано с темой разлуки, но и также написано в годы войны, в этом случае Гражданской, урало-сибирские события которой непосредственно коснулись судьбы Верховского.

Хотя, казалось, *inter arma silent musae*, Верховский находит вдохновение, как внезапно после долгого молчания в 1944 г. обретает голос и муза Иванова. Муза Верховского — дрожащая, немощная, как робкая надежда на будущий мир, но именно ей, слабой пока, надлежит вести героя по этому пути:

Муза в то время молчала и, грустная, долго не смела
Очи с земли отвести, слез не роняя, она.
Ныне и слезной кручине напевы она обретает,
Слабой дрожащей рукой слабого друга ведя... [24, с. 225].

Т. е., как и у Иванова, обретение поэтом голоса — знак будущей гармонизации мира, вместе с тем само существование поэзии в годы войны укрепляет в вере в это будущее. Появляется стоическое: «Многое нашей судьбине в годину великого гнева / Падает также на часть бодростью мышц одолеть» [24, с. 225].

«Година гнева» здесь — отсылка к одноименному циклу Иванова, включенному в «*Cor Ardens*». В первом стихотворении цикла «Зарева» (1904) поэт рисует настоящую и будущую историю страны как роковую жертвенную предопределенность⁵:

Молчание!... Рок нам из мрака зовущую руку простер:
И, в трепете, — все же схватили мы руку вожатую...
Темный, влечет он тропой непочатою
Жертву — в костер!... [19, т. II с. 250].

Включая в цикл более поздние стихотворения, Иванов отзывается на Русско-японскую войну и первую революцию. Само название цикла относит к Апокалипсису, а образы феникса, алмаза и небесных кормчих, ведущих страну, знаменуют веру в последующее возрождение и обновление. Итак, апокалиптически, но — через цикл Иванова — смотрит Верховский на собы-

⁵ «Поскольку роковая предопределенность всегда сокрыта от понимания людьми, а события будущего при этом неизбежно исполнимы, то единственно возможный путь — без “гнева и стонов” принять эту данность», — пишет об этом стихотворении И.И. Тюрина [9, с. 8].

тия Гражданской войны. Отсюда стоическое “sub specie mortis”, принятие божественной необходимости не с точки зрения вечности, а с точки зрения настоящего страшного военного времени. Те же мотивы находим в других стихотворениях пермского периода творчества Верховского: «Хоть лик ее порою страшен, / Но дышит верою земля...» (ее, т. е. жизни. — А.М.) [4]; «Узнаешь ты, что в каждой смерти семя — / Да возрастет, чтоб снова зацвести» [4].

В пермский же период Верховский публикует уже упомянутое стихотворение, вероятно, адресованное Вяч. Иванову, — «Другу». В нем также звучат мотивы разлуки, неопределенности будущего, разговора на расстоянии:

Уж не впервые говорю с тобой,
Хотя и знаю: ты теперь далече;
Бог весть, когда придем мы к новой встрече,
Разрозненные смутною судьбой [4].

Далее в стихотворении рисуется образ певца, преодолевающего волны, родственного пушкинскому «Ариону». Не зная о судьбе адресата, Верховский верит в исключительность судьбы поэта, певца вообще, Ариона, должного спастись в стихии: «Так, мысля о тебе, душой милую / Живое упование, что твоя / Цела достигнет пристани ладья / А сам не верю в непогоду злую» [4]. К этому образу не раз позже обращался Иванов в римские годы [8], а морские валы революции встречаем еще в декабре 1917 г.: «Простором волн уляжется Россия / Над глубиной, и смолкнет гул валов...» [19, т. IV, с. 74].

В этом контексте следует рассматривать обращенные к Верховскому строки Иванова: «Смят, поник, / Иль не увял твой робкий гений, / Златого века ученик / Среди железных поколений?». Время «годины гнева» протягивается в 1940-е гг., «железный век»: «Век железный! Колесницы / Взоронили сад и нивы» [19, т. III, с. 630] («Лютый век! Убийством Каин...», «Римский дневник 1944 года»). Под ученичеством же имеется в виду ориентированность Верховского-поэта и ученого на классические образцы и «золотой век» русской литературы. Здесь более яркой ста-

новится оппозиция «золотой век» — «железный век», более эфемерной и печальной — фигура «робкого гения» на фоне войны.

Собственно, память о золотом веке — то, что должен сохранить Верховский для грядущих дней, «субстанциональное единство поколений в акте творчества», как назвал такой род культурной преемственности по отношению к творчеству Вяч. Иванова С.С. Аверинцев [1, с. 5]. Культура, современная ли, прошлая ли, рассматривалась Верховским, учеником Иванова, с точки зрения нелинейной преемственности. Так, Крылов был для него наследником Горация [14], Бальмонт — Некрасова [11], Баратынский постфактум объявлялся символистом [15]. На эти воззрения во многом повлияла учеба поэта у А.Н. Веселовского, представлявшего мотивные связи в литературе как смутно осознаваемые художником и, сохраняемые культурной памятью, способные возвращаться в разные эпохи. В преемственности, в возврате к прошлому, в связи между временами Верховский видел и путь к возрождению страны, культуры, человека в человеке после Гражданской войны⁶, и некую тайну восприятия мира как целого. Так, в стихотворении 1934 г. «Из памятной книжки» читаем:

Мы собираем бедные остатки
Умолкнувших забытых языков,
Разрозненные, странные слова <...>
<...> Ни на черепке,
Ни на пергаменте следа той песни
Нам не сыскать. А этот след воздушный
Один бы и привел нас, может быть,
К заветной цельности, искомой нами,
К разгадке тайны... [17, с. 610].

Память о «священных тенях» прошлого, «бедные остатки» и «родник преемственных огней» и должен сохранить поэт «под

⁶ См., например, рецензию на «Младенчество» Вяч. Иванова: *Верховский Ю.Н.* Воспоминания младенчества // Свободная Пермь. 1919. 23 февраля. С. 3. Опубликовано: [4].

неутишной скифской бурей», т. е. в валах и волнах политических катаклизмов, тянувшихся без малого полвека. «Скифский» характер этой бури отсылает к символистской публицистике революционных лет. Но как уже в «Песнях смутного времени» Иванов разочаровался в ее очистительной силе [6], так и в послании Верховскому память и голос поэта противостоят «железному» веку, а совсем не приветствуют его.

Символистское по сути представление о способности поэтического слова к обновлению и пересозданию мира находим в стихотворении Верховского 1919 г. «Огонь не ставят под сосуд...», также периода Гражданской войны.

Огонь не ставят под сосуд,
Но на светильнике высоко,
И в ночь торжественно несут —
Всеозаряющее око.

В ком пламень веры не потух,
За теми — торжество и сила;
Она б и мертвых воскресила!
Верь: побеждает только дух [4].

Как отметили С.А. Звонова и Т.Н. Фоминых, стихотворение перекликается с рецензией Верховского на поэму «Младенчество» (1919). В рецензии он писал: «И самое завершение его и появление в наши дни — знаменательное указание, что — как в неумиравшем былом — там, в катакомбах, в пещерах, все теплятся огни, и оттуда уже выносятся наружу, чтобы — не зажигать их под сосудом, но на светильнике» [4]. Таковым огнем, должным осветить путь, не растрчиваемым в суете, в «скифской буре», стала для Верховского поэма Иванова. Для Иванова же в послании из «Римского дневника 1944 года» — ориентированная на классические образцы, «родник преемственных огней», поэзия самого Верховского, ведомая «светильником муз» и тем более важная в советской России, где творчество самого Иванова, по его собственному признанию, «звучало бы странно и непонятно поколениям, которые утратили муз и память» [22, с. 263].

Теперь со знанием биографических сведений и творчества Верховского в 1940-е гг. попробуем ответить на вопросы Иванова, оставшиеся без ответа, как то: жив ли адресат и не оставила ли его муза.

«Бедный Юрий» в 1941–1944 гг. жил в эвакуации в Свердловске (бывшем Екатеринбурге). Он не только сохранил «светильник муз», но и переживал пору вдохновения, опубликовал сборник стихов (Будет так. Свердловск: Свердловгиз, 1943), был принят как молодыми уральскими и попавшими в эвакуацию литераторами, так и главным лицом местной литературной жизни — П.П. Бажовым. В 1943 г. во время наступления советской армии и последовательного освобождения городов он написал ряд стихотворений, вспоминая мотивы «годины гнева» и огненного крещения, все также искренне веря в неперемное духовное возрождение страны: «Они воскресают, как феникс из пепла. / За городом город отбит у врагов» [16] — в стихотворении «Смоленск»; «Киев златоглавый, Киев стародавний, / К жизни обновленной окрещен огнем» [13] — в стихотворении Киев; «Ты одолеешь правдой ложь / И зарево сменишь зарею / Над обновленной землею» [12] — в стихотворении «Москве». Прямых обращений к Иванову в этот период мы не находим, однако среди более ранних стихотворений февраля 1937 г. есть сонет «В день радостный его — я друга не приветил...», опубликованный В.В. Калмыковой по архивным документам:

В день радостный его — я друга не приветил,
Как повелось меж нас; ну что же, ничего:
И без меня ему был тихий праздник светел,
А может, отдалось и песней торжество... [17, с. 620].

Сонетная форма, к которой обращались в посланиях оба поэта, повторяющийся в их стихотворениях мотив разлуки, указание на «песенный» дар, а также месяц написания — февраль, месяц рождения Иванова — подсказывают возможного адресата, однако это только предположения. Если же они верны, все-

го несколько лет разделяет две реплики поэтов, лишенных возможности прямой переписки. «Чтоб слиться изредка в короткие два слова: / “Я здесь”, — напевностью живущие былого» — Верховский; «Ты жив ли, друг? Зачем во сне / Приходишь, частый гость, ко мне?» — Иванов.

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 5–14.
2. *Берд Р.* Обряд и миф в поздней лирике Вяч. Иванова (О стихотворении «Милены сретенские свечи») // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 179–193.
3. *Дзуцева Н.В.* «Тропой прямой, тропую тесной...» (Новозаветные сюжеты в «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова: Апостолы) // Соловьевские исследования. 2021. № 3. С. 168–181.
4. *Звонова С.А., Фоминых Т.Н.* Ю.Н. Верховский в газете «Свободная Пермь» // Филолог. 2005. № 7. С. 63–72. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_136 (дата обращения: 25.02.2023).
5. *Кулыгина В.В.* Циклообразующая роль времени/даты в «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 3. С. 65–71.
6. *Лавров А.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена, 1998 / ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. С. 421–436.
7. *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 194–204.
8. *Тахо-Годи Е.А.* Немецкий фон «Римских сонетов» Вяч. Иванова (О мотивах плаванья-странствия, слепоты и заката и об их связи

с ивановской концепцией культуры и истории) // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 105–122.

9. *Тюрина И.И.* Мифологизация современной истории в циклах Вяч. Иванова «Година гнева» и «Песни смутного времени» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2005. № 7. С. 5–20.
10. *Шишкин А.Б.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 159–178.

Источники

11. *Верховский Ю.* Белый зодчий // Кавказское слово. 1914. № 59. 23 ноября.
12. *Верховский Ю.* Будет так. Свердловск: ОГИЗ Свердлгиз, 1943. 32 с.
13. *Верховский Ю.* Киев // Уральский рабочий. 1943. № 232. 10 ноября.
14. *Верховский Ю.* Крылов. К семидесятилетию со дня смерти // Кавказское слово. 1914. № 51. 13 ноября.
15. *Верховский Ю.* О Символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 2.
16. *Верховский Ю.* Смоленск // Уральский рабочий. 1943. № 199. 26 сентября.
17. *Верховский Ю.Н.* Струны: собр. соч. / сост., подгот. текста, коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 928 с.
18. Вячеслав Иванов. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 25–48. (Collana di Europa Orientalis)
19. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
20. *Иванова Л.В.* Воспоминания: книга об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. М.: РИК Культура, 1992. 428 с.
21. Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и

- О. Фетисенко, коммент. С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53/54. С. 460–627.
22. Кульюс С.К., Шишкин А.Б. Письмо Вяч. Иванова к С.А. Коновалову (1946) // *Memento vivere: сб. памяти Л.Н. Ивановой* / сост. и ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2009. С. 261–288.
 23. Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову / предисл., подгот. текста и примеч. А.А. Соболева // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 572–702.
 24. Стихотворения Юрия Верховского из Римского архива Вячеслава Иванова. Публикация А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 220–226.
 25. Стихотворные послания Юрия Верховского Вячеславу Иванову. Публикация А.В. Лаврова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 205–219.

References

1. Averintsev, S.S. “Edinstvo obshchechelovecheskogo kul'turnogo predaniia kak tema poezii i mysli Viach. Ivanova” [“The Unity of Universal Cultural Tradition as a Theme of Poetry and Thoughts of V. Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Berd, R. “Obriad i mif v pozdnei lirike Viach. Ivanova (O stikhotvoreanii ‘Mily sretenskie svechi’)” [“Ritual and Myth in the Late Works of V. Ivanov (About the Poem ‘Dear Candlemas Candles’)”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 179–193. (In Russ.)
3. Dzutseva, N.V. “‘Tropoi priamoi, tropoiu tesnoi...’ (Novozavetnye siuzhety v ‘Rimskom dnevnike 1944 goda’ Viach. Ivanova: Apostoly)” [“‘A Straight Path, a Narrow Path...’ (New Testament Narratives in the Roman Diary

of 1944 by V. Ivanov: Apostles”]. *Solov'evskie issledovaniia*, no. 3, 2021, pp. 168–181. (In Russ.)

4. Zvonova, S.A., Fominykh, T.N. “Iu.N. Verkhovskii v gazete ‘Svobodnaia Perm’” [“Verkhovsky in The Pages of the Newspaper ‘Svobodnaya Perm’”]. *Filolog*, no. 7, 2005, pp. 63–72. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_136 (Accessed 25 February 2023). (In Russ.)
5. Kulygina, V.V. “Tsikloobrazuiushchaia rol' vremeni/daty v ‘Rimskom dnevnike 1944 goda’ Viach. Ivanova” [“Cycle-forming Role of Time/Date in the ‘Roman Diary of 1944’ Vyach. Ivanov”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serii ‘Istoriia i filologiya’*, no. 3, 2009, pp. 65–71. (In Russ.)
6. Lavrov, A. “Viacheslav Ivanov v neosushchestvennom zhurnale ‘International iskusstva’” [“Vyacheslav Ivanov in the Unrealized Journal ‘International of Art’”]. Averintsev, S., and R. Ziegler, editors. *Viacheslav Ivanov i ego vremia: Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma, Vena, 1998* [Vyacheslav Ivanov and his Time: Proceedings of the VII International Symposium, Vienna, 1998]. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2002, pp. 421–436. (In Russ.)
7. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friends Epistles by Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 194–204. (In Russ.)
8. Takho-Godi, E.A. “Nemetskii fon ‘Rimskikh sonetov’ Viach. Ivanova (O motivakh plavan'ia-stranstviia, slepoty i zakata i ob ikh sviazi s ivanovskoi kontseptsiei kul'tury i istorii)” [“The German Background of the ‘Roman Sonnets’ by V. Ivanov (About the Motifs of Swimming-wandering, Blindness and Sunset and their Connection with Ivanov's Concept of Culture and History)”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 105–122. (In Russ.)
9. Tiurina, I.I. “Mifologizatsiia sovremennoi istorii v tsiklakh Viach. Ivanova ‘Godina gneva’ i ‘Pesni smutnogo vremeni.’” [“Mythologization of Modern History in the Cycles of V. Ivanov ‘The Day of Wrath’ and ‘Songs of the Time of Troubles’”]. *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*, no. 7, 2005, pp. 5–20. (In Russ.)

10. Shishkin, A.B. “‘Rossiia’ i ‘Vselenskaia tserkov’ v formule Vl. Solov'eva i Viach. Ivanova” [“‘Russia’ and ‘Universal Church’ in the Formula by V. Solovyov and V. Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 159–178. (In Russ.)

II. BIOGRAFICA

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

<https://elibrary.ru/LSVXQS>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. А.А. Соболев

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЗОЯ БУХАРОВА

Аннотация: В заметке с максимально возможными (при современном состоянии базы источников) подробностями реконструируется биография Зои Дмитриевны Бухаровой (1876 или 1877–1941) — малоизвестной петербургской писательницы рубежа веков. Ключом к ее — если не судьбе, то по крайней мере, психологическому портрету — оказывается история ее взаимоотношений с Вяч. Ивановым, начавшихся около 1910-го г. и завершившихся ее исповедальным письмом 1920 г. из глухого угла Псковской губернии. История их прерывистого и заведомо неравноправного диалога существенна не только для собственных жизнеописаний корреспондентов, но и — прежде всего — для изучения макрокосма русского модернизма в его межличностном аспекте.

Ключевые слова: Зоя Бухарова, Вяч. Иванов, седой ведун, поэтесса Зоя, Торопец.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — библиограф, историк литературы, Г-19, а/я 149, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.А. Вячеслав Иванов и Зоя Бухарова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 169–189.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

VYACHESLAV IVANOV AND ZOYA BUKHAROVA

Abstract: In this article, the biography of Zoya Dmitrievna Bukharova (1876 or 1877–1941), an obscure St. Petersburg poetess of the turn of the century, is reconstructed with the utmost (given the present-day state of the available sources) detail. Key to her — if not fate, then at least a psychological portrait — turns out to be the story of her relationship with Vyacheslav Ivanov, which began about 1910 and ended with her confessional letter of 1920, coming from the out-of-the-way corner of Pskov Governorate. The history of their intermittent and deliberately unequal dialogue is essential not only for correspondents' own life stories but also, above all, for studying the macrocosm of Russian modernism in its interpersonal aspect.

Keywords: Zoya Bukharova, Vyacheslav Ivanov, gray-haired Vedun, poetess Zoya, Toropets.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, bibliographer, literary historian, P.O. box 149, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Vyacheslav Ivanov and Zoya Bukharova." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]*. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodooley Publ., 2024, pp. 169–189. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-169-189>

Вячеслав Иванов с первых шагов в российской литературной жизни принял на себя роль и маску «седого ведуна» (по слову одного из восторженных поклонников¹), что прямым образом отразилось на составе его эпистолярия. Среди авторов писем, в изобилии приходивших на Таврическую, 25, а позже и на Зубовский, 25, многие искали советов не только и не столько в литературных делах, но и зачастую в областях, далеко выходящих за пределы поэтических компетенций. Этим диалогам учителя и учеников обычна присуща обидная археографическая ущерб-

¹ «Седой ведун! Мой добрый гений!» — из энкомия Михаила Васильевича Пепенина (см. о нем: [1, с. 249]).

ность: бумаги Иванова сбережены превосходно, так что о круге поставленных ему вопросов мы можем судить с изрядной полнотой, в то время как его советы, напутствия и рекомендации сохранены в очень малой степени — из-за превратностей судеб, вечно подстерегающих архивы малозаметных лиц. Иные из современников имели обычай набрасывать конспект будущего ответа прямо на полученном письме: благодаря этому мы, например, неплохо представляем хотя бы тональность реплик Блока в диалогах с молодыми поэтами. Иванов же подобной привычки не имел — из-за чего его несомненно существовавшие ответы на письма такого рода в большинстве своем оказались безвозвратно утраченными. Тем драгоценнее любое исключение из этих правил — на пример нижеследующего.

Москва,
Б. Афанасьевский пер.
д. 4 кв. 3

15.IV.1920

Дорогая Зоя Дмитриевна,

Да, трудно змее носить старую кожу, когда другая, любимая змея только что скинула свою, обветшалую, — уронила ее во прах. Должно мириться с новым создавшимся положением — утешительно ли оно в последнем счете и на дне своей горечи или нет, все равно. А новое положение в том, что существо любимого стало неуловимее через смерть, но в то же время приобрело способность глубже и тоньше проникать в нас и как бы пронизывать нас насквозь.

Столько о горькой утрате, про которую Вы мне пишете, — и я до признательности тронут этим оказательством Вашей истинной дружбы. Радуюсь вестям от Вас, хоть и горьким, потому что они свидетельствуют мне, что Вы духовно живы воистину, а такое благо не чрезмерно дорого покупается ценою страданий. В эти дни я именно думал о Вас вследствие встречи с Раменской, которая меня отыскала, чтобы поговорить об общих знакомых. Она сообщила мне о Вашем *soi disant* коммунизме, и я высказался за Вас. Вы пишете мне о том же, и вот мой простой ответ: в партию не вступайте (это не для Вас), но *прав-*

ду не уступайте, как если бы Вы были в партии. Ибо в ней соединены вместе правда и ложь. Критерий же правды, конечно, Христос. В нас Он, Христос, а потому не может быть нам истолкован извне. Слово Его звучит в глубине нашей и истолковывает себя само.

Церковь же, здесь пребывающая, так же меняет кожу, как и всякая жизнь на земле в наши дни. Змея — символ жизни.

Примите мой заочный братский и дружеский привет, дорогая Зоя Дмитриевна, и продолжайте хранить память о преданном Вам Вяч. Иванове.

<Приписка на Л. 1> Письмо Ваше — от 19 февраля! — получил только сегодня, 15 апреля².

Адресат этого письма — поэтесса Зоя Дмитриевна Бухарова, чья биография в равной степени могла бы увлечь генеалога и романиста. Она — внучка лермонтовского Бухарова («Мы ждем тебя, спешу, Бухаров...»), женатого на испанской подданной. Ее мать — актриса и певица, друг семьи Комиссаржевской. Отец — дипломат и писатель Дмитрий Николаевич Бухаров (1853–1889). Будущая поэтесса родилась в Амстердаме в 1876 г.³; раннее детство провела в Германии, но высокие нужды министерства иностранных дел вскоре вмешались в ее биографию: Бухаров был назначен генеральным консулом в Северной Норвегии и, отбыв туда, энергично стал осваивать на тот момент полудикий край: за три года он выпустил три книги: «Русские в Финмар-

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 11. Л. 1–2. Фрагмент письма был процитирован в работе: [9, с. 229]. Упоминаемая в письме Раменская нам неизвестна. Представляется вероятным, что это описка Иванова: трудно предположить существование неслучайной знакомой, ни разу не упомянутой в материалах архива.

³ Дата приведена в основном источнике к ее жизнеописанию — автобиографии, датированной 12 января 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25). Впрочем, в недатированном письме к Н.В. Корецкому, редактору журнала «Пробуждение», она утверждала: «Затем сообщаю Вам год моего рождения — 1877 и появления первого стихотворения в печати — 1892» (РГАЛИ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3). См. также: [10, т. 1, с. 380]. В справке о смерти (о чем далее) год рождения указан 1875-й.

кене», «О меновых торговых сношениях с Финмаркеном», «Поездка по Лапландии осенью 1883 года». Вероятно (и небезосновательно), местные условия были сочтены неподходящими для ребенка, так что дочь была перевезена в Санкт-Петербург, где училась в частном пансионе.

Но следующее назначение консула переменило ее судьбу — он был отправлен в Иерусалим, где в последующие годы сделался персонажем травелогов, посвященных Святой Земле: «С первого дня моего приезда в Святой Град, со стороны нашего консула, многоуважаемого Дмитрия Николаевича Бухарова, мне было оказано во всем полное внимание, радушие, наставление и ограждение во всех моих поездках по окрестностям Иерусалима» [7, с. 253–254]. Этот же мемуарист был приглашен к хлебосольному консулу домой и у него отобедал, проведя «в семействе почтеннейшего нашего консула» [7, с. 130] с пяти до восьми часов вечера понедельника 13 апреля 1887 г. Путешественник не упоминает о составе семейства, между тем, он не слишком типичен: жена и сын дипломата остались в Петербурге, а десятилетняя дочь приехала к нему в Палестину — и с этого начинается ее собственный краткий *curriculum vitae*.

«Прожив там год и очень тяготясь, чуждою моему характеру, почти византийскою пышностью новой обстановки — я часть этого времени училась дома, а последние месяцы была помещена в Католический монастырь “Notre Dame de Sion”, куда местная аристократия отдавала своих детей для усовершенствования в языках и где образование велось высококультурными монахинями. Но т. к. наравне с этим — там же шло ярое обращение детей в католичество — то высшие власти заставили отца, как официального представителя России — немедленно взять меня оттуда и я, к величайшей своей радости — была отправлена в Россию к матери и брату. Путешествие на восток и год в Палестине произвели на мое детское воображение впечатление неизгладимое и вероятно сыграли определенную роль в направлении моего творчества»⁴.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1.

В столице она поступила в Павловский женский институт (как дочь гражданского, но здравствовавшего на тот момент чиновника она имела право сдавать туда экзамены — сироты принимались просто по заявлению) и проучилась там несколько лет, отличаясь на уроках языка и литературы, но отставая по математике. Из-за расстроенных нервов и вызванной ими глазной болезни курса она не закончила и была увезена матерью в наследное имение Любенск в Псковской губернии. Здесь она прожила почти безвыездно до конца 1890-х гг., между тем как имя ее делалось известным в редакциях литературных журналов: начиная с 1891 г., когда состоялся ее дебют в петербургском «Севере», стихи Бухаровой регулярно появлялись в «Ниве», «Всемирной иллюстрации» и других иллюстрированных еженедельниках.

Следующая страница ее жизни покрыта туманом. В автобиографии она пишет: «В 1899 г. в связи с замужеством и отъездом на постоянное жительство в другое наше имение Псковской губ. — а также в силу обострившейся нервной болезни — в творчестве моем наступил трехлетний перерыв. Разойдясь с мужем — я с двумя детьми вернулась в Петроград и всецело, как ради необходимого заработка, так и по влечению отдалась литературно-театральной работе, став постоянным сотрудником журнала “Театр и Искусство” (рецензии, переводы, стихи)»⁵.

К этому же времени относится ее очное вхождение в петербургскую литературную жизнь:

Как председатель наших поэтических вечеров я должен был вчера заехать за Зоей Бухаровой (Бассейная, 28, меблированные комнаты, № 37). Я видел ее лишь однажды: на похоронах Полонского, когда его тело вносили в вагон; она стояла под руку с Быковым. (Я попросил его представить меня, на что он резко ответил: “Нет”.) Она никогда меня не видела. И все-таки мы знакомы друг с другом: недавно у нас была переписка по одному поводу (расскажу при случае). — Мы договорились, что я заеду за ней, поэтому она была в полной готовности. Молодая, стройная, гибкая, пухленькая; с большими огненно-темными и

⁵ Там же. А. 2. Известна лишь фамилия ее мужа — Казин. Немногочисленные сведения о нем, сообщаемые далее, личность его не проясняют.

в то же время чуть застывшими глазами; когда задумывается, левый глаз немного косит в левую сторону. В ней течет испанская кровь. Приехала сюда всего на несколько недель. Живет постоянно недалеко от станции Плюсса. Там у нее имение, у ее матери — тоже, и они хотят их продать — поскольку совсем не разбираются в сельском хозяйстве. “У нас ни копейки денег. Все потому что мы — художественные натуры”. Имеет двоих детей, но не живет с мужем. “Он вульгарен по своей натуре и никогда не понимал меня”. Они познакомились в день похорон Полонского; он был тогда студентом, теперь — земский начальник. Она испытывала передо мной какой-то необъяснимый страх, но, побеседовав десять минут, сказала, что во мне нет ничего ужасного. Сперва мы провели около получаса у меня в кабинете, который ей так понравился, что она никуда не хотела ехать, тем более — в общество незнакомых ей людей [14, с. 390–301]⁶.

Эта запись в дневнике Ф.Ф. Фидлера сделана 13 февраля 1905 г. Три недели спустя был назначен следующий поэтический вечер — у Федора Сологуба. Накануне его Бухарова прислала Фидлеру недатированную записку: «Мне бы хотелось с Вами поговорить относительно 5-го. Я одна ни за что не пойду к Сологубу — он очень строгий, да я и не сказала с ним ни слова — м. б. ему еще и не понравится, что я приеду. Т. ч. Вы опять пожалуйста заезжайте за мной»⁷. Фидлер выполнил ее просьбу — и на следующий день, 6-го марта 1905 г., скрупулезно фиксировал в дневнике:

⁶ Ср., кстати, мимолетное упоминание: «Интересна была семья старшей сестры отца — тети Саши, Александры Викторовны Бухаровой, вдовы псковского помещика. Она увлекалась сценой, в молодые годы играла в любительских спектаклях, но профессиональной актрисой сделалась, лишь достигнув пожилых лет. Тетя Саша принадлежала к труппе Преображенского театра, возглавлявшегося Павлом Павловичем Гайдебуровым, и была очень дружна с ним и его женой, сестрой Веры Федоровны Комиссаржевской.

Дочь тети Саши Зоя Бухарова была поэтессой и богоискательницей, сын Борис — театральным декоратором. Бухаровы с энтузиазмом служили театру и искусству, но на жизнь это давало мало средств, и они существовали, проедаая оставшиеся им в наследство имения» [2, с. 29–30].

⁷ РГАЛИ. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3.

Вчера, по договоренности, заехал за Бухаровой, чтобы сопроводить ее на поэтический вечер. По дороге она рассказывала, что ее нынешний “муж” — еврей и больной человек, вызывающий у нее жалость. Многократно упоминала о том, что пользуется среди мужчин неотразимым успехом. К ней являлись даже те, с кем она обмолвилась лишь парой слов. Вчера трижды заезжал Сергеенко и убеждал ее: мол, природа дала ей все для того, чтобы одновременно осчастливить нескольких мужчин; и сделать это — ее долг. Затем приезжали с недвусмысленными намерениями — И.И. Соколов и Лихачев; последний прямо-таки отвратителен.

Поэтический вечер (он состоялся у Сологуба) еще никогда не был столь многолюдным, как вчера.

В последующем описании вечера о Бухаровой сказано: «она действительно всем очень нравилась и вызывала у дам завистливые взгляды» [14, с. 392]⁸.

Сологуба, как выяснилось, она опасалась совершенно зря — сделавшись постоянной посетительницей «Пятниц Случевского», она (что было знаком особенного расположения) не раз оказывалась героиней его солоноватых рифмованных мадригалов:

— О Зоя, Зоя, Зоя!
Ты злее палача:
Лишила ты покоя
Иван Ивановича! [13, с. 253].

Или:

Я гляжу на бюст
Поэтессы Зои,
Вижу алость уст
И волнение злое.
Баюшки-баю
Зое Дмитриевне спою [13, с. 384].

⁸ В одну из последующих встреч она преподнесла Сологубу экземпляр своей единственной книги стихов [4] с инскриптом: «Высокодаровитому и симпатичному Ф.К. Сологубу на добрую память от скромного товарища по перу автора. 24 апреля 1905» [15, с. 450]).

Между тем, перечисляя уже в закатные дни лиц, имевших для нее особенное значение, Сологуба она не упоминает вовсе: «Для пополнения автобиографии — сообщаю, что из числа больших современников знала близко: Н.А. Римского-Корсакова, В.Ф. Комиссаржевскую, Вяч.Ив. Иванова, Антона Вл. Карташева. Два последних — оказали на мою мысль и творчество — неизгладимое влияние»⁹. Римский-Корсаков купил у них с матерью псковское имение, которое оказалось для него роковым — он не успел прожить в нем и года, скончавшись прямо там от сердечного приступа. С Комиссаржевской прятельствовала ее мать. Карташева она видела в Религиозно-философском обществе, членом которого состояла [12, т. 3, с. 519]. И там же, точнее, в христианской секции общества, состоялось судьбоноснейшее из ее знакомств — с Вячеславом Ивановым.

Вероятно, встретились они на рубеже 1910 и 1911 гг. — по крайней мере, первое ее письмо к нему датировано 25 февраля 1911 г., но в нем упоминаются и их предшествующие свидания. Экзальтированный тон ее послания в ближайшие годы останется неизменным компонентом их диалога, приобретавшего по временам несколько односторонний характер:

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
к горячему своему сожалению я не могла воспользоваться Вашим милым разрешением побывать у Вас на той неделе, т.к. неожиданно получила срочную работу, от которой освобожусь только к четвертой неделе. Может быть Вы разрешите мне прийти к Вам тогда? Спрошу Вас об этом на следующем собрании секции. Пока же — от всего сердца благодарю Вас за то, что Вы иногда вспоминаете о моем существовании и даете мне возможность иногда говорить с Вами и спрашивать о вещах, на которые мне важен и ценен только Ваш ответ. Не могу выразить, как глубоко это освещает и очищает мне жизнь...¹⁰.

В следующие месяцы она пишет ему каждые две-три недели (при том, что они явно продолжают видеться и в Религиозно-

⁹ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 1.

философском обществе) — просит разрешения прийти; предупреждает, что, робея свинки («свинка очень заразительна, а если бы заболела моя девочка — это при всех наших прочих невзгодах было бы уж слишком тяжело»), отменяет визит; благодарит за свидание («Как отрадно делать людей такими счастливыми и сильными, какую Вы делаете меня каждый раз как я Вас вижу!»); благодарит за книгу¹¹; сопереживает болезни Веры Константиновны; отказывается прислать свои стихи («Помню — в последний раз Вы сказали, что даете мне “заказ”, чтобы я прислала Вам хоть несколько строк стихов своих... Знаю — эти слова были подсказаны исключительно добротой Вашей... Вы хотели дать мне интересную, радостную — ибо она освящена и согрета вниманием Вашим — работу. Увы, мне кажется, что вся моя маленькая, наивная лирика окончательно умерла. Не способна я на нее больше»¹²) и т. д.

Со временем она стала приносить и передавать через швейцара «башни» букеты цветов с запиской, а сама — смиренно ожидать ответа, прогуливаясь у подъезда; эти однотипные недатированные послания в непрошедших почту конвертах сохранились в изрядном количестве: «Пожалуйста, Вячеслав Иванович, передайте эти цветы Вашей падчерице и скажите, что я горячо желаю ей самого скорого, полного выздоровления. Если это не затруднит Вас — выйдите ко мне, пожалуйста, хоть на полчасика — ведь из всех людей в мире мне только от Вас теперь и может быть лучше... Если же это Вам сейчас неудобно — передайте через швейцара в какой день и час могу я прийти»¹³; «Если возможно, передайте пожалуйста сейчас швейцару, в какой день и час могу я прийти — если же это неудобно, то будьте добры назначить время по телефону (91–52)»¹⁴; «Примите эти розы, дорогой Вячеслав Иванович, в знак глубокой радости — благодар-

¹¹ Там же, лл. 3, 5, 9 (письма весны и лета 1911 г.). В записях поручений Иванова, которые вела М.М. Замятнина, имя Бухаровой значится в списке рассылки экземпляров неизвестной книги и в реестре адресатов писем, требующих отправки (РГБ. Ф. 109. К. 44. Ед. хр. 21. Л. 1; список не датирован).

¹² Письмо от 28 июля 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 12 об.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 26.

ности за чудесного вчерашнего Гете. После долгих беспросветных дней муки моего полусознания — я отдохнула на Ваших родных и близких мне словах. Мне тяжело, очень тяжело, Вячеслав Иванович — и я скоро приду к Вам. Ведь можно?... Я прихожу к Вам только тогда, когда жизнь становится совсем не под силу и верю — Вы простите и поймете меня и подарите мне частицу Вашего времени»¹⁵ и т. д.

Отвечал он ей, кажется, совсем редко — в предпоследнем письме (о котором впредь) она почти без упрека констатирует: «Если когда-нибудь Вы напишете мне из Москвы только это “Христос с Вами” — как сказали вчера — я буду долго и глубоко счастлива. Ведь мне надо так мало, Вячеслав Иванович, а Вы написали мне только один раз: когда я принесла цветы Вере Константиновне»¹⁶. Но впрочем, в трудную минуту он помог ей деньгами — и ей потом пришлось долго и витиевато извиняться, поскольку журнальная поденщина и болезнь близких не позволили ей быстро вернуть долг.

Эти неравноправные отношения естественным путем прервались со спешным отъездом Иванова за границу в 1912 г. Вслед Бухарова отправила последнее письмо из этого цикла: «Эта милая “башня” так долго была единственным маяком, единственным прибежищем моим!... Я редко к Вам ходила — Вы знаете — боялась беспокоить и утруждать Вас — но иногда — только взглянув в конец Таврической улицы — чувствовала себя бодрее, спокойнее, терпеливее — и могла жить дальше, дальше нести непосильную муку свою...»¹⁷.

В следующий раз они встретились полтора года спустя, 26 января 1914 г., вероятно, на знаменитом заседании Религиозно-философского общества, где исключали В.В. Розанова (Иванов приехал тогда — не только за этим — на несколько дней из Москвы¹⁸). Назавтра Бухарова писала: «Те немногие минуты, кото-

¹⁵ Там же. Л. 20. Против обыкновения, это письмо датировано — 2 мая 1912 г., на следующий день после ивановской лекции.

¹⁶ Письмо от 27 января 1914 г. // Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ Иванов приехал в столицу 19 января и пробыл, вероятно, до 29-го (см. хронику этих дней: [5, с. 371]).

рые Вы мне дали вчера — были мне дороже всего, что я пережила за эти два без Вас года. <...> Вы спрашивали как я живу. Живу больше в Боге и больше в творчестве, чем в чем-либо ином. Но красоты и радости — настоящих, чистых — нет у меня больше с тех пор, как в Петербурге нет Вас. <...> В моей жизни Вы были существенным — и что бы ни случилось со мною дальше — я ни на одну минуту не перестану чувствовать к Вам самого лучшего, самого светлого и истинного, что только может чувствовать один человек к другому»¹⁹.

В эти годы Бухарова печатается в «Ниве», «России», «Отдыхе христианина», «Родной жизни», «Пробуждении» и много где еще; между прочим, среди ее рецензий — отзывы на «Мирские думы» Ключева и «Радуницу» Есенина (экземпляр последней она получила от автора с дарственной надписью: «Дорогой Зое Дмитриевне Бухаровой с любовью и искренним расположением. Сергей Есенин. 31 января 1916 г. Петроград»²⁰).

Вспоминая несколькими годами позже об этом периоде своей биографии, она особо подчеркивала: «Для выяснения моей литературно-поэтической физиономии хочу добавить, что прошла внутренне чрезвычайно сложный путь от крайнего анархизма — до философии Хомякова, Вл. Соловьева — ныне — Флоренского и отчасти — Бердяева. Славянофильство — временно привело меня к возможности работать в органах узко националистического характера, но “Двенадцать” Блока — перевернули все мое, уже подготовленное к таким выводам, мировоззрение — до основания. Тем не менее — христианская и даже церковная мистика осталась первенствующей в моей поэзии, несмотря на определенное утверждение мною революции с первого — до настоящего дня»²¹.

¹⁹ РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 23, 24 об., 25.

²⁰ Опубликовано П.Н. Пропаловым, создателем ныне покойного есенинского музея в Вязьме: [11, с. 3]; статья содержит среди прочего квалифицированный очерк биографии Бухаровой. Рецензия напечатана: Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1916. № 5. С. 146–148. См. также: [6, с. 4].

²¹ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 3 об. — 4.

Это христиански-революционное мировоззрение, столь редкое в петроградских литературных кругах, привело ее в 1917 г. к работе в левозсеровской газете «Знамя труда». Летом 1918 г., на волне репрессий после подавления эсеровского мятежа, газета была закрыта — и Бухарова вместе с матерью уехала в Торопец — уездный город Псковской губернии. Так начинался следующий этап ее жизни.

В моем собрании хранится любопытный артефакт — экземпляр единственного сборника стихов Бухаровой с вложенной туда ее оригинальной фотографией; форзацы и белые поля первых листов исписаны неуверенным женским почерком:

Зоя Дмитриевна Бухарова, — друг моей далекой юности, жила в г. Торопце в 1920–1923 гг.²² Это первый друг и критик моих стихов. От нее я узнала правила стихосложения, ударений в словах, узнала о музыке ритма, о рифме и ассонансах и т. д. Она помогла мне устроиться в Петроградскую Центр<альную> Театральную студию им. Шимановского, в которой не дал мне учиться муж. В П<етрогра>де я жила 10 месяцев на квартире З.Д. Бухаровой. Она любила меня и видела во мне “огонь, свет и талант”, так она сказала обо мне.

Все эти стихи — ее ранние стихи. Позже она писала много серьезнее и лучше. Все эти стихи я читала и знала из ее тетрадей и дневников, которые она мне давала читать. Я знаю даже, кому каждый стих написан, знаю причины рождения этих стихов.

Петроград. Пушкинская ул., дом 24. Кв-ра Бухаровой Зои Дмитриевны и ее дочери Элички, которая вышла замуж за сына Торопецкого (это гор<од> Торопец б<ывшей> Псковской губ<ернии>) нашего знакомого Бориса Ник. Бабкина. В 1921–22 г. Зоя Дм. приехала к дочке и зятю в г. Торопец, познакомилась с моей мамой и полюбила очень меня.

Сторонние сведения не очень многое могут прибавить к этой мемуарной зарисовке — известно, что Зоя Бухарова печаталась

²² Как мы увидим далее, даты эти ошибочны: Бухарова приехала в Торопец в ноябре или декабре 1918 г.

под псевдонимом «Фома Верный» в «Торопецких известиях» и служила в торопецком отделе народного образования. Гораздо больше говорят два письма, отправленные ею из Торопца с годовым интервалом. Первое из них 3 февраля 1919 г. было послано Блоку:

3-го февр. 1919.

Торопец. Псковской губ.

Великолуцкая ул. д. б. Чириковой

Глубокоуважаемый Александр Александрович, может быть Вы будете удивлены настоящим моим письмом — но если бы Вы знали как глубоко, давно и исключительно люблю я Ваше творчество — Вы бы приняли это совсем просто. Но если я всегда относилась с несказанным благоговением к каждой Вами созданной строке — то оно, если возможно, еще усилилось со времени появления Ваших «Двенадцати» и Ваших статей об интеллигенции в нашем, блаженной памяти, «Знамени Борьбы». После октябрьских дней столько мучительного пришлось испытать из-за душевного раскола с многими, многими недавними друзьями своими (среди них — есть у нас и общие с Вами!), что сознавать своим единомышленником Вас — самого большого и прекрасного из современных художников слова — было, даже издали, даже помимо ведома Вашего — громадным утешением и радостью. «Двенадцать» я считаю вещь единственной, неповторимой, истинными скрижалями великой русской, социальной Революции и уже очень многим людям их незнающим — мне посчастливилось, поскольку это, конечно, лежало в моих скромных возможностях — открыть их красоту и силу. Обращаюсь к Вам теперь именно по поводу «Двенадцати». Дело в том, что кто-то, перед самым моим отъездом сюда — взял у меня эту книжку (издание «Зн<амени> Бор<ьбы>») и не возвратил. Очень я о ней горевала — т.к. это был единственный у меня экземпляр и достать другой — тогда уже не было ни времени, ни возможности. Тем более, что тот же Ваш ярый, неведомый мне почитатель — присвоил и остальные, свято у меня хранимые, стихи Ваши.

Сейчас я уже третий месяц живу в маленьком, глухом — но достаточно любопытном городке Торопце (провинция явля-

ет для меня полную новость) и заведу при местном Отделе Нар<одного> Образ<ования> — художественной секцией. Это звучит гордо — но означает тяжелую, зачаточную работу на совершенно невосделанной почве, под сырым — а иногда, что гораздо хуже — уже отравленным пошлостью и дешевкой — материалом. О «Двенадцати» здесь по темноте и косности не знают даже общественные деятели и интеллигенты. Вот я и хочу, возможно шире и ярче, осведомить их в этом отношении, прочитав, на одном из нередко организуемых здесь концертов-митингов Вашу чудесную поэму с маленьким вступительным словом. Оттого и обращаюсь к Вам, Александр Александрович, с горячей просьбой — прислать мне книжку с «Двенадцатью» и «Скифами» по адресу, указанному выше — или просто: Торопец. Отдел Народн<ого> Образ<ования>. Зое Дмитр. Бухаровой. Я бы могла, конечно, получить ее каким-либо иным путем, но очень уж соблазнительна перспектива иметь непосредственно из Ваших рук и — если захотите быть до конца великодушным — с самой хотя бы лаконической надписью. Простите, что беспокою Вас всем этим — назойливость какого бы то ни было характера — далеко не в моих привычках, но, думаю, что испытанная любовь моя к «Двенадцати» — дает мне хотя бы маленькое право на настоящую мою просьбу. Буду очень, очень их ждать.

Всего доброго Вам — в творческой, личной и общественной жизни.

Душевно Вам преданная Зоя Бухарова²³.

Блок, вопреки обыкновению, помет на письме не делал, но на просьбу отозвался — 11 февраля 1919 г. он, фиксируя в записной книжке отправленные экземпляры «Двенадцати», пишет: «Заказные В. Муйжелю, А. Шрейдеру и З. Бухаровой» [3, с. 449]. После этого какие бы то ни было сведения о ней пропадают более чем на год, и только 19 февраля 1920 г. она отправляет письмо Вяч. Иванову — то, на которое он отозвался приведенным выше посланием. Вот оно:

²³ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 178.

Торопец Псковской губ.
Никольская пл. д. Крюковской
19-ого февраля 1920

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович, если б я писала не Вам — то сказала бы раньше всего, что Вы наверное удивитесь моему почерку. Но я знаю, что Вы ничему, никогда удивляться не можете, что Вам открыто все тайное и явное в душе человеческой и что как бы ни был продолжителен внешний отрыв наших отношений — я могу прийти к Вам просто и легко, как будто видалась вчера. Уже давно, давно хочу я написать Вам. Ведь думаю я о Вас каждый день. Но все не решалась, все боялась отнять у Вас время, не имея на это определенного основания. Теперь же, сейчас, не рассуждая, не колеблясь прихожу к Вам — в неизреченном горе своем, т. к. знаю — непоколебимо знаю — что один Вы сможете дать мне силу перенести его. И верю также, что Вы поймете меня, простите за то, что обременяю Вас и своим существом и своими неразборчивыми бессвязными строками.

Вы были самым прекрасным, самым драгоценным, самым благодатным явлением моей жизни. Я сейчас в самые страшные, самые горькие, самые темные свои дни — я прихожу к Вам, моля у Вас помощи, утешения и веры.

Умерла моя мама. Только что умерла, неожиданно, внезапно. Я любила ее больше всего в мире. И не могу перенести этой утраты. Потому прихожу к Вам. Помню — все чудесные стихи и слова Ваши о смерти — нет — именно о несуществовании смерти. И прошу, молю Вас — добрый, дорогой, единственный Вячеслав Иванович — написать мне хоть несколько строк, которые бы, как несколько лет тому назад — дали мне силу жить.

Потому что — жить мне надо, я должна жить. Должна не только потому, что уменя есть дочь — слабое, внутренне безвольное — и поистине несчастное существо, но еще и потому, что, при всем отсутствии самомнения и самоуверенности — чувствую, как за последние годы — в душе и мысли моей созревает что-то, очень еще неясно и робко — но все же — созревает что-то нужное людям. Через многое прошла я, Вячеслав Иванович, за то время, что мы не виделись. Через голод, лишения, изнурительный труд, всякие унижения — внешне, через

ряд соблазнов, ошибок и разочарований внутренне. С начала Октябрьской революции — всей душой ушла в идеологию левых с.-ров, работала в культ<урно->просв<етительском> отделе «Знам<ени> Борьбы» с первого до последнего дня. Осталась им верить и по падении их — вообще всем существом приняла очистительно-искупительную сторону Революции в отношении дворянства и интеллигенции вплоть до «12ти» Блока. Много перенесла за это унижений — чуть ли не бойкот — со стороны близких друзей: (мама моя была неизменно со мною). Потом — мы все потеряли в Петрограде — голодали, бедствовали и принуждены были уехать сюда в Торопец, (где живет моя дочь) где живу уже второй год и служу в местном Отделе нар<одного> образования секретарем. Много, много было трудного и здесь — никогда не жила я в провинции, узки, дики мне здесь и масти и нрав — но зато от общения с волостным учительством и местными учреждениями — приобретен серьезный, подлинный опыт, который, верю — пригодится для дальнейшей работы. Были минуты — хотела вступить в местную партию коммунистов; но многое удержало и прежде всего — вопрос религиозно-церковный. По вопросу этому — думала бесконечно много, не смею сказать — продуктивно, но все же, надеюсь, и не совсем бесплодно. Вопрос этот — т. е. связь революции и Церкви интересует меня сейчас больше всего в мире и надежда послужить, хотя бы скромнейшим своим трудом, на пользу ему — одна дает мне сейчас силы терпеть мое неизреченное горе. Перечитываю, когда позволяет зрение и время — Флоренского, Бердяева, Мережковского. Везде нахожу лишь частичные ответы. Ответа полного на это и на все — жду от Вас, только от Вас, дорогой Вячеслав Иванович!... Не откажите мне в нем — как не отказывали бывало! Прошу у Вас лучезарных, драгоценных слов Ваших, как голодный — хлеба, как жаждущий — воды. Верю — о, как горячо верю — что Вы один можете мне дать сейчас успокоение и силу — прежде всего в мучительной моей утрате, а затем — и во всем моем творческом религиозно-общественном пути.

У меня есть надежда — временно побывать в Москве. Прежде всего потому, что я не могу сейчас жить здесь, где все кричит о маме, где каждый образ, каждый шаг мой — отмечен кровью.... но так скоро еще не смогу приехать. Верю, что с Вами и около

Вас все хорошо, хотя ничего о Вас не знаю. И жду, жду — умо-
ляю Вас об ответе!

Зоя Бухарова.

<Приписка:> Письмо это передаст Вам жена моего брата. А
мой адрес — прилагаю или — Торопец. Уездный отдел Народ-
ного образования, мне²⁴.

Как видно из ивановского ответа, письмо шло до Москвы поч-
ти два месяца — вероятно, трудностей добавила и состоявшаяся
тем временем смена адреса: Ивановы переехали с Зубовского
бульвара в Большой Афанасьевский переулок. Почему письмо
Иванова к Бухаровой сохранилось в его собственном архиве —
неясно: может быть, вернулось из-за нерадивости почты или по
той или иной причине так и не было отправлено. Скорее всего,
встретиться лично им больше не довелось. В 1922 г. Бухарова
вернулась в Петроград: точная дата нам неизвестна, но в мему-
арной записи П.Н. Медведева о Н.А. Ключеве упоминается ее при-
сутствие на одном из заседаний Вольфины: «Свела нас З.Д. Бу-
харова, седое дитя, в августе 1922 г., на одном из посвященных
Блоку заседаний Вольно-Филос<офской> Ассоциации»²⁵. Авто-
биографию, составленную ею в 1923 г., она завершает драмати-
чески: «В настоящее время — не пишу и не печатаю стихов. По-
следнее — за отсутствием соответствующего моей идеологии
органа. Второй сборник стихов — думается — более ценный,
чем первый, был готов в 1917 г. — но печатать его — помешали
условия исторического момента»²⁶. Еще два года спустя комис-
сия Ленинградского отделения «Всероссийского союза писате-
лей», обследовавшая местных литераторов, нашла ее в плачев-
ном положении: «Бухарова З.Д. — лит<ературой> зан<имается>
32 года. Болезнь сердца, слабое зрение. Заработка никакого, жи-
вет на средства дочери, имеющей ребенка»²⁷. До последнего вре-

²⁴ РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 51.

²⁵ Цит. по: [8, с. 108].

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4.

²⁷ Доклад секретаря Ленинградского отдела правления «Всероссийского
Союза Писателей» о результатах обследования материального и правового

мени годом ее смерти указывался то 1923-й, то «после 1928» — и лишь совсем недавно стало известно, что она умерла в первую блокадную осень²⁸.

Список литературы

Исследования

1. *Азадовский К.* Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-история, 2015. 509 с.
2. *Аничков С.В.* На рубеже эпох. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 358 с.
3. *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.
4. *Бухарова З.* Стихотворения. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1903. 96 с.
5. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. 509 с.
6. *Карохин А.* Забытое имя: Зоя Бухарова // Санкт-Петербургские ведомости. 1993. № 57/58. 13 марта. С. 4.
7. *Коптев А.* Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. 340 с.
8. *Медведев Ю.П.* Николай Клюев и Павел Медведев. К истории диалога // Николай Клюев глазами современников: сб. воспоминаний / сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2005. С. 108–117.
9. *Обатнин Г.В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 224–230.
10. *Подольская И.И.* З.Д. Бухарова // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 380–381.

положения членов В.С.П. по Ленинграду, составленный на основании анкетных данных // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Ед. хр. 357. Л. 14. Известна краткая записка Бухаровой к Н.Е. Добычиной от 25 февраля 1926 г., в которой она извиняется, что нездоровье и домашние хлопоты помешали ее визиту (РГБ. Ф. 420. К. 7. Ед. хр. 21. Л. 1).

²⁸ URL: <https://vizs.nlr.ru/blockade/show/979992>. Впервые этот источник был выявлен анонимным автором статьи про Зою Бухарову в русской Википедии.

11. *Пропалов П.* Неизвестный автограф С.А. Есенина // Ленинский путь (Вязьма). 1990. № 64. 21 апреля. С. 3.
12. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. Т. 3: 1914–1917 / сост. О.Т. Ермишин, О.А. Коростелев, А.В. Хачатурян. М.: Русский путь, 2009. 653 с.
13. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 2: Стихотворения и поэмы 1900–1913 / отв. ред. А.В. Лавров, подгот. Т.В. Мисникевич. 804 с.
14. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 861 с.
15. *Шаталина Н.Н.* Библиотека Ф. Сологуба (материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб: стихи, документы, мемуары / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 435–521.

References

1. Azadovskii, K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia: Izbrannnye raboty* [The Silver Age. Names and Events: Selected Works]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., Nestor-istoriia Publ., 2015. 509 p. (In Russ.)
2. Anichkov, S.V. *Na rubezhe epokh* [At the Crossroads of Eras]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2017. 358 p. (In Russ.)
3. Blok, A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920], comp., text prep., introd. and ref. by V. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)
4. Bukharova, Z. *Stikhotvoreniia* [Poems]. St. Petersburg, Tipografiia Iu. Mansfel'd Publ., 1903. 96 p. (In Russ.)
5. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 2, ex. ed. N.Yu Gryakalova, A.B. Shishkin. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)
6. Karokhin, L. "Zabytoe imia: Zoia Bukharova" ["Forgotten Name: Zoya Bukharova"]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no. 57/58, March 13, 1993, p. 4. (In Russ.)
7. Koptev, A. *Vospominanie o poezdke v Konstantinopol', Kair i Ierusalim v 1887 godu* [Memories of a Trip to Constantinople, Cairo and Jerusalem in 1887]. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevich Publ., 1888. 340 p. (In Russ.)

8. Medvedev, Iu.P. "Nikolai Kliuev i Pavel Medvedev. K istorii dialoga" ["Nikolai Klyuev and Pavel Medvedev. To the History of the Dialogue"]. *Nikolai Kliuev glazami sovremennikov: sb. vospominanii* [Nikolai Klyuev through the Eyes of Contemporaries: Collection of Memoirs], comp., text prep. and ref. by V.P. Garnin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2005, pp. 108–117. (In Russ.)
9. Obatnin, G.V. "Shtriki k portretu Viach. Ivanova epokhi revoliutsii 1917 goda" ["Details for the Portrait of Vyach. Ivanov of the Epoch of Revolutions of 1917"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1997, pp. 224–230. (In Russ.)
10. Podol'skaia, I.I. "Z.D. Bukharova" ["Z.D. Bukharova"]. Nikolaev, P.A., editor. *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers: 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1: A–G [A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 380–381. (In Russ.)
11. Propalov, P. "Neizvestnyi avtograf S.A. Esenina" ["Unknown Autograph of S.A. Yesenin"]. *Leninskii put' (Viaz'ma)*, no. 64, April 21, 1990, p. 3. (In Russ.)
12. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriiia v materialakh i dokumentakh: 1907–1917; v 3 t. T. 3: 1914–1917* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): History in Materials and Documents: 1907–1917; in 3 vols. Vol. 3. 1914–1917], comp. O.T. Ermishin, O.A. Korostelev, L.V. Khachaturian. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 653 p. (In Russ.)
13. Sologub, F. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem: v 3 t.* [The Complete Collection of Poems and Poems: in 3 vols.], vol. 2, book 2: Stikhotvoreniia i poem 1900–1913 [Poetry and Poems 1900–1913], ed. A.V. Lavrov, prep. T.V. Misnikevich. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 804 p. (In Russ.)
14. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov. Kharaktery i suzheniia* [From the World of Writers. Characters and Judgments], prep. K.M. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 861 p. (In Russ.)
15. Shatalina, N.N. "Biblioteka F. Sologuba (materialy k opisaniiu)" ["F. Sologub's Library (Materials for the Description)"]. Pavlova, M.M., and A.V. Lavrov, editors. *Neizdannyi Fedor Sologub: stikhi, dokumenty, memuary* [Unpublished Fyodor Sologub: Poems, Documents, Memoirs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 435–521. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-190-227>

<https://elibrary.ru/MWPNYB>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Е.А. Тахо-Годи

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: К ПОСТАНОВКЕ ТЕМЫ СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Аннотация: В статье на основе архивных материалов рассматривается несколько эпизодов из истории взаимоотношений критика Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) и Вяч. Иванова в течение двух лет — с 1907 г. по 1909 г. Выявляются факты, послужившие поводом для вводимых в научный оборот писем Ю.И. Айхенвальда к Вяч. Иванову. Ставится вопрос о возможных посредниках, содействовавших этому общению, — М.А. Волошине, А.К. Герцык, М.О. Гершензоне и Ал.Н. Чеботаревской, возможно, содействовавшей в этот же период контактам Ю.И. Айхенвальда с Федором Сологубом. Уточняются библиографические описания упоминаемых книг, подаренных друг другу. Устанавливается круг лиц, фигурирующих в письмах, или с ним связанных (Е.А. Варженевская, И.Н. Розенфельд, Б. Розенфельд-Шагал). Особое внимание уделяется первой «встрече» Ю.И. Айхенвальда и Вяч. Иванова в издательском проекте Полного собрания сочинений Ф. Ницше 1903 г., рецензии Ю.И. Айхенвальда на книгу Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (1907), а также его пушкинским штудиям в связи с участием критика в издании собрания сочинений А.С. Пушкина, предпринятом С.А. Венгеровым, для которого Вяч. Иванов написал текст о «Цыганах». В Приложении к статье даются телеграмма, два письма и записка, адресованные Вяч. Иванову Ю.И. Айхенвальдом (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 11) и публикуется его рецензия на книгу Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец».

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, Вяч. Иванов, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, А.К. Герцык, М.О. Гершензон, Ал.Н. Чеботаревская, Ф. Ницше, переписка, рецензии.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, МГУ имени

М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1-й учебный корпус, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-8656>

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Для цитирования: *Тахо-Годи Е.А.* Юлий Айхенвальд и Вячеслав Иванов: к постановке темы. Статья первая // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Воделей, 2024. С. 190–227.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-190-227>

© 2024. *Elena A. Takho-Godi*

YULY AYKHENWALD AND VYACHESLAV IVANOV: SETTING THE THEME ARTICLE ONE

Abstract: Based on archival materials, the article examines several episodes from the history of the relationship between the critic Yuly Isaevich Aykhenwald (1872–1928) and Vyacheslav Ivanov for two years — from 1907 to 1909. The facts that served as the reason for the letters of Aykhenwald to Ivanov being introduced into scientific circulation are revealed. The question is raised about possible intermediaries who facilitated this communication — Maksimilian Voloshin, Adelaida Gertsyk, Mikhail Gershenzon and Aleksandra Chebotarevskaya, who may have facilitated contacts between Aykhenwald and Fedor Sologub during the same period. The bibliographic descriptions of the mentioned books presented to each other are being clarified. The circle of persons appearing in the letters or associated with it is established (E.A. Varzhenevskaya, I.N. Rosenfeld, B. Rosenfeld-Chagall). Special attention is paid to the first “meeting” of Aykhenwald and Ivanov in the publishing project of the Complete Works of Friedrich Nietzsche in 1903, Aichenwald’s review of Lidia Zinoviyeva-Annibal’s book “The Tragic Menagerie” (1907), as well as his Pushkin studies in connection with the critic’s participation in the publication of the collected works of Aleksandr Pushkin, undertaken by Semen Vengerov, for whom Ivanov wrote a text about “Gypsies”. The appendix to the article contains a telegram, two letters and a note addressed to Ivanov by Aykhenwald (Manuscript Department of the Russian State Library. F. 109. 11. 11) and his review of the book by Zinoviyeva-Annibal “The Tragic Menagerie” is being republished.

Keywords: Yu.I. Aykhenwald, Vyach. Ivanov, L.D. Zinoviyeva-Annibal, A.K. Gertsyk, M.O. Gershenzon, Al.N. Chebotarevskaya, F. Nietzsche, correspondence, reviews.

Information about the author: Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature, M.V. Lomonosov Moscow State University, the 1st study building, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-8656>

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

For citation: Takho-Godi, E.A. "Yuly I. Aykhenwald and Vyacheslav Ivanov: Setting the Theme. Article One." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 190–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-190-227>

Сама постановка темы «Айхенвальд и Вячеслав Иванов» покажется большинству исследователей эпохи Серебряного века надуманной и непродуктивной. Учитывая даже не просто скептические, но прямо негативные суждения критика о ведущих представителях символизма — и старших, и младших — о Брюсове, Белом, Мережковском, Минском, в первую очередь за «неестественность», «надуманность» их поэтического творчества, отсутствие того чистого лиризма, который Айхенвальд находил у Блока, можно ли ожидать иного отношения к «плетению словес» Вячеслава Иванова? Кроме того, о каком «отношении» вообще можно говорить, если до сих пор не выявлено ни одного отзыва Айхенвальда о поэте? И тем не менее попробуем реконструировать то, что имеет видимость «нулевых оснований», памятуя, что литературная жизнь эпохи зачастую сближает, так или иначе сводит, казалось бы, несводимое и противоположное и что один из наших героев был убежден: «<...> в общности человеческих душ и дум, в связанности интересов, в соседстве и хороводе отдельных существ невозможно резкой гранью отделять одну человеческую страницу от другой: и даже когда они враждуют между собой, они между собою соприкасаются. В области слова такие соприкосновения ткut единую ткань литературы. И пишутся ее страницы перьями родственными, и ни одна художественная чернильница не чужда другой» [24].

О несостоявшемся Ницше

Впервые имена Вяч. Иванова и Айхенвальда встречаются рядом в 1903 г. в объявлении о готовящемся к печати в издательстве «Скорпион» Полном собрании сочинений Ф. Ницше «в переводах: Ю. Айхенвальда, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Д.В. Викторова, Вяч. Иванова, С.А. Полякова, М.Н. Семенова и др.» [9, с. 417]. Привлечение к этому предприятию Иванова, для мировоззрения которого Ницше являлся одной из ключевых фигур, не требует специальных пояснений. Приглашение Айхенвальда к сотрудничеству в начале 1900-х гг. также было неслучайно, но теперь, когда об Айхенвальде вспоминают редко и знают мало, имеет смысл прояснить ситуацию.

В начале 1900-х гг. Айхенвальд еще входит в окружение Брюсова — их размежевание впереди, в конце десятилетия. Об их дружеском общении на излете 1890-х, в феврале 1897 г., свидетельствуют, к примеру, мемуары И.Н. Розанова [54]. Несмотря на их критику Н.А. Богомоловым за неточности [3], они для нас важны тем, что фиксируют и сам факт знакомства, и так сказать «тональность» общения.

Однако идея привлечения Айхенвальда к изданию Ницше Брюсову не принадлежала. Сделать Айхенвальда редактором этого издания предложил Давид Викторович Викторов — молодой философ, последний и любимый ученик Н.Я. Грота, по окончании университетского курса в 1899 г. занимавшийся два года в Лейпциге под руководством Вильгельма Вундта¹ и ставший в 1905 г. приват-доцентом Московского университета. Будучи студентом, Викторов с середины 1890-х гг. сотрудничал в библиографическом отделе журнала «Вопросы философии и психологии» одновременно с Айхенвальдом (см., например, их публикации в Кн. 32 за 1896 г.). Одновременно были напечатаны в «Вопросах философии и психологии» и их статьи памяти Н.Я. Грота в 1900 г. [26; 37].

¹ См. воспоминания В.Ф. Саводника августа 1924 г., впервые опубликованные на сайте «Поэзия Московского университета» Г. Воропаевой: [45].

Айхенвальд, только что приехавший после окончания Новороссийского университета, был секретарем редакции этого журнала в его, можно сказать, самый блестящий период. Должность позволяла ему общаться с цветом русской философии: Н.Я. Грот, А.М. Лопатин, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой... Но «лучшим украшением» кружка московских философов, по его собственным воспоминаниям, был Владимир Соловьев, в чьих беседах «искрились мысли, как искрилось и играло там же вино в бокалах, обычный спутник и вдохновитель таких бесед»². В журнале «он был самым желанным и почетным сотрудником», — писал Айхенвальд в 1923 г.: «<...> я благоговел перед ним, перед тем хрупким сосудом идеализма и духовности, каким он рисовался моей тогда еще молодой и доверчивой душе и каким он в значительной мере и был на самом деле. <...> я бережно храню письма Соловьева ко мне и его книги с дорогими для меня надписями» [14, с. 440–441]. К сожалению, судьба этих книг и писем неизвестна. Но для нас примечательно сейчас то, что образ Соловьева, столь значимый для символизма в целом и для Иванова особенно, будет сопровождать Айхенвальда на протяжении всей дальнейшей жизни.

В библиографическом отделе журнала «Вопросы философии и психологии» сотрудничал и студенческий приятель Брюсова В.Ф. Саводник. Он, как и Викторов, в середине 1890-х гг. посещал семинар С.Н. Трубецкого по Платону и Аристотелю. Именно Трубецкой и предложил им писать библиографические обзоры в журнал. Благодаря Викторovu Саводник и, по-видимому, Айхенвальд попали в студенческий литературный кружок Б.А. Фохта, гимназического приятеля Викторова. А уже потом Саводник ввел туда и Брюсова³. О том, что Викторов рекомендовал Айхенвальда для участия в издании Ницше Брюсову сообщал 13 декабря 1903 г. М.Н. Семенов, уведомляя одновременно своего корреспондента о том, что Иванова он не застал и просит Брюсова

² Впервые опубликовано: [31]. См. републикацию воспоминаний Айхенвальда о Соловьеве: [14, с. 442].

³ См. воспоминания В.Ф. Саводника: [45].

письменно предложить ему перевести для задуманного издания книгу «Рождение трагедии из духа музыки» [9, с. 473]. Предложение было сделано, и Иванов принял его с большой готовностью: «В организации перевода всего Ницше принять активное участие — было бы моим большим желанием» [50, с. 443]. Личное знакомство поэтов состоялось весной того же года, 29 апреля 1903 г. в Париже на лекции Иванова, читавшего курс о религии Диониса в Русской высшей школе общественных наук [50, с. 428].

Айхенвальд, в отличие от Иванова, не был большим поклонником Ницше (хотя, возможно, неслучайно свой юбилейный «эскиз» о Пушкине 1899 г. он назвал «Пушкин как воспитатель», ср. с эссе Ницше 1874 г. «Шопенгауэр как воспитатель» [*Schopenhauer als Erzieher*])), но он был деятелем и был профессиональным знатком философии, в том числе немецкой. К этому времени он опубликовал в «Вопросах философии и психологии» обзор книги немецкого неокантианца Алоиза Рия «Фридрих Ницше как художник и мыслитель» [32] (перевод книги на русский язык будет сделан З. Венгеровой и выйдет в 1901 г. отдельным изданием). В журнале публикации о Ницше периодически появлялись и потому, что одним из главных в России 1890-х гг. популяризаторов Ницше, с идеями которого Соловьеву приходилось бороться, был непосредственный шеф Айхенвальда — редактор журнала В.П. Преображенский. В дальнейшем Айхенвальд, основываясь как раз на книге А. Рия (с учетом собственной публикации 1897 г.) и на предисловии Г. Лихтенбергера к изданному в 1899 г. сборнику «Избранных афоризмов и мыслей» Ницше, напишет биографическую статью о мыслителе, которая войдет в 1910 г. в его сборник избранных работ «Отдельные страницы» [22]. В 1925 г., возвращаясь к биографии Ницше в связи с 25-летием его смерти, Айхенвальд ответит на вопрос — что именно ему самому импонировало в немецком мыслителе. Прежде всего «наиболее дорогой частью его наследства» для Айхенвальда является «отвержение пессимизма», «энергичное утверждение жизни, особенно убедительное в устах страдальца». По Айхенвальду, Ницше вовсе не хочет «прославлять эгоизм и злобу», ориентируясь на гения, потому что «гений — антипод себялюбия», «свет его светит всем

людям», которые должны «всецело устремлять свои взоры в грядущую страну детей и еще далее, в лежащие за нею великолепные просторы сверхчеловечества» [23, с. 526]. Для Айхенвальда важно, что Ницше был апологетом «медленного чтения» и первым из великих немцев, кто мыслил психологически, кто указал на значение личности, «личность выдвинул из массы». Воспринимать «заветы Ницше как заповеди нового Моисея — это было бы нечестивое ребячество», — писал Айхенвальд, убежденный, что «культура не двинется вперед, если на общей демократической почве не совершится реставрация личности, если не будут восстановлены права единственного числа, теперь приниженные и попранные засилием числа множественного» [23, с. 527].

Несмотря на надежды Брюсова, выраженные им в письме к Н.М. Минскому от 11 марта 1903 г., что за «года два, а то и больше» «Скорпиону» удастся «начать замышленные им издания Ницше и Ибсена» [53, с. 664], не выйдут ни Ницше, ни Ибсен, как и объявленный в скорпионовском каталоге на 1904 г. в той же рубрике «Готовятся к печати» роман Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники». Зато в 1900-е гг. выйдет подготовленное Айхенвальдом Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра, которым Ницше первоначально восхищался. За работу над изданием Шопенгауэра Айхенвальд взялся еще в 1899 г.⁴ А в начатом в 1909 г. Полном собрании сочинений Ф. Ницше (успело выйти 4 тома) под редакцией Ф.Ф. Зелинского, С.Л. Франка, Г.А. Рачинского, Я.А. Бермана, имена Викторова и Айхенвальда уже не фигурировали⁵, хотя по-прежнему в числе сотрудников значились Андрей Белый, Валерий Брюсов, М.О. Гершензон, Вяч. Иванов. Викторов увлекся эмпириокритицизмом, Айхенвальд отошел от брюсовского круга. И все-таки с Ницше, вернее с его переводчицами, он был связан и в эти годы, но об этом мы еще скажем далее.

⁴ См.: [20, с. 313].

⁵ См.: [33, с. 372].

О телеграмме, «Трагическом зверинце» и «Тридцати трех уродах»

Ответить на самый банальный вопрос: были ли знакомы Иванов и Айхенвальд? — и легко, и трудно. Неизвестны ни дата их первого контакта, ни то, было ли изначально это знакомство личным или заочным, но то, что общение между ними к 1907 г. уже все-таки существовало, подтверждает телеграмма, отправленная Айхенвальдом 23 октября 1907 г. из Москвы в Петербург Иванову на Смольный проспект, 2/3 (см.: Приложение I, № 1). В телеграмме всего 22 слова, но этот лаконичный текст для нас чрезвычайно информативен.

Айхенвальд неформально выражает в нем соболезнование в связи с кончиной жены Вячеслава Иванова Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал и признается, что эта «скорбная весть» и его лично «больно поражает». И это не проявление «гуманности» или тем более «благовоспитанности», но констатация факта. Критик действительно мог быть искренне поражен, потому что буквально за два месяца до смерти Зиновьевой-Аннибал опубликовал в августовском номере журнала «Русская мысль» рецензию на вышедшую в том же 1907 г. в издательстве «Оры» книгу ее рассказов «Трагический зверинец» [56]. Судя по рецензии, Айхенвальда больше всего привлекли рассказы «Журя», «Волки», «Глухая Даша», «Корноухий Чалый» — именно из них он приводит цитаты или пересказывает сюжеты. Его рецензия была не просто положительной — критик был явно увлечен «этой замечательной книгой». Перепечатывая ту рецензию через три года в сборнике избранных статей «Отдельные страницы», он, уже отстранившись от прочитанного, заменит эпитет «замечательная» на «высокоталантливую», но в целом текст рецензии не изменит (исключая мелкие стилистические поправки) и в 1910 г. повторит: «Богата содержанием и настроениями, поэзией и действительностью, эта высокоталантливая книжка, раскрывающая самые потаенные, иногда стыдные уголки необузданного детского сердца, и если она не вся обязательна, если героиня порою не просто блуждала по лесу жизненных отношений, а, как она

характерно говорит по другому случаю, “*нарочно* заблудилась”, то все же многое в этой исповеди затрагивает в каждом из нас родственные, созвучные струны» [25, с. 176–177] (см. републикацию текста в Приложении II к нашей статье).

Печатаемая в «Русской мысли» рецензию, критик скрылся за принятым им в журнале псевдонимом «Ю.А.». Однако есть все основания полагать, что и его имя, и намерение написать рецензию были известны создательнице «Трагического зверинца». На обороте рукописи Зиновьевой-Аннибал, уцелевшей в Римском архиве Иванова и датируемой, скорее всего 1907 г., неизвестной рукой вписано: «Юлий Исаевич Айхенвальд<.> Новинск<ий> буль<вар> д<ом> Баженовой»⁶. Адрес верный, точно совпадает с указанным в справочнике «Вся Москва» за 1907 г., где литератор Айхенвальд значится преподавателем Первого частного женского коммерческого училища Л.О. Вяземской, учрежденного в 1903 г., Московского Елизаветинского института, Общества воспитательниц и учительниц (более известного как Московские высшие педагогические курсы Д.И. Тихомирова), курсов по общественно-юридическим наукам при женской гимназии Ю.П. Бесс и членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. А в электронной публикации, посвященной цензурному запрету книги Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» в январе 1907 г. А.С. Соболев приводит в качестве иллюстрации фотографию обложки этой наделавшей шума книжки с дарственной, видимо, из собственной книжной коллекции:

Многоуважаемому
Юлию Исаевичу Айхенвальду
с сердечным приветом
Автор [46].

⁶ РАИ. Архив Л. Зиновьевой-Аннибал. Картон 1. Папка 1. Л. 30 об.

Кандидаты в посредники

Нельзя не обратить внимания и на то, что в телеграмме Айхенвальд не только желает утешения, но формулирует его вполне в ивановском стиле, когда сулит поэту, что тот найдет «возможное целение» в самом себе, при этом явно высоко оценивая это внутреннее «я» поэта — ведь он говорит не о душевном утешении, но о «глубокой работе вашего духа». Сложно сейчас сказать, на каких именно основаниях базировалась это представление Айхенвальда о духовной работе Иванова и степени ее глубины — только ли на чтении поэтических и эссеистических публикаций? Однако можно высказать гипотезу о наличии посредников, содействовавших такому представлению. Мы предложим на роль таковых только трех кандидатов, хотя можно было бы, наверное, найти больше, начиная с Валерия Брюсова.

К осени 1907 г. относится первое документально зафиксированное свидетельство о встрече Иванова и Айхенвальда. 9 ноября 1907 г. Аделаида Герцык, в начале 1900-х увлекавшаяся Ницше и вместе со своей младшей сестрой Евгенией переводившая его на русский язык, сообщала подруге Вере Степановне Гриневич:

<...> Все эти 3 дня мы не видели Вяч[еслава] — он не заезжал к нам, и мы не были у него. В день твоего приезда мы оч^{чень} ждали их, но вечером пришла телеграмма: «Будем завтра». Ввиду этого вчера весь день мы были дома, и бедная Женя томилась, но он не приехал и не дал знать. Наконец сегодня днем приехала Вера [Шварсалон] с [Александрой] Чеботаревской и пробыла у нас до семи часов. Она рассказывала, что Вяч[еслав] грустный, усталый, был 2 раза у Рябушинского, у Айхенв<альда>, сегодня должен быть у Брюсова; а вечера проводит дома с Ан<ной> Руд<ольфовной> — Рябуш<инский> необычайно любезен, идет на все условия, но это не радует Вяч[еслава], т. к. делает отступление невозможным, а он все больше сознает, какое это насилие для него... Ты понимаешь, родная, как больно, обидно Жене [Евгении Герцык] узнавать все его впечатления из чужих рук — от Чеботаревск<ой>, от Веры, когда она так привыкла, чтоб он переживал с ней самой непосредственно все самое близкое [47, с. 96].

Евгения познакомилась с Ивановым и его женой первая, в 1905 г., затем, в начале 1906 г., привела к ним на Башню и Аделаиду. Так закрутился клубок сложнейших отношений, о которых сейчас не место распространяться — о них написано достаточно, в том числе диссертаций⁷. Тут и посвященные друг другу стихи, статьи, рецензии, тут и жизненные трагедии с пугающими духовными перипетиями. Весна 1907 г., по воспоминаниям Евгении Герцык, была порой максимального сближения четы Ивановых и сестер Герцык. Как раз в начале этого года Аделаида в письме Вере Гриневич от 14 февраля 1907 г., рассказывая о решении Евгении отказаться от Льва Шестого, «от самого ценного, чтоб любовь к Вяч[еславу] была “дорогой, дорого купленной”», упоминала, со слов сестры, что на чтении Львом Шестовым отрывков из новой книги «Начала и концы» присутствовал Айхенвальд и «предложил ему печатать эти отрывки в Рус<ской> мысли», в итоге чего в апрельском номере журнала за 1907 г. была напечатана статья Л. Шестова «Предпоследние слова». Можно предположить, что и Иванов встречался в ноябре 1907 г. с Айхенвальдом для обсуждения возможностей сотрудничества с «Русской мыслью».

Будучи с января 1907 г. по ноябрь 1908 г. заведующим belletrистическим отделом журнала «Русская мысль»⁸, Айхенвальд старался привлечь к журналу новые литературные силы. Об этом свидетельствуют его письма этого времени к Федору Сологубу (прежде всего от 3 февраля 1907 г.⁹), к А.М. Ремизову¹⁰, к М.А. Волошину¹¹. Особенно примечательно в контексте нашей темы письмо к М.А. Волошину от 20 января 1907 г. В нем Айхенвальд не только приветствует идею о предоставлении в «Русскую мысль»

⁷ См. прежде всего многочисленные публикации и издания, подготовленные внучкой Аделаиды Герцык, Т.Н. Жуковской, а также третью главу «Взаимоотношения и творческие переключки Вяч. Иванова с сестрами Е. и А. Герцык и М.А. Гофманом» в работе: [4].

⁸ См.: [6, с. 57–67].

⁹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 1–1 об.

¹⁰ См.: РО РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 39.

¹¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 162.

волошинских характеристик К. Бальмонта и В. Брюсова, просит адрес Федора Сологуба, чтобы пригласить его к сотрудничеству в «Русской мысли», но и упоминает Иванова и его жену, которые ассоциируются у него в это время с издательством «Скорпион» и журналом «Весы»: «<...> он [Сологуб] может ведь писать и без той экзотичности и утонченности, которые останавливают меня, пока, в намерении пригласить для первых же книг обновленной, но все же старой “Русской мысли” других писателей из созвездия Скорпиона и Весов. Но и они (в частности Л.Д. и В.И. Ивановы) не избегнут со временем моей настойчивости»¹². Айхенвальд не ограничивается одним упоминанием: «Прошу Вас, — просит он М.А. Волошина, — передать мой усердный привет Лидии Дмитриевне и Вячеславу Ивановичу»¹³.

Нельзя исключить, что эта переписка началась благодаря сестрам Герцык, чье знакомство с М.А. Володиным относится к 1906 г. С ними Айхенвальда связывали, видимо, достаточно близкие отношения. На эту мысль наводит пронзительный некролог, написанный им в связи с известием о кончине Аделаиды Герцык летом 1925 г. и посвященным ей очерком Бориса Зайцева «Светлый путь», напечатанным в журнале «Перезвоны». «Инициалы усопшей — А.Г. Друзья просили не называть ее полностью — из опасения за оставшихся в СССР родственников... Была она далека от политики, только поэтесса, и все-таки над ее могилой нельзя даже произнести ее имени, — писал Айхенвальд в декабре 1926 г. — <...> Тепло и светло характеризует Борис Зайцев А.Г., и я к нему хотел бы вполне присоединиться: я тоже знал А.Г., еще когда она не была замужем¹⁴, еще когда не печатала стихов и в частном кружке занималась историей философии, переводила Рёскина, Ницше. <...> и так ясным и чистым горением горел ее дух, и сквозь строй революционных ужасов и неправды пронесла она неомраченным свое верующее сердце.

¹² См.: РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 162.

¹³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 162. Л. 10б–2.

¹⁴ В словаре «Русские писатели: 1800–1917» (т. 1) ошибочно указан 1907 г. Точная дата венчания Аделаиды и Д.Е. Жуковского — 9 января (22 января по н. ст.) 1909 г. — установлена недавно, см.: [10, с. 88].

И мне хочется здесь, прервав свою беседу с читателями, через головы своих читателей, послать ей, А.Г., моей давней ученице, как если бы она была еще в живых, — послать ее поистине светлой тени, в ее непостижимую даль, самый теплый привет моих лучших воспоминаний и принести ей душевную дань моего преклонения перед подвигом ее страдальческой жизни и смерти...» [21, с. 916, 918].

Второй возможный посредник — это М.О. Гершензон. С ним Иванов познакомился в конце сентября 1905 г.¹⁵ К этому времени Айхенвальда и Гершензона уже связывали вполне дружеские отношения — об этом свидетельствует их совместная дачная фотография, датируемая как раз летом 1905 г. Когда и как установилось их общение, к сожалению, точно ответить сейчас затруднительно, но еще 17 мая 1898 г. Гершензон сообщал родным о получении письма от Айхенвальда с последними московскими новостями и цитировал из него фрагменты [39, с. 436–437].

И третья кандидатура — это упоминавшаяся в процитированном письме Аделаиды Герцык от 9 ноября 1907 г. Александра Чеботаревская. С Ивановым она познакомилась в 1903 г. и на долгие годы стала одним из близких ему людей. К этому времени она уже была знакома с Гершензоном. Известно, что в 1902 г. он содействовал ей в поисках литературного заработка и, как полагают исследователи, именно Кассандра, как звали в ивановском кругу Чеботаревскую, способствовала сближению и знакомству Иванова с Гершензоном [7, с. 27; 52, с. 244, 252]. Как заведующий беллетристическим отделом «Русской мысли», Айхенвальд очень активно сотрудничает с Чеботаревской, публикует из номера в номер. Так, например, в 1907 г. в № 4 печатаются ее переводы рассказов Анатоля Франса, в № 6 — романа «Дигли» Жерома и Жана Таро, ставших в 1906 г. лауреатами Гонкуровской премии, в №№ 10–11 — романа «Изаиль» шведского писателя Хеннинга Бергера; в 1908 г. в №№ 4–6 — новые переводы Анатоля Франса, в № 11 — статья Чеботаревской «Жизнь Мопассана». И это не все. В 1907 г. Айхенвальд публикует рецензию на издание ее

¹⁵ См.: [2, с. 129].

перевода книги голландского писателя Мультатули (псевдоним Эдуарда Доувеса Деккера; 1820–1887) «Повести, сказки, легенды», предваренного ее вступительной статьей [57]. Эту рецензию, как и отклик на книгу Зиновьевой-Аннибал, критик включает в 1910 г. в сборник «Отдельные страницы» [25, с. 185–187].

В фонде Александры Чеботаревской в Пушкинском Доме сохранилось 5 писем Айхенвальда к Александре Николаевне, но более позднего времени — с 24 декабря 1911 г. по 4 сентября 1912 г.¹⁶ 13 октября 1912 г. датируется его письмо и к ее сестре, Анастасии Николаевне¹⁷, с осени 1908 г. жене Федора Сологуба. Не исключено, что благодаря Александре Чеботаревской связи Айхенвальда как редактора беллетристического отдела «Русской мысли», сумевшего сократить «пропасть между писателями-модернистами и основной массой читающей публики»¹⁸, укрепились и с самим Федором Сологубом. В «Русской мысли» стихи Сологуба появляются впервые¹⁹ именно в период заведывания Айхенвальдом беллетристическим отделом (1907, №№ 4, 10, 11; 1908, №№ 1, 12). Критик публикует в журнале рецензию на роман «Мелкий бес» [29], затем воспроизведенную и в сборнике «Отдельные страницы» [25, с. 202–205]. В фонде Сологуба в Пушкинском Доме хранится 10 писем Айхенвальда за период с 3 февраля 1907 г. по 7 мая 1908 г.²⁰, а в библиотеке писателя — четыре книги Айхенвальда. Две из них — «Силуэты русских писателей», первый выпуск (1906) и третий (1910), — без автографов, на других двух, подаренных в 1908 г., автографы есть: «Силуэты русских писателей. Вып. 2» (М.: Изд. «Научное слово», 1908) с автографом: «Федору Сологубу с глубоким уважением автор»; «Пушкин» (М.: Изд. «Научное слово», 1908) с автографом: «Федору Сологубу — автор» [18, с. 451, 475, 481, 499].

На возможность рассматривать Александру Чеботаревскую как посредника указывает письмо Айхенвальда к Иванову от

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 189. Оп. 1. Ед. хр. 51.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 13.

¹⁸ Эти слова Хенрика Барана цитируем в переводе А. А. Гапоненкова: [5, с. 18].

¹⁹ См.: [1].

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 7.

23 ноября 1908 г. (см.: Приложение I, № 2), где он ссылается на то, что узнал о новом адресе Иванова — Таврическая, 25 — как раз от Чеботаревской 22 ноября 1908 г. Но не только оно. Есть и собственное свидетельство Айхенвальда о его длительном знакомстве с Чеботаревской, сделанное 20 лет спустя, в рецензии на изданную в Париже в 1928 г. книгу П.Я. Рысса «Портреты». Опровергая суждения Рысса о Чеботаревской и заодно о Гершензоне, Айхенвальд писал:

Вот он про Александру Чеботаревскую говорит, что она «карнально ощущала Бога; так же карнально страдала она за Россию»: это проверке не поддается — как проверить, карнальны ли ощущения и страдания... Но я, много лет близко знавший и очень уважавший А.Н. Чеботаревскую, могу не только проверить, но и категорически отвергнуть утверждение г. Рысса, будто она «изнывала в муке», когда у власти оказались большевики, будто «ее крупному уму, ее благородному сердцу было непеносимо зрелище дорвавшихся до власти отребьев».

О, нет! Покойная Александра Николаевна одобряла и принимала большевиков, хвалила их за то, что они — вспоминаю ее выражение — «взяли на себя одиум террора», и отребьями их не считала. Или невозможно без решительного протеста читать ту неправду, что Гершензон будто бы был «в полном смысле слова умучен большевиками». «Умучен»... да еще «в полном смысле слова»... На самом деле Гершензон был не умучен большевиками, а обласкан. Не только торжественные похороны устроили они ему, но и при жизни за ним всячески ухаживали. И — по заслугам: Гершензон был не большевик, конечно, но определенный большевизан. <...> Но уже не улыбаешься, когда дальше следует невозможный лубок и выдумка: будто на могиле Гершензона произнесла Чеботаревская страстную речь об ужасе большевизма, будто таким образом, «первые за семь лет в Москве громко прозвучало слово правды о большевиках», будто после этого Ал<ександра> Ник<олаевна> «вероятно, чувствовала, что больше нечего ей делать на поруганной земле», будто она, прежде чем броситься в реку, «благословляя, перекрестила на четыре стороны Москву» (кто это видел?)... [58, с. 1242].

Мы не будем сейчас задаваться вопросом — прав ли был Айхенвальд в своих оценках. Ему, занимавшему явно антибольшевистскую позицию, за которую он и был выслан из страны на «философском пароходе» осенью 1922 г., любые попытки диалога с властью могли казаться «большевизанством». О «большевизанстве» Гершензона в московских кругах говорили еще до Октябрьской революции. 1 октября 1917 г. Гершензон жаловался в письме жене: «...говорят, что Шестов, я и Белый вредны, так как питаем подлый и пагубный большевизм»²¹. Для нас примечательнее совмещение в одном пассаже обоих кандидатов в посредники и указание на многие годы близкого знакомства с Александрой Чеботаревской, длившегося вплоть до революционных времен.

«Пушкин» и другие книжные дары

Лаконичная открытка Айхенвальда от 23 ноября 1908 г. дает нам основание не только обосновать гипотезу об Александре Чеботаревской как посреднике между ним и Ивановым, но и задает более обширную тему: Пушкин, вклад обоих наших героев в пушкинистику и их общение с пушкинистами. В контексте нашей темы мы затронем только участие в издании собрания сочинений Пушкина, предпринятого С.А. Венгеровым в 1900-х гг. в серии «Библиотека великих писателей».

«<...> меня хлебом не корми, а заставь писать о нем... Пушкин, это для меня религия, и не только литературная...»²², — признавался Айхенвальд С.А. Венгерову в письме от 1 декабря 1907 г. Правда, он сознавал, что «историко-литературного и библиографического» о Пушкине дать не может, а «только разбор по эстетико-психологическому существу»²³. Однако культом Пушкина, присущим и Иванову, и Айхенвальду²⁴, тут дело не исчерпывается. Для второго тома венгеровского издания, вышедшего

²¹ Цит. по: [7, с. 37].

²² РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 99. Л. 9об.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 99. Л. 5.

²⁴ Об отношении Айхенвальда к поэзии Пушкина см.: [13].

в 1908 г., Ивановым был написан раздел о поэме «Цыганы» [44], а Айхенвальдом — о «Бахчисарайском фонтане» (для третьего тома (1909) он написал еще и о «Полтаве», но считал, что этот этюд «вышел значительно слабее»²⁵). Странно, но судя по письмам Ахенвальда, и он должен был С.А. Венгерову текст о «Цыганах» (если только этот заголовок не описка, сделанная критиком в спешке). Иванов сообщал С.А. Венгерову, что вышлет свой текст в конце сентября 1907 г.²⁶, а Айхенвальд из письма в письмо просил об отсрочке и выслал текст лишь 22 ноября 1907 г.²⁷ Айхенвальд обещал дать еще тексты о «Моцарте и Сальери» и о «Скупом рыцаре», но затем предпочел их поместить в переиздании своих «Силуэтов русских писателей», куда включил 15 этюдов о произведениях великого поэта²⁸.

В примечаниях к вышедшему в 2018 г. тому из Собрания сочинений Иванова фрагмент из айхенвальдовской открытки от 23 ноября 1908 г. уже был процитирован, но, к сожалению, с ошибочным комментарием: «Высылая Иванову *авторский второй том венгеровского Пушкина*, Ю.И. Айхенвальд (который написал для этого тома статью о «Бахчисарайском фонтане») в сопроводительном письме от 23 ноября 1908 г. писал: “Пользуюсь случаем, чтобы глубоко поблагодарить Вас за Вашу замечательную статью о Пушкине” (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 11. Л. 1)»²⁹ [42, с. 268]. Айхенвальду незачем было высылать «авторский второй том венгеровского Пушкина» — это задача была для С.А. Венгерова и его помощников. Айхенвальд высылал Иванову свою собственную небольшую книгу «Пушкин», изданную как раз в 1908 г. (ее он дарил в том же году Федору Сологубу, см. выше), в основу которой был положен очерк о Пушкине из первого вы-

²⁵ РО ИРАИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 99. Л. 12.

²⁶ Письмо Иванова к С.А. Венгерову в связи с подготовкой этого текста см.: [49, с. 93].

²⁷ См. письма к С.А. Венгерову от 12, 21 и 22 ноября 1907 г.: РО ИРАИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 99.

²⁸ См. письма к С.А. Венгерову от 13 августа 1908 г.: РО ИРАИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 99. Л. 19.

²⁹ Курсив наш. — Е.Т.-Г.

пуска первого издания 1906 г. айхенвальдовских «Силуэтов русских писателей», значительно переработанный для второго издания «Силуэтов» 1908 г.³⁰

В описи библиотеки Иванова, составленной на основе списков Иванова и Александры Чеботаревской, эту книгу мы находим в разделе, озаглавленном самим Ивановым «Книги для работы» [11, с. 313]. Но если публикатор не мог установить, какое имелось в виду издание: первое — 1908 г. или второе — 1916 г., то письмо Айхенвальда позволяет с большей долей уверенности утверждать, что это было именно первое издание, подаренное самим автором. Хотя, конечно, нельзя полностью исключить, что в ивановской библиотеке могло быть и второе издание 1916 г., исправленное и дополненное. Тем более что, судя по той же описи библиотеки Иванова, Айхенвальд дарил ему с дарственной и «Силуэты русских писателей», и свое теоретическое предисловие к их третьему изданию, вышедшее отдельной брошюрой в 1911 г. [11, с. 323–324].

Была ли подарена или приобретена самим Ивановым айхенвальдовская работа о Чехове, внесенная Ивановым в раздел «Книги не для постоянной работы» [11, с. 307], сказать сложно. Как предполагал публикатор описи, речь шла о брошюре 1905 г. «Чехов. Основные моменты его произведений». Эта брошюра — вариация доклада «Некоторые мотивы творчества Чехова», произнесенного Айхенвальдом в Обществе любителей российской словесности (ОЛРС) по случаю смерти Чехова на заседании памяти писателя 24 октября 1904 г. под председательством А.Н. Веселовского³¹. На основании этого доклада Айхенвальд подготовил статью «Чехов. Основные моменты его произведений», которой открывался сборник «Памяти А.П. Чехова» (1906), изданный по решению ОЛРС³² и включавший тексты М. Чехова, И. Бунина, М. Горького, А. Куприна, В. Ладыженского, А. Федорова [30]. Айхенвальд был членом редакционной коллегии сбор-

³⁰ См. предуведомление ко второму изданию: [28, [страница без пагинации]].

³¹ См.: [8, с. 256, 350].

³² См.: [8, с. 350].

ника вместе с А.Е. Грузинским и П.Н. Сакулиным [8, с. 350; 48, с. III]. Статья Айхенвальда вышла в 1905 г. отдельной брошюрой, предварив тем самым и выход сборника в 1906 г.

Что касается книги «Пушкин», то она была встречена в символистской печати скептически. В «Весах» о ней ядовито отозвался Борис Садовской, опубликовавший свой отклик под псевдонимом [40]. После выхода 2-го издания айхенвальдовского «Пушкина» свою лепту в развенчание автора внес и В.Ф. Ходасевич, опубликовав 9 ноября 1916 г. в газете «Русские ведомости» рецензию со значащим заглавием «Сахарный Пушкин» (за шесть лет до того, словно предвывая возможность подобного обвинения, Айхенвальд писал 23 июня 1910 г. Н.О. Лернеру: «...рахат-лукум во мне многие замечают, хотя *Крылов, Гоголь, Тургенев, Короленко, Островский, Достоевский, Брюсов*, казалось, должны были бы спасти меня от этого упрека...»³³). Академия наук, хотя и удостоила в 1909 г. выпуски 1 и 2 второго издания «Силуэтов русских писателей» «почетного Пушкинского отзыва» [38, с. 18], но сам отзыв рецензировавшего и уделившего большую часть своего внимания как раз обновленному «силуэту» Пушкина академика Н.П. Кондакова, ученика Ф.И. Буслаева, знатока византийского искусства, а также члена-учредителя «Русского собрания», был полон разного рода замечаний [38, с. 66–72]. Недаром С.А. Венгеров, когда писал энциклопедическую статью об Айхенвальде, словно оправдывался, подчеркивая, что благодаря особому пиетету перед Пушкиным критик красиво передал «“сладкое” очарование» «Бахчисарайского фонтана», смог сделать интересные замечания о «Скупом рыцаре» и «Моцарте и Сальери», хотя слабее охарактеризовал «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», т. е. произведения, где «главную роль играют быт и реальная действительность» [36]. Литературоведы и в дальнейшем ею обычно пренебрегали (кажется, исключая одного А.П. Скафтымова [17]). Тем более любопытно, что Иванов, напротив, счел книгу нужной ему именно для работы.

³³ РО РНБ. Ф. 430. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 3.

Ответный дар

Открытка Айхенвальда от 23 ноября 1908 г. свидетельствует и о прочтении им ивановской работы о «Цыганах», и о ее высокой оценке («замечательная статья»). Однако следов прямого воздействия ивановских идей из этой статьи в дополненном издании айхенвальдовского «Пушкина» 1916 г. не обнаруживается, в том числе в параграфе, специально посвященном «Цыганам». И это несмотря на то, что Иванов не остался в долгу перед своим корреспондентом и летом 1909 г. выслал ему в дар вышедший в его издательстве «Оры» том своих критических статей «По звездам», включавший и ивановский текст о пушкинских «Цыганах» из венгеровского собрания сочинений поэта. Об этом ответном даре мы знаем из благодарственной открытки Айхенвальда от 13 августа 1909 г. (см.: Приложение I, № 3). К сожалению, вряд ли когда-нибудь будет обнаружен сам этот том, а увидеть дарственный надпись на нем, безусловно, было бы интересно.

Факт этого дарения пунктирно запечатлелся в дневниковой записи Иванова за 15 августа 1909 г., где следом за пересказом снов о Лидии, впечатлений от письма Веры Шварсалон и присланных ею фотографий вдруг возникает фраза: «Айхенвальд благодарит за мою “ценную” книгу» [43, т. IV, с. 790]. С одной стороны, это точная цитата, с другой — кавычки вокруг «чужого» слова придают фразе слегка ироническую интонацию.

Был ли это только «ответный дар» или Иванов рассчитывал увидеть рецензию на свою книгу, трудно сказать. Айхенвальд, хотя и вынужден был покинуть в конце 1908 г. «Русскую мысль» (на освободившееся место сначала пришел Д.С. Мережковский, а с августа 1910 г. — Брюсов [35, с. 22–33]), активно публиковался на газетных страницах. Но писал ли он когда-либо об Иванове? Об этом на сегодняшний день не выявлено никаких данных.

Cherchez la femme или в сторону Шагала

Имеет смысл обратить внимание на адрес благодарственной открытки Айхенвальда. Как следует думать, книгу Ивано-

ва «По звездам» он получил летом в Можайске. Кажется, какая разница — где? Однако адрес Айхенвальда представляет определенный интерес потому, что позволяет предположить, что летом 1909 г. он или гостил, или снимал дачу у поэтессы Елизаветы Александровны Варженевской, которой адресовано стихотворение К.Д. Бальмонта «Е.А. Варженевской»³⁴. Она посещала субботы Г.Г. Бахмана, где встречалась с В.Я. Брюсовым³⁵, относившим ее к поэтам-романтикам бальмонтовской школы [51, с. 78].

Айхенвальд был не только известным критиком, что могло объяснять интерес к нему поэтесс, вроде Варженевской. Он был еще и преподавателем русской литературы в различных московских учебных заведениях, в том числе на Высших женских курсах, где его окружало немало талантливых слушательниц. Заговорить об этом приходится для того, чтобы прояснить эпизод с визитной карточкой Айхенвальда, вернее с написанной на ней и адресованной Иванову рекомендательной запиской (см.: Приложение I, № 4).

В рекомендательной записке, написанной в том же 1909 г., 28 октября, критик просил Иванова посодействовать в поисках заработка некоему Исидору Николаевичу Розенфельду. Эта рекомендация позволяет уточнить датировку записки Осипа Дымова с аналогичной просьбой — помочь Розенфельду найти заработок, адресованной Акиму Волинскому:

24 ноября
Многоуважаемый Аким Львович,
Быть может, Вы примите и захотите поговорить с молодым
философом И.Н. <sic> Розенфельдом.
Позволяю себе направить его к Вам.
Уважающий Вас
О. Дымов [16, с. 510].

³⁴ В недавней публикации В. Фишмана «Загадка одного посвящения» ошибочно определен адресат: якобы стихотворение посвящено покойной поэтессе Евдокии Варженевской [15], — тогда как автор была вполне живой и дарила свой сборник с автографами — сохранились экземпляры с дарственными надписями К.Р. (хранится в коллекции книг К.Р. в Пушкинском Доме) и графу С.С. Шереметьеву (в фонде РГБ).

³⁵ Фигурирует в его дневниковой записи за октябрь 1900 г., см.: [34, с. 92].

В обеих записках — и О.И. Дымова, и Айхенвальда — речь идет об Исааке Самуиловиче Розенфельде (1879–1978), сыне крупного витебского купца Шмуля-Неуха Розенфельда (1863–1923). Исидор Николаевич — это русифицированный вариант его имени. Учась в Бернском университете, он в 1905 г. женился на художнице-авангардистке С.И. Дымшиц, ставшей после развода с ним женой А.Н. Толстого³⁶. О.И. Дымов принимал самое активное участие в бракоразводном процессе Розенфельда с Дымшиц, поэтому его контакты с Розенфельдом не вызывают вопросов. При этом, судя по тому, что в письмах к О.И. Дымову начала 1910-х гг. Розенфельд называл его «единственным человеком, который оказывал мне услуги в литературн<ом> мире» [16, с. 511], данная Айхенвальдом рекомендация не сработала и Иванов Розенфельду никак в Петербурге не помог.

Но как возникла идея об Айхенвальде как посреднике, что могло связывать его и Розенфельда? Наиболее правдоподобная гипотеза такова: младшая сестра Розенфельда Белла Самойловна (1889–1944), ставшая в 1915 г. женой художника Марка Шагала, в 1907–1914 гг. училась на историко-философском факультете Московских высших женских курсов (в документах МВЖК она значится как Бася Неуховна Розенфельд). С весны 1908 г. по весну 1913 г. она прослушала лекции А.Н. Веселовского, М.Н. Розанова, П.Н. Сакулина, С.Ф. Фортунатова, Г.И. Челпанова, написав итоговое выпускное кандидатское сочинение на тему «Творчество Ф. Достоевского». Но для нас примечательно, что она занималась и в семинаре «Обзор русской литературы XIX–XX вв.» Айхенвальда [19]. Это дает основания предположить, что рекомендательная записка Айхенвальда к Иванову была написана по просьбе учившейся у Айхенвальда сестры Исаака Розенфельда.

Сложнее объяснить другое: почему Айхенвальд решил просить именно Иванова? И только ли на общий интерес к философии он рассчитывал. Возможно, он или Розенфельд слышали об ивановском филосемитстве? Но это тоже пока только гипотеза.

³⁶ См. его автобиографию в публикации: [16, с. 505].

Письма Ю.И. Айхенвальда к Вяч. Иванову*

№ 1

[Телеграмма, написанная карандашом]

Телеграф	Телеграмма
В Почт. Тел. Отд. Смольный просп<ект>, 2/3.	П<етер>б<ур>г Таврич<еская> 25 Вячеславу Иванову

Из: Москвы

№ 347319

Принята 23/X 1907 г.	Счет слов 22	Подана 23-го 12 ч. пополу-д<ни>
От № 6 1/3		

Больно поражен скорбной вестью¹<.> [В] глубокой работе ва-
шего духа да найдете в себе возможное целение = Айхенвальд

¹ 17 октября 1907 г. в Загорье скончалась Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Видимо, именно к 23 октября эта весть дошла до московских литераторов, т. к. и соболезнующее послание Брюсова к Иванову датировано также 23 октября 1907 г., см.: [50, с. 507].

* НИОР РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 11. После произведенной мною оплаты за сканирование писем они были вывешены РО РГБ в интернете и теперь доступны на сайте Национальной электронной библиотеки: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011165669?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 05.02.2024).

№ 2

[Открытое письмо]

[Штемпели:] Москва 23.11.08

С.Петербург 24.XI.08

С<анкт->Петербург

Таврическая, 25

ЕВР¹ Вячеславу Ивановичу

Иванову

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Я только вчера узнал от А.Н. Чеботаревской² Ваш адрес. Раньше не знал и оттого не посылал Вам своего «Пушкина»³. На днях Вы его получите⁴.

Пользуюсь случаем, чтобы глубоко поблагодарить Вас за Вашу замечательную статью о «Цыганах»⁵.

Всего лучшего!

Жму Вашу руку

Преданный Вам

Ю.И. Айхенвальд

XI/23 <1>908

Москва

¹ Его высокородию — до 1917 г. титулование гражданских чиновников пятого класса (статских советников).

² Речь идет об Александре Николаевне Чеботаревской (1869–1925), многолетнем друге Вяч. Иванова, ее переводы и статьи Айхенвальд публиковал в бытность свою заведующим беллетристического отдела журнала «Русская мысль» с января 1907 г. по ноябрь 1908 г.

³ Речь идет о первом издании книги Айхенвальда «Пушкин» 1908 г. [27].

⁴ Книга упомянута в описи библиотеки Иванова, см.: Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вячеслава Иванова [11, с. 313].

⁵ Речь идет о публикации статьи Иванова «Цыганы» во втором томе венгеровского издания сочинений Пушкина 1908 г. [44].

№ 3

[Открытое письмо]

[Штемпели:] Можайск 13.08.09

С.Петербург 15.08.09

СПetersбург

Таврическая, 25

ЕВР

Вячеславу Ивановичу Иванову

От Ю.И. Айхенвальда, Можайск, имение Ильинское¹

Только сегодня дошла ко мне в деревню Ваша, глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, ценная книга².

Я не уверен, что пишу Вам по надлежащему адресу; но если эти строки все же дойдут до Вас, примите мою искреннюю сердечную благодарность за память и внимание.

Душевно преданный Вам

Ю.И. Айхенвальд

12/VIII <1>909

¹ Усадьба Ильинское, 7 км от г. Можайска (Можайский уезд), основана в 1674 г. стольником А.П. Савёловым, в середине XIX в. владела штабс-ротмистрша А.Н. Бове и затем ее наследники, с конца столетия — дворяне Варженевские, в 1911 г. — А.Г. и С.Г. Варженевские и до 1917 г. их семья. Около 1920 г. из усадьбы были вывезены библиотека и художественные ценности. Сохранился большой пейзажный парк с прудами. (См.: URL: <https://uvarovka.ru/prostory.html?id=110>; дата обращения: 05.02.2024).

² Речь идет о сборнике статей Иванова «По Звездам: Статьи и афоризмы» 1909 г. [41]. Это тем более вероятно, что в сборник вошла ивановская статья «О “Цыганах” Пушкина», высоко оцененная Айхенвальдом в письме от 23 ноября 1908 г. Иванов получил первые 22 экземпляра книги из типографии 21 июля 1909 г., а полностью тираж был отпечатан в конце июля 1909 г., см: [12, с. 43].

№ 4

[Визитная карточка]

Юлий Исаевич
Айхенвальд.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Позвольте просить Вашего доброго внимания к подателю этой карточки, Исидору Николаевичу Розенфельду, доктору философии Бернского университета¹. Может быть, Вас заинтересуют его философские работы² и Вы не откажетесь авторитетом своим поддержать его [вычеркнуты 3 слова. — *Е.Т.-Г.*] старание найти какие-нибудь занятия и заработок.

Искренне Вам преданный

Ю.И. Айхенвальд

28/X <1>909

¹ Розенфельд Исидор Николаевич — русифицированный вариант имени Исаака Самуиловича Розенфельда (1879–1978), сына крупного витебского купца Шмуля-Неуха Розенфельда (1863–1923). В 1902/1903 г. был вольнослушателем в Киевском университете, затем слушал в Гисенском университете лекции по философии у Германа Зибекa, в 1904–1906 гг. в Бернском университете. История семьи Розенфельдов описана в воспоминаниях его племянника математика Бориса Абрамовича Розенфельда (1917–2008) «Пространства, времена, симметрии. Воспоминания и мысли геометра», см.: [55].

² В это время И.С. Розенфельд больше всего интересовался творчеством французского философа Анри Бергсона.

**Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец. Рассказы.
Книгоиздательство «Оры». СПб., 1907 г.¹**

Было бы глубоко жаль, если бы та молва экзотичности, которая окружает² издательство «Оры»³, отвлекла внимание читателей от этой книги⁴, принадлежащей перу безвременно скончавшегося автора. Она представляет собою воспоминания детства и отрочества, — но не в той наивности и чистоте, которые придают очарование неблекнувшим страницам Толстого, а преломившиеся через странную, изломанную, не совсем искреннюю душу современной женщины. Правда, сплетение детского и взрослого не порождает здесь эффектов двойственности, потому что и в детстве своем героиня Аннибал⁵ уже далеко уклонялась от психологической нормы, и перед нами вырисовывается такой ребенок, который определенно сулил в будущем и много трагичности, и много зверинца. Несомненно, иное из прошлого освещено у автора светом теперешнего и, так сказать, стилизовано; отдельные порывы и настроения ранних лет поняты или мнимо поняты как специфические мотивы нынешней больной утонченности, и от этого несколько страдает перспектива, и от этого даже изложение, вообще увлекательное, иногда делается искусственным, так что возникает впечатление, будто автор чувствовал, думал и писал перед зеркалом, — но в общем есть несомненная гармония и единство между маленьким объектом и взрослым субъектом поздних воспоминаний; перед нами — одна личность. И надо сказать, что она в высшей степени интересна и в том, чем отличается от других, и в том, чем на них похожа. Взятые вместе, страницы Аннибал дают художественный слепок с души бурной и буйной, но в то же время таящей в себе глубокую способность к умирению и чистой радости. Эта задорная дикарка, которая от молодых ногтей никак не хочет примириться с «ручной, складной жизнью» и ломает ее, где только можно и где нельзя, этот человеческий зверок, не любящий города, где нет земли, сообщает о своих подвигах, о своем зверином вое, та-

ким образом, что дает не только очень ценный и тонкий материал педагогу, но и раскрывает общие очертания духа⁶. Например, в прелестном рассказе «Журя» мы узнаем, как маленькая героиня, любительница животных, которых она много и убила на своем веку, — как она ласкала⁷ маленького журавля, милого Журю, но однажды забыла принести ему воды: он потянулся за нею в глубокую и узкую кадку и утонул. Девочка была в безумном отчаянии, и незамолимый грех перестал угнетать ее только гораздо позднее, в пасхальную ночь, когда пахло смолой весенней и каждое дерево было «фиал невероятных, волшебных благовоений», когда воскрес Христос и с Ним все, что умерло и похоронено в сердце. «Ты жив, Журенька, ты у Христа. Мы встретимся там. Простил ли ты свою глупую, слабую, забывчивую подружку? Она другая. Она сильнее смерти⁸. Сильнее жизни. Она сегодня *вся*, и ты сегодня *весь*... И будешь ты *весь*, мой Журенька глупенький, перед Христом стоять со мною, и наглядимся мы тогда оба с тобою в прощенные глаза». Так незаметная деталь жизни разрастается в глубокомысленный символ, и от малого до мирового — один шаг. Когда во время охоты «в осеннюю, деловитую свежесть» погожего дня девочка видит волка, у которого проткнули вилами⁹ бок, и она симпатически разделяет эту невыносимую¹⁰ боль, этот «безнадежный, остановившийся ужас», она начинает понимать, что все живое на свете пожирает друг друга, что весь мир — сплошной «трагический зверинец». Возникают первые сомнения, мучительные вопросы, и эта недоумевающая девочка перед развертывающейся панорамой зла и крови является живую миниатюру той вечной драмы, в которой действуют спрашивающее человечество и не отвечающий Бог.

Но и любовь участвует в зрелище мира, и она, в воспоминаниях Зиновьевой-Аннибал¹¹, представлена в чудном образе матери с синими глазами. Эта мать с тоскою называет своих детей «коротенькими» (больно ей видеть, как уплывает мимолетное детство); она больна, прикована к креслу и, может быть, под властью разрушающегося организма, скоро станет «глупенькой». «Но ты будешь помнить другую маму, Верочка?» Эта другая, пока еще¹² не глупенькая мама дает своей дочке трогательно выражен-

ную заповедь большой, свободной любви. И так прекрасно говорит наш автор об этом завещании матери. «Теперь я взрослая, и жизнь моя, крещеная болью, виною, упоением счастья и горькими разлуками, выявила те тускло-далекие слова из памяти... Есть такие картинки для детей — я любила их ребенком, — волшебные картинки: бумажка, тусклая, и ничего под той тусклостью мерцающего не разберешь; в воду окунешь, к тетрадке приложишь, рукою сверху потрешь и снимешь, — изведены из той волшебной сокровенности нежные и яркие цветы».

Среди дурных наклонностей этой извращенной, чрезмерно любопытной детской души было и воровство, сначала направленное на коробку конфет, а потом более злое и бессердечное. Увещания, наказания не помогали, и когда ее однажды заперли в комнату отца, чтобы она предалась там покаянной думе, маленькая преступница занялась другим, — вынула из стола табакерку с нюхательным табаком, и вот: «Стою и чихаю. Стою и чихаю. И как чихну, так подпрыгну на цыпочках. И мне весело». Однако Верочке, любившей чужое, ей, дочери помещиков, рано открылась социальная неправда, хроническое воровство богатых у бедных, и мучительным стыдом ударила ее сердце. Но произошло это как бы в сказке, в сплетении реального и фантастического, и голодная крестьянская девочка Таня, сидящая около голодной крестьянской лошади, встретила нашей героине тогда, когда последняя¹³ скакала по лесу, воображая себя не то кочевой царевной, не то царевной-кентавром. И это не Вера утащила для Тани ржаную краюху из кухни, — это именно сказочный кентавр ворвался в таинственный дворец, чтобы отвоевать пропитание для своего стана. И потом сидели рядом Вера и Таня, ели хлеб и целовались, пока не пришел отец Тани¹⁴, тоже голодный мужик, и не стал бросать «грязнящих, проклинающих слов» на голову царевны и ее слишком реальных для него родных...

Но она не только кентавром, она и морским камушком воображала себя, эта дико-поэтическая девочка, и сливала себя в одно с природой. Слезы ее — соленые, и соленая вода в море, и море плачет: может быть, оно все — слезы, «слезы камней, и паучков, и крабов, и мои, слезы земли?»

Богата содержанием и настроениями, поэзией и действительностью, эта высокоталантливая¹⁵ книжка, раскрывающая самые потаенные, иногда стыдные уголки необузданного детского сердца, и если она не вся обязательна, если героиня порою не просто блуждала по лесу жизненных отношений, а, как она характерно говорит по другому случаю, «*нарочно* заблудилась», то все же многое в этой исповеди затрагивает в каждом из нас родственные, созвучные струны.

¹ Впервые: Русская мысль. 1907. № 8, отд. II. С. 147–149, подпись «Ю.А.». Прижизненная перепечатка: [25, с. 173–177]. Тексты отличаются незначительной стилистической правкой (см. ниже), начиная с заглавия, в «Русской мысли» (далее — «РМ»): «Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец. Рассказы. Издательство “Оры”. СПб., 1907 г. Ц. 1 р.»

² В «РМ»: «справедливо окружает».

³ Издательство «Оры» организуется Вяч. Ивановым в конце 1906 г. Говоря о «молве экзотичности, которая окружает издательство “Оры”», Ю.И. Айхенвальд имеет в виду скандал, разгоревшийся из-за наложения в январе 1907 г. цензурного ареста на книги Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода».

⁴ В «РМ»: «от этой замечательной книги».

⁵ В «РМ» здесь и далее «г-жи Аннибал», так как рецензия писалась на книгу живого автора.

⁶ В «РМ»: «перспективы духа».

⁷ В «РМ»: «приголубила».

⁸ В «РМ»: «Она другая. Сегодня, вот сейчас, она другая. Она сильнее смерти».

⁹ В «РМ»: «вилкою».

¹⁰ В «РМ»: «несносную».

¹¹ В «РМ»: «в воспоминаниях г-жи Аннибал».

¹² В «РМ»: «другая, еще».

¹³ В «РМ»: «она».

¹⁴ В «РМ»: «отец последней».

¹⁵ В «РМ»: «эта талантливая книжка».

Список литературы

Исследования

1. Библиография Федора Сологуба: Стихотворения. 1884–1927 / сост. Т.В. Мисникевич, под ред. М.М. Павловой. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 351 с.
2. Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 286 с.
3. Богомолов Н.А. Как делаются воспоминания // Новый мир. 2017. № 7. С. 168–185.
4. Бусыгина Е.А. Вяч. Иванов и круг молодых петербургских литераторов в 1900-е годы: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 267 с.
5. Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 50 с.
6. Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 228 с.
7. Глухова Е.В. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925) // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 27–104. (Collana di Europa Orientalis)
8. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. 624 с.
9. Котрелев Н.В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Котрелев Н.В. За 50 лет: избранные труды: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Кн. 1. С. 394–483.
10. Лубянникова Е.И. Парижский эпизод: О свадьбе А.К. Герцык и Д.Е. Жуковского // «Серебряный век в Крыму»: взгляд из XXI столетия: Материалы Десятых Герцыковских чтений в г. Судак (5–8 июня 2017 года) / сост. Т.Н. Жуковская. М.; Симферополь: Н. Орианда, 2019. С. 77–125.
11. Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII международная конференция. Europa Orientalis. 2002. Т. XXI (2). С. 261–343.

12. *Обатнин Г.В., Соболев А.А.* История работы Вячеслава Иванова над сборником «По Звездам» // *Иванов Вяч.И.* По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: в 2 кн. / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Кн. II: Примечания. С. 32–64.
13. *Тахо-Годи Е.А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 3. С. 171–189.
14. *Тахо-Годи Е.А.* Философский фон литературной критики: случай Ю.И. Айхенвальда // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые имена): коллективная монография к юбилею профессора М.В. Михайловой / под ред. Л.А. Колобаевой, С.И. Кормилова, А.В. Назаровой, сост. А.В. Назарова. М.: Common Place, 2021. С. 428–442.
15. *Фишман В.* Загадка одного посвящения // Плавающий мост. 2021. № 2. URL: <https://журнальныймир.рф/content/zagadka-odnogo-posvyashcheniya> (дата обращения: 05.02.2024).
16. *Хазан В.И.* Вокруг Осипа Дымова. I. Осип Дымов, Алексей Толстой и Исаак Розенфельд // Россия и Запад: сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского / сост. М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 502–513.
17. *Хвостова О.А.* Книга Ю.И. Айхенвальда «Пушкин» из библиотеки А.П. Скафтымова (Подчеркивания и пометы на полях) // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. / под ред. Т.Д. Беловой, А.А. Фокеева. Саратов: Саратовский источник, 2017. Вып. 7. С. 227–232.
18. *Шаталина Н.Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Незданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 435–521.
19. *Шишанов В.* «Желая поступить...» (Документы об учебе Беллы Розенфельд на Московских высших женских курсах) // Шагаловский сборник. Вып. 3. Материалы X–XIV Шагаловских чтений в Витебске (2000–2004). Минск: Рифтур, 2008. С. 176–182.

Источники

20. Айхенвальд // *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): [в 6 т.]. СПб.: Семеновская Тип-лит. (И. Ефрона), 1904. Т. 6. С. 313–314.

21. *Айхенвальд Ю.И.* Литературные заметки // Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): сб. статей: в 2 кн. Кн. II: 1926–1928 / сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. С. 915–918.
22. *Айхенвальд Ю.И.* О Ницше // *Айхенвальд Ю.И.* Отдельные страницы. Сб. педагогических, философских и литературных статей: в 2 ч. М.: Книгоизд-во «Заря», 1910. Ч. 2. С. 67–74.
23. *Айхенвальд Ю.И.* О Ницше // Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): сб. статей: в 2 кн. Кн. I: 1922–1925 / сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. С. 524–527.
24. *Айхенвальд Ю.И.* О чернильнице // Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): сб. статей: в 2 кн. Кн. II: 1926–1928 / сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. С. 1054–1057.
25. *Айхенвальд Ю.И.* Отдельные страницы. Сб. педагогических, философских и литературных статей: в 2 ч. М.: Книгоизд-во «Заря», 1910. Ч. 2. 215 с.
26. *Айхенвальд Ю.И.* Очерк этических воззрений Н.Я. Грота // Вопросы философии и психологии. 1900. № 51. С. 61–73.
27. *Айхенвальд Ю.И.* Пушкин. М.: Тип-лит. Т-ва И.Н. Кушнарев и К°, 1908. 142 с.
28. *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. 2-е изд. М.: Изд. «Научного слова», 1908. Вып. 1. 371 с.
29. *Айхенвальд Ю.И.* Ф. Сологуб. Мелкий бес // Русская мысль. 1907. Отд. III, № 9. С. 170–172.
30. *Айхенвальд Ю.И.* Чехов. Основные моменты его произведений // Памяти А.П. Чехова. М.: О-во любителей российской словесности, 1906. С. 3–40.
31. *Айхенвальд Ю.И.* Чехов и Соловьев. «Дай, оглянусь». (Страница воспоминаний) // Сегодня. 1923. № 279. 14 декабря. С. 2.
32. *Айхенвальд Ю.И.* A. Riehl. Ein Essay. Friedrich Nietzsche der Künstler und der Denker. Stuttgart, 1897 // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 39. С. 697–701.
33. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. Том 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мамстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 744 с.
34. *Брюсов В.Я.* Дневники: 1891–1910. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. 203 с.

35. Валерий Брюсов и Петр Струве: Переписка. 1906–1916 / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова. СПб.: Нестор-История, 2021. 616 с.
36. Венгеров С.А. Юлий Исаевич Айхенвальд // Новый энциклопедический словарь / [под общ. ред. К.К. Арсеньева]. СПб.: Тип. Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», [1911]. Т. 1. С. 608.
37. Витторов Д.В. Памяти Н.Я. Грота, как профессора // Вопросы философии и психологии. 1900. № 51. С. 48–60.
38. Восемнадцатое присуждение премий имени А.С. Пушкина 1909 года // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1912. Т. 89, № 6. С. 1–125. (разд. pag.)
39. Гершензон М.О. Избранное / сост. С.Я. Левит. М.; Иерусалим: Унив. книга; Gesharim, 2000. Т. IV: Тройственный образ совершенства. 638 с.
40. Голов [Садовской Б.] Ю. Айхенвальд. Пушкин. Москва. 1908 // Весы. Ежемесячник искусства и литературы. 1909. № 7. С. 93–94.
41. Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. 438 с.
42. Иванов Вяч. По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. / отв. ред. К.А. Кумпан // Иванов Вяч. Собр. соч. СПб: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Кн. II: Примечания. 672 с.
43. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
44. Иванов Вяч. Цыганы // Пушкин / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. 2. С. 225–240.
45. <Из воспоминаний В.Ф. Саводника> // Поэзия Московского университета: [сайт]. URL: <https://poesis.ru/poeti-poezia/savodnik/univers.htm> (дата обращения: 05.02.2024).
46. Lucas_v_leyden [Соболев А.А.]. «Тридцать три урода» перед судом цензуры. Начало // LiveJournal: платформа для ведения блогов и развития сообществ. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/172154.html> (дата обращения: 05.02.2024).
47. Сестры Герцык. Письма / сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. 760 с.
48. Памяти А.П. Чехова. М.: О-во любителей российской словесности, 1906. 183 с.
49. Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. С. 72–100.

50. Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 428–545.
51. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896 гг. (К истории раннего символизма). М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. 81 с.
52. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 72–100.
53. Письма к петербургским и московским литераторам / публ. Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина, К.Н. Суворовой и Н.А. Трифонова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т.85: Валерий Брюсов. С. 662–710.
54. Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым> / предисл. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 762–763.
55. Розенфельд Б.А. Пространства, времена, симметрии. Воспоминания и мысли геометра // Электронная библиотека litresp.ru. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/rozenfeljd-boris-abramovich/prostranstva-vremena-simmetrii-vospominaniya-i-misli-geometra> (дата обращения: 05.02.2024).
56. Ю.А. [Айхенвальд Ю.И.]. [Рец.:] Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец. Рассказы. Издательство «Оры». СПб., 1907 г. Ц. 1 р. // Русская мысль. 1907. Отд. II, № 8. С. 147–149.
57. Ю.А. [Айхенвальд Ю.И.]. [Рец.:] Мультатули. Повести, сказки, легенды. Перевод и вступительная статья Александры Чеботаревской. СПб., 1907 г. Книгоизд-во «Дело» // Русская мысль. 1907. № 2. С. 33–34. (разд. паг.)
58. Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): сб. статей: в 2 кн. Книга II: 1926–1928 / сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. С. 743–1419.

References

1. Pavlova, M.M., editor. *Bibliografiia Fedora Sologuba: Stikhotvoreniia. 1884–1927* [*Bibliography of Fyodor Sologub: Poems. 1884–1927*], comp. T.V. Misnikevich. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2004. 351 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi — Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)

3. Bogomolov, N.A. "Kak delaiutsia vospominaniia" ["How Memories are made"]. *Novyi mir*, no. 7, 2017, pp. 168–185. (In Russ.)
4. Busygina, E.A. *Viach. Ivanov i krug molodykh peterburgskikh literatorov v 1900-e gody: dis. ... kand. filol. nauk* [Vyach. Ivanov and the Circle of Young St. Petersburg Writers in the 1900s: PhD Dissertation]. Kirov, 2013. 267 p. (In Russ.)
5. Gaponenkov, A.A. *Zhurnal "Russkaia Mysl'" 1907–1918 gg. Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The magazine "Russian Thought" in 1907–1918. Editorial program, literary and philosophical context: PhD Thesis, Summary]. Saratov, 2004. 50 p. (In Russ.)
6. Gaponenkov, A.A. *Zhurnal "Russkaia Mysl'" 1907–1918 gg. Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst* [The Magazine "Russian Thought" in 1907–1918. Editorial Program, Literary and Philosophical Context]. Saratov, Saratov University Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)
7. Glukhova, E.V. "Strannoe sushchestvo chelovek, zagadochnnee koshi": perepiska M.O. Gershenzona s V.I. Ivanovym (1909–1925)" ["A Strange Being is a Man, more Mysterious than a Cat": Correspondence between M.O. Gershenson and V.I. Ivanov (1909–1925)"]. Rizzi, Daniela, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv III* [Russian-Italian Archive III] = *Archivio russo-italiano III*. Salerno, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001, pp. 27–104. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)
8. Kleimenova, R.N. *Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti. 1811–1930* [The Society of Lovers of Russian Literature. 1811–1930]. Moscow, Academia Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
9. Kotrelev, N.V. "Perevodnaia literatura v deiatel'nosti izdatel'stva 'Skorpion.'" ["Translated literature in the activities of the publishing house 'Scorpion.'"]. Kotrelev, N.V. *Za 50 let: izbrannye trudy: v 2 kn.* [For 50 Years: Selected Works: in 2 books], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 394–483. (In Russ.)
10. Lubiannikova, E.I. "Parizhskii epizod: O svad'be A.K. Gertsy i D.E. Zhukovskogo" ["The Paris Episode: About the Wedding of A.K. Hertyk and D.E. Zhukovsky"]. 'Serebrianyi vek v Krymu': *vzgliad iz XXI stoletia: Materialy Desiatykh Gertsykovskikh chtenii v g. Sudake (5–8 iunია 2017 goda)* [The Silver Age in Crimea: a Look from the 21st Century: Materials of the Tenth Hertyk Readings in Sudak (June 5–8, 2017)], comp. T.N. Zhukovskaia. Moscow, Simferopol, N. Orianda Publ., 2019, pp. 77–125. (In Russ.)

11. Obatnin, G.V. "Materialy k opisaniiu biblioteki Viach. Ivanova" ["Materials for the Description of Vyacheslav Ivanov's Library"]. *Viacheslav Ivanov: mezhdru Sv. Pisaniem i poeziei: VIII mezhdunarodnaia konferentsiia* [Vyacheslav Ivanov: between Writings of the Saints and Poetry: The VIII International Conference]. Europa Orientalis, vol. XXI (2), 2002, pp. 261–343. (In Russ.)
12. Obatnin, G.V., Sobolev, A.L. "Istoriia raboty Viacheslava Ivanova nad sbornikom 'Po Zvezdam'" ["The History of Vyacheslav Ivanov's Work on the Collection 'By the Stars'"]. Kumpan, K.A., editor. *Ivanov Viach.I. Po Zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy: v 2 kn.* [Ivanov Vyach.I. By the Stars. The Experiments are Philosophical, Aesthetic and Critical. Articles and Aphorisms: in 2 books], book II: Primechaniia [Notes]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. pp. 32–64. (In Russ.)
13. Takho-Godi, E.A. "Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Iu.I. Aikhenval'da" ["Pushkin in the Philosophical and Aesthetic System of Yu.I. Eichenwald"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 3, 2020, pp. 171–189. (In Russ.)
14. Takho-Godi, E.A. "Filosofskii fon literaturnoi kritiki: sluchai Iu.I. Aikhenval'da" ["The Philosophical Background of Literary Criticism: the Case of Yu.I. Aichenwald"]. Kolobaeva, L.A., Kormilov, S.I., and A.V. Nazarova, editors. *Pisateli i kritiki pervoi poloviny XX veka: predshestvenniki, nasledovateli (nezabytye i zabytye imena): kollektivnaia monografiia k iubiliu professora M.V. Mikhailovoi* [Writers and Critics of the First Half of the Twentieth Century: Predecessors, Followers (Unforgotten and Forgotten Names): a Collective Monograph for the Anniversary of Professor M.V. Mikhailova], comp. A.V. Nazarova. Moscow, Common Place Publ., 2021, pp. 428–442. (In Russ.)
15. Fishman, V. "Zagadka odnogo posviashcheniia" ["The Riddle of one Initiation"]. *Plavuchii most*, no. 2, 2021. Available at: <https://zhurnal'nyimir.rf/content/zagadka-odnogo-posvyashcheniya> (Accessed 5 February 2024). (In Russ.)
16. Khazan, V.I. "Vokrug Osipa Dymova. I. Osip Dymov, Aleksei Tolstoi i Isaak Rozenfel'd" ["Around Osip Dymov. I. Osip Dymov, Alexey Tolstoy and Isaac Rosenfeld"]. *Rossiia i Zapad: sbornik statei v chest' 70-letiiia K.M. Azadovskogo* [Russia and the West: a Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of K.M. Azadovskii], comp. M. Bezrodnyi, N. Bogomolov, A. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 502–513. (In Russ.)

17. Khvostova, O.A. "Kniga Iu.I. Aikhenval'da 'Pushkin' iz biblioteki A.P. Skaftymova (Podcherkivaniia i pomety na poliakh)" ["Yu.I. Aikhenvald's Book 'Pushkin' from the Library of A.P. Skaftymov (Underscores and Markings in the Margins)"]. Belova, T.D., and A.L. Fokeeva, editors. *Mezhdistsiplinarnye sviazi pri izuchenii literatury: sbornik nauchnykh trudov* [Interdisciplinary Connections in the Study of Literature: a Collection of Scientific Papers], issue 7. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2017, pp. 227–232. (In Russ.)
18. Shatalina, N.N. "Biblioteka F. Sologuba (Materialy k opisaniiu)" ["The Library of F. Sologub (Materials for the Description)"]. Pavlova, M.M., and A.V. Lavrov, editors. *Neizdannyi Fedor Sologub* [Unpublished Fedor Sologub]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 435–521. (In Russ.)
19. Shishanov, V. "'Zhelaia postupit...' (Dokumenty ob uchebe Belly Rozenfel'd na Moskovskikh vysshikh zhenskikh kursakh)" ["'Wishing to enroll...' (Documents on Bella Rosenfeld's studies at the Moscow Higher Women's courses)"]. *Shagalovskii sbornik. Vyp. 3. Materialy X–XIV Shagalovskikh chtenii v Vitebske (2000–2004)* [Chagall Collection. Issue 3. Materials of the X–XIV Chagall Readings in Vitebsk (2000–2004)]. Minsk, Riftur Publ., 2008, pp. 176–182. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

<https://elibrary.ru/NVFSEC>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2024 г. В. Рудич

СОКРАТ В БАКУ: ПРОЛЕГОМЕНА К ПЕДАГОГИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Аннотация: В статье впервые публикуется письмо Вяч. Иванова к его бывшей студентке Нине Александровне Гуляевой, написанное на древнегреческом языке (1925 г.). Установление адресата и комментарий к письму потребовали обращения к обширной и, по большей части, неопубликованной, переписке с ним его оставшихся в Баку учеников, в первую очередь В.А. Мануйлова, Е.А. Миллиор, К.М. Колобовой и М.С. Альтмана. Этот материал дает возможность глубже очертить значение бакинского периода (1920–1924) в душевной и творческой биографии Вяч. Иванова, особенности его преподавательской активности как профессора по кафедре классической филологии Бакинского государственного университета. Его педагогическая практика не была ограничена лекциями и семинарами, но подразумевала интенсивное общение со студентами вне учебного процесса и во многом отражает эллинское учение о воспитании (παιδεία), предполагавшее целостное и личностное вовлечение обеих сторон в образовательное действие. Доступная документация (письма, дневниковые записи, воспоминания) позволяет реконструировать отношения профессора и его студентов. Проведено сопоставление сходства и различия, характерных как для сократо-платоновской дидактики, так и для наставнических приемов (а также стили поведения) Вяч. Иванова, в том числе, при трансляции отвлеченных философских понятий (включая «философию эроса») в практические рекомендации из области этики. И в том, и в другом случаях целью служило формирование суверенной личности, способной к подлинной любви, осознанию высокого назначения человека за пределами эмпирического опыта и социально конструктивной — античной или новейшей — версии «калокагатии».

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Сократ, Платон, платонизм, педагогика, этика, пайдэя, калокагатия, трансцензус, эрос.

Информация об авторе: Василий Рудич — доктор философии, в 1984–1995 гг. профессор античной истории и классической литературы в Йельском

университете, Йорк-стрит, 100, апартаменты 11М, Нью Хейвен, Коннектикут 06511, США.

E-mail: vasily.rudich@gmail.com

Для цитирования: Рудич В. Сократ в Баку: Прологомена к педагогике Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 228–338. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

© 2024. Vasily Rudich

SOCRATES IN BAKU: PROLEGOMENA TO THE PEDAGOGIC OF VYACHESLAV IVANOV

Abstract: The essay opens with the first publication of Vyacheslav Ivanov's letter of 1925, written in ancient Greek at Rome, and addressed to his former student in Baku, Nina Aleksandrovna Guliaeva. In order to identify the addressee and comment on the letter's contents, it was imperative to inquire into extensive, and largely unpublished, correspondence with him on the part of his former students left in Baku, primarily, V.A. Manuilov, E.A. Millior, K.M. Kolobova and M.S. Altman. This material allows for a deeper exposition of the important role the Baku period (1920–1924) played in his creative and spiritual biography, and likewise — regarding the specifics of his academic activities as Professor of Classical Philology at Baku State University. It becomes clear that his pedagogical practice had not been limited to his lectures, and seminars, but it comprised an intense communication, outside the classroom, with individual students, variously reflecting the so-called *paideia* (παιδεία), the Hellenic concept of edification, which implied the wholesome and personal involvement on both sides in educational action. The available documentation (letters, diaries, recollections) permits a reconstruction of the relationship between the Professor and his students as well as juxtaposition of similarities and differences, explicit in the Socratic-Platonic didacticism and/or in Vyacheslav Ivanov's teaching methods (as well as his personal style of conduct) — especially, the translation of abstract philosophical ideas (among them, “the philosophy of eros”) into practical precepts in the realm of ethics. In both cases it aimed at the formation of a sovereign personality: endowed with capacity for authentic love, with the recognition of the human destination in transcending the empirical, and socially constructive — an ancient or the latest version of “*kalokagathia*”.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Socrates, Plato, Platonism, pedagogics, ethics, *kalokagathia*, *paideia*, *transcensus*, eros.

Information about the author: Vasily Rudich, PhD, in 1984–1995 Professor of Ancient History and Classics at Yale University, 100 York St. Apt. 11M, New Haven, Ct. 06511, USA.

E-mail: vasily.rudich@gmail.com

For citation: *Rudich, V. "Socrates in Baku: Prolegomena to the Pedagogic of Vyacheslav Ivanov." Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i Materialy [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 228–338. (In Russ.)*
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-228-338>

I

В мае 1925 г. Вяч. Иванов написал письмо на древнегреческом языке своей бывшей бакинской студентке Нине Александровне Гуляевой (1898–1980).

Дражайшая содружница моя, — содружеством¹ я именую таковое влюбленных в древнюю Элладу — как обстоят Ваши² дела, в чем прекрасном ныне упражняетесь? Я же либо предавался размышлениям о божественном и занимался среди римлян словопрением (горькое это и трудное дело)³, либо отдавался созерцанию искусства⁴, целиком достойного подражания и исполненного Граций⁵, либо так или иначе посвящал мой досуг Музам в городе Муз итальянских и неколебимо усердствовал касательно эллинских дел.

¹ Θιάσος, *thias* — термин, изначально означавший экстатическую процессию женщин-вакханок. В.И., разумеется, не предполагал участия своей корреспондентки в оргийной вакханалии и соответственно разъяснил, в каком именно смысле он употребляет это слово.

² В древнегреческом языке отсутствует вежливое обращение на «Вы», поэтому В.И. был вынужден использовать местоименные и глагольные формы 2 л. ед. ч. Обращение на «ты» к студентам, тем более к молодой женщине, не допускалось; в этих случаях данный перевод следует нормативной русской речи.

³ Здесь, очевидно, имеются в виду безуспешные хлопоты В.И. по созданию Русского Института в Риме — официальная цель его «командировки».

⁴ В оригинале — «живописал», «рисовал». Насколько известно, склонностей к этому рода занятиям В.И. не проявлял. Древнегреческий язык не знал понятия «искусствоведение» и соответствующего слова. Однако выбранный автором письма глагол ζωγράφω мог означать «рисовать в воображении» или нечто подобное; здесь предпочтен вариант перевода, вызывающий аллюзию с представлением, восприятием и изучением произведений искусства.

⁵ В оригинале — «Харит»; в русском употреблении более привычен латинский вариант этого имени.

Ῥιλικιτάτη συνδιασώτᾳ μου, —
 διάβον δὲ λόγους τῶν τῆς
 παλαιᾶς Ἑλλάδος ἑραστῶν, —
 πῶς δὴ ποτε ὑὸν πράττεις,
 τί δὲ καλὸν ἀσκεῖς, εἴτε θεο-
 λογοῦδά γε καὶ κατὰ τῶν Ῥωμαίων
 λογομαχοῦσα (ἀλλὰ πικρὸν δὴ τι
 πρᾶγμα τοῦτο μὲν καὶ χαλεπόν),
 εἴτε ζωγραφοῦσα (ἄξιον ὧν ἁπάντων
 δὲ πάντοτε τόδε καὶ χαρίτων
 μετόν), εἴτε ἄλλως που ταῖς
 Μουσαῖς σχολάζουσα ἐν τῇ τῶν
 Ἰταλικῶν Μουσῶν ἄδει, ἢ καὶ
 περὶ τὰ ἑλληνικὰ πράγματα
 σπουδάζουσα ἀμεταπτώτως;
 Ἐλπίζω γάρ σε, ἄτε φιλόκαλον
 οὖσαν καὶ εὐρενήν, ἐλευθεριωτάτης

τῆς διατριβῆς τῆςδε καὶ ἀσκήσεως
 ἀσχετοῦ πως ἀμελήσειν, ἀλλ' ἐπὶ
 κειμένου θεμελίον καὶ ὀλίγον
 κτίζουσαν διατελεῖν βούλομαι
 πᾶν καλὸν τῆς σοφίας κόσμον.
 Τοῦ δε πιτακιδίου τοῦ ὑφ' ὑμῶν
 τῇ τοῦ ἁγίου Πάσχα ἑορτῇ συνεορ-
 τάζουσιν ἡμεῖς πεμφθέντος ἐγώ τε
 καὶ οἱ οἰκετοί μου σοὶ καὶ τῇ τι-
 μιωτάτῃ μητρὶ σου καὶ τῇ γενναί-
 οτάτῃ ἀδελφῇ σου χάριν ἔσμεν
 πολλὰ καὶ χαίρειν ἐμὲς κελεύ-
 ομεν ἀνταποκρισέμενοι. Ἐρρωσο οὖν
 καὶ τοῦ χροστού σου διδασκάλου
 μέμνησο.

Вячеслав Иванов

ἐν Ῥώμῃ
 τῇ 2. Μαΐου
 1925.

Вяч. Иванов. Письмо к Н. А. Гуляевой от 2 мая 1925 г.

Автограф. РАИ.

Я надеюсь, что Вы, будучи благо рожденной и любительницей прекрасного, уже более никак не пренебрегаете свободнейшим овладением знаниями⁶ и работой над собой⁷. Я желаю Вам, на уже заложенной первооснове, мало-помалу установить и завершить прекрасный миропорядок Мудрости⁸.

⁶ Вероятно, В.И. имел в виду самостоятельные научные занятия в будущем, отвечая на сообщение своей корреспондентки в письме от 12–15 марта 1925 г. о ее защите дипломной работы, которая «прошла очень хорошо».

⁷ Слово ἀσκήσις означает как «практику», так и «образ мыслей», отсюда — «аскеза».

⁸ В оригинале — «космос Софии». Синтаксис этой фразы сложен и по-русски с точностью не воспроизводим. Смысл, однако, сугубо платоновский — интеллигibleное постижение прекрасного вовне порождает и основанную на мудрости внутреннюю красоту.

Поелику открытка⁹ от Вас была послана нам, когда празднуют святой праздник Пасхи¹⁰, мои домашние и я чувствуем многую благодарность к Вам, Вашей многопочитаемой матушке¹¹ и Вашей благороднейшей сестре¹², и желаем Вам радоваться, обнимая.

Будьте здоровы и вспоминайте Вашего старого учителя.

Вячеслав Иванов,
в Риме,
2 мая 1925¹³

Публикуемое письмо Вячеслава Иванова — единственный известный нам пример в его эпистолярном наследии, написанный на древнегреческом языке. Языком этим В.И., как мы знаем, владел в совершенстве: читал, писал, говорил и, по всей очевидности, думал на нем. (Один из его последних собеседников, эстонский поэт Алексис Раннит, вспоминал высказанное Ивановым в разговоре сожаление о том, что в посмертном существовании он может разучиться говорить, читать и писать по-гречески). Известны несколько эпиграмм (не в современном, но античном смысле этого слова — стихотворений на случай), написанных В.И. на греческом — благодарственных или хвалебных, обращенных к его друзьям и коллегам Г.А. Рачинскому, М.И. Ростовцеву и Ф.Ф. Зелинскому [10; 27]. Пример за последние столетия нечастый: если «неолатинская» поэзия, пусть в скромных размерах, по сию пору продолжает существовать как литературное явление и время от времени публикуется в специальных изданиях разных стран, то о поэзии «неогреческой» этого не ска-

⁹ Πινάκιδιον — в античности — писчая дощечка, покрытая воском, для различных заметок стилосом; здесь, конечно, имеется в виду семейная (употреблено местоимение 2 л. мн. ч. — ὑμῶν) почтовая открытка Гуляевых Ивановым, должно быть, утерянная.

¹⁰ 19 апреля 1925 г.

¹¹ Нина Васильевна Гуляева, см. ниже прим. 19.

¹² О Лидии Александровне Гуляевой, младшей сестре адресата письма В.И., см. ниже прим. 20.

¹³ Перевод мой. — В.Р.

жешь: современный (новогреческий) язык отличается от древнегреческого радикально¹⁴. Датировка и название месяца в данном письме даны не по аттическому, а по византийскому календарю. Текст занимает лицевую и обратную сторону одного листа бумаги; почерк целиком разборчив.

Само по себе письмо производит впечатление спонтанно написанного, не заранее обдуманного, черновика: в нем имеются исправления трех слов и отсутствует обращение по имени, так что нельзя установить, было ли оно переписано начисто и отправлено адресату¹⁵. Идея описания деталей современной жизни на древнем языке делает в принципе невозможной убедительную имитацию античной эпистолярной практики. Следует добавить, что, в отличие от латинской эпистолографии (обширные корпуса писем Цицерона, Плиния Младшего, Фронтон), дошедшие до нас греческие ее образцы, особенно классического периода, немногочисленны и незначительны¹⁶. Письмо В.И. не содержит традиционного для греков приветствия корреспонденту («такой-то такому-то — радуйся!»); автор употребляет греческие слова для обозначения понятий и предметов, в тогдашнем языке отсутствовавших. Стиль В.И., с привычной для него витиеватостью (на каком бы языке он ни писал), довольно далек от строгой аттической прозы Фукидида или Демосфена, но в нем ощущаются слабые отзвуки лексики Платона: в настоящем переводе сделана попытка передать, насколько возможно, особенности его предпочтений, независимо от избранного языка, в слоге и синтаксисе.

¹⁴ Ермолаева упоминает единственного русского предшественника В.И. — академика Ф.Е. Корша, известного классициста, опубликовавшего сборник под названием “ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Carmina partim sua Graeca et Latina, partim aliena in alterutram linguam ab se conversa” (Copenhagen, 1886), включающий 17 стихотворений на древнегреческом, а также переведенные на него с ряда других языков [27, с. 344].

¹⁵ Возможно, какие-то следы этой переписки сохранились в каких-либо Бакинских архивах.

¹⁶ Большая часть таких текстов — позднейшие псевдоэпиграфы, включая так называемые Письма Платона (за возможным исключением Письма 7, этот вопрос дебатруется до сих пор).

Из-за отсутствия в тексте имени адресата личность устанавливается по содержанию и датировке. Это ответ В.И. на письмо Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г., где она сообщает ему среди прочего об успешной защите своей дипломной работы по «Размышлениям» Марка Аврелия и упоминает об одобрительном отзыве его коллеги, известного эллиниста, проф. А.О. Маковельского, особенно похвалившего ее владение древнегреческим¹⁷.

¹⁷ Письмо (РАИ. Оп. 5. К. 3) составляет три с половиной страницы; оно упомянуто в письме к В.И. от 4 апреля 1925 г. его другой бывшей студентки Е.А. Миллиор — впоследствии историка античности и литературоведа, — дружившей с Ниной и Лидией Гуляевыми (особенно близко с последней): «Нина Гул. на днях отправила Вам письмо», ср.: ее же, от 25 декабря 1924 г.: «С Ниной я, конечно, близка по-старому»; от 6 мая 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 8). В упомянутом здесь письме Нины Гуляевой к В.И., в частности, говорится: «Дорогой Вячеслав Иванович! Шлю Вам свой сердечный привет. Часто, часто Вас вспоминаю. Очень хотелось бы снова увидеться и побеседовать с Вами, а пока в этом письме поделюсь с Вами новостями моей жизни. <...> Защита прошла хорошо и Александр Осипович [Маковельский] хвалил мою работу и когда, между прочим, упомянул о моем знании греческого языка, я вспомнила Вас, дорогой Вячеслав Иванович, и решила еще раз поблагодарить Вас за Ваше внимательное отношение ко всем Вашим ученикам. <...> Теперь мне как-то особенно проявилась моя личность: я поняла, что хочу заниматься наукой, и что, хотя я люблю и педагогическое дело на практике, но оно меня не удовлетворит. Учительство будет дополнением к моим занятиям наукой, а также и трудом, который дает кусок хлеба. Я теперь преподаю русский язык в Учительской Женской Тюркской Семинарии, а также имею частные уроки. Это дело дает мне частые счастливые, хорошие минуты, но наука мне, должно быть, дороже. Я рада, что между моей научной и практической деятельностью есть известная гармония. <...> Наша студенческая компания живет благополучно. Все торопятся сдавать экзамены. Без Вас наша “чаша поэтов” что-то не собирается. Впрочем, один раз Витя читал свою поэму “Часы”. Вас все вспоминают часто, и очень хотели бы, чтобы Вы были с нами. <...> Очень бы хотелось, дорогой Вячеслав Иванович, что-нибудь узнать о Вашей жизни, а также о Лидочке и Диме. <...> Быть может, найдете минутку и напишете мне открытку. А если нет, то все же не забывайте любящую Вас Вашу ученицу». Очевидно, молодая женщина не только испытывала научные интересы, но и обладала исследовательским потенциалом (ее «блестящий реферат» упоминается в дневнике Миллиор, запись от 16 марта 1922 г. [54, с. 10]). Однако, в отличие от ряда учеников В.И., в том числе, своей сестры Лидии, по каким-то причинам Нина Гуляева не приступила к академической карьере, ограничившись преподаванием и опубликовав книгу «Работа классного руководителя» (Баку, 1940; сообщено А.Л. Соболевым). Дневник

Возможно, именно это последнее обстоятельство побудило ее «старого учителя» ответить на древнегреческом.

Нина Александровна Гуляева (1898–1980) — старшая дочь Александра Дмитриевича Гуляева (1870–1935)¹⁸, историка фило-

ее выложен на сайте <https://corpus.prozhito.org/person/1855>, но, к сожалению, недоступен. Нина Гуляева писала стихи, рисовала акварелью пейзажи и цветы; многие ее рисунки сохранились. На основе доступных скудных данных о ней трудно составить представление о ее личных качествах. Цитированное выше ее письмо к В.И. и по сдержанной интонации, и рутинному словарю сильно отличается от пылких письменных излияний его «избранных» учеников (и даже ее сестры Лидии), о которых ниже: надо полагать, не случайно Е.А. Миллиор называет ее в дневнике «невиннейшей» [54, с. 24]. При этом, записи и письма ее свидетельствуют о взаимной симпатии учителя и этой его ученицы; уже после отъезда В.И. две подруги обсуждают огромную роль, которую сыграла в их жизни встреча с ним (письмо Е.А. Миллиор к В.И. 6 мая 1925 г.); ср.: «Нина очень любит [В.И.], но идет своим путем» (письмо Миллиор к В.А. Мануйлову, от 13 августа 1924 г. [14, с. 637]). Нина Гуляева присутствует на известной коллективной фотографии кружка «Чаша» с В.И. в центре.

¹⁸ Александр Дмитриевич Гуляев (1870–1935) был сыном священника, окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, а затем историко-филологический факультет Казанского университета, где преподавал (1908–1920), сначала в должности приват-доцента, а затем профессора и декана. Опубликовал несколько монографий по истории философии и логике, и даже после обращения в коммунизм сохранив особенный интерес к учению Платона (ср.: «Проф. Гуляев (платоник и убежденный коммунист, хотя и беспартийный)» [48, с. 92]). См. о нем в восприятии В.И.: «Казалось, с Вячеславом Ивановичем их должно связывать многое. А между тем Вяч. Ив. вскоре стал глубоким принципиальным противником Александра Дмитриевича. Ни капли личного не было в этой вражде. <...> Гуляев к революции подошел как моралист. Как моралист он принял ее. Когда умер Ленин, Гуляев выступил с короткой речью на траурном университетском собрании. Слезы мешали ему говорить. После собрания Вяч. Ив. сказал мне о нем очень серьезно: “Ленин олицетворял для него моральный пафос революции”. Алекс. Дм. совершенно искренне стремился “перестроиться”. Как-то он сказал: “Всю жизнь я занимался Платоном; а иногда мне думается: все это было лишним. Народу нужна была еще простая грамота...” Не ручаюсь за точность слов, но смысл был именно таков: Гуляев каялся в деле своей жизни из моральных соображений. Он был моралистом, но религиозен он не был, что характерно для бывшего семинариста и студента духовной академии. И вот это-то глубоко принципиально ненавидел в нем Вячеслав Иванович. Не помню его филиппик, направленных против Гуляева. <...> Очень жалею, что тогда же не записала его блестящего рассуждения, но приблизительно оно сводилось к тому, что “Бог это свобода”, а где нет

софии, логика и филолога, с 1920 г. профессора, и в 1923–1926 гг. ректора Азербайджанского государственного университета в Баку, и его жены Нины Васильевны (1878–1942)¹⁹; ее сестра Лидия Александровна Гуляева (1901–1977) — известный ученый-геохимик²⁰. О дальнейшем жизненном пути самой Н.А. Гуляе-

Бога, там остается только ядовитый и бесплодный моралин. Гуляев каялся в своей работе над Платоном, потому что она была не нужна “народу”, а Вяч. Ив. со свойственной ему остротой и смелостью формулировал: “Революция — это когда отставшие зовут назад ушедших вперед”» [54, с. 15–16]. Также: [38, с. 245, 253, 266; 14, с. 649–650, 659, 661]. Однако в РГБ сохранился «конспект лекций о Платоне проф. А.Д. Гуляева, написанный рукой Вяч. Иванова и обозначенный 1920-ми годами» [20, с. 402, прим. 1]. Вероятно, именно по идеологическим причинам В.И. не упомянул его среди поздравляемых с Пасхой в публикуемом письме. После ухода с поста ректора Бакинского университета в 1926 г. А.Д. Гуляев практически прекратил публикацию научных работ. (Интересно отметить переиздание в 2001 г. его курса лекций 1915 г. «Основные моменты эволюции греческого мировоззрения до Платона» (М.: Книжн. дом ЛИБРОКОМ, 2011)).

¹⁹ Нина Васильевна Гуляева (урожд. Успенская, 1878–1942), как и ее муж, происходила из семьи священника и, в отличие от супруга, как следует из публикуемого письма В.И., сохранила веру; ее брат Иван (в постриге Фаддей), архиепископ Астраханский, а затем Тверской и Кашинский — новомученик, причисленный Православной Церковью к лику святых. А.В. Иванова с теплотой упоминает ее «материнское руководство» в рукоделии [48, с. 94].

²⁰ Лидия Александровна Гуляева (1901–1977), впоследствии известный ученый-геохимик, заслуженный деятель науки СССР, была в молодости яркой личностью, склонной к самоанализу и нестандартному поведению. В отличие от ивановского круга студентов-гуманитариев, и несмотря на приверженность самому В.И., она рано избрала естественно-научную карьеру, поступив в 1922 г. на физико-математический факультет Ленинградского университета. Ее письмо оттуда к В.И. от 19–23 декабря 1923 г., когда он еще пребывал в Баку, — самое раннее из известных нам студенческих писем ему («Не писала Вам долго не потому, что не хотелось писать, наоборот, думала о Вас часто, помнила постоянно — Вы ведь знаете, что я очень люблю Вас, но не писала, потому что было нехорошо, неловко, была большая неуверенность в себе, недовольство собой, вообще самогрызение <...> Я буду очень счастлива получить от Вас несколько слов <...> И у меня еще много всяких “и” только уж совестно надоедать Вам»). Оно содержит не очень умелые стихи и надежды на успехи в микробиологии (РАИ. Оп. 5. К. 3). В.И. воспринимал эти ее занятия (как показало будущее, — ошибочно) иронически: «Она все притворяется, что она естество-ница, она только притворяется. Она ведь бесенок» [54, с. 10]; на этот счет, она сама объяснилась с ним в письме 19–20 января 1925 г.: «Вы недаром прозвали меня бесенком; ангельские пути к раю для меня во всяком случае закрыты.

вой на данный момент известно, к сожалению, мало: она окончила историко-филологический и педагогический факультеты, а по окончании учебы «поступила в аспирантуру и, получив должность приват-доцента, стала работать преподавателем в Бакинском Рабочем Университете».

Доступные источники не оставляют сомнения в том, что членов семьи Гуляевых и В.И. с детьми связывали дружеские и весьма тесные доверительные отношения, игравшие заметную роль в его социальной, профессиональной и частной жизни бакинского периода, а также, очевидно, какое-то время после его эмиграции. Письма Гуляевых к В.И., имеющиеся в Римском архиве, свидетельствуют о сохранившихся взаимной привязанности и интересе, искренности чувств и даже, по крайней мере со стороны бакинцев, надежды на скорую встречу²¹. Помимо упомянутого письма Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г. (с вложенной в него запиской к юному Дмитрию Иванову младшего сына Гуляевых Михаила, в то время ученика средней

А с чертом мы одной веревочкой связаны, и когда черт перед Богом преклонится (а ведь это будет, или нет?) — тогда и я Его назову». О драматических отношениях Лидии Гуляевой с Е.А. Миллиор, см. в их письмах ему (Гуляевой от 19–20 января 1925 г.; Миллиор — 4 апреля 1925 г.); также: [54, с. 13, 23–24]. У нее сложились приятельские, по-видимому, отношения с М.С. Альтманом, «мятежным» учеником В.И. (о нем ниже), отметившим ее не лишнее доли истины высказывание, что их учителю «по душе больше богема и ее нравы», чем академический дух (запись от 2 февраля 1922 г. [38, с. 245]). На какое-то время, и в известной мере, она сблизилась и с Г.А. Харазовым — идейным противником В.И., — вовлекаясь в его эротический «дискурс», способный породить конфуз (см. об одном таком эпизоде: [54, с. 23–24]), но — как и остальные «перебежчики» — преодолев соблазн, поссорилась с ним «крупно и навсегда», о чем и сообщила в Рим (см. ниже прим. 41). Из письма С.В. Троцкого к В.И. от 10 октября 1929 г. (РАИ. Оп. 5. К. 10) мы узнаем, что Лидия Гуляева вышла замуж за Самуила Блинкова (1904–1996), друга Мануйлова и Миллиор, ставшего выдающимся неврологом и нейроанатомом.

²¹ Ср. e.g., в цитированном письме Н.А. Гуляевой от 12–14 марта 1925 г. (выше, прим. 16): «Папа сам Вам собирается написать. Письмо Ваше он получил и очень был тронут Вашим добрым, хорошим письмом и весь день веселый был». О каком письме В.И. ее отцу идет речь, неизвестно; может быть, оно сохранилось в каком-либо из бакинских архивов. Сам А.Д. Гуляев заканчивает свое письмо В.И. от 27–29 июля 1925 г.: «Ждем Вас» (РАИ. Оп. 5. К. 3).

школы²²), таковых еще три: деловое и пространное А.Д. Гуляева от 27–29 июля 1925 г. и два Л.А. Гуляевой: одно, более раннее, от 19–23 ноября 1923 г., т. е. еще до отъезда В.И. за границу, из Петрограда, где она изучала биологию, с вложенными стихами и описанием сна; второе, уже в Рим, от 19–20 января 1925 г., с приложением, обращенным к Лидии Ивановой. Однако по истечении первого римского года, с постепенным переходом В.И. к статусу невозвращенца и, по-видимому, началом осознания обеими сторонами того, что это уже навсегда, их переписка замирает.

II

Важность Бакинского периода в биографии В.И. не вызывает сомнения: он явил собой сложный промежуточный этап между его обращенным вовне образом жизни в Петербурге и Москве, ознаменованным огромным количеством человеческих связей и интересов, интенсивной литературной, организаторской, издательской деятельностью, и последующей четвертью века в Риме с постепенным убыванием видимой активности и все большим сосредоточением на внутренних рефлексиях, духовном опыте, «келейном» творчестве и, в определенном смысле, форме «мирского отшельничества». Именно в Баку он доработал и обнародовал свои центральные научные идеи на стыке религиозной психологии, антропологии и философии культуры и получил возможность проявить во всем блеске присущий ему выдающийся педагогический дар. Сразу оговорю, что в мою задачу не входят апология В.И. или оценочное суждение о его личности — он в них не нуждается, равно как более или менее исчерпывающий анализ его преподавательской деятельности в Баку, требующий монографического исследования, но лишь намере-

²² Михаил Александрович Гуляев (1912–1982), инженер-теплоэлектрик и изобретатель. По воспоминаниям его дочерей, он был очень эрудированным человеком, знатоком истории, особенно древнеримской — не исключено, что этот интерес у него мог возникнуть еще в юном возрасте, не без влияния В.И.

ние обозначить некоторые направления возможных будущих изысканий такого рода.

За прорывной публикацией Н.В. Котрелева [13], обнаружившего и изучившего обширный документальный материал во времена, отнюдь не поощрявшие ивановедение, последовали и другие, проясняющие различные стороны частного, общественного и академического бытия В.И. в Бакинском университете, в том числе, воспоминания его родных, учеников и друзей²³. Хочется надеяться, что и в дальнейшем эти исследования будут продолжаться, как и поиски пока еще не выявленных или не опубликованных, имеющих отношение к В.И., документов из городских, университетских и частных архивов.

Публикуемое письмо позволяет задуматься об одном из наиболее важных аспектов, связанном с бакинским сюжетом и, как представляется, на данный момент недостаточно проанализированном, несмотря на наличие и отчасти уже доступность в отдельных публикациях целого ряда содержательных источников. Речь идет о методах и характере ивановской педагогики, ее единственном в своем роде стиле — о том, что греки называли «технэ» — вполне новаторской (актуальной, хоть возможно не бесспорной, и для наших дней), отразившейся и глубоко запечатленной в переписке, дневниках и воспоминаниях его бакинских студентов. Это тема, заслуживающая дальнейших исследований, статей и, быть может, даже монографий. Здесь же я ограничусь лишь предварительными соображениями, вызванными переписи

²³ См. материалы, опубликованные разными исследователями: [14; 11; 32; 33] — а также собственно воспоминания Лидии Ивановой [48]; ср.: [58], В.А. Мануйлова [51], С.В. Троцкого [59], Е.А. Миллиор [42, с. 25; 55]. Настоящая работа оставляет за скобками внутренний душевный кризис В.И. в период его пребывания в Баку, вызванный недавней кончиной Веры Константиновны Шварсалон, переосмыслением различных аспектов его прошлого и нашедший выражение в отмеченном некоторыми мемуаристами злоупотреблении алкоголем, — это отдельный биографический сюжет. Следует, однако, отметить, что он не стремился скрыть свои личные проблемы от наиболее близкой ему студенческой молодежи и делился с «избранными» учениками собственными переживаниями, равно как и мучительными воспоминаниями о прошлом, включая сожаления, угрызения совести и чувство вины.

ской В.И. с сестрами Гуляевыми и с некоторыми другими из его молодых почитателей того же круга²⁴.

Основные педагогические принципы, цели и идеи В.И., хотя и не сформулированные им письменно или печатно, с очевидностью вытекают из учебных планов, предложенных им университетским властям, и особенно отчетливо отражены в записях и воспоминаниях его студентов; они мельком бывают упомянуты ивановедами, но — насколько мне известно — еще не стали темами специальных работ. К примеру, достаточно адекватно суммирует его преподавательские установки биограф К.М. Колобовой (одной из любимых ивановских учениц) на основе доступных ему материалов: «Его постоянным требованием, обращенным к своим ученикам, было умение полноценно распоряжаться своим временем, не тратя ни минуты впустую. Он хотел видеть и понимать, что каждый его ученик осуществляет ежедневно всё новые и новые шаги в своем интеллектуальном развитии: он считал, что интенсивный интеллектуальный рост, неустанная тренировка мысли являются неотъемлемой обязанностью для каждого из них» [19, с. 503]²⁵. Однако более пристальное

²⁴ В Римском архиве сохранились письма к В.И. от В.А. Мануйлова (опубликованные и прокомментированные А.В. Лавровым [14, с. 541–668]), М.С. Альтмана (РАИ. Оп. 5. К. 1), А.Д., Л.А. и Н.А. Гуляевых (РАИ. Оп. 5. К. 3), К.М. Колобовой (РАИ. Оп. 5. К. 6) и Е.А. Миллиор (РАИ. Оп. 4. К. 8).

²⁵ Ср. из записей Е.А. Миллиор: «Он требовал от нас прежде всего интенсивной внутренней творческой жизни. Если я с ним не виделась несколько дней, он спрашивал меня, что я делала, что читала, что думала. Мне становилось стыдно, если нечего было ему сказать» [54, с. 11, 18]. Ср. с отзывом М.С. Альтмана: «Но никогда, быть может, так явственно не обнаружилось, что не хлебом одним жив человек, но еще и словом. И на “слово” В.И., как на зов сирены, стеклись самые разнообразные люди. Лекции В.И. выходили далеко за рамки чисто академические и приобретали значение общественного факта. Но влияние В.И. шло не только вширь, но, если позволено так выразиться, и вглубь. “Ловец душ”, он быстро оброс друзьями и учениками, с которыми вступил в самые близкие и тесные отношения. Пишущий эти строки был одним из этих счастливых» [39, с. 14]. По словам Л.В. Ивановой: «С многими учениками у Вячеслава образовалась тесная связь — связь, которая сохранилась у некоторых даже и по сей день, какое-то братское единение на основе преданности и любви к учителю. Это тем более удивительно, что Вячеслав прожил в Баку всего четыре года» [48, с. 100–101]. Об учебных планах В.И. см.: [13].

прочтение имеющихся свидетельств позволяет установить глубинное родство, *mutatis mutandis*, его педагогической практики с традициями пайдэи (παιδεία — учение о воспитании), распространенными в эллинских городах-государствах классического периода, в данном случае — с ее сократовско-платоновском изводом²⁶. Выбор Ивановым Платона как источника вдохновения и воплощения также и в этой форме творчества (ибо педагогика, в ее подлинности, является таковым) не удивителен и предсказуем: для него он являлся символистом *par excellence*, впервые обосновавшим, хоть и в иных выражениях, тезис *a realibus ad realiora*, ср.: «Платоновое изображение путей любви — определение символизма» [46, т. III, с. 606]. (Не случайно отзвуки платонизма ощутимы даже в его публикуемом здесь коротком «греческом» письме бывшей студентке.)

В основе так называемого сократического метода лежала идея органического и целостного включения личности в воспитательно-образовательный процесс, притом с обеих сторон — на уровне не только познания путем интеллекта, но и душевного переживания, интуитивного прозрения, эмоционального прочувствования, вплоть до эротического притяжения. Эти взаимодействия и составляют в своей совокупности знаменитое «повивальное» искусство майевтики (μαίευτική), по словам Сократа, унаследованное им от матери-акушерки. Это не просто «метод вопросов и ответов», как часто воспринимается, но нечто большее, вот к примеру:

²⁶ Литература о древнегреческой пайдэе чрезвычайно обширна; классическим считается труд Вернера Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека» [30]. Вопрос о том, насколько платоновские тексты отражают учение самого Сократа, сложен и дебатруется; *communis opinio*, однако, признает, что ранние диалоги более или менее правдиво воспроизводят сократово воспитательное «технэ», и еще в большей степени «Воспоминания о Сократе» (*Memorabilia*) Ксенофонта. Разумеется, под «родством» здесь понимается не буквальное соответствие (или сознательная имитация) античной «педагогике» в университетской практике В.И., но некоторая общая точка отсчета, органическая интеллектуально-чувственная энтелехия, в ряде случаев принимавшая схожие формы. Также подчеркну, что формат настоящей работы вынуждает здесь сосредоточиться именно на этом сократо-платоновском ракурсе проблемы, оставляя в стороне ряд сопряженных и важных влияний, мотивов и рефлексий.

Те же, что приходят ко мне, поначалу кажутся мне иной раз крайне невежественными, а все же по мере дальнейших посещений и они с помощью бога удивительно преуспевают и на собственный, и на сторонний взгляд. И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет.

И, соответственно:

Потому, славный юноша, так подробно я все это тебе рассказываю, что ты, как я подозреваю <...> страдаешь, вынашивая что-то в себе. Доверься же мне как сыну повитухи, который и сам владеет этим искусством, и, насколько способен, постарайся ответить на мои вопросы. И если, приглядываясь к твоим рассуждениям, я сочту что-то ложным признаком, изыму это и выброшу, то не свирепей, пожалуйста, как роженицы из-за своих первенцев. Дело в том, дорогой мой, что многие уже и так взъярились, прямо кусаться были готовы, когда я изымал у них какой-нибудь вздор. Им даже в голову не приходило, что я это делаю из самых добрых чувств (Платон, «Тетэт», 150d–151c; перевод Т.В. Васильевой).

В современных понятиях речь здесь идет об интеллектуальном, а отчасти и эмоциональном провоцировании — приеме, не лишенном риска, однако способном принести немалые плоды. Как и отмечает Сократ, это требует взаимного доверия, но может породить отчуждение и враждебность. Мы знаем, что провокационный элемент не был чужд темпераменту и стилю общения В.И.: известны случаи, когда проявление этих черт, причем отчетливо в педагогических целях, отражалось и на взаимоотношениях внутри группы «избранных» его студентов²⁷. Не вызывает сомнения и роль В.И. как «исповедника» окружавшей

²⁷ Ср., к примеру, из письма Лидии Гуляевой к В.И. от 19–20 января 1925 г.: «Следует еще Вам сообщить (следует, т. к. Вы, во всем этом так или иначе являетесь причиной), что <...> почти поссорилась с Нелли [Миллиор] <...> и, наконец влюбилась безоговорочно и навсегда в ... Впрочем, не стоит имени называть...»; а также запись Е.А. Миллиор [54, с. 13].

его молодежи, приходившей к нему на приватные «аудиенции» не только за советом и словом поддержки, но поверявшей ему свои душевно-духовные, а также личные, сугубо интимные проблемы²⁸. (Показательно, что это могло относиться и к молодым знакомым, не принадлежавшим к его тесному, по своим интересам, гуманитарному кругу. Как, например, в обоих письмах Лидии Гуляевой, уже тогда избравшей естественно-научную карьеру, обращения ее к В.И. по манере исповедальны, с попытками самоанализа и даже интимных признаний. Сравнение лексики и интонаций в письмах сестер Гуляевых подсказывает, что отношения с В.И. у Лидии, хоть она и не входила в число его непосредственных студентов, сложились более глубокими, чем у Нины). По словам В.А. Мануйлова, в общении, будучи «сама мудрость», их учитель «проявлял такую любовную заинтересованность, что с ним говорилось, как с отцом, как с человеком, который мудрее тебя, но который говорит с тобой, как с равным, хотя знаешь, что ни о каком равенстве не может быть речи»

²⁸ Опять же, по-сократовски, побуждение к «исповедальности» мог инициировать и учитель. См. воспоминания Е.А. Миллиор: «В.И. сам сказал, что интересуется моим внутренним миром, даже моими мечтаниями. Тогда я “исповедовалась” перед ним» [54, с. 9]; ср. в письме к нему от 4 апреля 1925 г., описав горечь от разлада близких отношений [с Лидией Гуляевой]: «Я не знаю, такой ли “исповеди” хотели Вы от меня, того ли спрашивали, но Вам, моему учителю и руководителю, мне хочется сказать хоть немного о своем самом личном и интимном. И потом легче говорить о другом», — и далее: «Знаю, что не то и не так сказано, как хотелось бы, но как трудно было и это написать!» (см. также ее письмо от 15 апреля 1926 г.). О личных проблемах К.М. Колобовой см., например, ее письмо от 16 ноября 1927 г. (РАИ. Оп. 5. К. 11); ср. попытку признаний Лидии Гуляевой в письме от 19/20 января 1925 г. (Отметим, что Сократ обсуждает любовные чувства Гиппотала в «Лисиде» и Федра в одноименном диалоге). Со своей стороны, студенты «близкого круга» полагали, что он знает о них «всё». Ср. из письма Е.А. Миллиор от 6 мая 1925 г.: «Вы знаете и понимаете меня всю»; ср. у Мануйлова: «При этом Вячеслав Иванович внимательно и подолгу расспрашивал меня о моих сокурсниках. Это помогло мне лучше понять его внимание и заботу, без которых нельзя себе представить строгой щедрости нашего Учителя» [51, с. 91]. Он был даже уверен, что В.И. умел читать мысли. Трудно избежать вывода о том, что по отношению к ним В.И. *de facto* практиковал, хоть, возможно, и неосознанно, своего рода психотерапию — судя по результатам, в основном, с целительным исходом.

[51, с. 91]²⁹. Помимо академических и житейских вопросов, юные корреспонденты обращают к нему в переписке стихи³⁰, расска-

²⁹ Записи М.С. Альтмана разговоров с В.И., целиком подтверждают установку последнего на полное интеллектуальное равноправие в общении со студентами, неизменно возводящего собеседника до собственного уровня: это диалог в подлинном, едва ли не в бахтинском, смысле слова. Ср. также у В.А. Мануйлова: «При всей мягкости его собеседник всегда чувствовал себя прочно взятым в руки. Вместе с тем, Вячеслав Иванов, ничего не упрощая, говоря иногда непонятное нам по нашему возрасту и развитию, не унижал собеседника ощущением бесконечного расстояния между собой и нами» [51, с. 91]. Сохранившиеся письма студентов В.И. к нему в Рим повествуют об их работе, образе жизни, окружающей обстановке, переживаниях, психологических и мировоззренческих проблемах, научных занятиях, интересах и планах. В частности, Е.А. Миллиор в целой серии длинных посланий кратко и последовательно излагает ему содержание глав своей дипломной работы о культе Эриний, просит об отзыве и получает его, с обещанием от В.И. показать ее труд Ф.Ф. Зелинскому [55, с. 387]. Эти тезисы, как и отчеты М.С. Альтмана об его первых шагах и выступлениях в ленинградских академических кругах (письмо от 15 марта 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 1)) впечатляют интеллектуальной зрелостью и профессионализмом.

³⁰ Посвящали и обращали к В.И. свои стихи В.А. Мануйлов [14, с. 627, 638–639]; ср.: [14, с. 632]; К.М. Колобова (приложены к ее письмам от 20 октября и 16 ноября 1924 г.; она посвятила В.И. также длинную и, увы, путаную поэму «Багаван», посланную ему в Рим и, по-видимому, оставшуюся без ответа); М.С. Альтман (включая их обмен сонетами с акrostихами [39, с. 9–10]); Е.А. Миллиор — гексаметры [55, с. 67]. С другой стороны, помимо сонетов к Альтману, известны стихотворные обращения, или напутствия, самого В.И. к Мануйлову, Миллиору и Колобовой. Текст стихотворения В.И., посвященного Колобовой, по всей видимости, пока не обнаружен (ср., однако: [55, с. 393], известна лишь первая строфа: «Ксения, странница...» [14, с. 627, прим. 19]). Лавров [14, с. 627 прим. 19] сообщает, что Колобова написала ответное стихотворение В.И. «И знаю я — навек осуждена...» с посвящением «В.И. И.» и с эпиграфом: «Твою звезду не будет поздно / Найти в сверкающем саду» (машинопись в архиве Мануйлова: ИРЛИ. Ф. 713) и в письме к Мануйлову от 28 июля 1924 г. дала его развернутое толкование, приведя цитату из неизвестного нам стихотворения Вяч. Иванова: «Оно написано под влиянием "Ио" В.И. и стихотворения», посвященного мне. О трех путях как будто все ясно. "Убийцей не будь, — где тропится странницы путь", — говорит мне В.И. Здесь дан этот расстроившийся путь. Стихотворение В.И., обращенное ко мне, я воспринимаю как исповедь, а не поучение», и т. д. (ИРЛИ. Ф. 713). На мой взгляд, перспективным проектом могла бы стать подготовка и издание сборника поэтических, эпистолярных, дневниковых и мемуарных текстов бакинских учеников В.И. с их биографиями, над-

зывают свои сны, в том числе, с его присутствием в них, посвящают его в дружеские ссоры и любовные страсти. Здесь следует подчеркнуть, что между В.И. и учениками установилась «сократически» высокая и притом взаимная степень доверия: на их «исповеди» он отвечал с не меньшей, даже поразительной, откровенностью, делясь собственными глубинными переживаниями, придавая коллективно-персональным отношениям единственный в своем роде *modus habitandi*³¹.

лежащим комментарием и включенных в тогдашний культурно-исторический контекст. Это не только бы заметно обогатило ивановедение, но и привлекло внимание заинтересованной публики к одному из последних, и отчасти фантомному, отблеску Серебряного века, на краткий период воплотившемуся в весьма своеобразном и, я бы даже сказал, экзотическом хронотопе.

³¹ Например, в письме к нему В.А. Мануйлова от 3 декабря 1924 г.: «Только вижу Вас во сне каждую ночь почти, и недавно проснувшись не мог уже заснуть — так хотелось Вас видеть и так не верилось, что это невозможно сделать»; ср. от него же 9 февраля 1925 г. Более детально сообщает ему о своем довольно примечательном сне о нем К.М. Колобова 3 января 1925 г. Описанием своего сна делится с В.И. и Л.А. Гуляева 19 октября 1923 г. Одному из снов самого В.И. посвящен сонетный диптих М.С. Альтмана «Снотолкование» [39, с. 12]. Сновидениям В.И. придавал значение, конечно же, совершенно независимо от фрейдовского психоанализа, коего не признавал. Ср.: «В 1922–1924 годах в Баку я был как бы член семьи Вячеслава Ивановича, он доверял мне и многое рассказывал о себе. <...> У Вяч. Иванова установились неформальные доверительные отношения с целым рядом его бакинских учеников» ([51, с. 169], ср.: [14, с. 623]). Об этом же неоднократно свидетельствует и Альтман [38, с. 71, 75] Ср. также: «...Странный разговор — напряженный, порывистый — весь на фоне воспоминаний о Лидии Дмитриевне. <...> А затем — я говорила ему — о нем, о необычайной храбрости... о силе его мысли, смеющей углубляться в его собственную душу, постигать ее внутренний опыт — не всегда светлый. Жаль, забыла сказать ему о страшной свободе его. <...> На мои слова о его храбрости, о том, что это проникновение постепенно дало ему постижение Света, он взволнованно повернулся в кресле и сказал только: “Дай-то Бог”» [54, с. 15]. С неординарной откровенностью В.И. признается Альтману: «Да, первый раз я женился в Москве, когда мне было 20 лет и 3 месяца, на Дмитриевской. Я души не чаял тогда в ее брате и, не будь этого, не женился бы я на сестре его. Девять лет жила я с моей первой супругой и имел дочь. Потом начинается моя любовь к Лидии Дмитриевне. Мы думали с ней, что это у нас темное, демоническое влечение, а оказалось, что это истинная была любовь. Уже потом, после мы это узнали. Я развелся с Дмитриевской, очень сурово и жестоко это было, но я тогда был нищеанцем, и это мне помогло. Теперь я это восприни-

То, что эрос — в широком смысле слова — может стать одним из составляющих факторов педагогического процесса, было хорошо известно древним и, разумеется, знатоку Платона³². Не испытывая никаких стеснений, он пишет И.М. Гревсу 12 мая 1922 г.: «Мне говорят, что у меня призвание быть академическим учителем, и в самом деле кафедра — лекции, семинарий <...> — совсем по мне, по моим вкусам, по моему эросу» [32, с. 49]³³. На протя-

маю как убийство, ибо жизнь Дмитриевской оказалась совершенно разбитой, а дочь наша сошла с ума...» (9 февраля 1925 г.) [38, с. 47]. Очевидно, что такие беседы по душам приносили облегчение и ему самому.

³² Ср., к примеру: «Быть может, никто после Платона не сказал столь глубокого и жизненного о любви и поле, увенчивая первую и восстанавливая человеческое достоинство и богочеловеческое назначение второго, славя “розы, возносящиеся над черною глыбой”, и благословляя их “корни, вонзающиеся в темное лоно”, — как Вл. Соловьев» [46, т. III, с. 305]). Как справедливо замечает М. Цимборска-Лебода: «В произведениях Иванова мифологема Эроса (в Платоновском смысле слова) знаменовала возврат к античной традиции, в представлении поэта насущно нужной русской культуре» [22, с. 10]; «Ориентацией на Платонову традицию и его учение об Эросе отмечены также философские произведения Иванова, как ранние <...> так и более поздние» [22, с. 120]. О раннем и активном интересе В.И. к Платону см. также: [20, с. 402].

³³ В греческом языке (как и в других) употребление глагола, означающего «любить» — ἐράω (и его дериватов) — многозначно и применимо в самых разных случаях, в зависимости от интенции и контекста. Понятие, выражаемое словом ἔρως, знаменует по преимуществу, во всяком случае, в интересующих нас примерах, любовь (и даже страсть) к отдельным личностям, изначально включая чувственный компонент, становящийся предметом философских дискуссий. Как понятие, так и слово, предполагают богатый набор синонимов, взаимозаменяемых и коннотирующих (хотя далеко не всегда) различные его нюансы, такие как πόθος (любовное томление, жажда), φίλια (дружба, привязанность), оторυή (родственная любовь); ἀγάπη (возвышенная, бескорыстная любовь; в дохристианских текстах встречается крайне редко) и др. В известном смысле, должно согласиться с выводом философа Р.Г. Апресяна, согласно которому мы имеем дело не со словами, означающими тот или иной аспект любви, но с тем, «что в современных словарях древнегреческого встречаются эти разные слова, которые переводятся в том числе и как “любовь”» [3, с. 36]. Однако совсем не очевидно, что это обстоятельство именно так осознавалась авторами Серебряного века [60, с. 396–397]. Следует иметь в виду, что платоновский дискурс об Эросе существенно мифологизирован и метафоричен, создавая обширное пространство для интерпретаций. Глубокое погружение В.И. в эллинские мировосприятие и ментальность, равно как и укорененность его мысли

жении поколений опыт показывает, что влюбленность школьников или студентов в их преподавателей — далеко не редкость, коллизия, требующая особенных деликатности и умения со стороны старших, дабы избежать переходящих допустимые границы психодрам, а то и непоправимых катастроф. Случай В.И. в Бакинском университете примечателен тем, что подобные чувства к нему испытывали не просто отдельные лица, как это бывает, но — с разной степенью пылкости (в том числе, весьма интенсивной) — в своей совокупности целая группа девушек и юношей из приближенного к нему студенческого круга и, в первую очередь, четверо «избранных»: М.С. Альтман, В.А. Мануйлов, Е.А. Миллиор и К.М. Колобова, — о которых преимущественно речь и будет идти в дальнейшем по причине наибольшего объема эпистолярных, дневниковых и мемуарных о них свидетельств³⁴.

(и чувства) в платонической перспективе, наложили очевидный отпечаток (насколько осознанный им самим, остается до конца не ясным) не только на его воззрения и сочинения, но и породили определенный стиль поведения и общения, вызвав ответный, еще менее осознанный, интеллектуально-чувственный энтузиазм в нескольких его бакинских студентах. О трактовке и применении В.И. другого греческого понятия — *φιλία* — см.: [18].

³⁴ Следует оговорить, что, хотя курсы В.И. посещались многими слушателями, большинство их не принадлежало к возникшему под его руководством студенческому кружку «Чаша», состав которого также менялся: какие-то участники покидали университет, какие-то теряли интерес, расходились во мнениях и отдалялись (ср.: [14, с. 637], с цитатой на эту тему из письма Е.А. Миллиор В.А. Мануйлову от 13 августа 1924 г.). С другой стороны, с ним могли сблизиться и не специализировавшиеся на гуманитарных предметах, такие как Лидия Гуляева. Но и внутри «Чаши» или среди лиц, известных по групповым фотографиям [14, с. 622–623], имелся ближайший круг, о котором у Миллиор читаем: «Вяч. Ив. довольно определенно делил студентов на “своих” и “не своих”. Со своими он был требователен, строг, иногда даже резок, но за всем этим чувствовалась огромная дружеская внимательность, заботливость. И он никогда не был мелочен в своих оценках. Он нас прекрасно знал и судил каждого по заслугам, а м. б., сверх заслуг, ценя в нас не только знания, но и наш “филологический” энтузиазм. Совсем иначе подходил он к прочему студенчеству» [54, с. 19]. При этом Е.А. Миллиор отмечает: «Вот это я считаю очень большой педагогической заслугой Вячеслава Ивановича: он беспощадно критиковал, но никогда не доводил человека до отчаяния» [55, с. 48]. В.А. Мануйлов особенно подчеркивает тщательность его научного руководства: «И с каким терпением и какой проницательностью он разбирал все написанное его учениками!» [51, с. 91]. За

Вспоминает Е.А. Миллиор: «Вячеслав Иванович, — если так можно выразиться, с каждым из нас имел свой особый роман. Эти отношения были настолько индивидуальны и он давал каждому так много, что даже такой невероятно ревнивый в свое время человек, как я, не ревновала к моим товарищам, потому что больше, чем мне давал Вячеслав Иванович, я уже принять просто бы не могла, это был максимум»; и далее: «Я ходила все время в состоянии какого-то особого подъема и возбуждения, вызванного встречами с Вячеславом Ивановичем» [54, с. 48]. (Ср. в ее письме к нему от 6 мая 1925 г.: «Для нас, всех Ваших учеников, встреча с Вами сыграла огромную роль в жизни. Еще сегодня я об этом говорила с Ниной Гул[яевой]. <...> Вы умеете сделать так, что каждый чувствует себя связанным с Вами, к каждому Вы подходите как к единственному»). Это мемуарное свидетельство подтверждается документально. Приведенные ниже примеры из писем к В.И. в Рим его учеников отобраны по принципу краткости и силы выражения чувств и объединены отчетливой эротически окрашенной (в платоновском смысле) интонацией, хоть и различной по напряжению и выражению, в зависимости от темперамента и личностных особенностей их авторов.

А.А. Гуляева (от 19/20 января 1925 г.):

Я так по Вас стосковалась, мне так Вас не хватает, что мне просто немоготу не писать Вам долее. Ведь все-таки письмо создает некоторую иллюзию беседы. Вот я пишу и совсем ясно Вас вижу — Ваш пронзительный взгляд, улыбку “жеманных губ”, папироску в длинных пальцах... Я не знала все-таки, до какой степени Вы мне дороги. Я Вам решила было совсем не писать — имела дерзость ревновать Вас <...>. Не смейтесь, пожалуйста, уверяю Вас, мне совсем не было весело и совсем было не легко не писать Вам и таким образом терять надежду получить когда-нибудь весточку от Вас. Подобно Марку Аврелию,

отсутствием более широкой документации настоящая работа опирается на материалы касательно именно этих ближайших «сочувственников» В.И., выделяя некоторые аспекты их личных отношений с учителем.

я стоически отгоняла прочь суетное желание письмом напомнить Вам о себе (ибо — конечно, читая мое письмо, Вы вспомнили бы обо мне, но какую цену имеет подобное воспоминание?); теперь же, желая остаться стойком до конца, я отбрасываю все низкие и недостойные чувства, как-то: сомнения, ревность и пр. — и “Вам пишу, чего же боле?”.

<...>

И в завершение:

До свиданья, дорогой друг, не забывайте, что я очень люблю вас.

(Аллюзия же на письмо Татьяны Онегину показательна: два года спустя, 1 февраля 1927 г., К.М. Колобова посылает учителю в Рим длинное «любовное признание» в форме стихотворной пародии на тот же самый пушкинский текст).

В.А. Мануйлов:

Та радость, которую Вы принесли мне, дорого мне досталась — мне приходится расплачиваться за нее все растущей, то-скающей любовью. Я люблю вспоминать о Вас, но это так тяжело: неужели же все невозвратно (3 декабря 1924 г.).

А еще больше чувствую я свою любовь к Вам. <...> Часто вижу во сне, как я пешком отправляюсь в Рим, бросив все — смешно — и это так: в смехе я еще ребячливее.

Этот же мотив присутствует в его стихотворении, написанном 25 мая 1925 г.:

По вечерам рассматриваю карту
Италии далекой и желанной,
И снится мне потом, как будто в Риме
Я просыпаюсь утром золотым...
И улицу Четырех фонтанов,
Насквозь пронзенной звонкими лучами,
В который раз, походкою весенней,
Я прохожу по левой стороне...

И всякий раз, в окне одном и том же,
Склоненное над книгою старинной
(Должно быть, томик вещего Эсхила)
Мне светится знакомое лицо.
Учитель мой, все тот же, как и прежде,
Твой горестный и величавый облик,
Власы, дымящиеся ореолом,
Кольцо опаловое на руке.
И опаленный радостною болью,
Бросаюсь я к тебе и просыпаюсь,
И снова русское смеется солнце
И освещает карту на столе³⁵.

И еще:

Если б Вы только знали, как я Вас люблю. Ведь я никого так не любил и не полюблю, наверно — здесь есть даже что-то особенное. Вот сейчас стал думать о Вас и даже расплакался. Это со мною в первый раз — никогда еще не было. Неужели мы не скоро увидимся. Я очень по Вас скучаю (9 февраля 1925 г.).

Может быть, нам не должно уже увидеть друг друга — очень мне это тяжело. Вячеслав Иванович, милый, только думайте обо мне иногда, потому что я никогда так никого не любил и не буду любить — как Вас — я весь от этой любви и отсюда моя радостная вера. Впереди трудная, очень трудная жизнь — только Вы мой свет и мой вожатый, поэтому мне не страшно, а хорошо. <...> Мне только хотелось сказать Вам еще раз большое, большое, спасибо — если бы Вы только знали как я Вас люблю, как много Вы мне дали и продолжаете давать после разлуки нашей (24 января 1928 г.).

³⁵ Стихотворение опубликовано автором: [52, с. 38; 14, с. 638–639]. Ср. далее: «Любить для себя на пути моем почти невозможно. <...> И люблю я одного только Вас. Вы далеко-далеко впереди меня — только следы я различаю» (3 декабря 1924 г.); «Я очень много бы дал за то, чтобы с Вами поговорить. Может быть, после нашего разговора не только мне, но и Вам было бы очень хорошо, потому что я Вас очень люблю» (12 мая 1928 г.). По сообщению А.В. Лаврова, «откликаясь либо на его устное признание, либо на слова из неизвестного нам письма», Колобова писала Мануйлову 28 июля 1924 г.: «Если тебе В.И. дороже родных, то я не могу даже подумать, дороже кого мне В.И.» [14, с. 624].

Е.А. Миллиор:

Думаю о Вас я постоянно. Когда становится особенно тоскливо, когда теряю почву под ногами, хочу “поймать” самое себя — я ищу помощи в Ваших книгах. <...> Иду по своему пути, потому что знаю, что он правилен; а там, где не знаю, верю, верю потому, что люблю Вас.

<...>

Целую Вас крепко, моего учителя и самого близкого друга (можно ли так называть Вас?) (4 апреля 1925 г.).

Как бы мне хотелось быть около Вас снова! Потому, что только с Вами — вполне легко. Только теперь я это поняла. И опять удивляюсь своему счастью, что узнала Вас. <...> Ваша жизнь, Ваша личность, для меня бесконечно притягательны. Ваш путь, Ваш опыт — добра и зла — стоит передо мной — если бы я имела силу и дарование идти именно по Вашему пути! (4 апреля 1924 г.).

Если бы Вы знали, Вячеслав Иванович, как я стосковалась по Вас <...>. И не потому вовсе, чтобы Вы одобряли во мне всё — во все нет, но я радостно предаюсь Вашему суду, потому что знаю: Вы знаете и понимаете меня всю; если осуждаете, то для того, чтобы повести дальше, если останавливаете, то для того, чтобы дать большую свободу. <...> Я не могу говорить вполне свободно, так как хочется, как чувствуется... <...> Только с Вами я могла бы быть собой вполне, не удовлетворяясь собой и почти слыша свой духовный рост! (6 мая 1925 г.).

К.М. Колобова:

Люблю Вас по-прежнему, может быть даже больше, чем прежде (если это только возможно) и часто колдую в тиши, чтоб Вы были здоровы, счастливы и спокойны, а мне больше ничего не надо. <...> И когда я чувствую взгляд Ваш — острый и всевидящий, мне легче идти и веселее работать (20 октября 1924 г.).

Ведь к Вам привязалась я так сильно и так истинно, в Вас так верю и так жду Вашего возвращения, а сейчас болею о Вас <...> Будьте только счастливы, насколько возможно, и спокойны, а мне больше ничего не надо. <...> Я все еще недорослая Ваша ученица, я все еще не могу, не смею и не посмею говорить с Вами о Вас, как друг, хотя люблю Вас, как мне кажется, очень

глубоко. <...> Ну да это все не о том и Вам вовсе не нужно моих пылких объяснений... Простите (16 ноября 1924 г.).

Простите меня, что я пишу Вам. Но для меня так отрадно говорить с Вами, думать о Вас и любить Вас. А еще верю я и тому, что Вы меня не совсем забыли, хотя не пишете, хотя не думаете... (13–15 февраля 1925 г.).

Я бы хотела хоть на час, хоть на минуту увидеть Вас. Я знаю, что я бы ожила, снова поверила в себя. Дорогой Вячеслав Иванович, даже если теперь я выживу, то только во имя Ваше <...> Все снова думаю и думаю о Вас с невыносимой отрадой <...> (1/17 февраля 1927 г.)³⁶.

³⁶ По мнению Е.А. Миллиор, из всех его учеников, «пожалуй, больше всех он [В.И.] любил Ксению [Колобову], ждал от нее много. А может, не любил, но высоко ценил, много и взволнованно думал о ней» [54, с. 13]. Наблюдение это особенно интересно, поскольку Колобова, дочь священника, сложившего сан, рано потеряла веру, оставалась атеисткой на протяжении жизни и позднее, как представляется, по убеждению, приняла марксизм: «Этот поступок отца и переезд в Баку глубоко затронул сознание как взрослых, так и детей; в дальнейшем никто из её членов не был религиозно настроенным человеком. Думаю, что именно с этим событием было связано и то, что К.М. всю свою жизнь сторонилась религиозной проблематики, мало интересовалась историей христианства. Вероятно, в силу тех же причин она, будучи ученицей Вяч. И. Иванова, оказалась невосприимчивой к религиозно-мистическим темам и мотивам его творчества» [19, с. 491]. Тем более удивителен силой чувства его сонет с посвящением В.И., написанный уже после его отъезда и посланный ему в Рим, в котором он сопоставляется непосредственно с Иисусом Христом:

Учитель светлый! Руку возложи
И вдохнови меня на подвиг трудный.
Ведь Ты такой настойчивый и мудрый
Смиришь восстания и мятежи.
Ты, смелый ведал многие провалы.
Ты сможешь от падений уберечь,
Твои слова — остроконечный меч ...
Что разум мой — мутящийся и вялый?
Мне всюду чуется один конец.
Мое бессилье не имеет меры,
Но духом упования и веры
Я знаю — смотрит на меня Отец.
Так будь же мне Мессией и Предтечей!
Мне кажется, что Ты от Бога дан,

М.С. Альтман (отношения которого с В.И. складывались сложно и весьма неоднозначно, о чем будет подробнее сказано ниже, раздел VI):

Дорогой Вячеслав Иванович, о своих чувствах к Вам ничего не пишу, Вы знаете их. <...> И за все благодарен Вожатому, скрестившему на целых четыре года (какое счастье!) мое распутство с Вашим перепутьем (15 марта 1925 г., в Рим — поистине, «крик сердца», после приступов отчуждения и злости, вплоть до их разлуки).

Через полгода, и более того:

И вот, перед самым моим отъездом [возвращением в Ленинград из Баку после каникул. — В.Р.] вспыхнула опять у меня воля к прошлому, но не к прошедшему, к тому периоду, когда, провожаемый или преследуемый странными судьбами, очутились Вы в “огнеродном вертограде” и сквозь весь дым и чад (тогда меня обволакивавший) “о прозорливые орлы!”, не проглядели там и сям разрозненно-мелькающих искр. Больше того, Вы дали тем искрам случение <так!>, помогли мне собрать, сосредоточить их в устремление единого пламени. И стало с тех пор для меня просвещение — просветление, непрерывным высветлением. Так “нравы укротил наукой” Ваш гений тем, что он был не только “академик”, но и мореплаватель по моему подземному морю, вожатый и кормчий по тихим звездам. Те всегда и поныне на моем ночном небосклоне. <...> Вам, поблизости с Крестом <...> повеять свежей струей старины, Вам бы благовестить, мне же в восторге внимать. И замолчать. <...> Но Вам не впервые грехов моих подобных [i.e., стихов] (и неподобных) быть страдающим свидетелем. Увы, и даль Вас не спасает: досягают письма — и посягают. Уже это не первое мое Вам письмо. То оста-

Что Ты грядешь в сиянии Осанн
И лик Отца в Тебе вочеловечен.
12 мая 24 года
(РАИ. Оп. 5. К. 6).

О сложностях, в том числе идеологических, в их отношениях, см. ниже.

лось безответным, на это тем не менее надеюсь. Ибо в том письме были у меня к вам такие слова, которые не могли не вызвать Вашего отклика. И однако это случилось. Значит... Не знаю, что значит. Может быть, Вы полагаете, что Вы мне уже достаточно много, даже слишком много дали. Это — так. Но ведь “имущему еще дается” и “рука дающего не скудеет”. Я знаю, что Вы меня не очень любите (и это не только справедливо, но и великодушно), но ведь капелька любви ко мне журчит в Ваше сердце, тогда ответьте, дорогой Вячеслав Иванович. Впрочем, виноват, капелька не может журчать и покорно принимаю Ваше молчание (мне) (15 августа 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 2))³⁷.

Внимательный читатель Платона обнаружит нечто схожее, *mutatis mutandis*, в нюансированном описании последним «романов» с Сократом наиболее близких его учеников.

III

Сказанное выше вряд ли сможет удовлетворить самопровозглашенных моралистов, в том числе, и в научной среде, готовых, вписывая всякое лыко в строку, обвинить кого угодно в чем угодно, исходя из черно-белого манихейского взгляда на человеческую природу (В.И. называл это «моралином»³⁸), а его самого по данному поводу — в «развращении молодежи» (как некогда точно так же был обвинен Сократ). Его «исповеднические аудиенции» легко объявить опасным и непрофессиональным вторжением в душевную жизнь. Более того, современный ака-

³⁷ Письмо подписано: «Навсегда Ваш признательный с любовью и благоговением». В отличие от Мануйлова, сопровождавшего В.И., Альтман сам по себе отправился в Москву, где они встречались, но по-настоящему так и не простились (см. ниже, раздел VII).

³⁸ Ср. «Против всяческого моралина предостерегал меня Вяч. Ив., кажется, не без успеха. Он подчеркивал, что “моралин” тесно связан с неверием, “безбожием”. Очень жалею, что тогда же не записала его блестящего рассуждения, но приблизительно оно сводилось к тому, что “Бог это свобода”, а где нет Бога, там остается только ядовитый и бесплодный моралин» [54, с. 15].

демический этос не просто осуждает подобные отношения студентов и преподавателей, но в некоторых странах может предписать строгую кару, вплоть до исключения и увольнения виновных. Наконец, восторженный «культ личности», сложившийся среди «избранных» вокруг его фигуры, до известной степени сходствует с практикой «учительства» и «ученичества» в разного рода сомнительных сектах и общинах. Разумеется, предпринятая В.И. «групповая» пайдэя, исходящая из эмпатии и притяжения на грани эротического, причем с обеих сторон, по своей природе этически амбивалентна, и он должен был в той или иной степени осознавать заложенные в ней риски срывов и душевных травм³⁹. Такова, собственно говоря, и сама жизнь: здесь же все зависит от индивидуальностей тех, кто вовлечен в образовательный или воспитательный процесс, и от намерений его участников. В данном случае, даже при поверхностном рассмотрении, стиль педагогики В.И. поражает сочетанием строгости формы и свободы, открытостью содержания: монолог сменяется диалогом, беседа или спор становятся дискуссией на любые затронутые темы. Мнения не навязывались: подобно окружавшим Сократа, юные «содружники» В.И. были вправе соглашаться с ним или нет, оставаясь при своем. Результатом часто стано-

³⁹ Нет никаких оснований полагать, что В.И. сознательно содействовал возникновению этого «культа» или собственного статуса «гуру». Напротив, он держался с подчеркнутой скромностью (даже если иногда ложной, ибо он знал себе цену) и общался с окружающими, как индивидуально, так и коллективно, на равных — первейшее качество подлинного педагога. В его частных рассуждениях, не лишенных тщеславия, о собственной гениальности, славолюбии, склонности к славословию, также прослеживается иронический подтекст (напр.: [39, с. 31, 50–51, 103]). Очевидно, что студенческий кружок вокруг В.И. формировался, с одной стороны, спонтанно, но с другой — через поощрение тех, кто был ему интересен. Ср.: «И потом, эта возможность говорить с Вами решительно обо всем, о самом значительном и о повседневном — вот это счастье! <...>» (письмо Е.А. Миллиор к В.И. от 6 мая 1925 г.). О том же — М.С. Альтман: «О чем мы только не беседовали!» [39, с. 310]; «В течение четырех лет мы видались почти ежедневно, и беседы наши длились далеко за полночь. По самым различным поводам, на самые разнообразные темы, то в окружении многих других, чаще всего уединенно вдвоем, протекали эти «разговоры»» [39, с. 14].

вилась перспектива, снимавшая противоречия, обобщая совместимое и приемлемое из сказанного каждым⁴⁰.

Это не отменяет, тем не менее, вопроса о вредности, в социально-психологическом плане, упомянутого выше «культа личности», независимо от привходящих обстоятельств (таких как харизма, масштаб популярности, число последователей), сферы деятельности (политика, религия, музыка, кино, спорт), и даже от того, насколько аутентичен или конструктивен данный пер-

⁴⁰ Разумеется, педагогическая тактика В.И. выглядит существенно более изощренной, чем известная нам из текстов Платона и Ксенофонта «сократовская» манера, тем не менее напоминающая — в некоторых чертах — классический греческий *агон*, соревнование в *диалектике*, искусстве рассуждений, им стимулированное, не только между учениками, но и между ними и им самим, — педагогика В.И. принципиально противоречила самому понятию личностного культа. О связи между *диалектикой* (в античном смысле слова) и этикой у Сократа см., напр., Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», 4, 5, 12. Ср. свидетельство Мануйлова: «Всегда было взято все самое главное, самое существенное, Вячеслав Иванович знал, что всего нужнее и интереснее собеседнику. Он понимал всякий раз, в каком состоянии приходит к нему человек, прекрасно чувствовал, что волнует в данный момент его собеседника и сразу же отвечал, иногда по ассоциации, исходя, может быть, сначала из случайного и частного и приходя кратчайшим путем к цели. Разговор всегда поражал двумя противоположностями. Вячеслав Иванов был человек мягкий, но мягкость была тигриная, волевая» [51, с. 90]. (Последняя характеристика довольно точно приложима к платоновскому Сократу.) Умение В.И. сближать точки зрения, даже противоположные, часто упоминается мемуаристами. Классическим примером является его «Переписка из двух углов» с М.О. Гершензоном. Ср. также: «Всегда поражала меня в Вяч. Иванове необычайная способность с каждым говорить на те темы, которые его больше всего интересуют. Но это было не только приспособление к людям, не только гибкость и пластичность, не только светскость, которая в Вяч. Иванове поистине изумительна, — это был дар незаметно вводить каждого в атмосферу своих интересов, своих тем, своих поэтических и мистических переживаний через путь, которым каждый идет в жизни...» [41, с. 98]. У Ксенофонта Сократ юмористически рассуждает о своем «искусстве сводничества», помогающем людям нравиться друг другу, и о «родственном» таковому «искусстве завлечения» (Ксенофонт, «Пир», 4, 56 сл.). В отношениях с окружающими В.И. отличался, как мы знаем, неординарной терпимостью, но и у него случались серьезные конфликты с достаточно близкими людьми по тем или иным причинам, как-то: с Белым, Брюсовым, Кузминым. Были у него также идейные антагонисты, не только из «безбожного» лагеря, но и среди православно-ориентированных писателей, например, Иван Ильин.

сонаж, исходя из ценностных категорий той или иной культуры. В принципе, проблема сводится к заповеди «не сотвори себе кумира», понятой не в узком ее смысле запрета идолопочитания, но как метафора — предостережение против эксцессов в поклонении, восхищении или обожании, будь то человек или идея, или что иное, на всех стадиях нашего бытия. На массовом или групповом уровне такая ситуация чревата катастрофой — тому примеры наличествуют и поныне. В обиходном же, персональном смысле это означает недопустимость идеализации даже выдающейся личности, поразившей наше воображение или (хотя и не обязательно) нам хорошо знакомой и доступной. Опасность тем более велика, что за этим почти всегда, рано или поздно, следует разочарование, способное покалечить молодые души, внося внутренний разлад, порождая агрессивность, равнодушие или нигилизм. Принимая во внимание эмоциональный накал, присутствовавший, как это следует из приведенных выше текстов, в их отношениях к В.И., эта дилемма должна была остро ощущаться «избранными» его студентами, и можно было бы ожидать возникновения (с ним и между ними самими) психодраматических конфликтов (обычное явление среди культурных элит) и разрывов с последующей обоюдной враждой. Отдельные психодрамы имели место — как с К.М. Колобовой и М.С. Альтманом, которых он особенно выделял⁴¹. Бывали отдаления менее близких, но

⁴¹ Два таких конфликта, обретших значительную остроту, близкую к разрыву, но так и не случившемуся, произошли в отношениях В.И. с М.С. Альтманом и К.М. Колобовой. Их реконструкция на основе наличной информации, взятой из нескольких мемуарных, дневниковых и эпистолярных текстов, требует подробного изложения и толкования, невозможных в рамках настоящей работы. Имея как психологические, так и отчасти идеологические истоки, оба случая связаны, в той или иной степени, с жестким антагонизмом, возникшим между В.И. и экономистом Г.А. Харазовым (1877–1931), в то время профессором математики Бакинского Политехнического института, более известным сейчас в Европе по причине его экономических трудов, чем в России (см., напр.: [12; 28]), и по всей видимости полиматом — помимо экономики, он писал и публиковал сочинения на темы физики, психоанализа, литературы, а также стихи. Е.А. Миллиор сообщает: «Одного человека Вяч. Ив. считал своим глубоким принципиальным врагом — Григория Артемьевича Хоразова [sic]. Хоразов был человек замечательный, по словам самого Вяч. Ив-ча, “человек с ге-

разрывов и даже необратимых разочарований не произошло. Напротив, как мы знаем, ему удалось сохранить любовь и восхищение наиболее преданных ему бакинских студентов до конца их

ниальными способностями” <...> Вячеслав формулировал философию Хоразова приблизительно так: “Для него весь мир, вся вселенная — клоака”. Определение вполне правильное» [54, с. 23]; ср. в другом месте, она же: «Так вот Харазов этот — мировоззрение его я не берусь характеризовать, может быть это был и сатанизм, а может быть, это был полный нигилизм, но во всяком случае это было нечто чуждое и принципиально враждебное Вячеславу Ивановичу», — тем не менее признавая, что «это был человек, который оказывал большое влияние на всю нашу группу» [55, с. 54]. Известно, что Харазов продвигал марксизм и фрейдизм — оба учения решительно отвергаемые В.И. (об интересе окружавшей его молодежи к последнему учению, см.: [55, с. 12, 24; 38, с. 263–262]). Сложившийся «многоугольник» отношений между обоими профессорами и студентами, куда входили, помимо Альтмана и Колобовой, отчасти Миллиор и Л.А. Гуляева (см.: [55, с. 52–54; 54, с. 17, 23–25; 38, с. 70, 124–125, 172 сл., 241–244, 259, 263–266, 269, 272–273, 276, 312, 313, 344, 345, 348, 358]; письмо К.М. Колобовой к В.И. в Рим от 16 ноября 1924 г.; ср.: [32]), может стать темой отдельного интересного исследования. Если вкратце, то создается впечатление, что Харазов играл роль своего рода Мефистофеля, как интеллектуального, так и, в самом прямом смысле, сексуального, провоцируя выбор между собой и В.И.; ср. характерную дневниковую запись Альтмана, сделанную в день знакомства с Харазовым: «Сегодня я встретил дьявола», — и заявление ему последнего: «Я выбью из Вас Вяч. Иванова» [38, с. 311]. Миллиор, которую В.И. поставил перед выбором («Может быть, он чувствовал, что я человек, легко попадающий под влияние, и не хотел отдавать меня Харазову»), после короткого колебания, прекратила нежелательные контакты ([55, с. 53]; ср.: [54, с. 23]); Колобову же и Альтмана она причисляет к «последователям» Харазова [54, с. 24]. По ее воспоминаниям, сам Альтман говорил ей, что «Харазов был антиподом, антагонистом Вячеслава Иванова в области мировоззрения, и оба они были настолько сильными, что он от Вячеслава Иванова ходил к Харазову, чтобы не полностью поддаться влиянию Вячеслава, и от Харазова ходил к Вячеславу, чтобы не полностью поддаться влиянию Харазова» [55, с. 52]. Не удивительно, что в обращенном к нему сонете В.И. читаем: «Мятежному добро ль ученику / Довериться, как сердце подсказало, / Решат года» (1923). Колобова совместно с Альтманом и третьим лицом (неким П.П. Штейнпрейсом, о котором читаем: «Учеником и другом Вячеслава он никогда не был» [54, с. 25]) приняла участие в демарше с рецитацией стихотворения Харазова в спенсеровских строках «Седьмой греческий мудрец — Карл Маркс» перед В.И., вызвав его чрезвычайный гнев: стихи ему «показались записками сумасшедшего, причем самый характер сумасшествия как идиотический, плоский вид безумия, двухмерный, по форме же он нашел их балаганными» (Дневниковая

дней. (О замечательной преданности Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлова памяти В.И. и неизменном их восхищении им как человеком, мыслителем и творцом, помимо их исполненных благодарности опубликованных воспоминаний, может свидетельствовать на основе многих бесед с ними обоими и автор этих строк).

Есть основания полагать, что важным фактором, способствовавшим снижению патетического напряжения, или «смятения чувств», внутри и вовне сложившегося круга его юных почитателей, и восстановлению непринужденности отношений между всеми ними служила неординарная способность В.И. к самоиронии и, более того, к сознательной «иронизации», если можно так выразиться, как собственного образа в глазах окружающих, так и различных сторон их образа жизни. Принцип этот укоренен в творческом темпераменте В.И. и содействовал его умению преодолевать искушение гордыни и противоречия земного бытия⁴². Уже во время «Башни», игровой и смеховой компонент в

запись М.С. Альтмана от 6 мая 1924 г., впрочем, автор дневника признает, что инстинкты бунтарской троицы «были порядка невысокого» [38, с. 276]; ср.: [55, с. 53–54]). В письме в Рим от 16 ноября 1924 г. Колобова объясняет свое влечение к Харазову (степень их сближения остается неясной) расстройством, вызванным отъездом самого В.И.: «Я по своей врожденной сумбурности решила, что если Вас нет, а все равно погибла и в отчаянии кинулась в самый грязный омут (потому что Харазов все-таки омут), какой могла найти», и далее сообщает об их окончательном разрыве, вызванном высказыванием Харазова, связанном с В.И., настолько оскорбительным, что она отказывается его повторить «даже подчас себе». Даже Лидия Гуляева посчитала важным уведомить В.И. в Риме, что она «крупно и навсегда поссорилась с Харазовым» (письмо от 19–20 января 1925 г.). Здесь следует подчеркнуть, что по свидетельству Е.А. Миллиор, сам В.И. по отношению к Харазову внешне всегда держался «крайне любезно и дружелюбно» [54, с. 24] — наподобие манеры опять же Сократа при общении с его идейными антагонистами, такими как Калликл (в «Горгии») или Трасимах (в первой книге «Государства»).

⁴² «Особая черта творчества Вяч. Иванова, — пишет С. Аверинцев, — юмор, чаще более или менее латентный, во всяком случае, не только не противолежащий серьезности метафизических тем, но напротив, к ней определенно тяготеющий. Есть тип поэта, для которого неизбежно отведение природных пересмешических способностей в обособленное русло шуточного стихотворства, позволяющее серьезности этого поэта избежать какого-либо инфицирования юмором. <...> Напротив, у Вяч. Иванова, у которого пульсация юмора ощутима

поведении ее обитателей бросается в глаза: наиболее яркий пример — пьеса для «домашнего исполнения» Лидии Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел», где тогдашние взаимоотношения В.И. с Сергеем Городецким комически травестированы под шекспировский «Сон в летнюю ночь». Игровая и шутливая атмосфера такого же рода характерна и для быта семьи Ивановых в эмиграции. Столь же интересен в этой связи замысел комедии о Ницше в духе Аристофана, о котором В.И. поведал Альтману 3 февраля 1921 г.: по сюжету сам философ (к коему, по собственным его словам, он испытывал «большое уважение»), в виде новоявленного Заратустры, должен был излагать свое учение — как истинное дионисийство — Дионису и его сатирам и быть отвергнутым слушателями: «Происходят забавные *qui pro quo*, причем особенно забавными оказываются ницшеанцы. Тут может быть выведен и Вагнер, который, кстати сказать, как все торжественные, особенно может быть юмористичен. <...> От великого до смешного шаг, от торжественного до смешного еще меньше, часто ни шага» [38, с. 44].

Эти соображения помогают объяснить возникновение любопытного текста, под названием «Багриада. Шуточная поэма», недавно обнаруженного, обнародованного и превосходно откомментированного А.Л. Соболевым [33], — одновременно пародии и травестии, в форме ироикомической поэмы (108 строк гекзаметром), несомненно вдохновленной псевдо-гомеровской «Батрахомиомахией» и нацеленной на осмеяние факультетских раз-

в самом средоточии его поэтического любомудрия, мы сыщем мало шуточных стихотворений в конвенциональном смысле этого термина» [2, с. 157]. Представляется, однако, что этот аспект личности и творчества В.И. все еще недостаточно изучен. Ср. свидетельство Мануйлова: «Значительность всего, связанного с Вячеславом Ивановым, глубина и проникновенность его речей часто сочеталась с иронической улыбкой, грациозной шуткой, полунамеком на бытовые мелочи, понятным только двум-трем его собеседникам. Это сочетание значительности и простоты, жреческого, почти торжественного спокойствия и непринужденной свободы и легкости общения, всегда удивляло и восхищало меня. Быть может, это объяснялось не только мудростью Вячеслава Иванова, но и чуткостью его, способностью отчетливо представлять себе состояние собеседника, подлинным тайновидением» [51, с. 90].

борок между профессорами, с В.И. и его противником А.В. Багрием в главных ролях. Речь идет, по всей видимости, о попытке, предпринятой Багрием, ликвидировать классический кабинет, содержащий собрание книг для пользования студентами, бывшее при этом личной собственностью В.И. Среди персонажей «Багриады» фигурируют далее известные нам лица из числа его студентов, члены семьи и друзья В.И, а также, удивительным образом, нарком просвещения АзССР Мустафа Закарья оглы Кулиев («Речью своей сладкогласной пьянящий сердца правоверных...»). Само по себе нечто подобное, в форме эпиграмм, пасквилей, карикатур и т. д., характерно для любого образовательного процесса, начиная со средней школы, позволяет обучаемым выразить свой *ressentiment* по отношению, чаще всего, к нелюбимым, а то и ненавидимым педагогам, а обучающим испытать *Schadenfreude* за счет непопулярных коллег. Отметим, что текст «Багриады», не лишенный дерзкого остроумия, местами на грани издевательства, рисует обоих протагонистов в весьма непрезентабельном свете, например:

Бой начался. Очки укрепив на носу попрочнее,
Багрий и Вячеслав схватились в решительной схватке.
Звонко ударил по лысине Багрий жреца Диониса,
Тот же ответствовал в перси и вперся перстами в омфалос.
Долго тузили друг друга. Очки прозвенели внезапно <...>.
Что же с бойцами случилось? Стоят и не видят друг друга.
Корчатся члены еще, и злоба еще не угасла,
Воздух шпыняет перстом Вячеслав парисоподобный,
Багриев сын Александр беспомощно шарит руками.
<...>
Настя очки подмела — в ящике сорном найдете,
Клочья кровавых носов в банках со спиртом лежат.

Наиболее примечательно в данном случае авторство «Багриады», прямо указанное в документе: М. Брискман и В. Мануйлов — последний, как мы знаем, едва ли не самый страстный поклонник и приверженец В.И. Текст датирован 30–31 декабря 1923 г. и, возможно, предназначался для новогоднего развлечения

ния. Очевидно, что оба автора твердо знали (а значит, имели место какие-то прецеденты): ознакомление с этим сочинением, паче таковое произойдет, ни в коем случае не ухудшит отношения к ним со стороны по крайней мере, одного из двух главных его персонажей, а может даже улучшить — смелость и рапаче самой затеи будут надлежащим образом оценены; что же может подуматься на этот счет другой, их, наверное, мало волновало⁴³. (Нельзя, однако, исключить, что обструкция, которой подвергся Мануйлов со стороны Багрия по отъезде В.И. в Италию, на которую он жалуется в письмах, была вызвана, среди прочего, знанием о том, что он участвовал в написании этого «пасквиля».)

Здесь невольно вспоминается знаменитый «сократический» прецедент, и по сию пору вызывающий ученые дебаты, а именно: противоречие между очень злой и предвзятой сатирой на Сократа, доказуемо извратившей его историческую личность, в комедии Аристофана «Облака», поставленной афинянами на празднике Великих Дионисий в 423 г. до Р.Х., и изображением дружеских отношений между ее автором и философом в «Пире» Платона, действие которого происходит семь лет спустя. (И это учитывая, что эта карикатура, представив Сократа в образе софиста, беспринципно манипулирующего словами, идеями и людьми — особенно в отношении молодежи, а его характер и деятельность — по всем параметрам противоположными тому, каким он детально описан не только Платоном, но и Ксенофонтом, запечатлелась в массовом сознании его современников и сыграла свою роль в суде над ним с последующим смертным приговором четверть века спустя — ср. Платон, «Апология Сократа», 19с; перевод М.С. Соловьева). Аристофан и Сократ не просто высту-

⁴³ «Багриада» находится в архиве М.А. Брискмана (РНБ. Ф. 1360. Ед. хр. 19). Об Александре Васильевиче Багрии (1891–1949), историке литературы, лекционере и библиографе, А.Л. Соболев пишет: «Источники этой неприязни, по всей вероятности, лежат в обыденных областях — старожилу кафедры (относительному — ибо сам университет был весьма юн), приверженцу точных научных методов, сочувственнику формалистов должен был оказаться органически чуждым блестящий неопит и златоуст, прибывший в ореоле недвусмысленной славы и без особых усилий покоривший студенческие и преподавательские сердца» [33].

пают с речами, вошедшими в культурный оборот (один излагает миф об андрогине, а другой — якобы идеи своей мудрой наставницы Диотимы Мантинейской), но они беседуют, приходя к согласию, на столь значительную тему, как сущность комического и трагического⁴⁴. В другом тексте Сократ тонко вскрывает противоречие в самой природе комедии: «А разве тебе неизвестно, что и в комедиях наше душевное настроение также не что иное как смесь печали и удовольствия?», и далее: «Итак, наше рассуждение гласит: смеясь над смешными свойствами друзей, сочетая удовольствие с завистью, мы смешиваем удовольствие со страданием. Ибо мы уже раньше согласились, что зависть есть

⁴⁴ «Сократ вынудил их [третьим в их беседе был автор трагедий Агатон] признать, что один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию и трагедию и что искусный комический поэт является также и поэтом трагическим» (Платон «Пир», 223d; перевод С.К. Апта). Ср. позицию одного из авторитетных интерпретаторов Платона Лео Штрауса: «Аристофан и Сократ появляются перед нами в “Пире” Платона около семи лет после первой постановки “Облаков” <...>, вовлеченные в дружеский разговор, завершающийся согласием о предмете величайшей важности для Аристофана, комедии и трагедии; Аристофан соглашается с мнением, высказанным Сократом. В этой единственной платоновской презентации Аристофана поэт выглядит очень близким Сократу» ([35, р. 5], перевод наш). Исходя из предпосылки отсутствия враждебности между Сократом и Аристофаном, Штраус выстраивает свою концепцию их разногласий как становившееся традиционным противопоставление философии и поэзии, наиболее явно выраженное в «Государстве» Платона. Крайне примечательно при этом, что за несколько десятилетий до Штрауса аналогичное мнение в разговоре с Альтманом высказал В.И.: «Но у греков был еще один вид комедии, который мы теперь не имеем, — это комедия не лиц, не типов, а идей, глубоко-мысленная аристофановская комедия. Его произведение “Облака”, например. Существует мнение, что это враги Сократа, впоследствии предавшие его суду, подкупили будто бы Аристофана, чтоб он выставил Сократа в таком виде и тем лишил его симпатии народа. Но вряд ли это соответствует истине. Вернее, что Аристофан вполне дружески создал это творение, и очень правдоподобно, что сам Сократ, видевший его, много смеялся. Что Аристофан не был врагом Сократа, видно хотя бы из того, что Платон весьма любил Аристофана, а это не могло бы иметь места в случае вражды Аристофана с Сократом» [39, с. 42]. Ср. высказывание В.И. касательно идеи «дионисийской» комедии, рассказанной им Альтману, цитированное выше: «Я сам отношусь к Ницше с большим уважением, однако я когда-то думал выставить Ницше в комическом виде наподобие того, как это сделал Аристофан с Сократом» [39, с. 44].

страдание души, смех же — удовольствие, а в этих случаях то и другое бывает у нас одновременно» («Филеб», 48а, 50а; перевод Н.В. Самсонова)⁴⁵. Примечательно, что в платоновских диалогах ирония других по отношению к нему и самоирония Сократа составляют существенный аспект их интонаций. Время от времени комическое восприятие себя инспирирует он сам, как, например, в шутливой перепалке на пиру у Агафона с пьяным Алкивиадом, побудившей последнего произнести ему панегирик, начав с осмеяния — путем сравнения его с силенами и сатирами⁴⁶, мифическими персонажами из окружения Диониса, внешне уродливыми, далеко не благопристойными и всегда навеселе, притом, что важной целью этой речи является — следует отметить — утверждение целомудренности Сократа. В завершение речи Алкивиад возвращается к ее началу:

В самом деле, если послушать Сократа, на первых порах, его речи кажутся смешными: они облечены в такие выражения, что напоминают шкуру этакого наглеца-сатира <...>, и кажется, что говорит он всегда одними и теми же словами одно и то же, и поэтому всякий неопытный и недалекий человек го-

⁴⁵ Ср. комментарий к этому месту Лео Штрауса: «Состояние души в комедиях есть смешение от удовольствия невинного преувеличения нашими друзьями их мудрости и огорчения, вызванного завистью. Это состояние души никогда не свободно от несправедливости» [35, р. 5]. В известном смысле этот вывод приложим к авторству и содержанию «Багриады». Об интересе В.И. к Аристофану свидетельствуют и его идея комедии о Ницше, высказанная Альтману, и статья «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» [46, т. IV, с. 387–398].

⁴⁶ «Хвалить же, друзья мои, Сократа, я попытаюсь путем сравнений. <...> Более всего, по-моему, он похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов. <...> Что ты сходишь с силенами внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать. <...> Ведь он только напускает на себя такой вид, потому и похож на полого изваяние силену. А если его раскрыть, сколько рассудительности, дорогие сотрапезники, найдете вы у него внутри. <...> Не знаю, доводилось ли кому-либо видеть таящиеся в нем изваяния, когда он раскрывался по-настоящему, а мне как-то раз довелось, и они показались мне такими божественными, золотыми, прекрасными и удивительными, что я решил сделать вскорости все, чего Сократ не требует» (Платон «Пир», 215а–217а).

тов поднять его речи на смех. Но если раскрыть их и заглянуть внутрь, то сначала видишь, что только они и содержательны, а потом, что эти речи божественны, что они таят в себе множество изваяний добродетели и касаются множества вопросов, вернее сказать, всех, которыми подобает заниматься тому, кто хочет достичь высшего благородств (Платон «Пир», 221e–222a; перевод С.К. Апта)⁴⁷.

Иными словами, часто культивировавшийся Сократом комедийно-эксцентричный *modus operandi*, отнюдь не противореча, а отчасти даже способствуя решению поставленных им «майевтических» задач, обеспечил ему статус в глазах учеников и друзей не только как высшего авторитета в их дискуссиях, но и «человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого» (Платон «Федон», 118a; перевод С.П. Маркиша). Наконец, несколько обобщая, стоит указать на взаимосвязь комедийного компонента, присущего поведению Сократа и его окружения в Афинах, и атмосферы, сложившейся среди студенческой молодежи вокруг В.И. в Баку, с тем, как понимал значение «смеховой культуры» Бахтин, а именно: как условие внутреннего освобождения (но не безграничной свобо-

⁴⁷ Одноименный с платоновским диалог «Пир» Ксенофонта (действие происходит в доме богача Каллия) и отчасти также трактующий тему Эроса, опять-таки пронизан смехом, который часто инициирует Сократ, успешно соревнуясь в этом с профессиональным шутом Филиппом, специально приглашенным хозяином для увеселения; он и здесь сравнивается с силеном (Ксенофонт, «Пир», 4, 19). Например, он сильно смешит окружающих, заявив что больше всего гордится своим «искусством сводничества», а позже объявляет его общепольным, поскольку оно помогает людям нравиться друг другу, тем самым сближая их: «Кто способен узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонять к дружбе, и браки устраивать подходящие; он был бы дорогим приобретением и для городов, и для друзей, и для союзников» (4. 64); ср. у Ксенофонта же: «Самые шутки его оказывали на окружающих его лиц несколько не менее благотворное влияние, чем серьезные разговоры» («Воспоминания о Сократе», 4, 1, 1; перевод С.А. Соболевского). Об умении В.И. сближать людей и различные точки зрения, см. выше, прим. 39.

ды!) — и, соответственно, обретения чувства достоинства, потребного для духовного роста⁴⁸.

IV

Здесь неуместно и невозможно дать хоть сколько-нибудь целостное представление о диалектически противоречивой философии Эроса у Платона⁴⁹, в котором он увидел центральный принцип бытия, связующий (если отвлечься от метафорики и мифопоэтики, присущих текстам этого автора) тем или иным образом имманентное с трансцендентным, от низшего к высшему, обусловив душевно-духовную прогрессию, впоследствии известную как *scala amoris*, лестница любви⁵⁰. Собственно, в платоновских

⁴⁸ Ср. С. С. Аверинцев в статье о Бахтине и «бахтинизме»: «Смех — это не свобода, а освобождение; разница, для мысли очень важная <...> но куда важнее другое: он по определению, предполагает несвободу как свой исходный пункт и свое условие. Свободный в освобождении не нуждается; освобождает тот, кто *еще не свободен*. <...> Иное дело — юмор. Если смеховой экстаз соответствует освобождению, юмор соответствует суверенному пользованию свободой. <...> Наиболее благородные виды смеха над другим также до известной степени позволительно интерпретировать как смех над собой» [1, с. 120–122].

⁴⁹ Литература о Платоне и его философии Эроса чрезвычайно велика. Из сравнительно недавних отмечу отчасти суммарную, но отчасти полемическую работу Held D. “Eros, Beauty and the Divine in Plato” [29]. См. также: Bonner K. “Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato’s Symposium and in Modern Life” [25]; Bussanich J. “Socrates the Mystic” [26]; Sheffield F. “Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus” [34]; Urstad K. “Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato’s Symposium” [35].

⁵⁰ Ср. у D. Held: для Платона эрос — «непревзойденная метафора философской жизни». И далее краткий парафраз из «Федра»: «Вначале влюбленный возбужден физической красотой возлюбленного, и Платон рисует живую картину души влюбленного, расправившей крылья возбуждения при созерцании предмета своего желания. Влюбленный философ естественно преодолевает физическое возбуждение, ибо красота возлюбленного вызывает в нем память о вечной красоте, каковую душа его созерцала перед облачением в земную жизнь. Очевидно, что влюбленные философы друг с другом обсуждают мысли более чем тела, при том, что философский эрос, стремящийся поселить добродетель и красоту в душе другого содержит аффективные и не-когнитивные компоненты» ([29, р. 159–160], перевод наш). О невозможности различения между взглядами Сократа и Платона на предмет Эроса: [29, р. 159].

терминах, речь идет о невозможности подлинного познания, а, следовательно, и знания как чувственным, так и умственным путем, но лишь преодолевши границы человеческой ментальности, с целью постижения сферы Божественного, мира так называемых «идей» (εἶδοι — труднопереводимое слово, иногда трактуемое как «формы»), реально существующих в реально существующем, коих окружающий нас мир является лишь бледным отражением. В силу свойственных ему качеств, в том числе, и способности к безумию (μαῖνᾱ, ср. «Федр», 244a), Эрос является силой, дающей возможность философической, т. е. стремящейся к добродетели и мудрости душе осуществить внезапный прорыв (ср. «Пир», 210e) ради созерцания самой идеи Красоты (или Истины, Мудрости, Добродетели — в платоновском смысле, взаимозаменяемые и даже, в некотором роде, идентичные понятия (ср. «Пир», 201e–212)) во всей ее полноте. Подобный опыт познания, полагаемый достижимым, *mutatis mutandis*, во многих культурах принято называть мистическим (хоть в наши дни этот термин существенно девальвирован); по определению, его очень трудно, и отчасти даже неисполнимо, выразить в слове — и сам Платон, и его последователи, и множество переживших нечто подобное визионеров вынуждены прибегать к сложным конфигурациям образов, символов и аллегорий, в свою очередь, требующих еще более сложной экзегезы. Вопрос о том, является ли учение об «идеях» личным достижением Платона или в каком-то виде проповедовалось и Сократом, по-видимому, неразрешим; многие склоняется к первому, указывая на то, что Сократ мыслил, по мере возможности, сугубо рассудочно (ср. «Федон», 65e), и занимался (как это явствует с полной очевидностью из Ксенофонта), преимущественно земными делами, стремясь определить основные этические понятия и призывая слушателей познать самих себя. Как бы то ни было, ввиду наших целей важно оговорить, что для них обоих, как для их современников — софистов — философия, включая философию Эроса, отнюдь не являлась просто выбором интеллектуальной деятельности, но ставила практические, воспитательные задачи. Целью Сократа являлось, в первую очередь, нравственное наставление окружавших его слушателей,

главным образом, из молодежи, для достойного преуспеяния в быте и бытии, согласованных с богами, во имя обретения, в эллинском понимании, высшей добродетели (ἀρετή), выражавшейся в благородном характере и образе жизни (καλοκάγαθία) — отсюда и «маевтика», и «пайдэя». Диалог Платона «Алкивиад Первый», к примеру, прекрасно трактует — в практическом смысле — спектр представлений, составляющих в его эпоху «калокагатию»: от эротической инспирации и «романа душ» до познания себя и достижения «аретэ» — в понятиях истинной справедливости, личного и общего блага⁵¹. Нет основания считать, что он стремился превратить всех их в «любителей мудрости», посвящающих жизнь постижению высших истин, следуя путями философского Эроса: большинство из них продолжали заниматься обыденными делами, кто-то ушел в политику, как Алкивиад или Хармид, а иные, вроде Крития или Ликона, и вовсе превратились в его врагов. Тем не менее напомним, что из учеников Сократа вышли основатели с полдюжины философских направлений, причем некоторых, этически трудно совместимых (например, киренаики и киники). Платон же, напротив, создал философскую корпорацию с конкретным местоположением — Академию, настроенную, кроме этого, и на подготовку «профессионалов» и просуществовавшую, несмотря на различные отклонения и несогласия вплоть до ее закрытия Юстинианом в 529 г. по Р.Х. Свои философские проекты, в частности, построение идеального государства, Платон воспринимал практически и конкретно, безуспешно попытавшись обратить в свою веру двух сицилийских тиранов, тем самым продолжая пифагорейскую традицию философствующих исправителей мира.

Метафизика и психология Эроса составляла для В.И. предмет медитаций, рефлексий и интуиций на протяжении большей части его жизни, выражавшихся в его поэзии, эссеистике, научных сочинениях, а в некоторые моменты и при определенных обстоя-

⁵¹ Тема обладания «калокагатией» присутствует даже в сократическом диалоге Ксенофонта «Домострой» (Oeconomicus), посвященном ведению хозяйства, см. комментарий Лео Штрауса к этому сочинению: [36]. Обзор проблематики и трактовок этого понятия см.: [17].

тельствах, и в быту. Пожалуй, можно говорить о достаточно разработанном комплексе воззрений и убеждений, но — как и в случае Платона — вряд ли о философии в аналитическом смысле: ранее было отмечено, что визионерский опыт, мистическое переживание требует особого языка, и даже таковой, в конечном счете, не в состоянии адекватно выразить существо испытанного. Соответственно, размышления В.И. о природе Эроса по необходимости еще в большей степени, чем писания его античного вдохновителя, исполнены мифологем и метафор и, как положено символисту, изобилия символов — словесно и концептуально полисемантических и взаимозаменяемых. Он несомненно стремился к наиболее точному выражению словом мысли и чувства, и это во многом объясняет затруднительность в понимании его текстов: каждый следующий, даже казалось бы говорящий все о том же, несет в себе новые и глубокие, утонченные и уточненные нюансы смысла, так что читатель, осваивая многообразие интерпретаций, чужих и своих собственных, не может быть уверенным до конца в безусловной правильности любой из них. Вершина этой виртуозной, возможно, полусознательной техники — мелопея «Человек»⁵². В совокупности высказывания В.И. об Эросе, в разных контекстах и с разными целями, являют собой единый, чрезвычайно богатый спектр идей и прозрений, требующих не только глубинного уразумения и сопереживания, но и адекватного изложения, совершенно невозможного в формате настоящей работы⁵³. Соответственно, для более узких целей довольно будет указать и то очень кратко, не вдаваясь в детали аргументации, несколько существенных точек отсчета, так или иначе касающихся преподавательской практики В.И.,

⁵² О которой см., напр.: [21].

⁵³ Основополагающая работа о значении и роли Эросе в творчестве В.И. — монография польской исследовательницы Марии Цимборска-Лебода «Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви» [22] — образец подлинного вживания в умозрительную вселенную В.И., осмысления его эротического мировосприятия во многих и тонких его нюансах и соотношения его идей с предшествующими, современными ему и последующими философиями любви. В моих кратких комментариях на данную тему я следую, главным образом, аргументации и выводам этой книги; ср. также: [5].

в соотношении с доступными свидетельствами его бакинских студентов.

В отношении Эроса, как и в других аспектах своего мировоззрения, В.И. следовал, если угодно, собственному творческому (а отчасти и жизнетворческому) антропологическому проекту — достижению некоего синкретизма высших истин эллинизма и христианства, ср: «Языков правду, христиане, / Мы чтим: со всей землей она / В новозаветном Иордане / Очищена и крещена» («Свет Вечерний» [46, т. III, с. 632]). Значительно укорененное в Платоне (и неоплатонизме), его восприятие Эроса в немалой мере отражает влияние св. Августина (а также Вл. Соловьева), тем самым метафизически — и этически — дополняя платоновскую эротику, исходящую главным образом из «эйдоса» красоты. Читаем недвусмысленно написанное в «Спорадах»:

Этика как бы не существует более в современном сознании обособленную от эстетики с одной стороны, от религии с другой. Ритм нашего долженствования определяется ритмом красоты в нашей душе; его содержание — нашим религиозным ростом и творчеством. Распадение этики на эстетику и религию было бы окончательным, если бы цельный состав ее не восстанавливался присутствием начала, равно общего эстетике и религии, равно коренного и исходного для обеих: это начало — Эрос. Итак, в строе новой души этика является эротикой, и правее могла бы именоваться эротикой («О любви дерзающей» [46, т. III, с. 13]).

Легко задаться вопросом о том, что здесь понимается под «этикой» — очевидно, не утилитарная («ветхая») мораль, которую В.И. считал, в лучшем случае, «простою гигиеной эмпирической личности в эмпирическом обществе», которая стремится «к наибольшему уплотнению — и вместе однообразному упорядочению — окружающей человека сферы его внешних энергий и зиждется на понятии собственности, как расширенного я: <...> — отсюда и кровавая месть, и все ее последствия до Моисеева и нашего культурного “не убий”» [46, т. III, с. 126]; ср.: [46, т. II, с. 595]; в худшем же — невыносимым и недопустимым «моралином». Принимая во внимание репутацию Башни, ее жи-

телей и посетителей в определенных ретроградных кругах, неудивительны обвинения В.И., на основе подобных высказываний, в «иммориализме», особенно когда это касается Эроса, иногда, вероятно, слышимые и сегодня.

В действительности же, стержнем его интеллектуальных страстей и исканий, в философско-богословской, равно как и религиозно-психологической перспективе неизменно оставалось взаимодействие трансцендентного и имманентного, метафизического и эмпирического. Излишне добавлять, что «моралин» во всех его проявлениях относится к исключительно эмпирической сфере и, следовательно, в существенном смысле, не реален⁵⁴. Подлинная нравственность невозможна вне соприкосновения с Божественным через *transcensus sui*, выход из «целлюлярности», преодоление себя. Мистерия любви, движимая Эросом, осуществляется лишь тогда, когда любящий признает в объекте любви столь же суверенную личность, как он сам и условие собственного своего существования, возглашая «Ты еси, а значит есмь Аз!»:

Человек <...> должен сам найти свое другое, как точку опоры, — должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое ты еси. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, — пока, в своем алкании безусловного бытия в другом сущем, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосыновству («Прологомены о демонах») [46, т. III, с. 248].

⁵⁴ По определению, лишая человека свободы выбора, «моралин» отрицает в нем образ и подобие Божье, тем самым становясь в своем пределе инструментом дьявола, источником искушения небытием: «И не случайно Иванов отмечает факт отталкивания современного сознания от “формальной”, “поведенческой” морали в сторону *патетической* и *энергетической* — “морали страстных устремлений духа”» [22, с. 31].

Ср.:

Ему [Эросу] надлежит только, по мысли Платона, возвышаться от любви к прекрасным телам до влюбленности в прекрасную душу, до созерцания вечных идей, до последней любви — к Единому [46, т. III, с. 119].

Тем самым, мы имеем три составляющих эротического действия: любящий, любимый и сама любовь, устремление о Единому Возлюбленному, каковой «мыслится поэтом как высший предмет любви человека, как “живой бытийственный принцип, к которому приобщается любящий, и как *третий* в любви” — спасающий все другие любви человека, которые тот, как субъект желания, встречает на своем жизненном пути» [22, с. 49]. В этом контексте преодолевается различие между укорененными в традиции понятиями *amor* и *caritas* (ἔρως и ἀγάπη) как проблема, занимавшая уже св. Августина, ибо эротический опыт аутентичен, изначален, первичен, как первична сама «целостная любовь-жизнь». Соответственно, в определенном смысле, любовь именно и есть жизнь, образуя единство: *amo, ergo sum*. Это единство, воплощенное в сущности Бога Творца («Бог есть Любовь») обуславливает и трансцендентную основу творческого бытия: «Божественно-эстетический феномен есть, в своей реальной основе, божественно-эротический процесс» [46, т. III, с. 187], осуществляемый через «восхождение» — человека к Богу, и «нисхождение» — Бога к человеку, “*circolo amoroso*” (см. «Символика эстетических начал»)⁵⁵.

⁵⁵ Ср.: «Таким образом, мысль Иванова о двух ипостасях Эроса, или о целостном “божественно-эротическом процессе” открывает перспективу соединения в любви двух начал: универсального (Эрос восходящий, устремленный к подлинному Бытию) и конкретно-личностный (Эрос, нисходящий к “слабейшему”). Такая концепция создает возможность сближения онтологии (учения о сущем) и религии, (религиозной этики, библейской истины. Она обновляет и обогащает онтологический и этический смысл понятия Эрос (вобравший в себя некоторые аспекты понятия Агапэ), избавляя понимание доселе разделенных видов любви (восходящая — нисходящая) от упрощений и извращений» [22, с. 107–108]. Показателен пассаж из письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к

Принимая во внимание сказанное, обвинения В.И. в философствующем «имморализме» попросту теряют смысл.

V

Как и в случае с Платоном, наивно предполагать, что В.И. ожидал от своих бакинских студентов глубокого постижения, осуществления или пропаганды «философии Эроса» в терминах, приведенных выше (да и практических возможностей у них для этого, разумеется, не существовало). Наличный материал позволяет лишь догадываться о степени осмысления им своей педагогической деятельности как не только образовательного, но и воспитательного процесса. Однако показателем осознания им значимости этого фактора является готовность — насколько это соответствовало его возможностям — к принятию ответственности за их дальнейшее развитие, а, следовательно, в известной мере, их судьбу. Не случайно в сонете, обращенном к Альтману, в ка-

М.М. Замятниной от 17 февраля 1907 г. (приведен [22, с. 31 прим. 75], со ссылкой на: Богомолов [6]): «В<ячеслав> сказал, что т. н. называемые декаденты, если не в сделанном, то в путях своих исполнили правое дерзновение. И дальше, перейдя в область Эроса, говорил дивно о том, что, в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет больше ни этики, ни эстетики — обе сводятся к эротике, а всякое дерзновение, рожденное Эросом — свято. Постыден лишь Гедонизм» [6, с. 95]. Тезис этот делает более понятным отвращение В.И. к фрейдовскому психоанализу, утверждавшему нечто, на первый взгляд, подобное, заменяя Эрос сексуальным либидо минус метафизика, и объявляя «принцип наслаждения», т. е. «гедонизм» основой человеческого поведения. Отсюда — неудивительна его ненависть в Баку к Г.А. Харазову как к собственному антиподу [38, с. 262, 276; 55, с. 12, 24], активно продвигавшему фрейдизм и развивавшего «теорию» о всепроникающей сексуальности, в которой В.И. мог усмотреть профанацию собственных эросологических идей. По словам Е.А. Миллиор, выглядело это так: «Культурный человек не пьет сырой воды, он сперва кипятит ее (тезис неверен!). Так же должно быть в других областях жизни. Природа отпустила нам гораздо больше сексуальной энергии, чем нужно для производства потомства. Следовательно, ее надо использовать всячески, как угодно и как угодно искусно» [54, с. 24]. В юнгианских терминах, загадочная эта фигура может отчасти восприниматься как «тень» (Der Schatten) самого В.И.

тегорическом тоне сказано о последнем: «И за кого пред вечностью отвечу» (12 апреля 1923 г. [39, с. 10]). Искренность его привязанности к этим юным его «совопросникам» не вызывает сомнений, и он неизменно оказывал им человеческую и профессиональную поддержку в течение всего периода пребывания в Баку и даже по отбытии из России⁵⁶.

Какую же именно задачу мог он ставить перед собой с точки зрения подготовки их к жизнестроению в предсказуемо ухудшавшихся условиях советского общественного бытия, тем более, придавая эмпирически понятный смысл крайне абстрактным умозрениям и идеям? По-видимому, *mutatis mutandis*, она не слишком существенно отличалась от того, что имел в виду Сократ — работе над персональной этикой отношений, в перспективе — социально конструктивной, при этом включающей чувство высокого назначения, дарованного Богом человеку, своего рода новейшей версией «калокагатии». В представлениях В.И. основанием оной может стать лишь свободная, суверенная творческая личность, одушевленная любовью к другой такой же, к жизни и Творцу и верностью своему «я». Очевидно, что само по себе преподавание не предполагает достижения подобных целей. Даже обладая конспектами бакинских лекций В.И., мы вряд ли смогли бы извлечь из них что-либо конкретное или значимое на данный предмет, несмотря на их восхваленные блеск и популярность [39, с. 14]. Тем более замечателен масштаб внеклассного и внеучебного общения В.И., как мы знаем, на любые темы, с интересными ему и заинтересованными им студентами — об-

⁵⁶ Отметим хвалебный официальный отзыв В.И. об Альтмане по окончании им университета [13, с. 330–331] — уже после резкого охлаждения их отношений — и его пространно-хвалебное рекомендательное письмо В.М. Жирмунскому от 16 июня 1924 г. перед их неудавшимся прощанием в Москве [39, с. 284–286]; были отзывы, адресованные и другим: «Ваши рекомендательные письма, принимаемые всеми адресатами с крайней почтительностью, донельзя ускорили и облегчили все формальности и я был немедленно зачислен как прикомандированный Аз. госуниверситетом» (письмо Альтмана к В.И. из Ленинграда от 5 марта 1925 г.). Нельзя исключить, что именно это стало фактором полного — обратного — переворота в его чувствах к В.И., отразившегося в его письмах к нему в Рим.

щению, которому он, судя по всему, отдавал бо́льшую часть незанятого времени. По складу характера преимущественно экстраверт (лишь в более поздние годы являвший растущую склонность к интроверсии), оказавшись в Баку, В.И. должен был остро ощутить нехватку привычного круга собеседников его уровня, будь то в Петербурге или Москве. Среди новых знакомых и коллег он с радостью стремился восполнить этот вакуум привлечением одаренной, любознательной молодежи, жадно внимавшей его мыслям и суждениям, сверх того, благодарно отзывавшейся на них, тем самым позволяя ему раскованность выражения, в том числе, присущих его сознанию антиномий⁵⁷. Пришедшая М.С. Альтману счастливая мысль, играя роль гетевского Эккермана, записывать свои разговоры с В.И. на протяжении более двух лет, подарила нам кладезь высказываний и идей, принципиальных или уже известных, а также возможность живо прочувствовать этот, вполне сократический, аспект ивановской пайдэи⁵⁸.

⁵⁷ «Вот это чрезвычайно характерно для Вячеслава Ивановича: он общался с нами в разное время, и не было такого момента, который он не использовал бы, если обстановка была подходящая, чтоб не дать нам каких-нибудь очень существенных знаний или толчка каким-то серьезным научным или иным философским интересам» [55, с. 43]. Единственным крупным специалистом среди коллег В.И. по факультету, внесшим заметный вклад в российское антиковедение, был А.О. Маковельский (1884–1969), переводчик и комментатор досократиков, с коим, судя по его письму, хранящемуся в Римском архиве, он поддерживал умеренно-дружеские отношения.

⁵⁸ «В этих перепадах, в постоянной смене фокуса, перемене ролей перед нами предстает В.И. Иванов как подлинный мастер диалога, направляющий разговор в то или иное русло, неизменно придающий ему занимательность» [15, с. 112]; следует отметить его замечание о «пропедевтическом и потому иератическом в понимании Вячеслава Иванова значении “Разговоров”» [15, с. 6]. Сам Альтман, как это с очевидностью следует из его собственных дневниковых записей, воспринял мысль стать Эккерманом для В.И. с немалым энтузиазмом и даже оттенком самодовольства, ср.: «Наши разговоры касаются разнообразнейших предметов и тем, и мне приходит в голову мысль, не следует ли мне все эти наши разговоры записывать, не выйдет ли тогда книга, подобная “разговорам” Эккермана с Гете. Тем более что (без ложной скромности) в данном случае и Эккерман (я) не без некоторой значительности...» (запись от 9 января 1921 г. [38, с. 228]); «Мне кажется, что он Гете подобен, и я благоговею, как Эккерман, и так же, как он (нет, не так же: мудрее), пишу свои “разго-

Приведем несколько примеров по занимающей нас теме эроса и этики.

Парафраз для умного молодого слушателя знаменитого тезиса «Ты Еси»:

И в любви, когда я утверждаю другую личность, когда я говорю “ты еси”, я через это положительно утверждаю и “я есмь”. Вот тут-то, в любви, и начинается первая положительная форма личности и бытия его — “я есмь”. Во всех же остальных случаях, употребляя слово “я” (есмь), я совершаю узурпаторство у Того, кто воистину Есть (далее на иврите: Я есмь, Кто я Есмь). И каждый раз, когда я говорю “я”, я совершаю великий грех. “Я” — царская печать, *Ego* перстень, которым я, не имея на то права, запечатываю свои письма. Его подписью я выдаю фальшивый вексель. Только в подобии Отцу я — я, во всех остальных случаях это подделка (16 января 1921 г. [39, с. 21]).

А здесь — уже более заземленное и практически мудрое предостережение:

Я должен Вам сказать, что я признаю, что всякая с женщиной связь глубоко ответственна, так что и после телесной Вашей смерти Вы телесно-материально связаны со всеми, с кем Вы вступили в половую связь. Поэтому всякое соединение с женщиной есть как бы некоторая примесь и замутнение Вашей собственной сущности, и горе тому, у кого таких соединений много: каждое из них балласт и груз. Эмпирическая связь становится метафизической со всеми отсюда вытекающими последствиями. Вы хотите в вашем теперешнем возрасте жить, беря от жизни наслаждения, и быть беспечным. Что ж? Конечно, чем Вы менее будете за известными благами гоняться и не стоять в передней у Фортуны, тем благосклоннее будет она к Вам (19 января 1921 г. [39, с. 29])⁵⁹.

воры” с ним. Как они интересны, и как, Бог даст, они еще будут интересны! Да продлит Бог его годы и да сподобит меня у него научиться всему, чему он учит меня” (25 января 1921 г. [38, с. 232]).

⁵⁹ Абзац продолжается: «Но беспечность удастся только особенным талантам, те как-то все умудряются. Таков был Уайльд и в еще гораздо большей

Сочетание глубины и тонкости психо-эротического анализа:

Я не знаю, ставит ли возлюбленным препятствия природа, но что они сами себе ставят препятствия — несомненно. И это объясняется, по-моему, следующим. Любовь состоит из двух элементов: имманентного и трансцендентного. Всякий любящий в предмете своей любви видит свое “я” в трансцендентном (таково, например, в “Фаусте” в начале отношение Фауста к природе, ко всему звездному небу, которое он хотел бы обнять и в свою душу принять) и стремится его сделать имманентным, но, сделав его имманентным, то есть слившись в одно с предметом своей любви, любящий ощущает вновь потребность видеть свое “я” в трансцендентном — это момент отталкивания в любви. Любящие оттого так и любят целоваться, ибо здесь происходит (как в двух угольках электричества Яблочкова или в звонке электрическом) непрерывное попеременное притяжение и отталкивание; если б возлюбленным пришлось бы в поцелуе застыть, он бы не привлекал, но именно разжатие и прижатие друг к другу и воплощает в себе сущность любви, стоящей под знаком “2”, всю ее полярность с притяжением и отталкиванием. Любовь умел изображать тонко и глубоко Гете, а также Достоевский. <...> Вот Тютчев, тот испытывал ее весьма сильно и на закате своих дней (21 января 1921 г. [39, с. 34]).

Отсылка ученика к любимому источнику, с неожиданной цитатой из почти забытого русского поэта:

Потом В. рассказал платоновский миф о колесницах душ и указал при этом, что одно из качеств, которое требовалось для того, чтоб колесница с неба не скатилась, было целомудрие, притом не в нашем ограниченном смысле слова, а в том, каком его употребил гениальный юноша Коневской (“Ах, личность жаж-

степени Байрон. Последний даже внушал этим Гете как бы некоторую тревогу, не то зависть, не то любование. Старик Гете с напряжением следил, как стихийно-разрешенный Байрон берет все напролом, как-то силой хватает самую судьбу...» — важное признание недостаточности обобщений и многообразия проявлений земной человеческой жизни. Ср.: «...что же касается “закона достаточного основания”, то мы всегда эмпирически ограничиваемся конечным числом причин, хотя для каждого явления причин бесконечно много» (21 января 1925 г. [39, с. 33]).

дет целомудрия”): целомудрие, цельность, девственность Воскресения. У греков не было этого понятия, но платоновский смысл именно таков» (26 января 1921 г. [39, с. 41]); ср. от 4 февраля 1925 г.: «И хотя современная наука преимущественно держится аристотелевских воззрений на Идеи, тем не менее я примыкаю к Платону» [39, с. 43]). Цитата из стихотворения Ивана Коневского (1877–1901; утонул в реке в 24 года) «Откуда силы воли странные?..».

И на следующий день, во время чтения по-гречески Нового Завета, экзегезис эпизода Христа и самаритянки (Ин. 4: 4–42):

Этот разговор Христа с самарянкой есть разговор Жениха — Мужа Мира (истинный Князь Мира-Света, а не самозванец, князь тьмы) с вечно-женственной Душой Мира. И Христос прав, говоря, что она не имеет Мужа, ибо Муж тот, кто дает жизнь вечную (как обещает ей Христос), кто дарит не растление, а целомудрие <...>; и на слова Иисуса: «Жена, позови своего мужа» — Жена должна была ему ответить: «Ты мой Муж». Ибо он только, он, седьмой, и есть Истинный, он, Мессия, есть Жених и Муж, которого ждет Мир (27 января 1921 г. [39, с. 42]).

Как и в сфере эротики, размышляя об вещах этических в прикладном контексте, персональном и общественном, В.И. опять же следует за евангельским текстом:

Да, анархия и беспринципность господствуют повсюду, и под предлогом их исторического рассмотрения все принципы стали относительными, то есть перестали быть принципами. Этому явлению, конечно, имеются свои причины, и, может быть, завет Христа жить по Благодати соблазнил многих. Но Благодать Христос заповедал *после* Закона, и юноше, к нему пришедшему с вопросом, как ему жить, Христос отвечает: «Исполни все законы и только потом оставь отца и мать и иди за мной» [парафраз из Мф. 19: 17–22; ср. Мк. 10: 17–22; Лк. 18: 18–25]. То есть сперва Закон, а уж потом Благодать — только проживя долго и переживя первый этаж, можно перейти во второй, высший, этаж. Но люди соблазнились и, узнав, что есть второй этаж, сразу покинули первый. И что ж? Они, действительно, перешли в другой этаж, только не высший, а низший, в под-

вал, в подполье духа своего. Такова их «благодать». Принципов нет: «не убий» не есть вечный закон, а только временное, тем-то и тем вызванное и для того и того-то предназначенное установление. «Итак, — говорит убийца, — я буду убивать, ибо “не убий” относительно — и ко мне не относится». — «Да, ты прав, — отвечает ему общество, — ты прав, это относительно, а мы все-таки тебе голову снимем», — и убивает. Но убивает так же, как и убийца, а не потому, что считает себя правым (16 января 1925 г. [39, с. 22]).

Заповеди, следовательно, трансцендентны, являя собою абсолют, и поэтому именно расходя — эмпирическая — мораль, оправдывая, например, при определенных обстоятельствах (скажем, на войне или при самозащите) убийство, придает им временное и относительное значение, что есть полная противоположность божественному замыслу. (Здесь В.И. развивает по-своему знаменитый тезис Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено»). Полностью отдавая себе отчет относительно антиномий человеческого сознания, способного из евангельской проповеди любви вывести потребность в инквизиции, В.И. всегда отвергал явную или скрытую проповедь «добра с кулаками» в силу насильственности, лежащей в ее основе, — исторический опыт и по сей день подтверждает его правоту. Отсюда категорический отказ В.И. от какого бы то ни было оправдания революции: «Революция есть великое зло <...>, она — разрушение, а разрушение всегда зло. Это есть клоака самых низменных человеческих инстинктов, и как бы мы ни маскировали дело революции, перед лицом совести правда остается правдой» (15 июня 1921 г. [39, с. 69]) — и обоснование разрушительного действия всяческого «моралина», подавляющего наш свободный выбор:

Бойтесь привить себе насильственно добродетель. Нет ничего ужаснее, как привить кому-нибудь несвойственную добродетель. Каждая добродетель — яд. Если б я захотел кому-нибудь страшно отомстить, я привил бы ему добродетель. И на теле человечества всякая привитая добродетель вызывает ужасные экземы и нарывы. Как из одной тональности, чтоб перейти в другую (хотя и необходимую) тональность, нужно не миновать ни

одного промежуточного звена, иначе получится ужасная какофония, так и к каждой добродетели нужно прийти последовательно через все ступени. Если б мы все стали вегетарианцами, то это развилось бы в нас такую ужасную паучью жестокость, что мир бы содрогнулся (5 сентября 1925 г. [39, с. 80]).

«Эмпирическая мораль» неизбежно налагает обязательность, общепринятость и, как следствие, — одинаковость, тем самым игнорируя столь же эмпирический факт человеческого неравенства, а за этим маячит уравнительная шигалевщина:

Я клянусь на Пушкине. Вот я, даже Достоевский немного, ну хоть в чем-нибудь коммунисты. Пушкин, тот вот ни на капельку, ибо он имел в себе достаточно силы, чтоб не склониться перед почти очевидной моралью, если она не согласна была с его духом. <...> Так, например, положение, что все должны быть сыты (не говорю уж о правах), для Пушкина не было бы обязательным. Пушкин знал, что люди неравны, и он бы не отступил от этого ни на йоту, ибо так требует закон Красоты. <...> Нужно неравенство. Я лично не чувствую себя настолько талантливым, чтоб быть в такой степени бессовестным. Но, конечно, прав Пушкин. Я думаю, есть какая-то иррациональная справедливость в неравенстве людей. Это, конечно, неморально (я не говорю о “добре” в религиозном смысле), но я-то вообще к моралистам хотя испытываю чувство глубокого уважения, но я при них застегиваюсь на все пуговицы (12 февраля 1925 г. [39, с. 50–51])⁶⁰.

Отметим, что здесь вынесено за скобки «добро» в религиозном смысле, т. е. *summum bonum*, высшее Благо, так что речь

⁶⁰ Ср. Е.А. Миллиор: «Нагорная проповедь — это обращение к разным людям и к каждому другие требования — иная награда. Для ясности Вяч. привел даже такое сравнение: “Одному студенту я велю переводить и заглядывать в готовый перевод, другому — запрещаю, третий должен пользоваться словарем, четвертый — нет”. Но кто же определит, что же именно он должен — что он может делать и чего ему нельзя? Ибо одному разрешается больше, а другому меньше. Это решает каждый сам, в этом его свобода, в этом и риск — перейти грань» [54, с. 14].

идет исключительно о посиюстороннем статусе нашего бытия и морали, как одной из его функций. Строгое разграничение трансцендентного и имманентного при отсутствии метафизического прорыва из одного в другое — характерная черта психики и «эроэтики» В.И. В том же ключе надлежит оценивать и нижеследующее его рассуждение, не лишенное, конечно, представления о духовном аристократизме, но целиком соответствующее его концепции суверенной свободной личности в категориях «Ты Еси»:

У меня, — сказал В., — здоровая, «мускулистая», как говорил Ибсен, совесть. Я ее ощущаю приблизительно так. Я не один, я множествен, но для интересующего нас случая достаточно указать, что я двойствен, ну хоть бы царь и раб, судья и подсудимый. И если я совершаю какой-нибудь проступок, то царь раба судит. Моя же гордость и благородство в том, что я отождествляю себя с царем, а не рабом. Таким образом, благородство мое и совестливость моя — одно. <...> Я сам себя сужу и осуждаю, но я сам же себя и милую. Я впадаю в «рабство греха» (по выражению апостола Павла), но я же могу и, осознав свой грех, дать себе амнистию, отпустить себя на волю. Да, первоначальной свободы я с первым грехом лишился, но вновь получить свободу я могу, и если я сам вольноотпущенник, да еще сын вольноотпущенника, то имею все права свободного. Так совесть не загрызает меня. Ибо у меня совесть — это внутренняя дифференция своего рода, пожалуй, пафос расстояния. Как видите, она вытекает из моей гордости (моя гордость всегда мне говорит, что я гораздо высшее, чем представляю, и имею униженное воплощение); если Вы скажете, что это порок, то я разве не всегда утверждал, что все добродетели возникают из пороков и, наоборот, из добродетелей — пороки, они взаимно просвечивают... (20 июня 1925 г. [39, с. 69–71]).

При этом он не сомневается в этическом аспекте соловьевской философии всеединства: «Но, повторяю, что виновность каждого друг за друга — в этике — так же истинно, как — в науке — то, что все явления переплетены причинностью» (10 февраля 1925 г. [38, с. 49]). Наиболее отчетливую формулировку этой позиции со стороны В.И. — суверенного права отвечать лишь пе-

ред Высшим началом и собственной совестью за свои поступки — мы находим не в «Разговорах», а воспроизведенной в дневнике Альтмана: «Я серьезен и аскетичен в онтологическом круге бытия, в мире же явлений я вовсе и не должен быть таковым. Эти два состояния должно расчленять, чего Вы не делаете» (запись от 16 января 1921 г. [38, с. 229]).

Как бы ни относиться к цитированным или иным известным нам высказываниям В.И. на темы этики в студенческом кругу или к их соотносимости с его собственным *modus vivendi*, в них не найдется никаких оснований для обвинения в «развращении юношества» (таковые отсутствовали и в деятельности Сократа), ибо в обоих случаях точкой отсчета являлось абсолютистское представление о Благе, для одного — воплощенного в интеллектуальном поиске и овладении Истиной, а для другого — в мистическом переживании, выходе из иллюзий, порожденных «целлюлярностью», через *transcensus*, преодоление самого себя. Характерен призыв В.И. к оставшимся в России, связующий несколько важных для него мыслей — право свободного мировоззренческого выбора, актуальность человечности и сопричастность Высшему в платоновском смысле: «Держите высоко светоч гуманизма. Это нужно веку. Я не гуманист по миросозерцанию, но всегда буду свидетельствовать, *ὅτι καλὸν φίλον ἔστί, τὸ δοῦν καλὸν οὐ φίλον ἔστί...* Итак, будем стремиться “раждать в красоте”, и да здравствует Платон!»⁶¹.

VI

Размышляя о своем даре и опыте «маевтики» в «Теэтете», Сократ признает, что «уже многие юноши <...>, исполнившись пре-

⁶¹ Письмо В.И. к Е.А. Миллиор от 8 марта 1925 г. [55, с. 68–69]. Греческая фраза — цитата из элегий Феогнида Мегарского (1, 4, 17) в переводе Адриана Пиотровского: «Зевсовы дочери, Хариты и Музы, что некогда, в терем Кадмов венчальный войдя, дивную подняли песнь: “Вечно прекрасное мило, а что не прекрасно, немило” — Песню такую в ту ночь пели бессмертных уста». О сложном отношении В.И. к гуманизму написано немало, см.: [16].

зрения» к нему, — «то ли сами по себе, то ли по наущению других людей» ушли от него «раньше времени»:

И что же? Ушедши от меня, они и то, что еще у них оставалось, выкинули, вступивши в дурные связи, и то, что я успел принять и повить, погубили плохим воспитанием. Ложные призраки стали они ценить выше истины, так что в конце концов оказались невеждами и в собственных и в чужих глазах. Одним из них оказался Аристид, сын Лисимаха, было и много других. Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, стараясь изо всех сил, то некоторым мой гений (“демоний” — δαίμόνιον) запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи («Теэтет» 150e–151b; ср.: «Феаг», 128e–129; «Алкивиад I», 105d–e).

Так выявляется упомянутая ранее амбивалентная природа пайдэи как педагогического процесса, в силу многообразия ее составляющих, включая идиосинкразии человеческих характеров и гетерогенность их мотиваций.

Равным образом, нельзя не заметить некоторых сходств ситуации Сократа, описанной Платоном, с затруднениями, испытанными В.И. в общении с некоторыми студентами, коих он сам приблизил к себе — несмотря на хронологическую и контекстуальную разницу в полтора тысячелетия между парадигмами, свойственными эллинскому мышлению периода расцвета и многосложной ментальностью эпохи модернизма. Это возвращает нас к этим «психо-идеологическим» конфликтам, без хотя бы краткого внимания к которым предлагаемая здесь картина окажется неполной.

Преданность к В.И. со стороны В.А. Мануйлова и Е.А. Миллиор не подлежит сомнению, со студенческих лет и до конца их жизни. Тексты — их и о них (а в моем случае, и личное знакомство) свидетельствуют о твердости взглядов, сохранившихся вопреки жизненным перипетиям, и о стремлении к внутренней гармонии, несмотря на внутренние кризисы того или иного рода, — способностях, выработанных, надо полагать, не без его влияния. Не идеализируя В.И (и умея над ним смеяться), от-

давая себе отчет в теневых его чертах, слабостях и изъянах, они сознавали весь масштаб его фигуры и принимали его таким, как он есть, полные благодарности, могли с ним не соглашаться, однако не старались состязаться с ним в словопрениях, адекватно оценивая собственные возможности, не преувеличивая их, но и не преуменьшая⁶². Напротив, доступный материал о К.М. Колобовой и М.С. Альтмане (о последнем весьма объемный) в студенческие годы рисует их обоих обладавшими страстными, по-

⁶² Ср., к примеру, негодование Е.А. Миллиор в ответ на провокационные высказывания В.И. по поводу ее интимных переживаний [54, с. 13, 23–25]. Несмотря на очевидную враждебность В.И. к Харазову и даже прямой запрет общения с ним, она продолжала проявлять интерес к нему и его идеям: «Но когда я начала с ним сближаться, то Вяч. Ив. обратился ко мне с категорическим требованием: “Дружите или с ним, или со мной. Выбирайте”. <...> Я выбрала Вячеслава. Но дело было не в его ультиматуме. <...> Философия Хоразова произвела на меня сильное впечатление. Она влекла, затягивала. Я не хотела, я боялась его влияния. Я чувствовала, что не разрушительная, а именно разлагающая мысль Хоразова мне, м. б., слишком близка, что я не найду опоры для сопротивления». Их контакты прекратились с ее стороны «не по принципиальным соображениям», но в силу сложившихся обстоятельств [54, с. 24]. С другой стороны, В.А. Мануйлов отклонил лестное предложение В.И. сопровождать его за границу: «Я не жалею, что я отказался в свое время ехать с Вами в Италию, хотя Вы для меня дороже всех любимых мною людей», и далее: «Я люблю СССР и верю в него (не в название дело). Жить везде трудно, везде тяжело и здесь, может быть, тяжелее, но тут больше правды, да и я здесь нужнее» (письмо от 9 февраля 1925 г.). Е.А. Миллиор выделяет проблему В.И. в Баку с алкоголем [54, с. 16, 21]; отмечает свойственную ему иногда фальшь, «неприятную в большом человеке» [54, с. 17], и более того: «Говорили, что Вяч. Ив. человек не искренний, двуличный. Доля правды в этом была. Вяч. Ив. не был то, что называется “душа нараспашку”. И он умел и, м. б., даже любил играть роль, не избегал и дипломатии. Я знаю, это не противоречило его моральным принципам. Но я уверена, что в кругу близких он был глубоко правдивый и искренний человек. Именно такой он был с нами» [54, с. 21]; или (в контексте его скандалов с Ал.Н. Чеботаревской, с которой «он бывал порой резок и чуть ли не груб, и даже при нас, студентах»): «Характер у В. Ив. был тяжелый» [54, с. 22]; в то время как обожавший его В.А. Мануйлов признает: «Иногда Вячеслав Иванович был человеком совсем не добрым. И вообще от него иногда исходили страшноватые искры. Если бы захотел, он мог бы испепелить собеседника-противника. Но, зная свою колдовскую силу, он употреблял ее в редчайших случаях. В гневе он был страшен. Мне пришлось видеть его в гневе только несколько раз. К счастью, его гнев был обращен не на меня» [51, с. 89].

жалуй, невротическими темпераментами, амбициями, высокой самооценкой, отчасти объясняющими их бунты против учителя, коему до и после таковых неоднократно объяснялись в любви.

После отчуждения между ними незадолго до его отъезда из Баку, сопровождавшегося для нее душевными пертурбациями, и их мучительным прощанием в Москве Колобова шлет ему осенью 1924 г. два — на грани любовных — письма, с выражением пылких чувств, объяснениями и стихами, включая строки, обращенные к В.И. с особенно впечатляющей силой чувств:

В Баку, где страннику в гоненьи
оставлен тихий был приют,
в уединеньи, в единеньи,
вдали от потрясенных смут,
где столько любят, столько ждут —
Ты был единственным спасеньем.

Ты был единственным спасеньем!
Ты холодом своим проник
в мою горячечную душу.
и твой суровый строгий лик
в смятеньи диком не нарушу,
но сохраню черты Твои
в их чистоте... они — мои.

(Из неопубликованного стихотворения,
вложенного в письмо от 16 ноября 1924 г.)

В феврале 1925 г. она посылает в Рим посвященную ему же поэму «Багаван», довольно туманного, квазирелигиозного содержания⁶³. Завершающим аккордом их отношений стала реак-

⁶³ Поэма занимает шестнадцать страниц мелким почерком и предпослана в письме следующим нетривиальным пассажем: «Поэма эта Вам посвящается и я верю, что Вы все увидите, все поймете и все простите. Если мои слова и дела могут — не воскрешать — до этого мне не дойти, но хоть немного помогать людям, то пусть поможет Вам Багаван ... это тоже своего рода *Cor ardens* [sic! — В.Р.]», и далее: «“Воскреснешь, того воскрешаешь, кем тайно дышишь, кого ты любишь. Ты — Он”. Не знаю, о ком думали Вы, но я думаю о Вас. И как

ция Колобовой на исполненное самоиронии стихотворение В.И. «Палинодия» («И твой гиметский мед ужель меня пресытил?..» (1927), которое она восприняла целиком серьезно, в буквальном смысле, как отречение не только от дионисийства, но и от эллинского наследия как такового. 16 ноября 1924 г. Колобова пишет ему не без истерической интонации:

За то, что я никогда и ни в чем не шутила и не лукавила перед Вами, за то, что все Ваши слова, сказанные мне, дали уже свои всходы — Вы должны и не можете не ответить на это письмо. До сего времени я была Вашей ученицей, и Ваше благословение, и все Ваши хорошие слова давали мне на это право и они же в час душевного смятения и скорби о Вас, за Вас и за себя дают мне право говорить сейчас с Вами не тоном покорной ученицы, но просто — человека. <...> Вы сами понимаете, что Ваши стихи восприняла я не в поэтическом плане. Я увидела здесь какую-то катастрофу, какой-то срыв в неизвестное мне. Неужели для Вас Эллада стала “храмом украшенным бесов” и Вы покинули этот храм как Павел прозревший или ослепший Эдип? И куда приведет Вас отшельничество и пустыня? <...> И пришло ли время, когда мне суждено расстаться с Вами навсегда? Вячеслав Иванович, за мою большую, безмерную любовь к Вам и веру в Вас Вы должны мне ответить, п. ч. вопрос стоит остро, п. ч. вопрос идет о моей жизни, о моей будущности. Но если Вы не ответите мне как другу или как врагу, Вячеслав Иванович, тогда зачем я была нужна Вам раньше? Ведь я не из того при-

бы хотелось мне, чтоб это было так. Обещанье даю Вам — Воскресну и Вы воскреснете. <...> Примите же еще дар огненный, сердце мое горит в Багаване, и Багаван горит в моем сердце. <...> Как хотите, судите мою поэму, Вячеслав Иванович! Но только не обессудьте окончательно. Это самое дорогое для меня. И если “Багаван” Вам понравится, если он слегка повеет на Вас своим огненным дыханием, напишите об этом мне или кому другому, как-нибудь дайте весточку. <...> Если же Вы не обмолвитесь ни одним словом, то я пойму это как приговор себе и моей поэме. “Багаван” — это ведь пробный камень мой. И не дай Боже, если окажется он камнем преткновения» (письмо от 13–15 февраля 1925 г.). По всей видимости, «Багаган» адресата посвящения не впечатлил, ибо столь ожидаемых автором ответа и оценки не последовало; ее письмо от 2 февраля 1927 г. с вложенной в него юмористической, но не лишенной грусти пародией на письмо Онегина Татьяне, также осталось без ответа.

рученного и покорного стада, которое так часто окружало Вас. <...> Ведь не могу же я думать, что все Ваши хорошие и дорогие для меня слова Вы бросали на ветер, не беря для себя никакой ответственности и умывая руки? <...> Для меня здесь катастрофа, и чем она непонятней, тем неотвратимей. Я посылаю Вам письмо с обратной распиской, чтобы быть уверенной в том, что Вы его получили и если Вы все-таки на него не ответите я буду знать, что Вы отреклись от меня, что я для Вас давно уже не существую. <...> Я требую от Вас исполнения, если мне не дозволено просить. Я жду и пока все еще по-прежнему благословляю и люблю Вас.

Через несколько дней, в письме от 21 ноября, Колобова продолжает:

За три года я проделала большую эволюцию и Ваш путь стал моим путем, независимо ни от каких внешних и даже внутренних катастроф. Я упорная и злая и пусть я иду кривыми путями, но все-таки я живу, расту и иду вперед. Я оказалась сильней и выдержанней, чем многие другие, которые Вас не перенесли и уже погибли. <...> Я теперь говорю с Вами совершенно спокойно и просто и мне бы хотелось, чтобы Вы видели во мне не только ученицу (да еще притом бывшую), но и живого человека. И мне бы хотелось также, чтобы Вы ответили мне на первое письмо, п. ч. все-таки без ответа его оставить нельзя. Ваше молчание будет равносильно отречению от меня в будущем (а это значительнее, чем в прошлом), а я не могу насильно заставить Вас по-прежнему оставаться моей путеводной звездой. <...> Ваши слова и Ваш ответ для меня очень значителен и я не хочу без Вашего желания — отречься от Вас, от вашего посвящения и от надписи на карточке, которая конечно в случае молчания будет переслана Вам обратно.

Ультиматум имел результат — на этот раз ответ от него пришел, отчасти ее успокоил, но не убедил:

Я не могу судить Вас, но Ваши пути мне по-прежнему темны и непонятны. <...> Я человек, конечно не религиозный, о всякой церкви думаю очень резко и резко ее отрицаю. Религия сыграла

уже свою роль и ей пора уйти за кулисы, т. к. открывается новое действие. <...> Но я по-прежнему крепко верю в Вас, верю в то, что Ваше насквозь католическое письмо, письмо канонизированное [sic! — В.Р.] и тем более тревожащее меня — отражает только переходный и трудный период Вашей жизни и не является Вашим последним *credo*. <...> Религии у меня нет, но и беззакония тоже. <...> Ваши слова о машинизации, бестиялизации и даже сатанизации дехристианизованной культуры — тоже канонические церковные слова. <...> Ведь Вы по-новому могли бы воспринять нашу эпоху, нашу жизнь, а не отгораживаться от нее “анафемой”. <...> Вы не можете и не захотите притти к нам, я не смогу даже в принудительном порядке поверить в церковь — и наши пути круто расходятся. <...> Простите, а м. б. и прощайте (8 декабря 1927 г.).

Текст «канонизированного» ответа В.И. бывшей ученице не сохранился; возможно, само письмо было позднее уничтожено. С ним, однако, ознакомился В.А. Мануйлов, написавший об этом учителю в Рим, высказавшись прямо противоположно позиции адресата: «... а еще особенно благодарен я Вам за Ваши последние стихи. Я чувствую сердцем — как все это дорого мне, как это важно, и никакого изменения (измены? — как думает Ксения) не вижу, не могу увидеть. Много раз перечитывал Ваше письмо к Ксении — оно мне много сказало и обрадовало до слез — значит, Вы впереди, значит, я все еще иду за Вами, значит, любовь моя зоркая и живая!» (24 января 1928 г.; см.: [14, с. 665]). Эпизод с «Палинодией» упоминается в воспоминаниях Л.В. Ивановой с пояснением: «После первой вспышки гнева и обиды за то, что (напрасно) показалось ей изменой Элладе, пришли письма более умиротворенные» [48, с. 104–105, 176–177]; ср.: [14, с. 665]⁶⁴. Читаем в последнем по времени известном нам письме Колобовой к В.И.:

⁶⁴ Об обстоятельствах распространения «Палинодии» в России и реакции на нее бакинских знакомых В.И. см. его письмо к дочери от 21 января 1928 г.: [45, с. 572–573]. Об истоках антирелигиозных воззрений Колобовой, ср. выше, прим. 36.

Я резко перешла (в предыдущем письме) в стан Ваших врагов и врагов к тому же близоруких и написала Вам нехорошо о Вас, также как и о себе. «От ненависти до любви один шаг», как и обратно. И моя любовь к Вам перешла в ненависть, чтобы в свою очередь перейти в любовь. <...> И вот теперь, когда все это <нрзб>, я пишу Вам письмо, как нераскаянный грешник, п. ч. я все же грешник, и все же не раскаявшийся. На днях видела на выставке Ваш портрет [работы Н.П. Ульянова, 1920]. Вы похожи там на черную хищную птицу. К изумлению всех присутствующих, я низко поклонилась Вам уходя (23 марта 1928 г.).

К.М. Колобова, принявшая марксистскую идеологию, вступила в ВКП(б) и должна была публично отречься от В.И. В тридцатые годы, по понятным причинам, она уничтожила весь свой архив, но известно, что «в своем письменном столе она бережно сохраняла только небольшой по размеру фотографический портрет Вячеслава Ивановича, на обратной стороне которого рукой Иванова было написано посвященное ей стихотворение, которое начиналось словами “Ксения, странница...”» [19, с. 510]⁶⁵.

С Альтманом дело обстояло существенно сложнее. Впрочем, и объем свидетельств об эволюции — или, пожалуй, «конволюции» — их отношений гораздо обширней. Доступный материал состоит, главным образом, с одной стороны, из неоднократно цитированных «Разговоров» Альтмана с В.И., а, с другой, — из отобранных фрагментов массива его дневниковых записей того же периода⁶⁶. Сопоставление двух этих текстов производит гне-

⁶⁵ О Колобовой в 1930-е гг. ср. [54, с. 25, 27] и примечание А. Кобринского: «Имеется в виду вступление К.М. Колобовой в ВКП(б) в 30-х годах и ее публичные отречения от “буржуазной науки”, в том числе и от В.И. Иванова» [54, с. 56].

⁶⁶ Публикатор дневниковых фрагментов К.Ю. Лаппо-Данилевский указывает, что дневники Альтмана бакинского периода составляют три толстых тетради, в которых отражены события: а) с дек. 1919 по март 1921 гг.; б) с янв. по авг. 1922 гг.; в) с сент. 1922 по февр. 1926 гг. [15, с. 110]; к ним следует добавить два его письма к В.И. в Рим, цитированные выше. Поскольку полный текст дневников М.С. Альтмана до сих пор не опубликован, наши суждения о внутренних и внешних перипетиях взаимоотношений учителя и ученика могут быть, в каких-то отношениях, предположительными, будучи главным образом основаны на источнике не только одностороннем, но и доступном лишь

тущее впечатление: если в первом из них, рассчитанном на публикацию, негативная динамика их общения остается в подтексте и едва ощущается, то во втором молодой человек, писавший дневник под влиянием смены настроений и прежде всего для себя (и, надо отдать ему должное, с очевидной искренностью), не стесняется в выражениях мыслей и переживаний, часто удивительным образом и со страстью сочетающих пылкое восхищение, влечение, отторжение и бьющую в глаза вульгарность, которые могут сосуществовать и перемежаться, демонстрируя неординарное «смятение чувств». Притом это не просто достаточно обыденный случай постепенного разочарования ученика в первоначально обожаемом учителе, но пример метаний из крайности в крайность, иногда чуть ли не на грани раздвоения личности, продолжавшихся вплоть до отъезда последнего за границу⁶⁷. Спектр рефлексий двадцатипятилетнего молодого человека на данную тему столь противоречив и полон нюансов, что делает невозможным адекватное осмысление сложившейся между ними коллизии в рамках настоящей работы: для этого требуется подробный, текстуальный и психологический, анализ материала, в силу указанных особенностей подлежащего, на мой взгляд, скорее художественному, чем научному толкованию. Соответственно, ниже я позволю себе высказать лишь некоторые предположения насчет личностных характеристик, могших отразиться в мотивации, поведении и дневниковых записях студента, возведенного в ранг друга, относительно его много старшего по воз-

фрагментарно: любая селекция такого рода материала по самой природе своей субъективна и нередко диктуется внешними обстоятельствами.

⁶⁷ Несомненно наделенный даром интроспекции и старавшийся быть честным по отношению к самому себе, Альтман отдавал себе отчет во многих собственных недостатках, в том числе, склонности к резкой смене настроений (ныне именуемой *mood syndrome*) «положительных и отрицательных эмоций». Ср.: «Именно дневники дают адекватное представление о М.С. Альтмане, которому была свойственна крайне высокая оценка собственной личности, а потому, видимо, и предельное внимание к любому, даже самому незначительному, факту своей биографии. Он постоянно находился во власти каких-либо настроений, отдаваясь им искренне и целиком» [15, с. 117]. Нельзя исключить, однако, что в те годы он мог быть подвержен легкой форме биполярного расстройства.

расту знаменитого ментора⁶⁸. Очевидно, что ни одно из них не может быть принято без дальнейших аргументов и разработок.

Представляется наиболее верным, что в своих суждениях, прежде всего, о людях Альтман большей частью руководствовался тогда возрастным максимализмом, порождавшим в нем чрезвычайный энтузиазм, доведенный до кумиротворчества и не терпевший — до известного момента — никаких сомнений. Сверх того, подобный квазиманихейский настрой присущ эпохам исторических катаклизмов, становясь для многих точкой опоры, что не удивительно, принимая во внимание непредсказуемый и хаотический ход событий и сопутствовавший ему душевный разброд, особенно в случаях молодых интеллектуалов — таких, как Альтман. «Чем я только не увлекался, чему я только не сочувствую, — записывает он в дневнике. — Я и коммунист, и эсер, и меньшевик, и монархист, и республиканец, я и толстовец, и хасид, и ницшеанец, и шопенгауэрианец. Я за всех, я за всё, и я ничей и ничто. Я раздираем на все атомы, я миллиард частей без единого целого, без синтеза, тысячи возможностей, ни одной действительности, периферия без центра, мир без Творца, толпа без героя, история без апофеоза, жизнь без гения» (запись от 24 сентября 1920 г. [38, с. 225–226]). Не будучи человеком религиозно одаренным (отношение его к религии насквозь интеллектуально), он не мог удовлетвориться верой в Бога как таковой, но искал воплощение ее в конкретном человеке, дабы обрести под ногами осязаемую твердую почву⁶⁹.

⁶⁸ Было бы интересным сопоставить с этой коллизией историю отношений Осипа Мандельштама с Сергеем Рудаковым (как и Альтман, начинающим амбициозным филологом и поэтом), сблизившихся во время воронежской ссылки их обоих, характерную сходным смешением превозношения и опять же, в вульгарно-хамской форме, ниспровержения старшего младшим, при отсутствии в текстах последнего, как по существу и в случае Альтмана, должного осознания разницы масштабов (см.: [53]; также: [43, с. 74–114]). Подобные сближения ставят вопрос о возможных траекториях ученичества и учительства, независимо от наличия или отсутствия педагогических целей.

⁶⁹ Ср., к примеру, рассуждение его на эту тему в знакомых ему с отрочества (см. его автобиографический очерк «Меюхес»: [39, с. 219–220]) традициях хасидизма: «Дома часто шутят, что я отношусь к Вячеславу, как хасид к сво-

Однако, как уже отмечалось, этого рода «культовое» поклонение часто чревато скорым разочарованием, ибо любое несоответствие почитаемого его субъективному восприятию в глазах почитателя может вызывать в последнем «когнитивный резонанс», легко переходящий в недовольство, а затем в негодование и неприятие: частности затмевают целое, провоцируя отдаление, обвинения и в конце концов разрыв. Альтман прошел этот путь в течение года (впрочем, окончательно с бывшим наставником так и не порвав)⁷⁰. В его сознании пустяковые, хоть и неприятные эпизоды (вроде перебранки В.И. с А.Е. Крученых) обретали значение жизненной драмы:

Но и эта сцена произвела на меня впечатление тяжелое. Ведь В. — мой идеал, единственный мой догмат, последняя моя основа, — и вот рушится и эта основа, весь мир мой рушится. И опять ничего святого, и опять без руля и без ветрил, без надежд и без цели плывет мой челн по воле волн. Я совсем уж было выбрался на путь — и вот опять срываюсь. Единственный человек, которому я верил больше, чем себе. И вот рушит-

ему ребе. И это, в сущности, действительно так. Я происхожу от хасидов, мои предки и по отцу и по матери — рьяные хасиды и почитатели любавичского ребе и культа его. <...> И теперь вот, когда я нашел своего ребе, хасид со всеми его атрибутами сказался во мне с такой силой, что он уже виден не только мне самому, но и всем вокруг. В. для меня то же, что старец Зосима для Алеши, что ребе для истинного хасида. Кто такой ребе? Это живой идеал, это образ и подобие Бога в человеке. Это — Чудо, Авторитет, Тайна. Но этого мало: это все есть и у отца лжи (см. «Великий Инквизитор» Достоевского). Нет, у него еще, он еще — Откровение. Откровение того, что в нем — ты и он — в тебе, что хасид и ребе, что верующий и объект веры — одно. Вот из-за этого-то двуединого тождества, для обретения другого, как себя самого, — и готов я идти на все жертвы. Здесь начинается мой «культ героя». Но здесь же начинается и исследование героя, испытание героя — подлинный ли он. Здесь — *incipit tragoedia*» (дневниковая запись от 9 апреля 1922 г. [38, с. 254–255]).

⁷⁰ Первая его жесткая дневниковая атака на В.И. (характерно начинаясь с нападок на его внешность) датируется 21 января 1922 г. [38, с. 243–244]. Триггером явилась рукопашная драка (!) между Г.А. Харазовым (см. выше, прим. 41) и профессором истории Л.А. Ишковым, когда В.И. принял сторону последнего, после чего «мятежный ученик» обрушился на него в дневнике целым каскадом обвинений и оскорблений (записи от 21 янв., 2 февр. 1922 г.; ср. 16 янв. 1923 г.: [38, с. 265–266]).

ся и эта вера. И этот высокий столп подмывается. К нему единственному я ходил. Куда ж я теперь пойду? (запись от 19 февраля 1921 г. [38, с. 234]; ср. 15 марта 1922 г.: «Последний раз поздорили из-за сущего пустяка» [38, с. 251]).

Разумеется, как любая сложная творческая личность, В.И. был далек от нравственного идеала и не считал себя таковым, однако большинство знавших его, отдавая должное его достоинствам и достижениям и вопреки его прегрешениям, принимали его как он есть, среди них — искренне его любившие Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлов. В то время как Альтман, сознательно или нет, стремился как-то изменить его личность согласно своим ожиданиям, поддаваясь искусу, который греки называли *hybris*. Он гордился тем, что считал своей «объективностью», в том числе, и мелочно критикуя в дневнике проявления характера или поступки В.И., казавшиеся ему достойными порицания, а время от времени и прямо заявляя ему об этом, мало задумываясь, насколько его впечатления и суждения — а тем более, частые неправомерные обобщения — по определению, субъективны⁷¹. Не

⁷¹ В какие-то моменты Альтман был, однако, способен осознать этот факт, но тут же находя себе оправдание: «Я в приговорах скор, у, как скор! Но отчего мне и не быть скорым, особенно в дневнике, цель которого — именно не отстать ни от одного мгновения?» (запись от 26 сентября 1922 г. [38, с. 261]). Соответственно, обобщая критическое наблюдение о ком-либо, даже близком, он спешил обратить его в инвективу. В.И. же, напротив, возможно, не без подтекста, утверждал ему о себе обратное: «Вы, должно быть, — сказал В. мне, — одарены в критике больше меня. Я если что люблю как целое, не замечаю уж отдельных слабостей, лишь был бы мой любимый себе верен» (запись от 16 февраля 1921 г. [38, с. 230]). Следует также помнить, что на протяжении Бакинского периода, несмотря на присущий ему научный и преподавательский блеск, В.И. переживал тяжелый душевный кризис и много болел. На позднем этапе их отношений Альтман начал понимать и это: «Хочу, однако, быть справедливым. Поэтому допускаю одно объяснение всего поведения Вячеслава, которое может аннулировать все сказанное. А именно: он не тот здесь (в Баку) и теперь (последние годы), что был. Он и сам не раз говорил мне: “М.С., Вы видите меня больным: я был совсем не тот, когда был здоровым”. Это очень возможно. <...> Будем же лучше смотреть на его прошлое, если сможем, — и на будущее. <...> Из любви к нему, дальнему, минуем ближнего» (дневниковая запись от 9 ноября 1922 г. [38, с. 271]).

случайно сам В.И. заметил, хотя в лестном для слушателя контексте и с оговоркой: «Подобная объективность всего на шаг отстоит от смерти» (запись от 7 января 1922 г. [38, с. 237])⁷². Надлежит подчеркнуть, что как на раннем, так и на позднем этапе их отношений, Альтман с благодарностью признавал нравственно положительное влияние на себя со стороны В.И.:

Вообще его личность действует на меня возвышающе: я впервые обрел живой идеал нравственности и благородства и в то же время скромности и гениальности (25 января 1921 г. [38, с. 231]); Я весь день почти провожу у Вячеслава и чувствую, как все нравственной нрав мой становится. Сын Человеческий, он ведет меня к Сыну Божьему, и как светла эта дорога. Я верю ему настолько, что если он говорит, что есть Бог и вечная жизнь, значит — есть. Вячеслав, очевидно, признаёт меня, он считает меня талантливым и достойным того особенного и чрезвычайного внимания и доверия, которое он мне оказывает. <...> С ним бывая, я забываю обо всем и всех и даже часто (для меня это невероятно) и самого себя (запись от 6 февраля 1921 г., [38, с. 232]); Все мои помыслы — о нем, мысли — на его темы, он весь меня собой наполняет. И я благодарю судьбу, что она привела меня к его порогу, ввела и в самую обитель. <...> Я чувствую, как В.И. действует на меня совершенно не так, как кто-либо из писателей действовал на меня до сих пор. Не чувства, не ум совершенствуются у меня, но самая воля. Я становлюсь все человечнее, и мне этого хочется. Все смиренно-мудрее и благочестивее, все лучшим сыном Отца Небесного (12 февраля 1921 г. [38, с. 233]); Если это так, то хвала не мне, не мне, а имени твоему, В.И. Это ты вызываешь во мне самое лучшее, это ты — мой правый укротитель, смиренный победитель. Тебе, Вя-

⁷² Ср. от 18 февраля 1922 г.: «Вы заявляете о своем полном нейтралитете ко всем развитым Вами мыслям, то мне кажется, что если смотреть под лупу, кое-где нейтралитет окажется нарушенным, не в упрек, конечно, говорю я это, а лишь отмечая факт. Я лично удовлетворен и нейтралитетом, было бы гораздо хуже, если б Вы сами, излагая все о матери, например, сами в душе бы над матерью издевались — тогда это была бы какая-то дьявольская игра. Я успокоил В., сказав, что я нейтрален. Однако так ли это на самом деле? Я сильно в этом сомневаюсь» [38, с. 248]. Догадывался ли В.И. что, гласно восхищаясь им, он мог над ним в душе издеваться, как об этом свидетельствуют дневники?

чеслав, вящая слава, тебе хвала. И как я рад, что твоей славой кончаются записи этой тетради (21 марта 1921 г. [38, с. 235]).

Вскорости, однако, подобные дневниковые излияния касательно В.И. сменились все более раздраженными придирками, претензиями, оскорбительными выпадами самого разного рода, примерами дурновкусия, нередко на грани хамства⁷³.

Лишь столкнувшись неожиданно с перспективой отбытия В.И. за границу, может быть, навсегда, Альтман переживает настоящий шок:

Это известие меня как громом поразило. <...> Для меня лично весь университет был ценен присутствием в нем В., и с изъятием его он для меня бездушный труп. Как никто, я в лице Вячеслава имел личного друга и вожатого, почти отца. Это был единственный в городе человек, с которым я два года беспрерывно ненасытно общался, которого чтил и любил. Я его очень высоко, но, ах, все еще мало ценил. Имея — не дорожим, а потерявши — плачем. В разлуке познается сила привязанности, и, с тех пор как я узнал, что дни его в Баку сочтены, я не знаю, как им дорожить. Хожу как осиротелый, по ночам не сплю, днем грущу. Усиленно мечтаю, как только ликвидирую свои академические дела, съездить в Москву, на Украину и оттуда всеми возможностями за границу, «к нему» (запись от 19 октября 1922 г. [38, с. 262]).

Поскольку тогда отъезд оказался отложен, молодой человек быстро вернулся в дневнике к ставшему привычным зубо-скальству, инкриминируя В.И., среди прочего, недостаточную

⁷³ Ср.: [38, с. 238, 244–246, 248, 255, 261, 264–267, 270–272, 275, 276]. Нужно при этом оговорить, что Альтман был способен, в отдельных случаях, к осознанию несправедливости своих инвектив и последующему раскаянию. Так, например, назавтра после особенно резких нападок на В.И. с обвинениями его, среди прочего, в неспособности к любви, неверии, сладострастии и гордыне, он записывает: «Каюсь, каюсь и отрекаюсь от написанного вчера мною “на” В. Нет и нет. Ошибся я» (4 марта 1922 г. [38, с. 250]). Очевидно, что окружающие не без интереса наблюдали за перипетиями их отношений. Так, Лидия Гуляева спрашивает в письме к В.И. из Ленинграда 19–23 декабря 1923 г.: «И по-прежнему ли любите Альтмана?», при этом передавая ему привет.

защиту академических его интересов (что было неправдой) и даже возмнив, что тот его предаст (запись от 8 ноября 1923 г. [38, с. 270]). Тем не менее, к юбилею В.И. он пишет ему акросонет, именуюя его «другом» и желая ему «до ста / Вести счет лет», впрочем, лишенный пыла и жара прежних обращенных к нему стихотворений («Витийствовать пред другом не пригоже...», 29.2.1924). Наиболее примечательны, однако, два уже цитированных выше его письма к В.И. в Рим, исполненных неподдельной благодарности («...И стало с тех пор для меня просвещение — просветление, непрерывным высветлением») и ностальгии — «целых четыре года (какое счастье!)» — по общению с ним. Альтман изначально отдавал себе отчет в опасностях персонализации идеализма: «Мне, еврею, следует помнить завет: не сотвори себе кумиров — особенно христианских. Помни, что “он” еще и обыкновенный Иванов, иначе вся померкнет слава Вячеслава» (запись от 18 февраля 1921 г. [38, с. 233]). Но это — разумом, чувством же он так и не сумел преодолеть максималистский разрыв между желаемым и действительным, частью и целым, важным и неважным и, в данном случае, поэтом и человеком⁷⁴. Вероятно, ему на это не хватило душевного опыта, умения сопереживать и самоиронии.

С другой стороны, и отношение В.И. к строптивому ученику не являлось однозначным, менялось, но не так радикально, как у последнего к нему самому, и определялось мотивами, о которых трудно судить за недостатком достоверных данных: нам известно мало прямых его высказываний на этот счет, а приведенные в дневнике Альтмана, по причине искажающей их оптики, требуют известной осторожности. Два, однако, фактора кажут-

⁷⁴ Впрочем, последней дилеммы Альтман не сумел, по-видимому, разрешить и годы спустя. Читаем в отрывке из его дневника от 8 августа 1929 г. о впечатлении при встрече с Максимилианом Волошиным: «Столько тела, что спрашиваешь себя: а где же душа, может ли она здесь быть, не заплыла ли, не растворилась ли? Но как же ей быть? Вспоминая, сопоставляю с ним самим стихи его и не могу их согласовать: не накладываются творения на творца, не совпадают. И значит, не понял я чего-то: или поэзии или поэта. Ибо все ж: творение и творец — одно. Или не одно?» [40, с. 583].

ся очевидными. Многое указывает на то, что Альтман, несмотря на молодость, интеллектуально и по широте кругозора превосходил большинство, если не всех, тогдашних собеседников В.И. и, соответственно, представлял для него особенный интерес как «совопросник» — в основе независимый, хоть и поддающийся иногда влияниям ум, способный на собственные нетривиальные мнения и умеющий отстаивать их, открытый диалогу — также и в платоновском смысле⁷⁵. И, конечно же, откровенное обожание юноши с начала их знакомства, равно как и стремление стать его, «славянского Гете», Эккерманом не могли ему не льстить⁷⁶. Как любой умелый педагог на его месте, В.И. обра-

⁷⁵ Ср.: «И вообще влиянию, чрезмерно назойливо напирющему, я даю отпор. Вообще же влиянию всякому я сам радостно иду навстречу. И чтоб чему-нибудь научиться, готов подчас и личность свою умалить» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 264–265]). Своей достигнутой «независимостью» от В.И. Альтман гордился: «Меня он ценит за независимость по отношению к нему. Через какую зависимость, однако, я прошел, пока я стал независимым» (запись в дневнике от 24 апреля 1924 г. [38, с. 275]); и в другом месте: «Как мне иногда кажется, у меня это борьба за независимость. У него же — воля к власти» (15 марта 1922 г. [38, с. 250]). Эта же черта характера, однако, порождала его проблемы с социализацией. Альтман вызывал раздражение и у преподавателей, и у студентов: «Я возбуждаю самыми невинными тезисами вражду и недоумение. Почему? Да потому, что я <...> не считаю для себя обязательным говорить трафарет и пошлости. И мне не прощают этого» (запись от 12 февраля 1921 г. [38, с. 232]); «Все ж я весьма досаую: во-первых, мне кажется отношение ко мне университета <...> равнодушным (со стороны факультета, пожалуй, даже и чуть-чуть враждебным: невзлюбили меня за мою явную самонадеянность; за “непочтительность”, как сказал мне проф. Селиханович, к которому я, впрочем, особого почтения действительно не испытываю)» (запись от 8 ноября 1923 г. [38, с. 270]; ср.: [54, с. 13]). Молодой человек признавал, что «ужиться» ни с кем не может, и страдал от одиночества, но к преодолению его не стремился: «Остался один. Но единственный и должен быть одним. Довольно я отлынивал от моей участи — одиночества, — пора взять свой крест и с верой в Бога и голос неподкупной совести — идти вперед. Один, один» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 266]). Равным образом, бегство свое из Москвы без прощания с В.И. он оправдывал своей «натурой» [38, с. 279].

⁷⁶ Ср.: [39, с. 89]. Отметим, однако, их любопытный обмен мнениями в «Разговорах»: «Безусловно, — сказал я, — особенно замечательны разговоры с великими людьми, и я так недоволен Эккерманом, что он сравнительно так мало и так слабо передал нам “разговоры” с Гете. Нет, такие вещи не так пишутся.

щался с Альтманом как с равным, не нисходя до него, но возвышая до собственного уровня. Придав ему, сверх того, статус друга, он — возможно, того не сознавая, — допустил этого, эмоционально еще не вполне зрелого, почитателя дальше, чем следовало, в свой сложный внутренний мир, где тот отнюдь не всегда мог сориентироваться, чтобы его подобающе оценить, прочувствовать и уразуметь. В этом состояла ошибка, а, может быть, и вина, В.И., ставшая значимым фактором, повлиявшим на динамику их отношений. Это позволило младшему не только ощутить себя равным человеку, столь превосходившему его опытом, дарованиями и достижениями, но и уверовать, что это именно так, переставая отдавать себе отчет в масштабе расстояния между ними. Здесь сыграла роль сосредоточенность Альтмана на себе самом, приводившая его к чрезвычайно завышенной самооценке, иногда на грани мегаломании. Мы узнаем, что он уверился в своей гениальности в отрочестве по прочтении модного тогда сочинения Отто Вейнингера «Пол и характер»: «Мне было 16 лет, но, помню, именно в тот год вновь [! — В.Р.] пробудился мой уже несколько лет до этого спавший гений» (запись от 5 января 1922 г. [38, с. 237])⁷⁷. В результате, в отношениях

Впрочем, это объясняется, быть может, тем, что Эккерман так благоволил перед Гете и не был сам достаточно глубок. Нужно было быть глубже Гете, чтобы писать “Разговоры с Гете”, и нужно было по крайней мере ненавидеть: ибо “ненависть глядит пронизательно”. — Это хорошо, что Вы сказали “по крайней мере”, — сказал В., — ибо есть нечто, что глядит глубже и видит пронизательнее, чем ненависть, это — любовь. Всякое познание — эротично» (21 января 1921 г. [39, с. 34]). Показательно, что даже впоследствии, во время их нарастающего конфликта и взаимных обид, Альтман грезит об увековечивании их союза в памяти потомства: «Иногда я мечтаю — В. славен и будет еще более славен. Я тоже буду высоко вознесен. И некогда наше друг к другу отношение будут изучать и изучать» (запись в дневнике от 15 марта 1922 г. [38, с. 252]); ср. от 1 января 1922 г.: «Помню, обратился к нему: — В.И., даете ли мне слово, что некогда, и “потом”, так вот сидеть мы будем друг против друга в образах наших. — Да, будем! Я был тогда весь вечер в экстазе и, придя домой, “объявил”, что не душа только — бессмертно и тело», — воспоминание о разговоре год назад, когда Альтман был «в зените своего увлечения Вячеславом» [38, с. 236].

⁷⁷ Ср. в «Разговорах»: «Некогда писал я сам о себе: я уже гений, но еще не талант. Ну вот, до сих пор нет у меня еще соответствующего, равного моему гению таланта, в котором я бы мог себя выразить» [39, с. 104].

с В.И. он в короткий срок преуспел продвинуться от смиренного сознания предстоящего ему пути по стопам учителя до убежденности, что в чем-то и он его затмевает, затем в утверждении своего права читать ему мораль и, под конец, даже присвоив себе право судить — как его самого, так и «всю славу его»⁷⁸. Следуя наличным источникам, можно заключить, реакция В.И. на подобные выходки оставалась, по большей части, толерантной, хоть и не всегда. Он часто хвалил и даже перехваливал уче-

Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский эссеист, автор трактата «Пол и характер» (1902, рус. пер. 1908); покончил с собой в двадцать три года, раздираемый, как это следует из его писаний, интеллектуальными и чувственными, в том числе, религиозными и эротическими противоречиями. Характерно, что свой очерк о «Пер Гюнте» Ибсена Альтман думал посвятить «светлой памяти никогда мной не забываемого Отто Вейнингера», оказавшего на него в отрочестве решающее влияние, о котором он пишет: «Как мне жаль, что его нет в живых, он мне наиболее родственный человек, именно с ним сопряжен мой дух, ему я конгениален. Помню, как впервые прочел я “Пол и характер” в декабре 1912 г., когда я лежал в скарлатине, вот здесь, в этой самой комнате, на этой же постели у окна (в галерею), какое сильное произвело на меня это произведение впечатление. Весь мир я узрел по-новому, впервые ощутил я в душе “великую серьезность”, о которой говорит Ницше <...>. Меня словно подменили, когда я встал с одра болезни, я стал как будто другим, чужим прежнему “себе”, на самом деле, думаю я, стал именно собой. С тех пор многое для меня пришло и прошло. Вейнингер — остался» (запись в дневнике от 5 января 1922 г. [38, с. 237]), — очевидно, знаковое признание, отражающее его собственное душевное состояние на том этапе.

⁷⁸ Ср., к примеру, смену содержания, лексики и интонации в записях: «Вожатый — Вяч. Иванов. И когда со мной говорит, душа моя горит, и блаженной томной усталостью я исполняюсь, будто на некую всхожу я гору. Иванов — гора. Олимп он и Голгофа. И рядом с ним и я, Фома неверный, верой проникаюсь. Я верю в него. И больше верить в себя начинаю. Ибо пусть я последняя ступень, на той же лестнице я, что и он» (13 декабря 1920 г. [38, с. 228]); «Я его чту, люблю и преклоняюсь и, считая его в целом выше себя, в частностях и в умении читать себя ставлю выше» (25 января 1921 г. [38, с. 233]); «— Вы мне мораль читаете? Тогда я сказал: — Да, я Вам мораль читаю: разве малейший не может и величайшему читать мораль? — Да, может, — признался В., почувствовав, видно, неправоту своей вспышки» (19 февраля 1921 г. [38, с. 234]); «Многие большие и малые хвалили и славил В. Иванова — “Вячеслав Великолепный”. Но вот по голосу многих пришел я, увидел и сказал — Вячеслав Суетный. Видел всю славу его, но увидел и пыль, которой она вся покрыта, — мелкая, серая, не сходящая пыль. Суета, всяческая суета» (18 мая 1923 г. [38, с. 268]).

ника, уступая ему в спорах, очевидно преувеличивая его способности, иногда даже ставя их превыше собственных⁷⁹. Мотивы та-

⁷⁹ «Вы, должно быть, — сказал В. мне, — одарены в критике больше меня» (16 января 1921 г. [38, с. 231]); ср.: «Нет, Вы больше всего критик (конечно, Вы и поэт), и здесь я перед Вами, как ученик перед учителем. Уж за одно простое изложение этих воззрений Вы должны быть оставлены при университете, такая это важная заслуга» (21 марта 1921 г. [38, с. 235]). Здесь следует отметить ненавязчивый акцент на критическом, а не поэтическом, т. е. творческом, даровании Альтмана; к этой мысли В.И. возвращается, в аккуратных формулировках, и позже [38, с. 237, 246, 251], кроме игрового предрекания ему поэтического величия в будущем — см. ниже, прим. 81). Серия похвал: «Сегодня лекции по греческой трагедии он цитировал мои воззрения на романтизм как на одну из категорий [сознания] и указал, что это ему было сообщено одним из присутствующих (то есть мной). Я горжусь этим и считаю себя весьма высоко удостоенным» (25 января 1921 г. [38, с. 232]); «В.И. весьма и весьма лестно отозвался о докладе, чем даже потом вызвал некоторые протесты» (6 февраля 1921 г. [38, с. 234]); «Мы беседовали до 12 часов. Потом, прощаясь со мной, В. снова и снова благодарил меня за ценные мысли, говоря, что я весь этот вечер, начиная с сонета и кончая последними словами, необычайно блестящ и глубокомыслен» (21 марта 1921 г. [38, с. 235]); «“Какая огромная мысль!” — сказал В. и стал хвалить и хвалить» (5 февраля 1922 г. [38, с. 246]); «В. был в восторге <...> и в самых высоких выражениях отзывался о моем “очерке”, находя <...> музыку его ни в одном месте не срывающейся, ни на йоту не фальшивящей, и в целом и во всех частностях стройным, цельным глубокомысленным, изумительным и пр. и пр. и пр.» (18 февраля [38, с. 248]); «Мой memorandum о происхождении греческой трагедии В. Ив. принял и включил в свою книгу, поздравив меня по этому поводу с дебютом» (31 августа [38, с. 262]) (имеется в виду длинное примечание к параграфу 8 главы XI «Диониса и прадионисийства»: «Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей, М.С. Альтмана, о религиозной символике трагедии...» — см.: [44, с. 343–345]). Однако, на академическую критику со стороны В.И. (строгость которого по отношению к «своим» студентам хорошо известно — см., напр.: [54, с. 19; 51, с. 344]) Альтман мог реагировать болезненно, ср.: «Эту неделю я как-то весь сам не свой. Удручен как-то, словно какая-то одна засела у меня идея в голове. Я все не могу оправиться от обиды, нанесенной мне словами Вячеслава (“эффектничал”, “импрессионизм”, “от лукавого”). Мне не за себя обидно, а получить несправедливость от него — вот что угнетает. Если “он” такой, каковы остальные? Натыкаешься на тупое место в самом дорогом» (запись от 19 февраля 1921 г. [38, с. 234]). Добавим, что по мере обострения негативных чувств к мэтру Альтман в конце концов усомнился в искренности исходивших от него похвал: «Придется, к сожалению, отказаться от той высокой оценки, которую он неоднократно высказывал по моему адресу» (запись от 25 апреля 1924 г.

кого поведения недостаточно ясны. Где-то в эпизодах угадывается иронический подтекст⁸⁰, где-то — игровой⁸¹, где-то — про-

[38, с. 275]). И зря — по крайней мере, в отношении его профессиональных качеств, ибо В.И. очень лестно высказывался о нем в официальных отзывах и письменных рекомендациях, чего он в противном случае делать не стал бы.

⁸⁰ Еще Сенека указывал, что похвала, будучи приукрашенной, обращается в насмешку: “Saepe adulatio dum blanditur offendit” (*De Ira*, 2, 28, 5: «Часто лесть, перехваливая, оскорбляет»). В отличие от В.И., способностью к самоиронии его «мятежный ученик» не обладал, но в отдельных случаях чужую по отношению к себе способен был уловить: «Я ему читал свои записки, он знаком также и с моими стихами, и моя даровитость — для него факт бесспорный. Он много раз подчеркивал мою интуицию, несомненное остроумие и “филологическую душу”, говоря, что из меня выработается замечательный афорист (не аферист ли?)» (запись от 28 декабря 1920 г. [38, с. 229]). Очевидный пример — впрочем, в ответ на эротический жест — лести В.И., т. е., преувеличенного чувства, которую молодой человек принял, однако, за чистую монету: «— А не забудете Вы обо мне там, в Италии? — спросил я, наклоняясь к нему и ласково глядя рукав его. — Что вы говорите?! Клянусь Вам, что еще до чтения Ваших заметок обо мне я думал, не отказаться ли мне от Италии, чтоб оставаться здесь с Вами, или это уже не нужно, и Вы сами без меня справитесь...» (9 января 1922 г. [38, с. 240]).

⁸¹ Так, на вопрос Альтмана, выйдет ли из него что-нибудь значительное, «В. сказал, что ему, конечно, трудно ясно и определенно ответить на этот вопрос, но раз я его беру, как Александр Македонский пифию, прямо за грудь (сравнение мое), то он, погрузившись в некое ясновидение, предрекает мне следующее: — Вы, как некоторые французы, начали (или у нас — Тургенев), дадите сперва один-два сборника стихов, потом пойдет безупречная проза. Вы будете очень знаменитым в вопросах эстетики и философии, системы Вы не создадите, но Вы скажете чрезвычайно важные и значительные вещи, но это не будет еще все, это только соответствие той стадии, когда французы, ну, скажем, Поль Бурже, Анатоль Франс, становились академическими, определенно-утвержденными. Но потом, после всего этого, Вы станете еще великим [? — помета М.С. Альтмана] поэтом, ибо Ваш путь должен кончиться обязательно чем-то синтетическим, то есть символическим, поэтическим. Да, таким представляется мне Ваше будущее, Вы мое ясновидение сами изготовили, и больше сейчас я ничего сообщить не могу. Так говорил он, словно сквозь сон. И, как сну, внимал я словам этим, словно плыли над головой моей звездные, меж прерывающих их облаков, знаки, и, по знакам тем гадая, читал мое великое будущее тайновидец, “заветов грядущего вестник”, кудесник Вячеслав» (запись от 9 января 1922 г. [38, с. 239]). Как это явствует от вопросительного знака, им поставленного, в том, что он станет великим поэтом, усомнился даже сам автор дневника.

вокационный⁸², где-то — порожденная ситуацией, отчасти лицемерная дипломатичность⁸³.

Здесь нет смысла далее углубляться в зигзагообразную траек-

⁸² Ср. их двусмысленный и не до конца понятный (по крайней мере, в опубликованном, и по всей видимости, усеченном виде) диалог: «— Когда я уеду, Вы должны будете написать на темы о Гомере, о Пере Гюнте, о романтизме, о лгуне (лгун отчаянный — *моя вставка*) и еще о провокаторе. — О провокаторе, — сказал я, — не о том ли, который не хотел успокоиться раньше, чем у самого Бога ощупать его язвы. — Да, я вижу, Вы на должной высоте ставите вопрос. О, это будет великий агон: Андрей Белый, Вы и я — все мы состязаемся на эту тему; впрочем, я заранее устраниюсь, из вас же двух Андрей Белый лучше напишет, а может быть, и нет, Вы лучше, во всяком случае не я. — Принимаю вызов, — сказал я, — итак, тема о провокаторе, не vocator'e, а provocator'e, этом вечном заместителе, вечном "за", вечном "вместо"; против этого вечного "pro", истощив все "contra". <...> [купюра публикатора. — В.Р.] — Вы, как Геракл, на распутье стоите. Много перед вами дорог, но на каждой — своя опасность. Пойдете сюда — со львом столкнетесь, туда — в овраг попадете, ту выберете дорогу — разбойники на вас нападут, возьмете этот путь — можете заблудиться и т. д. и т. д. Задача именно в том, чтоб найти свой путь и свою опасность» (запись от 13 января 1922 г. [38, с. 240–241]).

⁸³ Альтман яростно обвиняет В.И. в лицемерии (запись от 25 апреля 1924 г. [38, с. 275]), и не он один — ср. выше, прим. 62). Однако в этом можно равным образом усмотреть элемент игры, равно как и результат «воспитания чувств» (которого молодой Альтман был почти начисто лишен) или же обратную сторону удивительной коммуникабельности В.И., одной из его наиболее симпатичных и характерных черт, благодаря которой многократно обогащал свои познания и человеческий опыт сам автор дневника. Как не без резона высказался в «Разговорах» с ним В.И., «добродетели возникают из пороков и, наоборот, из добродетелей — пороки, они взаимно просвечивают...» [39, с. 71]. Но и молодого человека, ценившего в себе смелость «свое суждение иметь» [38, с. 234] иногда посещали озарения вроде: «Даже я, запальчивый и резкий, и то, несмотря на все мое обыкновение быть правдивым до грубости, подпадаю под общее течение — и лгу. То говорю неправду, то не говорю правду. А меж тем я и мог, и должен был бы ее сказать» (запись от 19 января 1924 г. [38, с. 272]). Ср.: «Потом он [В.И.] еще что-то исполнял, вроде вежливость — не помню точно. Он разыграл себя. Как он любезно принимает у себя в кабинете человека, в то же время всячески его браня, после его ухода. Меня тогда удивило, как легко Вяч. признался тогда в своем обязательном лицемерии, хотя, может быть, и под маской светско-вежливости» [54, с. 20–21]. По словам, однако, хорошо знавшего В.И. Сергея Троцкого: «Его дипломатическая мягкость никогда не шла дальше предела внутренних убеждений» [59, с. 71].

торию их отношений⁸⁴. Частота столкновений и признаков взаимного раздражения увеличивалась, на поверхности более или менее удерживаемая в рамках приличий, вынуждая одного из-

⁸⁴ В этой связи следует, впрочем, коснуться существенного момента, сохраняющего неясность, — содержания «заметок» Альтмана о В.И., упомянутых в опубликованных дневниковых фрагментах: «Вместо Геродота я, однако, прочел ему из своего дневника (16 сентября 1921 г.: “Каждому человеку надо куда-нибудь ходить...”) о том, как я был целый год им, В., “одержим” и как я, переболев, ныне вновь и еще более здоров. — Вы назвали эту заметку плохой для меня, — сказал В., — но я ее считаю очень хорошей. Пройдет три десятка лет, и вспомните мое слово. <...> Потом я прочел вторую о нем “заметку” (18 сентября 1921 г.: “Я неверующий, я скептик...”))» (9 января 1922 г. [38, с. 238]). (Обе такие заметки, безусловно связанные с их отношениями, в опубликованной подборке отсутствуют). И в другом месте: «Он сказал, что я своими “записками” о нем (которые я полагаю публиковать без его предварительной санкции на то) как бы тираню его, эксплуатирую. Я же сказал, что эти “записки” — мое достояние и “авторизирование” их им есть не обязанность моя, а добрая воля. Так одним и другим увесистым словом кидали мы друг в друга. Оба обиделись, оба друг другом недовольны, оба считаем себя правыми. <...> “Если вы не дадите мне на просмотр “записок”, я оставляю бумагу о том, что они в целом источник недостоверный, объявляю об этом при свидетелях”. О чем он, собственно, тревожится? “Там” разберут, правильно или нет изобразил я его. На зеркало неча пенять... А если зеркало и кривое, что за беда? Измерят люди, знающие кривизну, и определят подлинную правду. И ложного свидетеля у мудрого судьи показание ценно. Да и так ли уж я крив? Ведь я осторожен до крайности, шлифую зрительное и отражающее стекла мои тщательно, проверяю их многократно» (15 марта 1922 г. [38, с. 252]); также: «Я хочу написать так свои “заметки”, что, с какой бы страницы книга ни открылась, везде она была бы равно захватывающа. Своего рода — бустрофедон: как хочешь, с чего хочешь читай — все хорошо. И так хорошо, и так хорошо — не так, не этак ли говорил Творец после каждого творения» (16 марта [38, с. 252]). Отсутствие контекста, из которого вырваны эти пассажи, делает их непонятными. Если речь идет о «Разговорах», В.И. целиком прав юридически: он имеет право авторизации, как это полагается при интервью; если же о каких-то мемуарных или биографических текстах, то это вопрос этики межличностных отношений, ибо В.И., естественно заботясь о своей репутации, желал ознакомиться с высказываниями о себе своенравного и амбициозного молодого человека (коему он, по-видимому, не настолько доверял, как тому хотелось), чтобы иметь возможность, при необходимости, ее защитить. Альтман, по-видимому, не слишком задумывался, как и многие мемуаристы, что мотивом его может быть не столько правда (хорошая или плохая) о В.И., сколько потребность улажить и возвеличить собственное «я».

ливать по поводу другого в дневнике обилие негативных эмоций вперемежку с прочувствованно-позитивными⁸⁵. Эти метания его продолжались, как мы видели, вплоть до их расставания и, по всей вероятности, даже после⁸⁶.

⁸⁵ Ср., например: «Опять у меня с В. краткое размыкание (сердечного) тока, опять обмолвка-размолвка. Все чаще убеждаюсь, что хоть мы столь сильно “помолвлены” (полтора года мы только и делаем, что “помалвливаемся”), к венцу мы не пойдем. Разные мы очень и в разные тянем и тянемся стороны» (запись от 15 марта 1922 г. [38, с. 251]; ср.: [38, с. 246–247]). И с другой стороны: «Вчера исполнилось 56-летие со дня рождения В. Накануне этого дня я с ним беседовал до 2-х часов ночи. О важном, о высоком. Было очень интересно, занимательно. Занимательно, ха-ха! Он мне про Бога, про прикосновения к мирам иным, а я слушаю: мне-де “занимательно”. В прошлом году было совсем не то: пламенела душа моя при словах его, сердце горело. Теперь только дымится, парит (а что такое всякое “парение”, как не призрачность и романтизм, только огонь реален, ему одному подобает всякая слава). <...> Раньше все в В. казалось Откровением, не потому ли, что весь он был для меня Тайна? Теперь не скажу, чтоб тайна эта передо мной разоблачилась. Нет, но... переоблачилась; оделась в серенький привычный цвет ежедневности, в милом, но несколько заношенном, чуть-чуть запыленном домашнем халатике. В туфлях и халате шествует теперь передо мной Тайна его» (2 марта 1922 г. [38, с. 248–249]); или: «С Вячеславом у меня вновь эпоха “доверия”. Мы почти ежедневно засиживаемся в сладостных беседах до 3-х ночи. Так вот было с нами два года назад, когда моя душа горела. Теперь не горит, за спиной опыт огня и пепла, но временами светится — и, просвещаясь, просвечивает» (26 февраля 1923 г. [38, с. 267]). Уже предполагая возможность отъезда В.И. за границу, он записывает, даже впадая в сентиментальность: «И к тому, возможно, что во время моего отсутствия уедет (в Италию) В. — и я с ним не попрощаюсь. А мне это было бы тяжело так, как Алеше Карамазову, когда он по семейным делам не мог быть все время при отходящем своем старце. Увы, и В., мой дорогой, несмотря на то, что ему всего 56 лет, уже так дряхла и слаб», — и тут же ернически фантазирует, предрекая ему скорую и жалкую смерть: «Я себе представил, как он скоро, ах, совсем скоро (и это еще лучший случай!) будет дряхленький, весь трясущийся согбенный старичок со слезливыми глазами, то раздраженно кричащий, то чувствительно плачущий. Так в слезах непрерывных и отойдет!» (запись от 16 февраля 1922 г. [38, с. 248]; ср.: [38, с. 262]).

⁸⁶ Можно предположить, что с течением времени Альтман стал проецировать на В.И. те или иные собственные проблемы и недостатки, следуя — в терминах юнгианской психологии — архетипу «Тени», может быть, даже отчасти осознавая потребность в таком «переносе». Так, например, несправедливо заподозрив В.И. в предательстве его, Альтмана, интересов, он записывает: «А что Вяч. Иванов меня предаст, то ведь и я б его предал. И если он сде-

Остается, тем не менее, вопрос, обойти который нельзя: что же все-таки послужило первопричиной особенной, часто вплоть до неприличия, ярости по поводу В.И., нашедшей выражение в дневниках его «избранного» студента? Судя по всему, им руководила, в отличие от Е.А. Миллиор и В.А. Мануйлова, не просто юношеская влюбленность в учителя, но уже взрослая и, как он считал, обманутая страсть, с возможными пагубными последствиями, что он отчасти осознавал:

<...> Дикие, романтические бродят у меня мысли. И все вокруг моего нового взошедшего солнца — Вячеслава. То мне хочется кончить самоубийством и оставить «ему» («пусть знает» — совсем я как женщина) записку: «Не иди мимо» (его же заповедь), то я сладострастно мечтаю о том, чтоб убить его и перед последним дыханьем шепнуть ему на ухо «такое, такое одно слово», то мне страстно хочется сотворить перед ним какое-нибудь сверхъестественное чудо: велеть грому загреметь — и он загремит; призвать потоп на мир — и он грянет и тому подобный вздор. Все это продиктовано моим ненасытным тщеславием и алчной, до смерти жаждущей любовью. Нехорошо! (запись от 18 февраля 1921 г. [38, с. 233])⁸⁷.

лал это внешне первый, то внутренне не я ли был первым?» (8 ноября 1923 г. [38, с. 270]). Поскольку критерии отбора фрагментов из дневников Альтмана публикатором остаются не до конца ясными (ибо расположение купюр часто предполагает продолжение нарратива), многие намеки и нюансы требуют расшифровки, возможной только при наличии контекста. Стоит, однако, упомянуть свидетельство Е.А. Миллиор о том, что она однажды случайно слышала, как В.И. приватно «уничтожал» Альтмана, доказывая, что он, по существу, «бесплоден», хотя раньше «любил его и как-то произнес целую речь в его защиту» [54, с. 13, 25]. Подобный выпад мог быть вызван настроением или реакцией на его очередную грубость, но скорее всего речь шла не об интеллектуальных его способностях (которые В.И. безусловно ценил), а о поэтических амбициях, и действительно, стихотворные опыты его кажутся, по большей части, мертворожденными.

⁸⁷ Сильный эротический компонент (хоть отчасти сублимированный, но не без элемента кощунства) очевиден и в записи от 9 января 1922 г.: «Когда я дошел (в чтении одной из своих “заметок” — см. выше, прим. 80, 85) до места, где уподобляю В. тому спутнику [т. е., Иисусу Христу. — В.Р.: Лк. 24: 13–31; Мк. 16: 12], который встретился апостолам по пути в Эммаус, и процитировал его же соб-

Известно, что подобная страсть чревата как ревностью, так и ненавистью, — от любви до ненависти один шаг (и обратно).

ственные слова (“Путь в Эммаус” — “Cor Ardens”: “И Кто-то, странный, по дороге / К нам пристаёт и говорит / О жертвенном, о мертвом Боге... / И сердце дышит — и горит...”), голос мой дрогнул и опал, заклокотало что-то в горле, и влажно заблестели глаза, смотрю — все плачут <...>, а В. сам, спрятав в руки лицо, так склонился вниз, словно хотел положить голову под стол. <...> Потом разговор обособился <...> я подсел к “изголовью” В. (он сидел — не возлежал, но я ему нашептывал на ухо, как возлюбленной) и стал его спрашивать, как думает он, выйдет ли что-нибудь значительное из меня» (о содержании последовавшего «пророчества» В.И. см. выше, прим. 81); и далее: «О многом, о многом еще говорили мы, <...> многое же и, быть может, самое значительное ввиду отрывочности и возбужденности нашей беседы мне слишком трудно изложить стройно, но в душе каждый жив клочок и жест, и каждое, каждое семечко, уроненное, мимо идя, ростки дает. Поживем — их цветом насладимся и плодом насытимся. Поживем...» [38, с. 239–240]. Ему снится достойный фрейдовского анализа сон: «Другой сон совсем о другом: у меня и В. произошел “великий спор” (не идейно-отвлеченный, а личный), у обоих голос сорвался (в этом сне, полагаю, контаминировались моя давняя ссора с В. из-за “Передонова” [вероятно, в связи с конфликтом вокруг Г.А. Харазова — см. выше, прим. 41] и недавняя, с больным отцом), так что мы почти не могли говорить и оба были в крайнем изнеможении. С большой тревогой (за наше здоровье) и жалостью смотрела на нас не то дочь В. Лидия, не то мать моя Лиза (днем говорил с ней о том, что Лида и Лиза — одно и что возлюбленная — мать). Не помню почему, но и этот сон был значителен и говорит о многих моих задыхающихся в темнице души моих желаниях...» (запись от 5 февраля 1922 г. [38, с. 246]). Наконец, в акросонете, обращенном к В.И., Альтман воображает себя Ганимедом в ожидании прилета Зевса-орла:

Судьба свела нас иль счастливый случай:
Лежал — о, помню! — я у гор подножий,
А ты, крылатый, с хищной птицей схожий,
Витал над головой моей, над кручей.

И вдруг с твоих высот, с великой силой
Влеком ко мне, как враг иль тайный милый
(Авгуры знают лучше птичьи нравы),

Напал ты на меня и, бурнокрылый,
Осанны преисполнен и державы,
Вознес с собою в царство в я щ е й с л а в ы .

(8.3.1921)

Иными словами, здесь мы имеем классический случай, описанный тысячекратно: *odi et amo*⁸⁸.

И последнее. Отчего В.И., с его богатым опытом общения и суждения о людях (сам Альтман называет его «ловец душ» в предисловии к «Разговорам», написанном в 1928 г. [39, с. 15]; ср.: Мк. 1: 17), продолжал несколько лет поддерживать «учительские» и достаточно близкие контакты с молодым человеком, в котором, по истечении времени, должен был чувствовать психологическую несовместимость, а временами как скрытую страсть, так и открытую враждебность, и терпеть его выходки, вместо того, чтобы постепенно и аккуратно отдалиться, что он умел делать, например, в случаях с Городецким или Верой Меркурьевой⁸⁹. Спектр эмоций В.И. касательно Альтмана, если попытаться реконструировать его согласно имеющимся сведениям, включал интерес, симпатию, одобрение, благоволение, привязанность, неодобрение, иронию, лукавство, лесть, раздражение, редко — гнев и т. п., но не ожидаемый ответ на сгусток переживаний в дневниковом фрагменте, цитированном выше, и это, сознательно или нет, могло лишь способствовать болезненным реакциям на него самолюбивого собеседника⁹⁰. Разумеется, В.И.

⁸⁸ Мы знаем, к примеру, что на всем протяжении дневников Альтмана бакинского периода ни разу не упомянут В.А. Мануйлов [15, с. 239], появившийся в орбите В.И. ранней весной 1922 г. [51, с. 34]. Показательно также неучастие Альтмана в ивановском студенческом кружке «Чаша» и его отсутствие на групповом снимке этого кружка [14, с. 623; 55, с. 65–66]. В этом контексте интересно мнение Е.А. Миллиор в письме к В.И. (от 6 мая 1925 г.), что из всех своих студентов и учеников, включая ее, он сильнее всех повлиял на Альтмана.

⁸⁹ См.: [9; 7, с. 56–58].

⁹⁰ 7 января 1922 г. Альтман записывает: «Вчерашний вечер сочельника провел весь до двух часов ночи с В. Давно уж так мы не беседовали подолгу. Он был очень ласков, внимателен, говоря, что относится ко мне так, как в свое время к нему относился Вл. Соловьев» [38, с. 237]. Вероятно, речь идет об эпизоде, о котором со слов В.И. сообщает О.А. Шор: «В первую свою встречу с Владимиром Соловьевым В.И. из дерзкой честности заявил известному ученому, что ни с одной мыслию его он не согласен. Соловьев ласково улыбнулся, встал, молча обнял и поцеловал своего гостя» [46, т. I, с. 34]. Нельзя исключить, что в известной мере В.И. усматривал в Альтмане черты, напоминавшие его самого

ценил его острый ум и незаурядную личность; однако я рискнул предположить, что в крайностях альтмановских настроений и поведения по отношению к нему самому он улавливал, или прозревал, еще один, важный для него аспект философии Эроса, а следовательно, и сократо-платоновской пайдэи — проявление присущего любви «безумия» (μανία), равно разрушительного и созидательного⁹¹. Читаем в «Федре» (вторая речь Сократа):

Неверно было слово это, — будто при наличии влюбленного следует уступать скорее невлюбленному только из-за того, что влюбленный впадает в неистовство, а невлюбленный всегда рассудителен. Если бы неистовство было попросту злом, то это было бы сказано правильно. Между тем величайшие для нас блага возникают от неистовства, правда, когда оно уделяется нам как божий дар. <...> Но вот на что стоит сослаться: те из древних, кто устанавливал значения слов, не считали неистовство (μανία) безобразием или позором — иначе они не прозвали бы «маническим» (μανική) то прекрасней-

в годы юношеских исканий. Мы читаем, что в знак особенного одобрения его академических успехов В.И. мог его поцеловать — публично, что само по себе исключало какую-либо двусмысленность — например, после «блестящей» (по словам самого Альтмана) защиты им диплома: «Комиссия в лице председателя Вячеслава (который провел все собрание виртуозно) и членов — Маковельского и Яблонко — вынесла как о моей работе, так и о диспуте самый лучший отзыв. Вячеслав поцеловал меня, профессора и публика (заседание было открытое, публичное) зааплодировали и стали один за другим подходить с поздравлениями. Я кланялся, жал руки и благодарил. Состояние мое было приподнятое, очень удовлетворенное» [38, с. 269]; ср.: [38, с. 248]. г. («Народов всех в тебе стихий союз...» — 23 января; «Хвала всем спутникам моей судьбы...» и акросонет «Водой вся суть объемлется певучей...» — оба 8 марта) и двумя сонетами В.И. к нему в апреле 1923 г. («Мятежному добро ль ученику...» — 10 апреля; «Я с младостью живой не разноречу...» — 12 апреля).

⁹¹ См. раздел II. Ср. шуточный протест Сократа в «Пире» насчет «неистойвой ревности Алкивиада», который «творит невесть что, ругает меня и доходит чуть ли не до рукоприкладства. Смотри же, как бы он и сейчас не натворил чего, помирим нас, а если он пустит в ход силу, заступись за меня, ибо я не на шутку боюсь безумной влюбчивости (μανίαν τε καὶ φιλεραστίαν) этого человека» (213d). Слово μανία — безумие, безумство — может переводиться как «неистовство», «исступление» (синоним — παραιοία).

шее искусство, посредством которого можно судить о будущем (254b-c),

и позже:

Подобно тому как в едином от природы человеческом теле имеются две одноименные части, лишь с обозначением «левая» или «правая», так обстоит дело и с состоянием безумия, которое обе наши речи признали составляющим в нас от природы единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращенную налево, и не остановилась на этом делении, пока не нашла там некую так называемую левую любовь, которую вполне справедливо и осудила; другая же наша речь ведет нас к правой части неистовства, одноименной с первой, и находит там некую божественную любовь, которой отдает предпочтение, и восхваляет ее как причину величайших для нас благ (266a).

Так или иначе, нельзя усомниться в сделанном однажды заявлении профессора непокорному студенту: «Я считаю высокой заслугой своей, что я не сделал попытки влиять на Вашу душу, что я Вас не тронул. Это высшее, что может быть между мужчинами. Вы запомните это, некогда припомните» (запись 9 января 1922 г. [38, с. 238]). Со стороны В.И. некий примирительный итог их «противостояния» предложен в сонете, датированном 12 апреля 1923 г.:

Я с младостью живой не разноречу,
Но горестно я гордой прекословлю.
Один стремится юноша на ловлю;
А мы благословили нашу встречу.

И камнем белым я тот вечер мечу,
Когда мой гость придет ко мне под кровлю,
Кому стихов обетный дар готовлю
И за кого пред вечностью отвечу.

Зачем же нам так долго спорить нужно
О том, что оба распознали в мире,
О Боге живе и Его любви,

Когда гласит в нас плоти глас и крови
Единое и вверили мы лире,
Что сердце в нас одной тоской недужно⁹².

Однако не очевидно, что на тот момент молодой адресат его был способен оценить заключенную в этих строках мудрость.

Необходимо подчеркнуть, что свойственный модернизму, в том числе, и русскому Серебряному веку пристальный интерес к сексуальности был связан не только и не столько с отвержением «традиционных ценностей» или даже борьбой с лицемерием, культивируемой в те времена, и еще менее с особенной склонностью творческих интеллектуалов к либертинажу, но со стремлением к как можно более глубокому постижению человеческой природы и ее творческих возможностей. Психодрама, ставшая одним из важнейших культурных сюжетов в новое время, была жестко — и эротически — представлена в трагедиях Эврипида переплетениями страсти, ревности, ненависти и безумия, а социальные предпосылки конфликтов полов — в комедиях Аристофана. Сложность и нестандартность личных отношений, характерные для биографий тех или иных деятелей «прекрасной эпохи»⁹³, стимулировали их творчество при создании часто выдающихся литературных, изобразительных и философских работ. Иными словами, признавая поливалентность этих поисков (как и всего на свете), нельзя отрицать их конструктивного ха-

⁹² Некоторое удивление вызывает разрыв во времени между тремя восторженными сонетами Альтмана к В.И., написанными им в январе и марте 1921 г. («Народов всех в тебе стихий союз...» — 23.1.; «Хвала всем спутникам моей судьбы ...» — 8.3.; и акросонет «Водой вся сущь объемлется певучей...» — тогда же) и двумя сонетами В.И. к нему в апреле 1923 г. («Мятежному добро ль ученику...» — 10.4; «Я с младостью живой не разноречу...» — 12.4), по содержанию являющиеся как бы на них ответом. Этот их сонетный обмен, равно как и два сонета Альтмана «Снотолкование», вызванные сном, о котором ему поведал В.И., еще ожидают ученого толкователя.

⁹³ Другим ярким примером можно считать современную «башенному кругу» Bloomsbury Group в Лондоне, в которую входили Вирджиния Вулф, писатели Э.М. Форстер и Литтон Стрейчи, художники Ванесса Белл и Дункан Грант, экономист Джон Мейнард Кейнс и др.

рактера и значительности их достижений, чрезвычайно расширивших наши возможности в понимании сути вещей. Сказанное применимо к стилю жизни обитателей и гостей ивановской Башни, как и — наподобие некоего слабого отблеска — к поведению самого В.И. бакинского периода, но в последнем случае, учитывая педагогическую направленность его деятельности, мы не обнаружим признаков изначально задуманных психоэротических экспериментов, случавшихся вовне и внутри его круга общения в недавнем прошлом. Напротив, отношения его с окружающей молодежью развивались спонтанно, без нажима или инициатив с его стороны, даже если иногда обретали известный драматизм просто в силу человеческой природы⁹⁴.

Божественное неистовство [говорит Сократ], исходящее от четырех богов, мы разделили на четыре части: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства — к Дионису, творческое неистовство — к Музам, четвертую же часть — к Афродите и Эроту — и утверждали, что любовное неистовство всех лучше. Не знаю, как мы изобразили любовное состояние: быть может, мы коснулись чего-то истинного, а возможно и уклонились в сторону, но добавив не столь уже неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением прославили в сказочном гимне моего и твоего, Федр, владыку Эрота («Федр», 265b)⁹⁵.

⁹⁴ Отметим, что на протяжении всего их обучения в Бакинском университете, студенты В.И. легко сходились и вступали в любовные коллизии со сверстниками из своего круга. Так, В.А. Мануйлов был влюблен в Е.Б. Юкель [14, с. 625–626]; о ней, а также ее краткие воспоминания о В.И. в Баку и его студентах см.: [11]; ср.: [55, с. 64]. К.М. Колобова пишет стихи с любовным подтекстом В.А. Мануйлову [14, с. 629, 567–568] и М.С. Альтману [38, с. 277–279]. Сам Альтман грезит Лидией Ивановой, видит о ней сны и как будто даже рассчитывает на взаимность [38, с. 243, 246, 250–251, 254, 278]; в письмах А.В. к Е.А. Миллиор он мельком упоминается трижды, в одном случае — как специалист по снам: «...и он наверно тебе скажет, что твой сон изображает твое личное, чисто эротическое настроение» [58, с. 8]; ср.: [58, с. 27, 30]. Об увлечениях А.А. Гуляевой и Е.А. Миллиор, упомянутых ими в письмах к В.И. в Рим, см. выше, прим. 20.

⁹⁵ Идея «праведного безумия» (ὀρθὸς μανῆναι — «правильное, здоровое иступление») была близка В.И. прежде всего в дионисийском контексте (см. напр.: [47, с. 73–75]), ибо оно сопряжено с экстазом, означающим, в понятиях

Здесь несложно разглядеть, *mutatis mutandis*, императивы творческого кредо самого В.И. В приложении их к его педагогической практике и касательно «владыки Эрота», следует признать, что — судя по имеющимся материалам — в сложившейся неординарной ситуации, он избрал правомерный образ действий, по-сократовски внимая голосу «даймония», избегая «уклонений в сторону» и умело различая «платоническую» интимность от интимности просто. Это был «роман душ» (как и советовал Сократ) — и, по большому счету, ему было не в чем себя упрекнуть.

Как бы то ни было, и для Альтмана наступает момент раскаяния и ощущения своей вины, как это явствует из писем, отправленных им В.И. месяцы спустя после так по-настоящему и не со-

В.И., соприкосновение с божественным. В этом же заключен и творческий потенциал — «одержимость божеством» (ἐνθουσιασμός) — тема диалога Платона «Ион» (см., особенно, 436a-d). В другом контексте С.Д. Титаренко [20, с. 406] упоминает размышление Вяч. Иванова из его статьи «Вдохновение ужаса», где он пишет: «В своем “Федре” Платон различает виды божественного одержания в духе: одно одержание от Аполлона, это — область вещего ясновидения; другое от Диониса, это — царство мистики и душевных очищений; третье от Муз — ими движимы поэты и художники; четвертое от Эроса — ему послушествуют влюбленные в божественную красоту вечных сущностей» [46, т. IV, с. 628]. Не случайно, отчитывая Альтмана и Колобову за их демарш с зачитыванием стихотворения Г.А. Харазова «Седьмой греческий мудрец — Карл Маркс» (см. выше, прим. 41), В.И. определил оное как «идиотический, плоский вид безумия, двухмерный», а их самих как «бесноватых», т. е. также одержимых — но дьяволом. По всей очевидности, Альтман изрядно переживал психодраму, в которую он себя вовлек из-за конфронтации с В.И., ср.: «Если я неправ, то искренне заблуждаюсь и, говоря, сказал честно, как другу с другом полагается, то, что я думаю, чем неоднократно мучился (ибо люблю Вячеслава, и мне грустно его падение, больше того, его падение — каждый раз оскорбление мне личное — так близок он мне), а если он неправ, то это гораздо хуже» (запись от 16 января 1923 г. [38, с. 265]). Со своей стороны, В.И. знал и испытал созидательную силу поражения, о чем признавался «мятежному ученику»: «Главная его [Шестова. — В.Р.] мысль, внушающая мне глубокое уважение, — это то, что, лишь потерпев полное крушение, человек — впервые человек. Вот такое именно состояние я и переживаю теперь (Христос пережил это на кресте, когда ему казалось, что и сам Бог его оставил), все у меня крушилось, “юг и север” давно воспеты, мудрости новой у меня нет, и в то же время это состояние, я чувствую, более близкое к поэзии, чем все мои прежние, оно потенциально богаче...» (запись от 17 января 1922 г. [38, с. 242]).

стоявшегося их прощания. В первом из них (15 марта 1925 г.) после длинного рассказа о его научном преуспевании в Ленинграде под конец Альтман срывается в патетическое восклицание о «целых четырех годах» («какое счастье!») пребывания их обоих в Баку⁹⁶. Второе же (15 августа 1925 г.) напротив, почти целиком состоит из душевных излияний, пронизанных тоской об учителе, наподобие лирической прозы: про «дым и чад», обволакивавший его до появления В.И.; как гений его «нравы укротил наукой»; о своих грехах — стихотворных и «неподобных», — свидетелем которых тот стал; понимании того, что не очень любить его самого есть за что — справедливо и даже великодушно, — но тем не менее, прося о толике любви, хотя бы ответом на письмо: «Но ведь имущему еще дастся», а «рука дающего не скудеет». Должны были, однако, пройти еще годы и десятилетия, пока он целиком осознал «что знакомство с В.И. Ивановым было самым значительным событием его жизни» [15, с. 120]⁹⁷.

⁹⁶ См. раздел II. Очевидно, к этому времени он осознал и то, что истина познается в сравнении: «Как я теперь ценю Вас, умевшего со специальностью сочетать универсальность интересов, и с искусством говорить — еще большее искусство слушать. Все боле и боле Вас ценю, и чем горизонт мой ширится, тем величавей на нем Ваш единственный образ». И далее, любопытная авторефлексия: «Но вообразите, каково мне теперь, когда я должен слушать, меж тем, как “они” говорят. Так цивилизуюсь я. Уже я не каждый день делаю бестактности, не каждый день прерываю говорящего, ибо вокруг меня все деликатны до ужаса», — и наконец, в знак полного прекращения ученического мятежа: «Считаю необходимым перед Вами отчитаться, ибо считаю себя только у Вас в отпуску. Поэтому с такой подробностью все Вам излагаю. Но мне стало вдруг совестно, не утомительно-ли это Вам. <...> Я знаю, что Вы обычно не пишете и я, как это ни грустно, заранее примирюсь. Но, дорогой Вячеслав Иванович, что если *ὁπὲρ αἰῶν* [“превыше судьбы”] Вы вдруг да напишете мне? Обрадовали бы не сказано. Еще раз прошу, если только можно, хоть коротенькой весточкой откликнитесь на мой к Вам призыв» (15 августа 1925 г.). (Письмо содержит сонет Альтмана о соловье и розе с неожиданным поворотом темы: соловьем оказывается Соловей-Разбойник). Три года спустя в написанном для предполагаемой, но тогда не состоявшейся публикации «Разговоров» Альтман снова называет себя, как одного из учеников В.И., «счастливец» [38, с. 15].

⁹⁷ Несмотря на прекращение контактов и резкое изменение своих жизненных обстоятельств после отъезда, о строптивом ученике В.И. не забывал. Он спрашивал о нем в письме В.А. Мануйлову от 18 марта 1928 г. и просит о

VII

Об отъезде за границу — после трагической неудачи 1920 г. — В.И. начал снова задумываться уже в начале 1921 г., несмотря на относительно приемлемый для него антураж Бакинского университета (см.: [57, с. 274], а также подробно: [4]).

Вполне вероятно, что он ощущал или предчувствовал медленное, но верное усугубление исторического катаклизма с возможными последствиями — от «варваризации» до «бестиализации» и «сатанизации» общества и культуры, не строя иллюзий о благом преображении советской власти в недалеком будущем. Ожидание растянулось, однако, почти на два года и к счастью для него и его семьи завершилось благодаря усилиям его доброжелателей среди высокопоставленных большевиков, прежде всего, А.В. Луначарского и П.С. Когана, которым поэт был обязан официальной командировкой от Наркомпроса в Италию на предмет создания Советской Академии в Риме⁹⁸. Этому предшествовало его триумфальное пребывание в Москве с публичны-

нем написать [51, с. 103–104]. Довольно примечательное его сопоставление обнаруживается в воспоминаниях А.В. Ивановой — с Леопольдом Рибольди, иезуитом и ректором Колледжо Боромео в Павии, предоставившем В.И. преподавательскую должность и ставшим его близким другом: «Вот портрет Рибольди, набросанный Вячеславом в письме к нам от 3 ноября 1926 г.: Дон Леопольдо, с едва-едва пробивающейся сединой в темных волосах, напоминает мне иногда живую мимику лица, то озабоченного волевого, повелительного, то веселящегося подвижной, нетерпеливой, быстройбегущей мыслью, — нашего Моисея Альтмана. Он умица и всезнайка, и любит остроту, парадоксы, радикализм мысли, любит полчаса после обеда поспорить, но не даром я зову его “миланцем, да еще побывавшим в Америке” — он не теряет ни минуты — Time is money — деловито-строг и расторопен, холерик и неустанный работник, практический затейщик и выдумщик, — тогда как Альтман, как известно, лентяй, ветрогон и вечный дилетант» [48, с. 167]. Характеристика, в каких-то отношениях не лишенная смысла, но добродушно-благожелательная, без горечи, а само сравнение даже лестное, принимая во внимание, что дон Рибольди стал близким В.И. человеком.

⁹⁸ Детальный анализ обстоятельств эмиграции и участия В.И. в римском Академическом проекте, от его возникновения до коллапса, в том числе, по причине саботажа советской бюрократии, и с публикацией архивных материалов см.: [24].

ми выступлениями, многочисленными визитами и контактами с огромным количеством людей. Насколько он предполагал вернуться — вопрос дискуссионный. Скорее всего, на протяжении довольно долгого времени он пребывал в колебаниях. Впрочем, не вызывает сомнения, что, будучи подлинным патриотом России, В.И. — на раннем этапе своей командировки в Риме — считал, что он мог бы реально способствовать укреплению культурных связей между СССР и Италией, а также испытывал чувство долга перед университетом, вплоть до ликвидации его кафедры в 1927 г. Как бы то ни было, многие его коллеги и, в первую очередь, студенты весьма надеялись на его скорое возвращение⁹⁹.

⁹⁹ См., напр., слова Л.В. Ивановой: «Он мне объясняет, что страна и правительство — вещи разные: правительство сегодня одно, завтра другое — страна остается. По своему достоинству Россия должна иметь в Риме “академию”, которая бы ее представляла независимо от текущих политических событий» [48, с. 155]; ср.: [22, с. 517; 4, с. 317]; Миллиор свидетельствовала: «Я имею целый ряд данных думать, что он не собирался эмигрировать и там оставаться, но вместе с тем поездка в Италию на много лет в двадцать четвертом году сулила всякое, трудно было быть уверенным, мог он вернуться или нет» [55, с. 385–386]. Колебания продолжались в Риме: «Но как здесь остаться, на что жить? Чудо, ожидавшее меня за границей, чудо воистину нечаянное, сказочно-нечаянное — еще не обеспечивает нашего будущего. Во всяком случае возвратиться в советскую школу моего ненаглядного Диму было бы прямым преступлением. Итак, одному опять нырнуть in gurgite [отсылка к “Энеиде” Виргилия, 1, 118. — В.Р.]? Не значит ли это испытывать судьбу? Нырнул сызнова в пучину спасенный — der Taucher и уже не вернулся [ссылка на стихотворение Шиллера “Ныральщик”. — В.Р.]» (дневник от 1 декабря 1924 г. [46, т. III, с. 851]); см. также свидетельство Л.В. Ивановой: «Вячеслав подумывает даже, не должен ли он один вернуться в Баку» [48, с. 150]; ср. Бёрд: [4, с. 317; 13, с. 335]. Ректор Бакинского университета А.Д. Гуляев, который оказывал В.И. посильную помощь в организации его командировки [24, с. 61], в пространным письме ему в Рим от 27–29 июля 1925 г. подробно описывает ему осуществленные и планируемые антигуманитарные реформы в университете с целью не только «большевизации», но и «тюркизации» образовательного процесса, включающие преобразование историко-филологического факультета в факультет общественных наук и ликвидацию кафедры, которую он занимал, равно как свои успешные усилия по сохранению профессорской позиции, хотя и в урезанном виде. Там же он выражает надежду на его скорый приезд: «Во всяком случае, факультет, в частности, студенты, будут весьма рады Вашему возвращению» (ср. письмо Е.А. Миллиор от 4 апреля 1925 г.). Нельзя исключить, что эти собы-

Прощания с любимыми учениками происходили дважды: в Баку и в Москве. Вспоминает Е.А. Миллиор: «Перед отъездом были очень напряженные дни в Баку (о Москве я не буду говорить, тоже было очень тяжело), но перед отъездом он дарил нам свою фотографию и с надписью, и со стихотворением на обороте»; и о моменте расставания: «Я только помню в вагонном окне рядом две головы: седую голову Вячеслава Ивановича, значит, длинные волосы, очки, лицо было бритое и, как мне говорили, немножко стилизованное под Моммзена, и рядом молоденькое, юное лицо Виктора Мануйлова, одетого в военно-морскую форму. Он преподавал в Военно-морском училище. Обычно он ходил, конечно, не в мундире, но для такого случая, как поездка в Москву, где он опекал Вячеслава Ивановича, которому было трудно самостоятельно передвигаться, он был около него всегда. И

тия и их последствия стали одной из причин потери Гуляевым должности ректора в следующем году — еще не изученные архивные материалы в Баку могут прояснить этот вопрос. Лавров указывает, что С.В. Троцкий в своих письмах регулярно его информировал: «Здесь все меня спрашивают, когда вы вернетесь. Уж очень любят, очень дорожат вами» (10 октября 1924 г.); «... за вами <...> оставлена кафедра, авторы древности <...> в ожидании вас, даже никто до сих пор не назначен. Вот как ждет вас университет. А о нас грешных не говорю; вы и сами знаете и, может быть, только не представляете себе достаточно ярко» (18 июня 1925 г.); «Кафедра — за вами, и — многих радостное ожидание» (12 ноября 1925 г. [14, с. 636]). Коллизия эта была, однако, по сути, двусторонней, и обусловлена не только происходившим в Бакинском университете, но и настроением самого В.И., в глубине души, по всей вероятности, не способного вернуться. Соответственно, он избрал тактику прокрастинации, затягивал переговоры (Гуляев упоминает последнее письмо от В.И., на данный момент не обнаруженное, девятимесячной давности) или вовсе отмалчивался: даже потеряв университетское довольствие, он формально продолжал состоять на учете. Лишь узнав два года спустя после получения письма В.М. Зуммера от 15 декабря 1926 г. об «упразднении», В.И. с чувством облегчения пишет 7 января 1927 г. Лидии и Дмитрию: «Сегодня из полученного от Зуммера письма я узнал, что связь моя с Бак<инским> Унив<ерситетом>, — связь “потенциальная”, правда, — окончательно разорвана, ибо, по предложению студенческих (!) коммунистических организаций, *словесное отделение упразднено*, о чем и объявление вывешено. У меня от сердца отлегло сомнение: чего-де ты в Баку не едешь, для семьи “честным” (?) трудом не зарабатываешь? *Nun bin ich vogelfrei*, т. е. “волен как птица”, как говорилось у немцев об опальных и изгнанниках» [45, с. 513]; ср.: [56, с. 207, 210].

вот эти две головы — юное, совсем молоденькое лицо Вити Мануйлова и лицо Вячеслава Ивановича — так вот и запомнились мне навсегда» [55, с. 55]¹⁰⁰. В Москве прощались «все врозь» и с каждым было «очень тяжело». Мануйлова В.И. сам пригласил сопровождать его в столицу, Колобова и Альтман отправились туда по отдельности и по собственной инициативе, Миллиор не смогла по домашним причинам. Мануйлов вспоминал: «Наконец, наступил день, когда я должен был уезжать из Москвы к родителям в Новочеркасск, а Вячеслав Иванович еще оставался в ожидании визы для отъезда в Италию. Мы обедали в последний раз и прощались в Доме Ученых. Это было очень долгое прощание. Мы совсем уже простились, и я спустился со второго этажа. В вестибюле я надевал пальто. И вдруг вижу — Вячеслав Иванович быстро спускается с лестницы, бежит в вестибюль: “Я не могу, я должен вас еще раз обнять”. Мы обнялись и оба заплакали» [51, с. 102]. Колобова 20 октября 1924 г. напоминает В.И. в Риме об их московском прощании «в квартире профессора Сакулина» и его обещании отвечать на ее письма. В дневниковой записи от 21 сентября 1924 г. Альтман изложил свою версию произошедшего между ним и В.И. в Москве: «В сущности, я постыдно разлучился с Вячеславом. Это было почти бегство из Москвы. Прикрывая стыд, я “условился” с ним, что он даст мне телеграмму перед отъездом, дабы я приехал в Москву с ним проститься. Но и я, и он, оба знали, что ничего этого не будет, что я в Москву не вернусь. Конечно, я даже и письма ему отсюда не написал и адреса своего не сообщил, почему? Да потому, что я отрекся от него, и меня даже коробит, когда наши имена связывают. Помню, как за два дня до отъезда говорил он мне: “Ну что ж, поезжайте: не увидимся в России, за границей увидимся, не увидимся на земле, увидимся в хтоническом царстве, делайте вашу поездку легко. Делайте легко и поезжайте завтра же или вовсе не поезжайте:

¹⁰⁰ По свидетельству Миллиор, «Вячеслав Иванович плакал, и, видимо, он уже чувствовал, что он не вернется, не увидит никого. Я очень жалею, что меня там не было. Это была последняя встреча, очень глубокая, встреча не студентов и профессора, а людей духовно близких, близких друзей. Очень тяжелое последнее расставание» [55, с. 58].

оставайтесь, проводите меня...” Это звучало: что делаешь — делай скорей, но лучше ждите, похороните меня, а там уж делайте что хотите. Я уехал, это несомненно неблагородно, неблагодарно. Но я не мог поступить иначе, я действовал соответственно моей натуре. Но я надеюсь, мы увидимся» [38, с. 279]¹⁰¹. Здесь, однако, уместно вспомнить о его патетических признаниях и обращениях к В.И. в следующем году, хотя увидеться снова или выяснить отношения им так и не пришлось.

Ученики долго не могли смириться с мыслью, что их разлука с учителем — может быть навсегда. Письма от них продолжали прибывать в Рим еще на протяжении нескольких лет. Почти в каждом из них чередовались выражения пылкой любви к нему, тоски по нему и просьбы всегда помнить о них с надеждами на скорую встречу по его возвращении и жалобами на отсутствие писем — вплоть до иссякания этой переписки. Последнее письмо — В.А. Мануйлова — датировано 25 мая 1928 г., в ответ на единственное дошедшее до нас, теплое и прочувствованное, письмо от В.И.¹⁰² К этому времени сам В.И., скорее все-

¹⁰¹ Ср.: «О том, что произошло между В.И. Ивановым и М.С. Альтманом здесь, можно лишь догадываться по записи, сделанной уже в Ленинграде» [15, с. 120]. Альтман, однако, присутствовал на выступлении В.И. в Академии наук 12 июля 1924 г. [24, с. 69]. Возобновив переписку с Лидией и Дмитрием Ивановыми десятилетия спустя, в письме от 28 августа 1973 г. он пересылает им свои обращенные к В.И. сонеты 1921–1924 гг.

¹⁰² К примеру, В.А. Мануйлов: «Сначала я ждал от Вас весточки, потом стал догадываться, что ее не будет (и не верилось этому); потом обрадовался неслезанно, узнав от Сергея Витальевича [Троцкого], что письма мои получены и на них следует ответ. Ожиданиями этими, опять, жил с утра и до вечера, и, до прихода почтальона, день не клеился — пока не выяснялось — “письмо будет завтра!” Письма еще нет, и я его уже не жду» (3 декабря 1924 г. [14, с. 647]); «Я очень хочу Вас видеть и, как никогда еще, скучаю о Вас. Писать страшно трудно — все равно ничего не получится. Мне только хотелось сказать Вам еще раз большое, большое спасибо. <...> Может быть, нам не должно уже увидеть друг друга — очень мне это тяжело — но я знаю, что все не случайно. Вячеслав Иванович, милый, только думайте обо мне иногда» (24 января 1928 г. [14, с. 664]).

К.М. Колобова: «Не знаю, ответите ли Вы мне что-нибудь на мои сомнения, но я почему-то жду и буду ждать от Вас нескольких слов, таких, как Вы всегда говорите — коротких, мудрых и оживляющих. Но если Вам будет труд-

го, уже укрепился в намерении не возвращаться в Советский Союз. Отметим, что в течение первых трех лет эмиграции, несмотря на растущие трудности жизни и многочисленные заботы, В.И. не забывает своих бывших студентов и, насколько позволяли возможности, старается их поддержать. «Древнегреческое» письмо к Нине Гуляевой от 2 мая 1925 г., давшее толчок этой работе, — тому доказательство; о том же свидетельствует дневниковая запись в Риме от 1 декабря 1924 г.: «Письмо от бедной Ксении. Как ее встряхнешь? Надо написать ученикам» [46, т. III, с. 851]. Опубликованы упомянутое выше В.А. Мануйлову

но — не отвечайте мне, я сама прошу Вас об этом. Писать я Вам все равно буду, т. к. приятно одно сознание, что Вы пробежите мои строчки и вспомните меня хоть на одну минуту» (16 ноября 1924 г.); «Вы, вероятно, совсем не думаете возвращаться в Россию, но я уверена в том, что мы с Вами еще увидимся, м. б. нашей встречи осталось ждать не так долго. Я боюсь Вам писать о себе по многим причинам, из которых главная то, что Вы, верно, совсем по-настоящему забыли нас» (4 июля 1927 г.).

Е.А. Миллиор: «На письмо или хотя бы несколько строк от Вяч. Ив. я почти не надеюсь» (25 декабря 1924 г.); ср. «Если бы Вы приехали...» (4 апреля 1925 г.) — и: «Как давно мы в Баку не имеем от Вас вестей! Какую большую радость доставили бы Вы нам, если бы прислали несколько слов! Боюсь, Вы не обратите внимания на мою просьбу... Если бы я сумела передать Вам наше настроение, — а я это не могу сделать в письме, — Вы бы нашли несколько минут для коротенького письма в Баку. <...> Мне хочется попросить Вас: пришлите пасхальное яичко — коротенькое письмо нам (не смею просить себе). Крепко обнимаю и целую Вас. И все-таки жду, очень жду от Вас весточки» (13 февраля 1927 г.).

В письме В.И. к Мануйлову от 18 марта 1928 г. читаем: «Дорогой, родной Витя. Я глубоко благодарен Вам за письмецо — слишком уже короткое, но более длинного я и не заслужил своим могильным молчанием. Однако не корите меня за него; и так как, видимо, Вы, в самом деле, меня не корите, я объясняю это всепрощающее великодушие верным голосом Вашего золотого и вещего сердца, которое могильного молчания не боится, им не смущается (как не смущается вообще отсутствием знаков), но твердо знает, что его любят и за могилой, как я Вас неизменно — в неизменной, даст Бог, сущности Вашей — люблю. Знаю, как Вам трудно, и верю, что Бог Вам поможет. Напишите все же подробно о себе, о своем здоровье, своих работах, замыслах и видах на будущее; наконец, сообщите новое из Ваших стихов. Напишите также о товарищах, о Ксении, о Нелли, об Альтмане. <...> Сергею Витальевичу я тоже не писал целую вечность, перешлите ему мой братский привет; я очень, очень за него тревожусь.

и два его письма к Е.А. Миллиор¹⁰³. Вполне вероятно, что какие-то письма с обеих сторон могли быть утеряны почтой или позднее по тем или иным причинам. В переписке с другими корреспондентами В.И. также имел обыкновение спрашивать о бывших студентах и давать им совет: интересовался их интеллектуальной, духовной и творческой жизнью, следил за написанием ими дипломных работ, каковые все трое с успехом защитили, несмотря на факультетские интриги, в 1926 г. Он содействовал изданию их коллективного поэтического сборника «Норд»,

Пишите мне без большого риска остаться в проигрыше, п<отому> ч<то> теперь, кажется, буду отвечать исправно, хотя, быть может, и плоскотовато, т. е. не глубоко, не существенно, не достаточно содержательно: иначе, видно, не сумею. Но Вы меня знаете, и сердце сердцу весть подаст. Обнимаю Вас от всего сердца и желаю счастливой Пасхи. А, может быть, Вы на Пасху-то на Кавказ махнете или к семье, и письмецо это до Вас не дойдет? Жаль было бы, потому что хотелось подать Вам ласковую весточку и заочно Вас обнять» [14, с. 660]. Увы, выполнять обещание «отвечать исправно» ему так и не пришлось. Уже 27 января 1925 г. В.И. пишет Ал.Н. Чеботаревской: «В Баку, должно быть, не вернусь, потому что детям необходимо продолжать их дело здесь. <...> Окончательные решения однако не приняты. Все надеюсь на то, что денежный вопрос как-нибудь решится в благоприятном смысле» [57, с. 636]. Следует также учесть принятие им католичества 4 марта 1926 г., усугубившего его дилемму как экспатрианта, ср.: [13, с. 335]. Важную роль должен был сыграть и совет П.С. Когана, во время его визита в Италию, не возвращаться в СССР (о чем В.И. сообщил дочери в письме 18/20 июня 1927 г.): «Дыхание сталинского “великого перелома” чувствовалось уже настолько определенно, что П.С. Коган в приватном разговоре позволил себе то, что ни за что не доверил бы бумаге, — посоветовал Вяч. Иванову не возвращаться в свое отечество» [24, с. 84].

¹⁰³ В письме к Е.А. Миллиор от 8 марта 1925 г. читаем: «Дорогая умница, Нелли, будьте и впредь умницей! Пишу эти несколько строк, чтобы вы услышали мой голос и выдержали мой испытующий взгляд. Верны ли Вы науке, Элладе, dem großen Ernst des geistigen Strebens [великой серьезности духовного устремления — нем.]. Сентиментальное — не увлажняет ли, не расслабляет ли Вас? Не откажите представить подробнейший отчет о Ваших университетских делах и планах, как и о всей Вашей умственной и — если хотите — духовной работе» [54, с. 28]; в почтовой открытке от 20 ноября 1925 г.: «Счастливого нового года, дорогая Неллис. Вашего *триумфа* Вашей выпускной работы желает ревниво относящийся к Вашим научным занятиям Вяч. Иванов» [54, с. 29]. Нам также известно об его ответе на «ультиматум» Колобовой в связи со стихотворением «Палинодия».

опубликовав там и несколько своих новых стихотворений [14, с. 651–653]¹⁰⁴. Пожалуй, наиболее показательными были его старания оказать помощь ученикам, как до, так и по отбытии в Рим, в их профессиональном устройстве после окончания университета путем письменных отзывов об их работах, рекомендательных писем и организации личных знакомств¹⁰⁵. Время от вре-

¹⁰⁴ Ср.: В.А. Мануйлов, 4 декабря 1924 г.: «...потом обрадовался несказанно, узнав от Сергея Витальевича [Троцкого], что письма мои получены и на них последует ответ»; 9 февраля 1925 г.: «Я только что от Леонида Александровича [Ишкова], у которого читал Ваше письмо и строчки обо мне, вернее, о моей дипломной работе» [14, с. 647]; ср.: [14, с. 651].

Е.А. Миллиор, 4 декабря 1926 г.: «Наконец-то пришла от Вас весточка! Я очень благодарна Вам за те несколько строк, которые обращены ко мне в письме к Всеv. Мих. [Зуммеру]».

Ср., однако, К.М. Колобова, 16 ноября 1927 г.: «Вы пишете Зуммеру, “христианнейшему”, Вы посылаете ему стихи, в то время как он застыл под корой неприступного ханжества, в то время, как Вы лучше, чем кто-нибудь другой, знаете, что он бесплоден и мертв, как некая евангельская смоковница. А с живыми разве Вы не говорите?».

Ср. Миллиор (письмо от 5 июня 1926 г.): «...в работе моей он [Е.И. Байбаков, востоковед. — В.Р.] нашел лишь один минус — большую зависимость от Вячеслава Ивановича, и не в том, что я делаю выдержки из его трудов — но тут он объяснил, что университетские деятели должны критически относиться друг к другу, а в трудах Вячеслава Ивановича еще заметны следы, что он декадентский поэт и это чувствуется в моей дипломной работе!»).

Колобова (письмо от 20 ноября 1926 г.): «Критика моей работы оказалась ниже средней, а со стороны Бориса Павловича [Яблонко, филолог. — В.Р.] — было просто демагогическое выступление внутриуниверситетской оппозиции. Простите, что впадаю в политический тон, но мы этим живем и дышим».

О проблемах Мануйлова с А.В. Багрием, враждовавшим с В.И., см. его письма к В.И. 1924 — нач. 1925 г. Нина Гуляева и Альтман с блеском защитили дипломные работы еще до отъезда В.И. за границу. «По инициативе Мануйлова состоялась последняя при жизни Вяч. Иванова публикация четырех его оригинальных стихотворений на родине. Сборник “Норд” (Баку, 1926), составленный Мануйловым <...>, являл собой скромный итог деятельности того кружкового литературного объединения “Чаша”» [14, с. 660–662]; ср.: [14, с. 639].

¹⁰⁵ А.В. Лавров цитирует письмо В.А. Мануйлова родным от 25 мая 1924 г.: «Вячеслав Иванович считает, что мне необходимо воспользоваться отпуском и правом бесплатного проезда и ехать с ним, чтобы в Москве сам Вячеслав Иванович мог меня познакомить со всеми, с кем это нужно, и, может быть, перевести меня для дальнейшего образования в Москву. Сами понимаете, как все

мени, он также получал известия о них от бакинских друзей и коллег¹⁰⁶.

это для меня важно», — далее комментируя: «Примечательно, что Вяч. Иванов надеялся перевести Мануйлова для завершения университетского образования в Москву: вполне определенно он планировал уже тогда не возвращаться в Баку <...>, и в перспективах этого хотел обеспечить своему любимому ученику более благоприятные условия, чем те, которые ожидали его в Бакинском университете. Из этого намерения, впрочем, не последовало запланированных результатов» [14, с. 628]. И более того: днем отъезда за границу датировано хранящееся в архиве Мануйлова письмо Вяч. Иванова к нему с наставлениями касательно так и не состоявшегося перехода из Бакинского в Московский университет: «Успеньев день 1924. Москва. Дорогой Витя. Пишу в последние минуточки перед отъездом на вокзал. Обратитесь к Н.А. Дубровскому и, непременно, к П.С. Когану; они помогут, и были уверены оба в успехе <...>. Целую Вас и кланяюсь Вашим. Любящий Вяч. Иванов» [14, с. 634]. Примечательно письмо В.И. пролетарскому литератору Василию Казину о поэтическом даровании своего подопечного: «23/VI 1924. Дорогой товарищ Казин, Позвольте обратить Ваше внимание на моего университетского ученика (в Баку), тов. В.А. Мануйлова, как на поэта, обнаруживающего, по моему мнению, замечательное дарование. Познакомившись с ним, Вы, я надеюсь, не откажете ему в добром содействии на первых шагах его литературной деятельности и, быть может, устроите его стихи в “Красной Нови”. Истинно уважающий Вас Вячеслав Иванов». Вероятно, оно не было послано адресату и последствий не имело [14, с. 631–632].

Колобову В.И. знакомит в Москве с П.Н. Сакулиным. Ее биограф сообщает: «В рекомендательном письме, написанном Вячеславом Ивановичем Ивановым и адресованном известному литературоведу и критику Павлу Никитичу Сакулину, содержалась просьба помочь подающей большие надежды ученице Вячеслава Ивановича войти в ленинградское сообщество литераторов, историков и филологов, связанных с античной культурой. Однако, узнав об отъезде В.И. Иванова за рубеж, Ксения Михайловна к П.Н. Сакулину не пошла, но стала пробиваться к новой жизни сама» [19, с. 486–487]. Здесь недоразумение: Сакулин был профессором русистики в Московском университете, жил в Москве, к античной культуре отношения не имел. Три года спустя, в письме в Рим от 16 июня 1927 г. Колобова действительно обратилась к В.И. с просьбой о рекомендательном письме к ленинградским антиковедам И.И. Толстому и А.И. Маленину, а в следующем письме от 4 июля того же года — об отзыве на ее работу. В письме от 21 ноября упоминает, что она уже работает с Толстым и Малеиным, а в постскрипуме к письму от 8 декабря благодарит за присланный отзыв, добавляя, что сейчас он ей уже не нужен. Это все, что нам известно на данный момент.

¹⁰⁶ В первые римские годы В.И. переписывался, более или менее регулярно, с пребывавшим с ним в дружеских отношениях коллегой, профессором-

С дипломатичной вежливостью отклонив телеграммой от 21 февраля 1928 г. предложение журнала «пролетарской культу-

востоковедом В.М. Зуммером (1885–1970) и с оставшимся в Баку близким другом его самого и его семьи С.В. Троцким (1880–1942, репрессирован), которому он безуспешно, при помощи различных связей, пытался помочь с эмиграцией, а также с тогдашним деканом историко-филологического факультета Л.А. Ишковым, вплоть до его смерти в 1927 г. (переписка с последним целиком не выявлена). Письма Зуммера и Троцкого к В.И. хранятся в Римском архиве (РАИ. Оп. 5. К. 4 и 10; его письма и тому и другому не найдены).

Зуммер подробно информировал своего корреспондента об университетских и бакинских делах, как научных, так и бытовых, и старался усердно выполнять его поручения. В его письмах время от времени мелькают имена любимых ивановских студентов, иногда окруженные подробностями, например, о защите диплома Колобовой «Миф об Ифигении», с одобрением и симпатией: «Ксения была совсем больна — еле стояла, еле говорила: малярия, — но чувствовалось, что работа очень значительная» (16 октября 1926 г.; симпатия не была взаимной — Колобова Зуммера по-видимому не выносила — см. выше, прим. 104); упоминаются дипломные защиты Е.А. Миллиор (там же) и В.А. Мануйлова (25 декабря 1926 г.). Любопытно его несколько даже шокирующее (Зуммер был, по всей видимости, истово верующим человеком) жутковатое суждение об Альтмане, увиденном здесь глазами ярого недоброжелателя, причем, характерно, в связке с Харазовым (ср. выше, прим. 41): «Инфернальник Альтман в Баку — встретил на улице. В Ленинграде он процвел, [дамам и детям дальнейшей не читать] от одной из жертв его узнал, что он распространяет гной не только душевный, но и физический. Главный же дьявол этих мест, Харазов то есть, цветет в Москве. Лафа им, дьяволам!» (31 июля 1925 г.; см. также относительно шума вокруг «Палинодии»: «И чай браните меня, что я послал “Палинодию” в Агр, раз Вам пришлось отписываться перед Ксенией и валить на лирическое настроение. Как всполошилась вся эта управа благочиния! Как непереносны для них иные слова! <...> Альтман звонит о Вашем переходе в католичество» (10 января 1928 г.).

В письмах Троцкого к В.И. фигурируют все трое оставшихся в Баку его учеников, особенно часто Е.А. Миллиор, с которой он чувствовал особенное душевное родство: они вместе философствуют, читают до полуночи Фауста в оригинале и т. д. (его письма к ней опубликованы [42, с. 31–37]). Он «хорошо дружит и с К.М. Колобовой, им обеим читает “свои вещи и вещицы”: “Вчера Нелли, а сегодня Ксении читал свои вещи и вещицы. Любопытна разность впечатлений: Нелли увлекается философским [нрзб], а Ксения слышит напев безнадежности, смертной тоски, смертной мудрости”» (11 июня 1926 г.). Год спустя он пишет Л.В. и Д.В. Ивановым, жалуясь на отсутствие общения: «Кроме Нелли, Вити и Ксении, с которыми интересно и ненасправно встречаемся» (24 апреля 1927 г.); а после того, как все трое уже покинули Баку, самому В.И.

ры» «Красная Новь» опубликовать его новые стихи: «Публикация невозможна. Извините за отказ. Стихи предназначены для погребальной книги. Благодарю. Иванов» (оригинал по-французски [56, с. 290]), — В.И. дал ясно понять, что в «советской литературе» обустроиваться он не намерен. После отставки Луначарского с поста Наркома просвещения полтора года спустя он получает резолюцию Комитета по заграничным командировкам Наркомпроса: «Считая пятилетний срок пребывания за границей вполне достаточным для любой командировки, ходатайство [о ее продлении. — *В.Р.*] отклонить и предложить проф. В. Иванову вернуться в СССР», — сухо прокомментировав этот ультиматум в письме к О.А. Шор: «По-моему также, — 5-летний срок вполне достаточен для любой командировки. Прибавлю: и для любого ложного положения» [56, с. 276–278, 391]. Настал иной, сугубо «италийский» период его творческой жизни.

В силу этого события явным сделался рост опасности самого факта дальнейшего обмена письмами между римским изгнанником и его оставшимися на родине друзьями: по всей видимости, это было молчаливо понято и принято обеими сторонами. Прекращается почти полностью переписка В.И. с его бакинскими коллегами и бывшими студентами¹⁰⁷. Насколько адекватно они

10 октября 1929 г.: «Витя, Нелли, Ксения работают и пробиваются к науке, сохраняя себя такими, какими были»; и, немного неожиданно, о Лидии Гуляевой: «Лида Гуляева (Блинкова) устойчиво уравнилась в замужестве и работает, но прежние “переливы” погасли». Отметим, что письмо это было получено В.И. в переломный момент его эмигрантской судьбы: с уходом Луначарского с поста, за месяц до этого, он был поставлен перед жесткой дилеммой: возвратиться или остаться, и мы знаем его выбор. В своих воспоминаниях, говоря об учениках В.И., Троцкий очень точно формулирует их дальнейшую творческую судьбу: «Влияние В.И. на студентов было очень велико — до того, что многие из них в современной обстановке с усилием отбрасывали от себя воспринятые от него методы, точки зрения и восприятие явлений культуры. И все-таки научная и живая закваска сохранилась в них, и некоторые ученики его пошли по научной дороге с успехом» [59, с. 71]. Последняя вещь Троцкого Ивановым — почтовая открытка — 28 февраля 1933 г., когда переписка с невозвращенцем становилась уже реально опасной.

¹⁰⁷ Удивительным образом Е.А. Миллиор продолжала переписываться с А.В. Ивановой, несмотря на заведомый риск, до 1939 г. (письма А.В. к ней опу-

представляли с тех пор, благодаря случайным и редким контактам, его обстоятельства и его образ жизни, нуждается в дальнейшем изучении. Если мы сопоставим, однако, количество писем ему учеников с 1924 по 1929 гг., не говоря уже об их объеме, и его — им, к которым он был несомненно привязан, и столь жадно ожидавшим ответа, то разрыв требует объяснения, и кажется неудивительным, что они могли себя чувствовать брошенными им на произвол судьбы¹⁰⁸. Причины могли быть ситуаци-

бликованы [58]; их переписка возобновилась после войны; нельзя исключить, что советская почтовая цензура просто не сумела отождествить дочь В.И. с ее отцом). Биограф К.М. Колобовой утверждает: «В.И. пребывал за рубежом не в статусе эмигранта, и не прекращавшаяся весь продолжительный срок жизни за границей переписка с учениками создавала особое чувство непрерывающегося его присутствия в них. М.С. Альтман, как известно, продолжал переписку в В.И., его дочерью и сыном в течение всей своей жизни. Он активно участвовал в подготовке римскими издателями к печати полного собрания сочинений В.И. Не прерывала переписки с В.И. и Е.А. Миллиор, продолжал переписку с семьей В.И. и В.А. Мануйлов. К.М. также активно участвовала в переписке, но уже в Ленинграде, ввиду реальной опасности ареста в начале 30-х годов, она уничтожила весь свой архив, чтобы нечаянно не погубить кого-либо из своих друзей» [19, с. 509]. За исключением сказанного выше о Е.А. Миллиор (да и то, переписывалась она не с В.И., а с Л.В.), и о том, что Колобова уничтожила весь свой архив (это, по-видимому, биографический факт), остальное в цитированном пассаже не имеет под собой оснований. После 1929 г. ни Альтман, ни Колобова, ни Мануйлов не пытались связаться письменно с В.И. (О.А. Шор тщательно сохраняла любые имеющие к нему отношение документы для будущего архива). Ср.: «В последующие долгие годы, когда сталинскую империю отделял от цивилизованного мира непроницаемый железный занавес, даже эпистолярные контакты бакинских учеников с их учителем оказались невозможными. Связь восстановилась только тогда, когда в железном занавесе обнаружили первые прорехи, — уже после смерти Вяч. Иванова: возобновилась дружеская переписка Мануйлова и Миллиор с детьми поэта» [14, с. 640]. В 1972 г. Альтман сопроводил письмом посылку Ивановым в Рим своих сонетов (см. выше, прим. 101).

¹⁰⁸ См., например, К.М. Колобова: «Подумать только, что за два года ни одной строчки, даже в письмах к другим, ни одного намека, что я существую. В собственном воображении я уже совершенно изничтожена. Но все-таки жива и лишний раз доказываю это своим письмом к Вам» (письмо от 20 ноября 1926 г.); ср. Е.А. Миллиор: «И все-таки жду, очень жду от Вас весточки, если Вы не махнули окончательно рукой на скучную девчонку, которую Вы когда-то называли Νέλλις» (письмо от 13 февраля 1927 г.); «Витя <...> просил передать

онного, политического, психологического, но и педагогического порядка. Совершенно верно было, отмечено об одной из них: «Вяч. Иванов воздерживался от установления активных эпистолярных контактов с учениками, вероятно, главным образом из нежелания вселять в них надежды на его скорое возвращение в Баку — надежды, которые с течением времени имели все меньше шансов на осуществление» [14, с. 636]. Можно предположить, что он мог уже тогда опасаться, что частые его контакты с ними, в тогдашних, пусть еще раннесоветских, условиях так или иначе обернутся против них. В самой жизни его произошло изменение столь радикальное, что потребовалось максимальное напряжение энергии и жизненных ресурсов, чтобы адаптироваться к новым условиям и даже просто выжить вместе с семьей — испытание, хорошо знакомое большинству эмигрантов; удивительно, что при этом у него вообще оставались силы думать о других — там. Обращает на себя внимание, что каждый период биографии В.И. — зарубежный, петербургский, московский, бакинский, римский — сопровождался окружением, связи с которым на следующем из упомянутых этапов ослаблялись, и оно отходило на второй план — это естественный процесс, с которым приходится смириться. И, однако, если присмотреться, имел место и глубокий, «сократический» аспект, о котором догадывались лишь наилучше чувствовавшие его ученики. Так, В.А. Мануйлов, при всей своей «безмерной» любви к В.И. («и люблю я только Вас»), отдает себе отчет: «Мой путь не может быть та-

вам укор, что Вы его забыли» (она же, 4 апреля 1925 г.). В связи с Альтманом, ср. выше, прим. 56.

Отметим, тем не менее, что угрызения совести по поводу своего молчания В.И. испытывал, о чем откровенно высказался в единственном письме Мануйлову, цитированном выше (прим. 102). На протяжении 1924–1929 гг. В.И. получил от своих бакинских учеников в целом 34 письма, объемом около 270 страниц (рукописных, включая стихи, в нескольких случаях напечатанных на машинке). Известны 4 его письма им: одно — Нине Гуляевой, на древнегреческом, неясно, было ли отослано, см. выше, раздел 1 и прим. 17); одно В.А. Мануйлову; два Е.А. Миллиор (письмо и почтовая открытка). Письмо К.М. Колобовой (в связи со стихотворением «Палинодия») было получено, но не сохранилось. (Не исключено, хоть и маловероятно, что те или другие письма в обе стороны могли не дойти до адресатов).

ким, как Ваш — и я не знаю — могу ли я даже любить Вас; — иначе я должен был бы отказаться и от пути своего и слушать и видеть — куда поведет Учитель. Может быть, так надо, чтобы мы разлучились рано или поздно и чтобы я прошел испытание без Вашей помощи» (3 декабря 1924 г.), а Е.А. Миллиор тремя годами позднее задается вопросом: «Он знает, как важно для нас его слово, как просили мы его хоть несколько строк прислать нам. Отчего же он не захотел? Или не мог? Или считал для нас нужным искать пути без его слова?»¹⁰⁹. Думаю, что этот ход их мыслей недалек от истины.

К концу 1926 г. все четверо «избранных», защитив дипломные работы и окончив университет, обрели взрослость. В терминах В.И. это означало становление суверенной личности, готовность довериться Божьему промыслу и к сопротивлению невзгодам — целиком самостоятельной жизни, сопряженной с неизбежностью выбора и принятию ответственных решений, в непредсказуемых и, в моральном плане, заведомо сложных ситуациях, на свой страх и риск, согласно собственному разумению и велению чувств — в сущности, именно то, чего *mutatis mutandis*, ожидал от своих учеников и слушателей Сократ¹¹⁰.

¹⁰⁹ Письмо В.А. Мануйлову от 25 ноября 1927 г., и там же, в связи с «Палинодией»: «Конечно, это хорошо, что новый путь открылся перед В. Ив., я верю Вячеславу» Ив<анови>чу, что путь его верен» [14, с. 637–638]. Ср. тремя годами раньше: «Я твердо убеждена, что в конце концов не изменю ему и завещаю его, но сейчас я в пустоте, <...> мы связаны В. Ивановым и должны говорить правду друг другу: ведь и от тебя я жду того же. Но не только ты сдаешь позиции, хочешь идти и с В. Ив. и без него (даже против), и все остальные делают то же <...>. ...я разрушала Бога, потому что кругом творили его. Теперь я против “веры в неверие”. Я хочу ставить вопросы. Мирозозерцание В.И. дает гораздо больше страшной свободы, более творческое, но и более разрушительное. Вот почему я хочу быть с ним» (ему же, 24 августа 1924 г. [14, с. 637]).

¹¹⁰ См. выше о «сократических школах». Стоит отметить, что трое из бывших студентов В.И. по ходу своей творческой и преподавательской деятельности (в малопригодных для этого советских условиях) тем не менее создали подобие научных школ, состоящих из ученых-гуманитариев и педагогов, считающих себя их учениками, исполненных благодарности им, оберегающих и утверждающих их память: В.А. Мануйлов и К.М. Колобова (в Ленинграде), Е.А. Миллиор (в Ижевске).

При таком положении вещей эмоциональная связь с В.И. порождающая ностальгию, оказалась бы для них не источником помощи и надежды, но препоной. Наконец, мы знаем, что на протяжении четверти века в Италии В.И. постепенно, но последовательно отстранялся от жизни «внешней», все более и основательней погружаясь в жизнь внутреннюю. Отметим, что уже в «греческом» письме Нине Гуляевой, меньше чем через год после своего отъезда, он сообщает, что предается «размышлениям о божественном» (θεολογούμενα), тогда как «словопрение» есть дело «горькое» и «трудное». 27 июля 1925 г. В.И. пишет О.А. Шор: «Дорогая Ольга Александровна, я писал бы большую, важную, оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, — если бы я видел в духе Россию и теперь, но это зрение у меня отнято...». Речь идет, конечно, о «Светомире», многолетнем замысле, требовавшем чрезвычайной концентрации хотя бы по причине выбранного им в итоге повествовательного стиля. И читает в ответе корреспондентки (от 12–17 августа): «Но разве для того, чтобы петь о России, Вам нужно (хотя бы внутренне) *ее* видеть и называть? Для этого Вам надо лишь доверчиво всматриваться в *свою* глубину» [курсив О.А. Шор]. По всей очевидности, он последовал этой мудрой рекомендации и со временем приступил к труду, продолжавшемуся вплоть до его кончины [56, с. 193, 199]¹¹¹.

Как известно, в Советском Союзе 1960-х гг. Вячеслава Иванова не жаловали (первое издание его стихов в малой серии «Библиотеки поэта» появилось в 1976 г.). Тем более заслуживает признания неофициальное торжество в Ленинграде по случаю его столетнего юбилея, организованное В.А. Мануйловым:

В 1966 году, когда отмечали столетие со дня рождения Вячеслава Ивановича и в Италии была поставлена в Павии, где

¹¹¹ О.А. Шор свидетельствует: «Двадцать восьмого сентября [1928 г.] утром В.И. сказал мне весело и смущенно: “Я начал писать”. И прибавил после короткого молчания: “Это — проза”. — “Проза?!” (До тех пор он не стихами писал только статьи и научные книги). — “Да, проза особая, а все же проза; в этом-то и разгадка. Повесть о Светомире Царевиче рассказывает келейник... Сказанье старца-инока...”» [8, с. 220].

он преподавал, в колледже Борромео, соответствующая мемориальная доска, что здесь тогда-то и тогда-то вел занятия поэт Вячеслав Иванов, в это время мы собрались в Ленинграде, группа бакинцев, в основном его учеников, делились своими воспоминаниями, стоял магнитофон, выступал с большим таким почти докладом Виктор Мануйлов. <...> Все это было организовано им, и все это было записано. Выступала я, выступал Моисей Семенович Альтман, Ксения Михайловна Колобова, сам Мануйлов — и все это хранится на магнитофонной ленте, которая находится у Виктора Мануйлова. Присутствовал кто-то из университетских. Это носило характер хотя и не официальный, но и не подпольный. Кто-то из официальных лиц университетских присутствовал, все это было открыто. И длилось это чуть ли не до двух или до трех часов ночи, а потом поехали, и машина, на которой мы ехали, остановилась возле дома с башней. Правда, было так темно, что уже ничего невозможно было разобрать [55, с. 56–58]¹¹².

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // Россия — Russia. 1988. № 6. С. 119–130.
2. *Аверинцев С.С.* «Скворешниц вольных граждан...» // Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 177 с.
3. *Апресян Р.Г.* Слова любви: Eros, Philia, Agape // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 27–40. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
4. *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Известные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.
5. *Битюцкая А.А.* Этический аспект любви в философии Вячеслава Иванова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2002. № 3. С. 79–83. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2022/03/2022-03-10.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

¹¹² Ср. Мануйлов: [51, с. 106–107].

6. Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // *Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы*. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 67–98.
7. *Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь* // *Лица. Биографический альманах*. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1994. Вып. 5. С. 5–97.
8. Дешарт О. Введение // *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт*. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971. Т. I. С. 7–227.
9. Енишерлов В. «Мой милый Солнцеверт» // *Наше наследие*. 2016. № 118. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11808.php> (дата обращения: 19.03.2024).
10. Ермолаева Е.А. Греческое послание Вяч. Иванова Г.А. Рачинскому // *Philologia Classica*. 2019. Т. 14, № 1. С. 121–130.
11. Зубарев А.Д. «Все они впоследствии занимались литературой...». Еще раз о бакинском периоде Вяч. Иванова // *Donum homini universalis: сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева* / сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М.: ОГИ, 2011. С. 127–135.
12. Клюкин П. Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 133–149.
13. Котрелев Н.В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.
14. Лавров А.В. В.А. Мануйлов — ученик Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 620–668.
15. Лаппо-Данилевский К.Ю. О «Разговорах с Вяч. Ивановым» М.С. Альтмана // *Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым* / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 109–121.
16. Лаппо-Данилевский К.Ю. Примечательные метаморфозы (Вяч. Иванов о европейском гуманизме) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 99–121.
17. Лосев А.Ф. Классическая калокагатия и ее типы // *Вопросы эстетики*. 1960. № 3. С. 411–475.

18. *Обатнин Г.* «Філіа» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 411–436.
19. *Селиванов В.В.* Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (часть I) // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Вып. 5. С. 487–510.
20. *Титаренко С.Д.* Кистолованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 402–416.
21. *Титаренко С.Д.* Мистерияльно-мифологическая природа жанра мелопеи «Человек» в творчестве Вячеслава Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Ч. 2. Вып. 2. С. 55–64.
22. *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Lublin: Wydawn UMCS Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 224 с.
23. *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив [I] = Archivio russo-italiano [I] / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 503–562.
24. *Шишкин А.Б.* Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2021. № 1 (23). С. 55–99.
25. *Bonner K.* Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato's Symposium and in Modern Life // History of the Human Science. 2013. № 26 (5). P. 116–133.
26. *Bussanich J.* Socrates the Mystic // Traditions of Platonism. Essays in the Honor of John Dillon / ed. by John Cleary. Aldershot: Ashgate, 1999. P. 29–51.
27. *Ermolaeva E.* Three Greek Poems by the Neo-Humanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949) // MELICHA DÔRA. Poems and Prose in Greek from Renaissance to Early Modern Europe / ed. by Mika Kajava, Tua Korhonen and Jamie Vestrienen. Vaasa: Societas Scientiarum Fennica, 2020. P. 333–348.
28. *Gerhke Ch.* Georg von Charasoff: A Neglected Contributor to the Classical-Marxian Tradition // History of Economics Review. 2015. Vol. 62 (1). P. 1–37.
29. *Held D.* Eros, Beauty and the Divine in Plato // New England Classical Journal. 2009. Vol. 36 (3). P. 155–167.

30. *Jaeger W.* Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1934–1947. Bd. 1–3. 1398 S.
31. *Keime Ch.* The Role of Diotima in the Symposium: The Dialogue and Its Double // *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy* / ed. by Gabriele Cornelli. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. P. 379–400.
32. *Lucas_v_leyden* [Соболев А.А.]. Многогранник // LiveJournal: сервис для ведения блога и развития сообщества. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/262625.html> (дата обращения: 19.03.2024).
33. *Lucas_v_leyden* [Соболев А.А.]. Новый документ к теме «Вяч. Иванов в Баку»: «Багриада» // LiveJournal: сервис для ведения блога и развития сообщества. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/159684.html> (дата обращения: 19.03.2024).
34. *Sheffield F.C.C.* Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2011. Vol. 111. P. 251–273.
35. *Strauss L.* Socrates and Aristophanes. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1966. 321 p.
36. *Strauss L.* Xenophon's Socratic Discourse: An Interpretation of the "Oeconomicus". Ithaca: Cornell University Press, 1971. 181 p.
37. *Urstad K.* Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato's "Symposium" // *Res cogitans. Journal of Philosophy*. 2010. № 7 (1). P. 33–46.

Источники

38. *Альтман М.С.* Из дневников 1919–1924 гг. // *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 213–279.
39. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 14–108.
40. *Альтман М.* Царь Киммерии // *Воспоминания о Максимилиане Волошине* / сост. и коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М.: Сов. писатель, 1990. С. 583–589.
41. *Бердяев Н.А.* Ивановские среды // *Русская Литература XX века* / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Изд-во т-ва Мир, [1917]. Т. III. Кн. VIII. С. 97–100.
42. Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Е.А. Миллиору / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 1995. 156 с.
43. *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 74–114.

44. *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство // Символ. 2015. № 65. С. 9–430.
45. *Иванов Вяч.* Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией (1925–1941) // Символ. 2008. № 53–54. С. 460–627.
46. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
47. *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–203.
48. Иванова Л.В. Воспоминания: книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. 431 с.
49. История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
50. «Какая светлая стезя...»: жизнь и творчество Нелли Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Алкид, 2017, 533 с.
51. *Мануйлов В.А.* О Вячеславе Иванове // *В.А. Мануйлов.* Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 86–107.
52. *Мануйлов В.А.* Стихи разных лет. 1921–1983. Л.: Сов. писатель, 1983. 182 с.
53. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. статья А.Г. Меца и Е.А. Тоддеса; публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца; коммент. О.К. Лекманова, А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб.: Академический проект, 1997. С. 7–184.
54. *Миллиор Е.А.* Беседы философские и не философские // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Е.А. Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 1995. С. 11–27.
55. *Миллиор Е.С.* Вспоминая Вяч. Иванова и кружок «Чаша» // «Какая светлая стезя...»: жизнь и творчество Нелли Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Алкид, 2017. С. 37–69.
56. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–455. (Collana di Europa Orientalis)
57. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238–295.

58. Письма Лидии Вячеславовны Ивановой Елене Александровне Миллиор. 1924–1939 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т.В. Мисникевич. Рим; СПб.: Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме, 2019. 39 с. URL: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_PismaLVI-ivanov_Millior_Web.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
59. Троцкий С.В. Воспоминания / публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41–88.
60. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914. 490 с.

References

1. Averintsev, S.S. “Bakhtin, smekh, khristianskaia kul'tura” [“Bakhtin, Laughter, Christian Culture”]. *Rossiiia — Russia*, no. 6, 1988, pp. 119–130. (In Russ.)
2. Averintsev, S.S. “‘Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...’” [“‘The Freestyle Citizen of Starling-Nests...’”]. *Viacheslav Ivanov: Put' poeta mezhdumirami* [Vyacheslav Ivanov: The Poet's Path Between Worlds]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 177 p. (In Russ.)
3. Apresian, R.G. “Slova liubvi: Eros, Philia, Agape” [“Words of Love: Eros, Philia, Agape”]. *Filosofia i kul'tura*, no. 8 (56), 2012, pp. 27–40. Available at: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
4. Berd, R. “Viach. Ivanov i Sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy” [“Ivanov and Soviet Power (1919–1929): Unknown Materials”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 305–331. (In Russ.)
5. Bitiutskaia, A.A. “Eticheskii aspekt liubvi v filosofii Viacheslava Ivanova” [“The Ethical Aspect of Love in the Philosophy of Vyacheslav Ivanov”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofia*, no. 3, 2002, pp. 79–83. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2022/03/2022-03-10.pdf> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
6. Bogomolov, N.A. “Peterburgskie gafizity” [“Petersburg Gafizites”]. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 67–98. (In Russ.)
7. Gasparov, M.L. “Vera Merkur'eva (1876–1943). Stikhi i zhizn'” [“Vera Merkur'eva (1876–1943). Poems and Life”]. *Litsa. Biograficheskii al'manakh*, issue 5. Moscow, St. Petersburg, Fenis Publ., Atheneum Publ., 1994, pp. 5–97. (In Russ.)

8. Deshart, O. "Vvedenie" ["Introduction"]. Ivanov, D.V., and O. Deshart, editors. *Ivanov Viach. Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Ivanov Vyach. Collected Works: in 4 vols.], vol. I. Briussel', Foyer oriental chrétien, 1971, pp. 7–227. (In Russ.)
9. Enisherlov, V. "Moi milyi Solntsevert'" ["My Beloved Solntsevert'"]. *Nashe nasledie*, no. 118, 2016. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11808.php> (Accessed 19.03.2024). (In Russ.)
10. Ermolaeva, E.L. "Grecheskoe poslanie Viach. Ivanova G.A. Rachinskomu" ["Vyach. Ivanov's Greek Message to G.A. Rachinsky"]. *Philologia Classica*, vol. 14, no. 1, 2019, pp. 121–130. (In Russ.)
11. Zubarev, L.D. "Vse oni vposledstvii zanimalis' literaturoi... Eshche raz o bakinskom periode Viach. Ivanova" ["They all later engaged in literature... Once Again about Vyach. Ivanov's Baku Period"]. *Donum homini universalis: sbornik statei v chest' 70-letii N.V. Kotreleva* [Donum homini universalis: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.V. Kotrelev], comp. N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov, G.V. Obatnin. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 127–135. (In Russ.)
12. Kliukin, P. "Tvorcheskoe nasledie G.A. Kharazova v kontekste razvitiia ekonomicheskoi teorii vosпроизводства" ["The Creative Legacy of G.A. Kharazov in the Context of the Development of the Economic Theory of Reproduction"]. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, 2008, pp. 133–149. (In Russ.)
13. Kotrelev, N.V. "Viach. Ivanov — professor Bakinskogo universiteta" ["Vyach. Ivanov — Professor of Baku University"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], issue 209: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XI. Literaturovedenie: sbornik [Works on Russian and Slavic philology. XI. Literary studies: collections]. Tartu, Tartu State University Publ., 1968, pp. 326–339. (In Russ.)
14. Lavrov, A.V. "V.A. Manuilov — uchenik Viach. Ivanova" ["V.A. Manuilov — Student of Vyach. Ivanov"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 620–668. (In Russ.)
15. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "O 'Razgovorakh s Viach. Ivanovym' M.S. Al'tmana" ["On 'Conversations with Vyacheslav Ivanov' by M.S. Altman"]. Al'tman, M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov], comp. and text prep. by V.A. Dymshits and K.Iu. Lappo-Danilevskii. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995, pp. 109–121. (In Russ.)

16. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "Primechatel'nye metamorfozy (Viach. Ivanov o evropeiskom gumanizme)" ["Notable Metamorphoses (Vyach. Ivanov on European Humanism)"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Yu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 99–121. (In Russ.)
17. Losev, A.F. "Klassicheskaia kalokagatiia i ee tipy" ["Classical Kalokagathia and its Types"]. *Voprosy estetiki*, no. 3, 1960, pp. 411–475. (In Russ.)
18. Obatnin, G. "Φιλία' Viach. Ivanova kak rakurs k biografii" ["Φιλία' by Vyach. Ivanov as a Perspective on Biography"]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiiia: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.], comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 411–436. (In Russ.)
19. Selivanov, V.V. "Viach.I. Ivanov i N.Ia. Marr v zhizni i tvorcheskoi sud'be K.M. Kolobovoi (chast' I)" ["Vyach.I. Ivanov and N.Ya. Marr in the Life and Creative Destiny of K.M. Kolobova (Part I)"]. Frolov, E.D, editor. *MNEMON. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira* [MNEMON. Research and Publications on the History of the Ancient World], issue 5. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, pp. 487–510. (In Russ.)
20. Titarenko, S.D. "K istolkovaniiu zametok Viacheslava Ivanova na poliakh dialoga Platona 'Fedr'" ["On the Interpretation of Vyacheslav Ivanov's Notes in the Margins of Plato's 'Phaedrus' Dialogue"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii and A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 402–416. (In Russ.)
21. Titarenko, S.D. "Misterial'no-mifologicheskaia priroda zhanra melopei 'Chelovek' v tvorchestve Viacheslava Ivanova" ["The Mysterical-Mythological Nature of the Melopeia Genre 'Man' in the Works of Vyacheslav Ivanov"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, part 2, issue 2, 2009, pp. 55–64. (In Russ.)
22. Tsimborska-Leboda, M. *Eros v tvorchestve Viacheslava Ivanova: Na puti k filosofii liubvi* [Eros in the "Oeuvre": of Vyacheslav Ivanov: On the Path to the Philosophy of Love]. Lublin, Wydawn UMCS Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 224 p. (In Russ.)
23. Shishkin, A.B. "Viacheslav Ivanov i Italiia" ["Vyacheslav Ivanov and Italy"]. *Russko-ital'ianskii arkhiv [I]* [Russian-Italian Archive I] = *Archivio russo-italiano [I]*, comp. D. Ritsti, A. Shishkin. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997, pp. 503–562. (In Russ.)

24. Shishkin, A.B. "Proekt Sovetskoi Akademii v Rime (1924): Viach.I. Ivanov, A.V. Lunacharskii, P.S. Kogan i drugie" ["The Plan for a Soviet Academy in Rome (1924): Viacheslav Ivanov, Anatoly Lunacharsky, Petr Kogan and Others"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2021, pp. 55–99. (In Russ.)
25. Bonner, Kieran. "Eros and Ironic Intoxication: Profound Longing Madness and Discipleship in Plato's Symposium and in Modern Life." *History of the Human Science*, no. 26 (5), 2013, pp. 116–133. (In English)
26. Bussanich, John. "Socrates the Mystic". Cleary, John, editor. *Traditions of Platonism. Essays in the Honor of John Dillon*. Aldershot, Ashgate 1999, pp. 29–51. (In English)
27. Ermolaeva, E. "Three Greek Poems by the Neo-Humanist Vyacheslav Ivanov (1866–1949)." Kajava, Mika, Korhonen, Tua, and Jamie Vestrinen, editors. *MELICHA DÕRA. Poems and Prose in Greek from Renaissance to Early Modern Europe*. Vaasa, Societas Scientiarum Fennica, 2020, pp. 333–348. (In English)
28. Gerhke, Christian. "Georg von Charasoff: A Neglected Contributor to the Classical-Marxian Tradition." *History of Economics Review*, vol. 62 (1), 2015, pp. 1–37. (In English)
29. Held, Dirk. "Eros, Beauty and the Divine in Plato." *New England Classical Journal*, vol. 36 (3), 2009, pp. 155–167. (In English)
30. Jaeger, Werner. *Paideia: Die Formung des griechischen Menschen, 3 Bände*. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1934–1947. 1398 S. (In German)
31. Keime, Christian. "The Role of Diotima in the Symposium: The Dialogue and Its Double." Cornelli, Gabriele, editor. *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin, Walter de Gruyter, 2015, pp. 379–400. (In English)
32. Lucas_v_leyden [Sobolev, A.L.]. "Mnogogrannik" ["Polyhedron"]. *LiveJournal: servis dlia vedeniia bloga i razvitiia soobshchestva* [LiveJournal: a Service for Blogging and Community Development]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/262625.html> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
33. Lucas_v_leyden [Sobolev, A.L.]. "Novyi dokument k teme 'Viach. Ivanov v Baku': 'Bagriada'" ["New document on the topic 'Vyach. Ivanov in Baku': 'Bagriada'"]. *LiveJournal: servis dlia vedeniia bloga i razvitiia soobshchestva* [LiveJournal: a Service for Blogging and Community Development]. Available at: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/159684.html> (Accessed 19 March 2024). (In Russ.)
34. Sheffield, Freesbee C.C. "Beyond Eros: Friendship in the Phaedrus." *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. III, 2011, pp. 251–273. (In English)

35. Strauss, Leo. *Socrates and Aristophanes*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1966. 321 p. (In English)
36. Strauss, Leo. *Xenophon's Socratic Discourse: An Interpretation of the "Oeconomicus"*. Ithaca, Cornell University Press, 1971. 181 p. (In English)
37. Urstad, Kristian. "Loving Socrates: The Individual and the Ladder of Love in Plato's *Symposium*." *Res cogitans. Journal of Philosophy*, no. 7 (1), 2010, pp. 33–46. (In English)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

<https://elibrary.ru/WMHSRV>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. *Стефано Гардзонио, Бьянка Сульпассо*

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С ДЖ. ПАПИНИ

Аннотация: В статье воссоздается история отношений между Вячеславом Ивановым и Джованни Папини на основе архивных материалов, хранящихся в архиве Примо Конти во Фьезоле и в Центре исследований Вячеслава Иванова в Риме. Материалы анализируются в контексте активных связей Джованни Папини с русской культурой и литературой, а также с представителями русской эмиграции в Италии.

Ключевые слова: русская эмиграция в Италии, Джованни Папини, Вячеслав Иванов.

Информация об авторах:

Стефано Гардзонио — профессор славистики (русского языка и литературы), Пизанский университет, виа Санта-Мария, д. 36, 56126 г. Пиза, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9316-9758>

E-mail: stefano.garzonio@unipi.it

Бьянка Сульпассо — профессор русской литературы, Римский университет Тор Вергата, виа Колумбия, д. 1, 00133 г. Рим, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0277-4042>

E-mail: bianca.sulpasso@uniroma2.it

Для цитирования: *Гардзонио С., Сульпассо Б. Переписка Вячеслава Иванова с Дж. Папини // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 339–366.*
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

CORRESPONDENCE BETWEEN VYACHESLAV IVANOV AND G. PAPINI

Abstract: This contribution reconstructs the relationships between Vyacheslav Ivanov and Giovanni Papini, drawing from archival materials stored at the Primo Conti Archive in Fiesole and the Vyacheslav Ivanov Study Center. It also explores the backdrop of Giovanni Papini's deep connections with Russian culture and literature, as well as his interactions with representatives of the Russian emigration in Italy.

Keywords: Russian emigration in Italy, Giovanni Papini, Vyacheslav Ivanov.

Information about the authors:

Stefano Garzonio, Professor of Slavic Studies (Russian Language and Literature),
University of Pisa, via Santa Maria 36, 56126 Pisa, Italia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9316-9758>

E-mail: stefano.garzonio@unipi.it

Bianca Sulpasso, Associate Professor of Russian Language and Literature, Tor
Vergata University of Rome, via Columbia 1, 00133 Roma, Italia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0277-4042>

E-mail: bianca.sulpasso@uniroma2.it

For citation: Gardzonio, S., Sulpasso, B. "Correspondence Between Vyacheslav Ivanov and Giovanni Papini." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 339–366. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

Вступление¹

В связи с подготовкой «Пушкинских поминок» в Италии Вяч. Иванов писал А.В. Амфитеатрову в письме от 23 августа 1935 г.:

¹ Данная статья является результатом совместной работы двух авторов, в частности, первая глава принадлежит Стефано Гардзонио, а вторая — Бьянке Сульпассо. Работа по публикации писем также является результатом совместного труда и формально распределена следующим образом: Стефано Гардзонио (Письма Дж. Папини. РАИ. Оп. 5. К. 19. П. 6. Papini), Бьянка Сульпассо (Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Venceslao).

А поговорить с некоторыми знакомыми итальянцами и побудить их к содействию — могу, поскольку Вы это одобрите: имею в виду, например, Джованни Папини, пожалуй, Бенедетто Кроче, Франческо Пастонки, академиков Формики и, может быть, Паволини, профессоров Мавера, Манакорду, Габетти, Николая Петровича Оттокара, если последний, подобно Ло-Гатто, Вами еще не приглашен [2, с. 525].

Нас не должно удивлять, что среди известных представителей итальянской академической жизни того периода первым Иванов называет Дж. Папини: достаточно вспомнить о художественном и научном значении трудов итальянского писателя для культурной жизни Италии тридцатых годов.

Джованни Папини (Флоренция, 1881 — там же, 1956) был активным деятелем литературного, философского и политического процессов в Италии начала XX в. В ранних работах он воспринимал литературу как «действие» его текстам была свойственна ораторская риторика и вызывающая интонация. Среди наиболее известных его сочинений первого периода следует назвать автобиографический роман «Конченный человек» (*“Un uomo finito”*, 1912), лирическую прозу «Праздничные дни» (*“Giorni di festa”*, 1918) и многочисленные критические заметки *“Stroncature”*.

В 1903 г. вместе с Дж. Преццолини Папини основал журнал «Леонардо», где печатался под псевдонимом Джан Фалько; утверждая духовные ценности, журнал вскоре стал одним из наиболее ярких откликов на философский и литературный позитивизм. Среди прочего Папини занимался популяризацией современных ему зарубежных метафизических течений, в частности, интуитивизма Бергсона (итальянский писатель познакомился с французским философом во время своей поездки в Париж в 1906–1907 гг.). В книге «Сумерки философов» (1907), полемизируя с идеями великих мыслителей от Канта до Ницше, он развил собственную концепцию «виталистического иррационализма», отрицающего всякую философию. Папини можно назвать активным пропагандистом модернизации итальянской культуры во имя индивидуалистической и иррациональной концепции жизни и искусства. Некоторое время он был также ре-

дактором журнала националистического толка «Королевство» (“Il Regno”) Э. Коррадини; затем, в 1912 г., возглавил редакцию журнала «Голос» (“La Voce”), основанного Дж. Преццолини с намерением привлечь маститых итальянских интеллектуалов к сотрудничеству в деле морального, политического и эстетического воспитания итальянцев. Наконец, Папини вместе с А. Соффичи в 1913 г. основал журнал «Лачерба», что представляет собой яркое свидетельство его приверженности футуризму. После вступления Италии в Первую мировую войну («Лачерба» поддерживала интервенцию Италии) флорентийский кружок, группировавшийся вокруг журнала, распался, успев, однако, затронуть в своей деятельности старые и новые вопросы культуры, распространить некоторые сведения о зарубежных философских и художественных течениях, а также открыть дорогу некоторым заметным писателям и художникам.

В 1917 г. Папини начал подолгу бывать в Риме, где посещал Анжело Синьорелли и его жену, русскую писательницу и переводчицу Ольгу Ресневич.

В начале двадцатых годов Папини отрекся от высказываемых им ранее атеистических и антиклерикальных взглядов, обратившись к католицизму. В этот период у него вышли книги «История Христа» (1922) и «Блаженный Августин» (1928). Работа «Живой Данте» (1933) представляет собой крупнейший вклад в итальянскую литературную жизнь того времени. Папини писал также художественную прозу, романы и рассказы. Замечательна его сатирическая новелла «Гог» (1931).

В годы фашизма Папини начал отстаивать консервативные и религиозные взгляды в духе официальной культуры. Неслучайно в 1935 г. он получил должность профессора итальянской литературы в Болонском университете, а в 1937 г. был избран академиком Итальянской Академии (La Reale Accademia d'Italia). В том же году он занял пост руководителя флорентийского Института исследований эпохи Возрождения (Istituto per gli studi sul Rinascimento). В 1942 г. выступил на Веймарском конгрессе европейских писателей, защищая христианско-гуманистические ценности. По окончании войны он ослеп и был полностью па-

рализован, однако продолжал активно работать, диктуя тексты своих книг и статей. Умер в 1956 г.

Отношения В.И. Иванова с Дж. Папини представляют собой безусловный интерес для истории русско-итальянских связей: на это указывает сохранившаяся переписка между ними, а также, в целом, внимание Папини к русской культуре и русским авторам.

Представленные здесь замечания и переписка Дж. Папини с Вяч. Ивановым являются фрагментом в мозаике отношений итальянского писателя с Россией. Работа основана на исследованиях, проведенных главным образом в двух архивах. Во-первых, это архив Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме, отдел переписки с итальянцами: имя Папини представлено в переписке с Ивановым, наряду с такими именами, как, например, Этторе Ло Гатто, Бенедетто Кроче, Сибилла Алерамо и другие. В настоящее время доступно подробное описание данного архива, и его основные материалы выложены в Интернет. Во-вторых, работа велась в Fondazione и Archivio Primo Conti, Centro di Documentazione e Ricerche sulle avanguardie storiche (Fiesole). Здесь хранится архив Джованни Папини, который мы (СГ, БС) начали исследовать вместе со Джузеппиной Лароккой — в рамках проекта «Русские в Италии» (www.russinitalia.it) — с целью описания и публикации всех писем русских корреспондентов к Папини.

Архив Primo Conti содержит обширнейшие материалы и является фундаментальным ориентиром для всего, что касается российско-итальянских культурных связей первой половины XX в. Кратко опишем хранящиеся в нем русские материалы, чтобы дать представление об их масштабах². На сегодняшний день некоторые фрагменты мозаики «Папини и Россия» уже восста-

² В фонде хранится 374 документа, связанных с 26 корреспондентами Папини. Переписка охватывает период с 1904 по 1956 гг. Среди русских корреспондентов Папини фигурируют писатели, художники, историки, в том числе Евгений Ананьин, Александр Архипенко, Максим Горький, Дмитрий Мережковский, Юргис Балтрушайтис и его жена Мария, Андреа Каффи, Леонид Ганчиков, Эва Кюн-Амендола, Раиса Олькиеницкая-Нальди, Ольга Ресневич.

новлены. Переписка Юргиса Балтрушайтиса с Джованни Папини была опубликована Н. Котрелевым (ее часть уже публиковалась Ф. Мальковати в 1979 г.), также издана переписка Джованни Папини с Ольгой Синьорелли (частично — в 1978–1979 гг., полностью она опубликована Р. Вассеной в 2010 г.), а письмо Леонида Ганчикова было напечатано Стефано Гардзонио в 2015 г. Впрочем, большинство материалов архива еще не обнародовано, а целостная картина истории интеллектуальных отношений Папини с Россией пока не представлена.

Прежде чем сосредоточиться на теме «Папини и Иванов» — несколько общих слов о связи Джованни Папини с Россией.

Страсть к России проснулась в Джованни Папини рано: в юности он взахлеб читал Толстого, Тургенева, Мережковского, Достоевского³. Можно сказать, что его страсть к России проявляется в нескольких направлениях.

С одной стороны, Россия проникает в литературную ткань его произведений. Так, отголоски чтения Гоголя и Достоевского прослеживаются в таком его тексте, как *“Il tragico quotidiano”* («Трагическая ежедневность», 1906), в книге *“Parole e sangue”* («Слова и кровь», 1912), в его произведениях появляются русские персонажи, например, Сережка в рассказе *“Per nessuna ragione”* («Безо всякой причины»).

С другой стороны, Папини посвятил России значительную часть своей журналистской деятельности. Помимо сотрудничества с «Весами», он неоднократно писал на русские темы в журналах и газетах, интересовался проблемой «русской миссии» и российской политикой.

Кроме того, важно подчеркнуть, что значительную часть его работ составляют статьи, рецензии, размышления о русских писателях (в частности, о Толстом, Достоевском, Чехове, Балтрушайтисе и Шестове⁴).

³ С 1898 г. он читает Толстого, Тургенева, Мережковского, Горького, Достоевского, см.: [12, с. 130].

⁴ Здесь которых стоит назвать *“Ricordi su Baltrušaitis”* [16], *“Jurghis Baltrušaitis”* [14, с. 125–129], *“L'uomo Dostojevski”* [13], *“Teodoro Dostojevski”* [11, с. 345], *“Leone Tolstoi”* [11, с. 337], *“Vita senza miracoli di Leone Tolstoi”* [18].

Не углубляясь в данную тему, которая была отчасти уже затронута⁵, важно подчеркнуть, что в центре его размышлений находятся Толстой и Достоевский. Папини вынашивает идею, согласно которой Толстой через всеобщее отрицание пришел к осуществлению «высшего закона»:

Spirito inquieto e irrequieto <...> aveva oltrepassato tutte le stazioni possibili della vita non comune non gli rimaneva che procedere sempre più innanzi — e più innanzi c'era la negazione e l'abbandono. Ed egli negò la scienza, negò la vita sessuale, negò la lotta, negò tutto quello che egli aveva già praticamente affermato e si gettò nelle braccia di Cristo per trovare il riposo e la certezza di cui sentiva, dopo tanto scalpitare, il bisogno. G. Papini "Preghiera per Leone Tolstoj" [15, c. 441].

Перевод:

Беспокойный и суетливый ум <...>, он прошел все мыслимые этапы жизни, ему ничего не оставалось, как пойти еще дальше — а дальше было отречение и уход от мира. Он отрекся от науки, отрекся от половой жизни, от борьбы, отрекся от всего, что уже ранее утверждал в практике своей повседневной жизни, и ринулся в объятия Христа в поисках покоя и уверенности, в которых он нуждался после стольких метаний.

Для Папини биография Толстого — это «жизнь без чудес». Напротив, именно «чудо» составляет самую суть жизни Достоевского. В «Конченом человеке» ("Un uomo finito", 1912) он пишет, что в Достоевском видит «святое безумие любви к несчастным и мрачные чары душевных трагедий».

Вдохновленный очерком Андре Жида о Достоевском (1908), где автор предлагает рассматривать писателя в свете его биографии, Папини считает Федора Михайловича гениальным писателем, способным сублимировать в творчестве свою полную страданий жизнь:

⁵ См. также: [3], по указателю (с. 805).

Tutto quanto è contro di lui, tutto tende ad abbatterlo, ad impicciolarlo, ad annientarlo. Gli uomini lo condannano all'esilio, alla povertà, al lavoro frettoloso; una malattia tremenda l'assalta nei momenti migliori; il suo cervello non è rapido; la sua intelligenza non è soddisfatta e considera l'opera della sua vita come un indizio o un avanzo delle meraviglie che racchiudeva. Eppure quelle migliaia di pagine che strappa a fatica alla miseria, alle crisi, al sonno, alla disperazione, sono fra le più grandi della letteratura del mondo (G. Papini "L'uomo Dostoevski" [9]).

Перевод:

Всё против него, всё стремится его сокрушить, унижить, уничтожить. Люди обрекают его на изгнание, на бедность, на лихорадочный труд. Страшная болезнь отравляет лучшие мгновения его жизни; его рассудок медлителен; его ум не удовлетворен и видит в деле его жизни лишь приметы или отголоски тех чудес, которые в ней происходили. Тем не менее, эти тысячи страниц — которые он с таким трудом отвоевал у нищеты, у кризиса, у сна, у отчаяния — среди величайших в мировой литературе.

Внимание Папини к русской литературе проявляется и в его общении с деятелями русской литературы и культуры в Италии. Ключевой фигурой в этой среде был, несомненно, Юргис Балтрушайтис. Они встретились в 1904 г. в знаменитом флорентийском кафе "Le Giubbe rosse". По свидетельству самого Папини, Балтрушайтис, обнаружив его страсть к Достоевскому, взялся учить его русскому языку:

Vedendo la mia grande ammirazione per Dostoevskij gli venne la voglia di insegnarmi il russo e io fui lieto di avere un tal maestro. Aveva un metodo tutto suo, che si fondava sopra una singolare teoria: tra il russo e l'italiano non c'era, secondo lui, quasi nessuna differenza. Io scherzavo volentieri su codesta sua fissazione e lui, per convincermi, doveva ricorrere a complicatissimi alberi genealogici di radici e di etimi, sì da giungere a un primigenio monosillabo o bisillabo dal quale derivavano infinite variazioni, parole russe e italiane di simile significato [14, c. 155–160].

Перевод:

Видя мое восхищение Достоевским, он выразил желание учить меня русскому, и я был рад иметь такого учителя. У него был собственный метод, основанный на оригинальной теории: между русским и итальянским не существует, как он говорил, почти никаких различий. Я нередко посмеивался над его этой навязчивой идеей, а ему, дабы убедить меня, приходилось прибегать к сложнейшим генеалогическим деревьям корней и этимологий, чтобы дойти до первичных односложных или двусложных слов, от которых происходят бесконечные вариации — близкие по значению итальянские и русские слова.

Другой ключевой фигурой для Папини была Ольга Ресневич, врач, журналистка и писательница. Именно она явилась связующим звеном между Ивановым и Папини⁶.

Вячеслав Иванов и Джованни Папини

В своих мемуарах Ольга Ресневич пишет о встрече Иванова и Папини в знаменитом литературном салоне, который Ольга и Анджело Синьорелли держали на Виа Венти Сеттембре в Риме:

Ivanov riceveva assai volentieri, ma era restio a fare visite, che lo stancavano. Faceva un'eccezione con noi: sia per passare qualche ora serena fra amici sinceri, sia quando veniva qualche ospite che lo interessava. Così da me conobbe Giovanni Papini, e rimasero poi uniti da reciproca amicizia.

Nel congedarsi Ivanov dette a Papini il biglietto da visita con l'indirizzo: Prof. Vjačeslav Ivanov. “Come mai un poeta come lei mette sul biglietto il titolo di professore?” chiese Papini. “Perché sono appunto assai grato al professor Ivanov di essere qualche volta poeta”, rispose. E intendeva con questo che solo in quanto professore aveva potuto guadagnarsi il pane ed essere così poeta [10, с. 244].

⁶ О ее встрече с Папини и о переписке Ресневич с итальянским писателем см. публикацию Р. Вассены: [9, с. 129–300].

Перевод:

У себя Иванов принимал весьма охотно, но сам не был любителем наносить визиты, так как это его утомляло. Для нас он делал исключение: приходил, чтобы просто посидеть в тихом кругу сердечных друзей, или же когда у нас бывали интересные для него гости.

Так, через меня он познакомился с Джованни Папини, с которым его в результате связала взаимная дружба. При прощании Иванов дал Папини визитную карточку с адресом: «Профессор Вячеслав Иванов». «Почему такой поэт, как Вы, указывает на карточке звание профессора?» — спросил его Папини. «Потому что именно профессору Иванову я очень благодарен за возможность побыть иногда поэтом», — ответил он. Иванов имел в виду, что был в состоянии заработать себе на хлеб лишь профессорской деятельностью, которая и обеспечивала ему условия для деятельности поэтической.

О сближении Папини и Иванова вспоминает также Лидия Иванова:

В павийский период, но во время долгих римских каникул, Вячеслав душевно сблизился с Джованни Папини и познакомился с некоторыми из молодых поэтов и писателей, его окружавших во Флоренции. В журнале, который эта группа католиков издавала во Флоренции, Иль Фронтеспицио, появились статьи и несколько стихотворений Вячеслава, переведенных Папини по подстрочному переводу с русского, которого он не знал [6, с. 181].

До сих пор обнаружено недостаточно материалов, которые могли бы помочь реконструировать обстоятельства этой встречи, важной для обоих писателей. Мы не знаем точной даты встречи Иванова и Папини, но первые письма относятся к 1926 г. Иванов сообщает о своем присоединении к католической церкви, вспоминая римские беседы с флорентийским писателем. Вскоре после этого, 21 августа 1926 г., Иванов снова пишет Папини: из письма следует, что Папини пытался помочь Иванову, в том числе практически:

Одоардо Кампа написал мне, советуя мне искать от вашего имени ответственную должность (*mansione di fiducia*) в Ватикане для участия в работе, которой он занимается ввиду будущего объединения двух великих христианских церквей⁷.

Иванов выражает недоумение:

Это весьма неожиданно, и я сомневаюсь, что он точно передал вашу мысль. Несмотря на мое горячее желание совершить что-то на службе Церкви, как я могу принести пользу на этой работе, не будучи даже богословом? Я более скромн и ищ, при содействии архиепископа Леписье (*Lèpicier*) и отца д'Эрбиньи (*d'Herbigny*), место в каком-нибудь итальянском или иностранном католическом университете.

С этого момента переписка прерывается и возобновляется лишь несколько лет спустя, а именно в 1931 г., когда Папини смог прочесть перевод «Переписки из двух углов». Об этой книге Иванова Папини узнал в 1929 г. В письме от 7 апреля 1929 г. Ольга Ресневич просила Папини просмотреть ее перевод:

In maggio dovrebbe uscire da Carabba un'altra mia traduzione: una corrispondenza tra Ivanov e Gherscienson durante il periodo più feroce della rivoluzione. E poiché si tratta di una cosa a cui Ivanov ci tiene molto vorrei osare a pregarla di leggermela in bozze, di dare qualche "unghiata" e, se credesse possibile, scrivere qualche riga di parere... Ma se tutto questo non è possibile rimane immutata la mia riconoscente amicizia a Lei [9, с. 296].

Перевод:

В мае в издательстве "Carabba" должен выйти еще один мой перевод: переписка между Ивановым и Гершензоном, которая велась ими в самые лютые дни революции.

И поскольку Иванов очень ее ценит, я осмеливаюсь просить вас прочесть черновой вариант перевода, где-то внести штрих-другой и, если можно, написать отзыв в несколько строк...

⁷ Здесь и далее итальянские оригиналы переписки см. в Приложении.

Но даже если это не представляется возможным, моя признательность и дружеские чувства к Вам остаются неизменными.

Папини положительно реагирует на просьбу и сразу отвечает: “Il De Luca le avrà fatto i miei saluti e le avrà detto che aspetto con desiderio il carteggio di Ivanov” («Де Лука, наверное, передал Вам мой привет и сообщил, что я с нетерпением жду переписку Иванова» [9, с. 297]).

Мы не располагаем более определенными свидетельствами о возможном активном участии Папини в редактировании «Переписки из двух углов» по итальянски. Но о полученном большом впечатлении он делился в письме к Иванову от 1 июня 1931 г. так:

Дорогой Иванов, уже давным-давно — а именно с тех пор, как мне довелось прочитать в “Vigile” вашу переписку с М.О. Гершензоном, — я собирался вам написать, дабы выразить вам свое искреннее восхищение.

Эти ваши письма я считаю одним из величайших и глубочайших исповеданий веры в абсолютное из всех, какие мне известны, и не только из-за ценности приводимых в них рациональных доводов, но и из-за пафоса, которым они проникнуты, а также из-за убедительного и доброжелательного красноречия, которым они дышат. Их прочтение *было мне на пользу* — и весьма.

«Переписка из двух углов» задела самые глубокие чувства Папини: по своему опыту он знал, что такое «отчаяние»:

Я тоже в свое время познал отчаяние бедного больного еврея и теперь могу соизмерять с ним незыблемую красоту света.

Уже по тем нескольким беседам, которые состоялись между нами в Риме, я догадывался о масштабах вашей личности — но эти письма позволили мне лучше понять Вашу душу, и я люблю Вас еще больше.

В 1932 г. Иванов послал Папини французское издание «Переписки» со следующим комментарием:

Дорогой Папини,

Спасибо за ваше прошлогоднее письмо о «Переписке из двух углов». Оно для меня очень важно; я время от времени перечитываю его, когда чувствую потребность в духовной поддержке.

<...> Но не знаю, выражал ли я Вам когда-либо свое глубочайшее восхищение достаточно ясным образом: для меня Вы безупречный наставник во всем, даже в неистовстве; Вы образец духовного мужества, и, несомненно, крупнейший из ныне живущих итальянских писателей. Более того, каждое Ваше слово, неизменно меткое и острое, находит естественный и глубокий отклик в моем сердце и в моих мыслях.

Вы один из немногих храбрецов в эпоху шакалов, которые нагледят только в стае.

Переписка продолжается, как и непрерывный обмен текстами. Кроме того, Папини хлопочет в пользу Иванова во Флорентийском университете («Благодарю вас за любезное и действенное ходатайство за меня на факультете словесности во Флоренции», пишет Иванов к Папини 28 июля 1935 г.).

В 1935 г. Папини посылает Иванову свою книгу *“Dante vivo”* («Живой Данте», Firenze, Libreria Ed. Fiorentina, 1933) с посвящением, которое очень трогает адресата: «Великому поэту и великому христианину Вячеславу Иванову, преданный Вам Папини». Приведем заключение письма Вячеслава Иванова к Папини от 28 июля 1935 г.:

Сердечно благодарю Вас <...> за бесценный подарок — Вашего «Данте» с посвящением, достойным которого я себя не чувствую. Эта книга, которая меня воодушевила, великолепна своим анахронизмом: Вы говорите о великом флорентийце как о земляке, соседе, почти нашем современнике, и благодаря этому его портрет становится необычайно конкретным и убедительным, обретая неповторимую рельефность.

Обнимаю Вас так же сильно, как люблю Вас и восхищаюсь Вами.

Переписка продолжится через год. И снова Иванов пишет письмо в ответ на литературный подарок Папини, пославшего

ему свою «Историю итальянской литературы»⁸ (эта книга также хранится в Исследовательском центре Вячеслава Иванова и снабжена дарственной надписью: «Великому поэту и мыслителю Вячеславу Иванову с восхищением от вашего Джованни Папини»). Ответ Иванова был восторженным:

Спасибо Вам, мой дорогой друг, за прекрасный подарок. Ваша новая книга свежа, как родниковая вода [*acqua sorgiva*]. Впервые мне (и не только мне одному, а всем и каждому) выпала радость, какой я и не чаял, — прочитать историю поэзии, написанную великим поэтом.

В те же годы Иванов перевел на итальянский язык труды Соловьева и обратился к Папини за помощью в поиске издателя для переводов (письмо от 23 декабря 1937 г.):

Мне довелось заниматься подготовкой итальянского перевода двух трудов Владимира Соловьева о Любви, которые, несомненно, относятся к оригинальнейшим и важнейшим трактатам на эту тему в христианской перспективе, и которые, однако, до сих пор не переводились ни на один язык. Поэтому они остались неизвестны даже некоторым католическим писателям, которые в последнее время занимались темами любви и брака. Один из двух трудов озаглавлен «Смысл любви», другой — «Жизненная драма Платона». <...> Наверное, нелегко найти издателя, особенно для русских сочинений. Не могли бы Вы мне помочь — ведь Вы умеете преодолевать любые препятствия? Думаю, что лучше не обращаться к католическим издателям ввиду того, что у церковных цензоров — оправданно или нет — будет соблазн исказить текст такого классического автора, как Соловьев, за мистическое дерзновение некоторых его взглядов. Также нежелательно было бы связываться с издателями, которые оставят рукопись пылиться на столе на необозримо долгий срок. Но Вам самому виднее, сможете ли Вы помочь в этом деле, в том числе советом. Это действительно два гениальных очерка, к тому же актуальных и для сегодняшнего дня; обидно, если они так и останутся неизвестными, тем

⁸ *Storia della letteratura italiana*. Firenze: Vallecchi, 1937.

более, что их перевод, несмотря на бóльшую верность оригиналу, получился ясным, гладким и привлекательным для итальянского читателя.

Как известно, текст вышел лишь два года спустя, под названием «Два эссе по философии любви» (“Due saggi sulla filosofia dell’amore”) в издательстве Анджело Синьорелли (1939) в серии «Проблемы школы и жизни» (“Problemi della scuola e della vita”), редактором которой был педагог и ученик Джованни Джентиле — Луиджи Вольпичелли⁹. В предисловии Вольпичелли благодарит, помимо Иванова, Евгения Ананьина и Ольгу Дешарт, принявших участие в работе.

На этом письме 1937 г. переписка прерывается, но корреспонденты не порвали связи: Папини организует Национальную конференцию по Возрождению, на которую приглашает Иванова; в библиотеке Иванова хранятся разные книги Папини, в том числе книга “Santi e poeti”, в которой Папини писал об Иванове в очерке под названием “I sette vecchioni” («Семь стариков»):

Мы слишком мало думаем о тех немногих еще живых стариках, рожденных и взросших в тот век, что ныне кажется мертвым и далеким, как времена [папы] Льва X и Людовика Четырнадцатого. Но по-прежнему живут среди нас семеро славных сынов девятнадцатого столетия, чудом уцелевшие в сметающих всё на своем пути вихрях первой половины XX века.

Здесь Иванов упомянут в одном ряду с Гамсуном, Метерлинком, Шоу, Клоделем, Жидом, Ганди. Цитируем:

Вячеслав Иванов — поэт и мыслитель мифов. Он много лет живет в Риме, и нельзя сказать, что он у нас неизвестен. Но его не знают и не любят так, как он того заслуживает высоким полетом своей поэзии и ангельской чистотой души. Он единогласно признан величайшим из ныне живущих русских поэтов и является, пожалуй, последним ветераном символического движения последних десятилетий девятнадцатого века. Иванов — ученый-

⁹ Этому сюжету в нашем сборнике посвящено отдельное исследование: [1].

гуманист, с любовью корпевший над всеми формами греческого чуда, но прежде всего он религиозный мыслитель, обретший, под влиянием Соловьева, свой путь в Рим. Он вновь обратился — уже в совершенно христианском духе — к проблеме, блеснувшей в последние мгновения в сознании Ницше: сублимации Диониса во Христе. Но культура его слишком аристократична, поэзия слишком часто туманна, а взгляды слишком высокоумны для тех, кто не знаком с тайнами Востока и Запада. Иванов — сияющий светоч, который, однако, горит в одиночестве. Осветить он может разве что какого-нибудь благородного аскета — ценителя высокой культуры [17, р. 247–247].

После смерти Вячеслава Иванова его сын Димитрий Иванов обратился к Папини с просьбой почтить память поэта выступлением на радио¹⁰. Папини немедленно ответил письмом от 30 июля, которое воплощает его представление об Вяч. Иванове как о человеке и поэте. Цитируем:

Дорогой Иванов!

Смерть Вашего отца причинила мне самую настоящую боль. В нем я искренне восхищаюсь поэтом, христианином, ученым и мудрецом.

Я питал к нему благоговение, не умалявшее, однако, той любви и нежности, что внушали мне вся его внешность, его лицо, его доброта. Среди сладчайших воспоминаний моей жизни навсегда пребудут редкие разговоры, которые мы вели с ним.

Папини, человек, который был «недоволен дьяволом и несомненно обречен стать добычей бога», изгнанником на родине, нашел в работах Иванова и в нем самом собеседника для своей страждущей души, алкавшей света, души, одержимой поисками точек опоры.

¹⁰ Письмо Дм.Вяч. Иванова к Дж. Папини от июля 1949 г., см. также письмо от 18 октября 1950 г. (Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Demetrio).

Письма Вячеслава Иванова к Дж. Папини¹

1

172 via IV Fontana. Roma (5).

(presso Placidi)

11.IV.1926

Caro Papini,

La migliore risposta ai Vostri auguri e la miglior conclusione alla nostra ultima conversazione sarà, certo, la notizia che segue: al 17 marzo (giorno della celebrazione orientale del mio Santo²) mi sono unito alla Chiesa Cattolica, pronunciando la mia professione di fede davanti all'altare di S. Venceslao sulla Basilica di S. Pietro³, comunicando[mi] dopo secondo il rito greco sulla tomba di S. Pietro, ed al giorno prossimo alla Trinità de' Monti secondo il rito latino.

Questo fatto deve rimanere assolutamente segreto per gli amici e tutti gli esteri fino al primizio della mia azione; Voi siete un collaboratore dell'opera spirituale di cui il primo passo è ormai accompiuto.

Con cordiali saluti, carissimo maestro ed amico.

Il Vostro affettuoso

Venceslao Ivanov

¹ Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Venceslao. Все письма — автографы, кроме № 5 (машинопись, только подпись — автограф).

² 17 (30) марта православная церковь отмечает День перенесения мощей св. Вячеслава (Вацлава) в Прагу.

³ В.И. Иванов присоединился к Католической церкви по формуле В.В. Соловьева.

Roma, Quattro Fontane 172
il 21 Agosto 1926.

Illustre maestro e caro amico,

Avete ricevuta la mia letterina scritta, mi pare, nel mese d'Aprile o di Maggio? Credo di sì, poiché Odoardo Campa¹ mi scrive consigliandomi a nome Vostro "una mansione di fiducia (sic!!!)"² presso il Vaticano nei lavori da questo intrapresi in vista d'una futura riunione delle due grandi chiese cristiane. È davvero una cosa inaspettata, ed io dubito che lui renda esattamente il vostro pensiero. Malgrado il mio ardente desiderio di una azione per servire la Chiesa, come potrei contribuire a codesti lavori senza nemmeno essere un teologo? Sono più modesto e sto ricercando, aiutato dall'arcivescovo Lépiciér e dal padre d'Herbigny un incarico in qualche università cattolica italiana o straniera. Mi sarebbe una consolazione di avere qualche notizia direttamente da Voi.

Saluti.

Il Vostro affettuosissimo Venceslao Ivanov.

¹ Одоардо Кампа (1879–1965) — публицист, литератор, переводчик, получил гуманитарное образование. В 20 лет по воле родителей он переезжает в Аргентину, где остается до возвращения во Флоренцию в 1902 г. В это время знакомится с Джованни Папини по переписке. По возвращении во Флоренцию входит в группу интеллектуалов, связанных с журналом «Леонардо». Это были интеллектуалы, интересовавшиеся Россией и русской культурой, в частности, из-за присутствия русских во Флоренции (и особенно, писателя Юргиса Балтрушайтиса). С 1907 г. начинаются его путешествия в Россию. Именно в России, в Москве, он знакомится с будущей женой, Гертрудой Штединг, русской шведского происхождения. Кампа работал вместе с Папини для издательства «Карабба» (Carabba), перевел пьесы А. Чехова и Л. Толстого. Ему принадлежит заслуга в укреплении отношений между Россией и Италией, среди его проектов можно указать «Lo studio Italiano» в Москве. Кампа основал также во Флоренции ассоциацию «Друзья России». Общество по изучению славянских культур» («Amici della Russia.

Società italiana per lo studio delle civiltà slave”); о нем см.: [2, с. 307–309; 4, с. 57–59].

² Так в оригинале.

3

Pavia, Collegio Borromeo
30 aprile 1932.

Caro Papini,

La ringrazio di quella Sua lettera dell'anno scorso sulla “Corrispondenza da un angolo all'altro”¹, che mi è tanto cara e preziosa, che io rileggo di quando in quando allorché sento un bisogno d'incoraggiamento spirituale. Ed io, ingrato non Le ho risposto ancora, mentre Lei mi mandava un caro ricordo di Roma per la Pasqua e nuovamente ancora il Suo saggio su B. Croce, nel quale Lei parla della sua conversione², ciò che ravviva <?> nella mia anima le prime indimenticabili conversazioni nostre di Roma. Non so però se mai Le abbia confessato la mia entusiastica ammirazione in modo abbastanza sensibile. Lei è per me un maestro impeccabile perfino nella Sua smania, un esempio di virilità spirituale, il più grande di gran lunga degli scrittori italiani viventi. E peraltro ogni Sua parola, sempre salda ed acuta, trova uno spontaneo e profondo accordo nel mio cuore e nel mio pensiero.

Ella è uno dei pochi coraggiosi nell'epoca di sciacalli che non diventano arroganti che quanto si sanno molti.

So bene che Lei legge dei libri tedeschi; ma non so, se volentieri e senza fatica.

Nondimeno Le mando un mio saggio su l'istoriosofia di Virgilio e il mio libro sopra Dostoievski³: mi piacerebbe che Lei ne avesse conoscenza. Aggiungo l'edizione francese della “Corrispondenza” (che G. Carabba indugia a pubblicare nella sua collana “Cultura dell'anima” benché le bozze siano pronte) e, invece, della traduzione francese assai inesatta apparsa nel primo fascicolo di Vigile di quest'anno⁴, l'originale dattilografato del mio saggio sopra “la Visione del Lauro nella poesia del Petrarca”, scritto per gli Atti del Congresso di Arezzo⁵. Intanto vorrei vederlo (come pure “Virgilio”) stampato anche in Italia, e se Lei potesse raccomandarlo a una rivista che paga (ahimè! — diciamo

al “Pegaso” o all’“Antologia”, — ne sarei grato); giacché gli “Atti” non si sa quando saranno stampati. Una fortuna sarebbe anche trovare un editore altrettanto generoso quanto fu il tedesco — per il mio “Dostoievski”...

Con amichevole affetto, ammirazione e gratitudine,

Il Suo <devotissimo>

Venceslao Ivanov

¹ Имеется в виду итальянское издание «Переписки из двух углов» (1921) В.И. Иванова и М.О. Гершензона — “Corrispondenza da un angolo all’altro” (Carabba, 1932; перевод О. Ресневич с предисловием О. Дешарт).

² Имеется в виду статья “Il Croce e la croce” (“Nuova antologia”, 1 marzo 1932), посвященная книге Б. Кроче “Storia d’Europa nel secolo decimonono” («История Европы девятнадцатого века») (1932).

³ Имеются в виду работы В.И. Иванова “Vergils Historiosophie” (1931) и “Dostojewski” (Tubingen, 1932).

⁴ Переписка выходила во французском переводе в журнале “Vigile” с 1930 г. с предисловием Г. Марсея.

⁵ Работа вышла несколько лет спустя [4].

4

Roma, Corso Umb. 184. Press. Cav. Petrocchi

28 Luglio ‘35

Caro Papini,

Il “Frontespizio”¹ mi narra il Suo grave lutto. Voglio che Ella mi sappia partecipe del Suo santo dolore e della Sua preghiera.

La ringrazio del Suo generoso ed efficace intervento in mio favore presso la Facoltà di Lettere di Firenze².

La ringrazio di cuore (perdoni il lunghissimo silenzio) per l’inestimabile dono del suo “Dante”³ con una dedica di cui non mi sento degno. Il libro che mi ha entusiasmato è magnificamente anacronistico: Ella parla del gran Fiorentino da compaesano, da vicino, quasi da contemporaneo, e il ritratto acquista con ciò una concretezza e persuasività unica, un rilievo senza pari.

L'abbraccio fortunatamente come L'amo e L'ammiro.

Suo

Venceslao Ivanov.

¹ Литературный журнал католической направленности, выходивший ежемесячно во Флоренции с 1929 по 1940 г.

² Скорее всего, имеется в виду попытка Иванова получить место (incarico) во Флорентийском университете, что не получилось, по-видимому, из-за непринадлежности В.И. Иванова к фашистской партии (см.: [7, с. 70–71]).

³ Имеется в виду книга Папини “Dante vivo” («Живой Данте»), которая вышла в 1933 г.

5

61, via di Monte Tarpeo

Roma, 23 dic. 1937/XVI

Caro Papini,

porgo a Lei, alla signora e a sua gentile figlia i miei cordiali auguri di buone feste e d'un anno felice e benedetto.

La ringrazio, carissimo amico mio, del bel regalo. Il suo nuovo libro è fresco come l'acqua sorgiva. Per la prima volta mi capita la gioia non mai sperata (ma non a me solo, a tutti) di leggere una storia della poesia scritta da un grande poeta. E quanto mi diverte il tumulto strepitoso del pollaio!

Ed ora un ricordo, quanto doloroso! Un anno fa ricevevo da Piero Misciattelli gli Eremiti Senesi “con i più cordiali auguri per il 1937”¹. Non appena la di Lei perspicace ed elevata amicizia ci ha uniti, quello spirito eletto e me, oscuro e taciturno romito, colui muore, togliendomi la bella speranza di una lunga, squisita e feconda comunione.

Ecco finalmente una piccola faccenda con la quale mi permetto d'incomodarLa.

Ho avuto occasione di curare una traduzione italiana di due scritti di Vladimiro Soloviev sull'Amore che sono certamente fra le più im-

portanti e originali trattazioni su questo argomento dal punto di vista cristiano e che non sono ancora stati tradotti in nessuna lingua. Sono quindi rimasti ignoti anche ad alcuni scrittori cattolici che in questi ultimi tempi hanno trattato dell'amore e del matrimonio. Uno dei due scritti ha per titolo "Il significato dell'amore", l'altro "Il dramma della vita di Platone". Hanno press'a poco la stessa mole e prendono insieme circa 180 facciate dattilografate². Forse è una cosa piuttosto difficile di trovare ora un editore specie per cose russe. Potrebbe aiutarmi Lei, che sa superare ogni ostacolo? Credo, sarebbe bene evitare un editore prettamente cattolico per il dubbio che, a torto o a ragione, un censore ecclesiastico sia tentato di mutilare un autore classico come Soloviev, per l'arditezza mistica di certe sue vedute. E desidererei anche possibilmente evitare un editore, che lasciasse dormire il manoscritto sul suo tavolo per un tempo illimitato. Veda Lei se mi può dare un aiuto od un consiglio al riguardo. Sono due saggi veramente geniali e, per giunta, di attualità, che è peccato rimangano sconosciuti, tanto più che la traduzione, pur essendo fedelissima al testo, è riuscita limpida, attraente, scorrevole per il lettore italiano.

Ho tanto desiderio di rivederla!

Il suo affezionatissimo

Venceslao Ivanov

¹ Пьеро Мишателли (1882–1937) — итальянский литератор, медиевист, занимался мистикой францисканского движения. Его книга "Gli eremi senesi" («Сиенские скиты») вышла в свет в 1936 г.

² Имеются в виду работы В.В. Соловьева «Смысл любви» и «О жизненной драме Платона», см. в наст. ст. стр. 00.

6

Biglietto da visita <без даты> del Prof. Dott. Venceslao Ivanov dell'Almo Collegio Borromeo incaricato della R. Università di Pavia.

Письма Дж. Папини к Вячеславу Иванову¹

1

3, via G.B. Vico
Firenze
1 Giugno 1931

Caro Ivanof, da parecchio tempo — cioè da quando ho potuto leggere in “Vigile” la sua corrispondenza con M.O. Gerschenof (sic!), — avrei voluto scriverle, per dirle tutta la mia commossa ammirazione.

Quelle sue lettere sono, per me, una delle più grandi e profonde dichiarazioni di fede nell'assoluto ch'io conosca, e non soltanto per il valore degli argomenti razionali che vi sono svolti ma anche per il pathos che le impregna e per l'incalzante e affettuosa eloquenza che le anima.

Questa lettura mi ha fatto bene — molto. Anch'io, in altri tempi, ho conosciuto la disperazione del povero ebreo malato e posso, ora, misurare con lei la bellezza ferma della luce.

Nelle poche conversazioni avute con lei a Roma avevo già intravisto la sua grandezza — ma queste lettere mi fanno meglio comprendere la sua anima e l'amo ancora di più.

A che punto è il suo poema?² E quando avrò le traduzioni?

Creda alla fedele amicizia del suo

Giovanni Papini

¹ Все письма — автографы.

² Можно думать, что имеется в виду «Повесть о Светомире Царевиче». Что касается переводов, то Папини мог иметь в виду автопереводы самого Иванова.

2

3, via G.B. Vico
Firenze
4 dicembre 1936

Caro Ivanof,
le presento il mio vecchio amico e traduttore danese Dr Knud Ferlon¹, che ha grandi simpatie per la chiesa cattolica e simpatie ancora più grandi per la chiesa ortodossa. In lui combattono Occidente e Oriente.

Sarei lieto se potesse parlare con lui di questi problemi. Presto scriverò d'altre cose.

Affettuosi saluti dal suo
Giovanni Papini

¹ Кнуд Ферлон — датский переводчик и мыслитель, перевел на французский язык С. Кьеркегора.

3

Natale 1936

Al caro e grande Venceslao Ivanof gli auguri cristiani d'uno che l'ammira e gli vuol bene.

Giovanni Papini

4

Aprile 1937

Giovanni Papini affettuosamente ringrazia il grande Poeta — il Profeta orientale e latino.

Приложение III

Письмо Дж. Папини к Димитрию Вячеславовичу Иванову

Forte dei Marmi
30 Luglio 1949

Caro Ivanov,

la morte di suo Padre è stata per me vera e viva pena. Ammiravo sinceramente in lui il poeta, il cristiano, il dotto, il saggio. Avevo per Lui una venerazione che non affievoliva l'affetto e quasi la tenerezza che la sua figura, la sua persona, la sua bontà m'ispiravano. Fra i più dolci ricordi della mia vita saranno sempre i rari colloqui ch'ebbi con Lui.

Avevo già pensato di scrivere qualche pagina su Venceslao Ivanov quando mi giunse (con molto ritardo) la sua lettera.

Ma qui, fuori di casa, senza i miei libri e i miei appunti, non posso far nulla. Per scrivere degnamente di suo Padre è necessario, per me, rileggere ciò che di Lui fu tradotto.

Angioletti¹ non mi ha scritto nulla ma, in ogni modo, io non potrei parlare alla Radio perché sono, purtroppo, mezzo cieco e non riesco a legger bene ad alta voce.

Scriverò, appena mi sarà possibile, un saggio su V. Ivanov in qualche giornale importante. Voglia, per il momento, scusarmi e compatirmi. Comprendo e condivido il suo grande e giusto dolore. Non posso offrirle che la mia preghiera e il mio sincero compianto. Mi creda suo Giovanni Papini.

P.S. Neppure in agosto sarò a Firenze. S'Ella volesse mandarmi qualche scritto il mio indirizzo sarà: Villa Occhini (Firenze) Incisa Valdarno (parto di qua lunedì).

P.S. Potrebbe farmi avere un buon ritratto di V.I.?

¹ Дж.Б. Анжиолетти (1896–1961) — журналист и писатель. С 1949 г. работал на итальянском радиовещании, где вел литературную программу “L'Approdo”.

Список литературы

Исследования

1. *Ланда К.С.* Вяч. Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами 1930-х — 1940-х гг.: к вопросу об истории издания переводов Вл. Соловьева в Италии // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 783–819.
2. *Рицци Д.* Кампа Одоардо // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 307–309.
3. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
4. *Шишкин А.Б.* Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 55–99.

Источники

5. А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / предисл. и публ. Дж. Малмстада // Минувшее. 1997. № 22. С. 475–538.
6. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. 431 с.
7. Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / публ. и примеч. Стефано Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, Наука, 2006. Т. III. С. 58–79.
8. *Ivanov V.* Il lauro nella poesia del Petrarca // Convegno petrarchesco tenuto in Arezzo nei giorni 11–13 ottobre 1931. Supplemento agli “Annali della Cattedra Petrarческа”. Arezzo: Presso la R. Accademia Petrarca, 1936. Vol. II. P. 114–122.
9. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / introduzione e note di Raffaella Vassena // Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени. Т. I. = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. Vol. I / a cura di Elda Garetto e Daniela Rizzi. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2010. P. 129–300. (Collana di Europa Orientalis)

10. Le memorie di Olga Signorelli / introduzione e note di Daniela Rizzi // Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени. Т. II. = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. Vol. II / a cura di Elda Garetto e Daniela Rizzi. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2010. P. 137–293. (Collana di Europa Orientalis)
11. Papini G. 24 cervelli. Saggi non critici. Ancona: Puccini, 1913. 380 p.
12. Papini G. Il non finito. Diario 1900 e scritti inediti giovanili / a cura di A. Casini Paszkowski. Firenze: Le Lettere, 2005. 362 p.
13. Papini G. L'uomo Dostoevski // La Stampa. XLVI. 10. 10 gennaio 1912. P. 3.
14. Papini G. Passato remoto. 1885–1914. Firenze: L'Arco, 1948. 280 p.
15. Papini G. «Pregghiera per Leone Tolstoj» (Prima della morte) // La Voce. 24 novembre 1910, anno II, fasc. 50, p. 441.
16. Papini G. Ricordi su Baltrušaitis // La Festa. XX. 12. 23 marzo 1941. P. 145.
17. Papini G. Santi e poeti. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1948. 252 p.
18. Papini G. Vita senza miracoli di Leone Tolstoj // Corriere della Sera. LIX. 128. 31 maggio 1934. P. 3.

References

1. Landa, K.S. “Viach. Ivanov v perepiske s ital'ianskimi katolicheskimi literatorami 1930-kh — 1940-kh gg.: k voprosu ob istorii izdaniia perevodov VI. Solov'eva v Italii” [“Vyach. Ivanov in Correspondence with Italian Catholic Writers of the 1930s — 1940s: on the Issue of the History of Publishing Translations of V. Solovyov in Italy”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E.A. Takho-Godi, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodolei Publ., 2024, pp. 783–819. (In Russ.)
2. Ritstsi, D. “Kampa Odoardo” [“Campa Odoardo”]. D'Ameliia, Antonella, and Daniela Ritstsi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th Century: an Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019, pp. 307–309. (In Russ.)
3. D'Ameliia, Antonella, and Daniela, Ritstsi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th Century: an Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019. 863 p. (In Russ.)

4. Shishkin, A.B. “Proekt Sovetskoi Akademii v Rime (1924): Viach. Ivanov, A.V. Lunacharskii, P.S. Kogan i drugie” [“The Project of the Soviet Academy in Rome (1924): Vyach. Ivanov, A.V. Lunacharsky, P.S. Kogan and others”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 55–99. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-367-390>

<https://elibrary.ru/WPDUVE>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Н. Гамалова

ЗНАКОМСТВО ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ЖАНА ШЮЗЕВИЛЯ В РИМЕ

Аннотация: В итальянском архиве Вячеслава Иванова хранятся стихотворные рукописные фрагменты и письма французского поэта, критика и переводчика Жана Шюзевиля. Стихи позволяют предположить обстоятельства, при которых Вячеслав Иванов и Жан Шюzeвиль лично познакомились в Риме. Первопубликации писем Димитрию Иванову, датированных июлем 1951 г., февралем и декабрем 1954 г. и октябрем 1956 г., которые здесь переведены с французского на русский, предпослано краткое изложение восстановленных биографических данных их автора. В приложении к статье дан также перевод критической справки, предвещающей стихи Иванова в антологии русской поэзии, которую Шюzeвиль опубликовал в 1914 г.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Жан Шюzeвиль, Димитрий Иванов, переписка, антология, биография, перевод.

Информация об авторе: Наталья Гамалова — профессор кафедры славистики, университет Жан Мулен Лион 3, авеню братьев Люмьер, д. 1С, 69372 г. Лион, Франция.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9950-2479>

E-mail: natalia.gamalova@univ-lyon3.fr

Для цитирования: Гамалова Н. Знакомство Вячеслава Иванова и Жана Шюзевиля в Риме // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 367–390.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-367-390>

MEETING BETWEEN VYACHESLAV IVANOV AND JEAN CHUZEVILLE IN ROME

Abstract: The Italian archive of Vyacheslav Ivanov contains handwritten poetic fragments and letters of the French poet, critic and translator Jean Chuzeville. The poetic fragments suggest the circumstances in which Vyacheslav Ivanov and Chuzeville met in person in Rome. The letters dated July 1951, February and December 1954 and October 1956, are addressed to Dmitry Ivanov. Some reconstructed biographical elements precede this first publication of four letters translated here from French into Russian. The appendix to the article also contains a translation of the critical note that precedes Ivanov's verses in the anthology that Chuzeville published in 1914.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Jean Chuzeville, Dmitry Ivanov, letters, biography, anthology, translation.

Information about the author: Natalia Gamalova, *full Professor* of the Department of *Slavic Studies*, Jean Moulin Lyon 3 University, 1C avenue des frères Lumière, 69372 Lyon, France.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9950-2479>

E-mail: natalia.gamalova@univ-lyon3.fr

For citation: Gamalova, N. "Meeting Between Vyacheslav Ivanov and Jean Chuzeville in Rome." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 367–390. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-367-390>

До 1938 г. Вячеслав Иванов и Жан Шюзеви́ль не имели, скорее всего, случая познакомиться очно. Нельзя сказать, что круг знакомств Шюзеви́ля ограничивался московскими поэтами, такими как Брюсов или Цветаева, Шюзеви́ль все-таки хорошо знал петербуржцев Гумилева и Сологуба, но о Вячеславе Ивановиче в свою бытность в Москве Шюзеви́ль знал понаслышке. В «Антологии русских поэтов» переводам из Иванова (как и всем другим переводам) предпослана небольшая заметка о поэте [5, р. 219–222]. Она подтверждает данное предположение, так как переводчик не скрывает своей неуверенности в фактах из жиз-

ни Иванова¹. Стихи же Вячеслава Иванова Жан Шюзевиль хорошо знал и ценил, он включил их в самую структуру своего оригинального сборника «Странник и его душа»: «Виноградник Диониса» — название одной из глав с эпиграфом из одноименного стихотворения Иванова [7, р. 87].

Тот факт, что Вячеслав Иванов и Жан Шюзевиль, в лучшем случае, виделись мельком подтверждает и указанный Еленой Обатиной со ссылкой на Ремизова курьез. Жан Шюзевиль, «встречавший Вяч. Иванова в Москве <...>, полтора месяца прожил в Риме на одной улице с Вяч. Ивановым и был убежден, что это Моммзен»² [1, б. с.]. С начала августа 1935 г. и вероятно до весны 1936-го. Шюзевиль обосновался у знакомого художника на виа Монте Тарпео № 69, а Вячеслав Иванов с весны 1936 г. до осени 1939-го жил в доме под номером 61 на той же улице³. В письме к Эмилио Чекки от 12 августа 1935 г. Шюзевиль сообщает, когда именно он поселился у Тарпейской скалы и описывает вид из окна: «После недолгого пребывания в Альбано, я обосновался в Риме. Делю с Кьюрацци⁴ квартиру на виа Монте Тарпео (а это — на Капитолийском холме и ближе не к Скале, а ко дворцу!). За окнами прямо перед нами — Форум, Палатин, Колизей, вид до самой Санта-Марии-Маджоре, слева до самого Квиринала, а справа — до Авентина. Тем не менее в городе по-прежнему жарко, и это обстоятельство, как и необходимость работать, гонят меня на Искью. Вот уже более десяти дней как я в этой квартире и ни разу и шагу не ступил в сторону центра, не знаю даже, есть ли для меня письма на почте»⁵.

¹ Перевод вводного очерка к стихам Вячеслава Иванова в антологии Шюзевиля дан в приложении к статье.

² Ссылка любезно предоставлена Андреем Шишкиным.

³ Сердечно благодарю Андрея Шишкина за адрес Вячеслава Иванова с описанием его месторасположения.

⁴ По этому адресу жил тогда художник и галерист Гаэтано Кьюрацци (Gaetano Chiurazzi), или «Танино». В начале 1951 г. на виа дель Бабуино Шюзевиль также останавливался у Танино.

⁵ Archivio contemporaneo (Firenze), Gabinetto G.P. Viesseux. Carte Emilio Cecchi, EC.1.14.15.

Итак, почти за год до Мировой войны переводчик побывал в гостях у русского символиста на виа Монте Тарпео. На полях первого архивного листка со стихами Иванова вписано вертикально: «18 декабря 1938. У г. Вячеслава Иванова». По словам Димитрия Иванова, переданным мне Андреем Шишкиным, Вячеслав Иванов томился в Риме одиночеством, чувствовал себя «как в пустыне». В тот зимний день или вечер к нему в гости пришел интересный собеседник. У них были общие московские и петербургские знакомые, оба жили в мире мифов, слов и литературы. Была ли эта встреча первой или единственной, или Шюзевиля регулярно заходил к одинокому поэту? Сказать сейчас трудно.

В архиве Вячеслава Иванова сохранилось несколько двусторонних листков со стихотворными текстами, записанными рукой Шюзевиля. Во-первых, это переводы четырех из шести стихотворений из Вячеслава Иванова, которые вошли в антологию Шюзевиля 1914 г. [5, р. 222–230]: «День белоогненный палил...», «Виноградник Диониса», «Дух» («Над бездной ночи Дух, горя...»), дистих «*Veste detracta*» и часть первой строки «С пути». Пришел ли переводчик в гости с уцелевшими с 1909 г. черновиками или же, сидя в римской квартире поэта, восстанавливал их по памяти? Текстуальные различия между списками и публикацией крайне незначительны. Я не ставлю своей задачей разбор переводов, отмечу только, что Шюзевиля не раз изменял в них строфику и заголовки. На одном листке — двустишие «Паоло и Франческа» без названия, его в антологии нет. На листке под номером 4 перевод последних десяти строк стихотворения Пушкина «Обвал» (1829), которое войдет в тоненький сборник Шюзевиля 1947 г. [32, р. 107–108], и две строфы из стихотворения «В Царском Селе» (1911) Анны Ахматовой. Шюзевиля перевел третью главку ахматовского стихотворения, озаглавил ее «Пушкин в Царском Селе» и включил в свою книгу стихов «Странник и его душа» [7, р. 75] с указанием источника. О чем говорили Иванов и Шюзевиля в декабре 1938-го? По меньшей мере о поэтических переводах, о Пушкине, об ахматовском Пушкине, и вероятно, об издании новой обширной антологии русской поэзии на французском языке.

Далее я постараюсь рассмотреть ту небольшую часть рукописного архива Вячеслава Иванова, которая имеет прямое отношение к французскому писателю Жану Шюзевилю. Опись 5, картон 1, папка 11 содержит в себе, кроме стихов, четыре письма Шюзевиля Димитрию Иванову, подписанный конверт с почтовым штемпелем и записку бухгалтеру издательского дома «Галлимар». Прежде чем приступить к архивным документам, изложу кратко и выборочно биографические факты, которые мне удалось восстановить. Творчество и богатую библиографию Жана Шюзевиля я затрону, только если это будет необходимо, в комментариях к переводу писем.

Имя переводчика, критика и поэта Жана Шюзевиля знакомо филологам-русистам главным образом по сноскам и примечаниям к биографиям и переписке Блока, Гумилёва, Брюсова, Ремизова, Сологуба, Мережковского, Гиппиус, Ахматовой, Цветаевой. Имя это встречается в разной транскрипции: Шюзевиль, Шюзвиль, Шузевиль, Шузвиль или даже Шузвилль. Беглое [е] графически иногда передается в кириллице (например, Шарлемань или Мирекур), иногда не передается (например, Бодлер), оба варианта соответствуют, насколько это возможно, фонетике оригинала; [ю] в первом слоге близко французскому звучанию, [у] после шипящей лучше гармонирует с русским языком; за редкими исключениями удвоенные согласные транслитерируются одной буквой. Каждый из вариантов приемлем, но разноречив влечет за собой, разумеется, ряд неудобств.

Родился Жан Шюзевиль (по метрической записи Жан-Клод) 27 декабря 1885 г. в Божоле, в небольшой деревне⁶ кантона Вильфранш к северу от Лиона. Место живописное: холмистый ландшафт, виноградники по склонам, средневековая бенедиктинская обитель, романская церковь с колокольной. Отец, Жан-Батист Шюзевиль, промышлял ремеслом, вытачивал сабо; дед тоже работал по дереву — каретником. Аристократическая приставка в некоторых источниках — элегантная выдумка современни-

⁶ Современное название деревни — Саль-Арбюисона-ан-Божоле, тогда она называлась Саль.

ков⁷. Мать — Мария-Филомена Деперье — дочь плотника, умерла в 1900 г., когда ей не исполнилось и 45. Старший брат Клод (по метрике Клаудиус), без определенного рода деятельности, скончался в 1906 г. в возрасте 26 лет. В 1912 г. отец переехал в католический приют в Вильфранше, где умер в мае 1915-го⁸. Жан Шюзевиль посвятил отцу свою «Антологию русских поэтов» (1914)⁹. Сам поэт-переводчик умер 27 февраля 1974 г. во флорентийской больнице Санта-Мария-Нуова.

С февраля 1915-го по ноябрь 1919-го Жан Шюзевиль был мобилизован¹⁰. Признанный в январе 1907 г. из-за старых осложнений на сердце непригодным к несению военной службы, в декабре 1914-го он был приписан к 14-му санитарному взводу в Лионе. Однако фактически Шюзевиль служил в разных частях, где могло пригодиться его знание иностранных языков, в том числе и русского: например, при французском сборном пункте русской военной базы в Лавале или в 1918 г. во время командировок в Шартр и его окрестности (Бос), где русские солдаты участвовали в сельхозработах [6, р. 7]. В 1918 г. 84-й действующий пехотный полк, в котором он служил тогда прапорщиком, дислоцировался в Греции и Македонии [23, р. 235].

В моих реконструкция биографии Жана Шюзевилья есть существенный пробел. Я не могу понять, где он учился после окончания в родной деревне школы для мальчиков от 6 до 13 лет. Списки учеников ближайшего престижного иезуитского заведения для подростков постарше — Нотр-Дам-де-Монгре в Вильфранше — в отличном состоянии, Шюзевилья в них нет. При этой шко-

⁷ Как например, в сносках к переписке Зинаиды Гиппиус: “De Chuzeville presently lives in Rome” [28, p. 326].

⁸ Этой информацией я обязана сестре Аньес из лионской конгрегации малых сестер бедняков при ордене госпитальеров св. Иоанна Божьего. Опись имущества отца свидетельствует о его бедности. Метрические книги подтвердили дату смерти отца. Все даты жизни Шюзевилья и его семьи почерпнуты из записей актов гражданского состояния архива департамента Роны в Лионе. Дата смерти получена из архива Министерства иностранных дел в Нанте.

⁹ Книга вышла из типографии в октябре 1913 г., но датирована 1914 г.

¹⁰ Feuillet matricule № 452, Registre 1 RP 1092 Lyon Nord. Archives départementales du Rhône.

ле была небольшая семинария, ее документация не сохранилась. Воспоминания мемуаристов о семинарии нуждаются в проверке: или они путают «большую» семинарию с «малой»¹¹, т. е. со средней школой для юношей, не обязательно стремящихся в духовенство, или поэт-переводчик продержался в настоящей семинарии недолго. Согласно библиотекарю лионский семинарии св. Ирины, реестры за 1899–1904 гг. не сохранились; документация последующих лет не упоминает о Шюзевиле, как не упоминают о нем и епархиальные архивы. Это не значит, что писатель не начинал учиться в этой или другой семинарии.

Обратимся к традиционным демографическим источникам. В избирательных списках деревенской мэрии Шюзевиля нет: как убежденные католики и отец и сын любили монархию, не верили в «озаряющую благодать выборов»¹² и придерживались формулы о. Джакомо Марготти “né eletti, né elettori”. В сводных таблицах переписи населения за 1901 г. Жан Шюzeвиль числится по адресу отца на Гран-рю¹³. Если переписчики не ленились ходить по домам, то в 16 лет Жан Шюzeвиль был дома, а семинарская жизнь проходит в интернатах. При переписи же 1906 г. отец указал, что его сын Жан — студент в Москве. В том году Шюzeвиль приезжал в Лион, так как стал на военный учет в октябре 1906-го, с задержкой на год (его рекрутским классом был 1905-й) ввиду пребывания в России. В графе «профессия» карточки постановки на военный учет стоит «репетитор».

Биографический пробел выпадает по меньшей мере на 1901–1903 гг., т. е. на «годы учения». Первые стихи Шюзевиля о родном крае были опубликованы в местной газете в начале мая 1903 г. Юный поэт сам их отнес в редакцию или отправил по почте? Кстати, путевку в поэзию Шюзевилю выдавал *лионский* поэт и католический писатель Жозеф Сер, которому юноша посвятил

¹¹ В 1900 г. в Лионской епархии насчитывалось 33 малые семинарии.

¹² Формулировка самого Шюзевиля из его письма Жану Полану (Fonds de Jean Paulhan PLH 121.2, Institut Mémoires de l'édition contemporaine).

¹³ Recensement de la population, 1901, № 235–236, Grand rue, 68–82, père 53 ans, sabotier, son fils Jean, 16 ans. Archives départementales du Rhône.

эти стихи. В рукописном фонде Литературной библиотеки Жака Дусэ хранится письмо Шюзевиля из Равенсбурга¹⁴. Письмо без даты, но по содержанию оно написано между началом октября и концом декабря 1903 г. Это значит, что в неполные 18 лет поэт бывал в Германии. Как долго? Зачем? Проездом или учил немецкий? Повторю оговорку — если переписчики в Саль не ограничивались автоматическим переносом старых данных, не вставая из-за письменного стола, то в 16 лет Жан Шюзевиль жил с отцом, а в 17 уже побывал за границей. В 19 лет он в Москве (возможно, отправился туда из Германии). Может статься, что Жан Шюзевиль был полиглотом-самоучкой, памятью он обладал феноменальной. О приезде Шюзевиля в Москву есть известный пассаж у Алексея Ремизова: «Мне памятен июль 1904 года <...> Я не утерпел и зашёл на Кузнецкий к Тастевену. Но не французские новинки показал мне Тастевен, а только что приехавшего из Парижа: это был по возрасту мой сверстник, тонкий, как вылитый, с глазами астронома и филолога — звезды и слова: Жан Шюзевиль. Он был весь в Верлене, а в руках Маллармэ. <...> Шюзевиль говорил отчетливо и ясно, недаром кончил семинарию в Лионе <...> ...о ту пору угнезвился у Сапожниковых, воспитатель, и торчит на всех литературных собраниях, а по средам обедает у Брюсова» [2, с. 189–190].

Шюзевиль приехал в Москву 9 (22) июля 1904 г. в день похорон Чехова [6, р. 581]. В России он пробыл с 1904 по 1906 и с 1907 по 1910, отлучаясь иногда во Францию. Был в Крыму летом 1912 и заезжал в Москву. После 1910 г. Шюзевиль жил в основном в Париже и Риме. Он бесконечно любил Италию. Временами и недолго снимал жилье в Лионе, месяцами находился в Греции, Бельгии, Сирии. В родную деревню его заставила вернуться в сентябре 1939 г. Вторая мировая война, но задержался он там, вероятно, месяца на два, потом поехал в Лион, затем в Париж, где и прожил до конца войны. К 1944 г. подготовил там к печати

¹⁴ Fonds Karl Boès, cote MNR β 232, 4 feuillets, 1903. Manuscrit autographe signé. Jointe, une lettre non datée de Jean Chuzeville à Karl Boès, Bibliothèque littéraire Jacques Doucet.

свой второй сборник поэзии [7] и книгу в прозе [8]. Давал уроки французского языка Герхарду Геллеру, начальнику отдела цензуры управления немецкой пропаганды в Париже¹⁵.

В постскриптуме к письму Жаку Маритену от 27 октября 1929 г., Шюзевиля делится своей радостью: «1-го ноября я съеду со своей квартиры на улице Сосье-Леруа. Вновь начнется моя гостиничная жизнь и, несомненно, странствия по загранице. Уже мелькают на горизонте Рим, Сицилия и “алые Киклады”¹⁶. Как же мне везет — я свободен от всяческих уз!»¹⁷

В своих полуснах полувоспоминаниях Алексей Ремизов пишет: «Шюзевиля безвестно в Сиракузах, читает Коран и говорит только по-арабски» [2, р. 196]. Это — и правда и вымысел; уловлена одна из черт Жана Шюзевиля: он страстно увлекался другими языками, культурами, пространствами. Кроме тех языков, с которых Шюзевиля регулярно переводил, т. е. итальянского, немецкого, русского и испанского, он знал по меньшей мере еще пять: иврит, современный греческий, древнегреческий, арабский и персидский. Приведу несколько строк из дневника критика Робера Левека: «За время своего недавнего пребывания в Греции¹⁸ Шюзевиля выучил современный греческий язык и снова засел за древнегреческий, на котором читает с крайним наслаждением, поскольку находит в этом чтении некое небольшое затруднение. Вообще, он читает всё с листа (причем, по-французски чи-

¹⁵ Благодаря Василия Молодякова, указавшего мне на данный источник. Приведу весь отрывок из Геллера: «...в течение довольно длительного периода, я брал уроки французского языка по часу в неделю у Жана Шюзевиля, переводчика русской и итальянской классики для издательства Галлимар. Жан регулярно приходил в мой кабинет в Немецком институте, и, покидая Париж в августе 1944, именно ему я оставил целую папку писем от моих французских друзей; он увез их с собой в Рим и смог мне вернуть почти все после войны» [22, р. 200–201].

¹⁶ «Алые Киклады» — из стихотворения Жана Мореаса, грека по происхождению: “Je chante les étés des Cyclades vermeilles” (*Épode*, 1888).

¹⁷ Fonds Jacques Maritain. Correspondants occasionnels, Chupin–Chuzeville. F. 744. BIU de Strasbourg.

¹⁸ Письма Шюзевиля из Афин с такими датами как июль 1934 г., ноябрь 1934 г., январь 1935 г. и март 1935 г. позволяют предположить, что он прожил в Греции месяцев десять.

тает мало, так как, не прилагая никаких усилий, его разум блуждает...)» [24, р. 90]. Дневниковая запись Левека за 1935 г. — самое развернутое описание Шюзевиля, которое мне удалось на сегодня обнаружить. Именно у Левека говорится об исключении из семинарии и об эпизоде из детства, свидетельствующем об исключительной памяти Шюзевиля. В 1904 г. Ремизов особо отметил глаза Шюзевиля, в 1935-м и Левек остановился на взгляде поэта: «...он выглядел бы весьма серьезным человеком, если бы не взгляд — широкий, ласковый, темный, немного рассеянный» [24, р. 89].

Переводы были вдохновением и почти единственным источником существования Шюзевиля. Как видно из его писем, в том числе и Димитрию Иванову, денег всегда не хватало, он просил авансы, брал займы, перезанимал, выкручивался, как-то устраивался, часто переезжал. Поэты редко отличаются бережливостью, о себе Шюзевиля писал, прося у Ниньо Франка ускорить выплату гонорара за перевод рассказа Бруно Барилли: «Я переживаю сейчас довольно трудный период. <...> ...и, к сожалению, лишь пером я добываю себе заработок. / Прибавлю, что корзина из меня не просто дырявая, а вообще без дна. Пусть это небольшое признание найдет в Вас чуткое участие...»¹⁹. Я перевела буквально французский фразеологизм «дырявая корзина», которого нет в русском языке, но смысл его понятен: деньги у Жана Шюзевиля долго не задерживались.

¹⁹ J. Chuzeville. Lettre du 4 juin 1929. Fonds Niño Frank, NAF 28285 (30). BNE, site Richelieu.

Письма Жана Шюзевиля к Димитрию Иванову

Рокка-ди-Папа, 23/7/51

Дорогой господин Иванов,

До настоящего момента я не знал, что господин Петрасси²⁰ оставил в гостинице «Парадизо» либретто и партитуру оперы. Впрочем, подобного рода недоразумение случается не впервые. Что дешево стоит (относительно дешево), очень дорого всегда обходится.

Наш друг Эйвар²¹ не далее как сегодня едет в Рим, и я попросил его постараться забрать бандероль. Прилагался ли там другой пакет от Вас? Узнаю при получении.

Со своей стороны, напишу господину Петрасси. По вопросу гонораров трудно уточнить что бы то ни было, особенно если я даже не взглянул на сам текст. Я назначу цену наугад, а потом всегда можно договориться. Разумеется, господин Петрасси за просто может попросить у меня кое-что переделать, и по мере возможности я учту его указания или советы.

²⁰ Какое именно оперное либретто Гоффредо Петрасси (1904–2003) собирався переводить Шюzeвиль установить пока нельзя. Можно только вспомнить, над чем в те годы работал итальянский композитор. С 1944 г. он писал оперу «Кордовано» по Сервантесу, поставленную впервые в Милане в 1949 г. [30, р. 174], но либретто к ней переводил Эудженио Монтале [30, р. 173; 29], и в 1949-м опера уже прозвучала. Задумывал ли уже композитор работу над «Суждениями» французского философа Алена [31]? Связан ли как-то этот эпизод с кантатой Петрасси «Темная ночь» на слова св. Иоанна Креста, одного из авторов шюzeвильевского сборника «Испанские мистики» (1952)? «Темная ночь» написана композитором в Риме (октябрь 1950 — март 1951) [30, р. 58] и впервые прозвучала на фестивале в Страсбурге 17 июня 1951 г. [25, р. 174], т. е. за месяц до письма. Текст кантаты на первых страницах партитуры и под нотами — на испанском и итальянском [30]. Чей текст на итальянском не указано, имени Шюzeвиля не значится.

²¹ Фернан Эйвар — французский историк католической Церкви и переводчик с итальянского. У него богатая библиография по истории папства, вселенских соборов, по истории Италии и Испании. Любопытно, что в своей книге «Пий X» Эйвар, пересказывая разговор Луи Ле Кардонеля с Жаном Шюzeвилем на площади Святого Петра весной 1910 г., называет последнего «знаменитым французским писателем» [21, р. 198].

Читаю с неподдельным интересом специальный выпуск журнала «Конвеньо»²². Можно ли еще найти в книжных лавках «Человека»²³ на итальянском? Помню, что безуспешно справлялся во многих книжных, везде, где в былые времена мне помогали, когда у меня не было никаких выходных данных книги.

Можете не утруждать себя ответом на мое письмо, увидимся в Риме.

Спасибо. Желаю Вам хорошо провести отпуск.

Ваш Шюзевиль.

P.S. Не знаю, вправду ли мне подходит атмосфера Рокка-ди-Папа, дни провожу в бездействии, чуть ли не «в заточении» и большую часть времени лежа.

Париж, 24/II/54

Ж. Шюзевиль

У госпожи Вьель²⁴

11 rue de Lill, VII-й округ

Дорогой господин Иванов,

Не знаю, приезжали ли Вы в Париж. В конце прошлого месяца я обратился к Вам на всякий случай через редакцию «Франс-Суар», но моя записка не вызвала ни отклика, ни ответа.

Все мои планы висят пока в воздухе, по меньшей мере наполовину. В Амиот-Дюмон ничего не решено. Впрочем, мне сказали, что у этого издательства репутация «мерзкой конторы», не знаю, насколько это верно. Господин Фабрег²⁵, во всяком случае,

²² Специальный выпуск посвящался Вячеславу Иванову: *Il convegno*, rivista di letteratura e di arte, 25 gennaio 1934 (XII), no. 8–12: *Venceslao Ivanov*.

²³ Venceslao Ivanov, *L'Uomo*. Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle, Milano, Fratelli Bocca, 1946.

²⁴ Жана Шюзевилья и Эльян Вьель связывала долгая и добрая дружба. «Святая Эльяна», как он ее называл, работала управляющей в книжной лавке «Литература и искусство» на бульваре Сен-Жермен.

²⁵ Жан д'Аземар де Фабрег (1906–1983) — французский журналист и писатель, в 1947–1958 гг. руководил серией «Католическая библиотека» издательства «Амиот-Дюмон». В моем длинном библиографическом списке Шюзевилья нет книг, вышедших у «Амиот-Дюмона», но я пока не могу претендовать на избыточность.

очень обходителен, я ещё не встречался с Родити²⁶. Предпринимать ли мне какие-то еще попытки параллельно в другом месте?

Вы прочитали пьесу «*Buono per una novia*»²⁷? Как она Вам? И считаете ли Вы ее достаточно интересной, стоит она того, чтобы я хлопотал о встрече с Эрве Милем²⁸. В таком случае, как с ним связаться?

Передал Монелли²⁹ окончательно очищенную от итальянизмов рукопись; я допустил их при переводе... а потом они ускользнули от меня, потому что я не дал тексту как следует отлежаться. Жду оплаты с учетом изменения заранее оговоренной суммы в мою пользу. Обыкновенно за страницу платят более 300 франков, каждая же из этих 502 машинописных страниц должна стоить около 600: без красных строк, без диалогов, с большим числом строк и знаков. Возможно, господин Лазарев³⁰ попросит у

²⁶ Из письма следует, что французский писатель Жорж Родити (1906–1999) сотрудничал в то время с издательством «Амиот-Дюмон» не только как переводчик с английского.

²⁷ Речь идет о пьесе дипломата Антонио Коттафави «Хорошо для девушки» («*Buono per una novia*» или «*Buono per una ragazza, tre atti di La muerte es un acto de servicio*» [10, p. 17, 108; 3, p. 79]). В письме к Унгаретти от 4 февраля 1953 г. Шюзевиля жаловался: «Г-н А. Коттафави, итальянский посол в Сан-Доминго, не выслал 40 000 лир, которые он мне должен». Очевидно, что посол заказал перевод своей пьесы, не заплатил, и Шюзевиля старался как-то выгодно пристроить французский текст (Archivio contemporaneo, Gabinetto G.P. Vieusseux. Carte № 8, Ungaretti-Chuzeville 2, GU.I.320.6).

²⁸ Эрве Миль (1909–1993) — журналист, один из директоров газет «Пари-Суар» и «Пари-Матч», журналов «Мари-Клер» и «Теле 7 жур». После поездки в Нью-Йорк в 1947 г. Миль стал театральным продюсером, совместно с Пьером Лазаревым (Lazareff, 1907–1972) и затем импресарио Андре Бернеймом [26, p. 243–244, 249]. Вероятно, Шюзевиля разыскивал Миля, чтобы предложить текст пьесы Коттафави (см. сноску 25) к постановке в одном из парижских театров.

²⁹ На титульном листе французского перевода «Муссолини — мелкий буржуа» («*Mussolini piccolo borghese*») Паоло Монелли нет имени переводчика [27]. По-видимому, финансовые разногласия переводчика с заказчиком сыграли свою роль в анонимности перевода. Книга действительно набрана мелким плотным шрифтом, 306 страниц, из них 20 страниц занимают примечания.

³⁰ В издательстве «Галлимар» Пьер Лазарев заведовал серией «Дуновение времени» («*L'air du temps*»), в которой вышел «Муссолини» Монелли.

Вас подтверждение о 200 000 лирах, что Вы мне любезно вручили в качестве аванса. Полагаю, что мне причитается получить, не считая предусмотренных договором 150 000 лир, 35 тысяч франков. Правильно?

Ещё раз спасибо, и, если можно, напишите записку о том, что Вы думаете о планах «Миль». Ещё не знаю, когда смогу вернуться в Рим. До Рождества, надеюсь на это по крайней мере.

Ваш Шюзевиль

Париж, 7/12/54

Ж. Шюзевиль

Рю де Лиль 11, VIIe

Дорогой господин Иванов,

На всякий случай я вверил господину Витману³¹ свой экземпляр «Достоевского», чтобы издательство Плон поручило кому-то его чтение, мало ли что. Объясню, что меня подвигло на этот шаг: «Введение к Архивам по истории Благочестия» (250 страниц) Монсеньора Де Лука было *с энтузиазмом* принято к печати в этом издательском доме, кроме того, Плон сейчас печатает мою собственную толстую книгу об итальянской поэзии (Антологию с комментариями и предисловием в 150 с лишним страниц). Жду, что решится в самом ближайшем времени и незамедлительно сообщу Вам о решении.

Рукопись Монелли для Лазарева полностью отредактирована с первых дней [пребывания в Париже. — Н.Г.], но я так и жду оплату своих гонораров. Если бы он строго придерживался буквы договора, я бы получил за 502 страницы ровно 120 000, что означало бы, если я правильно посчитал, 220 франков за страницу, в то время как наихудшие из «членов профсоюза» берут от 350 до 400 франков. Именно так я позволил себе заметить Лазареву, но пока впустую.

³¹ «В 1933 году братья Витман [Жак и Рене. — Н.Г.] создали внутри издательского дома “Плон” “Издательство Истории и искусства”, в котором они публиковали несколько серий» [33].

Третий вопрос касается господина Эрве Миля? Кстати, предполагаю, что за неимением времени, Вы не прочитали пьесу Коттафави. Ладно. Я заберу ее по возвращении. Однако небольшая записочка, чтобы представить меня этому господину, сослужила бы, вероятно, какую-то службу. Не могли бы Вы отправить мне ее через секретаршу, пусть бы в виде простой визитки?

С моими лучшими воспоминаниями и почтением к Мадемуазель Вашей сестре и Мадемуазель Шор.

Ж. Шюzeвиль

Добавлю не в качестве напоминания, а просто для сведения, что это мое третье письмо к Вам.

* * *

Остановлюсь на издательских планах Шюзевиля, упомянутых в письме от 7 декабря 1954 г. Один из них воплотился. «Антология итальянской поэзии» вышла в издательстве «Плон» в 1959 г. Предисловия в 150 страниц в ней нет, но каждой из 17 глав предпослано введение от двух до десяти страниц, есть комментарии и краткие справки по отдельным авторам. Некоторые переводы сделаны самим Шюзевилем. Любопытна сама структура книги и отбор поэтов, от Франциска Ассизского до футуристов. В «Приложении», по сути, это 18-я глава, собраны послевоенные авторы. В предисловии к приложению за датами 1957–1959 гг. Шюzeвиль пишет, что его эссе, готовое в общих чертах в 1939 г., заканчивалось знаком вопроса, на который давала ответ итальянская поэзия 1950-х [9, р. 331].

Две другие публикации — Достоевский и «Пиета» Джузеппе Де Лука — не осуществились. Достоевский в переводе Шюзевиля издавался в 1920 гг. у Боссара [12; 13], а после 1934-го у Галлимара [14; 15; 16], где весьма регулярно переиздавался после смерти переводчика. Я не встречала шюzeвильевских переводов Достоевского издательства «Плон». Во время войны спрос на переводы новинок естественно упал, и Шюzeвиль, оказавшись в Париже, искал заказы на Достоевского. А Плон был давним,

еще с 1880 гг., издателем Достоевского на французском. В 1945 г. в небольшом парижском издательстве вышел в свет «Скверный анекдот»; переводил его Шюзевиль совместно с Ремизовым, а иллюстрировал книгу Юрий Анненков [17].

Теперь о «Пиете» Монсеньора Де Лука. Из переписки Шюзевиля с Жаном Поланом ясно, что Джузеппе Де Лука щедро заплатил за перевод своего «Введения к истории Благодетеля». 8 июня 1953 г. Шюзевиль писал Полану, тогда главному редактору «Нувель Ревю Франсез»: «Она [рукопись. — Н.Г.] — труд одного священника категории и разряда Бремонов (только учение): Монсеньор Де Лука, еще молодой человек, историк, критик — один из лучших итальянских критиков, литературный редактор “Осерваторе Романо”, а также издатель-владелец “Издательства архивов по истории, литературе и искусству”. Громадное творение его жизни началось с публикации первого тома <...> библиотеки <...>, и книга, которую я перевел — из любви к искусству! — как раз представляет собой предисловие к этому великому труду. Точным названием должно быть “Благочестие”, а уточняющий подзаголовок гласить: “Введение в архивы по его истории...” <...> Монсеньор Де Лука почтил меня своей дружбой и благосклонностью. Перевод был оплачен с лихвой, а вопросами о процентах он не интересуется» [19, р. 156–157].

Ни Галлимар, ни Грассе не приняли к публикации рукопись «Введения в историю Благодетеля», и если, как пишет переводчик, Плон им заинтересовался, а Плон действительно специализировался на духовной литературе, то света книга так и не увидела. Только в конце XX в. появился «первый» французский перевод «Введения» Джузеппе Де Лука [11]. К сожалению, переводчиков нет в живых, и мы не можем спросить у них, знали ли они о рукописи Шюзевиля. Судьба рукописи Шюзевиля на сегодня не известна.

Перейду к последнему письму к Димитрию Иванову.

* * *

Сассари 6/10/56

Дорогой господин Иванов,

Прилагаю к настоящему письму записку господину Грюо³² с просьбой перечислить на Ваш счет сумму в сорок пять тысяч франков из 59, которые мне ещё причитаются за 1955–1956 финансовый год. Если их прибавить к предыдущим 50 000, то я верну 95 000 из последних сумм, полученных за «Муссолини» [27]. Я Вам объяснял, возможно слишком быстро и сумбурно, что эти чеки пришли сразу после письма госпоже Лара³³, в котором я просил увеличить заранее оговоренную сумму, поскольку я вынужден был внести множество переделок, поправок, а также перевести обширный критический аппарат, причем не все сноски были потом использованы, а я же сразу предлагал отобрать их самому.

Прошу оказать мне любезность и отправить записку господину Грюо.

Оплата перевода не за горами, это даже дело обозримого будущего, и вообще могла бы быть уже произведена, если бы этот несчастный отпуск поневоле в Сардинии не прервал ход переговоров. В Париже я должен получить ни много ни мало 120 тысяч лир, примерно тридцать в Риме, но сейчас у меня ни гроша на самолет, а я бы так хотел улететь в четверг в Рим, меня ждут на улице Лича. Вроде бы я нашел как выкрутиться, но всё-таки для большей надежности, если Вы не обескуражены произошедшим, не сообразовали ли сразу по получении этого письма *телеграфировать* мне денежный перевод на *пятнадцать тысяч* лир, каковы мне легко будет вернуть Вам в Риме незамедлительно?

Я чрезвычайно много трудился, отредактировал для Грассе «Переписку с друзьями» Гоголя³⁴, приступаю к переводу 30 сти-

³² Гастон Галлимар взял на работу «бывшего ювелира и каторжанина» Поля Грюо (Paul Gruault) в 1928 г., «1 января 1941 года тот получил повышение, став главным бухгалтером всего издательства» [4, р. 29].

³³ По-видимому, Шюзевиля упоминает Элен Лара, сотрудницу Пьера Лазарева.

³⁴ «Переписка с друзьями» [20] — не единственный шюзевилевский перевод из Гоголя.

хотворений Трилуссы³⁵ для господина Сандоза³⁶, в иллюстрированном сборнике их будет 60 или 70, много чего другого в работе. Подумываете ли все ещё о планах «Достоевский»? В этом году мои авторские права переводчика принесли мне 200 000 франков. Никогда продажи не были такими прибыльными, а новый год обещает быть еще лучше благодаря двум фильмам — «Преступление и наказание»³⁷ и «Бесы» (этот последний готовил А. Камю). Но мы все это обговорим. Мой адрес — виа делье Конче 2, Сассари (скоро стану богачом³⁸, но это излишняя подробность).

Еще раз спасибо за все, что Вы сделали. И еще раз примите во внимание мою новую просьбу, только в случае если ответ на нее ничего не будет Вам стоить в данный момент. Ваш Ж. Шюzeвиль.

³⁵ Отдельного сборника Трилуссы (псевдоним Карло Альберто Салюстри) у Шюzeвиля нет, но четыре стихотворения этого поэта вошли в его антологию 1959 г. [9, р. 327–329].

³⁶ Предположу, что это тот самый Морис Сандоз, сын известного промышленника и швейцарский писатель, «автор воспоминаний, путевых рассказов, стихотворений и пьес», «некоторые из его книг иллюстрировались Сальвадором Дали»; Сандоз выбрал Вечный Город своей главной резиденцией [18, р. 655–656]. Если Морис Сандоз действительно вынашивал издательский проект или финансировал его в качестве мецената, то его самоубийство в Лозанне 6 июня 1958 г. не позволило довести дело до конца.

³⁷ Экранизации литературных произведений обычно увеличивают продажи книг-первоисточников. В 1935 г., когда Шюzeвиль перевел «Преступление и наказание» [14], вышел одноименный фильм Пьера Шеналея. В 1956 г. по мотивам «Преступления и наказания» была снята в Лионе картина Жоржа Лампена. Альбер Камю написал по «Бесам» пьесу, премьера спектакля состоялась в Театре Антуана 30 января 1959 г. «Бесы» в переводе Шюzeвиля переиздавались много раз: в 1925, 1937, 1948, 1953 гг. и т. д.

³⁸ Следует ли понимать дословно полуитальянское, полуфранцузское выражение “*presto cossu*”? Если Шюzeвиль говорит буквально о будущих доходах, то это, разумеется, самоирония. Автор письма может также иметь в виду духовное богатство: разговоры о литературе, интересные встречи.

Сассари 7/10/56
новый адрес (он же старый)
Via Licia 22, Rome

Дорогой господин Грюо,

Благодарю за Ваше письмо и за выписку из счетов, которую я только что получил.

Буду премного обязан, если Вы соблаговолите перечислить на мой счет (sic) сумму в сорок пять тысяч франков на текущий счет господина Нёвселя, а остаток суммы госпоже Эльян Вьель 11 рю де Лиль, Париж.

Прошу Вас принять уверения в моей благодарности и в самых почтительных чувствах.

Жан Шюzeвиль

Итак, через два года после смерти Вячеслава Иванова Жан Шюzeвиль обсуждает с его сыном свои отношения с издателями и переводческие проекты; у них есть общие знакомые в Италии и в Париже; как видно, сложившиеся отношения позволяли переводчику просить у Димитрия Иванова денег взаймы, да вдобавок спешно и телеграфом. Как часто встречались в Риме Жан Шюzeвиль и Жан Нёвсель-Иванов? Эти встречи могли быть и случайными, например, оба они в списке приглашенных на вечер — 22 октября 1954 г. — по случаю открытия французского книжного магазина (Li.Fra) на площади Св. Людовика Французского³⁹. В совокупности по письмам создается впечатление, что Шюzeвиль относился к Димитрию Вячеславовичу с глубоким почтением и искал его покровительства в издательских кругах.

³⁹ Centre des archives diplomatiques à Nantes, fonds “Rome Saint-Siège”, centre culturel Saint-Louis de France, carton 577 PO/1 (77).

Жан Шюзевиль
Первый Дионисиец русской поэзии

Вот уже столетие как, благодаря повсеместному проникновению духа романтизма, мы преодолели границы, мешающие переходам от души к душе, от культуры к культуре. Подобного не было в XVII в., когда для какого-нибудь соотечественника Буало вразумительное не только не выходило за естественные рамки языка, но даже едва ли простиралось далее Иль-де-Франс. Родовые исконные влияния проявляются сегодня в индивидууме в гораздо меньшей мере, чем влияния культурные. Вспоминаю, как в Париже Гумилев в шутку сформулировал концепцию экзотизма, в которой переплелись элементы новой науки — *геософии*.

Среди произведений современных поэтов творения Иванова — самые русские и одновременно самые экзотические. Вызванные их появлением споры в большинстве своем относятся к филологии. Подобно «Страстному страннику» [Мореаса. — *Н.Г.*], «Кормчие звезды» вернули в русский язык уйму архаичных выражений и слов, устаревших уже во времена первых романтиков. В Иванове ученый был сначала неотличим от поэта.

В сущности, в русской поэзии впервые возник Дионисиец, который почти всегда стоял где-то на полподъеме к лиризму и к реализму. У Иванова есть одно двустилишие, в котором он сравнивает самого себя со звездой в туманной дымке. — Эти туманы не оскорбляют чистоты звезды, как не отрекается ни от чего и мысль В. Иванова, облачаясь в тонкие покровы языка. В кругах тех, кто занят судьбами поэзии, прием, оказанный В. Иванову, похож на встречу долгожданного и желанного гостя. Как Геродот или Аполлоний, он окончательно возвращается на родину к 35 годам с богатыми трофеями, завоеванными в сокровищницах мудрости разных народов. Возвращается он в момент крупного политического кризиса, и в час, когда в них большего всего нуждаются, произносит от имени богов высшего порядка слова, достойные заклинания хаоса.

В «Чародее» смирение прекраснее, чем в других. Он обдумывает свои творения медленно и отдает их на суд публики нерешительно и осторожно. После молчания, прерываемого лишь редкими художественными или метафизическими размышлениями, В. Иванов только что возобновил работу над рядом своих стихотворений из «*Cor Ardens*» — а этот том, как мне сказали, был готов к печати более пяти лет назад! Вячеслав Иванов попытался возродить все мифы и все формы человечества, интерпретируя их согласно своей личной концепции христианского мифа. Я говорю *мифа*, так как, по моему мнению, именно к такому христианству он примыкает. В его масштабном творчестве русский язык, способный фиксировать малейшие выразительные оттенки, становится, кажется, еще более гибким. Поэт ввел в русский язык почти все известные в современной и античной литературе метрические особенности.

Благодаря Иванову, мы лучше предугадываем значимость имени поэта. Душа поэта уже не раздробленное зеркало, а собирающий все лучи фокус; она — постоянно возбужденное сознание, стремящееся к синтезу всего.

Словесная мощь Поля Клоделя, а иногда и его сила образов, поставленная на службу некоторым из самых плодovitых идей великих немецких романтиков, Ницше, Рене Гилю, — вот основные, как мне кажется, элементы гения Вячеслава Иванова. К сожалению, примеры, которые я попытался здесь воспроизвести, являются, знаю, малоубедительными, но, если бы я поддавался только такого рода соображениям, это эссе никогда бы не вышло в свет [5, с. 219–222].

Список литературы

Исследования

1. *Обатнина Е.* Вячеслав Иванов в иррационально-эстетической рецепции супругов Ремизовых // *Cultures, Epochs, Ideas, Styles. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday* / ed. by Oleg Bychkov, Henrieke Stahl, Elena Takho-Godi. Berlin: Peter Lang, 2023. P. 303–324.

2. *Baldi S., Baldocci P.* La penna del diplomatico: i libri scritti dai diplomatici italiani dal dopoguerra ad oggi. Milano: F. Angeli, 2006. 239 p.
3. *De Luca G.* La piété. Approche historique / trad. de l'italien par Élisabeth Arnoulx de Pirey et Émile Goichot. Paris: Letouzey et Ané, 1995. 172 p.
4. *Francillon R.* Histoire de la littérature en Suisse romande. Genève: Édition Zoé, 2015. 1726 p.
5. Gallimard: un siècle d'édition, 1911–2011 / éd. par A. Cerisier, P. Fouché, sous la dir. d'Olivier Bessard-Banquy. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2011. 392 p.
6. *Gamalova N.* Lettres inédites de Jean Chuzeville (1885–1974) // Les Cahiers Louis Dumur. Classiques Garnier, 2022. № 9: Vivre au Mercure de France / sous la dir. de Jacques Schroll. P. 143–159.
7. *Hayward F. Pie X.* Paris: Éditions du Conquistador, 1951. 222 p.
8. *Heller G.* Un Allemand à Paris 1940–1944 / avec le concours de Jean Grand. Paris: Seuil, 1981. 216 p.
9. Il Destino della scena: la drammaturgia italiana e il Premio Riccione / ed. by S. Colomba. Bologna: Grafis, 1990. 247 p.
10. *Labayle É., Bonnaud M.* Répertoire des corps de troupe de l'armée française pendant la Grande Guerre. Château-Thierry: Imprimerie de la Société historique de Château-Thierry, 2004. T. 1: L'infanterie d'active. Régiment № 1 à 176. 463 p.
11. *Levesque R.* Le journal inédit. Cahiers XIV et XV (31 mars 21 — août 1935) // Bulletin des amis d'André Gide. Centre d'études gidiennes de l'université Lyon 2, 1985. Vol. XIII, № 65. P. 67–119.
12. *Lombardi L.* Conversazioni con Pettrassi. Roma: NeoClassica, 2021. 180 p.
13. *Mille H.* Cinquante ans de presse parisienne, Ou La nuit du Strand. Paris: Éditions de La Table ronde, 1992. 285 p.
14. *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippisus. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 784 p.
15. *Sorel P.* Les collections de la Librairie Plon (1845–1939): une maison fidèle à ses engagements idéologiques. Presses universitaires de Rennes, 2014. Available at: books.openedition.org/pur/54789?lang=fr (Accessed 15 March 2023).

Источники

16. *Ремизов А.* Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953. 200 с.
17. *Chuzeville J.* Anthologie de la poésie italienne, des origines à nos jours. Paris: Librairie Plon, éditions d'Histoire et d'Art, 1959. 364 p.

18. *Chuzeville J.* Le Voyageur et son âme. Poèmes, 1905–1935. Paris: Mercure de France, 1944. 180 p.
19. *Chuzeville J.* Le Voyageur et son âme. Sentiers vers l'invisible, 1920–1942. Paris: Mercure de France, 1944. 152 p.
20. *Chuzeville J.* Préface // Sologoub F. Le démon mesquin / trad. du russe par H. Pernot et L. Stahl. 4e éd. Paris: NRF, Gallimard, 1922. P. 7–14.
21. *Chuzeville J.* Anthologie des poètes russes / préface de Valère Brussov. Paris: G. Crès & Cie, 1914. 300 p.
22. *Dostoïevski,* Morceaux choisis / précédés d'une introduction et d'une notice biographique par Jean Chuzeville. Paris: Gallimard, 1937.
23. *Dostoïevski.* Crime et châiment. Paris: Gallimard, 1935. 2 vols.
24. *Dostoïevski.* Elle était douce et humble. Conte fantastique / trad. par Jean Chuzeville; illustré par A. de Fautereau. Paris: Bossard, 1927.
25. *Dostoïevsky Th.* Scandaleuse histoire / traduction originale d'Alexis Remisoff et Jean Chuzeville. Paris: Éditions Des quatre vents, 1945.
26. *Dostoïevsky.* Journal d'un écrivain / seule traduction conforme au texte russe par Jean Chuzeville. Paris: Bossard, 1927. 2 vols.
27. *Dostoïevsky.* Journal d'un écrivain / trad. de Jean Chuzeville. Paris: Gallimard, 1951. 2 vols.
28. *Gogol N.* Lettres spirituelles et familières / trad. du russe par Jean Chuzeville. Paris: Grasset, 1957. 259 p.
29. *Monelli P.* Mussolini, petit bourgeois / trad. de l'italien. Collection "L'air du temps". Paris: Gallimard, 1951. 306 p.
30. *Petrassi G.* Il Cordovano. Opera in un atto (una scena) dall'entremese di Cervantes (1958) / trad. di Eugenio Montale. Milano: Edizioni Suvini Zerboni, s. d. 318 p.
31. *Petrassi G.* Noche oscura, cantata per coro misto e orchestra (San Juan de la Cruz) / riduzione per canto e pianoforte di Wolfango delle Vecchia. Milano: Edizioni Suvini Zerboni, 1951. 58 p.
32. *Petrassi G.* Propos d'Alain. Per baritono e dodici esecutori. Milano: Suvini Zerboni, 1962. 114 p.
33. *Pouchkine.* Contes et poésies lyriques / trad. de Jean Chuzeville. Paris: Egloff, 1947. 111 p.

References

1. Obatnina, E. "Viacheslav Ivanov v irratsional'no-esteticheskoi retseptsii suprugov Remizovykh" ["Remizovs' Irrational and Aesthetic Reception of Vyacheslav Ivanov"]. Bychkov, Oleg, Stahl, Henrieke, and Elena Takho-

- Godi, editors. *Cultures, Epochs, Ideas, Styles. A Festschrift for Aza Takhogodi's 100th Birthday*. Berlin, Peter Lang, 2023, pp. 303–324. (In Russ.)
2. Baldi, S., Baldocchi, P. *La penna del diplomatico: i libri scritti dai diplomatici italiani dal dopoguerra ad oggi*. Milano, F. Angeli, 2006. 239 p. (In Italian)
 3. Cerisier, A., and P. Fouché, editors. *Gallimard: un siècle d'édition, 1911–2011*, sous la dir. d'Olivier Bessard-Banquy. Paris, Bibliothèque nationale de France, 2011. 392 p. (In French)
 4. Colomba, S., editor. *Il Destino della scena: la drammaturgia italiana e il Premio Riccione*. Bologna, Grafis, 1990. 247 p. (In Italian)
 5. De Luca, G., *La piété. Approche historique*, trad. de l'italien par Élisabeth Arnoulx de Pirey et Émile Goichot. Paris, Letouzey et Ané, 1995. 172 p. (In French)
 6. Francillon, R. *Histoire de la littérature en Suisse romande*. Genève, Édition Zoé, 2015. 1726 p. (In French)
 7. Gamalova, N. "Lettres inédites de Jean Chuzeville (1885–1974)". *Les Cahiers Louis Dumur*, no. 9: Vivre au Mercure de France, sous la dir. de Jacques Schroll. Classiques Garnier, 2022, pp. 143–159. (In French)
 8. Hayward, F. *Pie X*. Paris, Éditions du Conquistador, 1951. 222 p. (In French)
 9. Heller, G. *Un Allemand à Paris 1940–1944*, avec le concours de Jean Grand. Paris, Seuil, 1981. 216 p. (In French)
 10. Labayle, É., Bonnaud, M. *Répertoire des corps de troupe de l'armée française pendant la Grande Guerre*, t. 1: L'infanterie d'active. Régiment no. 1 à 176. Château-Thierry, Imprimerie de la Société historique de Château-Thierry, 2004. 463 p. (In French)
 11. Levesque, R. "Le journal inédit. Cahiers XIV et XV (31 mars 21 — août 1935)". *Bulletin des amis d'André Gide*, vol. XIII, no. 65. Centre d'études gidiennes de l'université Lyon 2, 1985, pp. 67–119. (In French)
 12. Lombardi, L. *Conversazioni con Petrassi*. Milano, Suvini-Zerboni, 1980. 180 p. (In Italian)
 13. Mille, H. *Cinquante ans de presse parisienne, Ou La nuit du Strand*. Paris, Éditions de La Table ronde, 1992. 285 p. (In French)
 14. Pachmuss, T. *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München, Wilhelm Fink Verlag, 1972. 784 p. (In English)
 15. Sorel, P. *Les collections de la Librairie Plon (1845–1939): une maison fidèle à ses engagements idéologiques*. Presses universitaires de Rennes, 2014. Available at: books.openedition.org/pur/54789?lang=fr (Accessed 15 March 2023). (In French)

III. MAEUTICA

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-393-409>

<https://elibrary.ru/XGYIPY>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. В. Рудич

САКРАЛЬНОСТЬ ЖЕРТВЫ: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И РЕНЕ ЖИРАР

Аннотация: Труды Вячеслава Иванова о религии Диониса, будучи безусловным научным вкладом в классическую филологию, в то же время выходят за пределы этой академической дисциплины в силу парадигматического характера его идей, укорененных в основополагающих проблемах религиозной психологии и религиозно-исторического бытия. Тем самым, интересы Вяч. Иванова соприкасаются с развитием современной культурной антропологии, представленной, в том числе, исследованиями Рене Жирара (1923–2015), получившими мировую известность. Целью настоящей работы является сопоставление взглядов русского и французского ученых по нескольким параметрам, таким как происхождение и смысл сакральной жертвы; взаимосвязь созидательных и разрушительных аспектов дионисийства; репрезентация ими жертвенного контекста в Дионисовом мифе и Страстях Христовых; равно как и актуальность их анализа для кризисных и конфликтных обстоятельств наших дней.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Рене Жирар, дионисийская религия, экстаз, кризис, сакральность, жертвенный ритуал.

Информация об авторе: Василий Рудич — доктор философии, в 1984–1995 гг. профессор античной истории и классической литературы в Йельском Университете, Йорк-стрит 100, апартаменты 11М, Нью-Хейвен, Коннектикут 06511, США. E-mail: vasily.rudich@gmail.com

Для цитирования: Рудич В. Сакральность жертвы: Вячеслав Иванов и Рене Жирар // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 393–409.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-393-409>

THE SACRALITY OF SACRIFICE: VYACHESLAV IVANOV AND RENÉ GIRARD

Abstract: Vyacheslav Ivanov's studies of the Dionysian religion make unquestionable scholarly contribution to Classical Philology. At the same time, they transcend that academic discipline in virtue of the paradigmatic principle implicit in his ideas, being rooted in fundamental problems of religious psychology and forms of historical religiosity. In this respect, his concerns touch upon the developments of modern cultural anthropology, as reflected, among others, in the work of René Girard (1923–2015), which achieved the world-wide recognition. This essay aims at juxtaposition of the views argued by two — Russian and French — scholars on a number of issues, such as the origin and meaning of sacrifice; correlation of creative and destructive aspects within Dionysiasm; their representations of sacrificial context in the Dionysian myth and the Passions of Christ; as well as the relevance of their analysis for our current vicissitudes threatened by crisis and conflicts.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, René Girard, Dionysian religion, ecstasy, crisis, sacrality, sacrificial ritual.

Information about the author: Vasily Rudich, PhD, in 1984–1995 Professor of Ancient History and Classics at Yale University, 100 York St. Apt. 11M, New Haven, Ct. 06511, USA.

E-mail: vasily.rudich@gmail.com

For citation: Rudich, V. "The Sacrality of Sacrifice: Vyacheslav Ivanov and René Girard." *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 393–409. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-393-409>

Теперь, после того как труды Вячеслава Иванова о религии Диониса наконец опубликованы в немецком переводе, можно надеяться, что интерес к его научным и культурфилософским идеям возрастет не только среди славистов, которые имели возможность ознакомиться с этими его исследованиями в оригинале, но и среди профессиональных классических филологов и историков религии. Это уже происходит, однако на данный момент имеет место тенденция рассматривать его дионисийские изыскания как нарушающие принципы классической филологии,

лишенные новизны, и в конечном счете, не имеющие научного интереса квазипсихологические и квазифилософские фантазии на модные темы, обусловленные влиянием Фридриха Ницше. В обоснование такой позиции заявляется, что автор «Эллинской религии страдающего бога» и «Диониса и Прадионисийства» [4; 3] опирался главным образом на свои интуицию и воображение, и что его аналитические методы недостаточно строги, чтобы претендовать на научность.

Я, разумеется, не могу согласиться с этими утверждениями критиков. Существуют прямые доказательства того, что ряд идей, предложенных Вячеславом Ивановым в этих работах, опередил научные результаты, достигнутые его европейскими коллегами в последующие годы. Достаточно двух примеров: именно он первым выдвинул гипотезу о критском компоненте в происхождении Дионисова культа за несколько лет до Шарля Пикара и за десятилетия до того, когда само имя Дионис было прочитано при дешифровке критского линейного письма В [5, с. 17]. Другой пример — детальная реконструкция сложных взаимоотношений культов Аполлона и Диониса выдающимся филологом и религиоведом Джозефом Фонтенроузом, строгость методов которого не подлежит сомнению, в его классической монографии *“Python: A Study of Ancient Myth and Its Origins”* (1959) [10], поразительным образом, вплоть до частности, сходная с интерпретацией Вячеславом Ивановым того, что он в «Дионисе и Прадионисийстве» назвал «дельфийским братством», при том, что о данной книге, а по всей вероятности, и о существовании ее автора, американский профессор, разумеется, никогда не слышал. К тому же я не знаю каких-либо значительных научных достижений, и не только в гуманитарной сфере, которые не были бы изначально укоренены в интуиции и воображении.

Есть, однако, и другая причина для реального или потенциального отвержения Вячеслава Иванова как классического филолога со стороны академического сообщества, играющая роль и поныне, как и при его жизни, — фактор, на котором надлежит кратко остановиться. По существу, классическая филология, за очень немногими исключениями, по традиции не выражала осо-

бенного интереса к целям и задачам, которые Вячеслав Иванов и его одиночные «со-вопросники» считали приоритетными, поскольку они исходили из мировоззрения, интимно сопряженного с проблематикой общечеловеческого значения. Эти приоритеты требовали того, что можно назвать «парадигматическим мышлением», отличающимся от тривиальных обобщений сознательным стремлением к обнаружению и обретению глубочайших и существеннейших первооснов человеческого опыта. А это совсем не то, что классическая филология, в традиционном своем обличье, пыталась осуществить. Как набор методов и пропозиций, сама по себе она не может считаться формой «мировоззрения», хотя представители ее естественно обладают индивидуальными взглядами на жизнь. Равным образом, как дисциплина, она до недавнего времени имела мало общего с «предельными вопросами» земного бытия. Итак, становится очевидным, что в рамках присущих ей установок и практик, область, академически известная как «классические штудии» (classical studies), не в состоянии признать легитимность и обоснованность «парадигматической аргументации», телеологически, хоть возможно и не всегда сознательно, стремящейся к тому или иному виду синтеза, а не просто анализу эмпирических данных. Стандартный же подход можно было бы, несколько юмористически, назвать «антидигматическим» отказом выйти за пределы конкретного.

Сказанное, разумеется, не означает умаления немалых заслуг традиционной филологической науки в той сфере, которую она для себя определила, тем более в наши дни, когда она подвергается атакам со стороны постмодернистской критики, по своим предпосылкам противоположной мировоззренческим установкам Вячеслава Иванова и иже с ним, провозглашая принципиальную относительность — а в пределе, бессмысленность — любого гуманитарного знания и соответствующего дискурса. В этой ситуации, как мне представляется, имеет смысл, наряду с аргументацией о важности работ Вячеслава Иванова для собственно классической филологии и антиковедения попытаться определить их значение в контексте, хоть и сопряженной, но более обширной дисциплины, склонной как раз к парадигматическим

умозаключениям, иногда даже злоупотребляя таковыми, а ныне равным образом оказавшейся под угрозой, исходящей от пост-модернизма. Я имею в виду культурную антропологию. На протяжении второй половины прошлого столетия в этой области выработался комплекс идей и методологических позиций, в разных аспектах соотносимых с задачами, выдвинутыми Вячеславом Ивановым и предложенными им путями их решений. Было бы интересно сопоставить его взгляды на природу экстаза с исследованием Мирчи Элиаде о шаманизме [9]; или сравнить его представления о жертвоприношении и мистериальных религиях с трудами Вальтера Буркерта, одного из немногих классицистов, вышедших за пределы академических представлений о психологии древних религий [6; 7].

Всеми этими соображениями я надеюсь оправдать мою сегодняшнюю попытку высказаться о роли сакральной жертвы и жертвенного ритуала, как они понимались в различных, но в обоих случаях «парадигматических» перспективах, Вячеславом Ивановым и Рене Жиаром, французским культурологом, обретшим мировое признание и скончавшимся совсем недавно — в 2015 г. Разумеется, замечания мои носят самый предварительный характер. Работы каждого из них содержат свод аргументов, возрастающе сложных, исполненных нюансов и прозрений, которые невозможно по достоинству обсудить и даже просто изложить в кратком сообщении. Так что, в сказанном далее мне придется по необходимости прибегать к упрощениям, приблизительным или отчасти произвольным, в надежде на появление более глубоких изысканий на этот счет в недалеком будущем¹.

В силу исторической случайности или судьбы Вячеслав Иванов и Рене Жиар не были предназначены для встречи — личной или, как это часто бывает, полемичной. В этом мире они сосуществовали лишь на протяжении короткого срока в двадцать шесть лет. В 1949-м — году кончины Вячеслава Иванова в Риме — мо-

¹ Единственный известный мне случай упоминания Рене Жиара в контексте изучения ивановских дионисийских штудий — в исследовании Марии Цимборска-Лебода [8, с. 222, 237].

лодой Рене Жирар заканчивал свою докторскую диссертацию в Университете штата Индиана на тему «Мнения американцев о Франции в 1940–1943 годах». Должна была пройти еще почти четверть века до публикации им монографии «Насилие и Священное» (*“La Violence et le sacré”*, 1972 [11]), создавшей ему мировое имя. Хотя и неизмеримо более известный, чем Вячеслав Иванов, в евро-американских интеллектуальных кругах, Рене Жирар не был любим или даже особенно популярен в кулуарах академических, в известной мере благодаря его «парадигматическому» стилю мышления — несмотря на почести и звания, которыми его как из рога изобилия награждали, от кавалера Почетного Легиона до избрания во Французскую Академию. В некотором смысле Рене Жирар был и остается культовой фигурой, почитаемой сплоченной группой учеников и последователей, — каким являлся, опять же до некоторой степени, и Вячеслав Иванов на Олимпе Серебряного века. Он приобрел немалую известность громогласными нападками на университетских гуманитариев, включая классических филологов. Как сам он говорит в «Козле отпущения»: «Филологи-позитивисты вызывают у меня смех» [1, с. 202]. Вячеслав Иванов на это понимающе бы улыбнулся. Презрение к академическим традициям, у Вячеслава Иванова скрытое, у Рене Жирара откровенное — первая точка соприкосновения их образа мыслей: независимость от устоявшихся или корпоративных мнений. Оба они — яростные критики того, что в европейских языках называется «модерностью» (понятие нетождественное «модернизму»), т. е. направления, принятого европейским развитием в результате научной революции XVII–XVIII вв. Для Вячеслава Иванова это означало коллапс органической культуры. Можно только вообразить, как он отреагировал бы на такое явление как постмодерн: скорее всего, в ужасе закрыл бы лицо руками. Для Рене Жирара постмодернизм есть «скандал», отнюдь не в древнегреческом смысле слова, но вполне современном и самом оскорбительном. В то же время, в отличие от так называемых традиционалистов, вроде ныне столь популярного в России Рене Генона, ни тот ни другой не проявляли ни самонаималейшего желания возврата в Средние века или еще более да-

лекое прошлое: оба они ориентировались, в смешении надежды и опасения, на будущее. Оба критически относились к психоанализу, как фрейдистскому, так и юнгианскому, отказываясь признать, что их собственные идеи могут иметь нечто достаточно общее с последним.

И тот и другой вдохновлялись «двойным влиянием» в своих рассуждениях, исходящим из существенно различных источников, творчески сплавленных в некое единство. В случае Вячеслава Иванова это, конечно же, с одной стороны, гипнотическое философствование Фридриха Ницше, заморозившее в его эпоху умы и воображение тысяч европейских и русских интеллектуалов, а с другой, личное и мировоззренческое воздействие Владимира Соловьева (относившегося к провозвестнику «пересмотра всех ценностей» юмористически как просто «ученому филологу» — “*der gelehrte Philolog*”). Рене Жирар опирался, как представляется, в особенности на теорию «естественного состояния» человечества, сформулированную Томасом Гоббсом (в коем некоторые усматривают, странным образом, «отца либерализма») как «войну всех против всех», и в то же время на антирусоистскую и пессимистическую традицию французского Контрпросвещения, воплощенную для него в Жозефе де Местре, которого он неоднократно цитирует, а из последующих авторитетов — на понимание сакрального Рудольфом Отто и Мирчей Элиаде. Необходимо добавить, что будучи справедливо убежденными в изъянах академического позитивизма, оба они проявили неспособность к осознанию недостаточной адекватности также и собственных их аргументаций, обусловленной, главным образом, их стремлением к универсальности и парадигмам, феноменологически объясняющих не только происхождение, но — в мировом масштабе — самую сущность религии как таковой, и их убежденностью в достижимости этой цели. Подобные грандиозные конструкторы, к сожалению, в конечном счете, не работают (кроме случаев, когда они воспринимаются как догма и становятся, по словам одного классика, «материальной силой»): от Платона до Фомы Аквинского и до Гегеля, от Маркса до Фрейда и до Мишеля Фуко. Так же и в нашем случае: достаточно внимательно про-

смотреть компендиум Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (“The Variety of Religious Experience”, 1902 [13]), чтобы усомниться в одном из главных постулатов Вячеслава Иванова, что «именно из экстатических состояний души проистекла религия» и что экстаз есть «по-видимому, первый момент религиозной жизни человечества вообще, — альфа и омега религиозных состояний» [4, с. 198]. Экстаз (т. е., единение индивидуального «я» с трансцендентным, как это понимал Вячеслав Иванов) очевидно не совместим, к примеру, с переживанием «сакрального», которое, напротив, воздвигает барьер между тем и другим, и кто знает, что здесь является причиной, а что следствием? Равным образом и уверенность Рене Жирара в том, что его «жертвенный кризис» и «ритуал козлоотпущения» объясняют природу и основу *всех* религий и культур, нельзя целиком принять на веру: представляется, например, чрезвычайно трудным обнаружить следы чего-либо подобного в изначальном буддизме.

Относительно Вячеслава Иванова нам известно, что его взгляды на экстаз в значительной степени восходят к личному психологическому переживанию, вызванному встречей, породившей сильнейшую взаимную страсть, по их убеждению, превзошедшую пределы эротического («мы — две руки единого креста»), с Лидией Зиновьевой-Аннибал, ставшей спутницей его дальнейшей жизни — «Диотимой» и «менадой» из «Кормчих звезд». Этот факт должен был существенно повлиять на всю его концепцию «дионисийства», сопряженную с его анализом метафизики и динамики индивидуальной души, знаменитому постулату об EI (эпсилон — йота) — Ты Еси. Я недостаточно знаком с биографией Рене Жирара, чтобы предположить какой-либо личный опыт, имевший отношение к идее «жертвенного кризиса», но не могу исключить, что нечто подобное могло повлиять на его другую, получившую широкую известность теорию — «миметического желания».

Отчасти персональный опыт может нести ответственность за одно фундаментальное различие в их подходах. Несмотря на то, что оба признают отождествление бога, жертвы и жреца (более проявленное у Вячеслава Иванова, чем у Рене Жирара) и ста-

вят жертвоприношение в центр своих воззрений, методологически они исходят из противоположных предпосылок. Для Вячеслава Иванова, оргазм, включающий как экстаз, так и жертвенность, составляет самую сущность дионисийского феномена, и даже религии как таковой: «Ее [религии] эмоциональная сфера есть нечто несводимое на какую-либо другую категорию душевных состояний: впервые утверждается она в культовом оргазме» [4, с. 200]. Но в оргиастическом опыте, по Вячеславу Иванову, важнейшую роль играет как раз единение с богом каждого индивидуального участника, несмотря на коллективный характер самого, как бы мы сейчас выразились, «перформанса». В этом угадывается «хоровой принцип», первооснова ивановской концепции «соборности», в коей единичный «голос» достигает полной гармонии с общим, но не исчезая в ней, а сохраняя собственную идентичность. Полагаю, что устремленность к полному исчезновению души в нирване определило негативное отношение Вячеслава Иванова к буддизму: христианство же, являясь, в первую очередь, религией личного спасения.

Для Рене Жирара жертвоприношение имеет мало отношения или вовсе никакого к психологии индивида: это коллективный механизм, возникающий в обществе с целью самосохранения, способ преодолеть насилие и предотвратить всеобщее уничтожение. Соответственно, через «ритуал козла отпущения» разрешая «жертвенный кризис», именно принесение жертвы порождает как религию, так и культуру. Согласно каждому из них, жертвенная обрядность не являет изначальную стадию: для Вячеслава Иванова безымянный экстаз «почитания горных тронов» предшествует обряду, который предшествует мифу. У Рене Жирара жертвоприношение следует за насилием, а затем формируется миф, цель которого — замаскировать собственное насильственное происхождение. Однако оба они усматривают в насилии медиативную роль: по Вячеславу Иванову — образующая связь человеческого с божественным; по Рене Жирару, далекому от подобных идей, — посредствуя между беспределом и порядком, как сказали бы греки, хаосом и космосом. В терминах морали и тот и другой признают амбивалентную природу сакраль-

ной жертвы. Рене Жирар выделяет два противоположных аспекта: «то как “весьма святое дело”, уклониться от которого было бы серьезным прегрешением, то, наоборот, как своего рода преступление, совершить которое — значит подвергнуться столь же серьезной угрозе» [2, с. 7]. Вячеслав Иванов, в свою очередь, неоднократно осуждает жуткие эксцессы, включая людоедство и детоубийство, в составе дионисийского мифа, по его мнению, заимствованные «из ужасной действительности кровавых экстазов древнейшей, забытой Греции» [4, с. 91]. Оба ученых, тем не менее, проявляют тенденцию к преуменьшению значимости деструктивного компонента в жертвоприношении. Первый считает таковой «меньшим злом» по сравнению с благотельной ролью сакральной жертвы в возрождении общества, потрясенного взрывом насилия (лишь десятилетие спустя Рене Жирар достиг в «Козле отпущения» известной гармонизации религиозного и морального, о чем я выскажусь позже). Второй же имплицитно оправдывает признаваемые им шокирующие черты дионисийства, такие как σπαραγμός и φόφαυία, подчеркивая их катартический компонент — «праведное безумствование» (ὁρθὸς μανῆναι [4, с. 73]), и более существенно, в силу его основополагающего взгляда на Диониса как стадию и аспект божественного Откровения и, в этом смысле, пре-фигурацию Христа; при том Вячеслав Иванов вообще склонялся к различению религии и этики: «Мораль не принадлежит к существу религии; ибо греки были в высокой степени религиозны» [4, с. 200].

Разумеется, оба мыслителя подробно обсуждают и многие прочие компоненты жертвенного ритуала, его последствия и смысл, причем иногда их отдельные прозрения кажутся мне даже более увлекательными, чем центральный тезис. Но здесь я хотел бы лишь коснуться воззрения на проблему особенно близкую Вячеславу Иванову: Дионис и Христос. Как известно, несмотря на его осознание в Дионисе деструктивного потенциала, Вячеслав Иванов весьма недвусмысленно отстаивал очистительное значение его культа, его экстастики и его оргиазма. Прочитав, сократив их, из заключительных пассажей «Эллинской религии страдающего бога», выполненных в неподражаемом ивановском

стиле. В его представлении дионисийство благотельно в духовной перспективе в силу своей экстагически-катаргической составляющей, обладая способностью действенно «проявиться и по претворении своем в высшие формы религиозного откровения» — или «как интегральная часть христианства, как неотъемлемый элемент его, ему неизменно, хотя и сокровенно, присущий, или <...> независимо от нашего христианского самоопределения, как автономное начало религиозной психологии, не только ценное само по себе, но и призванное раскрыть нам глаза на нечто явное в мировой тайне» [4, с. 190], — и более того: «Дионисийский восторг — единственная сила, разрешающая пессимистическое отчаяние, эту законную первую реакцию воззревшего духа на скорбь и муку живущего, на несомненную действительность крушения высоких надежд и торжества злых сил, на вечный ужас всепоглощающей смерти. Дионис учит дышать расширенно, полною грудью, дышать целым — с ним и в нем: — тогда еще можно дышать» [4, с. 202]. Сказано это столь серьезно и проникновенно, что становятся более понятными известные его попытки, к счастью, кратковременные, спроецировать и экстраполировать этот оптимистический энтузиазм даже на коллективистское будущее советской России.

Подобного хода мыслей Рене Жирар разделять не мог, и тем более не одобрил бы ивановского воспевания Дионисова культа. Причина очевидна: в отличие от Вячеслава Иванова, он стал уже в молодости полноценным свидетелем масштаба смертоносного «дионисийского безумствования» под властью тоталитарных режимов в Германии и России. Для него Дионис — в первую очередь Разрушитель. Вот характерный пассаж из анализа Рене Жираром «Вакханок» Еврипида: «У этого бога нет сущности, помимо насилия. Все его атрибуты непосредственно с насилием связаны. Если Дионис связан с пророческим вдохновением <...> то причина этой связи в том, что пророческое вдохновение отсылает к жертвенному кризису. Если он является божеством винограда и вина, то в основе, несомненно, лежит смягчение изначального смысла, по которому он был богом более страшного опьянения, человекоубийственного бешенства» [2, с. 177]. Со-

поставление имеющихся данных, пишет он далее, не оставляет никакого сомнения: «Дионис — это бог успешного самосуда» [2, с. 178]. В той мере, в какой это имеет отношение к Рене Жирару, единственное практическое значение дионисовых «страстей» (слово, которое бы здесь употребил Вячеслав Иванов) заключается в разрешении «жертвенного кризиса» в качестве «козла отпущения», но даже в этом отношении Дионис затемняет «гонительский» (*persécutant*) характер самого этого ритуала: «Одобрив последнюю жертву, единственную, которую он действительно выбрал, в которой он, может быть, сам воплотился, он молча удаляется, столь же благосклонный при своем уходе, как был ужасен вблизи» [2, с. 179]. В этом ракурсе, как я попытаюсь показать, Дионис Рене Жирара противоположен его же видению Христа, и соответственно, часто встречаемому представлению о взгляде Вячеслава Иванова на него как, в том или ином смысле, предвестника Спасителя.

Здесь необходимо подчеркнуть, что нередкие атаки по этому поводу на Вячеслава Иванова с позиций христианской доктрины, по большому счету, бьют мимо цели. По существу, в доктринальном плане, он значительно менее еретичен, чем современные ему богоискатели, такие как Мережковский, Бердяев или Розанов. Для Вячеслава Иванова было бы немыслимым, наподобие Достоевского, даже задаться вопросом, с кем быть: с Истиной или Христом, ибо Христос есть Истина, а Истина — Христос. Религия сомнения, испытанная Кьеркегором или Паулем Тиллихом, была ему решительно чужда, отсюда может проистекать его недоверие к протестантизму. Конечно же, Вячеслав Иванов никогда не заявлял и, очевидно, не предполагал, что Дионис мог быть, хоть в какой-то и малейшей степени, равнозначен Христу: в его глазах, как и в глазах любого христианина, это означало бы кощунство. Однако в контексте его христоцентрической историософии божественное Откровение осуществляется во времени стадияльно, через ветхозаветный иудаизм, греческую мудрость Гераклита и Платона, равно как и через почитание Диониса, особенно в орфическом его обличье. Вячеслав Иванов очень осторожен, акцентируя ключевую для него мысль о том,

что Дионис может быть ассоциирован с Христом единственно в терминах «как», а не «что», т. е., условно-фигуративном, но не субстантивном, смысле — именно по причине его религиозно-жертвенной роли: «По истощении трагедии дионисийская идея ищет себе выражения в эллинистических мистериях, проникнутых одной идеей — страдающего, умирающего и воскресающего бога. Так эллинский мир создает почву для христианства, которое уже в самой колыбели своей, какою была “Талилея языческая”, кажется проникнутым символикой и пафосом дионисийства» [3, с. 395]. Разумеется, можно возразить и против столь тщательно оговоренного сближения Диониса и Христа — начиная с искупительной, вселенски-спасительной цели Распятия и Воскресения, осью которых является добровольный акт самопожертвования Бога-Сына: «Да будет Воля Твоя!», полностью отсутствующий в орфическом мифе о младенце Дионисе-Загрее, растерзанном Титанами, или в каком-либо другом элементе Дионисова культа. В этом отношении интерпретация последнего Рене Жираром как отражающего «жертвенный кризис» выглядит более убедительной.

В книге «Козел отпущения» (“Le Bouc émissaire”, 1982 [12]), на мой взгляд, выдающемся научном достижении, Рене Жирар придает законченность своей концепции жертвоприношения, связывая ее с тем, что он именует «перспективой гонителя», и требованием, чтобы этот ритуал служил также целям самореализации. Жертва Христа уникальна потому, «что она ни разу, ни в одном пункте, не подчиняется гонительской перспективе — ни позитивно, т. е. искренне соглашаясь со своими палачами, ни негативно, т. е. глядя на этих палачей в мстительной перспективе, которая всегда остается лишь перевернутым воспроизведением первой гонительской репрезентации, ее миметическим повторением» [1, с. 205]. Соответственно, выбором самопожертвования Христос разоблачает насильственное и гонительское происхождение обоих ритуалов — жертвенного и «козла отпущения», — лишая их всякого религиозного и морального смысла и демонстрируя, что как жертвоприношение, так и насилие, относятся к царству Сатаны: «Когда Евангелия утверждают, что те-

перь Христос заместил собой все жертвы, мы видим здесь лишь сентиментальность и велеречивое благочестие, тогда как это буквальная истина в эпистемологическом отношении». Это Сатана, а не Бог, разделен сам с собой (ср. Мф. 12: 23). Если мы этого не видим, «значит, мы находимся в сатанинском универсуме и <...> верим, что существует божественное насилие, соперничающее с насилием Сатаны, и, следовательно, остаемся узниками гонительской репрезентации; а если мы ее видим, то, значит, понимаем, что сатанинское царство вот-вот погибнет, потому что истина открыта, и мы уже освобождаемся из плена гонительской репрезентации» [1, с. 304].

Рене Жирар считает, что дешифровка мифологии путем изобретения им метода, а именно, демистификация ритуала «козла отпущения» и загадок примитивных религий, неизбежны и необходимы для того, чтобы «подготовить возвращение в силе евангельского и библейского Откровения». «С того момента, как мы действительно поймем мифы, — пишет он, — мы уже не сможем считать Евангелие одним из мифов, поскольку именно оно дает нам средства их понять» [1, с. 322]. Это сильно сказано, а далее и еще сильнее: требуется лишь один новый шаг, который откроет «критику насильственной религии, как самую суть евангельского Откровения»: «Таким образом, победа Иисуса в принципе достигается сразу же, в момент его Страстей, но для большинства людей она конкретизируется лишь в конце долгой истории, тайно руководимой откровением. Она становится очевидна в тот момент, когда мы констатируем, что благодаря — а не вопреки — Евангелиям мы наконец можем показать тщету всех насильственных богов, разъяснить и обречь на ничтожество всякую мифологию» [1, с. 325–326].

Это упование Рене Жирара можно парадоксальным образом, несмотря на различие и даже противоположность точек отсчета, сопоставить на предмет исторического, своего рода, я бы сказал, эсхатологического оптимизма, крайне редкого в философствовании наших дней, с надеждами Вячеслава Иванова на то, что Дионисийство — «двигатель, оказавший столь великие воздействия в прошлом человечества, должен быть признан живым

и действенным поныне», и сможет «мистагогически споспешествовать делу духовного перевоспитания, в котором, несомненно, нуждается современная душа» [4, с. 190]. К сожалению, чаяния эти никак не оправдались, а условие их возрождения обернется, боюсь, еще более тяжкими катаклизмами.

Со своей стороны, Рене Жирар признает, что евангельская истина о насильственном происхождении любой жертвы не была надлежащим образом осознана исторической церковью, которая в действительности заимствовала ту же самую гонительскую перспективу и систему репрезентации, наблюдаемую, имплицитно или эксплицитно, в языческих мифах. Он надеется, что его разоблачительная критика жертвенных ритуалов в свете Страстного повествования евангелистов решит вопрос, но и сам в этом не уверен. Он предостерегает, что коллективные гонения порождают религиозные иллюзии, и цитирует Евангелие [1, с. 330–331]: «Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16: 2). В наши дни, однако, наблюдая происходящее, трудно согласиться с его верой в то, что ужасные проявления «жертвенных кризисов», равно как и ритуалов «козла отпущения», обречены на угасание и погребение в прошлом.

В силу их конструктивных позиций по отношению к религии, Вячеслав Иванов и Рене Жирар выглядят как «белые вороны», противостоя современным им веяниям и традициям. Можно, пожалуй, представить, что будучи современниками и в сравнимом возрасте, они могли бы вступить в те или иные отношения, стать — несмотря на географию и национальность — «со-вопросниками», по любимому выражению первого из них, известному интеллектуальной дружбой — встречами или перепиской — с Жаком Маритеном, Мартином Бубером и Торнтоном Уайлдером. Тем не менее, нельзя быть уверенным, что несмотря на сходства их подходов и приоритетов, очерченных мной, они сумели бы обнаружить в себе «избирательное сродство» или найти общий язык: скорее всего, сказались бы различия темпераментов биографий. И, однако, нельзя исключить, что это их привело бы к творческой схватке — тому, что по-немецки назы-

вается Auseinandersetzung, с небезынтересными, а быть может, даже неожиданными, результатами.

Список литературы

Исследования

1. *Жи́рар Р.* Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
2. *Жи́рар Р.* Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 400 с.
3. *Иванов В.И.* Дионис и Прадионисийство // Символ. Журнал христианской культуры. 2015. № 65. С. 9–395.
4. *Иванов В.И.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. № 64. С. 7–202.
5. *Кереньи К.* Дионис: прообраз неиссякаемой жизни. М.: Ладомир, 2007. 319 с.
6. *Burkert W.* Antike Mysterien, Funktionen und Gehalt. München: Verlag C.H. Beck, 1987. 153 S.
7. *Burkert W.* Homo Necans: Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. Berlin; New York: De Gruyter, 1972. 356 S.
8. *Cymborska-Leboda M.* Twórczość w kręgu mitu. Myśl estetyczno-filozoficzna i poetyka gatunków dramatycznych symbolistów rosyjskich. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. 302 s.
9. *Eliade M.* Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase. Paris: Payot, 1951. 447 p.
10. *Fontenrose J.E.* Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins. Berkeley: University of California Press, 1959. 616 p.
11. *Girard R.* La Violence et le sacré. Paris: Grasset, 1972. 451 p.
12. *Girard R.* Le Bouc émissaire. Paris: Grasset, 1982. 298 p.
13. *James W.* The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature. London; New York: Routledge, 2002. 534 p.

References

1. Zhirar, R. *Kozel otpushcheniia* [*The Scapegoat*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivan Limbakh Publ., 2010. 336 p. (In Russ.)
2. Zhirar, R. *Nasilie i sviashchennoe* [*Violence and the Sacred*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

3. Ivanov, V.I. "Dionis i Pradionisiistvo" ["Dionysus and Earle Dionisionism"]. *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 65, 2015, pp. 9–395. (In Russ.)
4. Ivanov, V.I. "Ellinskaia religiia stradauiushchego boga" ["Hellenic Religion of Suffering God"]. *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 64, 2014, pp. 7–202. (In Russ.)
5. Keren'i, K. *Dionis: proobraz neissiakaemoi zhizni* [*Dionysus: the Prototype of an Inexhaustible Life*]. Moscow, Ladomir Publ., 2007. 319 p. (In Russ.)
6. Burkert, W. *Antike Mysterien, Funktionen und Gehalt*. München, Verlag C.H. Beck, 1987. 153 S. (In German)
7. Burkert, W. *Homo Necans: Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen*. Berlin, New York, De Gruyter, 1972. 356 S. (In German)
8. Cymborska-Leboda, M. *Twórczość w kręgu mitu. Myśl estetyczno-filozoficzna i poetyka gatunków dramatycznych symbolistów rosyjskich*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. 302 s. (In Polish)
9. Eliade, M. *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris, Payot, 1951. 447 p. (In French)
10. Fontenrose, J.E. *Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins*. Berkeley, University of California Press, 1959. 616 p. (In English)
11. Girard, R. *La Violence et le sacré*. Paris, Grasset, 1972. 451 p. (In French)
12. Girard, R. *Le Bouc émissaire*. Paris, Grasset, 1982. 298 p. (In French)
13. James, W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. London, New York, Routledge, 2002. 534 p. (In English)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-410-471>

<https://elibrary.ru/WYXKG>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NonCommercial 4.0

(CC BY-NC)

© 2024 г. С.В. Федотова

«ЗАГАДКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СФИНКСА»: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И МИХАИЛ БАХТИН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.А. ГОГОТИШВИЛИ

*Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта
Российского научного фонда № 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>.*

Аннотация: В статье рассматривается лингвистическая интерпретация проблемы влияния символизма Вяч. Иванова на диалогическую концепцию Михаила Бахтина, впервые предпринятая Людмилой Гоготишвили. В первой части работы дается общая характеристика основных этапов творчества Гоготишвили, в контексте которого формировалась ее лингвофилософская концепция русского символизма (от Иванова — до Бахтина и Лосева). Предполагается, что замысел этой концепции связан с выявлением лингвистической специфики ивановского символизма и конкретных форм его воздействия на двух постсимволистов-антиподов — «диалогиста» Бахтина и «диалектика» Лосева (настоящая статья посвящена только первому из них). Во второй части раскрывается своеобразие третьего периода лингвофилософии Гоготишвили (конец 1990 — начало 2000 гг.), в рамках которого тема «Иванов — Бахтин» разрабатывалась с двух сторон (лингвистической и философской), в разных жанрах (проблемные статьи и преамбулы/комментарии в собрании сочинений Бахтина) и в два этапа (сначала анализ языковых механизмов мифа у Иванова и диалога у Бахтина, затем — философско-эстетических установок двух мыслителей). В третьей части детально анализируется лингвистическая (предикативная) трактовка символа и мифа, определяющая проблематику и содержание статей Гоготишвили об Иванове; прослеживается логика истолкования формулы мифа как синтетического суждения; показывается, что выводы о языковом механизме мифа, в котором антиномически скрещиваются семантические зоны субъекта и предиката, являются точной лингвистической транскрипцией базовых теоретических положений Иванова о символе и мифе. В четвертой части реконструируется сюжет «Иванов — Бахтин», разрабатываемый Гоготишвили в черновых набросках, в статье, посвященной предикативной интерпретации

двуголосого слова, монологизма и полифонии у Бахтина, а также в комментариях к его раннему философскому трактату «К философии поступка», сохранившемуся фрагментарно. На основе хронологии создания этих текстов гипотетически восстанавливается логика мысли Гоготшвили. В черновых «заготовках» она развивает параллель между предикативной концепцией символа и мифа у Иванова и предикативной интерпретацией двуголосого слова и диалога у Бахтина. В статье на первый план выходит лингвистическая интерпретация основных бахтинских концептов, без сопоставления с ивановским символизмом. В преамбуле и комментариях в собрании сочинений разворачивается доказательство фундаментального родства философско-эстетических идей Иванова и «нравственной философии» Бахтина; лингвистическая проблематика уходит в подтекст, тем не менее именно она определяет метод Гоготшвили: в основе реконструкции целостного бахтинского замысла лежит принцип антиномизма, доказанный в первой статье об Иванове. В Приложении публикуются фрагменты черновых записей, где наиболее полно представлена взаимосвязь лингвистических загадок символизма Иванова и диалогизма Бахтина, решенных Гоготшвили через предикативную интерпретацию ивановской формулы мифа и бахтинского двуголосого слова.

Ключевые слова: А. Гоготшвили, Вяч. Иванов, М. Бахтин, русский символизм, философия языка, миф, диалогизм, референт, предикат, лингвистическая интерпретация, рецепция, архивные материалы.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. «Загадки лингвистического Сфинкса»: Вячеслав Иванов и Михаил Бахтин в интерпретации Л.А. Гоготшвили // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 410–471.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-410-471>

© 2024. *Svetlana V. Fedotova*

**“MYSTERIES OF THE LINGUISTIC SPHINX”:
VYACHESLAV IVANOV AND MIKHAIL BAKHTIN
IN THE INTERPRETATION OF LUDMILA A. GOGOTISHVILI**

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project no. 24-18-00248).

Abstract: The article examines the linguistic interpretation of the problem of the influence of Vyach. Ivanov symbolism on the dialogical concept of Mikhail Bakhtin, first undertaken by Lyudmila Gogotishvili. The first part of the work provides a general description of the main stages of Gogotishvili's work, in the context of which her linguo-philosophical concept of Russian symbolism was formed (from Ivanov to Bakhtin and Losev). It is assumed that the intention of this concept is connected with identifying the linguistic specificity of Ivanov's symbolism and the specific forms of its influence on two post-symbolist antipodes — the "dialogueist" Bakhtin and the "dialectician" Losev (this article is devoted only to the first of them). The second part reveals the originality of the third period of Gogotishvili's linguistic philosophy (late 1990 — early 2000), within which the theme "Ivanov — Bakhtin" was developed from two sides (linguistic and philosophical), in different genres (challenging articles and preambles/comments in the publication of collected works by Bakhtin) and in two stages (first, an analysis of the linguistic mechanisms of myth according to Ivanov and dialogue according to Bakhtin, then — of the philosophical and aesthetic attitudes of the two thinkers). The third part analyzes in detail the linguistic (predicative) interpretation of symbol and myth, which determines the problematics and content of Gogotishvili's articles about Ivanov; there is traced the logic of interpretation of the myth formula as a synthetic judgment; it is shown that the conclusions about the linguistic mechanism of myth, in which the semantic zones of the subject and predicate are antinomically crossed, are an accurate linguistic transcription of Ivanov's basic theoretical provisions about symbol and myth. The fourth part reconstructs the "Ivanov-Bakhtin" plot, developed by Gogotishvili in rough drafts, in an article devoted to the predicative interpretation of the two-voiced word, monologism and polyphony according to Bakhtin, as well as in comments to his early philosophical treatise "Toward a Philosophy of the Act", which has survived in fragments. Based on the chronology of the creation of these texts, the logic of Gogotishvili's thought is hypothetically restored. In the rough drafts, she develops a parallel between Ivanov's predicative concept of symbol and myth and Bakhtin's predicative interpretation of the two-voiced word and dialogue. The article brings to the fore the linguistic interpretation of the main Bakhtinian concepts, without comparison with Ivanov symbolism. In the preamble and comments to the collected works, unfolds a proof of the fundamental kinship between Ivanov's philosophical and aesthetic ideas and Bakhtin's moral philosophy; although the linguistic issues disappear into the subtext, nevertheless, it is precisely this that defines Gogotishvili's method: the reconstruction of Bakhtin's holistic plan is based on the principle of antinomianism, proven in the first article about Ivanov. The appendix contains fragments of draft notes, which most fully present the relationship between the linguistic mysteries of Ivanov's symbolism and Bakhtin's dialogism, solved by Gogotishvili through a predicative interpretation of Ivanov's formula of myth and Bakhtin's two-voiced word.

Keywords: L. Gogotishvili, Vyach. Ivanov, M. Bakhtin, Russian Symbolism, Philosophy of Language, Myth, Dialogism, referent, predicate, linguistic interpretation, reception, archival materials.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Mysteries of the Linguistic Sphinx': Vyacheslav Ivanov and Mikhail Bakhtin in Ludmila A. Gogotishvili's Interpretation." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 410–471. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-410-471>

Если в 2001 г. Роберт Бёрд констатировал, что в течение предшествующих пятнадцати лет наблюдался непрерывный поток статей о влиянии Вячеслава Иванова на Михаила Бахтина [24, с. 131], а в 2012 г. Константин Исупов назвал сюжет «Вяч. Иванов — Бахтин» весьма «популярным» [6, с. 97], то за последнее десятилетие ситуация изменилась. Нет больше ни потока публикаций, ни повышенного внимания к этой теме. После бурного периода дружного превознесения Бахтина маятник качнулся в другую сторону. Девятый вал бахтинистики схлынул, унося с собой не только «бахтинский масскульт» и «бахтинистскую "индустрию" в науке» [3, с. 515–516], но и серьезные, а то и прорывные работы в этой области. В иванововедении вопрос о параллелях между поэтом-теоретиком и философом диалога также приобрел устойчивые очертания. Выявлены основные моменты рецепции идей Иванова Бахтиным и его кругом (диалогизм, полифония, принцип «Ты еси» применительно к истолкованию Достоевского и др. [5; 7; 8; 11; 12; 14; 27]). Считается общепризнанным, что оба они принадлежат к традиции русской герменевтики, в рамках которой Бахтин оказался «переводчиком идей Вяч. Иванова на язык следующего поколения»: учение старшего, «сформулированное в традициях эзотерической метафизики», младший перевел «на язык секуляризированной культурологии, сохраняя тем не менее его религиозную основу» [15, с. 25]. Отметим, что эту точку зрения оспаривал Бёрд, который утверждал, что перевод был скорее искажающим, и отказывался рассматривать достоевсковедение Иванова как «не совершенное предвосхищение бахтинской теории». По мнению Бёрда, предложенное Ивановым истолкование художественного мира писателя во всех отношениях превосходило соответствующие реконструкции Бахтина, выглядевшие на этом фоне весь-

ма уязвимыми в методологическом отношении [24, с. 142]. В новейшем издании немецкой книги Иванова «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика» имя Бахтина часто встречается и в комментариях к тексту, и в сопроводительной статье Андрея Шишкина «Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке», где сочувственно цитируются работы С.Г. Бочарова, одного из верных «рыцарей» Бахтина первой волны [23, с. 266, 272–274]. Однако отдельных работ, посвященных нашей теме, в последнее десятилетие не появлялось.

В целом в исследованиях о Вяч. Иванове и Бахтине — как монографических, так и сопоставительных — преобладают философские и литературоведческие подходы. Гораздо в меньшей степени их творчество изучено в лингвистическом аспекте. В этом отношении случай Людмилы Гоготишвили (1954–2018) уникален. Она была первым исследователем, с лингвистической точки зрения обосновавшим влияние символизма Вяч. Иванова на Бахтина, который (наряду с А.Ф. Лосевым) трактуется в ее интерпретациях как постсимволист.

1

Своеобразие творческого пути Гоготишвили можно описать словами А.А. Тахо-Годи: «...есть бахтинисты, изучающие одно временно Лосева» [17, с. 464]. Бахтин — первая любовь Гоготишвили, которую она пронесла через всю жизнь, вопреки всем скандальным «разоблачениям» философа¹. Будучи студенткой, а за-

¹ Речь идет о баталиях по поводу авторства «девятнадцатых» текстов Бахтина («Фрейдизм: критический очерк» (1927), «Марксизм и философия языка» (1929), «Формальный метод в литературоведении» (1928) и др.): две первые вышли «под маской» В.Н. Волошинова, третья — П.Н. Медведева. Особенно жесткие обвинения были выдвинуты в книге Бронкара и Бота «Разоблаченный Бахтин: История одного лжеца, жульничества и коллективного помешательства» [25]. Опровержению инсинуаций в адрес Бахтина посвящен экскурс «Случай Бронкара & Бота (“Полифония — не бахтинская идея”))» в статье Гоготишвили «К ситуации вокруг полифонии» (впервые — 2013, опубликована в посмертной книге «Лестница Иакова: архитектура лингво-

тем аспиранткой филологического факультета МГУ, она защитила дипломную работу «Лингвистические воззрения М.М. Бахтина» (1980), потом кандидатскую диссертацию по общему языкознанию «Опыт построения теории употребления языка (на основе общепилологической концепции М.М. Бахтина)» (1984)². Тогда же она знакомится с А.Ф. Лосевым. По воспоминаниям А.А. Тахо-Годи, «Мила Гоготишвили, тайная почитательница Лосева, прислала без подписи (по скромности) свой автореферат в дом на Арбате, а потом была принята на должность секретаря Алексея Федоровича. Последнюю, итоговую работу по философии языка А.Ф. Лосев диктовал именно ей» [17, с. 421, 415].

«Почитательница» — да, но почему «тайная»? В диссертации Гоготишвили не только открыто цитировала поздние лингвистические работы Лосева, но и смело утверждала, что в рамках предлагаемой ею теории употребления языка (которая, по сути, была первым переводом металингвистических терминов Бахтина на язык современной лингвистики) между взглядами Лосева и Бахтина есть много точек соприкосновения. Спустя много лет она признается в том, что обсуждала с Лосевым вопрос о сходстве его оригинальной идеи о коммуникативном значении грамматических категорий и идеи Бахтина о коммуникативном значении двуголосого слова. Высказанная ею мысль Лосевым «как минимум, не отвергалась» [33, с. 224]. Однако это будет много позднее, в 2012 г. К этому моменту уже улягутся страсти 1980-х, расколовшие интеллектуальную элиту на два враждующих лагеря из-за выпада автора «Эстетики Возрождения» (1978) против автора «Творчества Франсуа Рабле и народной культуры средневековья и Ренессанса» (1965). Раблезианский смех, прослав-

философского пространства», составленной И.Н. Фридманом из работ позднего периода [32, с. 238–246]].

² Сохранился автореферат с инскриптом: «Папочка! Я очень горжусь, что наша с тобой фамилия *завучала* (в прямом смысле). Надеюсь (и на это есть основания), что эхо этого звучания будет долгим. Твоя дочь Мила». В предыстории этой записи — непрощенная обида отца на непокорную дочь, которая пошла против его воли: проучившись три года в Ташкентском университете, бросила его и уехала в Москву, где поступила на первый курс филфака МГУ.

ляемый Бахтиным, Лосев, как известно, назвал «сатанинским». Это потом начнутся поиски не только различного, но и общего между двумя выдающимися философами XX столетия, в равной мере оказавшимися наследниками религиозно-философской традиции «серебряного века». Но до этого сдвига «бахтинисты» и «лосевянцы» были по разные стороны баррикад [18]. На этом дискуссионно-конфронтационном фоне сугубый интерес Гогтишвили к философии языка таких, по общему мнению, радикально противоположных мыслителей выглядел своего рода вызовом. Никакого эпатажа с ее стороны, впрочем, не было. Был замысел, постепенно приобретающий все более отчетливые контуры. Суть его — выявить и описать «избирательное сродство» между «диалектиком» и «диалогистом» на уровне базовых установок их лингвофилософских учений.

Вяч. Иванов как-то сформулировал универсальный закон становления личности: «Поистине, я *semper idem*, хотя, конечно, в силу закона *páŋta rei* и самоутверждения моей жизненности, *káŋw réw*» [45, с. 492]. Людмила Гогтишвили так же всегда оставалась «той же самой» и в то же время изменялась. Главным образом это касается ее методологических подходов к философии языка Лосева и Бахтина (позднее появятся, конечно, и другие имена, но по отношению к двум своим героям-протагонистам она сохранит исключительную верность до конца своих дней). Можно сказать, что Гогтишвили подходила к своему постоянному предмету исследования на разных этапах с разных сторон, не отменяя более ранних выводов, а терминологически модифицируя их с новой точки зрения. В результате такого непрерывного поступательно-вращательного созерцания у Гогтишвили сложилась лингвофилософская концепция русского символизма, всю глубину которой нам еще предстоит осознать.

Поскольку изучение наследия Гогтишвили только начинается, представление об основных вехах ее творчества постоянно уточняется. Если раньше мы выделяли три основных периода [20; 22], то сейчас, пожалуй, можно говорить о пяти, с учетом самого раннего, связанного с кандидатской по теории языкознания, а также детализации позднего. «Перевод» идей Бахтина

о диалогичности слова на язык современной лингвистики, принятый в диссертации на начальном этапе научной карьеры, принципиально важен для понимания дальнейшего пути ее автора. Следующий этап, с конца 1980-х по середину 1990-х, — время выдвижения Гоготишвили в первые ряды исследователей двух самых оригинальных русских мыслителей XX в. Здесь ведущим становится общефилософский и аксиологический подход к философии имени Лосева и философии языка Бахтина. Гоготишвили параллельно участвует в проектах по изданию сочинений обоих философов (в это время выходят только лосевские тома), публикует концептуальные статьи, посвященные и тому и другому. Помимо этого, выступает инициатором, составителем и ответственным соредактором дискуссионных сборников «М.М. Бахтин как философ» (1992) [43] и «Абсолютный миф Алексея Лосева» (1994) [28], получивших широкий резонанс. На третьем этапе, после 1995 и до 2002 гг., разрабатывается лингвистическая (предикативная) трактовка символизма Вяч. Иванова, имяславия Лосева, С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, а также диалогизма Бахтина. Показательно, что новый поворот ознаменован еще одним задуманным и осуществленным Гоготишвили сборником — «Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования» (1999), куда вошла ее первая статья о поэте-символисте. Все три издания имеют знаковый характер, манифестируя основные темы Гоготишвили. На четвертом этапе происходит плавный сдвиг — с языка лингвистического анализа на язык феноменологического описания, отразившийся в структуре единственной прижизненной книги исследовательницы «Непрямое говорение» (2006). Помимо «предикативных» статей об Иванове и Бахтине, magnum opus Гоготишвили включает работу об «эйдетическом языке» Лосева и трактат «К феноменологии непрямого говорения», теоретически обобщающий все «именные» разделы монографии в феноменологическом ракурсе³. Последний этап свя-

³ Постепенное изменение ракурса исследования отражается в первоначальных вариантах названия книги: «Философия языка русских символистов», «Философия языка русского символизма», «Символическая философия языка», «Русский символизм (лингвофилософский аспект)», «Философские про-

зан с «дискурсивным поворотом»: на авансцену выходят и остаются уже до конца дискурсивные стратегии (типы порождения речи) философов-символистов. На этом фоне намечается новый виток — в сторону осмысления символизма через оппозицию «двоичного»/«троичного» символа⁴. Однако в полной мере осуществить этот замысел Гоготишвили не успела. В целом же свой поздний исследовательский метод (после «Непрямого говорения») она сближала, по-видимому, с когнитивистикой, считая, что когнитивное направление больше всего соответствует ее установке на «согласительный синтез» между аналитической лингвистикой и феноменологией сознания.

Схематично очерченный контекст творчества дает представление о динамическом единстве и системности мысли Гоготишвили. Корпус ее работ в высшей степени архитектурен: статьи надстраиваются друг над другом, как этажи, или же ответвляются друг от друга, оставаясь органически взаимосвязанными в пространстве мысли. В фундаменте этого стройного и прочного здания, несомненно, лежит металингвистика Бахтина, но сконструировано оно скорее в стиле Лосева. Оба философа открыто признавали авторитет — и приоритет — Иванова, называли его *учителем*, в силу чего вопрос о специфике ивановского символизма и конкретных формах его воздействия на философию языка двух неформальных *учеников* мэтра относился для Гоготишвили к разряду первостепенных. Основная проблема заключалась для нее, по-видимому, в том, что если Лосев явно продолжал линию символизма, то по отношению к Бахтину эта преемственность по меньшей мере неочевидна. Гоготишвили подошла к этому вопросу не сразу, только после основатель-

екции символизма (Вяч. Иванов. А. Лосев. М. Бахтин)», «Лингвофилософские проекции символизма (Вяч. Иванов. А. Лосев. М. Бахтин)», «Интенциональные и языковые акты сознания», «Символизм и феноменология языка». Подробнее о тесной взаимосвязи четвертого и пятого периодов см. в нашей статье «“Феноменология говорения” Людмилы Гоготишвили: к истории неизданной книги (по материалам личного архива)»: [20].

⁴ См. статью Гоготишвили «Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию построения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства)» (2014): [32, с. 431–450].

ного изучения сочинений поэта⁵. Многомудрый Вячеслав Великолепный долгое время оставался для нее, как и для многих, загадочной фигурой.

2

К разгадке ивановского феномена Гоготишвили приступила на третьем этапе своего творческого пути. Если раньше имя поэта-символиста встречалось редко и только в «лосевских» статьях, а в «бахтинских» не упоминалось вовсе, то теперь Иванов предстает *отцом-основателем* отечественной философии языка, основоположником и вдохновителем традиции, в рамках которой сосуществовали различные версии лингвофилософии — как близкие по времени (Булгаков, Флоренский), так и более поздние (Лосев, Бахтин). В рамках лингвистического подхода конструируется символистская парадигма, раскрывающая генетическое родство между теорией символа и мифа у Вяч. Иванова, философией имени Лосева и диалогизмом Бахтина. Эту парадигму можно назвать *русским символизмом по Гоготишвили*.

Воплощение этого замысла последовательно разворачивается в цикле работ, тесно связанных между собой лингвистической (предикативной) концепцией символа, мифа и диалога: «Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский)» (1997) [34], «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)» (1999), «Лосевская концепция предикативности» (1999) [35], «Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией» (2004), «Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова» (2004) и наконец «Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)» (2004). Даты публикации, однако, не вполне отражают реальную хронологию и логику развития мысли автора. Если привлечь ар-

⁵ В личной библиотеке Гоготишвили имеется тщательно проштудированное брюссельское собрание сочинений Иванова, к которому она обращалась, судя по всему, с конца 1980-х.

хивные материалы (так называемые *заготовки* статей, их редакции и варианты), получится иная картина; к ней мы вернемся несколько позже⁶.

Добавим, что в это же время Гоготишвили продолжает заниматься подготовкой текстов для собрания сочинений Бахтина. Хорошо известны ее преамбулы и комментарии ко многим сложнейшим бахтинским работам позднего периода («К философским основам гуманитарных наук», «Проблема речевых жанров», «Язык в художественной литературе», «Проблема текста», «Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов» и др.), опубликованным в пятом (1996) и шестом (2002) томах⁷. Для нашей темы особенно важен первый том, посвященный ранним философским трудам Бахтина 1920-х гг., по иронии судьбы вышедший в свет позже всех остальных, в 2003 г. Гоготишвили подготовила теоретическую преамбулу и значительную часть реального комментария⁸ к плохо сохранившемуся трактату с редакторским заголовком «К философии поступка».

Смысловым стержнем преамбулы является фундаментальное родство «нравственной философии» раннего Бахтина и философско-эстетических взглядов Вяч. Иванова. Этот, более привычный, ракурс сопоставления двух мыслителей, тем не менее, напрямую связан с предшествующими статьями цикла⁹. В силу философского характера анализируемого текста предика-

⁶ Следуя заявленной теме, мы остановимся только на одной линии, вынужденно оставляя в стороне довольно запутанный сюжет «Иванов и Лосев», к которому нам уже приходилось обращаться [21], но он безусловно требует дальнейшего изучения, особенно в свете новонайденных архивных материалов.

⁷ Н. Автономова по поводу этих двух томов очень точно заметила: «...нам как воздух не хватает таких собеседников-специалистов, как Алпатов, Гоготишвили, <...>. Читать их комментарии параллельно с текстами, в том числе архивными, — одно удовольствие» [1, с. 171].

⁸ Вторую часть, меньшую по объему, подготовил С.С. Аверинцев. Интересно, что два комментаторских блока не сливаются в один общий, как это принято в других совместных работах, а представлены в томе по отдельности, с сохранением авторства комментаторов.

⁹ В Преамбуле есть ссылка на статьи «Между именем и предикатом...» и «Антиномический принцип...», которая еще в печати [29, т. 1, с. 407, 383].

тивная интерпретация лингвистических новаций Иванова и Бахтина уходит на задний план, но тем не менее именно она определяет логику реконструкции бахтинской рукописи с опорой на принцип антиномизма, теоретически «выведенный» в первой «ивановской» статье. Во второй же — на большом текстуальном материале — антиномизм представлен как лингвистический императив Иванова, его «магистральная языковая стратегия», «концептуальная и при этом радикальная инновация», которую подхватил и по-своему развил Бахтин в теории двуголосого слова [36, с. 104, 137].

В рамках предикативного периода тема «Иванов — Бахтин» разрабатывалась, таким образом, с двух сторон (лингвистической и философской), в разных жанрах (проблемные статьи и преамбулы/комментарии в собрании сочинений) и в два этапа (сначала анализ языковых механизмов, затем — философско-эстетических установок). Для лингвофилософии Гоготишвили такой путь абсолютно органичен. Не случайно в самом начале статьи о двуголосии она заявляет, что лингвистическая конкретность — это «практически единственные ворота в многозначный философский пласт бахтинской концепции. Точнее, даже не ворота, а охраняющий их Сфинкс со своими загадками» [36, с. 140]. В символизме Вяч. Иванова и диалогизме Бахтина Гоготишвили усмотрела соприродные лингвистические загадки, отмыкающие «ворота смысла». Слово «загадка» встречается в «Между именем и предикатом...» более 10 раз, еще чаще — в статье о двуголосии Бахтина, к тому же открывается она параграфом «Загадки лингвистического Сфинкса».

3

В теоретических работах лидера символизма такой загадкой для Людмилы Гоготишвили стала формула мифа как синтетического суждения, где символу-субъекту придан глагольный предикат. Вячеслав Иванов неоднократно воспроизводил ее, с отдельными уточнениями, начиная с 1910-х гг. и вплоть до немецкой

книги о Достоевском (1932). На фоне многосмысленного, нарочито неаналитического языка Иванова, эта формула выделяется своей сугубо логической и, что еще удивительнее, кантовской терминологией. Регулярность ее появления в текуче-протеистичной ткани ивановского «плетения словес» указывает на то, что мы имеем дело с неизменным ядром его мысли. В современных исследованиях о творчестве Иванова эта формула фигурирует довольно часто. Но, за редкими исключениями¹⁰, обычно она берется как неразложимое целое, прокомментированное самим поэтом в «Дионисе и прадионисийстве» (1923):

Прамирф высказывает — и исчерпывает — древнейшее узрение в форме синтетического суждения, где подлежащим служит имя божества или анимистически оживленной и воспринимаемой как *δαίμων* конкретности чувственного мира, сказуемым же глагол, изображающий действие или состояние, этому демоническому существу приписанное [39, с. 364–365].

На этом высказывании базируются выводы о мифопоэтических стратегиях поэта. Утверждается, например, что Иванов «поставил проблему понимания *мифического* как феномена *религиозного сознания*»; ратовал «за возврат к *архетипическому*», к «*прамифу*», к «обрядовому истолкованию его смысла и функции»; наконец, что для понимания прамифа необходимо «владесть ключами символики, для чего потребуется культовая герменевтика мифа». Только последняя позволит «постичь изначальные структуры религиозных представлений, которые могут быть продуктивны для “новой мифологии” XX века и должны стать основой философии искусства и житнетворчества» [19, с. 110].

Подход Гоготышвили иной. Ее интересует не символика и не герменевтика мифа, т. е. не более поздние и сложные культурные

¹⁰ Отметим, что Ф. Вестбрук бегло затрагивает вопрос о своеобразии формулы мифа, но ограничивается замечанием, что «терминология Канта свидетельствует о своеобразном смешении философских и филологических понятий в работах Иванова» [4, с. 38]. Гораздо более проблемно — в методологическом отношении — рассматривается неоднозначное соотношение этой формулы с «основным мифом» Достоевского в статье М. Плехановой [13, с. 282–301].

напластования, а структура и смысл самой формулы, предложенной Ивановым. Варианты этой формулы исследуются детально, почти на молекулярном уровне, с выявлением мельчайших смысловых различий между ними. Самый ранний из них содержится в «Заветах символизма» (1910), где миф «понимается как синтетическое суждение, где подлежащее — понятие-символ, а сказуемое — глагол: ибо миф есть динамический вид (модус) символа, — символ, созерцаемый как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [40, т. II, с. 594–595]. В этой дефиниции Гоготишвили фиксирует противоречие между постулируемой синтетичностью суждения и его отчетливо аналитическим оттенком: созерцаемый символ отождествлен с понятием, т. е. имеет логический характер, предикат — тот же символ-субъект в его глагольной форме, значит он как бы аналитически выводится из субъекта, а не приращивается к нему синтетически. Онтологическая природа «предмета», из созерцания которого рождается миф, выглядит вполне рациональной [36, с. 31].

Вторая, уточненная, формулировка появилась в экскурсе «Основной миф в романе “Бесы”» (1911):

Миф определяем мы как синтетическое суждение, где подлежащему символу придан глагольный предикат. <...> Если символ обогащен глагольным сказуемым, он получил жизнь и движение: символизм превращается в мифотворчество. Истинный реалистический символизм, основанный на интуиции высших реальностей, обретает этот принцип жизни и движения (глагол символа или символ-глагол) в самой интуиции, как постижение динамического начала умопостигаемой сущности, как созерцание ее актуальной формы, или, что то же, как созерцание ее мировой действенности и ее мирового действия [40, т. IV, с. 437–438].

Обновленный вариант, согласно Гоготишвили, играет на руку синтетическому типу суждения. Во-первых, снимается аналитическое «понятие-символ»; во-вторых, появляется указание на то, что символ не «самолично является “предметом” созерцания», поскольку Иванов вводит определение глагола как симво-

ла. Гогетишвили трактует этот нюанс в том смысле, что если и символ-субъект, и глагольный предикат («символ-глагол») «раздельно “обретаются” в интуиции умопостигаемой сущности», то это значит, что и логически, и с позиции языковой семантики они разводятся Ивановым. Благодаря этому аналитическому разведению, они могут быть синтетически соединены в мифологическом суждении; природа самой умопостигаемой сущности мыслится в этой формулировке «и не символической, и не языковой».

Из интерпретации ивановского определения Гогетишвили делает далеко идущие выводы. Если символ-субъект и символ-предикат «продолжают “истекать” из некоего единого лона, из некоего созерцаемого “предмета”, “берущегося” (понимаемого) то как субъект суждения, то как глагольный предикат», получается, что в ивановском мифологическом суждении *«субъект и предикат находятся в равных отношениях с символизируемым “предметом”*» [36, с. 32]. Скрупулезный логический анализ формулы мифа приводит к парадоксальному результату. Согласно традиционному представлению, субъект (подлежащее) называет, идентифицирует «вещь» внеязыковой действительности (т. е. это ивановское *что*), а предикат (сказуемое) описывает ее или нечто утверждает о ней (т. е. это *как*). У Иванова же, по Гогетишвили, оба главных члена предложения оказываются однородными по отношению к подразумеваемому «предмету» речи (референту или денотату), они оба референцируют, но при этом сохраняют грамматическую форму субъекта и глагольного предиката в составе мифологического суждения. В силу этого словесная формула мифа у Иванова понимается Гогетишвили как «заявка» на оспаривание философской и лингвистической аксиомы об онтологическом и гносеологическом разведении субъекта и предиката суждения по их функциям. В лингвистическом парадоксе, выявленном в определении мифа, и кроется загадка символизма Иванова, а поиски ее решения направляют сюжет статьи «Между именем и предикатом...».

Первым делом Гогетишвили приступает к сложному вопросу о природе ивановского символа, которым одновременно оказываются и субъект, и предикат словесного мифа. В работах Ивано-

ва дефиниции символа не отличаются стабильностью, они текучи и противоречивы. Хотя по этому вопросу существует огромная литература, до сих пор нет определенной ясности, «как в конце концов следует определить символ у Вяч. Иванова», в свое время отметил Роберт Бёрд¹¹. Людмила Гоготишвили полагает, что лингвистическую специфику ивановского символа можно уловить только в устойчивой формуле прамифа — к ней стягиваются все основные идеи поэта-теоретика.

При этом Гоготишвили выдвигает тезис, озадачивающий читателя. Символ у Иванова имеет «неименной» характер, утверждает она: «неименное» понимание символа — константа ивановской мысли, основанная на «фундаментальном противопоставлении: *имя объективирует свой референт (или денотат), ивановский символ — принципиально нет*» [36, с. 22]. Это означает, что символ не называет предмет прямо, не идентифицирует свой референт, не объективирует его и не создает его конкретного (чувственно воспринимаемого) образа. Такая трактовка на первый взгляд вполне соответствует известному упреку символистам в том, что они развоплотили мир, *деморализовали* восприятие реальных вещей. В символизме, как говорил Мандельштам, нет «ничего настоящего, подлинного. Страшный контреданс “соответствий”, кивающих друг на друга. Вечное подмигивание. Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания. Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой» [44, т. II, с. 77]. Если перевести это хрестоматийное высказывание на язык лингвистики, получится, что символ оказывается именем другого денотата, т. е. метафорой в традиционном понимании. Гоготишвили же утверждает, что языковой механизм подобного *развоплощения* у Иванова сложнее. В «чужом» имени, присваиваемом символическому референту, также погашается его собственно именная функция, но при этом активизируются его предикаты (признаки, значения). Символ по-

¹¹ Бёрд при этом указывает только два «особенно» важных источника: статью Гоготишвили «Между именем и предикатом...» и свою монографию об Иванове “The Russian Prospero” (2006) [2, с. 34].

нимается Гоготишвили как «совокупность плавающих, снятых с объективированных “гнезд” предикатов». В мифологическом суждении он «полагается» в грамматической форме имени (субстантива), т. е. объективируется только средствами языка, тем самым (псевдо)объективируя предикаты и снимая конкретный, семантически-буквальный или чувственный образ «чужого» предмета. По «свернутому языковому механизму ивановский символ — это *безобразная объективация предиката*» и даже «пучка предикатов»¹², заключает Гоготишвили [36, с. 46].

Признаем, это определение звучит *иноприродно* для литературоведческого слуха; оно настолько чуждо, что до сих пор не может уместиться в русло общей философско-филологической трактовки ивановского символизма. Но, вообще говоря, одиозный «пучок предикатов» не более чем «технический» термин, лингвистически транскрибирующий известное положение Иванова из программной статьи «Поэт и Чернь» (1904): символ *многолик, многосмыслен и темен в своей глубине* [42, с. 38]. В духе Гоготишвили его можно истолковать следующим образом: референт символа, *темного в своей глубине*, никогда не называется прямо, не имеет имени. Это — некий трансцендентный Х, приоткрываемый сознанию (или выражаемый) через свои свойства, признаки, аспекты, в логике и лингвистике они суть не что иное, как его предикаты (то, что *утверждается об* этом неизменном Х, а не то, что есть он *сам по себе*). Отсюда у Иванова и «многоликость», и «многосмысленность» символа¹³. Ср. аналогичное утверждение Мандельштама в «Разговоре о Данте»: слово — это *пучок смыслов, которые торчат из него в разные стороны* [44, т. II, с. 166]. Гоготишвили его не приводит, но с большой

¹² Предикативную концепцию символа Иванова Гоготишвили проецирует на высказывание Ю. Степанова о том, что «в предикате язык “отражает” отношения “вещей” между собой и сами “вещи” как пучки отношений, но при этом предикат не именуется эти отношения». Сопоставляется такой предикативный символ и с «беспредметными» символами у М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского [36, с. 50].

¹³ См. интереснейшую статью Р. Бёрда «Символ и аспект у Вяч. Иванова», где полушуточное стихотворение Иванова «Аспекты» (1903) рассматривается с точки зрения средневековой схоластики [4, с. 12–24].

долей вероятности можно предположить, что *торчащие смыслы* она бы соотнесла с предикативным символом у Иванова¹⁴. Не прошла бы она, как представляется, и мимо утверждения Мандельштама о том, что «всякий период стихотворной речи — будь то строка, строфа или цельная композиция лирическая — необходимо рассматривать как единое слово». Гоготишвили заострила бы тут вопрос о семантической фигурности поэзии, о синтаксической организации поэтического высказывания. Мандельштам мыслил метафорически: с его точки зрения, произнося любое слово, например, «солнце», «мы совершаем как бы огромное путешествие», «говорить — значит всегда находиться в дороге» [44, т. II, с. 166]. «Слово», равное поэтическому периоду или всему стихотворению, если следовать за излагаемой лингвистической трактовкой, референцирует подразумеваемый предмет речи своим целостным составом. Наше предположение не беспочвенно основано на гипотезе Гоготишвили, согласно которой языковой миф Иванова осуществляет символическую референцию не изолированным символом, а лишь синтаксическим единством субъекта и предиката, которые, по Иванову, являются символами, а по Гоготишвили — предикатами. Они не именуют, не объективируют и не создают «образа» своего референта, «ознаменовать» его может только миф как синтетическое суждение, отличаясь по своему языковому механизму и от имени, и от метафоры¹⁵.

¹⁴ Сопоставление лингвистических идей Иванова и Мандельштама, вероятно, входило в планы Гоготишвили. По крайней мере, в ее архиве сохранился большой набросок статьи «Аналитические орнаменты символизма и символические узоры аналитизма», эпиграфом к которой стоят слова Мандельштама из «Разговора о Данте»: «Орнамент строфичен. / Узор строчковат» (подробнее см.: [20, с. 289–292]).

¹⁵ Вывод Гоготишвили оспаривает устойчивые представления о влиянии А. Потебни на символизм Иванова. Анализируя высказывания Иванова в статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922) о том, что в доктрину Потебни необходимо внести «полезные коррективы, клонящиеся к освобождению ее от рационалистических примесей», что «объяснительное назначение образа в поэзии», восходящее к Потебне, «не без оснований подвергается сомнению» [40, т. IV, с. 646], она добавляет: «Изолированный образ разделяет в ивановской концепции судьбу изолированного символа: самолично они не могут ни референцировать, ни предиктировать. На это

Для прояснения онтологической природы символического референта Гоготишвили привлекает третью формулировку мифа, из «Диониса и прадионисийства», приведенную выше. Она обсуждается в контексте сопоставления концепций символа и мифа у Иванова и имяславца Булгакова, которые, как показала Гоготишвили, формировались и уточнялись во многом с оглядкой друг на друга. Булгаков, признавая, что миф есть «событие, которое совершается на грани двух миров, в нем соприкоснувшихся (Вяч. Иванов)», не соглашался с постановкой символа в позицию субъекта мифологического высказывания. Содержание событийного мифа, утверждал философ, «всегда конкретно, речь идет в нем не о божестве вообще и человеке вообще, но об определенной форме или случае определенного богоявления». В силу этого «подлежащее мифа, его субъект может быть обозначен только “собственным”, а не “нарицательным” именем» [36, с. 37]. Для Иванова же, доказывает Гоготишвили, в позиции субъекта мифа мог выступать только «неименной» символ. Она рассматривает и исключение из этого правила, не вполне точно считая, что Иванов впервые вводит «имя божества» на место субъекта в формуле 1923 г.¹⁶ Это нововведение понимается как

способны только символические или — как аналог — образные фигуры речи в их целом, т. е. высказывания, содержащие скрещивающий различные семантические лучи и тем порождающий референцирующее значение предикативный акт» [36, с. 84].

¹⁶ Отметим, что Гоготишвили цитирует приведенное выше высказывание Иванова по изданию «Диониса и прадионисийства» (1994). Однако на самом деле подобная формулировка появилась раньше — в «Эллинской религии страдающего бога», причем не в первой, журнальной, публикации 1904–1905 гг., а в переработанном варианте текста, подготовленном к печати в издательстве Сабашниковых в 1917 г., но так и не увидевшем свет. Ср.: «Древнейшее мифообретение есть, по-видимому, соединение с именем глагольного сказуемого в *praesens*, т. е. приписание вещи или явлению, воспринятому как лицо, собственного ему постоянного действия. “Душа обитает в теле”; “душа вылетает из ноздрей”; “солнце борется и умирает” — в форме таких (синтетических) суждений должно представлять себе первобытный миф» [41, с. 161]. Мы цитируем по полному изданию «Эллинской религии...» (2015), воспроизводящему упомянутый корректурный набор. Гоготишвили же, само собой, опиралась на его первую публикацию в «Литературных памятниках» в томе «Эсхил» в пере-

формальная уступка Булгакову, не затронувшая корней ивановской мысли. В контексте исследования Иванова все «иноименные Дионисы» оказываются не чем иным, как символами «вызываемых неведомых духов». Само имя Дионис является именем в этимологическо-аналитическом смысле («сын Зевса»), т. е. представляет собой предикативное определение, легко сворачиваемое в одно слово, по сути в архетипический символ¹⁷. В составе же мифологического суждения, референцирующего некое событие, это имя-понятие теряет «свое аналитически-содержательное, рационально воспринимаемое и тем более конкретно-чувственное или образное значение» и превращается в чистое КАК, без всяких ЧТО или КТО, трансформируясь в *символ определенного религиозного состояния* [36, с. 39]. Гоготишвили апеллирует к настойчиво проводимой Ивановым идее о том, что «существо религиозной идеи Диониса не сводимо ни на какое определенное *что*, но изначально было и навсегда осталось определенным *как*. Стихия Диониса есть только состояние» [41, с. 63]. Реконструкция спора Иванова и Булгакова о субъекте мифологического суждения позволяет Гоготишвили связать концепт *состояния сознания*, дионисийское КАК, с референтом мифологического суждения. Собственно, основная гипотеза Гоготишвили и заклю-

воде Иванова (1989), где он напечатан в сокращении, в частности, полностью отсутствуют VII и VIII главы (определение мифа дается в последней из них). Этот факт, не учтенный Гоготишвили по объективным причинам, тем не менее подтверждает верность гипотезы о том, что формулировка мифа оттачивалась Ивановым в полемике с Булгаковым в 1910-е гг.

¹⁷ Трактовка Гоготишвили полностью соответствует точке зрения Иванова, которая намного прозрачнее выражена в «Эллинской религии...». Там утверждается, что «“многоименный” бог не имеет своего имени»; что Дионис заимствует имя у отца, Дия: «Дифференцированное из Зевсова имени имя Диониса обличает дифференциацию самого понятия из понятия Зевса»; что Дионис — «абстракт оргиастической жертвы» [41, с. 161, 112–113]. В «Дионисе и прадиионисийстве» более осторожно говорится лишь о «темноте этимологии» имени Диониса, которое «во всяком случае знаменует некоторое отношение к Зевсу и Дионисово божество выводит из божества Зевсова», но на полях книги сделана поздняя приписка со ссылкой на источники, обсуждающие этимологию имени Диониса [39, с. 116]. «Знаменует», по Иванову, это и значит символизирует/предикцирует, а не прямо называет.

чается в том, что формула языкового мифа Иванова предполагает особую (предикативную) референцию к *состоянию сознания*, а не к *сущности вещей*, как обычно считается, выдвигая на первый план не символ сам по себе, а символическое высказывание, с его неотменяемым субъект-предикативным составом.

Лингвистическую интерпретацию Гоготишвили нельзя не признать глубоко оригинальной. Вместе с тем, она удивительно созвучна многим положениям теоретика символизма. Меняя оптику восприятия Иванова, описывая не «ключи символики», а сам языковой акт символизации, Гоготишвили смещает фокус внимания с семантики на синтаксис, с ЧТО на КАК, с имени на предикат. Исключительный интерес в рассматриваемой статье представляет процедура косвенной проверки речевых единиц высказывания на референтность, предложенная Дж. Р. Сёрлем. Согласно американскому философу, все, что обладает реферирующей силой, может быть преобразовано в экзистенциальное суждение («человек сидит» — «человек существует» — «сидящий человек существует»). У Иванова, утверждает Гоготишвили, такую проверку не пройдет ни один компонент фразы, взятый изолированно, поскольку при переводе формулы мифа в простое экзистенциальное суждение исказится исходный символический референт. В качестве одного из показательных примеров Гоготишвили проводит подобную трансформацию с заключительным стихом «Божественной комедии» — «Любовь движет Солнце и другие Звезды». Полученные в результате экзистенциальные утверждения («Любовь существует», «Движение солнца и других звезд существует»), действительно, оказываются явно «не о том». По Гоготишвили, это означает, что Иванов мыслил особый тип символической референции, осуществляемый только целостным языковым составом мифологического суждения. Такую синтаксическую структуру Гоготишвили называет «символической фигурой речи» (или «мифоидом»), механизм которой и состоит в *акте семантического скрещения* субъекта и предиката [36, с. 51–52]. Особенно интригует, что постулируемое скрещение субъекта и предиката понимается как «*одновременный двойной взгляд на одно*» [36, с. 57]. Дойдя до этого ме-

ста, даже самый скептически настроенный читатель приподнимет бровь. Ведь очевидно, что перед нами аллюзия на тютчевское «двойное зрение», а Иванов, как хорошо известно, видел в нем «последовательно применяемый метод» символизма [40, т. II, с. 590]. Выходит, что все предшествующие рассуждения Гоготишвили, далеко не всегда понятные сразу, приводят к общепризнанному положению о глубинной связи символизма Иванова и поэтики Тютчева. Однако Гоготишвили, в очередной раз нарушая ожидания, подступает к выводу о «двойном взгляде» с другой стороны.

В фокусе ее внимания — все тот же пример «истинного мифа», развернуто прокомментированный Ивановым в «Мыслях о символизме» (1911). Напомним, «истинный миф» дается здесь в виде наставления некоего *иерофанта*, который изъясняет воспринимавшему сознанию мудрость Дантова стиха, наставляет, как говорит Иванов, *душу созерцателя (эпопта) мистерий*, созерцающую *всезвездный небосвод* в музыкально-зрительных (дионисийско-аполлонийских) напевах. Момент *научения* описывается как дионисийское потрясение, мистический экстаз, трансцензус¹⁸, открывающий душе священный глагол (ἱερός λόγος): «*Ты видишь движение сияющего свода, ты слышишь его гармонию: знай же, оно — Любовь. Любовь движет Солнце и другие Звезды*» [40, т. II, с. 607]. Объясняя, почему «изученный стих» является символическим и мифотворческим (теургическим), автор эссе вновь воспроизводит свою формулу мифа:

Слагаясь кроме того, из элементов символических, поскольку отдельные слова его произнесены столь могущественно в данной связи и данных сочетаниях, что являются символами сами по себе, он представляет собою синтетическое суждение, в котором к подлежащему символу (Любовь) найден мифотворческой интуицией поэта действенный глагол (движет Солнце и Звезды). Итак, перед нами мифотворческое увенчание символизма. Ибо миф есть синтетическое суждение, где сказуемое-

¹⁸ О различиях в понимании мистического экстаза Вяч. Ивановым и Данте см. интересную работу Кристины Ланды с общей библиографией по теме: [9].

глагол присоединено к подлежащему-символу. Священный глагол, ieròs lóyos , обращается в слово как $\mu\theta\eta\sigma$ [40, т. II, с. 608].

В трактовке Иванова просвечивает герменевтическая модель *восхождения/нисхождения* художника, совмещающая две формулы истинного символизма: *от реального к реальнейшему* (“a realibus ad realiora”) и *от реальнейшего к реальному* (“a realioribus ad realia”), как напишет он в «Границах искусства» (1914). В то же время в этой статье впервые формулируется принцип *полифонности* символизма¹⁹, получивший дальнейшее развитие у Бахтина. Не случайно именно с «Мыслями о символизме» Д.М. Магомедова соотносит «диалогическую модель символа», которая «учитывает читательское участие в завершении смысла символистского текста» [10, с. 156]. Узнаваемо бахтинская терминология в применении к ивановскому символу, задействованная в приведенном высказывании, сближает не только Иванова и Бахтина, но и понятия полифонии и диалога. К такому прочтению подталкивает сам поэт, когда утверждает, что символизм воздействует на слушателя тем, что 1) пробуждает в его душе «изначальное воспоминание», расширяющее его эмпирически-ограниченное (само)сознание; 2) вызывает «чувство связи между тем, что есть его “я”, и тем, что зовет он “не-я”, — связи вещей, эмпирически разделенных»; 3) непрямо, как *эхо (слова поэта не равны себе)*, свидетельствует о *собственном душевном переживании и внутреннем опыте*, вызывая ответное эхо в *лабиринтах души*. «Ибо символизм означает отношение, и само по себе произведение символическое, как отделенный от субъекта объект, существовать не может» [40, т. II, с. 608–609].

Нет никаких сомнений, что Гоготишвили заметила эту напрашивающуюся параллель, однако явно не без причины оставила ее без комментария. Из всей статьи она берет только слова *иерофанта*, не затрагивая ни мистериального «облачения»

¹⁹ В «Двух стихиях в современном символизме» (1908) Иванов затрагивал эту тему в основном на материале музыки и драмы, здесь же прозвучала мысль о полифоничности реалистического символизма, который «в последней своей сущности — хор и хоровод» [42, т. 2, с. 545, 553].

трактовки Иванова, ни теоретической проблемы соотношения полифонности и диалогизма. Ее интересует прежде всего механизм рождения словесного мифа, в предельно обнаженной форме заявленный поэтом. Если обычно Иванов исходил из символа-субъекта, к которому прибавлялся символ-глагол, то на этот раз логика обратная, отмечает Гоготишвили. Мысль идет от созерцания «движения Солнца и Звезд» (т. е. от исходного предиката, признака референта), к его будущей глагольной форме («движет»). Будущее же подлежащее мифа («Любовь») не дается сразу, а обретается как прозрение/проникновение в мистическую тайну мироздания. Тот факт, что в возгласе *иерофанта* символический субъект первоначально «оглашается» в форме именной части составного сказуемого, предиката («...знай же, оно — Любовь»), играет на руку предикативной концепции символа: она не только не противоречит представлениям теоретика символизма, а наоборот, переводя на язык лингвистики, делает их более отчетливыми. Кроме того, с опорой на последнюю цитату Гоготишвили фиксирует еще один любопытный нюанс: рождению словесного мифа (*mũthos*) предшествует момент отождествления исходно данного предиката (движения небосвода) и найденной символической объектности («Любви»), что и позволяет им перекрестно поменяться местами в мифологическом суждении. Первый из них, переместившись в позицию грамматического сказуемого, по требованию Иванова, видоизменяется в глагол, символизирующий *действие* и *действенность* обретенного символа-подлежащего. Логический анализ языкового механизма мифа, точно следующий за мыслью Иванова, приводит Гоготишвили к выводу о том, что «миф как целое суждение появляется тогда, когда меняется угол зрения на некое “одно” и когда оба взгляда совмещаются в одной языковой фигуре, тем и становящейся символической» [36, с. 57].

Стоит, наверное, специально подчеркнуть, что речь идет об изменении «угла зрения» в рамках *одного* сознания: «оба взгляда» — это не взгляды разных личностей, а разные модусы восприятия, *двойной* и даже *двоящийся взгляд* одного и того же субъекта: первый модус — *как он видит* «реальное» (феноменальное),

второй — *как* ему открывается «реальнейшее» (ноуменальное). С точки зрения дионисийско-мистерияльного дискурса Иванова совмещение двух уровней возможно в опыте экстатического «расторжения граней» индивидуации, с позиции же логики и лингвистики оба модуса (*двойное КАК*) имеют предикативный характер. Судя по всему, трактовка механизма словесного мифа как «одновременного двойного взгляда на одно», вводилась не столько с оглядкой на Тютчева, сколько с перспективой на будущее, чтобы подготовить почву для различения символизма и диалогизма. В дальнейшем мы увидим, что в двуголосом слове Бахтина, согласно Гоготишвили, скрещиваются не два разных *взгляда* одного субъекта, а два разных *голоса* (*чужого слова* и авторского). Намеченная антитеза, вряд ли можно тут ошибиться, опиралась на бахтинское утверждение, что диалог был монологической темой Иванова, не переведенной им в принцип языковой формы²⁰. Гоготишвили не случайно «не заметила» рассуждений о диалогической и полифонной природе символического искусства, высказанных в «Мыслях о символизме»: жест умолчания говорит о том, что она, вслед за Бахтиным, была убеждена в «языковом недиалогизме» Иванова [36, с. 100].

Выявив механизм скрещения двух предикативных зон, взаимообратимости субъекта и предиката в составе синтетического суждения, Гоготишвили вплотную подошла к разгадке символизма Иванова. Оставалось сделать только один шаг, чтобы увидеть в прамифе, или архетипических двусоставных символических прафигурах, антиномический принцип. И Гоготишвили его сделала. Разумеется, у нее это не один шаг, а нюансированная до лингвистических тонкостей система доводов и процедур экспериментальных синтаксических трансформаций, исключительно остро-

²⁰ В «Проблемах творчества Достоевского» (1929) Бахтин пишет: «Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского — утвердить чужое “я” не как объект, а как другой субъект, — монологизовал этот принцип, т. е. включил его в монологически формулированное авторское мировоззрение и воспринял лишь как содержательную тему изображенного с точки зрения монологического авторского сознания мира» [29, т. 2, с. 17].

умных²¹. Мы же перейдем сразу к выводам, имеющим важное значение для нашей темы. Гоготишвили обнаружила, что спецификой символических фигур речи у Иванова является *антиномическое скрещение предикативных зон* субъекта и предиката мифологического суждения, которые оказываются бинарно-контрастной, но и взаимообеспечивающей лингвистической парой, задействующей семантические возможности языка (прежде всего, антонимы) [36, с. 74–75]. Только такая, антиномически напряженная синтаксическая конструкция может указывать на подразумеваемый символический референт, знаменовать не конкретную «вещь» (денотат), а мистическое «событие», которое выступает референтом мифа. В контексте всего рассуждения понятие «событие» получает у Гоготишвили особую, инструментально-языковую трактовку. Подлинным референтом символического высказывания у Иванова, считает она, являются не трансцендентные сущности, а то самое трансцендентно-имманентное безобъектное «состояние сознания», которое возникает в мистическом переживании и которое по сути «есть условный, секуляризованный и частичный, синоним экстаза». В символизме Иванова, подытоживает Гоготишвили, «не язык укоренен в онтологии (в трансцендентной сущности), как обычно трактуется ивановская позиция, а миф и символические фигуры в определенном смысле укоренены в языке. Через эти символические фигуры и сам язык может

²¹ Приведем объяснение ивановских тавтологий из языкового механизма, заложенного в формуле мифа. Берется, например, условная фраза в духе Иванова «жизнь умертвляет», при трансформации субъект и предикат меняются местами, субъект переводится в глагольную форму. В результате получается «столь же символически бессмысленное “смерть оживляет”», но с измененным референтом. Референт останется прежним, догадывается Гоготишвили, если будет осуществлена антонимичная замена одного из компонентов. При подобной трансформации исходной фразы получается «смерть умерла». «Референты исходной и полученной при соблюдении антиномического правила фраз, действительно, оказались в символическом смысле тождественными». Знаменитые ивановские однокоренные символические фигуры, с этой точки зрения, «лишь на поверхности аналитичны и даже супераналитичны до бессмысленной тавтологии, в своей реальной глубине они символические и даже синтетические, ибо основаны в смысловой перспективе на семантической контрастности» [36, с. 78–79].

прорываться в сферы высшего “реальнейшего” мира, что и составляет пафос ивановского символизма» [36, с. 80]. В свете всего вышесказанного телеологию неименующих, необъективирующих, антиномических по структуре символических конструкций у Вяч. Иванова Гоготишвили трактует как стремление инсценировать в поэзии путь к этому состоянию, определяющему, по известной формуле поэта, «целостное двойное КАК: “как” видит художник и “как” выражает» [40, т. III, с. 675]. Символизм призван пробудить («индуцировать») в читателях механизмы мифологической памяти, которые мыслятся принципиально не поддающимися языковой объективации (а значит, и именованию), но предоставляющими возможность «вспомнить» архетипическое состояние сознания, пережить встречу феноменального и ноуменального — то самое «касание миров», которое, по Иванову, лежит в основе любого религиозного опыта. Бёрд рассматривал теорию символизма Иванова как *вмешательство искусства в обряд*, поскольку оно воздействует на читателей с целью обновить или изменить их сознание [2, с. 48]. Гоготишвили же интересуется в первую очередь формально-языковая сторона вопроса: в таком ракурсе лингвистическое новаторство поэта заключается в обновленно-предикативном понимании символической референции мифа, которая знаменует собой живую связь между небесным и земным, трансцендентным и имманентным — то стихийное единство мира и человека, которое существовало до дуалистического разрыва (на субъект и предикат) между ними.

Разгадка формулы мифа становится «магическим» ключом не только к ивановской теории символизма, но и к его «поэтике антиномий», которая рассматривается в «Антиномическом принципе в поэзии Вяч. Иванова», написанном специально для конференции «Вяч. Иванов: между Поэзией и Св. Писанием» (Рим, 28 октября — 2 ноября 2001 г.). Две «ивановские» статьи отличаются не столько финальными выводами, сколько своим целеполаганием. В первой автор возложил на себя *бремя доказывания* (onus probandi) предикативной гипотезы. Задачей второй явилась презентация выведенного *закона* с привлечением огромного фактического материала. Система логических дока-

зательств здесь свернута в краткие констатирующие тезисы, вместо абстрактно-лингвистических рассуждений — обилие цитатных примеров и их типология, в совокупности они демонстрируют универсальность, если не тотальность антиномизма в поэтическом языке Иванова. Установка на жанр устного доклада увеличила удельный вес риторических приемов, которые встречались, конечно, и в первой статье, но терялись в долгом и детальном «раскручивании» сложнейшего комплекса ивановских идей. Самый яркий из них, на наш взгляд, — это сравнение поэзии Иванова с Эдипом (без каких-либо фрейдистских коннотаций). «Иванов культивировал не просто слепую (в чувственном смысле), но самоослепляющуюся, как Эдип, поэзию — поэзию, долженствующую очиститься и очистить от всеобщего греха неправого восприятия зрительно данных явлений и произвольного опредмечивания “бестелесного” и “незримого” мира, чтобы приблизиться, тем самым, к той умной (эйдетической) слепоте, которая одна истинно видит» [36, с. 136]. Расшатывание объективирующих функций языка (прежде всего имени) за счет «пестования» антиномичных конструкций, заключает Гоготишвили, и было той оригинальной и продуктивной лингвистической стратегией, которая проявлялась в развеществленности поэзии Иванова, в ее «прозрачности» и ее гераклитовской «темноте». Таков ответ Гоготишвили на сложнейшие вопросы, поднимаемые в ивановских теориях символизма, в свернутом виде выраженных в формуле словесного мифа как синтетического суждения, где символу-субъекту придан глагольный символ-предикат.

Любопытно, что миф об Эдипе Гоготишвили задействует дважды, но каждый раз берет из него разные сюжетные мотивы. В случае с Вяч. Ивановым она акцентирует момент признания Эдипом своей вины, самонаказание-ослепление, дающее внутреннее прозрение. В случае с Бахтиным — загадку Сфинкса как таковую. Сам Иванов, неоднократно обращавшийся к «античному мифу, ужасающему и божественному», где «всё антиномично, как существенно антиномичны сами люди», утверждал, что Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, присвоил его

себе: «Сфинкс вошел в самого Эдипа, в его подсознательную сферу...» [40, т. III, с. 475, 741]. Отвлекаясь от других аспектов этого толкования и заостряя внимание только на отождествлении познающего и познаваемого, получим архетипическую модель акта познания. Попробуем применить эту метафору к самой Гоготишвили. Если для нее Иванов — Эдип (= Сфинкс), а Бахтин, так сказать, Сфинкс сам-в-себе, и оба они задают лингвистические загадки, то она, успешно их разрешая, парадоксальным образом сама оказывается Эдипом (с «поглощенным», «присвоенным» Сфинксом, даже двумя, разгаданными в два этапа). Лишь после «разгадки» ивановского символизма, позволившей раскрыть языковой механизм его формулы мифа, а значит и специфику его символистского (антиномического) характера мышления, Гоготишвили приступила к лингвистическим загадкам Бахтина, сконцентрированным в двуголосом слове, монологизме и полифонии.

В финале второй работы об Иванове намечается логический переход к Бахтину: «Из недр ивановского антиномизма выросла, в частности, бахтинская теория двуголосого слова. <...> В бахтинском двуголосом слове ивановские антонимы разошлись по “голосам”, но остались — как у Иванова — в рамках единой синтаксической конструкции» [36, с. 137–138]. Это заключение выглядит как связующее звено между более ранними «ивановскими» и более поздней «бахтинской» статьями. Создается впечатление, что перед нами многообещающая завязка сюжета «Иванов — Бахтин», который, гипотетически, должен был развернуться в полную меру в статье «Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией». Очевидна и интрига этого предполагаемого сюжета: скорее всего она строилась бы на антиномически напряженной контрверзе: *два взгляда* в ивановском мифе vs *два голоса* в бахтинском двуголосом слове. На такое предположение, собственно, наталкивает структура книги «Непрямое говорение», куда, как сказано в авторском предисловии, «включены пять работ 1999–2006 гг., расположенных в порядке написания» [36, с. 13]. Заявленный хронологический принцип, многозначительный поворот к Бахтину в финале обеих статей об Иванове

и особенно обыгрывание мифа об Эдипе в конце «Антиномического принципа...» и следующего за ним «Двуголосия...» — все это в совокупности задает определенный вектор читательского ожидания. Однако оно не вполне оправдывается.

4

Прежде чем перейти к интерпретации идей Бахтина, предложенных Людмилой Гоготишвили, необходимо внести одно важное уточнение. На самом деле в «Непрямом говорении» статьи размещены не «в порядке написания», а в порядке их выхода в свет (см. выше). Об этом свидетельствуют черновые материалы из личного электронного архива Гоготишвили. Опираясь на дату последнего сохранения файлов, можно заключить, что иваново-бахтинский сюжет начал разрабатываться практически сразу же после завершения «Между именем и предикатом...». Самая ранняя *заготовка* с домашним названием «ИвБах» (<Иванов и Бахтин>) датируется 12 марта 1999 г.²², т. е. написана она, когда первая статья об Иванове еще находится в печати, а второй нет даже в проекте. По характеру этих черновых записей хорошо видно, что «бахтинская» статья буквально вырастает из «ивановской», можно сказать, «вышивается» по ее канве. В аналитические размышления тут постоянно вклиниваются — в качестве концептуальных скреп — наиболее важные положения и цитаты из «Между именем и предикатом...», которые по ходу дела комментируются, уточняются, развиваются дальше, теперь уже на бахтинской территории.

Здесь как раз и разворачивается сравнение лингвистических идей Бахтина и Иванова, нащупываются параллели и различия прежде всего в их понимании особого, не объективирующего типа референции. Ядро будущей статьи видится автору следующим образом:

²² Благодарю И.Н. Фридмана за разрешение публиковать новонайденные архивные материалы.

Идея может состоять в том, что и Бахтин, как Иванов, не мыслил референции посредством субъекта, но только — через сращивание двух предикатов разной природы (как и у Иванова). Один предикат — от одного голоса, другой — от второго. Это двуголосое слово и осуществляет новый вид референции, то есть порождает новый смысл, поскольку референция у Бахтина не денотативна, не объектна.

Ставятся и конкретные задачи сопоставления:

Надо точнее разобраться с различием между Ивановым и Бахтиным в отношении к поэзии: у Иванова там именно особая двусоставная (не именная) референция, **именно в поэзии символической нет прямого слова, поскольку как минимум нет имен**. Бахтин закручивает эту идею через противопоставления МНОГОЗНАЧНОСТИ СИМВОЛА и ДВУГОЛОСОСТИ прозаического слова. Дилемму разобрать: **два смысла и два голоса**. Вспомнить тематическую и тональную амбивалентности по Бахтину. Брать **антиномии** как предельный и выразительный случай.

На эту дилемму мы уже обращали внимание, но теперь она получает несколько иную формулировку. «Два взгляда» меняются на «два смысла». Это уточнение подтверждает, что Гоготишвили (вслед за Бахтиным) воспринимала поэта-символиста как «монологиста»:

Иванов дал Бахтину обе составляющие: и особый тип референции вкупе с особостью самого референта, и диалогическую идею. Но эти составляющие оставались у самого Иванова, по Бахтину, не сведенными вместе. Миф остается трактованным монологически при всей особости его референцирующей силы, и идея ТЫ ЕСИ осталась только темой, не перейдя в форму (в том числе и в форму мифологического высказывания). **Иванов — монологист последней черты**. У него диалог с Богом не имеет содержания, только модальность (ответ чловека Богу: либо ДА, либо НЕТ).

Наряду с различиями между Ивановым и Бахтиным Гогтишвили намечает и точки сходства. Так, она пишет о «нелюбви обоих к аналитической речи, к разворачиванию имманентных смыслов»; напоминает себе: «НЕ ЗАБЫТЬ провести параллель бахтинской творящей и сотворенной природы с ивановской зиждущей и созижденной формой (двойное КАК, *как* видит и *как* изображает поэт, причем предметом референции я объявляю первое КАК)» и др.

В теоретически отстоявшемся виде, уже без цитатной канвы из статьи «Между именем и предикатом...», материал из файла «ИвБах» переходит в следующий набросок — «Символизм» (12.11.99), который мы публикуем ниже. Здесь выясняется вопрос об отношении Бахтина к символизму Вяч. Иванова, с постраничным анализом ряда бахтинских работ, а также конспектом высказываний современных лингвистов (А. Вежибицкой, Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой) о референции, позиции, предикате и пр. Именно здесь впервые Бахтин называется постсимволистом и четко формулируется суть предикативной концепции: «Основная лингвистическая идея русского символизма, которую по-своему модифицировал Бахтин, — предикация или предикативный акт как особый тип референции». «По-своему» — это означает, что предикативность у Бахтина переводится в сферу коммуникативности: «Предикат есть ответ. Ответ есть предикат». Наряду с предметно-тематическим, ответ может быть экспрессивно-тональным, в силу чего экспрессия понимается как «предикация чужого слова», а тональность определяется как «базовая разновидность диалогической предикации».

Финальным этапом разработки темы является текст, содержащийся в файле «Доклад Америка» (30.01.2000), где находим статью «Двуголосие в его соотношении с монологизмом и полифонией», практически полностью совпадающую с печатным вариантом²³. В этой работе Гогтишвили выдвигает следующую

²³ Исследование проводилось по соглашению с Индианским университетом, его результаты обсуждались осенью 1999 г. в качестве ключевого докла-

гипотезу: базовой категорией бахтинской концепции является не полифония и/или монологизм, а двуголосое слово (единая синтаксическая конструкция, которая формально одноголоса (принадлежит одному говорящему и не содержит шаблонов прямой или косвенной речи), тем не менее в ней одновременно — и достаточно отчетливо — звучат два голоса). Между двуголосием и предикативным актом проводится прямая аналогия (чужая речь соотносится с субъектом высказывания, авторская — с предикатом). С этой позиции дается толкование парадоксальных, лингвистически трудноуловимых свойств двуголосого слова (два голоса, разноприродная двуреферентность, трехпредикатность), которое понимается как архетипическая структура языкового сознания. Двуголосое слово сближается с диалогом, а сам диалог трактуется как своеобразная взаимопредикация реплик (тематическая и/или тональная). Лингвистическую загадку Бахтина Гоготишвили разгадывает с помощью амбивалентной формулы: двуголосое слово — это *монологическая разновидность диалогизма* [36, с. 140–173]. Любопытно, что эта дефиниция, по-видимому, варьирует бахтинское определение диалогизма Иванова как монологического. Не случайно монологизм и полифония рассматриваются Гоготишвили как частные виды двуголосия: диаметрально противоположным образом они реализуют в конкретных типах культуры архетипическую двуголосость (диалогичность). Не вдаваясь в дальнейшие детали этой концепции, отметим, что она разворачивается в плоскости абстрактно-теоретической, даже схоластической. Если свои рассуждения о предикативном характере символа и мифа у Иванова Гоготишвили иногда называла «логической игрой» [36, с. 55], то здесь не без самоиронии она говорит о «предикативной логической “волынке”» [36, с. 214]. Но самое удивительное — в статье исчезает пошаговое сопоставление бахтинского двуголосия с ивановским мифом в рамках предикативной концепции. Инте-

да на международной конференции в Блумингтоне (Индиана, США); планировалось, что статья впервые появится в сборнике материалов конференции, но фактически она увидела свет в пятом Бахтинском сборнике в 2004 г. [31].

ресующая нас сюжетная линия, уже разработанная в предшествующих *заготовках*, таким образом, уходит в подтекст. Вяч. Иванов упоминается крайне редко, хотя и в значимых местах, и в целом диалогизм, в духе самого Бахтина, противопоставляется диалектике и символизму как монологическим формам мысли.

Такой поворот, признаться, долгое время выглядел для нас загадкой, на этот раз заданной самой Гоготишвили. Он выглядит особенно странным, если иметь в виду статью «Рецепция символизма в гуманитарных науках», обобщающую весь «предикативный» цикл. Ее первоначальный вариант сохранился в файле «Черновое. Рецепция символизма» (23.04.2000) и был написан, скорее всего, сразу после «Двуголосия...». «Предикативное скрещение антиномий — богатая интеллектуально-техническая идея Иванова», не воспринятая современными исследователями, — с полемическим пафосом заявляет Гоготишвили, — она была «подхвачена и вариативно продолжена в бахтинской философии языка, проинтерпретировавшей ивановские антонимы и антиномии как смыслы, исходящие от разных личностей (голосов)»; «на символическом фундаменте во многом базируются и бахтинская карнавальная концепция, и идея двуголосого слова, а в перспективе и полифоническая концепция, которые — как и ивановская формула предикативности мифа — также не находят адекватной рецепции в рационализирующем их гуманитарном мышлении» [37, с. 172–173]. Это утверждение почти полностью совпадает с финальным выводом «Антиномического принципа в поэзии Вяч. Иванова», который, напомним, появился позже, к осени 2001 г. Следовательно, большой пассаж о Бахтине в конце этой статьи, как выясняется, был вовсе не зерном будущего «Двуголосия...», а концептуальной выжимкой из всех работ, предпринятых после «Между именем и предикатом...», и прежде всего из черновых *заготовок*. Вторая статья об Иванове, в итоге, завершает предикативную интерпретацию символизма, предложенную Людмилой Гоготишвили.

Не учитывая реальную историю создания цикла, трудно уловить логику решения тесно связанных между собой лингвистических загадок Иванова и Бахтина, особенно если подходить со

стороны «бахтинской» статьи, где эта смысловая антитеза намечена пунктирно. Почему же Гоготишвили не довела до печати те наброски, где параллель между предикативной концепцией символа и мифа у Иванова и предикативной интерпретацией двуголосого слова и диалога у Бахтина основательно продумана? Почему не обнародовала свое *лингвистическое* решение проблемы влияния Вячеслава Иванова на Михаила Бахтина, в то время как в преамбуле к «Философии поступка» всесторонне рассмотрела генетическое родство их *философско-эстетических идей*?

Ответить на эти вопросы можно лишь гипотетически. Очевидно, что Преамбула к раннему и лишь частично сохранившемуся трактату Бахтина готовилась не один год, но завершающий этап работы пришелся на момент, когда уже были написаны статьи предикативного периода. Гоготишвили устанавливает здесь прямую взаимосвязь между бахтинским нравственным первопринципом — «абсолютным себя-исключением» — и комплексом ивановских идей, связанных с архетипом жертвы. Всемерное «концептуальное наращивание весомости индивидуально-единственного Я», подчеркивает она, у Бахтина ведется «с целью его “заклания” (подобно ритуальному откармливанию жертвенного агнца). Я — мистериальная жертва бахтинской нравственной философии, или — ее трагический герой, предопределенный к гибели катартической телеологией трагедии» [29, т. 1, с. 357]. Бахтинское «само себя-исключающее Я» — «жрец и жертва в одном лице (ивановский мотив)» [29, т. 1, с. 375].

Иванов, как и Бахтин, несмотря на всю глубину различия между ними, полагает она, «не уместается в узкие рамки символического течения русской философии, особенно в ее сложившемся “классифицирующем” понимании». Объединяет обоих мыслителей их неуловимость в рамках жестких «парадигм» философской мысли начала XX в., хотя оба они имеют особое отношение к символизму в узком смысле, т. е. к литературному течению рубежа веков. У Бахтина «нет практически ни одного позитивно маркированного употребления этого понятия», но и Иванов, согласно Гоготишвили, двигался от символизма к персонализму: «Ивановский символизм если не изначально, то по нараста-

ющей становился персоналистическим, вплоть до означенного выше постепенного и полного отхода от первоначальной безлично символистской терминологии»²⁴. Близкой оказывается и персоналистическая проблематика: в «К философии поступка» так же, как у Иванова, «тезис о неправоте отвлечения от персонального Я совмещался с темой поиска выхода из тупика солипсизма» [29, т. 1, с. 392]. Мысль Бахтина, и даже его стиль, подчеркивает Гоготишвили, формировалась во многом «как следствие концептуальной установки на совмещение двух антиномичных тезисов: центральности категории Я как предмета философского внимания в качестве единственно возможного “автора” соприкосновения миров и, второй тезис, принципиальной необъективируемости Я, невозможности превратить его в объективированный предмет философского описания» [29, т. 1, с. 396].

Одной из основных линий сближения Бахтина и Иванова, как видим, является критика «неправой» объективации, на которой строится современная культура, их установка на «принципиальную необъективируемость» референта высказывания. Но при этом отмечается, что они исходят из разных оснований. Если на первом плане нравственной философии Бахтина — *ответственная нудительность нравственного поступка, единственная единственность моего Я*, недоступная взгляду *извне*, а значит и объективации, то у Иванова речь идет о невозможности выразить в языке (прямо назвать) содержание мистического опыта. Исходя из этого, намечаются и другие пункты сходства и различия, в частности, между бахтинским *событием бытия* и ивановским мифологическим *событием*; говорится о разных типах *участного мышления* у Бахтина, нравственного и мифологического, что подразумевает принципиальную точку расхождения во взглядах «учителя» и «ученика». Но в целом складывается впечатление, что в Преамбуле Гоготишвили в большей степени настроена на «согласительный синтез»: гипотезу о фундаментальном родстве идей Иванова и Бахтина она доказывает гораздо активнее, чем анализирует их разногласия. Обращает на себя внима-

²⁴ Такую же точку зрения часто высказывал Роберт Бёрд, см., напр.: [2, с. 67].

ние, к примеру, осторожное замечание о том, что один из самых существенных частных моментов спора бахтинской концепции с фундаментально родственной позицией Вяч. Иванова касается области взаимоотношений *этического себя-исключения* и *эстетической вменяемости* [29, т. 1, с. 379]. Момент несколько уточняется, когда речь заходит о различиях между монологической и полифонической формами вменяемости автора, подчеркнутых Бахтиным в «Проблемах творчества Достоевского» [29, т. 1, с. 422–423]. Но от обсуждения одного немаловажного аспекта, который вряд ли можно было пропустить, Гоготишвили уклоняется. Бахтин, как известно, резко противопоставлял ответственную «причастность бытию-событию мира в его целом» и «безответственное самоотдание бытию», или «одержание бытием (одностороннюю причастность)». С его точки зрения, именно к ней в значительной степени «сводится пафос философии Ницше, доводя ее до абсурда современного дионисийства» [29, т. 1, с. 44]. Пассаж выглядит прямо-таки «антиивановским» демаршем. В примечаниях к этому месту Гоготишвили упоминает, что Иванов был проповедником Диониса в России, но, «впрочем», добавляет она, ослаблял нигилистический пафос и агрессивный натиск Ницше. Однако следующую ее фразу о том, что под влиянием культуры русского символизма «дионисийство» подвергалось широкой вульгаризации в быту артистической богемы [29, т. 1, с. 454–455], можно понять в том смысле, что Бахтин критикует вульгарное «дионисийство», а не ивановское, рафинированное — что как минимум спорно. Вместе с тем, обходя стороной тонкий вопрос о соотношении дионисийства Иванова с этической причастностью бытию-событию у Бахтина, Гоготишвили утверждает, что «принцип себя-исключения, антиномически завершающий наращивание значимости индивидуального аспекта», исключает возможность «сколь бы то ни было существенно толковать бахтинскую позицию как философию жизни в ее ницшеанском русле» [29, т. 1, с. 372]. Можно найти и другие косвенные подтверждения тому, что в задачи Гоготишвили входило не дотошное выявление разноречий между Ивановым и Бахтиным, а напротив, их разностороннее сближение.

В любом случае Преамбула «К философии поступка» имеет огромное значение для темы «Иванов — Бахтин» в интерпретации Гоготишвили, потому особенно, что она создается *после* лингвистической трактовки ивановского мифа и бахтинского двуголосия, а значит, во многом на ее основе. В самом деле, хотя в Преамбуле на первый план выдвинуто идейное влияние Иванова на Бахтина (т. е. это *что*), нельзя не заметить, что в реконструкции не сохранившейся полностью бахтинской работы Гоготишвили оперирует другим аспектом вопроса — *как*. Прежде всего это касается антиномичности и амбивалентности мысли Бахтина: воссоздание ее архитектоники происходит в основном с опорой на антиномизм Иванова. Настойчиво проводится мысль об «антиномически организованном дискурсе», о «контрапунктном принципе смыслового строения» философского трактата, аналогичного «антиномическому принципу Вяч. Иванова», за которым, в свою очередь, стоит многовековая стилистическая традиция антиномического мышления и выражения, включающая в себя как «поэтику антиномий», так и «поэтику тавтологий» [29, т. 1, с. 380, 383]. Интересно, что Гоготишвили ссылается тут на формулировку Аверинцева и на свою статью «Антиномический принцип...», приводит примеры тавтологий у Иванова (*«Горит огонь; и, движась, движет сила; / И волит воля; и где воля — действие. <...> Свершается свершитель, / И делается делатель»* [40, т. I, с. 743]) и у Бахтина (в ФП — *единственная единственность, волеизволение* и др.). При этом, что характерно, она не считает нужным упомянуть о том, что лингвистический механизм тавтологий Иванова был «выведен» с помощью трансформаций его мифологического суждения в статье «Между именем и предикатом...» (см. прим. 22). Однако все вышесказанное убеждает, что в основе истолкования философских идей раннего Бахтина лежит предикативная концепция Гоготишвили. «Лингвистическая конкретика» предшествующих работ находится в Преамбуле в латентном виде, но ее рефлексы отсвечивают как в приведенных случаях, так и когда говорится о теории двуголосого слова, а само двуголосое слово понимается «как результат перевода изначальной стилистической страте-

гии М.М.Б. в предмет его философских и гуманитарных исследований» [29, т. 1, с. 396–397].

Итак, Гоготишвили по-своему решила взаимосвязанные лингвистические загадки Иванова и Бахтина, отмыкающие «ворота смысла». На вопрос, почему же она так и не опубликовала свои материалы по их сопоставлению, ответ нашелся в архивном документе с малоговорящим названием «Амер. 2» (09.08.2004). Это оказался текст той же статьи «Двуголосье...», но его предваряет помета, набранная прописными буквами, как обычно Гоготишвили отмечала наиболее важные вещи: «ЭТО ВАРИАНТ БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВКИ. ЗДЕСЬ ЕСТЬ СНОСКИ НА ЭКСКУРСЫ». Действительно, в отличие от файла «Доклад Америка», совпадающего по содержанию с первой публикацией, здесь к основному оглавлению добавлены Приложения, а именно шесть пронумерованных и отдельно озаглавленных «экскурсов» (с ремаркой в скобках: «ЭКСКУРСЫ НЕ ПЕЧАТАЮ»). После четвертого из них — «Двуголосье в сравнении с логикой, диалектикой и символикой» — следует запись: «ВНИМАНИЕ: можно вставить отдельный экскурс: “Бахтин и Иванов” (есть в заготовках)». В свете этого материала многое проясняется. Судя по датировке, именно этот вариант статьи Гоготишвили планировала поначалу включить в «Непрямое говорение». Тем не менее в книгу он так и не вошел. Причин тому было, вероятно, несколько. Книга готовилась к изданию в сложной ситуации²⁵, когда все силы автора были брошены не на «старые» работы (уже опубликованные «ивановские» и «бахтинская» статьи), а на новые (об «эйдетическом языке» у Лосева и теоретический трактат «К феноменологии непрямого говорения»). К последней из них в свою очередь приложены шесть экскурсов, более значимых для Гоготишвили, сменившей к этому времени формально-лингвистический (предикативный) подход на феноменологический, более подходящий для описания феномена «непрямого говорения». Надо думать, вопрос с экскурсами был решен в

²⁵ Не последнюю роль здесь сыграло, вероятно, и состояние здоровья Гоготишвили: в 2006 г. она перенесла первую онкологическую операцию.

пользу новой тематики и новой методологии, в результате чего прежние разработки остались неизданными.

Мы публикуем отдельные фрагменты из *заготовки* «Символизм», частично повторяющей основные положения из файла «ИвБах». Конспекты из работ современных лингвистов мы опускаем, из Бахтина — оставляем: они наглядно демонстрируют, как детально Гоготишвили прорабатывала тексты своих «героев», «переводя» исходные цитаты в русло своей предикативной концепции. Несмотря на неизбежную отрывочность воспроизведения и «лабораторный» характер текста, не предназначенного для печати, он может многое прояснить как в предикативной интерпретации символизма Иванова, далеко не однозначно воспринятой в иванововедении, так и в предикативной трактовке двуголосого слова Бахтина, еще менее, по-видимому, усвоенной²⁶. Но самое главное — этот набросок, так никогда не увидевший свет, дает возможность проследить логику Людмилы Гоготишвили, разгадывающей лингвистические загадки двух Сфинксов — Вячеслава Иванова и Михаила Бахтина, а через них — философию языка русского символизма.

Текст публикуется с сохранением авторского написания ключевых слов (*пра-миф, пра-форма*), а также графических акцентов (полужирного шрифта, курсива и применения верхнего регистра, Caps Lock'a), опечатки исправляются, сокращения раскрываются без оговорок. Примечания автора даются в постраничных сносках со знаком звездочки. Комментарии публикатора — в концевых сносках.

²⁶ За исключением точечных позитивных оценок в статьях Н.Д. Тамарченко [16, с. 346, 349], нам известна только одна работа, в которой подробно излагается предикативная интерпретация двуголосия, монологизма и полифонии у Бахтина, но без указания на ее концептуальную взаимосвязь со статьями Гоготишвили о символизме Вяч. Иванова [26].

А.А. Гоготишвили

СИМВОЛИЗМ

1. Символизм занимает особо маркированное место: символические сочетания антонимов максимально приближены к амбивалентным, но все же, по Бахтину, остаются не таковыми, **поскольку символизм принципиально однотонен**. Возможно, впрочем, иное толкование, например, ивановского типа символизма, но в данном случае важнее те аргументы, которые Бахтин выставляет в качестве доказательства неамбивалентности символизма. Главный его аргумент состоит в том, что вся судьба символа (как и метафоры) сосредоточена в разного рода приближениях и отдалениях от своего предмета; проблема символа есть проблема соотношения слова с предметом. Следовательно, Бахтин интерпретирует референт символической речи как предмет или сущность (это, кстати, наиболее распространенная точка зрения), но вероятна и совсем иная интерпретация символического референта — как архетипического состояния сознания. Дело, впрочем, не в разнице интерпретаций референта символической речи, а в том, что ровно так же — как состояние сознания или как расширение сознания — может быть проинтерпретирован и референт обоих базовых типов бахтинских амбивалентных высказываний: как карнавального, так и двуголосого слова.

ПРИМЕР КАРНАВАЛЬНОГО СЛОВА: *смерть тебе, синьор отец!*¹ Здесь есть и серьезно-прославляющий полюс (*синьор отец*), и смеховой-бранный (*смерть тебе*). Причем, эти фрагменты даны в **предикативной** связи. Предметно понимаемого референта здесь нет, референцируется некое смещение акцентов сознания, в результате которого воспроизводится архетипический настрой, архетипическое ивановское КАК (о ЧТО и КАК см. МФЯ, 130)².

Интересно, что с такой точки зрения меняется смысл знаменитого бахтинского двутелого карнавального образа³. Он — не

адекватно воспроизведенный референт карнавального слова, а **промежуточная ступень** к воспроизведению искомого архетипического состояния, ступень, на которой расшатываются привычные представления о прямой конкретной предметности референтов неамбивалентной речи.

2. Ивановский символизм, в его, по крайней мере, теории, тоже не ориентировался на изолированное имя. Не ориентировался он и на изолированный символ. Прафеномен символической поэтической речи, по Иванову, тоже двусоставен. Иванов возводил свои символические синтетические суждения к **двусоставной** мифологической пра-форме **языковой** природы, причем прямо говорил при этом об обязательности предикативно-го акта и даже в наиболее узком его понимании — с непосредственно глагольной предикацией.

Про двусоставность у Иванова. Острота ивановских идей в этой области не только в том, что роман, стихотворение, религиозно-философская система и даже, возможно, типы культур могут быть условно свернуты в пра-миф, а, напротив, в том, что **миф, по Иванову, это — предел «сворачивания» и что сам миф, а вместе с ним и все символические фигуры речи, не могут быть в свою очередь свернуты в символ и тем более — в имя**⁴.

По существу, это предварительная и усеченная (без тональной амбивалентности), но все же бахтинская идея или ее вариация. У Бахтина тоже есть предел сворачивания — два голоса. Двуголосое слово не может — без утраты своей многосоставной референции — быть свернуто (или не может быть нейтрализовано) в один голос (в предложение с одной предикацией к одному референту). Тем более — в имя. Если таковое происходит, то это уже не двуголосое, а одноголосое слово.

Не может, по Иванову, и символ быть развернут в миф, так как последний для осуществления референции нуждается, по Иванову, в **синтетическом** добавлении к символу второй предикативной зоны — добавлении «со стороны», а не изнутри самого символа.

Эта же идея есть и у Бахтина. В его координатах она выражается как утверждение невозможности выхода на двуголосое

слово из сферы замкнутого на себя сознания (из, например, аналитизма или диалектики). Чтобы появилось двуголосое слово, нужно ввести голос второго я.

Иванов при этом возводил свои символические синтетические суждения к **двусоставной** мифологической пра-форме **языковой** природы. Могут ли быть возведены к некоей собственно **языковой** пра-форме бахтинские двуголосые и полифонические конструкции? В обычном смысле — вероятно, нет. В некоем жестком варианте — может, и да.

У Иванова пра-миф имеет языковую форму, у Бахтина пра-феномен романного слова не имеет языковой формы, он амбивалентен и интонационен, можно говорить, что он скорее обряден и ритуален. Прафеномен Бахтина **диалогичен**, т. е. ориентирован не на саму речь, на ее семантику, а на **ситуацию** общения. Архетипичны ситуации общения, т. е. взаимные позиции говорящего и слушающего, статус и природа референта, коммуникативная цель. Эти архетипические компоненты прямого отношения к языковой семантике и формальному синтаксису не имеют. В каком-то смысле Бахтин вообще аннигилирует языковую семантику, сворачивает ее в коммуникационное ничто. Язык — последний покров на пути от разросшейся культуры к архетипу и первый покров на пути от архетипа к культуре. (Возможны аналогии и расхождения с Зильберманом)⁵.

Бахтин сделал по направлению, указанному Ивановым, шаг, который сам Иванов не сделал. Ивановская идея о превалировании КАК речи, в том числе и мифа, над ее ЧТО — зародыш бахтинских тоновых архетипов (точно так же, как ивановское ТЫ ЕСИ — источник бахтинского двуголосия и полифонии*). Но Иванов на пути к архетипу остановился перед семантикой

* Возможно, и архетипическая карнавальная антиномика появилась в бахтинской мысли именно по следам Иванова — недаром в лекции о нем специально подчеркивается этот момент. В частности, идея антиномичного противостояния и одновременно сращения божества и жертвы. — *Прим. Гоготилишвили*. Упоминается лекция Бахтина «Вяч. Иванов», записанная Р.М. Миркиной [29, т. 2, с. 316–327].

языка, оставив ее в ограде архетипа, Бахтин — перешагнул семантику языка, оставив ее вне этой ограды.

3. У Иванова семантически осложненное скрещение антонимов тоже происходит за пределами и логики, и аналитики, и диалектики — в символике, в двусоставном и предикативном символическом высказывании. Но и ивановская символика остается, по Бахтину, как и логика, и аналитика, и диалектика, в пределах идеи так или иначе понимаемого единства сознания, а у Бахтина — в точке диалогического скрещения принципиально разных сознаний. Амбивалентные семантические сращения локализуются Бахтиным не в пределах одного сознания в его сколь угодно сложных отношениях к предмету и в сколь угодно сложных формах саморазвития смысла, а между двумя сознаниями, воплощенными в голоса.

Судьба антонимов здесь несколько иная: одно дело — взаимоотношение антонимов в топографическом единстве, будь то вертикальная картина мира или карнавал, другое дело — взаимоотношение антонимов там, где романтизм сделал свое дело и где появилось я-для-себя и противопоставленное ему я-для-другого, не вмещающиеся полностью в топографию, основанную на взаимоотношениях Я — МЫ. Рассеивание топографического фона лишило романное слово конкретной ситуации общения. **Где появилось реальное глубокое Я, там карнавальные антонимы, жившие в топографии, основанной на серьезно-смеховом архетипе общения, органичной амбивалентной предикативной сращенностью (но не тождеством), разошлись по разным Я.** Их надо было опять сращивать, но уже по иному ситуативному принципу, используя уже другой, архетипически заложенный в них и ранее не в полную силу использованный предикативный клей — амбивалентное сращение точек зрения извне-изнутри.

4. Толкование сложного места в ВЛЭ, 138–141⁶:

Проблема разворачивания во внешний диалог. Бахтин несколько раз на протяжении этих нескольких страниц обращается к идее разворачивания двуголосия в реальный диалог двух

лиц. В первый раз говорится о принципиальной **возможности** такого разворачивания применительно к поэтической и риторической двуголосости (которым противопоставлена подлинная предобразованная в языке прозаическая двуголосость). Именно не подлинная двуголосость риторики и поэзии **может быть** адекватно развернута в такой диалог — и это оценивается как минус, как следствие единоакцентного монологического стиля (в ППД речь тоже идет о развертывании внутреннего диалога персонажа — Голядкина — во внешний)⁷. Затем говорится, что подлинная прозаическая двуголосость в такой диалог без остатка развернута **быть не может**, и эта невозможность оценивается как плюс, как **тематическая** (!!!) неисчерпаемость прозаического двуголосия (в отличие, следовательно, от тематической исчерпаемости риторического и поэтического двуголосия в первом случае). Причем говорится, что также **тематически** неисчерпаема и **метафорическая** сила языка, и **миф**.

И вот затем третий случай. Речь опять идет о поэтическом слове. Но уже не о ДВУГОЛОСОСТИ его, а о ДВУСМЫСЛЕННОСТИ ИЛИ МНОГОСМЫСЛЕННОСТИ **символа** и тропов вообще, значит, и метафоры. (ВНИМАНИЕ! видимо, сюда же относится по Бахтину и миф?) Так вот эта двусмысленность уже **не может быть** развернута в диалог, в две реплики диалога, то есть эти два смысла символа **не могут** поделиться между двумя голосами. Поэтому, мол, поэзия и одноакцентна. Встречающаяся в поэзии двуголосость **может**, таким образом быть развернута в диалог, ибо она ущербна по сравнению с прозаической двуголосостью, последняя — **не может** (и это плюс), но **не может** быть развернута в диалог и истинная двусмысленность поэзии (символическая и метафорическая), и **это тоже, следовательно, плюс** поэзии (а совсем не минус поэзии). Значит, двусмысленность поэзии — не тематическая. Надо понимать — не аналитическая, а как бы диалектическая или, лучше, синтетическая, а еще лучше — символическая в ивановском смысле. Она не может быть развернута в диалог, ибо ее синтетичность одноакцентна. А выше поэзия разворачивалась именно в одноакцентном монологическом стиле, но разворачивалась, надо понимать,

аналитически. Невозможность разворачивания в реплики диалога есть **позитивная** характеристика символической поэзии, прозаического двуголосия и полифонии, и сама **эта невозможность вполне может быть проинтерпретирована как наличие между составляющими предикативной связи**, аннулирование которой разрушает полный смысл фразы, хотя частично он и передается семантикой составляющих ее элементов.

Далее Бахтин говорит, что точнее понять эту особенность символа (его двусмысленность и невозможность разворачивания во внешний диалог) можно, попытавшись вселить в его второй голос, например, иронию. Тогда поэтический двусмысленный символ сразу становится двуголосым, поскольку между ним и его предметом вторгается чужой акцент (следует пример с переакцентуацией романтизма Ленского в «Евгении Онегине»). «Евгений Онегин» оценивается при этом как прозаическое двуголосие, откуда следует, что эту двуголосость истинного прозаического символа тоже нельзя без остатка и без потерь развернуть в диалог двух лиц.

с. 143. Двусмысленность поэтического символа не может быть развернута в диалог, ибо она одноакцентна и тем синтетична, прозаическое двуголосое слово — двуакцентно и может предполагать диалог, но до конца и адекватно в него развернуто быть не может, видимо — тоже вследствие своей некоторой синтетичности. «Порождая из себя прозаические романские диалоги, подлинная двуголосость не исчерпывает себя в них и остается в слове... как неиссякаемый источник диалогичности»⁸, ибо всякое реальное слово внутренне диалогично. **Эта синтетичность прозаического двуголосия основана на двуакцентности, которая не может быть разорвана до конца вследствие того, что акценты (голоса) здесь соединены не по аналитической методе, а предикативно. Разрыв предикации ведет к исчезновению целого.** Так же нельзя разорвать предикацию в ивановском мифологическом символическом суждении: остающиеся в таком случае в руках два изолированных символа сами по себе никак не референцируют того, что предполагалось синтетическим суждением в его целом. Если мы разорвем прозаический

ческое двуголосое слово на два голоса, мы, следовательно, нарушим, по Бахтину, адекватную референцию двуголосого слова в его целом. <...>

Если искать направление мысли, в русле которого удобнее описывать смысл лингвистических инноваций Бахтина, то это символизм. В определенном смысле Бахтина можно было бы даже назвать постсимволистом. Основная лингвистическая идея русского символизма, которую по-своему модифицировал Бахтин — **предикация или предикативный акт как особый тип референции**.

Идея об особом типе референции основана на особом — символическом — понимании самого референта. В отличие от традиционного понимания, согласно которому синтаксический субъект референцирует (идентифицирует) некий предмет (элемент) **внеязыковой** действительности, а предикат дает его сигнификативное описание изнутри языка, символический референт мыслится в том же «пласте реальности», что и предикат. Будучи связаны с одним «пластом реальности», субъект и предикат при таком обновленном понимании, с одной стороны, теряют свое сущностное различие, но, с другой стороны, сохраняют формальную и синтаксически-функциональную различенность. Субъект и предикат ивановского мифологического суждения или бахтинского двуголосого слова оба сигнификативны, и в этом смысле **оба** — в традиционном понимании — **предикативны**. С другой стороны, в форме взаимного предикативного скрещения (а не изолированно) они референцируют (идентифицируют) некий особый референт сигнификативной природы, и в этом смысле, но уже в обновленном понимании, **оба референциальны**.

Этот референт, идентифицируемый через предикативный акт, не только «сам» не объектен, но и не поддается «внешней» языковой объективации (например, субстантивации), то есть не семантизируется (как минимум, в лексическом отношении), но тем не менее он поддается референции. Так, в по-ивановски понятом мифологическом суждении синтетическое скрещение двух предикатов идентифицирует в качестве своего референта определенное «состояние сознания», определенное «как» взгляда на мир. Рефе-

рент бахтинской полифонии той же природы, его можно в широком смысле обозначить через понятие «расширение сознания».

Можно было бы перевернуть это рассуждение и говорить о том, что в таких случаях обосновывается не новый тип референции, а новый тип предикации, поскольку такого рода «состояния сознания» возбуждаются (индуцируются) в сознании слушающего, то есть не референцируются как нечто идентифицируемое из «уже» известного, а возникают как нечто новое — а это ближе к традиционной функции предиката. Но в таком толковании нарушается исходная установка: мы получаем предикацию без референта. Референт без предикации мыслим, хотя бы условно, предикат без референта немыслим, поскольку он все равно будет «искать» прикрепления к чему-либо. В конечном счете получится, что референтом станет сознание слушающего, а предикатом — индуцирование некоего состояния сознания.

Нечто похожее, собственно, мыслится в теории речевых актов: иллокутивная сила речевого акта аналогична традиционной предикации, которая направлена именно на партнера речи (приказ, просьба, пожелание, вопрос и т. д.). Но имеется и существенная разница: в теории речевых актов «содержание» предикации является субъективным коммуникативным намерением автора, а в описываемом нами варианте символической концепции предполагается отнесение к некоему «объективному» состоянию сознания.

В конечном счете, постановка на первый план предикации или референции — это дело выбора приоритета. Для символических доктрин, постулирующих приоритетность и возможность прорыва к «высшей реальности», естественней говорить о ее референции, чем о предикации к ней.

По существу, здесь расшатывается само противопоставление субъекта и предиката, они становятся равными членами предикативного акта с разными синтаксическими функциями. На первый план выходит сам **предикативный акт**, который и понимается как особый способ референции.

Это не значит, что отрицается предикация как таковая, напротив — она остается в силе, но получает дополнительные функ-

ции. Обычные субъект и предикат становятся формой или способом новой референции. Логико-синтаксическое деление на субъект и предикат необходимо для описания этой новой формы референции. <...>

Про предикативность

Предполагаемый конечный тезис состоит в утверждении диалогической природы (сущности) предикативного акта как такового. Пока условно: предикация — это по внутренней форме «говорение о». Предикация — это и есть диалог. Говорится не о мире как таковом (чистого слова, в смысле и качестве чистого имени предмета, не существует), но говорится о предшествующей речи о том же предмете. Формулируя субъект своего высказывания, говорящий делает одну операцию (фиксирует тему своего говорения, обособляет ее и берет в состоянии самотождества), а составляя предикат — делает иное (высказывается о теме). Первое неизбежно подается в том или ином отношении извне, второе — изнутри. В предикативном акте как некоем целом одновременно происходит, таким образом, смена и совмещение точек зрения извне и изнутри. И в самой обычной (одноголосой) конструкции, типа *Иван зарядил ружье*, говорящий осуществляет редуцированную операцию аналогичного диалогического характера. Синтаксический субъект — это не безличная «объективная» идентификация внелингвистического предмета речи, а — или функциональная замена, или аналог реплики собеседника. Или предвосхищение реплики ТЫ, или имитирование голоса ОН. То есть подача темы с некой точки не изнутри себя, с некой реальной или условной точки зрения извне себя. Объективация.

Обычный предикативный акт — это не альфа и омега для объяснения природы предикации, а, наоборот, то, что может быть понято только после объяснения диалогичности этой природы. Диалог — сущность языка; предикативный акт — имманентная синтаксическая форма отражения диалога. Как для такового син-

таксическая конструкция с подлежащим и сказуемым не является для предикативного акта исчерпывающей и единственной. Внешние синтаксические связи могут и в большинстве случаев отсутствуют (как в бахтинских ДС⁹). Наоборот: синтаксическая форма с подлежащим и сказуемым — это стянутый диалогизм, выработанная языком имманентная синтаксическая форма имплантации диалога внутрь высказывания.

Все разнообразные смены точек зрения, речевых центров, фокусов внимания и т. д., то есть весь карнавал местоимений и даже смена того, что называется пространственно-временной точкой зрения — все это вариации совмещения точек зрения извне/изнутри с разной степенью редукции диалогизма. Механизм предикации везде один и тот же: одновременная смена и совмещение точек зрения. В обычных случаях точка зрения извне и, следовательно, языковое замещение «другого» дается в позиции синтаксического субъекта, а точка зрения изнутри, то есть самого говорящего, дается в позиции предиката. Происходит объективизация точки зрения извне и ее подавление. В одногolosом синтаксисе — абсолютное подавление, в двуголосии — относительное (здесь хотя два голоса и ощущаются как два голоса, один тем не менее доминирует). В полифонии же гипотетически мыслится равноправие голосов и равенство точек зрения извне и изнутри, что и должно, по Бахтину, обеспечить объективность и амбивалентность высказывания.

Именно потому, что чистое одногolosие есть, по сути, **фиктивная предикация**, такого рода конструкции (логические и диалектические) безболезненно свертываются в именные группы, в которых нет двух голосов (подвижный покой и пр.).

Предикативные словосочетания являются не прообразом предикативного акта, но, напротив, его вторичным, собственно языковым синтаксическим отражением.

Тонкость заключается при этом в том, что поскольку синтаксические предикативные словосочетания не являются прообразом предикативного акта, последний может осуществляться и в непредикативных словосочетаниях, в частности — в именной группе. Внутри, например, той же *беременной смерти*¹⁰ или

внутри сочетания *превосходные кресла* из бахтинского примера в МФЯ¹¹. Но это возможно лишь в составе длительного дискурса.

Из РЖ¹²

262. Возможно вычитать гипотезу о том, что предикативная часть высказывания может быть определена содержанием ответа на него, например, в реплике-согласии: *Солнце взошло. Пора вставать — Да, действительно пора.*

Итак, предикатом высказывания является то, что воспроизводится в реплике согласия (или отрицается в реплике-отрицании). Помимо прочего это подтверждает предикативность диалогических отношений или диалогичность предикативного акта.

Если предложение входит в состав целого высказывания, то оно не самолично вызывает ответную реплику. То же *Солнце взошло* в составе словесного пейзажа есть лишь элемент. Ответная реплика на это предложение невозможна. Ответ здесь — впечатление от пейзажа, оценка его.

265. Тональность (экспрессивная интонация) конститутивный признак высказывания¹³. То есть тональная антиномичность есть в любом ДС.

266. Значение само по себе не экспрессивно¹⁴. Я: то есть тематические антонимы еще сами по себе не тонированы.

МОЖНО закрутить интригу в том плане, что недаром логика и диалектика (Фреге и Лосев) отказались от предикативного акта¹⁵. Предикативность действительно путает там все карты. И недаром же символизм заинтересовался предикативным актом (Иванов).

Предикативность должна быть объединена не с саморазвитием смысла и не с именующей и референцирующей силой языка, а с его коммуникативностью.

271. **«Каждое высказывание надо рассматривать как ответ»**¹⁶. Предикат — это ответ.

В логике предикатом считается то, что утверждается. Этот же смысловой фрагмент высказывания у Бахтина называется ответом. **Предикат есть ответ.** Ответ есть предикат.

Экспрессия никогда не может быть объяснена только предметно-смысловым содержанием высказывания (РЖ, 272)¹⁷. Экспрессия — предикация чужого слова. Тональность — базовая разновидность диалогической предикации.

¹ «Пример карнавального слова» взят из книги Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»: «В карнавальном мире отменена всякая иерархия. Все сословия и возрасты здесь равны. И вот мальчик гасит свечку своего отца и кричит ему: “Sia ammazzato il Signore Padre!” (т. е. “Смерть тебе, синьор отец!”). Этот великолепный карнавальный крик мальчика, весело угрожающего отцу смертью и гасящего его свечку...» [29, т. 4 (2), с. 269].

² Имеется в виду следующее высказывание из работы Бахтина «Марксизм и философия языка» (1929), вышедшей под фамилией В.Н. Волюшинова: «Другой момент переживания — это функция данного *предметного содержания в замкнутом единстве индивидуальной психической жизни*. Вот эта-то *пережитость* или *переживаемость* всякого вне-психического содержания и является объектом психологии. Или, говоря иными словами, объектом функциональной психологии является не “что” переживания, а его “как”. Так, например, содержание какого-нибудь мыслительного процесса, его “что”, не психично и принадлежит компетенции логика, гносеолога или математика (если дело идет о математическом мышлении). Психолог же изучает лишь то, *как* осуществляется мышление данных объективных содержаний (логических, математических и иных) в условиях данной индивидуальной субъективной психики» [30, с. 372].

³ Ср. у Бахтина: «Раблезианский образ — двутелый образ: он говорит, что сама старость расцветает в новой юности (“mon antiquité chanue refleurir en ta jeunesse”). Он дает близкий к духу подлинника перевод на официальный риторический язык народно-гротескного образа беременной старости или рождающей смерти» [29, т. 4 (2), с. 434].

⁴ Выделенный текст — автоцитата из статьи «Между именем и предикатом...» [36, с. 60–61].

⁵ Вероятно, Гогтишвили предполагала сопоставить «полифонизм» Бахтина и «симфонизм (полиномизм)» Давида Зильбермана (1938–1977), оригинального философа, индолога, разрабатывавшего философию «модальной методологии». У Зильбермана встречаются отсылки к Бахтину [38, с. 135, 336]. Замысел не был реализован.

⁶ Гоготиливили излагает работу «Слово в романе» по книге Бахтина «Вопросы литературы и эстетики» (1975). В указанном диапазоне страниц речь идет о *двуголосом слове* в романе, о двусмысленности прозаического слова в отличие от двусмысленности и многосмысленности поэтического слова, в том числе символа (тропа). Прозаическое слово может быть развернуто в диалог: «два голоса диалогически соотносены, они как бы знают друг о друге (как две реплики диалога знают друг о друге и строятся в этом взаимном знании о себе), как бы друг с другом беседуют. Двуголосое слово всегда внутренне диалогизовано». Взаимоотношение смыслов в поэтическом символе — «во всяком случае, не диалогического рода, и никогда и ни при каких условиях нельзя себе представить троп (например, метафору) развернутым в две реплики диалога, т. е. оба смысла разделенными между двумя разными голосами. Поэтому-то двусмысленность (или многосмысленность) символа никогда не влечет за собой двуакцентности его. Напротив, поэтическая двусмысленность довлеет одному голосу и одной акцентной системе», в совр. изд.: [29, т. 3, с. 78–82].

⁷ О диалогичности речи Голядкина, героя «Двойника», Бахтин писал в «Проблемах поэтики Достоевского» (ППД) [29, т. 6, с. 235–246].

⁸ Частично цитируется следующее предложение: «Порождая из себя прозаические романские диалоги, подлинная двуголосость не исчерпывает себя в них и остается в слове, в языке, как неиссякаемый источник диалогичности, ибо внутренняя диалогичность слова есть необходимый спутник расслоения языка, следствие его перенаселенности разноречивыми интенциями», в совр. изд.: [29, т. 3, с. 84].

⁹ ДС — принятая у Гоготиливили аббревиатура бахтинского термина «двуголосое слово».

¹⁰ Бахтин приводит этот пример в книге «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940): «На знаменитых керченских тер<р>акотах есть между прочим своеобразные фигуры б е р е м е н н ы х с т а р у х, безобразная старость и беременность которых гротескно подчеркнуты. Беременные старухи при этом с м е ю т с я. Это — очень характерный и выразительный гротеск. Он амбивалентен; это — беременная смерть, рождающая смерть» [29, т. 4 (1), с. 32].

¹¹ В «Марксизме и философии языка» в качестве примера «особой модификации *предвосхищенной и рассеянной* чужой речи, *запрятанной* в авторском контексте и как бы прорывающейся в действительном прямом высказывании героя» приводится цитата из повести Достоевского «Скверный анекдот», где, в частности, читаем: «Эти три мужа были все трое в генеральских чинах. Сидели они вокруг маленького столи-

ка, каждый в *прекрасном* мягком кресле, и между разговором тихо и *комфортно* потягивали шампанское». Ср. там же авторский комментарий к выделенным словам: «Каждый из этих пошлых, бледных, ничего не говорящих эпитетов является ареной встречи и борьбы двух интонаций, двух точек зрения, двух речей!» [30, с. 462–463].

¹² Далее следуют фрагментарные цитаты (с их параллельным истолкованием) из статьи «Проблема речевых жанров» (1953), конкретные страницы указаны по книге: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. Для современного издания эту работу подготовила Гоготишвили, см.: [29, т. 5, с. 159–286, 535–590]. В преамбуле к комментариям она подчеркивала, что это практически единственная статья Бахтина, написанная «непосредственно изнутри лингвистики с соблюдением терминологических норм и риторических приемов, характерных для того времени». Ориентация на читателя-лингвиста придавала тексту «облегченность» изложения и в то же время смысловую многослойность и непрозрачность: «специфические бахтинские темы чужого слова, непрямого говорения, диалогических отношений и др. здесь фактически лишь констатированы и локализованы в общей схеме лингвистических дисциплин, но не развиты в полной мере» [29, т. 5, с. 537].

¹³ Ср. у Бахтина: «Одним из средств выражения эмоционально оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи является экспрессивная интонация, отчетливо звучащая в устном исполнении. Экспрессивная интонация — конститутивный признак высказывания», в совр. изд.: [29, т. 5, с. 189].

¹⁴ Частично цитируется следующее положение Бахтина: «Выбирая слова, мы исходим из замышляемого целого нашего высказывания, а это замышляемое и создаваемое нами целое всегда экспрессивно, и оно-то и излучает свою экспрессию (точнее, нашу экспрессию) на каждое выбираемое нами слово, так сказать, заражает его экспрессией целого. Выбираем же мы слово по его значению, которое само по себе не экспрессивно, но может отвечать или не отвечать нашим экспрессивным целям в связи с другими словами, т. е. в связи с целым нашего высказывания», в совр. изд.: [29, т. 5, с. 190].

¹⁵ Один из самых любопытных сюжетов «предикативного» периода связан с изменением точки зрения Гоготишвили на отношение Лосева к проблеме предикативности. Сначала она пишет «Лосевскую концепцию предикативности» (1999), полемически направленную против сложившихся оценок его «философии имени», прежде всего, на наш взгляд, против трактовки Ю.С. Степанова (подробнее см.: [22]). В скором времени появляется *заготовка* статьи «об антиномиях» (25.06.2000), заду-

манная как детальное сопоставление предикативности у Вяч. Иванова и Лосева: как и в наброске «ИвБах», сюда вклиниваются большие цитаты из статьи «Между именем и предикатом...». Однако в отличие от последнего черногового материала, в этих записях Гоготишвили честно признается сама себе, что в диалектике Лосева «*суть предикативности остается неясной*». Здесь же намечается сближение позиций Лосева и Г. Фреге, основателя аналитической философии, логика и математика. Оба они, согласно Гоготишвили, поддерживали «парадоксальную лишь на первый взгляд тенденцию логики к размыванию жесткой границы между субъектом и предикатом». Статья «об антиномиях» осталась незавершенной.

¹⁶ Частично цитируется утверждение Бахтина: «Каждое высказывание прежде всего нужно рассматривать как *ответ* на предшествующие высказывания данной сферы (слово “ответ” мы понимаем здесь в самом широком смысле): оно их опровергает, подтверждает, дополняет, опирается на них, предполагает их известными, как-то считается с ними», в совр. изд.: [29, т. 5, с. 195–196].

¹⁷ Гоготишвили резюмирует следующее бахтинское размышление: «...очень часто экспрессия нашего высказывания определяется не только — а иной раз и не столько — предметно-смысловым содержанием этого высказывания, но и чужими высказываниями на ту же тему, на которые мы отвечаем, с которыми мы полемизируем; ими определяется и подчеркивание отдельных моментов, и повторения, и выбор более резких (или, напротив, более мягких) выражений, и вызывающий (или, напротив, уступчивый) тон и т. п. Экспрессия высказывания никогда не может быть понятна и объяснена до конца при учете лишь одного предметно-смыслового содержания его. Экспрессия высказывания всегда в большей или меньшей степени *отвечает*, т. е. выражает отношение говорящего к чужим высказываниям, а не только его отношение к предмету своего высказывания», в совр. изд.: [29, т. 5, с. 196].

Список литературы

Исследования

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.
2. Бёрд Р. Символизм после символизма. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.

3. *Бочаров С.Г.* Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 503–520.
4. *Вестбрук Ф.* Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München: Otto Sagner, 2009. 312 с.
5. *Грабар М.* Михаил Бахтин и Вячеслав Иванов: литературоведческий диалог или взаимное непонимание? // *Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums (Heidelberg, 4–10 September 1989)* / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 204–209.
6. *Исупов К.* Символизм и герменевтика. Siedlce: Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH, 2012. 98 с. (Opuscula slavica sedlcensia)
7. *Йованович М.* Вячеслав Иванов и Бахтин // *Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums (Heidelberg, 4–10 September 1989)* / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 223–239.
8. *Компелев Н.В.* К проблеме диалогического персонажа: М.М. Бахтин и Вяч. Иванов // *Культура и память: Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову: в 2 т.* Firenze: La Nuova Italia, 1988. Т. 2. С. 93–103.
9. *Ланда К.* Категория «проникновения» у Вяч. Иванова и Данте: опыт духовного восхождения // *Соловьевские исследования.* 2023. № 1 (77). С. 152–173.
10. *Магомедова Д.М.* Полифония // *Бахтинский тезаурус: материалы и исследования: сб. статей / под ред. Н.Д. Тамарченко.* М.: РГГУ, 1997. С. 175–176.
11. *Махлин В.А.* «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным // *Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин.* СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 50–76, 764–770.
12. *Николаев Н.И.* Вяч. Иванов и круг Бахтина // *Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г.* Томск; М.: Водолей, 2003. С. 286–294.
13. *Плюханова М.Б.* Труды Вяч. Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа // *Вячеслав Иванов. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с*

- нем. Дим.Вяч. Иванов, М.Ю. Коренева. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 282–301.
14. *Садаёси И.* Иванов — Пумпянский — Бахтин // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 4–16.
 15. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
 16. *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
 17. *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
 18. *Тахо-Годи Е.А.* «Поэтика порога» у М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 61–69.
 19. *Титаренко С.Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.
 20. *Федотова С.В.* «Феноменология говорения» Людмилы Гогтишвили: к истории неизданной книги (по материалам личного архива) // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 4. С. 272–305. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-272-305>
 21. *Федотова С.В.* Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гогтишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273>
 22. *Федотова С.В.* Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гогтишвили с Ю. Степановым // *Europa orientalis*. 2022. № 41. С. 297–313.
 23. *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // Вячеслав Иванов. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим. Вяч. Иванов, М.Ю. Коренева. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. С. 266–281.
 24. *Bird R.* Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories // *Dostoevsky Studies. New Series*. 2001. Vol. V. P. 126–146.
 25. *Bronckart J.-P., Bota C.* Bakhtine démasqué: Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Genève: Droz, 2011. 629 p.
 26. *Demenchonok E.* Bakhtin's Dialogism and Current Discussions on the Double-Voiced Word and Transculture // *Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity* / ed. by E. Demenchonok. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2014. P. 81–138.
 27. *Szilard L.A.* Karneválemélet: Vjacseszlav Ivanov tól Mihail Bahtyinig. Budapest: Tankönyvkiadó, 1989. 174 p.

Источники

28. Абсолютный миф Алексея Лосева / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян // Начала. 1994. № 1. № 2–4.
29. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянских культур, 1997–2012.
30. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке) // Бахтин (под ма-ской). М.: Лабиринт, 2000. С. 350–486.
31. Гоготишвили Л.А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией // Бахтинский сборник / отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 5. С. 338–410.
32. Гоготишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектоника лингвофило-софского пространства / сост., вступ. статья и примеч. И.Н. Фрид-ман; отв. ред. С.В. Федотова. М.: Издат. Дом ЯСК, 2021. 616 с.
33. Гоготишвили Л.А. Лингвистические пролегомены к теме «Лосев и Бахтин» // Симпозион: к 90-летию со дня рождения А.А. Тахо-Годи / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 221–232.
34. Гоготишвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имясла-вия // Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, ис-следования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 580–614.
35. Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Ло-сев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.
36. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 632 с.
37. Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литерату-ра: сб. в честь С.Г. Бочарова / отв. ред. И.Л. Попова. М.: Языки сла-вянской культуры, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.
38. Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма / пер. Е. Гурко. М.: «Эдиториал УРСС», 1998. 448 с.
39. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство // Символ. 2015. № 65. 478 с.
40. Иванов В.И. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
41. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. 223 с.
42. Иванов Вяч. И. По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: в 2 кн. / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. Кн. I.: Тексты. 431 с.

43. М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. 251 с.
44. *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. / сост. А.Г. Мец, науч. ред. Н.Г. Захаренко. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
45. Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 428–512.

References

1. Avtonomova, N.S. *Otkrytaia struktura: Iakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov* [Open Structure: Yakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 503 p. (In Russ.)
2. Berd, R. *Simvolizm posle simvolizma* [Symbolism after Symbolism]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)
3. Bocharov, S.G. “Sobytie bytiia. M.M. Bakhtin i my v dni ego stoletiiia” [“The Event of Being. M.M. Bakhtin and we in the Days of his Century”]. Bocharov, S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots of Russian Literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 503–520. (In Russ.)
4. Vestbruk, F. *Dionis i dionisiiskaia tragediia: Viacheslav Ivanov. Filologicheskie i filosofskie idei o dionisiistve* [Dionysus and the Dionysian Tragedy: Vyacheslav Ivanov. Philological and Philosophical Ideas about Dionysianism]. München, Otto Sagner, 2009. 312 p. (In Russ.)
5. Grabar, M. “Mikhail Bakhtin i Viacheslav Ivanov: literaturovedcheskii dialog ili vzaimnoe neponimanie?” [“Mikhail Bakhtin and Vyacheslav Ivanov: Literary Dialogue or Mutual Misunderstanding?”]. Potthoff, Wilfried, editor. *Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums (Heidelberg, 4–10 September 1989)*. Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1993, pp. 204–209. (In Russ.)
6. Isupov, K. *Simvolizm i germenevtika* [Symbolism and Hermeneutics]. Siedlce, Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej, 2012. 98 p. (Opuscula slavica sedlcensia) (In Russ.)
7. Iovanovich, M. “Viacheslav Ivanov i Bakhtin” [“Vyacheslav Ivanov and Bakhtin”]. Potthoff, Wilfried, editor. *Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums (Heidelberg, 4–10 September 1989)*. Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1993, S. 223–239. (In Russ.)

8. Kotrelev, N.V. "K probleme dialogicheskogo personazha: M.M. Bakhtin i Viach. Ivanov" ["On the Problem of a Dialogical Character: M.M. Bakhtin and Vyach. Ivanov"]. *Kul'tura i pamiat': Tretii mezhdunarodnyi simpozium, posviashchennyi Vyacheslavu Ivanovu: v 2 t.* [Culture and Memory: The Third International Symposium Dedicated to Vyacheslav Ivanov: in 2 vols.], vol. 2. Firenze, La Nuova Italia, 1988, pp. 93–103. (In Russ.)
9. Landa, K. "Kategoriia 'proniknoveniia' u Viach. Ivanova i Dante: opyt dukhovnogo voskhozhdeniia" ["The Category of "Penetration" in Vach. Ivanov and Dante: the Experience of Spiritual Ascent"]. *Solov'evskie issledovaniia*, no. 1 (77), 2023, pp. 152–173. (In Russ.)
10. Magomedova, D.M. "Polifoniia" ["Polyphony"]. Tamarchenko, N.D., editor. *Bakhtinskii tezaurus: materialy i issledovaniia: sbornik statei* [Bakhtin Thesaurus: Materials and Research: Collection of Articles]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997, pp. 175–176. (In Russ.)
11. Mahlin, V.L. "'Ty esi': Dostoevskii mezhdu Viach. Ivanovym i M.M. Bakhtinym" ["'You are': Dostoevsky between Vyach. Ivanov and M.M. Bakhtin"]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiya: v 2 t.* [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.], comp. by K.G. Isupov, A.B. Shishkin, vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 50–76, 764–770. (In Russ.)
12. Nikolaev, N.I. "Viach. Ivanov i krug Bakhtina" ["Vyach. Ivanov and the Bakhtin Circle"]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — St. Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 286–294. (In Russ.)
13. Pliukhanova, M.B. "Trudy Viach. Ivanova o Dostoevskom: evoliutsiia osnovnogo mifa" ["Works of Vyach. Ivanov about Dostoevsky: the Evolution of the Basic Myth"]. Shishkin, A.B., and O.L. Fetisenko, editors. *Viacheslav Ivanov. Dostoevskii. Tragediia — Mif — Mistika* [Vyacheslav Ivanov. Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mysticism], trans. from German by Dim.Vyach. Ivanov, M.Yu. Koreneva. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 282–301. (In Russ.)
14. Sadaesi, I. "Ivanov — Pumpianskii — Bakhtin" ["Ivanov — Pumpyansky — Bakhtin"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 3/4, 2000, pp. 4–16. (In Russ.)
15. Silard, L. *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and Hermeneutics]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)
16. Tamarchenko, N.D. *"Estetika slovesnogo tvorchestva" M.M. Bakhtina I russkaia filosofsko-filologicheskaya traditsiia* [M.M. Bakhtin's "Aesthetics

- of Verbal Creativity” and the Russian Philosophical and Philological Tradition*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
17. Takho-Godi, A.A. *Losev* [Losev]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007. 534 p. (In Russ.)
18. Takho-Godi, E.A. “Poetika poroga’ u M.M. Bakhtina” [“The Poetics of the Threshold” by M.M. Bakhtin]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1997, pp. 61–69. (In Russ.)
19. Titarenko, S.D. “Faust nashego veka”: *Mifopoetika Viacheslava Ivanova* [“Faust of Our Century”: *Vyacheslav Ivanov's Mythopoeitics*]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom “Petropolis” Publ., 2012. 654 p. (In Russ.)
20. Fedotova, S.V. “Fenomenologiiia govoreniia’ Liudmily Gogotishvili: k istorii neizdannoi knigi (po materialam lichnogo arkhiva)” [“The Phenomenology of Speaking” by Lyudmila Gogotishvili: towards the History of an Unpublished Book (based on the Materials of the Personal Archive)”. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 272–305. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-272-305> (In Russ.)
21. Fedotova, S.V. “Lingvofilosofskie novatsii russkogo simvolizma v interpretatsii L.A. Gogotishvili (Viach. Ivanov i A.F. Losev)” [“Linguo-philosophical Innovations of Russian Symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotishvili (Viach. Ivanov and A.F. Losev)”. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 2, 2019, pp. 252–273. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273> (In Russ.)
22. Fedotova, S.V. “Simvolizm Viacheslava Ivanova v kontekste polemiki L. Gogotishvili s Iu. Stepanovym” [“Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the Context of L. Gogotishvili's Polemic with Yu. Stepanov”. *Europa orientalis*, no. 41, 2022, pp. 297–313. (In Russ.)
23. Shishkin, A.B. “Viacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke” [“Vyacheslav Ivanov and the Discovery of Dostoevsky in the 20th Century”]. Shishkin, A.B., and O.L. Fetisenko, editors. *Viacheslav Ivanov. Dostoevskii. Tragediia — Mif — Mistika* [Vyacheslav Ivanov. Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mysticism], transl. from Germ. by Dim. Vyach. Ivanov, M.Yu. Koreneva. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)
24. Bird, R. “Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories.” *Dostoevsky Studies. New Series*, vol. V, 2001, pp. 126–146. (In English)
25. Bronckart, J.-P., Bota, C. *Bakhtine démasqué: Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif*. Genève, Droz, 2011. 629 p. (In French)
26. Demenchonok, E. “Bakhtin's Dialogism and Current Discussions on the Double-Voiced Word and Transculture.” Demenchonok, E., editor. *In-*

tercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2014, pp. 81–138. (In English)

27. Szilard, L.A. *Karnevélelmélet: Vjacseszlav Ivanovtól Mihail Bahtyinig*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1989. 174 p. (In Hungarian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-472-500>

<https://elibrary.ru/WZDSHL>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Е.К. Созина

О СИМВОЛАХ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: МЕТОД А.А. ГОГОТИШВИЛИ

Аннотация: В статье рассматривается концепция символа и русского символизма, предложенная А.А. Гоготишвили. Материалом анализа выступают ее работы о Вяч. Иванове, отчасти и об А.Ф. Лосеве. Делается акцент на новизне подхода Гоготишвили к символу Иванова как «безобразной объективации предиката»: исходя из этого положения исследовательница понимала русский символизм в контексте предикативных и прагматических теорий языка, возникших в ходе XX в. Устанавливается связь между философскими понятиями, выделенными Гоготишвили: символ Иванова, «двуголосое слово» Бахтина, «точка говорения» Лосева. В свете концепции Гоготишвили осуществляется анализ символического языка Вяч. Иванова в его ранней поэзии, материалом анализа являются главным образом стихотворения сборника «Прозрачность» (1904), а также поэма «Человек» (1915). В них выделяется сквозной сюжет неназванного Бога, чье Лицо ускользает под множеством масок, личин, отзвуков — они и выступают в функции предикатов символа, вокруг которого выстраивается сверхмиф Вяч. Иванова. В мелопее «Человек» рассматривается процесс «освоения» и «присвоения» человеком Имени, данного свыше.

Ключевые слова: символ, символизм, предикативность, Людмила Гоготишвили, Вяч. Иванов, сборник «Прозрачность», Лицо и Маска, мелопись «Человек».

Информация об авторе: Елена Константиновна Созина — доктор филологических наук, профессор, зав. центром истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, д. 16, 620990 г. Екатеринбург; Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина, пр. Ленина, д. 51, 620990 г. Екатеринбург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0002-7462-4153>

E-mail: es8591@yandex.ru

Для цитирования: Созина Е.К. О символах Вячеслава Иванова: метод Л.А. Гоготшвили // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 472–500. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-472-500>

© 2024. *Elena K. Sozina*

ABOUT THE SYMBOLS OF VYACHESLAV IVANOV: LUDMILA A. GOGOTISHVILI'S METHOD

Abstract: The article deals with the concept of a symbol and Russian symbolism proposed by L.A. Gogotishvili. The material of the analysis are her works about Vyach. Ivanov, A.F. Losev. Emphasis is placed on the novelty of Gogotishvili's approach to Ivanov's symbol as "the ugly objectification of the predicate": proceeding from this position, the researcher understood Russian symbolism in the context of predicative and pragmatic theories of language that arose during the 20th century. A connection between the philosophical concepts accentuated by Gogotishvili is established: the symbol of Ivanov, the "two-voiced word" of Bakhtin, the "point of speaking" of Losev. In the light of Gogotishvili's concept, an analysis of the symbolic language of Vyach. Ivanov in his early poetry is performed, the material of analysis are mainly the poems of the collection "Transparency" (1904) and the poem "Man". They stand out through the plot of the unnamed God, whose Face slips away under many masks, disguises, echoes — they act as predicates of the symbol around which the super-myth of Vyach. Ivanov is built. In the melopey "Man" the process of "mastering" and "appropriation" by a person of the Name given from above is considered.

Keywords: symbol, symbolism, predicativity, Lyudmila Gogotishvili, Vyach. Ivanov, collection "Transparency", Face and Mask, Melopey "Man".

Information about the author: Elena K. Sozina, DSc in Philology, Professor, Head of the Sector of History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St., 16, 620990 Yekaterinburg; Ural Federal University of the First President of Russia B.N. Yeltsin, Lenin Av., 51, 620990 Yekaterinburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0002-7462-4153>

E-mail: es8591@yandex.ru

For citation: Sozina, E.K. "About the Symbols of Vyacheslav Ivanov: Ludmila A. Gogotishvili's Method." *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 472–500. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-472-500>

Одним из интереснейших философов и филологов, предложивших оригинальное толкование концепции символа и символизма Вяч. Иванова, а также ряда последующих писателей-«постсимволистов», является Л.А. Гоготишвили (1955–2018). С.В. Федотова справедливо определяет ее позицию в науке как «почти маргинальную», несмотря на то, что, например, хорошо известен и признан вклад Гоготишвили в изучение и публикацию наследия А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина [23, с. 297]. Вероятно, слабая востребованность трудов Гоготишвили связана со сложностью восприятия ее работ, требующих погружения и довольно длительного осмысления, почему идеи этой исследовательницы остаются пока на уровне идей — без дальнейшего освоения и применения их в практике анализа художественных и философских текстов¹. В настоящей статье мы попытаемся кратко очертить направление мысли Гоготишвили, исходя, главным образом, из ее работ о Вяч. Иванове², а затем, пользуясь обозначенным подходом, показать возможность его применения при анализе произведений поэта.

Символ и символизм в трудах Гоготишвили

Исходным толчком построения Гоготишвили своей концепции, даже ряда концепций, стал ее интерес к русскому символизму и, как указывает С.В. Федотова [23], стремление оспорить тра-

¹ Разработкой наследия Л.А. Гоготишвили активно занимаются С.В. Федотова и А.А. Гравин, см., в частности: [23; 25; 5; 6; 7].

² Л.Г. Каяниди оспаривает трактовку символа и символизма Вяч. Иванова, осуществленную Л. Гоготишвили (статья Каяниди «Causus Гоготишвили: критические замечания к концепции предикативного символизма» была опубликована в процессе подготовки данного издания, см.: Вестник Тюменского гос. университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 9. № 3 (35). С. 25–39). Вероятно, не бесспорны и та, и другая концепции, однако подход и метод Гоготишвили видится нам созвучным культурному и философскому сознанию современной эпохи: это попытка прочесть русский символизм через философию языка и феноменологию XX в., которая в любом случае обогащает наше понимание его природы.

диционную трактовку этого художественного и философского направления как входящего в орбиту имяславия, а в силу этого относимого Ю.С. Степановым к семантической парадигме философии языка [12]. Гогтишвили заявила противоположную точку зрения на суть построений русских символистов, не оставшаяся, однако, незабываемой в ходе развития мысли исследовательницы. В известной статье «Между именем и предикатом» (1999) она рассматривает символизм Вяч. Иванова «на фоне имяславия» и пытается расторгнуть связь поэта-символиста с теоретиками имяславия, опираясь, главным образом, на труды С. Булгакова и П. Флоренского. В статье «Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)» (2004) она более сдержанна и, напротив, подчас объединяет Вяч. Иванова с остальными имяславцами, показывая их общие черты во взгляде на природу символа. Суть же этого подхода, наиболее ярко фиксируемого у Иванова, состоит в синтаксическом, или предикативном, подходе к языку и к символу.

Как известно, весь символизм был устремлен к «вещей обличию невидимых», т. е. к осуществлению через посредство символа референции — выражения этих незримых, невидимых вещей, трансцендентных сущностей. Д. Мицкевич отмечал, что «кардинальный вопрос» ивановской поэтики — «как отображать область духа, не оставляющую в памяти феноменальных референтов, поставленный еще бл. Августином...» [15, с. 9]³. Л. Гогтишвили утверждает, что «референт символических фигур речи *в принципе не может быть объектирован* (здесь и далее курсив автора. — Е.С.)» и выражен в языке [31, с. 52]. Символическая референция осуществляется у Вяч. Иванова только в мифе, миф же понимался им как «синтетическое суждение, где подлежащее — понятие-символ, а сказуемое — глагол: ибо миф есть динамический вид (*modus*) символа, — символ, созерцаемый как движе-

³ В свою очередь, Стефано Каприо пишет: «Совпадение символа с реальностью — древний вопрос, который в символизме Вячеслава Иванова вновь предлагается как абсолютно актуальный в начале XX в. и тем более сегодня, в третьем тысячелетии» [9, с. 11].

ние и двигатель, как действие и действенная сила» («Заветы символизма») [33, т. II, с. 594–595]. Позднее, в статье 1936 г., Иванов назвал миф «высшим проявлением символа», «ибо миф и есть символ, понятый как действие» [33, т. II, с. 662]. «Миф посредством языка событизирует свой референт», — пишет Гоготишвили [31, с. 59], изолированный символ не может означивать высшую реальность — он способен на это лишь в составе некоей символической фигуры, совместно с предикатами, поэтому можно говорить о предикативности символа, даже о его самопредикации, благодаря которой символ разворачивается в действие и движение. Представляется, что это свойство ивановского символа, найденное исследовательницей, позволяет определить и понять многое в теории символизма и является его своего рода действительным «зерном», исходной клеточкой, проходящей через все его уровни.

Важным словом в статусе понятия в модели Гоготишвили оказывается «скрещение» или «касание», ибо в символе, раскрывающемся через миф, происходит нерасчленимое «трансцендентно-имманентное касание» [31, с. 93]. Касание чего? Того пласта реальности, который принципиально не объективируем в языке, но которого, тем не менее, человек способен коснуться через особого рода переживания, или состояния сознания, о которых сигнализирует, которые означивает через предикаты символ. Здесь, согласно мысли Гоготишвили, и пролегает принципиальное различие имяславия и ивановского символизма: в имяславии «первотолчок» языка относился в трансцендентную область, у Иванова восприятие человеком действия трансцендентных сил происходит *до* языка, в дионисийском экстазе, сам же язык появляется в аполлоническом нисхождении. Поэтому и говорить о сферах «реальнейшего мира» можно только косвенно, символически.

О каких особых состояниях сознания упоминает здесь Гоготишвили, что именно оказывается референцируемым посредством мифа, предиктирующего символ? Укажем некоторые точки преемственности Гоготишвили по отношению к традиции мировой и отечественной философии.

Как было сказано выше, постулирование «предикативности символического модуса смысла» позволило ввести ивановский символизм в прагматическую парадигму лингвистических теорий и направлений, созидаемых на протяжении XX в. Взгляд Гоготишвили, а в ее модели — Вяч. Иванова — коррелирует с концепцией языка, идущей не только от Б. Рассела (как утверждается, вслед за Ю.С. Степановым, в примечании самой исследовательницы), но и от Л. Витгенштейна, который еще более заострил положения своих предшественников, так называемых логических позитивистов: «1. Мир — это все, чему случается быть. <...> 1.1. Мир — совокупность Фактов, но не Вещей» [4, с. 19, 20]; его философия стала толчком к «языковой революции» XX в. Гоготишвили разводит и истолковывает далее ивановские «что» и «как», справедливо полагая, что «как» относится у Иванова не к объекту, поскольку сам объект не референцируется, а к способу видения, и находит общее между ивановским «как» и гуссерлевским или витгенштейновским принципом «видеть как», а также — понятием «*состояние сознания*» у М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского. Мифологическое высказывание, а с ним и символ, отсылает именно к состоянию сознания, которое и становится предметом символической референции. Апелляция к философско-символической концепции Мамардашвили и Пятигорского представляется нам чрезвычайно важной, она помогает Гоготишвили закрыть «лакуну», образующуюся между трансцендентным (область «реальнейшего») и имманентным (язык и человек).

Напомним, что состояние сознания в книге Мамардашвили и Пятигорского «Символ и сознание» означает «принципиальную приуроченность к субъекту» [12, с. 59]. Можно пояснить это таким образом, что состояние сознания означает нахождение человека в сознании, присутствие в сознании, независимо от того, с каким содержанием оно связано. По логике Гоготишвили, опирающейся в этих моментах своих рассуждений на книгу Мамардашвили и Пятигорского, следует сказать о связи символа и мифа с *обрядом*: миф — «языковая проекция обряда», он вербально закрепляет архетипическое состояние сознания, по-

стоянно возобновляемое и фиксируемое в обряде. Следовательно, символ, как и миф, ознаменовывает определенные состояния сознания, за которыми стоит трансцендентное, данное в имманентном. «Нерасчлняемые трансцендентно-имманентные касания», в терминологии Гоготишвили, как раз и стоят за архетипическими состояниями сознания, референцируемым символом и мифом. Символическим выражением неких «потусторонних событий» (встреч с трансцендентным), след которых закрепляется в человеческой памяти, являются, в концепции Мамардашвили и Пятигорского, «мировые события», существующие вне времени; в мифе они выступают как «мифемы». По-видимому, «мировые события» можно соотнести со структурами сознания у тех же Мамардашвили и Пятигорского, они ознаменовывают те «места», те «топосы», где побывало сознание и куда оно еще может вернуться. «Состояние сознания, — говорит Гоготишвили, — это и есть условный, секуляризованный и частичный, синоним экстаза» [31, с. 87], отсюда путь Иванова пролегает «не от имени (или символа) к состоянию, но от состояния — к символу и вообще к языковому выражению. А это значит, что именно состояние сознания есть, по Иванову, референт мифа» [31, с. 87].

«Символы наши — не имена, они — наше молчание» [33, т. II, с. 88], — гласит еще одно «загадочное» определение Иванова. Данный тезис диктовал необходимость поиска «неименных способов символической референции», и в этом качестве в его поэзии предстают антиномические синтаксические конструкции (назовем отдельную работу Гоготишвили «Антиномический принцип в поэзии Иванова», 2004). Причем Гоготишвили рассматривает антиномизм не только как конструктивный принцип творчества Иванова, но и как неотъемлемое свойство самого языка. По мысли С.В. Федотовой, в «антиномичных ивановских конструкциях, подчиняющихся “запрету” на объективацию референта (его именование)», Гоготишвили увидела «радикальную языковую новацию, инициированную именно Ивановым» [23, с. 266]: экспериментирование Иванова с традиционным поэтическим языком, расшатывание его привычных конструкций и образов, тем самым поэт пролагал дорогу многим поэтам-современникам.

В других работах Гоготишвили распространяет принципы лингвофилософии символизма, найденные ею у Иванова, на русский символизм и даже на имяславие в целом. Символизм естественным образом объединяется ею с апофатизмом и энергетизмом, а также с феноменологией. Символ получает своего рода «расширение» в мифологическом синтетическом суждении, оно знаменует событие встречи с «мировым событием» и призвано настроить слушателей на соответствующую волну восприятия. Отсюда, русский символизм, по Гоготишвили, не может быть адекватно понят только лишь в рамках предикативной (синтаксической) парадигмы языка — его следует рассматривать в русле прагматической составляющей языка, сориентированной на эгологию и коммуникацию «я» с другими. Об этом говорит, например, принципиальная важность принципа *Ты еси* в философии Иванова, несмотря на то, что Иванов не ввел этот принцип в язык. «Символизм вообще есть концепция диалога человека с Богом, а отсюда — и диалога вообще» [30, с. 167].

Опустив демонстрацию того, как работает метод Гоготишвили при анализе философии М. Бахтина, П. Флоренского, Г. Шпета и многих других, упомянем лишь об одной пересекающейся сфере — эйдетической философии А.Ф. Лосева, в которой символ получает толкование, близкое к тому, что было у Вяч. Иванова. Особость имяславия Лосева, по Гоготишвили, состоит в том, что «имя» истолковывается в нем «как “символ”, который, с одной стороны, свидетельствует о возможности знаменовать априорное, а с другой — о невозможности его прямого именованья» [32, с. 44]. Это почти ивановское определение развивается далее, и в русле энергетизма символ толкуется как энергия самой «вещи», по сути, как «символ-предикат», что позволяет вспомнить определение символа у Мамардашвили и Пятигорского: символ — «такая странная Вещь, которая одним своим концом “выступает” в мире вещей, а другим — “утопает” в действительности сознания» [12, с. 26]. Нас не должно смущать наименование здесь символа «вещью». Пожалуй, можно прокомментировать это положение словами Гоготишвили, толкующей Лосева: «Вещь символически понимается сознанием, по Лосеву, не “в себе”, как именно

вещь (здесь она апофатически недостижима), а в исходящей от нее энергии — речи/смысле. Это значит... что “вещь” толкуется Лосевым не как смысл, а как *говорящая (порождающая смыслы) инстанция*» [32, с. 53]. «Порождающая смыслы» — т. е. предидирующая их. Согласно же концепции Мамардашвили и Пятигорского, «сознание не имеет “языка” для себя, а имеет только “язык” для психики, и этим языком является язык символов» [12, с. 145]. Возникает еще одно «соответствие»: по Иванову, «символы никак не являются условными человеческими измышлениями; они выявляют во Вселенной, живой всецело, предмирные знаки, вчekanенные в сокровенную сущность вещей, и как бы тайный язык, посредством которого осуществляется общение бесчисленных душ...» [33, т. II, с. 664]. Комментируя мысль Иванова, А.И. Резниченко пишет: «Чувственно-телесное здесь не играет роли чего-то негативного, как хотелось бы неоплатонику. Как раз нет. Символ — это то, что существует предвечно, но выражается в звуках, красках, цветах, ароматах; и человеку дано разгадать эти знаки и понять их язык. Это и есть *correspondance*» [18, с. 43].

Очевиден сквозной, лейтмотивный характер символа в лингвофилософии Людмилы Гоготишвили — по крайней мере, в той ее версии, где речь идет об интерпретации и понимании Вяч. Иванова, Лосева, Бахтина. Она открывает перспективу рассмотрения и развития идей русского символизма, которые оказываются сосредоточены не только в трудах имяславцев, от которых она отталкивалась, но и проходят через постсимволизм первой половины XX в., а также обнаруживают свои «следы» в философии и семиотике всего последнего столетия. Однако Гоготишвили исходит из культурного сознания конца XX в., и для нее многие идеи начала или первых десятилетий XX столетия видятся в «снятом» виде, т. е. органически усвоенном последующим развитием культуры. Это коммуникативно-прагматический аспект анализа языка, смысла, символа, вообще аспект языковой явленности смысла (соотношение естественного и эйдетического языков у Лосева); внимание к дискурсной природе художественной речи — рассмотрение символа в составе высказывания, в окружении контекстов и контактов, где он только и становится пол-

ноценным символом; феноменологический подход и метод анализа, перекликающийся с философией сознания: любой предмет действительности, любая вещь не поступает к нам прямо и непосредственно, но всегда опосредуется взглядом, сознанием, некоей «точкой» (глаза или говорения), предстает в ореоле смыслов. Поэтому и эйдос у Лосева — не *res*, а смысл и «точка говорения». Отсюда важность опосредующей, медиаторской функции, выполняемой как «точкой говорения», так и символом, который опосредует и знаменует событие встречи воспринимающего лица с референтом, не называя, не объективируя его. Благодаря своим философским собеседникам Гоготишвили выходит на чрезвычайно важную проблему века XX-го, основательная разработка которой была начата именно в русском символизме, — соотношения и связи трансцендентного и имманентного начал, их «касания» и пересечения в нашем бытии и сознании, их возможной медиации и способах выражения. В движении мысли Гоготишвили образуется своего рода система зеркал, высвечивающих друг друга, — «*Speculum Speculorum*» по Вяч. Иванову.

Подход Гоготишвили и поэзия Вяч. Иванова

Подход Гоготишвили к толкованию символа Вяч. Иванова, как представляется, позволяет по-новому посмотреть на его поэзию и философию в целом и дает возможность разгадывать его символические «ребусы». Иванова, как известно, часто упрекали в зашифрованности его языка, в умозрительной абстрактности и пр. В этой связи приведем высказывание Гоготишвили: «...она (поэзия Иванова. — Е.С.)... чаще всего воспринимается как поэзия, лишенная реального ситуативного контекста и опоры на реальное событие. Так и должно быть, когда поэзия не направлена на осуществление референциальной “отсылки” к возможному реальному событию, но лишь сама “событизируется” языком, лишь “разыгрывается” как событие в совершенно инородных самой событийности целях» [31, с. 81]. Поэзия — *разыгрывается!* Здесь поневоле припоминается, во-первых, тяготе-

ние Иванова к драматическому роду, во-вторых, его приводимое выше определение мифа как «динамическ<ого> вид<а> (modus'a) символ<а>, — символ<а>, созерцаем<ого> как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [33, т. II, с. 595].

Попробуем обратиться к самой поэзии Иванова, не рискуя объять необъятное, но лишь касаясь некоторых аспектов, или символов, его стихов.

Символический референт у Иванова несубстанционален, поэтому «символический стих», как пишет Гоготышвили, «должен отказаться от акта именования» как опредмечивающего референт. Сошлемся на нашу статью в соавторстве с Л.В. Маштаковой, где прослеживается движение поэтической воплощенности образа Богоявленности в первых двух сборниках Иванова: «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904). В статье показано, как на протяжении первой книги Иванова наблюдается движение Красоты, образа Вечноженственного начала, к ее постепенному «развеществлению», т. е. к утрате антропоморфности и зримой предметности, все большему ее растворению в преображенном мире, открывающемся герою [13]. Это движение, или процесс, усиливается во второй книге лирики Иванова «Прозрачность», в само название которой вынесено определение одной из эманаций Красоты; на нем мы, главным образом, и остановимся.

Концепт «прозрачность» не раз подвергался анализу в самых разных работах иванововедов (см., напр.: [21; 27, с. 413–424; 10; 11; 20, с. 287–305]). Еще раз обратимся к его толкованию в свете подхода Гоготышвили. Прозрачность, занимающая центральное место в поэтическом мире второй книги Иванова, может быть понята как особое состояние мира, воспринимаемое поэтом и его лирическим «я», этому состоянию трудно, даже невозможно найти тематический или предметный коррелят. Прозрачность описывается в стихотворениях, в основном, через глаголы, передающие ее действия, причем действия «по состоянию», как поистине предикаты. Вот ряд примеров из программного стихотворения Иванова под названием «Прозрачность», второго по счету в составе сборника: «твердь улегчила», «скользнула», «пленила»,

«колдуешь», «лелея», «колыша», «простор раздражая», «спишь», «дыша», «прильнула», «веешь», «таешь», «порхаешь», «реешь». Поэт передает событие встречи с ней, драматизируя ее явление, подчас ведет с ней диалог (используются глагольные формы 2-го лица), а в финале обращается с просьбой-волеением: «Прозрачность! улыбчивой сказкой / Соделай видения жизни, / Сквозным — покрывало Майи! / Яви нам бледные раи / За листвою кущ осенних; / За радугой легкой — обеты; / Вечерние скорбные свету / За цветом садов весенних! / Прозрачность! божественной маской / Утишь изволения жизни» [33, т. I, с. 738]. Здесь въяве представлена антиномичность языка Иванова: «за *листвою кущ осенних*» — «за *цветом садов весенних*», а ранее — «и *вечностью веешь случайной*» (в стихотворных цитатах курсив наш. — Е.С.). В символично-предикативном синтаксисе стихотворения Прозрачность и есть то самое «имманентно-трансцендентное касание», о котором писала Гогтишвили, это непередаваемое состояние миробытия, в котором совмещаются субъект и объект, которое возможно только в истонченном, чрезвычайно внимательном и прихотливом восприятии субъекта. Прозрачность и может быть отнесена к тому «тайному языку» символов, «посредством которого осуществляется общение бесчисленных душ, сродных друг другу, но разъединенных характером и особенностями существования и принадлежностью к разным кругам творения» [33, т. II, с. 664]. В диалоге с Прозрачностью лирический герой поэта выступает в качестве своеобразного «обсерватора», «наблюдателя» этого длящегося, нераздельного и неслиянного состояния своего существа и существа мира — их феноменологического единства. О.А. Кузнецова схожим образом комментировала центральный концепт Иванова: «“магический кристалл”, сквозь который смотрит на мир лирический герой сборника и который одновременно являет собой образ мироздания» [11, с. 280]⁴.

Символ у Иванова многозначен, поэтому все стихотворения сборника Иванова можно рассматривать как своеобразные предикаты (попытки определения) прозрачности.

⁴ См. также: [27, с. 413–420; 2, с. 12–24, 34–44 и др.].

Прозрачность — это особая среда, в которой возможно бого-явление. Ольга Дешарт, комментируя название сборника Иванова, писала о прозрачности как «духовной среде», «в которой происходят воплощения мистической реальности (Res). Природа эта антиномична: среда должна быть прозрачной, чтобы не препятствовать прохождению солнечного луча, который ею, непрозрачной, будет задержан, либо затемнен и невидим; но она не должна быть абсолютно прозрачной, должна преломлять луч — иначе Res не будет видна, ибо невидима она сама по себе» (цит.: [33, т. I, с. 63])⁵. Прозрачность можно назвать и эпифанией, явлением божественной красоты; Н.А. Быстров показал, что это проявленность Софии в мире⁶, хотя вряд ли возможно однозначное толкование концептуальных символов поэта.

Неоднократно отмечалось, что путь лирического героя Иванова в данной книге — это движение к себе, познание себя и, соответственно, «получение визионерского опыта, опыта ясновидения», открывающее «*зрение-прозрение* высших реальностей» [20, с. 289]. На пути лирического героя к себе возникают ряды двойников, препятствий, ложных ликов или личин-масок, постоянными мотивами стихотворений становятся образы воды, кладезя (колодца), темноты, лунного света, бездны, зеркала. Они антиномически сочетаются с противоположными образными

⁵ Исходя из этого понимания ивановского образа-концепта, связь физического облика, в котором выступает «прозрачность» Иванова и который как бы обуславливает, поддерживает ее сверхфизическое, мистическое понимание, с учением о свете Гёте, с представлениями Леонардо да Винчи, с философией платонизма отмечали О.А. Кузнецова и С.Д. Титаренко [10; 11; 20, с. 293–298].

⁶ Трактую образ Прозрачности через Вечноженственные образы Иванова, Н.А. Быстров пишет: «“Прозрачность” — символический атрибут “незримой жены” (очевидно, Софии или Мировой Души), но если вспомнить о том, что всякий символ есть, в определенной мере, и само символизируемое, то, значит, “Прозрачность” и “незримая жена” — одно» [3, с. 77]. Добавим, исходя из логики Иванова в толковании Гогтишвили, что символ и символизируемое — «одно» не по сущности, а по энергии, поэтому Прозрачность не определяет референт, поэтому она столь легка, столь «необъектна»; но согласимся с Н.А. Быстровым в том, что она дана скорее как «присутствие», развешивающее конкретику образа.

смыслами, как, скажем, в стихотворении «Темница»: «Мне два кладезя — два взора — / Тьму таят и солнце дней. / К ним тянусь я из дозора / Мертвой светлости моей» [33, т. I, с. 806]. Отсюда, антиномической парой «Темнице» может служить стихотворение «Воззревшие», где поется дифирамбический гимн зрению, способности видения, самой визуальности, причем обретение истинного зрения-видения, т. е. прозрение, возможно лишь через его преображение огнем Красоты: «От персти взятым бреньем / Сгорела слепота; / На долнее прозреньем / Врачует Красота» [33, т. I, с. 748]. В первой строке, как показал Р.Е. Помирчий, содержится реминисценция эпизода из Евангелия от Иоанна: исцеление слепого Христом, который «помазал брением (землей со слюной) глаза слепому» [17, с. 286]. Строка «Сгорела слепота», по закону антиномий, открытому Гоготишвили, означает в символическом языке Иванова — «Огонь озрячивает», т. е. одаривает истинным зрением (см.: [31, с. 75–76]). Ср.: «Когда, сердца пронзив, Прозрачность / Исполнит солнцем темных нас, / Мы возблестим, как угля мрачность, / Преображенная в алмаз» (цикл «Царство прозрачности») [33, т. I, с. 754]⁷. Благодаря этому происходит «опрозрачивание» души, вместо теней являются лица («Яви теням — их лица»), сама душа наполняется состоянием божественного экстаза, как бы разделяя его с Божеством, которому нет имени: «О вы, чьим медом ди-

⁷ Нельзя не отметить последующую автореминисценцию Иванова: в комментарии к поэме «Человек (ч. I, “Кто *“Есмь”* изрек, нарекишись *“Азъ”...*»» даруемое Богом имя поэт представляет «врезанным в алмаз кольца». Первым его получает Денница — и «луч от перстня» исчезает [34, с. 18, 105]. Отсюда Прозрачность можно толковать как необходимое свойство мироздания и человеческой души, позволяющее принять дар Бога и не погасить его. Сам же алмаз своим прозрачным сиянием ознаменовывает («предсказывает») полноту Имени Бога и является одним из ведущих символов в мелопее «Человек» (о чем см. далее). О кристаллах и драгоценных камнях в мире Иванова см.: [27, с. 416–418; 16]. В творчестве символистов в целом, пишет Ханзен-Лёве, «оксюморон *уголь — алмаз* становится парадоксальным символом единства материального и спиритуального, вещества и формы, органического (“дерево”) и неорганического (“уголь”), бренности и возрождения, черного и прозрачного» [27, с. 280].

ким / Душа упоена, / Единым и Вселиким — / Без имени — полна!» [33, т. I, с. 749].

* * *

Сеть отражений и зеркал, проходящих через весь сборник «Прозрачность» (см. об этом: [14]), начинает формироваться уже в первой книге Иванова «Кормчие звезды». В этой связи остановимся лишь на стихотворении «Альпийский рог» из этой книги, в котором создается система множественных отсылок, отражений-отзвуков. Исходной является ситуация пастуха, трубившего в свой рог и тем пробуждавшего в горах «пленительное эхо», которое, как «мнится» лирическому «я», производит «незримый духов хор» самой природы (сродни эоловой арфе романтиков) — происходит своего рода дальнейший перевод звуков альпийского рога пастуха («Что мнилось: незримый духов хор, / На неземных орудьях, переводит / Наречием небес язык земли»). Следующее отражение-отсылка — поэтическая рефлексия лирического «я», его обращение к некоему «гению», который также «должен... в сердцах / Будить иную песнь» (авторерефлексия поэта-автора). Итоговым отражением становится «отзывный глас», звучащий «из-за гор» (важна звуковая переключка: гор — рог): «Природа — символ, как сей рог. Она / Звучит для отзвука; и отзвук — Бог. / Блажен, кто слышит песнь, и слышит отзвук» [33, т. I, с. 606]. Сам Бог здесь — всего лишь «отзвук», но этот «отзвук» и наиболее важен, все песни и звуки — для него. По словам Б.В. Аверина, «Эхо, отзвук — не следствие звука, они — его целевая причина» [1, с. 343]. Ивановское стихотворение разворачивается как многоступенчатый коммуникативный акт, цепь предикаций, центральной фигурой которого оказывается тот, кто производит звуки (пастух, «незримый духов хор» как переводчик, наконец, некий «гений»), по сути же, это поэт, он помещается между двух сфер (в стихотворении «Художник и поэт» в книге «Прозрачность» Иванов пишет: «Грустно-блажен художник-поэт! Он — небо и воды: / Ловит, влюбленный, свой

лик, видит / прозрачность и — мир» [33, т. I, с. 775]), но за ним присутствует и тот, кто в здешнем мире воспринимается как «отзвук». Назначение поэта-символиста — вызывать эхо⁸, ибо прикоснуться к трансцендентному можно лишь косвенно, через отраженные в себе, в своей психической сфере состояния и ощущения, аналогом же этого процесса творческой (авто)коммуникации является контакт поэта с теми, кто становится восприимчивыми его творений, и в этом качестве может выступать сама природа как воспринимающая и преломляющая среда: она откликается на звук рога и создает ему своеобразный резонанс. Еще одним, дополнительным отражением-отзвуком цепочки тех, что прослеживаются в стихотворении «Альпийский рог», становится отсылка Иванова в более поздней статье «Мысли о символизме» (1912): в качестве эпиграфа он приводит весь текст данного стихотворения, а далее дает программные положения искусства символизма: «Ибо символизм — не творческое действие только, но и творческое взаимодействие...», «Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное: ему важна не сила звука, а мощь отзвука. *A realibus ad realiora*» [33, т. II, с. 610, 611].

Не менее значима тема отклика (эха) в стихотворении «Отзывы» (из сборника «Прозрачность»). Оно построено как вопрошание, обращенное одновременно и к самому себе, и к трансцендентному началу: «“Тайный!” — звала моя сила: “Откликнись, если ты сущий!” / Некто: “Откликнись, коль ты — сущий!” — отвечивал мне» [33, т. I, с. 742]. В ответ звучит зеркальное эхо, каждый раз повторяющее вопрос или восклицание лирического героя. Обращение к Богу — Сущий — становится в отзыве именем человека, и поиск Бога оборачивается поиском себя: «И, безнадешный, сказал кто-то: “Я кличу себя!..”».

Обилие отражений и отзвуков рождает проблему поиска тождества с собой и определения истинной эпифании Бога в мире,

⁸ См. в этой связи небольшую заметку Иванова «Эхо. Из письма к Карлу Муту» (1939), где речь идет о словах, воспринятых поэтом как «душевное эхо» и «как заново приобретенное реальное познание»: «Чего нет, то должно быть; и то, что есть, должно становиться; и становящееся будет» [33, т. III, с. 647].

что и будет «опрозрачиванием» себя и мира, требующим особой остроты взгляда и всей сферы чувств. Настоящий поэт-символист, по Иванову, есть тот, кто «утончит слух» и «изошрит зрение», дабы «понимать смысл форм и видеть разум явлений» [33, т. II, с. 539]. Эта утонченная чувствительность поэта раскрывается в первом сонете триптиха «Кто?»: «Кто видит непроязвешенный сев, и злачность / Степей сухих, и за личиной — лик, / И в камне — ключ?» и одаривает способностью «...изобличить явления многозначность» [33, т. I, с. 784]. Из состава сонета, раскрывающего визионерские дары того, «кто», выделяется вторая строфа, в ней множественность отражений преобразуется в одно («В ста откликах рассветный множит клик») и обнажается смысл происходящих метаморфоз: «Глядится Бог в свой мир, и мир — прозрачность». Но Бог здесь сродни античному миру-природе, он всё и везде. Второй сонет последовательно представляет образ иного — иудео-христианского Бога, означивая его библейской лексикой («Кто выйдет в мир, как царь, освобожденный / Из вражеских шатров, где был он — кедр»); характерной приметой неназванного Бога — Христа — становится формула «людей ловец», а также строка «Кто в день седьмой послушит зов “Умри”?» [33, т. I, с. 784]. Третий сонет раскрывает образ ученика и последователя учения Христа, по всей видимости, Франциска Ассизского, на это указывают такие детали, выступающие в функции предикатов символа, как детскость предполагаемого героя («Кто выйдет в мир, как тихое дитя / Играть с детьми идет по придорожью?»), любовь к цветам и бродяжничество («Кто любит так рубины, как цветы? <...> Кто по свету блуждает как дитя, / Цветы собирая и венки плетя?») — напомним об известном сочинении «Цветочки Франциска Ассизского». Строки «Чей внемлет дух, далече улетя, / Стоустому, беспечный, многобожью?» [33, т. I, с. 785] соотносятся еще с одним сочинением святого — «Песнь о Солнце» (в жанре лауды). Солнечность поэзии Иванова — факт общепризнанный, и так же, как Франциска Ассизского, его не раз «подозревали» в пантеизме. Святой этот был чрезвычайно популярен в России начала XX в. и позже, его сочинение переводили многие. Стоит также упомянуть о том, что Франциск Ассизский был

родом из Умбрии — любимого края Италии для Вяч. Иванова (в Ассизи он побывал еще в 1897 г. с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал), а цикл стихов поэта «Rosarium», вошедший в книгу «Cor Ardens», открывался стихотворением «Ad Rosam», где в первой строке назывался Франциск, упоминается этот святой и в других сочинениях поэта.

По Вяч. Иванову, пишет А.Б. Шишкин, «Лицо Бога — загадка и тайна, Он открывается в разных Ликах. <...> ...маска призвана не скрывать тождество того, кто скрыт под ней, но указывает на различные воплощения, через которые трансцендентное может быть явленным в мир» [29, с. 133]. Тема маски, синонимичной в словаре «Прозрачности» отражению, отзвуку, отзыву, личине и пр., связывалась Ивановым с дионисийским культом и подробно освещалась в его работе «Эллинская религия страдающего бога» (1904), вызвавшей критический отклик Д. Мережковского («Маска нужна тому, кому еще не открылось Лицо. Но к чему маски, когда уже есть Лицо?»; цит. по: [39, с. 133]). Иванов ответил ему стихотворением «Лицо или маска» (1904), позднее под названием «Лицо», вошедшим в книгу «Cor Ardens» в цикл с говорящим названием «Солнце Эммауса». Контекст этого стихотворения и в целом масочной темы в России 1900-х гг. подробно восстановил А.Б. Шишкин, мы лишь коротко скажем о нем в свете наших рассуждений.

Тема стихотворения «Лицо», по мнению А. Дудека, — «трудность распознавания Христа в его эпифаниях после Воскресения» [8, с. 61]. Сюжет же являет серию разгадываний Лица Бога через деяния, ознаменовывающие Его явление в мир, но, несмотря на кажущуюся очевидность бытия Бога, о которой свидетельствует сердце («Нам сердце лгать не может»), разгадывание длится и захватывает сознание лирического «я» (а за ним прозрачен автор) восторгом все нового и нового узнавания, ибо Бог предстает в разнообразных ликах-масках, в разных актах длящейся великой мистерии: «Дай сердцу разгадать Твой Лик в Твоей Личине, / И Именем Твоим — устам Тебя наречь, / О Ты, садовником представший Магдалине, / Ты, обещавший радость встреч» [33, т. II, с. 265]. Все стихотворение предстает как целостный миф о поиске

и обретении Бога⁹, Лицо которого теряется во множестве личин и ликов, все же имена Его — с логико-лингвистической точки зрения — выступают лишь аспектами, модусами, событизирующими явление Бога. Христос, угадываемый в первых строках, сменяется именами-ликами других богов и Бога в последней строфе: «Ты, Сущий, — не всегда ль и, Тайный, — не везде ли, — / И в гроздьях жертвенных, и в белом сне лилей? / Ты — глас улыбчивый младенческой свирели; / Ты — скалы движущий Орфей». Орфей и Дионис (с последним сплетается тема жертвенной, обрядовой и погребальной маски), согласно воззрениям Иванова рубежа веков, — предвестья и предчувствия Христа, они ознаменовывают Его приход как вечное событие.

В статье «Новые маски», написанной вскоре, ставится проблема нового искусства, новой драмы, и тема маски начинает звучать и в контексте трагического преображения, и в связи с важной для сборника «Прозрачность» темой двойничества и определения истинного «я»: «Мы хотим проникнуть *за* маску и *за* действие, в умопостигаемый характер лица, и прозреть его внутреннюю маску; но это уже личина Вечности, — не наш ли собственный внутренний двойник эта духовная, безликая личина?» [33, т. II, с. 78]. Современная драма (дионисийская по своим корням и основам), пишет Иванов далее, «раскрывая свое дифирамбическое *как...* упраздняет всякое *что*». Согласно объяснению Гоготишвили, с ивановским «как» коррелируют предикаты, через которые осуществляется референция, «что» же становится при этом *способом* референции. И то и другое относятся у Иванова не к «объекту», а к «способу видения», или к «состоянию сознания» [31, с. 86–89]. Поэтому все маски и личины в стихах Иванова — это тоже «как», и, подобно всякому «как», они ознаменовывают приближение к *Res*, не объективируя (не именуя) его. В текстах Иванова создается и разрешается своего рода антиномическое тождество маски/личины и Лика/Лица. Маска «опрозрачивается»: «из-за прозрачного видения зорче глядит в нас, отражая нас в

⁹ Начало этому мифу было положено еще в ранней поэзии Иванова, таково, напр., стихотворение «Неведомому богу» в сборнике «Кормчие звезды» (см. о нем: [24, с. 218–220]).

своем темном зеркале, мировая Тайна» [33, т. II, с. 78]. Маски, отзвуки, отражения, отзывы представляют своеобразные шаги и действия на пути постижения Сущего, они же акты великой мистерии, они же лики внутреннего и, вместе, «всечеловеческого Я» [33, т. II, с. 76], они выражают некие состояния сознания, ознаменовывающие возможность «касания» трансцендентного, а на уровне языка они предизируют символическое обозначение истинного и не называемого Имени или Лица. «И вспыхнет сокровенное далече / На лицах отсветом Единого Лица» [33, т. II, с. 265], — читаем мы в стихотворении «Пасхальные свечи», следующим в цикле за тем текстом, что получило название «Лицо».

* * *

«Ознаменовательный символизм» Иванова (Л. Гоготишвили [31, с. 23]) в его связи с традицией имяславия и, вместе с тем, в скрытой полемике с ней получил, наверное, самое яркое художественное и рефлексивное выражение в поэме «Человек», написанной им в 1915 г., а впервые изданной лишь в 1939-м (историю создания и публикации поэмы см.: [28]). С.В. Федотова определила существо поэмы как «поэтическую антроподицею» Иванова, соотносимую с «православной антроподицеей» о. П. Флоренского [22, с. 102]. По мнению А.Б. Шишкина, мелопея Иванова перекликается «с центральными произведениями русского символизма, повествующими о драме Человека и Бога во всемирной истории» [28, с. 21]. Думается, что для самого Иванова его поэма представляла не только рассказ о «долгой тяжбе» человека с Богом — о «трагическом состязании, именуемом всемирною историей» [34, с. 108], — но и своеобразное моделирование дальнейшей судьбы человека и человечества в мифе, разворачивающем движение и действие (миф как действие!) символа — символа Имени Бога, принятого и преображенного в творческом деянии (Имени) человека. Именно в Имени осуществляется двойная коммуникация Бога и Человека. Движение внутреннего сюжета поэмы в последовательности всех ее четырех частей/фаз рас-

крывается С.В. Федотовой как «*путь оправдания человека — через культовую причастность таинству Креста и таинству Воскресения*» [22, с. 100]. Миф об Эдипе, являющийся земной проекцией мифа о Деннице-Люцифере и раскрывающий трагедию «онтологического самозванства» человека («Азь»), разрешается указанием пути спасения через жертвенную любовь к Другому («Ты еси») и венчается восстановлением «разрушенного некогда единства между Небом и Землей» [22, с. 98], мистической Евхаристией, изображенной в Эпиллоге мелопеи. Однако вся эта содержательно явленная мистерийно-теургическая «плоть» поэмы, развиваясь, задается в символике Имени, которое выступает знаменующим символом, порождающим двигателем сюжета и, по существу, именно в сюжете «обрастает» предикатами: предикация имени и есть сюжетная «плоть» поэмы, или развертывание ее мифа. В сюжетной «плоти» мелопеи аналитическое толкование имени — «Азь есмь», — являющееся результатом искажения его «тварным духом», через ступени преобразующей крестной муки и любви превращается «в суждение синтетическое»; как писал Иванов в комментарии, «“Азь есмь” должно значить: “Азь” есть “Есмь”; мое отдельное бытие (“азь”) есть Единый Сущий (“Есмь”) во мне, сыне; Сын и Отец одно» [34, с. 105]. Комментируя этот процесс трансформации Имени, Л. Гоготишвили отмечала: «В последней формулировке к идее синтетичности ответного тварного имени подключен и антиномический смысл: при переводе в лингвистический контекст она предполагает развертывание ответного тварного имени в такое суждение, в котором синтетически соединяются и отождествляются в позициях субъекта и предиката антиномические топографические полюса (“отдельное бытие” и “Единый Сущий”)» [31, с. 120]¹⁰. Соединение, или отождествление, субъекта и объекта осуществляется благодаря глагольной связке «есть» или «есмь», поскольку глагол «быть», по справедливому замечанию Гоготишвили, имеет

¹⁰ Ср. толкование о. П. Флоренским одной из основных тем поэмы: «Тема Креста, распадающаяся на антиномические — и мужск<ое> и женск<ое>, да и нет» [26, с. 5].

у Иванова «онтологический (сакральный) статус» [31, с. 101]¹¹. Таким образом, сам статус имени утверждается у Иванова не за предикатом и не за субъектом суждения, «а за самим актом предикативного скрещения, генетически восходящим к сакральному... глаголу “быть”» [31, с. 102].

Обратим внимание: в комментарии самого Иванова имя, наконец обретаемое человеком и приравненное к «свету Отца на челе сына», — это последнее слово человека в «тяжбе с Богом» («Пусть же Твое Имя, которым Ты знаменовал чело мое, будет на нем не печатью¹² беглеца-Каина, но светом Отца на челе сына. — Таково будет, по христианскому упованию, последнее слово Человека в его долгой тяжбе с Богом...» [34, с. 109]). Обретенное Человеком имя становится наконец словом, сам же Бог, как начало трансцендентное, остается «необъективируемым референтом». Напомним, что язык, по Иванову в толковании Гогтишвили, рождается не в дионисийском экстазе, не в приятии человеком действия трансцендентных сил, а только в нисходящей аполлонической обработке, в попытке понять и выразить произошедшее сакральное событие. Выразителем же всего происходящего является не кто иной, как поэт.

В согласии с мифотворческими стратегиями символизма начала века Иванов становится сотворцом древних мифов, их своего рода пере-писчиком — он творит свой собственный нарративный мифологический синтаксис, подбирает множество именных обозначений тем вечным событиям и состояниям, которые закрепляются, а подчас и вызываются, будучи обозначены словом, в его стихах. Нам представляется, что подход Л.А. Гогтишвили, будучи основан на изучении и лингвофилософском толковании многих значительных авторов XX в. — от А.Ф. Лосева до Э. Гус-

¹¹ В XX в. глагол «быть» окажется в эпицентре разнообразных философских коллизий — от Хайдеггеровского *es gibt Sein* до языковых игр Ж. Деррида и др.

¹² О символике печати, понимаемой как символ, см.: [2, с. 34–44]. Люциферическая «печать звезды пятиугольной» («Азъ»), по мысли Иванова, подчеркнутой Бёрдом, должна расплавиться в жертвенной искупительной любви («любовь поет мне: “ты еси!”») и преобразиться в единство Отца и сына, порождающее целостного (единого) Человека.

серля и Ф. Ларюэля, — помогает понять и заново истолковать не только Вяч. Иванова, но и целый ряд соседствующих и последующих поэтов нашей эпохи.

Список литературы

Исследования

1. *Аверин Б.* Палимпсест воспоминаний («Младенчество» Вяч. Иванова) // Вяч. Иванов: pro et contra, антология: в 2 т. / сост. К.Г. Исаупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. Т. 2. С. 322–344.
2. *Бёрд Р.* Символизм после символизма. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.
3. *Быстров Н.А.* К вопросу о религиозно-философском контексте софиологической символики в поэзии Вяч. Иванова: иудаистические параллели // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 3(14). С. 64–81.
4. *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: ИД «Территория будущего», 2005. 440 с.
5. *Гравин А.А.* Классификация русского символизма в ранних работах Людмилы Гоготишвили // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 1: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 208–211.
6. *Гравин А.А.* Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготишвили // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 4(76). С. 133–147.
7. *Гравин А.А.* Энергичность в постсимволизме Алексея Лосева и Михаила Бахтина в интерпретации Людмилы Гоготишвили // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 1: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 183–188.
8. *Дудек А.* На пути к «внутреннему человеку». Концепция самопознания в творчестве Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 53–64.

9. *Каприо С., свящ.* Символ и реальность у Вячеслава Иванова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-10-21>
10. *Кузнецова О.А.* Изображение «видимого» и «невидимого» у символистов («Прозрачность» Вяч. Иванова и «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока) // Александр Блок. Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грыкалова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 60–83.
11. *Кузнецова О.А.* Концепт «Прозрачность» у Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 280–285.
12. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
13. *Маистакова А.В., Созина Е.К.* Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечноженственных образов // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 94–117. <https://doi.org/10.17223/24099554/18/5>
14. *Мицис З.Г., Обатнин Г.В.* Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова (сборники «Кормчие звезды» и «Прозрачность») // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1988. Т. XXII: Зеркало. Семиотика зеркальности. С. 59–65.
15. *Мицкевич Д.* Высота башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века / отв. ред. А.Б. Шишкин. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2006. С. 7–21.
16. *Павлова А.В., Каяниди Л.Г.* Ярким камнем богаты: мир самоцветов в поэзии Вячеслава Иванова. Смоленск: Свиток, 2017. 288 с.
17. *Помирчий Р.Е.* Примечания // *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. СПб.: Академический проект, 1995. Кн. 2. С. 261–363.
18. *Резниченко А.И.* «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья первая. О смыслах имен. С.Н. Дурылин и Вяч.И. Иванов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4(14). С. 33–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-4-33-50>
19. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
20. *Титаренко С.Д.* «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вяч. Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.
21. *Тюрин И.И.* Тема поэта и поэзии в сборнике Вяч. Иванова «Прозрачность». Мифопоэтический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1997. Вып. 1. С. 64–69.

22. Федотова С.В. В лабиринте формы мелопеи «Человек» // *Иванов Вяч.* Человек: Приложение: Статьи и материалы / сост. А.Б. Шишкин. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 73–102.
23. Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273>
24. Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. 293 с.
25. Федотова С.В. Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гоготишвили с Ю. Степановым // *Europa Orientalis*. 2022. № 41. С. 297–313.
26. Флоренский П., свящ. [Комментарий к поэме «Человек»] // *Иванов Вяч.* Человек: Приложение: Статьи и материалы / сост. А.Б. Шишкин. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 5.
27. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
28. Шишкин А.Б. К истории мелопеи «Человек»: творческая и издательская судьба // *Иванов Вяч.* Человек: Приложение: Статьи и материалы / сост. А.Б. Шишкин. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 17–50.
29. Шишкин А.Б. 'Лицо' — 'маска' в культуре Серебряного века. Вяч. Иванов, К. Сомов, Н. Ульянов и другие // *Studi Slavistici*. 2018. Т. XV, № 1. С. 131–151. https://doi.org/10.3128/Studi_Slavis-2261703.1

Источники

30. Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // *Литературоведение как литература*. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.
31. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
32. Гоготишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства. М.: Издат. дом ЯСК, 2021. 616 с.
33. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
34. Иванов Вяч. Человек: [поэма]. Репр. изд. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 120 с.

References

1. Averin, B. "Palimpsest vospominanii ('Mladenchestvo' Viach. Ivanova)" ["Palimpsest of memories ('Infancy' by Vyach. Ivanov)"]. *Viach. Ivanov: pro et contra, antologiya: v 2 t. [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology: in 2 vols.]*, vol. 2, comp. K.G. Isupov, A.B. Shishkin. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 322–344. (In Russ.)
2. Berd, R. *Simvolizm posle simvolizma* [Symbolism after Symbolism]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)
3. Bystrov, N.L. "K voprosu o religiozno-filosofskom kontekste sofologicheskoi simvoliki v poezii Viach. Ivanova: iudaisticheskie paralleli" ["On the Question of the Religious and Philosophical Context of Sophological Symbolism in the Poetry of Vyach. Ivanov: Judaistic Parallels"]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3(14), 2016, pp. 64–81. (In Russ.)
4. Vitgenshtein, L. *Izbrannye raboty* [Selected Works], trans. from German and English by V. Rudnev. Moscow, Izdatel'skii dom Territorii budushchego Publ., 2005. 440 p. (In Russ.)
5. Gravin, A.A. "Klassifikatsiia russkogo simvolizma v rannikh rabotakh Liudmily Gogotishvili" ["Classification of Russian Symbolism in the Early Works of Lyudmila Gogotishvili"]. Nogovitsin, O.N., editor. *Vizantiia, Evropa, Rossiia: sotsial'nye praktiki i vzaimosviaz' dukhovnykh traditsii. Arkhiv konferentsii. Vyp. 1: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 1–2 oktiabria 2021 g.)* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Relationship of Spiritual Traditions. Conference Archive. Issue 1: Materials of the International Scientific Conference (St. Petersburg, October 1–2, 2021)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2021, pp. 208–211. (In Russ.)
6. Gravin, A.A. "Simvolizm Viacheslava Ivanova i Andreia Belogo v svete predikativnoi kontseptsii Liudmily Gogotishvili" ["Symbolism of Vyacheslav Ivanov and Andrei Bely in the light of the predicative concept of Lyudmila Gogotishvili"]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 4 (76), 2022, pp. 133–147. (In Russ.)
7. Gravin, A.A. "Energiinost' v postsimvolizme Alekseia Loseva i Mikhaila Bakhtina v interpretatsii Liudmily Gogotishvili" ["Energy in the post-symbolism of Alexei Losev and Mikhail Bakhtin in the interpretation of Lyudmila Gogotishvili"]. Nogovitsin, O.N., editor. *Vizantiia, Evropa, Rossiia: sotsial'nye praktiki i vzaimosviaz' dukhovnykh traditsii. Arkhiv konferentsii. Vypusk 1: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 1–2 oktiabria 2021 g.)* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Relationship of Spiritual Traditions. Conference

- Archive. Issue 1: Materials of the International Scientific Conference (St. Petersburg, October 1–2, 2021)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2021, pp. 183–188. (In Russ.)
8. Dudek, A. “Na puti k ‘vnutrennemu cheloveku’. Kontsepsiia samopoznaniia v tvorchestve Viacheslava Ivanova” [“On the Way to the ‘Inner Man’. The Concept of Self-knowledge in the Works of Vyacheslav Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 53–64. (In Russ.)
 9. Kaprio, S., priest. “Simvol i real'nost' u Viacheslava Ivanova” [“Symbol and Reality in Vyacheslav Ivanov”]. *Vestnik RGGU. Seriiia “Filosofiiia. Sotsiologiiia. Iskusstvovedenie”*, no. 1, 2021, pp. 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-10-21>
 10. Kuznetsova, O.A. “Izobrazhenie ‘vidimogo’ i ‘nevidimogo’ u simbolistov (‘Prozrachnost’ Viach. Ivanova i ‘Stikhi o Prekrasnoi Dame’ A. Bloka)” [“The Image of the ‘Visible’ and ‘Invisible’ among the Symbolists (‘Transparency’ by Vyach. Ivanov and ‘Poems about a Beautiful Lady’ by A. Blok)”]. Gryakalova, N.Iu., editor. *Aleksandr Blok. Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok. Research and Materials]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, pp. 60–83. (In Russ.)
 11. Kuznetsova, O.A. “Kontsept ‘Prozrachnost’ u Viach. Ivanova” [“The Concept of ‘Transparency’ by Vyach. Ivanov”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — St. Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 280–285. (In Russ.)
 12. Mamardashvili, M.K., Piatigorskii, A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniia o soznanii, simvolike i iazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Discussions of Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)
 13. Mashtakova, L.V., Sozina, E.K. “Poetika teofanii v knigakh Viach. Ivanova ‘Kormchie zvezdy’ (1902–1903) i ‘Prozrachnost’ (1904): transformatsii vechnozhenstvennykh obrazov” [“Poetics of Theophany in the Books of Vyach. Ivanov ‘Helmsman Stars’ (1902–1903) and ‘Transparency’ (1904): Transformations of Eternally Feminine Images”]. *Imagologiiia i komparativistika*, no. 18, 2022, pp. 94–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/18/5>
 14. Mints, Z.G., Obatnin, G.V. “Simvolika zerkala v rannei poezii Viach. Ivanova (sborniki ‘Kormchie zvezdy’ i ‘Prozrachnost’)” [“The Symbol-

- ism of the Mirror in the Early Poetry of Vyach. Ivanov (Collections 'Helmsman Stars' and 'Transparency')"]. *Trudy po znakovym sistemam [Proceedings on Sign Systems]*, vol. XII: Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti [Mirror. Semiotics of Mirroring]. Tartu, Tartu University Publ., 1988, pp. 59–65. (In Russ.)
15. Mitskevich, D. "Vysota bashni" ["The Height of the Tower"]. Shishkin, A.B., editor. *Bashnia Viacheslava Ivanova i kul'tura Serebriannogo veka [The Tower of Vyacheslav Ivanov and the Culture of the Silver Age]*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, pp. 7–21. (In Russ.)
16. Pavlova, L.V., Kaianidi, L.G. *Iarkim kamen'em bogaty: mir samotsvetov v poezii Viacheslava Ivanova [Rich in Bright Stones: the World of Gems in the Poetry of Vyacheslav Ivanov]*. Smolensk, Svitok Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)
17. Pomirchii, R.E. "Primechaniia" ["Notes"]. *Ivanov Viach. Stikhotvoreniia. Poemy. Tragediia: v 2 kn. [Ivanov Vyach. Poems. Tragedy: in 2 Books]*, book 2. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, pp. 261–363. (In Russ.)
18. Reznichenko, A.I. "Ob odnom simvole": istoki i paralleli. Stat'ia pervaiia. O smyslakh imen. S.N. Durylin i Viach.I. Ivanov" ["About one Symbol": Origins and Parallels. Article One. About the Meanings of Names. S.N. Durylin and Vyach.I. Ivanov"]. *Vestnik RGGU. Seriia "Filosofia. Sotsiologiia. Iskusstvovedenie"*, no. 4(14), 2018, pp. 33–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-4-33-50>
19. Stepanov, Iu.S. *V trekhmernom prostranstve iazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the Three-dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art]*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 335 p. (In Russ.)
20. Titarenko, S.D. "Faust nashego veka": mifopoetika Viach. Ivanova ["Faust of our Century": Mythopoetics by Vyach. Ivanov]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom "Petropolis" Publ., 2012. 654 p. (In Russ.)
21. Tiurina, I.I. "Tema poeta i poezii v sbornike Viach. Ivanova 'Prozrachnost'. Mifopoeticheskii aspekt" ["The Theme of the Poet and Poetry in the Collection Vyach. Ivanov 'Transparency'. Mythopoetic Aspect"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, issue 1, 1997, pp. 64–69. (In Russ.)
22. Fedotova, S.V. "V labirinte formy melopei 'Chelovek'" ["In the Labyrinth of the Form of Melopea 'Man'"]. *Ivanov Viach. Chelovek: Prilozhenie: Stat'i i materialy [Ivanov Vyach. Person: Appendix: Articles and Materials]*, comp. A.B. Shishkin. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2006, pp. 73–102. (In Russ.)

23. Fedotova, S.V. “Lingvofilosofskie novatsii russkogo simbolizma v interpretatsii L.A. Gogotishvili (Viach. Ivanov i A.F. Losev)” [“Linguistic and Philosophical Innovations of Russian symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov and A.F. Losev)”]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 2, 2019, pp. 252–273. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273>
24. Fedotova, S.V. *Poetologiya Viacheslava Ivanova* [Poetology of Vyacheslav Ivanov]. Tambov, TOGOAU DPO “IPKRO” Publ., 2012. 293 p. (In Russ.)
25. Fedotova, S.V. “Simvolizm Viacheslava Ivanova v kontekste polemiki L. Gogotishvili s Iu. Stepanovym” [“Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the Context of the Polemic between L. Gogotishvili and Yu. Stepanov”]. *Europa Orientalis*, no. 41, 2022, pp. 297–313. (In Russ.)
26. Florenskii, P., priest. “Kommentarii k poeme ‘Chelovek.’” [“Commentary on the Poem ‘Man.’”]. *Ivanov Viach. Chelovek: Prilozhenie: Stat'i i materialy* [Ivanov Vyach. Person: Appendix: Articles and Materials], comp. A.B. Shishkin. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2006, p. 5. (In Russ.)
27. Khanzen-Leve, A. *Russkii simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskii simbolizm nachala veka. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. System of Poetic Motifs: Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century. Space Symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 816 p. (In Russ.)
28. Shishkin, A.B. “K istorii melopei ‘Chelovek’: tvorcheskaya i izdatel'skaya sud'ba” [“On the History of the Melopea ‘Man’: Creative and Publishing Fate”]. *Ivanov Viach. Chelovek: Prilozhenie: Stat'i i materialy* [Ivanov Vyach. Person: Appendix: Articles and Materials], comp. A.B. Shishkin. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2006, pp. 17–50. (In Russ.)
29. Shishkin, A.B. “Litso' — ‘maska’ v kul'ture Serebriannogo veka. Viach. Ivanov, K. Somov, N. Ul'ianov i drugie” [“Face’ — ‘Mask’ in the Culture of the Silver Age. Vyach. Ivanov, K. Somov, N. Ulyanov and Others”]. *Studi Slavistici*, vol. XV, no. 1, 2018, pp. 131–151. (In Russ.) https://doi.org/10.3128/Studi_Slavis-2261703.1

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-501-528>

<https://elibrary.ru/TATAIB>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Ю.Б. Демиденко

«ДРЕВНИЙ УЖАС» Л. БАКСТА: К РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАМЫСЛА

Переработанный и дополненный текст доклада, прочитанного на Ивановских чтениях 2008 г. в Музее Державина (СПб).

Аннотация: Статья посвящена тесной связи работы Л.С. Бакста «Древний ужас» с «Последним днем Помпеи» К.П. Брюллова. Обе картины объединяют исторический жанр с «живописью катастроф», что дает повод говорить о концепциях исторической живописи и истории как таковой в XIX — начале XX в. В центре внимания — конструирование усилиями археологов, литераторов и живописцев современного образа античной культуры — «мифа об античности» и важного для символизма «мифа об искусстве», интерес к конкретным историческим памятникам и их интерпретациям в жизнестроительном поиске символизма.

Ключевые слова: Л.С. Бакст, К.П. Брюллов, «Древний ужас», историческая живопись, архаика, кора.

Информация об авторе: Юлия Борисовна Демиденко — заведующая отделом декоративно-прикладного искусства, Государственный Русский музей, ул. Инженерная, д. 4, 191086 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3268-4766>

E-mail: jdemidenko@mail.ru

Для цитирования: Демиденко Ю.Б. «Древний ужас» Л. Бакста: к реконструкции замысла // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 501–528.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-501-528>

“TERROR ANTIQUUS” BY LEON BAKST: TOWARDS THE RECONSTRUCTION OF THE IDEA

Abstract: The article is devoted to the close connection of Leon Bakst's painting “Terror Antiquus” with “The Last Day of Pompeii” by Karl Bryullov. Both paintings combine the historical genre with the genre of catastrophes, which gives reason to talk about the concepts of historical painting and history as such in the 19th — early 20th centuries. The focus is on the construction by the efforts of archaeologists, writers and painters of the modern image of ancient culture — the “myth of antiquity” and the “myth of art” important for symbolism, interest in specific historical monuments and their interpretations in the life-building search for symbolism as well.

Keywords: Bakst, Bryullov, “Terror antiquus”, history painting, archaic period, korai.

Information about author: Yulia B. Demidenko, Head of the Department of Decorative and Applied Arts, State Russian Museum, Inzhenernaya St., 4, 191086 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3268-4766>

E-mail: jdemidenko@mail.ru

For citation: Demidenko, Yu.B. “Terror Antiquus” by Leon Bakst: Towards the Reconstruction of the Idea.” *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 501–528. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-501-528>

За полотном Л.С. Бакста “Terror antiquus” в отечественном искусствознании закрепились репутация плохой картины. Художественные критики и коллеги художника сразу же оценили ее как неудачную. «...Художник не справился со своей задачей, он не продумал ее до конца и, вместо символа, дал его схему, пусть интересную, но не отвечающую силе замысла», — констатировал Н.С. Гумилев [14, с. 17]. «...Картины его, как например “Terror antiquus”, были довольно слабы...», — вторил ему князь С.А. Щербатов [34, с. 131]. Скептически о ней высказались А.Н. Бенуа, К. Чуковский [23], М.В. Добужинский и др. Я.А. Тугендхольд, обозреватель Международной выставки искусств

1911 г., приуроченной к 50-летию объединения Италии, даже не упомянул имени Бакста, представившего в Риме свою картину [32]... Позднее ту же мысль подхватили советские искусствоведы: «Малоинтересная как произведение живописи картина...» [31, с. 167], «картина оказалась противоречивой и надуманной» [29, с. 117].

Однако помимо газетных критиков на полотно сразу и очень активно откликнулись литераторы: И.Ф. Анненский, В.В. Розанов, М.А. Волошин, Вяч. Иванов, Велимир Хлебников, — для которых содержание, сюжет и его трактовка были важнее живописных качеств и композиционных находок, а картина стала поводом к размышлениям о самых разных вещах, представлявшихся им важными и актуальными. Не будем повторять, о чем именно идет речь, но эти имена заняли такое место в истории русской культуры, что во многом благодаря им и их исследователям полотно Бакста стало чемпионом в истории русского искусства по числу комментариев к нему.

При этом, несмотря на постоянное внимание критиков, искусствоведов, филологов, антиковедов и историков театра и литературы, начиная с первых появлений картины на выставках и до наших дней, многое в истории создания и бытования работы и, тем более, ее интерпретаций, по сей день остается неясным. Непонятны, к примеру, точные даты создания картины и рождения ее замысла. И.Н. Пружан, первой обратившая внимание на долгий путь Бакста к созданию полотна, указывает на то, что непосредственно над живописным произведением работа велась с 1906 г. [29]. В каталоге 2-й выставки Союза русских художников, открывшейся в Москве 13 февраля 1905 г. (т. е. задолго до поездки Л.С. Бакста и В.А. Серова в Грецию, которая, как обычно считается, и послужила стимулом к созданию знаменитого полотна), значится работа Бакста под названием “*Terror antiquus*” [21, с. 4]¹. Саму работу отчасти описывал А.Н. Бенуа в своем отклике на выставку «Салона» [7]. Но был ли это эскиз картины,

¹ Об экспонировании одноименной работы пишет, в частности, комментатор статьи Вяч. Иванова Г.В. Обатнин [18].

которую уже начал обдумывать художник, ранний ее вариант, набросок композиции или самостоятельный рисунок на ту же тему, была ли вообще работа представлена вниманию публики или только заявлена в каталог (а такие случаи бывали), остается под вопросом. По крайней мере, рецензенты выставки обошли произведение своим вниманием. Местонахождение этого раннего варианта сегодня неизвестно, тогда как знаменитое живописное полотно было передано в Русский музей в 1965 г. непосредственно сыном художника из его мастерской, а до того долгое время пребывало в забвении².

Сам Бакст в письме к Бенуа от мая 1905 г. писал об этом раннем варианте как о «рисунке»³, однако под этим словом могут скрываться как все перечисленные варианты (эскиз, этюд, набросок, законченная композиция), так и разные техники исполнения (акварель, граф. кар., тушь и проч.). В другом письме к Бенуа, датированным маем 1906 г., Бакст упоминает о работе над более крупной вариацией “*Terror antiquus*”, называя предшествующий вариант уже «картиной» [29, с. 114]. Из этого следует, что к началу 1905 г. как минимум замысел и название произведения существовали во вполне оформившемся виде, а в 1906 г. художник уже работал над полотном.

Судить о художественном произведении возможно, не только основываясь на его перцепции и интерпретациях, но и по замыслам и намерениям автора. Однако, несмотря на многочисленную сохранившуюся переписку художника с самыми разными персонажами отечественной художественной сцены, у нас есть лишь несколько развернутых комментариев самого Бакста, не столько проясняющих его идеи, сколько свидетельствующих о метаниях и сомнениях художника, а в конечном итоге — о его неудовлетворенности работой: от «испуга перед “настоящей” Греци-

² Показательна переписка от декабря 1934 — февраля 1935 г. между А.Н. Бенуа, Вяч. Ивановым и Г. Штайнером по поводу местонахождения полотна, связанная с планировавшейся публикацией статьи Иванова в журнале “*Corona*” [35, S. 167]. См. также Приложение к настоящей статье.

³ «...Ты писал мне, говоря, что даешь “Антигону” в красках (а рисунок хорошо “*Terror antiquus*”)...» (ОР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 671. Л. 26).

ей» [5, с. 116] до «разонравилась». Так что остается положиться на особенности и историю самого произведения.

Прежде всего, определимся с жанром, ибо в 1900-е гг. живопись еще вполне подчиняется общепринятой жанровой системе. Работа Бакста очевидно историческая картина, что чрезвычайно важно: до поколения мирискусников историческая живопись занимала высшую ступень в иерархии живописных жанров. Создать историческую картину — значило заявить о себе как о художнике с идеологией, с программой, что, очевидно, вполне соответствовало амбициям Бакста. Напомним, что и знаменитый Бунт 14-ти в Императорской академии художеств возник из-за желания конкурентов войти в число исторических живописцев, а не оставаться среди бытописателей... Бакст, несомненно, придавал «Античному ужасу» чрезвычайное значение. Характерно выбранное место и время для показа картины отечественной публике — после большого ее успеха в Париже.

Так называемый «Салон» С.К. Маковского — одна из самых масштабных столичных выставок «всех направлений» (в экспозиции, в частности, были представлены работы Д.Д. Бурлюка, М.В. Веревкиной, В.В. Кандинского, Р.Р. Фалька и др.) 1900-х гг., которую устроитель рассматривал как прямой аналог парижских Салонов, имеющих не национальное, но международное или даже мировое значение. Маковский прямо указывал: «Нужен русский салон — средоточие всего ценного и характерного не только в русском искусстве, но и искусстве мира» [26, с. 133]. Выставка проходила с 4 января по 8 марта 1909 г. в здании Первого кадетского корпуса (бывшего Меншиковского дворца) и включала более 600 произведений, по словам самого Маковского. Выбор выставочного пространства свидетельствовал об амбициях устроителя — выставка была организована непосредственно в музейном пространстве, в так называемых Меншиковских комнатах и помещении музея Первого кадетского корпуса. О точном количестве представленных работ судить невозможно по причине того, что в каталоге выставки под одним номером наряду с указаниями «6 листов» или «5 эскизов» зачастую встречаются записи такого рода: «эскизы костюмов» или «эскизы де-

кораблей», «этюды» и проч. Собственно исторический жанр на выставке был представлен лишь работой Бакста и произведениями Н.К. Рериха.

Еще важнее то, что Бакст выставил только одну картину, в отличие от остальных экспонентов и от своих товарищей по «Миру искусства», показавших по несколько вещей, не считая целых серий эскизов, этюдов и «графических работ». У некоторых, например, Г.К. Лукомского, число выставленных произведений исчислялось десятками. Между тем, Баксту было что показать: на выставку принимались и ретроспективные работы, а в предшествовавшем ей 1908 г. художником были выполнены важные для него произведения, такие как портрет сына и эскизы для дягилевских «Русских сезонов». Он, однако, предпочел показать одно, но программное полотно. Это чрезвычайно эффектно выглядело уже в каталоге выставки, где каждый художник занимал отдельную страницу или разворот: название единственного произведения Бакста красовалось на пустой странице [22, с. 6]. По отзывам критиков известно, что картина экспонировалась отдельно, одна на стене. Выставочная практика тех лет предполагала, что на сборных или групповых выставках художнику для всех его работ предоставлялся либо отдельный зал, либо отдельная стена. В данном случае это невольно делало картину центром выставки.

Стоит иметь в виду, что «Античный ужас» не просто историческая картина, наподобие работ А.П. Рябушкина, Н.К. Рериха или Г.И. Семирадского, кумира молодого Бакста. Это так называемая живопись катастроф, жанр, который в русском искусстве представлен достаточно скромно, но к нему, например, можно отнести «Медный змий» Ф.А. Бруни или кораблекрушения И.К. Айвазовского. В европейской же традиции это гораздо более длинный ряд произведений, начиная со средних веков и до современности с «Герникой» П. Пикассо. Искусство катастроф далеко не всегда совпадало с историческим жанром, но неизменно тяготело к нему, в любом бедствии прослеживая отголоски античной или библейской истории с ее Всемирным потопом, Страшным судом, Содомом и Гоморрой и т. д. Еще ближе работа Бакста к тем

произведениям, которые во Франции XIX столетия окрестили «большими машинами», имея в виду как их внушительные размеры, так и набор очевидных приемов, беспроектно вызывавших у зрителя сильные эмоции. Недаром, многие критики отмечали чрезмерный или нарочитый пафос картины.

Итак, «Античный ужас» представлял собой единственную настоящую историческую картину в творчестве художника, к тому же картину большого, не очень привычного для мирискусников размера, на не слишком еще популярный в их среде античный сюжет, преподнесенный с использованием очевидных визионерских эффектов. Она не была принята кругом «Мира искусства» как мало отвечавшая их представлениям о месте и задачах искусства. Отечественная художественная критика, прохладно относившаяся к этому полотну на протяжении ста лет, во многом наследовала мнениям А.Н. Бенуа или М.В. Добужинского. «...Эта большая голубая картина, когда появилась на свет, оставила всех холодными, и, помнится, в среде “Мира иск[усства]” она вызвала отношение даже отрицательное, говорили, что он “перемудрил”, она и не была особенно типичной для него. Незадолго до нашего знакомства Бакст вместе с Серовым был в Греции и теперь “сходил с ума” по Криту и Кноссу (тогда только что были сделаны новые открытия в микенской культуре)», — вспоминал Мстислав Валерианович [17, с. 201].

Однако дело, на наш взгляд, было не только в страстном увлечении Бакста архаической культурой и начавшемся повороте культуры Серебряного века к неоклассицизму. Этот поворот в целом и был обозначен сначала «Салоном» Маковского, а потом — началом выхода журнала «Аполлон». Своим «Древним ужасом» Бакст высказывал претензию на место в истории отечественного искусства, вступая в прямой диалог со знаменитейшим представителем русской живописи XIX столетия, К.П. Брюлловым, снискавшим мировую славу, к которой Бакст только приближался. Его работа должна была стать для нового столетия тем же, чем была для предыдущего «Гибель Помпеи» Брюллова — следующим шагом в развитии исторической живописи, и даже масштабнее — концепции истории, где главным действу-

ющим лицом становится не отдельный герой, не народ (*populi romani* — у Брюллова), а нечто большее.

Диалог двух художников и двух эпох, как кажется, не случаен. Брюллов был одним из любимых художников «Мира искусства», несмотря на критику, которой подвергал его произведения, в частности, А.Н. Бенуа. Достаточно вспомнить, что в связи со столетним юбилеем К.П. Брюллова в 1899 г., ему был посвящен № 1–2 «Мира искусства» за 1900 г. Тяготевший к академизму Бакст с молодых лет был особенно чувствителен к искусству такого рода, тем более, что подобно Брюллову, он считался блестящим портретистом своего времени, в особенности же, как и Брюллов, — ценителем женской красоты... Недаром современники полагали, что именно он наиболее точно и полно отразил женский идеал эпохи [12]. Несомненно, «Древний ужас» Бакста имел прямого и непосредственного предшественника в ключевой русской исторической картине XIX столетия — «Последнем дне Помпеи» Брюллова.

Сама история создания двух картин и реакция на них публики и профессионалов обнаруживают множество совпадений, которые трудно объяснить просто сходством романтического и символического мировосприятия.

Оба произведения были поворотными точками в творческих биографиях художников. Следующие обращения к историческим сюжетам («Смерть Инессы де Кастро» и «Осада Пскова») не принесли Брюллову ничего кроме разочарования, и он сосредоточился главным образом на портретах. Для Бакста картина и вовсе стала первым и последним историческим полотном. Оба произведения были сперва показаны с большим успехом в Европе и лишь потом — в России. Свою картину Брюллов сначала демонстрировал в собственной мастерской в Риме, затем — на Миланской художественной выставке (1833) и в Парижском салоне (1834, золотая медаль), проходившем в Лувре, и лишь после этого — в Петербурге, сначала в Эрмитаже, а затем — в Академии художеств. “*Terror antiquus*” впервые был показан в Париже на Осеннем салоне 1908 г. и лишь потом в Петербурге, в Салоне Маковского, и в Москве, на VII выставке Союза русских

художников в 1909–1910 гг. История экспонирования работы за рубежом наглядно демонстрирует амбиции Бакста и, очевидно, возлагавшиеся на него комиссарами русских павильонов международных выставок надежды. В 1910 г. картина была показана в русском художественном отделе Всемирной выставки в Брюсселе, устроенном силами того же Маковского (первая золотая медаль); на следующий год — на Международной выставке искусства в Риме; далее — выставка «Мира искусства» в Праге (1912) и персональная выставка художника в Обществе изобразительных искусств в Лондоне (1913). Бакст при этом внимательнейшим образом следил за прессой и собирал вырезки с отзывами о своих работах.

Обе картины собрали чрезвычайно богатую и одновременно противоречивую критику в стране и за рубежом. С восторгом принятое в Италии и России, полотно Брюллова во Франции, несмотря на присужденную ему Французской академией золотую медаль, критиковали за холодность, излишнюю красоту и некоторую старомодность... Отечественная критика после смерти художника тоже переменяла взгляд на его произведение, говоря о фальши, «шумихе» (В.В. Стасов), чрезмерном пафосе и «трескучих эффектах» (А.Н. Бенуа). Картина Бакста вызвала настоящий энтузиазм у публики и живой интерес у критиков. По словам автора, она получила не менее 40 зарубежных отзывов — только по итогам парижского Салона. Оба живописных произведения вызвали бурную реакцию видных современников — писателей и общественных деятелей. О полотне Брюллова оставили свои суждения Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, А.С. Пушкин... О картине Л.С. Бакста высказались Вяч. Иванов, М.А. Волошин, П.А. Флоренский и др.

Обе работы принадлежали к непривычному для русского искусства жанру катастроф. Для современников и Брюллова, и Бакста не было никаких сомнений в том, что художники сознательно «били на эффект» и желали угодить публике. Наконец, оба обращались не к народным легендам, христианскому библейскому мифу или сюжетам греческих и римских преданий, но брали за основу реальные исторические события, хоть и относящиеся к

античной истории. Это ничуть не противоречило актуальности их высказываний. В первом случае остроту произведению придавала возбудившая большой общественный резонанс возобновившаяся активность Везувия, во втором — «безжалостный конец Мессины» (А.А. Блок). Современность к тому же вносила в трактовку картин и социальную или политическую злободневность. Если А.И. Герцен находил у Брюллова «неправую силу, всякое сопротивление которой... бесполезно» [13, с. 188], ссылаясь на удушающую петербургскую атмосферу, то современники Бакста усматривали в безжалостной стихии намек на драматические события первой русской революции.

Живописное сочинение Бакста, надо полагать, было вполне сознательным ответом на представление об исторической картине, предложенное Брюлловым, пусть и не артикулированным вербально. К началу 1900-х гг. творчество этого романтического художника мало того что продолжало находиться в центре живой искусствоведческой дискуссии, заметно актуализированной 100-летием со дня рождения художника, так еще и само знаменитое полотно со всеми его оценками и трактовками представляло собой важнейшую часть культурного кода русского живописца. Этот ракурс, кажется, может добавить важные детали к пониманию одной из самых загадочных картин 1900-х гг.

В области исторической живописи новаторство Брюллова заключалось в выборе сюжета из реальной, а не библейской истории и в нарочитом и при этом точном, не фантастическом, «археологизме», неизбежная условность которого стала понятна значительно позже. Художник стал реконструктором совершенно реального исторического события, известного по многим источникам. Не только сюжет картины был подсказан посещением живописцем раскопок римских Помпей, оживившихся в 1810–1830-е гг., хотя погребенный под лавой Везувия древний римский город стал объектом археологических исследований еще в XVIII столетии. Все содержание полотна, весь исторический антураж прямо проистекали из пристального изучения реальной истории гибели древнего города. В создании «Последнего дня» Брюллов пользовался как собственными впечатления-

ми от места раскопок, которым в ту пору восхищались все без исключения путешественники, так и образами эффектной сценографии одноименной оперы Дж. Паччини, премьеры которой состоялась в 1825 г. в неаполитанском театре Сан-Карло. Дочери композитора, как известно, изображены на знаменитом полотне. Сама же опера, чрезвычайно популярная в ту пору и прошедшая на многих сценах Европы, была известна не только музыкой, но главным образом эффектными декорациями, изучать которые в Италию приезжали сценографы из других стран.

Одновременно художник обращался к самым разным дошедшим до его эпохи историческими источниками, в частности, к описаниям Плиния младшего и остаткам исторических стен в самих Помпеях. «Декорацию сию я взял с натуры, не отступая нисколько и не прибавляя, стоя к городским воротам спиною, чтобы видеть часть Везувия, как главную причину», — отмечал Брюллов [1, с. 100]. Однако топографической точности ему показалось мало. Многочисленные предметы быта и украшения были напрямую перенесены на полотно с зарисовок в Музее Борбонико (Национальный археологический музей Неаполя). Более того, даже некоторые группы персонажей, а следовательно, и главная идея полотна, появились благодаря изучению художником окаменевших останков людей. Брюллов признавался, что поездки в Помпеи изменили его взгляд на античность, с которой он прежде был знаком главным образом по слепкам и эстампам.

В этом смысле Бакст шел уже проторенным путем. Его «Древний ужас» появился в результате поездки в Грецию, где художник впервые воочию познакомился не только с классической античной культурой, но и с недавно открытой культурой архаики, крито-микенской или эгейской цивилизации, сделав массу зарисовок и набросков. До этого, в начале 1900-х Бакст, как и Брюллов, знал античность лишь по музейным памятникам, часами изучая в залах Эрмитажа древние артефакты при подготовке оформления античных драм для петербургской сцены. Во время же путешествия он побывал не только в Афинах, Дельфах и других полисах классической Греции, но посетил Микены

и «крепкостенный» Тиринф, фактически открытые Шлиманом в 1870–1880-е гг., а также Крит, где с 1900 г. вел раскопки английский археолог-любитель А. Эванс.

После открытий Шлимана европейские интеллектуалы, археологи и античники, в первую очередь, были убеждены в абсолютной правдивости любого древнего мифа. Вслед за Шлиманом, руководствовавшимся в своих поисках эпосом Гомера, Эванс сознательно искал следы истории Тезея и Ариадны. Известный с 1878 г. Кносский дворец был увиден Эвансом совершенно иначе. Начав в 1900 г. раскопки гигантского сооружения на Крите, он не сомневался, что открывает миру дворец Миноса и обиталище Минотавра. К 1905 г. раскопки англичанина были в основном завершены, а к путешествию Бакста–Серова реконструированный Эвансом на собственные деньги Кносский дворец уже превратился в главную туристическую достопримечательность острова, равно как и материковые развалины Микен и Тиринфа, зарисованные Бакстом во время путешествия, принятого, по выражению самого художника, чтобы быть «поближе к Гомеру» [3, с. 41].

Бакст добросовестно изобразил на своем полотне вновь открытые знаменитые греческие памятники, среди которых безошибочно узнаются Львиные ворота в Микенах и, с некоторыми вопросами — развалины Тринифа. На наш взгляд, высказывавшееся ранее мнение, что в картине можно различить Афинский Акрополь [29], или же сам пейзаж представляет собой взгляд с Афинского Акрополя, нуждается в дополнительных обоснованиях, но так или иначе в изображенных памятниках можно предполагать руины и реконструкции реальных мест раскопок. Отразил художник и личные впечатления от страшной грозы, заставшей его и Серова в Дельфах. Изображенные им образцы древней скульптуры тоже отсылают к совершенно конкретным музейным экспонатам.

Открытием Брюллова был и сюжет, связанный с включением в историческую живопись романтического начала, — художник имеет дело не с рукотворной трагедией, не с войнами, коварством или преступлениями древности, а со слепыми силами приро-

ды — со стихией. Бакст и здесь послушно следовал за предшественником, выбрав для своего полотна катаклизм — фактически античную легенду о Всемирном потопе, эхом которой стал миф об Атлантиде, как считается, увлекавший и Эванса, в своих исследованиях критской культуры обнаружившего следы невиданной катастрофы. После выхода в 1882 г. книги американского конгрессмена И. Донелли «Атлантида: мир до потопа» неведомой страной древности бредили все, недаром эта популярная книга выдержала несколько переизданий и заметно повлияла на Р. Штайнера и Е.П. Блаватскую. Тема Атлантиды не раз возникала на Башне Вяч. Иванова, сумевшего, по мнению Н.Н. Казанского, «заразить» ею и других литераторов [20]. Но Бакст, видимо, был первым на русской почве, кто попытался в деталях зрительно реконструировать завершающую часть платоновского мифа. А долгая экспозиционная история его картины заставляет предполагать именно ее влияние на широкий круг русских литераторов эпохи символизма — от Иванова и М.А. Волошина, В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта до Велимира Хлебникова⁴ и даже Л.М. Рейснер и Н.К. Рериха...

Уместно в этой связи напомнить и об особой роли, которую, очевидно, отводил Баксту Вяч. Иванов, старательно привлекавший на башенные собрания художников: М.В. Добужинского, К.А. Сомова и других. Интуитивист Бакст, чрезвычайно восприимчивый к новым людям, идеям, образам, был особенно желанным гостем. Об этом свидетельствует, в частности, упомянутый А.М. Ремизовым несостоявшийся проект создания Бакстом группового портрета русских поэтов: «...я узнал, что Бакст затеяет написать группу поэтов и на первом месте за Вяч. Ивановым, Блоком и Кузминым значился Петруша Потемкин, а уж за Потемкиным Гумилев. Правда, затея Бакста не осуществилась. В группу включили меня, но потом исключили, тогда Блок отказался участвовать, — а какая же группа поэтов без Блока, так и расстроилось...» [30, с. 23].

⁴ О впечатлении, испытанном Хлебниковым от картины Бакста, см.: *Вестбрук Ф. «“Чертик” Хлебникова — петербургская фантазмагория»* [9, с. 7].

И Брюллов, и Бакст стремились к большому философскому обобщению, оценивая древнюю катастрофу как гибель культуры. Однако за 70 лет, прошедшие с момента написания Брюловым своего шедевра, сменилась культурная парадигма. Если в одном случае за мировую цивилизацию выступала рафинированная римская культура, то в другом — протокультура зарождавшегося античного мира. Выбор и в том и в другом случае понятен. Как человек своего времени Брюллов видел в Риме общеевропейский культурный алфавит, вбирающий в себя все — от канонов искусства и римского права до сети дорог и правил дорожного движения. Бакст же погружался в поиски первоначальности, чрезвычайно характерные для 1900–1910-х гг. Название посвященной картине статьи Волошина «Архаизм в русской живописи» симптоматично — истоками грезили все. Популярный в ту же пору «русский стиль» те же художники, что искали «пути классицизма», возводили последовательно сначала к допетровской Московии, потом — к ордынским временам, а в конце концов — к языческой Руси, запечатленной, в частности, Н.К. Рерихом, Н.С. Гончаровой, И.Ф. Стравинским. Бакст осуществляет совершенно точный и сознательный выбор, не соединяя (по мере возможности, т. е. представлений тех лет) в своем полотне разные этапы истории древней Эллады, но реконструируя именно архаическую эпоху и крито-микенскую культуру. Для начала XX в. с его европоцентризмом этот период не просто детство, но буквально — рождение человечества, причем, как считалось, от разных родителей, одним из которых была античная цивилизация, а другим — восточная культура Крита, в которой Эванс не хотел признавать связь с Грецией («ничего греческого, ничего римского»), но видел древнюю восточную протоцивилизацию. Иными словами, если для Брюллова катастрофа — скорее, повод для воспоминаний об утраченном и погибшем, то для Бакста — то, что после нее остается, для него интереснее связь времен и предвестие грядущих миров.

Соответственно и жертвами катастрофы становятся разные вещи. У Брюллова — искусство и архитектура, прекрасные изделия художников, памятники, рушащиеся на наших глазах, боги, низ-

вергнутые с пьедесталов, и, конечно же, люди, причем разные — как благородные и любящие, так и корыстолюбивые... Кроме патетики, театральных жестов и выразительных драматических масок, картина содержит и несомненный гуманистический пафос, глубоко впечатливший уже современников «великого Карла». Композиционные группы в его работе большей частью символизируют лучшие человеческие чувства — любовь, отцелюбие, верность... Но именно они оказываются первыми и главными жертвами стихии, в отличие от материальных свидетельств жизни людей.

У Бакста все иначе. Не человек в центре внимания художника. Люди, их убеждения и чувства вовсе не имеют значения. Стихия сокрушает на своем пути все — живое и мертвое, природное и рукотворное, не только культуру, но и цивилизацию. У Брюллова вулканическая лава низвергает языческих кумиров — статуи богов римского пантеона, а саму картину принято рассматривать в духе характерной для середины XIX столетия сентиментальной религиозности — как смену двух эпох, языческой и христианской, явленных в фигурах жреца с храмовыми сокровищами и бесстрашного последователя новой веры. У Бакста же невосприимчивой остается лишь древняя богиня, недаром именно на этой фигуре сосредоточили свое внимание все критики художника и комментаторы его программного произведения. Именно она, не тронутая катастрофой и безразличная к ней, стала главным персонажем “*Terror antiquus*”... При оценке роли этого образа важно, на наш взгляд, и то, что речь идет именно об *изображении* божества — создании рук человеческих, сохранившемся до наших дней благодаря ясному осознанию роли и значения искусства и его творца. Последнее было одной из центральных тем статьи Бакста в «Аполлоне» [4].

По поводу богини с полотна Бакста, которую и Иванов, и Волошин называли Афродитой, а Филосовов — «архаической, “критской” богиней» [33, с. 87], написано немало. О.А. Медведкова в своей книге, как кажется, безосновательно настаивает на том, что прототипом ее послужила кора с голубем (или Венера с голубкой, ок. 540 г. до н.э.) из Лионского музея изобразитель-

ных искусств: «...Никто, похоже, не заметил очевидный иконографический прототип женской фигуры с голубой птицей в руке. Им, несомненно, является греческая кора с Афинского Акрополя, держащая большую птицу в руке и хранящаяся в Лионском музее» [27, с. 265]. Между тем, Лионская кора обнаруживает сходство с изображенной Бакстом богиней лишь в одном — атрибуте в виде птицы, но это не единственное изображение коры с птицей. К таковым также относится одна из кор, выставленных в Луврском музее, правда, очень плохой сохранности. Пряди волос, общая пластика фигуры, изображение одежда, расположение рук героини Бакста не обнаруживают ни малейшего сходства с Лионской корой, но зато указывают на другой совершенно конкретный, причем известнейший античный памятник — знаменитую «Кору с пеплосом» (или Кору в пеплосе, ок. 530 г. до н.э., Музей Акрополя), на которую в письме к жене от октября 1908 г. однозначно указывал сам живописец, называя свое изображение «рабской копией знаменитой статуи, находящейся в Афинах» [29, с. 115]. Пряди ее волос, свисая по плечам, полностью открывают грудь, на которой нет складок от одежд; правая рука спокойно опущена вниз, тогда как левая сохранилась примерно до локтя, так что художник вынужден был прибегнуть к рисунку с натуры, используя в качестве натурщицы супругу — Н.П. Гриценко.

В отличие от лионской, как считается, привезенной во Францию чуть ли не в XVII в., Кора с пеплосом была обнаружена лишь в 1886 г., когда на территории Афинского Акрополя были извлечены из земли 14 мраморных женских фигур — «кор». Они были зарыты в землю еще древними афинянами во время греко-персидских войн, чтобы уберечь их от врага — едва ли не первый в истории человечества пример сознательных усилий по сохранению художественного наследия. В силу этого обстоятельства они обладали очень хорошей сохранностью и практически все имели отчетливые следы раскраски. Таким образом подтвердились появившиеся еще в XVIII в. догадки о полихромии греческой скульптуры, окончательно был развеян миф о беломраморных греческих богах. Если со статуей Лионского музея Бакст мог быть знаком по публикациям, то Кору с пеплосом он, несомнен-

но, видел в Афинах, о чем и говорит его письмо к жене. Ко времени путешествия Бакста и Серова в Грецию эта скульптура уже находилась в Музее Афинского Акрополя и пользовалась колоссальным успехом и большим интересом у посетителей и художников, в частности, у русских живописцев. Так, по литературе, известно о полотне В.И. Денисова «Осень», полностью скомпонованном из статуй Афинского Акрополя.

Именно Кора с пеплосом имела больше всего сохранившихся фрагментов древней живописи — раскраски, так что именно на основе этой статуи появились позднее различные варианты реконструкций древней полихромии. В Археологическом музее Кэмбриджа попытки расцветить гипсовый слепок со скульптуры предпринимались дважды — в 1975 и 1996 гг. Однако первой реконструкцией такого рода, видимо, следует считать работу Бакста.

Афинские коры по-разному интерпретировались и интерпретируются историками искусства — и как кариатиды, и как богини, и как погребальные статуи, и как вотивные фигуры. «Кора» (греч. «девушка») — термин, введенный специально для обозначения женских фигур, с трудом поддающихся более точной атрибуции. На выставке “Bunte Götter”, посвященной полихромии в античной скульптуре и состоявшейся в Мюнхенской глипготекке на рубеже 2003–2004 гг., демонстрировались две реконструкции коры с пеплосом: одна в виде Артемиды, другая — в образе Афины. Бакст, как это поняли современники, представил ее в виде Афродиты.

Некоторые акропольские коры держат в руках различные предметы: плоды, венки, птиц и проч. Сегодня эти фигуры рассматривают как посвящение богине (Афине), а сами предметы — в качестве традиционных подношений богам. В эпоху Бакста считалось, что все эти объекты в руках кор как раз представляют собой определенные атрибуты божества. И гранатовое яблоко, и голубя в ту пору нередко рассматривали как символы богини любви Афродиты, пришедшие из восточных культов богини Иштар. Сегодня в корах видят своего рода вотивные фигуры, предназначавшиеся женским божествам, а предметы в их руках рас-

смаатривают как дары. На протяжении 2-й пол. XIX–XX вв. эти предметы многократно меняли свои значения. Так, гранатовое яблоко рассматривалось и как знак Афродиты, и как атрибут Геры, обозначавший брак с Зевсом, и как символ обручения со смертью... Однако во времена написания работы была общепринята трактовка гранатового яблока и голубя в качестве неперенных атрибутов Афродиты, и именно на такой интерпретации образа настаивал Вяч. Иванов, утверждавший, что «все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня — женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» [18, с. 266]. Подобный подход, надо полагать, разделялся Бакстом. Более того, он стал общим местом в откликах на выставку.

Вопрос прототипа важен с учетом дискуссии, разгоревшейся по поводу якобы «ошибки» Бакста. «...Он там что-то перепутал и в правую руку своей архаической, “критской” богини вложил какой-то атрибут, который, по мнению археологов-специалистов, должен находиться не в правой, а в левой руке богини», — писал Философов [33, с. 87]. Путаницу с руками персонажей упоминали и другие современники. О.А. Медведкова на основании этих суждений и своего предположения о Лионской коре как прототипе облика архаической богини делает вывод о программной «зеркальности» картины Бакста («Перевернутые руки Афродиты...»). Между тем первоисточник мнения об авторской ошибке «с руками» — все тот же Вяч. Иванов, упоминавший в своей статье всего лишь о «небрежности исполнителя»: «Колоссальный идол воинственного бога или полубога изображен превратно, — в правой руке свирепый бранник держит щит, а убийственный меч — в левой» [18, с. 261]. Т. е. речь идет не о богине, а о гигантской статуе воина в шлеме на заднем плане в левой части картины, который и в самом деле изображен со щитом в правой руке... Конкретный прототип этой фигуры обнаружить трудно, однако она похожа на античные вотивные бронзовые фигурки. Очевидно, что в данном случае Бакст пользовался не столько натурными зарисовками, сколько репродукцией, которую еще предстоит найти исследователям. И тогда «зеркальность» получает вполне понятное объяснение.

Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов и «перевернутость» иного рода, связанную с отражением в облике древней богини черт самого художника. Первоначально эту идею выдвинул М.А. Волошин, и, хотя нам она представляется не самой убедительной, ее стоит принимать во внимание с учетом того, что и Брюллов поместил собственный портрет в самую гущу древней трагедии. Художник, таким образом, в обоих случаях оказывается включен в число персонажей исторической драмы, но в одном случае он — в ряду жертв, а в другом — связан с героиней, несущей долю ответственности и за крушение мира и за надежду на его возрождение. В картине Бакста, однако, появляется и дополнительный сюжет, который современники художника оценивали как «стремление греков к гермафродиту» [12, с. 41]. Сюжет, созвучный важному для символистских кругов вообще и для Иванова в частности соединению мужского и женского начала, а также интересу к андрогинности, пропитывающему европейскую культуру рубежа века.

Афинскую кору с пеплосом Бакст реконструировал, добавив ей утраченную левую руку и вложив в нее синюю птицу. Изображение руки ничуть не перевернуто и вполне анатомически правильно. Оно плохо соответствует реальным изображениям сохранившихся кистей рук у известных афинских кор (слишком высоко, слишком условно и словно «приклеена» к телу), но любая реконструкция имеет право на неточности и даже ошибки. Вложенный же в руку статуи атрибут провоцирует особый интерес. «Голубем ковчега» называет его Иванов, однако в дохристианских восточных культурах голубь и впрямь был священной птицей, во всяком случае Баксту должны были быть известны музейные экспонаты так называемого «микенского золота», среди которых имелись миниатюрные фигуры, которые трактовались как «богини с голубями». В отношении символического значения голубя мнения историков античности разнятся, так что сегодня многие исследователи не настаивают на том, что в руках у коры именно голубь, а не иная птица. В данном случае важнее, как кажется, цвет, а не вид. XIX в. принадлежит открытие филологов-классиков, что древние греки не различали си-

ний цвет: «При описании моря и неба упоминаются самые разные цвета, но в любом случае они не относятся к синей цветовой гамме» [28, с. 20]. Позднее выяснилось, что синий не различали и другие древние народы, за исключением египтян. Французский историк М. Пастуро обращает внимание на принципиальную разницу между особенностями зрения и цветовосприятия, относя последнее целиком к области культуры.

В эпоху Бакста представление об ограниченности античного цветовосприятия было общепринятой точкой зрения, несомненно, известной Вяч. Иванову и через него — художнику. Так что появление у архаической богини атрибута в виде птицы синего цвета выглядит странно для живописца, нарочито стремящегося к археологической точности своего произведения. Но если синяя птица никак не укладывается в представление об архаической древности, то она неплохо рифмуется с современностью, вызывая ассоциации с культовой для символизма пьесой М. Метерлинка, написанной в 1905 г. и впервые поставленной на русской сцене в октябре 1908-го. Недаром на связь синей птицы на полотне Бакста с постановкой Художественного театра обратил внимание наблюдательный ироничный рецензент «Золотого Руна» [25].

Конечно, «Античный ужас» был результатом не только глубокого анализа работы предшественника и поездки в Грецию в 1907 г., но и дискуссий, в которые Бакст был вовлечен на «Башне» Вяч. Иванова, сознательно «собиравшего» вокруг себя живописцев и графиков, в которых он видел проводников своих идей в более широкие сферы. Принадлежа к художникам-интуитивистам, чрезвычайно чувствительный к окружающей его атмосфере, спорам, словам и образам, Бакст сам называл творчество «бессознательным умом художника» и он же поражался тому, как выполненные еще до его поездки в Грецию эскизы декораций «Эдипа в Колоне» совпали с реальным Афинским Акрополем [5, с. 117]. Художник невольно оказался участником своеобразного диалога с Ивановым.

Немаловажным был и предшествующий опыт театральных постановок Еврипида («Ипполит», 1902, Александринский те-

атр) и Софокла («Эдип в Колоне», 1903, Александринский театр; «Антигона», 1904), в которых был задействован декоративный талант Бакста. Картина вообще представляет собой как бы сумму всего более раннего творчества художника. Специфическое построение пространства (панорама сверху) уже обыгрывалось им в театральных эскизах и в особенности в «Элизии» — эскизе занавеса для театра В.Ф. Комиссаржевской (1907). При этом пространство “*Terror antiquus*” не просто показано сверху, это «опрокинутое» на зрителя пространство, буквально — вздыбленная земля. «Точный реализм этой изумительной ландкарты береговых линий» [18, с. 261] еще предстоит оценить. Насколько нам известно, никто не пытался сопоставить полотно Бакста с реальной картой Эгейского моря.

Именно такое построение пространства стало основой так называемого пантеистического пейзажа Бакста, многократно использовавшегося в его творчестве и до и после «Ужаса». Еще в ранних постановках античных трагедий Бакст совершенно отказался от белоснежных хитонов и пеплумов в пользу обильно орнаментированного полихромного костюма ярких насыщенных цветов охры, пурпура и проч. Уже в это время в его постановках действовали, по выражению критика, «греки этрусских ваз, надмогильных барельефов и новейших изысканий» [6]. Уже в «Ипполите» была заявлена и героиня полотна. Выставленные на сцену две гигантские статуи Афродиты и Артемиды «с загадочными вечными улыбками» воплощали два лика женственности. Словом, и архаическая античность и образ древней богини, смыкающийся с инфернальными героинями современности, вторглись в искусство Бакста задолго до «Античного ужаса». Даже в декадентской картине «Ужин» («Дама с апельсинами», 1902), изображающей как будто А.К. Бенуа, современные исследователи склонны видеть античные мотивы и отчасти предвестие «Античного ужаса» [24]. Сразу отметим, что увлечение живописца искусством античности было продолжительным, оно нашло отражение в тесном сотрудничестве с журналом «Аполлон», служившим провозвестником неоклассицизма в русском искусстве первой четверти XX столетия, где в 1909 г. была опубликована программная

статья Бакста «Пути классицизма в искусстве», а также в последующих театральных работах, где очевидно использовался тот же круг образов и памятников. Львиные ворота и костюмы, напрямую заимствованные у акропольских кор, вновь появились, например, в «Елене Спартанской» (1912)...

Несокрушимый архаический кумир, представляющий универсальное женское божество и олицетворяющий одновременно рок и силу искусства, с улыбкой на устах и с синей птицей в руках (символом современности), отвернувшийся от бедствий и прозревающий будущее, — своего рода контрапункт творчества Л.С. Бакста.

Письмо А.Н. Бенуа к Вяч. Иванову⁵

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Я действительно напутал. Но не я один — а все те, кого я просил вспомнить, где Terror Antiques. Все отвечали — в России. А теперь оказывается, что картина здесь, что она принадлежит сыну Льва Самойловича — Андрею, и даже что все An[tiques] и видели — на посмертной выставке Бакста! В свое извинение могу лишь указать, что эта выставка была десять лет назад и что вообще наши эмигрантские воспоминания имеют склонность путаться с «дореволюционными». Тем не менее приношу извинения, но спешу прибавить, что вина уже исправлена ибо я уже известил об ошибке доктора Штейнера⁶, в ответ на что получил и от него «расписку в получении». Теперь мне бы следовало ему снова написать (дабы поблагодарить его за любезное предложение выслать мне Ваши статьи), да это письмо мной уже и написано, но как раз в момент отсылки оказалось, что я забросил, куда-то его адрес, и теперь я должен беспокоить Вас — не сочтете ли Вы возможным мне этот адрес Штейнера сообщить! Не скрою от Вас, что кроме того я был бы очень счастлив возобновить с Вами наши былые беседы, о которых храню наилучшие воспоминания.

Крепко жму руку и признаю, что статье Сережи⁷ о его деятельности рад буду от души,

Душевно преданный Вам

Александр Бенуа

18.II.1935

Paris

146 Quai d'Auteuil

⁵ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 1. П. 19. Л. 1–1 об.

⁶ Штайнер Герберт (Steiner Herbert, 1892–1966) — австрийский писатель и издатель, один из основателей швейцарского журнала “Согора”. Как можно думать, картину Бакста предполагалось приложить к немецкой версии статьи “Terror Antiquus”, однако последняя была опубликована уже в январском выпуске журнала “Согора”, так что ответ Бенуа запоздал.

⁷ Не исключено, что здесь речь идет о какой-то статье С.П. Дягилева.

Список литературы

Исследования

1. Архив Брюлловых // Русская старина. 1900. Т. СIII: Приложения. С. 161–195.
2. *Байгузина Е.Н.* Л.С. Бакст в поисках античности. СПб.: Нестор-История, 2009. 204 с.
3. *Бакст Л.С.* Серов и я в Греции: Дорож. Записи. Берлин: Слово, 1923. 58 с.
4. *Бакст Л.С.* Пути классицизма в искусстве // Аполлон. 1909. № 2. С. 63–77; № 3. С. 46–61.
5. *Бакст Лев.* Моя душа открыта: в 2 кн. М.: Искусство-XXI век, 2012. Кн. 2: Письма. 351 с.
6. *Беляев Юр.* Театр и музыка. «Ипполит» // Новое время. 1902. 16 (29) октября. С. 4.
7. *Бенуа А.Н.* Художественные письма. Еще о «Салоне» // Речь. 1909. 10 января. С. 2.
8. *Бёрд Р.* К творческой истории статьи Вяч. Иванова «Древний ужас» (1909) // Русская литература. 2011. № 3. С. 88–100.
9. *Борисовская Н.Б.* Лев Бакст. М.: Искусство, 1979. 120 с.
10. *Вестбрук Ф.* «Чертик» Хлебникова — петербургская фантазмагория // Russian Literature. Vol. LV. Issues I/II/III. Special Issue: Velimir Chlebnikov. 1 January — 15 February — 1 April 2004. P. 453–468.
11. *Волошин Максимилиан.* Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с., [7] л. ил.
12. *Врангель Н.Н.* Любовная мечта современных русских художников // Аполлон. 1909. № 3. С. 30–45.
13. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 18. 766 с.
14. *Гумилев Н.С.* По поводу «Салона» Маковского // Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1908/1909. № 6. С. 17.
15. *Голынец С.В.* Л.С. Бакст, 1866–1924. Л.: Художник РСФСР, 1981. 80 с.
16. *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Неизданная статья А. Белого «Бакст» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1978. Л.: Наука, 1979. С. 94–98.
17. *Добужинский М.В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.
18. *Иванов Вяч.* Собр. соч. / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Т. 1. Кн. I: Тексты. 430 с.
19. *Иванов Вяч.* Собр. соч. / отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. Т. 1. Кн. II: Примечания. 671 с.

20. *Казанский Н.Н.* Мифотворчество Вяч. Иванова (на примере мифа об Атлантиде) // Балканские чтения 9. Terra balkanica. Terra slavica. К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 131–140.
21. Каталог выставки картин «Союз русских художников». М.: Т-во скоропечатни А.А. Левинсон, 1905. С. 4.
22. Каталог «Салона», выставки живописи, графики, скульптуры и архитектуры, устроенной в 1909 году в помещении музея и в «Меншиковских комнатах» Первого кадетского корпуса. СПб., 1909. С. 6.
23. *Корней Чуковский.* Репин и Бенуа // Речь. 1910. 2 (15) апреля. С. 3.
24. *Котельвас А.Е.* Античные образы как подтекст в картине Л.С. Бакста «Ужин» // Academia. 2022. № 1. С. 96–105.
25. *М.А.* Итоги петербургского Салона // Золотое Руно. 1909. № 3. С. 113–114.
26. *Маковский С.К.* Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. 383 с.
27. *Медведкова О.А.* Лев Бакст, портрет художника в образе еврея. Опыт интеллектуальной биографии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 383 с.
28. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 144 с.
29. *Пружан И.Н.* Лев Самойлович Бакст. Л.: Искусство, 1975. 232 с.
30. *Ремизов А.* О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. Paris: Tchijoff, 1983. 68 с.
31. *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М.: Искусство, 1988. 285 с.
32. *Тугендхольд Я.* Международная выставка в Риме // Аполлон. 1911. № 9. С. 30–52.
33. *Философов Д.В.* Бакст и Серов // Наше наследие. 2002. № 63–64. С. 86–89.
34. *Щербатов С.А.* Художник в ушедшей России. М.: Согласие, 2000. 464 с.
35. *Vjačeslav Ivanov.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel // Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Mainz: Liber Verlag, 1995. Bd 6. 317 S.

References

1. “Arkhip Briullovych” [“The Bryullov Archive”]. *Russkaia starina*, vol. CIII: Prilozheniia [Applications], 1900, pp. 161–195. (In Russ.)

2. Baiguzina, E.N. *L.S. Bakst v poiskakh antichnosti* [*Bakst in Search of Antiquity*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009. 204 p. (In Russ.)
3. Bakst, L.S. *Serov i ia v Gretsii: Dorozh. Zapisi* [*Serov and I are in Greece: Road Records*]. Berlin, Slovo Publ., 1923. 58 p. (In Russ.)
4. Bakst, L.S. "Puti klassitsizma v iskusstve" ["The Ways of Classicism in Art"]. *Apollon*, no. 2, 1909, pp. 63–77; no. 3, 1909, pp. 46–61. (In Russ.)
5. Bakst, Lev. *Moia dusha otkryta: v 2 kn.* [*My Soul is Open: in 2 Books*], book 2: Pis'ma [Letters]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek Publ., 2012. 351 p. (In Russ.)
6. Beliaev, Iur. "Teatr i muzyka. 'Ippolit.'" ["Theater and Music. 'Ippolit.'"]. *Novoe vremia*, Oktober 16 (29), 1902, p. 4. (In Russ.)
7. Benua, A.N. "Khudozhestvennye pis'ma. Eshche o 'Salone.'" ["Artistic Letters. More about the 'Salon.'"]. *Rech'*, January 10, 1909, p. 2. (In Russ.)
8. Berd, R. "K tvorcheskoi istorii stat'i Viach. Ivanova 'Drevnii uzhas' (1909)" ["To the Creative History of the Article Viach. Ivanov's 'Ancient Horror' (1909)"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2011, pp. 88–100. (In Russ.)
9. Borisovskaia, N.B. *Lev Bakst* [*Leo Bakst*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 120 p. (In Russ.)
10. Vestbruk, F. "'Chertik' Khlebnikova — peterburgskaia fantasmagoriia" ["Khlebnikov's 'Devil' — Petersburg phantasmagoria"]. *Russian Literature*, vol. LV, issues I/II/III. Special issue: Velimir Khlebnikov. 1 January — 15 February — 1 April 2004. pp. 453–468. (In Russ.)
11. Voloshin, Maksimilian. *Liki tvorchestva* [*Faces of Creativity*]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 848 p. (In Russ.)
12. Vrangeli, N.N. "Liubovnaia mehta sovremennykh russkikh khudozhnikov" ["The Love Dream of Modern Russian Artists"]. *Apollon*, no. 3, 1909, pp. 30–45. (In Russ.)
13. Gertsen, A.I. *Sobr. soch.: v 30 t.* [*Collected Works: in 30 vols.*], vol. 18. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 766 p. (In Russ.)
14. Gumilev, N.S. "Po povodu 'Salona' Makovskogo" ["About Makovsky's 'Salon.'"]. *Zhurnal Teatra Literaturno-khudozhestvennogo obshchestva*, no. 6, 1908/1909, p. 17. (In Russ.)
15. Golynets, S.V. *L.S. Bakst, 1866–1924* [*L.S. Bakst, 1866–1924*]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1981. 80 p. (In Russ.)
16. Grechishkin, S.S., Lavrov, A.V. "Neizdannaiia stat'ia A. Belogo 'Bakst.'" ["Unpublished Article by A. Bely 'Bakst.'"]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik. 1978* [*Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology. Yearbook. 1978*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. pp. 94–98. (In Russ.)

17. Dobuzhinskii, M.V. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 477 p. (In Russ.)
18. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], ex. ed. K.A. Kumpan, vol. 1, book I: Teksty [Texts]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. 430 p. (In Russ.)
19. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], ex. ed. K.A. Kumpan, vol. 1, book II: Primechaniia [Notes]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018. 671 p. (In Russ.)
20. Kazanskii, N.N. "Mifotvorchestvo Viach. Ivanova (na primere mifa ob Atlantide)" ["Myth-making of Vyach. Ivanov (on the Example of the Myth of Atlantis)"]. *Balkanskii chteniia* 9. *Terra balkanica. Terra slavica. K iubileiu Tat'iany Vladimirovny Tsiv'ian* [Balkan Readings 9. *Terra Balkanica. Terra Slavica. To the Anniversary of Tatiana Vladimirovna Tsivyan*]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2007, pp. 131–140. (In Russ.)
21. *Katalog vystavki kartin "Soiuz russkikh khudozhnikov"* [Catalogue of the Exhibition of Paintings "Union of Russian Artists"]. Moscow, Tovariščestvo skoropechatni A.A. Levinson Publ., 1905, p. 4. (In Russ.)
22. *Katalog "Salona", vystavki zhivopisi, grafiki, skul'ptury i arkhitektury, ustroennoi v 1909 godu v pomeshchenii muzeia i v "Menshikovskikh komnatakh"* [Catalog of the "Salon", an Exhibition of Paintings, Graphics, Sculpture and Architecture, Organized in 1909 in the Museum and in the Menshikov Rooms of the First Cadet Corps]. St. Petersburg, 1909, p. 6. (In Russ.)
23. Kornei, Chukovskii. "Repin i Benua" ["Repin and Benoit"]. *Rech'*, April 2 (15), 1910, p. 3. (In Russ.)
24. Kotel'vas, A.E. "Antichnye obrazy kak podtekst v kartine L.S. Baksta 'Uzhin'" ["Antique Images as a Subtext in L.S. Bakst's Painting 'Dinner'"]. *Academia*, no. 1, 2022, pp. 96–105. (In Russ.)
25. M.L. "Itogi peterburgskogo Salona" ["Results of the St. Petersburg Salon"]. *Zolotoe Runo*, no. 3, 1909, pp. 113–114. (In Russ.)
26. Makovskii, S.K. *Siluetty russkikh khudozhnikov* [Silhouettes of Russian Artists]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 383 p. (In Russ.)
27. Medvedkova, O.A. *Lev Bakst, portret khudozhnika v obraze evreia. Opyt intellektual'noi biografii* [Leo Bakst, Portrait of the Artist in the Image of a Jew. Experience of Intellectual Biography]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 383 p. (In Russ.)
28. Pasturo, M. *Sinii. Istoriia tsveta* [Blue. Color History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 144 p. (In Russ.)

29. Pruzhan, I.N. *Lev Samoilovich Bakst* [*Leo Samoilovich Bakst*]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1975. 232 p. (In Russ.)
30. Remizov, A. *O proiskhozhdenii moei knigi o tabake. Chto est' tabak* [*About the Origin of my Book about Tobacco. What is Tobacco*]. Paris, Tchijoff Publ., 1983. 68 p. (In Russ.)
31. Sternin, G.Iu. *Khudozhestvennaia zhizn' Rossii 1900–1910-kh godov* [*The Artistic Life of Russia in the 1900s and 1910s*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 285 p. (In Russ.)
32. Tugendkhol'd, Ia. “Mezhdunarodnaia vystavka v Rime” [“International Exhibition in Rome”]. *Apollon*, no. 9, 1911, pp. 30–52. (In Russ.)
33. Filosofov, D.V. “Bakst i Serov” [“Bakst and Serov”]. *Nashe nasledie*, no. 63–64, 2002, pp. 86–89. (In Russ.)
34. Shcherbatov, S.A. *Khudozhnik v ushedshei Rossii* [*An Artist in a Bygone Russia*]. Moscow, Soglasie Publ., 2000. 464 p. (In Russ.)
35. Vjačeslav, Ivanov. *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*, Hrsg. von Michael Wachtel. Deutsch-russische Literaturbeziehungen, Bd. 6. Mainz, Liber Verlag, 1995. 317 S. (In German)

ПУБЛИКАЦИИ

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

<https://elibrary.ru/SYFSAS>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. А.Б. Шишкин, предисловие, подготовка текста

© 2024 г. Н.А. Яковлева, подготовка текста

А.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ. ДРАМА «ВЕЛИКИЙ КОЛОКОЛ»

Аннотация: Впервые по рукописи из Римского архива Вяч. Иванова публикуется последнее незавершенное произведение А.Д. Зиновьевой-Аннибал — драма-мистерия «Великий Колокол». Для реконструкции истории ее создания привлекается малоизвестный или неизданный эпистолярный семьи Ивановых. Один из ключей к истолкованию находим в дневнике Веры Шварсалон 1908 г., с его помощью поясняется один из главных религиозных символов драмы.

Ключевые слова: Вяч. И. Иванов, А.Д. Зиновьева-Аннибал, петербургский символизм, «символистский брак», эротическое единство, мистерия, утопизм, революция 1905 г., религиозный символ.

Информация об авторах:

Андрей Борисович Шишкин — профессор славистики, Университет Салерно, виа Джованни Паоло II, 132 — 84084 Фишано, Салерно, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791>

E-mail: chichkine@gmail.com

Наталья Александровна Яковлева — PhD, доцент кафедры режиссуры балета, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. Театральная пл., д. 3, 190068 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

Для цитирования: А.Д. Зиновьева-Аннибал. Драма «Великий Колокол» / предисл. А.Б. Шишкина, подгот. текста Н.А. Яковлевой и А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 531–571.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

© 2024. *Andrey B. Shishkin, preface, text preparation*

© 2024. *Natalia A. Yakovleva, text preparation*

L.D. ZINOVYEVA-ANNIBAL.
DRAMA "THE GREAT BELL"

Abstract: For the first time, the final unfinished work of L.D. Zinovieva-Annibal, the dramatic mystery "The Great Bell" is published based on a manuscript from the Roman archive of Vyacheslav Ivanov. A little-known or unpublished correspondence of the Ivanov family is used to reconstruct the history of its creation. One of the keys to interpretation is found in Vera Shvarsalon's diary from 1908, which helps clarify one of the main religious symbols of the drama.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, L.D. Zinovyeva-Annibal, Petersburg Symbolism, "Symbolist marriage", erotic unity, mystery, utopianism, 1905 revolution, religious symbol.

Information about the authors:

Andrey B. Shishkin, professor of Slavic Studies, University of Salerno, Italy, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791>

E-mail: chichkine@gmail.com

Natalia A. Yakovleva, PhD, Associate professor at the Department of Ballet Directing, Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Teatralnaya Square, 3, 190068 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

For citation: "L.D. Zinovyeva-Annibal. Drama "The Great Bell", preface by A.B. Shishkin, text preparation by N.A. Yakovleva and A.B. Shishkin. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 531–571. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

Книга «Любовь и смерть», начинающая вторую часть поэтического сборника Вяч. Иванова «Cor Ardens» (1911), открывается такой загадочной строфой:

Великий Колокол на богомолье
Тебя позвал... Тоской

Затрепетала вдруг нетерпеливой
И вырвалась душа в свое приволье
(На подвиг иль покой?)
Из ласковых оков любви ревнивой...
И вновь над темной нивой
Тебя я вижу сиркою Церерой:
С печалию и верой
Зовешь ты дождь и солнце на поля,
Где пленный сев еще таит земля [10, т. 2, с. 397].

Эта строфа, как и вся канцона, обращена к почившей жене поэта. На отдельном титуле книги «Любовь и смерть» было обозначено:

КАНЦОНЫ И СОНЕТЫ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИМЕНИ
ЛИДИИ ДИМИТРИЕВНЫ ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ
(† 17 ОКТЯБРЯ 1907 Г.)

В качестве комментариев ко всему корпусу стихов этой книги редакторами второго тома брюссельского Собрания сочинений Вяч. Иванова приведены три дневника писателя за 1902–1910 гг. [10, т. II, с. 769–770]. Первый из них открывается дневниковой записью 1902 г. Темы здесь — творчество и Божественное начало, соотносенные с символом Древа Жизни¹.

Летом 1908 г., через девять месяцев после кончины Лидии Зиновьевой-Аннибал, Иванов возвращается к своему дневнику 1902 г. и на том же листе продолжает размышления на те же темы. Новое здесь — незавершенное творчество Зиновьевой-Аннибал. Запись говорит о некоем императиве: об «устроении», т. е. воссоздании, осуществлении им еще не воплощенного в земной жизни его женой:

¹ В различных вариантах он будет присутствовать в программных ивановских текстах — от сонета «Apollini» (1909), до сонета «Язык» (1927); см. об этом цикл статей Д.Н. Мицкевича: [3; 4]. О значениях мифопоэтического комплекса, связанного у Иванова с Древом, см.: [6, с. 245–265]; см. также: [5, с. 521–569] и указанную здесь литературу.

Через шесть великих лет — и один в зримом мире — должна я писать в этой святой книжечке — <...> работаю на новой Башне, уже давно осиротелой, с той же беззаветно верной и высокой, нет, — еще лучшей и высочайшей Марусей и с милым и гениальным Кузминым над устройением Ея Труда, поистине в небеса выросшего из темной земли во славу Духа Святого и огня Его. И как тогда мы шли к людям с благовестием Кормчих Звезд, так и теперь идем с благовестием Великого Колокола и заветом Пламенников [10, т. II, с. 771]².

Значение возвышенного профетического пафоса этой экстатической, и при том сугубо личной, записи трудно переоценить. Для целей нашей публикации извлечем из этого не сразу понятного текста следующее: Иванов рассматривал роман «Пламенники»³ и драму-мистерию «Великий Колокол» как акты совместного творчества с Зиновьевой-Аннибал⁴, как некое его с ней «благовестие людям» — теургическое действо, которое должно было послужить делу преобразования мира⁵.

Что известно о публикуемой ниже драме «Великий Колокол»? Об истории ее создания удастся найти весьма немного; в эпистолярии насельников Башни она упоминается считанные разы. Первый замысел драмы можно отнести еще к концу 1905 г. В пись-

² Автографы см.: <https://u.to/-w5IIA> и <https://u.to/Zw9IIA>

³ Первую часть романа «Пламенники» предполагалось опубликовать в «Скорпионе» еще в 1903 г., но дело остановилось. См. об этом: [9, с. 10–56].

⁴ Ср. пронизательное наблюдение М.В. Михайловой о творческом союзе Иванова и Зиновьевой: «Совершенно не удивляет <...>, что люди из их окружения начинают воспринимать супругов как нерасторжимое творческое единство. Выразительно пишет об этом О. Беляевская, рассуждая “о значительности совместного таланта”: “я не могу отделять Вас от Вяч. Ив. даже в его работах”. Они и сами начали размышлять о совместных выступлениях в печати. Один из первых проектов — общий журнал, в котором должны были печататься только они, разбирая при этом произведения друг друга. Но уже в 1904 г. все же удалось создать некий “общий” текст — драму Зиновьевой-Аннибал “Кольца” со статьей Иванова “Новые маски”, ставшей предисловием и своеобразным ключом к пониманию символики и мифологем этой пьесы. Оба произведения были рассчитаны на их восприятие читателем в единстве» [2, с. 70].

⁵ О теургии у Вяч. Иванова см. новую работу: [7].

ме к М.М. Замятниной от 30 ноября 1905 г. Зиновьева-Аннибал сообщала:

Занята своей драмой теперь дико. Странная символическая фантастика на современную, политическую, революционную тему. Или пан, или пропал. Я сожгла свои корабли и всем рассказала — врагам-друзьям литературным (все они враги-друзья) нарочно, чтобы не было возврата и позор неудачи навсегда отбил у меня охоту быть «литератором» в цирке судорожных состязаний. Тогда пойду в действенную революцию... Или поставят мою драму в эту зиму в Петербурге в театре Мейерхольда... [1, с. 192]

Какая-то из первых редакций драмы сложилась уже к концу года. Из колоритного описания легендарной Среды 28 декабря 1905 г., когда полиция пришла с обыском на Башню, мы узнаем, что пристав «просмотрел лист за листом» рукопись драмы [9, с. 149]. Здесь речь, скорее всего, могла идти лишь о самом начальном варианте драмы; в январе 1906 г. Зиновьева собралась вновь заняться ею всерьез. Об этом находим свидетельство в сбивчивой фразе письма от 16–17 января 1906 г.:

...вот Великий Колокол захватил; так до его окончания будет болеть нога: невралгия!!! [9, с. 153].

Но весной и летом работа на «Колоколе», вероятно, приостановилась. Это можно заключить из двух следующих эпистолярных указаний. 5 июня 1906 г. в письме к М.М. Замятниной после просьбы снять дом в швейцарских Альпах Зиновьева-Аннибал сообщала: «...буду писать “Колокол” там, а теперь приведу уже в вид для печатания свою книгу рассказов»⁶. В послании же к Иванову от 26 июля / 8 августа 1906 г. сетовала: «Когда-то освобожусь для “Колокола”», — а через два дня продолжала: «Сейчас я опять в подавленном состоянии, ни “Черт”, ни “Колокол” не идут»⁷. О том, что работа над «Колоколом» в то время была

⁶ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 19.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 13.

далека от завершения, следует из отзыва Иванова на проект новой книги Зиновьевой:

Вот «Колокол» меня пугает своею идейностью. Его нужно скорее отлить, чтобы он не пугал звоном со дна душевных омутов, как «потонувший колокол» пугает героев Гауптмана [8, с. 162].

Как можно думать, и к лету—началу осени 1907 г. вариант драмы, который мог бы удовлетворять ее автора, еще не созрел. В первых числах июня 1907 г. М. Сабашникова спрашивала Зиновьеву:

Идет ли у тебя, Лидия, «Колокол», нашла ли верный тон? Очень, очень интересно [9, с. 206].

Завершение «Колокола» отложено на неопределенное будущее, об этом как будто свидетельствует признание Зиновьевой в письме к К.А. Сюннербергу от 14 сентября 1907 г.:

Я пишу Пламенников, буду печатать зимой. Есть у меня в уме и в сердце некий Вел. Колокол, но нет книг для его продолжения (они будут там литер. фоном<?>)⁸.

Болезнь и смерть Зиновьевой-Аннибал в октябре 1907 г. оказалась для ее семьи крайне неожиданной. Но по достоверным воспоминаниям Веры Шварсалон, «Вячеслав сразу занялся соб<и>ранием маминых рукописей. <...> Кажется, даже накануне [ее кончины. — А.Ш.] первая его мысль была о том, чтобы их всех собрать, чтобы ни одного листка не пропало, и о том, что нужно весь матерьял собрать, устроить и напечатать»⁹. Следует думать, что собранный (но не разобранный) архив Зиновьевой тогда же был привезен в Петербург на Башню, затем, уже в 1910-е гг., перемещен в московскую квартиру Ивановых и нако-

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 474. К. 140. Пользуемся приятной возможностью поблагодарить за представление этого текста А.А. Соболева.

⁹ Дневниковые записи и воспоминания В.К. Шварсалон о последних днях и смерти матери цит. по [9, с. 259–260].

нец в 1924 г. взят в итальянскую эмиграцию (часть же архива, вместе с архивом самого Иванова, осталась в Москве и позднее составила основу фонда 109 в НИОР РГБ). Римская часть систематизирована и описана трудами С.К. Кульюс в 2012 г. [11]. Наряду с многочисленными набросками и черновиками «Пламенников» и других сочинений в Римском архиве представлены рукописные материалы драмы «Великий Колокол».

Их изучение подтверждает, что работа Зиновьевой-Аннибал над «Великим Колоколом» завершена не была и что, соответственно, мы не располагаем окончательной редакцией «Колокола». Ниже публикуется композитный вариант, составленный из перечерченного беловика и черновика Зиновьевой и чернового автографа Вяч. Иванова (это скоропись чернилами и три рисунка синим карандашом, л. 20–21об.; см. воспроизведение этих листов на с. 539 и текстологическую справку Г.В. Обатнина ниже).

Составила этот вариант сама Зиновьева осенью 1907 г. или уже Вяч. Иванов после ее смерти? Записал ли он текст на л. 20 под диктовку Зиновьевой или зафиксировал уже впоследствии по памяти? Определенные ответы на эти вопросы трудно, если не невозможно найти, хотя на наш взгляд не исключено, что перед нами вариант самой Зиновьевой.

Таким образом, к интерпретации сюжета «Колокола» и его образов и символов надо подходить с особой осторожностью. Историки литературы увидят в публикуемом тексте влияния М. Метерлинка, Л. Андреева, Горького и самого Вяч. Иванова. Однако изучение фрагментов литературных влияний и перекличек в «Колоколе» не приведет нас к пониманию его как целого. К счастью, один из ключей к истолкованию мы находим в неизданном дневнике Веры Шварсалон, датированном концом лета 1908 г. Примечательно, что речь здесь идет не о самой мистерии, а о ее главном религиозном символе¹⁰:

¹⁰ Признавая масштабность современных исследований и интерпретаций символа, позволим себе для удобства читателя процитировать несколько строк из письма к Андрею Белому от 31 января 1906 г. ближайшего единомышленника Вяч. Иванова — П.А. Флоренского; на наш взгляд, они адекватны концепции символа в семилетие Башни: «...символы строятся духом

Вчера В.<ячеслав> читал Мамину повесть «за решеткой»¹¹ — она меня взволновала (как давно тогда, когда я читала «о благонадежности мироздания»¹²) — но тут волнение мучительное. Потому что важнее протеста и совпадает совершенно с тем внутренним разладом, кот<орый> меня всегда преследует. <...> Я В<ячеславу> говорила об этом вечером и он мне говорил о великом колоколе, кот<орый> нужно постоянно слушать и который велит идти — Этот великий колокол не всегда совпадает с личным желанием и когда он совпадает, тогда можно идти по желанию, но иначе идти за колоколом. Нужно, чтобы он как бы взял за плечо и толкал бы вперед...

25.8.[19].08 <...> В<ячеслав> главным образом сказал, что я не должна следовать обязательно по мамину пути, но слушать ее великий колокол.

[25.9.1908] То, что [говорил] понял В-в сегодня о роли своего хора слишком важно, чтобы не записать это. Но он скажет сам в своей статье. Да, зрители не должны жить в герое, а в хоре, и в этом смысле хор *должен* присутствовать тайно или явно в каждом драм<атическом> произведении. Думаю о Колоколе¹³.

Текстологическая справка

Все известные на сегодняшний день рукописи драмы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Великий колокол» находятся в Римском архи-

по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, когда начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. <...> Аллегии делаются (fiunt) и уничтожаются; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действительности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они сами приходят, когда исполняешься *иным* содержанием» [12, с. 463].

¹¹ Т. е. рассказ «За решетку», опубликованный в сборнике «Нет!» (1918).

¹² Имеется в виду рассказ «Кошка. Отрывок из письма о неблагополучии мироздания» (сб. «Нет!»).

¹³ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 46. Ед. хр. 51. Л. 5–5 об., 9. Пользуемся приятной возможностью поблагодарить за представление этого текста Г.В. Обатнина.

Вяч. Иванов.

Наброски декораций к драме Л. Зиновьевой-Аннибал “Великий Колокол”.
Синий карандаш.

[illegible]

Вяч. Иванов.

Лист из драмы Л. Зиновьевой-Аннибал "Великий Колокол".

Черновой автограф. Чернила.

ве Вяч. Иванова. Публикуемый ниже вариант имеет композитный характер: большая часть его (лл. 1–19) представляет собой правленный белой автограф чернилами рукой писательницы, содержащий дополнения карандашом на полях, лист 20 — черновой автограф другими чернилами рукой Вяч. Иванова, лл. 22–27 — черновики рукой Зиновьевой-Аннибал, недописанный фрагмент на л. 28 занимает, вероятно, последний лист белой части, располагавшейся на первых девятнадцати листах, и последние два листа — снова черновик рукой писательницы. Рукопись носит законченный характер и скреплена медной скобой, возможно, будучи подготовленной Ивановым для типографского набора. На каком этапе работы поэта с материалами своей жены это произошло, пока сказать затруднительно, и поэтому трудно датировать ее составные части. То же самое можно сказать о прочих рукописях и фрагментах драмы, либо случайно попавших в багаж (об этом свидетельствует, например, затесавшийся лист из перевода Ивановым байроновского «Юлиана»), либо взятых целенаправленно. Всего таких черновиков шесть, они потребуются для текстологии будущего академического издания пьесы Зиновьевой-Аннибал, а здесь мы ограничимся их краткой характеристикой. Фрагмент перечерненного белого автографа (л. 4–7) находится в папке с обложкой с обозначенным на нем рукой Иванова заглавием «Великий Колокол (“Никлые”) и афоризмы?» (в скобках название одного из неосуществленных поздних замыслов писательницы). Стихотворный вариант текста драмы располагается в двух автографах: четыре листа, тщательно переписанные рукой Иванова фиолетовыми чернилами, находятся в той же папке и содержат незаконченную речь Агии. Отдельно сохранилась также и обширная, частично нумерованная черновая рукопись, выполненная рукой Зиновьевой-Аннибал, представляющая собой, судя по всему, самый ранний вариант текста, а также его фрагменты, общим объемом в 44 листа. Кроме того, на полулистах рукой Зиновьевой-Аннибал записан прозаический вариант текста (33 л.), белой автограф с правкой, который, возможно, послужил основой для той рукописи, которая составляет большую часть публикуемого автографа. В этом убеждает то,

что они оба охватывают текст с первой до четырнадцатой сцен, а также сохранившийся конверт с пометой почерком предположительно М.М. Замятниной или В.К. Шварсалон: «“Великий Колокол” 2ая прозаическая редакция». Таким образом, имеются три основных автографа: первый в стихах (оригинальный и частично перебеленный Ивановым), вторая прозаическая редакция и тот, составленный из нескольких фрагментов, который теперь предлагается читателям. Кроме того сохранился фрагмент неустановленного белового автографа (3 л.), содержащий прозаический набросок диалога второй группы паломников из 9-й сцены, и черновая запись замысла драмы (3 л.), обозначенная как «1 акт», но, судя по содержанию, относящаяся к третьей сцене финального варианта.

Текст воспроизводится с сохранением авторских стилистических и графических особенностей, по правилам современной орфографии и пунктуации, и, за редкими исключениями, без учета авторской правки. Однако по требованию рецензента и в целях облегчения чтения обозначения персонажей приводятся в упрощенном виде, т. е. без учета сокращений и прочей правки, а также с унификацией строчных и прописных букв (напр., «Стар.<ец> Созерц.<атель>» воспроизводится как «Старец-созерцатель», «Глав.<арь>» как «Главарь», «Як.<ов>» и «Я.<ков>» как «Яков» и т. п.). С той же целью все слова, подчеркнутые автором, выделены полужирным шрифтом.

Список литературы

Исследования

1. *Галанина Ю.Е.* В.Э. Мейерхольд на Башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2006. С. 187–205.
2. *Михайлова М.В.* Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза» или «яркий образ возможного счастья»? // Философские эманации любви / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издат. дом ЯСК, 2018. С. 62–98.

3. *Мицкевич Д.Н.* Принцип «восхождения» в сонете APOLLINI Вячеслава Иванова // *Eurora Orientalis*. 2002(1). Vol. XXI. С. 251–278.
4. *Мицкевич Д.Н.* «Реалиоризм» Вячеслава Иванова // *Христианство и русская литература*. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе / отв. ред. В.А. Котельников, О.А. Фетисенко. С. 254–342.
5. *Плюханова М.Б.* «Кипение света»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 604 с.
6. *Топорков А.Л.* Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. 496 с.
7. *Riggs Jeffrey T.* “A Fullness of Living Forces”: Viacheslav Ivanov’s Poetics of Theurgy: PhD dissertation. Los Angeles: University of California, 2018. 215 p.

Источники

8. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского, ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.
9. *Богомоллов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 286 с.
10. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
11. *Кульюс С.К.* Римский архив Лидии Димитриевны Зиновьевой-Аннибал. Опись. Рим: Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме, 2012. 64 с. URL: http://https://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/03/zinovjeva-annibal_archiv_rim_opis_v.1.0_06.2012.pdf (дата обращения: 09.01.2024).
12. Переписка [П.А. Флоренского] с Андреем Белым // Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 433–484.

References

1. Galanina, Iu.E. “V.E. Meierkhol'd na Bashne Viach. Ivanova” [“Meyerhold on the Tower of Vyach. Ivanov”]. *Bashnia Viacheslava Ivanova i*

- kul'tura Serebrianogo veka* [Vyacheslav Ivanov Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, pp. 187–205. (In Russ.)
2. Mikhailova, M.V. “Viacheslav Ivanov i Lidiia Zinov'eva-Annibal: krakh ‘ideal'nogo soiuzu’ ili ‘iarkii obraz vozmozhnogo schastiia?’” [“Vyacheslav Ivanov and Lidia Zinovieva-Annibal: the Collapse of the ‘Ideal Union’ or the ‘Vivid Image of Possible Happiness?’”]. Sineokaia, Iu.V., editor. *Filosofskie emanatsii liubvi* [Philosophical Emanations of Love]. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2018, pp. 62–98. (In Russ.)
 3. Mitskevich, D.N. “Printsip ‘voskhozhdeniia’ v sonete APOLLINI Viacheslava Ivanova” [“The Principle of ‘Ascension’ in Vyacheslav Ivanov's Sonnet APOLLINI”]. *Europa Orientalis*, vol. XXI, 2002(1), pp. 251–278. (In Russ.)
 4. Mitskevich, D.N. “‘Realiorizm’ Viacheslava Ivanova” [“‘Realiorism’ by Vyacheslav Ivanov”]. Kotelnikov, V.A., and O.L. Fetisenko, editors. *Khristianstvo i russkaia literatura*. [Christianity and Russian Literature], coll. 6: Vzaimodeistvie etnokul'turnykh i religiozno-eticheskikh traditsii v russkoi mysli i literature [Interaction of Ethnocultural and Religious-ethical Traditions in Russian Thought and Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 254–342. (In Russ.)
 5. Pliukhanova, M.B. “Kipenie sveta”: *Russkie Odigitrii v liturgicheskoi poezii i v istorii* [“Boiling of Light”: Russian Hodegetries in Liturgical Poetry and in History]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016. 604 p. (In Russ.)
 6. Toporkov, A.L. *Istochniki “Povesti o Svetomire tsareviche” Viach. Ivanova: drevniaia i srednevekovaia knizhnost' i fol'klor* [Sources of the “Tale of Svetomir Tsarevich” by Viach. Ivanov: Ancient and Medieval Literature and Folklore]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 496 p. (In Russ.)
 7. Riggs, Jeffrey T. “A Fullness of Living Forces”: *Viacheslav Ivanov's Poetics of Theurgy: PhD dissertation*. Los Angeles, University of California Publ., 2018. 215 p. (In English)

<Сцена 1ая¹ >

С зубцов стены медленно сходят один за одним
три старца-созерцателя в аметистовых одеждах

1й Старец-созерцатель (останавливаясь) Уже в заре побледнела утренняя звезда. Полморя засветилось медью. Солнце встанет кровавое. Это смущает мою душу и не слагаются песни.

2й Старец-созерцатель. Закрой глаза, милый старец, и отдайся слуху. Там со стены над городом и морским прибоем я слышал гармонию вечных чисел. В ней сливаются все клики, стоны и проклятия. В эту ночь я слышал пение великих хоров.

3й Старец-созерцатель. О, братья, блажен наш высокий союз. В тишине и забвении тела мы созерцаем, как бьет прибой дней о берег вечности. И все проходит... И все недвижно. Бесстрашная красота миров исполняет наш дух.

1й Старец-созерцатель. Скоро встанет солнце и ударит Великий Колокол. Проснуты для слез и молитв бедные люди... Они забылись сном... Уйдем, друзья, в тишину.

Удаляются чрез дверь к воротам кладбища. Проходят мимо старцев молчальников.

1 Старец-созерцатель. Эти всегда молчат.

2 Старец-созерцатель. Они знают последнюю тайну. Все гармонии сливаются в совершенное молчание.

1 Старец-созерцатель. В молчании их вера.

Проходят в ворота кладбища

2й Старец-созерцатель, проходя последним, про себя раздумчиво:

Мир — сон Бога, и люди <—> тени сна. Лишь разбудят Сновидца, мы сольемся с Ним. Тихими песнями шепчу Ему: Проснись!

¹ Вся разбивка на сцены была осуществлена позднее и внесена карандашом, а первая сцена оставлена без обозначения.

Сцена 2ая

Выступают, держась за руку, трое старцев пламенников в огненных одеждах

1й Старец-пламенник. Что тот сказал? Что тот сказал, проходя на кладбище?

2й Старец-пламенник. Бог сошел. Сам Бог сошел упиться ярым вином страданий.

3й Старец-пламенник. Умереть и воскреснуть.

1й Старец-пламенник. Преобразиться в сиянии и огнем преобразить мир.

2й Старец-пламенник. Он светился. Он светился на горе.

3й Старец-пламенник. Солнце встанет в крови!

1й Старец-пламенник. Кровь запылает огнем!

2й Старец-пламенник. Огонь! Огонь!

3й Старец-пламенник. Взгорись, мое сердце, и возрадуйся муке. Бейте молот по каленому железу! Сыптесь, искры, огнем моих мук!

1й Старец-пламенник. Лети пожар из искр моих каленых мук!

2й Старец-пламенник. Сплавь пожар сердце моей грешной земли!

3й Старец-пламенник. Скуйте из сердца молот мук, алтарь моему Богу!

1й Старец-пламенник. Из груди вырвем жертвенник сердца!

2й Старец-пламенник. Пылать будут жертвы — сердца перед лицом живого Бога!

3й Старец-пламенник. И в огненный восторг обратятся нам наши муки.

1й Старец-пламенник. Дрогнули свет<ы>! Не возшло ли солнце из-за моря?

2й Старец-пламенник. Братья, уйдем на башню, станем под Великий Колокол вопить к Богу!

3й Старец-пламенник. Нет, братья, сойдем в город! В городе гудки заводов глушат голос Великого Колокола!

1й старец. Сойдем в села! Блеянье и мычанье стад глушат голос Великого Колокола в селах!

2й старец. Вы правы, братья, огнем любимые. Сойдем с горы. Станем петь и глашатать людям!

Старцы пламенники удаляются через двор к воротам монастыря. Проходят мимо старцев молчальников.

1й Старец-пламенник. Эти всегда молчат.

2й Старец-пламенник. Они поняли последнюю тайну. Любовью испепелились сердца.

3й Старец-пламенник. В молчании открылась им вера.

Проходят в выходные ворота монастыря.

1й Старец-пламенник, проходя последним, про себя, раздумчиво:

Отвергнут ли уста сказать словами свое?

Сцена 3ья

Агния в белой одежде засвечивает в храме [Преображения] один за одним светильники. Потом тихо выступает. Берет с плиты у порога высокий кувшин, поднимает его на голову, пробирается между спящими к левому проходу со двора. Исчезает.

Сцена 4ая

Великий Колокол ударяет в первый раз.

Авва, просыпаясь от сна, садится. Оглядывает спящих вокруг.

Авва. Ударил Великий Колокол. Просыпайтесь! [Слепой Авва бдит за вас] Поклонники Духа Святого, просыпайтесь.

Многие двигаются. Авва встает с трудом на ноги. Опирается о посох.

Великий Колокол. Ударяет во второй раз.

Авва. Великий Колокол ударил во второй раз. Горé да имеем сердца. Будет третий удар. Чудо свершится.

Закидывает голову. Ищет слепыми глазами в небесах. Многие становятся на колени, молятся, стонут, воздыхают. Калеки переползают с одного места на другое, в волнении.

Великий Колокол. Ударяет в третий раз.

Авва, вскидывая к небу руки вместе с посохом: Совершается. Чудо совершается. Строится небесный храм. Загорятся семь глав небесного собора. Увижу. Увижу. **Роняет руки. К паломникам:** Лобзайте землю. Лобзайте мою землю. Да вознесем ее перед Господом. В сердца замкните милых братьев внизу оставшихся и ступайте во храм молиться и воспевать Господа!

Авва падает на землю и целует ее. В толпе паломников раздаются клики, стоны, аллилуйя. Многие бросаются на землю и целуют ее, рыдая и смеясь.

Хор Колоколов. Несется с башни рыданием и восторгом. Покрывает весь человеческий гомон двора.

Великий Колокол. Гудит неустанно, мерно, предводя колокола.

Паломники, суетясь толкуются, накидывают одежды, опоясываются. Собираются группами. Разбредаются одиночками. Тащат больных. Идут. Ползут. И медленно исчезают в проходы и храмы, <в> двери<?> направо, налево, вперед. Колокол смолкает.

Сцена 5ая

Паломник из группы отставших. Ты куда ведешь дурочку, сестра?

Паломница, ведущая за руку женщину с большой головой: Я в подземную. Там у Владычицы так же тихо и темно. Наша блажененькая и вчера там стояла; всё плакала, а сама радостная.

Паломник. А вы на долгий срок на гору взошли?

2ая паломница, перебивая: В душе то радость, не на земле.

2ой паломник. Истинно. На землю не надейся. В земле только Божья душа смеется.

1ая паломница. А очи земные всегда плачут.

Проходят

Сцена 6ая

Через двери из одного прохода в другой паломница ведет слепую. Слепая подняла вверх глаза, тело содрогается рыданиями. За подол ее ухватила девочка.

Паломница, торопливо к слепой. Не плачь. Не плачь. Потерпи еще. Ты проси, как дитя проси смело. А если не дастся тебе исцеление к иным путям ты назначена. Укрепится тогда сердце твое и такую благодатью исполнится от здешних мест горних, что не властны станут над тобой и над твоей девочкой ни побои, ни обиды деверя и снохи. И голод и холод не доймет. И всё что земное — малую цену получит, а всё что горнее <—> великую цену получит.

Слепая. Боюсь. Боюсь. [Сегодня и вовсе потеряла свет] **Рыдает. Девочка выбегает**

Паломница. Иди ж. Иди. Не плачь упираячись. Слезами последний свет выжжешь.

Слепая. И то выжгло. Сегодня и вовсе последний свет потеряла.

Паломница. Сведу тебя на места его страданий. Он, Он страдал, — мы ли не страдаем с умилением. Мы все вкупе. Мы все в соборе!

Девочка. Вот сбегая на зубцы, как мамка отмолятся. **Тянет мать к храму**

Подходит группа паломников и паломниц

Паломница. А видела я, девочка Божья, со стены поправее города мыс. Синим является и с трех сторон синее море, а меж деревьев белый дворец. В том ли дворце сам князь живет.

Агния. Князь в городе живет в другом дворце, дела творит. А на мыс ходит охотиться, от дел отдыхает. Да вы откуда будете? Далекие?

Паломник. Да мы за Болотами живем. За семь дней пути отсюда. Семь дней шли.

Агния, загораясь. Великий Колокол позвал.

2ая Паломница. Да, милая. Жизнь то у нас дома тихая. Мы не в обиде. Земли есть и всего есть. Только вот сердце стало беспокоится. Загораться стало сердце. Ночью стал ему звон слышиваться.

1ая Паломница. А мне и днем.

2ой Паломник. Мне и днем и ночью. Так и гудит. Всё бы бросил. К Богу пойти!

Агния, потерянная. Да. Да. Это Великий Колокол.

Паломники вместе. Это Великий Колокол.

Агния. Сердцу уснуть не дает.

Паломники. На подвиг от жизни узывает.

Агния. Подвиг сердца гореть перед Господом. На то мы родились. Жизнь и земля горящим сердцем просветит.

4-ая Паломница, кланяясь. Скажи, Божья девочка, в который храм нам идти?

Агния, сложив молитвенно руки. Здесь храмов много. Есть во славу рождения Бога и во славу Родившей и во славу воскресения Его и во славу преображения Земли. Есть подземные храмы: там во мраке пути глухие ходы, и ступени, и скалы, и пеще-

ры, и могилы... Есть храмы нагорные: там свет солнышко играет со светом. Там вы увидите, как горят самоцветные камни и чистое золото. То дары бедных и дары богатых Богу единому. Мы же все братья и сестры равны гости на Божьем пире!

Паломники, кланяясь и молясь, проходят. Поют аллилуя <так!>.

Сцена 8ая

Авва выходит из храма. Нащупывает посохом путь.

Великий Колокол. Ударяет семь раз, один удар медленно за другим.

Агния припала на землю; обняв свой кувшин тихо молится. Авва закинул голову и слепыми глазами вперился в небо.

Авва. Совершится чудо. Семь куполов увижу небесного Собора. В суд или во оправдание земли? Люди, люди! **Протягивает руки с посохом.** Кто без вины? Кто никого не убил? Кто никого, никогда, нисколько не убил? Кто всегда друга миловал и недруга? Над могилой кто не рыдал раскаянным? Люди, ко мне! **Роняет посох.** Люди милостивые, не убившие, люди легкою стопой, невинною, ступающие по земле светлой и доброй, вы люди, объясните мне, в суд или в осуждение увижу на небе семь глав горящих, семь глав горящих, от семи ударов Великого Колокола?

Агния вскакивает. Мне страшно. Мне страшно. **Прикрывает лицо руками и плачет.**

Авва. Кто здесь? Кто скажет? Кто плачет? Ты плачешь? Марианна! Марианна! Ты жива?

Агния, громко взрыдав, бежит к нему. Авва нащупывает дрожащими руками ее лицо.

Агния. Дедушка! Дедушка! Боюсь!

Авва. Ты плачешь. Ты жива. Знаешь, Марьянна, я сон видел. Ты с ним легла обнявшись. Я вошел. Ты увидела и заплакала. Ты так вот заплакала, как теперь, как девочка. Я вынул нож из-за пояса и убил. Так убил. Марьянна! Марьянна! Марьянна!

Агния. Милый, милый, милый дедушка.

Гладит Авву по волосам, по лицу. Целует его руки, вкладывает в них посох. Бережно ведет через двор к своему кувшину. Ставит кувшин на голову. Оба проходят в левый проход.

Агния, проходя. Пойдем, дедушка, на большой двор. Станем вместе там посреди. Твоя корзина с хлебами, там готова у хлебопека. Станем вместе поить и кормить нищих. Солнце высокое. Солнце жаркое. Плиты каленые. Вот идет народ полудничать и отдыхать.

Сцена 9ая

Свет солнца яркий, жгучий. Со всех проходов собираются на двор паломники. Группами располагаются, ища тени. Вынимают еду из корзинок. В ворота входят, вползают в лохмотьях и нагие вереницей нищие, калеки, слепые, идиоты, прокаженные, лихорадочные. Кличут, стонут, протягивают руки. За одежды хватают проходящих. Получают подавание. Некоторые прячутся в тень вдоль стен и колоннады. Лихорадочные выползают на солнцепек, протягивают к лучам исхудавшие трясущиеся руки. В различных группах паломников разговаривают.

Группа 1ая.

1ая Паломница. Глядите, вот тот бредет всё распоясанный.

2ая Паломница. Он стоял у Владычицы в подземной. Пять часов на коленях, а лице белое, глядит на нее, как в безумии, и никого не видит. Так пять часов.

Зья Паломница. Он падал лицом на камни, руки вперед простирал, и так лежал подолгу.

1 Паломник. Грех его давит, или горе...

1ая Паломница. Всех нас давит.

2ая группа

Паломница вся в черном со светлым лицом, продолжая разговор: А некоторые и совсем здесь остаются. Тела их уже почти не нуждаются в пище. Их души горят как светильники земли. Их лица такие светлые, что когда бы они и сошли вниз с горы, ничья рука не поднялась бы на них, но всякий, уловивший их взгляд, унес бы его как память светлую о лучшей святой земле

Паломник мальчик, сидящий рядом с женщиной, голосом тихого восторга: Они как светильники земли горят перед Господом, и, набравшись Духу, разносят далеко по земле весть о Великом Колоколе.

Паломник старик. А у нас на селе таковой светлый в работах служил. Лютый был господин его из княжеской опричнины богатей, и то смирился. Село все наше просветлело. А как умер тот светлый с горы пришелец, так многие из нас в паломничество сошли сюда, потрудиться Великому Колоколу Батюшке.

Зья группа

Паломница в пышных лохмотьях продолжает речь: Как подарила мне та барыня рубашку, кофты две, да юбку и стало мне тяжело идти. Вижу у реки прачка полощет. А на спине кофта провалилась и тело нагое. А мальчик возле плачет: мама, мама! Я ей [постирать] на помочь<?> предложила, да на мне две кофты и еще внакидку пальто хорошее, хоть драное. От богатства оно нашего недавнего осталось: у нас с мужем торговля была. Прачка то мне и говорит: где тебе, миленькая, сама дополощу. Я всё-таки

помогла, а дело-то у меня в руках горит. Выполоскали одним духом и в дом понесли. Я и говорю ей в доме-то: «На тебе нету рубашки» и стала раздеваться. Она плачет. Отнекивается. А я сняла рубашку: чистую, новую, <нрзб.>, что барыня дала, и дала ей и кофту одну дала. Она мне в ноги, а я-то ей поклониться желаю, и плачем оба. Она и говорит: холодно тебе будет, как пойдешь! Осень на дворе! А я как пошла, веришь ли, милая, вся вспотела, так жарко мне стало. А в город пришла, мне слепой дьякон и говорит: Пойди к сестре моей, она тебе что-то дать хотела! И научил, куда идти-то, а то я их и не знала никогда. Дает мне сестра дьяконова сверток. А в свертке-то рубашка да кофта. Вот и сейчас она на мне. Хорошая...

2ая Паломница. Да ты, что милая, говорит, да слезами сно-ва заливается. Не плачь. Сожжешь свет в глазах.

1ая Паломница. И то сожгла. Не вижу я свету ясного. Гляжу я на тебя, милая, а вижу как туман стоит... Да в роду это у нас слепота. Сын в прошлом году ослеп, да нищеты убоявшись и тьмы, добрел зимой до проруби и потопился...

4ая группа

1й Паломник. Нашей жизни хуже жизни и нет. У нас без милости господ: ни хлеба, ни травы скотине, а милость господ такая, чтобы шкуру с живых крестьян драть.

2й Паломник. У нас те же господа на прядильне гнетут...

3й Паломник. А мы ваших <?> же, в их рудниках слепнем

1ая Паломница. Были у нас господа добрые, да несчастье над ними совершилось: ума решились отец и сын. Старик жену молодую убил, Марианной звали, первая в свете красавица была. С полюбовником застал и зарезал. Посадили в больницу его, потому что на суде помутился разум его. Он там в больнице глаза выплакал, да убежал ночью с тех пор без вести пропал.

2ая Паломница. Я как на Аввушку слепого гляжу, всё старого барина доброго вспоминаю. Молюсь о смягчении мук его, не стерпело сердце, поднялась рука и свет жизни погас ему тою минуточкой.

1й Паломник. И какой был добрый. Двух сирот воспитывал с сыном единственным как равных братьев. Они теперь у нас вожаки сильные. Против господ и против князей народ поднимают.

3й Паломник. Это Яков и Лазарь.

1й Паломник. Вот, вот они. А Евгений, их брат, барский сын, сгинул исчез. Ума решившись, красавицу жену покинул и все имения оставил на раздачу крестьянам и работникам. Сам без вести пропал...

2ая Паломница, плача. На горе нам, покинул нас барин добрый! На горе нам послал Господь кару тяжкую дому их славному! Не удержалось добро их в наших глупых руках. К худшим господам, князевым слугам, мы в руки, во власть попались.

1й Паломник. Не доросли тогда дети <?> Яков и Лазарь. Доросли бы, не дали бы совершиться нашему несчастью!

3й Паломник. Вовремя спохватились бы, не лилась бы теперь кровь. Народ страхом собирают на князя и его слуг.

4й Паломник. Страхом в один загон загоняют Яков и Лазарь на восстание.

3й Паломник. Когда загонят в один загон, что и нет из него выхода, кроме смерти, люди от страха и побратаются!

4 Паломник. А вот как копыя заработают на наших телах, да пули засвищут, то и в восторг единения придем! Под топором-то все запляшем

Мало-помалу все ложатся и засыпают. Бредет тихо с посохом Авва, выстукивает свободные места в тени. Ложится. Многие из слепых и калек спят. Зной пышет. Молча проходят под колоннадой старцы молчальники. Садятся. Молятся <?>

Сцена 10

Агния подходит к Авве усталая с разбитым сосудом на голове. Авва тотчас приподымается.

Агния. Дедушка, это я. Спи, дедушка

Авва. Знаю, деточка, что ты. Не спится мне, Агния. Слепому не спится. Слепой слишком много слышит, чтобы спать. Тяжело у тебя на сердце, деточка?

Агния. А ты знаешь, дедушка?

Авва. Ступаешь ты тяжело.

Агния. Дедушка, в городе не ладно.

Авва. Внизу всегда неладно. Неладное внизу только неладным исправляют! На горе свято. Твой кувшин с трещиной, Агния?

Агния. Ты почему узнал?

Авва. Вода плещется в нем незвонко.

Агния. Дедушка, слушай. Когда стояла я на перекрёстке и поила прохожих, подошел ко мне Яков во главе большой толпы людей с оружием. Там я узнала много знакомых рабочих, прежде живших у меня. И протянула свою кружку. И ко мне протянулись их руки. Но Яков вышиб мою кружку и разлил святую воду и крикнул своим людям: «К чорту поповскую водоношу! Не смейте пить ее отравы. Я учу вас тому, чтобы вы для жизни жили, а попы учат вас жить для смерти. И о смерти воет Великий Колокол! Вперед на бой неравный, но святой. Вперед: за счастьем и красотой и справедливостью!». [Я поставила кувшин на голову и пошла прямо. Но мне вдогонку полетели камни, и один ударился мне в плечо, другой раз[над]бил мой об кувшин]. Тогда они зашумели между собой, а некоторые очень хотели пить, но другие отталкивали их от меня, и они дрались.

Авва. Тогда ты заплакала и пошла.

Агния. Да, дедушка, ты всё знаешь.

Авва. Слепые, всё знают.

Агния. Когда я пошла от них, они бросали в меня камнями.

Авва. Камни ушибли твои плечи, оттого ты тяжело ступаешь

Агния плачет. Один камень [раз]надбил кувшин.

Авва. Ты плачешь! **протягивает руки.** Лицо дай нащупать мне. Марианна! Марианна! Кто плачет?

Агния смеется, ласкаясь к нему: Дедушка, дедушка. Это я. Не плачу.

Авва, притягивая к себе на колени, баюкает и напевает: Марианна, засни! Засни, деточка, родненькая, желанная, засни!

Агния, улыбаясь, засыпает.

Авва в тихом исступлении. Моя Марианна жива и спит. Все здоровые спят от зноя. Кто дышит часто, стучит зубами? Вы в лихорадке? Придите ко мне.

Подползают лихорадочные.

Авва. Вам солнце любо. **Вытягивает из тени свои руки.** Жгут лучи, как песок горячий и всё же не согревает всех! Бедные мои!

Притесняются близко прокаженные.

Авва. Слышу дух от прокаженных. Ложитесь тихо в тень. Не троньте мою девочку. Ей иная судьба. Каждый свою судьбу за всех несет.

Приближаются слепые.

Авва. Братья, сюда, на мой голос. Я знаю осторожные шаги слепых.

Останавливаются ближе нищие и калеки.

Авва. Вам голод не дает спать. Жестоки сердца у людей внизу. Знаю. Вы уже не можете пропитать себя и ваши кровные выгнали вас без крова.

Некоторые из нищих. Им нечем было кормить нас!

Авва, прислушиваясь. Слышите стоны внизу. Слышите топот ног и коней далеко внизу? Вот когда не спишь так, слепой, а зрячие все спят, то слышишь, чего не могут слышать другие. Самой земли зов слышишь. Это знают слепые, да Великий Колокол.

Слепые. Так. Так.

Авва. Земля темная, братья, и во зле лежит. Земля сама себя грызет, как голодный медведь. Земля тяжелая. И зовет земля человека: просвети, улегчи, своим духом напой, чтобы и я, земля, познала Бога.

Многие. Так. Так.

В открытые ворота входят время от времени паломники. Несколько человек подходят к Авве.

1й Паломник. Старик, ты здесь старший?

Авва. Здесь нет старшóго. Великий Колокол здесь старшóй.

2й паломник. Там у ворот таятся люди. Их семь человек.

3й паломник. Бьют себя в грудь. Плачут. Войти боятся

4й паломник. Я их знаю. Это семь народных главарей.

1й паломник. Да, да. И я знаю. Это те, кого поставили Яков и Лазарь над восставшими.

3й паломник. Они бежали сюда.

1й паломник. Еще утром, когда Великий Колокол ударял семь раз.

Авва. Чудо совершается. Просветятся сердца и просветится мир.

4й паломник. Старик, пойдем с нами. Тебе они поверят.

3й паломник. Тебе поверят, слепому, и выйдут. Они боятся и с утра плачут у ворот.

1й паломник. И прячутся.

Авва. Ударит Колокол: они выйдут.

Сцена 11ая

Великий Кол.<окол> Ударяет один раз.

Агния просыпается. Становится на колени.

Авва. Входите братья! Входите братья!

Входят семь главарей народных. Головы опущены, одежды разодраны, бьют себя в грудь.

Главарь. Господи, милостив будь ко мне грешному!

Великий Кол.<окол> ударяет во второй раз.

Авва. Мир принявший убийство принимает. Братья вошедшие, кайтесь, кайтесь!

Главари бросаются на колени.

1й Главарь, целуя землю. Прости, земля!

2й Главарь, целуя землю. Мы запятнали тебя кровью

Авва. Кровь пролитая кровью отплатится.

3й Главарь. Старик, пусти меня под Велик.<ий> Кол.<окол>. Мы главари Народного восстания.

4й Главарь. Мы темные во тьме проливали кровь виновных и кровь невинных.

Вел.<икий> Кол.<окол> Ударяет в 3й раз.

Авва. Слепые вожди слепых, вы прозреете и прозрением вашим просветится мир. Чудо, чудо совершится! Горé, горé очи ваши. Строится на небесах семиглавый храм!

Хор колоколов, несется с башни рыданьем и восторгом.

Велик.<ий> Кол.<окол> гудит неустанно, мерно, предвоя колокола.

В толпе паломников многие рыдают, многие молятся. Кликуши кличат. Вбегают трое старцев пламенников и машут огненными рукавами.

1й Старец-пламенник. Пламенники! Пламенники!

2й Старец-пламенник. Сердца наши пламенники!

3й Старец-пламенник. Божий мир zalьется кровью!

1й Старец-пламенник. Пламенем загорится кровь святой слепоты!

2й Старец-пламенник. На алтаре Твоем.

3й Старец-пламенник. Бог пламенник душ, пламень — испупительный!

Главари. Аллилуйя! Осанна в Вышних!

Сцена 12ая

Лазарь и Яков врываются сквозь толпу.

Лазарь. Безумцы! Оголделые!

Яков. Чертовы шабашники!

Главари скрываются в проходе

Лазарь. Кто у вас есть человек! Эй! Где главари народного восстания!

Яков. Ваш колокол их на шабаш сюда скликал.

Лазарь. Мои дружинники покинуты. Над ними я поставил их главарями, чтобы согнать опричников княжеских с народной земли!

Яков. Мои покинули товарищей рабочих на заводах, прядильнях и рудниках! Они должны были захватить себе свое и прогнать тунеядцев разложителей народных!

Лазарь. Где они?

Яков. Мы за ними пришли.

Бросается к тому проходу, где скрылись главари.
Авва становится, схватывает Якова за одежду.

Авва. Остановись, сын, остановись!

Яков бешено. Я не сын тебе, старый святоша!

Авва. Кто пришел на голос Великого Колокола, того человек не уведет.

Лазарь. Да будешь ты проклят.

Авва. Не кляни, не кляни Отца.

Лазарь. Отец! Хорош отец! Вон, старик. **Отталкивает Авву.**

Авва. Слепы вы, не Авва слеп!

Сцена 13ая

Голоса и пение псалмов у ворот. Толпа приближается с опущенными покаянно головами, бьющая себя в грудь. Яков и Лазарь бегут в <к> воротам, запирают их. Двое главарей смело выступают на двор из прохода.

1й Главарь. Яков, открой, стучатся.

2й Главарь. Лазарь, открой ворота. Эти люди ушли за нами.

Лазарь хочет ударить ножом говорящего. Яков удерживает его руку.

Яков. [Изменники!] Зачем покинули товарищей. Их одоле-
ли княжеские воины

Лазарь. Погибло наше дело.

Подходят ещё три главаря

Яков. Вы не сумели поднять дружно всех товарищей

1й Главарь. Яков, ты велел мне поджечь прядильню, где спря-
тались пугливые отступившие от восстания! Я видел их лица в
огне под горящими балками! **Падает на землю рыдая.**

Стук нетерпеливый в ворот<а>.

2й Главарь. Откройте ворота и сами останьтесь с нами.

Яков. Изменники! Предатели!

2й Главарь. Тяжко нам, тяжело. Не тайных <?> путей!

4й Главарь. Из смерти как родиться жизни?

5й Главарь. Я убивал и не снес убийства. Вчера я топил-
ся в море, но люди вытащили. Сегодня меня позвал Вел<икий>
Кол.<окол>

Авва. Меч поднявший от меча погибнет.

Лазарь. На нас поднят меч, и поднявшие да погибнут.

Яков. Да погибнут.

1й Главарь. Да погибнут.

Яков. Ты с нами Матвей<?>! Ты вернешься.

1й Главарь. Я предал товарищей, прости, Яков

За воротами стук усиливается. Толпа ломится. Ворота нагибаются. Выходят остальные два главаря.

Два подошедших² главаря. Пустите стучащих!

Авва. Новую землю возлюбит<е>. Ниву святую и благословенный град!

Яков. Лазарь, держись. Их шестеро против нас троих!

Авва. Любовью рождается новая жизнь, преображением сердец, но из смерти родится смерть!

Лазарь. Яков, держись. Матвей <?>!

Борьба. Стук. Ворота трещат. Лазарь ударяет ножом одного главаря, потом другого. Оба падают. Четверо главарей отступают. Дикие крики по двору, вой. Стук снаружи усиливается.

Авва. На землю, на землю. Кровь пролилась. Кровь с матери слобзайте <так!>. **Бросается на землю.**

Сцена 14ая

Евгений выходит на двор из башенной двери. На нем одежда в лохмотьях. Серая ткань покрывает голову, свисая на лицо. С ним Агния.

Авва поднимаясь. Слышу. Слышу, звонарь идет.

Евгений останавливаясь. Агния, иди светить светильники в храме.

² Над строкой исправлено на *подбежавших*.

Агния. Боюсь за тебя. Там злые люди. Учитель, дозволю остаться при тебе.

Евгений. В храме Преображения погасли светильники. На душе моей тоска. Иди.

Агния покорная отходит в храм. Евгений идет в ворота. Толпа расступается впереди, смыкается позади. Целует его одежды, ноги. Ползут больные и калеки прикоснуться. Евгений останавливается. Всё смолкает.

Евгений к толпе. Прозвонил колокол. А вы еще здесь. Пусты храмы. Где ваши души.

Голоса из толпы. Здесь злые люди. Пришли снизу пролить кровь. Горе! Оставь нас с тобою. Мы защитим.

Евгений. Оставьте нас. Кто пришел на Колокол [слушает], повинуются <?> его голосу.

Паломники медленно расходятся. Двор пустеет понемногу. Евгений, подойдя к раненым товарищам, наклоняется над ними.

Евгений. Милые братья, вы умрете счастливыми

1й Главарь, слабо. Так. Да!

Евгений. Простите убивших. И они служат Богу, того не зная. Простите им.

Главари, умирая. Простите нас

Ворота снова <3 нрзб.> стук.

Авва. Ворота раскрываются.

Четверо главарей вбежали на зубцы.

Новые толпы! Новые толпы! Все тропинки по ту сторону оврага чернеют идущими. Молятся, бьют себя в грудь, поют Аллилуйя³.

Запирайте ворота, запирайте ворота.

Яков и Лазарь на зубцах стены над воротами.

Лазарь. Назад, трусы, изменники! Яков⁴. Назад, в город, к братьям, беглецы, дезертиры великого освобождения, нищие духа, попрошайки Бога.

Евг.<ений> поднимается на зубцы

Ждите, братья, ждите здесь. Грядет скоро. Ей, гряди, гряди!

Толпа за ворот<ами?>

Нищий <1 нрзб.>

Лазарь. Не слушайте обманщика, товарищи! Зажмите рот боголюбной кликуше. Яков<?>. Вспомните пролитую кровь ваших мучеников. Теперь пока вы здесь малодушествуете, город оцеплен железными цепями, и копейщики колют ваших жен и детей. Назад, с нами. Да здра<в>ствует воля, Лазарь.⁵ да сгинут насильники.

Толпа

Воля, воля!

Евг.<ений>

Да будет воля твоя

Яков.

Видели мы, какова Его воля. Да здравствует воля народная.

³ Начиная с этого фрагмента и до слов Евгения «Да здравствует воля народная» текст представляет собой черновой автограф рукой Вяч. Иванова (чернила с позднейшими добавлениями синим карандашом, обычная манера писателя).

⁴ Распределение реплик между персонажами в этом фрагменте сделано позже, с помощью обозначения их инициалами синим карандашом поверх уже написанного текста.

⁵ Распределение реплик между персонажами в этом фрагменте сделано позже, с помощью обозначения их инициалами синим карандашом поверх уже написанного текста.

[Евг <ений>] Да здрав.<ствует> воля народная.

Главари. Новые толпы! Новые толпы! ⁶

Толпы дружинников у ворот.

1й Главарь. Все тропинки по [ту] оврагу по ту сторону горы чернеют!

2й Главарь. Молятся! Бьют себя в грудь!

3й Главарь. Поют Осанну!

Лазарь. Назад, трусы, изменники.

Толпа гудит злобно.

Яков. Назад в город, беглецы, отступники великого освобождения, нищие духом, попрошайки Бога!

Из толпы голоса. Отоприте ворота. Звонарь! Звонарь! Отоприте.

Евгений, взойдя на зубцы. Братья! Насилием не откроются ворота горы! Ждите. Закаляйте дух вольным испытанием! Не слушайте обманщика, товарищи!

Лазарь. Яков, его голос странно смущает меня.

Авва (вопит) Ждите! Грядет скоро. Ей гряди, гряди.

Лазарь. Замолчи, бесноватый!

Яков. (оборачиваясь в Авве). Заткните рот, слепой кликуша! (к толпе). Товарищи, вспомните, пролитую кровь ваших мучеников. Теперь, пока вы малодушествуете, у здесь запертых ворот, там внизу враг закроет ворота города. И колят воины королевские ваших беззащитных жен и детей. Назад с нами, мы откроем ворота, чтобы выйти из Рая тунейдцев и повести вас на приступ ворот городских, чтобы в аду убийств и огня защитить тружеников, наказать насильников и объявить волю. Да здравствует воля. Да падет насилие!

⁶ Далее рукопись возвращается в руки Зиновьевой-Аннибал, которая, вероятно, воспользовалась черновиком мужа для написания той же сцены (или же она была плодом совместного творчества).

[Нар.<од>] Толпа снаружи. Воля. Воля.⁷

Евг.<ений> Да будет воля Твоя.

Яков. Видели мы, какова Его Воля. Да здравствует воля народная!

Один из главарей. Глас народа Божий глас!

Як.<ов> главарям <?> Опомнились! С нами к народу!

Лазарь. Хлеб посеявшему!_

Яков. Плоды труда трудящемуся!

Лазарь и Яков. Да здравствует правда!

Толпа. Правда! Правда!

Лазарь. Назад на бой! Не бойтесь смерти!

Яков. Не жизнь дорога человеку, а счастье! Для счастья сынов и внуков, за них, для счастья будущих людей мы умрем.

Авва. Для грядущей свободы подыдем иго легкое страдального Бога!

Лазарь. Смерть геройская наше счастье! Товарищи, уьемся все вместе братским восторгом. Умрем или победим!

Толпа. Победим! Умрем! Победим.

Главарь с зубцов. Мы все погибнем. Дело наше победит.

Голос из толпы. Звонарь! Благослови на святой бой!

Евгений. Дух великого гнева благословляет на бой, но не дух Божий.

В толпе за воротами смех. **Голос из толпы за воротами.** Молиться и терпеть... Это уже слышали от наших господ <? > <1 нрзб.>. Звонарь В.<еликого> К.<олокола> <2 нрзб.>!

1й главарь. Звонарь, ударь в Великий Колокол, собери верных, чтобы замолить наш грех. Мы идем в бой на смерть.

Евгений. Вел.<икий> Кол.<окол> не звонит к смерти, но к жизни.

4ый главарь (на коленях) Прости, звонарь!

Евгений. Сулят <?>! Бедные братья! Милые братья! Свято горят ваши сердца, но путь ваш слеп!

Яков. Довольно. Выдавайте главаря! Идите валяться на брюхе перед князем.

⁷ На обороте л. 22: **Лазарь** (хватая Евгения за плечо) Евг.<ений>! ты брось свой Кол.<окол>, свою Агнию, свой город!

Лазарь. Яков, отчего во мне сердце горит от голоса звонаря?

Толпа шумит за воротами

Яков. Лазарь, идем, откроем ворота и выйдем к ним вести их на приступ города к товарищам!

Лазарь и Як.<ов> сбегают вниз. Следуют главари. Евгений спускается задумчиво. Лазарь раскрывает ворота. Толпа хочет хлынуть за двери.

Яков. Назад. Там стойте. Этой земли не прикасайтесь.

Голос из толпы дружинников. Яков, Лазарь, выдайте нам звонаря, мы его поведем за собой, чтобы он не звонил.

Яков (смеется). Он не пойдет. Отшельники ленивы драться.

Голос из **толпы** дружинников. Мы его свяжем и поведем!

Яков. Это будет соблазном для товарищей дружинников в городе! Они ненавидят его, но почитают.

Толпа. Мы убьем его. Он соблазнил нас. Мы теряем путь. Нам темно. Мы должны умереть или убить его. (передние ряды рвутся во двор).

Евгений появляется с восторгом впереди Якова и Лазаря перед толпой. Дружинники отступают медленно. Раздается неясный гул. Смолкает. Тишина. Потом вздохи стоны плач. Передние становятся на колени.

Лазарь (бросается к Евгению). Проклятый, бесовская сила в тебе. Ты еще раз заворожил их. (к толпе) Трусые! Вы хотели убить его! Черви! Ползаете по земле перед ним. Так я... (вырывая свой нож).

Авва (дико кричит) Остановитесь! Убьешь брата! (врывается, бросая руками вперед между Лазарем и Евгением).

Лазарь толкает Авву.

Авва (падает, задерживаясь руками за платье Евгения. Срывает с его головы плат. Авва слышно, хрипло). Смотрите, смотрите, сыны, это брат ваш Евгений!

Лазарь. (дико) Евгений, Евгений. Гляди, Яков, вот отчего горело во мне сердце от его голоса. Яков, гляди! Евгений, наш брат.

Евгений, мы росли вместе. Мы трое чужие по крови, свои по любви и дружбе! Евгений, прекрасная душа, Евгений, ты отдавший все имения свои и красавицу жену покинувший и без вести пропавший, Евгений, я нахожу тебя [здесь]. Я могу обнять... Мое сердце не переставало с того дня болеть по тебе!

Евгений. Лазарь, милый брат, поднимем отца. (поднимают Авву, сажают его)

Яков, как во сне. Отца? Отца? Слепой старик его отец... наш отец.

Лазарь, вне себя. Да, Да, Яков. Тот, который взял нас из нищеты в свой избыток, из сиротства в свою любовь. И согрел детство нас троих равною любовью.

Поднимают Авву. Лазарь На коленях целует его руки.

[Як.<ов> Да, так. Он слеп. Когда он убил бедную Марьянну, его поместили в лечебницу для безумных. И он ослеп от слез! Помнишь, Лазарь, он не узнавал нас... когда мы приходили... Потом убежал... И вот, он...]

Лазарь [(целует руки слепого Аввы)] Отец, отец, поче[му] след скрылся, когда бежал из больницы слепым, прости. Евгений!

Евгений обнимает его, потом Якова.

Яков отталкивает его. Евгений, твоя Александра стала моей женой.

В толпе дружинников раздаются рыдания. Некоторые входят во двор. Главари молятся. [Верные все становятся на колени]

Лазарь (к дружинникам и главарям). Вы здесь. Вы соблазнились. Там гибнут товарищи в неравном бою. Слышите пушки палят. Слышите гул пьяных победным вином солдат!

Яков. Назад, говорю вам, назад. **К Евгению.** Но я не виноват перед тобой. Ты покинул своих людей, бросив им земли, заводы и рудники, бросил красавицу жену. Люди твои не удержали богатства. Мы были молоды еще, не помогли. Александра долго тосковала... Потом пришла ко мне, и я взял ее... **Злобно** Но не думай, что я счастлив. Она скоро бросила меня и теперь ищет <1 нрзб.> любви. Прощай, брат! Молись здесь <?> о своих грехах. Больших, нежели ты знаешь. Пути наши разные. Да придет <1 нрзб.> целитель <1 нрзб.>.

Дружинники. Звонарь, звонарь.

Лазарь (дико). Нет, нет. Тому не бывать. Не звонить колоколу! (хватает Евгения за плечо, трясет). Брат, Евгений, моя ненависть на тебя. Предатель, ты начал дело народа, [ты отдал свои права и свое имущество и] предал дело народа. [Евгений брат, ты] умрешь. Смотрите, товарищи, свята ли мне любовь моего сердца и детство и юность и благодарность. Свято дело народа!

Дружинник. Свято дело народа!

Лазарь. Кто мне, брат, и кто мать и кто близкий. Смотрите, как умрет прошлое для будущего, Евгений, ты ляжешь, рядом с теми двумя!

[Разма<хивается?>] подымает на Евг.<ения> руку с ножом.

Агния, примчавшись, повисла на шее Евге<ния>. Лазарь колеблется ударить

Яков (останавливает руку Лазар<я>). Оставь, ты соблазнишь многих. Он свят для многих, и они покинут наше дело, ужаснувшись. Уйдем с нашими, пусть прошлое само себя погребет.

Лазарь (отступая, швыряет нож) Мои проклятия на вас! (стоит как раненый). Двигается к выходу за Яковом. Они останавливаются). Яков, ты по слабости своего сердца не дал мне убить его. Это отомстится нам... Яков, убьем эту девочку, которая спасла его. Это Агния, маленькая разнощица священной воды!

Яков (тянет его за собою) Оставь их. (к главарям) Подберите ваших мертвых, пусть они будут вам примером и страхом.

Стемнело. Встает медленно месяц. Мало-помалу возвращаются паломники из церквей. Евгений долго стоит потерянный. Авва без сил сидит на земле. Агния тихо плачет возле него.

Авва, бредно Марианна, Марианна, Марианна.

Евгений в тихом исступлении. Великую жертву я совершил. Я предал милый мир, дабы вновь обрести его святым!

Паломники укладываются спать. Некоторые прощаются плача с товарищами. Идут к воротам.

Голоса из глубины двора неосвященный <1 нрзб.> мыслями: Вы <1 нрзб.>. Прощай, милая! Иди в мир с миром! Иду с миром, но тоскует душа по сладости горя <?>! ... Тоскою будешь помнить... не забудешь! Тоскою по незабытому преобразим жизнь! И я скоро пойду. И мы! Прощайте! До свидания. Не плачь! Плачу и легки слезы!

Голоса стихают. Изредка тихие стоны.
Тихо входят во двор со стены над
кладбищем трое старцев, созерцателей.

1й Созерцатель. Мир спит и видит сон страдания.

2й '''<Созерцатель> Сон красоты.

3й И сон трагедии.

3й Созерцатель. Бог спит и видит сон мира.

1й Созерцатель. Мы тени сна.

2й Созерцатель. Из сна мы созерцаем.

3й Созерцатель. Мудрые убили волю.

3й Созерцатель. Мы тени сна. Но где Сновидец?

Евгений (идет к середине двора, садится у колонны. Агния приводит Авву и головою <?> ложится в ногах его). Молча мимо них проходят молчаливники, выступившие из уютного храма.

Агния робко. Евгений, ты скучаешь по Александре.

Авва. Нет. Я с нею.

Агния. Евгений, что сказал тебе брат Яков.

Евгений. Что Александра была его женой.

Агния. Тебе больно?

Евгений, задумчиво. Александра ищет полноты и не может остановиться на неполном. Мы одного духа. **К Агнии ласково.** Агния, я вижу их снова

Агния. Святые тени?

Евгений. Да. Глади над теми, что всегда молчат.

Агния. Учитель, я вижу их. Они тихо проносятся в воздухе.

Евгений. Милая сестрица, как тихо становится на душе, когда твоя голова касается моих колен. Ты любишь меня, Агния?

Агния. Люблю, учитель.

Евгений. За что <?>

Агния. Ты знаешь.

Евгений. Еще раз скажи.

Агния. Когда я без тебя одна, мне становится и страшно. Я теряю себя как будто. Знаешь же, бьется как крылышками, душа и ничего не пойму. Темна жизнь, учитель. Ищу и мне страшно. Но когда ты со мною, или ты на башне и звенит Вел<икий> Кол.<окол> — мне хорошо. Учитель! Как же можешь меня любить, меня такую глупую?

Евгений. Деточка, трепетная, деточка, душа моя. Уберечь бы мне душу свою, Агнию мою!

Агния (вздрагивает). Ты видишь, они смутились.

Евгений. (просыпаясь) Кто?

Агния. Святые тени.

Евгений. Нет, Агния. Они витают над нами и несут наши порывы.

Агния. Они смутились. Учитель, мне страшно (плачет).

[Занавес]

Евгений, **глядя ее** <по> голове. Гляди, заснул отец. Засни и ты.

Агния в полусне. Засни и ты.

Несколько минут тишина. Месяц стоит прямо над двором. Евгений встает, укладывает Агнию близ Аввы. Проходит мимо спящих к башне. Входит в ее дверь.

Занавес.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

<https://elibrary.ru/VMEDHE>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2024 г. А.А. Соболев, предисловие,
подготовка текста и примечания

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ЮРИЯ ВЕРХОВСКОГО К ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме прозаические и стихотворные послания Юрия Никандровича Верховского к Вячеславу Ивановичу Иванову. Восстанавливаются (в том числе на основании ранее не вводившихся в научный оборот материалов) основные вехи их дружбы, продлившейся два десятилетия — начиная со знакомства зимой 1905/1906 гг. и до последней московской встречи летом 1924 г. Сами письма примечательны не только в качестве почти идеального примера символистского эпистолярия но и как образец текстов, весьма сложных для комментирования по обилию скрытых цитат, неочевидных отсылок и туманных упоминаний малоизвестных лиц.

Ключевые слова: Юрий Верховский, Вячеслав Иванов, символистский эпистолярный, далекий друг, «мертвых дней виденья».

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — библиограф, историк литературы, Г-19, а/я, 149119019 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>
E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову / предисл., подгот. текста и примеч. А.А. Соболева // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 572–702.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

© 2024. *Alexander L. Sobolev, preface,
text preparation and notes*

LETTERS AND EPISTLES OF YURI VERKHOVSKY TO VYACHESLAV IVANOV

Abstract: For the first time Yuri Verkhovsky's poetic and prosaic letters to Vyacheslav Ivanovich Ivanov are published in extenso. The author reconstructs (in particular on the basis of the materials previously absent from scientific circulation) the major milestones of their friendship, which lasted for two decades — starting from their acquaintance in the winter of 1905/1906 up to the last Moscow meeting in the summer of 1924. The letters are notable not only as an almost perfect example of symbolist correspondence but also as a sample of texts that are difficult to comment on, for the plethora of hidden quotations, implicit allusions, and vague references to lesser-known persons.

Keywords: Yuri Verkhovsky, Vyacheslav Ivanov, symbolist correspondence, distant friend, “gone days visions”.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Bibliographer, Literary Historian, P.O. box 149, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: “Letters and Epistles of Yuri Verkhovsky to Vyacheslav Ivanov”, preface, text preparation and notes by A.L. Sobolev. *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 572–702. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

Череда квалифицированных исследований последнего времени перевела диалог Вячеслава Иванова с Юрием Верховским в разряд наиболее изученных эпизодов истории русского модернизма¹. Напомним основные вехи этих отношений, продлившихся без малого двадцать лет и возвращающихся наплывами памяти ти еще несколько десятилетий.

¹ См. прежде всего: [12]; то же: [13, с. 394–425; 96, с. 220–225; 8, с. 158–159; 16, с. 268–270; 14, с. 505–524; 15].

В одной из последних реплик поэтической переписки с Ивановым Верховский, болезненно чуткий к тайным знакам своей и чужой судьбы, обмолвился:

Некогда те же листы строки твои и мои
Отпечатали впервые².

Здесь подразумевался странный параллелизм их судеб: несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, поэтический дебют двух поэтов состоялся почти одновременно в столичном «Вестнике Европы». Первопубликации их ювенилий разделяют четырнадцать месяцев: Иванов напечатал стихотворение «Две недели» в сентябрьском номере за 1898 г., а Верховский — цикл из трех стихотворений в ноябрьском за 1899-й. После этого эпизода биографии их вновь разошлись, так что встретились они лишь несколько лет спустя — вероятно, в 1906 г., в расцвете славы «Башни». Обстоятельства тщательно подготовленного и оттого триумфального вхождения Иванова в литературную жизнь хорошо описаны, с Верховским же происходило вот что.

В 1902 г. он заканчивает романо-германское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В автобиографии Верховский перечисляет несколько своих вынужденно кратких занятий первой половины 1900-х гг.: каталогизация библиотеки А.А. Куника в Азиатском музее, стажировка в отделении полиграфии Публичной библиотеки (где он, по собственному признанию, «не ужился с покойным И.М. Болдаковым») и так далее [50, с. 731]. Между тем, за пределами этого curriculum vitae остались экономические обстоятельства, оказавшие существенное влияние на дальнейшую его биографию.

Мы не знаем достоверно подробности финансового положения членов семьи Верховских, но видный из документов контраст между их заботами разителен: брат, Вадим Никандрович, занимается поисками лесничего для присмотра за двумястами

² Из стихотворения «Вячеславу Иванову» (*«Друг мой, некогда мы упресли крылатую рифмой...»*); № 31 по нашей нумерации. Далее цитаты из печатаемых нами писем приводятся без специальных сносков.

десятинами леса в наследном Щелканове³; в эти же годы Юрий Никандрович донимает декана факультета прошениями об освобождении его от платы за лекции⁴.

Далее эта финансовая пропасть будет только усугубляться. В одном из писем брата Вадима к жене, представительнице разветвленного и чрезвычайно богатого клана Рачинских, говорится: «По секрету скажу тебе, что мы имеем в виду еще такого рода комбинацию; может быть и ты согласишься, что это будет расчет. Дело в том, что, как мы с тобой говорили, если Юраша не получит места, то нам грозит полный прогар. Не будет ли нам теперь расчет обещать Юраше взять его к себе в случае, если он не получит места. По-моему, раз мы теперь убедились, что с Шурой дело иметь возможно, то для нас это будет несравненно выгоднее, чем если они будут жить отдельно, т. е. ведь, как ни как, а дать им погибнуть мы не будем в состоянии»⁵. Юраша здесь — Юрий Никандрович; Шура — его жена, Александра Павловна; возможно, неучитывая оговорка по ее поводу намекает на источник омрачивших их жизнь денежных проблем — не был ли этот брак осужден родственниками?

Место, которого они ожидали, вскоре нашлось: Юрий Никандрович был принят на должность библиотекаря в Политехнический институт. 3 сентября 1904 г. он, сообщая об этом матери, добавляет: «Можешь себе представить, как я доволен и удивлен. Я не ожидал, что это решится так скоро»⁶. Впрочем, и эта, не слишком, кажется, завидная для университетского выпускника должность, вскоре оказалась под угрозой. Дело в том, что Верховский с юности страдал редкими, но регулярными припадками эпилепсии, и это не только сделалось известным его дотошному работодателю⁷, но и вскоре привело к увольне-

³ Письмо В.Н. Верховского к А.А. Рачинской от 24 августа неизвестного (1904?) г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2390. Л. 2.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. К. 3. Ед. хр. 35044. Л. 13, 17 и далее.

⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 1958. Л. 18.

⁶ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 72.

⁷ «Сейчас узнал от своего зятя, который с г. В. был в гимназии и в университете, что В. страдает чрезвычайно редкими — не более одного в год — нерв-

нию: один из приступов случился вскоре после выхода его на службу, что вызвало пароксизм энергичной переписки среди администрации института. В результате полгода спустя директор в частном письме к его рекомендателю настоятельно советовал Верховскому оставить должность: «Верховский проявил новые доказательства своего болезненного состояния и неспособности к деятельности библиотекаря. Надеюсь, что Вы и Ваш зять были добры и советовали ему уйти, так как будет тяжело мне его удалять, несчастного человека»⁸. В мае 1905 г. он подает прошение об отставке⁹ и на лето вместе с семьей уезжает из Петербурга.

Впрочем, осенью того же года ситуация налаживается. Жена, Александра Павловна, оставив полуторагодовалого сына, идет преподавать в школу для детей рабочих при заводе Нобеля, а сам Верховский читает лекции по истории литературы на Общеобразовательных курсах: до декабрьских событий он успевает прочесть лишь одну, хотя и встреченную (что непривычно для этой аудитории) аплодисментами, следующая уже отменена из-за забастовки. Объединенный семейный бюджет (47 руб. в месяц учительницы и 3 рубля в час лектора) позволяет им снимать маленькую квартирку за 23 руб. и вести весьма скромное по столичным меркам существование¹⁰. Между тем, определенные надежды на перемены к лучшему явились из нового источника: 20 декабря

ными припадками. Они не помешали ему быть оставленным при университете и служить в Публичной Библиотеке. Они и не помешали ему быть рекомендованным Вам многими близко его знавшими профессорами Политехникума» (письмо О.Д. Хвольсона к А.Г. Гагарину от 18 сентября 1904 г., подшитое в личное дело Верховского в архиве Политехнического института: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 53. К. 740. Л. 7–7 об.). Зять — Василий Васильевич Вахтин (1877–1917).

⁸ Письмо А.Г. Гагарина к О.Д. Хвольсону от 14 февраля не указанного, но, несомненно, 1905 г. // Там же. Л. 12.

⁹ О чем сообщает матери: «Между тем уже с неделю тому назад (вскоре по приезде Шуры с Никитой) я сделал очень важный шаг: послал в Политехникум прошение об отставке. Я решился на это после всего, что мне говорила Шура и о твоём, и о вашем, и о своём мнении по этому вопросу» (письмо от 25 мая 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 82).

¹⁰ Основные сведения — из ретроспективного письма А.П. Верховской к А.А. Рачинской от 24 октября 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 8 об.

1904 г. вышел и поступил в книжные магазины изданный братьями Верховскими «Зеленый сборник стихов и прозы»¹¹.

В.Я. Брюсов, тщательно следивший за книжными новинками — ради пополнения критического отдела «Весов», а особенно накануне появления их же беллетристического отдела, — обратил на альманах специальное внимание и год спустя, явившись в Петербург, поспешил встретиться с двумя из его авторов. 16 января 1906 г. он отчитывался С.А. Полякову: «Поиски “мо-
лодых” и “новых” идут очень успешно. <...> Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта Городецкого; во-вторых, нашел весь состав Зеленого Сборника, из которых Верховский и Кузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил присылать на просмотр стихи, статьи, рассказы etc. — может, что и выберется» [87, с. 109]. Занятно, что Кузмин, оставивший запись о переговорах с Брюсовым в своем дневнике, был твердо убежден, что «главной целью его было завербовать Юрашу» [74, с. 103]. Такое же впечатление может сложиться из первого, весьма настойчивого письма Брюсова к Верховскому, отправленного после возвращения его в Москву: «Мне хочется верить, что Вы не забыли нашего Петербургского разговора. Обращаюсь к Вам еще раз с просьбой и с предложением — сотрудничать в “Весах”. От Вас мы ждем не только стихов, но и прозы: статей, заметок, рецензий (одну, помнится, Вы мне определенно обещали). Не стесняйтесь, если Ваша заметка будет слишком специальной, “ученой” (напр., разбор какой-нибудь специальной книги): у нас читатель избранный, изысканный, да к тому же “притерпевшийся”»¹². Оставив на время хронологию, нужно сказать, что за несколько следующих месяцев отношение Брюсова к Верховскому без всяких очевидных внешних причин решительно переменилось и на первый же присланный материал он отвечал с холодностью почти оскорбительной¹³, но сделав-

¹¹ Нам случалось отдельно писать об этом издании.

¹² Письмо от 3 февраля 1906 г. // РНБ. Ф. 8. Ед. хр. 20. Л. 1.

¹³ «При всем нашем желании — предоставить в “Весах” широкое место новым сотрудникам, мы не можем поместить целиком Вашей статьи о книге Веселовского» и т. д. (письмо от 16 июня 1906 г. // Там же. Л. 4).

шейся впредь обыденной для их переписки. Пока же зафиксируем эмоциональный и событийный фон, на котором происходит знакомство Верховского с Ивановым.

В том же брюсовском послании к Полякову среди прочего говорится: «“Среды” Вяч. Иванова это Ноевы ковчеги, где бывает до 50–60 человек!!» [87, с. 109]. Неудивительно, что появление на них нового посетителя (а для нас почти очевидно, что знакомство состоялось именно там) прошло незамеченным. Впервые имя Верховского появляется в письме-отчете Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 8 февраля 1906 г.: «Читали еще молодые: Верховский, Фридман <так!> Пяст» [1, с. 166]. Далее сведения о его визитах идут сплошным потоком: 13 февраля Иванов сообщает Брюсову: «Среды продолжаютс^я. <...>. Юрий Верховский приходит» [4, с. 335]; 3 апреля Зиновьева-Аннибал пишет Замятниной: «Пришел Верховский, милейший поэт и привязавшийся к нам еще совсем молодой, хотя очень бородастый человек. Читал свои терцины — поэму. Вячеслав мастерски раскритиковал, и Верх<овский>, хотя и огорченный, но все же был доволен и обогащен. Академия пила чай» [1, с. 179] — и так далее, поскольку все эти источники принадлежат к числу общеизвестных¹⁴, нет специальной нужды длить нашу хронику.

¹⁴ За одним исключением: в недатированном письме, относящемся к октябрю 1906 г., А.Н. Верховская писала своей тете А.А. Рачинской: «Вчера было собрание у Юрки. Были Брюсов, Вячеслав Иванов, Болотный попик, т. е. Блок <sic> и т. д. Лидюша и Оля тоже были, а я как-то не пошла. Были Кузмин и Ауслендер, котор<ые> раньше заходили ко мне. Между прочим сообщи тете Соне, что Андрей Белый пел у Иванова, мне говорил Кузмин, свои стихи на мотив “чижик, чижик, где ты был”. Начинается так:

Жили-были я да он
После наших похорон...

Как хочешь, Бугаев больше всех по твоей специальности. А Юрий наш больше пошел в ход, будет печататься в “Факелах”, кроме того на днях были напечатаны его переводы из Ришпена и Верлена в “Огнях”, новый еженедельный журнал, и еще будет напечатан в “Беседе” Ясинского. В ноябрьской книжке “Весов” будет 8 или 10 его стихотворений и когда он получит деньги, он хочет поехать в Москву к Скорпиону» (РГАЛИ. Ф. 417. Оп. 1. Ед. хр. 2396. Л. 178. Лидюша — Лидия Никандровна Верховская. Оля — Ольга Никандровна Кара-

Принципиально другое: старомодный моногамный и цисгендерный провинциал Верховский был очевидным образом чужд прямой раскрепощенности интимного башенного круга (отчасти конституированного кружком «гафизитов»). В дневнике Кузмина, интенсивно пробирающегося к самому центру «башенной» жизни, рассыпаны насмешки над приземленностью бывшего сотоварища по «Зеленому сборнику»: «Вчера, когда мы шли от Каратыгиных с Юрашей, я упрекал его, что он не предприимчив, не *fantaisiste*, что он, напр<имер>, не согласится сейчас идти пешком на Острова, смотреть, как взойдет солнце, сидеть на траве, как сомовские “поэты”, и читать стихи, не поедет на лодке, не пойдет в трактир. Он тарачил глаза и говорил, что он согласен идти в “Зол<отой> якорь”, только он ни вина, ни чая не пьет. Конечно, я не пошел» [74, с. 152]; «Юраша жаловался, что ему опротивело самому быть таким стариком, не пить, не авантюрировать и т. д. У него было очень бледное, опухшее и помятое лицо и нехорошие блуждающие глаза, я думаю, что у него или недавно был, или скоро будет припадок. Вчера он был весь вечер, и обед, и часть дня у Ивановых. Вечером, часу в 10-м, заходил ко мне, но швейцар догадался сказать, что меня нет дома» [74, с. 157].

По дальнейшим записям видна двусмысленность положения Верховского на «Башне»: «К Ивановым пришел Юраша, которого насилу удалось спровадить» [74, с. 253]; «Мы с Сережей прошли в комнату Городецкого ждать, покуда не удалят Лемана и пришедших Чулкову и Верховского (опять несчастный Юраша!)» [74, с. 263] и т. д. При этом, конечно, сводить роль Верховского там к комической позиции нежеланного гостя было бы большой ошибкой: тщательно описанные Кузминым оргиастические сюжеты башенного быта оставались лишь одним из его измерений. Но за прошедший 1906 г. их взаимные роли утвердились уже навсегда: Верховский пополняет список ивановских учеников, поэтических апостолов, и обречен во всю дальнейшую жизнь ловить знаки его благосклонности.

тыгина. Тетя Соня — Софья Николаевна Рачинская. Неточно цитируется стихотворение Белого «Хулиганская песенка». Первый номер журнала «Огни» вышел в октябре 1906 г.).

Первый из которых не медлит явиться: в начальных числах января 1907 г. Верховский со второй попытки отправляется в Москву (он должен был ехать еще 21 декабря 1906 г., но, засидевшись на «Башне» в разговорах, опоздал на поезд). С собой он везет *рекомендательное письмо* от Иванова к Брюсову, и тон, и содержание которого по-своему замечательны:

Едет в Москву Юрий Верховский — показать тебе свой составленный сборник. При составлении его он пользовался моими советами. Желаю ему доброго успеха в «Скорпионе». Ясно вижу в этой будущей книге индивидуальность поэта, ибо он, конечно, поэт и имеет индивидуальность. «Тени ночные» правильнее, быть может, было бы назвать «Полутенями». Как *poète des répnombres*, он играет на полутонах и ассонансах. Здесь и преимущественная заслуга его в области техники. Притом, несомненно, истинный лирик. Много поисков, много и обретений; значительное разнообразие, — но настоящее мастерство еще далеко не везде, и почти везде какая-то вялость и (подчас приятная!) бледность, зато истинная, хоть и несколько флегматическая лирика. И если бы нужно было составить томик его *carmina selecta*, это был бы превосходный томик. Но чтобы раскрыться ему в его многообразии и как он того заслуживает, необходимо, по-моему, дать не менее полсотни его лирических вещей и, кроме того, его подражания, среди которых есть и перлы, как «Романсы о Вилламедьяне». Представить его так — по силам «Скорпиону» и задача необходимая с точки зрения историка литературы [85, с. 495]¹⁵.

История публикация этого сборника растянется на два года — и из-за загруженности «Скорпиона», а отчасти — и из-за того свойства автора, которое Иванов позже определит как «знаменитая мешкотность моего сердечного друга Юрия Верховского»¹⁶: в частности, когда уже набранная книга будет ждать авторского пригляда за корректурами, Верховский перестанет отвечать на

¹⁵ Один из вещественных знаков глубины участия Иванова в работе над дебютным сборником Верховского — его рукописное оглавление, отложившееся в Ивановском архиве (РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 39–40).

¹⁶ Из письма Иванова к М.А. Цявловскому от 24 мая 1925 г. Цит. по: [24, с. 801].

письма Брюсова, заставив последнего справляться о его судьбе. Между тем, через несколько недель после возвращения их Москвы, Верховский заболел инфлюэнцей, осложнившейся воспалением легких, и возвестил об этом стихотворением (№ 2 в нижеследующей подборке). Характерно, что Иванов, традиционно туго отзывавшийся на прозаические послания (что неудивительно при гомерическом объеме его входящей почты), на перевод их диалога в новый регистр отреагировал почти мгновенно. 20 марта он читает полученное стихотворение на «Башне» в присутствии М.А. Кузмина, К.А. Сомова, А.А. Блока, Н.А. Бердяева, С.В. Троцкого и неизвестного нам англичанина [74, с. 336], и тем же днем в рукописи датировано его ответное «Выздоровление» («Верховский! Знал ли я, что ты...»). Почти одновременно этот обмен стихотворениями получает силу и значение художественного жеста: к автографу ивановского стихотворения свои пожелания выздоровления дописывают Городецкий и Зиновьева-Аннибал (стихотворные) и А.М. Ремизов (прозаическое), и этот листок отсылается больному поэту¹⁷.

Так начинается их поэтический диалог, и культурные коды, которыми они обмениваются в первых же репликах, весьма значительны. Верховский, филолог по образованию и роду занятий, предъявляет, вопреки своей специальности (он был учеником А.Н. Веселовского и специализировался на романской литературе), верительные грамоты от пушкинского времени: не только упоминание Языкова, легендарного виртуоза дружеских посланий, но и отчетливо маркированные рифмы «злата/булата». И здесь же он мягко подсказывает адресату ожидаемые от него мифологические парадигмы: «златорунный» и «Фебом взысканный» очевидным образом намекают на область филологии, по праву образования и личной склонности подвластную Иванову. Таким образом, словесное *petit-jeux* обрастает избыточными смыслами. Адресат, для которого они были куда более очевидны, нежели для нас, легко подхватывает предложенную игру, и отвечает ворохом ответных паролей, не только принимая свое

¹⁷ РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51.

представительство за древний Рим (ибо лирический герой стихотворения идет вослед Музам, которые «пришли будить» Верховского «по тающим снегам»), но и напоминая еще об одной общей духовной прародине — европейском Средневековье («Как оный набожный жонглер» и т. д.). С этого момента их переписка существует в двух измерениях — поэтическом и прозаическом, — причем почти без корреляции формы и содержания: как в рифмованных строках могут сообщаться сугубо практические сведения, так и, напротив, проза может быть использована для изложения возвышенных чувств.

* * *

П.Н. Лукницкий записывал уже во второй половине 1920-х гг. со слов Ахматовой: «Николай Степанович говорил постоянно о Вяч. Иванове — его любимая тема такого разговора была — о том, что Вячеслав покровительствует бездарной молодежи — Верховскому, Бородаевскому и другим; что он хочет себе подчинить всех, что это невыносимо и мучительно» [81, с. 23]¹⁸. Действительно, внешняя канва их взаимоотношений с первого года знакомства представляет собой список благодеяний старшего поэта по отношению к младшему. В 1908 г. Иванов принимает деятельное участие в издании дебютной книги Верховского под маркой «Скорпиона»: доходит до того, что он сам объявляет автору о том, что книга поступает в производство¹⁹. В 1909 г., получив от М.О. Гершензона приглашение в только что организованный журнал «Критическое обозрение», Иванов в качестве первого вклада предлагает рецензии на сборники П.С. Соловьевой и Верховского, так что заказчик (в будущем — верный и вни-

¹⁸ Возможно, эта реплика — след долгого послевкусия от дискуссии 1909 г.: «Вяч. цукал Гум. за Юрашу и пр.» [75, с. 175].

¹⁹ «Сегодня только что Вячеслав Иванович сообщил мне, что “Скорпион” берет мой сборник стихов. Я очень счастлив, т. к. это — исполнение давнишнего моего желания» и т. д. (письмо Верховского к Брюсову от 11 апреля 1908 г. // РГБ. Ф. 386. К. 80. Ед. хр. З. А. 22).

мательный друг последнего) вынужден через посредницу деликатно его отговаривать:

«Гершензон не получил моей открытки, а потому никак не мог ответить на мой вопрос. Он страшно рад, если Вы напишете рецензию на “Плакун-Трава” Соловьевой, но относительно Ю. Верховского есть следующее соображение: журналу неудобно помещать отзыв или статью о малом поэте, когда не разобраны или не раскритикованы многие книги “больших” поэтов. В таком именно положении находится “Критическое обозрение” относительно В. Брюсова. Поэтому Гершензон говорит, что Вы оказали бы истинное благодеяние, если бы захотели дать отзыв о стихах “Все напевы” или “Пути и перепутья”. С отзывом же о Верховском он склонен думать, что им следует подождать именно в виду того, что нет еще отзывов о более видных книгах»²⁰.

В том же 1909 г. подчиненное положение Юрия Никандровича затвердевает еще больше: он начинает посещать занятия организованной Ивановым поэтической академии, и на правах первого ученика (вместе с будущей Черубиной де Габриак) энергично участвует в дискуссиях и даже удостоивается чести прочесть собственную лекцию [5, с. 90–91; 19, с. 342]. В том же году Иванов, получив приглашение к участию в «Аполлоне», передает туда одновременно с собственными стихами Верховского и, дождавшись подтверждения от секретаря редакции²¹, удовлетворенно записывает в дневнике: «Секретарь Маковского пишет, что “Аполлон” благодарит за доставленное (значит, я устроил стихи Верховского туда?) и что больной просит заехать к нему» [68, т. II, с. 801].

²⁰ Письмо Ал.Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову от 29 апреля 1909 г. // РГБ. Ф. 109. К. 36. Ед. хр. 20. Л. 33–34.

²¹ «Милостивый Государь Вячеслав Иванович. С.К. Маковский поручил мне написать Вам, что ему очень жаль, что болезнь лишила его удовольствия видеть Вас, но он все же очень просит Вас заехать к нему на этих днях пораньше, до 2–3 часов, и тогда он сможет поговорить с Вами. Он очень благодарит Вас за стихи Ваши и Юр. Верховского, а также за книгу Бородаевского, которые, конечно, с радостью будут использованы “Аполлоном”. С совершенным уважением Евгений Зноско-Боровский, секретарь редакции» (письмо Е.А. Зноско-Боровского к Иванову от 4 сентября 1909 г. // Ф. 109. К. 24. Ед. хр. 66. Л. 1).

Весной 1910 г. Верховский, давно отказавшийся от петербургской квартиры, переселяется на «Башню»²². На последующие недели падает интенсивная работа над вторым его стихотворным сборником — «Идиллии и элегии», — который выходит в свет в июне 1910 г. под маркой «башенного» издательства «Оры». Из-за того, что автор и издатель не только находятся в одном городе, но и живут в одной квартире, процесс работы над книгой вовсе не документирован — за единственным исключением: в нашем собрании хранится корректурный экземпляр сборника с обильными пометками Иванова. Хотя они и носят исключительно технический характер, замечательна глубина ивановского вовлечения в технологический процесс: он не только добавляет в список продукции издательства новые позиции, но и, например, убирает знаки пагинации на страницах с рекламой или делает пометку против издательской марки работы М.В. Добужинского «оттиснуть отчетливее».

Жизнь Верховского на «Башне» продлилась до 1 июля, в этот день Кузмин записывал в дневнике: «Уезжал Юраша, все у него не ладилось. Наконец отбыл, окровавив себе руки чемоданом, в белой рубашечке, как беби» [75, с. 221]. Пробыв две недели в Бобровке (о которой см. прим. 2 к п. 7), он вернулся в Петербург, но поселился уже не у Иванова, а у музыкального критика В.Г. Каратыгина, с которым состоял в родстве и дружбе, впрочем, на «Башне», где продолжал квартировать Кузмин, оставался навсегда.

Следующее же благодеяние Иванова если и не оказалось роковым, то, по крайней мере, повлияло на жизнь Верховского самым радикальным образом. В январе 1911 г. руководство Тифлиссских высших женских курсов предприняло попытку пригласить Иванова возглавить кафедру классической филологии, обещая ему чрезвычайно льготные условия: три тысячи годового жалования, более чем пятимесячный (в общей сложности) отпуск и прочие блага. Письмо с их перечислением заканчивается пассажем:

²² 15 мая 1910 г. Кузмин, на «Башне» квартирующий, записывает в дневнике: «Переехал к нам Юраша» [75, с. 209].

Я собираюсь написать и многоуважаемому Юрию Никандровичу аналогичную просьбу. А Вы не забыли свое обещание убедить его принять мое предложение? Я на Вас как на каменную гору надеюсь. Бог мой, но где же тот добрый гений, который Вас самих убедит, что нужно, нужно ехать в Тифлис? Приезжайте, Вячеслав Иванович, у нас солнце, солнце и розы, и работа!

Мой глубочайший привет Юрию Никандровичу, самому симпатичному человеку, которого видел когда-либо²³.

Нет сомнений, что само это приглашение Верховского не только состоялось лишь благодаря произошедшему на «Башне» его знакомству с тифлисской делегацией, но и было подпитано ивановскими аттестациями. В результате Иванов приглашение отклонил, а Верховский, остававшийся до сего дня без постоянной работы, вынужден был его принять и 19 сентября 1911 г. отбыл к месту будущей службы.

Следующие четыре года он провел в Тифлисе (хотя и регулярно, и надолго выезжая не только в обе столицы, но и в родственные имения центральной России). Вопреки паническим реляциям, составляющим основное содержание его писем этого времени, тифлисские годы оказались результативны и в поэтическом, и в филологическом смысле. На них же падает и работа над одним из немногих в его наследии программных текстов — небольшим, но принципиальным манифестом «О символизме Баратынского». Он представляет собой отклик на статью Иванова «Мысли о символизме», напечатанную в первом номере свеже созданного журнала «Труды и дни» (впервые ее текст был прочитан в качестве лекции 18 февраля 1912 г. в заседании «Общества ревнителей художественного слова»). В ивановской острополемической статье (подробный анализ смысла и контекста которой увел бы нас слишком в сторону) декларируются среди прочего два равно чувствительные для Верховского тезиса: отсутствие у русского символизма преемственности по отношению к французскому

²³ Письмо С.А. Согомонова к Вяч. Иванову от 28 января 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 34. Ед. хр. 52. Л. 1–2 об. Весь сюжет рассмотрен нами здесь: <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/176009.html>

декадентству и появление у современного символизма оптики, способной различить дополнительный смысл классического текста, бывший скрытым от самого автора: «Мы можем, например, символически воспринимать слова Лермонтова: “Из-под таинственной, холодной полумаски звучал мне голос твой...” — хотя, по всей вероятности, для автора этих стихов приведенные слова были равны себе по логическому объему и содержанию, и он имел в виду лишь встречу на маскараде...»²⁴.

Верховский в своей реплике полемизирует лишь с последним тезисом, причем не называя его прямо. Напротив, он, собрав автометаописательные признаки идеального символиста из первой части ивановской статьи, подбирает к ним цитаты из Баратынского с такой убедительностью, что становится очевидным полное соответствие самосознания поэта пушкинского времени с продекларированными Ивановым отличительными чертами современника-провидца:

Вот отрывочные примеры того, как Боратынский понимал и в отдельных чертах практически создавал поэзию как искусство символическое. Еще такие черты.

Будить в слушателе ощущения непередаваемые. Почти все лучшие стихи Боратынского таковы.

Вызывать чувство связи вещей, эмпирически разделенных. Простейшие примеры: «Рифма» и «На посев леса».

Слова — эхо иных звуков. Особенно чувствуется, например, в пьесах: «А.А. Воейковой» — «Своенравное прозвание...» — «Звезда» — «Буря» — «Она» — «Как много ты в немного дней...» — «Небо Италии» — «Недоносок» — «Рифма» — «Молитва» и др.

Творить малое великим: наглядные примеры — совсем противоположному: «Филида» — «Что за звуки мимоходом».

Эластичность образа, его внутренняя жизнеспособность.

Актуальная свобода. — Всё это есть в поэзии Боратынского, — не потому ли, что он, как художник — и певец, и живописец — пластик, и — тайновидец, правящий волею того, кто отдается ему?

²⁴ Труды и дни. 1912. № 1. С. 7–8.

Смысл этой декларации Верховского, конечно, отнюдь не в том, чтобы вступить за любимого поэта, которому ретроспективно было отказано в художественной проницательности, а в принципиально иных взглядах на собственную литературную генеалогию. Все возражение Верховского, уместившееся на нескольких страницах, исписанных убористым почерком, было послано Иванову как частное письмо — и ответ его тоже был своего рода художественным жестом. Адресат вычеркнул дату, место и обращение («Тифлис. 29.III.912. Вячеслав дорогой! Слушай»), вымарал последнюю фразу «Не отзовешься ли на это, милый?», надписал сверху: «Юрий Верховский. О символизме Баратынского. Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о Символизме” (“Труды и Дни”, № 1, стр. 4 сл.)»²⁵ — и отправил его в редакцию того же журнала, где оно и было напечатано.

Возможно, у этого диалога ожидалось публичное продолжение — по крайней мере, еще год спустя редактор «Трудов и дней» уговаривал своего приятеля: «<...> прошу Вас очень напомнить Верховскому, что он обещал две статьи (о Вяч. Иванове и о poetae minores). Мы обе напечатать»²⁶. Как и большинство планов Верховского, этот не воплотился.

Неудача постигла и другое его начинание, тоже отчасти связанное с Ивановым. В архиве последнего сохранился весьма трудноразборчивый (и недатированный) черновик рекомендации:

Ю.Н. Верховский

Позволю себе горячо рекомендовать

Ищет [участ] сотрудничества в изд<ании> Пушкина.

1. Поэт — книга издана в Скорпионе — тщательность — [и традиция] и знаток форм

Дельвиг, Языков, Барат<ынский>

2) Филолог-романист, ученик Веселовс<кого> [участник]
[издатель] сотрудник в изд<ании> соч<инений> Веселовского

²⁵ Рукопись сохранилась в архиве издательства «Мусагет» (РГБ. Ф. 190. К. 48. Ед. хр. 14).

²⁶ Письмо Н.П. Киселева к Б.А. Садовскому от 17 сентября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 6.

3) Посылается Академией наук для исследов<ания> им архивов Баратынского, Языкова, Дельвига и пр <?> о чем печатал в Академии

4) Лично знаю что очень точно и строго изучал пушкинские формы, напр. наблюдения о белом стихе

<на обороте>

Просьба относ<ительно> издан<ия> Баратынского²⁷.

Почти наверняка этот набросок относится к началу работы над первым томом полного собрания сочинений Баратынского, выходящего под маркой «Академической библиотеки русских писателей». Верховский принялся за порученное ему дело, но, по обыкновению, нарушил срок сдачи рукописи, так что редактирование было передано другому завсегдатаю «Башни», М.А. Гофману [89, с. 206–207].

Хроника последующих лет фиксирует десятки встреч, заочных диалогов, совместных выступлений и взаимных дедикаций Вяч. Иванова и Ю. Верховского. В декабре 1911 г. Верховский возвращается в Петербург и регулярно бывает на «Башне». 18 января 1912 г. оба они выступают на заседании в Обществе ревнителей художественного слова: Верховский читал новые стихи и доклад «О мастерстве и импровизации»; Иванов, председательствующий на собрании, участвовал в полемике²⁸. Летом 1912 г. Верховского на «Башне» (тем временем покинутой хозяевами) застаёт М.О. Гершензон: «К 10-ти пришли Верховский, Скалдин и ещё какой-то Троцкий. Меня позвали к чаю, Верх<овский> очень мила; я закусил, болтали, потом Верх<овский> долго читал свои новые стихи, есть очень хорошие»²⁹. Осенью ненадолго назна-

²⁷ РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 35. Л. 1.

²⁸ См.: Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 40–41. Ср. реплику родственницы одновременно с сообщением об отъезде Верховского в Тифлис: «Все праздники Юру фестиновали его друзья и баловали ужасно. Он вообще в этом смысле счастливый человек — у нас очень много людей, котор<ые> его очень любят и с ним возятся и носятся» (письмо А.Н. Верховской к А.А. Рачинской от 18 января 1912 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Л. 119 об.).

²⁹ Письмо М.О. Гершензона к жене от 28 июня 1912 г. [56, с. 374].

ченная башенной домоправительницей Л.А. Недоброво рапортовала домоправительнице истинной, тем временем присоединившейся к Ивановым в Европе: «Юрий Никандрович все точно тот же, так же способен все пропустить и забыть, занят по горло, а дело с места не двигается; я его нежно люблю и страшно балую всячески, но вот уж самого пустячного дела ему не поручила!»³⁰.

В 1915 г. они видятся в Москве. В феврале на поэтическом вечере у Жуковских Иванов расхваливает стихи Верховского («Вячеслав по обыкновению ломался, говорил двусмысленные слова и фразы, больше всех хвалил Верховского, называя его *maître impréscable*»³¹) к неудовольствию присутствовавшей там же юной М.И. Цветаевой. В драматические майские дни, когда в Москве идут немецкие погромы, Верховский приезжает в ивановскую квартиру на Зубовском, принося последние вести³². В декабре того же года он в присутствии Иванова читает лекцию в «Обществе свободной эстетики»³³.

Последовавшее расставание (Верховский в 1918 г. уехал в Пермь³⁴, Иванов в 1920-м — в Баку) готово было прерваться еще одним ивановским благодеянием: в 1922 г. по его настоянию Верховский был избран профессором бакинского университета, но приезд его не состоялся [10, с. 329, 336]. 5 августа 1923 г. Иванов мягко пенял ему: «Скорблю о том, что ты разрушил все надежды совместного, хотя б и временно, житья на Юге, общей работы в нашем тебе родном, так и по своему происхождению из Тифлиссских Высших курсов, университете, — и все потому, что мы не могли выслать вперед путевые деньги, которые ты мог, думается,

³⁰ Письмо Л.А. Недоброво к М.М. Замятниной от 14 сентября 1912 г. // РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 53. Л. 2 об.

³¹ Письмо Е.О. Волошиной к М.А. Волошину. Цит. по: [18, с. 372].

³² См. в дневнике Л.В. Ивановой: «Часов в 12 пришел Верховский и объявил, что погромы принимают очень большой размер и что кажется убиты 2 каких-то фабрикантов (по другой версии Эйнем и Альберт), тела которых брошены в Москву-реку» (запись от 28 мая 1915 г. // РГБ. Ф. 109. К. 45. Ед. хр. 10. Л. 6).

³³ Повестка на доклад 15 декабря 1915 г. «Типы творчества и Пушкинская пора» отложена в архиве Иванова (РГБ. Ф. 109. К. 51. Ед. хр. 4. Л. 59).

³⁴ Где, в частности, напечатал апологетическую рецензию на «Младенчество» [103, с. 69–70].

срочно занять... Но судьба сильнее нас, а мне все же приходится оттого страдать: ты бы душевно разбудил меня» [73, с. 359–360]. В последний раз виделись они в Москве, в августе 1924 г.³⁵, накануне отъезда Иванова в Италию: возможно, это произошло в квартире Л.И. Лебедевой, в альбоме которой оба они оставили в этот месяц свои записи³⁶.

Дальнейший их затухающий диалог остался только на бумаге. В январе 1925 г., за несколько недель до смерти, Гершензон, сообщая Иванову последние московские новости, пишет, в частности (может быть, не без расчета на деятельную помощь бывшему другу): «По возвращенной, лежавшей на столе книге я узнал, что был Юрий Никандрович, сидел с М<арией> Б<орисовной>; в пепельнице лежали окурки готовых папирос. Он курит, всегда трубку, и в ней — очень скверный табак. Из окурков я умозаключил, что он днем получил наконец долгожданные деньги в Госиздате и кутит; ну, думаю, о нем можно не заботиться, он при деньгах. На другой день пошел я к одному хорошему человеку выпросить денег для одной нуждающейся писательницы, и получил 3 червонца, и решил, значит, все отдать ей, а Верховскому ничего. А вечером пришел опять Ю<рий> Н<икандрович>, я ему рассказал свое умозаключение, он и говорит: “ах, не так; папиросы я покупаю в двух случаях: когда заведется лишний рубль, — и когда нет даже рубля, — потому что пакет трубочно-

³⁵ Не к этому ли году относится письмо неизвестного к Иванову, явно представляющее собой след заботы об оставляемом друге: «Вчера не удалось побывать у Вас, зашел сегодня, да и не застал Вас. Я говорил с Г.Г. Шпетом о Верховском. Он очень охотно берется переговорить с Челпановым или дать письмо к нему. Если нужно телефонируйте ко мне и я все устрою» (РГБ. Ф. 109. К. 29. Ед. хр. 99. Л. 1).

³⁶ Но не одновременно: Иванов 12 августа 1924 г., Верховский два дня спустя (РГБ. Ф. 371. К. 9. Ед. хр. 19. Л. 8, 10). Ср., впрочем, в воспоминаниях о квартире А.И. Ходасевич: «В этом доме также бывали и Юрий Верховский, навещавший Чулкова и его сестер (Любовь Ивановна жила отдельно, на Кропоткинской, 32, со своим болезненным и рано умершим сыном), и даже Вячеслав Иванов, который навестил своих старых друзей по Петербургу — Чулкова и Верховского, проезжая в 1924 году со своим сыном Дмитрием через Москву по дороге из Баку в Европу» [58, с. 389].

го табаку стоит 80 коп., — когда их нет, я покупаю пачку папирос за 25 коп.” — Я устыдился своей недогадливости; на всякого мудреца довольно простоты. И тут я ему дал прочитать Ваше письмо» [57, с. 90]. (В эти же дни Гершензон, с трудом раздобыв пять рублей, купил Верховскому две наволочки, два полотенца и два носовых платка, чтобы можно было отдать в стирку имевшиеся у того в единственном экземпляре).

Еще четыре года спустя в Москве силами друзей готовится празднование тридцатилетнего юбилея литературной деятельности Верховского; среди прочего, приглашение к участию было отправлено и Иванову³⁷. В результате его мысленно готовившееся подношение запоздало; накануне он жаловался сыну: «14-го празднуют в Москве, в Акад<емии> Художественных Наук, 30-летие литературной деятельности моего милого Юрия Верховского, о чем я официально извещен, но поздно, так что теперь уже не успею послать ему оду, для прочтения на его юбилее, и придется просто отправить телеграмму — думаю, по латыни! А то как же еще выразить торжественность?»³⁸. Несмотря на это, на вечере должны были прозвучать ивановские строки: за четыре дня до торжества Л. Горнунг писал С.В. Шервинскому: «Нельзя ли Вас просить, поскольку Вы будете на юбилее, прочесть что-ниб. из стихов Верховского по Вашему выбору и желанию или стихотворение из *Cor Ardens*’а (кажется) посвященное Ю.Н., что очень желательно, т. к. вообще будут читаться стихи посвященные Ю.Н. (Качалов читает стих<отворени>е Блока, посв<ященное> Ю.Н.), актеров же или декламаторов со стороны решено не приглашать»³⁹. Телеграмма из Рима действительно была отправлена, получена и оглашена, но вот была ли она по латыни (и что подумала об этом телеграфистка ближайшего к ГАХН почтового отделения) — нам неизвестно.

³⁷ Материалы подготовки к юбилею: РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 37. Сведения об отправке Иванову извещения заказным письмом — там же. Л. 34.

³⁸ Письмо Д.В. Иванову от 9 ноября 1929 г. [65, с. 596]. Ср. в письме Иванова к О.А. Шор от 18 ноября 1929 г.: «Юрию Верховскому послан был в юбилейный день по телеграфу “братский привет”» [88, с. 389].

³⁹ Письмо от 10 ноября 1929 г. // РГАЛИ. Ф. 1364. К. 4. Ед. хр. 282. Л. 5–6.

В трех архивохранилищах сохранилось изрядное количество посланий Верховского к Вячеславу Иванову; ответных же писем известно всего три: одно черновое, недатированное, написанное между 11 и 26 ноября 1914 г., и два беловых от 25 ноября 1918 г. и от 5 августа 1923 г. Все эти материалы принадлежат к числу хорошо известных и разошедшихся в цитатах по десяткам статей; более того, основной набор стихотворных посланий был напечатан А.В. Лавровым еще в 2003 г. [12]. Несмотря на это, полная комментированная публикация корпуса представляется делом небесполезным. Ради связности материала мы не разделяли его на стихотворную и прозаическую часть, а также не изымали уже обнародованные тексты. Комментарии предшественников нами с благодарностью учтены. Общеизвестные имена и понятия не поясняются. Неоценимую помощь оказали нам Г.В. Обатнин, Н.Н. Соболева и А.Б. Шишкин, прочитавшие работу в рукописи.

1

2 августа 1906. Гришнево Духовищинского уезда
Смоленской губ.

Гришнево. 2.VIII.06.

Вот Вам, сердечно уважаемый Вячеслав Иванович, сонет, посвященный Байрону, которого теперь читаю. Он должен быть доволен этим отзывом на его стансы и «Абидосскую Невесту» — удачным или нет: это — слава. Но довольны ли им Вы? Вероятно, нет, как я переводами Байрона. Исключаю немногие действительно художественные, в числе коих Ваши и некоторые из старых¹. Об этом можно много поговорить. Но Чайльд-Гарольда, например, прямо трудно читать. Скажите: какова схема подлинной Спенсеровской строфы? Переводчики Гарольда передают ее различно².

Но лучше скажите два слова о себе и о Лидии Димитриевне, которой прошу Вас передать мой искренний привет. Я Вас часто вспоминаю с теплым чувством. Как идет печатание Ваших книг? Скоро ли они выйдут?³ Что Вы пишете? Что написали? Ответьте же хоть на один из моих вопросов, пришлите несколько Ваших строф. Они мне необходимы. А то я бескрыл как Икар:

nudos quatit ille lacertos

Remigioque carens non ullas percipit auras⁴.

Я перевожу Овидия, т. е. отделяваю старые свои переводы⁵.
До стихов и до свидания.

Вам душой преданный Юрий Верховский.

Мой адрес: Смоленской губернии гор. Духовщина, с. Гришнево.

Мечту мою они пленяют вместе —
Абид и Сест; прильнуло море к ним,
Лазоревым лобзанием своим
Их разделив как бы из тайной мести.

В Абиде кто тоскует по невесте?
Леандр один. А может быть — Селим

В ночной прохладе грезами палим?
Но вот блеснул огонь на башне в Сесте!

Кто факел тот зажег над морем бурным?
Зулейка? Геро? Он огнем пурпурным
Зовет пловца на тайный пир сердец.

Кто там плывет на пламя нежных оргий?
То не Леандр, а бурный тот Георгий —
В объятьях волн отважнейший пловец⁶.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 1–2.

¹ К этому моменту были опубликованы сделанные Ивановым переводы семи стихотворений Байрона [36, т. 1, с. 406, 408, 411, 413, 414, 420] и поэмы «Остров, или Христиан и его товарищи» [36, т. 3, с. 170–192].

² Спенсерова строфа состоит из девяти строк, из которых восемь написаны пятистопным ямбом, а последняя шестистопным с рифмовкой ababbcbss. Байроновское «Паломничество Чайльд Гарольда» — наиболее известное написанное ею произведение. Емкий очерк истории русских переводов поэмы содержится в примечаниях П.О. Морозова и С.А. Венгерова к изданию: [36, т. 1, с. 582–594]. Здесь приводятся и характеризуются переводы Пушкина, Батюшкова, И. Козлова, Н. Маркевича, В. Щастного, В. Чижова, В. Любича-Романовича, И. Гогниева, К. Павловой, Лермонтова, А. Бржеского, Н. Берга и многих других; впрочем, Верховский мог знать о состоянии вопроса из собственных источников. В самом этом издании, где помещены переводы С. Ильина, П. Козлова, В. Лихачева и О. Чюминой, выдержана строфика оригинала.

³ Вероятно, Верховский подразумевает вышедший в 1907 г. альманах «Цветник Ор. Кошница первая» и, может быть, уже задуманный сборник Иванова «Cor Ardens» хотя, конечно, он мог быть посвящен и в более дальние замыслы.

⁴ Из «Метаморфоз» Овидия (книга 8-я), в пер. С.В. Шервинского: «...голыми машет руками / Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух».

⁵ Переводы Верховского из Овидия («Дедал и Икар. Отрывок из Метаморфоз») были напечатаны: [79, с. 95–96].

⁶ Вошло в книгу: [48, с. 52]. В основе стихотворения — смешение нескольких сюжетов, очевидное для адресата, но не без труда распознаваемое нами. Абид (Абидос) и Сест (Сестос) — два древнегреческих города на разных берегах Геллеспонта. Таким образом, первый слой образов — миф о Геро (жрице Афродиты, жившей в Сесте) и Леандре (ее возлюбленном, переплывавшем пролив в направлении зажженного Геро огня). Второй, сплетенный с первым, миф — сюжет «Абидосской невесты» Байрона (отсюда Зулейка и Селим), действие которой также происходит на берегу Геллеспонта. Георгий же — сам Байрон, переплывший Геллеспонт и оставивший об этом поэтическое воспоминание.

2

18 марта 1907. Санкт-Петербург

СПб. 18.III.07.

Порою дружеских посланий
Я увлекаюсь так давно, —
И, видно, нынче суждено
Хоть одному из тех желаний,
Какими сердце так полно,
Когда молчать обречено
Без наслаждений и страданий, —
Осуществиться наконец.
Быть может, новый мой венец
Меня не только не прославит,
А лишь покаяться заставит —
Как знать? Царица иль раба,
Всегда со смертными лукавит
Их своенравная судьба, —
Но все же рвением объята
Моя душа — мое перо:
Почтить стихом поэта-брата
(Что так убийственно старо).
Душа созвучьями богата,
Что легче ветра, ярче злата,

Нежней волны, острей булата, —
А это ль — правда — не добро?
И так пишу. Так он, Языков,
Так он, Тригорского певец,
Будил для дружественных кликов
Ватагу дрогнувших сердец —
И разгорался взор невольно
Приветом радости застольной.
Теперь не то. Уж нет забав
На дне содвинутых стаканов.
Ты, златорунный Вячеслав,
Ты, Фебом взысканный Иванов,
Скажи: мы видим ли в вине,
Как деда, целый мир — на дне?
Пусть — нет. Но почему ж порою
Не возвратиться к старине?
На старый лад я лиру строю,
И вот — забытою игрою
Она ласкает сердце мне.

И вспоминается невольно
Та благодатная пора,
Когда привольно и раздольно
Мои летели вечера,
Когда я был здоров и весел
Среди житейских тяжких дел —
И бодро на тебя глядел;
Теперь же грустный мой удел —
Облокотясь на ручки кресел
Сидеть — и чахнуть одному.
Ты, верно, спросишь — почему?
Да потому — на удивленье —
Что, не спросясь, меня сгребло
В охалку лёгких воспаление —
И дома крепко заперло
Всем ожиданиям назло.

Судьбу кляня, я две недели
Валялся, кашляя, в постели,
Хрипел, сопел, свистел, пыхтел —
И все-таки остался цел.
И вот уж страхи отлетели.
Какие ж страхи-то? Не те ли,
Что говорят о грозном «там»
И так же радостны мечтам,
Как завывание мятели?
Нет, главный страх мой был не тот.
Я думал: долго ли, Создатель,
Один пробудет твой мечтатель?
Проходит день, как целый год,
За ним еще, еще — и вот
К тебе Забвение — предатель,
Никем не слышимо, вползет
И руку ласково лизнет,
И в очи глянет. Вот приятель
Тебя забыл; за ним другой —
Сомкнулась Лета над тобой.
А вспомнят — скажут: «Верно, в Нарве,
А то б давно пришел сюда»¹.
А вокруг меня витают larvae²
И глухо каркает беда;
А я сижу себе на месте —
Петух промокший на насесте.
И сострадателен, и мил,
Какой же одинокий гений
Больного келью посетил?
Красноречивейший Евгений
Васильевич Аничков³ (тих,
Он уместился в тесный стих!) —
Отрада слуха, радость взора.
Но видит Бог — не для укора
О нем рассказываю я:
Такого суетного вздора,

Ей-ей, чужда душа моя.
Быть может, только для меня
Тянулось долго время это,
Зияя, грозное, как Лета.
Я думал вовсе не о том.
Я полон тихого желанья
(Смотри, для верности, о нем
Начало этого посланья):
Хотя в мечте с тобой вдвоем
У тихой лампы очутиться,
Поговорить о том, о сем,
Душевым хладом и огнем,
Мечтами, рифмами делиться.
И потому, мой друг, прости,
Что, повалившись на пути,
Я так бессвязно разболтался
И помешал тебе идти.
Но если я не замешался
Не вовремя, — тогда, как друг,
Ты, верно, уж найдешь досуг
Меня спасти от скуки адской, —
Не очутившись на Посадской⁴
(Чему я был бы очень рад),
А хоть черкнувши наугад
Две-три строки о чем случится.
Тогда рука твоя — как знать? —
Быть может, тоже расшалится,
Захочет рифмы набросать?
Вот это будет благодать!

Одно из дружеских желаний
Захочешь ты осуществить —
И век классических посланий,
Во имя дружбы, обновить!
Начни, певец! Мое начало
Неверным звуком прозвучало:

То — не посланье, то — письмо,
Оно сложилось так само.
А ты, как лес, многоязычен, —
Начни же новую весну,
Задень уснувшую струну —
Ты будешь истинно классичен;
Коль долго петь охоты нет —
Блеснет отточенный сонет.
(Сонета я не забываю,
Его с тобой я вместе чту;
Тебя недаром зазываю:
Один-другой тебе прочту).
Скорей же сделай оба дела:
И лишний раз себя прославь
(Кому же слава надоела?),
И друга верного избавь
От власти демонов и фурий:
Болезни, бешенства пера,
Тоски, мечты et cetera.
Придет ли новая пора?
Дождусь ли?

«Многострунный» Юрий.

P. S. Вношу в post-scriptum пышный звон октавы
Для Лидии Димитриевны я.
(Четырехстопный ямб не даст мне славы).
Но ей известна преданность моя.
Теперь она здорова? А когда вы
Обрадуете книгою меня?
Я помню, как в последней корректуре
Дивился я пленительному Журе⁵.
P. P. S. К четырехстопным звукам ямба
Вернуться я спешу опять:
Чуть-чуть не позабыл (caramba!)
На всякий случай я сказать,
Что перебрался я хворать
В квартиру брата⁶. Вместе с братом

Живу я в номере девятом;
Дом тот же, но этаж — второй, —
Конечно, ниже, чем шестой.

Ю.В.

ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 279. Л. 1–4 (ксерокопия в Римском архиве Иванова). Напечатано: [13, с. 407–410].

20 марта 1907 г., два дня спустя, в ответ с «Башни» пришло коллективное послание, состоящее из стихотворения Иванова «Верховский! Знал ли я, что ты...» (позже под заглавием «Выздоровление» вошло в кн.: [69, т. 1, с. 148–149]) и трех приписок:

Хотел писать — и воли нет!
За зрелой речью лепет детский!
Тебя приветствую, поэт!
Мне имя только

Городецкий

Кавалергарды — издатели мои — уехали на воды и все надежды пропали. Ничего не поделаешь. И поздравляю Вас с оживлением
Ремизов

Верховский, милый, поправляйтесь!
О вас гадаю в свой опал.
Стихом моим не соблазняйтесь
Зиновиева-Аннибал <sic>.

(РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51).

¹ Ср. упоминание частых поездок в Нарву в письме № 9. Эта сторона биографии Верховского нам неизвестна; ср., впрочем, запись в дневнике М.А. Кузмина от 16 октября 1906 г.: «<...> Юрий Ник. в Нарве <...>» [74, с. 242]. В 1907 г. его жена писала Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Когда я на днях вернулась из Нарвы, Юра передал мне Вашу книгу, которую я прочла с большим наслаждением. Я хотела побывать у Вас, чтобы по-

благодарить за подарок, но, к сожалению, узнала, что Вы больны. Надеюсь, что болезнь Ваша несерьезна и мы еще с Вами увидимся до Вашего отъезда» (письмо от 26 мая 1907 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 49. Л. 1).

² Ларвы — злые духи; вероятно, их упоминание — дань «башенной» мифологии (в стихах и прозе Иванова они нередки); ср. в воспоминаниях другого завсегдатая: «Тот же Городецкий в прелестном рисунке столовой на “Башне” изобразил повсюду домашних ларв; на цепи лампы, как-то зацепившись сбоку, торча нелепо ножкой, ручкой, висела головка Кузмина в стиле ларвы. Это было очень остро схвачено» [97, с. 62].

³ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — критик и историк литературы. Об их совместных с Верховским работах см. прим. 18 к п. 14.

⁴ Адрес Верховского: Петроградская сторона, Малая Посадская, д. 19.

⁵ Журя — птенец журавля, герой одноименного рассказа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, вошедшего в ее книгу «Трагический зверинец» [63, с. 23–26]. Корректуры книги читались весной 1907 г., ср. в письме Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 14 апреля: «Кроме того написала два рассказа и все время веду корректуры Зверинца. Либо на Страстной либо в начале Мая выйдет все» (РГБ. Ф. 109. К. 24. Ед. хр. 25. Л. 24). Присылки с «Башни» именно этой книги и ждал Верховский.

⁶ Брат — Вадим Никандрович Верховский (1873–1947) — химик-технолог, преподаватель.

3

20 июня 1907. Осташков Тверской губ.

Осташков. 20.VI.07.

УСТАЛОСТЬ.

Каркают вороны,
Мне сулят урон.
Рвусь в иные страны,
Прочь от новых ран.

Дождался рассвета,
Да не мил привет;
Ночь в туман повита —
Слаще дух живит.

Трудно сердцу стало,
Дух во мне устал,
Истомилось тело,
Вздох прошелестел.

И не нудят раны
Жаждасть теплых стран,
Не страшны уроны,
Не слышать ворон¹.

Вот осташковское настроение мое, дорогой Вячеслав Иванович². Впрочем, пишу и сонеты. Привет мой Лидии Димитриевне, Марии Михайловне³ и Вам. Пришлите мне Ваших две строки, рифмованных или белых.

Ваш Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 3.

Открытка. Адресована в СПб, переслана в Любавичи.

П.ш.: Бологое (20.6.07), СПб (23.6.07), Любавичи (25.6.07).

¹ Вошло в книгу: [48, с. 21].

² Верховский проводил лето 1907 г. в г. Осташкове Тверской губернии в доме Н.Н. Давиденкова (см. прим. 11 к п. 5). Письмо к В.Я. Брюсову, отправленное неделей раньше (14 июля 1907 г.), Верховский начинал: «Вот из какой глуши говорю с Вами, уважаемый Валерий Яковлевич» (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 1).

³ Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и М.М. Замятниной.

4

5 ноября 1907. Санкт-Петербург

5.XI.07.

Пишу к Вам, дорогой, милый Вячеслав Иванович, потому что не могу говорить с Вами. Мне только хочется сказать Вам сегодня,

в день, посвященный воспоминанию о Лидии Дмитриевне, что я думаю о Вашей печали и люблю Вас нежно¹. — Михаил Алексеевич говорил мне вчера, что Вы на несколько дней уезжаете в Москву². Желаю Вам хороших впечатлений и мира душевного.

Очень буду ждать Вашего возвращения и возможности с Вами увидеться. А пока мысленно дружески Вас целую и жму Вашу руку.

Ваш Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 4–5.

¹ Л.Д. Зиновьева-Аннибал скончалась 17 октября 1907 г. Почему Верховский счел 5 ноября днем, обращенным к памяти о ней, мы не знаем. В архиве Иванова сохранилось некрологическое стихотворение Верховского, ей посвященное («Крылом прозрачным Серафима...»); включено в сборник: [49, с. 222].

² Кузмин не отметил в дневнике встречи с Верховским, но наверняка видел его у В.Г. Каратыгина (см. запись от 4 ноября: «<...> поехал к Каратыгиным разбирать новые сборники фр. песень <sic>» [74, с. 421]). В Москву Иванов собирался еще до смерти жены среди прочего для урегулирования дел с журналом «Золотое руно». В результате он отправился туда вместе с В.К. Шварсалон (см.: [2, с. 52–53]). Точные даты поездки нам неизвестны: заведомо он был там 20 ноября (в этот день была назначена аудиенция Б.К. Пронину, который тогда же прислал покаянное письмо: «Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, бесконечно извиняюсь и жалею, что не мог воспользоваться назначенным Вами часом, когда Вы могли принять меня... Очень хотел рассказать Вам об устроенной мной “Мастерской для Интимного Театра”, хотел просить у Вас ряда советов, содействия — сочувствия, по крайней мере, если мой план может заинтересовать Вас» (РГБ. 109. К. 33. Ед. хр. 25. Л. 1)). В тот же день, 20 ноября, М.А. Гофман рапортовал М.М. Замятиной: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Михайловна, я в Москве и видел В.И. и В. К. В. И. бодрей. Они собираются ехать в субботу (приблизительно), но я думаю, что раньше вторника не приедут в Петербург» (РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 63. Л. 1)).

5

4-5 августа 1908. Осташков Тверской губ.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

...К тому же Вяземский велит жить осторожно:
Он у меня свои стихи безбожно
На время выпросив, на вечность удержал;
Прислать их обещал,
Но все не присылает;
Когда ж придет,
Об этом знает тот,
Кто будущее знает.

Жуковский¹.

Хочу отныне жить похвально, осторожно.
Надеждой льщу себя, что это мне возможно.
К тому ж немолчно так рассудок мне велит —
И я стремлюсь принять благопристойный вид
И поучительный. Я помню стих прекрасный:
Полезен обществу сатирик беспристрастный^{1, 2}.
Но быть сатириком хочу я лишь слегка
И мысль моя — ей-ей — гордыни далека.
Итак, мой милый друг, начав мое посланье,
Я не боюсь родить в душе твоей желанье,
Чтоб только поскорей задохся и затих
Мой дидактический... (Какой? Не помню) ... стих^{II, 3}.
Но грустно мне одно — что голос тиховойнный
Моей владычицы, богини чудодейной
Ловлю лишь издали и, выйдя на балкон,
В тумане не могу увидеть Геликон.
А был недавно я в тени зеленых кущей
Под обаянием природы всемогущей.
Однако и теперь — хоть городской кокет —
Стоит передо мной на столике букет

¹ Боратынский (прим. Ю. Верховского).

^{II} См. в Сочинениях А.С. Пушкина? (прим. Ю. Верховского).

И, чувства страстные вздымая и покоя,
Струится медленно душистый дух левкоя.
Смотри: тот — пурпурный, тот — бел как алебастр,
А рядом — бледные головки грустных астр
И скромной резеды потупленные взоры,
И свежей зелени неясные узоры.
«Доволен малым будь, хоть и букет твой мал!
Кто ж виноват, что ты скучаешь и устал?» —
Так внятно говорит мне голос Аониды,
На давнем поприще таки выдавшей виды.
Быть может, в сентябре тебе я разверну
Рассказ про милую мечты моей страну,
Куда теперь стремлюсь «сверх силы и сверх меры»^{III, 4} —
Страну поэзии, и Волги, и холеры⁵.
Вслед Боратынскому хочу лететь в Казань⁶.
О сердце бедное, не бейся, перестань:
Хочу надеяться, что буду жив в Казани,
Хоть там, ведь, кажется, едят грибы с глазами^{IV}.
Затем, Бог милостив, увижу и Тамбов⁷;
А там — через Москву — под сень родных богов.
Ведь только надобно мне позабыть халатность,
Любить умеренность и верить в аккуратность.
На первый случай я, приличие любя,
Свой, хоть не белый, стих крахмалю для тебя.
Но, прежде чем моей медлительной судьбою
Я буду вновь сведен, почтенный друг, с тобою, —
Уж ты меня приветь, уж ты меня потешь
И в лености своей пробей для друга брешь
С мизинец шириной, не более! С мизинец! —
И сядь, и напиши, и мне пришли гостинец.
Вот лист! А вот — перо! Чернила! Сядь же, сядь —
И я до осени не буду поминать,
Что у тебя в столе твое ко мне посланье.

^{III} Из сонета М. Кузмина (*прим. Ю. Верховского*).

^{IV} Изречение относится, быть может, к Рязани (*прим. Ю. Верховского*).

О, верю, что мое исполнишь ты желанье.
Не все ж мой тусклый дождь — и серый, и косой;
Ты оживишь меня твоих стихов росой,
Пахнет на мой цветник блистательная живость:
Недаром же пою сегодня справедливость.
Ведь не один пустой надутый эгоизм
Внушил моим стихам — как видишь — дидактизм;
Не ради же него о шестистопном ямбе
Я вспоминал теперь, гуляючи по дамбе^v:
И я тебя хочу направить (не забудь!)
На поучительный, похвальный, скромный путь.
Достойно оцени благое ты хотенье
И над посланием нелегкое кряхтенье.
Сейчас договорю и больше — ни гу-гу!
А после — мне ли быть перед тобой в долгу?
И под твоим пером не всё ль к твоим услугам?
Будь только другом мне — и я ль не буду другом?
Речь олимпийская — божественный гексаметр,
И «Тристий» сладостных разымчивый пентаметр⁸,
И гимна музыка, элегии иль оды, —
Все то, чему века дивилися народы;
Терцины важные, классический сонет,
Октавы нежные, вертлявый триолет,
И рондо милое, и прелесть — вилланелла⁹ —
Все, что тебе пока еще не надоело —
Сестина, и *rondel*, и *lai*, и *virelai*¹⁰ —
Что только ни поет, ни нежит на земле —
Вплоть до новейшего любого верлибризма —
Подъятое волной безбрежного лиризма,
Все это, все, все, все — лишь не захочешь, ах! —
Не будет для тебя звучать в моих стихах.

Юрий Верховский

Осташков, ночь на 5.VIII.08

^v Дамба, ведущая к Житному монастырю в г. Осташкове, известная красотой местоположения (*прим. Ю. Верховского*).

НВ. Николаевской ж.д. станция Осташков, квартира инженера Н.Н. Давиденкова¹¹. Все направленное по указанному адресу будет доставлено автору даже в случае его выезда из Осташкова.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 6–7 об. Напечатано: [13, с. 411–414].

Конверт. П.ш.: Осташков (13.8.08); Судак (16.8.08).

¹ Из стихотворения В.А. Жуковского «Prelude» («На этой почте все в стихах...»).

² Из стихотворения Е.А. Баратынского «Г<неди>чу» («Враг суетных утех и враг утех позорных...»).

³ «Мой дидактический благоразумный стих» — из стихотворения Пушкина «Я был свидетелем златой твоей весны...».

⁴ Из стихотворения М.А. Кузмина «От горести не видел я галеры...», входящего в цикл «Тринадцать сонетов».

⁵ В 1907 и 1908 гг. в Поволжье была эпидемия холеры; в 1908 г. первый случай был зафиксирован 7 июля в Царицыне среди судовых грузчиков; 18 июля она добралась до Астрахани, а 24 июля до Нижнего Новгорода. Благодаря своевременно принятым мерам, эпидемию быстро удалось локализовать (см.: [100]).

⁶ 23 июля 1908 г. жена Верховского А.П. Верховская писала А.А. Рачинской: «Юра скоро собирается в Казань и я не теряю надежды, что он Вам напишет» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 15). Вскоре после отправления этого письма Верховский действительно предпринял обширное путешествие с целью сбора архивных материалов, среди прочего — в Казань к А.Н. Боратынскому, к нему же в имение Шушары под Казанью, к З.Е. Геркен в имение Юматово, к С.С. Чичериной в Тамбовскую губернию, в Симбирск к наследникам Н.М. Языкова и др. Предварительные итоги этой поездки (оказавшейся ключевой для его дальнейшей научной биографии) Верховский подвел в работе: [47, с. 1202–1210].

⁷ Тамбовскую часть путешествия Верховский планировал чуть ли не раньше, чем казанскую. Еще в 1903 г. по итогам разговора со своей родственницей (тещей брата) он записал в дневнике: «С Анной Ал. <Рачинской> беседовали сегодня много о Баратынском, о вдове Дельвига, о его дочери, которая, оказывается, живет и сейчас в своем имении Тамбовской (кажется) губернии. А.А. думает, что если бы у Рачинских

были какие-нибудь рукописи Баратынского, которые можно издать, то они были бы напечатаны в Татевском сборнике. Но писем етс. — есть много. Говорил о возможности достать. И о Дельвиге и о Соболевском. Отправившись в Татев, увидеть и прочсть безусловно многое было бы можно. Сын Баратынского, — Лев, который его издавал — часто, по ее словам, бывает в Москве, многое, конечно, мог бы рассказать, но говорят, что он не вполне нормален» (запись от 11 декабря 1903 г. // РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 38. Л. 23 об. — 24). О тамбовской части путешествия он также писал в указанной статье: [47, с. 1207–1209].

⁸ Tristia — «Скорбные песни» Овидия, написанные элегическим дистихом (первая строка — гекзаметр, вторая — пентаметр).

⁹ Экзотическая стихотворная форма с трехстрочной строфой. Русской поэзии она известна преимущественно по переводам Леконт де Лиля.

¹⁰ Сестина — стихотворение из шести строф, каждая из которых включает по шесть стихов, при этом первая строка строфы повторяет последнюю предыдущей. Рондель — тринадцатистрочная форма со сложной рифмовкой. Ле и виреле — старофранцузские стихотворные формы. В ивановском наследии есть и сестина и рондели.

¹¹ Николай Николаевич Давиденков (1879–1962) — в будущем советский академик, а на тот момент — выпускник Института инженеров путей сообщения и скромный сотрудник службы железнодорожных путей. Приятель юности Верховского; ср. в письме последнего к родителям от 14 августа 1905 г.: «<...> я думаю с какой-нибудь литературной работой уехать из Пб-га в Тверь к Коле Давиденкову, где и проживу с ним вдвоем некоторое время. М. б. я там что-нибудь сделаю и во всяком случае продолжу свой продолжительный отдых; мне будет спокойно и не будет скучно» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 86 об. — 87). Он — адресат поэмы Верховского «Созвездие». См. о нем: [72, с. 369–374]. В своих мемуарах он писал: «Из школьных товарищей, которые оставили некоторый след в истории, я вспоминаю своего близкого друга, с которым много лет сидел на одной парте, — поэта Юрия Верховского. В молодости он перенес воспаление мозга и это вредно отразилось на его памяти. Учение давалось ему с трудом, и учителя часто над ним издевались, тем более, что нездоровая полнота придавала ему несколько комический вид. После неожиданной смерти отца семья его, с которой мы поддерживали дружеские отношения, переехала в С.-Петербург, где Верховский и окончил сначала Ларинскую гимназию, а затем (доказав лишний раз, что усвоению любимых предметов не мешает и слабая память) — историко-филологический факультет по романо-германскому отделению. Впоследствии он сделал

себе имя работами, посвященными поэту Баратынскому, а также собственными неплохими стихотворениями» [58, с. 35].

6

**10 августа 1909? Ст. Охват Осташковского уезда
Тверской губ.**

Охват.

Ау! Дорогой Вячеслав Иванович, прочтите мой сонет:

Сроднился дух мой с дружественной...,
Где отдыхают шепчущие...
С ночным огнем иль с факелом... —
В отрадный плен влекусь мечтой...

На высоте спокойней и...
Я слушаю таинственные...:
Там, в дальней тьме — предательские...;
Здесь не боюсь судьбы нелепых...

По звездам я стремлюсь в моих...
С сияньем кормчих звезд царит ли...?
Владеет Эрос духом..., —

И радугу я вижу в ярких...,
И без границ желанная...,
И внятен рай пылающего...¹

Отвечайте же мне — на те же рифмы.

Я на днях видел во сне Вас и Марию Михайловну. От Вас жду стихов, а от Марьи Михайловны — прозаической расписки в получении моего письма и стишков². Хотел бы, чтобы сон был в руку. Стансы, конечно, слабы; но идиллию, говоря откровенно, я ценю. — Неужели они не дошли? Я послал заказным письмом — в начале июня³.

Мне здесь живется не то чтобы плохо, однако не так чтобы и очень хорошо. Работаю над Боратынским и Дельвигом, немного пишу⁴. Хотелось бы больше и крупнее, хоть некогда <sic>. Жду от Вас обещанной темы.

До свидания. Очень хочу Вас увидеть. И услышать — пока хоть на письме.

Привет Башне.

Жена⁵ очень кланяется.

Ваш Юрий Верховский.

PS. Сегодня опять видел Вас во сне.

Адрес:

Бологое — Полоцкая ветвь Николаевской ж.д., ст. Охват⁶.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 8–9.

Конверт. П.ш.: Бологое (11.8.09); СПб (12.8.09).

Датируется по почтовому штемпелю.

Фрагмент письма (включая сонет) впервые напечатан: [76, с. 519–520].

¹ 12 августа 1909 г. Иванов записал в дневнике: «От Юрия Верховского сонет без рифм, кот<орый> я прочел без труда, а Кузмин долго с трудом склеивал. Вечером написал ему ответ, кот<орый> хотелось бы поместить в “Пристрастия”» [70, т. II, с. 788–789]. Ответный сонет Иванова — «Sonetto di risposta» («Осенены сторожевою Башней...»); эпиграфом к нему взяты первый катрен сонета Верховского и первые строки упомянутого сонета М.А. Кузмина («Ау, мой друг! Припомни вместе с “башней”...») [69, т. I, с. 150]; сонет Кузмина: [77, с. 141]; посвящен Верховскому. Подробнее об этом см.: [23, с. 247–250] (см. там же остроумное предположение, что ключом к сонету Верховского мог быть проект обложки книги Иванова «По звездам» работы М. Добужинского). Рифмы, которыми они оперировали: башней — оры — Авроры — всегдашней — бесстрашной — хоры — своры — шашней — напевах — мрачность — иноверца — гневах — прозрачность — сердца. В исходном сонете Верховского прозрачно зашифрованы названия книг Иванова: «По звездам», «Кормчие звезды», «Эрос», «Прозрачность» и «Cor Ardens» («Пылающее сердце») — домашнего ивановского издательства («Оры»), но может быть и альманаха «Факелы».

² Среди сохранившихся писем Верховского к М.М. Замятиной посланий 1909 г. нет.

³ Этого письма мы не знаем. Если стихи были посланы без сопровождения записки, они могли быть, по архивному обычаю, изъяты из эпистолярного корпуса и присоединены к другим стихам Верховского, скопившимся в ивановском архиве (РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23). Среди последних безусловно опознаваемых стансов и идиллии нет.

⁴ И Баратынский, и Дельвиг — центральные герои историко-литературных штудий Верховского. Главный их практический результат — книги [46] и [45].

⁵ Александра Павловна Верховская (урожд. Макарова; 1877 или 1878 — после 1958). Окончила женские педагогические курсы. Памятна дневниковая запись А.А. Блока от 30 октября 1911 г.: «После обеда пришла Александра Павловна Верховская, которая послезавтра едет в Тифлис. Очаровательная, старинная, нежная красота, женственность, материнство, тонкий, легкий ум в каждом слове и нежное лукавство» [41, т. 7, с. 79]. Установление дат ее жизни представляется не слишком простой задачей. В современном профильном справочнике о ней сказано: «Верховская Александра Павловна (1877 или 1878–1942) — педагог, библиотекарь. До 1922 г. занималась преподавательской деятельностью. В БАН работала с 1924 по 1937 гг. в разных должностях, с 1 апреля 1933 г. библиотекарь при кабинете методологии. Участник расширенного заседания Ученого совета БАН 22 февраля 1933 г. по вопросу о реальных каталогах» [71, с. 186]. Год рождения, вероятно, взят из ее личного дела в архиве Академии наук (Ф. 158. Оп. 7. Ед. хр. 47; нам оно осталось недоступным). При этом год смерти, кажется, извлечен из справочника «Книга памяти. Блокада», где идет речь о другой Александре Павловне Верховской, 1890 г. р. Безусловно, в 1958 г. она здравствовала: в моем собрании хранится ее письмо к А.В. Звенигородскому от 13 декабря 1958 г. Среди прочего там говорится: «Что же касается меня, то т. к. я 1877 г. рождения, то уже не пользуюсь транспортом, а выхожу только до угла в магазин. Иду с палкой, куплю что-нибудь и обратно. Делаю каждое утро гимнастику для ног и ползаю понемножку» (расхождение сведений о годе ее рождения остается пока нерешаемым).

⁶ Несколькими неделями раньше Верховский писал Ф. Сологубу: «У нас тут вместо Вашего плохого моря хорошее озеро, и хотя, конечно, в общем хуже, чем у Вас, и так же холодно, а в Петербург все-таки не тянет. Здесь и работаете лучше. Только последнее время я что-то лениюсь, а то занимался современниками Пушкина. Продолжаю обрабатывать материалы, привезенные прошлым летом. Гуляю больше по ве-

черам, на закате, когда озеро очень хорошо. Печально только, что здесь железнодорожная станция — и не настоящая деревенская жизнь, которую и я, и жена очень любим. Наши планы довольно неопределенны. М<ожет> б<ыть>, сравнительно скоро вернемся в Петербург» (письмо из Охвата от 30 июля 1909 г. [90, с. 126]).

7

5 июня 1911. Меженинка Бельского уезда Смоленской губ.

Меженинка. 5.VI.911.

Исполняя поручение твое, дорогой Вячеслав, я, только здесь осмотревшись, начал расспрашивать о даче или комнатах для тебя¹. Очень жаль, но ничего пока не выходит. В усадьбе устроиться нельзя. Поблизости подходящего помещения тоже нет. Ближе к станции железной дороги — точно так же. Остается надежда вот такая: на днях будет здесь Анна Алексеевна (Рачинская), и я порасспрошу, нет ли чего возле Бобровки². Хотя ты мне это и не поручал, но как не помечтать: м. б. и устрою тебя моим соседом; в крайнем случае — между Бобровкой и Меженинкой.

Когда ты мог бы приехать — т. е. когда вернетесь вы с Волги?³ И до какого времени располагаете пробыть в деревне, т. е. — буду надеяться — в моем соседстве? Все это нужно бы мне знать.

Хорошо бы очутиться с Вами на Волге, но и здесь не худо. Просто и зелено. Сирень еще цветет. Шел дождь и холодно, но сегодня отличный день. Вечером как-то и в дождь пел соловей.

Общество мое здесь (кроме моих⁴) Софья Николаевна — хозяйка — умная и чудесная старуха⁵; да две ее племянницы: одна глупа необычайно, другая — полуумна <sic>; да юный немец гувернер, да юнейший его питомец⁶. Вот все пока. — Вечера проводим с С.Н. — преимущественно в чтении. Я прочел вслух твои статьи, принятые с большим интересом и сочувствием: в один раз — о Достоевском, в другой — о Толстом⁷. Еще раз жалел, что нет со мной *Cor Ardens*⁸. Работать как следует пока не начинал. Привет мой сердечнейший Марии Михайловне, Вере Констан-

тиновне, Александре Николаевне, Сергею Константиновичу — и Кузмину, если он еще не уехал⁹.

До свидания, а пока, надеюсь, — до письма.

Твой Юрий Верховский.

PS. Здесь на почту далеко не каждый день посылают, поэтому не удивляйся, ежели довольно поздно получишь это мое письмо.

Адрес:

Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. Ст. Мостовая, с. Знаменское.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 10–11 об.

Конверт. П.ш.: Мостовая Смол. (7.6.11); СПб (8.6.11).

¹ Меженинка Бельского уезда Смоленской губернии — одно из наследных имений семейства Рачинских, с которым Верховский состоял в родстве (его брат, Вадим Никандрович, был женат на Александре Николаевне Рачинской). Подробностей о поручении Иванова, касающегося подыскания дачи, мы не знаем. Более того, еще 30 мая 1911 г. в предстоящих планах семейства смоленская дача не упоминалась вовсе, см. в письме Замятниной к Л.В. Ивановой от этого дня: «Мы с нашим отъездом все еще разное подумываем. Вячеслав с Верой, почти наверное очень <так> на днях и скоро поедут по Волге недели две, три, а я или буду подыскивать для нас, т. е. Вяч., Веры и меня подходящую дачу, может быть, около Боровичей, Евгений Васильевич мне вчера говорил, что там можно найти. Если же Вячеслав и Вера решат, что будут все лето странствовать по России, то я одна поеду в Лугано к Иолшиным. Завтра я иду узнавать, когда отходят пароходы из Рыбинска по Волге, и сообразно с этим они тотчас же на этой же неделе и поедут, а там дальше видно будет. Вячеслав очень заскучал, что ты уехала <к Аничковым под Боровичи> на все лето, а потому ему и захотелось не ехать за границу а поселиться где-нибудь так, чтобы можно было видеться с тобой или брать тебя на часть лета хотя бы временно» (РГБ. Ф. 109. К. 19. Ед. хр. 52. Л. 2–3 об.).

² Анна Алексеевна Рачинская (1855–1916) — совладелица имения Бобровка (Ржевский уезд Тверской губернии), сестра философа Г.А. Рачинского; гостеприимная знакомая многих писателей. Ср. в поздних устных мемуарах Верховского: «Верховский об имении “Бобровка”, принад-

лежавшем сестре Гр. Алексеев. Рачинского. Это вроде Коктебеля. Там постоянно жили писатели, гости приглашали своих гостей. — Приезжали кто хотел. В Бобровке Ремизов написал “Крестов<ые> Братья” <так>, Кузмин — “Александрийские песни”, Белый — “Серебряного голубя”» [22, т. 2, с. 317]. Между Меженинкой и Бобровкой около 20 километров.

³ О планах волжской поездки см. прим. 1 к этому же письму. В действительности она не состоялась, так что Иванов, В.К. Шварсалон и Замятнина в 20-х числах переехали в курортные Силламяги (дер. Каннука, дача Михеля Орго). 16 июля 1911 г. Замятнина писала неизвестной («Лене»): «Должно быть Вера в своем письме уже объяснила причину того: всякие болезни каждого члена нашей семьи: Лидии делали ту же операцию, что Вам в прошлом году, у Веры острое малокровие и сёон <?>, а у меня глубокий бронхит от кот<орого> я с ног валилась от слабости. Теперь здесь вот уже три недели, к<о>т<орые> мы все отходили, причем в силу того что только последняя неделя теплая — то я только с неделю как чувствую себя хорошо, а то все что-нибудь было не слава Богу» (РГБ. Ф. 109. К. 20. Ед. хр. 15. Л. 1–1 об.)

⁴ Жена (о которой выше) и двое детей — Никита и Поликсена. Возможно, с ними же жило семейство брата.

⁵ Софья Николаевна Рачинская — двоюродная сестра Г.А. Рачинского и А.А. Рачинской; собирательница народных песен; основательница школы для крестьянских детей.

⁶ Этим лиц опознать мы не можем. Племянницы — вероятно, дети сестры С.Н. Рачинской Екатерины Николаевны Юргенсон и ее мужа Ивана Ивановича Юргенсона. В очерке С.А. Рачинского «Школьный поход в Нилову пустынь» упоминаются «милые хозяйки Меженинки, С.Н., ее сестра и племянницы» [91, с. 40].

⁷ Статьи «Достоевский и роман-трагедия» — начала печататься в мае 1911 г. (Русская мысль. 1911. № 5. С. 46–61 (2-я паг.), июньский номер с окончанием мог еще до Смоленской губернии не добраться) — и «А. Толстой и культура» (Логос. Кн. 1. М., 1911. С. 167–178). Может быть, под влиянием этих чтений С.Н. Рачинская подписалась на журнал «Труды и дни» (сделавшись его подписчиком за № 68).

⁸ Книга стихов Иванова. К моменту написания этого письма успел выйти только первый том (см. прим. 7 к п. 14).

⁹ М.М. Замятнина, В.К. Шварсалон, Александра Николаевна Чеботаревская, Сергей Константинович Шварсалон (1887–1941), М.А. Кузмин. Последний в эти дни еще оставался в Петербурге.

8

6 июля 1911. Меженинка Бельского уезда Смоленской губ.

Моск.-Винд.-Рыбинск. ж.д., ст. Мостовая, с. Знаменское.

6.VII.911.

Я долго не писал тебе дорогой Вячеслав, потому что ничего не мог сообщить тебе хорошего. Под Бобровкой мне также не удалось, несмотря на желание очень большое, ничего для тебя найти. Если бы нашел, то, конечно, написал бы уже давно. На первое мое письмо я, признаться, ждал отклика; дождусь, м. б., на второе? Надеюсь, оно так или иначе найдет тебя. Где ты, как и что? Очень хочу это знать, т. к. в июле же думаю быть в Петербурге и хотел бы тебя там застать вернувшимся с Волги¹. О себе написал бы что-нибудь, да нечего. Привет мой Вере Константиновне и всем твоим сердечный. Мария Михайловна, верно, за границей?² До свидания — м. б., в июле же?

Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 12.

Открытка. Послана в СПб, переслана в Силламяги.

П.ш.: Нрзб, СПб (8.7.11), Силламяги (10.7.11).

¹ О несостоявшемся путешествии на Волгу см. прим. 1 и 3 к п. 7.

² Предполагалось, что, когда Иванов и В.К. Шварсалон уедут на Волгу, Замятина отправится в Лугано, где жили ее близкие друзья Митрофан Павлович и Екатерина Павловна Иолшины. Но ситуация переменялась, и все они осели на даче в Силламягах.

9

11 августа 1911. Санкт-Петербург

СПб. 11.VIII.911.

В Меженинке получил я открытку твою, дорогой Вячеслав, и вскоре же уехал оттуда, но здесь, в Петербурге, уже не застал твоего письма; оно вернулось только сегодня из Бобровки, куда Славочка переправил его¹. Я очень хочу побывать у тебя, спасибо тебе за зов, — и надеюсь выкроить на это теперь же дня два-три; впрочем, тогда извещу своим чередом².

В Петербург я попал поздно — живу здесь недели полторы — и сделав здесь необходимые дела, хочу съездить опять в деревню на несколько дней, чтобы хоть немножко освежиться перед дальней дорогой³ и еще затем, чтобы исполнить неперменное желание С.Н. Рачинской⁴. Чувствую себя здесь неважно, устал и устаю еще больше. В Меженинке и Бобровке (где я был два раза) лето было прекрасное, хотя и ничем особым не замечательное. Как Вы чувствуете себя — ты и твои — в Эстляндии, которая отчасти мне знакома после частых поездок в Нарву?⁵ — Были ли ты и Вера Константиновна на Волге, тоже отчасти мне знакомой и гораздо более милой, чем Нарва?⁶ — Как жаль, что после этой Вашей поездки не удалось видеть Вас в родной губернии Смоленской. Мои к тому попытки были несчастливы, так что благодарности большой не заслуживают, но — само собой — я очень и очень огорчен их неудачностью. Здесь я видел только Ремизовых (да мельком Аничкова)⁷. Ал. Мих. — только бы не сглазить — показался мне очень подбодрившимся и поправившимся после путешествия.

Вере Константиновне и всем твоим шлю сердечный привет, Марии Михайловне пишу особо.

Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 13–14 об.

Конверт (лежит отсоединившись, но в той же единице хранения). П.ш.: СПб (15.8.11); Силламяги (15.8.11).

¹ Славочка — композитор и музыковед Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925), приятель и родственник Верховского (муж его сестры).

² В этот же день Верховский писал М.М. Замятниной: «Я очень благодарен Вам, глубокоуважаемая Мария Михайловна, за приглашение погостить у Вас и надеюсь им с благодарностью воспользоваться в ближайшем будущем. Я теперь, кажется, буду сравнительно менее занят до двадцатого.

То немного, что найдется рассказать о моем лете, буду у Вас рассказывать. А из писем Вашего и Вячеслава я не узнал того, что мне очень интересно: были ли Вы за границей? Был ли он на Волге? Лидия, как я слышал, теперь уже с Вами. Знаю это из разговора с Анной Митрофановой <Аничковой>: я ее не видал, но беседовал с нею по телефону. Она была в Петербурге несколько дней или несколько часов. В Петербурге ли или в лагере проводит лето Сергей Константинович <Шварсалон>?

Летний Петербург наводит на меня уныние и тоску. Добром поминую только Таврический сад и башню.

Сегодня должен был побывать на даче на Крестовском острове. И тот оказался мне почти хорош по сравнению с городом. Кажется, ничего, кроме таких тусклых lamentаций и сказать здесь не умею.

Кончаю письмо, чтобы приняться за одну из висящих надо мною работ. Только что окончил черне составление бесконечного списка книг для библиотеки Тифлиских курсов, с которыми летом подписал формальное условие — о чем, впрочем, тогда же, кажется, писал Вячеславу» (РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 50. Л. 2–3 об.).

³ Верховский летом подписал контракт с Тифлискими женскими курсами и готовился к началу семестра отбыть в Тифлис.

⁴ О С.Н. Рачинской см. прим. 5 к п. 7. В чем заключалось ее желание, мы не знаем.

⁵ См. прим. 1 и 3 к п. 7.

⁶ Здесь, вероятно, имеется в виду исключительно успешная историко-литературная экспедиция 1908 г. (см. прим. 6 к п. 5).

⁷ А.М. и С.П. Ремизовы приехали после заграничного путешествия. Е.В. Аничков вернулся в Санкт-Петербург из наследного имения близ г. Боровичи Новгородской губернии.

10

29 августа 1911. Бобровка Ржевского уезда Тверской губ.

Бобровка, ночь на 29.VIII.911.

Дорогой Вячеслав

Я был совершенно завален в Петербурге спешными делами и практическими хлопотами, а в то же время преследуем мелкими досадными неудачами: тех, кого нужно было видеть по делам, — не заставлял в городе; те, кто сами назначали мне сроки, — сами же их откладывали, заставляя себя ждать; там где я рассчитывал получить деньги, я получал только обещания — и т. д., и т. д.; да, пожалуй, главное: работа, которую думал кончить в 1–2 дня, отняла у меня недели две или больше. Одним словом — злая судьба удерживала меня в Петербурге и не пускала ни к своим, ни к тебе. Теперь я (впрочем, далеко дела не уладив) приехал на несколько дней в Меженинку и на несколько часов в Бобровку: сегодня под-вечер — здесь, завтра к вечеру снова в Меженинке. И здесь, и там мне побывать было необходимо, между прочим по дельным, т. е. деловым соображениям. Уеду в Петербург (как определенно предполагаю) 1-го числа — вместе со своими; значит 2-го буду там. 10-го же думаю выехать в Тифлис. Но вот что важно: до 10-го вернешься ли ты в П-бург или нет?¹ Нет — так я непременно буду у тебя, приеду хоть на день, хоть на несколько часов: нельзя нам не увидеться. Если же вернешься, то уж увидимся в Петербурге, хотя мне будет грустно и обидно, что так и не удалось посетить тебя. — Очень тебя прошу — ответь мне по возможности скорее. Адрес — до 1-го: Моск<овско>-Винд<авско>-Рыб<инская> ж<елезная> д<орога>, ст. Мостовая, с. Знаменское; после 1-го: СПб., П<етроградская> с<торона>, Александровский пр., д. 3, кв. 15 (Каратыгиным).

Мой горячий привет всем твоим. Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 15 об. – 16.

Закрытка. П.ш.: Оленино (30.8.11), Силламяги (1.9.11).

¹ Иванов пробыл в Силламягах до второй половины сентября (ср. в письме С.П. Каблукова к нему от 27 сентября 1911 г.: «Сейчас узнал от З.Н. Мережковской, что Вы уже вернулись» (РГБ. Ф. 109. К. 26. Ед. хр. 66. Л. 11)).

11

4 сентября 1911. Санкт-Петербург

СПб., ночь на 4.IX.911.

Дорогой Вячеслав

Пишу, еще не придя в себя. Сегодня, т. е. 3-го, я возвратился из Меженинки — на один день опоздал из-за плачевного случая: в четверг мы уже собрались уезжать — и, садясь в тарантас, Шура¹ оступилась и — не сломала, но надломила себе ногу. Тут же был доктор — и на другой день мы с величайшими затруднениями выехали, а сегодня приехали в Пбг. — Не говоря обо всем этом самом по себе, я и опоздал, и совершенно не знаю, как устрою свои дела. Шура — лежит у своей матери и пролежит с месяц, дети — с ней; я — у брата². Все осложняется страшно — и приготовления к отъезду, и все мои практические дела, и приведение в порядок всех моих работ. Я в отчаянии. — Сегодня же, приехав, узнаю, что вчера Мария Михайловна была в Пбге и искала меня с тем, чтобы вести к тебе³. Неужели до 10-го ты не будешь в Пбге?! Нам нельзя не увидеться. Я сделаю все, чтобы к тебе приехать. Но сейчас ничего не соображу. Устал и растерялся в конце. Как? Когда? Что? — ничего не знаю. На днях, наладившись, постараюсь написать тебе. Твоим привет. Юрий Верховский.

Пет. стор., М. Посадская, 19, кв. 9, тлф. 121-08.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 17

Открытка. Силламяги (3.9.11), СПб (4.9.11)

¹ Жена, А.П. Верховская.

² О брате см. прим. 6 к п. 2. Мать Верховской — Анна Дмитриевна Макарова; ей принадлежал дом по адресу: Большой проспект Васильевского острова, д. 25. Живущий по тому же адресу Павел Яковлевич (вероятно, ее отец) домовладельцем в адресных книгах не значится.

³ Замятнина заведомо была в Петербурге 31 августа — в этот день она рапортовала Иванову в Силламяги о положении дел на «Башне» (РГБ. Ф. 109. К. 19. Ед. хр. 18. Л. 31 об.).

12

8 сентября 1911. Санкт-Петербург

СПб., ночь на 8.IX.911.

Дорогой Вячеслав

Получил ли ты письмо мое о Шуриной сломанной ноге и пр.? — Обстоятельства мои приблизительно в прежнем положении, мне очень трудно выйти из всех моих затруднений. Ближайшее следствие этого — невозможность выехать в Тифлис 10-го, к<а>к я предполагал. Дня на два — и даже не больше ли? — мне придется отложить отъезд, о чем я предупреждаю письмом Согомонова¹. Другое следствие — то, что мне, кажется, и думать нельзя о поездке к тебе. Надеюсь только на то, что — как я слышал — ты к 10-му вернешься в Пбг. Оправдай же мою надежду — и приезжай. Нам нельзя не увидаться, и увидаться в Пбге было бы так хорошо. — Поклон мой твоим всем.

Твой Юрий Верховский.

Я живу у брата: П.С., М. Посадская, 19, кв. 9, тлф. 121-08.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 18.

Открытка. СПб (9.9.11); Силламяги (10.9.11).

¹ Сурен Авакович Согомонов — выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (вып. 1904 г.), тифлисский промышленник; лицо, близко стоявшее к Тифлисским высшим женским курсам. В частности, именно он приглашал Иванова и Верхов-

ского занять там преподавательское место (предложение, отвергнутое первым и принятое вторым). Подробнее см. вступительную заметку.

13

8 ноября 1911. Тифлис

Вячеславу

При посылке моего первого тифлисского стихотворения¹.

Я помню шумную разлуку,
Мелькнувшую виденьем сна;
Но если только сон был в руку, —
Тяжка не будет мне она, —
Иль так тяжка: я верю — други
Меня вспомнят на досуге

Я чаю — без напоминанья
Они и голос подадут:
В стране — хоть вольного — изгнанья
Удел певца немного крут, —
Известно. Песней же делиться
Привык с тобой — как с птицей птица:
Вот почему — и рифме строгой
Наперекор — как захочу
Тебе на лире круторогой,
Как захочу, — и забренчу.
Мой первый бред внемли тифлисский, —
И спой в ответ, певец Тиисский!²

Юрий Верховский

Тифлис. 12.X.911.

Когда печальное прости
Пределу милому скажу я —

И обречен один брести,
Не правда ль: до полупути
О том я думаю, тоскуя, —

Что там, за мной — и без меня
Живет у пристани знакомой;
Что, вновь и вновь к себе маня,
Как свет вечернего огня,
Мне веет мирною истомой?

Вперед! — счастливы говорят —
Смотри: ты минул полдороги;
Вот светлых гор воздушный ряд —
И облачных унылых гряд
Ряды не близки и не строги.

О да, гляжу невольно я
В простор судьбы моей грядущей;
На перевале бытия
Меняется и мысль моя
Под переменчивую кущей.

И вот уж я — у новых врат;
Вступаю в чуждое жилище,
Быть может — полное отрад...
Но я грустить и плакать <рад>
По милом старом пепелище!

Тифлис, ночь на 2.X.911.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 19–20 об. Напечатано: [13, с. 414–415].

Конверт: П.ш. Тифлис (8.11.11), СПб (13.11.11).

Датируем по почтовому штемпелю.

¹ Наиболее подробный источник сведений о первых месяцах тифлисской жизни Верховского — пересказ его писем к семье брата, содержащийся в посланиях жены последнего, А.Н. Верховской, к своей тете. Приведем на выборку несколько отрывков:

16 октября 1911 г. «От Юры были открытки, но ни одного подробного письма не было, видимо он доволен. К нему очень мило все и радушно отнеслись, курсы ему понравились, нашлись дамы, котор<ые> его уже несколько опекают, — жены завед<ующего> курсами и еще кого-то. Даже квартиру ему собираются искать. Но сам Юра ничего не пишет о вопросах практических — ни нам, ни Шуру. Лекции Юры все назначены от 5–7 ч. вечера, только один раз в неделю прак<ические> занятия с 10 ч. утра. Я у Шуры была, она очень растолстела, подробно рассказала, где и что у нее болит. Собирается ехать в конце октября. Говорит, что Юра без них скучает, я думаю, когда нагрянут, от них еще больше заскучает. Я по крайней мере была вполне удовлетворена визитом в 1 час. Ох, ох, ох!!!».

23 октября 1911 г. «От Юрия были письма, он очень доволен, видимо, у него все клеится. Лекции удачны, слушательниц много. Пишет, что ему сулят выгодные частные уроки и лекции рублей по 10 в час. А Шура еще не спешит ехать. Недавно встретила ее в Гостином с Никитой и громадным картоном — только что купила себе шляпу. Мы ее застали в магазине, где она мерила себе ботинки».

29 октября 1911 г. «Шура (Юрина) еще не уехала. Мы с бабушкой на нее сердимся: Юре заказали 4 ящика для книг, каждый с 2 полками так что поставив их друг на друга устраивается шкаф. 2 ящика отравили с его книгами, один остался у Оли <О.Н. Каратыгиной> с его книгами, а один должна была отправить Шура, наложив своими вещами. Все об этом говорили, и бабушка, когда была у нее, тоже просила ее прислать за ящиком. Представь, отправила все свои вещи и теперь ящик остался. Возмутительно, как она не думает о Юриных удобствах. Мы так радовались, что у Юры теперь не будут книги лежать по всем стульям, как раньше, и нарочно бабушка заказала эти полки. Это очень удобно, книги расставляются, ящики завинчиваются, крышки покрываются и едут, как в шкапу. Такая эта Шура чучела <sic>! Ужасно. Какую это она прислугу у Михая Васильевича сманивала в Тифлис, тоже не очень хороший поступок. Юра пишет в общем очень утешительно — лекции ладятся. Сулят ему выгодные уроки и лекции по 10 р. в час. Но, конечно, я думаю, еще сразу ему много набирать не следует».

31 октября 1911 г. «Завтра в 9 ч. вечера Шура с детьми уезжает в Тифлис. Юрий нанял квартиру в 5 комнат за 55 р. в месяц и ждет их. Сейчас у нас Никита и Поликсена, пришли прощаться с нашими детьми. Шура тоже придет сегодня попрощаться».

29 ноября 1911 г. «Пишет ли Юра тете Соне? Мы недавно получили от него письмо после долгого молчания. Как только приехала туда Шура, Юра сейчас же начал стонать, что плохи денежные дела, между тем пока не ехала Шура, у него уже прикопилось около 500 р. жалованья. Юре перед отъездом бабушка сделала целое приданое, ей отъезд Юры стоил 400 р., а Шуру тоже отправляла Мме Макарова, все ей и детям сшили, и дорогу всю оплатила она же. Но Шура как-то удивительно не умеет устраиваться» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Лл. 84, 88, 91 об. – 92, 94 об., 110–110 об.).

² Певец Тиисский — Анакреонт, который был родом из ионийского Тииса (или Теоса); этой устойчивой формулой его называют Державин и Пушкин. Почему Верховский (помимо отсылки к общим культурным воспоминаниям) называет так Иванова, мы не знаем.

14 14 марта 1912. Тифлис

14.III.1912
Тифлис

Ах, Вера Константиновна, ведь это...
Ведь это — я, опять, все тот же — я
Тревожу Вас докучными стихами,
Хотя и белыми на этот раз,
Но оттого жужжащими не тише,
Чем рифмой оперенные. Что делать,
Ведь сами Вы меня избаловали,
Открыв гостеприимно свой альбом
Не только для сонетов изощренных,
Но и для бредней в целых две страницы¹.
Так если станет и на этот раз
Терпения, чтоб выслушать меня, —

Прочтите же... Ах, не без задней мысли
Пишу я к Вам, — затем и так болтлив
Сегодня я, и с самого начала
Уже проговорился. Как же быть
И как поправить дело? А никак:
Уж буду как ни в чем и ни бывало
Многоглаголение продолжать.
Поверите ль что право не с веселья
Так запоешь. Вы мне простите прозу
И белизну бесцветного стиха;
Хандра — лиха, хандра владеет мною,
И правит круто не одну неделю,
Проклятая смеется надо мною,
И вся моя утеха только в том,
Что вспоминаю о друзьях далёких
И думаю: ах, как они далёко,
И воздыхаю: как далеко я!
И валится из рук невольно дело,
Хоть даже то, какое сам любил.
Хотелось бы узнать мне, что на башне
Поделывается теперь. Я слышал
(Княжнин² писал мне) — возвратилась Марья
Михайловна из-за границы³. Как
Она довольна старою Женовой
И путешествием? Я перед нею
Кругом в долгу⁴. И все же напишу
О красоте и прелести Тифлиса.
(Пусть я хандрю, ведь он же ни при чем?)
Но только не сейчас. Я все надеюсь
Исправиться, наладиться. Давно,
Давно надеюсь я. Что Вячеслав?
И здоров, и бодр? Не пишет ли стихов
По старой памяти. А если нет,
Так пусть с меня возьмет пример благой
(Ему привык его я подавать):
Не знаю сам я, как и для чего,

А написал стишков я вереницу.
Как спится иногда с тоски невольно,
Так я порой дремлю — и вижу сны;
А уж без снов пропал бы и совсем.
И все же больше собственных творений
(Хоть об одном из них и будет речь)
Люблю читать чужие. Только здесь
Живу без новых книг и без журналов.
Хотя меня считает «Аполлон»
Сотрудником, но вот уж скоро год
Журнала мне не высылают⁵. Верно
Кузмин забыл благое обещанье
Редакции напомнить адрес мой.
А сам Кузмин что пишет? Оперетку
Или поэму? Может быть роман?
Верней — рецензии. Но Бог ему
Судьею в этом⁶. Как бы хорошо
Вдруг новые стихи прочесть.

Cor Ardens

Уж верно вышли в свет, но до меня
Еще не доходили⁷. Если так,
То, право, попеняйте Вячеславу:
Грешно забыть приятеля в беде,
А я в беде, конечно же! Меня
Он вспомнил ли на празднике Бальмонта?⁸
Мне очень грустно было не слышать
Речей его⁹ и Блока¹⁰. Телеграмму
Тенденциозную мою читали ль?¹¹
Заметили ль другие из Тифлиса:
Кружка «Икар»¹², курсисток¹³? Очень жаль,
Что я не слышал Брюсова¹⁴. А правда ль
(Я здесь читал) — столица Русской Мысли
Отныне не Москва, а Петербург?¹⁵
Ваганьковский пустеет переулок
И дом Куманина¹⁶? А что же Брюсов?
Переселяется ли тоже к нам?

Ах, впрочем — к Вам! Уж я не петербуржец.
И не тифлисец — потому, что здесь
Грущу, хандрю, тоскую, изнываю
И ничего не делаю.

Зачем же

Мне Вас об этом нужно извещать?
Не знаю, право. Что же до вопросов,
Которыми обильно так мое
Послание в своей печальной прозе, —
Так о друзьях приятно говорить,
И поневоле спрашивать начнешь,
Когда они молчат, как сговорились
(Один Ивойлов¹⁷ написал два слова)
И если ничего о них не знаешь,
Иль очень мало. (Знаю, например,
Что завтра, кажется, меня Аничков
Зарезать собирается¹⁸)^{VI}. Простите ж
Вы мне мои расспросы. Я на них
Не жду ответов. Ими же увлекся
Отчасти я из хитрости невинной,
Отчасти же из трусости. И если
Вы дочитаете письмо мое
(Я чувствую, для этого терпенье
Не малое потребно), так придется
Увидеть Вам, к чему я все клоню.
Ну уж еще один вопрос. А там —
Куда ни шло — скажу, перекрестясь,
О чем просить хочу я Вас. Скажите
(Хоть и не скажете, но все-равно —
Уж буду продолжать как начал): с Вами
Бородаевский, или уж уехал?¹⁹
Последнее мне кажется вернее,
Но может быть для торжества Бальмонта

^{VI} К счастью, кажется, это клевета: сейчас получил я корректуру (*прим. Ю.Н. Верховского*).

Он захотел остаться или вновь
Приехал в Петербург. А если нет,
Давно ль уехал и стихов у Вас
Не написал ли новых-бесподобных
Как те, что он при мне читал? Меня же
Он, очевидно, вовсе позабыл:
Хотел прислать мне дельное письмо
К своей знакомой милой — Петерсон²⁰,
Одной из самых важных дам Тифлиса,
Чтоб я с ней познакомился. Она
(Как помнит он) прекрасна, просвещенна,
Но я еще не мог того увидеть.

Что делать! От нее — вернусь к себе
И Вам признаюсь, для чего так много
И скучного, и лишнего пишу.
Я все хочу просить Вас — одолжение
Великое мне сделать. Дело в том
Что в милый Ваш альбом перед отъездом
Я написал еще одни стихи²¹.
Черновика стихов не сохранилось,
И вместо них теперь в моей тетради
Остался белый лист. Его заполнить
Мне очень бы хотелось. Я скучаю
Без этих стансов, хоть едва и помню
Несовершенные, но дорогие
Созвучия. Когда бы для меня
Переписали Вы своей рукою
То что писал когда-то я для Вас, —
Я был бы счастлив. Если ж мне не будет
Удачи в этой просьбе — может быть,
Сергея Константиныча²² могу
Просить об одолжение, от меня ли
Вы Лидию²³ попросите о том же, —
В обиде я на Вас тогда не буду,
А им скажу спасибо. Мой привет

Им передать прошу Вас. Но теперь
Я более, чем просьбою своей,
Смущен размером моего посланья
(И не размером белого стиха,
Хотя его читать, пожалуй, трудно,
А тем, что здесь чуть-чуть не сто стихов)^{VII}, —
И потому спешу его окончить.
Не знаю только, буду ли спешить
Его отправить: будет мне казаться,
Что уж не в меру тяжек мой пакет.
Но будь что будет. Только попрошу
Вас в заключение: о, не сердитесь
На многословье Вашего поэта!

Юрий Верховский

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед хр. 52. Л. 1–2 об.

¹ Альбома В.К. Шварсалон мы не знаем. Возможно, на его исчезновение или гибель написано стихотворение Верховского, отложившееся в ивановском архиве: «Как милой Башни сердцу жаль, / Так жаль и старого альбома. / Все в нем так близко, так знакомо. / И смех, и самая печаль» и т. д. (<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/134977.html>).

² Княжнин (наст. фам.: Ивойлов) Владимир Николаевич (1883–1942) — поэт, библиограф, литературный критик.

³ Уехав на несколько месяцев с деликатной миссией (готовить летнюю поездку Ивановых в Европу), Замятина вернулась в первой половине дня 26 февраля, в воскресенье [75, с. 337]; ср.: «Вчера в седьмом часу поехал я к Вяч. Ив. Встретили — он и М.М. — родственно: он бритый, что ему чрезвычайно идет, М.М. только утром вернулась из Рима и Женева» (письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон 27 февраля 1912 г. [56, с. 356]).

⁴ Верховскому не раз приходилось вызывать к отзывчивости Замятиной, прося ее отправить книги (11 марта 1917 г.), похлопотать о вакансии в университете Шанявского (письмо А. Верховской к ней от

^{VII} Увы, это уже — стих 156-й! (прим. Ю.Н. Верховского).

6 апреля 1915 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 48), расплатиться с молочной (без даты) и многое другое, но о каком благодеянии идет речь в этот раз — неизвестно.

⁵ В отличие от многих других журналов, в «Аполлоне» до какого-то момента не было принято из номера в номер перечислять всех сотрудников, но в случаях, когда список прилагался к объявлению о подписке (напр.: 1910. № 7. С. [52]), Верховский упомянут среди авторов, чьи произведения имеются в портфеле редакции.

⁶ Ср. схожее беспокойство, исходящее из другой области обширного круга общения Кузмина: «М.А. писал очень мало, но теперь, кажется, наступает время “ренессанса”» (недатированное (1912) письмо Е. Нагродской В.Г. Сысоеву // ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 568. Л. 1–2 об.).

⁷ Два тома, составляющие центральный сборник стихов Вяч. Иванова (Cor Ardens. М.: Скорпион, 1911–1912. Ч. 1–2.) были изданы не одновременно. Первая часть вышла во вторую неделю мая 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 19. С. 7); вторая часть — в последнюю неделю апреля 1912-го (Книжная летопись. 1912. № 18. С. 10). Именно вторую часть и подразумевает Верховский.

⁸ План отпраздновать 25-летие литературной деятельности К.Д. Бальмонта возник в первые месяцы 1912 г. 18 февраля С. Маковский писал Брюсову: «<...> Может быть, до Вас уже дошел слух о том, что литературный Петербург собирается чествовать Бальмонта по случаю двадцатипятилетия его литературной деятельности. Форма чествования — торжественное заседание нео-филологического общества с речами, адресами, приветствиями и другими “юбилейными” атрибутами. Характер же предполагается — самый широкий, с представителями, по возможности, от всех лагерей, даже от... “Русского богатства”. Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники (Зелинский, Батюшков, Аничков, Блок, гр. Толстой, редакция “Аполлона”) согласились с тем, что “Бальмонту” прошла достаточная давность для объединения всех на его имени... Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетной» [42, кн. 3, с. 395]; ср в ретроспективной заметке В.А. Чудовского: «Еще при возникновении первых к тому намерений, в среде лиц и литературных групп (Вяч.И. Иванов, гр. А.Н. Толстой, редакция “Аполлона”), которым принадлежал почин, чествование это наметилось не как боевое выступление определенного культурного стана, но, наоборот, как общелитературный праздник» (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104 (подп. Litotes)). В ответном письме 25 фев-

раля Брюсов изъявлял желание приехать, но сомневался в осуществимости своего желания (пересказ письма: [42, кн. 3, с. 395]; подробности о Брюсове см. в прим. 14 к этому же письму).

Как сообщал свидетель из круга «Аполлона»: «<...> образовалось совещание, в котором, кроме комитета общества, приняли ближайшее участие: Вяч. Иванов, Фед. Сологуб, гр. Ал.Н. Толстой, Е.В. Аничков, С.М. Ростовцева, Ф.Д. Батюшков, Сергей Маковский, В.А. Чудовский» (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104). Сохранилась часть переписки по этому поводу (в частности, письмо Ф. Батюшкова Вяч. Иванову от 24 февраля с подробным конспектом предстоящего праздника // РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 13).

Праздник состоялся, как и было задумано, 11 марта в 2 часа дня в здании С.-Петербургской губернской управы (Кабинетская, 18). «Зал был полон. Преобладала учащаяся молодежь» [35, с. 337–338]; «Зал с трудом вмещал собравшихся (около 1000 человек)» [60, с. 3–4]; «Зал <...> был переполнен молодежью, по преимуществу женской, и в большинстве сторонников <так> модернистской поэзии, если судить по аплодисментам, сопровождавшим чтение телеграмм Брюсова, Белого, Грифа, Блока и др.» [25, с. 4]. Торжества открылись вступительной речью Ф. Брауна (председателя Неофилологического об-ва, под эгидой которого проходило все мероприятие), потом Ф. Батюшков прочел доклад «О поэзии Бальмонта» (стихотворные цитаты к месту исполнял артист Н. Ходотов), затем Аничков произнес речь «Бальмонт и английская поэзия», Д.К. Петров рассказал о переводах Бальмонта с испанского, потом был перерыв. Во второй части Н.К. Тхоржевская и Н.Н. Ходотов читали стихи юбиляра, потом Вяч. Иванов «произнес весьма длинную, но горячо принятую аудиторией речь о лиризме Бальмонта. Затем следовал ряд приветствий юбиляру со всех концов России, со стороны обществ, кружков и редакций газет и журналов» (сведения о ходе заседания объединены из хроникальных заметок, перечисленных в: [38, с. 100–101, 382]; см. также дневниковую запись Ф. Фидлера от 12 марта с перечислением нескольких присутствующих: [99, с. 577–578]). Речь Иванова была охарактеризована газетами как «блестевшая тончайшими нюансами и особенностями поэтического стиля этого поэта» [80, с. 3] и «чеканная» [25, с. 4].

⁹ Вяч. Иванов работал над юбилейными текстами в первые дни марта: «Вячеслав написал речь и фельетон о Бальмонте» (запись в дневнике Кузмина 8 марта 1912 г.): [75, с. 340]. Статья Иванова «К.Д. Бальмонт» опубликована непосредственно в день праздника (Речь. 1912. № 69. 11 марта); текст выступления под названием «Лиризм Бальмон-

та» был опубликован в «Аполлоне» (1912. № 3/4. С. 36–42) и одновременно в издании: [62, вып. VII, с. 45–54].

¹⁰ Предполагавшееся выступление Блока («Бальмонт и польская душа») анонсировалось еще 5 марта [34, с. 5; 32, с. 3–4], но не состоялось — «по нездоровью», как сообщалось в официальном отчете [62, вып. VII, с. 60] и журнальной хронике (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104). Обертон нездоровья проясняет запись в дневнике Блока: «<...> 11 марта в заседании “старичков”, чествующих Бальмонта, где упоминается мое имя, не буду участвовать: нездоров все еще; не нужно никому; противно профессорье; устраивается “по приглашению” и т. д., т. е. — ни для кого, для никого» [41, т. 7, с. 131].

¹¹ Телеграмма, отправленная Верховским, была прочитана; в списке поздравителей он значится за № 52 [62, вып. VII, с. 59]. Текст не разыскан.

¹² Икар — тифлисский литературно-художественный кружок; примерный состав его подлежит реконструкции по подписям под двумя посланиями Вяч. Иванову: с благодарностью за присланные книги («В нашем кружке “Икар” — праздник! Ваши книги и надписи на них сказали нам, что кормчие звезды в наших спорах знают о нашем скромном деле, знают и сочувствуют» (январь 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 28. Ед. хр. 9) и с юбилейным поздравлением (РГБ. Ф. 109. К. 28. Ед. хр. 8). Одна из отправленных книг — «По звездам» с автографом «Милому заочно “Икару” в лице многоуважаемого Сурена Аваковича Согомонова. Пб. 18 января 1911. Вяч. Иванов» — находится в моем собрании. О своем участии в «Икаре» Верховский говорит в автобиографии 1926 г. [50, с. 736]. Ср. в напутственном стихотворении Н.В. Недоброво «Ю.Н. Верховскому»: «Твое профессорство не кара, / Но воля видящей судьбы. / Ей доверяйся без борьбы / Вей лавры, где плели дубы, / И будь Дедалом для “Икара”» [83, с. 114]. Телеграмма из Тифлиса, вероятно, подписанная «Икаром», упоминается в одном из газетных отчетов: [25, с. 4].

¹³ За № 37 в списке приветствий значится: «Группа слушательниц Тифлиских Высших Женских Курсов — Бебурова, Березовская, Хоментовская, Тваладзе, Джамполадова, Горниг, Вачнадзе, Хахутова, Калинина, Фиргуф, Даниленко, Белланже, Савицкая, Линштедт, Чичинадзе, Гогиашвили, Митькевич, Авалова, Мириманова, Дикова, Бакладзе, Сохадзе» [62, вып. VII, с. 58].

¹⁴ Иванов, будучи членом юбилейного комитета, особо приглашал Брюсова принять участие в празднике: «Позволь мне убедительно просить тебя приехать на здешнее чествование Бальмонта (разумею торжественное заседание “Неофилологического общества” 11 марта). Мне

лично твое присутствие было бы крайне желательно и дорого, потому что, затеяв дело, я естественно желаю, чтобы его осуществление было на высоте замысла, а твое отсутствие создаст незаменяемый, всеми остро ощущимый пробел. Весь наш комитет придает чрезвычайное значение твоему участию» (письмо 6 марта 1912 г. [85, с. 535]). Брюсов отвечал 8 марта: «Мне всей душой хотелось бы присутствовать на “празднике Бальмонта”. Но окончательно это для меня невозможно. Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое. Второе то, что простое мое “присутствие” не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой» (там же). Бальмонт ревниво следил (между прочим — из Новой Зеландии) за подготовкой своего юбилея и, ознакомившись с анонсом (Речь. 1912. № 63. 3 марта; был обещан доклад «Творчество Бальмонта»), писал: «Прочел в “Речи” программу “Чествования Бальмонта” и порадовался, увидев твое имя» (письмо Брюсову 2 мая (н. ст.) 1912 г. [86, с. 232]). На юбилее была прочитана приветственная телеграмма Брюсова: [62, вып. VII, с. 59].

Несмотря на отсутствие Блока и Брюсова, юбиляр остался доволен. 20 января 1913 г. он писал Ф. Батюшкову: «Вернувшись, наконец, из кругосветного своего плавания, приношу Вам сердечную благодарность за высоко-радостные минуты, которые подарили мне Вы, Нео-Филологическое Общество, и другие мои друзья и мне сочувствующие. Будьте добры передать мою искреннюю признательность проф. Брауну, Аничкову, Д.К. Петрову, Арабажину, — также, если Вы видаетесь, Вячеславу Иванову и Сологубу» (РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 3. Л. 9). Впрочем, в рифмованной форме он отозвался о прошедшем юбилее не без скепсиса: «Неужели четверть века / Что-нибудь / Для такого человека, / Пред которым дальний путь! / О, неправда! Это шутка. / Разве я работник? Нет! / Я лишь сердцем, вне рассудка, / Жил — как птица, как поэт, / Я по снегу первопутка / Разбросал, смеясь, свой след» [37, с. 386] (указано Г.В. Обатнинным).

¹⁵ 8 марта 1912 г. Брюсов, возглавлявший с сентября 1910 г. по ноябрь 1912-го литературно-критический отдел журнала «Русская мысль», писал Иванову: «Предполагается, что с осени “Русская мысль” переселится в Петербург. Тогда я буду частым гостем “Окна в Европу”, как пишут на своих изданиях наши футуристы <...>» [85, с. 535]. Редакция была переведена в августе 1912 г., но сам Брюсов остался в Москве. Подробности: [44, с. 55].

¹⁶ В Ваганьковском (ныне Староваганьковском) переулке располагалось здание редакции «Русской мысли»; дом не сохранился, на месте, где он был — книгохранилище РГБ. В самом журнале адрес редакции и конторы обозначался: Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 3; в адресных книгах: Ваганьковский, д. Куманина. Тлф. 12–16» [54, 3-я паг., стлб. 494].

¹⁷ Т. е. Княжнин, о котором было сказано выше.

¹⁸ О какой корректуре идет речь — не вполне ясно. Аничков в эти годы занимался сам и распределял заказы на редактирование собраний сочинений русских писателей для издательства «Деятель» (в частности, сам он готовил Добролюбова, Брюсову предлагал Пушкина, Городецкому — Никитина, Блоку — Лермонтова и т. д.); основная часть задуманных собраний не вышла. Может быть, с этим связано мимолетное упоминание в письме Аничкова к Иванову от 21 ноября 1911 г.: «Целую неделю думал, как тебе ответить на записку об участии Кузмина в издании русских писателей. Сейчас беседуем об этом с Верховским» (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 36. Л. 20). В одном из рекламных проспектов «Деятеля» упоминалась, среди прочих планов, антология «Поэты пушкинской поры» под редакцией Верховского («1 том в изящном переплете. 1 р. 75 к.»): непагинированный лист, приложенный к книге: Полное собрание сочинений Н.А. Добролюбова под редакцией Е.В. Аничкова. Т. 6. СПб., Б. г. (анонсированная антология вышла только в 1919 г. под маркой издательства Сабашниковых). Другая их (документированная еще слабее) совместная работа — над исполинским собранием сочинений А.Н. Веселовского: вышли тома 1–6, 8 и 16 (СПб., Пг., Л.; 1908–1938). Еще об одной порции связанных с Аничковым корректур говорилось в письме А.Н. Верховской к А.А. Рачинской от 2 сентября 1912 г.: «Прежде всего передайте Юрке, что Оля ему ничего посылать не будет, т. к. найти того, что он просит, невозможно. Она когда пришла пришла прямо в ужас от того беспорядка, в котор<ом> он оставил свои бумаги. Вся детская была завалена, лежали бумаги и нужные записки под столом, на полу, под стульями. Оля возмущалась и бранилась, т. к. оставив в таком виде все, нельзя же быть спокойным, что прислуга не выбросит чего-нибудь очень нужного и необходимого. Главное знал же он, что дети должны будут приехав сразу занять эту комнату, и хоть бы сколько-нибудь прибрал бы свои вещи. Требуется по телеграфу папку, и все папки пустые, одна только занята чем-то старым, не имеющим отношения к требуемому. Оля еще до нашего приезда звонила к Недоброву и с помощью его указаний все-таки ничего не нашла. Она говорит, что пусть Юра лучше приезжает, т. к. ему прислали еще но-

вые корректуры и Аничков его спрашивал» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Л. 151 об. – 152).

¹⁹ Поэт Валериан Валерианович Бородаевский (1874–1923) в начале марта еще был в Петербурге: 2-го числа М.О. Гершензон и Ал.Н. Чеботаревская встретили его на «Башне»: «Тут пришли — Кузмин, у них живущий, и интересный поэт Бородаевский, пили чай, читали свои новые стихи, и я их безжалостно разбирал вслух, от этого завязался спор у меня с Вяч., до того дошло, что он мне, как летом, начал говорить грубости» (письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон 2–3 марта 1912 г. [56, с. 368]. Последние сведения о нем в этот приезд — запись в дневнике Кузмина 5 марта: «Был у Бородаевского <...>» [75, с. 339]. Вероятно, он уехал около 10-го числа; по крайней мере, 16 марта он уже писал Вяч. Иванову из Курской губернии, предлагая Вере Шварсалон приехать к ним погостить [6, с. 524]; о его хозяйственных заботах весны–лета 1912 г. см.: [3, с. 28–29].

²⁰ Имеется в виду Анастасия Павловна Петерсон (ок. 1868–1944) — председательница тифлисского благотворительного общества и тифлисского «Теннис-клуба» [95, с. 261], жена директора Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, Гофмейстера Высочайшего Двора, Действительного Статского Советника Николая Леонидовича Петерсона, «фактического правителя Кавказа» [92, с. 130]; автор ошибается с ее отчеством.

²¹ Об альбоме см. прим. 1 к этому же письму. Какой текст имеет в виду Верховский, нам неизвестно.

²² С.К. Шварсалон.

²³ Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) — дочь Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал.

15

29 марта 1912. Тифлис

Тифлис. 29.III.912

Вячеслав дорогой!

Слушай:

L'Amor che move il sole e l'altre stelle¹.

L'Amor — сила движущая, вдохновительная, певучая, ею движутся:

Il sole — сила творящая, дающая свет, и цвет, и образ, живописующая; и —

L'altre stelle — силою, дающей свет, засвеченные — силы, дающие познание и правящие волей живущего.

И как Любвию движется Солнце, так Солнцем воспламеняются — как и оно движимые любовью — Другие звезды.

Одна из этих звезд — звезда Поэта.

Луч ее — слова его.

Если он поэт символический, то луч его звезды — слово его — преломляясь в призме чужой души, оставаясь лучом-словом, — горит и радугой завета.

Когда поэт, как бы закрыв глаза, весь отдается певучей силе, он одного ждет от своих творений: *dulcia sunt*² — и тогда слово его — песня и молитва.

Когда поэт, как бы не слыша — не слушая, широко раскрывает глаза свету, и цветам, и образам, служит, живописуя, силе творящей, он желает от своего творения, чтобы оно было *ut pictura*, — и тогда слово его — образ и заклинание.

Когда поэт, и видя, и слыша («Раскрылись вещие зеницы»³ — «Слух, раскрываясь, растет, как полуночный цветок»⁴) проникается силою, дающею познание, он жаждет своими творениями высказать в полноте тайну, им познаваемую, — и тогда слово его звучит песней и сияет образом, но хочет только — быть словом; оно — и молитва, и заклинание, но прежде всего — исповедание.

Если поэт — символический, то песней его другой воспоет свои молитвы, его образами выразит свои заклинания; его словами выскажет свое исповедание: тройное очарование.

Итак, соответственно трем основным силам — три стихии творчества; несомненно — три и несомненно — органически-различные.

Цель символизма — *κάθαρσις*, освобождение души. Не его ли, как личность самоцельная, достиг вполне Гёте, он, перед загробною жизнью, по слову Боратынского —

здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дальнее долу отдавший?⁵

Не о таком ли освобождении своем свидетельствует Боратынский? —

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бушующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая,
И мир отдаст причастнице своей.

Здесь — вера в актуальное могущество искусства (болящий дух врачует, искупит заблужденье, укротит страсть) и вера — для себя, а рядом — для другого. Ср. пьесы: «Благословен святое возвестивший»; «На посев леса» (конец); «О мысль, тебе удел цветка». Для Боратынского поэзия сама по себе есть согласное излияние души. Она может быть излита и при помощи певучей силы: песнопенье; ср.: «...голос мой незвонок» («Мой дар убог...»); ср.: «Бывало, отрок, звонким кликом...»; «Когда твой голос, о поэт, смерть в высших звуках остановит» (о Лермонтове). Может быть излита душа и при помощи силы творящей, живописующей:

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел

Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.
(«Скульптор»)

Но для него, для Боратынского поэт по преимуществу художник слова; силами, данными ему, прежде всего силами мысли познающий — тяжело и трудно — тайну и о ней рассказывающий:

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова,
О жрец ее!..

Он готов завидовать художникам — кумиротворцам и — певцам:

Резец, орган! Кисть! Счастлив, кто влеком
К ним, чувственным, за грань их не ступая.

Для поэта слова перед мыслью — «как пред нагим мечом» — «бледнеет жизнь земная». — И одна «забота земная» остается для него — «сына фантазии», для него — «привычного гостя на пире неосязаемых властей». Но этой заботе дает «исполинский вид» только мечта поэта:

Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.
(«Толпе тревожный день приветен...»)

Как врата эти откроются для поэта? Поэт-пророк и «не в людском шуму» —

В немотствующей пустыне
Обретает свет высок.
(«Бокал»)

Но пророк должен идти к людям («Символизм имеет дело с человеком») — и Боратынский жаждет «слушателя»:

Я дни извел, стучась к людским сердцам.
(«На посев леса»)

Однако в действительной жизни он не находит, а только может себе представить и ярко изобразить среду, воспринимающую художества с тою же силой, с какою поэт его творит. Это было,

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов
Он пел, питомец муз.
(«Рифма»)

Теперь же певец — «сам судия и подсудимый». Однако — истинная поэзия для него действенна:

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.

Разрешает ее — «Гармонии таинственная власть».

А вот как Боратынский понимал гармонию и как к ней восходил: вот на человека —

Одни других мятежней, своенравней
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизне давней,
Стихийному смятенью отдан он.
(NB — «древний хаос» Тютчева)
(«Последняя смерть»)

Нам надобны и страсти, и мечты,
В них бытия условие и пища.
(«Череп»)

И веселью, и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

(«Наслаждайтесь...»)

Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.

(«Благословен святое возвестивший...»)

Страстей порывы утихают;
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законы вечной красоты.
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

(«В дни безграничных увлечений...»)

См. еще о гармонии: «В глуши лесов...» — «Звезда» — «А.А. Воейковой» — «Она» — «Лазурные очи» — «На смерть Гёте» — «Весна» — «Ахилл» — «Еще как патриарх» — «Молитва».

Власть гармонии — таинственна:

Ты назови своей звездой,
Что с думою глядит
И взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

(«Звезда»)

Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

(«Она»)

Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову

И при тебе душа полна
Священной тишиной.
(«А.А. Воейковой»)

И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.
(«Молитва»)

Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье —

действенное значение поэзии.

И если бы Боратынский верил в душу, всецело его душе отвечающую по способности и силе восприятия его творений, то не только о своей душе сказал бы он:

И чистоту поэзия святая,
И мир отдаст причастнице своей⁶.

Но — эта чистота и этот мир для другой души, если они — следствия истинного символического искусства, лежат уже вне его, т. к. символизм искусства лежит вне эстетических категорий. И певец, поскольку он выражает не личное, не свое, а — «старец нищий и слепой» — беседует с музою всенародной —

Безымянной, роковою, —

поскольку он... не поэт:

Ты избранник, не художник! —

говорит ему Боратынский:

Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:

Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой.
(«Что за звуки мимоходом...»)

(Как, однако, построить эстетику символического искусства, если символизм лежит вне эстетических категорий?)

Вот отрывочные примеры того, как Боратынский понимал и в отдельных чертах практически создавал поэзию как искусство символическое. Еще такие черты.

Будить в слушателе ощущения непередаваемые. Почти все лучшие стихи Боратынского таковы.

Вызывать чувство связи вещей, эмпирически разделенных. Простейшие примеры: «Рифма» и «На посев леса».

Слова — эхо иных звуков. Особенно чувствуется, напр<имер>, в пьесах: «А.А. Воейковой» — «Своенравное прозвание...» — «Звезда» — «Буря» — «Она» — «Как много ты в немного дней...» — «Небо Италии» — «Недоносок» — «Рифма» — «Молитва» и др.

Творить малое великим: наглядные примеры — совсем разному: «Филида» — «Что за звуки мимоходом».

Эластичность образа, его внутренняя жизнеспособность.

Актуальная свобода. — Всё это есть в поэзии Боратынского, — не потому ли, что он, как художник — и певец, и живописец — пластик, и — тайновидец, правящий волею того, кто отдается ему?

Боратынский — поэт противочувствий, художник разлада, для него душа человеческая — «недоносок», витающий —

крылатый вздох
Меж землей и небесами;

«чуждый земного края», но и — слабо слышащий «арф небесных отголосок». Мы слышали от Боратынского, что для него «отчизна давняя» человека — «стихийное смятение», тютчев-

ский «древний хаос», «родимый». И как у Тютчева — сердце его бьется «на пороге как бы двойного бытия».

Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться —
(«Дельвигу»)

удел наш, людской. Но мы, художники —

Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
(«Благословен святое возвестивший...»)

Сияние — тьма.

Мысль — чувственное («Всё мысль...»).

Надежда и волнение — безнадежность и покой («Две доли»).

Истина — О юных днях слепое сожаленье («Истина»).

Державный Рим — Призрак обвинитель («Рим»).

Мир явный — мир мечты («Фея»).

Света шум — Тишина кладбища («Череп»).

Взоры друзей — Светлый взор звезды («Звезда»).

Природы чин — Буря хляби морской.

Медленная отравка бытия — Зов к давно желанной брани
(«Буря»).

В живой радости — Тоска («Когда взойдет...»).

Эмпирей — Хаос («Последняя смерть»).

Мечта необъятная — Таинственная тоска («Она»).

Поэтическая мечта — Посторонняя суета («Чудный град»).

Небесные мечты — Откровенья преисподней («Бокал»).

Легкокрылые грезы, дети волшебной тьмы — видения дня
(«Толпе тревожный день приветен...»).

(NB. Недаром вообще антитеза — любимый ход мысли, любимый прием Боратынского).

Художник разлада, поэт противочувствий находит согласие и строй в редкие моменты воспоминаний («Воспоминания», «Деревня», «Запустение»), спокойной любви («Она», «Лазурные очи»,

«Своенравное прозвание», «Когда, дитя...»), веры («Звезда», отрывок из поэмы «Вера и Неверие», «Имя», «Мой Элизий», «Мадонна», «Ахилл», «Молитва»), близости к природе («Деревня», «Водопад», «На смерть Гёте», «Весна, весна!»). — Пьесы пластические («Наяда», «Алкивиад», «Ропот», «Мудрец», «Еще как патриарх...»), свидетельствуя нам обретения художника, косвенно (особенно для Боратынского) говорят нам и о достигнутой гармонии души человека.

Но наиболее полной, наиболее ощутимой и прочной гармонией, наиболее полным жизненным примирением, наиболее стройным разрешением душевных противочувствий и умственного разлада — является творчество, художество не в себе самом (как утешение, отвлечение, услаждение), а как живая жизнь, часть жизни остальной, лежащая, как и она, вне критериев эстетических. Прежде всего такова роль искусства (и самого процесса творчества: NB пьеса «Скульптор») для души самого художника как человека:

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.

...И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дольное долу отдавший
К предвечному легкой душой возлетит.
(«На смерть Гёте»)

О сын фантазии!

Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною.
(«Толпе тревожный день...»)

Ср. «Здравствуй, отрок сладкогласный...» — «Скульптор» — «Бокал» — «Последний поэт».

Даже дети поэзии таинственных скорбей сумрачны, но могучие («На посев леса»).

Благой результат прозрения художника в жизнь через совершенное и совершённое искусство — таков:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.
(«В дни безграничных увлечений...»)

Мысль о жизненном, житейском благе, какое приносит истинное высокое искусство не художнику — человеку, постигшему его божественность, разительно высказана в поэме «Мадонна». И как для проявления действенной силы художества нужен ему не-художник воспринимающий, близок он или далек, на это указывает Боратынский в названной выше пьесе «Рифма». Также ср. выше:

Я дни извел, стучась к людским сердцам.

Об этом слушателе-потомке говорит он еще:

Как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношеньи.
(«Мой дар убог...»)

Ср. еще: «О мысль, тебе удел цветка...».

Как к явному следствию этих прозрений самосознание приходит

к равнодушию высокому — поэта («В глуши лесов...»)
к любви высокой — человека («Кн. Вяземскому» — посвящение «Сумерок»).

Таково то «необщее выражение», какое мы видим на лице Музы Боратынского. Оно говорит нам, что

1) Боратынский — поэт символический;

2) Он сам признавал себя таковым.

Не отзовешься ли на это, милый?

Твой Юрий Верховский

РГБ. Ф. 190. К. 48. Ед. хр. 14. Л. 2–6. Иванов, получив и прочитав письмо, надписал своей рукой заголовок и передал его для публикации в московский журнал «Труды и дни». В.Ф. Ахрамович, состоявший тогда секретарем редакции, рапортовал Иванову в письме от 22 мая 1912 г.: «Статья Ваша, Ю. Верховского и Эрберга (Искусство — вожатый) в наборе, как только получу из типографии, не замедлю выслать» (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 64. Л. 1). Оно было напечатано (без первых и последних фраз и с незначительными изменениями) в качестве отдельной статьи с заглавием «О символизме Баратынского» и с подзаголовком «Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о символизме” (“Труды и дни” № 1)». Перепечатано по рукописи: [50, с. 716–727].

¹ «Любовь, что движет солнце и светила» (пер. М.А. Лозинского) — цитата из «Божественной комедии» («Рай», XXXIII). С разбора этой цитаты начинается статья Иванова «Мысли о символизме».

² Из “*Ars poetica*” Горация; часть фразы “*non satis est pulchra esse poemata: dulcia sunt*” («Мало стихам красоты — пускай в них будет улада»; пер. М.А. Гаспарова). Цитату приводит Иванов в «Мыслях о символизме».

³ Из «Пророка» Пушкина (с ошибкой памяти: «открылись» вместо «отверзлись»).

⁴ Из стихотворения Фета «Жду я, тревогой объят...».

⁵ Из стихотворения Баратынского «На смерть Гете» («Предстала, и старец великий смежил...»).

⁶ Из стихотворения Баратынского «Болящий дух врачует песнопенье...».

16

3–4 апреля 1912. Тифлис

Спасибо, милый Вячеслав, тебе
За дружбу, за стихи¹; сказал бы даже —
За прозу, если бы ее нашел
В твоём посланье. Связанный цезурой,

Быть может — по рукам и по ногам,
Сияющие крылья развернул
Твой белый стих привольно и широко —
И, заносясь порой за облака,
Все помнит шепот, шепчущий о тайне
Земли родимой. Мой же стих — пускай
По-прежнему развязан, безцезурен,
Но и — бескрыл в ему любезной прозе;
И может быть утешен разве тем,
Что как-то раз обмолвился Жуковский,
Сказав: святая проза². Да и то —
Пусть о невинности моей ты пишешь, —
А я куда не свят³.

Так лучше к делу
Я обращусь, хоть нынче не за делом
Пишу, а для того скорее, чтобы
Тебе на твой рассказ, кипящий жизнью,
Живою жизнью, — отвечать мечтами
Бессильными — расслабленной души.
Ей-ей хандра моя не шутка. С нею
Бороться трудно — и труднее вдвое,
Когда охоты нет к борьбе. А я
Теряю иногда охоту даже
К какой бы ни было охоте. Право,
Уж лучше и не говорить. Не легче
И оттого, что иногда мечтать
Начнешь с тоски о том, о сем: как славно,
Как хорошо бы сделать то и то,
И пятое-десятое; а вот —
Когда я это кончу, о, тогда...
И прочее в таком же роде. Это
Ведь хуже многого, не так ли? Впрочем,
Одна мечта, которой я с тобой
Задумал нынче поделиться — правда
Она того достойна, чтоб увлечь,
И, может быть, не так бесплодна как

Привык я здесь считать не только грезы,
Но и действительность. (Не знаю все же,
Что нам действительней: они ль, она ли?)
Но лучше бросить этот смутный лепет
И перейти к рассказу — вновь о смутном,
О грезе, о мечте моей. Однако,
Она яснее многого во мне.
И так проста, что стало мне неловко
За длинное вступление... Да что же!
Я делаю его еще длинней.
Ну, слушай.

На стене у нас в столовой
Для нашего Никиты⁴ и его
Товарища — висит большая карта
Европы. И Никита очень любит
Названья стран, морей и городов
На ней читать и вслед за тем — водить
Внимательно от точки к точке пальцем
И — «путешествовать». Так вот и я
К неимоверным странствиям таким
Невольно пристрастился. Но меня
Ни океан Великий не манит,
Ни полюс, ни экватор. Две страны
Мечтаньями моими овладели
С давнишних пор. Их очертанья ныне
Всего милей мне тешат взор. Те страны —
Италия и Греция. Ты знаешь.
Италия — волшебница далеко,
Но царственная Греция близка.
Мне эта мысль покою не дает.
Из Петербурга шутка ли пробраться? —
И не мечтал. А здесь — рукой подать.
Проехал ночь — в Батуме; или — в Поты
Покинул землю — через Понт Эвксинский
Тебя несет стальной Левиафан.
Вдоль знойных берегов малоазийских

Вот — Трапезунд, Синоп и — Византия.
Четыре дня — и ты в стране богов⁵.
Ну, не четыре, может быть — и пять,
Что за беда?

О, дивная земля!
Анакреона и Перикла! Слава
Тебе в народах и в веках. Но я ли
Исчислю, я ли восхваляю твои
Пределы, где желал бы преклониться
Перед твоей святынею. Вожатый
Мне, как слепцу, необходим. Его
Не ищет сердце, только — ждет. Вожатый
И друг, и спутник — пилигрим в отчизне,
И строгий жрец, и резвый тирсофор⁶ —
Ты, Вячеслав! И вот — моя мечта —
Роскошная! Ведь ты же не забыл
Обета дружбы — посетить меня
На холмах Грузии печальной⁷.

Милый!
Когда ж, когда? Скорей, скорей, скорей!
Приди со мной торжествовать весну,
Увядающую мне душу обновить
И в тайну посвятить ее: ты будешь
Со мною здесь, так будем мы — и там,
В стране богов, в твоей отчизне давней.
Пусть осень пышная душе мила
Но ждать ее томительно. Труднее
Покинуть север, если впереди —
И близкий труд, и зимние заботы;
Весной же беззаботнее, вольнее
Слететь с гнезда — и мужественной грудью
Разрезать воздух. Так ли, милый друг?
А сверх того — теперь я прямо болен;
Ты — исцеление мне принесешь.
Вот такова мечта моя.

Но чую:

Уже насмешкою подстерегает
Судьба мою улыбку: эх ты, странник
По островам Фантазии! А деньги?
Да, деньги, деньги где? Ты без билета,
Без паспорта, «задаром серебром»⁸
Собрался ехать? — Лепечи в ответ:
Но, ведь, не дорого... Мне говорили —
Одну-другую сотню припасти —
И съездить, и пожить недели две
Вполне возможно. — Где же эти сотни? —
Ну, как-нибудь, откудова-нибудь,
Ведь, может быть, удастся... (Между тем
Должаю по десятке...) Все же, все же
Моя мечта не так, не так бесплодна,
Как вся действительность, которой здесь
Живу! В нее готов душой поверить, —
Душой, быть может, не вполне ослабшей, —
Поверить должен. Может, не сейчас, —
Ну, погодя. И буду ждать, все ждать
Небесной манны. Друг, меня поддержишь
Ты в этой грезе — и пока себя
В действительности дашь ты мне увидеть.
И, подкрепленный, буду я стремиться
К возвышенной и светлой цели, буду
Над нею голову себе ломать,
«Изыскивая средства»... Обещай же,
Что ты исполнишь обещанье — и
Ко мне приедешь.

Я ж к моим стихам,
Столь прозаическим, хочу прибавить,
Быть может, поэтическую — прозу⁹.
Вернее, к ней прибавлены стихи:
Она готова раньше. Вот трактат,
По коему ты можешь рассудить,
Не сбился ли совсем я с панталыку;
Быть может, так: уж я не разберу.

Мне не хотелось врозь тебе послать
Два этих бреда. Может быть, один
Другим теперь немножко уврачеван —
По принципу, что создал Ганеман:
*Similia similibus curantur*¹⁰.
А я и душу слабую отвел,
И мыслью слабой поработал. Так!
Спасибо же тебе и «Мусагету».
Я, получив «Труды и дни» не раз
Прочел тебя. Статья мне драгоценна:
Раскрыла многое, поскольку нынче
И мыслить я, и чувствовать способен¹¹.
Суди же сам. Поклон мой милой Башне.
Я Вере Константиновне прошу
Привет мой радостный и благодарный
Сказать и за письмо, и за стихи¹², —
И Марии Михайловне; пред ней
Должник я неоплатный, но — как знать? —
Не безнадежный¹³. А тебя целую
И обнимаю мысленно — с надеждой.

Юрий

Тифлис, ночь 3–4.IV.912.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 21–22 об. Напечатано: [13, с. 416–420].

Конверт. П.ш.: Тифлис (5.4.12); СПб (10.4.12).

¹ Стихотворение Иванова «Послание на Кавказ» («Ты белый стих в обычай ввел отныне...»), позже напечатанное: [66, с. 104–108].

² В оригинале — «Теперь прости, поэзия; милости просим, святая проза» (из письма Жуковского к Д.П. Северину от 11(23) – 13(25) июня 1849 г. [61, т. 6, с. 658]. Верховский, вероятно, знал эту фразу из книги своего учителя А.Н. Веселовского [51, с. 382].

³ Из стихотворения Иванова «Послание на Кавказ»: «Но с Музами играть благоговейно / Мне надлежит; тебе вольней пристало, / Затем что ты невиннее меня».

⁴ Сын, Н.Ю. Верховский.

⁵ Понт Эвксинский — Черное море; Трапезунд — современный турецкий Трабзон; Синоп остался Синопом; Византия — здесь: Константинополь. План Верховского действительно имел под собой практические основания — по этому маршруту курсировали корабли «Русского общества пароходства и торговли». Раз в две недели, по пятницам в 7 утра, из Поти отходил корабль так называемой «Анатолийской линии». В 10 утра той же пятницы он был в Батуме, в субботу в Ризе и Трапезунде, в воскресенье в Керасунде и Орду, в понедельник в Самсуне, во вторник в Синопе, в среду в Инеболи и утром четверга прибывал в Константинополь (см.: [55, с. 57]). Применительно к дате письма, путешественник мог рассчитывать на отправление 20 апреля, 4 или 18 мая, 1, 15 или 29 июня и т. д. Из-за неответа Иванова (который по семейным обстоятельствам вынужден был отбыть в Европу самостоятельно) или по другим причинам путешествие не состоялось. На следующий год у Верховского возник новый план, которым он делился с А.А. Блоком: «Здравствуйте. Дело первейшей важности. Начну прямо с самой сути. Приезжайте в Тифлис, чтобы оттуда ехать в Батум, оттуда — в Александрию, оттуда — в Неаполь и в Рим, а обратно — тем же путем, но вероятно — с заездом в Грецию. Дело в том, что батумский приятель мой Соболевский устраивает даровой проезд для меня — и для Вас — на всё это путешествие. Отказаться невозможно. Я написал своим просьбу о добытии денег — т. к. деньги всё же нужны — и жду ответа, который для меня должен решить дело. Вы же решайте с своей стороны — и отвечайте мне как можно скорее» и т. д. (письмо от 24 апреля 1913 г. [50, с. 800]).

⁶ Тирсофор, т. е. носящий тирс, — ритуальный жезл Диониса. Впервые Иванов был именован тирсофором в мадригале Брюсова «Вячеславу Иванову» («Когда впервые в годы блага...»): [43, с. <5>].

⁷ Контаминация двух хрестоматийных пушкинских строк — «На холмах Грузии лежит ночная мгла» и «Песен Грузии печальной».

⁸ Вероятно, фразеологизм, не зарегистрированный в качестве такового; встречается в ранней прозе Л. Леонова: «Каждому может она все, что будет, *задаром серебром* предсказать» [78, с. 42].

⁹ Почти наверняка к письму прилагалось письмо Верховского, ставшее его статьей «О символизме Баратынского» (№ 15 по нашей нумерации); вскоре оно было напечатано с подзаголовком «Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о символизме”» (Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9).

¹⁰ «Подобное излечивается подобным» (лат.); крылатое выражение, взятое центральным принципом гомеопатии. Ее изобретатель — Христиан Фридрих Самюэль Ганеман (1755–1843).

¹¹ Упомянутый выше журнал «Труды и дни» выходил под маркой московского книгоиздательства «Мусагет». Верховский благодарит за первый номер журнала за 1912 г., в котором напечатана статья Иванова «Мысли о символизме» (с. 3–10). Расширенным ответом на нее и служит прилагавшаяся к этому письму заметка Верховского.

¹² Письма В.К. Шварсалон к Верховскому мы не знаем. Под стихами, вероятно, подразумевается сделанная копия альбомного стихотворения, о которой просил Верховский в письме 14.

¹³ Последняя на тот момент известная нам просьба Верховского, адресованная Замятниной, относилась к 1911 г. (см. прим. 2 к п. 9).

17

10 февраля 1913. Тифлис

Вячеславу.

Милый, давно ли тебе я слал на север родимый
С юга далекого — плач тристий унылых моих?
Ныне в Петрополе я, а ты у священных развалин,
Духу родных твоему, воздух Италии пьешь¹.
Здесь же, средь тусклой зимы, наместо дружних объятий,
Встретили лаской меня новые песни твои².
Друг, благодарствуй — и ведай, что с песнями я и без песен
(Сам я пою ли, молчу ль) помню твоих и тебя.

Юрий Верховский

СПб., ночь на 16.I.913.
(Тифлис, ночь на 10.II.913).

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 23. Напечатано: [13, с. 420].

Конверт. П.ш.: Тифлис (10.2.13); Рим (2.3.13).

Вероятно, стихотворение, написанное в Петербурге, было отправлено только из Тифлиса (иначе трудно истолковать двойную дату).

На это письмо Иванов отвечал стихотворением «Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...», датированным 22 февраля / 7 марта 1913 г. (впервые напечатано: [68, т. IV, с. 11–12]).

¹ Верховский приехал в Петербург не позднее 1 января 1913 г. (в этот день Л.А. Недоброво писала А.Д. Скалдину: «А написать я должна для того чтобы пригласить Вас к нам 3-го обедать; кроме Вас будут Верховский и Белецкий с женой, одной из самых милых и симпатичных женщин» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 6 об.)). 14 января 1912 г. он извинялся перед своим непосредственным начальником, деканом историко-филологического факультета курсов, за задержку: «Многоуважаемый Алексей Владимирович, я в письме просил жену увидеться с Вами, поговорить о моих здешних делах и обстоятельствах. Мне хочется самому с Вами о них побеседовать. Дело в том, что я никак не могу сейчас и вообще на этих днях выехать из Петербурга — по очень большой сложности моих дел — и вместе с тем не хотел бы манкируя, наносить ущерб Курсам. Не мог ли бы кто-нибудь из преподавателей воспользоваться без меня несколькими моими часами — с тем, чтобы я в свою очередь весною возместил эти часы и также освободил того, кто мне сделает одолжение? Хоть я и надеюсь пропустить немного, но все же был бы спокойнее, если б это устроилось. Об этом я написал и Федору Васильевичу, так же как и подробности моего положения. Но позвольте Вас, как декана, особенно просить помочь мне, если возможно. Что касается моих затруднений, то, прежде всего, у меня было много задач, когда я ехал сюда: подвинуть издание 1-го выпуска материалов по Боратынскому и Антологии Поэтов Пушкинской Поры; подготовить, что можно, для 2-го выпуска материалов, подвинуть кое-какие статьи и — собрание сочинений Дельвига; обеспечить себе возможность научной работы в Тифлисе; наконец — двинуть издание новой книги стихов. Все это — помимо всякого другого значения — должно дать мне *деньги*, а без них и жить мне трудно и даже выехать. — Но важность всего этого *по существу* все же на первом плане, а между тем в самое последнее время для меня в академии создался рад затруднений, в силу которых мне, сверх перечисленного, неожиданно приходится: 1) По листочку разобрать, проверить и привести в порядок все материалы по Боратынскому — Татевского, Казанского и Тамбовского семейных архивов (порядок их сильно пострадал в чужих руках).

2) Составить им опись для рукописного отделения библиотеки (куда они только что переведены). 3) Наконец — сделать отбор того, что для меня должно быть сфотографировано. А.А. Шахматов так добр ко мне, что, не решаясь посылать рукописи в Тифлис (о чем я думал вновь просить), хочет важнейшие — в большом количестве — отдать сфотографировать, чтобы я мог в Тифлисе работать по снимкам. Вы, конечно, согласитесь, что я не могу отказаться и должен для этого проделать немедленно всю работу по разборке, описи и наконец — выбору материалов. — Я должен очень извиниться перед факультетом в невольном промедлении, но надеюсь, что оно не будет слишком продолжительно (последним сроком считаю 20-е число) и также надеюсь, что предлагаемая мною комбинация взаимного замещения может быть осуществлена и облегчит положение. — Искренне Вам преданный Юрий Верховский» (РГБ. Ф. 160. К. 4. Ед. хр. 454/455. Л. 1–2 об.). Вернулся в Тифлис он в середине 20-х чисел января (см. в письме М.О. Гершензона к Вяч. Иванову от 26 января: «Он <Верховский> третьего дня был у нас, остановившись на день здесь проездом; он сильно запоздал в Тифлис и ехал туда со страхом и тоской, да и в Петербурге, как видно, он мало что сделал» [57, с. 59]. Иванов все это время оставался в Риме.

² Сборник Иванова «Нежная тайна» (СПб., 1912). Невзирая на представленную на титульном листе дату и вопреки сложившейся практике, книга вышла лишь в первую декаду следующего года (Книжная летопись. 1913. № 2. С. 11), так что первые отзывы о ней относятся к январю, ср., напр.: «Скалдин прислал нам из Петербурга “Нежную Тайну”, которая очень порадовала Ваших московских друзей... Эмилий Карлович позавидовал даже счастливым “Орам”!» (письмо В.Ф. Ахрамовича к Вяч. Иванову от 26 января 1913 г. // РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 64. Л. 4). В цитированном выше письме Гершензона от 26 января, в частности, говорится: «Милый Вячеслав Иванович, жена и я душевно благодарим Вас за книгу. Мне кажется, что эта — самая цельная, т. е. лучшая книга стихов; и в частности — в ней есть перлы. Восторженно отзывается о ней и Ю.Н. Верховский» [57, с. 59].

18

18–20 августа 1913. Бобровка Ржевского уезда
Тверской губ.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Я помню, старый друг, заветные слова
Твоих стихов о смертной боли.
Так! Пережитая недавно ли, давно ли,
И в новой жизни всё жива
Та боль великая разлуки с жизнью прежней¹.
И правда: не было б страдания безнадежней
Воспоминание хранить — и не одно —
Смертей, что пережить в самом себе дано;
Но в боли той — воспоминанья —
Поверь — не смертного томленья одного,
А пережитого всего
Тобой в былую жизнь: улады и страдания.
И их ты не всегда ль равно благословишь,
Когда в душе твоей — бывшего тень и тишь?

Так думал я не раз в благом уединеньи,
Когда воспоминал иную жизнь мою;
И ныне двадцать лет, как я один — пою,
Пою минувшее, пускай полузабвенье
Порой знакомых черт не даст мне разглядеть
Под смутной дымкою своею;
Живым живя душою всею —
Былому верен я, бывое буду петь.

Так мы и все живем. С заботой повседневной
Порой о вечности гадаем про себя, —
В запечатленности душевной
То наслаждаясь, то скорбя;
И вдруг какой-нибудь житейский малый случай
Нежданно в душу западет —

И, душу зоркостью вдруг наделив могучей,
О прошлой жизни ей шепнет.
«Да, это, — скажем мы, — уж было раз когда-то». —
Как бытия того преданья хороши
Для оживающей души!
Прикосновением к нему душа богата.

Юрий Верховский.

P. S.

Мой друг, не раз я вспоминал
Давно — с улыбкой и любовью
Хвалу простому празднословью,
Тобой воспетую², — и ждал
Свидания на стогнах Рима
Премногословного друзей —
И шел с тобою в Колизей....
Рука судьбы неоспорима!
Ты там — я здесь. И через понт
Не мчусь я влагою живою....
Я был обрадован Москвою:
Передо мной предстал Бальмонт³.
Но я — с посланья об Эсхиле —
Все ждал — в обыденной тоске:
Его во всей великой силе
На русском слушать языке!⁴
И, поникая безотрадно,
Могу ли празднословить складно?
Тебя — все нет. Но есть молва:
Я жду — Москва тебя приветит;
И с ней — мой стих тебя да встретит —
Живого дружества слова —
Пушкой не болтовней вседневной,
А первой мыслью задушевной.

Ю.В.

Бобровка. 18–20. VIII. 913

СПб. Пет<роградская> ст<орона>, Александровский пр., д. № 3, кв. Каратыгина⁵.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 6–7 об. Напечатано: [13, с. 421–422].

Конверт. П.ш.: Бобровка (22.8.1913); Москва (23.8.1913).

Стихотворение (без стихотворного постскриптума) было напечатано в журнале Ф. Сологуба и А. Чеботаревской «Дневники писателей» (1914. № 3/4. С. 4–5).

¹ Вероятно, имеется в виду фрагмент из посвященного Верховскому стихотворения Иванова «Послание на Кавказ» («Ты белый стих в обычай ввел отныне...»): «Я начал, помню, жить / В ночь лунную, в пещерах Колизея. / И долго жил той жизнью, живой / Впервые. Вновь потом я умер. Боль / Смертельная той смерти все жива... / Опять живу — и говорю с тобой».

² Из того же стихотворения: «А всех бесед с далекими живею / Мне кажется — простое празднословье: / Оно, как хмель, обманывает нас / И близостью разлуку нам являет».

³ В заметке о возвращении Бальмонта в Москву говорилось: «Константин Дмитриевич рассчитывает провести лето в подмосковном имении “Плесенском” вместе с семьей. Поэт уедет туда недели через две» [31, с. 6]. В газетной хронике от 31 июля 1913 г. сообщалось: «Поэт проводит лето в подмосковном имении и работает над маорийскими сказками» [33, с. 2]. В письме к В.Я. Брюсову от 21 августа, написанном из Плесенского, Бальмонт сообщал: «Я остаюсь здесь до 31-го, затем уезжаю на сентябрь к Елене <Е.К. Цветковской> (ст. Сходня, Никол. ж. д., д. Овчинникова). Это близко от Москвы» [86, с. 234]. В какой момент с ним встретился Верховский, мы не знаем.

⁴ Подразумевается стихотворное послание Иванова Верховскому «Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...» от 22 февраля / 7 марта 1913 г., где говорилось: «Так мной владеет Эсхила стоустого вызванный демон; / Голосом вторить живым нудит он пленный язык / Смолкнувшим древним глаголом, — и в ужасе сладостном сердце / С сердцем пророческим в лад, тесное, биться должно...». В прозаическом смысле это означало заключение контракта с М.В. Сабашниковым на перевод трагедий Эсхила и начало работы над ним. См.: [11, с. 497–522].

⁵ Вероятно, Верховский добавил петроградский адрес на случай задержки Иванова с ответом.

19

24 декабря 1913. Москва

Среду вечером буду у тебя.
Юрий.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 25.

Телеграмма. Среда в 1913 г. падала на Рождество (25 декабря), т. е. на следующий день.

20

Февраль 1914. Тифлис

ВЯЧЕСЛАВУ

Душою изобильной
Ведь ты и мне сродни;
Прочти же стих умильный,
Воспевший оны дни.

Ю.В. Тифлис, II. 914.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 11. Напечатано: [13, с. 423].

Автограф на оттиске из журнала «Вестник Европы» (1913. № 12. С. 27) с текстом стихотворения Верховского «Летом» («Мне было так просто, так весело с ним...»).

21
Март 1914. Тифлис

ЕПИМЕТРОН

Вспомни: когда-то Жуковский для «гексаметрических» сказок
Смело, находчиво — «свой сказочный стих» изобрел¹;
Если же — даже не сказкам, а только всего эпиграммам
Несколько вольный порой дам я в стихе оборот, —
О, Аристарх², не хмурься, прости мне невольную вольность:
Остановить ли перо, давши свободу речам?
То вдруг в начале стиха пропадет ударенье куда-то;
То в середине его днем и с огнем не сыскать.
Знаю: цезур буколических (коим в двустиих — место ль?)³
Несколько даже найдешь: слышит то ухо мое.
Знаю еще прегрешение злое: (horribile dictu!⁴)
Германа строгий закон я зауряд преступал⁵.
Знаю — и эта вина не невиннее многих, пожалуй —
Синтаксис темен подчас, как у детей, у меня.
Знаю и много еще преступлений великих и малых,
Знаю — и все же тебе шлю эпиграммы мои:
Верю — меня бы простил, пожуривши, с Жуковским и Гете;
Строже ль маститых отцов будешь ко мне, Вячеслав?

Тифлис III. 914

РГБ. Ф. 218. К. 141. Ед. хр. 4.

Начертано на с. 135–136 оттиска цикла Верховского «Сельские эпиграммы» (Русская мысль. 1914. № 3. С. 126–136). На первой его странице — инскрипт: «Вячеслава Иванова, дорогого друга, перед началом Сельских Эпиграмм обнимает в прозе, а после конца — приветствует в стихах —

автор».

¹ Если Верховский, заключая в кавычки «гексаметрических» и «свой сказочный стих», хочет подчеркнуть цитатность этих выражений, он

апеллирует к специфическим знаниям адресата: опознать источник этих цитат не просто. «Гекзаметрическая сказка» — выражение Пушкина из письма к П.А. Плетневу около 11 июля 1831 г. (так он называет «Сражение с змеем»). Выражение «сказочный стих», вероятно, восходит к труду А.Х. Востокова «Опыт о русском стихосложении» (СПб., 1817), где на с. 146–147 содержится рассуждение о русском сказочном стихе.

² Очевидная аллюзия на «Моему Аристарху» Пушкина, подчеркнутая последующим изложением поэтического кредо.

³ Буколическая цезура расположена в дактилическом гекзаметре между концом четвертой и началом пятой стопы.

⁴ Страшно сказать (лат.).

⁵ Имеется в виду так называемый «мост Германа» — правило, заступающее в гекзаметре словораздел после четвертого трохея (см.: [9, с. 19]). Назван по имени немецкого филолога Готфрида Германа (1772–1848).

22

2 июля 1914. Санкт-Петербург

2.VII.914.

Вячеслав дорогой,

Я забыл записать твой деревенский адрес¹. Сообщи мне его, пожалуйста, как-нибудь или передай о том всенижайшую мою просьбу Марии Михайловне — вместе с поклоном.

NB: Только здесь в вагоне я разглядел, что листок со стихами Тютчева — хоть и верстанная — всего 2-я корректура, следовательно — мной не читан². — Ю.

Спасибо тебе за Прометея³ и за тебя. — Ю.В.

PS. Не оставить ли ариостовым октавам женскую рифму?⁴

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 26.

Открытка. П.ш.: СПб (3.7.14); Москва (3.7.14).

¹ Летом 1914 г. Иванов жил в усадьбе «Петровское» на Оке (ныне руинирована и поглощена г. Алексин Тульской области). Почтовый адрес: Станция Средняя Сызрань-Вяземской железной дороги. Имение Бер.

² О чем идет речь — неясно. Судя по квалифицированной библиографии ([98]), никаких приращений корпуса тютчевских текстов в 1914 г. не было.

³ Осенью 1914 г. драма Иванова «Прометей» была принята в четвертый сборник издательства «Сирин», о чем Р.В. Иванов-Разумник сообщал автору 7 октября 1914 г. (РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 15. Л. 4–4 об.). Из-за банкротства издательства книга не вышла, так что трагедия впервые была напечатана только в 1915 г. (Русская мысль. 1915. № 1. С. 1–37). Вероятно, Верховский прочел ее в рукописи или присутствовал на авторском чтении (факт которого, впрочем, нам неизвестен).

⁴ Верховский переводил «Неистового Роланда» Лудовико Ариосто; рукопись перевода была приложена к следующему письму (см.). План публикации его в издательстве Сабашниковых (ср. в письме М.О. Гершензона к Верховскому от 27 мая 1914 г.: «Дальнейшее пишу по уговору с Вяч., так как он все не соберется написать. Он говорил о Вас с Сабашниковым, и С. изъявил охотную готовность печатать Ваши переводы. Известен ли Вам характер его “Памятников мировой литературы”? Вероятно да; итак, выберите что-нибудь такое, что могло бы войти в эту серию, как том или два тома. Хрестоматия (переводная) из Виллона, Ронсара и пр. — можно; еще бы лучше — одно цельное произведение, Ариосто или подобное что-нибудь. Выберите и напишите нам, а остальное мы здесь устроим» (РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 10. Л. 3 об.)) не воплотился. Переводы начальных октав (вероятно, все, что было сделано) были напечатаны только четверть века спустя: [101, с. 93–94] (вариант отличается от приведенного ниже). Женскую рифму оригинала Верховский не оставил.

23

19 июля 1914. Санкт-Петербург

ВЯЧЕСЛАВУ¹

О, вожатый мой! За тобою следом
Я вступал в обитель блаженной тени;
Дивной я внимал; пред ее ж улыбкой —
Взоры потупил.

Мне ли, мне ль она — улыбнулась нежно?
Оттого ль дерзаю в напеве робком
Помянуть молебно святое имя
Сладостной Сафо?²

Юрий Верховский

Лесной, ночь на 19.VII.914.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 9. Напечатано: [13, с. 423–424].

На одном листе со стихотворением «Вячеславу Иванову» («Откликнись, друг! Услышать жаден я...»); см. № 24.

¹ Поэтический отклик на издание книги «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же» ([27]). Книга вышла в свет во второй половине июня (см.: Книжная летопись. 1914. № 25. С. 1). На это стихотворение Иванов откликнулся письмом, черновик которого отложился в его архиве (см.: [16, с. 268]).

² В поэтическом наследии Верховского (систематизация и публикация которого представляется делом неблизкого будущего) упоминаний Сафо немного, в частности, в стихотворении «Эринна» («Знаешь, как сладостно, друг мой, в дождливый вечер зимою...»), посвященном Ахматовой ([49, с. 59–60]). Приведем его остававшееся в рукописи стихотворение:

САФО

М.А. Соколовой

Вот выходишь ты из прохладной сени
Горницы укромной — в палящий полдень, —
Солнце ярый лик обращает прямо
В милые очи.

И мгновенно взор твой тускнея тмится, —
Огненных и черных кругов круженье, —
Кровь встает к ланитам, как пламень жадный,
Дух захватило.

Так, когда тебя повстречаю, дева,
Я снести не в силах твое сиянье;
Глянешь — взор сомкну, голова кружится,
Никну слабея.

(РНБ. Ф. 150. Ед. хр. 312. Л. 1; М.А. Соколову опознать не можем.)

24

4 ноября 1914. Тифлис

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Откликнись, друг! Услышать жаден я
И уж заранее невольно торжествую
Пред тем, как воспоем годину боевую
 Душа звучащая твоя.
Мне памятни ее живые звуки
Во дни недавние бесстрашия и муки
Родных полунощных полков;
И ныне ли, когда их жребий не таков,
Когда венчает их величием победы
Судьба-звезда, какой не ведали и деды,
Не вырвется из пламенных оков
 Всерасторгающее слово?
Под обаянием великого былого
Я верю: на Руси не надобен певец
На вызов славных дел; но сладок он для славы —
И нам в биении созвучном всех сердец,
И братьям-воинам, когда вернутся, здравы,
На лоно мира, наконец.

Юрий Верховский. 4.XI.914. Тифлис.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 8. Напечатано: [13, с. 424].

На одном листе со стихотворением «Вячеславу» («О, вожа-
тый мой! За тобою следом...»); см. № 23.

Напечатано: Русская Мысль. 1916. № 2. Отд. I. С. 1.

Комментарий к этому стихотворению и описание его места в поэтическом диалоге Верховского и Иванова см. в работе: [15].

25

6 ноября 1914. Тифлис

Тифлис, 6.XI.914.

Дорогой мой Вячеслав

Уезжал внезапно и спешно, вызванный по телеграфу, все дела должен был бросить и своих бросил у тещи¹. В Москву не пришлось и заглянуть. Тут — на половинном жалованье — пытаюсь работать, но без большого успеха. Посылаю тебе стихи и прозу, Роланда — все, что есть². Отзовись же. Что ваши военные?³ Приветы мои Вере Константиновне, Марии Михайловне, Лидии, Диме⁴.

Твой Ю.В.

РОЛАНД НЕИСТОВЫЙ.

1.

Дам, рыцарей, оружие, влюбленность,
И подвиги, и доблесть я пою —
Времен, когда, презревши отдаленность,
Стремили мавры за ладьей ладью
На Францию; вела их разъяренность
Владыки Аграманта, чтоб в бою
Смять Карла императора — и рьяно
Отмстить ему за смерть отца — Трояна.

2.

И о Роланде в песне расскажу я
Безвестное и прозе, и стихам:

Как от любви безумствовал, бушуя,
Еще недавно равный мудрецам, —
Все это я исполню, торжествуя,
Коль бедный разум сохраню я сам,
Уже едва ль оставленный мне тою,
Что не Роландом завладела — мною.

3.

Ираклия потомок благородный,
Краса и гордость века — Ипполит,
Прими сей труд, не пышный, но свободный;
Твой верный раб тебе его дарит.
Моя да будет воля не бесплодной:
Пусть долг великий песня возместит
Не до конца; но я богат лишь ею —
И все тебе несу, чем сам владею.

4.

Среди достойнейших — к тому герою
Хвалебной песнью скоро воззову,
Кого зовешь Руджером, чтя душою
В нем славных предков ветхого главы.
Его дела бряцать я лиру строю;
Склони же слух к благому торжеству —
И дум твоих — как думы ни высоки —
Да не смутят моих напевов строки.

5.

Роланд, пленен прекрасной Анжеликой,
Влача года во власти нежных чар,
Наполнил земли славою великой —
Индийцев, и мидийцев, и татар;
Вернулся на Закат с прекрасноликой —

И здесь у Пиренеев — первый дар —
Узрел он Карла меж соратных станов
Несметных полчищ франков, аллеманов⁵.

Юрий Верховский

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 27–28.

Сохранился черновик ответного письма Иванова, см.: [16, с. 270].

¹ Обстоятельства срочного вызова Верховского по месту службы нам неизвестны. О матери А.П. Верховской см. прим. 2 к п. 11.

² О какой прозе идет речь — неясно. См. также прим. 4 к п. 22.

³ Сергей Константинович и Константин Константинович Шварсалоны, призванные в действующую армию.

⁴ Впервые появляющийся в переписке Дмитрий Вячеславович Иванов.

⁵ О переводе «Неистового Роланда» см. прим. 4 к п. 22.

26

15 февраля 1915. Тифлис

Тифлис, ночь на 15.II.915.

Вячеслав мой дорогой, четвертый день я в Тифлисе и уже исполняю твое желание — пишу тебе о своих делах. Уж не знаю, будешь ли ты рад этому: во-первых, все о том же и о том же; во-вторых, жду, чтобы ты на письмо реагировал — если не ответом, то действием.

Дело — о стихах моих, т. е. о книге. Вовремя мне не пришла в голову комбинация — как мне кажется, возможная и могущая разрешить все затруднения, т. е. некоторую неловкость (все-таки — неловкость) переговоров с Сабашниковым по отношению к Киселеву (хоть и с его ведома и одобрения) — и пр.¹ Нельзя ли устроить, чтобы Сабашников субсидировал — Мусaget, хотя бы анонимно? Т. е. совершенно частным образом дал

денег на издание^{VIII} — с известным условием? Можно предполагать (хотя бы по тону его разговора со мной на эту тему), что он сочувствует изданию моей книги. А о положении с Мусагетом можно бы говорить прямо и откровенно. — Это одно. Что скажешь ты на это? А другое — я думаю, что Михаил Васильевич будет говорить с тобой обо мне и моей книге (тем больше думаю, что пока не получаю письма с его решением); и вот, если он так или иначе склонится на издание книги, я тебя очень прошу поддерживать идею двух томиков, выгодную для издателя и заманчивую для меня по известным тебе основаниям². Об этом я хотел сказать тебе в Москве — и забыл. Вот пока и все мои дела к тебе. А что до магистранства и до семинариев и т. п., — то дельное письмо об этом я написал Шахматову и крепко на него надеюсь³. Сперанскому и Айхенвальду (для курсов Полторацкой), а заодно и другу моему графу Де Ла Барту, потомку крестоносцев, я послал печатные программы своих курсов, читанных и читаемых⁴. Собираюсь им писать на днях, а еще — Михаилу Осиповичу⁵.

Хотел бы я после дельных двух страниц с тобой поприражничать, памятуя, что простое приражничанье «всех бесед с далекими живей»⁶; да проза моя слишком деловита, а стихов нет как нет. Марии Ивановне хочу написать полновзвучные строфы⁷. Кланяюсь ей и милому Балтрушайтису. Такая усталость меня тягчит — с московской беготни. — Сборника статей Владимира Францевича жду с нетерпением⁸ — и, м. б., попытаюсь о нем написать в Кавказском Слове⁹: здесь на него, говорят, направил свою полемику известный ему Н.А. Дубровский¹⁰; я не читал, но заранее недоволен. Был сегодня у знакомых — и получил весеннюю розу. Она здесь на столе. Здесь совсем весна, на курсы хожу без пальто. Днем притворял ставню, чтобы солнце не мешало писать. А еще здесь сыпной тиф¹¹. Впрочем, здешних дел серьезно описывать не умею. Лучше не говорить. Что Москва? Что вы все?

Заглавие книжечки, которую я увез: Григорий Воинов. Песни раненого солдата. Издание районного лазарета Хлебного пер. М.

^{VIII} Он говорил, что на стихах, какие он издал, не было означено фирмы Сабашниковых и пр. (*прим. Ю.Н. Верховского*).

1915¹². — Цена 5 коп. — Издали ее М.Н. Розанов и брат его, а я получил от жены его¹³. Следовательно, можно телефонировать (телеф. 2-91-29¹⁴) или достать через М.О. Гершензона.

Вчера был я у здешнего коллекционера Корганова и читал письмо А. Дюма о Кавказе со стихотворным переводом Даров Терека Лермонтова, неизданное¹⁵.

До свидания или до письма. Клянюсь Вере Константиновне и всем твоим — Вл. Фр.¹⁶ «и компри»¹⁷. Обнимаю тебя.

Юрий.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 29–30 об.

¹ Верховский был рекомендован Ивановым М.В. Сабашникову как переводчик (см. прим. 4 к п. 22) — и в письме от 25 января 1915 г., накануне личного визита к нему, излагал подробнейший — на несколько страниц — план изданий Боккаччо и антологии французских лириков (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 15. Л. 1–4 об.); см. также прим. 8 к п. 32. Но тем временем у него вызрел план передать для издания Сабашникову собственный сборник стихов, переговоры о котором давно велись с издательством «Мусагет». Упоминаемый здесь же Николай Павлович Киселев — секретарь «Мусагета». Познакомились они за полтора года до этого, о чем Киселев рассказывал их общему знакомому: «Отдыхать я ездил к Г.А. Верховскому, у которого встретился с хорошим поэтом и любезным человеком Юрием Верховским, который в настоящее время занят изданием архивных материалов, касающихся Баратынского, по поручению Академии. Мы много времени проводили вместе, и об одной его идее мне хочется Вам — пока конфиденциально — сообщить. Если найдете время, напишите, что Вы об этом думаете.

Он хотел бы иметь журнал, специально посвященный изучению русской литературы, особенно поэзии, XIX в.; журнал, который был бы для словесности тем же, чем “Старые годы” являются для искусства; где могли бы найти себе место и обширные исследования и издания текстов или целых архивов. Я припоминал Ваши разговоры со мною о том, что хорошо бы хоть по одной в год издавать книги, посвященные истории поэзии, в “Мусагете”: журнал навсегда обеспечил бы и Вас и других работников в этой области. Меня эта идея чрезвычайно увлекает и я готов поработать для ее осуществления. Мне кажется, что наше поистине “интернациональное” положение в научном и литературном

мире обеспечивает надолго материал, и обильный и интересный. При наличии такого журнала, строго и умело издаваемого, м. б. удастся даже Черногоубова расшевелить. Можно было бы устроить целый штаб для поисков старых архивов и документов — но только литературных, чем и отличаться от таких складочных мест, как “Р<усская> Старина” и “Р<усский> Архив”» (письмо Н.П. Киселева к Б.А. Садовскому от 30 июля 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 2–4). Примечательно, что к этому моменту тема издания сборника Верховского уже мелькала во внутримусажетовской переписке. Так, Э. Метнер, фактический владелец издательства, среди списка неотложных дел в письме к А. Белому от 11 января 1911 г. напоминал: «Еще одно недоразумение с Верховским, кот<орый> вообразил, что Мусажет обещал (?) напечатать его сборник стихов» [30, т. 2, с. 73]; ср. также в перечне обид в письме к тому же корреспонденту от 26–29 июня 1911 г.: «<...> если бы я следовал дальше тем обещаниям, которые Вы только по слабости воли раздавали направо и налево, то мы издали бы наверно сборник стихов Юрия Верховского <...>» [30, т. 2, с. 151]. Вероятно, об этом же идет речь в приводимых ниже реляциях Э.К. Метнера: «Верховскому пока ответить ничего нельзя. Думаю, что придется отклонить» (письмо к Н.П. Киселеву от 26/13 августа 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. К. 17. Ед. хр. 26. Л. 10); «Юрию Верховскому отказать по vis major <обстоятельствам непреодолимой силы>» (письмо к Н.П. Киселеву от 5/18 ноября 1914 г. // Там же. Л. 17 об.). Впрочем, позже риторика смягчилась (при том, что эта реплика явно относится к сборнику стихов): «Часть денег я вышлю отцу по телеграфу. Если сможете обернуть, издайте Верховского, но с Бородаевским трудно. Надо бы прочесть. Да и расходы все-таки велики!» (письмо к Н.П. Киселеву от 10 февраля 1915 г. (н.с.) // РГБ. Ф. 128/III. К. 17. Ед. хр. 28. Л. 3).

² Развитие этого сюжета (если оно и было) практически не документировано, за исключением короткой реплики в письме Верховского Гершензону от 12 апреля 1915 г.: «Относительно книги моей — т. е. денег на книгу — мелькнула у меня еще слабая надежда, но пока ничего не знаю. Тоже уже давно собираюсь писать Киселеву Николаю Петровичу. А сам живу по всем статьям одними ожиданиями» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 15). В 1917 г. под маркой «Мусажета» вышла книга: [49]. Второй том в печати так и не появился. Возможно, комбинация с Сабашниковым все-таки удалась, ср. в письме Верховского к Гершензону: «Косвенно с Мих.Вас. Сабашниковым связан для меня и вопрос о двух томиках моих стихов, уже бог весть с каких пор печатавшихся Мусажетом и подписанных мною до конца к печати. Я говорил о них с

М.Я. Лукиным» (письмо от 30 октября / 12 ноября 1918 г. // РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 27). Лукин Мстислав Яковлевич — заведующий редакцией издательства М. и С. Сабашниковых. Почему для Верховского было выгодно издание сборника стихов в двух томах (помимо экономических соображений), нам неизвестно.

³ Имеется в виду письмо от 14 февраля 1915 г.:

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

В Петрограде я не хотел еще раз беспокоить Вас своими делами, но теперь снова решаюсь говорить о них: с одной стороны — о моих московских планах; с другой — о магистрантских экзаменах.

На обратном пути я опять был в Москве. Из разговоров с целым рядом людей выяснились новые возможности. Позвольте мне поделиться с Вами некоторыми предположениями и просить, если возможно, Ваших содействий. Поиски места в учреждении, подобном музею Бахрушина, пока приходится оставить. Все — и материальные — надежды сосредоточились на получении семинариев. И постом решается дело.

Относительно Высших женских Курсов я определенно надеюсь на успех, и М.Н. Сперанский поддерживает меня в этой надежде. А рядом — он обещает мне свою поддержку и в Университете Шанявского. Обещают ее также А.Е. Грузинский и Ю.И. Айхенвальд. Сочувственно отнесся ко мне А.А. Кизеветтер, которого я видел впервые. Говорилось даже о возможности получить не только семинарии, но и лекции (многое открывается вследствие ухода П.Н. Сакулина). И вот — первая моя просьба к Вам: не найдете ли Вы возможным написать обо мне несколько слов А.А. Кизеветтеру, как декану историко-филологического факультета университета Шанявского? Это дало бы решительный ход моему делу — и определенно сделало бы возможным мое вожаденное переселение в Москву.

Еще новая возможность — курсы Полторацкой. Тут обнадеживают меня и Ю.И. Айхенвальд, и гр. Де Ла Барт, причем оба советуют предложить не только семинарии, но и лекции, как по русской, так и по западно-европейским литературам. Но и одними семинариями я, конечно, удовольствовался бы. Содействие обещал мне также Г.Г. Шпетт (философ, в этом году, впрочем, не читающий). Дело однако главным образом зависит от Дмитрия Николаевича Ушакова, декана факультета, которого я не знаю и с которым не говорил. И тут моя вторая просьба: м. б., Вы не отказали бы мне в одолжении написать также и Д.Н. Ушакову, для которого, как Вашего уче-

ника, рекомендация Ваша имела бы особое значение. Подробности моих планов, программы читанных мною курсов и т. п. может сообщить ему, если понадобится, Ю.И. Айхенвальд, которому я пошлю и мое curriculum vitae.

Неоценима была бы для меня возможность оставить Тифлис для Москвы. Это было бы важным поворотом моей жизни, — поэтому простите, если так прямо прибегаю к Вам и решаюсь обращаться к Вам со столькими просьбами. Исполнение их оказало бы мне великую поддержку и я был бы Вам навсегда признателен.

В частности и для подготовки к магистрантским экзаменам переезд в Москву имел бы огромное значение. Об этих экзаменах я говорил в Петрограде с Ф.А. Брауном, как деканом, затем с И.А. Шляпкиным, П.А. Лавровым и Д.К. Петровым. Что касается экзамена, который мне предстоит сдавать у Вас, то я хочу просить Ваших указаний относительно того, как мне работать. Пока я достал лекции по истории русского языка А.И. Соболевского и Ваши — и начинаю с первых, думая, что они дадут мне предварительную подготовку. Хотел бы Ваших советов и указаний и очень прошу не отказать мне в них — хотя бы со временем. Извините меня в том, что осаждаю Вас таким количеством просьб.

Искренно Вам преданный Ю. Верховский (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 23–25).

⁴ Программы курсов Верховского, по крайней мере частично, напечатаны: [70, с. 80–89] (история греческой литературы, история римской литературы, история западно-европейской литературы, история французской литературы XV и XVI вв., специальный курс русской литературы Пушкинской эпохи). Писем Верховского к Николаю Васильевичу Сперанскому (1861–1921), Юлию Исаевичу Айхенвальду (1872–1928) и Фердинанду Григорьевичу де-ла-Барту (1870–1915), касающихся этого сюжета, мы не знаем. На Высших женских курсах, организованных Варварой Александровной Полторацкой (1845–1913) места для Верховского также не нашлось.

⁵ Гершензону. Это намерение исполнено не было. Много позже, 12 апреля 1915 г., Верховский писал Гершензону: «Дорогой и сердечно уважаемый Михаил Осипович, очень уже давно, с самого приезда собирался я писать к Вам письмо не деловое, а литературное и начал его несколько раз, но оно все не склеивалось по свойственной мне неспособности к письмоводству» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 12).

⁶ Из посвященного Верховскому стихотворения Иванова «Послание на Кавказ» (см. прим. 1 к п. 16). В 1915 г. у Эрна (о коем см. ниже)

вышли два сборника — «Время славянофильствует» и «Меч и крест. Статьи о современных событиях» (оба — М.).

⁷ Мария Ивановна Балтрушайтис (урожд. Оловянишникова; 1878–1948) — жена упомянутого далее Юргиса Казимировича Балтрушайтиса (1873–1944). Посвященных им стихов Верховского мы не знаем.

⁸ Философ Владимир Францевич Эрн (1882–1917) — тифлисский уроженец и (одно время) сослуживец Верховского по Высшим женским курсам (см.: [40, с. 5, 7–8]). Познакомились они в конце мая 1913 г., ср. в письме Эрна к жене от 31 мая: «Вчера познакомился с Ю. Верховским, поэтом, другом Вяч. Ивановича, который профессорствует на Курсах. Очень мил и симпатичен, хотя внешнеюстью напоминает Макса Волошина. Только глаза — ясные, голубые, хорошие, вроде Волжского что-то. Может быть, подружмся» ([52, с. 535]). 29 июля того же года Эрн писал Л.В. Ивановой: «С Верховским я виделся несколько раз. Он мне очень понравился. Бог даст подружмся с ним» (РГБ. Ф. 109. К. 40. Ед. хр. 2. Л. 8). Сохранился замечательный памятник этой состоявшейся дружбе — посвященный Эрну сонет «Кавказского слона заезжий слон...», совместно написанный Ивановым и Верховским (см.: [23, с. 255]).

⁹ Отзыв Верховского о книге Эрна нам неизвестен.

¹⁰ Профессор Тифлиских Высших женских курсов, позже декан историко-филологического факультета свежесозданного Бакинского университета Николай Александрович Дубровский.

¹¹ Тифлисская городская хроника начала февраля 1915 г. начинается с известий: «За последнее время во многих из городских лазаретов, среди больных и раненых воинов, стали обнаруживаться случаи заболевания сыпным тифом» и т. д. ([84, с. 2]).

¹² Григорий Павлович Воинов, автор единственной книги стихов, до сих пор не значился в летописях литературы. В оставшихся неизвестными «Материалах к библиографическому словарю русских писателей, вышедших из народа» Н.П. Рогожина о нем говорится: «Воинов Григорий — поэт-самоучка, кр-н Саратовской губ. Участник империалистической войны. В 1915 г. В. был ранен, эвакуирован в М. и помещен в районном лазарете Хлебного пер., персонал которого издал книгу его стихотворений» (РГБ. Ф. 683. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 13). Гораздо больше сведений содержится в его собственноручной автобиографии, отложившейся в собрании И.Н. Розанова: «Григорий Павлович Воинов родился в 1885 году в деревне Анно-Успенской Саратовской губернии Балашовского уезда. Родители его Павел Гаврилович и Ефросинья Кондратьевна — крепостные крестьяне бедного сословия. Грамоте начал учиться с семи лет при учительнице Варваре Алексеевой Формазо-

вой <?>, десяти лет кончил учение в начальном народном училище. В семье отца было четверо детей и старые отец с матерью. После все время был хлебопашцем. Семнадцати с половиной лет отец женил его не по его, а по своей воле, после чего взяли его на службу. После трехлетней службы вернувшись на родину, прожил три года. Был мобилизован и отправлен с 331-м Орским полком на Русско-Австрийскую границу, у Птичьей горы <?> был ранен в локтевую часть левой руки. В настоящее время семейство его три брата: взятые на войну два и один дома, отец, мать, жена и трое детей. Старший его сын не имеет левой руки, 8-летний учится в школе.

В школе любил больше всего стихотворения учить наизусть и закон Божий. Арифметикой отличался, но грамматику и диктовку ненавидел. Из поэтов любил больше всех Никитина и Кольцова, да это потому, что других совсем не встречал» (РГБ. Ф. 653. К. 47. Ед. хр. 14. Л. 5).

¹³ Филолог Матвей Никанорович Розанов (1858–1936). Его жена — Любовь Ивановна Розанова. Брат — знаменитый ученый и коллекционер Иван Никанорович Розанов (1874–1959). Об участии его в издании косвенным образом свидетельствует теплый инскрипт автора: «От благодарности раненого Григория Павловича Воинова Ивану Никаноровичу господину Розанову. 27 января 1915 г.» ([39, с. 146]). Явный интерес Иванова к безыскусной солдатской поэзии 1914–1915 гг. очевидным образом нуждается в филологической рефлексии, пример которой см.: [17, с. 10–11].

¹⁴ Телефон квартиры Н.М. и Л.И. Розановых по адресу «Новинский б-р, д. 103».

¹⁵ Василий Давидович Корганов (1865–1934) — пианист, историк музыки, коллекционер. См. о нем: [20, с. 202] (здесь он, впрочем, отчего-то назван Ввасилием (так!)). Имеется в виду письмо Дюма-отца к писателю Жозефу Мери (1798–1865) от 25 ноября 1858 г. Оно целиком напечатано в статье С.Н. Дурылина «Александр Дюма-отец и Россия» ([7, с. 551–553]). Публикация сопровождается примечанием: «Письмо Дюма к Мери печатается в русском переводе В.Д. Карганова <sic>, известного музыкального деятеля, недавно умершего, которому до 1923 г. принадлежал подлинник письма 5 1/2 страниц in quarto). Местонахождение этого подлинника в настоящее время неизвестно. Текст письма в переводе В.Д. Карганова и сделанные им примечания частично использованы в тексте нашей работы. Сообщены “Литературному Наследству” В.А. Мануйловым» ([7, с. 562]).

¹⁶ Эрну.

¹⁷ «В том числе» (фр.).

27

12 апреля 1915. Тифлис

Отсюда приходится уходить выручайте Юрий¹

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 31.

Телеграмма.

¹ Паническая телеграмма объяснена в следующем письме.

28

12 апреля 1915. Тифлис

Тифлис, ночь на 12.IV.915.

Долго не извещал я тебя, дорогой Вячеслав, о делах своих, а сегодня воззвал к тебе воплем по телеграфу. Дело в том, что мне теперь не только по-прежнему важно устроиться в Москве, но и не по-прежнему невозможно оставаться здесь, т. к. невозможные нынешние материальные условия предложены хозяйственным комитетом курсов и на будущий год. Если я их приму, то год будет не только тяжелее нынешнего, но и совершенно невыносим: 1) устроить своих в Петербурге, кое-как и очень дурно, я смог на одну зиму, а еще на год — не могу и не хочу; 2) Амбарданов — один из учредителей¹ — дал мне совет: или для добавочного заработка взяться здесь как следует за газетную работу, или — на этот год уехать, подыскав себе что-нибудь в Москве или в Пбге, — стало быть, если это и не прямой намек, то во всяком случае косвенное свидетельство того, что без моей кафедры считают возможным временно обойтись; 3) теперь я получаю понемногу, как прибавку, деньги, не выплаченные мне за лето (лето я прожил на чужой счет²), — а на будущий год и этой «прибавки» не будет; 4) если бы я и взялся за газетное писанье (можно ли на это рассчитывать?), — то единственное место — Кавказ-

ское Слово, а оно уж «на ладан дышит» и помимо того, я убедился, что ему глубоко не нужен. — И т. д., и т. д.

Словом — здесь оставаться мне немислимо. И даже лучше — так же плохо, но в Москве или Петербурге. На Петербург я рассчитывать не могу, хотя, конечно, и пишу туда обо всем об этом. Московские же мои дела ты знаешь. По крайней мере полагаю их тебе известными лучше моего. На Высших Женских Курсах — неудача; на курсах Полторацкой — неизвестность до осени, когда будет баллотировка; в университете Шанявского судьба моя еще должна решиться. О первых двух местах я получил известия от Сперанского и от Айхенвальда (которому в письме передал с опозданием твой привет); о третьем — пока не пишут мне ни слова³. На него — т. е. на Шанявского, теперь вся моя надежда и только отчасти на Полторацкую (Айхенвальд обнадеживает, думает, что на *minimum* могу рассчитывать) да еще — на Грузинского, т. е. на уроки в 8-м классе частной женской гимназии: он обещал меня вспомнить, ежели уроки откроются⁴. Я буду писать Михаилу Осиповичу и тебя прошу с ним о моих делах дружески потолковать⁵. Устройте меня у Шанявского! Агитируйте, чтобы в мою пользу была баллотировка у Полторацкой! Расположите ко мне Грузинского и все его гимназии! Напомните обо мне Сабашникову! Определите меня в какую-нибудь редакцию! Заставьте какое-нибудь издательство нанять меня! — Вот мои к вам вопли⁶.

Сабашников обещал мне написать о своем решении относительно переводов Боккаччо и пр. — и не пишет⁷. Не отвечает он и А.А. Веселовскому о книгах его отца, — а тот беспокоится и сообщает мне о предложениях другой фирмы и о своем недоумении⁸.

Касательно тифлисских дел моих и всего здешнего житья мне до сих пор — до последнего события, с коего начал письмо — нечего было сообщить тебе. Тянулась все та же серая нитка, все ту же натягиваясь. Дело идет кое-как и еле-еле. Как вообще, так и в частности на курсах. Здесь все дела ползут вяло. Что до лекций моих, то сколько-нибудь слушали мой курс римской литературы, которого мне и читать-то не следовало: ты можешь себе представить, что у меня выходит. Но теперь и это

слушают еле-еле, как и все. Что-нибудь мог бы я дать (по крайней мере, хотел бы) в курсе по французской литературе, а слушают его — две девицы, да к тому же дуры несносные и невежественные. Единственное утешение — семинарий или кружок по Боратынскому — неофициально, 3–4 слушательницы. Я тебе о нем говорил. Но утешение слабое, тем более, что выходит не то, что хочу. Вот и все. А помимо курсов — хоть шаром покати. Никого. И почти — ничего. Скука и хандра. Хандра такая, какая и на меня редко находит. И злоба. Злоба беспредметная и злоба на людей, которых видишь каждый день и которым до тебя дела нет. На тупость и самодовольство их. А сам тоже тупеешь. Самодовольства же, право, не много. Наоборот. Совсем наоборот. Еще хоть несколько стихшков написал — и то радовался. Да всего-то, в сущности, два номера — и то не знаю, годятся ли. Ждал все от тебя второго издания Сáфы⁹. Не пришло ли чего? Хотя бы две строчки стихотворных. Я почему-то надеялся еще писать. Не знаю как теперь. Ты бы меня подбодрил — и стихами, и прозой, чем хочешь. — Да, а что о книжке моей? Я тебе писал новый план. Переписал еще несколько пьес, какие, м. б., можно прибавить. Собираюсь прислать тебе. И о книжке Сабашников обещал мне ответить — и ни гу-гу¹⁰. Благополучен ли он? — Обнимаю тебя. Кланяюсь Вере Константиновне, Марии Михайловне и всем твоим. — Твой Юрий.

<Приписка на полях:> Да оно так и есть, знаю, что это «обще» (лучше писать некогда).

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 32–34 об.

Конверт. П.ш.: Тифлис (14.4.15), Москва (19.4.15).

¹ Соломон Михайлович Амбарданов (ок. 1878 – после 1925), соучредитель и председатель хозяйственного комитета Курсов. Год его рождения, хотя и примерно, устанавливается благодаря экзотическому справочнику, где он записан как: «Амбарданов, Соломон Михайлович. 47 л. Тифлис, Саперная 22» [26, с. 7].

² Вычеркнуто: «в долг, как тебе известно, — и не расплачиваюсь».

³ См. прим. 4 к п. 26.

⁴ Филолог Александр Евгеньевич Грузинский (1858–1930), преподававший среди прочего в частной женской гимназии Е.Е. Констан. Этот план устройства Верховского успехом также не увенчался. См., кстати, реплику М.О. Гершензона ниже, в примечаниях к этому же письму.

⁵ Верховский писал Гершензону в этот же день, 12 апреля: «Теперь я начну с делового, т. е. с моих злосчастных обстоятельств тифлисско-московских. В Москве — Вы, верно, осведомлены — на Высш<их> Ж<енских> Курсах я потерпел неудачу (в этом году новых преподавателей вовсе не приглашают); на курсах Полторацкой моя кандидатура была поставлена, но выборы могут состояться только осенью; в университете Шанявского дело решится, вероятно, на днях: пока я не получаю никаких известий. — Между тем, здесь, в Тифлисе, все идет хуже и хуже — т. е. в отношении лично моих дел. Курсы недавно получили вожделенные права, но это не поправило их финансов. На днях составлена смета на будущий год — и настолько плачевная, что при всевозможных натяжках не обнимает всех действительно необходимых расходов — и едва ли не слабее прошлогодней. В результате — лекторам предложено вновь пойти навстречу курсам, как и в прошлом году. Для меня это невозможно фактически, тем более, что это означает даже не те же условия, а гораздо худшие: в этом году мне выплачивают летний долг; в этом году удалось устроить своих в Петербурге хоть сколько-нибудь сносно; сам я в Тифлисе на нынешнюю зиму смог устроиться исключительно дешево, а на будущий год этих случайных условий не будет; ничтожного постороннего заработка в газете — и того, вероятно, на будущий год не будет — и т. д., и т. д.» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 12–13 об.).

⁶ 25 апреля 1912 г. Гершензон писал Верховскому: «Получил Ваше письмо, милый Юрий Никандрович, но уже раньше знал о Вашей телеграмме и письме к Вяч. И. Мы тут много огорчились Вашими делами. Когда-нибудь расскажу Вам подробно. Коротко скажу теперь: и М.Н. Спер<анский>, и А.Н. Весел<овский> действовали как очень расположенные к Вам люди, и теперь сами очень огорчены неудачей, а для Спер<анского> эта неудача уже личный конфуз, удар по самолюбию. Но виноват именно он, и фатально: он принес заявление о Вас прямо на французское заседание, забыв (ведь вот рок) предварительно доложить его в секции, — даже не пришел на соответствующее заседание секции! Это мне рассказал уж А.Н. Весел<овский>».

Мы с Вяч. И. решили, что теперь надо искать Вам уроков в средних учебн<ых> зав<едениях>. Я настоятельно просил об этом и М.Н. Спер<анского>, и всех моих знакомых учителей словесности. Они

серьезно обещали. Говорил даже с Грузинским, — но он ответил, что ничего не может сделать (а мог бы); этот дяк, в приказах поседель, видно не желает Вас иметь в Москве, именно ради Женск<их> курсов — в будущем; потому что, поселившись здесь, Вы конечно попадете туда, не теперь, так в будущем году, — и это ему убыток. Будь Вы теперь здесь, — именно сейчас, — Вы устроились бы в гимназиях; а когда говоришь о человеке отсутствующем, которого приглашающий не знает и не видит пред собою, — дело плохо» (РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 10. Л. 4–4 об.; упомянутый А.Н. Веселовский — Алексей Николаевич (1843–1918). Цитата из «Бориса Годунова» очевидна). Объединенные усилия принесли свои плоды: в 1915–1916 гг. Верховский преподавал русскую литературу в Мариинском Училище и женской гимназии в Москве и читал лекции в Народном Университете им. Шанявского (см. составленную им биографическую хронику: РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 36. Л. 23). Возможно, решающую роль сыграла здесь и протекция А.А. Шахматова — 7 декабря 1915 г. А.П. Верховская писала ему: «Приходила я затем, чтобы поблагодарить Вас и рассказать Вам о нашем положении. Осенью было критическое положение, но теперь несколько улучшилось. Юрий Никандрович получил уроки в женской частной гимназии и получает 75 руб. в месяц и так будет получать до лета. Я тоже зарабатываю теперь уроками 50 руб. в месяц. Мы надеемся, что как-нибудь продержимся эту зиму, а летом, конечно, будет трудно» (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

⁷ См. прим. 1 к п. 26. О переводах Боккаччо см. прим. 8 к п. 32.

⁸ Библиограф и филолог Александр Александрович Веселовский (1880–1936). 20 сентября 1912 г. он писал М.В. Сабашникову: «По совету гр. Ф.Г. де ла Барт решаюсь обратиться к Вам с предложением: не согласитесь ли Вы купить у меня право на издание сочинения покойного отца моего, акад. А.Н. Веселовского, “Вилла Альберти”, второе издание которого вошло в собрание сочинений его, издававшееся Академией Наук, и совершенно разошлось» (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 1). Сабашников, очевидно, отказавшись от этого предложения (ответных писем мы не знаем), запросил его о судьбе выполненного А.Н. Веселовским перевода «Декамерона»; тот отвечал: «К сожалению, не могу Вам предложить издание перевода “Декамерона”, т. к. я уже вошел в соглашение относительно него с книгоизд<ательством> “Мир”. Если Вы все-таки надумаете издавать “Вилла Альберта”, а условия мои Вам неподходящи, напишите Ваши, — может быть, удастся прийти к соглашению» (письмо от 6 ноября 1912 г. // Там же. Л. 4). Переписка, касающаяся этих двух сюжетов, продолжалась до 1915 г., но никакими издани-

ями под маркой Сабашниковых не увенчалась. Может быть, впрочем, речь шла о манускрипте, о котором 1 октября 1916 г. Верховский писал М.Я. Лукину, сотруднику издательства: «Проездом через Москву я виделся с М.О. Гершензоном, и он сообщил мне, что Михаил Васильевич не находит возможным издавать теперь трактат Джордано Бруно (“О причине, начале и едином”) со статьей А.Н. Веселовского и в переводе Анны Ал. Веселовской. Я хотел бы побывать у Вас в издательстве, но никак не мог уже успеть это сделать» (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 14. Л. 1).

⁹ Первое издание переводов Иванова из Алкея и Сафо вышло в 1914 г. [27]. Второе — дополненное — вероятно, в 1915-м (с ним связан не до конца ясный книговедческий казус, изложение которого — дело будущего). В архиве издательства сохранились следы подготовки третьего: среди прочего выправленный наборный экземпляр (РГБ. Ф. 261. К. 10. Ед. хр. 4, см. также: Ед. хр. 5). Проект этот не осуществился. Подробности см. в современном издании: [28].

¹⁰ См. прим. 1 к п. 15.

29

26 июля / 8 августа 1915. Уусикирка

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Пускай мое ленивое перо,
Едва бродя по белизне страницы,
Твердит о том, что уж давно старо,
Бывалые разводит небылицы.

Иным не взять у них живой водицы,
Но для певца — всё благо, всё добро;
Меня влекут истлевшие царицы,
Владычицы Ронсара и Маро¹.

Весны приход, любовные тревоги
В их простоте, как повелели боги,
Они поют. И мой таков же вкус.

Я ль виноват, что изо всяких штилей
Без лишних слов и тягостных усилий
Лишь средний мне пожалован от муз?

Ю.В.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 4.

На одном листе со стихотворением «Я не люблю стихов, что
льнут к земле сами...» (напечатано: Русская мысль. 1916. № 10.
С. 115).

Конверт. П.ш.: Усукирко (8.7.1915); Москва (26.6.1915). Веро-
ятно, письмо было опущено в почтовый вагон и прибыло в Мо-
скву тем же днем (Финляндия жила по новому стилю).

¹ Верховский подразумевает роднящую черту в биографиях Пье-
ра де Ронсара и Клемана Маро — пребывание их при европейских дво-
рах (Ронсар подвизался при дворе Марии Стюарт, Маро состоял при
Маргарите Наваррской). Переводы Верховского из Маро напечатаны:
[101, с. 567–568].

30

18 июля 1916. Козлова Засака Тульского уезда Тульской губ.

Благословляю вас, дни тишины и света.
Мучительный вопрос не здесь ли ждет ответа?

Ю.В.

Козлова Засака
ночь 17–18.VII. 916

РГБ. Ф. 218. К. 141. Ед. хр. 5.

Начертано на отдельном оттиске стихотворения Верховско-
го «Ястреб» (Русская мысль. 1916. № 6. С. 1–4). Перед текстом:
«Вячеславу милому Юрий Верховский».

31

10 июля 1920. Петроград

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Друг мой, некогда мы упредили крылатою рифмой
Рифму живую с тобой — рифму лобзания друзей¹.
Позже мы часто делились мгновеньями звучных наитий,
Прямо устами к устам голос могли подавать.
Так. И все же глубоко отрадна сердечная память:
Некогда те же листы строки твои и мои
Отпечатали впервые². Тому годовщины двадцатой
Срок я заветный почтил; только — увы — без тебя.
Муза в то время молчала и, грустная, долго не смела
Очи с земли отвести, слез не роняя, она.
Ныне и слезной кручине напевы она обретаёт,
Слабой дрожащей рукой слабого друга ведя:
Многое нашей судьбине в годину великого гнева
Падает также на часть бодростью мышц одолеть.
Часто стоим мы на грани таинственной бездны, зажмурясь,
Или, вперяясь во мрак, внемлем падения гул.
Не удивляйся же ты, что дневник мой лирический ныне
Грустен: я давней любви память вручаю тебе.
Ныне, в годину, когда мы живем *Sub specie mortis*³:
Смертная ль память минет дара заветного, друг?

Ночь. 27.VI/10.VII.920.

Юрий Верховский.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Напечатано:
[23, с. 225].

¹ Намек на строки из первого обращенного к Верховскому стихотворения Иванова: «Почтовой рифмой упрежду / Живую рифму поцелуя».

² Верховский видит провиденциальный смысл в том, что и его и Иванова дебют состоялся в одном и том же журнале «Вестник Евро-

пы» в смежные годы: он напечатал три стихотворения в ноябрьском номере за 1899 г., а Иванов — единственное в сентябрьском за 1898-й.

³ С точки зрения смерти (лат.).

32

21 октября 1923. Петроград

8/21.IX. 923.

Петербург.

Кажется, в свое время я не переслал тебе этих стихов, дорогой Вячеслав. Они тебе посвящаются, потому что когда-то, давно, давно, когда я изобразил невскую русалку в духе не то Беклина, не то Маковского, ты заговорил о ней совсем иначе¹, а после я слишком много раз чувствовал Неву совсем по-другому — да, верно, и раньше отчасти.

Пишу мой стих, сидя у Скалдина, чтобы вместе с ним воспользоваться оказией². Свиделись мы только на днях после многих лет. Когда-то свидимся с тобой? Сил нет сказать, как этого хочу. Думал не раз о Баку и был бы один, так не думая решил бы, а так не могу: слишком осложнил свою жизнь (которая и сама по себе осложнилась) и связал себя. В житейском и деловом смысле я писал тебе. Может быть, не дошло. Если не говорил, скажи, пожалуйста, при случае в факультете о моих сожалениях и благодарности. Кланяйся дружески Серёже Давиденкову³. Ректорствует ли он до сих пор или бросил, как собирался?

Спасибо тебе за несколько строк — с З.Н. Шпитальниковой⁴. Она очень мила. Прозы ее пока не читал, хотя виделся с ней дважды: не принесла⁵. Она, конечно, здесь устроится, одна голова не бедна. Её со всеми романистами познакомлю, а помимо университетских — М. Лозинский⁶ и пр. А я-то из университета изгнан официально⁷. Перевожу Бокаччо *Ninfale Fiesolano*⁸. Сам стихи писал с весны, против обыкновения, а осень пока октавы заслоняют. Да и не одни октавы. Живу неважно во многих отношениях. Устал очень. Ты не знаешь, как ты оживил бы, а не разбудил меня. Не сплю, правда, но — именно вроде бессонницы моё самочувствие.

И говорить хотел бы не о себе, а о тебе и твоих. Но могу только спрашивать. Скажи, скажи, что же ты, и Лидия, и Дима? Им привет от сердца. О себе самом же обронил последние слова письма — о стихах. Я за них извиняюсь или в них вцепляюсь, и они одни ободряют меня. Это уже не почти — ведь так?

«Душа стесняется лирическим волнением,
Минутами...»⁹

Если бы только так, тогда всё хорошо. Не дай мне долго болеть — напиши, пришли <?>.

Обнимаю тебя крепко

Твой Юрий.

<Приписка:> Скалдину я радуюсь. Повесть его меня заворожала <?>, в поэме еще не вполне разобрался, в стихах много нового¹⁰. Послание к тебе, прослушанное после двух ночей чтения и разговоров, наполнилось многим¹¹. Прозы — романы — ещё не читает. Судя по чертежам, мудрено. Ты не отвечаешь мне на деловое, что я тебе писал, да и на прочее. Не стал ли бы ты переводить Платона? «Academia» очень этого хочет¹². Главное, однако <?> было разобрано давно. Вышедшее переведено из рук вон плохо: Жебелёв¹³. Ниже критики. Много, верно, можно и взять, и пере... взять в твои руки. Необходимо тебе войти в сношения. И о книгах учёных, и о статьях, и — о стихах. В последнем пункте колеблются сейчас — вообще. Но ты бы, думаю, сдвинул. Адрес: Александр Ал-дрович Кроленко. Литейный, 40. «Academia»¹⁴. Я — твой комиссионер <?>.

НЕВСКИЕ РУСАЛКИ

Вячеславу Иванову

Когда-то юною и ласковой нядой
Русалка нельская, поднявшись над волной,
Мой ранний робкий пыл нежданной наградой
Пленила, так мила под майскою луной.

Года прошли — и вот, полночью осенней,
В туманном мареве, в бессильном полусне,
В болезненной игре зеленоватых теней
Русалок хмурый сонм явился ясно мне.

О, напряженные, страдальческие лица!
Вон клоч полуседой к худой груди прилип.
И рвётся эта грудь в какой-то звук излиться,
И ищут руки струн. Но слышен только хрип.

И ныне страшно мне: вот только лёд застынет
Корою тонкою под первым снегом, вдруг —
Вдруг чёрная вода прорвется, и нахлынет —
И трупы поплывут утопленниц-старух.

Юрий Верховский

20.X/ 3.XI.922. Ночь.
Петербург.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Ответ на письмо Иванова от 5 августа 1923 г., переданное ему с З.В. Шпитальниковой (см.: [73, с. 359–360] (публ. А.В. Лаврова)).

¹ Другого стихотворения Верховского о невских русалках мы не знаем. Русалки и Арнольда Беклина и Константина Егоровича Маковского принадлежат к общеизвестным образцам живописи и поэтому в комментариях вряд ли нуждаются.

² Алексей Дмитриевич Скалдин (1889–1943). Какая была в эти дни оказия из Петербурга в Баку, мы не знаем. Занятно, что письмо Скалдина, которое явно было отправлено одновременно с этим, в ивановском архиве не сохранилось.

³ Сергей Николаевич Давиденков (1880–1961) — врач, ученый, младший брат упоминавшегося выше Н.Н. Давиденкова. В 1923 г. был ректором Бакинского университета, в котором работал Иванов.

⁴ Письмо Иванова от 5 августа 1923 г. начинается: «Прошу тебя приветить и поддержать советами одну из моих даровитых слушательниц, Шпитальникову, Зинаиду Владимировну. В Петербурге она будет, про-

должая университетский курс, заниматься историей западных литератур и историей искусства. У нее есть литературные опыты в прозе; она еще не определилась, но работать хочет и может. Близка с Алконостом (по родству)» [73, с. 359]. (*Близка к Алконосту*. — Подразумевается, что она состояла в родстве с С.М. Алянским, основателем и владельцем издательства «Алконост», но степень этого родства нам неизвестна). Зинаида Владимировна Шпитальникова (1901/1902–?) в ленинградских адресных книгах значится с титулом «преподаватель». В 1930-е гг. переводила А. Франса (в соавторстве с Н. Рыковой) и Л. Пиранделло (в соавторстве с Г.В. Рубцовой). Не она ли «консультант по литературе тов. Шпитальникова», проводившая в 1937 г. беседы с читателями в районной ленинградской библиотеке во время выставки «Жизнь и творчество А.С. Пушкина» [53, с. 58–59]?

⁵ Собственные беллетристические опыты Шпитальниковой нам неизвестны.

⁶ Поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955). Романисты — здесь, вероятно, в значении «специалисты по романским языкам».

⁷ В автобиографии 1924 г. Верховский писал:

Состоит научным сотрудником Исследовательского Института при Университете и Института Истории Искусств.

Без определенной работы — с начала осени 1923 (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 69. Л. 3 об.).

⁸ Первоначально «Фьезоланские нимфы» переводились для издательства Сабашниковых. В процитированном выше письме Верховского к М.В. Сабашникову от 25 января 1915 г. писалось: «Не посетуйте на меня за невольное промедление. Мне хотелось составить возможно более обстоятельный план предполагаемых изданий сборника старых французских лириков и поэм Боккаччо. Между тем работа очень затруднена почти полной невозможностью достать некоторые книги. Популярное издание итальянских поэм Боккаччо, на которое я рассчитывал, оказалось невозможным сейчас приобрести и в Москве, и в Петрограде. Старое издание достал только на днях в библиотеке романо-германского семинара в университете, и то не все. <...> Относительно поэм Бокаччо дело мне представляется в таком виде. Первый период его деятельности — представлен несамостоятельной поэмой Филострато. Второй — “иносказанием в формах пасторали” (по Веселовскому) — Амето и Любовным видением, своего рода “божественной комедией” — то и другое в строфах дантовской терцины. Третий период — “выход к свободному творчеству” — попытки классического

эпоса Тезеида и идиллия Нимфы Фьезоле — “поэтическое сплочение античного и средневекового” — то и другое в форме октавы.

Оставив пока в стороне первый период, я считал бы желательным перевод обеих вещей второго, а если выбросить из них одну, то остановился бы, м. б., на Любовном Видении. Впрочем, колеблюсь, т. к. Амето как раз мне не удалось сейчас достать и возобновить в памяти.

Из третьего периода Тезеида важна исторически, но художественно несколько растянута и тяжела — загромождена воспоминаниями античности, мифологией, перечнями имен и т. п. Не знаю, можно ли было бы решиться на сокращения и — с другой стороны — не был ли бы тяжел перевод без сокращений, тем более, что поэма обнимает более трех тысяч октав. — Я остановился бы на прекрасной идиллии Нимфы Фьезоле.

Таким образом, в отношении Боккаччо мой план мог бы быть сведен к переводу Нимф Фьезоле и Любовного Видения» (РГБ. Ф. 261. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 1–2). Перевод, вероятно, был готов к середине 1920-х гг. По крайней мере, в письме к И.А. Новикову от 2/15 ноября 1925 г. Верховский в перечислении череды неудач упоминает и: «Другой мой ресурс — перевод бокаччевской поэмы — постараюсь использовать почти без надежды» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 1 об.). В 1926 г., напутствуя М.А. Цявловского, Верховский просил: «Собираюсь писать Егору <Г.И. Чулкову>, не знаю, когда соберусь. При свидании скажите ему, пожалуйста: не будет ли он в “Круте”? Не спросит ли Тихонова о судьбе моего перевода Бокаччевских Нимф? Не напишет ли мне?» (письмо от 20 октября 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 2 об.). Перевод был издан лишь в 1934 г.

⁹ Первая строка — цитата из стихотворения Пушкина «Осень» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»).

¹⁰ Из-за утраты основной части архива Скалдина нам не очень просто идентифицировать тексты, читанные им при этой встрече. Много лет спустя А.П. Остроумова-Лебедева припоминала в письме к Верховскому:

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: не можете ли Вы сообщить мне некоторые сведения о писателе Скалдине?

Когда-то давно у Верховских <sic>, в Вашем присутствии он читал отрывки из своего нового романа, сцены которого происходили на острове Ява.

Содержание его романа тогда меня очень заинтересовало и вспоминая старые годы, хочу в своих воспоминаниях в III томе упомянуть об этом.

Но беда в том, что я забыла правильное название его романа. Приблизительно оно звучало так: «Земля Каанам». Вот название этого романа я очень прошу Вас уточнить, а кроме того не можете ли Вы мне сообщить его имя и отчество и дальнейшую его судьбу (письмо от 1 октября 1946 г. // РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 13. Л. 9–10).

При этом, конечно, у нас нет никакой уверенности, что речь идет именно об этом чтении. Сам Скалдин писал Иванову 1 декабря 1924 г. после следующей, уже московской встречи с Верховским: «Был на днях в Москве, читал Гершензонам и Верховскому свою новую прозу: “Рассказ о Господине Просто”, “Зоологический Лев”, читал стихи. Хвалить за доброту хвалили, но больше ругали за бездушные. Никак не мог взять в толк, в чем тут дело. Верховский, впрочем, больше молчал или говорил о себе: “Я, мол, такой, не могу этого понять”» [94, с. 128]. В анкете 1929 г. он перечисляет свои неопубликованные тексты: «Романы “Деревенская жизнь”, “Невероятная жизнь”, “Вечера у Мастера Ха”, ряд повестей и рассказов» [93, с. 422].

¹¹ Вероятно, речь идет о большом стихотворном цикле Скалдина, посвященном Иванову и датированном 9–12 июня 1923 г. [94, с. 120–126].

¹² Из запланированных пятнадцати томов «Полного собрания творений» Платона под маркой «Academia» вышло шесть: сперва (с 1922-м г. на титульном листе) вышел пятый, следом первый, тринадцатый и четырнадцатый (все — 1923 г.). См. об этом издании: [21, с. 299–301].

¹³ Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) — филолог-классик.

¹⁴ Подробно о положении в издательстве «Academia» Верховский писал Г.И. Чулкову 3 апреля 1923 г.: «Издательство Academia начинает издавать художественную литературу, т. е. беллетристическую прозу и стихи. Пока — небольшими книжками в 3–4–5 листов. Я отчасти связался с этим делом. Издатель, формально — председатель некоей коллегии, состав которой смутен и мне пока даже неизвестен, просил меня снестись с Вами и предложить Вам сотрудничество, ему лично дорогое. Не по-~~д~~берете ли Вы книгу рассказов немедленно? Она могла бы пойти в первую очередь. Чтобы начать серию, издательству нужно книг пять. Состав серии предполагается разнообразный. На 4–5 книг прозы — одна книга стихов. Не исключаются и книжки сборные, нескольких авторов, маленькие альманахи. Была речь и о большом, литературном и историко-литературном (статьи и материалы); это пока откладывается, но не отменяется» (РГБ. Ф. 371. К. 2. Ед. хр. 70. Л. 7). Александр Александрович Кроленко (1889–1970) — книговед, директор издательства «Academia».

33

Март 1924. Петроград

Мне телеграфного ответа не прислав,
Ты друга истомил, мой милый Вячеслав¹.
Хоть благодетель ты, иначе — Бонифаций²,
Бояться начал я прямых мистификаций,
Какие — неужель — предательно таит
Узывчивая речь прелестных Зинаид³?
Какой, какой борьбе — когда б ты только ведал, —
Твой зов издалека меня всецело предал!
Мой дух колеблемый, томясь меж трёх дорог,
Судьбу впотьмах искал — и робость превозмог:
Навстречу дружному уловленному звуку,
Глухому, смурному, простёр я твёрдо руку —
И уронил её... Я обманулся? Нет?
Иль мне почудилось? И тот живой привет
В моей ночи глухой неслышен и неведом,
Безвольно созданный моим пугливым бредом?
Ужели мать-ночь уж больше не со мной
И лишь насмешливо ослаблен мир дневной,
Что по-чиновничьи — и кратко, и речисто —
Велит теперь пенять — хоть на телеграфиста?
Так все терзания презренные мои —
И ласковых надежд воздушные рои,
И нищенской тоски неистовые крики
На трезвом свете дня беспомощны и дики;
Решимость бодрая нимало не сулит
Иным увидеть мир насилий и обид...
И даже не слышать мне речи мусикийской
В ответ на клич души — на стих александрийский?

Юрий Верховский

Петербург
III.924.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Впервые напечатано: [23, с. 226].

¹ Послание, на которое ждал ответа Верховский (и которое, судя по этому тексту, было исполнено александрийским стихом), нам неизвестно.

² Вероятно, Верховский возводит имя Бонифаций к латинским корням «хороший» и «делать».

³ Единственная Зинаида, находящаяся в этот момент в близком окружении Иванова, — З.В. Шпитальникова (см. прим. 4 к п. 32).

**Список взаимных стихотворных посвящений,
оставшихся за пределами публикации**

Верховский — Иванову

Цикл «Гимны» [48, с. 35–40].

Раздел «Сонеты» [48, с. 71–110].

«Дафнис» («*Как пышно зелены, как радостно цветущи...*») [49, с. 65].

«*В часы истомы творческого духа...*». — Акrostих. Текст неизвестен. Три первые строки взяты эпиграфом к ответному акrostиху Иванова «*Consolatio ad sodalem*» («*Юродствовать перед суемудрым светом...*»).

Цикл «Весенние элегии». — 6 апреля – 15 июля 1920. — Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Напечатано: [23, с. 220–225].

Иванов — Верховскому

Выздоровление («*Верховский! Знал ли я, что ты...*») [69, т. 1, с. 148–149]. Автограф с датой 20 марта 1907 г.: РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51. Л. 1.

«*Consolatio ad sodalem*» («*Юродствовать перед суемудрым светом...*») [69, т. 1, с. 149–150] (акrostих). Ответ на стихотворение Верховского «*В часы истомы творческого духа...*».

Послание на Кавказ («*Ты белый стих в обычай ввел отныне...*») [66, с. 104–108]. Ответ на письмо № 14. По поводу этого стихотворения Иванов позже говорил: «Когда я долго не видался с Ю.Н. Верховским и, наконец, сажился писать ему письмо, то, чтобы сразу ввести его в круг моей жизни, описывал с утра до ночи последний день» [82, с. 22].

«Свидание» («*Не верь поэту! В октябре...*») [66, с. 101]. Хотя по содержанию и можно предположить связь текста с биографией Верховского («Еще роскошного Кавказа / Услышим новые хвалы...») и пр., у нас есть безусловное свидетельство об адресате этого

текста из автокомментариев к сборнику, записанных М.С. Альтманом: «“Свидание” посвящено Юрию Верховскому» [29, с. 74].

Юрию Верховскому (*«Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...»*). — Рим 22 февраля / 7 марта 1913. Напечатано: [68, т. IV, с. 11–12]. Автографы: Римский архив Иванова. Оп. 1. К. 5. Тетр. 1. Л. 2–3 (список рукой М.М. Замятниной); РГБ. Ф. 109. К. 3. Ед. хр. 16. Ответ на письмо № 17.

Письмо из черноземной деревни (*«Я для раздолий черноземных...»*). — Впервые: Альманах Гриф. 1903–1913. М., 1914. С. 74–75. Автограф с датой «25 августа 1913 г.»: РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 304. Л. 15.

«Другу поэту» (*«Молчал я, брат мой, долго; и теперь...»*). — Впервые: Аполлон. 1914. № 10. С. 9. По автографу напечатано: [68, т. IV, с. 24] (без заглавия; с датой «19 ноября <1914>»). Автографы: ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 108 об.; Римский архив Иванова. Оп. 1. Картон 1. Папка 3. Л. 43; Там же. Оп. 1. К. 5. Тетр. 7. Л. 4. Ответ на письмо № 24.

«Помнишь ли, как небо было звездно?..» [68, т. IV, с. 39] (по автографу; с датой «26 мая <1915>»).

«Новодевичий монастырь» (*«Мечты ли власть иль тайный строй сердечный...»*). — Впервые: Утро России. 1916. № 104. 4 апреля. С. 5 (под заглавием «Посещение могилы Скрябина в Новодевичьем монастыре»; без посвящения). Перепечатано: Музыка. 1916. № 254. 16 апреля. С. 244 (заглавие то же; без посвящения); Современные записки. № LXV. 1937. С. 164 (здесь впервые появляется заглавие «Новодевичий монастырь» и посвящение Верховскому); Oxford Slavonic papers. V. 5. 1954. P. 63; [67, с. 93–94] (в примечаниях сказано: «Написан сонет в Москве, в 1915 г.»: Там же. С. 203). Автограф (без даты, без заглавия, без посвящений; с разночтениями): РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 64. Л. 1. Другие автографы: Римский архив Иванова. Оп. 1. К. 1. Папка 4. Л. 68, 69; Там же. Оп. 1. К. 1. Папка 7. Л. 164; Там же. Оп. 1. К. 5. Тетр. 2. Л. 11.

«В римской лачуге моей, за стаканом marino-asciutto...». — 10 июля 1926 г. [64, с. 35].

«Ты жив ли, друг? Зачем во сне...» («Римский дневник 1944 года», 8 мая). — Впервые: [67, с. 141]. Автографы: Римский ар-

хив Иванова. Оп. 1. К. 2. Папка 4. Л. 156, 157; Там же. Оп. 1. К. 6. Папка 8. Л. 228.

Список литературы

Исследования

1. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 284 с.
2. *Богомолов Н.* К литературной истории 1910 года // *L'anno 1910 in Russia / a cura di Duccio Colombo e Caterina Graziadei.* Salerno: Vereja Edizioni Salerno, 2012. Р. 51–62.
3. *Бугров Ю.А.* К уединенному долгу. Жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. 97 с.
4. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. 509 с.
5. *Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89–105.
6. *Глухова Е.В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: к истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 493–532.
7. *Дурылин С.Н.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Русская культура и Франция. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31–32. Кн. II. С. 491–562.
8. *Звонова С.А.* Творчество Ю.Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 225 с.
9. *Корчагин К.М.* Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 267 с.
10. *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.
11. *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 497–522.
12. *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура.

- Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 194–204.
13. *Лавров А.В.* Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 761 с.
 14. *Обатнин Г.В.* Еще раз о «помнить» и «вспомнить» у Вячеслава Иванова // *Окно из Европы: к 80-летию Ж. Нива* / сост. А.Е. Парнис, Г.В. Нефедьев, В.А. Скуратовский. М.: Три квадрата, 2017. 847 с.
 15. *Обатнин Г.В.* Еще раз о поэтическом отклике Вяч. Иванова на империалистическую войну (в печати).
 16. *Обатнин Г.В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // *Русская литература*. 2014. № 2. С. 264–281.
 17. *Обатнин Г.* «Исправленное и дополненное». Статьи о русской литературе. Хельсинки: University of Helsinki, 2022. 431 с.
 18. *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // *Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского* / сост.: М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402.
 19. *Обатнин Г.* Материалы к учению о рифме в башенной Академии стиха // *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. [Berlin:] Peter Lang, 2020. P. 333–366.
 20. *Раку М.* Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 717 с.
 21. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Петроградское философское общество и издательство «Academia» // *Вестник архивиста*. 2020. № 1. С. 293–305.
 22. *Соболев А.* Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: в 2 т. М.: Труть, 2013. Т. II. 440 с.
 23. *Шишкин А.* Вяч. Иванов и сонет серебряного века // *Europa Orientalis*. 1999. Vol. XVIII, № 2. С. 221–270.
 24. *Шишкин А.Б.* Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 780–807.

Источники

25. - *С. Чествование К.Д. Бальмонта* // *Биржевые ведомости*. 1912. № 12832. 12 марта. Утр. вып. С. 4.

26. Адресная книжка коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской Империи / сост. А.М. Иольсон. М.: Уполномоченный по филателии и бонам в СССР, 1925. 37 с.
27. *Аллей и Сафо*. Собр. песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 222 с. [некоторые экземпляры под тем же титулом имеют 255 с.]
28. *Аллей и Сафо*. Собр. песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинника Вячеслава Иванова / науч. ред., сост., вступ. ст. и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 2019. 396 с.
29. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 366 с.
30. *Андрей Белый. Эмилий Метнер*. Переписка. 1902–1915: в 2 т. Т. 2: 1910–1915 / публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 727 с.
31. [Б. а.] Беседа с поэтом // Русское слово. 1913. № 104. 7 мая. С. 6.
32. [Б. а.] В мире литературы и искусства // Современное слово. 1912. № 1495. 5 марта. С. 3–4.
33. [Б. а.] Дело К.Д. Бальмонта // Вечернее время. 1913. № 520. 31 июля. С. 2.
34. [Б. а.] Литературная летопись // Речь. 1912. № 63. 5 марта. С. 5.
35. [Б. а.] Юбилей К.Д. Бальмонта // Исторический вестник. 1912. № 4. С. 337–338.
36. *Байрон*. <Сочинения>: [в 3 т.]. / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. Т. 1–3. (Библиотека великих писателей)
37. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1969. 709 с.
38. Библиография К.Д. Бальмонт: в 4 т. / сост. С.Н. Тяпков, А.Ю. Романов, О.В. Епишева; отв. ред. С.Н. Тяпков. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. Т. 2: Произведения о поэте и его творчестве, изданные на русском языке в России, СССР и Российской Федерации (1893–2007 гг.). 488 с.
39. Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова: библиографическое описание / сост. В.В. Гольдберг, М.И. Кострова, К.А. Марцишевская. М.: Книга, 1975. 480 с.
40. *Благовидов Ф.В.* Отчеты о состоянии Тифлиских Высших Женских курсов за 1913–1914 и 1914–1915 учебные годы. Тифлис, 1915. 84 с.

41. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 543 с.
42. Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. М.: Наука. 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм. С. 153–539.
43. Брюсов В. Stephanos. Венок. Стихи 1903–1905 года. М.: Скорпион, 1906. 180 с.
44. Валерий Брюсов и Петр Струве. Переписка. 1906–1916 / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. СПб.: Нестор-История, 2021. 615 с.
45. Верховский Ю. Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные. Пг.: Изд. А.С. Кагана, 1922. 118 с.
46. Верховский Ю. Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 152 с.
47. Верховский Ю.Н. Отчет о поездке летом 1908 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. [оттиск из: Известия Имп. Акад. наук. 1908. VI серия, № 16. С. 1202–1210.]
48. Верховский Ю. Разные стихотворения. М.: Скорпион, 1908. 116 с.
49. Верховский Ю. Стихотворения. М.: Мусaget, 1917. Т. 1. 246 с.
50. Верховский Ю. Струны / сост., подгот. текста, ст. и коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 926 с.
51. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. 546 с.
52. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Кейдана. М.: Кошелев, 1997. 745 с.
53. Воспоминания А.Г. Беркович (из истории блокадных библиотек) / публ. Н.С. Беляева // Петербургская библиотечная школа. 2002. № 3. С. 57–62.
54. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 год. М.: Городская тип., 1911. 872 с., 2627 стб. (разд. паг.)
55. Высочайше утвержденное русское общество пароходства и торговли. Агентства, флот. Пассажирские правила. Расписание рейсов пароходов. На 1912 г. [СПб.], [1912]. 472 с.
56. Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка. 1895–1924. М.: Трутен, 2018. 802 с.
57. Глухова Е. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925) // Русско-итальянский

- архив VIII = Archivio russo-italiano VIII / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici – Università di Salerno, 2011. P. 27–104. (Collana di Europa Orientalis)
58. Горнунг Л.В. А.И. Ходасевич // Ново-Басманная, 19 / сост. Н. Богомолов. М.: Худож. лит., 1990. С. 388–390.
 59. Давиденков Н. Воспоминания о годах учения в Смоленской мужской гимназии (1892–1897) / публ. В.А. Сухановой // Край Смоленский. 1997. № 10–12. С. 25–39.
 60. Е.П. Юбилейное торжество в честь К.Д. Бальмонта // Против течения. № 25. 17 марта 1912. С. 3–4.
 61. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 6: Переводы из Гомера. 733 с.
 62. Записки Неофилологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб.: Тип. А.Э. Винеке. 1914. Вып. VII. 86 с.
 63. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Трагический зверинец. СПб.: Оры, 1907. 291 с.
 64. Иванов Вяч. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 25–48. (Collana di Europa Orientalis)
 65. <Иванов Вяч.> Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко, коммент. С. Кульбюс и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53/54. С. 460–630.
 66. Иванов Вяч. Нежная тайна. ЛЕПТА. СПб.: Оры, 1912. 119 с.
 67. Иванов Вяч. Свет вечерний. Оксфорд: Clarendon Press, 1962. 229 с.
 68. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
 69. Иванов Вяч. Cor Ardens. М.: Скорпион, 1911. Т. 1. 234 с.
 70. Известия Тифлиских высших женских курсов. Программы лекций и другие сведения о преподавании предметов. Тифлис: Совет Тифлиских высших женских курсов. 1914. Кн. 1. Вып. 2. 131, 49 с. (разд. паг.)
 71. К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы. Сб. документов. Комментированное издание / авт.-сост. Н.В. Бекжанова, Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Перекрест. СПб.: БАН, 2018. 253 с.

72. К семидесятипятилетию Николая Николаевича Давиденкова // Журнал технической физики. 1954. Т. XXIV. Вып. 3. С. 369–374.
73. Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. 462 с.
74. Кузмин М. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 606 с.
75. Кузмин М. Дневник 1908–1915 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 861 с.
76. Кузмин М. Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 573 с.
77. Кузмин М. Осенние озера. М.: Скорпион, 1912. 233 с.
78. Леонов Л. Деревянная королева. Бубновый валет. Валина кукла. Пг.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923. 68 с.
79. Литературный сборник. СПб., 1908. [Издание описано в справочнике: Воронков А.И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 197; экземпляры не разысканы].
80. Литовцев С. Праздник молодой русской поэзии // Речь. 1912. № 70. 12 марта. С. 3.
81. Лукницкий П.Н. Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2: 1926–1927. Париж; М.: Русский путь, 1997. 372 с.
82. Мочалова О. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах / сост., предисл. и коммент. А.А. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия, 2004. 299 с.
83. Недоброво Н. Милый голос. Избранные произведения / сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск: Водолей. 2001. 351 с.
84. Оганджанов А.С. К вопросу о борьбе против распространения сыпного тифа // Тифлисский листок. 1915. № 28. 5 февраля. С. 2.
85. Переписка <В.Я. Брюсова> с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов / ред. А.Н. Дубовиков и Н.А. Трифонов. С. 428–545.
86. Переписка <В.Я. Брюсова> с К.Д. Бальмонтом / вступ. ст. и подгот. текстов А.А. Нинова, коммент. А.А. Нинова и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонов. С. 30–239.
87. Переписка <В.Я. Брюсова> с С.А. Поляковым / вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева, публ. Н.В. Котрелева, А.К. Кувановой и

- И.П. Якир // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н.А. Трифонов. С. 5–136.
88. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / предисл. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–455. (Collana di Europa Orientalis)
 89. Письма М.А. Гофмана к Б.А. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / публ. Т.И. Краснобородько, при участии В.Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 180–238.
 90. Письма Ю.Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской / публ. Т.В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121–140.
 91. С.А. Рачинский и его школа. Сб. статей. Jordanville: Holy Trinity monastery, 1956. 84 с.
 92. *Сердаковский Л.В.* Невозможная миссия // Новый журнал. 1980. Кн. 141. С. 128–145.
 93. *Скалдин А.Д.* Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т.С. Царьковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 525 с.
 94. *Скалдин А.* Стихи и письма / подгот. текста, послесл. и коммент. В. Вотрина // Новый мир. 2014. № 5. С. 120–135.
 95. Справочная книга по гор. Тифлису. Приложение к Кавказскому Календарю на 1913 год. Тифлис: Канцелярия наместника е. и. в. на Кавказе, 1912. 296 с.
 96. Стихотворения Юрия Верховского из Римского архива Вячеслава Иванова / публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 220–226.
 97. *Троцкий С.В.* Воспоминания / публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41–88.
 98. Ф.И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев; под ред. К.В. Пигарева. М.: Книга, 1978. 263 с.
 99. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 861 с.

100. Холера 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. на водных путях Казанского округа путей сообщения и борьба с нею. Казань: Казанский округ путей сообщения, 1911. 139 с.
101. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература эпохи Возрождения и XVII века / сост. Б.И. Пуришев. М.: Учпедгиз, 1937. 776 с.
102. Ю.Н. Верховский в газете «Свободная Пермь» / вступ. ст. и подгот. текста С.А. Звоновой и Т.Н. Фоминых // Филолог. 2005. № 7. С. 63–72.

References

1. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh. Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907. Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulagina — Intrada Publ., 2009. 284 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N. “K literaturnoi istorii 1910 goda” [“To the Literary History of 1910”]. Colombo, Duccio, and Caterina Graziadei, editors. *L'anno 1910 in Russia*. Salerno, Vereja Edizioni Salerno, 2012, pp. 51–62. (In Russ.)
3. Bugrov, Iu.A. *K uedinennomu dolu. Zhizn' i tvorchestvo poeta Valeriana Borodaevskogo* [*To the Secluded Valley. The Life and Work of the Poet Valerian Borodaevsky*]. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2006. 97 p. (In Russ.)
4. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 2, ex. ed. N.Yu. Gryakalova, A.B Shishkin. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)
5. Gasparov, M.L. “Lektsii Viach. Ivanova o stikhe v Poeticheskoi Akademii 1909 g.” [“Ivanov's Lectures about Poems at the Poetry Academy in 1909”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 10, 1994, pp. 89–105. (In Russ.)
6. Glukhova, E.V. “Viacheslav Ivanov i Valerian Borodaevskii: k istorii vzaimootnoshenii” [“Vyacheslav Ivanov and Valerian Borodaevsky: on the History of Relations”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 493–532. (In Russ.)
7. Durylin, S.N. “Aleksandr Diuma-otets i Rossiia” [“Alexander Dumas-father and Russia”]. *Literaturnoe nasledstvo. Russkaia kul'tura i Frantsiia* [*Literary Legacy. Russian Culture and France*], vol. 31–32, book II. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937, pp. 491–562. (In Russ.)
8. Zvonova, S.A. *Tvorchestvo Iu.N. Verkhovskogo v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi treti XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [*The Work of*

- Yu.N. Verkhovsky in the Historical and Cultural Context of the first third of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Perm', 2006. 225 p. (In Russ.)
9. Korchagin, K.M. *Tsezura v russkom stikhe XVIII – pervoi chetverti XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [*Caesura in the Russian Verse of the 18th – first quarter of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Moscow, 2012. 267 p. (In Russ.)
10. Kotrelev, N.V. “Viach. Ivanov — professor Bakinskogo universiteta” [“Vyach. Ivanov — Professor of Baku University”]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], issue 209: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XI. Literaturovedenie [Works on Russian and Slavic philology. XI. Literary studies]. Tartu, Tartuskii Gosudarstvennyi universitet Publ., 1968, pp. 326–339. (In Russ.)
11. Kotrelev, N.V. “Viacheslav Ivanov v rabote nad perevodom Eskhila” [“Vyacheslav Ivanov in the Work on the Translation of Aeschylus”]. *Eskhil. Tragedii v perevode Viacheslava Ivanova* [Aeschylus. Tragedies Translated by Vyacheslav Ivanov]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 497–522. (In Russ.)
12. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friendly Messages of Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 194–204. (In Russ.)
13. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and Others. Articles. Searches. Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 761 p. (In Russ.)
14. Obatnin, G.V. “Eshche raz o ‘pomnit’ i ‘vspomnit’ u Viacheslava Ivanova” [“Once again about the ‘Estate’ and ‘Remember’ by Vyacheslav Ivanov”]. *Okno iz Evropy: k 80-letiiu Zh. Niva* [Window from Europe: to the 80th Anniversary of Zh. Niva], comp. A.E. Parnis, G.V. Nefediev, V.L. Skuratovskii. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2017. 84 p. (In Russ.)
15. Obatnin, G.V. *Eshche raz o poeticheskom otklike Viach. Ivanova na imperialisticheskuiu voinu* [Once again about the Poetic Response of Vyach. Ivanov on the Imperialist War] (In print). (In Russ.)
16. Obatnin, G.V. “Iz arkhivnykh razyskanii o Viach. Ivanove” [“From Archival Searches about Vyach. Ivanov”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2014, pp. 264–281. (In Russ.)

17. Obatnin, G. *"Ispravlennoe i dopolnennoe". Stat'i o russkoi literature* ["Corrected and Supplemented". An Article about Russian Literature]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2022. 431 p. (In Russ.)
18. Obatnin, G.V. "Kiuvil'e, Ivanov i Bettina fon Arnim" ["Cuvillier, Ivanov and Bettina von Arnim"]. *Rossia i Zapad. Sbornik statei v chest' 70-letia K.M. Azadovskogo* [Russia and the West. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of K.M. Azadovsky], comp. M. Bezrodnyi, N. Bogomolov, A. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 345–402. (In Russ.)
19. Obatnin, G. "Materialy k ucheniiu o rifme v bashennoi Akademii stikha" ["Materials for the Teaching of Rhyme in the Tower Academy of Verse"]. Fleishman, Lazar, Bethea, David M., and Ilya Vinitsky, editors. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. [Berlin], Peter Lang, 2020, pp. 333–366. (In Russ.)
20. Raku, M. *Muzykal'naia klassika v mifotvorchestve sovetskoï epokhi* [Musical Classics in the Myth-making of the Soviet Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 717 p. (In Russ.)
21. Sinel'nikova, E.F., Sobolev, V.S. "Petrogradskoe filosofskoe obshchestvo i izdatel'stvo 'Academia.'" ["Petrograd Philosophical Society and Publishing House 'Academia.'"]. *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2020, pp. 293–305. (In Russ.)
22. Sobolev, A. *Leteiskaia biblioteka. Ocherki i materily po istorii russkoi literatury XX veka: v 2 t.* [Library of Lethe. Essays and Materials on the History of Russian Literature of the 20th Century: in 2 vols.], vol. II. Moscow, Truten' Publ., 2013. 440 p. (In Russ.)
23. Shishkin, A. "Viach. Ivanov i sonet serebriannogo veka" ["Vyach. Ivanov and the Sonnet of the Silver Age"]. *Europa Orientalis*, vol. XVIII, no. 2, 1999, pp. 221–270. (In Russ.)
24. Shishkin, A.B. "Materialy k teme 'Viach. Ivanov i pushkinovedenie.'" ["Material for the Topic 'Vyach. Ivanov and Pushkin Studies.'"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 780–807. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-703-741>

<https://elibrary.ru/SBVJZN>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. *Е.В. Глухова, предисловие,
подготовка текста и примечания*
© 2024 г. *О.А. Фетисенко, подготовка текста*

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ, НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ДРУГИЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ ПУШКИНСКОГО СЕМИНАРИЯ В 1919 Г.: КОНСПЕКТЫ И.А. КАШКИНА

Аннотация: Материалы, представленные в публикации, относятся ко времени существования Пушкинского семинария, организованного В.И. Ивановым в 1919–1920 гг. в студии Гунста в Москве. В предисловии на основе архивных документов рассмотрена биография и период краткого общения переводчика, филолога и поэта И.А. Кашкина (1899–1963) с В.И. Ивановым. Впервые публикуются конспекты из записной книжки Кашкина, который был слушателем и участником семинария летом 1919 г. Эти записи на сегодняшний день являются единственными сохранившимися подробными конспектами выступлений В.И. Иванова, Н.А. Бердяева и других участников семинария. Конспекты лекций и семинарских занятий Иванова, посвященных стиховедческому разбору лирики Пушкина, а также лекция Бердяева о личности и творчестве Андрея Белого представляют несомненный интерес для историка символистской культуры послереволюционного времени.

Ключевые слова: В.И. Иванов, И.А. Кашкин, Н.А. Бердяев, Андрей Белый, А.С. Пушкин, лирика, стиховедение, студия Гунста, Пушкинский семинарий.

Информация об авторах:

Елена Валерьевна Глухова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3847-0369>

E-mail: elenagluhova@mail.ru

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: Вячеслав Иванов, Николай Бердяев и другие на заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г: конспекты И.А. Кашкина / предисл. и примеч. Е.В. Глуховой, подгот. текста Е.В. Глуховой и О.Л. Фетисенко // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 703–741.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-703-741>

© 2024. *Elena V. Glukhova, preface,
text preparation and notes*

© 2024. *Olga L. Fetisenko, text preparation*

VYACHESLAV IVANOV, NIKOLAI BERDYAEV AND OTHERS AT THE MEETINGS OF THE PUSHKIN SEMINARY IN 1919: NOTES BY I.A. KASHKIN

Abstract: The materials presented in the publication refer to the period of the Pushkin Seminary, organized by V.I. Ivanov in 1919–1920 in Moscow. In the preface, based on archival documents, the biography and period of brief communication between the translator, philologist, poet Kashkin (1899–1963) and V.I. Ivanov are considered. For the first time, notes are published from the notebook of Kashkin, who was a student and participant in the seminary in the summer of 1919. These notes are today the only surviving detailed notes of the speeches of Ivanov, Berdyaev and other seminary participants. Notes from Ivanov's lectures and seminars devoted to poetic analyzes of Pushkin's lyrics, as well as Berdyaev's lecture on the personality and work of Andrei Bely, are of undoubted interest for a historian of Russian symbolist culture of the post-revolutionary period.

Keywords: V. Ivanov, A.S. Kashkin, N.A. Berdyaev, Andrei Bely, A.S. Pushkin, poetry, prosody, Gunst studio, Pushkin Seminary.

Information about the authors:

Elena V. Glukhova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3847-0369>

E-mail: elenagluhova@mail.ru

Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI), Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

For citation: “Vyacheslav Ivanov, Nikolai Berdyaev and Others at the Meetings of the Pushkin Seminary in 1920: Notes by I.A. Kashkin”, preface and notes by E.V. Glukhova, text preparation by E.V. Glukhova and O.L. Fetisenko. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 703–741. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-703-741>

Пушкинский семинарий под руководством Вяч. Иванова был организован в феврале 1919 г. И.М. Дегтеревским¹, Е.Н. Елеонской и А.А. Дилевской². Заседания проходили по средам в квартире Дегтеревского, по адресу Староконюшенный, в доме № 4, который принадлежал А.О. Гунсту и где располагалась Лига любителей драматического искусства, организованная совместно с Е.Б. Вахтанговым. В этом доме располагались меблированные комнаты «Гунст»³, по всей видимости, Дегтеревскому после революции был предоставлен один из номеров в личное пользование; для краткости место проведения Пушкинского семинария обозначалось как «студии Гунста» (см. ниже в конспекте Кашкина). Подробная хроника работы заседаний за 1919 и 1920 гг. не сохранилась, однако частично ее можно реконструировать, обратившись к обзору «О первом семестре “Пушкинского семинария” под руководством Вячеслава Иванова и о лекциях в этом семинарии» [6, с. 785], где достаточно подробно изложена содержательная часть этих встреч, в том числе конспективно обозначены темы, с которыми выступал Иванов. К сожалению, авторских черновых набросков его выступлений не сохранилось, по

¹ Иван (Иосиф) Моисеевич Дегтяревский (Дегтеревский, Дехтяревский, 1891–1961) — поэт и филолог, профессор МПИ; см. о нем: [5; 6, с. 785].

² См. в воспоминаниях поэтессы О.А. Мочаловой: [14, с. 15–16]; о работе Пушкинского семинария см. в работе: [6].

³ Известно, что в этих номерах в 1903–1906 гг. проживал И.А. Бунин.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

этой причине обнаруженная записная книжка с отрывочными конспектами заседаний Пушкинского семинария представляет и содержательный интерес, демонстрируя высказывания Иванова об особенностях ритмометрической системы и средствах выразительности пушкинского стиха.

Записная книжка принадлежала слушателю семинария Ивану Александровичу Кашкину⁴ (1899–1963), впоследствии он стал переводчиком, специалистом по теории перевода; на момент встречи с Ивановым он был совсем молодым человеком и вероятнее посещал заседания только в июне 1919 г., получив увольнение на краткий срок от военной службы в рядах Советской Армии.

Революция застала И.А. Кашкина, студента историко-филологического факультета Московского университета⁴, в Москве; в 1918 г. он вступил добровольцем в Красную Армию, где три года, по собственному свидетельству [13, с. 6], служил рядовым в частях тяжелой артиллерии: «<...> нужно и еще чему-то и как-то учиться, из всей Москвы, из всего мира, создавая себе университет, взамен схоластического, который не удержал меня в осень 1918 года от странного но незабываемого звания добровольца-чернорабочего 5-го отделения полевого тяжелого артиллерийского дивизиона батареи “Слово” Тяжелой Артиллерии особого назначения <...>». Для сопоставления фактов приведем запись в учетном листке отдела кадров ВЛХИ, где в пункте «Краткая история предшествовавшей службы» было указано, что «с сентября 1918 года служил в Красной Армии последовательно — рядовым, переводчиком, преподавателем военных школ»⁵. Из записи в другой анкете следует, что его основная часть службы в действующей Армии была связана с переводческой и штабной работой: «С 1918 по 1921 работа в Культурно-просветительных организациях Красной Армии»⁶.

⁴ Сведения об этом периоде обучения почерпнуты нами из открытых источников (URL: <https://www.litres.ru/author/ivan-kashkin/ob-avtore/> (дата обращения: 23.01.2024)); в двух анкетах при поступлении на должность преподавателя ВЛХИ Кашкин этот эпизод не упоминает.

⁵ РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 20.

⁶ Там же.

Следующий раз Кашкин появляется в кружке поэзии, организованном по инициативе молодых писателей при московском Институте декламации [4], в 1920 г. (среди участников — Ф.И. Коган, О.А. Мочалова, М.П. Никитин, Д.А. Суражевский, Е. Гарпенко, М.В. Карпова, А.В. Костенская, Т.М. Левит); к этому же периоду 1918–1920 гг. относятся его первые поэтические опыты. В записях Фейги Коган зафиксированы комментарии Вяч. Иванова на встречах с молодыми поэтами; первая запись зафиксировала присутствие Кашкина на встрече 26 марта, когда Иванов комментировал написанный им сонет; затем на встрече 4 июня Иванов делает следующее замечание к его стихам: «Мысль выражена беспорядочно, импрессионистически. Все три стихотворения — наброски, но наброски интересные... Вы мне напоминаете музыканта, который нарочно берется играть трудные вещи, а в пальцах еще нет беглости. Это весьма похвально, но можно так и пальцы обломать!» [4, с. 140]. 20 июня 1920 г. после чтения Кашкиным своих стихотворных опытов в форме триолета, рондо и ронделя (эти стихотворные формы были предложены в качестве учебного упражнения) Иванов заметил: «...все эти технические усилия очень интересны. Пусть будет даже крутая работа, но без компромиссов с самим собой, пусть будет ясно, остро, хотя бы даже первоначально было трудно уловить. Чинят же стихотворения, расплавивши их; пусть неудачный стих станет раскаленным железом, заработает фантазия, заработает вихревое движение — тогда его можно расплавить» [4, с. 143–144].

В составе фонда 109 В. Иванова в ОР РГБ сохранился документ — машинопись с программой концерта, в котором Вяч. Иванов принимал участие с чтением стихов; на обратной стороне программки — машинопись шуточного удостоверения, после которого трижды записано имя Ивана Кашкина⁷. Иные свидетельства о данном концерте нами не обнаружены; несмотря на то, что все упомянутые в программке персоны — реально жившие люди, мы лишь можем предположить, что речь идет о действительно состоявшемся, а не о вымышленном концерте.

⁷ НИИОР РГБ. Ф. 109. К. 51. Ед. хр. 6. Л. 55–55 об.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

УСАЧЕВСКО-ЧЕРНЯЕВСКОЕ Женское училище
ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТ.

I-е ОТДЕЛЕНИЕ.

1. гр. А. Толстой — «Христос и грешница». Исп. Н.Н. СОКОЛОВ.

2. Томэ Andante religioso (для скрипки). Исп. П. ПАΠΑНДОПУЛЛО.

3. Страделла (Духовная песнь). Исп. Арт. Госуд. Театр. Ю.И. УСПЕНСКАЯ.

Л.В. Иванова⁸

4. Стихотворения А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, Языкова и др. исп<олняет> Н.Н. ПРЕЙС.

2-е ОТДЕЛЕНИЕ

1. Ангел (слова [Лермонтова] Пушкина) муз. Эрлиха, гимн Рождеству, муз. Адама, Пророк (слова Круглова) муз. Рахманинова. Исп<олняет> М.С. БЕКШЕЕВ.

2. А.Г. ГРЕЧАНИНОВ. У криницы (триптих) Слова В.И. Иванова, муз. А.Г. Гречанинова, исп<олняет> П.Ж. ДОБЕРТ аккомпанир. автор.

(исполнится дважды)

3. В.И. ИВАНОВ прочтет свои стихотворения.

4. а) ШОПЕН-ГЛАЗУНОВ Этюды (виолонч.)

б) ФОРЭ — Элегия Исп. преподават. Моск. филармонии Г.В. Окорочков, акомп. концертмейстер народн. театра Д.И. Шведов.

5. Стихотворения — Н.Н. ПРЕЙС.

Цены местам: 5 р., 3 р., 2 р., и входн. 1 р.

На другой стороне программки располагается следующий шуточный текст (проставленная дата, скорее всего, не соответствует действительности):

⁸ Вписано карандашом.

Московский Революционный
ШТАБ

29/10 апр.1918-го г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Сим удостоверяю, что предъявитель сего Николай Владимирович Воробьев имеет право ношения при себе ХОЛОДНОГО И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ.

Начальник Штаба: МУРАЛОВ.

Главверх: ЧЕРТЯКИН.

Секретарь: НЕГРАМОТНЫЙ.

Казначей: ОБВОРУЕВ.

ИВАНЪ КАШКИНЪ⁹

ИВАНЪ КАШКИНЪ

ИВАНЪ КАШКИНЪ

Учачевско-Черняевское

Женское училище

Следует добавить, в фонде В.И. Иванова, в отделе рукописей Пушкинского Дома, сохранились черновики стихотворений Кашкина [4, с. 157]; по всей видимости, приведенная выше программка и шуточная запись относятся к периоду кружка 1920 г. На последней встрече с группой молодых поэтов Иванов посоветовал им искать обучения поэтическому мастерству у В.Я. Брюсова, и Кашкин устраивается на службу во ВЛХИ.

Приведем выдержки из одной из автобиографических справок Кашкина: «кончил Моск. Шелапутинскую гимназию. Со 2го курса историко-филологического ф-та 1го Моск. Университета ушел в Красную Армию, после трехлетней службы в ней (начинал с телефониста 5-го дивизиона батареи «С» Тяж<елой>Артиллерии Особого назначения и кончая преподавателем военных школ) был демобилизован по болезни в 1921 г. и в виду полной реорганизации 1-го МГУ поступил на Лит.-лингвистическое отд. Педфа-

⁹ Эти и последующие фразы напечатаны снизу на перевернутом листе.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

ка 2-го МГУ, которое и окончил по специальности английского языка и литературы в 1924 г.»¹⁰

Осенью 1920 г. он поступил на высшие педагогические курсы Главпрофобразования¹¹, затем записался в филологическую секцию Педфака 2-го МГУ¹² (закончил в 1925 г.); одновременно преподавал английский язык студентам ВЛХИ («С осени 1921 по 1923 г. служил в ВЛХИ помощником секретаря и Секретарем Учебной части, с осени 1920 г. — преподавателем английского языка»¹³), принимал участие в работе секций РАХН (а в 1930-е гг. был там аспирантом). В анкете «Личный листок научного работника» от 29 января 1925 г. в пункте «Предшествовавшая общественная деятельность... в научных областях» отмечено: «Пушкинский семинар» В. Иванова, Кабинет поэтики ВЛХИ (секретарь в 1922–23 гг.)»¹⁴.

В дальнейшем Кашкин писал стихи «в стол», при жизни ему не удалось издать ни одной книги своих стихов, основным направлением его литературной деятельности становится перевод англоязычной литературы, им был написан ряд статей о теории перевода. С начала 1930-х гг. вокруг него сформировалась школа художественного перевода — группа переводчиков, в которую вошли В.М. Топер, О.П. Холмская, Е.Д. Калашникова, Н.А. Волжина и др., — их называли «кашкинцами»).

Для восстановления хронологической последовательности занятий в Пушкинском семинарии нам необходимо сопоставить отчет «О первом семестре Пушкинского семинария под руководством Вячеслава Иванова и о лекциях при этом семинарии» [6, с. 784–791] и датировку записей в записной книжке Кашкина. Отчет описывает первые пять месяцев занятий в 1919 г. без указания точных дат; скорее всего, отчет был составлен на основа-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2

¹¹ Главное управление профессионального образования было учреждено в составе Наркомпроса в 1920 г.

¹² В 1918 г. Московские высшие женские курсы были реорганизованы во второй МГУ (см. подробнее: [3]).

¹³ РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 20.

¹⁴ Там же.

нии записей одного из постоянных участников семинария и согласован с Ивановым. В конспектах Кашкина отсутствует год, но понятно, что это июнь 1919-го; поскольку в этот период Кашкин все еще выполнял обязанности штабного служащего, то можно предположить, что в июне его отпустили на побывку, и это время использовалось им для самообразования — посещения различных культурно-просветительных мероприятий. Пушкинский семинарий собирался по средам — этими днями отмечены доклады 11 и 25 июня. Конспекты были сделаны с одной и с другой стороны записной книжечки. Т. е. хронологически сначала следуют конспекты докладов И.Н. Розанова «Подражание Анакреону» и анализ стихотворения «Осень», выполненного И.М. Дегтеревским (в архивной пагинации — Л. 17–17 об.), но нам неизвестно в какие дни состоялись эти заседания. По записи видно, что Кашкин впервые попал в «студию Гунста» и решил, что один из докладчиков — сам Гунст, однако выяснилось, что это Дегтеревский. После этого появляется первая дата — 11 июня; в этот день Иванов разбирал следующие стихотворения: «Элегия», «Буря», «Мадонна» и «Подражание древним». Это наиболее значительная часть записей выступления самого Иванова (Л. 18–21 об.). Между занятиями 11 и 22 июня состоялась лекция Иванова о романе Достоевского «Идиот», о чем имеется соответствующая запись, однако конспект лекции отсутствует.

Придя на заседание 22 июня, Кашкин оказался свидетелем большой и подробной лекции Н. Бердяева «Андр<ей> Белый как духовн<ая> проблема» (в отчете другое название: «О творчестве Андрея Белого» [6, с. 784]). Эта лекция, как и последующие за нею записи выполнены на обратной стороне книжки (Л. 2–10). Затем, 23 июня, в воскресенье, состоялась учебная лекция Иванова о рифме и средствах выразительности поэтического текста, разбиралось стихотворение Пушкина «Воспоминание» (Л. 10 об. – 13 об.). И последняя запись — в среду, 25 июня — доклад профессора Ю.П. Денике (1887–1964) (Л. 22–25), с комментариями к докладу выступил сам Иванов (Л. 25 об.): «Доклад о стихотв. Пушкина “Вельможе” делал Ю.П. Дейнике писатель и публицист, с мая 1920 г. читал лекции в литературной студии

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Лито Наркомпроса». В записке о заседаниях отмечено: «Наконец, на предпоследнем заседании был заслушан Ю.П. Дейника о “Вельможе”, в котором он дал тонкий разбор этого произведения с точки зрения выполнения портрета Юсупова, а также со стороны ритмической. Руководитель семинария обратил внимание, кроме того, на эйдетичность портрета Юсупова, на глубокое проникновение Пушкина в философию истории, на музыкальную структуру произведения и на отражение в нем стихотворения Бомарше, написанного последним Юсупову, с указанием, кроме того, на все стихотворение в целом, как на разговор Пушкина с Юсуповым» [6, с. 790].

* * *

В публикуемом ниже конспекте мы не придерживаемся архивной пагинации, расположив доклады в хронологической последовательности. Все записи выполнены карандашом, с большим числом сокращений, вызванных необходимостью скорого конспектирования живой речи; расшифровка текста зачастую представляет собой реконструкцию, однако исследователь при необходимости может самостоятельно сопоставить рукописный и публикуемый варианты. Авторская орфография и пунктуация в целом сохранена.

И.А. КАШКИН
КОНСПЕКТ ЗАНЯТИЙ В ПУШКИНСКОМ СЕМИНАРИИ
ВЯЧ. ИВАНОВА¹⁵

Семинарий по Пушкину

под руковод<ством> В. Иванова.

Среда 7–9 вечера.

1) Анакреонтическ<ие> стихотв<орения> Пушкина. Одно 28-го — 3-е и 4-е — 30 года. Доклад И.Н. Розанова¹⁶ — скучный, сухой с улыбочкой и оглядкой на ВИ.

Оживляло чтение греческих подлинников В<ячеславом> Ив<анович>ем и его тонкий разбор стилистики стихотворений, а всколыхнул всех заключительный экскурс на тему об эллинизме, привитом и платонически неудачном немцев и кровно-органическом латинян и отчасти славян. — Работа Ростовцева — подробн<ее> в перекидном календаре за <12> мая¹⁷.

2) Лирика 30-го года — Ив<ан> Моис<еевич> Гунст¹⁸? Заметки на полях карманного Пушкина. Разобраны: «Осень», «Шалость»¹⁹.

Доклад строится на совмещении субъективно-импрессионистических впечатлений от красочного восприятия Пушкин-

¹⁵ Рукопись хранится в РГАЛИ. Ф. 2854. Оп. 1. Ед. хр. 144.

¹⁶ Ср.: «...на протяжении всего семинария постепенно вскрывалась глубокая зависимость Пушкинского творчества от первоисточников греческой культуры, и особенно сильным подтверждением этих назревших выводов явились разборы тех его произведений, где импульсом к творчеству послужили сами творения греческих авторов.

Исследования в этой области были произведены И.Н. Розановым, сделавшим доклад о “Подражании Анакреону” главным образом со стороны ритмической структуры <...>» [6, с. 788].

¹⁷ Сведений о статье Ростовцева обнаружить не удалось. Вероятно, речь идет об историке М.И. Ростовцеве (1870–1952), антиковеде и археологе, знакомом В. Иванова; в 1919 г. он перебрался в Великобританию, а затем в США [1].

¹⁸ Поскольку место встреч семинария проходило в «студии Гунста», Кашкин решил, что это сам Гунст, хотя это был хозяин помещения И.М. Дегтеревский.

¹⁹ Первоначальное название стихотворения Пушкина «Бесы» (1830).

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

ского осеннего пейзажа, собственно даже двух: 1) пышного багреца и золота древесного убора спокойной полноты завершенного лета, — образ девушки уже снедаемой внутренним недугом, и 2) [Бурного] сумрачного приближения зимы, подчас бурного, подчас, как в «Шалости», безнадежно-унылого; и такого же импрессионистически музыкального вслушивания и кропотливого изучения бессознательной, быть может, тонкой инструментовки Пушкина (под влиянием Белого вычерчивает Гунст схемы и диаграммы так и не виданные). Гунст видит отражение осенней широты в преобладании в некоторых строфах «Осени» «а». Напр<имер>

Подчеркивает появление О с мотивом зимы или в Унылой «Шалости», подмечает гулкое энергичное тут У в 12 стр<оке>, а из согласных с помощью Иванова в ущерб шелестящим шипящим, которым нет больше места в ущербной осени с нарастанием холодеющего Н, исчезновения и радиального рокошующего «Р» как лейтмотива.

11 июня²⁰

«Элегия»²¹ — пример бесколоритного, рассчитанно гармоничного, уравновешенно спокойно.

«Буря» — определ<енная> колорит<ность>

5-тистопн<ый> ямб.

Цезура диподий / триподий

две константы — *на треть*²² выдержанно и дает строй <?>

Смежные рифмы французс<кого> типа с чередов<анием> мужских и женских в ритмич<еском> отнош<ении> дает паузу после 2 частн<ого> двустипья.

Дает лишнюю скрепу устойчивому ритму.

разнообразие гласных в конце колона — перед цезурой
кроме хочю ~

²⁰ Далее следует разбор стихотворений Пушкина, выполненный Вяч. Ивановым.

²¹ Стихотворение «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830).

²² *Под строкой зачеркнуто*: на пятой.

Но как вино́ — 4 пэон как выход из задумчивого ускоре<ния>
2 перв<ых> строк
на 4 стопе угáсшее
и хотя энергия печали
хотел снижения
Ямб рубато²³ — должен сознаться, он подводит итог, конста-
тирует изолированны<е> ямбы.

Грядущ<его> волнуем<ое> море — аллитерац<ия> зыбкая
волнующего и затененн<ого>.

2) 2 втор<ых> пэона

Встрепенулся — 4 пэон. Но не хочу и страстное желание по-
вторного хочу, затем общая гру<сть>.

и ведаю — легкий подъе<м> и грациозное падение

меж горест<ей> легкий вздох 2-го пэон<а>

порой опять — 2 бодрых ямба.

Гармонией упыю<сь> — замед<ление> на гарм<онии>, чтобы
дать нам упиться ею, не теснить ее.

Слезам обольюсь — глоток слез

и может быть — горяч<ий> вздох 2 ямбов

Нервически иск<аженное?> слеза<ми> облив<ается>, а то
дактиличе<ское> оконч<ание> с ускор<ением> на 4 строке,
дакт<иль>

Композици<онно?> 2–3 <строфы> темны

2 темы антитетические — разреш<ить> предост<авляется>
читателям

3 — 3-я сводит.

1) «Мой путь уныл»

2) «Но не хочу»; примиряется, грустящ<ее> развитие и раз-
решает

²³ Рубато — термин музыковедческий (tempo rubato), используется для обо-
значения отклоняющегося от заданного композитором варьирования темпа
при исполнении музыкального произведения; исполнительская интерпретация.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Идет навстречу первой — без потребностей — третье примет
Контрапункт послед<них> строк с чередова<нием> послед<ней>
строки.

Танец двух тем. 2-ая укрощает, заговаривает, зачаровывает
первую, это и достигнет в 2-х лишних строках (1 строфа 6-ти-
строчная, 2-ая 8-истроч<ная>)

«Мадонна»²⁴. Несмотря на сильн<ое> возбужд<ение> оно
произв<одит> впеч<атление> спокойст<вия>, как челов<ек> мо-
жет утишить сво<ю> печаль.

Идиография — описание особого частного, искусство ста-
вить себе само<му> закон. «Уайльд». — Каждое произве<дение>
замкнуто, космос, и если он сотворен и не сделан по плохим
внутрен<им> законам.

Дионис<ийский> колорит вполон<ину?> и его продолжение
Аполлоном²⁵.

Жажда диониси<йского> возбуж<дения>, достиже<ние>
аполлонич<еской> гармонии. Нет уступки Дионису. Уступки в
Эросе. Неуспокоенное негармоничное влечение.

Мадонна. Несовершенство формы, enjamben из 2 строф<ы>
в терцете

экспозиция — 1 четверостишие

развитие — 2 четверост<ишие>

перипетия — новы<й> фон, нов<ый> поворот

развязка — неожиданна, те<м> лучше подход к соч<инению>
формы

Маленькая особ<енность>. Метрич<еская> мысль драма-
тич<ески> развивается.

²⁴ Стихотворение Пушкина «Мадонна» («Не множеством картин старин-
ных мастеров...», 1830).

²⁵ Дионисическая стихия лирики Пушкина была одной из тем этого кур-
са — ср. заклеенные в машинописи строчки в отчете: «[чтобы завершить ту
группу затронутых на семинарии произведений Пушкина, через которые так
ясно сквозит лик Диониса]» [6, с. 787].

В сонете нельзя повторить ни одного слова, — «одной», «одной» — сонет требует большого спокойствия — а тут и третий раз «одни» и «тебя»

Картин 2 раза, желал 2 раза.

Слабость цезуры нарушает размер двухчастного александрий<ца>, даже распад<ающегося> на 3 части.

Не согрето внутренни<м> накалом вдохновения: недопечено.

«Желал» «Творец» «Спаситель» «Мадонна»

Нет выдержанного образа. Где же Младенец, где Спасит<ель>? Все должно уместиться в рамках.

Мадригальный характер.

Сиротлива или журн<альная?> сиротл<ивость> больш<ого> слова.

Хорошо разнообразие схем терцетов.

Разнообраз<ие> последнего терц<ета>

«Творец» «Мадон<на>» образ<ец>

Самодовления стихотв<орения> нет, а дополне<ние> произвольное [недопустимо.] в логично исчерпывающей классич<еской> канони<чности>. Эффект недогов<ор>енно<сти> обыче<н> у романти<ков> и символистов. Здесь недопустимо. Узывно — к восполнительному творчеству, но не к сведен<ию> концов с концами. —

Подражания древним²⁶.

«Чистый лоснится пол». Ксенофан философ *элиат*. Парменид — Платон — Плотин: противовес Гераклитовой текучести.

Влияние на русскую мысль.

Славянофильству фи<лософия?> — основ<ание?> мистики Платона зиждущейся на платониках восточной церкви.

²⁶ Стихотворение Пушкина «Подражание древним» («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...») (Из Ксенофана Колофонского)).

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Книга Эрн о Джоберти²⁷.

вещь

Истинно сущее — сами по себе вещи нумен — действит<ельное> быт<ие> и феномен движения. δοξα²⁸

Онтология — действит<ельное> быт<ие>. Платон

Феноменология — мнение о вещи

Гуссерль

вещь

Кант антипод Платона.

Эклектизм и шатание между Плат<оном> и Кан<том>. Соловь<ева> платоника (а Эрн показал полную антипатичность, и Шпет ярый антикантианец). Гете: тот видит прир<оду>, кто может видеть ее как неподвижность — дань элеатству.

Рапсод философ — Ксенофан²⁹

две категор<ии> отрывков

1) о природе — гексаметр

2) элегии — пентаметрические и гекзаметры — элегич<еские> двустишия — размер подлин<ника> «Чистый лоснится пол».

Ошибка формы — элегия должна быть напис<ана> элегич<еским> двустишием³⁰. Гексаметр требует больших рамок дает маленьк<им> произв<едениям> незаконченность, вид фрагмента поэмы.

Беспокойство — отрывочности первой части, уместно<сть> повествовательного стиля. Сжал Пушк<ин> объем, но сократил и смысл блеска, «стеклянные чаши блистают».

За цезурой нельзя ставить ударения. ? <так в автографе> После трех трохеев спондей хор. <хорей>

Иной обоняет

²⁷ Имеется в виду изд.: [15].

²⁸ Мнение, представление (др.-греч.).

²⁹ Иванов, вероятно, обратился к гекзаметру греческого фрагмента <1> Ксенофана Νῦν γὰρ δὴ ζῆλεδον καθαρὸν... (Iambi et elegi Graeci, ed. M.L. West).

³⁰ Классическое элегическое двустишие, или элегический дистих, состоит из гекзаметра и пентаметра.

Тот обоняет

Закон Германа не соблюден.

«Метрика» Германа³¹

Нельзя в 4 стопе закончить хоре<ем>, а начать ямбом.

Текученье 4 стопы.

Трихотомическое сечение.

Драматизация несходная с гекзаметром.

Эпикуреизм фразы — иной обоняет зажмурясь

и величаво религиозн<ое> Колофон³² разликает благовония
стеклянные чаши бледнеют перед керамикой подлинника

чистый — духи чаши

веселый = веселящий

меньше наречий!!

одно <?> открыва<ть> — дело раба

Чистая вода студеная — приличие <?> прочувствий и про-
сты<х?>

Чугун<ный> мост. Средн<ий> Овчин<никовский> пер. 1 5

Мих<аил> Ми<хайлович> <нрзб. Попов?>³³

³¹ Готфрид Германн (1772–1848) — немецкий филолог, автор труда “De metris poetarum Graecorum et Romanorum” [7]. Так называемый «закон Германна» (или Hermannsche Brücke) гласит, что в 4-й стопе древнегреческого гекзаметра не бывает словораздела между краткими слогами; в формулировке ВИ: «Нельзя в 4 стопе закончить хоре<ем>, а начать ямбом». Как справедливо замечает М. Вахтель: «Попытка Иванова применить это правило в русской поэзии была в итоге безуспешной» [12, с. 129].

³² Т. е. Ксенофан Колофонский.

³³ А.Б. Шишкин полагает, что речь идет о поэте Михаиле Михайловиче Попове, в 1922 г. он был председателем общества «Московские вечера»; также записан его адрес.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Семинарий по Пушкину
под руководством В. Иванова.
*Лекция Иванова об Идиоте*³⁴.

Студия Гунста

22/VI. Бердяев. — «Андр<ей> Белый как духовн<ая> проблема».

Кризис ген<иальной> личности.

Несовершен<ство> в худож<ественном> гении.

1) Чувство космич<еской> жизни — часто патологич<еский> источн<ик> своеобр<азия> и силы, болезнен<ного> мироощущения — особенно остро выраж<ается> в нем.

Не антропологичен, а космичен.

Не образ челов<ека> в его особости — погруж<ение> в космические безмерности.

Грани сметены — не статичен, а динамичен по творческому типу. —

Черта оседлости бытия сдвинута.

Чужд всякому классич<ескому> и античн<ому>.

Все переходит во все. Человек одно с лампой, дом не различ<ается> от проспекта и падает <?> со всей безмерности.

2) Адекватно выраж<ено> чувство космос<а> с его языком — со словосочетан<иями>: вихрь круж<ится> в словос<очетаниях> и соч<етания> расплавлены в кристалла<х> слов. Хлыстовское радение словосочетаний.

3) Найден Б<елым> и своеобраз<ный> ритм космич<еской> жизни и синтез 3 сторон — дало возможность явиться произведениям — поддающ<имся> оценке.

Чурлянис и наша адеkv<атность> худож<ественного> чувства — красочное бессилие.

Совершенства не достигнуть<,> даже противн<о> духу Бело<го>, но дало синтез вихревого напряжения, влекущее динамизм мироощущ<ения> к неизбежной катастрофе. —

Дефект величайший (т<о> есть истинного худож<ника>). Не достигается катарсиса, не освобожден сам и не освобождает

³⁴ Конспект не сохранился.

чит<ателя>, мучает, истязает и не дает художеств<енного> разрешения и выхода, потому что не возвыс<ился> над хаосом космической жизни и не возвыш<ается> в творч<еском> акте. Сам погружен <оставлено место для пропущенного слова> и разделяет судьбу своих героев-жертв.

Художественное несовершенство — это свойство роковое всего мироощущения.

Классич<еская> норма не может быть удержана. — Искусство само нарушает свои зоны совершенства и влекут за пределы искусства как обособл<енной> его области, так и искусства вообще.

Творческие задачи не удовлетв<орены>, произведением притянуты к земле земным воплощением не соответств<ует> творч<ескому> порыву.

Таков и Б<елый>. Не удовл<етворительны?> его совершенные> достижения (огромн<ость> борьбы — невыдержание худож<ественной> аскетики самоощ<енки> и самопожертв<ования>). —

Жертва нарастающ<ей> катастроф<офы>.

Достоев<ский> ведь тоже за гранью уваж<ения> норм искусства, как и Ницше и весь символ<изм> на пути к иному достижен<ию>.

Эфемерность и кошмарность его мироощущ<ения> — потеря различ<ия> между реальн<ым> и нереаль<ным>, сущим и кажущимся — жутко восприимчив и обнажен — сдернуты покровы.

Дерг его проистек<ает> из слабости его личности — возможно-сти восприят<ь> и ожути<ть> то, от чего другие прикр<ываются> силой, [преп] оттолкнуть.

Невидимое и невоспроизводимое. Живет восприн<имая> и звук в тяжком безысходном пошлости.

Не синтетичен он как пан-искусство — религии — более органичному и единому.

(Вагнер) — он аналитик искусства, и это соответств<ует> всему типу мироощ<ущения>.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Распыление поруш<енной> цельности образа человека и природы — и есть благоприятствует расчлененному проникновению.

Футур<изм> и кубизм и есть разложение самого восприя<тия> жизни и мира.

Единств<енный> очень крупн<ый> футурист России — другие бездоказательные творцы манифестов.

Исповедуя символизм презренным, футурист — он футуризм<ом> внутренне связан <с> символизмом<ом>.

Разрыв стихии и сознания символиз<ма> — сознан<ие> и непосред<ственный> футуризм творчества, вхождение всего во все.

Кристаллиз<ация> прасоз<нания> как у футуристов — нет вечности.

Наибольш<ую> связь брос<ает> вечности <?> Гоголь. — Копиров<ание> языка в начале «Серебряного Голубя».

У Гоголя нет человеческих лиц — он предст<авляет> распластов<ание> лиц на образы. Видятся ему нечеловеческие хари и рожи — потерявшие образ и подобие Божий. — Пикассо. —

Гибель человека, начатая у Гого<ля>.

Меньше и поверхностн<ее> связь с Достоев<ским> — насквозь антропологична его тема — человеческая бездна и полярность. Экстатичность и дионисизм Достоев<ского> никогда не привод<ит> к порушению человеческ<ого> лика. Челов<еческая> индивиду<уация> не тронута в кризисах экстаза.

Вихр<ь> огневой Дост<оевского> не испепеляет<,> у Бело<го> — колеблет и расшатывает человека.

«Симфонии». — Как форма им изобрет<енная> — найде<но> музыка<льное> соответ<ствие> космич<еского> мироощущ<ения> и найден ритм.

Вершина напряжения гениального. Достижения — три романа.

Сама по себе темы приобщены к традиц<ии> русск<ого> роман<а>.

Не всегда достаточен и соразмерен худож<ественный> дар его, его худож<ественного> захвата.

Черта духовн<ой> структуры гения, но подлинн<ой> гениальн<ости> нет — нет личности, нет воли со своей задачей и путем.

Стихи — не настоящ^{ий} поэт — не помазанник музы. Исключительная одаренность дает ему силу своеобразного воплощ^{ения} творческ^{их} заданий в стихотв^{орные} формы.

Нет поэтич^{еского} мироощ^{ущения}, нет и искушающего его соверш^{енства} формы.

Жуткость и нарочитая вульгарность. Нет созерцания первообразов красоты — яркий антиплатонизм.

Тема Востока и Запада и столкнов^{ения} их в русск^{ой} душе и русск^{ом} народе[,] родных и душе его восточной стихии бушующ^{его} хаоса и исходной <?> запада — исконн^{ых} дисциплины и нормы.

Он сам — чисто русский со свойствами *самоистребления*.

Хаос сущ^{ности} и хар^{актера} — связ^{ан} с исканиями западной методологии — как укротителя зверя. — Увлечения кризис^{ом} филос^{офии}, штейнеров^{ским} дисциплинир^{ованием} хаоса.

И упрощающее начало приносится извне.

Типичный скиф. — Ничего от эллинист^{кой} природы, он не человек культуры — болезнен^{ный} надрыв его искания западной культурн^{ой} методолог^{ии}.

Высшие органич^{еские} культурн^{ые} достижен^{ия} при-
дать от механич^{еской} узды придать нечего и в этом [судьбу
его России] его судьба микрокосм судьба России.

Разрешить не в силах[,] и это видно и в замысле и воплоще-
нии; оно осознано Б^{елы}м как бессилие русского народа.

Исконная тема 19 века — встречи и отношения интеллиг^{енции}
и народа.

В мистическом аспекте Дарьял^{ьский} — Кудеяров. Матрена.

Обнаружив^{ается} глубок^{ое} бессилие интел^{лигенции}
перед мистич^{еской} глубин^{ой} народа. Не вносит ничего в
народн^{ую} тему, выход же из собствен^{ной} немощи он най-
ти тоже не в силах — глубочайшая антикультурн^{ость} его пу-
гает и отталкивает, даже научиться не в силах.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Открыв в нар<одной> стихии особую страстность, сладостр<астность> даже<,> до сих пор завуалированную, он подметил глубинную черту сродною народу<,> хлыстовство, его экста<стичн<ость>, страстн<ость>.

Элементы хлыстовств<а> в правос<лавии>, своеобр<азная> реакц<ия> древнего исконног<о> язычества на христиа<нство> — как своеобразная религиозность, искаженная жуткими срывами демонического Востока.

И грозит срывами это безраздельное господство стихии<,> осознанной и в себе.

Интуитивно-субъективное достижение в знакомстве, вернее, проникновении в дух хлыстовства. Через себя, изумительная догадка, прозрение.

Тот вихрь хлыстов<ского> радения присущ творчеству Белого в самой форме.

Реакц<ия> языческ<ой> стихии на христианское откровение о личности. Личность растерзывается в этой всепоглощающей бездне, растворяется на лоне своеобразно<го> народного дионисизма.

Вовлекая интеллигента — немощного в своей отвлеченн<ой> культурности.

Велик<ое> худ<ожественное> достиж<ение> Белого — образ Матрены — символ России.

Нет логоса светозарности в культурности — и в соприкоснов<ении> с народ<ной> тьмой последн<ие> проблески тонут во тьме.

Эта могучая стихийная и народная тьма неспособная к рождению света — демоничный кошмарн<ый> Кудеяр<ов>.

Кошмар эфемер<ен>. —

Затягив<ающий> косой взгляд ряб<ой> бабы затягивает и соблазняет к измене всему старому, к растворению, к тьме и найти неведомое и недоступное оторванному интеллиген<ту> отвлеченно<му> культур<ному> пласту — наслаждению. Стрем<ление> Б<елого> совлечь западны<е> покровы.

В Росси<и> нет чувств<а> мужест<венного> логоса, духа, способн<ого> к оформлению хаоса. В ней видится начало женственн<ое,> растворяющ<ее> — рыв на Запад.

Стихийное народн<ичество> соблазняет бесформенностью и безразл<ичием?> русских полей, и в этом отрицание формы — как неизбежно ограниченной замкнутой сущности.

Два культа — Матрены и немецк<ого> метода.

Но справиться с Матреной методол<огией,> извне привлеченно, безнадежно-безысходно.

Хаос не претвор<ается> в космос, и такова по мнен<ию> Б<елого> судьба его и России. И приоткрыть ее удалось Белому.

Не творец культуры духа.

Болезненность в соотношении муж<ского> и жен<ского> нач<ала>, брака духа с душой, происшедшего всюду на Западе. В женств<енной> душевности ждет Россия жениха и постоянно ошибается в своем суженом.

Искание света и правды в самой народн<ой> тьме и хаосе так близки и Достоев<скому> и интеллиг<енции>, не в глубине духа ищут света, думают высечь его, но погружаясь в поисках света в народную тьму, гаснут.

Неразрешимо оно и слав<янству> и Запад<у> — должно настать торж<ество> возмужалости — синтеза.

Сопоставл<ение> «С<еребряного> Г<олубя>» с «Эмблематической смыс<ла>» с излож<ением> философии твор<чества>.

Призрач<ный> кошм<ар> и в восточ<ной> тьме и в западн<ых> философствованиях неокантианца Б<елого>.

Философия иллюзорности, разрушен<ие> ступе<ней> после подножия сближ<ения> учений.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Творч<еский> акт не имеет посл<едс>твия <?> без творца,
образ мистициз<ма> беспредмет<ен> и провал — между дву-
мя безднами.

Обожествлен<ие> процесса.
Вечная зоря без рассвета.

Тройное отрицание.

Вечн<ое> творен<ие> без нач<ала> и кон<ца>, без разрешения.

В термин<ологии> христ<ианских> сочи<ний> Сын не
рожд<ается> из Отца. Он происход<ит> из пустоты. Духовное
пролетарство без духовн<ого> истока. Духовное сиротство че-
ловека. — Без луча путеводящего, посланного отцом.

Нет твердых основ.

Петербург — бессилие и ложь Запада, западной бюрократии
и западнической револ<юционной> интеллигенции.

Но формальн<ые> достиж<ения> выше. Нет срывов на Гоголя.

Адекватн<ое> выра<жение>? как чувств<о> распластов<ания>
и распыления.

Эфемер<ная> худож<ественность> — дала картину «само-
го фантаст<ического>» эфемерного города, выхвач<енного> из
тум<ана> и болот безумной волей Петра.

Пророчество — конец петербург<ского> периода — Петроград.

Метафизика и символ<ическая> бюрократия должны при-
вести к катастрофе.

Не наносное немецк<ое> привнесение бюрократ<ии> — стиль
как особ<енность> русск<ого> «empire», как франц<узско>-

нижегор<одское> русск<ое> барство — своеобразно русское явление.

Мистич<на> связ<ь> отца Аблеухова с сыном и одинаково эфемерны его свойства.

Потрясающее родство регулирую<их> геометрически<х> начал русск<ой> бюрократии и русск<ой> революционности.

Химеры сына и отца.

Геометризм параллельно раскрывается в канцеляри<ях> и комитетах.

Астральн<ый> роман — не человек<еская> природ<а> и физич<еский> мир, а в смешении душевно-телесной сущности. — Это арена.

Человека в Петерб<урге> нет.

Это марионетк<и> — странн<ые> образов<ания>, продукт всеобщ<его> смещения.

Медитация Ник<олая> Апол<л>онов<ича>.

Ощущение города — ритм его?

Петербург<ург> Петерб<урга>

«Исчезни в простр<анство>, исчез<ни>, Рос<сия>, Ро<ссия> моя»

В духов<ном> план<е> жиз<ни> есть выход — Дос<тоевский>, в тел<есном> ест<ь> — То<лстой>.

В астр<альном> плане он испепеляется в пыль и что-то угрожающее подсмотрел Бел<ый> в процессах серы <?>.

Котик Летаев

Антропология — рожд<ение> человек<а> из недр космич<еской> жизни — скользкая тема. Утробн<ость> ощущений.

Человек осколок планетарн<ых> эволюций.

Разнузданность самост<оятельной> жизни слов, дана воля им в посл<едней> кни<ге> — «Гете и Шт<айнер> в сов<ременную> эру»³⁵.

³⁵ Имеется в виду книга: [13].

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Значит<ельный> и опасный симпто<м> пути человек<еского> духа.

Утеря «Я» не во что непреходя<щее>, Богом сотвор<енное> и <обрыв фразы>

Расшатыван<ие> вихревых проц<ессов>.

Зыбкость и двоения.

Опасность быть снесенн<ым>, не устоять. — Безбрежн<ый> эмпиризм? Идеализац<ия> распластован<ия> не из глубин духа обращ<ается> к Божеств<енному> Первонач<алу>, ждет его света, а от эмпиризма послушно идет за ним и рискует быть истерзан<ной>, ничего не противопоставляя изнутри, кроме раскрытости чуткости.

Непониман<ие> свобод<ы> как доброй мужеств<енности> духа — долг блюдения духов<ной> независим<ости> как состояние почвы для духов<ных> достиж<ений>.

Искушение бездной.

Особенное понимание связ<и> с Христом — извращ<ается> как тайна Распятия — побе<да> од<ного> ждет, при гибели — уничтожен<ие>.

Восстание сына на отца. Истребл<ение> отчества в упов<ании>, что при гибел<и> мож<но> прийти к высш<ему> соединению, к спасению

Растворен<ие>, растерзан<ие> во тьм<е> космич<еских> бездн.

Трагедия русск<ой> судьбы.

Не заимствов<ать> метод зап<адный>, а открыть в глуб<ине> себя вечное начало формы — вечный Запад народов — гибельн<ое> обнаружение Востока в рус<ской> револ<юции>.

Значительность и предостережение.

Не только происх<одит> искуш<ение>, но и явл<ение> пророч<еского> духа.

23/VI³⁶

*Рифма*³⁷

Метафора — образ, кот<орым> мыслит поэт. Она ипостась начиная от простого, иное лицо той же самой сущности заместителя образа.

«Роняет лес багрян<ый> свой убор» (листва)

Багряница — теряет царственность своего убора — метафори<ческий> аспект украшения вещей.

— Чисто поэтич<ески> метафора — указание как видит вещи поэт.

Слиянность метафор — нужно сочетать метафор<ы> единым связным на целое. Развитие метафоры. Роняет багрян<ый> <—> все соответствует основе метафор<ы> — убор и подчеркивает *сравнение* (как целый образ, фраза) метафора (подмена понятия — листву — подобную убору).

Метафора — символ и подмена.

Убыль метафор — Пушк<ин> идет к реализму — стремлен<ие> к тому, чтобы называть вещи своим<и> имена<ми> наряду с истинно полноценными метафорами, идущими на смену рядовой.

Вовлечь фигуры оживлением, «сбежали первые снега».

Аллитерация — скрытые.

«Лишь розы увядают» — з.

Различие стилизации от рода поэзии. Наростание элемент<ов> народн<ости> и реализма в поэз<ии> Пушк<ина>.

Колорит в Пушк<инской> поэзии образн<о>-звуковой.

Образ и его развитие в лирике.

³⁶ 23 июня 1919 г. выпало на воскресный день. Не вполне понятно, какое заседание было назначено на эту дату, возможно, следующая запись была сделана этим днем.

³⁷ Здесь и далее — записи доклада Вяч. Иванова, комментарий к стихотворению А.С. Пушкина «19 октября».

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Иррациональное типологически всегда прикровеннее — скрытый перл. Параллели неприкрытые у Лермонтова — «Бывают ночи» Баратынский, Тютчев.

Кокетство иррационал<ьное> у поздне<го> «Pro domo sua»³⁸.

Тройствен<ная> тип<ология> по типу семи<нария> Моммзена³⁹.

Семинарий — semen — семя.

Будут и entremets⁴⁰ — нужно стихи на слух.

Поза художника перед толпой, светск<ое> искусство. «Кориолан»⁴¹.

Восприимчивость <к> стилю.

Байрон — Шелли — пример первого.

³⁸ «Pro domo sua» (лат.) — название речи Цицерона «О своем доме», обычно употребляется в смысле «о себе, от себя».

³⁹ Иванов помнил свой личный опыт занятий в семинарии Теодора Моммзена, которые были приспособлены как для подготовленных студентов, так и начинающих; общий принцип Моммзеновских семинариев заключался в формировании навыков разбора источников и затем самостоятельного исследования — см. высказывание Иванова в записях М. Альтмана: «Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена по римской истории, какую бездну прилежания мы вынуждены были проявить. Семинарии эти состояли в следующем: Моммзен намечал ряд тем, и каждый из семинаристов, принимаясь за работу, должен был исчерпать весь имеющийся по данному предмету материал (то же должен был делать и рецензент), так что случалось, что по данной теме референт оказывался осведомленнее самого Моммзена. Все же Моммзен нередко ставил в тупик и столь подготовленного референта. Был Моммзен тогда уже 70-летним стариком (первое время занятия были в университете, потом мы к нему ездили в его виллу), нраву был сердитого и во время таких диспутов прямо вцеплялся и яростно нападал на референта. Референт, однако, должен был быть стойким до конца и с апломбом выдержать и отразить все нападки. Такая школа у Моммзена многому научила <...>» [8, с. 31] (см. также подробную историю работы Иванова над диссертацией в Италии и Германии в: [2]).

⁴⁰ Entremets — десерты (фр.). По всей видимости, обсуждалась программа дальнейших занятий и предполагалось, что должны быть чтения стихов в качестве «легкой закуски» между основными блюдами — стиховедческими разборами.

⁴¹ Трагедия У. Шекспира.

Чувство меры Пушк<ина>. — Некот<орая> ослаб<енная> женственность пропорц<ий> ионийского храма — образно-буйной мощи напр<имер> англ<ийской> поэзии или готич<еского> храма.

Смешаны вино Пушкина и чистый хмель юмора Байр<она>.

«Воспоминание» — Пушкина⁴².

Глубокого и мрачного дионисийства. Сближ<ение> жизни и мертвых — в лице Диониса. И сопостав<ение> [смерти] царства мертвых в гуще жизни особен<ного> насыще<ния>, избыток жизнен<ных> сил. От ужаса переход к упоению. Сближение ж<изни> и с<мерти>, но в 28 г. не достигающее до упоения.

б) Отношение к темам.

Иррацион<альное> у Пушкина, алогичн<ость> смыслового и символ<ического> (всегда прикровенного) трагизм<а> символизовано интимным призраком.

Вторая стр<офа> образ чисто психическ<ого> не передаваемого. Уловление в стр<оке> слова немоты слова, в 2 последних строках<.> Сказанная немота. Произвед<ение> остается открытым — непозволительно с точки зрения канона.

Неархитектонично — собор с открытым куполом — куда спускал<ись> облака, являлись духи.

Колорит — определенны<е> ночные тона, желтеющие во мраке (образ пламени). Кидаемые рефлексy ночи и воспомин<аний> о былом.

Метафоры. «Змеи сердечн<ой> угрыз<енья>» с замечательн<ым> под<д>ерживанием.

Метафора населяет все своим присутств<ием>.

Мстящая память — Эриния, Медуза, фурия жалящая.

«Свой дл<инный> развивает свиток» — реальное — характер ожившей метафоры.

⁴² Срвн.: «Следует сказать еще о докладах Вячеслава Иванова относительно стихотворений 30 года “В начале жизни школу помню я...” и “Шалость” 28 года, “Воспоминание”» [6, с. 787].

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Метафоры высшего порядка, прошед<шие> через миф — это символы.

Возникновение из звукообраза — особенно в области лирики (ром<ан> «Петерб<ург>» — не из лирич<еского> (произ<ведения> <?>). Упрощение, усечение 2 части.

Здесь звуко<о>б<раз> по интуи<ции> ВИ⁴³.

М — Н — (м ведущее!) с — з — шип<ение>

т — д = п<о>движные> <?> тоны и обертоны

Тьма смерт<ь> змея месть — одно мрачнее другого

Память

В рамках произ<ведения> [кажд<ый>] звук преобраз<ает> изв<естные?> эмблематич<еские> знаки в связи с звукообразом.

п — здесь — свет — словно луч, озаряющий мрак отчаяния.

6-тистоп<ный> ямб в пр<отивопоставлени>е 4хстопн<ому>.

Одновремен<но> замыслено длител<ьная> строка с пере<амедлением> — где и сосредоточ<ены> наиб<олее> важные трагич<еские> мысли, потом <?> произ<ведение> <?> — «свиток».

de profundis — «проклинаю» и уныло скле<е>нное О в посл<едних> 4 строках

«Жалобы слезу <?>» — «я вижу...»

Не<мые>, поглущенные <?> — «золотистой пеленой» (тьма наляжет, подавит <?> бездна ночи — жива<я> и разреша<ющее> «зм<ее> сердеч<ных> угр<ызений>» — нарастает шип (ночи с «полупрозрачностью») слово након<ец> найдено, и смерть мы чувств<уем> в см, змея.

воспом<инанье> луч воспом<инанья>

з — неотразим<о> — как укусы змеи, и появля<ются> листья — меч — месть

⁴³ Доклады Иванова в Пушкинском семинарии в дальнейшем легли в основу его статьи о звукообразе у Пушкина [11], в которой Иванов продолжил развивать идеи ранней статьи 1907 г. «О “Цыганах” Пушкина».

Из тьм<ы> возни<ает> Эри<ния> — зме<я> — месть —
смерть. Ра с растяж<ением> а
Заклинание — и Воспом<инание>

Перед женств<енно>й <?> — «не ревнуй розни міра»⁴⁴.
Должен обличить, но спасению измени<ли>, не пошли по
их пути. Они мстят, но открывают тайны вечности и гроба —
«Бессонница»⁴⁵.
Непередаваемо.

Первоначальн<ые> слова без смыслового,< Диониси<йство>,
сл<овесные?> волны
Вторичность смыслов мож<но>
Первонач<ально> он имплицирован <над этим написано:
имплициров> с образ<ом> звука.
Мечта кипит, но это бесплодно, думы теснят и выталкив<ают>
и из хаоса возникают воспомин<ания> и связыва<ют> в свиток
перед смертью — без жизни.

1 строфа стих<отворения> — дост<аточно> открыта, но
читат<ель> мож<ет> установ<ить> равновесие.
Нет разрешения без поэта, нет разре<шения> к нашим и поэт
пожертвов<ал> 2 строф<ы>.

Пути содружества
content — сложение

⁴⁴ Отсылка к словам Сергия Радонежского: «Воззрением на Святую Троицу побеждай ненавистную рознь мира сего».

⁴⁵ Имеется в виду стихотворение Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».

Ник<олай> Борисович Юсупов⁴⁷

Вельможа. 1829 г.

Сложн<ый> душев<ный> процесс конца 20 г. — изгнание, декабристы, Николай I. Усиление внимания к страниц<ам> русской славы и возрастающее тяготение к античности. Идейный психол<огический> узел каждого произв<едения> того времени.

б) Характерн<ый> поэтичес<кий> портрет, пластичный и яркий. Нужен нам и оригинал, чтобы проследить и реагирование на пр<оизведение> Пушк<ина>. Злобная непристойная в журналистике выходка, м<ожет> б<ыть>, вызвавшая сонет «Поэту». Моск<овский> Телегр<аф> Полевого, разгов<ор> Беззубова с секрет<арем> Подлецовым, развлекающ<им> патрона стихам<и> и приглаш<ающим> к обеду поэта. С.Н. Глинка — отставл<ен> из цензоров.

Не заказной это портрет, приспособл<енный> ко вкусу оригинала, а портрет творческий.

Важно выяснить — чем вдохновился Пушкин в оригин<але> и на какие явления реагиров<ал> с особ<ым> увлечением.

Форма 6-гистоп<ный> ямб александ<рийским> двухдольником раздельным — цезура после 3 стопы.

Архаизмы: — и многосложны<е> слова: 5-ти — 6, часто заполняющие на целое полустии<шие>, «и благосклонству», «энциклоп<едии>» соответств<уют> важности тем<ы> и придаю<т> торжеств<енно> важн<ый> характер, несколько тягуч<ий>.

Меняется тема лишь в качестве пле<не>ния <?> сладостной томности в эпизоде об Испании — томной неги, песен<ный> <?> мотив <?> — переда<н> в строгих рамках александ<рийского> стиха> [передается] оживление — поэтическое чудо.

⁴⁶ Далее следует доклад о стихотворении Пушкина «Вельможе», который делал Ю.П. Денике (1887–1964), писатель и публицист, с мая 1920 г. читал лекции в литературной студии ЛИТО Наркомпроса.

⁴⁷ Н.Б. Юсупову посвящено стихотворение Пушкина «Вельможе».

Ирония отсутствует. — Пушк<ин> имел стимул такой важности. Но заслужил ли Юсупов такую честь. [Напр.] Приходится сомневаться. Воспоминания Полторацкого. — Барич меценат невежда. Воспом<инания> Арсеньевой — достоверн<о> ярких следов кроме Арханг<ельского> не остав<ил>. Театр, маршальство, организац<ия>. «Слишком русс<кий> и слишком иностранец», «умная ненужность» — Герцена. Наследн<ик> Голицына в создании Архангельского.

Зорко прозрел Юсупова Пушкин.

Вот несколько картин его жизни.

«Посланник молодой» — Вольтер. Версаль. (Недоуч<ившегося?> Полтор<ацкого> мнение <?> — интерес к «гражданственности новой» Лондона. 60 годы — Куракин и отче<ты> Юсупова, учени<е> делалось <?> на вре<мя> св<ой> кумир Лейден. Письмо Юсупова Куракин<у> «в Лейдене женщины мне чужды». Физика, химия и что особ<енно> важно филол<огия> (лат<инская> и греч<еская>). Лейде<н> в то время знаменит.

Задержался в Лейдене специа<льно> изучением гре<ческого> и л<атыни>.

Перл Арх<ангельской> биб<лиотеки> — собран<ие> классик<ов>, превышав<шее> Моск<овский> Унив<ерситет> и сбирав<шееся> не случ<айно>, а по сохранив<шимся> каталогам выискивавшееся.

Интерес Куракина к сочетан<ию> монархии с республикой двойствен<ный>. Натиск пламенн<ый>, а там отпор суровый — исток гражданственности новой — *пружины смелые*. Борьба 2-х партий виг и тори, располовину<вая> палаты. Скорее внутренн<ая> двойственность.

Бомарше напис<ал> стихи Юсупову. Юсуп<ов> про Фонв<изина> выраз<ился>: «второй Бомарше».

Готовился к диплом<атической> должности с изумит<ельной> усидчив<остью> ночи просматрив<ал> дипл<оматические> бу-

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

маги в канцелярии Панина. Посол — посланник. Пушк<ин> многое вряд ли знал.

Отнош<ение> Пушк<ина> к Екат<ерине>.

814 г. юнош<ески> разделял увлечен<ие>, велич<ие> земн<ого> Бож<ества> — Минервы русск<ой> храм

21–22 <гг.>. Убийств<енно> резкая характеристика, «развратная государ<ыня> развратил<а>» и свои<м> нежн<ым> голос<ом> обольщен<ия?><.> Вольтер не избавит тебя от заслуж<енного> проклят<ия> потомства.

«Мне жаль великия жены».

29 — Восп<оминания> <в> Ц<арском> Селе. Великая жена — о веке Екат<ерины> не с отрицат<ельной> стороны. Один из послед<них> упоминав<шихся> <?> Екатер<иной> людей, но не это в облик<е> Юсуп<ова> его привлекло.

Что же? И Пуш<кин> сразу намечает

Приветливый потомок Аристип<па>

Впервые в стих<отворении> об Овидии 18<2>1 г.⁴⁸

Давыдов — Фальстаф — Аристипп

Оттенок иронии. Своеобразн<ое> преломл<ение> лейден<ских> уроков философ<ии>.

«Виланд 1807 перев<ел?> Аристипп и его совреме<нники>»⁴⁹, посвящ<енное> Ал<ександру> I в форме переписки.

Возм<ожный> источник пушк<инского> знакомств<а> с античностью.

Фенелон — излож<ение> Диогена Лаерция «Жизнеописан<ия> древн<их> философ<ов>»

Фонтенель — Диалог<и> мертвых Аристиппа

«Ты понял жизни цель —

искал возможного и в меру умеренно ты проказил

«Но ты не изнемог от сладкой их забавы».

«Умно разнообразил» — умное оттеснение <?> наслажд<ений>.

От Воль<тера> и Трианона к Лейденскому праву <?> и к вдумчивому вниманию к новой гражданственности.

⁴⁸ В автографе описка: 1811.

⁴⁹ Имеется в виду изд.: [10].

Гедони<ст> Аристипп — приятная длительность наслаждения.

«При всех обстоятельствах быть веселому» — характ<ерная> черта Юсупова — благополучествовал и при переворотах, задев-ших Куракина.

{ Платон метаф<ора> человек<а> — Пушк<ин> вид<ит> <?>
{ Платон химера — выпренность, вздор

Приветл<ивый> потомок<к> Аристиппа — как лейтмотив дальней<шей> характеристики.

Приблиз<ение> к отблеску античн<ого> идеала — ничего лишнего, все в меру.

Анализ текста

Культурно-бытовая характ<ерист<ика> — (апол<онов?> <Грот Нереид?>) проникновенность сжатых картин.

«Ты не изнемог от сладкой их отравы» — фон дл<ая> <1й ?> Версаля.

Умный недоросль — любопытный скиф среди французских энциклопедистов — совсем француз, но все же (пропадает <?> верхом <?> дни <1 нрзб. начало слова>) скиф.

Скупой — меркантильный — алчный. Метонимия <?>. — Эко-ном<но?> истомлен <?>

англ<ийское?>

Угадал тебя — заменили <?> возм<ожно> наукой

Эпизод революц<ии> и своеобр<азной> культ<урной> реак-ции. Союз Raison и фурий (парижских или метафорич<еских>).

Прагматичность <?> чреватая содержанием слов — терми-нологичность классическ<ого> стиля велик<олепная> — насы-щенность, точность, — l'art robuste — Т. Готье⁵⁰.

⁵⁰ Прочное искусство (фр.). Цитата из стихотворения Теофиля Готье «L'art»: «L'art robuste seul a l'éternité...».

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

Вольтер в Пантеоне и удаленный. Реакция.

Горечь, мировая скорбь, утверждение будущего enrichissez-vous⁵¹ Гизо с видением Байрона.

«Один все тот же ты» — подчеркнута мудрость Юсупова.

Исчерпаны награды, и Юсупов в стороне от мирских сует, деят<ельность> смен<илась>, декоративная, хозяйственная (постройка Арханг<ельского>).

Умудренн<ый> покой заключения.

Обстоятельства смерти Юсупова стоит подч<еркнуть> — умер умно и равноду<шно> — разве пора. — Националь<ное>.

Конец

Коммент<арий> Иванова

В младенч<естве> моем она меня любила

И семистольную цевницу подарила

Пример раннего александрийца.

Сведение Виланда на Диогена Лаерт<тского> и на переводных франц<узов> вм<есто> использ<ования> и Фонтенеля и Фенелона.

Портретн<ая> характер<истика>. — «У русского царя <в чертогах есть палата...>»

Архаизмы другой и из послания получилась бы пожалуй традицион<ная> ода — подношение и Пушкин не [находит] пользуется архаич<ной> рамк<ой>. Он все вре<мя> хран<ит> непринужд<енный> светск<ий> тон: молодой в гостях у старика, он обязан некот<орым> уважением — он готов сочувственно послушать о меркантилиз<ме> настоящ<ем>, но дойдя до Байрона — маленький жест: ну, ну этого-то уж та<кой> старик понять не может.

⁵¹ Обогащайтесь (фр.).

Стрем<ится> дать идеал (почит<аемый> как идеал) вельможи времени, когда вельможи были вельможа<ми> par excellence⁵² — с возмож<ными> паралл<елями> лишь в Риме.

*Стихи Бомарше Юсупову*⁵³

«Ты лещь его вкусил, земных богов напитков» — лестно дл<я> Юсупова с больш<им> вкусом и чувством <ю>мора воскресил Пушк<ин> крупинку фимиаму.

Allegro начала. *Maestoso* (где циркули), *amoroso* — Испан<ия>, и *tempestoso* «при громах новой славы» — постряхающ<ее> maestoso аккорда заключительного — этот пассаж *вздох* — давно Ди<д>ро <?> умолк⁵⁴.

Ироническая растяжка — Морле, Дидеро<т> и твой безно<сый> Касти. Смесь меланхол<ии> и иронии.

Байрон величес<твенная> <?> параллель Наполеону и возвра<ще<ние> к господствующ<ему> maestoso, разрешается вздохом о прошло<м> — старина.

— отдохнуть,

Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

Суровый пир — беседа симпозион
небо о неге *мн*

Список литературы

Исследования

1. Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю. Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (Новые материалы) // Вестник древней истории. 1993. № 4 (207). С. 210–221.

⁵² По преимуществу (фр.).

⁵³ Стихотворение Бомарше «Прощальный привет» из «Альбома друзей» Юсупова, с которым был знаком Пушкин.

⁵⁴ Иванов использует музыкальную терминологию для описания ритма пушкинского стиха: *allegro* — бодро, радостно; *maestoso* величественно, торжественно; *amoroso* — нежно; *tempestoso* — бурно, взволнованно.

На заседаниях Пушкинского семинария в 1920 г.

2. *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // Вестник древней истории. 2001. № 3. С. 150–184.
3. *Горляков П.Ю.* Преподавание иностранных языков в высшей школе в первые годы Советской власти (1917–1924) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 90–96.
4. «Кружок поэзии» в записях Фейги Коган / публ. А. Шишкина // Europa Orientalis. Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII международная конференция. 2002. Т. XXI (2). С. 115–170.
5. *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis. Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII международная конференция. 2002. Т. XXI (2). С. 261–343.
6. *Шишкин А.* Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 780–807.
7. *Gottfried Hermann.* De metris poetarum Graecorum et Romanorum. Libri III. Leipzig: Apud G. Fleischerum, 1796. 461 p.

Источники

8. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского, статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.
9. *Белый Андрей.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности: Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М.: Духовное знание, 1917. 344 с.
10. *Виланд К.М.* Аристипп и некоторые из его современников // Сочинение Виланда: в 8 ч. / пер. с нем. Иван Татищев. М.: Унив. тип., 1807. Ч. 1. 144 с.
11. *Иванов Вяч.* К проблеме звукообраза у Пушкина // Московский пушкинист. Статьи и материалы / под ред. М.А. Цявловского. М.: Федерация, 1930. Кн. 2. С. 94–105.
12. Из переписки В.И. Иванова с А.Д. Скалдиным / публ., коммент. М. Вахтеля // Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1990. № 10. С. 121–141.
13. *Кашкин И.А.* Стихи / сост. О.А. Кашкина, Н.И. Кашкин, К.Н. Кашкин; предисл. Н.И. Кашкина. М.: Захаров, 2007. 160 с.
14. *Мочалова О.* Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. М.: Молодая гвардия, 2002. 299 с.
15. *Эрн В.Ф.* Философия Джоберти. М.: Путь, 1916. 352 с.

References

1. Bongard-Levin, G.M., Vakhtel' M., Zuev V.Iu. "Mikhail Ivanovich Rostovtsev i Viacheslav Ivanovich Ivanov (Novye materialy)" ["Mikhail Ivanovich Rostovtsev and Vyacheslav Ivanovich Ivanov (New Materials)"]. *Vestnik drevnei istorii*, no. 4 (207), 1993, pp. 210–221. (In Russ.)
2. Bongard-Levin, G.M. "Viach. Ivanov: 'Ja poshel k nemtsam za nastoiashchei naukoi'" ["Vyacheslav Ivanov: 'I went to the Germans for Real Science.'"]. *Vestnik drevnei istorii*, no. 3, 2001, pp. 150–184. (In Russ.)
3. Gorliakov, P.Iu. "Prepodavanie inostrannykh iazykov v vysshei shkole v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1924)" ["Teaching Foreign Languages in Higher Education in the Early Years of Soviet Power (1917–1924)"]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 2, 2018, pp. 90–96. (In Russ.)
4. "'Kruzhok poezii' v zapisiakh Feigi Kogan" ["'Poetry Circle' in the Recordings of Feiga Kogan"], publ. by A. Shishkin. *Europa Orientalis. Viacheslav Ivanov: mezhdu Sv. Pisaniem i poeziei: VIII mezhdunarodnaia konferentsiia*, vol. XXI (2), 2002, pp. 115–170. (In Russ.)
5. Obatnin, G.V. "Materialy k opisaniiu biblioteki Viach. Ivanova" ["Materials for the Description of Vyacheslav Ivanov's Library"]. *Europa Orientalis. Viacheslav Ivanov: mezhdu Sv. Pisaniem i poeziei: VIII mezhdunarodnaia konferentsiia* [*Europa Orientalis. Vyacheslav Ivanov: between the Saints. Writing and Poetry: VIII International Conference*], vol. XXI (2), 2002, pp. 261–343. (In Russ.)
6. Shishkin, A. "Materialy k teme 'Viach. Ivanov i pushkinovedenie'" ["Materials on the Topic 'Vyach. Ivanov and Pushkin Studies.'"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 780–807. (In Russ.)
7. Gottfried, Hermann. *De metris poetarum Graecorum et Romanorum. Libri III*. Leipzig, Apud G. Fleischerum, 1796. 461 p. (In Latin)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-742-782>

<https://elibrary.ru/RNTYXB>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2024 г. О.А. Фетисенко, предисловие,
подготовка текста и примечания

ИЗ ПИСЕМ ОЛЬГИ ШОР К ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Аннотация: Специалистам по биографии и творчеству Вяч. Иванова хорошо известно значительное место, занимаемое в его жизни с 1924 г. Ольгой Александровной Шор (1894–1978). Увлеченная немецкой философией и итальянским искусством (главным образом Микеланджело) молодая москвичка, стремившаяся разгадать тайны памяти, сначала помогает семье поэта собраться к отъезду из России, а затем фактически ведет все дела Иванова, связывающие его с Москвой. Начало переписки, прекрасно сохранившейся в Римском архиве Иванова, связано почти исключительно с «деловыми» сюжетами. Вскоре Шор сама оказывается в Риме и всю последующую жизнь проведет в семье Иванова, став незаменимой помощницей, слушательницей, собеседницей, а затем и первым биографом своего старшего друга. В 2001 г. в «Русско-итальянском архиве» были опубликованы письма Иванова к Шор и небольшая часть ответных. Предпринимаемая теперь публикация представляет еще восемь писем Шор, связанных внутренними сквозными сюжетами. Последнее письмо относится уже к итальянскому периоду жизни автора.

Ключевые слова: Вяч. И. Иванов, О.А. Шор, архивные документы, переписка, материалы к биографии.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРАИ), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: Из писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову / предисл., подгот. текста и примеч. О.А. Фетисенко // Вячеслав Иванов. Исследования и

материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 742–782.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-742-782>

© 2024. *Olga L. Fetisenko, preface,
text preparation and notes*

FROM OLGA SHOR'S LETTERS TO VYACHESLAV IVANOV

Abstract: Specialists in biography and work of Vyach. Ivanov are well acquainted with the significant role that Olga Alexandrovna Shor (1894–1978) played in the life of Vyach. Ivanov since 1924. A young Muscovite with a deep interest in German philosophy and Italian art, particularly Michelangelo, Olga Alexandrovna initially assisted the poet's family in their preparations for leaving Soviet Russia. Subsequently, she effectively managed all matters related to Ivanov, linking him to Moscow. The beginning of their correspondence, preserved in Ivanov's Roman archive, is almost exclusively associated with practical matters. Olga Alexandrovna herself ended up in Rome and spent the rest of her life within Ivanov's family, evolving into an indispensable aide, attentive listener, engaging conversationalist, and eventually becoming the foremost biographer of her elder friend. In 2001, the "Russian-Italian Archive" published Ivanov's letters to Shor, along with a small part of Shor's responses. The ongoing publication now introduces another eight letters from Shor, intertwined with underlying narratives. The final letter belongs to the Italian period of the author's life.

Keywords: Vyach. Iv. Ivanov, Olga Shor, archives, correspondence, biographical documents.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI), Makarova Fond., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

For citation: "From Olga Shor's Letters to Vyacheslav Ivanov", preface, text preparation and notes by O.L. Fetisenko. *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 742–782. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-742-782>

В 2001 г. в третьем томе «Русско-итальянского архива» была помещена обширная публикация (фактически — книга в книге) под названием «Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор» [21]. В

предисловии к ней было подчеркнуто огромное значение этого эпистолярного комплекса для изучения биографии и творчества Вяч. Иванова и более углубленных представлений о его окружении. А.А. Кондюрина справедливо заметила тогда: «О. Шор занимает такое существенное место в жизни поэта, что история их дружбы имеет самостоятельный интерес» [21, с. 152]. Ольга Александровна Шор (1894–1978) — помощница, собеседница и настоящая «сотаинница» последних двух десятилетий жизни Иванова, автор обширного Введения к брюссельскому изданию собрания его сочинений [17, т. I, с. 5–227] и «завершительница» его «Повести о Светомире царевиче». В последние десятилетия интерес к О.А. Шор заметно оживился, опубликованы важнейшие ее сочинения («Микель-Анджело» [33] и «Мнемология» [34]), постепенно вводится в научный оборот ее эпистолярий, изучается биография¹. По воспоминаниям Д.В. Иванова, «Ольга была удивительной личностью — очень сильная, очень скромная, очень скрытная, с необычайно ясным, четким, философским умом» [20, с. 56]. Сын поэта рассказал, что «постоянный диалог между нею и отцом оказался несомненно благотворным для обоих»: «Она была не просто секретарем, но настоящим партнером в умственном труде, которым отец был поглощен, а если заглянуть глубже — и в литературном его творчестве» [20, с. 56]².

21 августа 1973 г. О.А. Шор писала из Рима Н.М. Чегодаевой (дочери своего старшего друга М.О. Гершензона): «...я не допущу, чтобы посторонние руки и глаза копались бы в нашей переписке с Вяч<еславом> Ив<ановичем>, хоть в ней нет ничего, что нужно было бы скрывать. Я сохраняю и предаю печати письма его и части их — те, которые имеют объективное, литературное значение; всё остальное сжигаю. Свои письма уничтожаю все»³. Однако, по счастью, это намерение не было выполнено: «Сохранилось 133 письма, 4 записки и 1 телеграмма Иванова и 200 писем, 7 записок и 15 телеграмм Шор» [5, с. 162]. В «Русско-итальянском

¹ См.: [24; 31; 29; 9; 13; 8; 25].

² См. также два написанных Д.В. Ивановым некролога О.А. Шор: [16; 19].

³ Римский архив Вяч. Иванова (далее сокращенно: РАИ). Необработанная часть оп. 7.

архиве» воспроизведены все письма Иванова к Шор, а ответные — выборочно (но надо признать, что отбор был сделан весьма тонко и разумно): полностью было опубликовано только десять, о других же говорилось: «Еще ряд ее писем даются с купюрами и около 40 используются в комментариях, с указанием лишь даты» [5, с. 162]. Время публикации всех писем Фламинго (домашнее прозвище Ольги Александровны), видимо, еще не подошло, но дополнить публикацию 2001 г. имеет смысл, поскольку «прозвучавшие» в примечаниях фрагменты не могли охватить все содержание часто весьма интересных эпистол.

В предлагаемой вниманию читателей небольшой подборке из восьми писем Ольги Шор представлены главным образом тексты, связанные с ведением литературных и «административно-научных» дел Иванова в Москве. Это были хлопоты о денежном обеспечении «профессора Иванова» в учреждении с неблагозвучной аббревиатурой ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), о продлении его «командировки» в Италию и тому подобных немаловажных для адресата вопросах. Выбраны письма, связанные друг с другом и образующие некоторые внутренние сюжеты (например, попытки получить гонорар за 40 стихотворений, без ведома автора включенных в антологию русской поэзии начала XX в., отслеживание переговоров об издании Государственной академией художественных наук переводов из Эсхила⁴ и т. п.).

Часть выбранных писем цитировалась не только в комментариях «Русско-итальянского архива»⁵. Так, например, в одной из работ А.Б. Шишкина почти целиком приводится письмо от 18 марта и цитируется письмо от 19–21 марта 1925 г., в которых Шор напоминает о необходимости прислать статью в затеваемый М.О. Гершензоном и его коллегами «Пушкинский ежегодник»

⁴ Публикуемые письма служат небезынтересным дополнением к статье покойного Н.В. Котрелева «Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила» [6].

⁵ Цитаты из писем от 22 апреля, 30 июля и 23 сентября 1926 г.: [21, с. 216, 217–218, 232, 234, 238]. Письмо от 30 июля цитировалось также в предисловии А.Б. Шишкина к публикации трагикомедии Вяч. Иванова «Любовь — мираж?» [12, с. 53].

(впоследствии — сборник «Московский пушкинист»)⁶. Это была статья «К проблеме звукообраза у Пушкина» [17, т. IV, с. 343–349]. Несмотря на то, что письмо от 18 марта в своей основной части уже известно, считаю нужным привести его полностью, поскольку оно служит своего рода предисловием к более подробному посланию, начатому на другой день и особенно ценному по содержанию в нем рассказу об обстоятельствах, которые предшествовали самоубийству А.Н. Чеботаревской (1869–1925)⁷.

Последнее из публикуемых писем (ответ на два письма Вяч. Иванова, написанных друг за другом 23 января 1929 г.) переносит нас уже в другой, римский «хронотоп». Ольга Шор предстает здесь совершенно в ином облике, поэтому игровой и шуточный стиль этого послания так отличается от тона писем первого периода. Небольшие цитаты из данного письма (о Микеланджело и этрусках и о явлении автору Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, что называется, «в тонком сне») приводились в публикации 2001 г. [21, с. 294, 352]. Конечно, столь интересные темы буквально «взвали» о восстановлении полного контекста.

Письма печатаются по автографам: РАИ. Оп. 5. К. 13. П. 1. Л. 10, 11–14 об., 22–25 об.; П. 2. Л. 2–3 об.; П. 3. Л. 1–4 об., Л. 15–17 об., 18–19 об.; П. 6. Л. 7–7 об. Пунктуация приближена к современной норме.

⁶ См.: [10, с. 800] (входит в главку II, «Вяч. Иванов и “Московский пушкинист”», с. 796–803). Сборник «Московский пушкинист» будет издан только в 1930 г. По замечанию А.Б. Шишкина, он имел уже мало отношения к замыслу Гершензона. Вошедшая в него статья Иванова стала последней прижизненной публикацией поэта в СССР (см.: [10, с. 803]).

⁷ См. также письмо Шор от 12–17 августа 1925 г.: [21, с. 197].

Восемь писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову

<1>

18 марта 1925 г.

18 марта 1925.

Москва.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

все нужные Вам справки навела¹. Пишу подробное письмо². Сейчас спешно, только одно: Вы, наверное, давно уже получили мою телеграмму³ и письмо Цявловского с просьбой как можно скорее выслать статью о Пушкине⁴. Ее здесь трепетно ждут. Мих<аил> Осип<ович> со свойственной ему дружеской заботливостью деньги для Вас получил вперед⁵, и у меня руки горят Вам их скорее послать, но до прибытия статьи этого сделать, конечно, нельзя.

Очень прошу Вас в срочном порядке сообщить мне, *когда и на чей адрес* Вы ее выслали⁶.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Глубоко преданная О. Шор

¹ Вяч. Иванов просил узнать, чем кончились хлопоты П.С. Когана и А.В. Дуначарского о высылке ему за границу «командировочных» денег от ЦЕКУБУ. См.: [21, с. 177].

² См. ниже письмо от 19–21 марта.

³ Телеграмма, как выясняется из следующего письма, была послана 1 или 2 марта.

⁴ Имеется в виду письмо Мстислава Александровича Цявловского (1883–1947) от 3 марта 1925 г. См.: [10, с. 798–799] (Цявловский по недосмотру назван здесь «Андреевичем»). Цявловский действительно просил прислать статью «поскорее». Но понадобились новые напоминания, после которых Иванов вышлет статью непосредственно цензору готовящегося сборника (П.И. Лебедеву-Полянскому). См.: [10, с. 800–801].

⁵ Цявловский сообщал в своем письме, что его жена 17 февраля передала М.Б. Гершензон 30 руб. для отправки Вяч. Иванову за статью [10, с. 799].

Из писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову

⁶ Статья Вяч. Иванова в этот момент еще не была готова. 7 мая он сообщит, что «неделю тому назад» отослал статью П.И. Лебедеву-Полянскому, как велел Цявловский [21, с. 182].

<2>

19–21 марта 1925 г.

19 марта 1925 г.

Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

«Счастливый» сорвалось с Ваших уст при вести о смерти друга¹. Вспоминается: ... «Ты мертв для смерти и ты стал божественным; ты не страшишься больше изменчивости жизни и желанья (я не могу писать это без зависти)».... так откликнулся на смерть «обожаемого» отца «глубоко, душевно, синтетически» усталый, шестидесятилетний Буонарроти². В Вашем «счастливый» слышится звук этой микель-анджеловской *зависти*, и в ней, как у него, залог жизни и творчества, а не смерти, хотя вокруг Вас, как вокруг него, она жутко реет. Вот эта вера во всепобедную жизненную силу Вашу дает мне возможность сказать Вам то, что необходимо и бесконечно трудно сказать: Ровно месяц тому назад 19-ого февраля я писала Вам о смерти Мих<аила> Осип<овича>³ и сегодня опять должна сообщить Вам о кончине близкого любимого Вами друга... Быть может, и на этот раз Вы уже из русских газет узнали, что 11-ого марта в среду, в 10 ч<асов> утра умерла Александра Ник<олаевна> Чеботаревская⁴. Она приехала в Москву за несколько дней до болезни М<ихаила> О<сиповича>. Марья Борис<овна>⁵ встретила ее случайно на улице и была поражена ее скверным видом и жалобами на дурное физическое и психическое самочувствие. А.Н. обещалась прийти к М.О., но пришла лишь тогда, когда его уже 5 ч<асов> не было в живых. Я хорошо помню тот ее приход. Она судорожно ко мне бросилась (к первому человеку, на которого наткнулась): «М.О. умер?! Нет, нет, я не войду туда, я не могу смотреть на Мар<ью> Бор<исовну>... Ведь, правда, к ней, к нему нельзя?» Она говорила точно в бреду.

Вероятно, что-то запредельно измученное и жалкое в ней было, потому что в душе моей, — до краев в ту минуту заполненной образом М.О. — вдруг шевельнулось навстречу ей какое-то нежное, почти материнское чувство. «Почему же Вам нельзя, А.Н.? Вы такой близкий человек. Пройдемте к М.О.». У постели покойного она простояла минуты 2–3. Потом выбежала из комнаты, дико пробежала мимо всех, перед выходом в переднюю вдруг на миг остановилась, сделала резкий, отмахивающий жест рукой и жутко убедительно, громко и глухо заявила: «Нет, так жить нельзя»... На гражданской панихиде по М.О. она произнесла исступленную речь: «...Мы все шли к нему исповедоваться. Лучшие люди уходят. Дальше жить нельзя»...⁶ На похоронах Ал<ександры> Ник<олаевны> уже не было: «миокардит, сильное нервное расстройство»; врач уложил ее «на несколько дней» в постель. Через несколько дней она умерла. От жизни ушла охотно, стремительно. В гробу лицо ее было совершенно спокойно, строго-сосредоточенно, без улыбки, но и без малейшего страдания, кажется, в первый раз *без страдания* за тяжелое последнее время..... «Счастливая?!.....»

Как-то мы говорили с Ал<ександрой> Ник<олаевной> по телефону. «Мне нужно с Вами повидаться, О.А., потолковать о делах Вяч<еслава> Ив<ановича>»... Но повидаться нам не удалось. Узнав о болезни А.Н., я естественно не решилась ее тревожить, а потом ее не стало.

Теперь по делам Вашим мне остается обратиться только к Вам. Буду ждать Ваших распоряжений и

21 марта.

Меня прервали, и я никак не могла дорваться до письма. У нас дома тоже смерть, нет, хуже: медленное, мучительное умирание. Та самая тетя моя, про кот<орую> Вы спрашивали с такой внимательной добротой⁷, постепенно угасает, и, глядя на ее томление, начинаешь понимать, что блаженны те, кому дано вспыхнуть и сразу сгореть. («Извелась»⁸ я, впрочем, не из-за этого.)

Долго я мучилась сомнениями, Вячеслав Иванович, надо ли писать Вам о том, о чем я Вам написала. Если Вы почему-нибудь

не узнали еще о смерти А.Н. (такая возможность, хотя и мало вероятная, все же есть), то должно ли, смею ли я об ней Вам сообщать, должна ли, смею ли об ней умалчивать? Вы тонкий, чуткий душевед, поймете, как больно мне Вам делать больно и как *стыдно* повествовать о смерти, кот<орая> для меня — лишь рефлкторная боль. М.О. — другое дело. Уход его был и моим горем, в моих «категориях восприятий»⁹ горем не меньшим, чем в Вашем для Вас.....

И потом: может быть, пока, Вы можете, хотите не знать об этой смерти... и будет ли Вам хоть чуточку легче от того, что вестником ее явится существо, благоговейно Вас любящее? Как знать? Беспомощно мое слабое разуменье перед недоступными вершинами Вашего духа, Вячеслав Иванович; остается судить по себе; мне было бы легче, и я хотела бы все знать.

Сологуб, узнав о смерти А.Н., сейчас же написал Татьяне Ник<олаевне>¹⁰, чтобы она позаботилась об охранный грамоте на Ваши вещи. Она обратилась к Анат<олию> Вас<ильевичу> и бумагу уже получила¹¹. Согласно данному Вам обещанию¹² Ан<атолий> Вас<ильевич> внес офиц<иальное> предложение о добав<очных> команд<ировочных> деньгах для Вас. Обещали, что дело будут слушать на ближайшем заседании. Как только оно выяснится, я Вас оповещу.

Что касается Цекубу, то денег Вы не получаете, оказывается, на том простом, досадно анекдотическом основании, что Вы не являетесь членом КУБУ, забыли зарегистрироваться. Ваше письмо я получила в то время, когда Петр Семенович¹³ был в Ленинграде. Раньше чем обращаться к нему, я решила выяснить Ваше положение в Цекубу. Оказалось, что Вы ни в каких списках не состоите и вообще никогда, никаких заявлений о членстве в Ц<ентральном> КУБУ не подавали. Т<ак> к<ак> ошибка Ваша для Вас имеет естественно совсем не теоретический интерес, то я не только Вас об ней извещаю, но, не испрашивая на то Вашего разрешения, пытаюсь ее по возможности исправить. С Петром Сем<еновичем> я уже переговорила. Он со своей обычной очаровательной любезностью обещал все, что от него зависит, сделать, но сказал, что без Вашего заявления он не может

дела начать. Я ему сообщила, что Вы мне доверили свою подпись и я могу подать заявление от Вашего имени; это я к среде (ближайшее заседание)¹⁴ и сделаю. Зачислены Вы, конечно, будете по 4-ой или 5-ой категории. Тогда подымется вопрос о соответствующих деньгах для Вас.

Господи, как все это было бы просто полгода тому назад; теперь благодаря Вашему длительному отсутствию все вопросы очень усложняются. Ну, будем надеяться, что Бог даст все устроится наилучшим образом.

Ваша статья, Вячеслав Иванович, где Ваша статья?!¹⁵ Неужели Вы не получили моей телеграммы? Ведь она была послана 1 или 2 марта. А если получили, то почему же никак на нее не откликнулись? Ваша статья могла бы уже быть в Москве, если б Вы ее тогда же выслали, и гонорар Ваш, получением кот<орого> давно уже с нежной дружественностью озаботился М<ихаил> О<сипович>¹⁶, был бы Вам уже отправлен. Впрочем, все, что я пишу Вам сейчас, наверное, излишне: Вы давно уже получили письмо Цявловского¹⁷ и в ответ на него статью выслали; надеюсь также, что вместе с ней Вы отправили письмо с сообщением, на чей адрес и когда Вы ее послали¹⁸. Если же до сих пор не отправили, то имейте в виду, что и сейчас еще не поздно. Ее с нетерпением ждут. Пошлите ее на мой адрес, хотя бы прямо на адрес Академии (Ул. Кропоткина 32)¹⁹, но только как можно скорее.... Вы ее радостно писали? Нравится она Вам? Жажду ее прочесть.

А Мих<аил> Ос<ипович> так и не успел написать статьи для пушкинского сборника, даже не начал. Теперь статья эта — о 25-ом г. у Пушкина поручена Верховскому²⁰. Начал М.О. другую работу для второго тома «Искусства»²¹ — «Плагаты у Пушкина»; в последний раз писал за несколько минут до того, как слег навсегда. И странно: рукопись М.О. обрывается пушкинскими словами ...«И огонь поэзии погас»...²² На ночном столике около постели М.О. лежала одна единственная книга: томик пушкинских стихов. М.О. всегда говорил, что уходит «в горы, к Пушкину», когда ему «тяжело на душе». Вот и ушел. А «тяжело на душе» ему часто бывало. Та легкость, о кот<орой> я Вам писала²³, появилась только в самое последнее время, за месяц, кажется, до смерти;

тогда он и писать принялся. — «Знаете, я опять копать начал», сообщил он, радостный.

Если Вы «давно уже» видели в нем неземную легкость и благодатность²⁴, то *давно* она, может быть, в нем и была, а может быть, Вы ее предчувственно угадывали, провидели. — Не знаю. Знаю только, что в этом году он внешне жил благополучно, а внутренне очень тяжело, хотя казался веселым. Никогда не забуду того утра, когда он неожиданно пришел ко мне, проникнутый смертельной тоской; долго, грустно жаловался на мучительную невозможность творить и отчаянную скуку, от кот<орой> безнадежно все время убегаешь и в которой поэтом беспомощно мечешься...

Ну, прерываю письмо механически, естественно, кажется, не кончу его никогда. М.Б. и дети²⁵ поразительно стойко переносят смерть М.О. Они сильные, настоящие. Господи, зачем такое испытанье? С М.Б. мы много и нежно о Вас говорили.

Жду Ваших распоряжений и остаюсь глубоко Вам преданная
О. Шор

Удастся ли поставить Вашу трагикомедию²⁶, — этого я еще не знаю. Но если б Вы видели, какое потрясающее впечатление она произвела в чтении, Вы взяли бы обратно свои слова, что «она никому не нужна»²⁷. Об этом подробно в следующий раз²⁸. Все<м> всем шлю сердечный привет.

La-même²⁹

¹ 2 марта, отвечая на письмо Шор от 19 февраля, Вяч. Иванов писал: «...как ни горько мне пережить его (чего я именно боялся), а первое слово, сорвавшееся с уст, было: "Счастливый!" <...> смерть праведника заставляет нас на миг ощутить, как *реальность*, какой-то, вдруг пронизывающий душу, луч нездешнего света...» [21, с. 176].

² В своем прозаическом переводе Шор цитирует незаконченные терцины Микеланджело на смерть отца (1531) и брата (1528), написанные около 1534 г. ("Ancor che l'cor già mi premesse tanto..."). См.: [36, р. 95–96].

³ Шор писала Иванову в сам день кончины М.О. Гершензона, 19 февраля 1925 г. См.: [21, с. 175].

⁴ Современные исследователи, не обращавшие по этому случаю к газетам 1925 г., продолжают спорить о дате смерти Чеботаревской.

См., например: [28, с. 119]. Путаницу в датах отчасти внесла именно Шор, писавшая впоследствии о гражданской панихиде по Гершензону так: «В большом зале [Государственной] Академии художественных наук 22 февраля состоялось отпевание <...>. Чувствовалась настоящая грусть и сердечность в переполненной зале, не нарушенная некоторой официальной торжественностью обстановки. Все речи сопровождалось песнями превосходного хора Б.А. Яворского. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: “Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от этого ужаса! За ним! За ним!” И она стремглав дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю.Н. Верховский, Н.К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке» [17, т. II, с. 725]. Таким образом, перед нами уже «мифологизированное» повествование: Шор помнила, что пел хор Яворского, но успела забыть, что между гражданской панихидой по Гершензону и кончиной Чеботаревской прошло 3 недели. О знакомстве Вяч. Иванова с А.Н. Чеботаревской, начавшемся в Париже в 1903 г., см.: [23]. Уезжая из России, Иванов оставил Чеботаревской на хранение свои вещи, книги и рукописи.

⁵ Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873–1940) — жена М.О. Гершензона, сестра композитора А.Б. Гольденвейзера.

⁶ Гражданская панихида по Гершензону состоялась 21 февраля 1925 г. в Белом зале ГАХН. См.: [14, № 33, с. 234]. С.Г. Кара-Мурза вспоминал в своем очерке «А.Н. Чеботаревская»: «Хор пел реквием, и его величавые звуки, сливаясь с запахом гиацинтов, создавали торжественно скорбное настроение, объединявшее всех присутствующих в одном общем чувстве горестной утраты дорогого писателя. Друзья и почитатели М.О. говорили прощальные, надгробные слова. Ораторы сменяли друг друга. К гробу подошла А.Н. Чеботаревская. Ее глаза болезненно блуждали; в голосе слышался надрыв, в словах чувствовалась истерика. От пристального наблюдателя и внимательного слушателя уже тогда не могли ускользнуть в речи А.Н. намечающиеся признаки психического расстройства и явные симптомы приближающегося религиозного помешательства. “Здесь говорили о том, — так начала свою речь А.Н., — чему служил покойный Михаил Осипович, кого он любил, каких поэтов он предпочитал. Я скажу, что он служил одному Богу, любил и предпочитал только Бога. И мы должны следовать его примеру. Так жить, как мы живем, нельзя, так жить нельзя. Россия те-

ряет всех своих великих людей; мы потеряли горячее сердце Ленина. Кончина Мих. Осип. должна послужить нам всем напоминанием, что мы должны измениться, возродиться. Мы должны оглянуться на свою жизнь, подумать о себе, и выйдя из этой залы, сейчас же, не откладывая ни на минуту, дать друг другу слово отречься от суетной жизни и служить Богу". "Так жить нельзя", — еще раз громко, настойчиво и болезненно повторила А.Н. В словах говорившей уже чувствовалась некая обреченность. И не прошло трех недель, как А.Н. покончила расчеты с жизнью» [28, с. 118–119].

⁷ Вяч. Иванов осведомлялся о здоровье Клары Моисеевны, тетки О.А. Шор со стороны матери, в письме от 2 марта [21, с. 177].

⁸ Иванов приводил фрагмент письма к нему Гершензона от 18 января, в котором говорилось о Шор: «Она, бедная, совсем извелась...» [21, с. 177].

⁹ Отсылка к письму Иванова от 2 марта: «Что Вы пишете, в своих словах и категориях восприятия...» [21, с. 176].

¹⁰ Татьяна Николаевна Чеботаревская (1878–1968) — младшая сестра Александры и Анастасии Чеботаревских и Ольги Черносвитовой, детский врач; служила в Морозовской больнице в Москве.

¹¹ Любопытная подробность: Т.Н. Чеботаревская могла обратиться к «наркомпросу», используя близкие личные связи: брат А.В. Луначарского Платон был женат на золовке одной из сестер Чеботаревских, О.Н. Черносвитовой, Татьяне Николаевне Черносвитовой (во втором браке она будет замужем за братом В.В. Вересаева — П.Г. Смидовичем). Александра же Чеботаревская была тесно знакома с будущим «наркомпросом» еще по Франции. См. об этом в опубликованном А.А. Соболевым очерке С.Г. Кара-Мурзы «А.Н. Чеботаревская»: [28, с. 116].

¹² Об отношениях Вяч. Иванова с А.В. Луначарским см.: [32; 11]. Шор подразумевает, вероятно, обещание, данное в письме Луначарского от 13 февраля 1925 г.: «...одновременно с этим письмом вношу официальное предложение о добавочной сумме для Вас» [32, с. 557].

¹³ Петр Семенович Коган (1872–1932) — историк литературы, литературный критик, президент ГАХН, где Шор была секретарем. Письма Вяч. Иванова к Когану: РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 54.

¹⁴ Ближайшая среда приходилась на 25 марта.

¹⁵ Имеется в виду статья Вяч. Иванова о звукообразах Пушкина (см. преамбулу). Сообщив, что она уже отослана в Москву, Иванов 7 мая напишет: «Не сердитесь хоть Вы-то, дорогая, за эту истому со статьей» [21, с. 182].

¹⁶ См. примеч. 5 к п. 1.

¹⁷ См. примеч. 4 к п. 1.

¹⁸ Статья в этот момент еще не была послана в Москву.

¹⁹ В здании на ул. Кропоткина (Пречистенке), 32, где до 1918 г. действовала гимназия Л.И. Поливанова, с 1921 г. размещалась ГАХН (до 1925 г. называемая РАХН).

²⁰ Предполагалась статья «Пушкин в 1825 г.». (краткое, 5 стр., предисловие к публикации неких «Воспоминаний о Пушкине в 1825 г.»). Гершензон планировал написать статью и на другую тему — о «Путешествии в Арзрум» (см.: [10, с. 797]). В задуманном сборнике должен был принять участие друг Иванова Юрий Никандрович Верховский (1878–1956). В письме к Цявловскому от 24 мая 1925 г. Иванов выражает надежду, что «знаменитая мешкотность» Верховского не задержит выход книги [10, с. 801].

²¹ Имеется в виду «Искусство. Журнал РАХН», первый номер которого вышел в 1923 г., второй — в 1925-м.

²² Цитата из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Об этой же подробности (последней записи Гершензона 17 февраля) Иванову в письме от 3 марта сообщил Цявловский (см.: [10, с. 799]).

²³ 19 февраля Шор писала Иванову о Гершензоне: «Все, что в нем было раньше от раздражительности и каприза, — все от него отошло. Что-то восточное, лучистое в нем проступило <...> веселый он был, как только художники, а не критические осознатели бывают, веселый и страшно легкий» [21, с. 175].

²⁴ Вяч. Иванов откликнулся: «...то же самое уже давно переживал в его присутствии, и я сам и мог бы давно, кажется, сказать это посвоему» [21, с. 176].

²⁵ Дети Гершензонов: Сергей (1906–1998) и Наталья (в замужестве Чегодаева; 1907–1977).

²⁶ См.: [12, с. 51–58].

²⁷ Слова из письма Иванова от 2 марта 1925 г.: «Что до пресловутой “трагикомедии”, я убедился, что она никому не нужна» [21, с. 178].

²⁸ Имеется в виду чтение у А.К. Горностаева, о котором Шор расскажет более чем через год — в письме от 30 июля 1926 г. (см. ниже). К нему были приложены письма хозяина дома и некоторых гостей (см.: [12, с. 53–54]).

²⁹ Та же (*фр.*).

<3>

16 мая 1925 г.

16-ого мая 25.

Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

наконец-то радостная весть: уже Вы включены в денежный список Цекубу и отныне будете получать ежемесячно 85 руб. (такова новая ставка для лиц пятой категории). Одобряете tempo?¹

Видите, мое доверие к Вам вполне оправдалось и заявление Ваше возникло вовремя². Получила я его 14-ого мая, в самую последнюю для проведения минуту. Волнуясь, что бумаги Ваши запоздают и, ломая себе голову, как мне без них обойтись, я просто ожила, когда увидела конверт с Вашим почерком.

Сейчас удачным исходом дела я осчастливлена безмерно, как только в детстве бывала счастлива получением страстно желанной игрушки³. И за радость эту, коей Вы причина, я Вас от всей души благодарю.

Теперь вот еще что: Цекубу само денег Вам пересылать не может (им некогда с этим возиться), меня спрашивали, желаете ли Вы быть зачисленным по Москве или по Баку. Я, конечно, сказала, что «по Москве» и дала свой адрес. Поэтому спешно высылайте доверенность на мое имя: (золотой фонд в Кубу начнут выдавать в ближайшее время, а Вы его получите даже за май) — и сообщите, пожалуйста, в каком виде Вы хотели бы иметь деньги, — в долларах, фунтах или лирах. (В Полпредстве получают русские газеты и Вы их наверное читаете, поэтому предполагаю котировку нашу Вам известной).

Что касается Вашей статьи⁴, то пока еще ничего о судьбе ее не знаю. В самые ближайшие дни повидаясь с Мстиславом Алекс<андровичем>⁵ и кто-нибудь из нас отправится к Лебедеву-Полянскому⁶ — (впрочем, быть может, предупрежденный Вами Цявловский это уже сделал — не знаю) — и отправит Вам авторский гонорар.

Одной фразы в Вашем письме я не расшифровала: *что* Вы извиняетесь за какой-то *запечатанный* конверт⁷, мне было не-

понятно, потому что никакого запечатанного конверта в письме моем не оказалось; там было только заявление в Цекубу. Если Ваше сообщение надо понимать в том смысле, что Вы письмо Анат<олию> Вас<ильевичу>⁸ послали непосредственно на его адрес, то это, конечно, очень правильно.

Я Вам никогда и не предлагала *личное* письмо к нему посылать через меня.

Говорила я лишь о *заявлении* в заграничную комиссию Наркомпроса, каковое как и заявление в Цекубу запечатывать действительно не имело бы смысла, раз Вы уже передаете его через меня. Получил ли Анат<олий> Вас<ильевич> Ваше письмо, еще не знаю. Вчера мне некогда было выяснять этот вопрос. Во всяком случае командировку Вам своевременно продлят, если только она не будет неразрывно связана с необходимостью немедленного назначения добавочных командировочных сумм. Несмотря на то, что комиссия наметила Вам проведение дальнейшего обеспечения, получить его (в ближайшее время по крайней мере) не можно, т<ак> к<ак> денег у них очень мало, — а по их бюджету Вы уже получили очень много. Сейчас Вас выручает «золотой фонд» Кубу; советую Вам временно на получении денег из НКП не настаивать, а лишь просить о продлении командировки⁹. Впрочем, я ведь совсем не знаю, о чем Вы написали и как Вам ответят. Возможно, что я советую глупости. Разрешите мне только одно: в случае каких-нибудь затруднений (мне-то ведь здесь виднее) вмешаться в Ваше дело и прокомментировать Вашу просьбу в указанном выше смысле.

Вот и все о деловом. О другом сегодня — ничего, чтобы не задерживать этого извещения. Буду трепетно ждать Вашей доверенности, делового ответа и главное обещанного письма «о не-деловом».....¹⁰

Надеюсь, что Лидия Вячеславовна и Димочка веселы и здоровы, что Вам (поскольку это возможно) хорошо, чего от души желаю.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Глубоко преданная
О. Шор

P.S. Вот какая у меня к Вам просьба: Пожалуйста, пошлите Борису Александровичу Шпаро¹¹ открытку с видом Рима и несколькими милыми (как Вы только и умеете) словами. Это ведь не трудно, не то что письмо?! Бор<ис> Алекс<андрович> был необычайно предупредителен и без его внимательного участия я ничего не могла бы сделать в такой короткий срок.

Его адрес: Пятницкая 30, кв. 1.

Петр Сем<енович> до конца мая будет в Париже¹².

Еще привет.

La-même

¹ Время (*ит.*); здесь в значении «быстрый срок».

² См. письмо Иванова от 7 мая: [21, с. 182].

³ Ответ Иванова на эти слова (в письме от 23 мая) см.: [21, с. 183].

⁴ Речь идет о статье «К проблеме звукообразов у Пушкина», отправ-
ка которой обсуждалась в предыдущих письмах.

⁵ Имеется в виду М.А. Цявловский.

⁶ Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948) — в это время
председатель Главлита (цензурного учреждения).

⁷ В письме от 7 мая говорилось: «Простите, что конверт, содержа-
щий заявление и личное письмо на имя Ан<атолия> Вас<ильевича>,
запечатан...» [21, с. 182].

⁸ Подразумевается ответ на письмо Луначарского от 13 февраля
1925 г. Иванов 23 мая сообщит своей корреспондентке, что посылал
заявление о продлении командировки и частное письмо [21, с. 183].

⁹ НКП — Народный комиссариат по делам просвещения. Иванов
ответит, что не просил «о добавочных деньгах» [21, с. 183].

¹⁰ Реплика на слова из письма от 7 мая: «До следующего (на днях)
большого письма о не-деловом» [21, с. 182].

¹¹ Б.А. Шпаро (1890–?) — юрист, управляющий делами ЦЕКУБУ.

¹² С 28 апреля по октябрь 1925 г. в Париже проходила Междунаро-
дная выставка современных декоративных и промышленных искусств
(см.: [27]). Коган еще в 1924 г. возглавил Комитет советского отдела
этой выставки.

<4>

1 августа 1925 г.

1-ого августа 1925 г.

Москва

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

как тревожно!.. Больше месяца тому назад я выслала Вам академическую стипендию за июнь и письмо с наркомпрос<с>ким удостоверением о продлении Вашей командировки¹. От Вас ни слова. Утешаюсь банальным: «Pas de nouvelles — bonnes nouvelles»² и надеюсь, что молчание Ваше означает лишь благополучное получение Вами денег и бумаги. Но все же утешение это тревоги не снимает. Успокоюсь лишь тогда, когда появление Вашего письма³ оправдает мой гал<л>ьский оптимизм. 30-ого июля я снова перевела Вам 43 дол<лара> через «Банк для Внешней Торговли С. С. С. Р.» (прежний Рос<сийский> Ком<мерческий> Банк)⁴ по квит<анции> № 13235. Очень прошу Вас известить меня об их прибытии. У меня сейчас много мучительных волнений. Будьте милостивы; не увеличивайте их числа.

Только не подумайте, что просьба эта несет в себе упрек. Ни чуточку; ни самый даже размалейший. Я ведь твердо знаю: Когда бы и в какой бы мере мне не нужна была духовная помощь, Вы ее всегда дадите. Как бездарно было бы при такой уверенности обижаться на микроскопическую некорректность с Вашей стороны.

Много думалось о Вас все это последнее время. (Именно «думалось»; забота о Вашей судьбе, вернее о Вашем благополучии стала каким-то органическим процессом во мне, совершающимся независимо от воли.)

И, знаете, кажется, додумалось и, кажется, до блестящего плана, осуществление которого даст Вам больше чем полное обеспечение. Когда впервые явился мне образ этого плана, я отбросила его как нелепость. Но он стал повторяться с той назойливой принудительностью, кот<орая> есть необходимое, а иногда и достаточное условие верности мысли. Но сейчас о нем ни слова.

Если Ваше материальное положение страдает каким-нибудь несовершенством, то умоляю Вас мне сейчас же — (спешность необходима, иначе все можно упустить) — о нем написать и сообщить, каковы экономические перспективы Ваши на ближайшее и дальнейшее время, чтобы я могла сообразить, что имеет и чего не имеет смысла делать⁵.

Вы, наверное, давно уже поняли, что план мой связан с некоторой реальной трудностью для Вас. Если б я могла все взять на себя и просить Вас только о написании заявления, я бы, конечно, не стала столько сомневаться и раздумывать. К Вам в Рим поехал, а, может быть, уже и приехал Ваш «Павлин»⁶. Он Вам расскажет о Москве.

Почему Вы не высылаете отзывов на выступление Лидии Вячеславовны?⁷ Или Вы их уже куда-нибудь направили? С нетерпением буду ждать Вашего письма. Целую Ваших. Вам самый сердечный привет от бесконечно преданной

О.Ш.

¹ Имеется в виду письмо Шор от 29 июня 1925 г. (РАИ. Оп. 5. К. 13. П. 1. Л. 33–34 об.). К нему были приложены подписанное замнаркомом Ходоровским и «секретарем по заграничным командировкам» Новоселовым удостоверение о том, что комиссариат «не встречает препятствий» к продлению командировки Иванова на год, а также его копия (Там же. Л. 31, 32). К 1 августа Шор еще не успела получить письмо Иванова от 27 июля [21, с. 190–193].

² Нет новостей — это хорошие новости (*фр.*).

³ Иванов ответит 18 сентября сразу на несколько писем Шор. См.: [21, с. 200–202].

⁴ В 1924 г. существовавшее с 1922 г. акционерное общество «Российский коммерческий банк» было преобразовано в Банк для внешней торговли СССР.

⁵ Иванов ограничится благодарностью за «помощь в деле снабжения ... хлебом насущным» и сообщением, что всё причитающееся ему из Москвы он получил [21, с. 201]. В конце письма упомянет о заказанных Мейерхольдами переводах стихотворений Микеланджело [21, с. 202].

⁶ Вероятнее всего, речь идет о В.Э. Мейерхольде, именно в указанное время направившемся в Рим.

⁷ Имеется в виду состоявшееся 12 июня 1925 г. выступление Л.В. Ивановой в академии Св. Цецилии, о котором Иванов сообщил в письме от 13 июня, указав, что о концерте «есть отчеты в газетах» [21, с. 189].

<5>

22 апреля 1926 г.

22-ого апреля 26 г.
Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

об очень, очень многом мне хочется, больше: нужно с Вами поговорить, но меня парализует Ваше多月месячное молчание¹, и если б не срочные, существенные дела Ваши, я, вероятно, и сегодня не решилась бы обратиться к Вам письмом. Простите, что снова я непрошено вмешиваюсь во внешнее устройство Вашей жизни, но забота о материальной стороне ее стала для меня духовной потребностью, которая требует удовлетворения, не спрашивая о своем праве на то.

1) Неожиданно приятная весть: Вам надлежит безо всякой на то затраты сил — (если не считать таковой написание коротенького заявления и доверенности) — получить от 150 р. до 300 руб.

Дело в следующем: «Новая Москва» издала «Антологию поэтов XX в.»² и никому из поэтов не заплатила гонорара на том основании, что «антология — хрестоматия»; союз писателей подал в суд. Дело откладывалось, проваливалось, кассировалось, пересматривалось и, казалось, никогда не кончится. Вчера мне вдруг позвонила Иснарлова³ и сказала, что она слышала, будто союз выиграл процесс и «т<ак> к<ак> в антологии наверное напечатаны стихи Вячеслава Иванова, то»....

Я естественно сейчас же принялась выяснять это «то». Выяснила: Ваших стихов в книге напечатано 40⁴, всего 600 строк с небольшим, «местком писателей» обещал мне немедленно по получении Вашего заявления возбудить ходатайство о выдаче причитающихся Вам денег. Сейчас союз уточняет свои взаимо-

отношения с издательством, отсюда неопределенность следующей Вам суммы. Все, что при создавшейся конъюнктуре можно будет сделать в смысле увеличения ее, сделано будет. Если Вы доверяете бдительности союза, выдумавшего, выигравшего дело, и зоркости моего чувства к Вам, то не ставьте условий, а напишите заявление в самой общей форме с просьбой возбудить ходатайство о получении причитающихся Вам денег за стихи, напечатанные в «Антологии поэтов XX в.».... Направить заявление надо «В союз писателей» или в «местком союза писателей». Послать его можно либо непосредственно в союз по адресу Тверской бульвар 25, либо мне⁵. (Последнее, пожалуй, лучше, так как даст мне возможность следить за ходом дела.) Если заявление пошлете на мой адрес, то приложите к нему, пожалуйста, доверенность на мое имя.

2) Помните ли Вы, что в июне кончается Ваша командировка, необходимое условие для получения академического обеспечения? Если Вы по этому поводу уже писали Анатолию Васильевичу, то известите меня об его решении, чтобы я своевременно смогла бы сделать соответственное сообщение в Цекубу. Если не писали, то немедленно пришлите на имя Анатолья Васильевича мотивированное заявление с просьбой продлить срок Вашей командировки (укажите обязательно, на сколько времени продлить)⁶. Быть может, и это заявление целесообразнее было бы отправить, как и в прошлый раз, на мой адрес. Впрочем, Вам виднее. Во всяком случае знать о наличии его я должна. Теперь «еще одно, последнее сказанье»...⁷

3) Музейный отдел приступил к раскопкам в Херсонесе⁸ и ему очень хочется воспользоваться законодательными достижениями многоопытных стран. Если б Вы могли достать регламент Помпейских раскопок (общий закон, ограждающий права, и постановления местного порядка) — Вы оказали бы Главнауке большую услугу; и, думается мне, Вам не следует упускать возможность оказания ее. До сих пор я нарочно имени Вашего в отделе не называла, чтобы (в случае, если б Вы почему-нибудь не захотели или не смогли раздобыть регламент) — не ставить Вас перед необходимостью отказывать Главнауке. Поэтому настоящее

мое обращение Вас решительно ни к чему не обязывает, а представляет лишь удобный случай Вам быть любезным по отношению к учреждению, с которым Вы всячески связаны. Если б Вам не удалось доставить самый текст регламента, Вы, быть может, согласились бы прочесть его и сообщить в виде небольшого доклада его содержания и свои по этому поводу мысли⁹. Все материалы надо направить по адресу: Наркомпрос. Главнаука. Отдел по охране музеев. Если Вы пошлете голый материал, то обязательно вслед ему отправьте заявление с разъяснением оснований такого Вашего поступка: «Узнав, что Муз<ейный> отдел интересуется etc. etc»..... (от кого узнали, конечно, не указывайте; так выходит внимательней: сами узнали). Меня же обязательно известите о высылке регламента или доклада, чтобы я (когда мне это для Вас понадобится) могла кому следует поставить на вид сделанную Вами работу.

Вот и все деловое, по крайней мере, спешное деловое; сообщением же неспешного не хочу задерживать письма. Очень настойчиво прошу Вас ответить мне сейчас же: (деньги, знаете ли, в наше время такая вещь, кот<орую> надо спешно брать пока дают).

Простите, что до сих пор не поблагодарила Вас за Таню¹⁰, но я безнадежно бездарна в благодарениях на словах. Лидии Вячеславовне скоро напишу. От Серг<ея> Вит<альевича> никакого ответа не получила. Быть может, он уже у Вас?¹¹

Отчаянно хочется хоть что-нибудь узнать про Вашу жизнь. Здоровы? Что едите? Какие у Вас планы?¹² Когда Лидия Вячеславовна кончает Академию?¹³ Как Димочкины успехи? Он еще собирает марки?¹⁴ У меня для него набралось много юбилейных.

Целую Лидию Вячеславовну и Димочку. Вам самый сердечный привет от глубоко преданной

О. Шор.

P.S.

Веря в аккуратность наших банков, полагаю, что академическое обеспечение свое Вы исправно получали. Высылала я Вам ежемесячно (по истечении месяца) за октябрь, ноябрь, декабрь, январь и в конце марта за февраль и март одновременно. Если

Вы не все получили, пожалуйста, напишите мне об этом, чтобы я могла вытребовать для Вас у банка недоставленную сумму¹⁵.

Жду письма!

Низко, благоговейно Вам кланяюсь

О.Ш.

Письмо, прошу Вас, пошлите заказным. Простые письма все же иногда пропадают. С месяц тому назад не дошло до меня Юшино письмо¹⁶, единственное письмо, посланное им не заказным за три года; только оно одно и не было доставлено.

Конверты в конверты вкладывать нельзя. Поэтому, пожалуйста, не запечатывайте заявлений отдельно от письма.

¹ Последнее перед тем письмо Иванова к Шор датировано 9 ноября 1925 г. [21, с. 209–211]. Получив послание Шор, он ответит 30 апреля 1926 г. [21, с. 212–215].

² Речь идет о книге: Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней / сост. И.С. Ежов, Е.И. Шамурин. М.: Новая Москва, 1925 [26]. Ответ Иванова на сообщение об этом: [21, с. 213–214].

³ Сведений об Иснаровой найти не удалось.

⁴ В антологию Ежова и Шамурина вошли следующие стихотворения Вяч. Иванова: «Дух», «Русский ум», «La selva oscura», «Missa solennis, Бетховена», «Вечные дары», «Довольно!», «Непогодная ночь», «Мгла», «На миг», «Под деревом кипарисным», «Криница», «Любовь», «Поэты духа», «Прозрачность», «Долина — храм», «Увенчанные», «Обновление», «Цикады», «Виноградник Диониса», «La Luna somnambula», «Сообщение», «Лебеди», «Железная осень», «Эпод», «Недвижное», «На чужбине», «Загорье», «Неведомое», «Об-он-пол», «В лепоту облечуся», «Осень», «Небо —верху, небо —внизу», «Седьмой день», «Из далей далеких», «Москва», «Сфинксы над Невой», «Колизей», «Лета», «Тихая воля», «Язвы гвоздиные» [26, с. 63–71].

⁵ Доверенность «на ведение дела о гонораре за стихи, напечатанные в “Антологии”», Иванов послал Шор вместе с письмом от 30 апреля [21, с. 218].

⁶ К упомянутому в примеч. 5 письму Иванов приложил и свое заявление на имя А.В. Луначарского, датированное 1 мая 1926 г. В нем

говорилось: «Прошу в Вашем лице Нар. Комиссариат Просвещения не отказать мне в продлении моей научной командировки еще на год (по июнь 1927 г.) При моем возрасте и здоровье я нуждаюсь в здешнем климате, и моя исследовательская работа находит в Риме наиболее благоприятную научную обстановку. Моею ближайшей задачей является в настоящее время ознакомление здешнего ученого мира, путем докладов, чтений и составления заказанных специальными научными органами статей, с результатами моих работ в области истории греческой религии. Центром моих незаконченных изысканий служит по-прежнему Эсхил» [32, с. 558].

⁷ Крылатые слова из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

⁸ Имеется в виду Музейный отдел Главнауки (Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса). Финансированные им раскопки в центре южного участка Херсонесского городища велись с 4 июня по 10 августа 1926 г. под руководством Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970). Это была первая археологическая экспедиция в Херсонес после 1907–1911 гг. См. подробнее: [4].

⁹ Иванов пообещал навести «все возможные справки» [21, с. 214]. См. также письмо от 16 июня 1926 г.: [21, с. 218].

¹⁰ Подразумевается Татьяна Ильинична Игнатова (в замуж. Коншина; 1892–1972; сестра редактора издательства ГАХН Натальи Игнатовой (1898–1956)), посетившая Вяч. Иванова в январе 1926 г. Об этом — в ее письме к Шор от 21 января 1926 г. (РАИ).

¹¹ Речь идет о друге Вяч. Иванова Сергее Витальевиче Троцком (1880–1942), оставшемся в Баку после отъезда Ивановых и погибшем впоследствии в узбекском лагере. См.: [30]. Письма Троцкого к Иванову 1924–1933 гг. см.: РАИ. Оп. 5. К. 10. П. 24. На упоминание о Троцком в письме Шор Вяч. Иванов никак не отреагировал.

¹² В письме от 30 апреля Иванов подробно рассказал о несостоявшейся поездке в Египет, о подготовке немецкого издания книги о Достоевском и о «параличе» своих «работ по М<икель>Анджело» [21, с. 212–213].

¹³ Т. е. Академию Св. Цецилии. Иванов на этот вопрос не ответил, упомянув лишь о последних музыкальных сочинениях дочери [21, с. 213].

¹⁴ Иванов в ответ передаст благодарность сына «за дивные марки» [21, с. 214]. Об увлечении Д. Иванова филателией см. примеч.: [21, с. 182].

¹⁵ Иванов заверит: «Все деньги я получил, и в последний раз двойную посылку, которая уравнивала прежние недоплаты» [21, с. 182].

¹⁶Юша — домашнее имя двоюродного брата Шор, Евсея Давидовича Шора (1891–1974). О встрече с ним в Риме говорится в письме Иванова от 30 апреля [21, с. 213].

<6>

30 июля 1926 г.

30 июля 1926 г.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

спешу успокоить Вас относительно судьбы Вашего «Эсхила»¹ и сообщить все, что мне удалось узнать и сделать за время, отделяющее получение мною Вашего письма² от написания ниже следующего.

Под редакцией Анат<олия> Вас<ильевича> действительно издаются переводы классиков, и Соловьеву (как Вы правильно предположили) действительно поручен перевод Орестеи и еще чего-то³. Но осуществится эта затея не очень-то скоро. Ваш перевод *должен* появиться раньше, *первым*; и устроить это можно. Сделаю, конечно, все, что Вы прикажете, но по-моему идти надо не путем оспаривания Ваших «прав» перед Госиздатом, где Вы не имеете никаких прав, а путем скорейшего напечатания Вашего давно готового перевода в другом издательстве. Конечно, нет надобности становиться в юридическую позицию, можно по-хорошему поговорить с Анат<олием> Вас<ильевичем>, но, думаю, что даже в самом лучшем (сомнительном) случае и это окажется нецелесообразным:

1) Если б Анат<олий> Вас<ильевич> и согласился пойти на неловкость нарушения данного Соловьеву обещания и провел бы свою волю в Госиздате, то все же перевод Ваш напечатают лишь в случае Вашего отказа от гонорара (ибо два раза гонорар платить не станут, а Серг<ею> Мих<айловичу> не платить нельзя)

2) боюсь, что громадность упреков и требований отяжелит и задержит переговоры о Данте⁴, — и

3) Издания классиков — издания популярные и характер их Вас не удовлетворит. А раз уж идти на безгонорарность, то внешний образ книги, по крайней мере, должен быть красивым.

По тону Вашего письма я поняла — (правильно?) — что помимо всех денежных соображений (не думайте, что я преуменьшаю их значение) — Вам важно быть напечатанным *первым*. Академия Худ<ожественных> Наук Вам предлагает издать, хорошо издать и в спешном порядке все ранее сделанные переводы Ваши. Но платить Академия ничего не может: книга выйдет такой дорогой, что ее никто не будет в состоянии купить.

Была я у Сабашникова. Письмо он от Зелинского получил⁵, но справок навести не успел и о предполагаемом издании Эсхила узнал от меня. На мой вопрос, допустит ли он, чтобы Госиздат его опередил, он ответил, что осенью Вас издаст. Но я абсолютно уверена, что он Вас осенью не издаст, потому что денег на умную книгу, которую купит лишь любитель, у него нет и не будет.

Значит положение таково: В ближайшее время денег за Эсхила ни от одного издательства получить нельзя за исключением, быть может, Сабашникова — (я Ваших с ним счетов не знаю) — но Сабаш<ников> зато ничего не издаст.

Затягивая печатанье, Вы рискуете быть опереженным другим переводом.

Ich ziehe den Schluss⁶: *надо печататься в Академии*. Впрочем, буду ждать Ваших распоряжений и, если хотите, попрошу Петра Сем<еновича> переговорить с Анат<олием> Вас<ильевичем> и Пиксановым (его заместителем)⁷ etc etc.... (делать можно многое, но не могу воздержаться от повторения, что по-моему не следует ничего *в этом направлении* предпринимать).

Что же касается Ваших обязательств по отношению к Сабашникову, то о лирической стороне я судить, конечно, не могу⁸, но юридически Вы совершенно свободны даже и в том случае, если б Саб<ашников> Вам полностью оплатил перевод.

Теперь приказывайте!

Что касается Данте, то обратиться следует с предложением прямо к Анат<олию> Вас<ильевичу>. Пусть Таиров поговорит (это, конечно, хорошо), но, пожалуй, еще лучше было бы Вам са-

мому написать Луначарскому⁹, кот<орый> к Вам прекрасно относится. Но имейте в виду, что Л<уначарский> на месяц уехал в отпуск.

Дозвонилась я, наконец, Зинаиде Николаевне¹⁰. Она просила Вам передать, что следующий выпуск «Театрального октября» появится в сентябре, и в нем, конечно, согласно Вашему желанию будут указаны все опечатки¹¹. Полный перечень их ей нужно получить к первому сентября. Она Вам скоро сама напишет, как обстоит дело с Микель-Анджело, а пока что крепко обещала напечатанье сонетов провести¹².

Вячеслав Иванович, ради Бога, простите мне эти каракули: я так дико устала, что рука с трудом движется по бумаге, но мне не хочется откладывать письма, т<ак> к<ак> вопрос с переводом Эсхила не терпит отлагательства.

Скоро напишу обо всем подробно. Знаю, что еще много у нас с Вами делового, но сейчас я не в состоянии ничего вспомнить и доложить. Сейчас еще только одно:

Я Вас так благоговейно люблю, что совершенно не могу понять, как какое бы то ни было высказывание моего чувства к Вам может быть «обидным»¹³. Я не признаю никакой субординации (здесь я абсолютно свободна), но духовную иерархию остро ощущаю и принимаю в полной мере: Если Вам угодно подносить мне дары своей «дружбы», то я могу их принимать не иначе как коленопреклоненно с воздетыми руками: Что же тут обидного для Вас?!

Как-то (давно уж то было) после настоятельных просьб Горностаева я прочла Вашу трагикомедию (из рук я ее выпускать не хотела) в небольшом обществе¹⁴. Пьеса произвела потрясающее впечатление своей трагической частью. «Ну и оперетка, вздохнул кто-то; мороз по коже дерет; ну и оперетка!» Некоторые из слушателей пожелали выразить Вам свою благодарность. Посылаю Вам их строки¹⁵.

Простите, что я показала вещь Вашу без Вашего на то разрешения, но Вы ведь не приказывали держать ее в тайне.....

Ой, меня зовут: Кларе очень плохо¹⁶. Кончаю. Ради Бога поскорее ответьте об Эсхиле¹⁷. Необходимо спешить с решением

насчет Академии, т<ак> к<ак> все же получается бег в перерывы.

Надеюсь, что деньги Цекубу Вы за три месяца в три приема получили (количество долларов немного уменьшилось, т<ак> к<ак> дороже стала пересылка).

Вам самый сердечный привет и безмерная благодарность за полное упреков, глубоко меня взволновавшее письмо.

Преданная О. Шор

¹ В своем письме от 11 июля Иванов цитировал обращенное к нему недоуменное вопрошание своего друга филолога-классика Ф.Ф. Зелинского (из письма от 6 июня): «Удивился я, прочтя, что Луначарский издает библиотеку поэтов в русс<ких> переводах, между прочим Эсхила, последнего под своею редакцией. А перевод чей? Возможен ли другой, когда есть Ваш? А если Ваш, то к чему редакция? Написал Сабашникову с просьбой навести справки» [21, с. 229].

² Письмо Иванова от 11 июля 1926 г. [21, с. 288–229].

³ Иванов, осведомленный о выполненном С.М. Соловьевым (1885–1942) переводе «Орестей» для 2-й студии МХТ, верно угадал, что Луначарский вел переговоры именно с ним, см.: [21, с. 229].

⁴ Иванов писал: «Я именно нуждаюсь в заказе переводов и хотел бы предложить Ан<атолию> Вас<ильевичу> своего *Данте*» [21, с. 229].

⁵ Ф.Ф. Зелинский много лет был связан с издательством М. и С. Сабашниковых и его серией «Памятники мировой литературы». Для этой серии Иванов переводил Эсхила.

⁶ Я делаю вывод (*нем.*).

⁷ Упомянуты Коган, Луначарский и Н.К. Пиксанов (1878–1969). Серия «Русские и мировые классики» выходила под редакцией Луначарского и Пиксанова.

⁸ В 1911 г. Иванов заключил договор с издательством Сабашниковых о переводе «Орестей» Эсхила, в 1913 г. — о переводе стихотворений Сафо и «Новой жизни» Данте. В 1913–1914 гг. совместно с Гершензоном им был подготовлен том Петрарки [22]. Извещения (более частное и официальное) Иванова о передаче М.В. Сабашниковым О.А. Шор «для предоставления в Академию х<удожественных> н<аук>» рукописи переводов Эсхила, датированные 27 августа 1926 г.: РАИ. Оп. 5. К. 10. П. 1. Л. 1–2 об. В частном письме говорится, что издательству не под силу выпустить «Орестею» «сразу» [6, с. 516]. Этому предшествовало

письмо Иванова к М.В. Сабашникову от 9 августа [6, с. 514–515]. В тот же день Иванов ответит Шор: «Мое отношение к М.В. Сабашникову в деле об Эсхиле не может быть квалифицировано ни как “лирическое”, ни как “юридическое”. Я надеюсь, что оно просто морально-честное отношение» [21, с. 233].

⁹ Иванов 11 июля сообщил Шор, что у него был А.Я. Таиров (1885–1950) (в его Камерном театре планировалась постановка Эсхила). Режиссер «обещал поговорить» с Луначарским о поручении Иванову перевода Данте [21, с. 229]. Осенью выяснится, что «Таиров, конечно, все забыл» [21, с. 240]. О переводах Эсхила и Данте речь идет в более позднем письме Иванова к Луначарскому (от 5 сентября 1928 г.); см.: [32, с. 558].

¹⁰ Имеется в виду Зинаида Николаевна Райх (1894–1939). О ее взаимоотношениях с Вяч. Ивановым см.: [15].

¹¹ «Театральный октябрь» — задуманные Мейерхольдом и З.Н. Райх сборники «по вопросам революционного театра» (в 1925–1926 гг. планировалось выпустить четыре; вышел только один, в котором была помещена статья Иванова «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» [18]). Первоначально задуман был журнал, но его не разрешили. См.: [15, с. 264, 269]. Об искажающих смысл опечатках в его статье Иванов написал Шор 16 июня 1926 г. [21, с. 218–219]. Последняя назвала эту статью «единственной не только в сборнике, но во всей современной литературе, по глубине и захвату мыслей» [21, с. 225].

¹² Мейерхольд и Райх, планировавшие создать свое издательство («Издательство при Театре им. Всеволода Мейерхольда»), при встрече с Ивановым в Риме в августе 1925 г. заказали ему переводы «всех поэтических произведений Микеланджело», над которыми он как раз в это время трудился. См.: [15, с. 264, 270, 272]. Договор, подписанный 3 августа 1925 г., см.: [15, с. 277, 278]. После разговора с Шор Райх напишет Иванову 12 августа 1926 г.; см.: [15, с. 271–273].

¹³ Отклик на слова Вяч. Иванова из письма от 16 июля: «Еще больший упрек Вам за излюбленный Вами прием тонкого мучительства, за Ваш всегда болезненно действующий на меня припев: “затруднять Вас чтением писем, в которых не имелось бы для Вас лично (!) интересных сообщений, я никогда не решаюсь — потому что хорошо знаю свое место (!) <...>”. Неужели Вы, тонкий психолог и мнительнейшая моралистка in graxi, не чувствуете, что слышать это... обидно?» [15, с. 231].

¹⁴ См. примеч. 28 к п. 2. Александр Константинович Горностаев (наст. фам. Горский; 1886–1943) — поэт, публицист и философ, представитель русского космизма, друг свящ. П.А. Флоренского.

¹⁵ См.: [21, с. 53–54].

¹⁶ Речь идет о болезни тетушки Шор. Перед этим Шор подробно писала о состоянии Клары Моисеевны 7 июля [21, с. 224–225].

¹⁷ Иванов ответит 9 августа 1926 г. [21, с. 233–234].

<7>

23 сентября 1926 г.

23 сент<ября> 1926.

Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

с Вашим Эсхилом все обстоит благополучно. Академия приступает к его печатанию в наиспешнейшем порядке¹. К труду Вашему прикасается любовно. Вчера я говорила с Густавом Густавовичем²; (он — председатель редакц<ионного> комитета) — он просил передать Вам благодарность со стороны Академии и уверения, что для достижения пленительности внешнего вида книги все возможное сделано будет. Что касается материальной стороны, то Ваш отказ от гонорара понимается в смысле Вашего согласия не требовать аванса, а получать деньги по мере того, как книга будет расходиться. Уступаете Вы Академии одно издание. Право на следующие остается за Сабашниковым. (Желание Мих<аила> Вас<ильевича>.)

Академии, М<ихаилу> В<асильевичу> (да, вероятно, и Вам) желательно, чтобы в предисловии была рассказана история рукописи и отмечена роль Сабашн<икова> в спасении ее³.

Г<устав> Г<уставович> просит Вас предисловие по возможности не задерживать. Удобно ли Вам писать пояснения? Если — да, то в каком размере? Угодно ли предпослать Орестее вступительную статью⁴ — (Знаю, что Петр Семен<ович> получил от Вас письмо⁵, но письма я не видела и потому, быть может, задаю вопросы, кот<орые> Ваше сообщение уже сделало излишними). —

При корректуре педантично будем держаться Вашего обещанного канонического экземпляра⁶.

Только еще одно: Академия может печатать лишь труды своих членов. Она просит Вашего согласия таковым стать. Тут требуются некоторые формальности: С Вашей стороны заявление, автобиография, перечень трудов⁷.

Конечно, формальности эти — ерунда. Академии хорошо известна и Ваша биография и Ваши творения и ей не нужно бумажек. Но ей «приятно хранить у себя автограф большого человека» (слова Густ<ава> Густ<авовича>), и потому она просит Вас свою автобиографию и перечень трудов все же как можно скорее прислать. Пожалуйста, только пришлите именно автограф.

Кажется, все. Теперь: каковы *Ваши* желания и приказания?

Почему Вы мне пишете о Данте?⁸ Просто так, к сведенью? Или Вы хотите, чтоб я что-нибудь предприняла?

Писал ли Вам Таиров?⁹ Говорил ли он с Анат<олием> Вас<ильевичем>? Если хотите, чтоб я как-нибудь на кого-нибудь воздействовала — прикажите. Без Вашего приказа я, конечно, не могу начать разговора ни с Петром Сем<еновичем>, ни с Алекс<андром> Яковл<евичем>.

Цекубу действительно неаккуратно платит¹⁰, но не по своей вине (отчего никому, конечно, не легче). Слава Богу, что еще платит; это теперь очень ценно. В этом месяце акад<емическое> обесп<ечение> будут выдавать после первого октября. Oue faire?!¹¹

Гонорар Ваш за «Антологию»¹² должна получить со дня на день. Трезвоню я каждый день. Обещают дать сейчас 100 руб. Остальное в след<ующем> месяце. Посмотрим! С этими деньгами такая канитель, что я поверю в их получение лишь тогда, когда они у меня будут в руках. Доверенность Ваша прекрасна.

Очевидно одно письмо мое к Вам пропало. (Я его послала не заказным, т<ак> к<ак> мне некогда было идти на почту). Отсюда Ваше волнение за судьбу Эсхила. Спасибо Вам за добрую тревогу о моей жизни¹³. У нас в семье действительно не все благополучно. Клара умерла¹⁴. Не приведи Господи видеть такое умиранье! Она при полном сознании, заживо разлагалась. Душевное состояние не улучшилось до самого конца; и до последней минуты (сознательной), она строила планы на будущее. В смерть

как-то дико не верила. Я Вас послушалась; никогда не касалась с ней вопросов, от жизни уводящих¹⁵. Но я определенно не хотела бы, чтобы со мною так поступили. Быть может, Вы абсолютно правы, но в смысле кантовском я поступала неэтично... Как хочется, как нужно мне Вас обо многом спросить! Когда же?

Лидию Вячеславовну поблагодарите и поцелуйте. Ей отвечу скоро¹⁶. Не делаю этого сейчас, чтобы не задерживать письма.

Димочку обнимаю. Вам самый сердечный привет. Письма лучше посылайте заказными. Вернее!

Ваша *О. Шор*

P.S. Пожалуйста, адрес пишите: Москва. 19; потом все остальное¹⁷. Этим выигрывается день.

¹ Ответ на вопрос Иванова: «Нет ли затруднений в Академии Х<удожественных> Н<аук>?» [21, с. 236]. Издание Эсхила не состоится.

² Имеется в виду философ Густав Густавович Шпет (1879–1937). О его работе в ГАХН см.: [2].

³ Речь идет о спасении единственного списка перевода «Орестеи» во время пожара в типографии в 1917 г. См.: [6, с. 510].

⁴ 11 октября Иванов сообщит, что предисловие придет «через день или два» [21, с. 237], и исполнит это 16 октября [21, с. 238]. Текст предисловия см.: [35, с. 196–197].

⁵ Ср. в ответном письме Иванова от 16 октября: «О Данте я писал Петру Семеновичу» [21, с. 240].

⁶ Об этой «окончательно отредактированной копии» см.: [21, с. 236].

⁷ Иванов исполнит требуемое, но не преминет поиронизировать: «...по моим отсталым представлениям, в академию выбирают без заявлений о кандидатуре и биографий» [21, с. 237].

⁸ Ответ на сообщение Иванова в письме от 11 сентября о своем обращении к П.С. Когану с просьбой посодействовать «плану поручения» ему «каких-либо классических переводов»: «...Данта, думал бы я...» [21, с. 235].

⁹ См. примеч. 9 к п. 6.

¹⁰ Иванов писал: «Цекубу благодарен я бесконечно, но должен признаться, что ее постоянные задержки не позволяют ни на что рассчитывать. Вот, примерно, уже 11-ое, а денег все нет» [21, с. 235].

¹¹ Что делать?! (*фр.*).

Из писем Ольги Шор к Вячеславу Иванову

¹² Об антологии Ежова и Шамурина см. п. 5. 11 октября Иванов пишет: «Денег за “Антологию”, судя по всему Вы не добились» [21, с. 237].

¹³ Ответ на слова: «Что у вас в семье. Мне как-то тревожно за Вас» [21, с. 237].

¹⁴ См. примеч. 16 к п. 6.

¹⁵ В предыдущем письме Шор просила наставления, как следует вести себя с умирающей. Ее смущало, что все «тешат ее наличностью и перспективой веселеньких пустячков, разжигают любовь к земле <...> и уверенно утверждают, что так *надо*» [21, с. 225]. 16 июля Иванов ответит: «Конечно, правы те, кто, веселя ее, стремятся поддержать ее нескучающую волю к жизни» [21, с. 231].

¹⁶ Вместе со своим Иванов переслал письмо дочери к Шор [21, с. 236].

¹⁷ Адрес Шор: Москва, Малый Знаменский переулок, д. 7, кв. 24 (РАИ. Оп. 5. К. 13. П. 1. Л. 9 об.).

<8>

25 января 1929 г.

25 января 29 г.

<«Иероглиф», означающий «Вечный Город»>¹

<«Иероглиф»: Коту> священному
Айлурсу амиревольному² и многомудрому
от верной его птицы Фламинговской
низкий поклон, протянутая ножка³ и
благодарность превеликая за послание щедромиловитое.

Как странно.... Лежал себе Фламинго в постельке и описывал своего Ангела-Мишу⁴ — (у Айлурса научился горизонтальности при писании), вдруг точно сон на него нашел в самый неподходящий час и не сон даже, — а забытье какое-то — Образ Буонарроти вдруг растаял, — а на его место встал — образ Лидии Дмитриевны...⁵ Что-то говорит, не приказывает, а сообщает.... Очнувшись, я мучительно не могла вспомнить, *что* она говорила, почувствовала только близость, присутствие и удивилась ощутительной связи своей с Ушедшей, какой раньше ни с кем не бывало.

Писать больше не могла. Через час получила Ваше письмо и с диким сердцебиением стала читать выписку из «Дневника»⁶.

— Вспомнила, что Л<идия> Д<митриевна> учила меня тайне связей. Между прочим, наконец, и вдруг поняла, *что значит* связь М<икель>-А<нджело> с этрусками⁷. Не могу удержаться, чтобы невразумительно, но все же слышно Пуфеньке⁸ всего ни высказать. М<икель>-А<нджело> и этрусски близки по особому лишь им и лишь ему свойственному чувству *упругости*. Упругость же (даже по элементарному физическому определению) есть «способность возвращаться в *прежнее* состояние». А возврат в «прежнее» состояние — что это иное как не *память*?..⁹

Ну, — а о чем сия Память — об этом в другой раз, — об этом в таком объеме невозможно сказать.

Очень счастлива, что Вы в Mi-cha-el'e слышите призыв к борьбе¹⁰.

Златокарий благодарственно виляет хвостом, — обещается поэму Вам дописать¹¹.

Да простит Кот Ученый Птице, что она нецеломудренно обнажает розовостью бумаги цвет своего оперения. Но ведь <иероглиф> все помнит, все знает и перед ним таиться, скрытничать нечего, — да он и не уважает целлюлярности¹².

Фламинго знал, к кому обратиться насчет памяти о «снеге»!¹³ Браво, браво, Пуффи!

Дайте милую айлурическую лапочку. Крылышками ее нежно треплет Ваш

Апантетически¹⁴ Фламинго

Кайдалов меня очень просит Вам кланяться и переслать «Христофора», что я и делаю¹⁵.

¹ Впервые с «переводом» («Вечный Город», т. е. Рим, место написания послания) этот иероглиф применен Шор в письме от 15 января 1929 г. (РАИ. Оп. 5. К. 13. П. 6. Л. 5). Ниже — четырехчастный иероглиф, значение которого истолковано в письме Иванова от 13 января [21, с. 345] и подхваченный Шор 15 января.

² Достойному восхищения коту. Амиревольный — от *ит. ammirabile*. Айлурос (*греч. αἰλουρος*) — кот; одна из форм домашнего имени Вяч. Иванова. Ср. с рассказом его сына: «Почитаемым в семье тоте-

мом был Кот. <...> Кошачесть была семейной чертой. Отец звался <...> Chief Cat или *Caro Gatto* <...> Главный Кот» [20, с. 29].

³ В 1928 г. на некоторых письмах Шор рисовала фламинго, поднимающую левую ножку в знак приветствия. См., например: РАИ. Оп. 5. К. 13. П. 5. Л. 37.

⁴ Речь идет об очередном возвращении Шор к работе над книгой о Микеланджело, от которой законченной осталась только первая часть (1924), впервые опубликованная мною: [33, с. 214–278]. Иванов решил тогда, что Шор уже завершила вторую часть [21, с. 351].

⁵ Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

⁶ Иванов прислал большую выписку из дневника Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 21 августа 1906 г. [21, с. 348]. Позднее Шор будет использовать этот фрагмент в своих комментариях [17, т. II, с. 754–755].

⁷ Считается, что композиция флорентийской *Pietà* Микеланджело восходит к этрусской погребальной урне II в. до н.э. из Вольтерры, а голова в волчьей шкуре на одной из фресок — к изображению этрусского бога в Тарквиниях. См.: [1, с. 20; 7, с. 291].

⁸ Одно из домашних имен Вяч. Иванова (от «профессор Пуфф» и «Пуфи»).

⁹ В эти годы Шор обдумывала свою книгу о памяти. Две незавершенные ранние редакции недавно опубликованы мною: [34].

¹⁰ В письме от 15 января Шор спрашивала Иванова о том, как он трактует семантику имени Архангела Михаила: «...“кто как Бог?” — вызов на бой или спокойное утверждение Божьей силы?» [21, с. 346]. Тот отвечал, что, разумеется, первое: «Крик мощного: “Есть ли кто, кто дерзнул бы равнять себя с Элогимом?... Коли есть такой, выходи на бой!”... Так Дон Кихот провозглашал, что всех женщин прекраснее Дульсинея, и тем вызывал на поединок рыцарей других боготворимых дам» [21, с. 347].

¹¹ Вероятно, речь идет о Л.В. Ивановой и ее помощи Шор в перебивании первой книги «Повести о Светомире царевиче».

¹² Здесь в значении: скрытность, отъединенность.

¹³ Шор писала 19 января 1929 г. о римлянах, которые радуются неожиданно выпавшему снегу, утверждая, что видят его впервые: «Меня трогает это постоянство их изумления. Каждый год, видя снег, утверждают, что “снега вообще не бывает”. Объясните, властелин Памяти, этот странный феномен забвения» [21, с. 350]; на что Иванов откликнулся так: «Почему итальянцы забывают *les neiges d'antan*? Потому что живут в Душе Мира. А эта помнит лишь то, что возвращает в бытие. Душа Мира не имеет воспоминаний, но только память. А случайный снег в Риме — лишь воспоминание» [21, с. 349].

¹⁴ Понятия «апантема» (от *греч.* Απάντημα — встреча, совпадение; в данном случае — онтологическое совпадение) и «апантетизм» в трактовке О. Шор Д.В. Иванов объяснял так: «...это внутренняя связанность <...> мы связаны, так как вместе укоренены в абсолютном существе, которое есть Бог» [21, с. 266]. Терминология плотно вошла в речевой обиход Ивановых и Шор. Множество писем к ней Вяч. Иванова подписано: «Апантетически Ваш».

¹⁵ В РАИ сохранилось 3 письма (из них одно открытое) В. Кайдалова к Вяч. Иванову из Швейцарии и Бельгии (1929–1931; Оп. 5. К. 5. П. 11). Инициал «В.» хорошо виден в автографе, но в описи ошибочно указано: «М. Кайдалов» (взято из франкоязычного адреса, где «М.» означает исключительно «Monsieur»; та же ошибка допущена и в примечании в «Русско-итальянском архиве»: [21, с. 310]. Указывая в последнем из писем свой адрес, Кайдалов обозначил себя как «professeur en vacances» (Л. 7). Сведений об этом «учителе в отпуске» найти не удалось за исключением упоминаний в переписке Иванова с Шор и следующего краткого, впрочем, важного, указания в справочном издании, где нет даже инициалов Кайдалова, но ясно (по содержанию писем в РАИ), что речь идет именно о «пасынке» Шор, как шутливо называл его Иванов: «Родился в Ростове-Ярославском. В Москве познакомился с экзархом Федоровым. В 1923 г. эмигрировал из СССР и поступил учиться в Греческую коллегию по рекомендации экзарха» [3]. За упоминанием в письме Шор «Христофора» может стоять эпизод, о котором говорится в примечании к письму Иванова к Шор от 10 декабря 1928 г.: Е.А. Ковалева (двоюродная сестра Шор), с которой, кстати, был знаком, судя по его письмам, и Кайдалов, прислала Иванову «греческий стих о Христофоре» [21, с. 341], святом мученике, чтимом и Православной, и Католической церквями.

Список литературы

Исследования

1. Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски / пер. с чешск. П.Н. Антонова. М.: Наука, 1970. 227 с.
2. Гидини М.К. Текущие задачи и вечные проблемы: Густав Шпет и его школа в Государственной академии художественных наук // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 23–34.

3. *Голованов С.В., свящ.* Биографический справочник деятелей русского католического апостольства в эмиграции. 1917–1991. Омск, 2005. URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/ol/ovanov_05.htm (дата обращения: 16.07.2023).
4. *Гриневич К.Э.* Раскопки в Херсонесе в 1926 г. // Сообщения Академии истории материальной культуры. Л.: Изд-во АИМК, 1926. Т. 1. С. 321–325.
5. *Кондюрина А.* Текстологическая справка // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 162–163. (Collana di Europa Orientalis)
6. *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил*. Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 497–522.
7. *Соколов Г.И.* Искусство этрусков. М.: Искусство, 1990. 319 с.
8. *Фетисенко О.Л.* Ангельские мистерии Ольги Шор // *Шор О.А.* Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. С. 5–18.
9. *Чечот И.* Путеводная звезда трагедии: Микеланджело глазами Ольги Шор // Русско-итальянский архив VIII = Archivio russo-italiano VIII / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011. С. 185–213. (Collana di Europa Orientalis)
10. *Шишкин А.* Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 780–807.
11. *Шишкин А.Б.* Проект советской Академии в Риме (1924): Вяч.И. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 55–99.
12. *Шишкин А.Б.* Судьба трагикомедии «Любовь — мираж?» // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 51–57. (Collana di Europa Orientalis)
13. *Шишкин А.* Шор Ольга Александровна // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 730–732.

Источники

14. Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / публ. и коммент. Е.А. Муравьевой; вступ. заметка Н.[А.] Богомолва // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 175–219; № 32. С. 173–196; № 33. С. 223–262; № 36. С. 136–164; № 38. С. 180–211.
15. Вяч. Иванов в переписке с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 257–280.
16. Д.И. <Иванов Д.В.> О.А. Шор — О. Дешарт // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1979. Т. III. С. 688–693.
17. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
18. *Иванов Вяч.* «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. М.; Л.: Театральный Октябрь, 1926. Сб. 1. С. 89–99.
19. *Иванов Д.В.* Ольга Александровна Шор // Новый журнал. 1978. № 132. С. 232–235.
20. *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым / предисл. Ж. Нива; пер. с фр. Е. Баевской и М. Яснова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. 230 с.
21. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / предисл. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–456. (Collana di Europa Orientalis)
22. *Петрарка Франческо.* Автобиография. Исповедь. Сонеты / пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. 274 с.
23. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дом на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238–295.
24. Письмо О.А. Шор (Дешарт) к Ф.А. Степуну / публ. Н.М. Рудник и Д.М. Сегала // Зеркало. 2001. № 17/18. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2001/17/ru11.html> (дата обращения: 11.08.2023).
25. *Рудич В.А.* Королева эльфов (К портрету О.А. Шор) // *Шор О.А.* Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. С. 166–186.

26. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней / сост. И.С. Ежов, Е.И. Шамурин. М.: Новая Москва, 1925. 671 с.
27. С.С.С.Р. и Парижская выставка 1925 г. Мнения ответственных политических деятелей. М.: Связь, 1925. 15 с.
28. *Соболев А.А.* Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–123. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-4-68-123>
29. Тройная переписка: Вяч. Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли (1925–1948) / предисл. и подгот. текста К. Кумпан; коммент. А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци // Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка = Archivio russo-italiano IX. Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: corrispondenze / a cura di Elda Garetto, Antonella d'Amelia, Ksenija Kumpan e Daniela Rizzi. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2012. Vol. 1. P. 251–425. (Collana di Europa Orientalis)
30. *Троцкий С.В.* Воспоминания / публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41–87.
31. Федор Степун — Ольга Шор: из переписки 1920-х годов / подгот. текста, примеч. А. Волкова, предисл. А. Шишкина // Wiener Slawisches Jahrbuch. Neue Folge 1. 2013. S. 244–275.
32. *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и Италия. Переписка с А.В. Луначарским о проекте Русской Академии в Риме и командировке в Италию // Русско-итальянский архив [I] = Archivio russo-italiano [I] / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 549–559.
33. *Шор О.* Микель-Анджело / публ. [подгот. текста и примеч.] О.Л. Фетисенко // Русско-итальянский архив VIII = Archivio russo-italiano VIII / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011. С. 217–278. (Collana di Europa Orientalis)
34. *Шор О.А.* Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. 240 с.
35. *Эсхил.* Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. 590 с.
36. *Michelangelo Buonarroti.* Rime / a cura di E.N. Giralaldi. Bari: Laterza, 1967. 313 p.

References

1. Burian, Ia., Moukhova, B. Zagadochnye etruski [Mysterious Etruscans], transl. from Czech by P.N. Antonov. Moscow, Nauka Publ., 1970. 227 p. (In Russ.)
2. Gidini, M.K. "Tekushchie zadachi i vechnye problemy: Gustav Shpet i ego shkola v Gosudarstvennoi akademii khudozhestvennykh nauk" ["Actual Tasks et Eternal Problems: Gustav Shpet and his School in the State Academy of Artistic Sciences"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (91), 2008, pp. 23–34. (In Russ.)
3. Golovanov, S.V., priest. *Biograficheskii spravochnik deiatelei russkogo katolicheskogo apostol'stva v emigratsii. 1917–1991* [Biographical Guide about the Participants of the Russian Catholic Apostolate in Exile. 1917–1991]. Omsk, 2005. Available at: http://krotov.info/libr_min/04_g/ol/ovanov_05.htm (Accessed 16 July 2023). (In Russ.)
4. Grinevich, K.E. "Raskopki v Khersonese v 1926 g." ["Excavations in Khersonese in 1926"]. *Soobshcheniia Akademii istorii material'noi kul'tury* [Reports of the Academy of the History of Material Culture], vol. 1. Leningrad, AIMK Publ., 1926, pp. 321–325. (In Russ.)
5. Kondiurina, A. "Tekstologicheskaiia spravka" ["Textological Notes"]. Rizzi, Daniela, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv III* [Russian-Italian Archive III] = *Archivio russo-italiano III*. Salerno, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001, pp. 162–163. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)
6. Kotrelev, N.V. "Viacheslav Ivanov v rabote nad perevodom Eskhila" ["Vyacheslav Ivanov Translating Aeschylus"]. *Esikhil. Tragedii. V perevode Viacheslava Ivanova* [Aeschylus. Tragedies. Transl. by Vyach. Ivanov]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 497–522. (In Russ.)
7. Sokolov, G.I. *Iskusstvo etruskov* [Art of the Etruscans]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 319 p. (In Russ.)
8. Fetisenko, O.L. "Angel'skie misterii Ol'gi Shor" ["Angelic Mysteries by Olga Shor"]. Shor, O.A. *Mnemologiya* [Mnemology], ed. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2023, pp. 5–18. (In Russ.)
9. Chechot, I. "Putevodnaia zvezda tragedii: Mikelandzhelo glazami Ol'gi Shor" ["Guiding Star of Tragedy: Michelangelo through the Eyes of Olga Shor"]. Diddi, Cristiano, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv VIII* [Russian-Italian Archive VIII] = *Archivio russo-italiano VIII*. Salerno, Dipartimento di Studi Umanistici — Università di Salerno, 2011, pp. 185–213. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)

10. Shishkin, A. "Materialy k teme 'Viach. Ivanov i pushkinovedenie.'" ["Materials on the Topic 'Vyach. Ivanov and Pushkin Studies.'"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 780–807. (In Russ.)
11. Shishkin, A.B. "Proekt sovetskoi Akademii v Rime (1924): Viach.I. Ivanov, A.V. Lunacharskii, P.S. Kogan i drugie" ["The Project of the Soviet Academy in Rome (1924): Vyach.I. Ivanov, A.V. Lunacharsky, P.S. Kogan and others"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 55–99. (In Russ.)
12. Shishkin, A.B. "Sud'ba tragikomedii 'Liubov' — mirazh?'" ["The Fate of Tragicomedy 'Is Love a Mirage?'"]. Rizzi, Daniela, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv III* [Russian-Italian Archive III] = *Archivio russo-italiano III*. Salerno, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001, pp. 51–57. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)
13. Shishkin, A. "Shor Ol'ga Aleksandrovna" ["Shor Olga Alexandrovna"]. D'Amelia, A., and D. Rizzi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: Entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: An Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019, pp. 730–732. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-783-819>

<https://elibrary.ru/QYWJWA>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. К.С. Ланда

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ПЕРЕПИСКЕ С ИТАЛЬЯНСКИМИ КАТОЛИЧЕСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ 1930–1940-Х ГГ.: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА В ИТАЛИИ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается история публикации переводов «Смысла любви» и «Жизненной драмы Платона» Вл. Соловьева под редакцией Вяч. Иванова в Италии времен Муссолини. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить культурные и социальные факторы взаимодействия русского символиста с литературными институтами Католической церкви после Латеранских соглашений. На основе архивных данных в статье освещаются контакты поэта-эмигранта с католическими журналами “Frontespizio” и “Regno”, а также с францисканским литератором Ансельмо Томмазини. Обрисовываются общие тенденции католической печати в Италии 1930-х гг. Показывается, что хотя в условиях жесткой церковной цензуры напечатать русского философа было возможно лишь в светском издательстве, публикация все же состоялась при активном участии церковных деятелей. Кроме того, в статье ставится вопрос об авторстве переводов Соловьева в издании 1939 г.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, католическая периодика, Миланский Католический университет, культура фашистской Италии, Муссолини, Латеранские соглашения.

Информация об авторе: Кристина Семеновна Ланда — PhD, старший научный сотрудник, Болонский университет, пр. Делла Република, д. 136, 47121 Форли, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6944-8020>

E-mail: kristina.landa2@unibo.it

Для цитирования: Ланда К.С. Вячеслав Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами 1930–1940-х гг.: к вопросу об истории из-

дания переводов Владимира Соловьева в Италии // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 783–819.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-783-819>

© 2024. *Kristina S. Landa*

ВYACHESLAV IVANOV IN CORRESPONDENCE WITH ITALIAN CATHOLIC WRITERS OF THE 1930S – 1940S: REVISITING THE HISTORY OF VLADIMIR SOLOVYOV'S WORKS' TRANSLATIONS AND THEIR PUBLICATION IN ITALY

Abstract: This article examines the history of publication of translations of Vladimir Solovyov's "The Meaning of Love" and "The Life Drama of Plato" that were edited by Vyacheslav Ivanov and appeared in print in Mussolini's Italy. The purpose of the study is to identify the cultural and social factors that influenced the Russian symbolist's relationship with the literary institutions of the Catholic Church after the Lateran Pacts came into power. Drawing on the data from the archives, the article highlights Ivanov's connection with the Catholic journals "Frontespizio" and "Regno", as well as his contacts with the Franciscan literary scholar Anselmo Tommasini. The general trends of the Italian Catholic press of the 1930s are outlined. The paper suggests that under the conditions of strict church censorship it was feasible to publish the Russian philosopher's works only within a secular publishing house. However, the publication was made possible thanks to the mediation of the clerical representatives. Additionally, the paper questions the authorship of Solovyov's translations that were published in 1939.

Keywords: Vladimir Solovyov, Vyacheslav Ivanov, Catholic press, Catholic University of Milan, culture of Fascist Italy, Mussolini, Lateran Pacts.

Information about the author: Kristina S. Landa, PhD, Assistant Professor, University of Bologna, corso Della Repubblica, 136, 47121 Forlì, Italy.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6944-8020>

E-mail: kristina.landa2@unibo.it

For citation: Landa, K.S. "Vyacheslav Ivanov in Correspondence with Italian Catholic Writers of the 1930s–1940s: Revisiting the History of Vladimir Solovyov's Works' Translations and their Publication in Italy." *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodokey Publ., 2024, pp. 783–819. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-783-819>

До публикации в 1939 г. «Смысла любви» и «Жизненной драмы Платона» Вл. Соловьева в итальянском переводе под редакцией Вяч. Иванова [59] в Италии вышло всего три переводных издания русского философа: «Духовные основы жизни» (в переводе А. Пальмьери) [58], «Три речи в память Достоевского» (в переводе Э. Ло Гатто) [60] и, наконец, «Добро в человеческой природе» (в переводе Э. Ло Гатто) [61]. Если в 20-е гг. XX в. итальянские переложения соловьевских текстов активно сменяют друг друга, то в тридцатые процесс приостанавливается, в том числе и из-за факторов, определивших историю ивановского издания. Как будет показано ниже, эта история вписывается в контекст общения Иванова с сотрудниками католических литературных учреждений в Италии эпохи Муссолини. В настоящей статье мы постараемся обрисовать данный контекст, проиллюстрировав отношения Иванова с двумя католическими журналами 1930-х и начала 1940-х гг., а также проследить историю перевода соловьевских текстов по переписке русского символиста с одним из итальянских религиозных литераторов.

1. Вяч. Иванов и католическая периодика 1930-х — начала 1940-х гг.

В годы эмиграции Вяч. Иванов, произнесший акт приобщения к католической церкви в 1926 г. и вскоре после этого занявший пост преподавателя в павийском Колледже Борромео, близко сходитя со многими литераторами, которые принадлежат к итальянским религиозным кругам, сотрудничают с католической периодикой и церковными издательскими домами или возглавляют их. Среди его корреспондентов: Эрнесто Буонаюти (1881–1946)¹ — в 1920-е гг. главный редактор журнала “Ricerche

¹ Эрнесто Буонаюти (Ernesto Buonaiuti) — историк христианства, богослов, священник, академик, крупнейший представитель итальянского модернизма. В 1926 г. был отлучен от церкви, в 1931 г. отказался принести присягу фашистскому режиму и был отстранен от преподавания в Римском университете; восстановлен в должности в 1944 г. Как историк христианства и богослов полемич-

religiose”²; Джузеппе Де Лука (1898–1962) [29] и Пьеро Барджеллини (1897–1980) — идейные вдохновители и редакторы журнала “Frontespizio”³; Джованни Папини (1881–1956), также состоявший в редкомитете “Frontespizio”⁴; Санте Маджи — редактор журнала “Regno”⁵. В переписке между этими литераторами и русским

зировал с итальянским и немецким идеализмом, ратовал за внутреннее обновление католической церкви, за свободу исследований, поддерживая при этом ее иерархическую структуру. Журнал «Ricerche religiose», основанный Буонаюти в 1925 г., был осужден церковью за культурно-религиозную полемику, позднее закрыт по распоряжению властей [10; 24; 33]. В 1927 г. Буонаюти намеревался издать в своем журнале труд Иванова «Дионис и Дионисийство». См. об этом в письме Буонаюти к неизвестному адресату от декабря 1927 г. в римском архиве Иванова: Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 15. П. 26. Л. 2–2 об. Работу в журнале так и не напечатали, зато в 1928 г. в нем были опубликованы отдельные главы из книги Иванова о Достоевском [44], вероятно, переведенные самим Буонаюти [3, с. 143]. Буонаюти также подарил Вяч. Иванову свою книгу о Франциске Ассизском [41], надписав ее: «Проф. Иванову с глубокой симпатией от Эрнесто Буонаюти». Книга хранится ныне в римском архиве Иванова.

² Далее все итальянские тексты и некоторые из их заголовков, включая публикуемые впервые рукописные документы, приводятся в нашем переводе за исключением отдельно оговоренных случаев. — К.Л.

³ Пьеро Барджеллини (Piero Bargellini) — католический писатель, апологет, автор агиографий Бернардина Сиенского и Франциска Ассизского, чиновник Министерства просвещения при Муссолини, позднее мэр г. Флоренция. С 1931 до 1938 г. был главным редактором одного из наиболее известных католических изданий того времени — журнала «Frontespizio» [6; 7; 9; 16; 17; 27].

⁴ Джованни Папини (Giovanni Papini) — итальянский поэт и писатель, философ, историк, литературный критик, академик, в юности убежденный атеист, в зрелые годы обратившийся к вере; с 1944 г. член францисканского ордена терциариев, принявший имя «брат Бонаventura». В 1930-х гг. получил ряд почетных должностей (среди прочего руководство кафедрой литературоведения в Болонском университете и Институтом ренессансных исследований во Флоренции) от фашистского правительства; его имя фигурирует среди подписантов расового манифеста 1938 г., однако в полемической статье на страницах “Frontespizio” Папини высказался против расовой дискриминации [14; 15; 28; 31]. Письма Вяч. Иванова к Папини опубликованы С. Гардзонио и Б. Сульпассо в настоящем томе [2].

⁵ Санте Маджи (Sante Maggì, даты рождения и смерти неизвестны) в середине 1930-х гг. был главным редактором католической газеты “Italia”, учрежденной миланским архиепископом А. Феррари; газета издавалась до 1968 г., в 1968 г. была объединена с изданием “L’Avvenire d’Italia”, и на базе обеих газет стала выпускаться единая католическая газета “Avvenire” [22]. В 1938 г. Маджи

символистом обсуждается, главным образом, публикация переводов собственных текстов Иванова, как поэзии, так и прозы. В интересующий нас период особенно заслуживает внимания общение Иванова с сотрудниками “Frontespizio” и “Regno”, зафиксированное в документах, хранящихся в римском архиве поэта.

Журналы, о которых пойдет речь, отражают социально-культурные процессы в Италии тридцатых годов, отмеченной понтификатом Пия XI (1922–1939) и Латеранскими соглашениями Ватикана с правительством Муссолини, которые были заключены в 1929 г. Учение папы Пия, сформулированное в двух его энцикликах — 1922 и 1925 гг. — серьезно затронуло в последующее десятилетие этическую область жизни итальянского общества, распространившись как на частную, так и на общественную сферы и явившись альтернативным ответом на процессы секуляризации в культуре модерна [32, р. 232]. Основой этого учения было установление связи между провозглашением царствия Христова как явления, затрагивающего все аспекты человеческой действительности, и утверждением роли церкви как наставницы наций. Учение папы призывало к созданию нового христианского строя на уровне государства, семьи и культуры. Латеранские же соглашения, со своей стороны, определяли католическую конфессию как единственную государственную религию Италии и открывали церкви путь к активному участию в культурной жизни общества, в печати и в образовании (так, именно в эти годы в Милане активно развивался Католический университет, открытый в 1921 г. и призванный стать главной житницей новой политической и научной элиты страны) [32, р. 252; 8; 34, р. 1274]. Примечательно, что Вяч. Иванов упоминает о последствиях этого процесса в письме к Л.В. Ивановой от 22 мая 1929 г.: «Хотел бы я быть в Риме и пойти на Piazza S. Pietro в Corpus Domini, и присутствовать на историческом событии первого выхода папы от

был снят со своего поста из-за того, что газета опубликовала выступление кардинала И. Шустера, в котором открыто осуждались расовые законы. С 1942 г. совместно со священником Джованни Росси работал в ассизском католическом журнале “Regno”. Сведения об этом содержатся в архиве Иванова в Риме, см.: Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 5. Л. 1–16.

плена, и посмотреть, как он будет, держа Св. Дары, стоять коленапоклоненный на носилках; советую вам добыть билеты для входа на Piazza S. Pietro» [38, с. 592]. В письме от 6 июня того же года к Л.В. Ивановой и О.А. Шор он пишет: «Не успел окончить из-за ректора, с коим мы штудировали вместе письмо папы — после которого все возможно (в смысле разрыва). Великолепно. Чисто средневековый тон (в конце), и некто больно высечен» [39, с. 595]. Если в первом письме имеется в виду торжественный выход Папы за пределы собора св. Петра в знак примирения с итальянским государством, то во втором письме речь, возможно, идет о папском послании от 30 мая 1929 г. на торжестве *Congress Domini*, где Пий XI весьма резко осуждает «еретические и даже хуже еретических высказывания о самой сути Христианства и Католицизма» [42], использованные в соглашениях представителей фашистского правительства.

Динамика отношений католических институтов с правительством Муссолини была отнюдь неоднозначна и характеризовалась сложными противоречиями. Церковь далеко не всегда сотрудничала, а часто и соперничала с органами фашистской националистической пропаганды за контроль над идеологической сферой, и важную роль в этой борьбе играли католическая периодика и издательства: наряду с Католическим университетом и его издательством “*Vita e pensiero*”, руководимыми отцом А. Джемелли, который активно поддерживал политику фашизма, стремясь использовать его режим как инструмент христианизации общества [34, р. 1272], существовали и менее конформистские направления. Многие католические авторы, в частности, группировавшиеся вокруг издательства “*Morcelliana*”, не ограничивались официальной апологетикой, но стремились к подлинному духовному возрождению общества — идея, несомненно, близкая автору «Перепиши из двух углов» и книги о Достоевском, — посредством изучения зарубежной богословской и философской (в частности, персоналистской) мысли, переводов, распространения религиозной литературы, собственной критической и антиконформистской рефлексии о литургических, молитвенных, аскетических практиках и об этических вопросах [32, р. 254–256].

Журнал “Frontespizio” в полной мере отразил в себе противоречия католической интеллектуальной среды того времени. Как указывают Э. Гидетти и Дж. Лути, этот журнал был «одним из наиболее показательных литературно-культурных явлений во Флоренции тридцатых годов» [16, р. 342]. Флорентийский листок под этим названием был учрежден в 1929 г. как приложение к каталогу флорентийского книгоиздательства; спустя несколько месяцев он вышел отдельным изданием под редакцией священника Э. Лукателло, а с 1930 г., благодаря секретарю редакции Барджеллини, начал превращаться в самостоятельный журнал, посвященный литературе и искусству. Уже в 1931 г. “Frontespizio” полностью перешел в ведомство Барджеллини и приобрел острополюемический характер: основная полемика, как и у А. Джемелли, была направлена против философии позитивизма, идеализма Кроче и Джентиле, а также против эстетизма и гедонизма в искусстве [16, р. 342]. Официальная задача издания, как формулирует ее Лути, состояла в переосмыслении итальянской культуры в свете ценностей католической веры и в последовательном развенчании антиклерикальных идей эпохи Рисорджименто [19, р. 177]. Журнал опирался на духовность пиетизма, на аскетическую и мистическую традиции и призывал к единению со Христом в практиках повседневной жизни. Последний аспект идеологически вписывался в учение папы Пия XI о царственной природе Христа, сформулированное в энциклике “Quas Primas” от 1925 г. [32, р. 232]. По утверждению С. Апруццезе, восприятие современной эпохи как «сочетания традиции и модерна, осеменяемых одновременно наставничеством римских пап и <...> фашистским мифом о величии имперского Рима, столицы новой цивилизации» [5, р. 1321], характеризовало издание вплоть до 1940 г. Однако в то же время в журнале печатались такие разные авторы, как Де Лука, Дж. Папини, Г. Манакорда, К. Бо и М. Луци. Поэтому с одной стороны, благодаря К. Бо и М. Луци, именно на его страницах формировалась новая концепция поэтики герметизма, осуждаемая сотрудниками антимодернистского толка, а с другой стороны, он отстаивал приоритет старой тосканской литературы и традиционного религиозного искусства; с одной сто-

роны, журнал продвигал идеи религиозного национализма, с другой — стремился дистанцироваться от «католико-фашистского интегрализма Джемелли» [5, р. 1320]. Это дистанцирование было характерно, например, для текстов дона Де Луки, человека высокопросвещенного, филолога и историка религии, собеседника крупнейших мыслителей своего времени — Вяч. Иванова, Дж. Джентиле, Э. Буонаюти, Б. Кроче, А. Бремона, — призывавшего усваивать достижения культуры модерна, ставя их на службу христианству [5, р. 1320; 18]. Открытость зарубежным авторам, в частности, Вяч. Иванову, также может служить подтверждением антиконформистских тенденций журнала.

Как показал М. Ронкалли, своими связями с “Frontespizio” Иванов был обязан именно рекомендациям дона Де Луки, который представил его редактору Барджеллини как «великого русского поэта, пережившего обращение; серьезного эллиниста и человека, отразившего в себе ницшеанский кризис с особой трагической глубиной» [29, р. 28]. Ронкалли в своей статье подробно излагает историю дружеских отношений Вяч. Иванова с доном Де Лукой, поэтому здесь мы ее рассматривать не будем. Однако позволим себе небольшое отступление. О близости между Вяч. Ивановым и Де Лукой говорит также неизвестное Ронкалли стихотворение, посвященное символистом итальянскому священнику — особенно примечательны его первая и последняя строфы, где Иванов заявляет:

Ни богословская наука,
Ни мистики полнощный свет
Вас не отнимут, Дон Де Лука,
У нас, затем что Вы поэт
<...>
Пусть не ревнивая наука,
Ни мистики «надмирный» зов
Не уведут вас, ткач Де Лука,
Прочь от станка цветущих слов [37, р. 39–40].

Если верить Д.В. Иванову в том, что «в Де Луке Вяч. Иванов видел возможного итальянского Бремона, автора знаменитой

книги о французской мистике» [4, р. 40], то эти строки обретают особый смысл, ведь именно Анри Бремон проводит в своем томе разграничение между переживанием мистика и трудом поэта: по его мнению, потребность поэта заключается в том, чтобы *делиться* (курсив в цитатах здесь и далее наш. — К.Л.) своим мистическим опытом, а потребность мистика — в том, чтобы *умалчивать* о нем; один и тот же человек может быть и поэтом, и мистиком, но мистическое переживание никогда не совпадает с поэтическим: второе начинается только по завершении первого [40, р. 194–197]. Иванов мог иметь в виду это разграничение, противопоставляя занятия мистикой литературному призванию Де Луки, так как, скорее всего, хорошо знал книгу Бремона: в его библиотеке хранится ее издание 1926 г. В таком случае, символист, возможно, намекал в стихотворении на то, что задача Де Луки должна состоять не только в интеллектуальной и духовной деятельности, но и в том, чтобы делиться с читателями переживаниями мистиков. См. воспоминание Д.В. Иванова: «Вы должны сделать для истории итальянской мистики, — говорил Вяч. Иванов своему итальянскому приятелю, — ту монументальную работу, которую произвел во Франции Бремон» [4, р. 40].

Еще в 1930 г. по просьбе Де Луки, желающего оказать Иванову финансовую поддержку, журнал опубликовал четыре стихотворения Иванова в переложении Дж. Папини [45, р. 5]⁶. Мы дополним здесь данные о переписке Де Луки с Барджеллини, приведенные Ронкалли, сведениями о непосредственных контактах Иванова с Барджеллини, которые свидетельствуют об интересе последнего к сочинениям символиста.

Едва оказавшись на посту главного редактора журнала, Барджеллини вступил в переписку с Вяч. Ивановым, выражая надежду на благосклонность русского поэта. Откликаясь на просьбу Де Луки, он обращается к Иванову с огромным пиететом. Так, в письме от 19 мая 1931 г. он пишет ему:

⁶ О критическом отношении Папини к этим текстам Иванова см. статью Ронкалли [29, р. 29].

Досточтимый маэстро,

В администрации я заметил ваш подписной талон. Я оценил это свидетельство Вашего расположения, ведь Вы значите среди крупнейших сотрудников “Frontespizio” и имеете право на соответствующие привилегии.

После выхода Ваших великолепных стихов⁷ я ни разу более не осмеливался обратиться к Вам с просьбой о сотрудничестве. Сейчас же, истолковав этот ваш жест как знак благосклонности, признаю Вам, что “Frontespizio” с огромным удовольствием принял бы какую-нибудь вашу статью или стихотворение.

С глубоким восхищением,

Ваш,

Пьеро Барджеллини⁸.

15 января 1932 г. Барджеллини вновь предлагает символисту прислать свои тексты для публикации в журнале:

В 1932 г. “Frontespizio” еще больше повысит свою планку. И сможем ли мы тогда получить какое-либо из ваших произведений? Я почел бы это за честь и счастье. Не могу настаивать, не опасаясь наскучить Вам, но знайте, что на страницах “Fr.<ontespizio>” Ваши тексты всегда желанны, независимо от того, идет ли речь о поэзии или прозе⁹.

И действительно, в апреле 1932 г. “Frontespizio” издает еще три стихотворения Иванова в переводе Ринальдо Кюфферле [46, р. 8], которые Барджеллини в очередном письме 1932 г. к автору характеризует как «прекрасные» (имея в виду уже переводную версию)¹⁰, а в 1933 г. — работу, озаглавленную “Il mito di Edipo” (Миф об Эдипе), которая представляет собой отрывок из выступления Иванова в Сан Ремо “Orientamenti dello spirito moderno” («Размышления об установках современного духа») [48, р. 3–5].

⁷ Имеются в виду четыре стихотворения, опубликованные в переводе Папини [45, р. 5].

⁸ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 17. П. 11. Л. 1. Оригиналы здесь и далее — по-итальянски, приводятся в нашем переводе; далее сноски даются только с указанием листа. — К.Л.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

В письме к Иванову от 6 июня 1933 г. Барджеллини мотивирует свое нежелание печатать выступление целиком тем, что в таком случае публикация «будет выглядеть неестественно. Следовало бы несколько урезать ее, главным образом для того, чтобы особо выделить тот чудесный образец поэзии, коим является “миф об Эдипе”»¹¹. В следующем письме, от 13 июня 1933 г., редактор журнала благодарит Иванова за позволение набрать только часть статьи и выражает надежду опубликовать у себя текст доклада, зачитанного Ивановым на конгрессе петраркистов в Ареццо в 1931 г., а также подготовить комментарий к «Переписке из двух углов». Не исключено, однако, что имеется в виду не научный комментарий, а рецензия:

Мне было очень приятно получить от Вас письмо с разрешением сократить текст Вашего выступления. <...> я не желал прикасаться к работе без Вашего позволения и боялся лишиться — если бы ответ на мою просьбу оказался отрицательным — чести и радости напечатать одну из Ваших работ. <...> С нетерпением жду Ваш этюд о Петрарке (надеюсь, мне можно будет напечатать какие-то его части?) и итальянский перевод «Переписки». Мы сами с большим удовольствием сделаем обширный комментарий к этой книге. Если мы не слишком настойчиво искали общения с Вами, то это было вызвано лишь опасением, что наше издание представляется Вам недостаточно почтенным, а мы — самонадеянными и неподготовленными. Я уже, кажется, писал Вам, что всегда счастлив публиковать Ваши сочинения. Ваше молчание постоянно вынуждало меня подозревать, что Вы невысоко цените нашу деятельность. Мы же, напротив, преклоняемся перед Вами¹².

Однако, несмотря на самые лучшие намерения, эти переговоры успехом не увенчались: ивановский доклад о Петрарке был напечатан другими издателями как отдельная брошюра [47]; кроме того, ни рецензия на «Переписку», ни какой-либо комментарий к ней опубликованы журналом не были.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6–6 об.

Во второй половине 1930-х гг. Иванов прекратил общение с “Frontespizio”, но уже после начала войны, в 1942 г., начал переписку с ассизским журналом “Regno”, который имел ту же религиозную направленность, что и “Frontespizio”. Он также опирался на идеи энциклики папы Пия о центральной роли Христа-Царя в церкви (само название — досл. «Царствие» — отсылало читателей к этой теме), и с ним сотрудничали авторы недавно закрывшегося “Frontespizio”: Барджеллини, Папини, Де Лука. “Regno” был учрежден известным священником-евангелизатором доном Джованни Росси, основавшим в родном городе св. Франциска общину “Pro Civitate Christiana” (Во имя христианского града) [25, р. 1009]. Журнал издавался с 1941 по 1953 гг.¹³ Целью общины, существующей и по сей день, и издания, ставшего ее рупором, была христианизация мирян посредством катехизации в современном ключе; как и некоторые другие католические объединения, возникавшие в Италии в первой половине XX в., эта организация позволяла людям, не относящимся к духовенству и монашеству, принимать полноценное участие в жизни церкви и отстаивать ее идеалы в условиях секуляризации [25, р. 1009]. Как декларировалось самой общиной, она «стремится поспособствовать тому, чтобы завоевать для Господа Христа души нашего времени при помощи всех современных средств: слова, печати, культуры, архивных исследований, искусства»¹⁴. О специфике организации многое говорит и опрос, проводившийся доном Росси «среди крупнейших деятелей Италии на тему того, как фигура Иисуса Христа воспринимается в современном обществе» [55, р. 8], среди опрошенных фигурировал и Вяч. Иванов¹⁵.

¹³ См. итальянский каталог периодической печати: Il Regno (Assisi): pubblicazione trimestrale di studi cristiani // ACNP — Catalogo Italiano dei Periodici: [сайт]. URL: <https://acnpsearch.unibo.it/journal/55870?fbclid=IwAR2U1oEFcHAUUp6rquFRJNkCeDQPuMJnZN7QcIp7RakkC4ES6QJl8FNSXCQ#> (дата обращения: 14.02.2024). За консультацию благодарим библиотекаря францисканского монастыря Sacro Convento Ф. Сильвестри и библиотекаря “Pro Civitate Christiana” Дж. Росси.

¹⁴ Справочная брошюра о деятельности общины “Pro Civitate Christiana”. Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 5. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 14.

29 января 1942 г. С. Маджи в качестве представителя “Regno” обращается к Иванову с предложением о сотрудничестве и характеризует издание как «журнал, посвященный глубокому изучению христианства; он будет выходить каждые три месяца, и его содержанием станут работы крупнейших из авторов, пишущих об искусстве, литературе, истории, Иисусе Христе»¹⁶. Под «крупнейшими авторами» имелись в виду и зарубежные мыслители. Любопытно, что во втором, апрельском, номере журнала за 1942 г. была опубликована статья Т.А. Сухотиной-Толстой об учении Л.Н. Толстого о Христе — “Mio padre di fronte a Cristo” (Мой отец перед лицом Христа) — на итальянском языке и с подробным комментарием Де Луки [65, р. 83–91].

В ответ на свое приглашение Маджи, по-видимому, получает от Иванова встречное предложение дать «статью о Достоевском и Соловьеве перед лицом Христа» (досл. “Dostoevskij e Solov’ev di fronte a Cristo”)¹⁷, так как в письме к Иванову от 2 фев-

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3. Отметим сходство с заголовком указанной выше статьи Т.А. Сухотиной-Толстой, отражающее специфику журнала. Нельзя не напомнить в этой связи также о статье Бернхарда Шульце (Bernhard Schultze) о самом Вяч. Иванове, вышедшей в 1947 г. в журнале “Humanitas” при издательстве “Morcelliana” и озаглавленной «Русские мыслители перед лицом Христа: В. Иванов» [56, р. 1139–1148]. Коллега Иванова по преподаванию в Папском Восточном институте (в 1937 г. Шульце был зачислен в штат в должности профессора сравнительного богословия), иезуит Шульце (1902–1990) был глубоким знатоком русской литературы Серебряного века и восточного богословия; его научные интересы касались отношений православной и католической церкви и современной русской теологии. В своей работе об Иванове Шульце подчеркивает его «глубокую любовь к Христу» [56, р. 1140], показывая, как от увлечения философией Ницше и культом Диониса Иванов приходит к подлинному пониманию того, что любовь к Богу может быть основана только на любви к Сыну, и к признанию Церкви мистическим телом Христовым. Особое внимание Шульце уделяет обращению Иванова в католичество, не умаляя его экуменического смысла, а также влиянию на его выбор Вл. Соловьева (ссылаясь на тексты самого Иванова, Шульце оговаривает, что ни Достоевский, ни Толстой не могли быть его духовными наставниками на пути этого обращения) [56, р. 1146]. У нас нет сведений о каких-либо связях немецкого иезуита с доном России и его журналом; думается, что статья была написана в русле общей христологической духовности того периода. В год смерти Иванова ста-

раля того же года он выражает по этому поводу радость, интерес к указанной теме и сердечную благодарность, и даже просит его «раздобыть <...> ранее не публиковавшиеся или малоизвестные портреты обоих авторов»¹⁸. Из письма от 4 февраля мы узнаем, что Маджи навещал Иванова в его римском доме на Авентине; примечательно, что здесь Маджи повторяет: «...благодарю Вас за то, что готовите для меня работу о Соловьеве. Читатели “Regno” будут Вам весьма признательны»¹⁹ — и ниже спрашивает, кто, по мнению Иванова, мог бы раскрыть для журнала тему Христа у Достоевского, очевидно, полагая, что в предполагаемой ивановской статье акцент будет сделан именно на Соловьеве²⁰. Тем не менее, в письме от 16 апреля он вновь упоминает обоих авторов, работу о которых Иванов так и не прислал: «Я по-прежнему жду Вашей статьи о Христе у Достоевского и Соловьева. И мы, и наша аудитория будем счастливы ее увидеть. Я искренне надеюсь ее получить»²¹ — и вновь просит поэта отправить в журнал «по возможности не публиковавшиеся или хотя бы малоизвестные фотографии»²² русских мыслителей. Наконец, уже 17 мая 1942 г. письмо к Иванову адресует сам руководитель общины “Pro Civitate” дон России, торопя его со статьей:

Мы ожидали Вашей рукописи, чтобы украсить ею второй номер, но Ваша занятость мешала нам настаивать до сих пор. Однако сейчас мы просим Вас оказать нам любезность и подготовить Ваше исследование для третьего номера, то есть через два месяца²³.

тя с минимальной правкой была повторно опубликована иезуитом в книге, посвященной христологической мысли русских философов и литераторов XIX и XX вв. [57, р. 253–273]; по определению рецензента, это исследование, проведенное «одним из лучших западных знатоков русской словесности» [36, р. 270], строится вокруг трех основных тем: «папство, Церковь, Христос» [36, р. 270].

¹⁸ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 5. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 11.

На этом переписка по поводу статьи обрывается, и о работе Вяч. Иванова над ней на данный момент сведений больше нет²⁴.

Вне сомнений, тема этого так и не состоявшегося труда вписывалась в христоцентричную духовность общины дона Росси, в его интерес к христианам иных деноминаций, перешедшим в католичество²⁵, и к зарубежной христианской мысли. Однако нельзя не предположить, что столь настойчивое стремление “Regno” опубликовать статью о Соловьеве и Достоевском было вызвано не в последнюю очередь и посредничеством доброго гения Иванова в католической среде — все того же дона Джузеппе Де Луки: о разговоре со священником, при котором тот выражал «свое восхищение»²⁶ Ивановым, Маджи упоминает в своем письме от 4 февраля²⁷. Если это так, то следует указать, что Де Лука не впервые общался с католическими редакторами по поводу работы Иванова над Соловьевым.

Вполне вероятно, что именно по поводу труда русского поэта по этой теме Де Лука переписывался за 7 лет до этого с главой католического издательства “Morcelliana” Фаусто Минелли, который решительно отказывался публиковать текст Иванова. Эта переписка приводится в работе Ронкалли, однако там не уточняется, какая именно ивановская работа имеется в виду [29, р. 31]. В частности, 13 декабря 1934 г. Минелли писал Де Луке: «...я точно исключаю *эту работу о Соловьеве*» (досл. “*l’opera sul Soloviev*”) [29, р. 31], — а 18 февраля 1935 г.: «Повторяю тебе: не бери на себя обязательств перед Ивановым — даже само *сближение, о котором мне говорили, между Достоевским и Соловьевым* может быть опасно» [29, р. 31]. Опасность заключалась, не-

²⁴ В доступных для консультации выпусках журнала за 1941, 1942 и 1943 гг., хранящихся в библиотеке общины в Ассизи, публикаций Иванова также обнаружено не было. — К.А.

²⁵ В 1951 г. дон Росси опубликовал в издательстве своей общины книгу «Люди, встречающие Христа» (“Uomini incontro a Cristo”), где собрал свидетельства перешедших в католичество христиан иных деноминаций [23, р. 1445].

²⁶ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 5. А. 5.

²⁷ Там же.

сомненно, в том же, в чем и опасность публикации работы Иванова о Достоевском [53], о возможности которой Де Лука также беседовал в этот период с Минелли, а именно: в чересчур «модернистском» [29, р. 33] характере ивановских исследований, который мог не понравиться «определенным церковным кругам» [29, р. 33] и не пройти религиозную цензуру²⁸.

Примечательно, однако, что “Morcelliana” и ранее, и позднее публиковала чужие труды о Соловьеве: в 1928 г. перевод исследования французского епископа-иезуита Мишеля д’Эрбиньи «Религиозное русское будущее в мысли Вл. Соловьева» (“L’avvenire religioso russo nel pensiero di Vladimiro Soloviev”) [12], а позднее, в 1936 г., перевод монографии Карла Пфлегера, немецкого теолога и последователя Тейяра де Шардена, «Души, которые боролись за Христа» (на итальянском “In lotta per Cristo”) [26]. Со-

²⁸ Переговоры о публикации в “Morcelliana” ивановской работы о Достоевском, вышедшей в 1932 г. в Германии, велись между Де Лукой и Минелли с 1932 по 1938 гг.; Ронкалли в своей статье показывает, что со временем Де Лука, прежде рьяно отстаивавший издание и собиравшийся сам написать к ней предисловие, охладел к этой идее [29, р. 32]. Согласно исследователю, примерно с 1936 г. и вплоть до 1940 г. Де Лука отдаляется от Иванова из-за убежденности в гностических настроениях русского поэта [29, р. 36]. Ронкалли цитирует вопрос издателя Минелли к Де Луке из письма от 13 июня 1936 г.: «...нельзя ли снова обратиться к “Достоевскому” Иванова, убрав кое-какие расплывчатые рассуждения из первой части и снабдив его твоим приличным предисловием? По правде говоря, не знаю, в каких ты сейчас отношениях с Ивановым. Но в любом случае, окажи мне любезность и сообщи что-нибудь об этом деле» [29, р. 33]. Автор статьи, однако, не приводит весьма красноречивый ответ Де Луки от 19 июня того же года, опубликованный им во втором томе переписки Де Луки и Минелли, который мы процитируем здесь в нашем переводе: «Что касается ивановского “Достоевского”, то у меня нет ни малейшего желания возобновлять дружбу с Ивановым. Он один из этой русской орды здесь в Риме, общение с которой мне неприятно. Но если ты этого и вправду жаждешь, я рискну. Дай мне знать» [43, р. 354]. Как видно, речь идет уже не просто о дистанцировании, а о резко отрицательном отношении Де Луки не только к Иванову, но и ко всей среде русской эмиграции в Риме, к которой последний принадлежал. Не исключено, что такая внезапная, почти нарочитая враждебность, которая позднее вновь сменилась дружеским тоном, была связана с усугублением ксенофобских настроений в итальянском обществе накануне принятия расовых законов (в ноябре того же года).

мнительно, чтобы цензура свирепствовала во второй половине 1930-х меньше, чем в 1934 г. Очевидно, что не само наследие Соловьева, а подход Иванова, предполагавший сопоставление идей философа и писателя, смущал католического издателя, который даже предлагал Де Луке поинтересоваться мнением епископа д'Эрбиньи о том, допустимо ли вообще сближать Достоевского с Соловьевым [29, р. 31]. Эта просьба не случайна: именно после книги д'Эрбиньи Соловьев стал восприниматься в Италии как восточный пророк духовного первенства католической церкви [1, с. 80], что делало немыслимой какую-либо параллель с Достоевским.

По письмам Минелли от 13 декабря 1934 г. и 18 февраля 1935 г. можно предполагать, что речь идет о начальном варианте того самого критического исследования, которое позже намеревался отдельно напечатать журнал "Regno". Вероятно, в рамках первоначального замысла оно должно было сопровождать ивановский перевод соловьевских текстов, о котором также говорилось в переписке.

2. Ивановская редакция текстов Владимира Соловьева

Действительно, именно с "Morcelliana", которая, как указывалось выше, не относилась к активно поддерживающим фашистский режим католическим организациям и даже противопоставляла себя «определенным церковным кругам» [29, р. 33], Де Лука вел переговоры о публикации итальянского перевода текстов Соловьева. Этому изданию, однако, поначалу повезло не больше, чем ивановской статье о Соловьеве и Достоевском.

10 декабря 1934 г., пытаясь добыть для поэта дополнительный заработок, дон Де Лука попытал удачу у Минелли, обратившись к нему с вопросом: «Ты не против, если Иванов переведет для нас антологию или какое-то одно произведение Соловьева? Это было бы чем-то новым для итальянцев, англичан и французов» [29, р. 31]. Минелли отвечал скептически: «Будучи великодушным человеком, ты ищешь для него работу, но не подавай

ему слишком много надежд» [29, р. 31]. Спустя три года, в письме от 4 декабря 1937 г., Де Лука обратился к Минелли с очередной просьбой: «Один из друзей Иванова перевел страницы Соловьева о любви: ты не мог бы их опубликовать?» [29, р. 31].

Однако и эта просьба, по всей видимости, увенчалась отказом, а труды Соловьева — «Смысл любви» и «Жизненную драму Платона» — против всех ожиданий, удалось наконец напечатать (под общим заголовком «Два очерка о философии любви») не в католическом издательстве, а в светском, хотя ключевую роль в этой публикации вновь сыграло посредничество религиозного деятеля — на этот раз францисканца-терциария Ансельмо Мария Томмазини, в миру носившего имя Уго (1876–1946).

Его фигура, до сих пор не вызывавшая интерес у исследователей в связи с русской культурой, сама по себе заслуживает отдельного внимания. Инженер по образованию и литератор по призванию, в двадцатые годы Уго Томмазини публикует сборники новелл («Гувернантка Мефистофеля» [70], «Буччадоро и человек» [71]) и сказок («Пути солнца» [72]). Новеллы его охарактеризованы рецензентом как написанные в стиле Пиранделло с элементами гротеска и фантастики [35, р. 501]. В эти же годы Томмазини увлекается учением Р. Штайнера; в его переводе выходят «Очерк теории познания гетевского мировоззрения» [63] и «Философия свободы» [62], причем перевод последней (в новой редакции) был переиздан и в наши дни, в 2013 г., антропософским издательством в Милане [64].

В 1929 г., в возрасте пятидесяти трех лет, приняв имя Ансельмо Мария, Томмазини, очевидно, отказавшись от былых антропософских увлечений, вступает в Третий францисканский орден и следует канонической доктрине. Он несет служение в Генеральной францисканской курии в Риме, активно сотрудничает с миланским Католическим университетом, в частности, с издательством и журналом “*Vita e pensiero*” А. Джемелли, а в тридцатые годы выпускает книги об ирландских святых в Италии [66], о месте человеческой личности в христианстве [69], о Франциске и Кларе Ассизских [68], а также тексты зарубежных религиозных авторов в своих переводах [54].

Примечательно, что брат Томмазини увлекался русской культурой еще до встречи с Ивановым и до своего вступления в орден: в частности, с 1927 г. он состоял в дружеских отношениях с Ольгой Резневич-Синьорелли (которая среди прочего познакомила его с немецким переводом Гоголя); о книге Синьорелли, посвященной Элеоноре Дузе, Томмазини обещал написать рецензию для журнала *"Vita e pensiero"*, одобренную Джемелли²⁹. В том же журнале, в 1933 г., вышла рецензия Томмазини на «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, переведенную Ольгой Синьорелли (напомним, что *"Frontespizio"*, который изъяснял намерение дать комментарий к «Переписке» в том же 1933 г., так и не откликнулся на этот текст) [67, р. 517–520]. В своей рецензии Томмазини называет Иванова «духовным учеником Владимира Соловьева, усердным исследователем философии и классической филологии (особенно религии Диониса — страдающего Бога, в котором он видит почти языческий Ветхий Завет); утонченным и глубоким лирическим поэтом, признанным лидером символистской школы» [67, р. 517]. Томмазини подчеркивает, что тема спора Вяч. Иванова с М. Гершензоном в «Переписке» сама по себе не нова, но предстает по-новому «в контексте самого яростного мятежа, который сатана когда-либо поднимал против всех божеских и человеческих ценностей» [67, р. 517] (т. е. победы большевизма. — К.А.). Кроме того, их спор является особо актуальным с точки зрения апологетики, так как концепция *"tabula rasa"*, отстаиваемая Гершензоном, представляет собой опасный соблазн для нынешней молодежи, увлеченной «гедонистически-дилетантским скепсисом» [67, р. 517]. Противопоставляя «стремление к духовному обнажению» Гершензона (которого Томмазини уподобляет «разрушителям Руссо и Толстому, а также их единомышленникам») «Общению верных» Иванова (который, напротив, причисляется им к «строителям») [67, р. 518], Томмазини действует в русле уже упоминавшейся

²⁹ Fondazione Cini. Archivio Signorelli. Lettere a Olga Signorelli del 9 giugno 1938, 22 giugno 1938 e del 9 agosto 1939. Lettera a Tommasini di p. Gemelli del 22 giugno 1938. S. n.

нами тенденции, характерной для католической церкви тех лет и заключающейся в восприятии мировой культурной традиции как объекта изучения, усвоения и новой интерпретации в свете христианской религии. Разумеется, отдельное внимание уделяет Томмазини присоединению Иванова к католичеству, называя его «возвращением в лоно Матери Святых» и завершая рецензию обширной цитатой из письма поэта к Ш. Дю Босу, поясняющей причины этого решения Иванова [67, р. 520].

Переписка Томмазини с Ивановым в Римском архиве касается в основном издания Соловьева, датируется периодом с 1929 по 1939 г. и в целом носит дружеский характер³⁰. В ноябре 1937 г. францисканец посылает ему диптих своих сонетов о Ночи и Солнце с посвящением: «Поэту Вяч. Иванову — брат Дионис»³¹. Уже в 1946 г., после смерти брата Ансельмо, его дочь Орьетта ди Гропелло отправляет Вяч. Иванову памятную открытку с указаниями дат рождения и смерти Томмазини и цитатами из Послания к Евреям и Откровения (Евр. 13: 14; Отк. 14: 13)³², а также сопроводительную записку: «Полагаю, что вам будет приятно получить это напоминание о моем отце»³³. Тем не менее, в 1938 г. приятельские отношения Иванова и Томмазини подвергаются серьезно-му испытанию, и именно из-за Соловьева. Из корреспонденции мы узнаем, что сопроводительные статьи к переводам Соловьева подготовил францисканец — в письме к Иванову от 23 августа 1937 г. он писал поэту:

Дорогой профессор,

Находясь проездом в Генуе, высылаю Вам наброски очерков об обоих текстах Соловьева. Надеюсь, вы развлечетесь, читая и критикуя их с присущей вам проницательностью. <...>

скоро буду в Риме и нанесу Вам визит.

Наилучшие пожелания Вам и Фламинго,

³⁰ В архиве Иванова в Риме хранится также экземпляр упомянутой выше книги Томмазини об ирландских святых в Италии с дарственной надписью. — К.Л.

³¹ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 29. Л. 6–6 об.

³² Там же. П. 30. Л. 4.

³³ Там же. Л. 2.

Вяч. Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами

С дружеской любовью,
Ваш,
брат А.М. Томмазини³⁴.

Однако отдельно эти очерки так и не были опубликованы; более того, из письма Томмазини к Иванову от 6 сентября 1938 г. мы узнаем, что отношения между ними испортились как раз из-за отказа францисканца ставить свое имя на издании соловьевской книги, которая в итоге была напечатана светским издательством “Signorelli”. Иванов, судя по письму Томмазини, назвал францисканца «Пилатом, умывающим руки»³⁵, допустившим «профанацию»³⁶ Соловьева. Приведем здесь соответствующий отрывок из этого письма:

Дорогой профессор,

я все еще глубоко скорблю из-за беседы, состоявшейся в тот вечер — никогда бы не подумал, что подобный разговор может произойти между нами — и скорбь моя вызвана не только обвинениями, которые Вы пожелали мне предъявить, но и болью, которую Вы сами, должно быть, испытали. И именно потому, что я всегда очень любил Вас и глубоко почитал, сегодня я возвращаюсь к этой теме с надеждой, что смогу отчасти смягчить Вашу боль, а Вы смягчите мою.

<...> Неужели же я действительно повел себя, как «Пилат, умывающий руки»? Неужели я действительно допустил «профанацию» Соловьева? Да неужели же Вам и правда кажется — Вам, Вячеславу Иванову — что я действовал в этом случае вульгарно или из вульгарных побуждений? Все мои старания не приносят мне никакой внешней выгоды; а теперь даже внутреннее удовлетворение от маленького доброго дела отравлено для меня суровым осуждением человека, которого я любил и почитал и который был свидетелем, я бы сказал, ежедневным, всех моих намерений и шагов!³⁷

³⁴ Там же. П. 29. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 8 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 8 об.

Впрочем, Томмазини на самом деле не отказался заниматься томом; просто выбранный им метод работы не удовлетворил Иванова, который упрекнул Томмазини за то, что, «слив свое предисловие с предисловием Вольпичелли»³⁸, он не только «повел себя по отношению к тому некорректно»³⁹, но и совершил поступок, «совершать который не имел юридического права»⁴⁰. Предисловие к изданию Соловьева [73, р. 5–17] действительно было подписано Луиджи Вольпичелли — идеологом школьного образования в муссолиниевском государстве, а с 1939 г. зятем доброй знакомой Томмазини Ольги Синьорелли [11, р. 148–150]. В школьной серии “*Problemi della scuola e della vita*”, курируемой Вольпичелли, и был опубликован русский философ. Очевидно, многое из того, что относилось к Соловьеву, в статью Вольпичелли было добавлено Томмазини, в чем Иванов и обвинял своего корреспондента.

В частности, вполне вероятно, что именно францисканцу принадлежит основная часть предисловия, где кратко излагается содержание первой части соловьевской работы «Оправдание добра» и подчеркивается ортодоксальность христианской позиции философа, который, согласно автору, в своих работах утверждает ценность человеческой личности, реализующейся посредством любви к Другому [73, р. 11]. Комментируя тексты Соловьева, автор предисловия выделяет отличие его феноменологии любви от кажущихся близкими ему немецких романтиков и ренессансных платоников. Идея любви русского философа зиждется на моральном фундаменте; акт любви основан у него на вере, «то есть на признании того факта, что другой человек существует в Боге, чем и обусловлена его безмерная ценность» [73, р. 17]. Концепция Соловьева, по мнению автора предисловия, далека как от абстрактного морализма, так и от материалистического сциентизма; философ обращает внимание современного читателя на божественную природу любовных отноше-

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

ний между людьми. Учитывая популярность в церковных кругах того времени темы следования за Христом в практиках повседневной жизни, такое предисловие вполне могло привлечь внимание католического читателя, и даже если оно было подписано Вольпичелли, в нем явно проглядывает почерк францисканца.

Сомнительно, чтобы Иванова и вправду волновала корректность Томмазини в отношении фашистского педагога Вольпичелли — судя по письму, он был недоволен как раз нежеланием Томмазини ставить на обложке собственное имя.

В действительности, это решение Томмазини объяснялось теми же причинами, что и **нежелание** издателя “Morcelliana” «связываться» с соловьевскими текстами в редакции Иванова, т. е. опасением прогневить католическую цензуру, которая могла вырезать неудобные ей места, а также, возможно, недовольством монастырского начальства. Томмазини оправдывается следующим образом:

Прежде всего, примите во внимание уже известный Вам факт: *причина по которой я не пожелал принять непосредственное участие в этом издании, заключается единственно в моем желании, чтобы идеи Соловьева были переданы как можно полнее*⁴¹. Если бы я руководствовался личными побуждениями, то с удовольствием написал бы статьи к этим текстам, учитывая, что я по собственному почину обратил на них внимание, оплатил их перевод, посвятил немало времени тому, чтобы привести его в максимально безупречный вид с точки зрения итальянского языка; что я предпринял несколько попыток опубликовать его, согласившись на условия, предложенные издателем Синьорелли, которые если и гарантируют высокое качество и широкое распространение книги, то уж точно не окупают даже мои расходы. По всем этим причинам мне было бы, безусловно, приятно самому написать статьи для этой книги, которая, по моему глубокому внутреннему убеждению, предназначена не для того, чтобы потешить умозрительное любопытство, а для того, чтобы бросить зерно живое в землю, на которой растут по большей части сорняки — то есть сотворить не-

⁴¹ Курсив в цитатах здесь и далее наш. — К.А.

много добра. Но, будучи служителем Церкви, я был бы вынужден передать книгу духовной цензуре, которая — в наши дни и в нашем обществе — вряд ли прониклась бы идеями Соловьева. В самом деле, до сих пор итальянские католические издатели не опубликовали ни одного его труда — те три, что все же вышли, были напечатаны издателями Дзаникелли, Билихнисом и Паравиа. Даже падре Джемелли, к которому я обратился по этому поводу, посоветовал мне связаться с Латерца или еще с кем-то из светских издателей. Потому мне и пришлось сойти со сцены, чтобы предотвратить неизбежные искажения идей Соловьева⁴².

Очевидно, интерес к Вл. Соловьеву Де Луки, издательства “Morcelliana” (публиковавшего хотя бы труды других авторов о Соловьеве) и журнала “Regno”, которые принадлежали к более открытым и менее конформистским католическим кругам, был гораздо менее оправдан в глазах более фундаменталистских издательств, в частности, “Vita e pensiero” падре Джемелли, с которым активно сотрудничал Томмазини. И Иванов не мог не отдавать себе в этом отчет, ведь в письме к Дж. Папини от 23 декабря 1937 г., т. е. почти за год до ссоры с Томмазини и сразу же после очередных неудачных переговоров Де Луки с Минелли, поэт сам просил Папини найти по возможности не католического издателя для этих текстов, чтобы не связываться с церковной цензурой, которая не оценила бы «мистическое дерзновение некоторых взглядов» [2, с. 352] Соловьева. Если в 1934 г. напечатать тексты Соловьева было проблематично, то в конце тридцатых ситуация с церковной цензурой могла лишь ужесточиться: «Укрепление союза с немецким нацизмом, расовое законодательство, начало войны и участие Италии в этом конфликте ознаменовали новый печальный исторический этап, отразившийся, хотя и не целиком, на позиции католических интеллектуалов и на перипетиях соответствующих культурных институтов» [34, р. 1271].

Что же до ивановского обвинения собственно в слиянии текста Вольпичелли с предисловием Томмазини, то послед-

⁴² Там же. Л. 8–8 об.

Вяч. Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами

ний прислал Иванову в ответ на этот упрек копию договора от 26 июля 1937 г., подписанного самим русским поэтом и Ольгой Шор-Дешарт:

Сим заявляем, что, после выплаты нам сегодня суммы размером в 1000 (тысячу) лир мы передаем Вам все права на итальянский перевод произведения В. Соловьева «Смысл любви», нами для Вас осуществленный. Указанная сумма покрывает также права на нашу редакцию перевода работы «Жизненная драма Платона», выполненного проф. Е. Ананьиным.

Вы можете вносить в перевод первого текста, а также — в том, что нас касается — второго текста, все изменения, которые сочтете нужными, и можете свободно печатать оба произведения любым способом и в любом месте по Вашему усмотрению; при этом ни Вы, ни Издатель ни на каком основании не должны выплачивать нам никакой иной суммы или процента.

С совершенным почтением,

Вячеслав Иванов

О. Дешарт⁴³.

В сопроводительном письме Томмазини писал:

Я никогда бы не подумал, что между нами — увы! — может зайти речь о юридических отношениях. Но, поскольку данный вопрос был поднят, и поднят не мной, то я прикладываю к письму копию в свое время переданного мне заявления (возможно, у Вас ее нет), чтобы Вы перечитали ее и спокойно рассудили, справедливо ли говорить, что слияние двух предисловий было с моей стороны юридически неправомочным действием.

Мне противно затрагивать эти темы в общении с Вами, но рассудите также, согласуется ли указанное Вами различие между «прекращением работы» и «упоминанием имени» с фразой о моем праве вносить поправки в перевод (право, которым, конечно, нужно пользоваться разумно, и которым, как мне кажется, я не злоупотреблял).

Прошу Вас не усматривать в моей горечи ничего, кроме доказательства преданности и дружеской любви, которые я к Вам всегда испытывал. Я много молился в эти дни о Вас и о себе,

⁴³ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 5. К. 20. П. 29. Л. 10.

чтобы Господь просветил нас обоих. Я по-прежнему буду делать все необходимое, чтобы том наконец-то вышел в самом лучшем виде. И если и в самом деле плоды приносят лишь те творения, которые создаются потом и кровью, то Господь, видящий наши сердца, благословит этот труд. Но в нем говорится о сизигии, и было бы слишком горько и абсурдно — по крайней мере, для меня — если бы именно из-за него распалась наша духовная сизигия, от которой он и родился. Я искренне считаю, что сделал все, от меня зависящее, чтобы довести дело до благополучного завершения, заботясь не о своей скромной персоне, а лишь о высшем благе. В том числе и по отношению к Вам⁴⁴.

Однако в письме от 7 сентября 1938 г. Томмазини, видимо, вновь обрел надежду возродить «духовную сизигию» с русским поэтом. Он пытается понять, что на самом деле имел в виду Вяч. Иванов:

Мне кажется, что я угадал Ваше желание: Вам хотелось, чтобы было понятно, что перевод делался не для серии Вольпичелли, а для *друга, который интересовался этими вопросами, хотя и был уполномочен печатать перевод где угодно по своему усмотрению*. Я понял Вас верно? Мне было трудно до этого додуматься, потому что ничто в наших предыдущих беседах не указывало на то, что для Вас была важна эта оговорка⁴⁵.

И, очевидно, получив подтверждение своей догадки, в письме от 11 сентября Томмазини вновь повторяет:

Вольпичелли было совсем не трудно добавить в предисловие, в место, где говорится о переводе, фразу о том, что *последний был выполнен Вами для общего друга, занимающегося этими вопросами*, который позже передал перевод в его распоряжение. Таким образом, обстоятельства Вашего перевода выглядят вполне очевидными⁴⁶.

⁴⁴ Там же. Л. 8 об. — 9.

⁴⁵ Там же. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Л. 12.

Фраза, о которой идет речь, действительно присутствует в напечатанном предисловии, где итальянская версия текстов Соловьева определяется как «перевод с русского оригинала, коим с особой любовью занимался уважаемый профессор Вяч. Иванов для нашего общего друга, который исследует эти темы и который позднее передал перевод в мое распоряжение» [73, р. 6]; далее говорится: «Мы оба хотели бы поблагодарить проф. Иванова, а заодно с ним и проф. Ананьина, и О. Дешарт, которые с ним сотрудничали» [73, р. 6].

Вполне понятно огорчение Томмазини от упреков Иванова в отступничестве и малодушии, учитывая, сколько практических усилий предпринял брат Ансельмо для публикации переводов. Более того, именно Томмазини, судя по всему, и является тем самым другом, интересующимся философией Соловьева, для которого был подготовлен перевод, ведь именно этот друг, как говорится в письме, и передал текст Вольпичелли.

Кроме того, на основании тех же текстов писем и договора с Томмазини можно поставить вопрос о том, кто на самом деле являлся переводчиком соловьевского «Смысла любви». Во фрагменте опубликованного предисловия к книге, приведенном выше, указано, что переводом «занимался уважаемый проф. Вяч. Иванов», но дословно это звучит как “una traduzione originale dal russo curata <...> dall'illustre prof. Venceslao Ivanov”. По-итальянски эта фраза выглядит двусмысленно, так как глагол “curare” можно понять и как редактирование текста, и как более активное участие в его непосредственном написании. Тот же глагол повторяется и в письме Иванова к Папини: «У меня была возможность *заняться* итальянским переводом двух текстов Владимира Соловьева о Любви» (“Ho avuto occasione di *curare* una traduzione italiana di due scritti di Vladimiro Soloviev sull'Amore”), — пишет он в письме от 23 декабря 1937 г. [2, с ...]. В письме Де Луки к Минелли от 4 декабря 1937 г., процитированном выше, также говорится, что «Один из друзей Иванова *перевел* страницы Соловьева о любви».

С другой стороны, в копии договора, подписанной Ивановым и Шор и также приведенной нами выше, четко прописано, что итальянский перевод «Смысла любви» был «нами для Вас

выполнен» (“da noi per Lei fatta”), в отличие от перевода «Жизненной драмы Платона», который был осуществлен профессором Ананьиным и который Иванов и Шор только «отредактировали» (“hanno revisionato”). Тот же глагол “fare” («выполнить, осуществить») звучит в последнем процитированном здесь письме о переводе от 11 сентября 1938 г., где Томмазини вновь повторяет: «перевод был *выполнен Вами* для общего друга» и далее — «обстоятельства *Вашего перевода*».

К сожалению, нам не удалось разыскать ни ответных писем Иванова, ни каких-либо черновиков перевода, так как ни в Генеральной курии францисканцев в Риме, ни в Ломбардской провинции ордена, ни в библиотеке “Sacro Convento” в Ассизи, ни в архиве Ольги Синьорелли связанных с переводом материалов Томмазини обнаружено не было. Однако, учитывая, что францисканец столько работал над подготовкой текста к печати и был близко знаком с Ивановым, вряд ли он ошибался, говоря о его переводе. С другой стороны, известно, что Иванов, даже переводя на итальянский с русского самостоятельно, скромно настаивал, чтобы на обложке стояло имя официального переводчика-носителя языка, как это было в случае с поэмой «Человек»⁴⁷. И наконец, Иванов перелагал для публикации в Италии и даже писал сразу на итальянском собственную эстетико-философскую прозу [52], а также подготовил две статьи — о реализме и символизме — для итальянской энциклопедии “Treccani” [49; 50]. Поэтому вполне можно допустить и его авторство (совместно с Ольгой Шор) перевода «Смысла любви», отредактированного не Ивановым, а носителем языка — братом Ансельмо Томмазини.

Анализ переписки Иванова с католическими журналами предвоенного и военного времени, а также с братом Ансельмо Том-

⁴⁷ Поэма Иванова «Человек» была официально переведена на итальянский Р. Кюфферле и издана в 1946 г. [51]. Однако, хотя Иванов и не соглашается поместить свое имя на обложке в качестве соавтора итальянской версии, в некоторых черновиках текста, хранящихся в его римском архиве, перевод может быть подписан и именами обоих переводчиков. См., например, Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 2. К. 5. П. 2. Л. 11. Об истории перевода см. также отдельные исследования: [13, р. 52–65; 20, р. 109–126; 21, с. 184–191; 30, р. 562–601].

мазини, позволяет добавить дополнительные штрихи к истории итальянской рецепции русской религиозной мысли в XX в. Примечательно, что, несмотря на уважение и к Иванову, и к Соловьеву как к религиозным мыслителям и на интерес к Иванову как к неопиту в среде католических литераторов муссолиниевской Италии, труды Соловьева в ивановской редакции не удалось опубликовать в религиозной печати из опасений перед духовной цензурой в тот же самый период, когда на родине христианского философа его не издавали из-за цензуры атеистической. Тем не менее, показательно, что посредником при переговорах со светским издателем и последним помощником Иванова по подготовке соловьевских текстов стал францисканец-терциарий, сотрудничающий с самыми ортодоксальными католическими институтами, который и оплатил работу переводчика. Вопрос же о том, кто был этим переводчиком, остается пока что открытым.

Список литературы

Исследования

1. *Бессчетнова Е.* Стал ли Вл.С. Соловьев католиком (историко-философский анализ) // История философии. 2021. № 26. С. 76–86.
2. *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Переписка Вячеслава Иванова с Дж. Папини // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 339–366.
3. *Дэвидсон П.* Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949. СПб.: Каламос, 2012. 340 с.
4. *Иванов Д.* Примечание // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 40. (Collana di Europa Orientalis)
5. *Apruzzese S.* Le riviste cattoliche/2: il primo Novecento // Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011 / a cura di A. Melloni. Roma: Treccani, 2011. P. 1315–1326.
6. *Bargellini P.* I tempi del “Frontespizio” // Don Giuseppe De Luca. Ricordi e testimonianze / a cura di M. Picchi. Brescia: Morcelliana, 1963. P. 24–38.

7. *Bartoletti Poggi M.* Il Frontespizio // Dizionario critico della letteratura italiana del Novecento. Roma: Editori Riuniti, 1997. P. 341–343.
8. *Bocci M.* Agostino Gemelli rettore e francescano. Chiesa, regime e democrazia. Brescia: Morcelliana, 2003. 720 p.
9. *Bova A.C.* Cattolici e letteratura nel decennio 1930–1940 // Lavoro critico. 1980. № 19. P. 127–208.
10. *Chiappetti F.* La formazione di un prete modernista. Ernesto Buonaiuti e Il Rinascimento (1907–1909). Urbino: Quattroventi, 2012. 123 p.
11. *Chiosso G.* Volpicelli, Luigi // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Treccani, 2020. P. 148–150.
12. *D'Herbigny M.* L'avvenire religioso russo nel pensiero di Vladimiro Soloviev (1853–1900) / a cura di A. Angeli. Brescia: Morcelliana, 1928. 344 p. [Trad. italiana di: *D'Herbigny M.* Un Newman Russe. Vladimir Soloviev (1853–1900). Paris: Beauchesne, 1911. 336 p.].
13. *Freddi L.* La traduzione di Ivanov, “Čelovek”, nel carteggio // Vjačeslav Ivanov — Rinaldo Küfferle: “Carteggio 1931–1947”. Edizione commentata. Milano: Università Cattolica del Sacro Cuore di Milano, 2019. P. 52–65.
14. *Gaye V.* *La critica letteraria di Giovanni Papini*. Firenze: Sandron, 1965. 166 p.
15. *Gentili S.* L'altra metà. Prezzolini e Papini // Prezzolini e il suo tempo. Atti del Convegno internazionale di Studi / a cura di C. Ceccuti. Firenze: Le Lettere, 2003. P. 113–143.
16. *Ghidetti E., Luti G.* Il Frontespizio // Dizionario critico della letteratura italiana del Novecento. Roma: Editori Riuniti, 1997. P. 341–343.
17. *Grubissich A.* Un percorso di lettura all'interno del “Frontespizio”: Piero Bargellini polemista e critico letterario // Otto/Novecento. 1994. № 2. P. 21–43.
18. *Guarnieri R.* Don Giuseppe De Luca tra cronaca e storia (1898–1962). Bologna: Il Mulino, 1974. 168 p.
19. *Luti G.* La letteratura del ventennio fascista. Firenze: La Nuova Italia, 1973. 290 p.
20. *Malcovati F.* La traduzione italiana de “L'Uomo” di Vjačeslav Ivanov // Dalla forma allo spirito. Scritti in onore di Nina Kauchtschischwili / a cura di R. Casari, U. Persi, G.P. Piretto. Milano: Guerini e associati, 1989. P. 109–126.
21. *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov e Rinaldo Küfferle: alcune lettere inedite sulla traduzione di “L'Uomo” // Domum homini universalis. Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева / сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М.: ОГИ, 2011. С. 184–191.

22. *Margotti M.* "L'Italia" di Lazzati. Il quotidiano cattolico milanese agli inizi degli anni '60. Milano: Franco Angeli, 1993. 208 p.
23. *Melloni A.* L'editoria religiosa del secondo Novecento: progetti, libri, sogni, mode // *Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011* / a cura di A. Melloni. Roma: Treccani, 2011. P. 1439–1452.
24. *Parente F.* Buonaiuti Ernesto // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Roma: Treccani, 1972. Vol. 15: Buffoli — Caccianemici. P. 112–122.
25. *Parola A.* I laici fondatori // *Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011* / a cura di A. Melloni. Roma: Treccani, 2011. P. 1001–1012.
26. *Pfleger C.* In lotta per Cristo / trad. dal tedesco di R. Paoli. Brescia: Morcelliana, 1936. 408 p. [Trad. italiana di: *Pfleger K.* Geister, die um Christus ringen. Salzburg; Leipzig: Verlag Anton Pustet, 1934. 313 S.].
27. *Ramat S.* Il Frontespizio // *Dizionario critico della letteratura italiana*. Torino: UTET, 1986. Vol. 2: Do–Pa. P. 291–296.
28. *Ridolfi R.* Vita di Giovanni Papini. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1987. 254 p.
29. *Roncalli M.* Giuseppe De Luca e Venceslao Ivanov. L'incontro di due anime e alcune lettere inedite // *Europa Orientalis. Вячеслав Иванов между Св. Писанием и поэзией: VIII международная конференция: в 2 т.* / a cura di Andrei Shishkin. Salerno: Università di Salerno, 2002. Vol. 2. P. 19–60.
30. *Ruffolo D.* Vjaceslav Ivanov — Rinaldo Küfferle: Corrispondenza // *Русско-итальянский архив [I] = Archivio russo-italiano [I]* / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. P. 562–601.
31. *Scarantino A.* Il "ritorno all'armi" di Giovanni Papini tra cattolicesimo e fascismo // *Mondo contemporaneo*. 2008. № 3. P. 67–128.
32. *Traniello F.* Religione cattolica e Stato nazionale. Dal Risorgimento al secondo dopoguerra. Bologna: Il Mulino, 2007. 344 p.
33. *Vinay V.* Ernesto Buonaiuti e l'Italia religiosa del suo tempo. Torre Pellice: Claudiana, 1956. 262 p.
34. *Vittoria A.* L'editoria cattolica dall'Unità alla fine del fascismo // *Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011* / a cura di A. Melloni. Roma: Treccani, 2011. P. 1263–1280.
35. *Vittorini D.* Tendenze principali nella letteratura italiana contemporanea // *The Modern Language Journal*. 1924. № 8. P. 497–503.
36. *Wenger A.* Compte-rendu: Schultze Bernardo, S.I., Pensatori russi di fronte a Cristo. Saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa (Biblioteca dell'Oriente cristiano). Éditions Mazza Florence, 1947, 1949.

Deux volumes brochés de 173 (vol. 1) et 286 pages (vol. II–III) // Revue des études byzantines. 1954. № 12. P. 270.

Источники

37. *Иванов В.* Неопубликованные стихи // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 39–40. (Collana di Europa Orientalis)
38. *Иванов В.* Письмо к Л.В. Ивановой от 22 мая 1929 г. // Символ. 2008. № 53–54. С. 592–594.
39. *Иванов В.* Письмо к Л.В. Ивановой и О.А. Шор от 6 июня 1929 г. // Символ. 2008. № 53–54. С. 595.
40. *Bremond H.* Prière et poésie. Paris: Grasset, 1926. 221 p.
41. *Buonaiuti E.* Francesco d'Assisi. Roma: Formiggini, 1925. 80 p.
42. Chirografo di Sua Santità Pio XI al Cardinale Pietro Gasparri, Segretario di Stato, sulla firma dei Patti Lateranensi [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/pius-xi/it/letters/documents/hf_p-xi_lett_19290530_lateranensi.html (дата обращения: 09.02.2024).
43. *De Luca G.* Lettera a Fausto Minelli del 18 giugno 1928 // De Luca G., Minelli F. Carteggio. 1935–1939 / a cura di M. Roncalli. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2000. Vol. 2. P. 352–354.
44. *Ivanov V.* La visione del mondo di Dostojevski // Ricerche religiose. 1928. № 6. P. 538–549.
45. *Ivanov V.* Il paradiso terrestre (“O tu, Paradiso mio, Paradiso lucente...”). Palinodia (“Anche il tuo miele d’Imetto mi ha saziato?...”). Regina viarum (“Di nuovo, agli archi antichi fedele pellegrino...”). Monte Pincio (“Bevo lentamente la luce di miele del sole...”) / trad. in versi di G. Papini // Il Frontespizio. 1930. № 8. P. 5.
46. *Ivanov V.* Cappella votiva (“Nei pressi d’un castello, sul lago, zampilla una fonte...”). La via d’Emmaus (“Il terzo di le ardenti vele...”). Il corno alpino («Tra i monti m’incontrai con un pastore...») / trad. in versi di R. Küfferle // Il Frontespizio. 1932. Aprile. P. 8.
47. *Ivanov V.* Il lauro nella poesia del Petrarca. Firenze: Tipocalcografia classica, 1933. 9 p.
48. *Ivanov V.* Il mito di Edipo // Il Frontespizio. 1933. Agosto. P. 3–5.
49. *Ivanov V.* Realismo: Letteratura e arte // Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti / pubblicata sotto l’alto patronato di S. M. il Re d’Italia.

- Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1935. Vol. 28. P. 940–941.
50. *Ivanov V.* Simbolismo // Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti / pubblicata sotto l'alto patronato di S. M. il Re d'Italia. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1936. Vol. 31. P. 793–795.
51. *Ivanov V.* L'Uomo / trad. in versi di R. Küfferle. Milano: Fratelli Bocca, 1946. 135 p.
52. *Ivanov V.* I limiti dell'arte; Forma formans e forma formata; Il simbolismo e la grande arte // L'estetica e la poetica in Russia / a cura di Ettore Lo Gatto. Firenze: Sansoni, 1947. P. 450–481.
53. *Iwanow W.* Dostoewskij: Tragödie — Mythos — Mystik / Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1932. 142 p.
54. Necrologio di fra Anselmo Tommasini // Acta Ordinis Fratrum Minorum (AOFM). 1946. № 66. P. 231.
55. *Rossi G.* Il Regno // Il Regno. 1941. № 1. P. 5–14.
56. *Schultze B.* Pensatori russi di fronte a Cristo. Venceslao Ivanov // Humanitas. 1947. № 12. P. 1139–1148.
57. *Schultze B.* Ivanov // *Schultze B.* Pensatori russi di fronte a Cristo: Saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa. Firenze: Mazza, 1949. Vol. 2–3. P. 253–273.
58. *Solovev V.* I fondamenti spirituali della vita / trad. dal russo con introduzione di A. Palmieri. Bologna: Zanichelli, 1922. 204 p.
59. *Soloviev V.* Due saggi sulla filosofia dell'amore / trad. originale dal russo a cura di V. Ivanov. Roma: Signorelli, 1939. 191 p.
60. *Soloviof V.* Tre discorsi in memoria di F. Dostojevskij / trad. di E. Lo Gatto. Roma: Bilychnis, 1923. 75 p.
61. *Solovjov V.* Il bene nella natura umana / a cura di Ettore Lo Gatto. Torino: Paravia, 1925. 133 p.
62. *Steiner R.* La filosofia della libertà: tratti fondamentali di una concezione moderna del mondo: risultati d'osservazione secondo il metodo delle scienze naturali / trad. di U. Tommasini. Bari: Laterza, 1919. 208 p.
63. *Steiner R.* La concezione goethiana del mondo / trad. di U. Tommasini. Lanciano: Carabba, 1925. 221 p.
64. *Steiner R.* La filosofia della libertà: linee fondamentali di una moderna concezione del mondo: risultati di osservazione animica secondo il metodo delle scienze naturali / trad. Di U. Tommasini riveduta da D. Vigevani. Milano: Editrice Antroposofica, 2013. 230 p.
65. *Tolstoi T.* Mio padre di fronte a Cristo // Il Regno. 1942. № 2. P. 83–91.

66. *Tommasini A.M.* I santi irlandesi in Italia. Milano: Vita e pensiero, 1932. 443 p.
67. *Tommasini A.M.* “De Thesauro”: Due concezioni della coltura // Vita e pensiero. 1933. № 8. P. 517–520.
68. *Tommasini A.M.* Francesco e Chiara. Roma: Anonima tipografica editrice laziale, 1940. 10 p.
69. *Tommasini A.M.* Il Cristianesimo e la personalità umana. Roma: Scuola Littoria, 1940. 51 p.
70. *Tommasini U.* La governante di Mefistofele: novelle. Milano: Treves, 1922. 201 p.
71. *Tommasini U.* Bucciadoro e l'uomo: novelle. Milano: Treves, 1925. 253 p.
72. *Tommasini U.* Le vie del sole: favole. Roma: Edizioni d'arte Fauno, 1927. 211 p.
73. *Volpicelli L.* Prefazione // *Soloviev V.* Due saggi sulla filosofia dell'amore / trad. originale dal russo a cura di V. Ivanov. Roma: Signorelli, 1939. P. 5–17.

References

1. Besschetnova, E. “Stal li V.I.S. Solov'ev katolikom (istoriko-filosofskii analiz)” [“Did V.I.S. Solovyov become a Catholic (Historical and Philosophical Analysis)”]. *Istoriia filosofii*, no. 26, 2021, pp. 76–86. (In Russ.)
2. Gardzonio, S., Sul'passo, B. *Perepiska Viacheslava Ivanova s Dzh. Papini* [Correspondence between Vyacheslav Ivanov and Giovanni Papini]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E.A. Takho-Godi, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodolei Publ., 2024, pp. 339–366. (In Russ.)
3. Davidson, P. *Bibliografiia prizhiznennykh publikatsii proizvedenii Viacheslava Ivanova: 1898–1949* [Bibliography of Lifetime Publications of Vyacheslav Ivanov's Works: 1898–1949]. St. Petersburg, Kalamos Publ., 2012. 340 p. (In Russ.)
4. Ivanov, D. “Primechanie” [“Note”]. Rizzi, Daniela, and Andrey Shishkin, editors. *Russko-ital'ianskii arkhiv III* [Russian-Italian Archive III] = *Archivio russo-italiano III*. Salerno, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001, p. 40. (Collana di Europa Orientalis) (In Russ.)
5. Apruzzese, S. “Le riviste cattoliche/2: il primo Novecento.” Melloni, A., editore. *Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011*. Roma, Treccani, 2011, pp. 1315–1326. (In Italian)

6. Bargellini, P. "I tempi del 'Frontespizio.'" Picchi, M., editore. *Don Giuseppe De Luca. Ricordi e testimonianze*. Brescia, Morcelliana, 1963, pp. 24–38. (In Italian)
7. Bartoletti, Poggi M. "Il Frontespizio." *Dizionario critico della letteratura italiana del Novecento*. Roma, Editori Riuniti, 1997, pp. 341–343. (In Italian)
8. Bocci, M. *Agostino Gemelli rettore e francescano. Chiesa, regime e democrazia*. Brescia, Morcelliana, 2003. 720 p. (In Italian)
9. Bova, A.C. "Cattolici e letteratura nel decennio 1930–1940." *Lavoro critico*, no. 19, 1980, pp. 127–208. (In Italian)
10. Chiappetti, F. *La formazione di un prete modernista. Ernesto Buonaiuti e Il Rinnovamento (1907–1909)*. Urbino, Quattroventi, 2012. 123 p. (In Italian)
11. Chiosso, G. "Volpicelli, Luigi." *Dizionario biografico degli italiani*. Roma, Treccani, 2020, pp. 148–150. (In Italian)
12. D'Herbigny, M. *L'avvenire religioso russo nel pensiero di Vladimiro Soloviev (1853–1900)*, a cura di A. Angeli. Brescia, Morcelliana, 1928. 344 p. (In Italian) [Trad. italiana di: D'Herbigny, M. *Un Newman Russe. Vladimir Soloviev (1853–1900)*. Paris, Beauchesne, 1911. 336 p.].
13. Freddi, L. "La traduzione di Ivanov, 'Čelovek', nel carteggio." *Vjačeslav Ivanov — Rinaldo Küfferle: "Carteggio 1931–1947". Edizione commentata*. Milano, Università Cattolica del Sacro Cuore di Milano, 2019, pp. 52–65. (In Italian)
14. Gaye, V. *La critica letteraria di Giovanni Papini*. Firenze, Sandron, 1965. 166 p. (In Italian)
15. Gentili, S. "L'altra metà. Prezzolini e Papini." Ceccuti, C., editore. *Prezzolini e il suo tempo. Atti del Convegno internazionale di Studi*. Firenze, Le Lettere, 2003, pp. 113–143. (In Italian)
16. Ghidetti, E., Luti, G. "Il Frontespizio." *Dizionario critico della letteratura italiana del Novecento*. Roma, Editori Riuniti, 1997, pp. 341–343. (In Italian)
17. Grubissich, A. "Un percorso di lettura all'interno del 'Frontespizio': Piero Bargellini polemista e critico letterario." *Otto/Novecento*, no. 2, 1994, pp. 21–43. (In Italian)
18. Guarnieri, R. *Don Giuseppe De Luca tra cronaca e storia (1898–1962)*. Bologna, Il Mulino, 1974. 168 p. (In Italian)
19. Luti, G. *La letteratura del ventennio fascista*. Firenze, La Nuova Italia, 1973. 290 p. (In Italian)
20. Malcovati, F. "La traduzione italiana de 'L'Uomo' di Vjačeslav Ivanov." Casari, R., Persi, U., e G.P. Piretto, editori. *Dalla forma allo spirito. Scritti*

- in onore di Nina Kauchtschischwili*. Milano, Guerini e associati, 1989, pp. 109–126. (In Italian)
21. Malcovati, F. “Vjaceslav Ivanov e Rinaldo Küfferle: alcune lettere inedite sulla traduzione di ‘L’Uomo’.” *Domum homini universalis. Sbornik statei v chest’ 70-letii N.V. Kotreleva* [*Domum homini universalis. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.V. Kotrelev*], comp. N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov, G.V. Obatnin. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 184–191. (In Italian)
 22. Margotti, M. “*L’Italia*” di Lazzati. *Il quotidiano cattolico milanese agli inizi degli anni ‘60*. Milano, Franco Angeli, 1993. 208 p. (In Italian)
 23. Melloni, A. “L’editoria religiosa del secondo Novecento: progetti, libri, sogni, mode.” Melloni, A., editore. *Cristiani d’Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011*. Roma, Treccani, 2011, pp. 1439–1452. (In Italian)
 24. Parente, F. “Buonaiuti Ernesto.” *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 15: Buffoli — Caccianemici. Roma, Treccani, 1972, pp. 112–122. (In Italian)
 25. Parola, A. “I laici fondatori.” Melloni, A, editore. *Cristiani d’Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011*. Roma, Treccani, 2011, pp. 1001–1012. (In Italian)
 26. Pfleger, C. *In lotta per Cristo*, trad. dal tedesco di R. Paoli. Brescia, Morcelliana, 1936. 408 p. (In Italian) [Trad. italiana di: Pfleger, K. *Geister, die um Christus ringen*. Salzburg, Leipzig, Verlag Anton Pustet, 1934. 313 S.].
 27. Ramat, S. “Il Frontespizio.” *Dizionario critico della letteratura italiana*. Vol. 2: Do–Pa. Torino, UTET, 1986, pp. 291–296. (In Italian)
 28. Ridolfi, R. *Vita di Giovanni Papini*. Roma, Edizioni di Storia e Letteratura, 1987. 254 p. (In Italian)
 29. Roncalli, M. “Giuseppe De Luca e Venceslao Ivanov. L’incontro di due anime e alcune lettere inedite.” *Europa Orientalis. Viacheslav Ivanov: mezhdu Sv. Pisaniem i poeziei: VIII mezhdunarodnaia konferentsiia* [*Europa Orientalis. Vyacheslav Ivanov: between the Saints. Writing and Poetry: VIII International Conference*], vol. XXI (2), 2002, pp. 19–60. (In Italian)
 30. Ruffolo, D. “Vjaceslav Ivanov — Rinaldo Küfferle: Corrispondenza.” *Russko-ital’ianskii arkhiv [I]* [*Russian-Italian Archive [I]*] = *Archivio russo-italiano [I]*, comp. D. Rizzi, A. Shishkin. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997, pp. 562–601. (In Italian)
 31. Scarantino, A. “Il ‘ritorno all’armi’ di Giovanni Papini tra cattolicesimo e fascismo.” *Mondo contemporaneo*, no. 3, 2008, pp. 67–128. (In Italian)
 32. Traniello, F. *Religione cattolica e Stato nazionale. Dal Risorgimento al secondo dopoguerra*. Bologna, Il Mulino, 2007. 344 p. (In Italian)

33. Vinay, V. *Ernesto Buonaiuti e l'Italia religiosa del suo tempo*. Torre Pellice, Claudiana, 1956. 262 p. (In Italian)
34. Vittoria, A. "L'editoria cattolica dall'Unità alla fine del fascismo." Meloni, A., editore. *Cristiani d'Italia. Chiese, società, stato, 1861–2011*. Roma, Treccani, 2011, pp. 1263–1280. (In Italian)
35. Vittorini, D. "Tendenze principali nella letteratura italiana contemporanea." *The Modern Language Journal*, no. 8, 1924, pp. 497–503. (In Italian)
36. Wenger, A. "Review: Schultze Bernardo, S.I., Pensatori russi di fronte a Cristo. Saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa (Biblioteca dell'Oriente cristiano). Éditions Mazza Florence, 1947, 1949 de 173 (vol. 1) et 286 pages (vol. II–III)." *Revue des études byzantines*, no. 12, 1954, pp. 270. (In Italian)

CONTENTS

From the Compilers (*Elena A. Takho-Godi, Andrey B. Shishkin*) 9

RESEARCH

I. POETICA

Maria Cymborska-Leboda

The Message of Medieval Philosophy and Aesthetics
in the Writings of Vyacheslav Ivanov: "Above the Palimpsest
of Saint Augustine's Words" 19

Nina M. Segal-Rudnik

"Petrovskoye-na-Oke" by Vyacheslav Ivanov: Space and Time 51

Elena A. Andrushchenko

"...The Bottom Line, Drawn Publicly and Accessibly...":
on Vyacheslav Ivanov's Article "Beside Life" (1916) 73

Yuliya Yu. Anokhina

Historiosophical Aspects of Vyacheslav Ivanov's Interpretation
of "The Legends of the Grand Inquisitor" 102

Leonid G. Kaianidi

"Siloam of Blindness": Valery Bryusov's Insights and Delusions
Regarding the Tragedy by Vyacheslav Ivanov "Prometheus" 120

Olga L. Fetisenko

"Geschenks-Widmung" by Vyacheslav Ivanov: Subtext
and Context 139

Liubov V. Mashtakova

The Luminary of the Muses During the Storm: the Context
of Vyacheslav I. Ivanov the Last Epistle to Yuri N. Verkhovsky..... 151

II. BIOGRAFICA

Alexander L. Sobolev

Vyacheslav Ivanov and Zoya Bukharova 169

Elena A. Takho-Godi

Yuly I. Aykhenwald and Vyacheslav Ivanov: Setting the Theme.
Article One 190

Appendix I. Letters of Yu.I. Aykhenwald to
Vyacheslav Ivanov..... 212

Appendix II. Yu.I. Aykhenwald. L.D. Zinovyeva-Annibal.
A Tragic Menagerie. Stories 216

Vasily Rudich

Socrates in Baku: Prolegomena to the Pedagogic of
Vyacheslav Ivanov 228

Stefano Garzonio, Bianca Sulpasso

Correspondence Between Vyacheslav Ivanov and
Giovanni Papini 339

Appendix I. Letters of Vyacheslav Ivanov to
Giovanni Papini 355

Appendix II. Letters of Giovanni Papini to
Vyacheslav Ivanov..... 361

Appendix III. The Letter of Giovanni Papini to
Dimitry V. Ivanov 363

Natalia Gamalova

Meeting Between Vyacheslav Ivanov and Jean Chuzeville
in Rome 367

Appendix. Chuzeville J. The first Dionysian of Russian
Poetry 386

III. MAEUTICA

Vasily Rudich

The Sacrality of Sacrifice: Vyacheslav Ivanov and René Girard 393

Svetlana V. Fedotova

“Mysteries of the Linguistic Sphinx”: Vyacheslav Ivanov and
Mikhail Bakhtin in Ludmila A. Gogotishvili’s Interpretation 410

Appendix. Gogotishvili Ludmila A. Symbolism 450

Elena K. Sozina

About the Symbols of Vyacheslav Ivanov:
Ludmila A. Gogotishvili’s Method 472

Yulia B. Demidenko

“Terror Antiquus” by Leon Bakst: Towards the Reconstruction
of the Idea 501

Appendix. The Letter of Alexandre N. Benois to
Vyacheslav Ivanov 523

MATERIALS

L.D. Zinovyeva-Annibal. Drama “The Great Bell”.

*Preface by Andrey B. Shishkin, text preparation by
Natalia A. Yakovleva and Andrey B. Shishkin* 531

Letters and Epistles of Yuri Verkhovsky to Vyacheslav Ivanov.

Preface, text preparation and notes by Alexander L. Sobolev 572

*Appendix. List of mutual poetic dedications left out of
publication* 691

Vyacheslav Ivanov, Nikolai Berdyaev and Others at the Meetings
of the Pushkin Seminary in 1919: Notes by I.A. Kashkin.

*Preface and notes by Elena V. Glukhova, text preparation by
Elena V. Glukhova and Olga L. Fetisenko* 703

From Olga Shor’s Letters to Vyacheslav Ivanov.

Preface, text preparation and notes by Olga L. Fetisenko 742

Kristina S. Landa

Vyacheslav Ivanov in Correspondence with Italian Catholic Writers of the 1930s–1940s: Revisiting the History of Vladimir Solovyov’s Works’ Translations and their Publication in Italy	783

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авалова, курсистка 632
- Августин Блаженный 11, 19, 21–24, 26–45, 49–50, 270, 272, 342, 475
- Августин Датский 25
- Аверин Б. В. 486, 494
- Аверинцев С. С. 68, 97, 106, 115, 127, 134, 140, 147, 159, 162, 259, 266, 329, 420, 447
- Аврелий Августин — см. Августин Блаженный
- Автономова Н. С. 420, 464
- Агапкина Т. А. 67
- Азадовский К. М. 187–188, 221, 694, 699
- Айвазовский И. К. 506
- Айхенвальд Ю. И. 11, 190–215, 219, 221–224, 668, 671–672, 676
- Аквинат — см. Фома Аквинский
- Александр I 736
- Александр Македонский 301
- Алексеев В. А. 114
- Ален (наст. фам. Шартье Э.-О.) 377, 389
- Алерамо С. 343
- Алкей 663, 680, 695
- Алпатов В. М. 420
- Альберт, фабрикант 589
- Альтман М. С. 11, 228, 237, 240, 244–245, 247, 253–255, 257–260, 263–264, 273–275, 282, 284, 289–308, 310–314, 317–319, 321, 323, 325–326, 329–330, 332, 692, 695, 730, 740
- Алянский С. М. 686
- Амбарданов С. М. 675, 677
- Амфитеатров А. В. 340, 364
- Анакреон (вар. Анакреонт) 624, 649, 711, 713
- Ананьин Е. А. 343, 353, 807, 809–810
- Андреев Л. Н. 83, 537
- Андрей Белый (наст. фам. Бугаев Б. Н.) 192–193, 196, 205, 222, 256, 302, 494, 524, 537, 543, 578–579, 614, 631, 670, 695, 703, 711, 714, 720, 722, 724–725, 727, 740, 753
- Андрущенко Е. А. 73–74
- Анжиолетти Дж. Б. 363
- Аничков Е. В. 597, 601, 613, 616–617, 627, 630–631, 633–634
- Аничков С. В. 187
- Аничкова А. М. 617
- Анненков Ю. П. 382
- Анненский И. Ф. 503
- Аннибал — см. Зиновьева-Аннибал Л. Д.
- Анохина Ю. Ю. 102
- Антонов П. Н. 777
- Антуан А. 384

- Аполлодор 129
 Аполлоний 386
 Аapresян Р.Г. 246, 329
 Апруццезе С. 789, 811, 816
 Апулей 108
 Арабажин К. И. 633
 Ариосто Л. 662
 Аристипп 736–737, 740
 Аристотель 194
 Аристофан 260, 262–264, 310, 770, 779
 Арним Б. фон 694
 Арсеньев К. К. 223, 735
 Арутюнова Н. Д. 147, 441
 Архипенко А. П. 343
 Ауслендер С. А. 578
 Ахматова (наст. фам. Горенко) А. А. 370–371, 582, 663, 698
 Ахрамович В. Ф. 646, 655
 Ашукин Н. С. 779
- Бабкин Б. Н. 181
 Багно В. Е. 147
 Багрий А. В. 261–262, 324
 Баевская Е. В. 148, 779
 Баженова К. А. 198
 Бажов П. П. 161
 Базанов В. Г. 116
 Байбаков Е. И. 321
 Байгузина Е. Н. 524
- Байрон Дж. Г. 277, 593–595, 695, 730, 738–739
 Бакладзе, курсистка 632
 Бакст Л. С. 12, 501–525
 Бален Х. ван 64
 Балтрушайтис (урожд. Оловяниш-никова) М. И. 51, 53–55, 57–60, 62, 65, 343, 668, 673
 Балтрушайтис Ю. К. 51–55, 57–60, 62, 65, 68–69, 193, 343–344, 346, 356, 668, 673
 Бальмонт К. Д. 69, 159, 193, 201, 210, 513, 626–627, 630–633, 657–658, 694–695, 697–698
 Бапп К. — см. Варр К.
 Баран Х. 68, 203
 Баратынский (вар. Боратын-ский) Е. А. 129, 159, 585–588, 607–609, 611, 646, 652, 669, 730
 Баратынский Л. Е. 608
 Барджеллини П. 786, 789–794, 811–812, 817
 Бариалли Б. 376
 Барт Р. 40
 Баршт К. А. 41, 43, 45, 98, 117
 Батюшков К. Н. - 594
 Батюшков Ф. Д. 594, 630–631, 633
 Бахман Г. Г. 210
 Бахтин М. М. 10, 12, 41, 51, 65–66, 68, 106–107, 116, 265–266, 329, 410–411, 413–421, 432, 434, 437–456, 459–468, 472, 474, 479–480, 494
 Бебурова В. П. 632

- Безродный М. В. 221, 694
- Беклин А. 683, 685
- Бекшеев М. С. 708
- Белл В. 310
- Белланже, курсистка 632
- Белова Т. Д. 221
- Беляев Н. С. 696
- Беляев Ю. Д. 524
- Беляевская О. А. 534
- Бем А. А. 117
- Бенуа А. К. 521
- Бенуа А. Н. 502–504, 507–509, 523–525
- Бер В. В. 52
- Бер, семья 661
- Берг Н. В. 594
- Бергер Х. 202
- Бергсон А. 54, 215, 341
- Бердяев Н. А. 23, 28, 41, 83, 105, 114, 116, 180, 185, 332, 404, 581, 703–704, 711, 720
- Березовская, курсистка 632
- Беркович А. Г. 696
- Берман Я. А. 196
- Бернардин Сиенский 786
- Бесогонова С. А. 115
- Бесс Ю. П. 198
- Бессчетнова Е. В. 811
- Бёме Я. 60
- Бёрд Р. 97, 107, 116, 119, 154, 162, 315, 329, 413, 425–426, 436, 445, 464, 466, 470, 493–494, 524
- Битюцкая А. А. 329
- Блаватская Е. П. 513
- Благовидов Ф. В. 654, 695
- Блинков С. М. 237
- Блок А. А. 21, 171, 180, 182–183, 185–187, 192, 371, 495, 510, 513, 578, 581, 591, 611, 626, 630–634, 652, 696
- Бо К. 789
- Бобров Е. А. 109
- Бове А. Н. 214
- Богомолов Н. А. 99, 123, 134, 147, 193, 220–221, 273, 330, 543, 693–694, 697–698, 779, 812
- Боккаччо Дж. 108, 669, 676, 679, 683, 687
- Болдаков И. М. 574
- Бомарше П. 712, 735, 739
- Бонгард-Левин Г. М. 333, 739–740
- Боратынский А. Н. 163, 586, 604–605, 607, 610, 637–639, 641–645, 654, 677, 696
- Бородаевский В. В. 10, 582–583, 627, 635, 670, 693
- Бота К. 414, 466, 470
- Бочаров С. Г. 68, 414, 465, 467
- Браун Ф. А. 631, 633, 672
- Брейгель Я. (Старший) 64
- Бремон А. 25, 382, 790–791
- Бржеский А., переводчик Байрона 594
- Брискман М. А. 261–262
- Бронкар Ж.-П. 414, 466, 470

- Бруни Ф. А. 506
 Бруно Д. 376, 680
 Брюллов К. П. 501, 507–512, 514–515, 519
 Брюсов В. Я. 69, 75, 78, 98, 120–125, 127–130, 132–135, 192–194, 196, 199, 201, 208–210, 212, 222–224, 256, 368, 371, 374, 468, 513, 577–578, 580–583, 602, 626, 630–634, 652, 658, 696, 698–699, 709
 Буало Н. 386
 Бубер М. 407
 Бугров Ю. А. 693
 Булгаков С. Н., протоиерей 10, 23, 88, 104, 115, 417, 419, 428–429, 475
 Бунин И. А. 207, 705
 Буонарроти Б. 752
 Буонарроти Л. 752
 Буонарроти Микеланджело — см. Микеланджело Буонарроти
 Буонаюти Э. 785–786, 790, 812–814, 817–819
 Бурже П. 301
 Буриан Я. 777
 Буркерт В. 397, 408–409
 Бурлюк Д. Д. 505
 Буслаев Ф. И. 208
 Бусыгина Е. А. 220
 Бухаркин П. Е. 68
 Бухаров Б. Д. 173
 Бухаров Д. Н. 172–173
 Бухаров Н. И. 172
 Бухарова (урожд. Аничкова) А. В. 175
 Бухарова (урожд. Арманция) В. Ж. А. де (вар.: Ж. З.; в крещении М. З.), жена бабушки Бухаровой 172
 Бухарова (в замуж. Казина) З. Д. 11, 169, 172, 174–176, 178, 180–181, 183, 186–187
 Бухарова Э. 181
 Быков П. В. 174
 Быстров Н. А. 484, 494
 Бычков О. — см. Bychkov O.
 Бэн (псевдоним) 78, 89, 98
 Вагнер В. Р. 260, 721
 Вайцзеккер П. — см. Weizsäcker P.
 Варженевская А. Г. 214
 Варженевская Е. А. 190, 210
 Варженевская Е. Н. 210
 Варженевский С. Г. 214
 Вахтангов Е. Б. 705
 Вахтель М. 46, 141, 143, 148, 525, 528, 694, 702, 719, 739–740
 Вахтин В. В. 576
 Вачнадзе Е. С. 632
 Вежбицкая А. 441
 Вейнберг П. И. 145, 148
 Вейнингер О. 298–299
 Венгеров С. А. 190, 205–206, 208, 221, 223, 332, 594, 695

- Венгерова З. А. 195
- Вергилий 315
- Веревкина М. В. 505
- Вересаев (наст. фам. Смидович) В. В. 754
- Верлен П. 43, 48, 374, 578
- Верховская (урожд. Макарова) А. П. 576, 607, 611, 619, 667, 679
- Верховская А. Н. 578, 588, 623, 634
- Верховская А. П., тезка жены Ю. Н. Верховского 611
- Верховская Л. Н. 578
- Верховская П. Ю. 576
- Верховский В. Н. 575, 599, 601, 613
- Верховский Г. А. 669
- Верховский Н. И., отец Ю. Н. Верховского 608
- Верховский Н. Ю. 576, 652
- Верховский Ю. Н. 11–12, 151, 153–164, 572–594, 600–608, 610–611, 613, 615–621, 623–624, 627, 629–630, 632, 634–635, 645–646, 651–655, 657–660, 662–665, 667–673, 678–682, 685–693, 696, 699–700, 751, 753, 755
- Веселовская А. А. 629, 680
- Веселовский А. А. 115, 676, 679
- Веселовский Александр Н. 108, 115, 159, 207, 211, 581, 634, 651, 678–680, 696
- Веселовский Алексей Н. 678–679
- Вестбрук Ф. 422, 465, 513, 524
- Викторов Д. В. 193–194, 196, 223
- Виланд К. М. 736, 738, 740
- Виллон (вар. Вийон) Ф. 662
- Винеке А. Э. 697
- Виноградов В. В. 116
- Винчи да Л. 484
- Витгенштейн Л. 477, 494
- Витман Ж. 380
- Витман Р. 380
- Воейкова А. А. 586, 640–642
- Воинов Г. П. 668, 673–674
- Воинов П. Г. 673
- Воинова Е. К. 673
- Волжина Н. А. 710
- Волжский (Глинка-Волжский А. С.) 673
- Волков А. В. 780
- Волошин М. А. 190, 200–201, 296, 332, 503, 509, 513–515, 519, 524, 589, 673
- Волошина Е. О. 589
- Волошинов В. Н. 414, 461, 467
- Волынский А. Л. 210
- Вольпичелли Л. 353, 804–806, 808–809, 812, 816–817
- Вольтер 129, 735–736, 738
- Воробьев Н. В. 709
- Воронков А. И. 698
- Воропаева Г. А. 193
- Востоков А. Х. 661
- Вотрин В. Г. 699

- Врангель Н. Н. 524
 Вулф В. 310
 Вундт В. 193
 Вьель Э. 378, 385
 Вяземская Л. О. 198
 Вяземский П. А. 604, 645
- Габетти Дж. 341
 Гагарин А. Г. 576
 Гайдебуров П. П. 175
 Галанина Ю. Е. 542, 543
 Галлимар Г. 44, 50, 375, 381–383, 388–390
 Гамсун К. 353
 Ганди М. 353
 Ганеман Х. Ф. С. 651, 653
 Ганчиков Л. Я. 343–344
 Гапоненков А. А. 203, 220
 Гардзонио С. 339–340, 344, 364, 786, 811
 Гарпенко Е. 707
 Гаспаров М. А. 330, 464, 646, 693
 Гауптман Г. 536
 Гегель Г. В. Ф. 399
 Гейс Ю. — см. Эйнем Т. Ф. фон
 Геллер Г. 375, 388, 390
 Гераклит 404, 717
 Герасимов Ю. К. 87, 97
 Геркен З. Е. 607
 Герман (вар. Германн) Г. 660–661, 719
- Геродот 303, 386
 Герцен А. И. 509–510, 524, 735
 Герцык А. К. 190, 199–202, 220
 Герцык Е. К. 133, 199–200
 Гершензон (урожд. Гольденвейзер) М. Б. 116, 205, 588, 629, 635, 696, 747, 753, 779, 801
 Гершензон М. О. 109, 190, 196, 202, 204–205, 220, 223, 256, 349–350, 358, 582–583, 588, 590–591, 629, 635, 655, 662, 669, 672, 678, 680, 696, 744–746, 752–755, 769, 801
 Гершензон С. М. 752, 755
 Гершензон, семья 688, 752, 755
 Герштейн Э. Г. 332
 Гесиод 120, 125, 129
 Гёте И. В. фон 86, 109, 129–131, 143–145, 148, 179, 275, 277, 297–298, 484, 637, 640, 644, 646, 660, 718, 727, 740
 Гигин Гай Юлий 129
 Гидетти Э. 789, 812, 817
 Гидини М. К. 777
 Гиль Р. 387
 Гиппиус (в замуж. Мережковская) З. Н. 77, 80, 98–99, 371–372
 Глаголь С. С. 98
 Глазунов А. К. 708
 Глинка С. Н. 734
 Глухова Е. В. 220, 693, 696, 703
 Гогиашвили М. 632
 Гогниев И. Е. 594

- Гоголь Н. В. 109, 208, 264, 344, 383, 509, 722, 726, 770, 779, 801
- Гоготишвили Л. А. 10, 12, 410–411, 414–450, 452, 461–464, 466–468, 472–485, 490–494, 496
- Голенищев-Кутузов И. Н. 29, 41
- Голов — см. Садовской Б. А.
- Голованов С. В., свящ. 778
- Голынец С. В. 524
- Гольденвейзер А. Б. 753
- Гомер 302, 512, 697
- Гончарова Е. И. 98–99
- Гончарова Н. С. 514
- Гораций 59, 159, 646
- Горляков П. Ю. 740
- Горниг, курсистка 632
- Горностаев (наст. фам. Горский) А. К. 755, 768, 770
- Горнунг Л. В. 591, 697
- Городецкий С. М. 260, 307, 577, 579, 581, 600–601, 634
- Горький М. 10, 86, 88–89, 97, 99, 207, 343–344, 537
- Готье Т. 737
- Гофман В. Р. 699
- Гофман М. Л. 200, 588, 603, 699
- Грабар М. 465
- Гравин А. А. 474, 494
- Грант Д. 310
- Гревс И. М. 246, 333
- Грек А. Г. 142, 147
- Гречанинов А. Г. 708
- Гречишкин С. С. 123, 134, 224, 468, 524, 698
- Гриневич В. С. 199–200
- Гриневич К. Э. 765, 778
- Гриф — см. Соколов С. А.
- Гриценко (Третьякова) Н. П. 516
- Гросси Дж. 794
- Грот Н. Я. 193–194, 222–223, 737
- Грузинский А. Е. 207, 671, 676, 678–679
- Грюо П. 383, 385
- Грякалова Н. Ю. 12, 41, 187, 495, 693
- Губер Э. И. 129
- Гудзий Н. К. 753
- Гуляев А. Д., отец Н. А., Л. А. и М. А. Гуляевых 235–238, 240, 315
- Гуляев М. А. 237–238
- Гуляева (в замуж. Блинкова) Л. А. 232, 234, 236–238, 240, 242–243, 245, 247–248, 258–259, 295, 311, 324
- Гуляева Н. А. 11, 228, 230, 234–237, 240, 248, 319, 321, 326, 328
- Гуляева Н. В. (урожд. Успенская), мать Н. А., Л. А. и М. А. Гуляевых 232, 236
- Гумилев Н. С. 368, 371, 386, 502, 513, 524
- Гунст А. О. 703, 705, 711, 713–714, 720
- Гуревич П. С. 468
- Гуссерль Э. 11, 493, 718

- Гфеллер У. 148, 779
- Д'Амелия А. 148, 150, 364, 778, 780, 782
- Д'Эрбиньи М., О.И. 349, 356, 812, 817
- Давиденков Н. Н. 602, 607–608, 683, 685, 697–698
- Давиденков С. Н. 685
- Давыдов Д. В. 736
- Дали С. 384
- Данзас Ю. Н. 105
- Даниленко, курсистка 632
- Данте Алигьери 24–26, 42, 45, 342, 351, 359, 426–427, 431, 465, 766–767, 769–770, 772–773
- Де Лука Дж. 350, 380–382, 388, 390, 786, 789–791, 794–795, 797–800, 806, 809, 811–814, 817–818
- Дегтеревский И. М. 705, 711, 713
- Дейнике Ю. П. 711–712
- Деккер Э. Д. 203, 224
- Дельвиг (урожд. Салтыкова) С. М., вдова Дельвига 607
- Дельвиг А. А. 587–588, 607–608, 610–611, 643, 654, 696
- Дельвиг Е. А., дочь Дельвига 607
- Демосфен 233
- Денисов В. И. 517
- Деперье Мария-Филомена (Despergier Marie, Philomène) 372
- Дергачева И. В. 115
- Державин Г. Р. 51, 59–62, 67–69, 624
- Деррида Ж. 493
- Дешарт О. — см. Шор О. А.
- Джамполадова, курсистка 632
- Джеймс У. 400, 408–409
- Джемелли А. 788–790, 800–801, 806, 812, 817
- Джентиле Дж. 353, 789–790
- Джоберти В. 718, 740
- Джулиани Р. 106, 115
- Дзуцева Н. В. 162
- Ди Гропелло О. 802
- Дидро Д. 739
- Дикова, курсистка 632
- Дилевская А. А. 705
- Диоген Лаэртский 736, 738
- Дмитриевская Д. М. 245–246
- Добролюбов Н. А. 634
- Добужинский М. В. 80, 87, 502, 507, 513, 524, 584, 610
- Добычина Н. Е. 187
- Донелли И. 513
- Достоевский Ф. М. 11, 23, 29, 33, 38, 40–43, 45, 65–66, 73, 75–76, 78, 80–82, 85–94, 96–99, 102, 104–107, 109–117, 208, 211, 277, 279–280, 292, 344–347, 380–382, 384, 404, 413–414, 422, 434, 446, 462, 465–466, 612, 614, 711, 725, 727, 765, 785–786, 788, 795–799
- Дубовиков А. Н. 224, 698
- Дубровский Н. А. 322, 668, 673
- Дудек А. 42, 489, 494
- Дузе Э. 801

- Дурылин С. Н. 495, 674, 693
 Дусэ Ж. 374
 Дымов О. И. 210–211, 221
 Дымшиц В. А. 330, 332, 543, 695, 740
 Дымшиц С. И. 211
 Дэвидсон П. 811
 Дю Бос Ш. 30, 38, 40, 802
 Дюма А. (отец) 669, 674, 693
 Дягилев С. П. 523

 Е. П., корреспондент «Против течения» 697
 Евлампиев И. И. 115
 Евреинов А. Н., свящ. 105
 Еврипид (вар. Эврипид) 310, 403, 520
 Евстигнеева А. А. 698
 Ежов И. С. 764, 774, 780
 Екатерина II 736
 Елеонская Е. Н. 705
 Енишерлов В. П. 330
 Ермакова Л. Л. 41, 43, 45, 98, 117
 Ермолаева Е. А. 233, 330
 Есенин С. А. 180, 188

 Жебелёв С. А. 684, 688
 Женетт Ж. 42
 Жид А. 345, 353
 Жирар Р. 12, 393–394, 397–409
 Жирмунский В. М. 274
 Жуковские, семья 589
 Жуковский В. А. 51, 60–62, 604, 607, 647, 651, 660, 696–697
 Жуковский Д. Е. 201, 220

 Завьялов С. А. 695
 Замятнина М. М. 124, 141–142, 178, 273, 535, 542, 578, 589, 602–603, 611, 613–615, 617, 620, 629, 653, 692
 Захаренко Н. Г. 468
 Звенигородский А. В. 611
 Звонова С. А. 160, 162, 693, 700
 Зегерс Д. 64
 Зелинский Ф. Ф. 196, 232, 244, 630, 767, 769
 Зибек Г. 215
 Зильберман Д. Б. 452, 461, 467
 Зиновьева-Аннибал (наст. фам. Зиновьева) Л. Д. 12, 133, 135, 190, 196–198, 201, 203, 212, 216–217, 219, 224, 245, 260, 272, 400, 489, 531, 533–538, 541–543, 565, 578, 581, 593, 600–603, 635, 697, 746, 776
 Зноско-Боровский Е. А. 583
 Зобнин Ю. В. 135
 Зубарев Л. Д. 330
 Зуев В. Ю. 739
 Зуев Д. В. 222, 224
 Зуммер В. М. 316, 321, 323
 Ибсен Г. 196, 281, 299

- Иванов Д. В., сын Вяч. И. Иванова (псевд. Жан Невесель) 9, 37, 45, 69, 97–98, 105–106, 117, 135, 140–141, 143, 147–148, 155, 163, 223, 234, 237, 316, 318, 323, 330, 333, 354, 363, 367, 370–371, 376–377, 382, 385, 466–467, 496, 543, 590–591, 665, 667, 697, 744, 763, 765, 777, 779, 790–791, 811
- Иванова А. В., дочь Вяч. И. Иванова от брака с Д. М. Дмитриевской 245–246
- Иванова Л. В., дочь Вяч. И. Иванова 45, 53, 105, 141–142, 148, 153, 163, 234, 236, 238–240, 288, 311, 314–316, 318, 323–324, 333, 364, 589, 613, 628, 635, 665, 673, 697, 708, 761, 763, 774, 776, 787–788, 814
- Иванова Л. Н. 148, 164, 333, 699, 779
- Иванов-Разумник Р. В. 662
- Ивановы, семья 141–142, 200, 260, 531, 536, 579, 629, 765, 777
- Игнатов И. Н. 99
- Игнатова (в замуж. Коншина) Т. И. (Таня) 763, 765
- Игнатова Н. И. 765
- Ильин И. А. 256
- Ильин С. А. 594
- Иоанн Богослов, св. ап. и еванг. 10, 112, 145
- Иоанн Креста, св. 377, 389
- Иолшин М. П. 615
- Иолшина Е. П. 615
- Иольсон Л. М. 695
- Иснарова, знакомая О. А. Шор 761, 764
- Исупов К. Г. 23, 41–43, 45, 97–98, 117, 331, 413, 465, 494
- Ишков Л. А. 292, 321, 323
- Йегер В. 241, 332, 337
- Йованович М. 465
- Каблуков С. П. 619
- Казакова Н. Ю. 115
- Казанский Н. Н. 513, 525
- Казарян А. Т. 10, 12, 97, 467
- Казин В. В. 174, 322
- Кайдалов В. 775, 777
- Кайре Ф. 22
- Калашникова Е. Д. 710
- Калинина, курсистка 632
- Каляев И. П. 77, 99
- Кампа О. 68, 349, 356, 364
- Камю А. 116, 119, 384
- Кандинский В. В. 505
- Кант И. 143, 341, 422, 718
- Каприо С. 475, 495
- Кара-Мурза С. Г. 753–754, 780
- Каратыгин В. Г. 579, 584, 603, 617–618
- Каратыгина (урожд. Верховская О. Н.) 578–579, 623, 658
- Карохин Л. Ф. 187
- Карпова М. В. 707

- Карташев А. В. 177
- Касти Дж. 739
- Каффи А. И. 343
- Кашкин И. А. 12, 703–707, 709–711, 713, 740
- Кашкин К. Н. 740
- Кашкин Н. И. 740
- Кашкина О. А. 740
- Каяниди А. Г. 42, 120–121, 135, 474, 495
- Кейдан В. И. 696
- Келдыш В. А. 9, 13, 85, 97
- Кереньи К. 408
- Кибальник С. А. 115
- Кизеветтер А. А. 671
- Киселев Н. П. 587, 667, 669–670
- Клара Ассизская 800
- Клара Моисеевна, тетка О. А. Шор 754, 768, 771–772
- Клеймёнова Р. Н. 220
- Клодель П. 25, 40, 44, 50, 353, 387
- Клюев Н. А. 180, 186–187
- Клюкин П. 330
- Княжнин (наст. фам. Ивойлов) В. Н. 625, 629, 634
- Кобызев П. В., швейцар «башни» 178
- Ковалева Е. А. 777
- Коган П. С. 314, 320, 322, 331, 364, 747, 754, 758, 769, 773, 778
- Коган Ф. И. 707, 740
- Козлов И. И. 594
- Козлов П. А. 594
- Колобаева Л. А. 221
- Колобова К. М. 11, 228, 240, 243–245, 247, 249–252, 257–259, 284–289, 311–312, 317–318, 320–323, 325–327, 331
- Комиссаржевская В. Ф. 172, 175, 177, 521
- Кондаков Н. П. 208
- Кондюрина А. А. 145, 147–148, 163, 697, 699, 744, 778–779
- Коновалов С. А. 164
- Констан Е. Е. 678
- Коптев А., автор «Путешествия» 187
- Корганов В. Д. 669, 674
- Коренева М. Ю. 466
- Корецкая И. В. 9, 13, 97
- Кормилов С. И. 221
- Королева И. А. 699
- Короленко В. Г. 208
- Коррадини Э. 342
- Корчагин К. М. 693
- Корш Ф. Е. 233
- Костенская А. В. 707
- Котельвас А. Е. 525
- Котрелев Н. В. 9, 13, 68, 123, 134, 220, 224, 239, 330, 333, 344, 465, 468, 693, 698, 745, 778–779, 812
- Коттафави А. 379, 381
- Кочергина И. В. 222, 224

- Кралин М. М. 698
 Красноборожье Т. И. 699
 Кречетова Е. А. 224
 Кроленко А. А. 684, 688
 Крон А.-Л. 68
 Кроче Б. 341, 343, 358, 789–790
 Крученых А. Е. 292
 Крылов И. А. 159, 163, 208
 Ксенофан Колофонский 717–719
 Ксенофонт 241, 256, 262, 265, 267–268
 Куванова Л. К. 698
 Кузмин М. А. 133, 256, 330, 513, 534, 577–579, 581, 584, 600–601, 603, 605, 607, 610, 613–614, 626, 630–631, 634–635, 698
 Кузнецова О. А. 223, 483–484, 495
 Кулиев Мустафа Закарья оглы 261
 Кулыгина В. В. 153, 162
 Кульбюс С. К. 69, 148, 164, 537, 543, 697
 Куманин В. Н. 626
 Кумпан К. А. 99, 164, 221, 223, 226, 467, 524, 527, 780
 Куник А. А. 574
 Куприн А. И. 207
 Куракин А. Б. 735, 737
 Кьеркегор С. 362, 404
 Кюрацци Г. 369
 Кювиле (в 1-м браке Кудашева, во 2-м Роллан) М. П. 694
 Кюн-Амендола Э. О. 343
 Кюфферле Р. 378, 792, 810, 812–815, 817–818
 Ла Барт Ф. Г. де 668, 671–672, 679
 Лавров А. В. 14, 123, 134, 162, 164, 188, 221–224, 240, 250, 316, 321, 330, 333–334, 468, 524, 592, 685, 693–696, 698–699, 779–780, 812
 Лавров П. А. 672
 Ладыженский В. Н. 207
 Лазарев П. 379–380, 383
 Лампен Ж. 384
 Ланда К. 364, 431, 465, 783
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 12, 45, 68, 108, 115, 289, 330–332, 494, 543, 693–695, 740, 778
 Лапшин И. И. 108, 117
 Лара Э. 383
 Ларюэль Ф. 494
 Ле Кардоннель Л. 377
 Лебедева Л. И. 590
 Лебедев-Полянский П. И. 747–748, 756, 758
 Левек Р. 375–376, 388, 390
 Левит С. Я. 223
 Левит Т. М. 707
 Леконт де Лиль Ш. М. Р. 608
 Леман Б. А. 579
 Леман Г. А. 579
 Лена, корреспондентка М. М. Замятниной 614
 Ленин (наст. фам. Ульянов) В. И. 235, 754

- Леонид (Федоров), экзарх, св. 777
 Леонов Л. М. 652, 698
 Леписье А.-Г.-М. 349
 Лермонтов М. Ю. 586, 594, 634, 637, 669, 708, 730
 Лернер Н. О. 208
 Лесман М. С. 698
 Лесур Ф. 148, 163, 697
 Ли Тяньюнь 115
 Линштедт, курсистка 632
 Литвин Э. С. 224
 Литовцев С. (наст. фам. Поляков С. Л.) 698
 Лихачев В. С. 176, 594
 Лихтенбергер Г. 195
 Ло Гатто Э. 10, 341, 343, 785
 Лобек Х. А. 109
 Лозинский М. А. 45, 646, 683, 686
 Ломоносов М. В. 62, 67–68, 191
 Лопатин А. М. 194
 Лосев А. Ф. 10, 135, 330, 410, 414–420, 448, 460, 463–464, 466–467, 472, 474, 479–481, 493–494, 496
 Лотман Ю. М. 21, 42, 464
 Лубянникова Е. И. 220
 Лукателло Э. 789
 Лукин М. Я. 671, 680
 Лукницкий П. Н. 582, 698
 Лукомский Г. К. 506
 Луначарский А. В. 314, 324, 331, 364, 747, 754, 758, 764, 768–770, 778, 780
 Луначарский П. В. 754, 766
 Лути Дж. 789, 812, 817
 Луци М. 789
 Любич-Романович В. И. 594
 Мавер Дж. 341
 Магомедова Д. М. 432, 465
 Маджи С. 786, 795–797
 Макаров П. Я. 620
 Макарова А. Д. 620, 624
 Маковельский А. О. 234, 275, 308
 Маковский К. Е. 685
 Маковский С. К. 505
 Малларме С. 374
 Малмстад (вар. Мальмстад) Дж. 163, 222, 364, 695
 Мамардашвили М. К. 426, 477–480, 495
 Манакорда Г. 341
 Мандельштам О. Э. 291, 333, 425–427, 468
 Мансфельд Ю. 187
 Мануйлов В. А. 10–11, 228, 235, 237, 239–240, 243–245, 247, 249–250, 254, 256, 259–262, 283–284, 288, 293, 305, 307, 311, 313, 316–319, 321–323, 325–330, 333
 Маргарита Наваррская 681
 Марготти Дж. 373, 818
 Маритен Ж. 19, 21–22, 25, 43–44, 48, 50, 375, 407
 Мария Стюарт 681

- Марк Аврелий 234, 248
 Маркевич Н. А. 594
 Марков А. В., декан тифлисских курсов 654
 Маркс К. 258, 312, 399
 Маро К. 680–681
 Марсель Г. 358
 Марциал 129
 Махлин В. Л. 465, 467
 Маштакова Л. В. 151, 482, 495
 Медведев П. Н. 186–187, 414
 Медведев Ю. П. 187
 Медведкова О. А. 515, 518, 525
 Мейерхольд В. Э. 535, 542, 760, 770, 779
 Мейерхольды, семья 760
 Менандр 129
 Мережковский Д. С. 11, 73, 75–99, 185, 192, 209, 343–344, 371, 404, 489
 Мери Ж. 674
 Меркурьева В. А. 307, 330
 Местр Ж. де 399
 Метерлинк М. 353, 520, 537
 Метнер Э. К. 222, 670, 695, 740
 Мец А. Г. 333, 468
 Микеланджело Буонарроти 30, 43, 49, 143, 742–744, 746, 752, 760, 765, 768, 770, 776, 778, 780–781
 Миллиор Е. (Нелли) А. 11, 228, 234–235, 237, 239–240, 242–244, 247–248, 251–252, 255, 257–259, 273, 280, 282–284, 293, 305, 307, 311, 315–317, 319–321, 323–327, 332–334
 Миллиор Е. С. 333
 Миль Э. 379–381, 388, 390
 Минелли Ф. 797–800, 806, 809, 814
 Минский Н. М. 192, 196
 Минц З. Г. 495
 Мириманова, курсистка 632
 Миркина Р. М. 452
 Мисникевич Т. В. 188, 220, 334, 699
 Митькевич, курсистка 632
 Михай Васильевич 623
 Михайлова М. В. 221, 534, 542
 Мицкевич Д. Н. 475, 495, 533, 543
 Мишателли П. 360
 Модзалевский Б. Л. 699
 Молодяков В. Э. 123, 135, 375
 Моммзен Т. 316, 369, 730
 Монелли П. 379–380, 389
 Монтале Э. 377, 389
 Мопассан Г. де 202
 Мореас Ж. 375, 386
 Морле (вар. Морелле) А. 739
 Морозов П. О. 594
 Моухова Б. 777
 Мочалова О. А. 698, 705, 707, 740
 Муйжель В. В. 183
 Мультиатули — см. Деккер Э. Д.
 Муравьева Е. А. 779
 Муссолини Б. 379, 383, 389, 783–788
 Мут К. 45, 487

- Нагородская Е. А. 630
- Назарова А. В. 221
- Невесель Жан — *см.* Иванов Д. В.
- Недоброво Л. А. 589, 654
- Недоброво Н. В. 632, 634, 698
- Некрасов Н. А. 159
- Немирович-Данченко Вл.И. 73, 76–84, 86–87, 94–96, 99
- Немирович-Данченко Ек.Н. 81–83
- Нива Ж. 68, 148, 694, 779
- Никитин И. С. 634, 674
- Никитин М. П. 707
- Николаев А. А. 699
- Николаев Н. И. 465
- Николай I 734
- Нинов А. А. 698
- Ницше Ф. В. 23, 29, 66, 117, 121, 124, 130–135, 190, 193–196, 199, 201, 222, 260, 263–264, 299, 341, 354, 387, 395, 399, 446, 721, 795
- Нобель А. 576
- Новиков В. П., свящ. 105
- Новиков И. А. 687
- Новиков Н. И. 695
- Новоселов, чиновник Нарком-проса 760
- Ноговицин О. Н. 494
- Нотомб А. 115
- Нуссбаум Г. — *см.* Nussbaum G.
- Обатнин Г. В. 68, 98, 187, 213, 220–221, 330–331, 387, 495, 503, 537–538, 592, 633, 694, 740, 812
- Обатнина Е. Р. 164, 369
- Обер Р. 148, 779
- Овидий Назон 129, 593–594, 608, 736
- Овсянников Сергей, протоиерей 23, 42, 658
- Овчинников, домовладелец из Сходни 658
- Оганджанов Л. С. 698
- Окороков Г. В. 708
- Ольга, св. равноап. 147
- Олькиеницкая-Нальди Р. Г. 343
- Орго М. 614
- Орлов В. Н. 187, 695–696
- Островский А. Н. 208
- Остроумова-Лебедева А. П. 687
- Отто Р. 399
- Оттокар Н. П. 341, 364
- Павлова К. К. 594
- Павлова Л. В. 495
- Павлова М. М. 188, 220–221
- Павлова Т. В. 222, 695
- Паволини П. Э. 341
- Павсаний 130, 135
- Падучева Е. В. 441
- Пальмьери А. 785, 815
- Панин Н. И. 736
- Панченко А. М. 68

- Папандопулло П. 708
- Папини Дж. 11, 339–359, 361–365, 786, 789, 791–792, 794, 806, 809, 811–814, 816–818
- Парменид 135, 717
- Паскаль Б. 67
- Пастонки Ф. 341
- Пастуро М. 520, 525
- Пахмус Т. 388, 390
- Паччини Дж. 511
- Пеллегрини А. 39–41, 45
- Пепенин М. В. 170
- Перикл 649
- Перцов П. П. 224
- Петерсон А. П. 628, 635
- Петерсон Н. А. 635
- Петрарка Ф. 769, 779, 793
- Петрасси Г. 377, 388–390
- Петров Д. К. 631, 633, 672
- Печерин В. С. 109, 116
- Пигарев К. В. 699
- Пий X 377, 388, 390
- Пий XI 787–789, 814
- Пикассо П. 506, 722
- Пиксанов Н. К. 767, 769
- Пиранделло Л. 686, 800
- Платон 12, 36, 126, 132, 135, 194, 228, 233, 235–236, 241–242, 246, 254, 256, 262–269, 271–273, 278, 282–283, 312, 331, 352, 360, 399, 404, 684, 688, 717–718, 737, 754, 783, 785, 800, 807, 810
- Плетнев П. А. 661
- Плиний Младший 233, 511
- Плотин 125, 135, 717
- Плутарх 132, 135
- Плюханова М. Б. 69, 422, 465, 543
- Подольская И. И. 187
- Полан Ж. 373, 382
- Полевой Н. 734
- Поливанов А. И. 755
- Полонский В. В. 97
- Полонский Я. П. 68, 174–175
- Полторацкая В. А. 668, 671–672, 676, 678
- Полторацкий А. М. 735
- Поляков С. А. 193, 577–578, 698
- Помирчий Р. Е. 485, 495
- Попов М. М. 719
- Попова И. А. 467
- Потебня А. А. 427
- Потемкин П. П. 42, 513
- Потресов С. В. — см. Яблоновский С.
- Прейс Н. Н. 708
- Преображенский В. П. 195
- Преццолини Дж. 341–342
- Пронин Б. К. 603
- Пропалов П. Н. 180, 188
- Проскурина В. Ю. 147
- Пружан И. Н. 503, 525
- Пуришев Б. И. 700

- Пушкин А. С. 78, 98, 190, 195, 203, 205–206, 208–209, 213–214, 221–223, 280, 370, 509, 587, 594, 604, 607, 611, 624, 634, 646, 661, 686–687, 703, 708, 711–714, 716–718, 720, 729, 731–740, 746–747, 751, 754–755, 758, 765
- Пфлегер К. 798, 813, 818
- Пшивара Э. 22–23, 40, 44, 50
- Пьере-Про Н. 23, 42
- Пяст (наст. фам. Пестовский) В. А. 578
- Пятигорский А. М. 426, 477–480, 495
- Рабле Ф. 415, 461–462
- Райх З. Н. 770, 779
- Раку М. 694
- Раменская, вероятно, фантом 171–172
- Рассел Б. 477
- Рахманинов С. В. 708
- Рачинская А. А. 575–576, 578, 588, 607, 612–614, 634
- Рачинская А. Н. 613
- Рачинская С. Н. 579, 614, 616–617
- Рачинский Г. А. 196, 232, 330, 613–614
- Рачинский С. А. 614, 699
- Режис Ф. де 105
- Резниченко А. И. 480, 495
- Рейснер Л. М. 513
- Ремизов А. М. 200, 369, 371, 374–376, 382, 388, 513, 525, 581, 600, 614, 617
- Ремизова (урожд. Довгелло) С. П. 617
- Рерих Н. К. 506, 513–514
- Ресневич-Синьорелли (вар. Ресневич-Синьорелли, Ресневич) О. И. 36, 45, 342–344, 347, 349, 358, 364–365, 780, 801, 804, 810
- Рёйсбрук Я. ван 60
- Рёскин Д. 201
- Рибольди Л. 314
- Риккерт Г. 143
- Риль А. 195, 222
- Римский-Корсаков Н. А. 177, 531
- Рицци Д. 43, 45–46, 49, 148, 150, 163, 220, 225, 331, 333, 364–365, 697, 699, 778–782, 811, 813–814, 816, 818
- Ришпен Ж. 578
- Рогожин Н. П. 673
- Родити Ж. 379
- Розанов В. В. 104, 106, 115, 179, 404, 503
- Розанов И. Н. 193, 224, 673–674, 695, 711, 713
- Розанов М. Н. 211, 669, 674
- Розанова Л. И. 674
- Розенфельд Б. А. 215, 224
- Розенфельд Б. Н. 190, 211, 221
- Розенфельд И. Н. — см. Розенфельд И. С.

- Розенфельд И. С. 190, 210–211, 215, 221
- Розенфельд Ш.-Н. 215
- Розенфельд-Шагал Б. С. — *см.* Розенфельд Б. Н.
- Романов А. Ю. 695
- Романов К. К. (К.Р.) 210
- Ронен И. 68
- Ронен О. 68
- Ронкалли М. 790–791, 797–798, 813–814, 818
- Ронсар П. де 662, 680–681
- Росси Дж. 725, 787, 794–797, 815
- Ростовцев М. И. 232, 713, 739
- Ростовцева С. М. 631
- Рошер В. Г. — *см.* Roscher W. H.
- Рубенс П. П. 64
- Рубцова Г. В. 686
- Рудаков С. Б. 291, 333
- Рудич В. А. 228–229, 393, 779
- Руднев В. П. 494
- Рудник Н. М. 779
- Руссо Ж.-Ж. 801
- Рыбаков В. Ф., сын Рыбаковой А. И. 590
- Рыбакова (урожд. Чулкова) А. И. 590
- Рыбин М. В. 224
- Рыкова Н. Я. 686
- Рысс П. Я. 204
- Рябушинский Н. П. 199
- Рябушкин А. П. 506
- Сабашников М. В. 222, 536, 658, 667, 669–671, 676–677, 679, 686, 695, 698, 767, 769–771, 779
- Сабашников С. В. 222, 662, 671, 695, 698, 769, 779
- Сабашникова М. В. (в замуж. Волошина) 536
- Савёлов А. П. 214
- Савинков Б. В. 98–99
- Савицкая, курсистка 632
- Саводник В. Ф. 193–194, 223
- Садаёси И. 466
- Садовской Б. А. 208, 223, 587, 670
- Сакулин П. Н. 208, 211, 317, 322, 671
- Салюстри К. А. — *см.* Трилусса
- Сандоз М. 384
- Сапожников В. Г. 374
- Сафо 663, 680, 695, 769
- Сведенборг Э. 60
- Свенцицкий В. П., протоиерей 104, 115
- Северин Д. П. 651
- Сегал Д. М. 45, 779
- Сегал-Рудник Н. М. 33, 41–43, 45, 51–52, 98, 117
- Селиванов В. В. 331
- Семенов Н. М. 193–194
- Семирадский Г. И. 506
- Сенека 301
- Сер Ж. 373
- Сервантес Сааведра М. де 109, 377
- Сергеенко П. А. 45, 176

- Сергий Радонежский 733
 Сердаковский А. В. 699
 Серман И. З. 68
 Серов В. А. 503, 507, 512, 517, 524–525
 Сёрл Дж. Р. 430
 Силард Л. 466, 471
 Сильвестри Ф. 794
 Синельникова Е. Ф. 694
 Синьорелли А. 342, 347, 353
 Синьорелли О. И. — см. Ресневич-Синьорелли О. И.
 Скалдин А. Д. 588, 654–655, 683–685, 687–688, 699, 740
 Скарская (урожд. Комиссаржевская) Н. Ф., жена Гайдебурова 175
 Скафтымов А. П. 208, 221
 Скрябин А. Н. 692
 Случевский К. К. 176
 Смидович П. Г. 754
 Снейдерс Ф. 64
 Соболев А. А. 135, 164, 169, 221, 223, 234, 260, 262, 332, 536, 572, 694, 754, 780
 Соболев А. С. 198, 223, 332, 337
 Соболев В. С. 694
 Соболева Н. Н. 592
 Соболевский А. И. 672
 Соболевский Г. В. 652
 Соболевский С. А. 265
 Согомонов С. А. 585, 620, 632
 Созина Е. К. 472–473, 495
 Созонов Е. С. 77, 99
 Соколов Г. И. 778
 Соколов И. И. 176
 Соколов Н. Н. 708
 Соколова М. А. 663–664
 Соколов С. А. 631
 Сократ 228–229, 241–243, 254–256, 259, 262–268, 274, 282–283, 308, 311–312, 327
 Соловьев В. В. 355, 360
 Соловьев В. С. 23, 41, 68, 194–195, 352, 354, 718, 766, 795–797, 799–800, 802–806, 809, 811
 Соловьев Вл. С. 12, 38, 58, 60, 163, 180, 194, 246, 270, 307, 352, 364, 399, 783–785, 795, 798–799, 801, 806–807, 809, 811
 Соловьев С. М. 766, 769
 Соловьева П. С. 582
 Сологуб Федор (наст. фам. Тетерников Ф. К.) 175–177, 188, 190, 200–201, 203, 206, 220–222, 368, 371, 611, 631, 633, 658, 699, 750
 Сомов К. А. 496, 513, 581
 Соффици А. 342
 Сохадзе, курсистка 632
 Спенсер Э. 593–594
 Сперанский М. Н. 668, 671, 678
 Сперанский Н. В. 672, 676
 Спроге Л. 69
 Станиславский К. С. 79–80, 82–84, 95

- Стасов В. В. 509
 Стахович А. А. 79–80, 83
 Степанов Ю. С. 426, 463, 475, 477, 495
 Степун Ф. А. 779–780
 Стернин Г. Ю. 525
 Стравинский И. Ф. 514
 Стрейчи Л. 310
 Струве П. Б. 223, 696
 Суворова К. Н. 224
 Сутьпассо Б. 339–340, 786, 811
 Суражевский Д. А. 707
 Суханова В. А. 697
 Сухих О. С. 115
 Сухотина-Толстая Т. А. 105, 795
 Сысоев В. Г. 630
 Сяндюков Н. К. 115
 Сюннерберг К. А. (псевд. К. Эрберг) 536, 646

 Таиров А. Я. 767, 770, 772
 Тамарченко Н. Д. 449, 465–466
 Таня — см. Игнатова Т. И.
 Таро Жан 202
 Таро Жером П. 202
 Тастевен Г. 374
 Татищев И. 740
 Тахо-Годи А. А. 43, 414–415, 466–467
 Тахо-Годи Е. А. 9, 43, 162, 164, 190–191, 221, 364, 466–467, 811
 Тваладзе Е. С. 632

 Тейяр де Шарден 798
 Тиллих П. 40, 404
 Тименчик Р. Д. 698
 Титаренко С. Д. 23, 41–43, 45, 98, 117, 312, 331, 466, 484, 495
 Тихомиров Д. И. 198
 Тихонов А. Н. 687
 Толстой А. Н. 211, 221, 630, 631, 708
 Толстой Л. Н. 109, 216, 344–345, 356, 612, 614, 795, 801
 Томмазини А. М. 783–784, 800–811, 815–816
 Топер В. М. 710
 Топорков А. А. 42, 543
 Топоров В. Н. 33, 69
 Трилусса (наст. фамилия Салюстри) 384
 Трифонов Н. А. 224, 698–699
 Троцкий С. В. 237, 239, 302, 316, 318, 321, 323–324, 334, 581, 588, 699, 765, 780
 Трубецкой Е. Н. 194
 Трубецкой С. Н. 194
 Тугендхольд Я. А. 502, 525
 Тургенев И. С. 208, 301, 344
 Турышева О. Н. 115
 Тхоржевская Н. К. 631
 Тышкевич С. М., свящ. 105
 Тюрина И. И. 157, 163, 495
 Тютчев Ф. И. 60, 277, 431, 434, 639, 643, 661, 699, 730
 Тяпков С. Н. 695

- Уайлдер Т. 407
Уайльд О. 276, 716
Ульянов Н. П. 289, 496
Унгаретти Дж. 379
Успенская Ю. И. 708
Ушаков Д. Н. 671
- Фабрег Ж. де 378
Фальк Р. Р. 505
Федор Васильевич — см. Благо-
видов Ф. В.
Федоров А. М. 207, 777
Федоров Л. И., экзарх — см. Лео-
нид (Федоров), экзарх, св.
Федотова С. В. 12, 39, 41, 43, 410–
411, 466–467, 474, 478, 491–492,
496
Федр 243, 266–267, 311, 331
Фенелон Фр. 736, 738
Феогнид Мегарский 282
Ферлон К. 362
Феррари А. 786
Фет А. А. 58, 60, 68, 646
Фетисенко О. Л. 30, 41, 43, 45, 98,
105, 117, 139, 147–148, 164,
465–466, 543, 697, 703–704,
742, 778–780
Фидлер Ф. Ф. 175, 188, 631, 699
Филемон 129
Философов Д. В. 79–80, 83, 515,
518, 525
Фиргуф, курсистка 632
- Фихте И.-Г. 143
Фишман В. 210, 221
Флоренский П. А., свящ. 10, 54, 69,
180, 185, 334, 417, 419, 475, 479,
491–492, 496, 509, 537, 543, 770
Фокеев А. Л. 221
Фома Аквинский 22, 32, 40, 42,
45, 399
Фоминых Т. Н. 160, 162, 700
Фонтенель Б. де Бовье 736, 738
Фонтенроуз Дж. 395, 408–409
Формазова В. А. 673
Формики К. 341
Форстер Э. М. 310
Фортунатов С. Ф. 211
Фохт Б. А. 194
Франк Н. 48, 119, 376
Франк С. Л. 43, 105, 114, 116–117,
196
Франс А. 202, 301, 378, 386, 686
Франциск Ассизский, св. 381, 488,
786, 794, 800, 814
Фреге Г. 460, 464
Фрейд З. 399
Фрид С. Б. 99
Фридберг Д. Н. 578
Фридендер Г. М. 116
Фридман — вероятно, Фрид-
ман И. Н. 415, 439, 467, 578
Фронтон 233
Фукидид 233
Фуко М. 399

- Хазан В. И. 221
 Хайдеггер М. 493
 Ханзен-Лёве А. 485, 496
 Харазов (вар. Хоразов) Г. А. 237, 257–259, 273, 284, 292, 306, 312, 323, 330
 Харитонов Т. И. 116
 Хачутова, курсистка 632
 Хвольсон О. Д. 576
 Хвостова О. А. 221
 Хеллман Б. 69
 Хем Я. Д. де 64
 Хлебников Велимир 503, 513, 524
 Ходасевич А. И. 590, 697
 Ходасевич В. Ф. 68, 208
 Ходоровский И. И. 760
 Ходотов Н. Н. 631
 Холмская О. П. 710
 Холоднова К. Н. 116
 Хоментовская Е. А. 632
 Хомяков А. С. 180, 708
 Христофор, св. мч. 775, 777
- Царькова Т. С. 699
 Цветаева М. И. 223, 368, 371, 589
 Цветковская Е. К. 658
 Цецилия, св. мч. 761, 765
 Цимборска-Лебода М. 19–21, 42–44, 50, 98–99, 246, 269, 331, 397, 408–409
 Цицерон 233, 730
- Цявловская (урожд. Зенгер) Т. Г. 747
 Цявловский М. А. 580, 687, 740, 747–748, 751, 755–756, 758
- Чеботаревская Ал. Н. 190, 199, 202–205, 207, 213, 224, 284, 320, 333, 583, 614, 635, 658, 746, 748, 752–754, 779
 Чеботаревская Ан. Н. 699, 754
 Чеботаревская Т. Н. 750, 754
 Чегодаева (урожд. Гершензон) Н. М. 744, 755
- Чекки Э. 369
 Челпанов Г. И. 211, 590
- Черносвитова (в 1-м браке Луначарская, во 2-м Смидович) Т. Н. 754
 Черносвитова (урожд. Чеботаревская) О. Н. 754
- Черубина де Габриак (наст. фам. Дмитриева Е. И.) 583
- Чехов А. П. 75, 79, 83, 207, 222–223, 344, 356, 374
 Чехов М. П. 207
- Чечот И. Д. 30, 43, 778
- Чижов В., переводчик Байрона 594
- Чирикова, домовладелица из Торопца 182
- Чичерина С. С. 607
- Чичинадзе Т. 632
- Чудовский В. А. 630–631
- Чуковский К. И. (наст. фам. Корнейчуков Н. В.) 11, 502, 525, 696

- Чулков Г. И. 111, 579, 590, 687–688
- Чулкова (урожд. Петрова; в первом браке Степанова) Н. Г. 579
- Чурлянис Н. К. 720
- Чюмина О. Н. 594
- Шагал М. З. 209, 211
- Шамурин Е. И. 764, 774, 780
- Шанявский А. А. 629, 671, 676, 678
- Шаталина Н. Н. 188, 221
- Шахматов А. А. 655, 668, 679
- Шварсалон В. К. 199, 209, 239, 531, 536–537, 542, 601, 603, 614–615, 629, 635, 653
- Шварсалон С. К. 614, 617, 628, 635, 667
- Шведов Д. И. 708
- Шекспир У. 730
- Шелер М. Ф. 28, 43
- Шелли П.-Б. 730
- Шеналь П. 384
- Шервинский С. В. 591, 594
- Шереметьев С. С. 210
- Шестов Л. И. 23, 28, 40, 45, 105, 110, 117, 200, 205, 312, 344
- Шиллер Ф. 109, 315
- Шимановский В. В. 181
- Шишанов В. А. 221
- Шишкин А. Б. 9, 12–13, 21, 26, 41–43, 45–49, 52, 68–69, 71, 75, 97–98, 100–101, 103, 105–106, 116–117, 119, 122, 140–143, 146–150, 152, 154, 163–164, 166, 170, 187–188, 192, 220, 225, 230, 330–331, 333, 335–337, 340, 364–366, 368–370, 394, 413–414, 465–466, 469–470, 473, 489, 491, 494–500, 502, 531–532, 573, 592, 693–694, 697, 699–700, 702, 705, 719, 740–741, 743, 745–746, 778–782, 784, 811, 813–814, 816, 818
- Шлиман Г. 512
- Шляпкин И. А. 672
- Шопен Ф. 708
- Шопенгауэр А. 132, 195–196
- Шор Е. Д. (Юша) 30, 40, 146, 764, 766
- Шор О. А. (псевд. Дешарт О.) 11–12, 30, 40, 43, 45, 53, 69, 98, 105, 117, 135, 139, 141–142, 146–148, 163, 223, 307, 324–325, 328, 330, 333, 353, 358, 467, 484, 496, 543, 591, 697, 699, 742–747, 752, 754, 757, 763, 769, 773, 777–780, 788, 807, 809–810, 814
- Шор Р. М. 754
- Шор, семья 146, 772, 774, 777
- Шоу Дж. Б. 353
- Шпаро Б. А. 758
- Шпет (вар. Шпетт) Г. Г. 479, 590, 671, 718, 773, 777
- Шпитальникова З. Н. 683, 685–686, 690
- Шрейдер А. А. 183
- Штайнер Р. 504, 513, 523, 800, 815

- Штединг Г. 356
 Штейнер Г. 523, 740
 Штейнпрейс П. П. 258
 Штраус Л. 263–264, 268, 332, 338
 Шульц С. А. 116, 795
 Шульце Б. 795, 813, 815, 819
 Шумихин С. В. 698
 Шустер И. 787
 Шюзевиц Ж.-Б. 11, 367–386, 388–390
- Щастный В. Н. 594
 Щербаков Р. А. 698
 Щербатов С. А., кн. 502, 525
 Щербина Н. Ф. 129
 Щербина Ю. И. 116
- Эванс А. 512–514
 Эйвар Ф. 377
 Эйк М. ван 56
 Эйк Я. ван 51, 56, 63
 Эйнем Т. Ф. фон (фактически имеется в виду Гейс Ю.) 589
 Эккерман И. П. 275, 297–298
 Эко У. 44, 50
 Элиаде М. 397, 399, 408–409
 Энвер-паша (Исмаил Энвер-паша) 53
 Эрберг К. — *см.* Сюннерберг К. А.
 Эрлих Р. Э. 708
 Эрн (урожд. Векилова) Е. Д. 673
- Эрн В. Ф. 55, 69, 672–674, 718, 740
 Эсхил 120, 124–125, 129–130, 250, 428, 657–658, 693, 745, 765–773, 778, 780
 Эфрос Н. Е. 75, 78, 94, 99
- Ювенал 129
 Юкель Е. Б. 311
 Юргенсон (урожд. Рачинская) Е. Н. 614
 Юргенсон И. И. 614
 Юсупов Н. Б. 712, 734–739
 Юша — *см.* Шор Е. Д.
- Яблонко Б. П. 308, 321
 Яблоновский С. (наст. фам. Потресов С. В.) 75, 78, 99
 Яворский Б. А. 753
 Языков Н. М. 270, 581, 587–588, 596, 607, 708
 Якир И. П. 699
 Яснов М. Д. 148, 779
- Alain (Chartier Émile-Auguste) — *см.* Ален
 Angeli A. 388, 390, 812–813, 817–818
 Antoine A. — *см.* Антуан А.
 Apruzzese S. — *см.* Апруццезе С.
 Arendt H. 44, 49–50, 116, 119

- Arnoulx de Pirey Élisabeth 388, 390
 Augustin — *см.* Августин Блаженный
 Badii R. 116, 119
 Baldi S. 388, 390
 Baldocci P. 388, 390
 Balthasar H. U. von 116, 119
 Bapp K. 129, 135, 137
 Bargellini P. — *см.* Барджеллини П.
 Barilli B. — *см.* Барилли Б.
 Bartoletti Poggi M. 812, 817
 Bernheim A. — *см.* Бернейм А.
 Bertrand L. 44, 49
 Bessard-Banquy O. 388, 390
 Bethea D. M. 694, 702
 Bird R. — *см.* Бёрд Р.
 Bo C. — *см.* Бо К.
 Bocci M. 812, 817
 Boès K. 374
 Boileau N. — *см.* Буало Н.
 Bonnaud M. 388, 390
 Bonner K. 266, 331, 337
 Bota C. — *см.* Бота К.
 Boulnois O. 44, 49
 Bova A. 812, 817
 Brémond H. — *см.* Бремон А.
 Bronckart J.-P. — *см.* Бронкар Ж.-П.
 Buczyńska-Garewicz H. 44, 50
 Buonaiuti E. — *см.* Буонаюти Э.
 Burkert W. — *см.* Буркерт В.
 Bussanich J. 266, 331, 337
 Bychkov O. 387, 389
 Camus A. — *см.* Камю А.
 Carraud V. 44, 50
 Casari R. 812, 817
 Cayré F. — *см.* Кайре Ф.
 Cecchi E. — *см.* Чекки Э.
 Ceccuti C. 812, 817
 Cerisier A. 388, 390
 Chenal P. — *см.* Шеналь П.
 Chiappetti F. 812, 817
 Chiosso G. 812, 817
 Chiurazzi G. — *см.* Кьюрацци Г.
 Chuzeville Jean-Baptiste — *см.* Шюзеви́ль Ж.-Б.
 Claudel P. — *см.* Клодель П.
 Colomba S. 388, 390
 Cottafavi A. — *см.* Коттафави А.
 Cymborska-Leboda M. — *см.* Цимборска-Лебода М.
 d'Amelia A. — *см.* д'Амелия А.
 D'Andrea D. 116, 119
 D'Herbigny M. — *см.* д'Эрбиньи М.
 Dali S. — *см.* Дали С.
 Dalla Vecchia Wolfgang 389
 Davidson P. — *см.* Дэвидсон П.
 De Luca G. — *см.* Де Лука Дж.
 Demenchonok E. 466, 470
 Diddi C. 43, 49, 697, 778, 780–781

- Doucet J. — *см.* Дусэ Ж.
Dumur L. 388, 390
- Eco U. — *см.* Эко У.
Eliade M. — *см.* Элиаде М.
Ermolaeva E. 331, 335, 337
- Fabbri E. 116, 119
Fabrègues J. de — *см.* Фабрег Ж. Де
Fautereau A. de 389
Fleishman L. 694, 702
Fontenrose J. E. — *см.* Фонтенро-
уз Дж.
Fouché P. 388, 390
Francesco d'Assisi San — *см.* Фран-
циск Ассизский, св.
Francillon R. 388, 390
Frank N. — *см.* Франк Н.
Freddi L. 812, 817
- Gallimard G. — *см.* Галлимар Г.
Gamalova N. 368, 388, 390
Garetto E. 364–365, 780
Gasparri P. 814
Gaye V. 812, 817
Gemelli A. — *см.* Джемелли А.
Gentili S. 812, 817
Gerhke Ch. 331, 337
Ghidetti E. — *см.* Гидетти Э.
Ghil R. — *см.* Гиль Р.
Gide A. 388, 390
- Giraldi E. N. 780
Girard R. — *см.* Жирар Р.
Göbler F. 148
Goethe J. W. von — *см.* Гёте И. В.
Goichot É. 388, 390
Gruault P. — *см.* Грюо П.
Grubissich A. 812, 817
Guarnieri R. 812, 817
- Hadot P. 40, 44, 50
Hagedorn F. von 59
Hayward F. — *см.* Эйвар Ф.
Held D. 266, 331, 337
Heller G. — *см.* Геллер Г.
Hermann G. 740–741
- Jaeger W. — *см.* Йереп В.
James W. — *см.* Джеймс У.
- Kauchtschischwili N. 812, 818
Keime Ch. 332, 337
Kijewska A. 44, 50
Klein J. 69, 72
Kleist E. K. von 59
Kresling A. 815
Küfferle R. — *см.* Кюфферле Р.
Kumpan K. — *см.* Кумпан К. А.
- Labayle É. 388, 390
Lampin G. — *см.* Лампен Ж.

- Lara H. — *см.* Лара Э.
 Lazareff P. — *см.* Лазарев П.
 Lazzati G. 813, 818
 Le Cardonnel L. — *см.* Ле Кардон-
 нель Л.
 Levesque R. — *см.* Левек Р.
 Lévinas E. — 44, 50
 Lo Gatto E. — *см.* Ло Гатто Э.
 Lombardi L. 388, 390
 Lucas v leyden — *см.* Соболев А. С.
 Luti G. — *см.* Лути Дж.

 Maggi S. — *см.* Маджи С.
 Malcovati F. 812, 817–818
 Mallarmé S. — *см.* Малларме С.
 Malo A. 116, 119
 Margotti G. — *см.* Марготти Дж.
 Margotti M. 813, 818
 Maritain J. — *см.* Маритен Ж.
 Melloni A. 811, 813, 816, 818–819
 Merriam S. 69, 72
 Michelangelo Buonarroti — *см.* Ми-
 келанджело Буонарроти
 Mille H. — *см.* Миль Э.
 Minelli F. — *см.* Минелли Ф.
 Mommsen T. — *см.* Моммзен Т.
 Monelli P. — *см.* Монелли П.
 Montale E. — *см.* Монтале Э.
 Moréas J. — *см.* Мореас Ж.
 Mussolini B. — *см.* Муссолини Б.

 Neuvecelle Jean — *см.* Иванов Д. В.
 Nussbaum G. 125, 135, 137

 Pachmuss T. — *см.* Пахмус Т.
 Palmieri A. — *см.* Пальмьери А.
 Paoli R. 813, 818
 Papini G. — *см.* Папини Дж.
 Parente F. 813, 818
 Parola A. 813, 818
 Parotto G. 116, 119
 Paulhan J. — *см.* Полан Ж.
 Pauly A. (Паули А.) 124
 Pernot Henriette (Pernod-Feldmann
 Henriette) 389
 Persi U. 812, 817
 Petrassi G. — *см.* Петрасси Г.
 Pfleger C. — *см.* Пфлегер К.
 Picchi M. 811, 817
 Pio X — *см.* Пий X
 Pio XI — *см.* Пий XI
 Piretto G. P. 812, 817
 Preller L. (Преллер Л.) 135, 138
 Prezzolini G. 812, 817
 Przywara E. — *см.* Пшивара Э.

 Ramat S. 813, 818
 Resnevič Signorelli O. — *см.* Рес-
 невич-Синьорелли О.
 Ridolfi R. 813, 818
 Riehl A. — *см.* Риаь А.
 Riggs J. T. 543–544

- Rizzi D. — *см.* Рицци Д.
 Roditi G. — *см.* Родити Ж.
 Roncalli M. — *см.* Ронкалли М.
 Roscher W. H. 124, 127, 129, 135–138
 Rossi G. — *см.* Росси Дж.
 Ruffolo D. 813, 818
- Salustri C. A. — *см.* Трилусса
 San Juan de la Cruz — *см.* Иоанн Креста, св.
 Sandoz M. — *см.* Сандоз М.
 Scarantino A. 813, 818
 Schroll J. 388, 390
 Schultze B. — *см.* Шульце Б.
 Séchan L. 136, 138
 Sers J. — *см.* Сер Ж.
 Sheffield F. C. C. 266, 332, 337
 Shishkin A. — *см.* Шишкин А. Б.
 Sorel P. 388, 390
 Spini D. 116, 119
 Stahl L. 387, 389
 Steila D. 116, 119
 Steiner R. — *см.* Штайнер Р.
 Strauss L. — *см.* Штраус Л.
 Szilard L. — *см.* Силард Л.
- Tastevin H. — *см.* Тастевен Г.
 Tommasini A. M. (Tommasini U.) —
см. Томмазини А. М. (Томма-
 зини У.)
 Traniello F. 813, 818
 Treccani G. 810–813, 815–819
- Ungaretti G. — *см.* Унгаретти Дж.
 Urstad K. 266, 332, 338
- Verlaine P. — *см.* Верлен П.
 Vielle É. — *см.* Вьель Э.
 Vieusseux G. P. 369, 379
 Vigevani D. 815
 Vinay V. 813, 819
 Vinitsky I. 694, 702
 Vittoria A. 813, 819
 Vittorini D. 813, 819
 Volpicelli L. — *см.* Вольпичелли Л.
- Wachtel M. — *см.* Вахтель М.
 Weizsäcker P. 136, 138
 Wenger A. 813, 819
 Wittmann J. — *см.* Витман Ж.
 Wittmann R. — *см.* Витман Р.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

Вячеслав Иванов.
Исследования и материалы
Вып. 4

Редакторы-составители:

Е.А. Тахо-Годи
А.Б. Шишкин

Рисунок и дизайн обложки *В.Э. Бегиджанов*
Корректор *Т.О. Прокофьева*

Подписано в печать 29.07.24. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 53,25. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел. (495) 691-23-01, 609-05-61

Издательство «Водoley»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

9 785917 163635